SIGILL : COLL : HARVARD : CANTAB : NOV : ANGL : 1650.
CHRISTO
ET
ECCLESIAE

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 3-я. — МАРТЪ, 1885.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. выше: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстника Европы" въ 1885 г., см. ниже, на обертке.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—ТОМЪ II.

ГЪ XLIX. — ТОМЪ CCLXXXVI. — 1/13 МАРТА, 1885

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДВѢНАДЦАТЫЙ ТОМЪ

ДВАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ II

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1885

(1019)

ШЕСТЬ ЛѢТЪ ПЕРЕПИСКИ

съ

И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ.

1856—1862.

Въ 1856, т.-е. въ годъ появленія „Рудина“—съ чѣмъ связываютъ поворотъ въ жизни самого автора—начинаются и частыя отлучки Тургенева за границу [1]). Съ перемѣной царствованія наступила и льготная пора для русскихъ путешественниковъ, которые высвобождены были отъ паспортныхъ стѣсненій при отъѣздѣ, считавшихся прежде нужными для благоденствія и устойчивости порядка, что̀ еще, отъ времени до времени, многими повторяется и теперь. Отмѣна формальностей при добываніи паспорта, объявленная въ эпоху коронаціи имп. Александра II, не могла касаться вполнѣ Турге-

---

[1]) Просимъ извиненія у нашихъ читателей за продолжительный перерывъ въ разсказѣ со времени появленія перваго нашего очерка: „Молодость Тургенева“, въ „Вѣстн. Евр.“, 1884, февр. 449 стр. Причина замедленія заключалась въ томъ, что наканунѣ своей смерти, Тургеневъ уполномочилъ меня письменно, въ случаѣ своей кончины, разобрать его переписку и взять изъ нея то, что̀ мнѣ будетъ пригодно, а послѣ его смерти, г-жа Полина Віардо, сдѣлавшаяся законной наслѣдницей всего, оставшагося послѣ него, движимаго имущества, изъявила готовность исполнить волю покойнаго немедленно, но была остановлена процессомъ, возникшимъ между нею и мужемъ единственной дочери покойнаго, по поводу того же самаго наслѣдства. Такъ какъ процессъ уже рѣшенъ нынѣ французскими судами въ пользу г-жи Віардо, то надежда добавить мой трудъ весьма важными документами частной переписки Тургенева заставила меня снова приступить къ дѣлу, результатомъ чего и являются эти воспоминанія.—П. А.

нева: онъ состоялъ еще подъ присмотромъ полиціи, и для него требовалось соблюденіе старыхъ порядковъ ходатайства и особаго разрѣшенія. Много помогъ ему выпутаться изъ хлопотъ егермейстеръ Иванъ Матвѣевичъ Толстой (впослѣдствіи, графъ) своимъ вліяніемъ. Человѣкъ этотъ оказывалъ несомнѣнные знаки личнаго расположенія и вниманія къ Тургеневу, сопровождаемые однако по временамъ выговорами и замѣчаніями, когда послѣдній слишкомъ легко и свободно относился къ его словамъ и наставленіямъ. Такъ, однажды, приглашенный И. М. Толстымъ на охоту и давъ ему слово, Тургеневъ не почелъ за нужное обременять себя исполненіемъ обѣщанія, и на другой же день получилъ отъ Толстого записку съ замѣчаніемъ, что поступокъ этотъ имѣетъ видъ и характеръ грубой неучтивости, которая, можетъ статься, и находится въ привычкахъ автора, но которую не слѣдуетъ прилагать ко всякому.

Около того же времени, мы имѣемъ первое письмо Тургенева съ дороги. Онъ внезапно уѣхалъ въ Москву изъ Петербурга, вызванный издателемъ „Русскаго Вѣстника“, г. Катковымъ. Письмо это довольно любопытно. Оно рисуетъ начало большой распри между писателемъ и журналистомъ, не упраздненной и смертію одного изъ нихъ.

„Москва, 16 января 1856 г.—Любезный П. В. Я пріѣхалъ сюда, хотя не съ бронхитомъ, однако съ разстроенной грудью и поселился у милѣйшаго И. И. Маслова, въ удѣльной конторѣ, на Пречистенскомъ бульварѣ. Но оказывается, что я могъ еще съ недѣлю оставаться въ Петербургѣ, потому что г-нъ редакторъ „Русскаго Вѣстника“, вытребовавшій мою повѣсть 6-ть недѣль тому назадъ, не отвѣчавшій ни слова на мои четыре письма, даже на послѣднее письмо, въ которомъ я извѣщалъ его о моемъ отъѣздѣ и спрашивалъ о положеніи этого набора—велѣлъ мнѣ вчера сказать, что моя рукопись только въ будущую середу поступитъ ко мнѣ въ корректурѣ. Вотъ какъ слѣдуетъ учить сотрудниковъ, чтобы они не забывались: Некрасовъ и Краевскій никогда не достигали такой олимпійской высоты неделикатности, не заставляли больного человѣка скакать за 600 верстъ и т. д. По дѣломъ мнѣ! По слухамъ, повѣсть моя признана редакціей „Русскаго Вѣстника“ „образчикомъ нелѣпой бездарности“. Въ такомъ случаѣ кажется было бы лучшее—возвратить ее автору. А впрочемъ, все это пустяки“.

Извѣстно, что большая часть крупныхъ ссоръ начиналась съ подобныхъ же пустяковъ. Дѣло, однако же, на этотъ разъ уладилось.

Нельзя же было предположить, что редакція такого органа, какимъ былъ тогда „Рус. Вѣстникъ", обозвала прелестный разсказъ Тургенева: „Фаустъ",—ибо о немъ идетъ дѣло,—образчикомъ бездарности, а между тѣмъ невѣрный и преувеличенный слухъ объ этомъ отзывѣ, если не породилъ, то укрѣпилъ раздраженіе автора. Возвратясь въ Петербургъ, такъ какъ болѣе 10 дней онъ не располагалъ быть въ отсутствіи, и извѣстивъ о томъ г. Каткова, Тургеневъ бросилъ корректуру, прибавляя въ томъ же вышеприведенномъ письмѣ: „пусть они распоряжаются, какъ имъ угодно!" Въ Петербургѣ онъ отдалъ свой разсказъ въ „Современникъ", гдѣ тотъ и появился въ 10-й книжкѣ журнала: „Фаустъ, разсказъ въ 9-ти письмахъ" („Совр." 10-я книжка 1856). Но и этого мало. Въ объявленіи объ изданіи журнала въ слѣдующемъ 1857 году, редакторы „Современника" извѣщали, что четыре первоклассныхъ литератора, во избѣжаніе неудобствъ конкурренціи, согласились печатать свои произведенія исключительно въ журналѣ „Современникъ". Имена этихъ четырехъ исключительныхъ сотрудниковъ дѣйствительно явились съ 1-го № журнала на 1857 на его обложкѣ: это были Д. В. Григоровичъ, А. Н. Островскій, гр. Л. Н. Толстой и И. С. Тургеневъ. Конвенція продолжалась, однако, не долго, и одинъ шутникъ, подозрѣвавшій ея происхожденіе, конечно, имѣлъ право сказать, что на порогѣ „Современника" возвышаются четыре загадочные и молчаливые сфинкса. Она была нарушена въ слѣдующемъ же 1858 г. одною изъ сторонъ. Тургеневъ именно послалъ тогда письмо изъ-за границы въ „Атеней", затѣмъ въ 1859 г. напечаталъ „Обѣдъ въ обществѣ англійскаго литературнаго фонда" въ „Библіотекѣ для чтенія", а въ 1860 г. предоставилъ тому же „Русскому Вѣстнику", съ которымъ такъ недавно поссорился, третью, соціальную свою повѣсть: „Наканунѣ".

„Русскій Вѣстникъ" отвѣчалъ на объявленіе-манифестъ „Современника"—чрезвычайно вѣжливо и уклончиво; сваливая вину непоявленія въ его журналѣ повѣсти—„Призраки" (это „Фаустъ" въ „Современникѣ"), на медленность и задержки въ корректурныхъ исправленіяхъ со стороны самого автора ея и прибавляя, что и онъ, съ своей стороны, отказывается отъ сотрудничества людей, готовыхъ смущаться всякими случайностями и затрудненіями изданія и строить на нихъ далекія и несправедливыя соображенія.

Возвращеніе Тургенева въ Петербургъ пришлось, какъ разъ, къ появленію первой части Рудина въ запоздавшей январьской книжкѣ „Современника" 1856 г. Вторая часть напечатана была въ слѣдующей книжкѣ. Здѣсь будетъ умѣстно привести любопытное примѣчаніе, встрѣченное нами въ черновой тетради Тургенева, содер-

жащей Рудина. Повѣсть была первоначально озаглавлена: „Геніальная натура“, что̀ потомъ было зачеркнуто, и вмѣсто этого рукой Тургенева начертано просто—Рудинъ. Затѣмъ оказывается, что романъ созданъ и написанъ въ 1855 г. въ деревнѣ и притомъ въ весьма короткій срокъ—7 недѣль. Примѣчаніе гласитъ именно: „Рудинъ. Начатъ 5 іюня 1855 г., въ воскресенье, въ Спасскомъ; конченъ 24 іюля 1855 въ воскресенье, тамъ же, въ 7 недѣль. Напечатанъ съ большими прибавленіями въ январ. и февр. книжкахъ „Современника“ 1856 г.“ Между прочимъ, замѣтка эта подтверждаетъ опасенія послѣдняго редактора сочиненій Тургенева (посмертное изданіе), колебавшагося зачислять произведенія нашего автора по годамъ ихъ появленія въ печати, такъ какъ онъ полагалъ основательно, что нѣкоторыя изъ нихъ могли быть написаны имъ ранѣе ихъ опубликованія. Но для приложенія хронологической системы къ изданію никакого другого средства не оставалось. Выслушавъ всѣ разнообразные толки о своемъ Рудинѣ, между которыми къ восторженнымъ отзывамъ примѣшивались уже и обидныя подозрѣнія въ недоброжелательствѣ къ лицу, скрывавшемуся подъ именемъ Рудина, Тургеневъ въ августѣ 1856 г. выѣхалъ въ Парижъ. Это было первое его путешествіе послѣ ареста.

Всю зиму 1856—57 года не было о немъ ни слуха, ни духа, и только 24 октября 1857 получено было отъ него первое извѣстіе, пущенное имъ 5 октября (23 сентября стараго стиля). Письмо носило штемпель: „Rosoy en Brie“, и пришло изъ неизвѣстнаго намъ мѣста „Куртавнель“, оказавшагося за̀мкомъ, или виллой, г-жи Віардо. Тургеневъ писалъ:

„Куртавнель. 5 октяб. (23 сент.) 1857.—Милый А. На дняхъ я получилъ письмо отъ Некрасова съ приложеніемъ циркуляра на изданіе альманаха для семейства Бѣлинскаго, но такъ какъ я недавно писалъ ему, то я предпочитаю поговорить съ вами. Прежде всего—скажите Некрасову, что я обѣщаю ему двѣ статьи—повѣсть или разсказъ, и воспоминанія о Б-мъ. Я глазамъ не вѣрю—неужели позволили наконецъ альманахъ съ именемъ Бѣлинскаго на заглавномъ листѣ и съ отзывами о немъ! Какъ бы то ни было—я съ восторгомъ впрягаюсь въ эту карету и буду везти изъ всѣхъ силъ.

„Что же касается до моего внезапнаго путешествія въ Римъ [1]),

---

[1]) Я не могъ доискаться въ моихъ бумагахъ письма Тургенева о поѣздкѣ его въ Италію, а такъ какъ корреспонденція моя съ нимъ вся сохранилась, то считаю письмо это такъ или иначе погибшимъ. Зима 1856—57 была чрезвычайно сурова на западѣ,—дѣти ремесленниковъ и другихъ бѣдныхъ людей замерзали въ домахъ и въ колыбеляхъ своихъ.

то, поразмысливъ хорошенько дѣло, вы, я надѣюсь, убѣдитесь сами, что для меня, послѣ всѣхъ моихъ треволненій и мукъ душевныхъ, послѣ ужасной зимы въ Парижѣ—тихая, исполненная спокойной работы зима въ Римѣ, среди этой величественной и умиряющей обстановки, просто душеспасительна. Въ Петербургѣ мнѣ было бы хорошо со всѣми вами, друзья мои—но о работѣ нечего было бы думать; а мнѣ теперь, послѣ такого долгаго бездѣйствія, предстоитъ либо бросить мою литературу совсѣмъ и окончательно, либо попытаться: нельзя ли еще разъ возродиться духомъ? Я сперва изумился предложенію (В. П. Боткина), потомъ ухватился за него съ жадностью, а теперь я и во снѣ каждую ночь вижу себя въ Римѣ. Скажу безъ обиняковъ: для совершеннаго моего удовлетворенія нужно было бы ваше присутствіе въ Римѣ; мнѣ кажется, тогда ничего не оставалось бы желать... Вы, сколько я помню, собирались ѣхать въ Римъ; что бы вамъ именно теперь исполнить это намѣреніе? Право, подумайте-ка объ этомъ. Славно бы мы пожили вмѣстѣ! Если вы не пріѣдете, я буду часто писать вамъ и Некрасову. Я надѣюсь, что болѣзнь моя не схватитъ опять меня за шиворотъ; въ такомъ случаѣ я, разумѣется, буду молчать, но я надѣюсь, что она не придетъ снова. Прощайте, другъ мой, П. В. Пришлите мнѣ 7-й томъ Пушкина въ Римъ. Обнимаю васъ!"

Болѣзнь, однако, не замедлила явиться опять и оправдала нерѣшимость мою склониться на предложеніе Тургенева и посѣтить его въ Римѣ. Что касается до альманаха Некрасова, то онъ не состоялся, а въ замѣнъ его предпринято было въ Москвѣ, большой издательской конторой К. Т. Солдатенкова—полное собраніе „Сочиненій" Бѣлинскаго, которое подъ редакціей Н. Х. Кетчера и доведено было до конца благополучно. Почти вслѣдъ за тѣмъ письмомъ Тургенева получено отъ него и другое, уже изъ Рима.

„Римъ, 31 октяб. (12 нояб.) 1857.—Милый А. Ваше письмо меня очень обрадовало, и я надѣюсь, что переписка наша оживится снова. Намъ съ вами надобно непремѣнно, хотя изрѣдка, писать другъ къ другу. Вотъ уже скоро двѣ недѣли, какъ я въ Римѣ; погода стоитъ чудесная; но болѣзнь моя опять принялась грызть меня. Это очень меня огорчаетъ, потому что еслибы не эта мерзость, я бы работалъ. Я это чувствую, и даже несмотря на болѣзнь, уже кое-что сдѣлалъ. Не буду говорить вамъ о Римѣ—мало сказать не стоитъ, много—невозможно. Я знакомлюсь съ нимъ по-маленьку—спѣшить не для чего, ходилъ на вашу квартиру въ Via Felice; но уже все измѣнилось съ тѣхъ поръ, и хо-

зяинъ другой—разспрашивать было некого. Постараюсь исполнить ваше желаніе и напишу для Корша письмо, то-есть—два или три письма, не знаю, будетъ ли интересно [1]). „Современникъ“ имѣетъ право на меня сердиться; но, право же, я не виноватъ. Говорятъ, Некрасовъ опять сталъ играть... Вы воображаете, что мнѣ „со всѣхъ сторонъ“ пишутъ! Никто мнѣ не пишетъ. А потому давайте мнѣ свѣденій, какъ можно больше.

„Познакомился я здѣсь съ живописцемъ Ивановымъ и видѣлъ его картину. По глубинѣ мысли, по силѣ выраженія, по правдѣ и честной строгости исполненія, вещь первоклассная. Не даромъ онъ положилъ въ нее 25 лѣтъ своей жизни. Но есть и недостатки. Колоритъ вообще сухъ и рѣзокъ, нѣтъ единства, нѣтъ воздуха на первомъ планѣ (пейзажъ въ отдаленіи удивительный) все какъ-то пестро и жолто. Со всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, что картина произведетъ большое впечатлѣніе (будутъ фанатики, хотя не многіе), и главное: должно надѣяться, что она подастъ знакъ къ противодѣйствію Брюловскому марлинизму. Съ другой стороны, византійская школа князя Гагарина... Художеству еще худо на Руси. Остальные здѣшніе русскіе артисты—плохи. Сорокинъ кричитъ, что Рафаэль дрянь и „все“ дрянь, а самъ чепуху пишетъ; знаемъ мы эту поганую рассейскую замашку. Невѣжество ихъ всѣхъ губитъ. Ивановъ—тотъ, напротивъ, замѣчательный человѣкъ; оригинальный, умный, правдивый, и мыслящій, но мнѣ сдается, что онъ немножко тронулся: 25-лѣтнее одиночество взяло свое. Не забуду я (но это непремѣнно между нами), какъ онъ, во время поѣздки въ Альбано, вдругъ началъ увѣрять Боткина и меня—весь поблѣднѣвши и съ принужденнымъ хохотомъ—что его отравливаютъ медленнымъ ядомъ, что онъ часто не ѣстъ и т. д. Мы очень часто съ нимъ видимся; онъ, кажется, расположенъ къ намъ.

„Вы меня хвалите за мое намѣреніе прожить зиму въ Римѣ. Я самъ чувствую, что эта мысль была недурная—но какъ мнѣ тяжело и горько бываетъ, этого я вамъ передать не могу. Работа можетъ одна спасти меня, но если она не дастся, худо будетъ! Прошутилъ я жизнь—а теперь локтя не укусишь. Но довольно объ этомъ. Все-таки мнѣ здѣсь лучше, чѣмъ въ Парижѣ, или въ Петербургѣ.

„Не знаю, писалъ ли я вамъ, что въ Парижѣ встрѣтилъ Ольгу Александровну [2]). Она не совсѣмъ здорова и зиму будетъ жить

[1]) Для „Атенея“—изданія, предпринятаго Е. Ѳ. Коршемъ послѣ его разрыва съ „Русск. Вѣстникомъ“.

[2]) Ольгу Алекс. Т—ву, съ которой онъ недавно разорвалъ свои дружескія связи. Она вышла замужъ, вскорѣ послѣ того, за С.

въ Ниццѣ. Здѣсь изъ русскихъ пока никого нѣтъ: ждутъ Черкасскихъ.

„Боже васъ сохрани—не прислать мнѣ 7-го тома Пушкина, переписку Станкевича и ваше письмо о Гоголѣ. Справьтесь у Некрасова и Колбасиныхъ, какъ сюда пересылались книги—и такъ и поступайте.

„Со вчерашняго дня сталъ дуть tramontano—а то такая теплынь стояла, что сказать нельзя. Третьяго-дня мы съ Боткинымъ провели удивительный день въ villa Pamfili. Природа здѣшняя очаровательно величава—и нѣжна, и женственна въ то же время. Я влюбленъ въ вѣчно зеленые дубы, зончатыя пиніи и отдаленныя, блѣдно-голубыя горы. Увы! я могу только сочувствовать красотѣ жизни—жить самому мнѣ уже нельзя. Темный покровъ упалъ на меня и обвилъ меня; не стряхнуть мнѣ его съ плечъ долой. Стараюсь, однако, не пускать эту копоть въ то, что́ я дѣлаю; а то кому оно будетъ нужно? Да и самому мнѣ оно будетъ противно.

„Боткинъ здоровъ; я съ нимъ ежедневно вижусь, но я не живу съ нимъ. Въ его характерѣ есть какая-то старческая раздражительность—эпикуреецъ въ немъ то-и-дѣло пищитъ и киснетъ; очень ужъ онъ заразился художествомъ.

„Напишите мнѣ все, что́ узнаете, услышите о Толстомъ и его сестрѣ. Я не думаю, чтобы вамъ понравилось его послѣднее произведеніе, но у него есть другія, хорошія вещи. Онъ васъ очень любитъ [1]).

„Познакомились ли вы съ графиней Ламбертъ? Она этого желала, и я вамъ совѣтую. Я опять напишу ей письмо черезъ ваше посредничество. На этотъ разъ войдите къ ней.

„Ну вотъ—переписка благополучно возобновлена; смотрите же, чтобы она не прекратилась. Поклонитесь всѣмъ друзьямъ, а вамъ я крѣпко жму руку. Читали ли вы „Исторію Рима“ Момзена? Я ею здѣсь упиваюсь. Весь вашъ И. Т.

„P. S. Напишите мнѣ досконально: Базуновъ не пострадалъ

---

[1]) О семействѣ гр. Л. Н. Толстого, Тургеневъ всегда отзывался восторженно, не исключая и времени его непродолжительной размолвки съ нимъ, о чемъ рѣчь еще впереди. Сестру гр. Толстого, по мужу тоже Толстую, онъ называлъ умной, понимающей все кругомъ себя и обнаруживающей свое пониманіе только при случаѣ. О братѣ Толстого, молодомъ человѣкѣ, умершемъ въ чахоткѣ въ 1860 году за границей, въ Гіерѣ, онъ говорилъ не иначе, какъ съ умиленіемъ. Не помню впечатлѣнія, произведеннаго на меня слабымъ произведеніемъ Л. Н. Толстого, да и кто бы могъ сохранить память о неудачныхъ произведеніяхъ, послѣ позднѣйшихъ образцовыхъ созданій его и послѣ колоссальной эпопеи его: „Война и миръ“.

отъ моихъ повѣстей? Если нѣтъ, мое самолюбіе было бы нѣсколько успокоено".

Вопросъ о Базуновѣ относится къ первому отдѣльному изданію „повѣстей" Тургенева, порученному мнѣ и проданному мною въ Москвѣ совсѣмъ готовымъ и отпечатаннымъ въ числѣ 5,000 экземпляровъ старому и уже давно покойному книгопродавцу Базунову за 7,500 р. с. Изданіе представляло три небольшихъ томика, которые тогда и составляли весь литературный багажъ Тургенева. Въ немъ еще не обрѣталась ни одна изъ соціальныхъ его повѣстей, доставившихъ ему позже славу художественнаго комментатора своей эпохи. По условію, полученная отъ Базунова сумма была раздѣлена на 3 равныя части, и одна изъ нихъ вручена автору, другая покрыла издержки печатанія, третья осталась у продавца.

Оба письма изъ Италіи, несмотря на живое описаніе красотъ Рима и сочувственное отношеніе къ вѣковѣчному городу, носили еще на себѣ меланхолическій оттѣнокъ, въ предчувствіи приближающейся къ автору болѣзни; но никто изъ знавшихъ о письмѣ не обратилъ на это никакого вниманія. Мы уже привыкли къ жалобамъ Тургенева на ожидающую его судьбу, которая никогда не приходила. Впослѣдствіи это разъяснилось больше. Уже съ 1857 г. Тургеневъ сталъ думать о смерти и развивалъ эту думу въ теченіе 26 лѣтъ до 1883, когда смерть дѣйствительно пришла, оставаясь самъ все время, съ малыми перерывами, совершенно бодрымъ и здоровымъ. Болѣзнь, на которую онъ преимущественно жаловался — стѣсненіе въ нижней части живота, онъ принималъ за каменную, которая свела въ гробъ и отца его. Съ теченіемъ времени она миновала окончательно, не оставивъ послѣ себя и слѣда. За тѣмъ—кромѣ бронхитовъ и простудныхъ воспаленій горла—наступила эпоха́ ужасовъ передъ холерой, когда онъ не пропускалъ почти ни одной значительной аптеки въ Москвѣ, Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, чтобы не потребовать у нихъ желудочныхъ капель и укрѣпляющихъ лепешекъ. Случалось, что при разстройствѣ пищеваренія онъ ложился въ постель и объявлялъ себя потеряннымъ человѣкомъ: достаточно было нѣсколько ободрительныхъ словъ врача, чтобъ поднять его опять на ноги. По дѣйствію неустанно работавшаго воображенія, ему мерещились исключительныя бѣдствія—онъ считалъ себя то укушеннымъ бѣшеной собакой, то отравленнымъ, и самъ смѣялся надъ собой, когда припадокъ его проходилъ, оставляя ему въ наслѣдство нѣкоторую жизненную робость. Такъ онъ не любилъ останавливаться въ многолюдныхъ отеляхъ, а искалъ помѣщенія у старыхъ

пріятелей. Много разъ видѣли мы его изнемогающимъ подъ мучительными припадками подагры, которой онъ былъ подверженъ—и долго думали, что это единственная серьезная болѣзнь его. Уединеніе, создаваемое недугомъ, онъ употреблялъ на чтеніе популярныхъ медицинскихъ сочиненій и пріобрѣлъ столько познаній въ медицинѣ, что, по слову Гейне, всегда могъ отравить себя, но онъ желалъ только знать страданія человѣчества, а слушался единственно докторовъ, и по временамъ, болѣе чѣмъ нужно было, эмпириковъ. Умеръ же онъ, посреди невыразимыхъ мученій, отъ болѣзни, приведшей въ тупикъ знаменитѣйшихъ врачей Парижа, недоумѣвавшихъ, противъ чего имъ слѣдовало бороться, именно, отъ раковаго воспаленія въ спинной кости, пожравшаго у него три позвонка, хотя это была не новость для насъ: въ эпоху Пушкинскаго юбилея въ Москвѣ мы были свидѣтелями, что каждый вечеръ онъ заставлялъ бить себя по обнаженной спинѣ, стальными щетками, подозрѣвая, что тамъ накопился у него, по его словамъ, какой-то злой матеріалъ, и оставаясь днемъ ликующимъ и готовымъ на всѣ труды великаго литературнаго праздника.

Что касается до его сужденій о русскомъ искусствѣ и русскихъ художникахъ въ Римѣ, то мы оставляемъ это на памяти критика, если не на отвѣтственности его, ибо отвѣчать онъ уже не можетъ. Въ низкой оцѣнкѣ Брюлова, онъ совершенно сходился съ обычнымъ своимъ возражателемъ, В. В. Стасовымъ, который очень горячо и остроумно отстаивалъ передъ нимъ право русскихъ живописцевъ не уважать Рафаэля и италіянскихъ идеалистовъ XVI столѣтія, такъ какъ люди эти и утвердили нашу академію художествъ въ томъ мнѣніи, что съ ними кончается свѣтъ и за ними нѣтъ ничего. По Стасову, отрицаніе Рафаэля было первымъ симптомомъ развитія искусства въ Россіи и пробужденія въ русскихъ художникахъ сознанія о необходимости самостоятельной дѣятельности и объ отысканіи новыхъ современныхъ идеаловъ и предметовъ для воспроизведенія ихъ посредствомъ искусства. Относительно презрительной оцѣнки Брюлова оба противника его совершенно выпускали изъ вида смѣлый выборъ тэмъ и замѣчательную виртуозность при ихъ исполненіи у художника—качества, которыя и сдѣлали его имя необычайно популярнымъ въ средѣ соотечественниковъ. Несмотря на суровый приговоръ Ивана Сергѣевича: „плохо искусству въ Россіи“, оно незамѣтно шло впередъ. Утомленное идеализмомъ безъ содержанія, на которое присуждала его академическая практика, оно тихо, но постоянно высвобождалось отъ нея. Знамя Брюлова, подъ

которымъ оно шло на встрѣчу запросамъ академіи, было знаменемъ реформъ и прогресса. — Мѣсяцъ спустя послѣ послѣдняго письма получена была отписка Тургенева изъ Рима, въ которой нападки на Брюлова еще усилились.

„Римъ 1 (13) декабря 1857.—Любезнѣйшій П. В. Ваше умное какъ день письмо получено мною вчера — я спѣшу отвѣчать вамъ; чтобы не сбиться и все сказать, что слѣдуетъ и на своемъ мѣстѣ, разобью мое письмо на пункты. 1) Литература. Вѣроятно, вы, по полученіи этого письма, уже будете знать, что я нарушилъ мое молчаніе, т.-е. написалъ небольшую повѣсть, которая вчера отправлена въ „Современникъ". Я, и Панаева, и Колбасина, просилъ о томъ, чтобы до напечатанія повѣсть эта была прочтена вами и напечаталась не иначе какъ съ вашего одобренія. Не стану вамъ говорить о ней—лучше я послушаю, что̀ вы о ней скажете. Въ ней рѣшительно нѣтъ ничего общаго съ современной пряной литературой — а потому она, пожалуй, покажется fâde. Повѣсть эту я окончилъ здѣсь. Я чувствую, что я здѣсь могъ бы работать... (см. ниже пунктъ: Жалобы на судьбу). Кончивши эту работу, я засѣлъ за письмо Коршу, которое оказывается затруднительнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Впрочемъ, непремѣнно одолѣю всѣ затрудненія—и дней черезъ 5 или 6 надѣюсь выслать это письмо на ваше имя. 2) Жалобы на судьбу. Если здоровье вообще нужно человѣку, то въ особенности оно нужно ему тогда, когда онъ подходитъ къ 40-мъ годамъ, т.-е. во время самой сильной его дѣятельности. Подъ старость болѣзнь дѣло обычное, въ пору молодости—интересное. Какъ же мнѣ не пенять на судьбу, наградившую меня такимъ мерзкимъ недугомъ, что, по милости его, я превращаюсь въ Вѣчнаго Жида. Вы изъ одного слова поймете мое горе: послѣ 2-хъ мѣсячной борьбы я съ сокрушеннымъ сердцемъ принужденъ оставить милый Римъ и ѣхать чортъ знаетъ куда—въ поганую Вѣну совѣтоваться съ Зигмундомъ. Здѣшній климатъ развилъ мою невралгію до невѣроятности, и докторъ меня самъ отсюда прогоняетъ. — Ну, скажите — не горько это? Не гадко? Я всячески оттягиваю и откладываю день отъѣзда — но больше мѣсяца отъ нынѣшняго числа я не проживу здѣсь. Вѣдь надобно же, чтобы ко мнѣ привязалась такая небывалая болѣзнь. Повѣрьте—никакія ретроспективныя соображенія тутъ не утѣшатъ. Однако, если вы будете отвѣчать мнѣ тотчасъ (а это было бы очень мило съ вашей стороны, потому что мнѣ хочется поскорѣе узнать ваше мнѣніе о моей повѣсти)—пишите еще пока въ Римъ. 3) Римъ. Римъ —

прелесть и прелесть. Зная, что я скоро разстанусь съ нимъ—я еще болѣе полюбилъ его. Ни въ какомъ городѣ вы не имѣете этого постояннаго чувства—что Великое, Прекрасное, Значительное—близко, подъ рукою—постоянно окружаетъ васъ, и что слѣдовательно, вамъ, во всякое время, возможно войти въ святилище. Оттого здѣсь и работается вкуснѣе, и уединеніе не тяготитъ.— И потомъ этотъ дивный воздухъ и свѣтъ! Прибавьте къ этому, что нынѣшній годъ феноменальный: каждый день совершается какой-то свѣтлый праздникъ на небѣ и на землѣ; каждое утро, какъ только я просыпаюсь, голубое сіяніе улыбается мнѣ въ окна. Мы много разъѣзжаемъ съ Боткинымъ. Вчера, напримѣръ, забрались мы въ Villa Madama—полуразрушенное и заброшенное строеніе, выведенное по рисункамъ Рафаэля. Что за прелесть эта вилла—описать невозможно: удивительный видъ на Римъ—и vestibule такой изящный, богатый, сіяющій весь безсмертной Рафаэлевской прелестью—что хочется на колѣнки стать. Черезъ нѣсколько лѣтъ все рухнетъ—иныя стѣны едва держатся—но подъ этимъ небомъ самое запустѣніе носитъ печать изящества и граціи; здѣсь понимаешь смыслъ стиха: „Печаль моя свѣтла". — Одинокій, звучно журчавшій фонтанъ чуть не до слезъ меня тронулъ. Душа—возвышается отъ такихъ созерцаній—и чище, и нѣжнѣе звучатъ въ ней художественныя струны.

„Кстати, я здѣсь имѣлъ страшныя „при" съ русскими художниками. Представьте, всѣ они (почти безъ исключенія—я, разумѣется, не говорю объ Ивановѣ), какъ за языкъ повѣшенные, безсмысленно лепечутъ одно имя: Брюлловъ, а всѣхъ остальныхъ живописцевъ, начиная съ Рафаэля, не обинуясь, называютъ дураками. Здѣсь есть какой-то Желѣзновъ (я его не видалъ), который всему этому злу корень и матка. Я объявилъ имъ наконецъ, что художество у насъ начнется только тогда, когда Брюлловъ будетъ убитъ, какъ былъ убитъ Марлинскій: delenda est Carthago, delendus Brulovius. Брюлловъ—этотъ фразёръ безъ всякаго идеала въ душѣ, этотъ барабанъ, этотъ холодный и крикливый риторъ— сталъ идоломъ, знаменемъ нашихъ живописцевъ! Надобно и то сказать, таланта въ нихъ собственно ни въ комъ нѣтъ. Они хорошіе рисовальщики, т.-е. знаютъ грамматику—и больше ничего. Въ одномъ только изъ нихъ, Худяковѣ, есть что-то живое; но онъ, къ сожалѣнію, необразованъ (онъ изъ дворовыхъ людей), а уменъ и не рабъ—не лѣнивый и самонадѣянный рабъ духомъ, какъ другіе, хотя и онъ молится Брюллову.

„Удивили вы меня извѣстіемъ о лѣсныхъ затѣяхъ Толстого! Вотъ человѣкъ! съ отличными ногами непремѣнно хочетъ ходить

на головѣ. Онъ недавно писалъ Боткину письмо, въ которомъ говоритъ: „Я очень радъ, что не послушался Тургенева, не сдѣлался только литераторомъ". Въ отвѣтъ на это я у него спрашивалъ—чтоже онъ такое: офицеръ, помѣщикъ и т. д.? Оказывается, что онъ лѣсоводъ. Боюсь я только, какъ бы онъ этими прыжками не вывихнулъ хребта своему таланту; въ его швейцарской повѣсти уже замѣтна сильная кривизна. Очень бы это было жаль—но я все-таки еще крѣпко надѣюсь на его здоровую природу. Resumé: a) напишите мнѣ тотчасъ мнѣніе объ Асѣ сюда; b) высылайте сюда же Пушкина, Гоголя непремѣнно; c) я вамъ черезъ недѣлю пошлю письмо Коршу; d) любите меня, какъ я васъ люблю. Боткинъ благодаритъ и кланяется вамъ. И. Т.

Какъ ни откладывалъ Тургеневъ свой выѣздъ изъ Рима, сперва на мѣсяцъ, а потомъ на 1 (13) марта 1858 (въ январѣ 1858 г. онъ еще былъ на мѣстѣ), но только 9 апрѣля успѣлъ свидѣться съ докторомъ Зигмундомъ въ Вѣнѣ. Вообще онъ медленно отрывался отъ насиженнаго мѣста, и никогда нельзя было вѣрить срокамъ, назначеннымъ имъ для своего выѣзда. Зато онъ не останавливался отдыхать на дорогѣ и пролеталъ большія разстоянія, не выходя изъ вагона, даже и въ припадкахъ одной изъ своихъ болѣзней. Нужно еще удивляться, что онъ такъ скоро разорвалъ свои связи съ Римомъ. Кромѣ недуга, игравшаго тутъ, конечно, важную роль, но подъ конецъ уже и ослабѣвшаго, какъ увидимъ, —тутъ была еще причина психическая. Тургеневъ не могъ быть жильцомъ Италіи, какъ ни любилъ ее. Онъ представлялъ изъ себя европейски-культурнаго человѣка, которому нуженъ былъ шумъ и говоръ большого, политически развитого центра цивилизаціи, интересныя знакомства, неожиданныя встрѣчи, пренія о задачахъ настоящей минуты — даже анекдоты и говоръ толпы, конечно, не ради ихъ содержанія, а ради того, что они отражаютъ настроеніе людей, ихъ создавшихъ или повторяющихъ, и рисуютъ столько же ихъ самихъ, сколько и тѣхъ, которые сдѣлались предметомъ ихъ злословія. Чуткость Тургенева къ красотамъ природы, къ памятникамъ искусства, къ остаткамъ древняго величія—не подлежитъ сомнѣнію; свидѣтельствомъ тому можетъ служить только-что приведенное письмо: въ немъ есть описанія высоко-поэтическаго характера и вѣрности, почти фотографической. Ему недоставало только мужества заключиться въ себѣ самомъ и довольствоваться анализомъ великихъ ощущеній и мыслей, навѣваемыхъ Италіей. Этой цѣной только и покупалось право жить въ Италіи и репутація мудрости, полученная нѣкоторыми лицами, сдѣлав-

шими себѣ удѣлъ изъ блаженнаго созерцанія. Но въ натурѣ Тургенева не было пищи и элементовъ для долгой поддержки созерцанія: онъ искалъ событій, живыхъ лицъ, волнъ и разбросанности дѣйствительнаго, работающаго, борящагося существованія. Правда, въ 1848 г., въ эпоху „resorginato" пульсъ умственный и общественной жизни въ Италіи бился сильнѣе прежняго, но бѣжать изъ Франціи (Тургеневъ находился тогда въ Парижѣ), которая давала тонъ всему европейскому движенію, было бы нелѣпостью, кромѣ развѣ съ спеціально-агитаторскими цѣлями, а Тургеневъ, чтб бы ни говорили нынѣшніе клеветники поэта, агитаторомъ никогда не былъ, да по развитію своему и не могъ имъ быть. Замѣчательно, что съ 1858 года онъ уже болѣе никогда не возвращался въ любимый имъ Римъ, въ превозносимую имъ Италію.

Самъ Л. Н. Толстой распустилъ тогда слухъ о томъ, будто онъ предполагаетъ заняться лѣсоразведеніемъ въ южной Россіи. Я передавалъ только его слова, когда сообщалъ Тургеневу такой слухъ. Гораздо важнѣе этого обстоятельства, которое могло бы сдѣлаться очень важнымъ предпріятіемъ, еслибы не возникло оно у Толстого изъ страннаго отвращенія къ писательству, къ роли, играемой у насъ авторами, важнѣе, говорю, другое явленіе: усиленное безпокойство Тургенева объ участи своего прелестнаго разсказа „Ася". Трудно сказать, чтб заставляло его домогаться съ настойчивостью отзывовъ о такой малой вещицѣ, какъ „Ася". Вѣроятнѣе всего предполагать, что основа „Аси" взята изъ біографическаго факта, дорогого почему-то самому автору. Онъ боялся, что слабая передача его уничтожитъ или извратитъ его значеніе. Я успокоилъ его, передавъ ему мнѣніе многихъ его почитателей, что недостатокъ „Аси" заключается въ одномъ. Такая поэтическая и вмѣстѣ реальная характеристика героини, нечасто встрѣчающаяся и въ болѣе богатыхъ литературахъ, чѣмъ наша, заслуживала бы бо̀льшаго развитія, рамки, напримѣръ, романа, которую она совершенно наполнила бы собою. Тургеневъ остался доволенъ отзывомъ, какъ это видно и изъ послѣдняго письма его въ Римѣ, которое теперь и приводимъ здѣсь.

„Римъ. 19 (31) января 1858. — Я виноватъ передъ вами, какъ нельзя болѣе—не отвѣчалъ на ваше письмо отъ 21-го декабря и не переписалъ совсѣмъ конченныя два письма (№ 2 и 3) для Корша. Съ нынѣшняго дня засѣлъ я за эту работу, и черезъ 4 или 5 дней они отправятся къ вамъ. Мысль, что первое письмо вамъ понравилось, меня ободряетъ и развязываетъ руки. Я не

хочу только откладывать отвѣтъ мой на ваше письмо, отъ 8-го января. Причины моего замедленія были двоякія: нѣкоторыя разсѣянія и довольно серьёзная и для меня не совсѣмъ привычная работа, о которой я поговорю съ вами лично, и которая касается вопроса, занимающаго теперь всю Россію [1]). Очень вамъ благодаренъ за доставленныя свѣденія и проч. Въ вашихъ письмахъ нашъ братъ, живущій въ отдаленіи, щупаетъ пульсъ своей страны и общества.

„Отзывъ вашъ объ „Асѣ“ меня очень радуетъ. Я написалъ эту маленькую вещь — только-что спасшись на берегъ — пока сушилъ „ризу влажную мою“—а потому я бы вовсе не удивился, еслибъ моя первая—послѣ долгаго перерыва—работа не удалась.—Оказывается, что она вышла изрядная—и я искренно этому радуюсь.

„Разсѣянія, о которыхъ я упомянулъ выше, состоятъ во множествѣ новыхъ знакомствъ. Изъ нихъ упомяну великую княгиню Елену Павловну, съ которой я уже имѣлъ нѣсколько длинныхъ разговоровъ. Она женщина умная, очень любопытствующая и умѣющая разспрашивать и — не стѣснять; на концѣ каждаго ея слова сидитъ какъ бы штопоръ—и она все пробки изъ васъ таскаетъ: оно лестно, но подъ конецъ немного утомительно. Сошелся я очень близко съ кн. Черкасскимъ (Владиміромъ) и его женой; очень они милые, живые люди. Видаю часто князя Д. Оболенскаго, г-жу Смирнову... иногда Бакуниныхъ, также Ростовцева, сына Іакова. Трудно выразить, что это за милый, симпатическій, честный и откровенный человѣкъ. Изъ художниковъ, послѣ Иванова, самый пріятный, Сорокинъ, какъ человѣкъ; таланта у него, къ сожалѣнію, нѣтъ. Изо всѣхъ здѣшнихъ художниковъ талантъ есть только у одного Худякова, но самъ онъ... необразованъ, завистливъ и надутъ. Молодой живописецъ Никитинъ сдѣлалъ мой акварельный портретъ; всѣ находятъ его чрезвычайно схожимъ.

„Извѣстія объ обѣдѣ въ Москвѣ и т. д. меня радуютъ [2]) и въ то же время нѣсколько пугаютъ. Я не думаю, чтобы теперь такое время, когда нужно шумѣть. Вы прочтете въ Nord не-

---

[1]) Дѣло шло о проектѣ народнаго образованія и обученія черезъ посредство имущихъ и развитыхъ классовъ общества. О проектѣ этомъ будемъ говорить сейчасъ же, а теперь скажемъ, что онъ не удался и не былъ приведенъ въ исполненіе, даже не поступалъ на утвержденіе подлежащаго начальства, какъ требовалось по закону.

[2]) Это юбилейный обѣдъ московскаго университета, праздновавшаго столѣтіе своего основанія. Мнѣ не случилось встрѣтить въ Le Nord письма Тургенева, да оно не попало ни въ одинъ изъ извѣстныхъ и очень подробныхъ библіографическихъ перечней его сочиненій. См. „Историческій Вѣстникъ“ 1884 г.

большое письмо, написанное мною въ отвѣтъ на статью, помѣщенную объ этомъ обѣдѣ; тамъ была несправедливая выходка противъ славянофиловъ — какъ будто они не желаютъ освобожденія крестьянъ, между тѣмъ, какъ они-то больше всѣхъ и хлопотали о немъ. Я въ этомъ письмѣ заступаюсь за нихъ съ этой только точки зрѣнія. Я это сдѣлалъ въ угоду Черкасскому, письмо котораго не было бы принято. Впрочемъ, и мое, пожалуй, не примутъ.

„Пушкина (т.-е. изданія) еще нѣтъ здѣсь. Гг. „Современники“ также не выслали свой декабрьскій номеръ. О свадьбѣ Ол. Алекс. ничего не слыхалъ. Она въ Ниццѣ, и здоровье ея хорошо. Жаль мнѣ очень бѣднаго Дружинина. Боткинъ только на-дняхъ получилъ письмо отъ него (оно провалялось мѣсяца два на почтѣ) и тотчасъ отвѣчалъ ему.—Наружность Дружинина мнѣ весьма не понравилась уже въ Занцигѣ. Знаете ли—мнѣ почему-то кажется, что у него долженъ быть diabète sucré (моча съ сахаромъ)—весьма быстро изнуряющая и опасная болѣзнь. Нельзя ли шепнуть объ этомъ Шипулинскому? „Иногда и слѣпая свинья набредетъ на жолудь“, гласитъ нѣмецкая пословица — и, можетъ быть, моя мысль—справедлива.

„Погода у насъ здѣсь стоитъ чрезвычайно ясная и холодная. Говорятъ, въ Венеціи выпалъ сильный снѣгъ и лагуны замерзли. Боятся, какъ бы въ карнавалъ не пошли дожди. Здоровье мое, если не хорошо, то, по крайней мѣрѣ, удовлетворительно. Мученій нѣтъ, а ужъ отъ malais'а я и не надѣюсь отдѣлаться.

„Ждите двухъ большихъ пакетовъ черезъ нѣсколько дней. Да непремѣнно вышлите сюда „Атеней.“ Если увидите Д. Колбасина, напомните ему, что я жду отъ него отвѣта на нѣкоторые мои запросы. Пишите мнѣ пока въ Римъ—poste restante. Я отсюда окончательно выѣзжаю только 1 (13) марта. Жму вамъ дружески руку и остаюсь—И. Т.

„P. S. Поклонитесь отъ меня кн. Вязем., да сходите, наконецъ, къ графинѣ Ламб. и попросите ее написать мнѣ свое мнѣніе объ „Асѣ“—нужды нѣтъ, выгодное или невыгодное“.

Въ 1858 г. предпринялъ и я поѣздку въ Европу, послѣ десятилѣтняго безвыѣзднаго пребыванія въ Россіи. Любопытно было узнать новые порядки, воцарившіеся на Западѣ въ теченіе этого времени. Перемѣнъ и нравственныхъ, и матеріальныхъ, было много. За исключеніемъ Берлина, гдѣ строительная горячка началась только съ франко-прусской войны 1870 г., старые города

Европы, какъ Парижъ, Вѣна, Дрезденъ, сдѣлались почти неузнаваемы. Стремленіе къ роскоши существовало и до второй имперіи, поддерживаемое громаднымъ торговымъ производствомъ и обогащеніемъ буржуазіи; но съ Наполеона III—оно забыло всѣ приличія. Повсюду возникали великолѣпныя, какъ общественныя, такъ и частныя зданія, опрокидывались памятники старины, уничтожались историческіе дома и улицы; по примѣру Парижа, каждая столица, каждый значительный пунктъ населенія (за исключеніемъ, повторяемъ, Берлина, остававшагося до порывремени старымъ и грязнымъ городомъ) какъ бы рѣшились отдѣлаться отъ своего прошлаго, смыть съ себя послѣдніе остатки средне-вѣковаго быта и начать для себя новую эру существованія со вчерашняго дня. Одобреніе со стороны многочисленныхъ рабочихъ и мѣщанъ, заинтересованныхъ въ постройкахъ, поддерживало общее одушевленіе; но когда наступилъ кризисъ, капиталы скрылись въ банкирскихъ конторахъ, а фабричное производство, превзошедшее потребности рынковъ и населенія, остановилось;—явились для всѣхъ,—предпринимателей и исполнителей,—разочарованіе и нищета. До тѣхъ поръ на улицахъ европейскихъ городовъ шелъ постоянный пиръ и праздникъ. Увеселительныя заведенія множились со всѣхъ сторонъ ежедневно, принимая тоже громадные размѣры, и въ уровень съ ними разростались вкусы и требованія рабочихъ и мѣщанъ, которые уже составляли ихъ вѣрную статью дохода. Видъ общаго благосостоянія на Западѣ обманывалъ туристовъ и заставлялъ ихъ думать, что средства каждаго посѣтителя этихъ волшебныхъ замковъ увеличились, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ за послѣднее время. Зрѣлище общаго ликованія было, дѣйствительно, увлекательное.

Въ Берлинѣ я получилъ вѣнскую телеграмму Тургенева, которая въ отмѣнъ прежнихъ требованій явиться въ столицу Австріи, для свиданія съ нимъ, приказывала не трогаться съ мѣста и ждать новыхъ инструкцій. Какъ горячо звалъ меня Тургеневъ въ Вѣну, видно изъ слѣдующаго письма:

„Вѣна 7 апрѣля 1858. — Милый А. Сегодня въ 5 час. вечера я пріѣхалъ сюда, получилъ ваше письмо въ 7-мъ и отвѣчаю въ 8. Нечего говорить, какъ я радъ нашему скорому свиданію—все это само собою разумѣется — приступаю къ дѣлу.

„Не стану вамъ повторять моей плачевной исторіи: вы знаете, что вотъ уже скоро 1½ года, какъ бѣсъ въ меня вселился въ видѣ болѣзни пузыря и грызетъ меня день и ночь. Въ Италіи въ теченіе зимы мнѣ не было облегченія, я не лечился, потому что махнулъ рукой; однако, я теперь хочу попытаться въ послѣдній

разъ, а именно, хочу прибѣгнуть къ совѣту здѣшняго врача-специалиста по этой части—Зигмунда (для этого я пріѣхалъ въ Вѣну) и, по крайней мѣрѣ, мѣсяцъ лечиться, то-есть дать время этому доктору узнать, наконецъ, что́ у меня такое, и не ограничиться совѣтомъ ѣхать на воды или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Вы видите, что мнѣ теперь изъ Вѣны выѣхать невозможно. Я не видалъ еще Зигмунда — я увижу его завтра и тотчасъ напишу вамъ, что̀ онъ мнѣ скажетъ, но я знаю напередъ, что онъ потребуетъ моего пребыванія здѣсь... Остается вамъ пріѣхать сюда; разница всего нѣсколько часовъ, положимъ, даже цѣлыя сутки, но я надѣюсь, что вы пожертвуете ими для меня. Я такъ былъ бы радъ свидѣться съ вами! Вы видите, что я прикованъ здѣсь; мнѣ уже наскучило по-пусту совѣтоваться съ знаменитостями; я хочу, я долженъ лечиться—или уже примириться съ мыслію, что жизнь моя отравлена. Батюшка, П. В!.. Пріѣзжайте! А отсюда ступайте въ Лондонъ—я самъ вслѣдъ за вами поѣду. (Я долженъ 15 мая присутствовать въ качествѣ шафера на свадьбѣ Орлова)—и въ началѣ мая на нѣсколько дней буду въ Лондонѣ, куда пріѣдетъ и Боткинъ. Однимъ словомъ—я васъ жду здѣсь. Вы должны пріѣхать. Это невозможно, чтобы вы не пріѣхали; умоляю васъ пріѣхать. Остановился я въ гостинницѣ Matschakerhoff, Seilez Gasse, № 33. Я жду васъ... Боже, что мы переговоримъ. Завтра отъ меня еще будетъ письмо. Весь вашъ Ив. Т".

Инструкціи и явились черезъ два дня въ формѣ письма изъ Вѣны отъ 9-го апрѣля 1858 г., гдѣ онъ описываетъ свое свиданіе съ док. Зигмундомъ и прибавляетъ, чтобы я тотчасъ же укладывался и направлялся въ Дрезденъ. такъ какъ онъ самъ, послѣ отсылки своего письма, ѣдетъ туда и будетъ ждать меня въ Hôtel de Saxe. Извѣстіе было очень пріятное. На другой же день, черезъ 5—7 часовъ, я былъ уже въ Дрезденѣ и въ отелѣ, и изумился, встрѣтивъ цвѣтущаго паціента въ человѣкѣ, чуть не приговоренномъ къ смерти. Особенно поразительна была у опасно больного его рѣчь, исполненная юмора, образности и мѣткости. Я замѣтилъ ему это и получилъ отвѣтъ: „Вотъ видите ли! Организмы людей, пораженныхъ хроническимъ, опаснымъ недугомъ, каковъ мой—кажутся въ спокойныя минуты свои болѣе крѣпкими, чѣмъ тѣ, которые не испытывали никакихъ потрясеній. Болѣзнь тутъ отдыхаетъ, оставляя природѣ насыщаться и здоровѣть для того, чтобы на подготовленной почвѣ разыграться еще съ большей силой. Я даже полагаю, что и умру такъ, что удивлю всѣхъ неожиданностью". Пророчество, однакоже, не сбылось. Онъ умиралъ долго и слишкомъ ощутительно для своихъ друзей и

образованной части Россіи и Европы. Прилагаемъ вѣнское его письмо. Это, какъ увидитъ читатель—скорбный листъ Тургенева, продиктованный одною изъ тогдашнихъ ученыхъ знаменитостей.

„Вѣна. Пятница, 9-го апрѣля 1858. — Любезный А. Сейчасъ отъ Зигмунда. Осмотрѣвши меня весьма подробно и сзади, и спереди, — онъ объявилъ мнѣ, что у меня какая-то железа распухла и лѣвый с . . . . каналъ (извините всѣ эти подробности)—поражонъ; что если я не займусь серьезно этой болѣзней—худо будетъ; что я долженъ въ нынѣшнемъ же году провести 6 недѣль въ Карлсбадѣ и 6 недѣль въ Крейцнахѣ, а здѣсь долженъ остаться еще дней 5, въ теченіе которыхъ долженъ каждое утро къ нему ѣздить, и онъ будетъ учить меня ставить себѣ „bougies“. Это, кажется, я на перваго доктора наткнулся, который серьезно мною занялся, но какая милая перспектива... Приходится начинать старческій періодъ жизни, т.-е. заниматься возможнымъ предупрежденіемъ или замедленіемъ окончательнаго разрушенія. Что дѣлать... А скоро все выгорѣло!

„Но теперь, что предпринять? Ясно, что вамъ сюда не зачѣмъ ѣхать; боюсь только, какъ бы вы уже не выѣхали изъ Берлина. Обдумавши свое положеніе, я рѣшаюсь на слѣдующее.

„Отложить свое возвращеніе въ Россію до конца августа. На леченіе употребить 3 мѣсяца—отъ половины мая до половины августа. Съѣздить теперь въ Парижъ и Лондонъ, такъ какъ раньше половины мая—леченіе водами невозможно. Все это мнѣ, какъ колъ въ горло, но необходимость—не своя сестра. А потому, если мое письмо еще застанетъ васъ въ Берлинѣ (оно васъ застанетъ, потому что я сейчасъ посылаю къ вамъ телеграмму)— то знайте, что я во вторникъ выѣзжаю отсюда и въ среду утромъ буду въ Дрезденѣ, въ Hôtel de Saxe, куда и вы пріѣзжайте; мы тамъ сговоримся, что намъ дѣлать и какъ ѣхать. Можетъ быть, я даже въ понедѣльникъ выѣду, но во всякомъ случаѣ, въ среду утромъ я въ Дрезденѣ. И потому до свиданія. Вашъ И. Т.“.

„А скоро все выгорѣло!“—воскликнулъ Тургеневъ, сообщая діагнозъ доктора Зигмунда,—однако же не такъ скоро, какъ думалъ самъ паціентъ и его эскулапъ. Еще цѣлыхъ 26 лѣтъ горѣла трудовая лампада на письменномъ столѣ Тургенева и освѣщала возникновеніе одинъ за другимъ многихъ и многихъ капитальныхъ произведеній. Но о нихъ не было еще и помина въ Дрезденѣ. „Дворянское гнѣздо“ зрѣло въ умѣ Тургенева, но къ нему онъ еще и не приступалъ. Разговоръ нашъ обращался къ

проектамъ вояжей и встрѣчъ, изъ которыхъ ни одинъ не осуществился, какъ и большая часть такихъ проектовъ, не принимающихъ въ соображеніе случайностей и непредвидимыхъ помѣхъ. Ни слова не было сказано также и о томъ, о чемъ хотѣлъ переговорить со мною лично, о проектѣ обученія и воспитанія народа. Въ замѣнъ, литературныя новости интересовали Тургенева въ высшей степени, и анекдотовъ о людяхъ и событіяхъ изъ этой области было множество. Три дня съ ихъ обѣдами и ужинами пролетѣли незамѣтно. Тургеневъ отправился въ Лондонъ, какъ хотѣлъ, а я уѣхалъ въ Киссингенъ, а оттуда, по окончаніи курса, въ Мюнхенъ, Тироль и Зальцбургъ. Изъ Зальцбурга черезъ Берхтесгаденъ, Кёнигзее и Линцъ, праздновавшій тогда рожденіе австрійскаго кронпринца, Рудольфа, далѣе по Дунаю, въ Вѣну; изъ Вѣны я скоро достигъ Бреславля, потомъ Варшавы, а оттуда, сопровождаемый великолѣпной кометой, не сходившей съ неба почти всю ночь, прибылъ въ Петербургъ въ августѣ мѣсяцѣ. Тургеневъ явился туда же почти вслѣдъ за мной.

Онъ привезъ съ собой новинку—именно, „Дворянское гнѣздо", которую началъ еще за границей, а доканчивалъ уже всю осень въ Петербургѣ на своей квартирѣ—Б. Конюшенная, д. Вебера, посреди шума и говора пріемовъ и массы посѣтителей. Тургеневъ обладалъ способностью—въ частыхъ и продолжительныхъ своихъ переѣздахъ обдумывать нити будущихъ разсказовъ, такъ же точно, какъ создавать сцены и намѣчать подробности описаній, не прерывая горячихъ бесѣдъ кругомъ себя и часто участвуя въ нихъ весьма дѣятельно. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, черноваго подлинника „Гнѣзда"; но вотъ какую отмѣтку встрѣчаемъ на слѣдовавшемъ за „Дворянскимъ Гнѣздомъ"—романѣ „Наканунѣ":— „Начата въ Виши, во вторникъ 28 (16 іюня) 1859; кончена въ Спасскомъ въ воскресенье 25 октяб. (6 ноября) 1859; напечатана во 2-й книжкѣ „Русскаго Вѣстника" за 1860 г."—срокъ вдвое большій, чѣмъ тотъ, который потребовалъ для себя Рудинъ, въ первоначальной редакціи (7 недѣль), но тоже не очень значительный, если принять въ соображеніе время, употребленное на переѣздъ изъ Виши въ Парижъ, оттуда въ Берлинъ и Петербургъ, а оттуда черезъ Москву въ деревню орловской губерніи, и еще неизбѣжныя остановки въ городахъ. Но что̀ такое было само „Дворянское гнѣздо", явившееся въ январьской книжкѣ 1859 г. „Современника"?

Въ одинъ зимній вечеръ 1858 г., Тургеневъ пригласилъ Некрасова, Дружинина и нѣсколькихъ литераторовъ въ свою квартиру съ намѣреніемъ познакомить ихъ съ новымъ своимъ

произведеніемъ. Самъ онъ читать не могъ, наживъ себѣ сильнѣйшій бронхитъ и получивъ предписаніе отъ врача своего, докт. Шипулинскаго, не только не читать ничего для публики, но даже и не разговаривать съ пріятелями. Присужденный къ безусловному молчанію, Тургеневъ завелъ аспидную доску и вступалъ, посредствомъ нея, въ бесѣду съ нами, иногда даже очень продолжительную, что съ нѣкоторымъ навыкомъ происходило довольно ловко и быстро. Чтеніе романа поручено было мнѣ: оно заняло два вечера. Удовлетворенный всѣми отзывами о произведеніи и еще болѣе кой-какими критическими замѣчаніями, которыя тоже всѣ носили сочувственный и хвалебный оттѣнокъ, Тургеневъ не могъ не видѣть, что репутація его, какъ общественнаго писателя, психолога и живописца нравовъ, устанавливается окончательно этимъ романомъ. Совершенно успокоенный, онъ просилъ Некрасова припечатать, послѣ оглавленія, посвященіе его мнѣ, въ благодарность за чтеніе, но Некрасовъ почему-то не исполнилъ его желанія, и запоздалое посвященіе явилось только въ 1860 г. въ „Библіотекѣ для чтенія“ при замѣчательной тоже повѣсти его: „Первая любовь“ [1]).

Но что̀ произошло, когда въ „Современникѣ“ 1859 г. явился романъ: „Дворянское гнѣздо?“ Многіе предсказывали автору его овацію со стороны публики, но никто не предвидѣлъ, до чего она разовьется. Молодые писатели, начинающіе свою карьеру, одинъ за другимъ являлись къ нему, приносили свои произведенія и ждали его приговора, въ чемъ онъ никогда не отказывалъ имъ, стараясь уразумѣть ихъ дарованія и ихъ наклонности; свѣтскія, высокопоставленныя особы и знаменитости всѣхъ родовъ искали свиданія съ нимъ и его знакомства. Особенно, какъ мы уже имѣли случай замѣтить прежде—онъ сдѣлался любимцемъ прекраснаго пола, упивавшагося чтеніемъ его романа. Женщины высшихъ круговъ петербургскаго общества открыли ему свои салоны, ввели его въ свою среду, заставили отцовъ, мужей, братьевъ добиваться его пріязни и довѣрія. Онъ сдѣлался свой человѣкъ между ними и каждый вечеръ облекался во фракъ, надѣвалъ бѣлый

---

[1]) На черновой тетради „Первой любви“ стоитъ отмѣтка: „Начата въ Петербургѣ въ первыхъ числахъ 1860; кончена въ Петербургѣ же 10 (22) марта 1860“. Онъ отдалъ ее въ „Библіотеку для чтенія“ А. В. Дружинина, гдѣ она и явилась въ 3-й книжкѣ журнала, почти при самомъ отъѣздѣ за границу ея автора. По стройности всѣхъ частей, правдѣ и выдержанности характеровъ, чрезвычайному искусству разсказа, она можетъ быть сравниваема не только съ двумя предшествующими capo d'opera Тургенева, но и съ послѣднимъ послѣдовавшимъ за ними черезъ 17—18 лѣтъ, романомъ „Новь“ (1877 г.).

галстухъ и являлся на ихъ рауты и causeries удивлять изящнымъ французскимъ языкомъ, блестящимъ изложеніемъ мнѣній своихъ, съ примѣненіемъ къ понятіямъ новыхъ его слушательницъ и слушателей, остроумными анекдотами и оригинальной и весьма красивой фигурой.

Несмотря на многочисленныя свѣтскія свои обязанности, производительность Тургенева росла вмѣстѣ съ его репутаціей. Онъ не позволилъ отуманить себя общественными похвалами, а напротивъ, подъ говоръ ихъ, взглядъ его на самого себя пріобрѣталъ особенную трезвость и ясность. Едва напечатавъ „Дворянское гнѣздо“, онъ принялся за новое произведеніе, уже упомянутую повѣсть „Наканунѣ“, которая была совершенной противоположностью съ романомъ, имѣвшимъ такой колоссальный успѣхъ. Оставайся онъ при одномъ и томъ же счастливомъ мотивѣ, проведенномъ имъ однажды, имя его, какъ литератора, конечно, пользовалось бы еще заслуженнымъ уваженіемъ, но никогда не выросло бы до того значенія передъ публикой, въ какомъ застала его смерть. Собственно говоря, „Дворянское гнѣздо“ было трогательнымъ прощаніемъ устарѣлыхъ порядковъ жизни, отходящихъ въ исторію, причемъ всѣ высшія, идеальныя ихъ потребности и стремленія выставлены въ лучезарномъ свѣтѣ, какъ это бываетъ почти всегда и съ людьми, и съ порядками, съ которыми современники разстаются навсегда. Въ самомъ упоеніи славой и на первыхъ же порахъ общаго одушевленія, Тургеневъ почувствовалъ, что есть опасность продолжать такія же отношенія къ отжившему времени и далѣе. Благоуханный цвѣтокъ, выросшій на этой почвѣ и возбуждавшій всеобщій восторгъ, могъ свидѣтельствовать еще и въ пользу ея плодородности, чего Тургеневъ, будучи жаркимъ сторонникомъ грядущихъ реформъ— боялся всего болѣе. Слѣдовало напомнить энтузіастамъ романа, что характеры, завязка и развязка его, при всей ихъ вѣрности к искусствѣ обрисовки—зиждутся все-таки на обезнеченномъ состояніи лицъ, огражденныхъ крѣпостнымъ режимомъ отъ труда и богатыхъ досугомъ, который они и употребили на изумительную обработку своего внутренняго міра. Случай помогъ Тургеневу найти подходящій сюжетъ.

Проживъ съ нами часть зимы 1858 — 1859 г., Тургеневъ не разъ читалъ намъ по вечерамъ отрывки изъ скомканной, неумѣлой, плохой рукописной повѣсти нѣкоего г. Катранова (псевдонимъ, какъ объяснялъ самъ Тургеневъ [1]), удивляя насъ

[1]) Въ приложеніи или въ предисловіи, которое явилось въ III изданіи его сочиненій (1880 г.). Тамъ повѣсть приписывается молодому человѣку, по фамиліи „Ка-

своимъ участіемъ къ произведенію, не заслуживающему никакого вниманія. Имя это имѣетъ, однако же, право на упоминовеніе его въ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ, такъ какъ господинъ, носившій его, внушилъ Тургеневу идею романа „Наканунѣ“. Повѣсть Катранова, озаглавленная „Московское семейство“, изображала пожилого нѣмца, мучившаго свою подругу, добродушную старушку, Аграфену Степановну, и дочь отъ нихъ, прелестную барышню, Катерину, которая не любила отца за грубое обращеніе съ матерью. Дочь эта оказалась еще хорошей музыкантшей и очаровательной пѣвицей. Повстрѣчавшись на прогулкѣ въ окрестностяхъ Москвы съ молодымъ болгариномъ, Николаемъ Каменскимъ, пріѣхавшимъ для образованія себя въ м. университетъ, и распознавъ въ немъ сразу честную, серьезную натуру—влюбилась въ него; но онъ, по врожденной дикости, сторонился отъ нея. Съ помощью пѣнія и музыкальныхъ упражненій она скоро успѣла развить въ немъ привязанность къ себѣ, вполнѣ уничтоживъ его застѣнчивость и неповоротливость. Затѣмъ автору достаточно было 3-хъ полустраничекъ, чтобы поразить болгарина злой чахоткой въ Москвѣ, выслать его въ Италію и тамъ уморить, да и этого еще было мало. На тѣхъ же страничкахъ, авторъ помѣщаетъ еще велерѣчивое, предсмертное письмо болгарина къ Катеринѣ, которая получила его уже въ Парижѣ, куда выпросилась у отца для окончанія своего музыкальнаго образованія, сулившаго старику изрядные барыши въ недальнемъ будущемъ. Вмѣстѣ съ письмомъ Каменскаго получено было въ Парижѣ и извѣстіе о кончинѣ ея матери. Все, что̀ любила Катерина, разомъ уничтожилось вмѣстѣ съ планами ея явиться къ больному въ Италію и утѣшить его послѣднія минуты своимъ присутствіемъ. Повѣсть кончалась передачей факта, сухо, какъ обыкновенно кончаются разсказы, имѣющіе въ виду изобразить „истинное происшествіе“; но вотъ изъ какихъ слабыхъ, едва намѣченныхъ штриховъ создавалась въ умѣ Тургенева сочная картина, развивающаяся въ его „Наканунѣ“ и украсившая собою второй № „Русскаго Вѣстника“ на 1860 г.

Мы уже знаемъ, что она начата была въ іюнѣ прдъидущаго года, въ Виши. Война франко-итальянская формально уже кончилась тогда; но она продолжалась съ тайнымъ содѣйствіемъ ми-

разѣеву“, который разсказалъ событіе, съ нимъ самимъ случившееся въ Москвѣ, передалъ свой разсказъ Тургеневу для обдѣлки, сознавая свою неспособность, и отправился съ орловскимъ ополченіемъ въ 1855 г. въ Крымъ, гдѣ и умеръ. Катрановымъ назывался самъ герой его повѣсти, переименованный имъ въ Николая Каменскаго—фамилію, мало напоминавшую его болгарское происхожденіе.

нистерства короля сардинскаго, на морѣ и на сушѣ, ибо могущество Австріи не было сломлено окончательно въ Италіи. Виллафранкскій трактатъ оставлялъ Австріи еще большое вліяніе на Апеннинскомъ полуостровѣ, устранить которое приходилось уже Гарибальди, высадкой въ Неаполь и возмущеніемъ Сициліи; да императоръ французовъ не желалъ и слышать о поколебаніи римскаго владычества папы. Италія додѣлывала то, что́ Наполеонъ оставилъ полу-конченнымъ и притомъ додѣлывала на свой страхъ, не справляясь съ видами и намѣреніями своего покровителя. Не кстати медлительный и не кстати рѣшительный, Наполеонъ думалъ только о томъ, чтобы пожать новые лавры передъ публикой въ своемъ отечествѣ. Войска, участвовавшія въ итальянской кампаніи, стягивались въ Парижъ, гдѣ императоръ готовилъ имъ колоссальный смотръ—une révue monstre, имѣвшій все подобіе тріумфа старыхъ кесарей римской имперіи. Отъ этого тріумфа именно Тургеневъ и бѣжалъ сперва въ Виши, а потомъ въ Куртавнель. Отъ природы Тургеневъ былъ ненавистникомъ всего дѣланнаго, оффиціально праздничнаго, декоративнаго—безъ теплоты и сердечнаго участія. Письма его отъ этой эпохи наполнены восторженными восклицаніями: evviva Italia, evviva Garibaldi, которыя онъ считалъ еще революціонными возгласами, какъ оказывается, да еще насмѣшками и ироническимъ отношеніемъ къ французамъ и къ ихъ національному безмѣрному самолюбію, къ ихъ самообожанію. Кстати замѣтить, что онъ былъ далекъ въ это время отъ поклоненія генію Франціи, и напротивъ, не признавалъ за нимъ и тѣхъ заслугъ, какія оказали европейской цивилизаціи лучшіе ея умы. 22 (10) іюня 1859 получено было отъ него изъ Виши письмо, въ которомъ заключались, между прочимъ, и слѣдующія строки:

„Соллогуба дернуло перевести „Дворянское гнѣздо“ для Révue Contemporaine — гнусный журнальчикъ, — но я отклонилъ такую великую честь. Все французское для меня воняетъ, и ужъ, коли выбирать, лучше возиться съ французскими épiciers, чѣмъ съ французскими beaux ésprits. Я живу въ Виши въ скромномъ отелѣ, гдѣ вижу за table d'hôt'омъ нѣсколько французскихъ épiciers; особенно одинъ изъ нихъ плѣнителенъ. Онъ убѣжденъ, что русскіе мужики продаютъ своихъ дѣтей—pour le sérail du Grand Kan des Tartares, monsieur! (въ сераль великаго хана Тартаріи, государь мой!)—и прибавляетъ: Ah, monsieur! quelle sale chôse que la réligion de Mâhomet! Я, разумѣется, его не разувѣряю. Здѣшніе му-

жички сильно ругаются и употребляютъ необыкновенно замысловатыя выраженія. Недавно одна изъ нихъ при мнѣ говорила своему двухлѣтнему сыну: „Satané bougre d'anisette“. Удивительное сцѣпленіе идей. А что скажете, П. В? Можно кричать: Evviva l'Italia! Evviva Garibaldi! — чортъ возьми—Evviva Napoleone! Напишите мнѣ непремѣнно и немедленно въ Парижъ—poste restante; въ Виши вамъ писать нечего—я остаюсь здѣсь 25 дней, а письмо мое доползетъ до васъ, въ Simbirsk—не раньше мѣсяца“.

Анекдоты о плѣнительномъ épicier и о ругающейся матронѣ могли быть и вымышлены, но они показываютъ, какъ тогда смотрѣлъ Тургеневъ на французскую культуру, и какъ относился къ странѣ, которую такъ любилъ впослѣдствіи. Замѣчательно, что относительно результатовъ французско-германской войны, Тургеневъ, спустя 10 лѣтъ, обнаруживалъ то же нерасположеніе къ французамъ, какъ и тогда — что ясно видно изъ тогдашнихъ его писемъ о событіи въ С.-Петербургскія Вѣдомости. Съ пріятелями и въ тихомолку онъ говорилъ просто — французы возмущены невѣжливостью нѣмцевъ, рѣшившихся вырвать побѣду изъ рукъ непобѣдимой націи и публично осрамить ее тѣмъ передъ свѣтомъ.

Юмористическое настроеніе, привитое Тургеневу плагіатами Наполеона III изъ императорскаго Рима, длилось болѣе мѣсяца. Такъ въ письмѣ своемъ отъ 1 (13) августа 1859, носившемъ штемпель: „Rosoy en Brie“, что доказывало переѣздъ автора его изъ Виши въ Куртавнель—дачу г-жи Віардо, заключаются цѣлыя фразы на латинскомъ діалектѣ, какъ бы единственно пригодныя для выраженія его мыслей въ годину такого величественнаго военнаго праздника! Я оставилъ въ этомъ письмѣ похвальные отзывы Тургенева о моей корреспонденціи, выпущенные во всѣхъ другихъ, потому что шутливый тонъ письма много ослабляетъ ихъ паѳосъ, а во-вторыхъ и потому, что пристрастіе и слабость ко мнѣ составляли у него родъ физіологическаго признака, во всякомъ случаѣ, довольно любопытнаго. Прозвище „ненавистникъ либерализма“ я получилъ отъ Тургенева за сочувственное мнѣніе о нѣкоторыхъ обличительныхъ страницахъ извѣстнаго германиста и этнографа Риля, направленныхъ противъ гуманнаго либерализма нѣмцевъ въ его извѣстной книгѣ. Описаніе самой комнаты, гдѣ жилъ нашъ авторъ, на дачѣ г-жи Віардо, составляетъ біографическую подробность, не лишенную своего рода занимательности. Вотъ это письмо цѣликомъ:

„Куртавнель, 1 (13) августа 1859.—Ай да умница П. В. Какія большія и милыя письма пишетъ! Нельзя не погладить по головкѣ и не сказать спасибо! Съ истиннымъ наслажденіемъ прочелъ я ваши поучительныя и занимательныя странички, прочелъ не въ Парижѣ, а здѣсь, въ деревнѣ г-на В., гдѣ я нахожусь теперь и гдѣ останусь еще мѣсяцъ, до отъѣзда въ Россію. Ибо я—хотя это вамъ покажется невѣроятнымъ—къ 14 (26) числу сентября, т.-е. къ Никитину дню, т.-е. къ храмовому празднику въ моей деревнѣ, т.-е. къ прилету вальдшнеповъ, буду, если останусь въ живыхъ, въ Спасскомъ, и это такъ вѣрно, что я васъ прошу отвѣчать на это письмо числа 21 не инако, какъ: орловской губер., въ г. Мценскъ. Дѣла мои идутъ порядочно, то-есть болѣзнь меня не мучитъ (много помогли воды въ Виши) и работа подвигается; надѣюсь къ половинѣ ноября привезти въ Москву изъ деревни (гдѣ я буду сидѣть въ заперти до того времени) романъ, который объемомъ будетъ больше „Дворян. гнѣзда". Каковъ онъ будетъ въ исполненіи—это вѣдаютъ одни боги. Я долженъ вамъ сказать, что я такъ постоянно занятъ своимъ произведеніемъ — даже тогда, когда ничего не дѣлаю — что мнѣ почти нечего сообщать пріятелю: я ничего не знаю и не вѣдаю, въ строгомъ значеніи этого слова. Знаю, что завтра происходитъ въ Парижѣ великое преторіянски-цезарское празднество, что всѣ улицы Парижа перерыты, вездѣ наставлены тріумфальныя ворота, венеціанскія мачты, статуи, эмблемы, колонны, вездѣ навѣшаны знамена и цвѣты: это императоръ будетъ держать аллокуцію въ цесарско-римскомъ духѣ своимъ militibus (воинамъ); такъ что maxima similitudo invenire debet между Galliam hujusce temporis et Romam Trajani necnon Caracallae et aliorum Heliogabalorum. (Разительное сходство должно возникнуть между Франціей нынѣшняго времени и Римомъ Траяна, а также Каракаллы и разныхъ другихъ Геліогабаловъ). Боюсь продолжать латинскую рѣчь, не знаю, поймете ли вы ее, ученый другъ мой, ненавистникъ либерализма. Я, разумѣется, бѣжалъ изъ Парижа въ то самое время какъ сотни поѣздовъ со всѣхъ концовъ Европы, съ свистомъ и трескомъ, мчали тысячи гостей въ центръ міра; всякое военное торжество ist mir in Gräuel (возмущаетъ мою душу): подавно это: будутъ штыки, мундиры, крики, дерзкіе sergeants de ville и потомъ облитые адъютанты, будетъ жарко, душно и вонюче—connu, connu!.. Лучше сидѣть передъ раскрытымъ окномъ и глядѣть въ неподвижный садъ, медленно мѣшая образы собственной фантазіи съ воспоминаніями далекихъ друзей и далекой родины. Въ комнатѣ

свѣжо и тихо, въ корридорѣ слышны голоса дѣтей, сверху доносятся звуки Глюка... Чего больше?

„Риля я читалъ съ наслажденіемъ и съ чувствомъ, подобнымъ вашему чувству, хотя по временамъ честилъ его филистеромъ. Гуттена по вашей рекомендаціи прочту и привезу вамъ его портретъ [1]). За описаніе провинціальнаго броженія, сверху кислаго, въ серединѣ прѣснаго, внизу горько-горячаго—нижайшее спасибо. Вы мастеръ резюмировать данный моментъ эпохи (говоря по-русски!).

„Изъ русскихъ за границей я видѣлъ только вашего бывшаго киссингенскаго товарища, Елисѣя Калбасина; Боткинъ тайкомъ пробрался въ Англію, кажется, на островъ Уайтъ, и не даетъ знать о себѣ. Коты такъ пробираются украдкой по жолобамъ крышъ. Изрѣдка попадаются мнѣ русскіе журналы; жаль: „Русскаго Слова“ никто не выписываетъ. Говорятъ, Григорьевъ написалъ обо всѣхъ насъ статью прелюбопытную.

„Надѣюсь, что вы зиму проведете въ Петербургѣ; я постараюсь не имѣть никакихъ ларингитовъ, и авось не такъ намъ будетъ скучно, какъ въ прошломъ году. А впрочемъ, наши, батюшка, годы такіе, что нечего думать отъ скуки уйти. Хорошо еще, что глаза не отказываются, зубы не падаютъ. Я мѣсяцъ намѣренъ провести въ Москвѣ—такъ какъ мой романъ явится у Каткова. Сговоримтесь и проведемъ этотъ мѣсяцъ вмѣстѣ.

„Какая каша происходитъ въ Италіи! Вотъ гдѣ бы хорошо провести съ мѣсяцъ. Одно бѣда: пожалуй, досада возьметъ нашего брата, исконнаго зрителя — и заставитъ сдѣлать какую-нибудь глупость. Вдругъ закричишь: viva Garibaldi! или: a basso... кого-нибудь другого—и глядь, съ трехъ сторонъ розги хлещутъ по спинѣ. Въ молодые года это только кровь полируетъ; подъ старость — стыдно, или какъ говорилъ при мнѣ одинъ отечески наказанный мужикъ, лѣтъ 50: „оно не то что больно, а передъ бабой зазорно“. У насъ съ вами бабы нѣтъ, а все—зазорно.

„Satis! Преторіанскій воздухъ на меня дѣйствуетъ—не могу не говорить по латыни. Ad diabolum mitto multas res, quarum denominationes sunt ad pronunciandum difficiles. Vale et me ama. I. Turgenevius“.

Въ оцѣнкѣ „Наканунѣ“, публика наша раздѣлилась на два лагеря и не сходилась въ одномъ и томъ же пониманіи произведе-

---

[1]) Біографическій очеркъ Гуттена, составленный Страусомъ въ отдѣльной брошюрѣ. Книга Риля озаглавлена: Land und Leute. I Band. (Riehl, Naturgeschichte des Volkes).

нія, какъ то было при „Дворянскомъ гнѣздѣ“. Хвалебную часть публики составляла университетская молодежь, классъ ученыхъ и писателей, энтузіасты освобожденія угнетенныхъ племенъ—либеральный, возбуждающій тонъ повѣсти приходился имъ по нраву; свѣтская часть, наоборотъ, была встревожена. Она жила спокойно, безъ особеннаго волненія, въ ожиданіи реформъ, которыя, по ея мнѣнію, не могли быть существенны и очень серьезны—и ужаснулась настроенію автора, поднимавшаго повѣстью страшные вопросы о правахъ народа и законности, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, воюющей оппозиціи. Вдохновенная, энтузіастическая Елена казалась этому отдѣлу публики еще аномаліей въ русскомъ обществѣ, никогда не видавшемъ такихъ женщинъ. Между ними—членами отдѣла—ходило чье-то слово: „это „Наканунѣ“ никогда не будетъ имѣть своего завтра“. Повѣсть однакоже дождалась своего завтра—и притомъ кроваваго—черезъ 17 лѣтъ—когда въ самой Болгаріи русская кровь лилась ручьями за спасеніе этой несчастной землицы. Многимъ изъ возражателей Тургенева казалось даже, что повѣсть, несмотря на свои русскіе характеры, яркія черты русскаго быта и мнѣнія, способныя возникать только на нашей почвѣ, въ родѣ выходокъ Шубина, афоризмовъ Уара Ивановича—принадлежитъ очень опытному, смышленному и талантливому иностранному перу. Почти тотчасъ послѣ прибытія моего изъ деревни, я получилъ отъ Тургенева въ Петербургѣ довольно странную записочку:

„Четвергъ, вечеромъ.—Любезнѣйшій П. В. Со мной сейчасъ случилось преоригинальное обстоятельство.—У меня сейчасъ была графиня Ламбертъ съ мужемъ, и она (прочитавши мой романъ) такъ неопровержимо доказала мнѣ, что онъ никуда не годится, фальшивъ и ложенъ отъ А до Z—что я серьезно думаю —не бросить ли его въ огонь? Не смѣйтесь, пожалуйста, а приходите-ка ко мнѣ часа въ три—и я вамъ покажу ея написанныя замѣчанія, а также передамъ ея доводы. Она, безъ всякаго преувеличенія, поселила во мнѣ отвращеніе къ моему продукту—и я, безъ всякихъ шутокъ, только изъ уваженія къ вамъ и вѣря въ вашъ вкусъ—не тотъ же часъ уничтожилъ мою работу. Приходите-ка, мы потолкуемъ—и, можетъ быть, и вы убѣдитесь въ справедливости ея словъ. Лучше теперь уничтожить, чѣмъ впослѣдствіи бранить себя.—Я все это пишу не безъ досады, но безо всякой желчи, ей-Богу. Жду васъ и буду держать огонь въ каминѣ. До свиданія. Весь вашъ И. Т.“

Огонь въ каминѣ оказался не нуженъ. Черезъ полчаса размышленія сообща—авторъ убѣдился самъ, что непривычка къ политическимъ мотивамъ въ художническомъ дѣлѣ была одна изъ причинъ недовольства его критика—точно такъ же, какъ заявленная критикомъ невозможность допустить увлеченія болгарской идеей на Руси и особенно въ женскомъ сердцѣ породила всѣ тѣ упреки въ несообразностяхъ, рѣзкостяхъ и преувеличеніяхъ, какія пришлось выслушать отъ него автору съ глазу на глазъ. Графиня Ламбертъ была женщина чрезвычайно умная и чуткая къ красотѣ поэзіи, но какъ большинство развитыхъ русскихъ женщинъ не любила, чтобы искусство искало помощи и содѣйствія политики, философіи, чего-либо посторонняго, хотя бы даже науки вообще. „Наканунѣ" было такимъ образомъ спасено и явилось въ свое время и на назначенномъ ему мѣстѣ. Въ теченіе недолгаго нашего разговора съ авторомъ—мнѣ все казалось, что уничтоженія романа не желалъ и онъ самъ, что онъ обратился къ постороннему человѣку съ цѣлію имѣть третье, незаинтересованное въ дѣлѣ лицо, на которое можно бы было, при случаѣ, сослаться.

Съ появленіемъ „Наканунѣ" начались для Тургенева серьезныя непріятности и прежде всего формальный разрывъ съ издателями „Современника". Полемика, возникшая позднѣе по поводу разрыва, преувеличила его размѣры въ такой степени, какой онъ сначала вовсе не имѣлъ. Несомнѣнно, что Некрасовъ желалъ имѣть повѣсть въ своемъ журналѣ по многимъ причинамъ и прежде всего по ея либеральному содержанію, а затѣмъ и потому, что вторичное появленіе Тургенева въ „Современникѣ" и на такомъ близкомъ разстояніи (1859—60 г.) укрѣпило бы въ публикѣ мнѣніе о его намѣреніи принадлежать этому изданію преимущественно передъ другими. Уговоры и обольщенія, пущенныя въ ходъ Некрасовымъ для этой цѣли не имѣли вліянія—Тургеневъ оставался непреклоненъ. Однажды утромъ Некрасовъ явился къ автору, съ денежными предположеніями; Тургеневъ и въ этотъ разъ отринулъ предложеніе, прибавивъ, что повѣсть уже обѣщана другому, и онъ самъ не имѣлъ болѣе на нее никакихъ правъ. Черезъ нѣсколько дней онъ присоединилъ къ отказу новое огорченіе, потребовавъ въ конторѣ „Современника" полнаго разсчета за все старое время. Надо замѣтить, что съ года основанія журнала (съ 1847 г.) и даже прежде, существовали между ними счеты дружескаго характера, которые потомъ возросли и запутались до того, что Тургеневъ уже и не зналъ, подъ бременемъ какого долга онъ состоитъ у Некрасова или у журнала. Въ теченіе 12—13 лѣтъ онъ бралъ

у нихъ деньги, выплачивая то своими сочиненіями, то наличными суммами, и не справляясь о равновѣсіи уплатъ съ займами. Можно думать, что это невѣденіе коммерческой стороны дѣла подъ конецъ ему надоѣло. Другая сторона не торопилась исполнить его просьбу, можетъ быть, и потому, что понимала выгоду, какую имѣетъ всякій кредиторъ держать въ нѣкотораго рода зависимости своего должника. Но это уже былъ не старый Тургеневъ, котораго всѣ знали и который легко могъ поддаться на всякую ловушку, а другой, гораздо болѣе настойчивый и твердый. Такъ какъ онъ видимо не хотѣлъ болѣе возвратиться къ домашнему, безотчетному веденію своего литературнаго бюджета, то счетъ былъ представленъ. Безропотное, покорное очищеніе его сдѣлалось именно сигналомъ полнаго разрыва между старыми друзьями—Тургеневымъ и Некрасовымъ.

Справедливость нашихъ словъ о томъ, что не разность мнѣній была первой причиной разрыва съ „Современникомъ", а отказъ Тургенева отдать въ журналъ новую свою повѣсть и прекратить вообще свои вклады въ него, подтверждается и словами самого Тургенева. Я получилъ отъ него изъ села Спасскаго отъ 23 октября 1859 г. письмо, изъ котораго предлагаю здѣсь слѣдующія выдержки:

„Теперь нѣсколько объясненій:

„1) Конченная повѣсть (названіе ей по секрету: „Наканунѣ") будетъ помѣщена въ „Русскомъ Вѣстникѣ" и нигдѣ иначе. Это несомнѣнно—und damit Punctum.

„2) Библіотека для чтенія знаетъ, что у меня повѣсти готовой нѣтъ, но что я постараюсь и надѣюсь написать хоть небольшую вещь для нея.

„3) Во время проѣзда черезъ Петербургъ, Некрасовъ явился ко мнѣ, и сказавъ, что знаетъ, что моя повѣсть будетъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ" — просилъ хоть чего-нибудь и позволенія напечатать, что я имъ дамъ что-нибудь: новое какое-нибудь произведеніе. Къ этому онъ прибавилъ мѣстоименіе: с в о е, и вышло, что я имъ даю с в о е н о в о е п р о и з в е д е н і е. Но кромѣ этихъ трехъ словъ они отъ меня ничего не получатъ.

„Кажется, довольно объясненій. Перехожу къ другому.

„Радъ я очень утвержденію литературнаго фонда и очень бы желалъ быть въ Петербургѣ, къ 8-му ноября, но у меня т а ж е с а м а я б о л ѣ з н ь, какъ въ прошломъ году: я нѣмъ, какъ рыба, и кашляю, какъ овца. Въ прошломъ году эта штука продолжалась 6 недѣль, а здѣсь и докторовъ нѣтъ... Я не теряю надежды,

хоть къ 20-му ноября быть въ Петербургѣ—и тогда, разумѣется, по примѣру „Дворянскаго Гнѣзда", первый прочтете мою повѣсть—вы. Я теперь не имѣю никакого сужденія о томъ, что̀ я произвелъ на свѣтъ: кажется, эротическаго много, Шатобріаномъ пахнетъ... Коли не выгорѣло, брошу—не безъ сожалѣнія, но съ рѣшительностью. Теперь уже нельзя... въ грязь садиться: это позволительно только до 30 лѣтъ...

„А я теперь занятъ общимъ пересаживаніемъ крестьянъ на оброкъ. Дядя—спасибо ему!—не потерялъ времени, размежевался и переселилъ крестьянъ, такъ что они теперь сами по себѣ, и я самъ по себѣ. Оброкъ назначался по 3 руб. сер. съ десятины, разумѣется, безо всякихъ другихъ повинностей. Но лѣса истребляются страшно—всѣ продаютъ, пока ихъ не раскрали.

„Скучно мнѣ, любезный П. В., не быть въ Петербургѣ. Сидѣлъ бы въ своей комнатѣ, у Вебера, а то здѣсь живого лица не увидишь. Надо терпѣть,—а кисло.

„Толстой былъ у меня недѣли двѣ тому назадъ, но мы съ нимъ не ладимъ—хоть ты что! Впрочемъ, вы, вѣроятно, имѣете о немъ извѣстія.

„Прощайте... Жму вамъ крѣпко руку и кланяюсь всѣмъ пріятелямъ. Преданный вамъ—И. Т."

Постоянныя пикировки между Тургеневымъ и Толстымъ привели ихъ обоихъ чуть не къ формальному обмѣну пулями, о чемъ будемъ говорить скоро. Теперь же мы видимъ, что, по мысли Тургенева, разрывъ съ „Современникомъ" былъ окончательный, и произошелъ онъ изъ намѣренія его разъ навсегда высвободиться изъ кабалы, въ которую попалъ, и которая продолжалась долѣе, чѣмъ можно было терпѣть, чего Некрасовъ, съ своей стороны, никакъ не хотѣлъ понять.

Но оставалась еще публика. Съ ней надо было обращаться осмотрительнѣе. Въ послѣднее время „Современникъ", благодаря искусству своей редакціи, получилъ громадное вліяніе и распространеніе. По голосу его уже съ 1858 г. стали формироваться въ литературѣ мнѣнія и убѣжденія, которыя слѣдовало беречь и не возмущать никакимъ подобіемъ мелкаго разсчета. Все шло по прежнему тихо и прилично. Знаменитая, болѣе остроумная и блестящая, чѣмъ неотразимо-убѣдительная рѣчь Тургенева: „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ", сказанная имъ въ январѣ 1860 г. на вечерѣ литературнаго фонда—явилась, по обыкновенію, на страницахъ „Современника". Почти вслѣдъ за нею Тургеневъ еще побывалъ въ Москвѣ, повторивъ свою рѣчь тоже на вечерѣ лите-

ратурнаго фонда; добился еще для А. Н. Островскаго позволенія публично прочесть отрывокъ изъ комедіи: „Свои люди—сочтемся!“, которая много возмущала петербургскую цензуру и дозволена была московскою безъ особаго затрудненія. Тургеневъ выслалъ въ комитетъ литературнаго фонда, какъ результатъ устроеннаго имъ чтенія, 1,220 р. 50 к., прибавляя: „комитетъ долженъ быть доволенъ мною“. По возвращеніи въ Петербургъ, онъ прожилъ еще тамъ до мая мѣсяца и уѣхалъ, какъ назначалъ самъ,—сперва въ Парижъ. Русская переписка наша тоже прекратилась или перешла на иностранную почву, ибо спустя мѣсяцъ и я уѣхалъ въ Италію. Между тѣмъ приближалось для „Современника“ время подписки и являлась необходимость объяснять читателямъ—почему одинъ изъ четырехъ главныхъ сотрудниковъ журнала удалился вовсе изъ редакціи. Надо было подготовить умы къ извѣстію о разрывѣ, и дѣло началось издалека запоздалымъ разборомъ „Рудина“, поразившимъ и огорчившимъ автора романа. Я убѣдился въ этомъ изъ парижскаго письма Тургенева, полученнаго въ Петербургѣ 8-го октября 1860 г., когда я уже опять былъ дома. Письмо гласило:

„Парижъ. 12 октября н. с., 1860... Скажу вамъ нѣсколько словъ о себѣ. Я нанялъ квартиру въ Rue de Rivoli, 210, и поселился тамъ съ моей дочкой и прекраснѣйшей англичанкой-старушкой, которую Богъ помогъ мнѣ найти. Намѣренъ работать во всѣхъ силъ. Планъ моей новой повѣсти готовъ до малѣйшихъ подробностей—и я жажду за нее приняться. Что-то выйдетъ—не знаю, но Боткинъ, который находится здѣсь... весьма одобряетъ мысль, которая положена въ основаніе. Хотѣлось бы кончить эту штуку къ веснѣ, къ апрѣлю мѣсяцу и самому привезти ее въ Россію.— „Вѣкъ“ долженъ считать меня въ числѣ своихъ серьезнѣйшихъ неизмѣнныхъ сотрудниковъ. Пожалуйста пришлите мнѣ программу, а я въ свободные часы отъ моей большой работы буду писать небольшія статейки, которыя постараюсь дѣлать какъ можно интереснѣе.

„Спасибо, батюшка, за книги... И за 40 руб. данныхъ безпутному двоюродному братцу—благодарю. „За все, за все тебя благодарю я“. Этотъ сумасшедшій брандахлыстъ, прозванный у насъ въ губерніи Шамилемъ, прожилъ въ одно мгновеніе очень порядочное имѣніе, былъ монахомъ, цыганомъ, армейскимъ офицеромъ,—а теперь, кажется, посвятилъ себя ремеслу пьяницы и попрошайки (см. разсказъ Тургенева отъ 1881 г. „Отчаянный“). Я написалъ дядѣ, чтобы онъ призрѣлъ этого безпутнаго шута въ

деній (между тѣмъ, какъ отказалъ ей я, не смотря на ея просьбы—на что́ у меня существуютъ письменныя доказательства)—я не выдержалъ характера, я заявилъ публично въ чемъ было дѣло и, конечно, потерпѣлъ полное фіаско. Молодежь еще болѣе вознегодовала на меня... „Какъ смѣлъ я поднимать руку на ея идола! Что за нужда, что я былъ правъ? Я долженъ былъ молчать". Этотъ урокъ пошелъ мнѣ въ прокъ..."

Но если Тургеневъ каялся въ своемъ вмѣшательствѣ въ дѣло, касавшееся до него лично, то еще въ сильнѣйшей степени раскаявался и Некрасовъ въ томъ, что началъ его такъ смѣло и рѣшительно. Правда, что, благодаря необыкновенной даровитости своихъ главныхъ журнальныхъ сотрудниковъ и пріобрѣтенной ими чрезвычайной популярности—онъ торжествовалъ долгое время побѣду на всѣхъ пунктахъ. Но все это не мѣшало Некрасову сознавать грѣхи своей полемики. Когда составитель краткой біографіи Тургенева, приложенной къ I тому посмертнаго изданія его сочиненій 1883 г.—указалъ Некрасову еще въ 1877 г., незадолго до его смерти, нѣкоторыя черты этой полемики, то получилъ отъ него въ извиненіе замѣчаніе, будто онъ тутъ безъ вины виноватъ и, находясь на охотѣ, не думалъ вовсе о статьяхъ „Современника". Не знаемъ, насколько подобное оправданіе можетъ быть принято отъ редактора вліятельнаго журнала—знаемъ только, что обращеніе къ подписчикамъ состоялось съ его согласія и подъ его вліяніемъ. Гораздо откровеннѣе былъ Некрасовъ со мной лично, когда однажды, возвращаясь поздно ночью отъ кого-то, онъ мнѣ неожиданно сказалъ: „я васъ уважаю особенно за то, что вы не сердитесь, какъ другіе, за выходки „Свистка" противъ нашихъ литераторовъ. Могу васъ увѣрить, что я серьезно думаю положить имъ конецъ". Но „Свистокъ" процвѣталъ и послѣ того еще пуще, кажется, чѣмъ прежде. Нѣсколько дней спустя послѣ замѣчанія Некрасова, онъ самъ пріѣхалъ утромъ ко мнѣ и цѣлый часъ говорилъ въ кабинетѣ о постоянномъ присутствіи образа Тургенева передъ глазами его днемъ и особенно ночью, во снѣ, о томъ, что воспоминанія прошлаго не даютъ ему, Некрасову, покоя, и что пора кому-нибудь взяться за ихъ примиреніе и тѣмъ покончить эту безобразную (такъ онъ выразился) ссору. Но Тургеневъ уже не походилъ на человѣка, съ которымъ легко помириться по слову посторонняго, третьяго лица. Когда я передалъ ему въ письмѣ весь происходившій у насъ разговоръ, онъ отвѣчалъ ссылкой и указаніемъ на новую выходку противъ него въ „Современникѣ" и болѣе не заикался о предметѣ. Говоря вообще, никто яснѣе Некрасова не видѣлъ собственныхъ проступковъ и

прегрѣшеній и никто не слѣдовалъ такъ постоянно по разъ выбранному пути, хотя бы и осуждаемому его совѣстью. Это была странная настойчивость, которую, подъ-часъ, онъ старался искупить великодушіемъ и готовностью на многочисленныя жертвы. Можно сказать, что онъ всю жизнь состоялъ подъ настоятельной потребностью самоочищенія и искупленія, не исправляясь отъ грѣховъ, въ которыхъ горячо каялся. Примиреніе между врагами произошло только тогда, когда Некрасовъ уже одной ногой стоялъ въ гробу.

Второй эпизодъ изъ жизни Тургенева, не мало огорчавшій его, относится къ тому же времени — литературное недоразумѣніе съ романистомъ-художникомъ Иваномъ Александровичемъ Гончаровымъ — не заслуживалъ бы и разсказа, еслибы не авторитетныя имена обоихъ участниковъ этого спора. Впрочемъ, мы ограничимся только передачей третейскаго суда, потребованнаго Тургеневымъ, который во всемъ этомъ дѣлѣ усмотрѣлъ намѣреніе объявить успѣхъ „Дворянскаго Гнѣзда“ и „Накунѣ“ пріобрѣтеннымъ неправильно. Дѣло, безъ сомнѣнія, раздутое услужливыми пріятелями, заключалось въ слѣдующемъ. По возвращеніи изъ кругосвѣтнаго своего путешествія или даже и ранѣе того И. А. Гончаровъ прочелъ нѣкоторую часть изготовленнаго имъ романа „Обрывъ“ Тургеневу и разсказалъ ему содержаніе этого произведенія. При появленіи „Дворянскаго Гнѣзда“, Тургеневъ былъ удивленъ, услыхавъ, что авторъ романа, который впослѣдствіи явился подъ заглавіемъ: „Обрывъ“, находитъ поразительное сходство сюжетовъ между романомъ и его собственнымъ замысломъ, что̀ онъ и выразилъ Тургеневу лично. Тургеневъ, въ отвѣтъ на это, согласно съ указаніемъ И. А. Гончарова, выключилъ изъ своего романа одно мѣсто, напоминавшее какую-то подробность—и „я успокоился“—прибавляетъ И. А. Гончаровъ въ объяснительномъ письмѣ къ Тургеневу. Съ появленіемъ „Накунѣ“ произошло то же самое. Прочитавъ страницъ 30 или 40 изъ романа, какъ говорится въ письмѣ И. А. къ Тургеневу, отъ 3 марта 1860 г., онъ выражаетъ сочувствіе автору: „Мнѣ очень весело признать въ васъ смѣлаго и колоссальнаго артиста“, — говоритъ онъ,— но вмѣстѣ съ тѣмъ письмо заключало въ себѣ и слѣдующее. „Какъ въ человѣкѣ, цѣню въ васъ одну благородную черту— это то радушіе и снисходительность, пристальное вниманіе, съ которымъ вы выслушиваете сочиненія другихъ, и, между прочимъ, недавно выслушали и расхвалили мой ничтожный отрывокъ все изъ того же романа, который былъ вамъ разсказанъ уже давно, въ программѣ“. Вслѣдъ за письмомъ стали распространяться

и рости въ Петербургѣ слухи, что оба романа Тургенева суть не болѣе какъ плагіатъ неизданной повѣсти Ивана Александровича. Эти слухи, разумѣется, скоро дошли до обоихъ авторовъ, и на этотъ разъ Тургеневъ потребовалъ третейскаго суда. И. А. Гончаровъ соглашался подчиниться приговору такого суда на одномъ условіи, чтобы судъ не обратился къ слѣдственной процедурѣ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ юридическихъ доказательствъ не существуетъ ни у одной изъ обѣихъ сторонъ, и чтобы судьи выразили свое мнѣніе только по вопросу, признаютъ ли они за нимъ, Гончаровымъ, право на сомнѣніе, которое можетъ зародиться и отъ внѣшняго, поверхностнаго сходства произведеній, и помѣшать автору свободно разработывать свой романъ. На одно замѣчаніе Тургенева Гончаровъ отвѣчалъ съ достоинствомъ: „на ваше предположеніе, что меня безпокоятъ ваши успѣхи—позвольте улыбнуться и—только". Эксперты, послѣ выбора ихъ, собрались наконецъ 29 марта 1860, въ квартирѣ И. А. Гончарова — это были: С. С. Дудышкинъ, А. В. Дружининъ и П. В. Анненковъ—люди, сочувствовавшіе одинаково обѣимъ сторонамъ и ничего такъ не желавшіе, какъ уничтожить и самый предлогъ къ нарушенію добрыхъ отношеній между лицами, имѣвшими одинаковое право на уваженіе къ ихъ авторитетному имени. Послѣ изложенія дѣла, обмѣна добавленій сторонами—замѣчанія экспертовъ всѣ сводились къ одному знаменателю. Произведенія Тургенева и Гончарова, какъ возникшія на одной и той же русской почвѣ — должны были тѣмъ самымъ имѣть нѣсколько схожихъ положеній, случайно совпадать въ нѣкоторыхъ мысляхъ и выраженіяхъ, что оправдываетъ и извиняетъ обѣ стороны. И. А. Гончаровъ, казалось, остался доволенъ этимъ рѣшеніемъ экспертовъ. Не то, однакоже, случилось съ Тургеневымъ. Лицо его покрылось болѣзненной блѣдностью; онъ пересѣлъ на кресло и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ слѣдующее. Я помню каждое его слово, какъ и выраженіе его физіономіи, ибо никогда не видѣлъ его въ такомъ возбужденномъ состояніи. „Дѣло наше съ вами, Иванъ Александровичъ, теперь кончено; но я позволю себѣ прибавить къ нему одно послѣднее слово. Дружескія наши отношенія съ этой минуты прекращаются. То, что произошло между нами, показало мнѣ ясно, какія опасныя послѣдствія могутъ являться изъ пріятельскаго обмѣна мыслей, изъ простыхъ, довѣрчивыхъ связей. Я остаюсь поклонникомъ вашего таланта и, вѣроятно, еще не разъ мнѣ придется восхищаться имъ, вмѣстѣ съ другими, но сердечнаго благорасположенія, какъ прежде, и задушевной откровенности между нами существовать уже не

можетъ съ этого дня". И кивнувъ всѣмъ головой, онъ вышелъ изъ комнаты. Засѣданіе наше тѣмъ самымъ было прекращено. Позже, они помирились въ 1864 — при похоронахъ одного изъ экспертовъ, именно, А. В. Дружинина. Во время самой заупокойной обѣдни на смоленскомъ кладбищѣ, передъ раскрытымъ гробомъ журналиста, произошло это примиреніе, которое, къ сожалѣнію, все же не могло возстановить вполнѣ прежнихъ добрыхъ ихъ отношеній.

Третій эпизодъ изъ жизни Тургенева касался уже весьма близкаго къ нему лица—гр. Л. Н. Толстого, но объ этомъ будетъ сказано ниже.

П. Анненковъ.

Берлинъ, 1885 г.

ГРАФИНЯ Е. П. РОСТОПЧИНА

1811—1858.

ОЧЕРКЪ.

Едвали кто изъ нашихъ писателей былъ такъ рано оцѣненъ какъ графиня Евдокія Петровна Ростопчина, едвали кто былъ такъ дружелюбно встрѣченъ и не только со стороны увлекающейся толпы: ее осыпали похвалами корифеи нашей литературы; ее высоко ставили не только у насъ, но и на западѣ. О ней помѣщались хвалебныя статьи во французскихъ, англійскихъ журналахъ. И послѣ цѣлаго ряда дружныхъ хвалебныхъ гимновъ,—вдругъ такое могильное, мертвенное забвеніе въ настоящемъ! Со времени смерти гр. Ростопчиной прошло всего 25 лѣтъ, а ея уже никто не читаетъ; съ трудомъ можно отыскать ея сочиненія въ самыхъ обширныхъ публичныхъ библіотекахъ. Въ литературѣ о ней за все время появилась только одна небольшая статья г. П. Быкова въ „Новомъ Русскомъ Базарѣ“ за 1875 годъ [1]); ни одного обстоятельнаго некролога послѣ смерти [2]).

Ростопчина еще при жизни пережила себя, пережила славу писательницы. Тому полному забвенью, какимъ осѣнена теперь ея могила на Пятницкомъ кладбищѣ за Крестовской заставой, въ Москвѣ,—предшествовало охлажденіе, разладъ между ею и возникавшимъ въ русской жизни новымъ направленіемъ; въ ея сторону изъ лагеря молодой литературы долго неслись насмѣшки.

---

[1]) № 12. Въ 1878, эта статья была перепечатана въ „Др. и Нов. Россіи“, № 7.

[2]) Только въ 1881 г. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ (за іюнь) помѣщена небольшая біографическая замѣтка о ней ея брата Д. Сушкова, гдѣ невѣрно сообщены какъ хронологія литературной дѣятельности графини, такъ и многія другія подробности.

Открытая вражда длилась съ обѣихъ сторонъ почти десять лѣтъ.

Очеркъ такой странной перемѣны литературныхъ отношеній, въ связи съ краткимъ обзоромъ литературной дѣятельности Ростопчиной и опредѣленіемъ характерныхъ особенностей ея, какъ женщины-писательницы, можетъ быть не лишенъ нѣкотораго интереса. Къ тому же мнѣ удалось въ бумагахъ ея дяди, Н. В. Сушкова, ознакомиться съ „воспоминаніями" о ней и отыскать ненапечатанное до сихъ поръ ея произведеніе—сатиру: „Домъ сумасшедшихъ" [1]).

I.

Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія русскія барышни, обвороженныя музыкальнымъ стихомъ Пушкина, сильно увлеклись русской поэзіей. Стихами бредила всякая свѣтская дѣвица, не лишенная поэтическаго чутья и любви къ изящному. Г-жа Пассекъ въ своихъ воспоминаніяхъ признается, что бредила стихами, сама сочиняла стихи. Бредили ими и г-жа Глинка, Каролина Павлова, и дочь Петра Васильевича Сушкова, рожденная въ 1811 году—Евдокія Петровна, впослѣдствіи графиня Ростопчина.

Любовь Сушковой къ поэзіи воспитывалась и поддерживалась окружающей средой. Всѣ ея дяди, тетки и даже бабушка по отцѣ (урожденная Храповицкая) были страстные любители литературы; почти всѣ писали, если не для печати, то для себя [2]). Литературная атмосфера стояла надъ ея колыбелью, окружала ея дѣтство. Всякая литературная новость, всякое выдающееся произведеніе — русское, иностранное—было предметомъ разговора, обѣгало гостиныя и залы ея богатыхъ родственниковъ, нерѣдко переполненныя картежными столами и съѣхавшимися изъ отдаленныхъ губерній игроками—помѣщиками. Случалось, карточный интересъ заглушалъ въ юномъ членѣ семьи только-что начавшую зарождаться любовь къ литературѣ. И молодой человѣкъ, вчера увлекавшійся стихами, сегодня весь уходилъ въ интересъ зеленаго поля и уходилъ безвозвратно. Многіе изъ Сушковыхъ сдѣлали себѣ впослѣдствіи изъ картежной игры спеціальность и достигали на этомъ поприщѣ артистическаго совершенства; разъѣзжали по Россіи, устраивали карточные турниры, публичныя состязанія.

---

[1]) Румянцовскій музей: рукопись подъ № 1356.

[2]) Бабушка перевела съ англійскаго „Потерянный рай" Мильтона.

Другіе же съ неменьшей страстностью,—которая составляетъ фамильную наслѣдственную черту Сушковыхъ,—уходили въ интересъ литературы. Н. В. Сушковъ, родной дядя графини Ростопчиной, былъ въ свое время извѣстный литераторъ, авторъ многихъ драмъ, повѣстей, критическихъ статей, издатель сборника „Раутъ“. Онъ былъ близкимъ совѣтникомъ племянницы въ ея литературныхъ занятіяхъ.

Матеріальное довольство, условія помѣщичьей жизни дѣлали въ то время изъ литературы, какъ и изъ карточной игры, родъ забавы, утонченнаго наслажденія. Такой взглядъ на литературу усвоила и Евдокія Петровна еще съ дѣтства.

Дѣвочкой она пробуетъ писать [1]). Стихи читаются родственниками и подругами и заслуживаютъ одобреніе. Первая удача была рѣшительнымъ толчкомъ на писательскую дорогу.

Рядомъ съ стихами Пушкина въ литературѣ появляются стихи Дельвига, одна за другой баллады Шиллера въ переводѣ Жуковскаго, а нѣсколько позднѣе и стихи Лермонтова. Молоденькая Сушкова просиживаетъ за ними дни и ночи. Многое, какъ, напримѣръ Байрона, Альфреда де-Виньи, читаетъ украдкой, когда все въ домѣ уляжется, когда какая-нибудь мадамъ не слѣдитъ за ней зоркимъ окомъ, замѣняющимъ ласки и заботы рано умершей матери [2]). Чтеніемъ книгъ замѣняется ученье, которое въ тѣ времена ограничивалось для женщины танцами, музыкой, иностранными языками.

Со смерти матери въ домѣ П. В. Сушкова поселилась его родная сестра Прасковья Васильевна. На ней собственно и лежали всѣ хлопоты по хозяйству и по воспитанію маленькой Евдокіи и ея братьевъ, Сергѣя и Дмитрія. Отецъ не отличался качествами хорошаго семьянина: онъ не любилъ тишины, рѣдкій вечеръ просиживалъ дома—и то, если ждалъ гостей; обыкновенно же шелъ или въ клубъ, или въ ресторанъ, или къ кому-нибудь изъ товарищей.

Вотъ что говоритъ Ростопчина объ отцѣ въ одномъ изъ романовъ [3]), гдѣ подъ видомъ героини изобразила себя. „Утромъ отецъ приходитъ пить чай къ дочери, ласкаетъ ее, много разспрашиваетъ о вечернихъ выѣздахъ и занятіяхъ, о томъ, что, мо-

---

[1]) Объ „одѣ на Шарлоту Корде“, которую Ростопчина впослѣдствіи сожгла, она упоминаетъ, какъ объ одномъ изъ раннихъ своихъ произведеній, писанныхъ, когда ей было лѣтъ 14. („Очеркъ о Лермонтовѣ“ Ростопчиной).

[2]) Дарья Ивановна Сушкова, урожденная Пашкова, умерла въ мартѣ 1817 года отъ чахотки; ей было 27 лѣтъ.

[3]) „Счастливая Женщина“.

жетъ быть, нужно или пріятно исполнить ея требованія, даже прихоти, крестилъ, цѣловалъ (онъ былъ очень нѣжный отецъ) и уѣзжалъ на весь день"... И дѣвочка знала, что у нея есть отецъ, который ее любитъ, но котораго она почти совсѣмъ не видитъ. Онъ ей ни въ чемъ не отказывалъ, охотно исполнялъ даже капризы. И въ Евдокіи понемногу зарождались настойчивость и эгоизмъ...

Привлекательныя черты дѣвочки, будущей красавицы, рано стали останавливать на себѣ любопытные взгляды. Уже въ 14 лѣтъ ей намекаютъ объ ея силѣ въ будущемъ, ей говорятъ о „вѣчныхъ минутахъ" [1]). И понемногу пробуждаются въ дѣвочкѣ женскія мысли; забѣгаютъ въ голову неясныя, смутныя мечты о женскомъ счастьѣ. Будь Ростопчина некрасива, при ея страсти къ поэзіи, она всецѣло ушла бы въ литературный интересъ и, можетъ быть, настолько, чтобы не замѣчать окружающей жизни. Такъ часто случалось и случается съ женщинами въ силу развившейся въ нихъ отъ условій прошлаго односторонности. Эта черта рельефно отражается на произведеніяхъ многихъ женщинъ писательницъ. Красавица трактуетъ о наслажденіяхъ жизни до забвенія другихъ интересовъ; дурнушка часто совсѣмъ не хочетъ признавать области женскихъ чувствъ, радости любви, умалчиваетъ о цѣломъ духовномъ мірѣ чисто женской жизни, думъ, печалей. Евдокія Сушкова была красавица, и потому жизнь не могла не напомнить ей о себѣ, и Сушкова всецѣло приковалась къ чарамъ жизни, къ пьянящему веселью и сдѣлала его цѣлью своего существованія.

Теперь, когда Сушковой минуло 17 лѣтъ, было бы самое время поучиться, понаблюдать жизнь, развить умъ, дать ему опредѣленное направленіе, серьезное содержаніе, выработать идеалъ, безъ котораго и большой талантъ можетъ оказаться только красивой мишурой. Но почти небывалое торжество на первомъ балу (1828 г.) увлекаетъ ее въ другую сторону... Балъ слѣдуетъ за баломъ. Всюду носятся похвалы ея красотѣ, а названіе поэтессы, словно вѣнокъ изъ рѣдкихъ цвѣтовъ, обвиваетъ изящную головку, усыпанную кудрями до плечъ, и еще болѣе усиливаетъ красоту... Голова кружится отъ опьянѣнія похвалъ и словъ обожанія. Она—олицетворенное женское счастье!

---

[1]) „Мнѣ помнится,—говоритъ Ростопчина въ романѣ: „Счастливая Женщина",—что когда мнѣ было 14 лѣтъ, одинъ изъ друзей моихъ—А. И. Тургеневъ—написалъ въ моемъ дѣтскомъ альбомѣ: „Es giebt im Menschenleben ewige Minuten"... Мнѣ тогда неизвѣстно было, что такое „вѣчныя минуты"... (Москвит. 1851 дек.).

Послѣ этого естественно, что красавица Сушкова оцѣниваетъ въ себѣ прежде всего женщину.

„. . . . Я женщина во всемъ значеньи слова,
Всѣмъ женскимъ склонностямъ покорна я вполнѣ;
Я только женщина; гордиться тѣмъ готова“... [1])

Отсюда опредѣляется и все содержаніе ея поэзіи. Ростопчина воспѣваетъ наслажденіе, любовь, удачи и неудачи своего женскаго сердца. Она—женщина, рождена только для того, „чтобы любить и любимой быть“.

Въ первыхъ стихотвореніяхъ, Сушкова описываетъ молодой мѣсяцъ, балъ, цыганскій таборъ, встрѣчу съ другомъ, пріемы вѣтреной кокетки и т. п. Стихи поражаютъ музыкальностью, изяществомъ отдѣлки. Тонъ разочарованія, пересаженный въ нашу литературу Лермонтовымъ, въ то время такой обаятельный, новый, придавалъ исключительную прелесть стихотвореніямъ красавицы. Она не шла рабски по стопамъ Лермонтова; она въ началѣ брала одновременно съ нимъ однѣ и тѣ же ноты, только тонъ ихъ былъ различный, сила въ рукахъ не одинакая. Подражаніемъ Лермонтову отзываются стихотворенія, писанныя много позднѣй, когда знаменитый современникъ недосягаемо обогналъ ее. Мотивъ разочарованія, у Ростопчиной былъ чисто женскій.

„Пустите жить меня на волѣ
Разгуломъ жизни молодой!..
Ребенокъ проситъ женской доли,
Ужъ онъ не сытъ одной мечтой“ [2]).

Затѣмъ тоскуетъ, что „много испытала“, „купила опытность цѣною дорогой“:

„И людямъ, и судьбѣ я вѣрить перестала,
Я разучилась жить безумною мечтой“ [3]).

Но первый вечеръ съ цыганами разгоняетъ тоску и вылечиваетъ отъ щемящаго чувства. Красавица упоена „дикой гармоніей“ „дикаго народа“, и съ восхищеніемъ описываетъ пѣсни и пляски цыганъ. Веселый видъ въ 30-хъ годахъ—времена Онѣгиныхъ и зарождавшихся Печориныхъ—считался признакомъ ординарности, пошлости, и потому вслѣдъ за веселымъ беззабот-

---

[1]) Собраніе стихот. Ростопчиной. Изданіе 1856 г., I, стр. 266.
[2]) Тамъ же, стр. 44.
[3]) Тамъ же, стр. 50.

нымъ смѣхомъ на лицо Евдокіи надвигается задумчивость, унылость.

„Такъ!.. я задумчива, уныла,
Душа угнетена тоской,
Думъ черныхъ роковая сила
Во мнѣ волнуетъ умъ младой!“ [1])

Въ большинствѣ случаевъ ея думы, тоска, желанія неопредѣленны, неясны даже для нея самой.

„Грезы ходятъ кругомъ... и манятъ, и зовутъ
И зовутъ за предѣлы земнаго,
Такъ не ясны онѣ, а такъ много даютъ
Сладко-томнаго, грустно святаго“ [2]).

Послѣ выхода замужъ она много говоритъ на тэму запоздалаго счастья, поздней встрѣчи, сожалѣнія, разрыва... Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній полны искренняго чувства и недурны въ музыкальномъ отношеніи. Таково „Прощанье“, гдѣ авторъ обращается къ запоздавшему своимъ появленіемъ другу въ слѣдующихъ словахъ:

„Межъ нами такъ много созвучій!
Сочувствій насъ цѣпь обвила,
И та же мечта насъ въ міръ лучшій,
Въ міръ грезъ и чудесъ унесла.

***

Въ поэзіи, въ музыкѣ оба
Мы ищемъ отрады живой,
Душой близнецы мы... Ахъ! что бы
Намъ встрѣтиться раньше съ тобой?..“ [3])

Но Ростопчина не расплывается въ напрасныхъ безплодныхъ сожалѣніяхъ; она полна той гордости, которой отличаются сильныя, демоническія натуры... Состраданіе и сожалѣніе со стороны толпы можетъ только оскорбить ее. Потому въ минуту тяжелой тоски она говоритъ:

„Бушуй и волнуйся, глубокое море,
И ревомъ сердитымъ грозу оглушай!
О, бѣдное сердце, тебя гложетъ горе,
Но гордой улыбкой судьбѣ отвѣчай!“ [4])

Подобно Лермонтову, она любитъ уходить въ созерцаніе природы отъ несимпатичныхъ сторонъ свѣтской жизни, а иногда и отъ личнаго горя. Какъ и Лермонтовъ, она усматривала въ яв-

---

[1]) Тамъ же, стр. 73.
[2]) Тамъ же, II, стр. 145.
[3]) Тамъ же, I, стр. 145.
[4]) Тамъ же, стр. 117.

леніяхъ природы аналогію съ своимъ внутреннимъ міромъ, съ жизнью людей. Стихотвореніе „Плющъ“, „Волна“ и другія вышли въ этомъ отношеніи весьма удачны. Ихъ съ удовольствіемъ можно перечитать и теперь.

„Гдѣ онѣ, гдѣ онѣ... куда скрылись онѣ,
Тѣ душистыя розы мои,
Что недавно еще улыбалися мнѣ,
Такъ роскошно, такъ пышно цвѣли?..
. . . .
Уцѣлѣлъ лишь одинъ, неизмѣнный межъ нихъ—
То мой плющъ, плющъ, взлелѣянный мной,
Онъ по-прежнему свѣжъ, и на вѣтвяхъ густыхъ
Вьются листья зеленой волной.
. . . .
Такъ и вы, такъ и вы, шумныхъ радостей рой,
Наслажденій, веселій разгаръ,
Упоительный чадъ, чары жизни младой
Миновали, исчезли, какъ паръ!..
Все, что въ лучшіе дни утѣшало меня,
Все прошло съ мимолетностью сна...
Мнѣ осталась вѣрна только дума моя,
Только дума моя спасена“. [1])

Рядомъ съ тономъ разочарованія въ ея раннихъ произведеніяхъ замѣчается склонность къ разсужденію. Нерѣдко разсудительно - нравоучительный тонъ выводитъ автора за предѣлъ стихотворной рѣчи, подавляя своей сухой прозой поэтическій колоритъ стиха. Чѣмъ дальше, тѣмъ больше растетъ этотъ элементъ ея поэзіи и почти весь сводится къ традиціонной морали, къ „вѣками освященному обычаю“.

Не могла, конечно, уберечься Ростопчина отъ подражанія и другимъ великимъ современникамъ: Пушкину, Кольцову и даже— хотя, правда, только съ внѣшней стороны—Гоголю. Всѣ подражанія были изящны, дышали самобытной прелестью. Любовь къ фантастическому, въ обиліи занесенному въ нашу литературу произведеніями Гофмана, выразилась у нея, между прочимъ, въ фантастической ораторіи: „Нежившая душа“, окончаніе къ которой („Отжившая душа“) появилось почти черезъ 10 лѣтъ, когда авторъ достаточно искусился въ жизни и во многомъ разочаровался.

---

[1]) Тамъ же, стр. 309—310.

II.

Несмотря на расточаемыя похвалы, несмотря на торжество въ обществѣ, Сушкова робко относится къ титулу поэтессы. Въ лѣта юности, когда такъ вѣрится во все высокое и прекрасное, идеальный ореолъ окружаетъ треножникъ литературы и стоящихъ вокругъ жрецовъ; страхъ суда охватываетъ душу. И Сушкова пишетъ только для друзей, не рѣшаясь печатать [1]). Стихи заходятъ далеко за предѣлы знакомыхъ; случается, черезъ одного изъ родственниковъ—Н. П. Огарева,—попадаютъ и въ кружокъ Герцена. Друзья, знакомые, университетская молодежь—всѣ остаются довольны свѣжестью и прелестью таланта. Стихи заучиваются наизусть. Герценъ пользуется ими въ своихъ письмахъ: такъ удачно выражаютъ они извѣстное состояніе молодой души.

Со времени выхода замужъ (1833 г.) за графа А. Ѳ. Ростопчина, сына извѣстнаго главнокомандующаго Москвы, для Евдокіи Петровны открылись двери высшаго свѣта, она стала выѣзжать на придворные балы и маскарады [2]); еще шире сдѣлалась арена побѣдъ, получилась большая увѣренность въ свою красоту, а рядомъ съ этимъ и въ силу таланта....

И она, наконецъ, рѣшаетъ печатать свои произведенія. Но страхъ суда, а можетъ быть, и боязнь мало уважаемаго тогда въ извѣстномъ кругу названія „писатель“, еще долго заставляютъ Ростопчину прикрываться то буквою „а“, то начальными буквами своей фамиліи, наконецъ, псевдонимомъ „Ясновидящая“. Тѣмъ не менѣе въ литературѣ ее быстро узнали и подъ покрываломъ, сорвали псевдонимъ и осыпали похвалами. Ее удостоили похвалъ и одобренія даже такія величины, какъ Пушкинъ, Жуковскій, Лермонтовъ и др.

„...О, не забуду я,—говоритъ Ростопчина въ предисловіи къ драматическимъ сценамъ: „Дочь Донъ-Жуана“: —

„Что Пушкина улыбкой вдохновенной
Былъ награжденъ мой простодушный стихъ...
. . . .

---

[1]) Д. Сушковъ говоритъ, что стихотвореніе „Талисманъ“ было ея первою печатною вещью. Кн. Вяземскій напечаталъ его самовольно съ подписью Д. С—ва: онъ думалъ, что автора зовутъ Дарьей, такъ какъ въ домѣ Е. П. всѣ звали Додо. („Истор. Вѣст.“ 1881, іюнь).

[2]) Въ 1841 г. Ростопчина была на придворномъ маскарадѣ въ Царскомъ Селѣ (Рус. Стар. 1883, № 8).

Онъ, нашъ кумиръ... онъ, слава русской славы,
Благословлялъ на дальній путь меня" [1]).

Онъ съ нѣжнымъ привѣтомъ ко мнѣ обращался, — говоритъ она въ стихотвореніи „Двѣ встрѣчи": —

„Онъ дружбой безъ лести меня ободрялъ...
...Стихи безъ искусства ему я шептала,
И взоръ снисхожденья съ восторгомъ встрѣчала" [2]).

А Жуковскій, котораго она называетъ „мой сердца духовникъ", прислалъ ей послѣ смерти Пушкина оставшуюся неначатою записную книжку покойнаго поэта съ своимъ письмомъ, гдѣ говорилъ: „мнѣ досталась она изъ рукъ смерти; я началъ ее; то, что въ ней найдете, не напечатано нигдѣ. Вы дополните и докончите эту книгу его. Она теперь достигла настоящаго своего назначенія" [3]).

Лермонтовъ въ свой послѣдній пріѣздъ съ Кавказа въ Петербургъ близко сошелся съ ней, оцѣнилъ въ ней красивую женщину и поэтессу. На прощанье подарилъ альбомъ, въ которомъ написалъ собственноручно теперь извѣстное всѣмъ изящное стихотвореніе:

„Я вѣрю подъ одной звѣздою
Мы были съ вами рождены"...

Какъ было не закружиться головѣ, отъ такого тріумфа? И отнынѣ въ ея голову уже не закрадывается прежнее сомнѣнье, прежняя скромность, которыя такъ и трогательны въ настоящемъ великомъ талантѣ. Съ этихъ поръ Ростопчина какъ бы влюбляется въ себя.

„Въ слезахъ ли, въ радости-ль собою занята,
Я знаю лишь себя", [4])

безъ смущенія уже признается она, и пишетъ обо всемъ, что взбредетъ въ ея наполненную самообожаніемъ голову. Она полна смѣлости, и въ 1841 году издаетъ первое собраніе своихъ стихотвореній.

До сихъ поръ ея стихи были пріятнымъ дессертомъ. Маленькая, граціозная вещица, прочтенная въ гостиной, оставляла поэтическое впечатлѣніе, давала мотивъ къ литературнымъ разговорамъ. Теперь, съ выходомъ въ свѣтъ полнаго собранія стихотвореній должна была обрисоваться и ея литературная физіономія.

---

[1]) Пантеонъ, 1856, № 1.
[2]) Стих. Ростопчиной. 1856 г., I, стр. 256—257.
[3]) Тамъ же, стр. 231.
[4]) Стих. Ростопчиной. II, 143.

III.

Давно уже всѣ толстые журналы на расхвать брали и печатали ея стихи. Она была модная писательница, къ тому же и богатая, обезпеченная женщина, нерѣдко отказывавшаяся отъ всякаго гонорара. Послѣднее служило, конечно, не малой приманкой для многихъ издателей. Не было журнала, гдѣ бы не пѣли ей панегириковъ. „Современникъ", издававшійся тогда Плетневымъ, приходилъ въ восторгъ отъ одного предвкушенія, что скоро увидитъ собраніе ея стихотвореній [1]). Можно представить послѣ этого, какими похвалами разразился онъ, когда вышла ожидаемая книжка. „Это—явленіе, какого не было въ нашей литературѣ,— объявлялъ онъ въ отдѣлѣ критики,—явленіе, на которое нельзя смотрѣть безъ полнаго участія, безъ особаго любопытства и неизъяснимаго удовольствія. Передъ нами открытъ непроницаемый лабиринтъ юнаго, пылкаго, трепещущаго сердца" [2]).

Такія восторженныя похвалы обѣжали библіографическій отдѣлъ всѣхъ журналовъ. Ободреніемъ встрѣтилъ выходъ книжки и нашъ первый критикъ, всегда поражавшій вѣрностью, какъ и на этотъ разъ, своего сужденія и поэтическаго чутья. Бѣлинскій призналъ въ гр. Ростопчиной „поэтическую прелесть" и „высокій талантъ"; но не одобрялъ за пустоту содержанія и за „служеніе богу салоновъ": „наши салоны слишкомъ сухая, безплодная почва для поэзіи", говорилъ онъ [3]).

Это, кажется, была первая поправка, первое указаніе со стороны критики на пустоту, безсодержательность музы Ростопчиной,—поправка мягкая, деликатная.

Понять смыслъ и глубину замѣчанія—ей, утонувшей въ похвалахъ и самообожаніи, погруженной въ пустоту свѣтской жизни, бальнаго успѣха, разумѣется, было немыслимо: Если не свѣтскій салонъ, то что же есть на свѣтѣ болѣе изящнаго и достойнаго ея женскаго поэтическаго пера? „Ничего, нигдѣ" — рѣшительно отвѣтила бы она, еслибы хоть на минуту остановилась на сдѣланномъ замѣчаніи. Но она только небрежно отмахнулась отъ него, какъ отъ внезапно прожужжавшаго надъ ухомъ докучливаго комара, и продолжала писать въ томъ же направленіи.

---

[1]) Современникъ. 1840, 18 ч., стр. 89.
[2]) Современникъ. 1841, 22 ч., стр. 7.
[3]) Соч. Бѣлинскаго. V, стр. 348.

Въ 1845 году Е. П. выѣхала въ первый разъ за границу, въ давно привлекавшую ея мечты Италію. Тамъ написала она знаменитую балладу: „Неравный бракъ“, или, какъ ее еще называютъ, „Старый баронъ“, которая надѣлала много шуму и въ Россіи, и на западѣ.

Въ балладѣ изображалось, какъ старый баронъ сзываетъ вассаловъ и проситъ судить, кто виноватъ—онъ, или его молодая, сварливая, непокорная жена. Она строитъ противъ него козни, держится, какъ личный врагъ. И это отплата за все, что́ онъ для нея сдѣлалъ: онъ призрѣлъ ее сиротою, взялъ разоренной, позаботился о защитѣ...

„Но недовольна и грустна
Неблагодарная жена“...

Въ свою очередь жена выступаетъ передъ вассалами съ защитительной рѣчью. Она рѣзко рисуетъ свое тяжелое, подневольное положеніе, положеніе рабы. Оказывается, она вышла за барона не по своей волѣ:

„Я предана... я продана,
Я—узница, я—не жена.“

Всѣ заботы стараго мужа безсильны, чтобы утѣшить молодую жену въ ея подневольномъ положеніи, гдѣ ей не дозволяютъ ни говорить, ни молиться на родномъ языкѣ:

„Позоръ, гоненье и неволю
Мнѣ въ брачный даръ приноситъ онъ,—
И мнѣ ли, ропотъ запрещенъ?
Еще-ль, терпя такую долю,
Таить отъ всѣхъ ее должна
Насильно взятая жена?“ [1])

Еслибы гр. Ростопчина больше ничего не написала, кромѣ этихъ полныхъ жизни, силы и энергіи стиховъ, вылитыхъ въ такую прекрасную гармонію формы съ содержаніемъ, то было бы достаточно, чтобы признать въ ней дѣйствительно высокій поэтическій талантъ.

Баллада была прислана изъ Италіи со многими другими прекрасными стихами, внушенными памятниками минувшаго, тамошней природой, и помѣщена въ „Сѣверной Пчелѣ“ [2]), вмѣстѣ съ замѣткой Ѳ. Булгарина. Булгаринъ даетъ самый подобострастный отзывъ объ авторѣ, имя котораго — по его словамъ—„сіяетъ съ

1) Рус. Стар., 1872, № 2, стр. 299.
2) 1846, № 284.

именами Крылова, Пушкина, Жуковскаго, Грибоѣдова“, и который на этотъ разъ пожелалъ остаться неизвѣстнымъ изъ любопытства: догадаются ли, узнаютъ ли друзья?

Вслѣдъ за выходомъ баллады въ заграничныхъ изданіяхъ появилось толкованіе. Тамъ говорилось, что „Неравный бракъ“ есть аллегорія на отношенія Россіи къ Польшѣ, которая, подобно насильно взятой женѣ, терпитъ безконечныя притѣсненія.

Въ Россіи немедленно былъ отданъ приказъ отобрать у всѣхъ № „Пчелы“. Фактъ, разумѣется, произвелъ шумъ. Впослѣдствіи сложились разсказы, что Ростопчиной сильно пришлось поплатиться по возвращеніи въ Россію... Людская молва носила теперь ея имя по всѣмъ закоулкамъ. Баллада усердно переписывалась и съ большей быстротой, чѣмъ печатное слово, разносилась по Россіи.

Патріотическое чувство многихъ было оскорблено указанной аллегоріей. Въ противовѣсъ „Неравному браку“ явились стихотворенія, между прочимъ, Кукольника: „Отвѣтъ вассаловъ барону“, гдѣ Кукольникъ неделикатно разоблачаетъ секретъ автора, пожелавшаго остаться неизвѣстнымъ. Стихотвореніе ходило въ рукописи, но до сихъ поръ не было въ печати. Привожу его сполна.

ОТВѢТЪ ВАССАЛОВЪ БАРОНУ.

Мы собраны, баронъ, тобою,
Чтобъ споръ давнишній твой судить
Съ неугомонною женою,—
Изволь, мы будемъ говорить:
„Твоей жены семья намъ всѣмъ знакома,
„Мы знаемъ всѣ ея дѣла;
„Въ раздорахъ вѣкъ свой провела
„И не могла ужиться дома!
„Такъ никого не удивитъ,
„Что баба вздорная кричитъ.

* * *

„Ихъ три сестры, когда живали
„Въ своей семьѣ, то сколько разъ
„Ихъ съ молотка распродавали...
„Какихъ тамъ не было проказъ!..
„При этой жизни мудрено ли,
„Что не для нихъ законный бракъ,
„Что мужъ имъ будетъ вѣчно врагъ;
„Распутство—идеалъ ихъ воли,—
„И никого не удивитъ,
„Что баба дерзко говоритъ.

* * *

„Кокетки старой криковъ вздорныхъ
„Не надо слушаться, баронъ.
„Есть у тебя еще покорныхъ

„И, кромѣ этой, много женъ.
„Есть дочь великая—святая!
„Она—противъ невѣрныхъ щитъ
„И непокорную смиритъ,
„Вражду къ ней давнюю питая;
„Тебя, баронъ, не удивитъ,
„Что твой вассалъ такъ говоритъ.

Жена:

„Раба ли ты, или подруга—
„Вопросъ не трудно разрѣшить:
„Жена—коль своего супруга
„Ты будешь слушаться, любить,
„Раба—коль безразсудно снова
„Ты въ мутный бросишься потокъ,
„Забывши данный ужъ урокъ;
„Тогда и цѣпь тебѣ готова,
„И никого не удивитъ,
„Когда баронъ тебя скрутитъ.

* * *

„Несправедливо и превратно
„Ты говоришь, что продана:
„Барону ты неоднократно
„Побѣдой въ руки отдана.
„Война судьбу твою рѣшила.
„Сама ты вспомни—сколько разъ
„Поработить хотѣла насъ?..
„Да, вѣрно, силы не хватило;
„Такъ никого не удивитъ,
„Что сильный слушаться велитъ.

* * *

„Но кто болтать тебѣ мѣшаетъ
„На языкѣ твоемъ родномъ?
„И кто молиться запрещаетъ
„Во храмѣ предковъ вѣковомъ?
„Болтай, молись, но будь покорна;
„Не слушай крикуновъ чужихъ,
„Друзей обманчивыхъ твоихъ,—
„Ихъ дружба вѣкъ была притворна.
„И никого не удивитъ,
„Что мужъ ихъ слушать не велитъ.

* * *

Но не жена стихи писала,
Писалъ ихъ въ чепчикѣ поэтъ,
У ней способностей не мало,
Жаль, что разсудка больше нѣтъ.
Не стоитъ на нее сердиться,
Не стоитъ даже говорить,

Довольно пальцемъ погрозить
И приказать ей возвратиться,
И никого не удивить,
Когда баронъ ее проститъ [1]).

IV.

Дѣйствительно ли имѣла въ виду Ростопчина въ балладѣ: „Старый баронъ“ изобразить судьбу Польши — вопросъ, подлежащій сомнѣнію. Единственное печатное свидѣтельство, подтверждающее аллегорическій характеръ баллады, даетъ Бергъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“. Онъ говоритъ, что Гоголю первому прочла Ростопчина въ бытность свою въ Римѣ названную балладу и спрашивала совѣта: печатать ли? Гоголь сказалъ: „Пошлите безъ имени въ Петербургъ, не поймутъ и напечатаютъ“.

Но такая выходка совсѣмъ не вяжется ни съ душевнымъ настроеніемъ Гоголя въ половинѣ 40-хъ годовъ: онъ не могъ допустить такой насмѣшки надъ Россіей; еще меньше это вяжется съ литературнымъ характеромъ самой гр. Ростопчиной, какой опредѣляется на основаніи всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ ея произведеній. Если же отбросить навязанную балладѣ аллегорію, то въ ней останется только воспроизведеніе одной изъ излюбленныхъ тэмъ графини: семейный адъ брака безъ любви, которую Ростопчина затрогиваетъ во многихъ изъ своихъ романовъ и повѣстей.

Ростопчина всегда была далека отъ всякаго протеста, кромѣ того, который отвоевывалъ для женщины право на любовь, давалъ просторъ для ея личнаго чувства, избавлялъ отъ тяжести свѣтскихъ оковъ, производящихъ помѣху въ этомъ направленіи. Откуда же возьмутся у нея опредѣленныя политическія убѣжденія? у нея, у которой не было никогда никакихъ убѣжденій! Она именно открещивалась отъ нихъ, какъ отъ чего-то нарушающаго ея женскую прелесть и гордилась тѣмъ, что никогда „не думала“, а только „мечтала“ [2]).

Ни о чемъ другомъ, чтó выходило изъ сферы бала, словомъ той атмосферы, гдѣ назначеніе женщины только „нравиться“ она пока ни о чемъ не думала. Откуда же вдругъ явится такая опредѣленность, такая рѣзкость сужденія?..

Правда... но это было давно, еще дѣвочкой она оплакала въ стихахъ печальную судьбу жертвъ декабрьскаго возстанія.

---

[1]) Румянц. музей. Бумаги Вельтмана. Рук. № 2308.

[2]) Стихотвореніе „Она думаетъ“.

„Не помню слогъ стихотвореній—

пишетъ Огаревъ, которому она подарила альбомъ съ этими стихами,—

„Хорошъ ли, не хорошъ ли былъ,
Но ихъ свободы гордый геній
Своимъ наитьемъ освѣтилъ.
Съ порывомъ страстнаго участья
Вы пѣли вольность и слезой
Почтили жертвы...“ [1]).

Но то былъ порывъ впечатлительной, или, вѣрнѣе, еще дѣтской души, которая одинаково можетъ оплакивать и смерть друга, и смерть врага, смотря по тому, чтò прежде замѣтитъ и чтò прежде поразитъ нервы. Этотъ порывъ ни въ какомъ случаѣ не стоялъ въ связи съ убѣжденіями,—которыхъ у нея не было никакихъ. Она совершенно вѣрно и безпристрастно характеризуетъ себя въ стихотвореніи „На лавровый вѣнецъ“:

„Что я?...
Дитя суетъ и баловень мечты,—
Поэтъ полу-пустой и легкоправный,
Любящій балъ, наряды и цвѣты...
Лишь женщина... во всемъ значеньи слова!..
Не мнѣ, друзья, не мнѣ вѣнецъ лавровый“ [2]).

Н. В. Сушковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ о гр. Ростопчиной положительно отрицаетъ приписываемый балладѣ аллегорическій характеръ называетъ его „клеветою“. По его словамъ, Ростопчина видѣла въ балладѣ только поэтическое воспроизведеніе одного изъ нѣмецкихъ преданій о бракѣ стараго барона съ молодой женой.

Въ то время, какъ въ Россіи шумѣла исторія съ балладой, автору курили ѳиміамъ за границей. Соотечественники, во главѣ съ Кушелевымъ, поднесли ей въ Тиволи, въ саду виллы д'Эсте, лавровый вѣнокъ. Подобострастная замѣтка Булгарина, упомянутая выше, нѣсколько разъ была перепечатана въ заграничныхъ изданіяхъ. Однимъ словомъ, то былъ моментъ апогея ея торжества, какъ женщины и какъ поэтессы. Пускаясь въ обратный путь на родину послѣ двухлѣтняго путешествія за границей, Ростопчина въ „Пѣснѣ возврата“ сводитъ счеты своей поѣздкѣ:

„Я съ гордостью свой путь припоминаю—
Его въ восторгѣ дѣтскомъ соверша:

---

[1]) Стих. Огарева: „Отступница“.
[2]) Стих. Ростопчиной. II, стр. 180.

Въ странѣ красотъ классическихъ была я,
И тамъ сказали мнѣ: „Ты хороша!“
Въ отчизну мысли и ума пришла я,—
И тамъ поэта пылкая душа
Нашла друзей, цѣнителей, хваленье,
И поняла, что въ славѣ есть значенье!..
Довольна я!.. Да! женщина, поэтъ
Равно своей поѣздкой насладились,
Обоихъ угостилъ широкій свѣтъ,
Обоихъ ожиданья совершились...“ [1]).

Все сводится къ тщеславію писательницы, цѣнящей въ себѣ прежде всего женщину. Ей ли было пускаться въ политическія распри, толковать о притѣсненіяхъ Польши! Если бы это и могло случиться, то развѣ только по одному легкомыслію.

V.

Тѣмъ временемъ въ литературѣ созрѣвало сильное умственное движеніе, которое въ сороковыхъ годахъ стало близко соприкасаться съ серьезными вопросами нашей общественной дѣйствительности. Ростопчина, въ качествѣ дамы-писательницы, не хотѣла знать этой пробивающейся новой струи. Въ своей наивности она думала укрыться отъ нея подъ шумную „музыку“ своего аристократическаго бала. Не проникнуть сюда адептамъ новаго направленія. На ея балахъ „и шумно, и прилично,—говоритъ Н. В. Сушковъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—и весело, и чинно, и суетно, и чопорно, и радушно, и холодно... Балъ, на которомъ не встрѣтите ни длинно-густо-шаршаво-волосатыхъ, ни козлино-бородатыхъ, ни окладисто-бородатыхъ писателей...“ Сюда не могли проникнуть проповѣди новаторовъ; сюда достигали только отголоски ихъ идей; перепутанные, искаженные заносились они въ салонъ на языкѣ какого-нибудь Загорѣцкаго...

И эти изуродованные осколки новыхъ мыслей не замирали, не пропадали безслѣдно; но большая часть свѣтскаго женскаго общества оказалась несравненно воспріимчивѣй къ ложно понятой проповѣди Жоржъ-Зандъ, и выказала пробужденіе съ этой стороны въ рѣзко-комическихъ формахъ. Свѣтская женщина, напримѣръ, садилась и ѣхала на бѣговыхъ дрожкахъ безъ кучера или, стоя, правила лихой тройкой, или брала на себя роль вакханки и смѣло переступала порогъ ресторановъ. Этимъ она отрицала сковывавшія ея свободу условныя приличія. Такъ проявля-

---

[1]) Стих. Ростопчиной. II, стр. 209.

лись въ женской свѣтской средѣ первые протесты за свободу, веселье, любовь.

Въ этомъ смыслѣ, какъ было упомянуто раньше, проявляла протестующій элементъ и Ростопчина. Она открыто восторгалась разгульнымъ удальствомъ цыганской пѣсни, одурманивалась благоуханіемъ рома, жженки, изступленнымъ хоромъ цыганъ [1]). И въ своей наивности думала и теперь по прежнему остаться при томъ же протестѣ, когда литература направлялась уже на болѣе серьезныя тэмы.

Несмотря на нашумѣвшую исторію съ балладой, въ Россіи Ростопчина встрѣтила холодный пріемъ. „Что значитъ? что случилось“? недоумѣваетъ близорукая поэтесса.

„Прошло два года безъ меня—и что же?
Минувшаго забытъ и самый слѣдъ!
Два года... для людей... для свѣтскихъ!... Боже!...
То болѣе, чѣмъ сотни, сотни лѣтъ...“ [2]).

Но не одни свѣтскіе поклонники запоздали колѣнопреклоненіемъ, не раздается больше похвалъ и въ литературѣ. Избалованную женщину охватываетъ жгучее чувство тоски.

. . . . . „Родина моя,
Я лаской избалована всесвѣтной,
Одна-ль ко мнѣ ты будешь непривѣтна?..“ [3]).

восклицаетъ она въ своемъ отчаянномъ недоумѣніи. Вмѣсто прежнихъ обильныхъ похвалъ, ея „Неизвѣстный романъ въ стихахъ“ [4]) и поэма „Донна Марія Колонна“ [5]) встрѣчены оскорбительнымъ молчаніемъ. Она прибѣгаетъ къ помощи свѣтской выдержки: дѣлаетъ видъ безпечно-равнодушный и продолжаетъ писать въ томъ же лермонтовскомъ духѣ: „Прихоть креолки“, „Молчаніе“ и др. Но и имъ слышится похвала только изъ „своего прихода“. Хвалитъ „Москвитянинъ“, гдѣ она состояла сотрудницей вплоть до закрытія журнала (1856 г.), да „Библіотека для чтенія“, гдѣ продолжала помѣщать свои крупныя и мелкія вещи.

Равнодушное молчаніе журналовъ молодой литературы скоро замѣнилось иронической улыбкой въ сторону нѣкогда боготворимой писательницы. Ростопчина поражена. „Ошибка?... заблужденіе новаго времени?“ недоумѣваетъ она, и въ стихотвореніи „Болѣзнь вѣка“ прекрасно выдаетъ свое невѣжество, говоря, что люди

---

[1]) Стих. II т., стр. 215.
[2]) Тамъ же, стр. 206.
[3]) Тамъ же, стр. 210.
[4]) Изд. Смирдина 1846 года.
[5]) „Сѣвер. Обозрѣніе“, 1848, № 1.

новаго научнаго направленія своими изслѣдованіями „клевещуть на Божій Промыселъ"...

Но любовь къ утѣхѣ, привычка къ веселью разгоняетъ грустныя мысли и, хотя ненадолго, заставляетъ забыть объ образовавшемся разладѣ. Прожитая жизнь кладетъ неизгладимые слѣды, сродняетъ душу съ тѣми или другими привычками, отъ которыхъ вовсе не легко отстать и замѣнить чѣмъ-нибудь инымъ. Потому, несмотря на обидную для избалованной графини улыбку со стороны молодой литературы, она нѣтъ-нѣтъ, да и выкажетъ прежнюю удаль, гордыню...

„Пусть онъ не вѣренъ, пусть онъ измѣнникъ;
Плакать не стану я—я молода;
Новый поклонникъ его мнѣ замѣнитъ!
Горе ему же! Мнѣ что за бѣда" [1]).

Но такого рода отвага не звучала уже въ концѣ 40-хъ годовъ обаяніемъ печоринской гордыни; она производила впечатлѣніе пустоты, свѣтскаго безсердечія, была отвагою холодной кокетки...

Еще въ 1838 году Ростопчина пробовала писать въ прозѣ. Въ „Сынѣ Отечества и Сѣверномъ Архивѣ" (за февраль и апрѣль) были помѣщены двѣ ея первыя повѣсти: „Чины и деньги" и „Поединокъ" [2]). Авторъ возставалъ тамъ за право женщины любить друга по сердцу; осмѣивалъ высшій свѣтъ за обычай цѣнить въ человѣкѣ не человѣческія достоинства, а украшающія его регаліи; возставалъ противъ существующаго въ высшемъ свѣтѣ варварскаго обычая—дуэли. Послѣдній протестъ былъ вызванъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ смерти Пушкина и потому дышалъ самымъ искреннимъ негодованіемъ.

Но ни искренность чувства, ни удавшіяся сцены жизни военной молодежи, ни таинственность обстановки героя второй повѣсти, напоминающаго прототипъ Печорина,—ничто не обратило вниманія критиковъ на эти два первыя произведенія въ прозѣ Ростопчиной. Сушковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ" объясняетъ это молчаніе литературы отсутствіемъ подписи автора: „его не узнали,—говоритъ онъ,—подъ, въ первый разъ явившимся, псевдонимомъ „Ясновидящая".

Во всякомъ случаѣ эта неудача заставила автора усомниться

[1]) Стих. II., стр. 265.

[2]) Впослѣдствіи онѣ явились подъ общимъ названіемъ: „Очерки большого свѣта".

въ его прозаическомъ беллетристическомъ талантѣ. И съ этихъ поръ Ростопчина не пишетъ ничего, кромѣ стиховъ, въ продолженіе болѣе, чѣмъ 10 лѣтъ. Въ 1850 году ея большія произведенія: драма „Нелюдимка" и романъ „Дневникъ дѣвушки" (или „Поэзія и проза жизни")—были написаны тоже стихами.

Романъ отзывается страшнымъ подражаніемъ Онѣгину. Какъ и въ первыхъ повѣстяхъ, здѣсь порицается пустота, отсутствіе искренности въ жизни свѣтскихъ людей. И здѣсь героиня выходитъ за-мужъ не за того, кого любитъ. Авторъ много и искренно говоритъ на тэму этого женскаго горя и рядомъ произноситъ убійственно-длинныя сантиментальныя тирады, разсужденія на какую-нибудь избитую тэму. Романъ вслѣдствіе этого выходитъ безконечно длиненъ; онъ растягивается въ „Москвитянинѣ" на цѣлый годъ.

Очень естественно, что молодая критика, давно уже махнувшая на нее рукой, не особенно лестно отозвалась о немъ.

Недружелюбно отнеслись и въ московскихъ кружкахъ. Но большаго романъ и не стоилъ, потому что мысли, подобныя нижеприведеннымъ, были хоть и хороши, но далеко не новы и притомъ въ концѣ произведенія попирались самою же героинею:

„Не поклонюсь тельцу златому —

говоритъ героиня —

И не продамъ себя, рабой презрѣнной,
Разсчетамъ низкимъ, мелкому тщеславью,—
Нѣтъ, не хочу по-свѣтски поступать!"...

Ростопчина и ея друзья, конечно, объяснили иначе недружелюбный пріемъ критики. „Многое, очень удачное,—говоритъ Сушковъ,—и милое, поэтическое осталось въ немъ не замѣчено, а все лишнее, растянутое служило изъ мѣсяца въ мѣсяцъ насущною пищею такъ-называемымъ поклонникамъ ея музы, которые въ преданности своей все написанное простосердечною и благородно-довѣрчивою женщиной, при ней превозносятъ до небесъ, за глаза въ своихъ кружкахъ... усердно перебираютъ малѣйшія обмолвки и недоглядки.

Уже давно преслѣдовала Ростопчину неудача, давно неслась насмѣшка за насмѣшкой. Уставши отъ неудачъ, она пробуетъ сдѣлать уступку, шагъ другой въ сторону современныхъ гуманныхъ ученій: пробуетъ заговорить о пользѣ народу. Но какъ и надо ожидать—попытка выходитъ неудачна и даже забавна: сейчасъ чувствуется, что слова взяты на прокатъ, что они чужія.

Въ драмѣ „Нелюдимка“ [1]) изображается молодая дѣвушка, поселившаяся съ своей няней въ деревнѣ. Она порвала связь съ обществомъ, гдѣ какой-то графъ разбилъ ея сердце и чистую вѣру въ людей. И вотъ она начинаетъ говорить „хорошія слова“ на тэму—помощи „мужичкамъ“; много говоритъ съ няней о необходимости дѣлать добро крестьянамъ; но на дѣлѣ сама ограничивается только хлопотами о выдачѣ замужъ дочери живущей у нея въ услуженіи швейцарки и устройствомъ по случаю этой свадьбы сельскихъ пировъ... Она говоритъ нянѣ:

„Какъ батюшка, не трачу я милліоновъ,
Чтобъ забавлять другихъ...
Лучше заведемъ мы богадельню, школу рукодѣлья,
Да будемъ заниматься мужичками:
Немногимъ будутъ счастливы они“.

Но черезъ минуту эта же самая героиня говоритъ той же нянѣ:

„Пойдемъ же, ты поможешь мнѣ примѣрить
Вновь присланное платье изъ Парижа“.

Проповѣдница новыхъ идей, порицающая отца за безполезную трату денегъ, живя въ полномъ деревенскомъ одиночествѣ, скрываясь отъ людей, выписываетъ платья изъ Парижа и для препровожденія времени занимается ихъ примѣриваніемъ.

Такой сбивчивостью понятій и поступковъ отличаются герои и героини Ростопчиной, которымъ она пытается искусственно навязать неидущія къ нимъ, равно какъ и къ ней самой новыя народолюбивыя идеи. Однако критика старыхъ „Отеч. Записокъ“ отнеслась къ этой драмѣ довольно дружелюбно: она усмотрѣла сходство героини драмы (Зои) съ Печоринымъ и ограничилась только разборомъ этого сходства, не касаясь ни положительныхъ сторонъ драмы, ни встрѣчающихся въ ней противорѣчій [2]).

Ростопчина въ этомъ романѣ остается несравненно послѣдовательнѣе и цѣльнѣе, когда касается тэмъ женской любви, сердечнаго горя, когда выступаетъ женскимъ адвокатомъ. Тирады на эту тэму дышатъ искренностью и нѣкоторой силой:

Въ такихъ чисто женскихъ вопросахъ она чувствовала себя дома. Къ тому же теперь и ея личное счастье уходило въ прошлое; въ сердце отцвѣтающей 40-лѣтней красавицы закрадывалось чувство тоски, прощанье съ радостями женской жизни. Прошла пора любви, многое пришлось испытать, во многомъ пришлось ра-

---

[1]) „Москвитянинъ“, 1850, № 1.

[2]) „От. Зап.“, 1850, № 5.

зочароваться. И Ростопчина чувствуетъ, что въ этомъ направленіи она многое можетъ сказать женщинѣ, во многомъ научить ее.

Наставленій на эту тэму всего больше встрѣчается въ ея послѣднемъ романѣ: „У Пристани" [1]). Желая предостеречь женщину отъ печальныхъ ошибокъ, она говоритъ: мужчины, даже самые лучшіе—не братья и не друзья намъ; это—враги, отъ которыхъ надо обороняться. Потому „женщина должна любить свысока—не на колѣняхъ. Не надо отдавать себя въ руки этимъ господамъ; не надо позволять имъ брать верхъ надъ нами; они и безъ того слишкомъ на то склонны!... Какъ-разъ попадешься къ нимъ въ рабыни!" [2]). Какъ женщина, много-любившая или, можетъ быть, вѣрнѣй—много-любимая, она горько сожалѣетъ тѣхъ женщинъ, которыя остаются лишены счастья любви.

Но полное счастье Ростопчина допускаетъ только при условіи духовной любви. Если этого нѣтъ, если въ другомъ приходится „любить только любовь", она чувствуетъ себя одинокой, несчастной... „Я чувствую себя одинокою, и хоть тысячи людей и друзей будь около меня, я все-таки останусь одинока, если существованіе мое не сольется неразрывно съ другимъ существованіемъ его дополняющимъ и ему необходимымъ" [3]). Потому ея героини, вышедшія замужъ безъ любви, чувствуютъ одиночество. Мужья, — говоритъ она въ романѣ: „Счастливая женщина" [4]),— какъ женятся, такъ теряютъ всякую потребность въ духовномъ общеніи съ женой. Куда исчезаютъ въ нихъ прежніе женихи? „Все это исчезло, какъ декорація послѣ спектакля, какъ праздничное убранство послѣ праздника... О, мужья... Не всѣ ли вы такіе?—говоритъ героиня... Лучшіе изъ васъ не слѣдуютъ ли этой системѣ не церемониться и не женироваться, какъ скоро обрядъ вѣнчанія утвердилъ васъ владѣтелями на вѣки и безвозвратно тѣхъ самыхъ дѣвушекъ, которымъ вы расточаете такъ много исканій и угожденій прежде брака?..

Но этимъ собственно и исчерпывается почти вся философія Ростопчиной. Дальше вышеуказанныхъ мотивовъ изъ женской жизни, дальше того, чтó испытала въ области любви сама или одна изъ ея близкихъ подругъ, наблюдательность писательницы не простирается. Тысяча другихъ сторонъ женскаго чувства ускользаютъ отъ ея вниманія. Потому въ сюжетахъ своихъ повѣ-

---

1) Изд. 1857 г., Спб.

2) „У Пристани", IV т., 12 стр.

3) Тамъ же, стр. 29.

4) „Москвитянинъ", дек., 1851 и февраль, мартъ 1852 г.

стей и романовъ она очень однообразна и часто повторяется. Наставленія же ея въ большинствѣ случаевъ не могутъ похвалиться ни гуманностью, ни высокой нравственностью; за ними остается только одно достоинство—искренность автора.

VI.

Ростопчина съ своимъ идеаломъ личнаго счастья, къ тому же еще туманнымъ, неопредѣленнымъ, казалась теперь какой-то ветошью рядомъ съ молодой литературой, стремленій которой она—въ силу привычекъ своего давняго наивнаго незнанія, не могла понять. Спуститься до положенія вопрошающаго не дозволяло до гигантскихъ размѣровъ развившееся самолюбіе; сама же уразумѣла только одно: молодая литература и ея враги—это одно и то же. Между ними и ею существуетъ цѣлая пропасть; въ чемъ состоитъ эта пропасть—вопросъ рѣшался съ личной точки зрѣнія: ее отрицаютъ—ее, преемницу Пушкина, хранительницу чистаго искусства! А отсюда неожиданный выводъ: молодая литература ведетъ къ гибели. И ради спасенія Ростопчина рѣшается на рѣзкій шагъ: открыто вступить въ борьбу съ пагубнымъ новымъ направленіемъ! И въ 1851 году въ „Письмѣ къ Ѳ. Глинкѣ", которое напечатано было въ „Москвитянинѣ" [1]),она открыто выступаетъ противъ научнаго движенія, желаетъ предохранить молодежь отъ „гибельнаго чтенія жалкихъ и вредныхъ современныхъ теорій". Она усматриваетъ въ литературѣ „навожденіе реализма и скудости духовной, прикрытой нынѣшнимъ именемъ разума и разсудка". Въ 1852 году она печатаетъ „Оду поэзіи", гдѣ говоритъ:

„Что... молодое поколѣнье,
Не признавая вдохновенья,
Пошло дорогою иной...

...Они—потѣшники народа,
Изъ грязи вылѣпя урода,
Его включаютъ въ сонмъ боговъ"... и т. д.

Разъ рѣшившись открыто возстать противъ новаго движенія литературы, ей теперь уже незачѣмъ прятаться подъ личину внѣшняго спокойствія и свѣтскаго равнодушія, или пробовать стать на сторону новыхъ понятій. Съ этихъ поръ почти въ каждомъ романѣ Ростопчина возстаетъ „противъ плебейской литера-

---

[1]) № 11.

туры“, противъ „гуманистовъ“, которыхъ въ гнѣвѣ называетъ „праздными сиднями на почвѣ общаго труда“ [1]).

Въ романѣ „Счастливая Женщина“,—который интересенъ въ біографическомъ отношеніи и въ своихъ лирическихъ отступленіяхъ, отзывается подражаніемъ Гоголю,—Ростопчина сильно возстаетъ противъ всего новаго въ жизни и въ литературѣ [2]) и, между прочимъ, противъ зарождавшагося тогда въ женщинахъ стремленія къ наукѣ, рядомъ съ которымъ шло и отрицаніе заботъ о красотѣ. Ростопчина не могла безъ ужаса видѣть, какъ новая женщина въ своемъ заблужденіи сама попирала свою силу, топтала свое счастье, и въ надеждѣ, что ей удастся предохранить отъ ужасной ошибки,—которая въ ея глазахъ была погибелью женщины,—она говоритъ:

„Нравиться и быть любимой—два условія женскаго бытія; и если найдутся иныя, которыя отъ нихъ отказываются, то это какія-то ненормальныя существа, умственные уроды, исключенія... Напрасно уроды обоего пола и философы (что̀ почти выходитъ одно и то же) хотятъ положить и утвердить, что красота ничего не значитъ и что не стоитъ труда о ней думать! — Нѣтъ, не правда!... Красота — это шестое чувство, дополняющее въ его обладателѣ способность наслаждаться смѣлѣе прочими... Жаль, но должно сознаться,—для женщинъ даже самый геній не замѣняетъ красоты; женщину геніальную уважаютъ, но не любятъ, тогда какъ съ одной красотой иногда любятъ даже и тогда, когда перестаютъ уважать“...

При своей односторонности—смотрѣть на жизнь только черезъ призму любви, она не могла понять пробуждающагося въ женщинѣ стремленія къ умственному росту. Среди пылкихъ и искреннихъ, сейчасъ приведенныхъ тирадъ Ростопчиной были несомнѣнно доли истины, признаніе которыхъ могло бы уберечь женщину слѣдующихъ поколѣній отъ другой крайности, въ которую она впадала съ конца 50-хъ годовъ, рѣзко отвернувшись отъ заботъ не только о красотѣ, но даже и о личномъ счастьѣ, и о внѣшней порядливости. Послѣднюю ошибку женщина сознала уже тогда, когда очутилась въ трагическомъ положеніи... Но доля правды словъ Ростопчиной заглушалась въ общемъ потокѣ ея раздраженныхъ проповѣдей, рѣзкихъ нападокъ на все новое. И молодежь ея не слушала. По рукамъ ходили направленныя противъ Ростопчиной стихотворенія, эпиграммы. За романъ

---

[1]) „У Пристани“.

[2]) Особенно вооружается противъ Диккенса.

„Счастливая Женщина“, гдѣ симпатично изображалась любовь замужней женщины къ запоздавшему своимъ появленіемъ герою, Ростопчиной сильно досталось. Рецензенты видѣли въ романѣ развращающую проповѣдь и не жалѣли ѣдкихъ порицаній въ сторону главной героини романа — Марины, а также и самого автора [1].

VII.

Въ пятидесятыхъ годахъ Ростопчина писала усиленно много. Стихи выливались больше на патріотическія тэмы. Она воспѣвала русскія войска, побѣды, жалѣла, что вырождается на Руси бояринъ, по прежнему порицала нѣкоторыя формы свѣтской жизни, воспѣвала свои литературные вечера, гдѣ собирались музыканты, литераторы, художники и поэты, примыкавшіе къ одной съ нею партіи. Въ 1851 г. она печатаетъ брошюру: „Фанни Эльслеръ“; въ 1852:—драматическую пьесу: „Драматическое уложеніе“; драматическую фантазію въ стихахъ: „Одаренная“;[2]) въ 1853:—комедію въ одномъ дѣйствіи: „Ни тотъ, ни другой“ [3]); комедію съ куплетами: „Кто кого проучилъ“; [4]) въ 1854 году:—драму въ 2-хъ дѣйствіяхъ: „Людмила и Люба“ [5]), и наконецъ повѣсть: „Палаццо Форли“ [6])...

Всѣ названныя вещи, особенно драматическія, крайне плохи. Онѣ совсѣмъ лишены дѣйствія, а если оно кое-гдѣ и встрѣчается, то выходитъ мелодраматично, искусственно, фальшиво. Этихъ пьесъ теперь никто не знаетъ. Ростопчина ихъ писала для театра, большею частію по просьбѣ какого-нибудь актера. Чтобы хоть сколько-нибудь отдохнуть отъ уколовъ, вызвать похвалу, которой

---

[1]) Для образчика приводимъ маленькую мимоходную замѣтку „Современника“ (1852 г., № 4) о „Счастливой Женщинѣ“... „Я увѣренъ, что читатели „Современника“ очень интересуются участью этой очаровательной и многодумной Марины, передъ умомъ и красотой которой не устоялъ даже самъ Фаустъ г-на Овчинникова, распоряжавшійся во дворцѣ Менелая, какъ въ собственномъ домѣ, и пользовавшійся благосклонностью много-ославленной и много-осрамленной красавицы, возбудившей Троянскую войну. Марина не уступаетъ ни въ чемъ Еленѣ и можетъ смѣло с[illegible]ть, п[illegible] юбно ей: „Какой повсюду злоковарный рокъ меня преслѣдуетъ? [illegible] мужчинъ сердца бѣснуются, не пощадятъ себя! ниже достойности они!“ и т. [illegible]

[2]) „Библіотека для чтенія“, 1852, № 10.

[3]) „Пантеонъ“, 1853, № 2.

[4]) „Пантеонъ“, 1853, № 9.

[5]) „Пантеонъ“, 1854, № 6.

[6]) „Библіотека для чтенія“, 1854, №№ 9—11.

давно не слыхать, Ростопчина сочиняетъ знакомому актеру пьесу для бенефиса... Пьеса выходитъ плоха, но, благодаря сторонникамъ, въ театрѣ раздаются крики: „автора! автора!“ И наболѣвшее самолюбіе нѣсколько отдыхаетъ, въ душу закрадывается опять надежда...

Въ литературѣ, между тѣмъ, едва отмѣчаютъ выходъ того или другого изъ ея произведеній, а если входятъ въ подробный разборъ, то Ростопчиной всегда достается сильно какъ за несообразности въ слогѣ, такъ и въ содержаніи. И потому вполнѣ понятно ея элегическое стихотвореніе „Господь зоветъ“, написанное въ 1854 году, гдѣ она съ грустью говоритъ:

„Мы чужды и смѣшны для новыхъ поколѣній...
Расторглась цѣпь межъ нихъ и насъ;
Межъ нихъ былого мы глашатаи и тѣни.
И не для насъ грядущій часъ!“...

Въ 1856 году она печатаетъ сцены въ стихахъ: „Дочь Донъ-Жуана“ и „Угасшая звѣзда, событіе изъ XVI-го вѣка“. Боязнь быть снова осыпанной порицаніями со стороны противниковъ—заставляетъ писательницу прибѣгнуть къ защитѣ Пушкина. Его памяти посвящаетъ она „Дочь Донъ-Жуана“ и въ посвященіи говоритъ:

„Великій!—Тѣнь твоя не оскорбится
Ничтожностью смиренной дани сей...
Прими ее!... Пусть трудъ мой осѣнится
Загробною защитою твоей!“...

И если критика не трогаетъ „Дочь Донъ Жуана“, гдѣ опять выводится разочаровавшаяся въ искренности людей красивая женщина, которая много терпитъ отъ общественной клеветы, то Ростопчиной все же достается за „Угасшую звѣзду“ [1]) и въ этотъ же 1856 годъ, а также и въ слѣдующій ей наносится окончательный ударъ.

Еслибы нѣкоторые изъ толстыхъ журналовъ не продолжали помѣщать произведеній Ростопчиной; еслибы редакторы и критики этихъ журналовъ не продолжали расхваливать ее, какъ звѣзду въ прошломъ и настоящемъ, то, можетъ быть, новая литература не остановила бы на ней серьезнаго вниманія, вѣроятнѣй, что она

[1]) „Спб. Вѣдомости“. 1856, № 30. Фельетонъ Вл. Зотова. „Полупрозой, полустихами написана „Угасшая звѣзда“ гр. Ростопчиной. Это не автобіографія (иронизируетъ авторъ), какъ можно было судить по заглавію, а драматическая фантазія, какъ называли нѣкогда подобныя исторіи съ легкой руки г. Кукольника—творца произведеній этого рода, или событіе—какъ называетъ и самъ авторъ“ и пр.

оставила бы ее въ забвеніи. Но при томъ положеніи, какое Ростопчина продолжала занимать въ нѣкоторыхъ органахъ печати, о ней нельзя было не говорить.

Въ 1856 году вышло собраніе ея стихотвореній. Газетная критика встрѣтила ихъ насмѣшкой при поверхностномъ разборѣ самаго содержанія. Такова статья критика „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ [1]). Вслѣдъ за ней явился большой разборъ въ „Современникѣ“ [2]). Авторъ чрезвычайно ясно характеризуетъ пустоту, безсердечіе, безпринципность того „я“, какое выглядываетъ изъ стихотвореній Ростопчиной. „Кто можетъ сочувствовать этому „я“, въ томъ нѣтъ ни капли поэзіи. Ростопчина же велика тѣмъ, что осмѣиваетъ это „я“,—иронизируетъ авторъ,—возбуждаетъ къ нему полнѣйшее презрѣніе. Высокъ подвигъ поэта,—продолжаетъ онъ,—рѣшающагося избрать паѳосомъ своихъ стихотвореній изобличеніе ничтожества и порока на благое предостереженіе людямъ... Этимъ, безъ сомнѣнія, надобно объяснять то уваженіе, которымъ почтили талантъ и произведенія гр. Ростопчиной три величайшіе поэта трехъ поколѣній: Жуковскій, Пушкинъ и Лермонтовъ“. Болѣе рѣшительному осужденію еще ни разу до сихъ поръ не подвергались произведенія Ростопчиной.

Въ слѣдующій годъ появился отдѣльнымъ изданіемъ упомянутый большой романъ „У Пристани“. Въ немъ много удачныхъ характерныхъ картинъ изъ жизни прежнихъ самодуровъ помѣщиковъ, много правдивыхъ искреннихъ мыслей насчетъ несправедливаго отношенія къ женщинѣ со стороны общества, насчетъ пустоты свѣтскаго воспитанія и т. д., зато какъ и въ другихъ произведеніяхъ—бездна противорѣчій, отсутствіе цѣльности въ воспроизведеніи характеровъ, въ построеніи всего произведенія. Сильнѣй всего поражаютъ фальшью, неестественностью мужскіе характеры, которые почти никогда не удавались Ростопчиной какъ женщинѣ, вѣчно занятой „собой“ и потому мало наблюдающей.

Добролюбовъ выступилъ противъ романа съ статьей, которая безпощадно осудила Ростопчину и въ области прозы. Онъ также рѣшительно подчеркиваетъ пустоту, сбивчивость ея воззрѣній отсутствіе опредѣленныхъ идеаловъ, которые оказываются не ясны и далеко не высоки даже въ единственно-доступной для нея области — области любви, женскаго сердца. Добролюбовъ опять ставитъ читателя на ироническую точку зрѣнія, т.-е. что въ романѣ: „У Пристани“ Ростопчиа осмѣиваетъ своихъ героинь. „Это

[1]) 1856, № 17.
[2]) Совр., 1856, № 3.

умѣнье автора,—говоритъ онъ,—не высказывать своего взгляда на изображаемыя личности можетъ, пожалуй, ввести многихъ въ заблужденіе. Могутъ подумать, судя по тону изложенія, что авторъ серьезно считаетъ свои лица людьми честными, благородными и неглупыми. Это было бы, безъ сомнѣнія, очень грустно для автора, и потому мы думаемъ, что, рѣшившись на такой подробный разборъ, оказываемъ автору услугу, ставя читателя на настоящую точку зрѣнія" [1]).

VIII.

Джорджъ Элліотъ въ одной изъ своихъ журнальныхъ статей говоритъ, „что только во Франціи внезапное исчезновеніе произведеній женскаго пера оставило бы замѣтный пробѣлъ въ національной исторіи",—потому что только однѣ француженки-писательницы „имѣютъ храбрость быть женщинами".

Графиня Ростопчина какъ разъ представляетъ подобный образецъ храбрости. Она имѣла храбрость не только остаться женщиной, сдѣлавшись писательницей, но остаться женщиной по преимуществу, т.-е. сохраняясь подъ сѣнь этого имени отъ всѣхъ требованій развитія, образованія, яснаго міровоззрѣнія. Она не позаботилась предварительно выбраться изъ той рутины, въ какую былъ погруженъ до тѣхъ поръ женскій умъ. Вступая на писательское поприще, она удержала при себѣ всѣ невѣжественныя стороны женскаго прошлаго, отнеся ихъ къ качествамъ женской природы; она пренебрегала необходимостью въ женщинѣ умственной жизни, усиленно старалась воспитывать въ себѣ только женскія стороны по преимуществу — и въ этомъ была ея главная ошибка.

Оставаясь женщиной по преимуществу, она не ощущала потребности сознавать себя человѣкомъ, которому должно быть близко все человѣческое, для котораго должны быть доступны всѣ высокія духовныя радости рядомъ съ женскимъ счастьемъ. И потому она оказалась не въ силахъ взглянуть на это самое счастье и горе съ точки зрѣнія общечеловѣческой; не въ силахъ понять новыхъ зарождающихся идей, новыхъ стремленій; не въ силахъ освѣтить жизнь женскаго сердца,—такъ мало до сихъ поръ разобранную самой женщиной, чтобы сдѣлать ее дѣйствительно интересной и достойной вниманія. Увлеченіе узко-личной

[1]) Соч. Добролюбова, т. I.

жизнью, личными побѣдами, красотой, хаотически заполонили ея произведенія, въ которыхъ не было ни яснаго плана, ни идеала.

Ея дарованіе не уберегло ея отъ забвенья: ей не доставало надлежащаго развитія. Только оно можетъ спасти женщину—какимъ бы талантомъ она ни обладала—отъ той пустоты, какой была богата ея жизнь въ прошломъ. Только при этомъ условіи ея талантъ можетъ сдѣлать достойнымъ вниманія и интереса душевный міръ женщины, имѣющей обособленный, своеобразный характеръ, чѣмъ у мужчины, и гдѣ женщина писательница можетъ быть дѣйствительно оригинальной.

Только солидное образованіе, серьезное развитіе удержитъ ее на должной границѣ анализа этой жизни, удержитъ отъ увлеченія въ сторону мелочей или безцеремонной области будуара...

Послѣдній моментъ борьбы гр. Ростопчиной съ ея литературными врагами, когда ея сердце питалось только злобою, когда еще рельефнѣе выступила вся сбивчивость, спутанность ея мыслей. выражается въ ея сатирѣ „Домъ Сумасшедшихъ", которой предшествовало созданіе другого сатирическаго произведенія: „Возвратъ Чацкаго въ Москву". Это послѣднее было написано еще въ 1856 году съ эпиграфомъ: „à bas les masques!"—Въ пьесѣ изображается, какъ Чацкій, послѣ 25 лѣтъ отсутствія, вернулся въ Москву. Въ домѣ Фамусова онъ встрѣтилъ прежнихъ знакомыхъ, а также и нѣсколько новыхъ лицъ изъ славянофиловъ и прогрессистовъ. Въ 25 лѣтъ много произошло перемѣнъ. Софья Павловна стала женою Скалозуба; Молчалинъ дослужился до генеральства, Загорѣцкій разбогатѣлъ откупами; Зизи и Мими сдѣлались эмансипированными дамами въ родѣ Кукшиной. Онѣ курятъ сигары, стригутъ волосы, и ихъ Ростопчина ставитъ во главѣ прогрессивной молодежи. Впрочемъ, одинаково достается отъ автора и славянофиламъ. Чацкій—солидный мыслитель, одинаково бранитъ и ту, и другую партію, а одного прогрессиста даже хочетъ побить палкой. Пьеса оканчивается тѣмъ, что нѣкая княгиня Цвѣтаева—новое лицо—хочетъ познакомить Чацкаго съ инымъ „просвѣщеннымъ обществомъ", которое собирается у нея въ домѣ.

Большинство выведенныхъ лицъ были портреты съ живыхъ современниковъ, и потому произведеніе не было напечатано при жизни автора и явилось только черезъ 9 лѣтъ—въ 1865 году. Объ немъ много говорилось въ годъ выхода. Въ общемъ, критическія замѣтки сводились къ признанію не лишеннаго таланта подражанія автору „Горе отъ ума" [1]).

[1]) „Книжный Вѣстникъ", 1865, № 2.

Несравненно интереснѣе ознакомиться подробнѣе съ ненапечатаннымъ до сихъ поръ произведеніемъ гр. Ростопчиной—упомянутой сатирой „Домъ Сумасшедшихъ". Въ бумагахъ Н. В. Сушкова сохранился списокъ этого произведенія со всѣми комментаріями, поясненіями, сдѣланными на поляхъ рукою самого автора, и многими его письмами

„Домъ Сумасшедшихъ" представляетъ подражаніе извѣстной сатирѣ Воейкова, носившей такое же названіе. По условіямъ тогдашней цензуры, сатира Воейкова не могла быть напечатана въ Россіи, и до прошлаго десятилѣтія ходила въ рукописи, а также и въ заграничномъ изданіи.

Проникавшая сатиру ѣдкая иронія прекрасно совпадала съ тѣмъ душевнымъ озлобленіемъ, которое переживала въ послѣдніе годы Ростопчина. Тонъ Воейкова пришелся графинѣ какъ нельзя по вкусу. Невольно мелькнула мысль: „не посмѣяться ли и мнѣ? только надъ кѣмъ? кто собственно смѣшонъ—славянофилы или западники?" И тѣ, и другіе—рѣшаетъ графиня; и тѣ, и другіе не выдерживаютъ критики; у тѣхъ и другихъ идетъ полный разладъ теоріи съ собственной жизнью... Намѣреніе написать сатиру она не разъ высказывала знакомымъ, друзьямъ и дядѣ Н. В. Сушкову. Послѣднему даже читала отрывки по мѣрѣ того, какъ писала. Дядя одобрялъ, совѣтовалъ продолжать. Къ маю 1858 года „Домъ Сумасшедшихъ" былъ окончательно воздвигнутъ и пересланъ при письмѣ къ Сушкову въ видѣ подарка на бывшую у него въ Новый годъ елку, какъ гласило сдѣланное посвященіе.

„Вотъ вамъ, любезный другъ и уважаемый дядюшка, вашъ „Сумасшедшихъ Домъ", совсѣмъ готовый. Вы найдете тутъ много прибавокъ и дополненій; сообщите, кому слѣдуетъ и кому заблагоразсудите". Остальная часть длиннаго письма прекрасно рисуетъ, чѣмъ вызвано строеніе „Дома", чѣмъ за это время была занята мысль Ростопчиной.

Уже давно она чувствовала родъ недуга къ стариннымъ книжкамъ. Антикварскія книжныя рѣдкости часто служили ей источникомъ, откуда она черпала содержаніе для блестящихъ разговоровъ, которыми славилась въ высшемъ свѣтѣ.

Теперь же, когда надвигалась печальная старость, когда стало оставаться много свободнаго времени, прежде уходившаго на блескъ молодостью и упоеніе баломъ, Ростопчина сильнѣй погружалась въ любовь къ книжнымъ древностямъ, чаще стала бесѣдовать съ букинистами. Въ чтеніи старинныхъ книгъ она хотѣла теперь забыться отъ переживаемыхъ тяжелыхъ страданій,

въ старинныхъ романахъ она простодушно ожидала найти разрѣшеніе недоразумѣній, рождающихся отъ современныхъ явленій жизни и литературы. „Нерѣдко въ одной изъ тощихъ и малыхъ сихъ старыхъ книжицъ довольно ума и правды,—говоритъ она въ томъ же письмѣ къ Сушкову,—чтобы составить противоядіе многимъ толстымъ книжищамъ, журналищамъ и газетищамъ тепе решняго незолотого времени".

И въ какомъ-нибудь старинномъ нравственно-поучительномъ романѣ черпаетъ это противоядіе и восклицаетъ: „А что, если эти господа (т.-е. ея враги) только новыя воплощенія энциклопедистовъ и франкъ-масоновъ прошлаго столѣтія?.. А что, если метампсихозъ точно существуетъ, и ваши друзья западники, — продолжаетъ она въ томъ же письмѣ,—и враги славянофилы ужъ жили, кутили, ломали и разрушали подъ именами французскихъ реформаторовъ передъ революціей?.. Старайтесь угадать маски! Кто изъ нихъ Вольтеръ? По уму, по добротѣ — ни одинъ"...

И послѣ такихъ предположеній ей еще больше кажется, что она несетъ гоненіе на свой талантъ напрасное, только благодаря злымъ демонамъ-разрушителямъ, неизвѣстно, для чего опять появившимся. Они, эти демоны, жаждутъ раздавить ее, потому что она не хочетъ принадлежать ихъ партіи. Она усматриваетъ въ литературѣ партіи, кружки, образовавшіе родъ заговора: признавать, независимо отъ достоинствъ и недостатковъ, только то хорошимъ, что—наше въ смыслѣ кружка, и давить, порицать, что не наше.

Всѣмъ этимъ фантазіямъ Ростопчина находитъ подтвержденіе въ одной изъ указанныхъ книжицъ, гдѣ какой-то философъ предписываетъ слѣдующія средства для водворенія всеобщаго господства его партіи. „Pour obtenir un triomphe plus facile,—выписываетъ она въ письмѣ къ Сушкову, — nous ferons corps et nous nous répandrons d'un bout du monde à l'autre"... и проч. [1]).

Въ этихъ словахъ Ростопчина видѣла повтореніе рецепта для составленія извѣстности и власти современныхъ ей партій.

Уязвленное сердце искало лекарства, злоба бушевала въ душѣ,

---

[1]) Переводъ. „Чтобы легче добиться своего, мы составимъ одинъ кругъ, мы распространимся отъ одного конца вселенной до другого... Мы будемъ всячески превозносить тѣхъ, кто будетъ одинаково съ нами мыслить, и если между ними найдутся люди съ малѣйшимъ талантомъ, мы съ помощью громкихъ похвалъ, повторяющихся изъ устъ въ уста, создадимъ изъ нихъ рѣдкихъ геніевъ и необыкновенныхъ людей. Зато всякаго, кто вздумаетъ помимо насъ составить себѣ имя или кто выскажетъ несогласныя съ нашими убѣжденія,—мы, наоборотъ, будемъ унижать и говорить о немъ въ самомъ презрительномъ тонѣ".

хотѣлось чѣмъ-нибудь отмстить врагамъ, отъ которыхъ уже „десять лѣтъ приходится горько“,—какъ признается она сама. До сихъ поръ она выливала злобу въ случайныхъ разговорахъ, въ лирическихъ отступленіяхъ романовъ и—случалось — въ полемическаго характера стихахъ..[1]). Сатира въ видѣ „Дома Сумасшедшихъ“ давала возможность ѣдко отплатить всѣмъ личнымъ врагамъ, посадить въ желтый домъ всѣхъ насолившихъ литераторовъ. „Пора показать, что и я могу отвѣчать эпиграммами на эпиграммы и правдою на ложь и сплетни ихъ“...

Вотъ тотъ источникъ, который породилъ ея сатиру. Ростопчина раздраженно выступаетъ противъ своихъ многочисленныхъ враговъ изъ западниковъ и славянофиловъ. Отъ западниковъ— „герценистовъ, соціалистовъ,“ какъ она ихъ называетъ, исходили эпиграммы на ея произведенія; отсюда нанесенъ былъ и послѣдній ударъ.

Но не одни же въ самомъ дѣлѣ писатели-враги наполняли міръ? были же между литераторами и у нея друзья? Такими она изображаетъ Тютчева (извѣстный поэтъ, онъ же и дальній родственникъ графини), князя Вяземскаго, князя Одоевскаго, графа Уварова, — которыхъ она вывела въ сатирѣ подъ именемъ коммиссіи докторовъ, пріѣхавшихъ изъ Петербурга для оказанія медицинской помощи паціентамъ московскаго дома сумасшедшихъ.

Всѣ выведенныя лица — современники автора — были болѣе или менѣе люди ей лично знакомые. Многіе названы по именамъ, другіе скрыты подъ какимъ-нибудь весьма прозрачнымъ покрываломъ.

Н. В. Сушковъ, прочитавши сатиру, сдѣлалъ свои замѣчанія, поправки относительно того, что ему казалось невѣрно, преувеличенно или что неполно передавало картину дѣйствительности. Въ названныхъ бумагахъ Сушкова есть и отвѣты Ростопчиной на эти возраженія.

Сатира написана стихами, раздѣлена на строфы и въ заглавіи прямо названа продолженіемъ сатиры Воейкова, подражаніе которой—кромѣ одного-двухъ близкихъ къ оригиналу мѣстъ—высказывается, главнымъ образомъ, въ желаніи автора также ѣдко посмѣяться.

„Въ петербургскихъ домъ безумныхъ
Встарь Воейковъ насъ водилъ“,

начинается произведеніе. Теперь же авторъ предлагаетъ пройтись по московскому „желтому дому“, гдѣ можно услыхать и увидать много рѣдкостей, такъ какъ

---

[1]) „Ода поэзіи“ и др.

„Урожайны наши нивы
На безлюдные умы“.

Въ домѣ существуетъ два отдѣленія. Для безопасности, чтобы больные разныхъ отдѣленій не передрались другъ съ другомъ, отдѣленія размѣщены въ разныхъ этажахъ. На верху помѣщается первое. Тамъ—панслависты, славянофилы; тамъ душно, нечисто; „русскій духъ“ все прокоптилъ.

„Это міръ воззрѣній узкихъ,
Ложныхъ взглядовъ вкось и вкривь,
Словъ нѣмецкихъ, думъ французскихъ,
Превращенныхъ въ русскій миѳъ“.

Внизу, во второмъ отдѣленіи, помѣщаются западники или, какъ авторъ ихъ называетъ: „философы Сократы, ораторы безъ мѣстъ, якобинцы безъ палаты, на царей живой протестъ“.

Вмѣстѣ съ коммисіей врачей, пріѣхавшихъ изъ Петербурга, Ростопчина идетъ, „соблюдая чинопочитанье“, прежде въ первое отдѣленіе. Здѣсь цѣлый день стоитъ такой содомъ, что врачи бѣжали, глухому не въ мочь. Во главѣ больныхъ находится „святоша Хомяковъ“. Онъ всегда готовъ спорить pro и contra; много пишетъ о свободѣ, а между тѣмъ, всѣ говорятъ, что „рука витіи“

„Для крестьянъ его строга“.

Порицая въ Хомяковѣ отсутствіе опредѣленныхъ убѣжденій и противорѣчіе слова съ дѣломъ, Ростопчина одинаково осмѣиваетъ его и за небрежность прически, непривычку каждый день мыться и т. п.

Такимъ же противорѣчіемъ слова съ дѣломъ отличается и другой больной этого отдѣленія (недавно умершій въ Москвѣ) Кошелевъ...

„...Бесѣды русской
Корифей и коноводъ“.

Долго онъ „отличья ради“ ходилъ въ армякѣ, но какъ-то разъ увидалъ его мужикъ въ такомъ костюмѣ — и принялъ за нѣмца; съ тѣхъ поръ онъ снялъ армякъ и переодѣлся въ нѣмецкое платье [1]). Ради того же отличья онъ готовъ дать волю крестьянамъ,—только при этомъ

„Съ каждой дѣвки непригожей
Пятьдесятъ рублей беретъ,
Но съ хорошенькой... дороже.
Ровно вдвое онъ деретъ“...

---

[1]) Фактъ, подтвержденный близкими друзьями Кошелева.

За нимъ виднѣется Филипповъ—сотрудникъ „Бесѣды“, братья Аксаковы... Послѣдніе изображаются въ видѣ „своры сердитыхъ близнецовъ“ безъ намордниковъ.

„Назначенье ихъ—кусаться;
Ихъ оружіе—клыки.
Съ устъ ихъ льются желчь и пѣна,
Желчь въ ихъ мысляхъ и рѣчахъ...
Лѣзутъ въ бѣшенствѣ на стѣны,
Вѣчно всюду на дыбкахъ“...

Сильно увлекаясь въ своихъ нападкахъ на „братьевъ-близнецовъ“, Ростопчина въ раздраженіи чуть не дѣлаетъ на нихъ доноса.

„Старшій подстрекнулъ недавно
Противъ публики народъ,
И внушилъ ему исправно,
Что пора долой господъ“...

За Аксаковыми мелькнулъ Дмитріевъ, племянникъ извѣстнаго баснописца. А тамъ... но какъ могъ попасть сюда „европейскій свѣтлый умъ“, Юрій Самаринъ, далѣе князь Черкасскій!.. Но послѣдній, объясняетъ авторъ, „поддался идей стремленью“,—

„Это въ немъ неуясненный
Къ пользѣ, къ истинѣ порывъ
И души неутомленный
Вѣчно шепчущій призывъ“.

Тутъ же сидитъ и Погодинъ, выведенный подъ названіемъ „хромого“, съ „длинной рѣчью не впопадъ“...

Всѣ названныя лица молятся одному Богу, имя котораго, не смотря на запросъ Сушкова, Ростопчина не пожелала вписать въ свои комментаріи.

Обойдя весь верхъ, она хотѣла было спуститься въ помѣщеніе западниковъ, но, оказалось, въ „Домѣ“ есть еще третье отдѣленіе—промежуточное, гдѣ помѣщаются люди ни то, ни се, ни западники, ни славянофилы. Среди нихъ у Ростопчиной не въ примѣръ больше знакомыхъ. Вотъ въ фонарѣ у потолка виситъ Щебальскій, тутъ же оказывается и драматургъ Островскій. Къ послѣднему Ростопчина относится крайне недружелюбно, почти злобно—главное за то, что онъ, „комикъ съ новымъ словомъ“ занесенъ житейскою волною изъ „Москвитянина“ въ „Современникъ“.

Противъ такого промежуточнаго положенія Островскаго Сушковъ сильно возставалъ. Онъ настаивалъ на помѣщеніи его среди западниковъ; Ростопчина не соглашалась. „Онъ совсѣмъ не за-

падникъ,—говоритъ она въ отвѣтахъ на возраженія,—не бываетъ тамъ, не знается съ ними"...

Рядомъ съ Островскимъ помѣщаются: М. Н. Лонгиновъ— „камеръ-юнкеръ и словесникъ, двухъ столѣтій гражданинъ"; графъ Н. С. Толстой, Михаилъ Кублицкій. Послѣдній сначала все кричалъ о вольности, а когда „эхо вольности" повторилось у насъ,

„Сердце барское забилось,
Дефицитъ онъ счелъ какъ разъ".

Въ это же промежуточное отдѣленіе помѣстила графиня и гр. Л. Н. Толстого, который, какъ и Островскій, много потерялъ въ ея глазахъ тѣмъ что примкнулъ къ новымъ литературнымъ кругамъ.

...„Онъ, кого мы съ дѣтства знаемъ,
Кто, какъ нашъ, у насъ любимъ,
Отступилъ—обуреваемъ
Духомъ, мнѣніемъ чужимъ...
И его кружки плѣнили,—
Онъ—подъ фирмой желчно-злой... [1])
Теплоту ужъ въ немъ убили
Съ самобытностью былой!"..

Здѣсь же помѣщаются: ея дядя Н. В. Сушковъ, библіографъ Полторацкій, авторъ рукописныхъ эпиграммъ Соболевскій, и нѣсколько профессоровъ московскаго университета: Шевыревъ, о которомъ Ростопчина говоритъ:

„Вотъ уста, что намъ точили
Медъ съ елеемъ пополамъ,
Вотъ тѣ руци, что кадили
Безъ разбора всѣмъ властямъ.
Вотъ профессоръ сладкогласный,
Что такъ горько былъ гонимъ
Молодежью столь пристрастной
Къ людямъ, къ мнѣніямъ чужимъ;"

Снегиревъ, который

„Возставалъ передъ властями
На Прудонову мораль",—

и Бодянскій.

Любопытно, чѣмъ и какъ опредѣлялось для автора принадлежность лица къ той или другой партіи. Когда Сушковъ замѣтилъ, что не вѣрно помѣщенъ Бодянскій, всегда бывшій съ опредѣленной физіономіей славянофила, Ростопчина возражаетъ: „Какой же Бодянскій славянофилъ, коли онъ врагъ Шевыреву, По-

---

[1]) Такъ Ростопчина обозначаетъ „Современникъ".

годину и прочимъ? Онъ чисто безъ партіи". Какъ будто воззрѣнія опредѣляются знакомствомъ съ тѣми или другими людьми, а не послѣднее является слѣдствіемъ воззрѣній.

За Бодянскимъ въ третьемъ отдѣленіи сидѣлъ Бергъ и сама графиня Ростопчина.

„Вотъ Кассандра новой Трои,—
Вотъ Сафо-Ростопчина...
Избавителя-героя
Ищетъ родинѣ она;
Безпощадно уличаетъ
Демагоговъ всѣхъ мастей...
Тщетно гнѣвъ ея пылаетъ:
Гдѣ-жъ со всѣми сладить ей?"

Нельзя сказать, чтобы Ростопчина въ этихъ стихахъ послѣдовала примѣру Воейкова. Послѣдній, осмѣявши всѣхъ безумныхъ петербургскаго дома сумасшедшихъ, нисколько не пощадилъ и себя. Вотъ то мѣсто сатиры, гдѣ онъ говоритъ о себѣ и чѣмъ заканчиваетъ самое произведеніе.

„Вотъ Воейковъ, что бранился,
Съ Гречемъ въ подлый бой вступалъ,
Что съ Булгаринымъ возился
И себя тѣмъ замаралъ;
Тотъ Воейковъ, что Делиля
Такъ безбожно исказилъ,
Запятнать хотѣлъ Эмиля
И Виргилію грозилъ,—
Долженъ быть, какъ сумасбродный,
Въ цѣпь посаженъ, въ желтый домъ;
Голову обрить сегодня
И тереть почаще льдомъ".

Ростопчина себя не обидѣла. Но будемъ слѣдовать далѣе за коммиссіей врачей... На лѣстницѣ встрѣчается С. П. Колошинъ,— издававшій „Москвитянинъ", Н. Ф. Павловъ — „съ высшимъ взглядомъ всесторонній либералъ", но который готовъ натравить жандармскую колонну на сѣрый народъ. Какъ-то разъ.—

„Вкругъ оратора-поэта
Взбунтовались мужики,
Ты просилъ властей клеврета:
„Крѣпче ихъ, больнѣй сѣки!"
Ты жандармскую природу
Злобной местью удивилъ,
Братство, равенство, свободу
На спинѣ рабовъ явилъ".

Но авторъ не ограничивается указаніемъ на одни литературные

или общественные грѣхи своихъ враговъ, онъ задѣваетъ и ихъ личную жизнь, смѣется и надъ ней. Между прочимъ, съ этой стороны сильно достается Н. Ф. Павлову...

При входѣ въ отдѣленіе западниковъ, у дверей, вмѣсто херувима, стоитъ князь Г. В. Кугушевъ. Онъ ничего не замѣчаетъ, что творится въ помѣщеніи „герценистовъ“:

„Князя духъ то не волнуетъ,
Не посмотритъ онъ въ замокъ...
Взоръ, мечты и духъ поэта
Не туда устремлены:
Тѣни Фени и Корнета
Передъ нимъ рисуютъ сны“.

Въ то время, какъ Кугушевъ занятъ поэтическимъ творчествомъ, всѣ больные второго отдѣленія, въ угожденіе своему богу Герцену, составляютъ новый словарь. Но вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ тутъ же кроятъ и русскую землю. Ихъ оружье—

„Ломъ и молотъ... ядъ и слово.

Первожрецъ и предводитель
Далеко... Но духъ его
Присно съ ними! Вдохновитель
Онъ и всѣхъ ихъ и всего...
Взоръ и руки простирая
За моря въ его чертогъ,
Вопіетъ научныхъ стая:
Герценъ нашъ!.. Искандеръ богъ!“

Громче всѣхъ кричитъ актеръ Щепкинъ...

Во второмъ отдѣленіи не только самое помѣщеніе, но и больные имѣютъ чистенькій видъ.

„Здѣсь не встрѣтите вы бородъ,
Рѣчи грубой и смѣшной;
Здѣсь не выкопанный городъ
Изъ-подъ грязи вѣковой!..
Здѣсь причесаны всѣ гладко,
Руки моютъ, носятъ фракъ;
Здѣсь не душно вамъ, не гадко!“..

Однимъ словомъ, здѣсь меньше отталкивающей внѣшности; меньше, чѣмъ у славянофиловъ, шокирующихъ свѣтски-воспитанную графиню рѣзкостей, грубостей. И еслибы необходимо было примкнуть къ одной изъ двухъ партій, она — какъ сильно цѣнящая внѣшность—конечно, скорѣй бы пристала къ западникамъ, еслибы это не были ея личные враги.

„Здѣсь подъ тонкой оболочкой,
Въ маскѣ, мысль—двуострый мечъ...
Мѣрно, плавно и съ отсрочкой
Норовятъ подкопъ поджечь“.

Ростопчина очень мало кого знаетъ близко изъ этой партіи и комкаетъ всѣхъ западниковъ въ одну общую кучу:

„Другъ на друга всѣ похожи:
Сто именъ,—а типъ одинъ,
Цѣль одна, стремленье—тоже...
Общій кличъ ихъ—„гражданинъ“.

И подробнѣе останавливается только на Чичеринѣ, окрещивая его „Пьеромъ Леру“, и Катковѣ, о которомъ говоритъ:

„Здѣсь Катковъ—кружка Бесѣды
Нареченный супостатъ...
(Вѣстникъ врагъ ей... до обѣда,—
А потомъ... ей станетъ братъ!..)
Не ищите убѣжденья
У редакторовъ иныхъ:
Ихъ пружина—вверхъ стремленье
И потребность благъ земныхъ“.

Въ заключенье сатиры приводится панегирикъ каждому изъ четырехъ врачей, составляющихъ петербургскую коммиссію. По осмотрѣ дома они занялись тайнымъ совѣщаньемъ. Что рѣшатъ —неизвѣстно:

„Но готовятъ—говорятъ—
Души, ванны; правдой честной
Всѣхъ больныхъ омыть хотятъ“.

IX.

Сатира во многомъ уступаетъ своему прототипу, несмотря на недурныя строфы, мѣстами остроуміе и довольно ѣдкую насмѣшку. Раздраженіе, субъективность, конечно, служили во вредъ не только ея исторической правдѣ, но даже и стихотворному размѣру, который нерѣдко нарушается авторомъ съ такой вольностью, на какую не уполномочиваетъ ни одно изъ правилъ стихосложенія. На эти послѣднія ошибки много указаній сдѣлалъ Сушковъ.

Построеннымъ „Домомъ“ онъ остался недоволенъ и въ общемъ, и въ частностяхъ (о нѣкоторыхъ изъ нихъ было упомянуто выше). По его мнѣнію, въ планѣ сатиры не доставало отдѣленія для женщинъ-писательницъ; многіе изъ литераторовъ и

ученыхъ, напримѣръ: Писемскій, Селивановъ, отецъ братьевъ Аксаковыхъ, профессоръ Соловьевъ, Леонтьевъ, Аѳанасьевъ и др., были пропущены. Главное же, ему не нравился бранчливый тонъ всего произведенія, и вслѣдствіе этого онъ отказывался отъ сдѣланнаго ему посвященія.

Сушковъ не отличался опредѣленностью убѣжденій, не принадлежалъ ни къ западникамъ, ни къ славянофиламъ, ладилъ съ тѣми и другими. „Кромѣ ужъ лѣтъ моихъ,—говоритъ онъ въ письмѣ къ племянницѣ,—мнѣ ни въ какомъ случаѣ неприлично путаться въ такія юныя дѣла. Итакъ, уволь меня отъ этой пьесы, т.-е. отъ посвященія. Кстати ли мнѣ выдти на ссору со всѣми пріятелями литературными и политическими? Ты знаешь, что я средній—полонъ терпимости, со всѣми знаюсь, всѣ изъ всѣхъ у насъ бываютъ. За что же по твоей милости я долженъ буду перемѣнить образъ жизни?“.

Онъ не прочь бы былъ посовѣтовать племянницѣ даже совсѣмъ разрушить, срыть до основанія воздвигнутый домъ, если-бы только она сама не накричала всѣмъ объ его постройкѣ. Въ заключеніе письма высказываетъ — какъ ему кажется — одинъ изъ самыхъ убѣдительныхъ доводовъ противъ изданія сатиры: „а горько достанется тебѣ отъ зацѣпленныхъ тобою“. Ростопчина хоть и отвѣчала на это: „Не я начала—вы это знаете“, однако послѣдній доводъ, подкрѣпленный мнѣніемъ знакомыхъ литераторовъ и ученыхъ, которымъ Сушковъ читалъ сатиру, возъимѣлъ свое дѣйствіе. Ростопчина не только оставила намѣреніе печатать, она пишетъ въ отвѣтъ Сушкову: „Я не стану ее показывать иначе, какъ самымъ вѣрнымъ друзьямъ“. Ради умаленія серьезной сатирической стороны произведенія, она готова теперь обратить „Домъ Сумасшедшихъ“ въ шутку; но при этомъ забываетъ сказанныя ею же самою выше приведенныя слова: „Горько мнѣ отъ нихъ уже 10 лѣтъ“ и т. д.,—которыми признавала сама за сатирою значеніе мести.

Изъ всѣхъ возраженій, сдѣланныхъ дядей, ей не понравилась нотація за раздраженный тонъ и его отказъ. Недовольство она выразила экспромтомъ — эпиграммой (до экспромтовъ она была всегда большая охотница).

„Краснѣю, дядя, я за васъ,
Что вы такъ сильно покраснѣли,
Что съ красными въ недобрый часъ
Вдругъ краснымъ сдѣлаться успѣли“.

Хотя она и рѣшила показывать сатиру только „самымъ вѣрнымъ друзьямъ“, тѣмъ не менѣе „герценисты“ прочли ее.

Огаревъ, по словамъ Сушкова, написалъ послѣ этого упомянутое выше стихотвореніе „Отступница". Въ Москвѣ оно ходило по рукамъ, а за границей, кажется, было напечатано.

Огаревъ припоминаетъ Ростопчиной времена юности, ея юныя, искреннія слезы, какими она оплакивала декабристовъ...— и призываетъ къ покаянію:

„Покайтесь грѣшными устами,
Покайтесь искренно, тепло,
Покайтесь съ горькими слезами,
Покуда время не ушло!
Просите доблестно прощенья
Въ измѣнѣ вѣтряной своей
У молодого поколѣнья,
У всѣхъ порядочныхъ людей...
. . . „Не бойтесь снять съ себя личину
И обвинить себя самихъ:
Христосъ Марію Магдалину
Поставилъ выше всѣхъ святыхъ!"

Но какой же могъ быть возвратъ для Ростопчиной? Куда могла она вернуться? Какую было ей начать иную жизнь и добывать убѣжденія, безъ которыхъ она все время прекрасно обходилась, опираясь на свою „женскую" силу?..

Въ качествѣ свѣтской красавицы Ростопчина выработала увѣренность въ себя и еще съ дѣтства развила настойчивость,—всѣ эти качества поддерживались и подкрѣплялись ея общественнымъ положеніемъ.

Послѣ этого она еще рѣзче, какъ бы на зло, негодуетъ на всѣ оттѣнки непріязненнаго ей краснаго духа ея враговъ.

„И перомъ, и словомъ, — говоритъ Сушковъ въ „Воспоминаніяхъ"—она неумолимо преслѣдовала свободомыслящихъ и въ сущности неопасныхъ, невинныхъ говоруновъ, въ которыхъ видѣла Кромвелей, Робеспьеровъ, Мадзини... Раздраженіе на нихъ Ростопчиной доходило до необузданности. Такъ, напримѣръ, вечеромъ входитъ въ нашу гостиную гость, пріѣзжій изъ Петербурга, съ однимъ изъ ея пріятелей. Едва послѣдній успѣлъ его назвать, едва успѣли мы обмѣняться обычными при первомъ знакомствѣ привѣтствіями, какъ она накинулась на него потокомъ укоризнъ, обличеній, усовѣщиваній—такъ что я вынужденъ былъ вступиться за гостя".

Въ такомъ шипѣньѣ провела она 1858 — послѣдній годъ своей жизни. Въ этотъ годъ лично познакомилась съ Дюма (она давно состояла съ нимъ въ перепискѣ), который, проѣзжая черезъ Москву, сдѣлалъ ей визитъ и по просьбѣ котораго она теперь

написала біографическій очеркъ Лермонтова, помѣщенный въ 1882 году въ „Русской Старинѣ“ [1]); въ этотъ же годъ у нея открылся внутренній ракъ. Мучительная болѣзнь еще болѣе усиливала и безъ того скопившееся раздраженіе, которое въ послѣдніе мѣсяцы смѣнилось мистицизмомъ, доходившимъ до галлюцинацій...

Сушковъ видитъ въ раздраженіи Ростопчиной причину упорнаго молчанія о ней послѣ смерти. „Время сниметъ съ нея опалу“, говоритъ онъ.

Дѣйствительно, на разстояніи протекшаго двадцатипятилѣтія не дѣйствуетъ болѣе ни ея личное обаяніе, какъ женщины, ни ея раздраженная ненависть противъ враговъ — и въ произведеніяхъ виднѣй, разительнѣй выступаетъ внутренняя безсодержательность писательницы, проповѣдницы исключительно личнаго эгоистическаго счастья, и истекавшая изъ этой пустоты вражда ея ко всему свѣжему, новому, молодому.

Вотъ почему ея произведенія забыты потомствомъ и не будутъ читаться. Богатая приключеніями повѣсть ея собственной личной жизни [2]) могла бы, какъ кажется, доставить читателю несравненно больше интереса, чѣмъ ея произведенія, представляющія только легкое, поверхностное, хаотическое отраженіе эпизодовъ этой самой жизни.

Е. Некрасова.

[1]) № 9.

[2]) Къ сожалѣнію, главный матерьялъ для біографіи Ростопчиной—ея альбомы, дневники, записныя книжки—неизвѣстно, гдѣ находятся.

НА ВОЙНѢ

Воспоминанія и очерки.

(Окончаніе).

XV *).

Уже дней десять стоимъ мы на шоссе безъ всякаго дѣла; лазутчики приносятъ извѣстія, одно другому противорѣчащія: то непріятель сбирается отступать, то нападать; то его 4 тысячи, то 8 тысячъ. Скобелева все это не мало раздражало.

Какъ-то послѣ обѣда, велитъ онъ приготовить полусотню казаковъ, садится на лошадь и шагомъ ѣдетъ къ Ловчѣ. Куропаткина съ нами нѣтъ; я и Лисовскій составляемъ свиту. Мѣстность, черезъ которую приходится ѣхать, чрезвычайно пересѣченная, извилистая: все рвы, овраги, холмы, покрытые лѣсомъ. До города верстъ 12; время 3 часа по полудни. Отъѣхавъ верстъ пять, генералъ обращается ко мнѣ и говоритъ:

— Сотникъ Верещагинъ, возьмите 5 человѣкъ казаковъ, поѣзжайте впередъ; доѣзжайте до непріятельской цѣпи, завяжите огонь и постарайтесь привести мнѣ „языка", если можно пѣхотнаго солдата. Изъ конвоя разставьте по дорогѣ нѣсколькихъ человѣкъ; въ случаѣ чего, они дадутъ мнѣ знать, тогда я къ вамъ явлюсь на выручку. Слышите?

— Слушаю-съ, ваше превосходительство.—Отбираю пять казаковъ и отправляюсь. Дальше и дальше, все ближе и ближе къ непріятелю.

---

*) См. выше, февраль, стр. 461.

Ѣхать приходится очень осторожно: ущелья мѣстами такъ тѣсны, что достаточно засѣсть двоимъ, чтобы никого изъ насъ не выпустить.

Такъ какъ я уже разъ былъ въ Ловчѣ, то зналъ, что вонъ за тѣмъ холмикомъ, городъ будетъ какъ на ладони. Постовъ еще не видно. Изъ конвоя троихъ уже разставилъ; остальные двое, одинъ ѣдетъ шаговъ пятьдесятъ впереди, другой сзади.

Непріятель долженъ быть уже очень близко, уже я чувствую, какъ у меня отъ страха папаха приподнимается и морозъ пробѣгаетъ по кожѣ. „Чортъ возьми", думаю: „задалъ же генералъ задачу: поймай ему среди бѣлаго дня пѣхотнаго солдата! Да вѣдь онъ хоть и турокъ, а живой въ руки не дастся! Попробовалъ бы самъ поймать".

Въ это время передовой казакъ внезапно соскакиваетъ съ лошади и стрѣляетъ вдоль по небольшой долинѣ, разстилающейся передъ нами въ лѣвой рукѣ.

— Въ кого, чего увидалъ?—кричимъ мы.

— Эвонѝй ли, ваше благородіе, турка! Турка бѣжитъ!—осторожно кричитъ казакъ и стрѣляетъ еще и еще разъ. Черезъ долину перебѣгаетъ въ бѣлой чалмѣ высокій турокъ съ черной бородой. Удаляясь отъ насъ, онъ размахиваетъ руками и что-то кричитъ, какъ будто кого зоветъ.

— Ваше благородіе, а гляньте на горы, — вполголоса говоритъ мнѣ казакъ, слѣдовавшій позади. Смотрю, на вершинахъ горъ въ это время показываются человѣческія фигуры: завидя насъ, онѣ быстро скрываются.

— Куды-жъ мы, ваше благородіе, теперь ѣдемъ?—спрашиваютъ казаки, когда я, не смотря на все это, подаюсь еще впередъ:—вѣдь вотъ онъ тутъ сейчасъ за балкой.

— А вы развѣ не слышали, что̀ генералъ приказывалъ?

— Слышать-то слышали, ваше благородіе, да насъ тутъ безпремѣнно застукаютъ, коли дальше поѣдемъ.

Ѣхать дальше становилось дѣйствительно безразсудно. Останавливаюсь и разсуждаю самъ съ собой: „Огонь открытъ, ружейные выстрѣлы услышаны, мы замѣчены, непріятель въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ, до своего же лагеря болѣе 10-ти верстъ. Ѣхать дальше—значитъ попасться, какъ куръ во щи!"—Поворачиваю назадъ, хотя въ душѣ сознаю, что задача не выполнена. Но какъ же возможно ее выполнить? Не броситься же среди бѣлаго дня съ двумя казаками на пѣхотный постъ, отбивать солдата.

Солнце готовилось закатиться за синеватыя горы, когда мы подъѣхали къ генералу.

— Ну что, привели „языка"?—былъ первый его вопросъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, хоть огонь и открыли, но солдата не удалось поймать, почти до самаго города доѣхали,—оправдываюсь я.

— Такъ и зналъ, что вамъ ничего серьезнаго поручить нельзя,—сердито возражаетъ генералъ и, сердитый, возвращается въ лагерь.

Немного спустя, Скобелевъ устраиваетъ поѣздку въ томъ же родѣ. Вечеромъ приглашаетъ Куропаткина, Тутолмина, полковника Тебякина, баталіонныхъ командировъ, командировъ баттарей и еще нѣсколькихъ офицеровъ; беретъ хоръ трубачей, и въ сопровожденіи 10—15 казаковъ мы ѣдемъ опять къ Ловчѣ. Дорогой генералъ, хоть и въ полголоса, но все-таки весело разговариваетъ то съ тѣмъ, то съ другимъ офицеромъ. Шутя и смѣясь мы проѣзжаемъ даже то мѣсто, съ котораго я воротился. Спутники начинаютъ безпокойно переглядываться, перешептываться. Подаемся еще немного и въѣзжаемъ на пригорокъ. Ловча, какъ бы загорѣвшись отъ лучей заходящаго солнца, близехонько краснѣется передъ нами. Минареты и мечети, въ полутемнотѣ, кажутся еще выше и стройнѣе. Мы смотримъ и любуемся. Но вотъ солнышко закатилось—настаетъ темнота.

— Трубачи, играй зорю!—командуетъ генералъ и набожно снимаетъ фуражку. И вотъ, въ виду непріятеля, раздаются знакомые звуки: та, та, та, ти, та, ти, та... и т. д.

Боже мой, какая поднимается въ городѣ тревога: раздаются сигналы, рожки, бьютъ барабаны.

Мы всѣ снимаемъ фуражки, и пока играютъ зорю, стоимъ и переглядываемся: чѣмъ-дескать все это кончится? Скобелевъ слѣзаетъ, постоявъ минутку и перекрестившись, снова садится на лошадь и говоритъ:

— Ну-съ, господа, поѣдемте, пора!—Не торопясь, садимся и ѣдемъ назадъ, тихо, безъ шуму. Только подковы звенятъ о жесткое шоссе. Фигура генерала, на бѣлой лошади, въ бѣломъ кителѣ, рѣзко отличается въ темнотѣ отъ остальныхъ фигуръ. Нервно, нетерпѣливо торопитъ онъ своего иноходца, то дергаетъ за мундштучные поводья, то подталкиваетъ шпорами. Становится прохладно: ѣдкій, сырой запахъ кукурузы, винограда и смѣшанный съ пылью распространяется въ воздухѣ. Свѣтлые жучки, какъ искры, летаютъ вокругъ; кажется, вотъ-вотъ поймаешь ихъ рукой. Луна медленно подымается изъ-за горъ и плавно катится. Но вотъ и лагерь.

Такъ черезъ недѣлю, подходитъ къ намъ князь Имеретинскій съ главными силами. Теперь ужъ у насъ скопляется слишкомъ 20 тысячъ штыковъ и болѣе 90 орудій. Главное начальство принимаетъ Имеретинскій. Скобелевъ назначается начальникомъ передового отряда. Капитанъ Куропаткинъ остается у него за начальника штаба. Лагерь немедленно подается впередъ и становится въ четырехъ верстахъ отъ Ловчи, у фонтана. На другой день, съ нашей стороны происходитъ усиленная рекогносцировка, оканчивающаяся благополучно. Всѣ нужныя позиціи и командующія высоты занимаются нами. При этомъ потеря около 100 человѣкъ.

Помню, въ тотъ день послѣ обѣда, ѣду я за генераломъ по виноградникамъ; насъ только двое; конвой куда-то разъѣхался; жара сильная.

— Верещагинъ, голубчикъ, сорвите мнѣ вонъ ту кисточку,— проситъ меня генералъ.

— Которую, ваше превосходительство?—спрашиваю я, соскакивая съ лошади.—Эту?

— Да нѣтъ, вонъ что сзади васъ,—и онъ показываетъ на сочную бѣлую кисть, розоватаго оттѣнка.

Нагибаюсь, чтобы сорвать, какъ внезапно нѣсколько пуль съ трескомъ ударяются въ землю около самыхъ нашихъ ногъ, даже песочкомъ обдаетъ. Генералъ круто осаживаетъ лошадь, и галопцомъ—назадъ. Я, разумѣется, поскорѣй за нимъ, сорвавши все-таки кисточку. Не мудрено, что въ насъ чуть не въ упоръ стрѣляли: оказалось, что мы забрались далеко за свою цѣпь. За все время моего пребыванія со Скобелевымъ, этотъ случай единственный въ моей памяти, чтобы генералъ такъ круто поворотилъ отъ пуль.

Въ этотъ же вечеръ Куропаткинъ беретъ меня съ собою и еще поручика казанскаго полка Козелло, выбирать позиціи для артиллеріи. Въѣзжая на гору, лошадь моя начинаетъ сильно хромать. Что случилось?—Оказывается, одна подкова на половину оторвалась и лошадь не можетъ ступать какъ слѣдуетъ, оторвать нѣтъ возможности. „Казакъ, дай свою лошадь сотнику", приказываетъ Алексѣй Николаевичъ, ѣхавшему за нами казаку. Сажусь, свою велю отвести въ лагерь. Только-что мы взобрались въ гору и ѣдемъ вдоль широкаго оврага, какъ пуля крѣпко ранитъ въ колѣно мою лошадь. Высокій скачекъ дѣлаетъ несчастная, такъ что я едва могу усидѣть на ней, и затѣмъ жалобно, безсильно машетъ по воздуху больной ногой. По ту сторону оврага, изъ-за кустовъ, показывается бѣлый дымокъ отъ залпа засѣвшихъ турокъ. Соскакиваю съ коня и веду его подъ уздцы. Куропаткинъ дѣлаетъ то же самое, и мы идемъ дальше осматривать позиціи.

Позиціи выбраны. Куропаткинъ дорогой все мнѣ твердитъ: „Замѣчайте же, Верещагинъ: вотъ здѣсь столько-то орудій, здѣсь столько-то. Смотрите, вамъ придется сегодня ночью разставлять ихъ, и чтобы къ утру готово было. Завтра некогда будетъ, днемъ всѣхъ лошадей перебьютъ“.

Осмотрѣли, замѣтили, спускаемся къ лагерю. Только-что прихожу къ себѣ въ палатку, является казакъ отъ генерала. Иду. Генералъ вмѣстѣ съ Куропаткинымъ сидятъ подъ широкимъ деревомъ около палатки и пьютъ чай. Казакъ, котораго лошадь ранена подо мной, жалуется на меня и требуетъ себѣ новаго коня.

— Верещагинъ, извольте этому казаку отдать свою лошадь. Чѣмъ онъ виноватъ, что его коня ранили подъ вами? Казакъ молодецъ и желаетъ постоянно быть въ дѣлѣ. Слышите?—приказываетъ Скобелевъ.

— Слушаю-съ, ваше превосходительство! Я ему уже обѣщалъ дать турецкаго коня и 50 руб. денегъ.

— Да мнѣ, ваше благородіе, что же деньги? На турецкомъ конѣ много ли наѣздишь, — возражаетъ казакъ. Я съ ихъ превосходительствомъ завсегда въ конвоѣ нахожусь, какъ же мнѣ безъ настоящей лошади?—хитритъ онъ.

Я вижу, что казакъ пользуется благопріятной минутой, чтобы завладѣть моимъ кабардинцемъ. Положеніе становится печальнымъ, какъ совершенно неожиданно Куропаткинъ выручаетъ меня.

— Вѣдь за убитую лошадь, ваше превосходительство, казакамъ выдаются свидѣтельства, и они потомъ получаютъ отъ казны 41 рубль,—объясняетъ Алексѣй Николаевичъ.

— А если такъ, чего же ты пришелъ ко мнѣ? Ступай, получишь свидѣтельство,—кричитъ генералъ, и казакъ, недовольный развязкой, отправляется во-свояси. Хотя его и слѣдовало бы за эту штуку поприжать, но я все-таки далъ ему турецкаго коня, пятидесяти же рублей такъ и не далъ.

Вечеръ. Уже стемнѣло. Иду къ Куропаткину прочитать приказъ и диспозицію на завтрашній день. Получивъ приказаніе взять два баталіона либавскаго полка и при помощи ихъ втаскивать на позиціи орудія, отправляюсь къ дѣлу.

Какъ громадная змѣя извиваются орудія длинной темной полосой вдоль шоссе. Въ ночной тишинѣ изрѣдка слышится:—Гдѣ командиръ?—Чьи орудія?—Стой, постромка соскочила! — Черти, куда воротите!—Что тамъ на дорогѣ стали, эй, вы!—Работа начинается. Баталіонный командиръ и нѣсколько офицеровъ остаются

внизу, подъ горой, роты же разбиваются на группы около орудій. Нѣкоторыя позиціи оказываются такъ круты, что лошадей приходится отпрягать и орудія втаскивать на рукахъ. Особенно трудно втащить на гору, которую солдаты впослѣдствіи назвали „Счастливая“, потому, что съ первыхъ же выстрѣловъ огонь съ нея былъ очень удаченъ.

Немного не добравшись до вершины горы, у передняго орудія столпилось что-то много народу. Слышны крики:—Стой, стой, держи, робята!—Подложи подъ колеса!—Стой, такъ ладно! — Не скатится!—Солдаты выбились изъ силъ, устали, хотятъ отдохнуть.

— Чего тутъ орете, словно на ярмаркѣ! — увѣщеваетъ ихъ серьезный фельдфебель, бренча тоненькой помятой саблей, подтянутой подъ самую грудь:—Здохните маленько!

Начинается откашливанье, отплевыванье и т. д. Спускаюсь нѣсколько шаговъ подъ гору, къ сторонѣ непріятеля. Мѣсяцъ показывается изъ-за облака и неясно освѣщаетъ человѣческія фигуры, виднѣющіяся у подножія горы. Подхожу ближе: это наше прикрытіе.

— Гдѣ ротный?—спрашиваю вполголоса.

— Здѣсь, что прикажете?—И худощавый высокій офицеръ, въ пальто въ накидку, вскакиваетъ изъ-подъ дерева, подъ которымъ лежалъ, и, придерживая саблю, чтобы не бренчала, направляется ко мнѣ. Я рекомендуюсь.—Очень пріятно-съ,—слышится въ отвѣтъ, и офицеръ, вглядываясь въ мои погоны, беретъ подъ козырекъ.

— Что, капитанъ, ничего не замѣтно?—спрашиваю я.

— Пока ничего-съ, все спокойно!—И онъ пристально смотритъ въ непріятельскую сторону.

— Вотъ, ваше благородіе, сейчасъ ровно огоньки мелькали,—внушительно шопотомъ замѣчаетъ усатый фельдфебель, который стоитъ возлѣ и рукой указываетъ направленіе.

— Это ничего, это такъ! Жучки!—такимъ-же способомъ успокоиваетъ ротный.

Солдаты цѣпью расположились тутъ же рядомъ у подножія горы, около самыхъ виноградниковъ. У нихъ идетъ сдержанный разговоръ:

— Кажись, Сергѣеву не выжить будетъ,—увѣряетъ одинъ, лежа на брюхѣ, и подпершись локтями, обрываетъ сочныя ягоды съ виноградной кисти. Подлѣ него лежатъ на подостланныхъ шинеляхъ, животами къ верху, нѣсколько товарищей и созерцаютъ луну.

— Что-жъ такъ?—спрашиваетъ другой, и, подправляя подъ головою шинель, тоже поворачивается на брюхо. По голосу, кото-

рымъ онъ спрашиваетъ, можно судить, что на него это извѣстіе вліяетъ больше, чѣмъ на другихъ.

— Чего же, коли наскрозь прошла, подъ самой селезенкой!

Молчаніе.

— Что-то завтра Господь Богъ дастъ, — шепчетъ кто-то въ другомъ углу.

Постоявъ нѣсколько минутъ, прощаюсь съ ротнымъ и бѣгомъ направляюсь къ своему дѣлу, откуда уже снова доносится: — Тащи, тащи, ребята! — Подбѣгаю, хватаюсь за колесо лафета и тоже кричу: — Ну, братцы, еще, еще маленько! Не много осталось! Вправо, вправо, заворачивай, хоботъ вправо!

— Вы, господинъ сотникъ, намъ только втащить помогите, а ужъ мы тамъ сами поставимъ ихъ, какъ намъ нужно будетъ,— небрежно обращается во мнѣ старый артиллерійскій капитанъ, которому, замѣтно, не нравится, что какой-то казачій офицеръ распоряжается его орудіями и указываетъ, куда поворачивать хоботъ.

— Ѳедоровъ, надо подкопать немного хоботъ,—кричитъ онъ солдату артиллеристу. Нѣсколько артиллеристовъ, поспѣшно бросаются къ орудію, подкапываютъ, поворачиваютъ и ставятъ его какъ слѣдуетъ. Хотя всѣхъ орудій въ день боя дѣйствовало около 90, но въ томъ мѣстѣ, гдѣ мнѣ было указано, я расположилъ, насколько помню, около 20-ти.

Становится все свѣтлѣе и свѣтлѣе. Вершины горъ и непріятельскія позиціи обрисовываются яснѣе.

XVI.

22-е августа, 5 часовъ утра. Солнце выкатилось и ярко освѣтило окрестности, когда я подъѣхалъ съ докладомъ къ палаткѣ Куропаткина.

Куропаткинъ не спитъ; наклонившись надъ маленькимъ складнымъ столикомъ, старательно что-то пишетъ.

— Господинъ капитанъ, орудія разставлены,—докладываю я, входя въ палатку.

— Я это впередъ зналъ. Что̀ вамъ будетъ поручено, будетъ исполнено, — отвѣчаетъ онъ, любезно благодаритъ и жметъ мнѣ руку.—Ну, ступайте, отдохните; въ случаѣ, если генералъ васъ спроситъ, объясню ему, что вы мною отпущены. Ступайте, усните.

Отправляюсь рядомъ къ себѣ въ палатку, совершенно довольный, въ надеждѣ хорошенько заснуть.

Но какой тутъ сонъ, когда возлѣ гремятъ зарядные ящики,

звенятъ орудія, колеса, раздаются команды, шумъ, крики! Сквозь приподнятую дверку палатки видны сосредоточенныя лица проходящей пѣхоты, которая двигается не съ той отчетливостью, какъ на ученьѣ, но какъ-то тревожно, озабоченно, точно каждаго беретъ сомнѣнье, останется ли онъ живъ. Такое выраженіе лица въ мирное время у солдата никогда не встрѣтишь: его можно видѣть только или передъ самымъ „дѣломъ", или въ дѣлѣ. Нельзя назвать его испуганнымъ, нѣтъ, въ немъ выражается скорѣе затаенная злоба, досада и на себя, и на всѣхъ окружающихъ. Это выраженіе дѣлается въ особенности замѣтнымъ, когда раздается первый крикъ: „носилки!" Немедленно же всѣ разговоры, смѣхъ, шутки прекращаются; лица дѣлаются угрюмыми, у каждаго, очевидно, мелькаетъ мысль: „сейчасъ и меня хватитъ".

Б-у-у-у-мъ! раскатывается первый пушечный выстрѣлъ—нашъ; —тха-а-а-а—разрывается снарядъ гдѣ-то далеко, далеко, едва слышно.

Затѣмъ второй, третій выстрѣлъ, пошла писать по всей линіи!

Бой начинается. „Генералъ не утерпитъ.! Вѣрно сейчасъ поѣдетъ", думается мнѣ.

Такъ и есть.—Лошадь мнѣ! — раздается знакомый картавый голосъ. Приподымаю чуточку полотно палатки, выглядываю: генералъ сидитъ въ палаткѣ у князя Имеретинскаго и о чемъ-то разсуждаетъ съ нимъ; черезъ нѣсколько минутъ оба выходятъ, садятся на лошадей и трогаются. Скобелевъ все на той же сѣрой лошади, только не въ кителѣ, какъ вчера, а въ мундирѣ и при орденахъ: должно, бой будетъ настоящій! Товарищи мои, казаки Гайтовъ и Харановъ, которыхъ генералъ только-что передъ этимъ взялъ къ себѣ въ ординарцы, садятся на коней, перекинувшись нѣсколькими словами на своемъ гортанномъ осетинскомъ нарѣчіи, джигитуютъ, горячатъ лошадей и съ гикомъ несутся въ обгонку.

Поручикъ Карандѣевъ, въ мундирѣ конно-гренадерскаго полка, прибывшій изъ главной квартиры на время сраженія въ распоряженіе Скобелева, тоже не безъ достоинства галопируетъ на своемъ „ворономъ", заставляя его колесомъ сбирать шею. Казаки, конвой, адъютанты, ординарцы, всѣ спѣшатъ за начальствомъ. Казакъ-кубанецъ со скобелевскимъ значкомъ, изстрѣленнымъ въ лохмотья, не можетъ справиться съ лошадью: крутится на одномъ мѣстѣ, бьетъ ее плетью, толкаетъ подъ брюхо ногами и, наконецъ, карьеромъ несется догонять генерала.

— Неужели я буду лежать? Что за срамъ! Ну что, ежели

надъ головой, кто колбасой, кто фляжкой. Отказаться невозможно, подъѣзжаю.

— Возьми лошадь, — кричатъ разомъ нѣсколько голосовъ ближайшему солдату, тономъ, въ которомъ слышится одновременно и укоръ, и сожалѣніе: какъ самому не догадаться взять лошадь у такого человѣка!

Баталіонный, высокій господинъ съ свѣтлыми усами, привставши нѣсколько съ барабана, не безъ достоинства предлагаетъ мнѣ закусить, приглашая рукой занять мѣсто подлѣ него на раскинутой шинели.

— Прошу-съ, не угодно-ли-съ, чѣмъ Богъ послалъ.

Всѣ наперерывъ угощаютъ меня, и въ то же время осаждаютъ вопросами: какъ дѣла, гдѣ такой-то полкъ, гдѣ другой, сколько у насъ всѣхъ орудій, куда поѣхалъ генералъ? На ихъ лицахъ видно удовольствіе, что они могли залучить для разспросовъ человѣка, столь близко стоящаго къ начальству. Все, что я знаю, съ удовольствіемъ разсказываю, но не подаю вида, что многое мнѣ и самому неизвѣстно.

— Что же, маіоръ, вы-то здѣсь дѣлаете?—обращаюсь я къ командиру баталіона.

— Да вотъ-съ, ждемъ дальнѣйшаго приказанія-съ, еще не получалъ!—Маіору, замѣтно, не нравится тотъ тонъ, съ которымъ я обратился къ нему, и онъ, чтобы прекратить мои дальнѣйшіе разспросы, зоветъ деньщика убрать остатки завтрака.

Какъ будто вотъ тутъ и есть, доноситъ вѣтеръ громъ орудій; меня опять начинаетъ подмывать скорѣй тронуться къ дѣлу. Какъ-то не ловко, совѣстно чувствуешь себя тутъ: возможно ли спокойно сидѣть, разговаривать, когда въ нѣсколькихъ шагахъ уже навѣрно льется кровь? Надо ѣхать!

— Ну-съ, господа, до свиданья, благодарю за угощеніе!

— Посидите; успѣете еще-съ,—серьезно совѣтуетъ маіоръ.

— Погодите немного, хоть минуточку,—просятъ „субалтерны" съ дѣтски-радушнымъ видомъ.

— Еще красненькаго стаканчикъ, на дорожку!—предлагаютъ ротные: эти солиднѣе и не такъ просятъ остаться.

Вправо отъ шоссе тянется гористый откосъ; онъ постепенно становится ниже и ниже, и образуетъ площадку съ нѣсколькими большими вѣтвистыми деревьями.

Въ тѣни, подъ ними, пріютился „перевязочный пунктъ". На лугу, между бѣлыми шатрами, уже виднѣются окровавленныя

носилки. Въ открытыя дверцы палатокъ можно разобрать серьезныя лица докторовъ. Вонъ изъ одной показывается, съ тазомъ въ рукахъ, солдатъ-служитель, не торопясь выплескиваетъ окровавленную воду, машетъ тазомъ, чтобы сплеснуть все до капли, и равнодушно возвращается къ своему дѣлу.

Сердце щемитъ; въ памяти воскресаетъ знакомая картина 18 іюля подъ Плевной. Тороплюсь проѣхать, не вглядываясь въ нее. За перевязочнымъ пунктомъ гористый откосъ снова продолжается.

Не отъѣхалъ я и ста саженъ—на-встрѣчу изъ-за угла показываются „носилки". Два солдата торопливо несутъ раненаго, стараясь идти въ ногу; еще одинъ, сзади, слѣдуетъ въ припрыжку за ними, и урывками, чтобы не задержать, поправляетъ на раненомъ шинель, которая все съѣзжаетъ. Лица больного не видно, оно закрыто фуражкой; но рука его, блѣдная, восковая, безпомощно свѣсилась изъ-подъ шинели, и точно умоляетъ: „Стой, стой, не несите напрасно, сложите лучше гдѣ-нибудь въ тѣни подъ деревомъ, дайте умереть спокойно—безъ ножей, безъ фельдшеровъ"...

— Что, опасно?—спрашиваю я.

— Трудно, ваше благородіе,—сухо отвѣчаютъ тѣ, очевидно съ сознаніемъ того тяжелаго братскаго дѣла, которое они исполняютъ и которое ровняетъ ихъ въ эту минуту съ начальствомъ. Не останавливаясь и не убавляя шагу, они скрываются за извилиной шоссе.

Фію-ю-ю-у-у-у..., свиститъ шальная пуля. Свистъ знакомый, тонкій, предательскій.

Потомъ вторая, но уже нѣсколько позади. „Проѣхалъ, милая, опоздала!" злорадно разсуждаю я. Пули эти, очевидно, шальныя, на излетѣ, пущены съ большого разстоянія, такъ какъ до непріятеля еще далеко.

По дорогѣ валяются разбитыя колеса, опрокинутыя повозки. Вонъ въ сторонѣ лежитъ раненая лошадь и по временамъ пробуетъ встать: приподымаетъ голову, оглядывается, гложетъ отъ боли землю и съ долгимъ протяжнымъ стономъ снова растягивается.

Валяются шинели, ранцы, котелки. Тутъ же офицерскій клеенчатый кушакъ съ револьверомъ—не даромъ онъ брошенъ, вѣрно не до него было!.

Какъ только откосъ миновался, пульки начинаютъ свистать все чаще и чаще.

Влѣво отъ дороги, за оврагомъ, сидятъ нѣсколько артиллеристовъ и держатъ въ поводу лошадей.

С-с-с-с-щокъ!—точно что оторвалось, гдѣ-то близко ударяется пуля. По щелчку можно утвердительно сказать, что „эта“ не даромъ летѣла: лошади бросаются въ стороны, одна же, бѣдняжка, подскакиваетъ на трехъ ногахъ, свѣсивъ безсильно раненую четвертую. Густая капля крови на передней ногѣ, какъ разъ на вѣнчикѣ, ясно указываетъ, „куда попала“.

Выростаетъ, какъ изъ земли, сѣдой усатый фейерверкеръ—раньше его не видно было—и яростно набрасывается на подчиненныхъ:

— Говорено было уйти отсюда; нѣтъ, не слушали! Маршъ, убирайтесь, чтобы духу вашего здѣсь не было. Съ глазъ долой!—и онъ сердито машетъ рукой.

— Кто же ее знаетъ, гдѣ она тя найдетъ, вѣдь не угадаешь, —ворчатъ тѣ, уходя. Раненая лошадь не хочетъ отстать: безъ узды и хомута, неловко, торопливо, прыгаетъ за товарищами.

Выѣзжаю на пригорокъ, — вонъ и позиціи, вонъ и войска наши!

Скобелевъ и Имеретинскій съ конвоемъ ѣдутъ мнѣ на-встрѣчу. Гайтовъ съ Харановымъ тоже тутъ ѣдутъ, очень довольные; издали дѣлаютъ мнѣ знаки и улыбаются.

— Здравствуйте, Верещагинъ. Проводите насъ, батинька, къ горѣ, гдѣ вы ночью разставляли орудія, — обращается ко мнѣ генералъ и подаетъ руку. Я, очень довольный, выскакиваю впередъ, сворачиваю вправо отъ шоссе и направляюсь по знакомой дорожкѣ. Днемъ мѣстность точно другая: рядомъ кукурузное поле — ночью его не видно было; какой-то домикъ, шалашикъ. Подымаюсь въ гору; всѣ слѣдуютъ за мной.

Немного не доѣхавъ до вершины, Скобелевъ галопомъ обгоняетъ всѣхъ и разомъ останавливается на самой макушкѣ возлѣ орудія. Всѣ слѣзаютъ. Вправо и влѣво идетъ канонада.

— Второе!—бойко командуетъ раскраснѣвшійся молоденькій офицерикъ въ очкахъ, съ биноклемъ въ рукѣ, и отбѣгаетъ въ сторону, слѣдить за полетомъ снаряда. За нимъ также отбѣгаетъ наводчикъ и нѣсколько человѣкъ изъ прислуги. Оглушительный звукъ, ревъ, точно пробуютъ крѣпость нашихъ ушей. Дотрогиваюсь до уха, не оглохъ ли? Нѣтъ, только щекотитъ немного. Гулъ мало-по-малу проходитъ. Офицеръ и прислуга все еще, какъ прикованные, стоятъ и слѣдятъ, „гдѣ разорвется“, постепенно наклоняясь и выглядывая изъ-подъ дыма, застилающаго все болѣе и болѣе непріятельскую позицію. Снарядъ далеко не долетѣлъ до цѣли и разорвался.

Скобелевъ стоитъ впереди, рядомъ съ Имеретинскимъ, и,

оперпись на саблю, разыскиваетъ въ биновль непріятельскія баттареи.

Гористая мѣстность отсюда постепенно спускается. Верстахъ въ двухъ синеватой лентой вьется рѣчка Осьма. За ней тотчасъ же бѣлѣетъ Ловча. Вправо отъ города, не больше какъ съ версту, видны на равнинѣ два сильныхъ непріятельскихъ редута.

— Во-о-о-нъ ихняя, да двѣ разомъ, — переговариваютъ солдаты артиллеристы. Какъ молнія, вспыхиваетъ въ ближайшемъ редутѣ огонекъ, другой; за ними слѣдомъ вылетаютъ два бѣлые клуба дыму, и, точно недоумѣвая, куда дѣлись снаряды, медленно, задумчиво, поднимаются кверху. Не успѣли еще они разсѣяться, какъ снаряды падаютъ, гдѣ-то въ сторонѣ отъ насъ, и глухо разрываются.

Артиллерійскій огонь усиливается. У непріятеля что-то мало оказывается орудій; имъ съ нами, очевидно, не справиться.

— Господинъ офицеръ, какую вы дистанцію опредѣлили? — обращается Скобелевъ къ офицерику въ очкахъ.

— Теперь 1200 сажень возьмемъ, ваше превосходительство, — конфузясь и вытягиваясь, отвѣчаетъ тотъ.

— Картечной гранатой?

— Обыкновенной, ваше превосходительство!

— Нельзя-ли картечной! — Генералъ любилъ картечную гранату.

— Картечная граната! — кричитъ офицеръ, и опрометью бросается къ орудію, счастливый уже тѣмъ, что можетъ исполнить желаніе генерала.

А ужъ тамъ, верхомъ на хоботѣ, наводчикъ изо всѣхъ силъ старается, чтобы и ему не опростоволоситься передъ начальствомъ. Потный, уперпись глазами въ цѣликъ, подпрыгиваетъ онъ однимъ задомъ: то чуточку вправо, то влѣво, легонько машетъ кистью руки, куда подать хоботъ, и наконецъ рѣшительно спрыгиваетъ въ сторону.

Офицеръ на мгновеніе подбѣгаетъ, провѣряетъ и тоже отскакиваетъ.

— Третье — пли! — Бу-у-у-у... со звономъ откатываясь, грохочетъ орудіе. Всѣ отбѣгаютъ изъ-за дыму слѣдить, „гдѣ разорвется".

— Вотъ это ловко! — важно, въ са-амую середку угодила — эхъ какъ рванула! — весело перекрикиваются артиллеристы и радостные снова бѣгутъ къ орудію.

Скобелевъ садится на лошадь, той же дорогой выѣзжаетъ обратно на шоссе, и ѣдетъ на передовыя позиціи. Имеретинскій остается еще нѣкоторое время.

На встрѣчу намъ все болѣе и болѣе попадается раненыхъ. Вонъ, стороной, пѣхотный солдатикъ, съ двумя ружьями на плечѣ, ведетъ подъ руку товарища. Всхлипывая какъ дитя, еле-еле тащится тотъ: „О-ой, ой", стонетъ онъ, и, поддерживая здоровой рукой больную, которая у него толсто обмотана различнымъ тряпьемъ, качаетъ ее, какъ мать укачиваетъ младенца.

— Здорово, молодцы! Что, тебя въ руку ранили?—спрашиваетъ генералъ, слегка задерживая лошадь.

— Та-акъ то-очно, ваше превосходительство, — дрожащимъ голосомъ уныло отвѣчаетъ раненый, и смачиваетъ языкомъ запекшіяся губы.

— Вотъ въ евтомъ мѣстѣ раздробила, ваше превосходительство,—скороговоркой добавляетъ вожатый, и указываетъ на своей рукѣ повыше кисти, но генералъ уже его не слушаетъ: вдали показался баталіонъ, съ нимъ онъ еще не здоровался.

Баталіонъ, переходя черезъ дорогу, сильно растянулся и идетъ вяло, нестройно.

— Здорово, братцы! Спасибо вамъ за службу!—кричитъ генералъ, подъѣзжая галопомъ. Солдаты, замѣтивъ „начальство", въ припрыжку обгоняютъ, толкаютъ другъ друга и спѣшатъ стянуться.

— Ради стараться, ваше превосходительство! — доносится отъ нихъ.

— Какіе вы молодцы, любо съ вами служить,—продолжаетъ Скобелевъ, и затѣмъ, пропустивши ихъ, въ полголоса говоритъ Куропаткину: „И какая дрянь, какъ они растянулись! Вовсе непохожи на туркестанцевъ".

Сворачиваемъ влѣво и ѣдемъ вдоль баттарей. Огонь направленъ на „Рыжую гору", виднѣющуюся верстахъ въ двухъ. Названіе гора получила отъ того красноватаго песку, какимъ покрыта ея вершина.

Позади баттарей, въ виноградникахъ, тихо, безъ разговоровъ, лежатъ пѣхотныя прикрытія; они точно боятся лишнимъ словомъ привлечь на себя огонь. Снаряды то тутъ, то тамъ, поминутно съ трескомъ падаютъ и еще съ большимъ трескомъ разрываются, и обдаютъ прижавшихся солдатъ землей и осколками.

Останавливаемся на холмѣ передъ открытой лощиной, за которой въ полуверстѣ виднѣется наша послѣдняя полу-баттарея. Ей,

какъ ближайшей къ непріятелю, достается больше другихъ, хотя и она, въ свою очередь, не дремлетъ.

— Верещагинъ! Видите вы вонъ тотъ бѣлый домикъ около орудій?—обращается ко мнѣ генералъ, слѣзая съ лошади и разглядывая въ бинокль. Велите его поскорѣй сломать.

Слѣзаю скорѣй съ лошади и отправляюсь.

Чѣмъ ближе къ орудіямъ, тѣмъ чаще падаютъ гранаты. Вотъ одна летитъ, ближе, ближе, шипитъ, сердце мое готово совершенно остановиться: такъ и тянетъ присѣсть, прижаться, чтобы не быть убитымъ. Но въ то же время мелькаетъ мысль: а если генералъ увидитъ, что онъ скажетъ? — испугался, струсилъ! Товарищи навѣрно тоже смотрятъ, какъ я иду, кланяюсь или нѣтъ. Другая разрывается въ нѣсколькихъ шагахъ. Невольно останавливаюсь, жмурю глаза и приготовляюсь къ смерти: мимо ушей шуршитъ осколокъ, точно молодой дупель, близехонько сорвавшійся съ своего насиженнаго мѣстечка.

— Бѣгомъ, бѣгомъ! — шепчетъ мнѣ кто-то на ухо. — Эй, увидятъ, не смѣй бѣжать! — шепчетъ одновременно въ другое. Въ ногахъ чувствуется слабость; начинаю спотыкаться о самыя ничтожныя препятствія.

Перемогая себя всѣми силами, чтобы идти прямо, не кланяясь, тѣмъ же шагомъ дохожу таки до пѣхотнаго прикрытія.

За нимъ, на бугрѣ, сквозь клубы дыма, уже видны закоптѣлыя лица артиллеристовъ. Доносится ихъ команда: „Зарядъ!“ — „Пли!“ — „Къ орудію!“, и т. д.

Прохожу между пѣхотой. Прижавшись другъ къ другу, съ холщевыми сумками черезъ плечо, съ ружьями въ рукахъ, тревожно сидятъ солдатики и какъ бы раздумываютъ:—кого-то изъ нихъ теперь хватитъ, если въ ихъ роту попадетъ?

— Гдѣ ротный?—спрашиваю я негромко, чтобы не нарушить общее молчаніе.

— Здѣ-ѣсь! — И ротный, рыжій штабсъ-капитанъ, высокій, загорѣлый, усатый, неохотно приподнимается и дѣлаетъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу. Выслушавъ меня, вполголоса кричитъ:—Фельдфебеля! — „Фельдфебеля, фельдфебеля!“ — осторожно передается отъ солдата къ солдату. Бойкій фельдфебель молодцовато вскакиваетъ и, слегка наклонившись, какъ бы боясь за что зацѣпить головой, устремляется къ командиру, придерживая по пути саблю.

— Назначь вотъ имъ, живо, человѣкъ десять съ топорами, сломать вонъ ту шалашку! — сумрачно приказываетъ штабсъ-капитанъ и, „козырнувъ“ мнѣ, незамѣтно удаляется къ своему мѣсту, на которомъ онъ съ самаго утра просидѣлъ благополучно,

и потому, какъ мнѣ казалось, убѣжденъ, что тамъ гораздо безопаснѣе, чѣмъ здѣсь. Такъ какъ его мѣсто ничѣмъ не защищено и находится при тѣхъ же самыхъ условіяхъ, какъ и прочія мѣста, поэтому его увѣренность, въ сущности, есть не что иное какъ суевѣріе. Это можно сравнить съ игрокомъ, который, выигравъ нѣсколько разъ на одной и той же картѣ, придерживается ея до конца игры.

— Ну, ты, Тимоѳеевъ, Бобровъ, Анисимовъ! — перебираетъ фельдфебель ближайшихъ солдатъ, и слегка, торопливо, дотрогивается до ихъ плечъ.—Маршъ, живо, съ топорами, ломать вонъ ту шалашку! Ихъ благородіе съ вами пойдетъ. — Фельдфебель торопится; ему, повидимому, тоже хочется поскорѣй уйти къ своему мѣсту; онъ, какъ и его командиръ, кажется, тоже считаетъ себя тамъ безопаснѣе. Солдаты вскакиваютъ и дружно бѣгутъ, помахивая топорами.

Домикъ оказывается деревянный, на столбахъ. Снаружи обмазанъ известкой. Онъ ярко блеститъ на солнцѣ и служитъ отличной цѣлью для непріятельскихъ орудій; если въ него не попадаютъ, то снаряды ложатся рядомъ на баттарею.

Топоры звонко стучатъ о бревна, шалашка наклоняется. Въ ту минуту, какъ она готова рухнуть, снарядъ падаетъ въ нее и разрывается. Густой, высокій столбъ дыму съ пескомъ и землей подымается передъ нами; въ то же время раздается пронзительный крикъ:

— Носилки! Алексѣева убило!..

Домикъ срубленъ. Солдаты, прыгая черезъ борозды и кусты, торопятся добраться до роты. Я возвращаюсь. За мной, чуть не бѣгомъ, несутъ Алексѣева. Обратно идти еще хуже: снаряды преслѣдуютъ и рвутся поминутно. Только видъ генерала, стоящаго со свитой все на томъ же холмѣ, удерживаетъ меня отъ бѣглаго шагу. Гранаты рѣже, рѣже,—выходимъ изъ огня.

— Ваше превосходительство, домикъ срубленъ,—докладываю я, сбираясь съ духомъ и желая казаться какъ можно спокойнѣе.—Только одного солдатика ранило,—и указываю на носилки.

— Что вы мнѣ съ пустяками пристаете?—обрушивается онъ внезапно.—Велите нести раненаго дальше отъ войскъ, чтобы не производить дурного впечатлѣнія.

Затѣмъ, когда уже я сажусь на лошадь, капризно кричитъ въ догонку:—Какъ самому не догадаться этого сдѣлать!

— Вотъ тебѣ и благодарность получилъ, нечего сказать, — разсуждаю дорогой.—И что я за дуракъ, изъ чего бьюсь? Стараюсь, стараюсь, чуть не убили, а онъ еще ругается. Въ полку

было бы много спокойнѣе: никто не бранилъ бы, а награды навѣрное получилъ бы тѣ же самыя. И я рѣшаю, немедленно же послѣ сраженія, подать рапортъ объ отчисленіи въ полкъ, и уже заранѣе представляю себѣ удивленное лицо генерала, когда онъ спрашиваетъ Куропаткина: — Почему Верещагинъ просится въ полкъ? Вздоръ, пускай остается. Но одновременно представляется и другой оборотъ:—какъ онъ, читая рапортъ, кричитъ Куропаткину:—Верещагинъ просится въ полкъ, ну и чортъ съ нимъ, пускай убирается; надоѣлъ.

— Вправо возьми, дальше отъ дороги!—кричу, догоняя носилки.—Генералъ велѣлъ такъ нести, чтобы войскамъ не видно было.

— Гдѣ-жъ его нести?—ворчатъ тѣ, недовольные. — По ихъ лицу можно предположить, что они думаютъ въ эту минуту: „И умереть-то не дадутъ спокойно!"

Раненаго несутъ окольной дорогой,—неудобной, черезъ овраги, канавы; верхомъ едва можно слѣдовать. Останавливаемся вздохнуть.

— Что, живъ ли?—спрашиваю я, наклоняясь надъ раненымъ, и смотрю: мертвенная блѣдность лица рѣзко оттѣняется черными волосами; сквозь посинѣлыя сжатыя губы пробивается пѣнистая слюна, около которой мухи уже жадно тѣснятся; вѣки глазъ закрыты неплотно и тусклые зрачки виднѣются; грудь рѣдко, конвульсивно приподымается.

— Кажись, сейчасъ умретъ,—говорю солдатамъ.

— Еще дышетъ,—отвѣчаютъ тѣ, вглядываясь въ лицо умирающаго.

— Ваше благородіе, намъ бы теперь на дорогу выйти?

— Ладно, идите,—говорю я, соглашаясь, и тихонько слѣдую за ними, ведя лошадь въ поводу.

Выходимъ на дорогу, черезъ нѣсколько минутъ насъ догоняетъ Скобелевъ со свитой.

— Верещагинъ! извините, батенька, что я немного погорячился. Вы молодецъ, спасибо вамъ!—кричитъ онъ, и дружески жметъ мою руку.—Хотя я и не вполнѣ вѣрю въ искренность его словъ, но все-таки злоба моя понемногу исчезаетъ, забывается, и я, въ восхищеніи отъ генерала, продолжаю идти за раненымъ. Иду не по приказанію, а вслѣдствіе того, что считаю себя невольнымъ виновникомъ раненія, и хочу по возможности скорѣй облегчить страданія больного.

Приходимъ на перевязочный пунктъ; носилки ставимъ около шатра.

— Взгляните, ради Бога,—прошу я доктора, который, наклонившись надъ другими носилками, осматривалъ раненаго въ голову.

— Дайте-ка тепленькой водицы,—кричитъ тотъ, мочитъ губку и выжимаетъ воду на запекшуюся рану. Волосы прилипли и не даютъ разсмотрѣть.

— Ножницы!—кричитъ онъ. Худощавый, изможденный фельдшеръ съ веснушками на лицѣ, съ толстыми губами и приплюснутымъ носомъ, флегматично подаетъ ножницы.

— Взгляните минуточку на моего,—продолжаю я приставать.

— Нельзя-же-съ и этого-то бросить,—возражаетъ онъ, обрѣзая слипшіеся волосы.—Гдѣ вашъ больной?

— Вотъ здѣсь лежитъ.

— Захаровъ! обстригите рану, обмойте; я сейчасъ. Ну-съ пойдемте скорѣй. Гдѣ? Этотъ?—И онъ беретъ руку моего Алексѣева.

— Что-же вы, батенька, съ мертвыми-то возитесь!

— Какъ, развѣ умеръ?

— Пощупайте сами,—и предлагаетъ дотронуться до пульса; я не рѣшаюсь; сквозь отвороченный мундиръ, на боку, оказывается глубокая рана. Какой-то бѣлый кусочекъ торчитъ изъ середины. Морозъ пробѣгаетъ у меня по кожѣ.

— Ну, что, убѣдились? довольно?—и, кивнувъ головой, докторъ поспѣшно уходитъ.

Солдаты стоятъ еще нѣкоторое время въ нерѣшительности; затѣмъ, переговоривъ между собой, снимаютъ шапки, крестятся, чешутъ затылки, накрываются и, пожелавъ мнѣ „счастливо оставаться“, отправляются во-свояси.

Я ѣду назадъ въ тылъ. Проѣзжаю то мѣсто, гдѣ стоялъ нашъ штабъ: уже ничего нѣтъ, все уложено. Мой Ламакинъ, скинувъ черкеску, въ одномъ бешметѣ, возится около лошадей; палатка снята и лежитъ на повозкѣ вмѣстѣ съ другими.

— Что, али сниматься велѣно?

— Такъ точно, ваше благородіе, отъ генерала пришло приказаніе быть готовымъ, на случай, коли велятъ впередъ подаваться!

— Пересѣдлай-ка вороненькаго, — приказываю я, слѣзая съ лошади,—ты, значитъ, и обѣда не варилъ.

— Когда-жъ было варить? Все убирались, — ворчитъ тотъ, снимаетъ сѣдло и обтираетъ потную спину лошади клокомъ сѣна.

Повсюду валяются обрывки бумагъ, бутылки изъ-подъ зельтерской воды, пробки, папиросныя коробочки, лимонныя корки.

Вотъ здѣсь должно быть генеральская палатка стояла, что-то шампанокъ много.

— Круковскій, генеральская палатка здѣсь стояла? — кричу я Скобелевскому деньщику. Круковскій въ это время вскидываетъ на верхъ повозки мѣшокъ съ чѣмъ-то, и никакъ нé можетъ угадать: мѣшокъ то сваливается назадъ, то перекидывается на другую сторону.

— Такъ то-очно; да ну, дьяволъ, держись! — ругается онъ.

— Что Ламакинъ—осѣдлалъ?

— Сей-ча-а-съ.

Ѣду въ обозъ, промыслить пообѣдать. Около самой дороги—стоитъ обозъ казанскаго полка. Завѣдывающій хозяйствомъ, маіоръ, расположился въ тѣни подъ повозкой, въ сообществѣ какого-то господина, не то статскаго, не то военнаго, въ черномъ сюртукѣ, безъ погонъ; фуражка съ краснымъ околышемъ, на клеенчатомъ поясѣ револьверъ, черезъ плечо шашка.

Передъ ними, на солдатской шинели, виднѣется котелокъ, изъ котораго торчатъ ножки какой-то живности. Хозяинъ подчуетъ гостя водкой и наливаетъ ее изъ кожаной фляжки въ оловянную крышку, замѣняющую стаканчикъ.

— Добрый день, поручикъ (маіоръ всегда звалъ меня вмѣсто сотникъ поручикъ), присусѣдивайтесь-ка къ намъ; возьми тамъ кто-нибудь лошадь!—кричитъ маіоръ.

— Пожалуйте-съ, вотъ-съ есть мѣсто-съ,—приглашаетъ господинъ съ краснымъ околышемъ и подвигается, не переставая глодать кость.

— Прикажете-съ,—и маіоръ подаетъ мнѣ стаканчикъ.

— Благодарю, не пью. Вотъ супцу съѣмъ съ удовольствіемъ.

— Дайте-ка еще тарелку и ложку,—эй вы, олухи царя небеснаго!—возвышаетъ онъ голосъ, не слыша отъ прислуги отвѣта. Подбѣгаютъ разомъ двое обозныхъ безъ мундировъ, въ грязныхъ рубахахъ, засунутыхъ въ черныя штаны. Одинъ подаетъ желѣзную тарелку и деревянную ложку, другой беретъ мою лошадь за поводъ и начинаетъ водить ее около палатки. Я подсаживаюсь къ котелку.

— Пожалуйста, поручикъ, кушайте, не церемоньтесь,—подчуетъ хозяинъ, и затѣмъ приступаетъ разспрашивать. Ну, а наши дѣла какъ, что генералъ?

— Ничего, дѣла хорошо идутъ; ихъ орудія, кажется, скоро замолчатъ, да ихъ что-то немного и замѣтно.

— Слава Богу, пора поправляться; все неудача, да неудача. Нѣтъ, погоди, у нашего генерала не такъ: это тебѣ не Плевна!

—храбрится маіоръ, наминая въ тарелку гречневой каши и обливая супомъ.

— Вамъ не прикажете ли кашки съ бульонцемъ, или можетъ съ маслицемъ лучше любите?—подчуетъ онъ меня. Вскорѣ, насытившись, я прощаюсь съ маіоромъ и ѣду обратно.

Время полдень; жара.

Генералъ расположился въ тѣни подъ деревомъ, вблизи того же самаго холмика, въ кругу офицеровъ казанскаго полка. Въ нѣсколькихъ шагахъ играетъ полковая музыка. Непріятельскіе снаряды нерѣдко падаютъ очень близко и обдаютъ землей играющихъ. Вотъ у одного изъ нихъ отъ страха выпалъ инструментъ; музыкантъ робко озирается на начальство, и подымаетъ.

— А который часъ, господа?—кричитъ Скобелевъ.—Всѣ, у кого имѣются часы, невольно хватаются, смотрятъ и стараются доказать генералу, что это самые вѣрные. Половина перваго.

— Ну-съ, господа, такъ ежели Добровольскій со своей бригадой не подойдетъ еще черезъ полчаса, то я самъ васъ поведу на Рыжую гору въ атаку,—и при этомъ онъ самодовольно потираетъ руки отъ предстоящей для него радости, послѣ чего съ такимъ азартомъ расправляетъ свои густые рыжіе бакенбарды, точно готовился разорвать ихъ пополамъ.

Полчаса прошло, Добровольскаго нѣтъ.

— Ну-съ, съ Богомъ, господа! Полковникъ Тебякинъ! прикажите строиться; пѣсенники впередъ!—командуетъ Скобелевъ,— развернуть знамена!—Баталіонные и ротные командиры спѣшатъ исполнить приказаніе.

Зашевелились солдаты, лежавшіе до того времени не вдалекѣ; приподымаются, крестятся, обнимаются, прощаются другъ съ другомъ и становятся въ шеренгу. Ротные командиры тоже подтягиваются, становятся у своихъ частей и обнажаютъ сабли.

— Знамена къ 3-му баталіону,—добавляетъ Скобелевъ.—Музыка впередъ!

Полкъ безъ шуму и разговоровъ вытягивается.

Окруженный свитой, генералъ смотритъ на Рыжую гору. Онъ уже послалъ нѣсколькихъ ординарцевъ приказать артиллеріи усилить огонь на этотъ пунктъ. Я жду, что и меня сейчасъ пошлетъ. Дѣйствительно, генералъ оглядывается,—кого бы еще послать съ тѣмъ же приказаніемъ, и кричитъ мнѣ.

— Поѣзжайте скорѣй вдоль баттарей, велите, сколько возможно, усилить огонь по Рыжей горѣ, скажите, что мы ее атакуемъ.

Очень неохотно ѣду я: надежда быть при Скобелевѣ и видѣть, какъ онъ лично поведетъ полкъ въ атаку, рушилась.

— Ружья во-о-о-льно!—слабо доносится отъ передовыхъ ротъ. Оглядываюсь: головныя части спускаются подъ гору и теряются въ зелени. Нѣсколько солдатиковъ призамѣшкались, отстали; торопливо поддергиваются они, вскидываютъ ружья на плечо и, крестясь, бѣгомъ, догоняютъ своихъ.

— Усильте огонь по Рыжей горѣ,—кричу я офицерамъ, проскакивая мимо баттарей.—Генералъ самъ ведетъ казанцевъ въ атаку!

— Слышали, слышали!—кричатъ оттуда, и знаками показываютъ, что это имъ уже извѣстно. На слѣдующихъ баттареяхъ—то же самое. Полкъ, тѣмъ временемъ, подается дальше. Съ позиціи баттарей хорошо видно: вонъ 1-й баталіонъ пускается бѣгомъ, за нимъ 2-й и 3-й. „Ура"—едва-едва слышно; турецкой пѣхоты нельзя различить. Казанцы бѣгутъ въ гору. Наши снаряды падаютъ какъ разъ около нихъ.

— Бѣда! своихъ перебьемъ!—думаю я дорогой.—Это наши, наши!—кричу батарейному командиру, сколько возможно погоняя лошадь. Остановите огонь,—тамъ на горѣ наши!

— Я самъ тоже думалъ, что наши,—отвѣчаетъ тотъ:—да что станешь дѣлать! у хлѣба не безъ крохъ.—Въ это время новый снарядъ ложится какъ разъ въ середину нашего баталіона и разрывается; убило ли кого—не видно. Вслѣдъ за мной скачетъ Куропаткинъ: „Остановите огонь! наши на Рыжей горѣ!",—кричитъ онъ запыхавшись. „Верещагинъ! скачите, передайте на слѣдующихъ баттареяхъ!" Но уже огонь прекратился. Атака окончена—гора занята. Потери, повидимому, небольшія.

Выѣзжаю на шоссе; на встрѣчу попадаются раненые. Недалеко, въ сторонѣ, подъ деревомъ, лежитъ на носилкахъ, должно быть, офицеръ; около него суетится нѣсколько человѣкъ.

— Здравствуйте, сотникъ! — здоровается со мной знакомый ротный командиръ слабымъ голосомъ, и слегка киваетъ головой.

— Что съ вами? куда вы ранены?.. легко? — спрашиваю я.

— Да вотъ куда-то тутъ!.. — онъ съ трудомъ указываетъ около плеча, и сумрачно отворачивается.

— Ну, нечего стоять; нести надо. Трогайтесь съ Богомъ!—торопитъ офицеръ, товарищъ больного.

Проѣхавъ съ версту и не доѣзжая того мѣста, гдѣ шоссе спускается къ Ловчѣ, въѣзжаю на гору. Сторона, обращенная къ намъ, вся изрыта ложементами, траншеями и ровиками. Отъ

самой подошвы валяются непріятельскіе трупы. Въ особенности ихъ много на вершинѣ, гдѣ стояли орудія.

— Ишь, смотри, какъ этому рожу-то разворотило! Всю скулу оторвало,—разсуждають солдатики, оглядывая трупы. Бородатый черный турокъ, уткнувшись лицомъ въ песокъ, лежитъ, раскинувъ руки. Одинъ изъ разсуждающихъ носкомъ сапога поворачиваетъ ему голову; всѣ смотрятъ дѣлаютъ замѣчанія, съ отвращеніемъ отплевываются и проходятъ дальше.

Отсюда городъ отлично видѣнъ. За нимъ и редуты. Четвертый часъ. Ружейный огонь усиливается. Начинается общее наступленіе.

По сю сторону Осьмы, вдоль берега, солдаты столпились и ищутъ броду. Вонъ дальше, тоже наши. Еще дальше, тоже наши: у-у, да сколько нашихъ здѣсь скопляется!

— Ваше благородіе, генералъ сирчаютъ, что съ ними никого нѣтъ, вси разъихались,—докладываетъ мнѣ казакъ, рысью въѣзжая на гору.

— А гдѣ генералъ?

— Они туды къ городу поихали.—Ѣду. Шоссе у самаго подножья горы идетъ широкой полосой и спускается къ городу. Справа открывается видъ на непріятельскіе редуты. По нимъ уже ожесточенно дѣйствуетъ восемь орудій. То то, то другое орудіе поминутно съ громомъ откатывается; дымъ застлалъ кругомъ.

— Не видали ли генерала?—спрашиваю солдата артиллериста.

— Они, ваше благородіе, только-что подъ гору съ казаками проѣхали,—должно въ городъ.

— А городъ занятъ?

— Пѣхота туды уже порядочно, какъ прошла.

Скачу въ догонку.

Внизу, подъ самой горой, шоссе упирается въ мостъ. По бокамъ моста стоятъ полуразрушенныя лавочки, городъ совершенно пустой: дома разграблены, стекла выбиты, двери настежъ. Повсюду валяется различная посуда, мѣдная, деревянная, глиняная, подушки, одѣяла, одежда, сундуки, книги и цѣлыя горы табаку.

Проѣхавъ главную улицу, въѣзжаю на кладбище; за нимъ городъ еще немного продолжается. По серединѣ кладбища, вижу, разговариваютъ Скобелевъ и Куропаткинъ. Алексѣй Николаевичъ галопцомъ куда-то уѣзжаетъ, шапка его неловко болтается съ одного бока на другой и по временамъ задѣваетъ крупъ лошади; за нимъ, приподнявшись на стременахъ, согнувшись, въ бѣломъ кителѣ, старается поспѣть рысью казакъ донецъ, безъ пики. Генералъ подъѣзжаетъ ко мнѣ и раздражительно кричитъ.

— Отправляйтесь немедленно къ князю Имеретинскому и приведите мнѣ, во что бы то ни стало, помощи, да не меньше двухъ баталіоновъ. Ну, маршъ, живо!

— Ваше превосходительство, куда привести, гдѣ я васъ найду?

— Сюда на это кладбище.

— Слушаю-съ!—И я скачу во всѣ лопатки. Въ это время ружейный огонь достигъ страшной силы, и слился въ одинъ общій непрерывный гулъ. Подобнаго гула, ни прежде, ни послѣ, я не слыхалъ: это было что-то невѣроятное, и произошло именно отъ того, что въ эти самыя минуты 8,000 непріятеля столкнулись у самыхъ редутовъ съ 20,000 нашихъ солдатъ, стремившихся на приступъ. Пушечные выстрѣлы прекратились, гремѣлъ одинъ только ружейный огонь, да крики „Алла" и „ура". Все это скопилось и ревѣло на какой-нибудь одной квадратной верстѣ.

Имеретинскаго со всѣмъ штабомъ нахожу на Рыжей горѣ. Онъ съ вершины наблюдалъ за ходомъ атаки.

— Ваша свѣтлость, генералъ Скобелевъ требуетъ подкрѣпленія,—докладываю я.

— Полковникъ Паренцовъ, что у насъ есть еще въ резервѣ? —обращается князь къ начальнику штаба.

— Еще Э......ій полкъ есть, ваша свѣтлость.

— Ну, такъ дайте баталіонъ.

— Ваша свѣтлость, генералъ велѣлъ мнѣ приводить не меньше двухъ баталіоновъ,—настойчиво передаю я приказаніе.

— Ну, такъ какъ же? Ну, берите два,—и князь вопросительно смотритъ на Паренцова.

— Полковникъ, прикажите строиться двумъ баталіонамъ. Сотникъ Верещагинъ проведетъ васъ,—обращается начальникъ штаба къ командиру полка, низенькому усатому полковнику съ очень добрымъ выраженіемъ лица.

— 1-й и 2-й баталіоны, въ ружье!—кричитъ командиръ, и направляется къ лошади. Черезъ нѣсколько минутъ, откланявшись Имеретинскому, трогаемся подъ гору.

Съ редутовъ насъ замѣтили, и хотя разстояніе не меньше трехъ верстъ, пули стали свистать очень часто.

Командиръ полка и баталіонные ѣдутъ серьезные, рядомъ со мною. Изрѣдка спрашиваютъ они: куда я ихъ поведу, гдѣ генералъ? Проходимъ мостъ, втягиваемся въ улицу, уже подходимъ къ назначенному мѣсту. Но вотъ тутъ и случилось то, чего никто не ожидалъ. Пока проходили улицей, все шло благополучно, непріятель насъ не видитъ; шальныя пули изрѣдка свистятъ. Кладбище виднѣется. Но гдѣ же Скобелевъ? Его нѣтъ. Только-

что мы показались съ головной частью на площади, какъ непріятель открываетъ по насъ такой губительный огонь, что тотчасъ же останавливаетъ движеніе. Кто на площади, тотъ или убитъ, или раненъ. Пули точно дробь отбиваютъ по глинянымъ заборамъ и стѣнамъ домовъ. Передніе ряды солдатъ поворачиваютъ и натыкаются на задніе, тѣ лѣзутъ впередъ: происходитъ полная суматоха. Полковникъ и баталіонные соскакиваютъ съ лошадей и спѣшатъ укрыться за первый уголъ; я за ними. Убитые лежатъ какъ разъ посреди дороги и загораживаютъ движеніе. Раненые ползаютъ на колѣняхъ и ищутъ спасенія.

Въ эту минуту, съ противуположной стороны кладбища, изъ улицы, показывается Скобелевъ не торопясь, совершенно спокойный, шажкомъ. Онъ еще не видитъ нашего безпорядка.

Я моментально вскакиваю на лошадь и скачу къ нему,—куда и робость дѣвалась!

— Ваше превосходительство, привелъ баталіоны, — докладываю я.

— Зачѣмъ вы ихъ сюда привели? — кричитъ онъ, и вдругъ замѣчаетъ, что у насъ дѣлается, и приходитъ чуть не въ бѣшенство.

— Это что такое? порядокъ! порядокъ! изрублю, подлецы! — кричитъ онъ, обнажая саблю и подскакивая къ солдатамъ.—Гдѣ офицеры, гдѣ командиры баталіоновъ? Кругомъ, ведите ихъ обратной дорогой!

Не прошло двухъ минутъ, какъ все приходитъ въ первоначальный видъ: баталіоны стройно, въ ногу идутъ той же улицей, и сдѣлавъ обходъ, выходятъ за городъ на открытую равнину. Въ верстѣ отъ насъ возвышаются непріятельскіе редуты.

Не успѣли отойти мы ста саженъ, скачетъ поручикъ Карандѣевъ и докладываетъ генералу:

— Ваше превосходительство, турки бѣгутъ, казаки бросились за ними преслѣдовать!

Бой кончился въ 6 часовъ вечера.

XVII.

Батальоны возвращаются въ городъ. Генералъ ѣдетъ къ редутамъ. Чѣмъ ближе къ нимъ, тѣмъ чаще попадаются трупы. Странное дѣло! Турки не тѣ ли же люди, а между тѣмъ, эти смуглыя фигуры въ синихъ курткахъ, красныхъ фескахъ, со стиснутыми оскаленными зубами, со сжатыми кулаками, производятъ какое-то отталкивающее впечатлѣніе, тогда какъ, смотря на на-

шихъ убитыхъ, невольно хочется плакать: какими-то маленькими, жалкими кажутся они въ сравненіи съ турками.

Въѣзжаемъ въ первый редутъ: насъ обдаетъ воздухъ, пропитанный разлагающимися тѣлами. Скорѣй достаю платокъ и зажимаю носъ, чтобы не стошнило. Скобелевъ замѣчаетъ это.

— Что за вздоръ, что за привередничество! Вовсе нѣтъ такого дурного запаху! — кричитъ онъ, взбираясь верхомъ на брустверъ.

Глазамъ представляется слѣдующая картина. Внутренность редута буквально наполнена трупами; нѣкоторые настолько изуродованы, что невозможно разобрать лица. Валяются изломанные лафеты, ружья, сабли, пистолеты, изорванныя палатки, фески, фашинникъ, жестянки изъ-подъ патроновъ. Повсюду осколки гранатъ и неразорвавшіеся снаряды. Тутъ же брыкается съ десятокъ барановъ, связанныхъ между собою за ноги. Оврагъ за брустверомъ тоже полонъ труповъ.

Кругомъ редута толпы солдатъ съ крикомъ и шумомъ разгуливаютъ, поютъ пѣсни. Многіе уже успѣли подвыпить. Вонъ двое спорятъ изъ-за какой-то тряпки.

— Ты что ли первый увидалъ?

— А нешто ты?

— Хоть и не я, да тебѣ не отдамъ!

— Нѣтъ, отдашь!

— Нѣтъ, не отдамъ!

Начинается дерганье оспариваемой вещи изъ стороны въ сторону. Дѣло кончается потасовкой.

— Ура-а-а, ура, ура-а!.. доносится изъ-за угла редута. Рота, собравшись, качаетъ своего командира: высоко подлетаетъ старый капитанъ, выдѣлывая не особенно-то граціозно въ воздухѣ руками и ногами. Восторженно, съ неподдѣльною радостью грохочутъ солдаты: ура! „Ура“ это не похожее на то, что кричатъ на полковыхъ праздникахъ, или въ казармахъ: здѣсь оно ясно выходитъ отъ души и выражаетъ одновременно благодарность и за побѣду, и за счастливое избавленіе отъ опасности.

Къ западу, верстъ на шесть, вплоть до горъ, тянется равнина, покрытая кукурузными полями, виноградниками, мѣстами пересѣкаемая ложбинками, канавами. Вотъ по этой равнинѣ и пустилась наша кавказская бригада преслѣдовать бѣжавшаго непріятеля.

Осмотрѣвъ одинъ редутъ, Скобелевъ спускается и, по обыкновенію, галопомъ ѣдетъ къ другому. Моя турецкая лошаденка изму-

чилась и не можетъ поспѣвать, да и на трупы-то мнѣ опротивѣло смотрѣть. Поворачиваю и шагомъ ѣду по слѣдамъ казаковъ. Вдали ни души живой не видно. Кое-гдѣ виднѣются непріятельскія тѣла, какъ забытые снопы въ полѣ. А ружей сколько, и какія все славныя, ложи орѣховыя, а патроновъ какая масса! Жаль, нѣтъ „братушекъ", какое бы имъ тутъ раздолье было!

Но что это такое внизу въ лощинѣ? Точно нашъ полковой больничный фургонъ стоитъ.—Такъ и есть, и фельдшеръ Бабичъ здѣсь, и глухой старикъ докторъ Иванъ Яковлевичъ. Вокругъ кого это они возятся? Кто-то сидитъ на землѣ въ папахѣ, безъ черкески, спустивъ рукавъ рубахи. Подъѣзжаю—Астаховъ!

— Что съ вами!—кричу и соскакиваю съ лошади.

Отвернувшись и побагровѣвъ отъ боли, съ удивительнымъ терпѣніемъ выноситъ онъ, пока ему дѣлаютъ операцію.

— Попроси ты ихъ, милый, чтобы они поскорѣй тамъ возились,—умоляетъ онъ меня, зажимая лѣвой рукой ротъ, чтобы не вскрикнуть отъ боли. На правой оказывается у него три пальца отстрѣлены пулей; вмѣсто ихъ болтаются одни висюльки. Иванъ Яковлевичъ, не слыша, по своей глухотѣ, стоновъ раненаго, съ невозмутимымъ хладнокровіемъ оперируетъ его, и, какъ мнѣ казалось, самымъ допотопнымъ образомъ.

— Хоть бы вы, Иванъ Яковлевичъ, хлороформу ему дали,—совѣтую я. Не слышитъ. — Астаховъ дѣлаетъ знакъ рукой, что не надо.

— Да, да, какъ же, нельзя иначе,—ворчитъ что-то почтенный эскулапъ, какъ бы желая показать, что онъ все слышитъ, что ему говорятъ.

Раненому дѣлаютъ повязку и укладываютъ въ фургонъ.

Замѣчательный здоровякъ былъ этотъ Астаховъ. Какъ мнѣ потомъ разсказывали, онъ на другой же день, рано утромъ, садится на своего сѣраго „Джемала" и ѣдетъ въ Горный-Студень, гдѣ тогда былъ временной госпиталь. Проѣхавъ, не слѣзая, около 50 верстъ, какъ ни въ чемъ не бывало, онъ соскакиваетъ съ лошади и направляется искать доктора; встрѣчается съ сестрой милосердія; та идетъ съ нимъ, и не подозрѣвая, что ея спутнику сейчасъ отнимутъ руку.

Приходятъ къ доктору, развязываютъ повязку: оказывается, гангрена обхватила всю кисть. Ее ампутируютъ. Черезъ нѣсколько дней, видятъ, мало отняли: ампутируютъ еще разъ по самый локоть—и ничего, перенесъ, только на этотъ разъ на него напалъ такой столбнякъ, что пришлось, для поддержанія силъ, впу-

сать бульонъ черезъ ноздри, такъ какъ ротъ невозможно было разжать.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда я возвращался назадъ въ Ловчу. Войска расположились по всему городу. Крики и пѣсни, не смотря на позднее время, еще не прекращались. Подгулявшія толпы солдатъ спускаются въ подвалы домовъ, выкатываютъ громадныя бочки съ виномъ, пьютъ сколько хватаетъ силъ, и, не будучи въ состояніи одолѣть, разламываютъ дно и выпускаютъ остатки на землю.

На кладбищѣ, почти около самаго того мѣста, гдѣ произошло замѣшательство съ баталіонами э—скаго полка, расположился бивуакомъ в—ій полкъ. Командиръ полка любезно предлагаетъ мнѣ переночевать у него.—Я остаюсь. На утро просыпаюсь, и, со стаканомъ чаю въ рукахъ, выхожу изъ палатки подышать свѣжимъ воздухомъ. Погода такая же прекрасная, какъ и всѣ эти дни, солнце весело кругомъ свѣтитъ.

Послѣ побѣды испытываешь какое-то невыразимо-отрадное самодовольное чувство; сознаешь, что-дескать и я, хоть и маленькій, но все-таки участникъ въ этой побѣдѣ. Припоминаешь, что еще вчера, въ это время, никому изъ насъ немыслимо было попасть сюда, а сегодня разгуливаешь себѣ, точно такъ и быть слѣдуетъ. Но какъ бы турки опять не нагрянули? Вѣдь еще вчера поговаривали, что къ нимъ вышло изъ Плевны подкрѣпленіе. И я невольно взглядываю на шоссе къ Плевнѣ, а также и на-лѣво на горы, по которымъ они могли бы придти. Что-то такое непріятное, неловкое, прокрадывается въ сердце: это не страхъ, чтобы непріятель отнялъ у насъ Ловчу—для этого мы были слишкомъ сильны, а невольное опасеніе, что опять завяжется дѣло, а съ нимъ опять возможность быть или раненымъ, или убитымъ. Но это—минутное чувство оно немедленно же проходитъ.

Пѣхота, расположившаяся на площади, весело разговариваетъ и чиститъ аммуницію. Нѣкоторые же разбираются въ найденномъ турецкомъ имуществѣ. Толпы братушекъ, потные, красные, запыхавшись, шныряютъ изъ дома въ домъ, грабятъ, спорятъ между собой и навьючиваютъ награбленнымъ добромъ своихъ ословъ и маленькихъ лошаденокъ, отъ хвоста по самыя уши.

Въ это время не вдалекѣ отъ меня сбирается кучка солдатъ. Подхожу, смотрю: посреди ихъ лежитъ на землѣ старый, сѣдой турокъ, изсохшій какъ мумія. Подпершись локтемъ, онъ довѣрчиво поглядываетъ на добродушныхъ солдатъ, достаетъ пальцемъ медъ изъ лежащей подлѣ него сопетки (корзинки), лижетъ его и, по-

видимому, совершенно счастливъ; по крайней мѣрѣ, на лицѣ его выражалась какая-то наивная дѣтская радость.

Солдаты смотрятъ и разсуждаютъ:

— Поди тоже воевать собрался,—улыбаясь, замѣчаетъ одинъ, опершись сзади на плечо товарища.

— Гдѣ ужъ ему воевать, поди такъ просто изъ жителевъ,— возражаетъ другой.

Посмотрѣвъ на турка и внутренно похваливъ солдатъ, какъ они угощаютъ своего недруга, хотя и не своимъ медомъ, иду обратно. Не успѣлъ я добраться до палатки, слышу позади себя пронзительный, раздирающій душу крикъ, похожій на крикъ ребенка. Оглядываюсь, смотрю: того же самаго турка, тѣ же самые солдатики бѣгомъ перетаскиваютъ за ноги черезъ дорогу къ забору.

Бѣдняжка старикашка, всѣми своими слабыми силами, цапается за землю и бороздитъ пальцами по пыльной дорогѣ. Пока я догонялъ ихъ, съ туркомъ уже покончили: бритый старческій черепъ его, покрытый рѣдкими сѣдыми волосками, представлялъ безобразную массу, глаза выскочили изъ своихъ мѣстъ.

— За что это вы его убили?—кричу я солдатамъ.

— Ваше благородіе, это баши-бузукъ! Мы у него и патроны въ кушакѣ нашли.—И въ доказательство подаютъ мнѣ нѣсколько штукъ патроновъ.

Объяснять въ эту минуту солдатамъ ихъ безуміе, было бы съ моей стороны поздній, да и напрасный трудъ.

Возвращаясь назадъ, я рѣшилъ немедленно же отправиться провѣдать своихъ товарищей владикавказцевъ: всѣ ли они тамъ здоровы, нѣтъ ли кого раненыхъ. Въ то же время мелькала мысль, пожалуй кого и убили.

Но точно нарочно, пока я сбирался, произошла сцена, задержавшая меня на добрыхъ полчаса. Надо сказать, что еще съ самаго утра я замѣтилъ, въ лѣвой сторонѣ кладбища, тамъ, гдѣ не было солдатъ, массу конныхъ и пѣшихъ болгаръ, навьюченныхъ награбленнымъ добромъ. Выйти съ этой площадки въ городъ они могли только черезъ солдатскій лагерь; а такъ какъ болгаре боялись, чтобы солдаты дорогой не начали осматривать ихъ имущество, то, чтобы отвлечь ихъ вниманіе, они рѣшились на слѣдующую хитрость.

Раздается страшный крикъ въ нѣсколько сотъ голосовъ: — Турци, турци, турци!—Все приходитъ въ смятеніе. Однимъ изъ первыхъ выскакиваетъ изъ своей палатки, безъ сюртука, мой любезный хозяинъ, командиръ полка, и оретъ испуганнымъ голо-

сомъ:—къ ору-у-жію-у!—За нимъ раздаются пронзительныя команды баталіонныхъ, ротныхъ командировъ и фельдфебелей. Происходитъ полный кавардакъ. Ружья въ козлахъ падаютъ, и расхватываются какъ попало; офицеры, солдаты бѣгаютъ, толкаются какъ угорѣлые. Вонъ бѣжитъ черезъ площадку, должно быть, ротный командиръ къ своей ротѣ, въ пунцовой канаусовой рубахѣ, натягивая дорогой мундиръ, причемъ долго не можетъ попасть одной рукой въ рукавъ; въ другой онъ держитъ саблю и револьверъ. За нимъ въ догонку бѣжитъ деньщикъ, машетъ кэпи и кричитъ:—Ваше благородіе, пожалуйте, пожалуйте, кэпку надѣньте.

Пока происходитъ вся эта возня, братушки подъ шумокъ, густой толпой, безпрепятственно бѣгутъ мимо насъ, продолжая орать по пути:—Турци, турци!—ихъ маленькіе ослики, навьюченные чрезъ мѣру, упираются, останавливаются и не хотятъ идти. Одинъ же, не смотря на удары палкой, которыми его осыпалъ всадникъ, усѣлся на заднія ноги совершенно какъ собака и загородилъ путь остальнымъ.

Ничего не можетъ быть смѣшнѣе подобной фигуры: прижатый скарбомъ и не будучи въ состояніи высвободиться, всадникъ изъ всѣхъ силъ подгоняетъ измученное животное босыми красными ногами. Отъ болгарина видно въ эту минуту только его испуганное бритое лицо съ черными усами и потный лобъ, прикрытый грязной черной чалмой. Напрасно бьетъ хозяинъ ослика, тотъ не можетъ подняться, лишь жалобно водитъ длинными, беззащитными ушами. Только когда пробѣжали болгаре и никакихъ турокъ не оказалось, поняли наши, въ чемъ дѣло, и отъ души ругнули болгаръ.

Наконецъ-таки я выбрался за городъ и ѣду къ своимъ. Сейчасъ же за редутомъ, около шоссе, расположилась лагеремъ кавказская бригада. Палатки скучены, коновязи еще не разбиты, по нѣскольку лошадей привязано у одного прикола. Нѣтъ никакой правильности, порядка. Привычный взглядъ могъ бы сразу замѣтить, что всѣмъ этимъ людямъ и лошадямъ, еще очень недавно, была жаркая работа. Люди заняты уборкой лошадей. Вонъ одинъ казакъ, мой знакомый Артеменко, высокій, черный, въ плохенькомъ коричневомъ бешметѣ на распашку, надѣваетъ торбу съ ячменемъ на голову своей вороной лошади. Та прижала уши, легонько ржетъ, просовывая морду въ мѣшокъ и жадно хватаетъ овесъ, точно хочетъ разомъ весь его проглотить.

— Ишь, голодная! — уговариваетъ ее хозяинъ, поправляетъ

гривку, и ласковой рукой проводитъ по спинѣ. Замѣтивъ меня, казакъ вытягивается и торопится застегнуть бешметъ.

— Здорово, Артеменко, что, поработали вчера? — спрашиваю я.

— Такъ точно, ваше благородіе, досталось всѣмъ досыта,— отвѣчаетъ онъ, осклабляясь.

Въѣзжаю въ середину лагеря. Нѣкоторые изъ товарищей замѣтили меня и направляются на встрѣчу. Съ разныхъ сторонъ доносятся до меня крики: — А, Сашенька! здравствуй, Александръ Васильичъ, милый, какъ поживаешь? ты откудова?..

Услыхавъ шумъ, показывается изъ сосѣдней палатки старикъ есаулъ Голиховскій, въ сѣренькомъ тиковомъ бешметѣ и съ коротенькой трубочкой во рту. Степенно подходитъ онъ ко мнѣ, поздравляетъ съ пріѣздомъ и освѣдомляется о здоровьѣ. По его голосу, спокойному лицу, можно заранѣе угадать, что Голиховскій не участвовалъ во вчерашней атакѣ.

Увидалъ меня и мой милѣйшій Андрей Павловичъ Ляпинъ. Съ радостной улыбкой бѣжитъ онъ, въ черномъ бешметѣ, придерживая кинжалъ, и кричитъ издали:—Что, живъ, милый, здоровъ?—Ляпинъ уже было приготовилъ губы для поцѣлуя, но замѣтивъ, что я не намѣренъ цѣловаться, а только хочу за руку здороваться, приходитъ въ едва замѣтное смущеніе, и нѣкоторое время такъ и остается съ приготовленными губами. Мнѣ даже и теперь досадно, зачѣмъ я не обнялъ и не разцѣловалъ его тогда; желаніе его было самое искреннее, безъ всякой задней мысли.— Но я боялся, что остальные товарищи назовутъ меня за это „бабой".

Всѣ, веселые, радостные, хватаютъ они меня подъ руки и тащатъ въ палатку къ Ефиму Ивановичу. Десятки вопросовъ разомъ летятъ на мою голову. Ефима Иваныча застаемъ за самымъ любимымъ его дѣломъ. Стоя на колѣняхъ передъ сундукомъ, онъ перекладывалъ тамъ свои вещи или, иначе сказать, убиралъ подальше свои капиталы. Вчерашнее „дѣло" было настолько удачно, что даже и онъ встрѣтилъ меня довольно весело. При этомъ улыбка такъ не шла къ его угрюмому лицу, что походила скорѣй на какую-то гримасу.

— Ну что, какъ вы тамъ у Скобелева? а мы тутъ ловко распорядились,—самодовольно говоритъ онъ мнѣ. — Вонъ, смотрите, какъ мнѣ штыкомъ прокололи,—хвастаетъ онъ, указывая на свою черкеску.

— У него и лошадь ранили штыкомъ,—серьезно добавляетъ Ляпинъ.

„Ну,—думаю я,—не таковскій, кажется, Ефимъ Ивановичъ, чтобы на штыкъ наткнуться, не вдругъ-то этому можно повѣрить!“

— А Астахову руку отстрѣлили,—кричитъ кто-то.

— Не руку, только три пальца,—поправляетъ другой, такимъ голосомъ, будто бы онъ хотѣлъ объяснить намъ: ну, такъ что же въ этого, вѣдь еще семь осталось!

— Такъ вольно же ему было за штыкъ хвататься,—злобно возражаетъ Ефимъ Ивановичъ, и лицо его при этихъ словахъ опять принимаетъ прежнее угрюмое, отталкивающее выраженіе.

— Турокъ въ упоръ стрѣляетъ, а онъ за штыкъ!—продолжаетъ ворчать Ефимъ Иванычъ.

Въ это время подходитъ къ намъ вахмистръ Семенъ Кикоть, и вслѣдствіе своего большого роста, по обыкновенію, не входитъ въ палатку, а только заглядываетъ въ нее, ища глазами командира.

— Ты что, Семенъ?—слышится командирскій голосъ.

— Да вотъ на счетъ сѣна, ваше скоблагородіе, какъ прикажете?—начинаетъ тотъ.

— Ты знаешь, Саша, вашъ Кикоть двѣнадцать штукъ зарубилъ,—вполголоса разсказываетъ мнѣ красивый сотникъ Шанаевъ, сидя на кровати за моей спиной.—Какъ кого махнетъ шашкой такъ голова и прочь. Правда, Кикоть?—обращается онъ къ вахмистру.

— Гдѣ же, ваше благородіе, сразу отрубить! — говоритъ тотъ, ухмыляясь своимъ жирнымъ бородатымъ лицомъ.—У турки шея толстая; а нашей шашкой много-ли нарубишь! Что вотъ ей сдѣлаешь, вся измялась, изогнулась,—и Кикоть, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, вытаскиваетъ изъ ноженъ обломокъ шашки, совершенно измятый. Раздается всеобщій хохотъ; каждый хватаетъ его, разсматриваетъ, смѣется и передаетъ другому.

— Нашъ Левченко, ваше благородіе, семнадцать зарубилъ,—объявляетъ Семенъ, какъ бы гордясь тѣмъ, что у него въ сотнѣ есть богатыри еще почище его.

— Ну какъ же, скажи пожалуйста, легко можно голову отрубить?—спрашиваю я.

— Да какъ легко, ваше благородіе; ну вѣдь на лошади, скачешь, а турокъ пѣшій, бѣжать не можетъ; ну, его догонишь, по шеѣ и вдаришь.

— Ну, и готовъ?

— Гдѣ—готовъ! Онъ схватится за стремя, ногу цѣлуетъ: аманъ, аманъ—кричитъ; ну, его тутъ и рубишь, разъ пятнадцать вдаришь, а онъ все кричитъ: „аманъ, аманъ“. Ну, из-

вѣстно, все тише, да слабѣе, пока голова не отвалится. — И разсказчикъ при этомъ самъ представляетъ, какъ передъ смертью голова турка отваливается на-бокъ.

— Вотъ, ваше благородіе, наша горная антилерія ловко дѣйствовала; полковникъ Костинъ молодчина: какъ гдѣ наскачетъ на толпу, сейчасъ орудія съ передковъ заворотитъ, какъ шарахнетъ картечью, такъ и улица, такъ и улица!

Вахмистръ замѣтно приходитъ въ азартъ, ужъ его не нужно больше разспрашивать, разсказъ самъ собой выходилъ у него.

— И вѣдь чудное дѣло, ваше благородіе, не швытко, кажись, и бѣжали эти турки, замучились что ли они гораздо, такъ едва-едва шевелились, ровно нехотя, а ружье на плечѣ несетъ, не бросаетъ: кхи, кхи! — смѣется Кикотъ и, смѣясь представляетъ, какъ усталый турокъ убѣгалъ отъ него.

Смотря въ это время на богатырскій ростъ и плечи разсказчика, мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобы ему необходимо было 15 разъ ударить. Казалось, отъ каждаго взмаха его шашки голова должна была непремѣнно отлетѣть прочь отъ туловища. Съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ Семена, онъ сталъ какъ будто еще выше ростомъ и шире въ плечахъ; потолстѣлъ и поправился; рыжая борода отросла длиннѣе, лицо загорѣло, распухло, руки тоже, казалось, увеличились и сдѣлались сильнѣе.

— Такъ ладно, ступай себѣ, отдыхай, — слышится обыкновенная фраза командира сотни, въ концѣ бесѣды съ вахмистромъ.

Тотъ молодцовато уходитъ, осторожно ступая по землѣ, точно боясь провалиться подъ своею тягостью.

Поговоривъ съ товарищами, я узнаю, что казаками перебито въ погонѣ за турками около 2500 человѣкъ, съ нашей же стороны потеря самая незначительная: нѣсколько человѣкъ убитыхъ и раненыхъ, въ числѣ послѣднихъ и есаулъ Астаховъ.

Такъ, около полудня, съ тѣхъ самыхъ возвышенностей, откуда мы ждали турокъ, раздались пушечные выстрѣлы. Непріятель оказался не силенъ: табора два пѣхоты и пять или шесть орудій. Турки видимо стрѣляли уже такъ только, для очищенія совѣсти, убѣдившись хорошо, что Ловчи имъ не воротить.

Часа въ три или четыре по полудни, Скобелевъ сидитъ съ Куропаткинымъ на маленькомъ пригоркѣ, невдалекѣ отъ редутовъ, и о чемъ-то разговариваетъ съ нимъ. Я лежу въ нѣсколькихъ шагахъ позади ихъ и смотрю, какъ турки стрѣляютъ изъ орудій.

Погода превосходная. Гребни горъ, покрытые лѣсомъ, ясно очерчиваются на темно-синемъ небѣ. Бѣлые дымки быстро вылетаютъ изъ жерлъ орудій и четко указываютъ мѣсто, гдѣ остановился непріятель. Отъ меня онъ находится верстахъ въ трехъ. Я уже такъ приглядѣлся къ стрѣльбѣ, что хорошо различаю полетъ снарядовъ. Вонъ раздается на горѣ выстрѣлъ,—дымъ застилаетъ смежный лѣсокъ; вонъ гдѣ летитъ снарядъ, какъ черный мячикъ, и, достигши зенита, точно останавливается. Жж... жж... жж... переливается его шуршаніе. Я спокойно наблюдаю, куда онъ упадетъ, такъ какъ вполнѣ увѣренъ, что стрѣляютъ не въ насъ; три человѣка не могутъ же служить цѣлью для орудій на разстояніи нѣсколькихъ верстъ.—А! вонъ по комъ!

Два нашихъ баталіона, въ густыхъ колоннахъ, одинъ за другимъ, медленно отступали къ городу.

Снарядъ падаетъ позади нихъ и разрывается. Земля снопомъ вылетаетъ кверху. Нѣсколько приотставшихъ солдатиковъ стремительно бросаются къ своимъ, точно ища въ толпѣ защиты. Еще нѣсколько человѣкъ робко озираются и что-то переговариваются между собою; имъ, какъ мнѣ казалось, хотѣлось бы прибавить шагу, чтобы выйти поскорѣе изъ-подъ выстрѣловъ. Турки отлично пользуются такой хорошей цѣлью и учащаютъ огонь. Одинъ за другимъ, еще два снаряда падаютъ въ промежуткѣ между баталіонами, и опять-таки благополучно, никого не задѣваютъ. Въ это время слышу позади себя голосъ генерала. „Это что тамъ такое? лошадь мнѣ!“ Смотрю въ сторону къ Плевнѣ. У подножія горъ, наши солдаты, въ страшномъ безпорядкѣ, бѣгутъ назадъ. Скобелевъ садится на лошадь и маршъ-маршемъ несется туда. Впослѣдствіи я узналъ, что безпорядокъ этотъ произошелъ отъ того, что наши солдаты слишкомъ неосторожно приблизились къ возвышенностямъ, занятымъ непріятелемъ; турецкая пѣхота, скрытая въ виноградникахъ, близко подпустила ихъ, и такимъ встрѣтила мѣткимъ огнемъ, что тѣ моментально поворотили назадъ. Скобелевъ съ трудомъ остановилъ ихъ и, какъ мнѣ разсказывали очевидцы, сдѣлалъ имъ тутъ же, подъ огнемъ, ученье ружейнымъ пріемамъ.

24-го августа, рано утромъ, наши войска готовились выступать изъ Ловчи къ Плевнѣ; гарнизономъ оставлялась бригада пѣхоты.

Я переночевалъ въ городѣ и ѣду искать генерала. Дорогой соображаю, куда бы заѣхать напиться чайку: къ своимъ ли владикавказцамъ, или къ кому изъ казанцевъ? И тутъ и тамъ, я увѣ-

ренъ, мнѣ будутъ рады. Минуя городъ, выѣзжаю на равнину, что ведетъ къ редутамъ. Шаговъ сто впереди, у самаго шоссе, вижу—священникъ, въ траурной ризѣ, отпѣваетъ убитыхъ. Вчера не успѣли всѣхъ собрать и похоронить. По близости замѣтна свѣжая могила.

Боже мой, чтó за могила! Такой громадной я еще никогда не видалъ. Аршинъ десять длины, аршина четыре ширины. По бокамъ могилы груды красноватаго свѣжаго песку, съ мелкими камешками, рѣзко отличаются отъ остальной пыльной, сухой почвы. Подъѣзжаю ближе и останавливаюсь: солдаты и священникъ настолько заняты своимъ дѣломъ, что едва взглядываютъ на меня. Священникъ заунывно поетъ. Я съ замираніемъ сердца заглядываю въ глубокую могилу и вижу, что дно ея уже сплошь покрыто убитыми. Одѣтые въ черные мундиры, они плотно положены одинъ къ другому, такъ что, кажется, и руки между ними не просунешь. И какая странность! Всѣ трупы положены не кверху лицомъ, а книзу; должно быть, ихъ пригоняли здѣсь, какъ товаръ какой-нибудь, чтобы больше убралось. Второй рядъ вѣрно пойдетъ лицомъ вверхъ, третій опять лицомъ книзу и т. д.

Оставаться тутъ дольше и разспросить подробно, сколько кладутъ въ одну могилу, и во сколько рядовъ, я не могъ, такъ какъ запахъ былъ невыносимъ.

Ѣду дальше, смотрю, въ нѣсколькихъ саженяхъ впереди тоже лежатъ наши убитые, одинъ за другимъ, вдоль дороги. Ихъ сносятъ изъ окрестностей, съ мѣста боя, гдѣ кого найдутъ, по одиночкѣ, и складываютъ въ одно мѣсто. Господи, какъ жалко смотрѣть на эти безмолвныя жертвы! Такъ, кажется, и расплакался бы, какъ дитя; и отвелъ бы слезами душу!..

За чтó же они погибли, чѣмъ же они виноватѣе другихъ? Почему я не лежу рядомъ съ ними, или вонъ не тѣ двое, которые, разстегнувъ свои выгорѣвшіе отъ солнца мундиры, съ такимъ апатичнымъ видомъ сыпаютъ желѣзными лопатками песокъ на спины мертвыхъ товарищей?..

Убитые лежатъ, кто скорчившись, кто съ вытянутыми ногами. Мундиры на нѣкоторыхъ порваны и перепачканы грязью, сапоги тоже грязные, въ особенности носки и каблуки. Лица желтыя, холодныя, какъ восковыя. Головы у всѣхъ непокрытыя, волосы по большей части, черные, стриженые.

Сколько разъ мнѣ случалось, теперь на войнѣ, видѣть массы убитыхъ, и каждый разъ я старался проѣзжать мимо, какъ можно скорѣй. Если же хоть на минуту останавливался и взглядывалъ на одного, то уже послѣ этого меня точно какая невѣдомая

сила тянула смотрѣть и на прочихъ. Тогда я по долгу стоялъ и всматривался въ ихъ лица, искалъ выраженія боли и страданій. Съ тяжелымъ сердцемъ ѣду дальше. Но не странно ли сотворенъ человѣкъ? Проѣхалъ я нѣсколько шаговъ, трупы миновались, кругомъ стало все такъ хорошо, воздухъ подулъ чистый, свѣжій, и на моей душѣ стало легче и спокойнѣе.

XVIII.

Невдалекѣ отъ Ловчи, на равнинѣ, строятся наши войска. Нѣкоторыя части уже совсѣмъ готовы къ выступленію. Направо отъ шоссе, у подножія горъ, на луговинкѣ, стоитъ казанскій полкъ. Тѣни отъ горъ падаютъ далеко впередъ и не даютъ высохнуть росѣ, которая блеститъ кругомъ на зелени. Офицеры, собравшись кружками около своихъ баталіоновъ, разговариваютъ, шутятъ, смѣются. Мимо ихъ проносится, съ дѣловымъ видомъ, на лихомъ рыжемъ иноходцѣ, знакомый мнѣ баталіонный адъютантъ Черкасовъ. Какая у него славная лошадь, думается мнѣ, не купить ли ее. „Поручикъ, поручикъ“, кричу я, „постойте немного!“ И въ то же время подъѣзжаю и здороваюсь съ нимъ. „Продайте коня!“

— Что же,—отвѣчаетъ тотъ, останавливая лошадь,—пожалуй. У меня другая есть. Что дадите?

— А ну-ка, проѣзжайте сначала мимо хорошенько,—прошу я. Тотъ дѣлаетъ рѣзвою иноходью большой кругъ и возвращается назадъ. Сговариваемся за 125 рублей. Лошадь остается за мною. Сто рублей я отдаю немедленно же, а на 25 рублей пишу росписку, такъ какъ у меня не было при себѣ больше денегъ. Хотя Черкасовъ и не хотѣлъ ее брать, но я настоялъ, говоря: „а если меня убьютъ, такъ деньги-то могутъ пропасть?“

— Не убьютъ! Богъ милостивъ, — отвѣчаетъ тотъ съ улыбкою, складывая росписку вчетверо и пряча ее вмѣстѣ съ деньгами въ боковой карманъ мундира.

Черкасовъ былъ еще очень молоденькій офицеръ, стройный и чрезвычайно симпатичный.

Черезъ четыре дня послѣ этого отрядъ нашъ уже стоялъ около Плевны; я пріѣхалъ зачѣмъ-то въ казанскій полкъ и узналъ, что Черкасовъ наканунѣ убитъ въ дѣлѣ съ турками.

Изъ Ловчи наши войска направляются къ деревнѣ Боготу и тамъ останавливаются. По приходѣ туда, Скобелевъ съ нѣсколь-

кими сотнями казаковъ, не заѣзжая въ Боготъ, направляется прямо по шоссе къ Плевнѣ, чтобы взглянуть на непріятельскіе редуты. Съ нами ѣдутъ Тутолминъ, нѣсколько офицеровъ, болгаринъ-переводчикъ Александръ Ивановъ, конвой, двѣ сотни казаковъ и гвардейскій эскадронъ Кулебакина. Погода перемѣнилась, нахмурилась и готовился дождикъ. Мы быстро подавались впередъ, переѣхали ручеекъ и стали подниматься на гору. На пасмурномъ горизонтѣ показалось угловатое очертаніе Плевненскаго редута. По близости его виднѣется нѣсколько деревьевъ. Съ редута молчатъ, нигдѣ никого незамѣтно. Кругомъ точно все вымерло.—Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не ушли ли турки, не бросили ли они своихъ укрѣпленій,—толковали мы между собою: такой слухъ ходилъ дѣйствительно въ то время, и я не скрою, что у меня сердце при этой мысли радовалось и легче билось. „Значитъ, думалось мнѣ, Плевна можетъ быть взята безъ боя!“

Подаемся еще немного, и сомнѣнія наши мгновенно разсѣеваются. Съ гребня редута вспыхиваетъ огонь, бѣлый клубъ дыма взвивается и глухой отдаленный гулъ—гулъ знакомый, давящій—раздается въ нашихъ ушахъ. Вслѣдъ за этимъ гуломъ, въ полусотнѣ саженъ передъ нами, падаетъ снарядъ и зарывается въ землю. Скобелевъ останавливается и приказываетъ сотнямъ не толпиться по близости и разъѣхаться шире; конвой тоже раздается просторнѣе. Генералъ беретъ отъ урядника бинокль и, не слѣзая съ лошади, разсматриваетъ укрѣпленіе. Съ редута продолжаютъ стрѣлять, причемъ каждый послѣдующій выстрѣлъ становится все вѣрнѣе и вѣрнѣе. Вотъ одна граната шумитъ совсѣмъ близко, ближе, еще ближе. Переводчикъ-болгаринъ, надъ которымъ Скобелевъ передъ этимъ все подтрунивалъ, начинаетъ наклоняться ниже и ниже и, наконецъ, отъ страха совсѣмъ сваливается съ лошади. Снарядъ перелетаетъ, никого не задѣвая. Скобелевъ разражается гомерическимъ хохотомъ, закатываетъ голову кверху и чуть не до слезъ смѣется. Мы всѣ, несмотря на опасность положенія, невольно тоже смѣемся, до того фигура переводчика въ эту минуту была комична. Можетъ быть, еще долго продержалъ бы насъ тутъ генералъ, да дождикъ сталъ накрапывать, и мы поворотили назадъ.

Въ Боготъ всѣ пріѣхали совершенно промокшіе. Затѣмъ опять наступила прекрасная погода.

Къ домику, гдѣ остановился Скобелевъ, прилегалъ довольно просторный чистый дворъ, посреди двора разбиты были двѣ палатки, одна для князя Имеретинскаго, а другая для Скобелева. Штабъ и свита расположились по близости въ хаткахъ.

Въ то время, какъ я и товарищи размѣщались поудобнѣе, около самыхъ генеральскихъ палатокъ разгуливали какіе-то два англійскихъ корреспондента, въ высокихъ бѣлыхъ полотняныхъ каскахъ. Одинъ изъ нихъ длинный, тощій, другой, напротивъ, маленькій и толстенькій. Они о чемъ-то оживленно разговариваютъ между собою, какъ къ нимъ подошелъ Скобелевъ и, потирая руки, присоединился къ ихъ бесѣдѣ; потолковавши съ четверть часа, маленькій корреспондентъ садится посреди двора на складной стуликъ, около стола, и принимается что-то писать. Когда я, смѣясь, указалъ на него брату Сергѣю, тотъ отвѣтилъ:—ты, братъ, надъ нимъ не очень-то смѣйся, вѣдь это извѣстный и храбрый англійскій полковникъ; онъ отличался въ Индіи!—Какъ его фамилія, я теперь забылъ.

Кажется, это было въ ночь съ 28-го на 29-е августа. Время около полуночи; кругомъ темно совершенно; грязь и слякоть непролазная. Огонекъ въ Скобелевской палаткѣ, посреди окружающей темноты, ярко свѣтитъ. Генералъ сидитъ около столика съ Куропаткинымъ и о чемъ-то совѣщается. Я съ Гайтовымъ лежимъ, укрывшись бурками, по близости, въ сырой палаткѣ, и отдыхаемъ. За этотъ день мы какъ-то особенно сильно устали; лошади же наши едва волочили ноги. Несмотря на поздній часъ, ружейные залпы безпрестанно раскатываются сухимъ однообразнымъ трескомъ, и въ ночной тишинѣ чрезвычайно непріятно дѣйствуютъ на наши усталые нервы. Вотъ, вправо отъ насъ, за лѣскомъ—залпъ, другой, третій, одинъ за другимъ почти безъ промежутковъ. Сердце бьется сильнѣе, такъ его и щемитъ, такъ и ноетъ оно. Невольно думается, сколько-то человѣкъ за эти минуты Богу души отдадутъ? Мы лежимъ и утѣшаемъ себя надеждой: авось генералъ не пошлетъ насъ никуда и дастъ отдохнуть. Я же кромѣ того даю себѣ слово, что если-бы Скобелевъ вздумалъ меня куда теперь послать, то скажусь больнымъ, хотя, конечно, это генералу не понравится. Но что же дѣлать, если я усталъ какъ собака? Только я это подумалъ, слышу голосъ Скобелева:

— Позвать ко мнѣ сотника Верещагина!—Вотъ тебѣ и на! Поднимаюсь и тихонько иду къ палаткѣ.

— Верещагинъ, извольте отправиться розыскать №№ полкъ, передайте командиру полка...

Я перебиваю его и слабымъ голосомъ докладываю:—Ваше превосходительство, у меня страшно желудокъ болитъ,—и при

этомъ тру рукой животъ. Генералъ сурово смотритъ на меня, и говоритъ:

— Какъ я не люблю, когда на службѣ отговариваются нездоровьемъ! Пошлите ко мнѣ сотника Гайтова.

Посылать Гайтова мнѣ не пришлось, такъ какъ тотъ слышалъ нашъ разговоръ и самъ шелъ мнѣ на встрѣчу. Я снова ложусь въ палаткѣ, закутываюсь въ бурку и хотя сознаю, что поступилъ нехорошо—подвелъ товарища, но, поглядѣвъ кругомъ на темноту и представивъ себѣ тотъ трудъ, съ которымъ бы мнѣ пришлось розыскивать части по этой слякоти, засыпаю сномъ праведника.

Утромъ подходятъ обозы и лазареты 16-й дивизіи. Куропаткинъ поручаетъ мнѣ расположить ихъ вдоль ручья, вблизи нашей палатки.

Я живо исполнилъ это дѣло, послѣ чего мнѣ захотѣлось посмотрѣть на нашу артиллерійскую позицію. Что меня въ особенности поразило, глядя на орудія, это огромный уголъ возвышенія, приданный имъ. Оказалось, что непріятельская позиція была настолько далека, что наши девяти-фунтовки едва могли добрасывать снаряды и при этихъ углахъ, а о четырехъ-фунтовыхъ орудіяхъ и толковать нечего было, никуда они не годились!

Въ тотъ день, часовъ такъ около 4-хъ вечера, мы сидимъ съ Гайтовымъ подлѣ палатки Имеретинскаго. Скобелева нѣтъ, онъ съ утра уѣхалъ на позиціи и еще не возвращался. Князь ходитъ взадъ и впередъ около высокаго орѣховаго дерева и нервно прислушивается къ ружейной трескотнѣ, которая доносится вѣтромъ то глуше, то яснѣе. Одѣтъ Имеретинскій въ мундиръ генеральнаго штаба, при аксельбантахъ. Изъ его ординарцевъ здѣсь нѣтъ никого, онъ ихъ всѣхъ разослалъ искать Скобелева.

— Пожалуйста, отыщите мнѣ генерала Скобелева, на васъ я надѣюсь, вы его живо найдете,—говоритъ мнѣ князь не безъ лести.

Я сажусь на лошадь и ѣду, за мной для компаніи ѣдетъ и Гайтовъ.

Но гдѣ искать Скобелева? Въ какой онъ сторонѣ? Передъ нашими глазами стелется открытая мѣстность. Далеко впереди окаймляется она продолговатымъ холмомъ. Дымки на вершинѣ его указываютъ, что тамъ дѣйствуетъ артиллерія. Влѣво, гдѣ холмъ кончается, виднѣется деревушка съ бѣлыми домиками и красными крышами. Не отъѣхали мы полъ-версты, какъ натыкаемся на великолѣпный виноградникъ. Кисти до того крупны и сочны, что,

какъ возьмешь въ руки, такъ сокъ и сочится. Дѣлать нечего, слѣзаемъ съ лошадей и давай наѣдаться. Пока мы такъ занимаемся, на насъ внезапно наѣзжаютъ два свитскихъ полковника, братья Меллеръ-Закомельскіе. Они были посланы Государемъ узнать, какъ идутъ дѣла на лѣвомъ флангѣ у князя Имеретинскаго. Намъ, при видѣ этихъ господъ, становится ужасно стыдно. Что, дескать, они подумаютъ о насъ? Трусы, забрались въ кусты! Оба эти полковника просятъ насъ проводить ихъ къ Имеретинскому. Мы соглашаемся и ѣдемъ назадъ.

Почти одновременно съ нами пріѣхалъ къ Имеретинскому и Скобелевъ, въ запачканномъ и рваномъ кителѣ. Всѣ они направились въ палатку къ князю, я же поѣхалъ къ Куропаткину, проситься съѣздить въ Порадимъ, провѣдать брата Василія.

До Порадима, гдѣ въ то время находился великій князь съ Главной Квартирой, надо было ѣхать верстъ 15. Брата не было дома, когда я пріѣхалъ: онъ уѣзжалъ съ главнокомандующимъ на позицію. Чтобы не терять напрасно время, мнѣ вздумалось съѣздить въ нашъ бригадный обозъ и кстати провѣдать Кухаренко: онъ незадолго передъ этимъ заболѣлъ и удалился въ обозъ.

Сейчасъ же за Порадимомъ показались казацкія палатки. Онѣ дѣлились полковыми фургонами и повозками на двѣ части: владикавказскую и кубанскую.

Замѣчательно, какъ наши казаки умѣютъ спокойно устраиваться, гдѣ бы имъ ни пришлось. Вотъ, напримѣръ, хотя бы здѣсь въ обозѣ. Въ 15 верстахъ отсюда идетъ бой, канонада ясно слышится, гулъ не перестаетъ, раскаты пушечные такъ и гремятъ; сотни людей близехонько умираютъ каждый часъ, а здѣсь какъ-то невольно обо всемъ этомъ забываешь. Здѣсь даже и думать о войнѣ не хочется. Такъ просто, такъ спокойно расположились казаки, и каждый занимается своимъ дѣломъ.

Глядя на ихъ мирную жизнь, скорѣй подумаешь, что находишься гдѣ-нибудь около Ставрополя или Владикавказа, а ужъ никакъ не подъ Плевной.

Ну хоть для примѣра взглянуть на этого высокаго чернобородаго казака малоросса. Изъ-за его полуразстегнутаго, дыряваго краснаго бешмета виднѣется грязная холщевая рубаха; когда-то черныя ластиковыя шаровары совершенно выгорѣли отъ солнца и порыжѣли; на ногахъ чевяки, очень плохенькіе, почти насквозь протоптанные. Съ какимъ спокойнымъ и вмѣстѣ дѣловымъ видомъ трудится онъ надъ своей работой! Прикрѣпивъ широкій сыромятный ремень къ высокимъ козламъ, онъ привязалъ къ нижнему концу его тяжелый камень; закручивая его, казакъ мнетъ кожу

до тѣхъ поръ, пока она не сдѣлается мягкой. На лицѣ у него въ это время и тѣни заботы о войнѣ незамѣтно. Вотъ камень перестаетъ вертѣться; мастеръ опытной рукой щупаетъ кожу, разсматриваетъ ее, бормочетъ что-то съ недовольнымъ видомъ про себя и снова закручиваетъ. И такъ работаетъ онъ съ утра и до вечера. А между тѣмъ, канонада гудитъ и гудитъ.

Немного позади этого казака, изъ низенькой палатки доносится здоровый смѣхъ и говоръ. Изъ приподнятой дверки торчатъ босыя ноги. Нѣсколько казаковъ, скинувъ бешметы и лежа на животахъ, играютъ въ носки. Правый, молоденькій казаченка, очень хорошенькій, безъ бороды и усовъ, должно быть, выигралъ, такъ какъ онъ съ веселымъ видомъ быстро приподнимается, поджимаетъ подъ себя ноги и, сложивъ вмѣстѣ нѣсколько до-нельзя засаленныхъ картъ, сбирается кого-то колотить по носу. Иду дальше къ палаткѣ Кухаренки. Она отличается отъ всѣхъ прочихъ. Ее выписалъ изъ Парижа братъ мой Василій, по просьбѣ Кухаренки. Палатка эта очень изящная, просторная, съ окошечкомъ и маленькимъ навѣсомъ. Не доходя до нея, въ сторонкѣ подъ тѣнью обознаго фургона пріютился полковой портной, низенькаго роста, худощавый, съ блѣднымъ лихорадочнымъ лицомъ и жиденькой бородкой. Онъ пригоняетъ черкеску, вѣроятно, для кого-нибудь изъ офицеровъ, а можетъ и для самого „полка командера". Черкеску онъ надѣлъ на одного изъ своихъ товарищей казаковъ. Лѣвый рукавъ еще не вшитъ. Портной внимательно проводитъ широкою ладонью по спинѣ и кое-гдѣ слегка черкаетъ мѣломъ, затѣмъ беретъ мѣлъ въ ротъ, и осторожно снявъ свою работу, наклоняется и улѣзаетъ съ нею въ свою конурку.

Кухаренка я нашелъ, по обыкновенію, франтовски одѣтымъ, въ шикарномъ красномъ бешметѣ, подтянутомъ все тѣмъ же богатымъ ремнемъ при кинжалѣ; папаха на затылкѣ. Только его видъ, нѣсколько усталый, и черезъ-чуръ согнутая спина доказывали, что командиръ полка не совсѣмъ здоровъ. Въ минуту моего прихода, Кухаренко изъ всѣхъ сихъ бранилъ двухъ казаковъ, которые, стоя на вытяжку въ заплатанныхъ черныхъ черкескахъ, безмолвно выслушивали брань начальника.

— Здравствуйте, Верещагинъ, вотъ извольте, полюбуйтесь на этихъ разбойниковъ! — говорилъ онъ, указывая рукой на провинившихся.—Вѣдь вы паріи рода человѣческаго! Вахмистръ, посадить ихъ за отдѣльный котелъ, чтобы они не поганили своей ѣдой товарищей! Вѣдь у васъ, значитъ, нѣтъ ни стыда, ни совѣсти, ни чести, если вы рѣшились обокрасть товарищей, братьевъ!—Кухаренко любилъ выражаться высокопарно и употреблять не совсѣмъ

понятныя слова, какъ, напримѣръ, „парій“! Я не вдругъ сообразилъ, въ чемъ дѣло, но черезъ нѣсколько минутъ, покончивъ съ казаками, онъ объяснилъ мнѣ, что тѣ продали какому-то маркитанту двухъ обозныхъ воловъ.

Когда мы взошли въ палатку, Кухаренко показался мнѣ еще слабѣе и хилѣе, голосъ его сдѣлался почти неслышнымъ, спина согнулась еще болѣе, глаза потускнѣли.

— В-в-вотъ, не могу спину, разогнуть! геморрой замучилъ! Садитесь, прошу покорно, ординарецъ! — дрожащимъ голосомъ кричитъ больной,—прикажи-ка чаю подать.

— Ну, что, каково поживаете? Что Скобелевъ, каково воюетъ?—продолжалъ онъ спрашивать тѣмъ же голосомъ, и прилаживаясь поудобнѣе усѣсться на кровати, покрытой черной блестящей буркой.

Я пробылъ у него около часу. Затѣмъ отправился искать брата.

Онъ жилъ не вдалекѣ отъ обоза, въ одной и той же хатѣ съ полковникомъ Струковымъ. Въ минуту моего прихода, они оба шли обѣдать въ главную квартиру, и я къ нимъ пристроился.

Въ серединѣ обѣда его высочество внезапно обращается къ намъ и говоритъ:

— Братья Верещагины, передайте вашему безчинному брату (Сергѣй не имѣлъ чина), что государь императоръ пожаловалъ ему солдатскаго Георгія.—Мы, конечно, встали и поблагодарили его высочество.

Вечеромъ, ложась спать, братъ Василій начинаетъ спорить со Струковымъ о завтрашнемъ штурмѣ. Какъ теперь помню, братъ говорилъ: „Да вѣдь грязь-то какая,—по колѣни! Неужели по такой грязи можно идти на штурмъ?“

— Такъ и пойдутъ,—отвѣчалъ тотъ.

— Да съ чѣмъ же, съ какими силами?

— 55 тысячъ нашихъ и 15 тысячъ румынъ, такъ рѣшилъ его высочество. Приказъ отданъ, отмѣны не будетъ, — отвѣчалъ Струковъ.

— Знаешь что? — обращаюсь я къ Василью. — Мнѣ что-то очень не хочется быть завтра въ дѣлѣ, у меня есть предчувствіе, что меня убьютъ.

— Вздоръ, не убьютъ, не безпокойся. Много, если ранятъ, такъ это ничего, вылечимъ, — отвѣчалъ братъ и на томъ нашъ разговоръ кончился.

XIX.

На другой день, 30-го августа, въ день моего ангела, я, чуть свѣтъ, простился съ братомъ, и одинъ-одинешенекъ отправился въ свой лагерь.

Погода пасмурная, дождикъ точно черезъ сито сѣетъ; облака настолько заволокли небо, что не подавали никакой надежды на солнышко. Мой бѣленькій кавказскій башлыкъ промокъ насквозь, папаха тоже напиталась водой и тяжело давила голову. Мелкія капли дождя, скатываясь по буркѣ, сливались одна съ другою, и уже крупныя падали на землю. Лошадь громко шлепаетъ по грязи, брызги отъ ногъ ея далеко разлетаются кругомъ.

„Ахъ ты, Боже мой, что за слякоть! — разсуждаю я, задерживая подъ-гору лошадь, которая скользила на заднихъ ногахъ, какъ на лыжахъ.—Ну, какъ наши пойдутъ сегодня на приступъ?"

Скобелевъ уже давно былъ на позиціи, когда я, проѣзжая его палатку, останавливаюсь около своей и слѣзаю съ лошади.

— Ламакинъ, лошадь возьми, да чаю живо!—кричу, я скидывая тяжелую, мокрую бурку и лѣзу въ палатку.

На душѣ нехорошо, неспокойно. Сознаю, что я здѣсь одинъ, кругомъ никого нѣтъ, всѣ тамъ, откуда доносится гулъ орудій, гдѣ убиваютъ людей!

„Неужели, думается мнѣ, я самый трусливый, самый малодушный? Отчего же всѣ при своемъ дѣлѣ, а я здѣсь, точно бѣглецъ какой!" И въ ту же минуту у меня мелькаетъ знакомый вопросъ: „Ну, что подумаетъ обо мнѣ Скобелевъ?" Вслѣдъ за этимъ, я раздражительно кричу: „что же чаю?"

Въ дверяхъ палатки показывается лицо Ламакина, блѣдное, лихорадочное. Его всѣ эти дни трясла лихорадка. Онъ ставитъ передо мной мѣдный чайникъ съ кипяткомъ, сахаръ въ жестянкѣ изъ-подъ сардинокъ, затѣмъ жалобно говоритъ:

— Ваше благородіе, вы хоша-бы кого изъ насъ взяли [1]), а то не ровенъ часъ, ранятъ, либо што, все-жъ таки свой человѣкъ.

Въ голосѣ его слышалась привязанность, добродушіе. Я поблагодарилъ его, и говорю, что мнѣ пріятнѣе найти возвратившись съ дѣла готовую постель, чѣмъ таскать понапрасну за собой казака.

---

[1]) При мнѣ находился еще другой казакъ, Данилъ, который готовилъ кушанье.

— А вотъ лошадь свою, пожалуй, дай, а то мой кабардинецъ совсѣмъ заморился. Твоя, кажется, давно никуда не ходила?

— Такъ точно, ваше благородіе, моя гораздо поправилась,— говоритъ онъ, и отправляется пересѣдлывать.

Тѣмъ временемъ я напился чаю, и торопливо сажусь на Лакинскую лошадь. Пора ѣхать, время уже 9 часовъ; погода нахмурилась еще болѣе; свинцовыя тучи низко, медленно, точно нехотя, тянулись по небу. Палатки генерала, офицерскія и другія сдѣлались темныя, грязныя, точно съежились и нахмурились отъ непогоды. Окрестности съ трудомъ можно было различить. Громъ орудій теперь уже не такъ ясно слышенъ, какъ наканунѣ. Выѣзжаю на шоссе. По бокамъ канавъ валяются цѣлые клубы спутанной телеграфной проволоки, снятой со столбовъ нашими казаками. Мѣстами ее столько разбросано, что лошади ступить негдѣ. Дорогу дождемъ сильно размочило, и конь мой безпрестанно скользитъ. По сторонамъ шоссе, черная сырая почва во многихъ мѣстахъ изрыта разорвавшимися снарядами. Нѣсколько далѣе виднѣются одинокія вѣтвистыя деревья, покрытыя густою зеленью. Еще далѣе мѣстность возвышается и образуетъ какъ бы продолговатый лѣсистый холмъ, которымъ и ограничивается горизонтъ. Изъ-за этого холма, кое-гдѣ медленно подымаются клубы дыма. При настоящей сырой погодѣ и туманѣ, дымъ этотъ смѣшивается съ низкими облаками и не такъ четко выдѣляется, какъ въ предшествующіе дни.

Вотъ я въѣхалъ на небольшой холмикъ. Далеко впереди, верстъ 5, пожалуй, на грязно синемъ небосклонѣ виднѣются коегдѣ тоже бѣлые орудійные дымки, но это уже вѣрно не наши, а непріятельскіе: это можно заключать по огню, который вылетаетъ при каждомъ выстрѣлѣ, и направленію дымковъ.

Куда ни взглянешь, вездѣ сѣро, мокро, непривѣтливо; такъ и тянетъ куда-нибудь зайти и согрѣться. А между тѣмъ, необходимо ѣхать впередъ, да еще именно туда, откуда доносится грохотъ орудій.

Грохотъ этотъ я начинаю слышать все яснѣе и яснѣе. Нѣкоторые выстрѣлы доносятся уже такъ хорошо, точно вотъ тутъ и есть. Вонъ и лѣвѣе пошла канонада, а сейчасъ ея не было слышно. Войскъ еще не видно. Я начинаю приходить все болѣе и болѣе въ нервное настроеніе. Въ головѣ невольно возникаетъ вопросъ: скоро ли я въѣду въ линію огня? Вопросъ этотъ оттого меня такъ сильно безпокоитъ, что я убѣдился изъ предшествующихъ сраженій, что находиться вблизи отъ огня, и затѣмъ очутиться подъ самымъ огнемъ—двѣ вещи разныя. Не знаю, какъ

для другихъ, но для меня проѣзжать эти послѣдніе шаги каждый разъ было очень непріятно. Пока пуль нѣтъ, все ничего, все хорошо и спокойно, хотя и не совсѣмъ, такъ какъ сознаешь, что неминуемо, сейчасъ услышишь ихъ зловѣщій свистъ. Но вотъ пролетѣла одна—только одна пуля—и уже чувствуешь въ себѣ перемѣну. Сердце точно кто начинаетъ глодать; на желудкѣ является легкая тошнота; по всему тѣлу распространяется слабость, апатичность. Смѣшно сказать, подобное этому чувство я испытывалъ во времена оны передъ сдачей латинскаго экзамена. Тогда появлялась та же тошнота, та же слабость въ тѣлѣ, съ придачей холоднаго пота на лбу. Такое нервное настроеніе, конечно, является вслѣдствіе сознанія, что вотъ уже теперь тебя сейчасъ могутъ ранить, и даже убить. Всѣ мысли, всѣ чувства какъ-то особенно напрягаются и невольно ждутъ того рокового кусочка свинца или чугуна, который прекратитъ жизнь.

За маленькимъ холмикомъ, вправо отъ шоссе, виднѣется нѣсколько деревьевъ. Около нихъ казаки, въ черныхъ буркахъ, покрывшись кто темными, кто бѣлыми башлыками, держатъ въ поводу осѣдланныхъ лошадей. Тутъ же виднѣется и Скобелевскій красный значокъ, воткнутый въ землю. Значитъ, и Скобелевъ гдѣнибудь по близости? Но его пока не видно. Заворачиваю за пригорокъ, влѣво по шоссе, и вижу, въ сотнѣ шаговъ отъ себя, Скобелева. Онъ ходитъ съ княземъ Имеретинскимъ взадъ и впередъ по шоссе и, потирая по обыкновенію руки, съ озабоченнымъ видомъ о чемъ-то съ нимъ разговариваетъ. Оба они одѣты въ мундиры генеральнаго штаба. Какъ только я завидѣлъ начальство, у меня мгновенно пропадаетъ всякая мысль объ опасности, хотя пули здѣсь уже свищутъ довольно часто.

Точно школьникъ, который опоздалъ въ классъ и пришелъ позже учителя, я тихонько слѣзаю съ лошади и стараюсь какъ можно незамѣтнѣе отвести ее къ прочимъ лошадямъ. Затѣмъ иду къ товарищамъ офицерамъ. Тѣ—человѣкъ семь-восемь,—усѣлись тыломъ къ пригорку, такимъ образомъ, что пули, перелетая надъ ихъ головами, не могутъ никого изъ нихъ задѣть. Лошади стоятъ въ сторонѣ, по временамъ вздрагиваютъ, безпокойно водятъ ушами и, съ шумомъ раздувая ноздри, втягиваютъ въ себя воздухъ. Онѣ, бѣдненькія, замѣтно чуютъ свое опасное положеніе.

Вотъ одна пуля какъ разъ около нихъ съ визгомъ пролетаетъ отлого по кукурузѣ. Лошади шарахнулись въ стороны и зафыркали. Скобелевъ замѣчаетъ это и сердито кричитъ:

— Что тамъ за безпорядокъ, отвести лошадей дальше! — И затѣмъ снова погружается въ свой прерванный разговоръ съ Имеретинскимъ. Я здороваюсь съ товарищами и сажусь подлѣ нихъ рядомъ, конечно, съ тѣмъ же разсчетомъ, чтобы и меня шальная пуля не могла задѣть.

Завернувшись поудобнѣе въ бурку, начинаю слѣдить за тѣмъ, какъ разгуливаетъ начальство: не подмѣчу ли въ генералахъ хоть признака робости, въ особенности въ Имеретинскомъ. Но и князь сегодня съ полнымъ хладнокровіемъ, точно гдѣ въ залѣ, ходитъ въ ногу со Скобелевымъ, не обращая, повидимому, никакого вниманія на пули.

Въ это время запечатлѣлась въ моей памяти фигура одного убитаго нашего солдата. Здоровенный, съ длинными бакенбардами, уткнувшись лицомъ въ грязное шоссе, лежалъ онъ, раскинувъ руки какъ разъ около того мѣста, гдѣ гуляли генералы. Кэпи свалился и обнажилъ его черную стриженую голову. Странно было видѣть, какъ начальство, разгуливая, не догадывалось приказать убрать этого молодца. Ужъ вѣрно имъ было не до мертвыхъ.

Времени прошло порядочно. Канонада усиливается, пули свистятъ все чаще и чаще. А Скобелевъ все шагаетъ взадъ и впередъ съ княземъ Имеретинскимъ и потираетъ свои руки. Убитый все лежитъ, и точно глубже вдумывается и соображаетъ, — неужели мнѣ вѣкъ лежать здѣсь подъ дождемъ?

Изъ разговоровъ съ товарищами я узнаю, что общая атака назначена въ 3 часа по-полудни. Теперь только 12. Въ эту минуту подъѣзжаетъ какой-то офицеръ и докладываетъ Скобелеву:—Ваше превосходительство, 3-я стрѣлковая бригада тронулась впередъ.—Генералъ приходитъ въ сильный гнѣвъ:

— Кто-жъ имъ приказалъ? Развѣ имъ неизвѣстно, что общая атака въ три часа? Ну, пускай умираютъ, если не успѣли дождаться!—съ сердцемъ кричитъ онъ. Затѣмъ снова пускается въ разговоръ съ княземъ.

Такъ, около часа спустя, Скобелевъ велитъ подать себѣ лошадь, мы бросаемся тоже къ своимъ лошадямъ, чтобы слѣдовать за генераломъ. Въ это время ко мнѣ подъѣзжаетъ братъ мой Сергѣй, въ коротенькой черной курткѣ, на маленькой гнѣдой турецкой лошадкѣ, которую я же ему дня за два передъ тѣмъ подарилъ.

— Сережа,—кричу я ему, — Василій Васильевичъ просилъ тебѣ передать, чтобы ты возвратилъ ему его вещи, повозку, краски, а то ему работать нельзя.

— Не время, братецъ мой, теперь объ этомъ разговаривать!—

коротко возражаетъ онъ, здоровается со мной, затѣмъ бьетъ лошадь плетью подъ брюхо и карьеромъ скрывается на позицію.

Съ тѣхъ поръ я его больше не видалъ.

Имеретинскій остается на томъ же мѣстѣ, мы же всѣ слѣдуемъ за Скобелевымъ. Вскорѣ къ намъ подъѣзжаетъ Куропаткинъ, онъ былъ гдѣ-то на позиціи. Скобелевъ, не убавляя шагу лошади, вступаетъ съ нимъ въ разговоръ.

Памятенъ мнѣ этотъ день; врядъ ли я его когда забуду. Съ полверсты мы ѣдемъ все впередъ по шоссе. Снаряды безпрерывно рвутся надъ нашими головами. Доѣзжаемъ до того продолговатаго лѣсистаго холма, который мнѣ издалека былъ видѣнъ. У подошвы его, въ виноградникахъ замѣтны наши войска, гдѣ рота, гдѣ батальонъ, а гдѣ и цѣлый полкъ. Прикрытыя зеленью, они казались малочисленны, тогда какъ ихъ здѣсь были цѣлыя тысячи. Всѣ они безмолвно ждали команды, чтобы двинуться туда, откуда, Богъ вѣсть, суждено ли имъ вернуться назадъ.

Проѣзжаемъ войска, и не подымаясь на холмикъ, сворачиваемъ влѣво и ѣдемъ вдоль его подошвы.

Самый гребень, покрытый темными вѣтвистыми деревьями и густой зеленью, почти совершенно затянуло пороховымъ дымомъ. Только вѣтерокъ гдѣ на мгновеніе разнесетъ его, какъ новые клубы дыма, еще гуще и непрогляднѣе, снова заволакиваютъ и закрываютъ даль. Здѣсь огонь превращается въ совершенный адъ. Боже, что это были за минуты! Пули свищутъ и стонутъ жалобными голосами. Нѣкоторыя, должно быть, сорвавшись съ нарѣзовъ ружья, мяучатъ—точно кошки.

Поджавши губы, Скобелевъ ѣдетъ на своей сѣрой лошади, пасмурный, и изрѣдка обращается съ вопросами къ Куропаткину. Тотъ, какъ будто желая защитить своего начальника отъ выстрѣловъ, ѣдетъ, вопреки обычая, съ правой стороны; я же ѣду еще правѣе Куропаткина. Вотъ одна пуля ударяется сейчасъ позади меня. Щелчокъ глухой, непріятный.—Вѣрно кого-нибудь хватило!—думаю я. Оглядываюсь—не ошибся: донской казакъ, молодчина съ виду, загорѣлый, съ черными длинными усами, безъ стона и крику медленно валится съ лошади. Слабой, дрожащей рукой онъ уцѣпился за поводъ лошади, другой, ухватившись за пику, силится удержаться въ сѣдлѣ. Но напрасно! Господи, что у него за ужасное лицо было въ эту минуту, оно какъ сейчасъ у меня передъ глазами. Ротъ искривленъ и полураскрытъ, глаза безъ движенія. Смерть явно охватила все его существо. Пуля угодила ему въ правый бокъ.

Въ эти страшныя минуты въ каждомъ изъ насъ до того

развивается чувство самосохраненія, эгоизма, себялюбія, каждый такъ боится сдѣлаться, хотя лишнюю секунду, мишенью для пули, что никто, даже изъ конвоя, изъ товарищей раненаго, не останавливается, чтобы помочь несчастному. Всѣ только значительно переглядываются, торопятъ лошадей и поскорѣй проѣзжаютъ роковое мѣсто.

Послѣ того, какъ убили казака, я машинально задерживаю лошадь и стремлюсь переѣхать лѣвѣе Скобелева, разсчитывая, что при такомъ положеніи, пуля, прежде чѣмъ достичь меня, должна пронзить кого-нибудь другого, и только тогда меня. И не странно ли, только-что я это сдѣлалъ, какъ щелкаетъ другая пуля, и такъ близко ко мнѣ, что невольно начинаю осматриваться кругомъ себя, ужъ не раненъ ли „я"? Въ ту же секунду чувствую въ правой ногѣ какую-то неловкость. Смотрю, на правомъ сапогѣ, около щиколки, кровь. Боли въ это время я не чувствовалъ, но страхъ и воображеніе уже представили мнѣ Богъ знаетъ что: уже и кости у меня раздроблены, и ногу мнѣ отнимутъ, и самъ я умираю, и т. д., и т. д. Вслѣдствіе этого, я начинаю кричать: — Стой, стой кто-нибудь, помогите! — и къ ужасу своему вижу, что никто не останавливается, всѣ ѣдутъ дальше. Наконецъ замѣчаю, Куропаткинъ что-говоритъ Скобелеву. Тотъ оборачивается, мелькомъ взглядываетъ на меня и ѣдетъ дальше. Въ эти минуты я и не замѣтилъ, когда ранили мою лошадь. Спасибо Куропаткину, онъ послалъ мнѣ на помощь урядника, и тотъ уступилъ мнѣ свою лошадь. Несчастный этотъ урядникъ,—только-что я отъѣхалъ, онъ тотчасъ же былъ убитъ.

XX.

Ѣду назадъ, на перевязочный пунктъ. Рана даетъ себя знать, до ноги больно дотронуться. Главное, меня безпокоила неизвѣстность, въ чемъ состояла рана, раздроблены ли кости или нѣтъ? Ногу приходится держать на вѣсу; опереться ею въ стремя нѣтъ возможности. Въ эти минуты я испытывалъ, какъ непріятно уходить назадъ изъ-подъ жестокаго огня. Ежеминутно казалось, что вотъ-вотъ тебя хватятъ въ спину. Уже я, насколько возможно, пригнулся къ лошади.

Съ дороги я сбился, и ѣхалъ просто куда глаза глядятъ, лишь бы, думаю, къ своимъ попасть, а не къ туркамъ. Переѣз-

жаю канавки, ровики, траншеи, и все это полно трупами, голыми, посинѣлыми [1]).

Около одной небольшой рощицы вижу партію нашихъ солдатъ, какого полка — не помню. Они точно шальные бѣжали назадъ въ самомъ безпорядочномъ, ужасномъ видѣ. Офицеровъ при нихъ незамѣтно, безначаліе полное.

Дождикъ не перестаетъ моросить, съ деревьевъ течетъ вода. Черная, жирная земля напиталась и лошадь, ступая между виноградными кустами, спотыкается и вязнетъ. Вотъ она остановилась на краю глубокой узенькой траншеи и не хочетъ перескочить. Я испуганно оглядываюсь, гдѣ конецъ траншеи, беру влѣво: вотъ здѣсь, кажется, можно переѣхать, здѣсь помельче. На днѣ траншеи лежитъ нашъ убитый солдатъ, безъ рубахи, въ однихъ штанахъ. Въ эту минуту пуля жужжитъ мимо моихъ ушей, точно нарочно, чтобы усилить мои страданія. Ногу начинаетъ такъ сильно ломить, что я прихожу къ убѣжденію, что кость раздроблена. Лихорадочная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу. Кое-какъ выбираюсь изъ лѣсу. — Здѣсь встрѣчаю князя Черкасскаго, верхомъ. Въ форменномъ сюртукѣ, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ, князь имѣлъ симпатичный и представительный видъ. Старческое полное лицо его чисто выбрито, сѣдые волосы на вискахъ зачесаны впередъ, густые усы подстрижены. Князь искалъ здѣсь раненыхъ, чтобы проводить ихъ до перевязочнаго пункта, виднѣвшагося не вдалекѣ. Съ какимъ искреннимъ чувствомъ разспрашивалъ онъ меня дорогой, куда я раненъ, какъ идутъ наши дѣла, что Михаилъ Дмитріевичъ, живъ ли, не раненъ ли онъ?

Но вотъ и перевязочный пунктъ на самомъ шоссе. Пули изрѣдка и здѣсь пролетаютъ. Нѣтъ ни палатокъ, ни шатра. Два доктора и нѣсколько сестеръ милосердія подаютъ первоначальную помощь раненымъ. Безъ нея, имъ бы и не добраться было до временного госпиталя, до котораго оставалось еще верстъ пять. Озабоченный видъ докторовъ, съ засученными рукавами, леденитъ меня. Мнѣ помогаютъ слѣзть съ лошади и кладутъ на носилки. Докторъ и сестры милосердія осматриваютъ ногу. Она такъ распухла, что сапогъ приходится распороть. Мнѣ дѣлается дурно. Нога оказалась около щиколки прострѣленною на вылетъ. Тронута-ли кость, докторъ не могъ сказать, такъ какъ онъ сдѣлалъ

[1]) Это были калужцы, которыхъ атака 28-го августа на Зеленыя Горы была отбита турками съ большими потерями для насъ.

одну наружную перевязку, чтобы остановить кровотеченіе. По милости князя Черкасскаго, меня помѣщають въ фургонъ краснаго креста и одного везуть въ дивизіонный госпиталь.

Каждый толчокъ, каждый неловкій поворотъ фургона сильно отдаются въ больной ногѣ. Но какъ ни больно, я все-таки успокоиваюсь: пули здѣсь не свистятъ, гранаты тоже не рвутся, одинъ гулъ, отдаленный, сплошной, грохочетъ гдѣ-то безъ перерыву. Я обгоняю множество раненыхъ. Они медленно тащатся пѣшкомъ, по шоссе и по сторонамъ его. У кого голова перевязана, у кого рука. Вонъ одинъ ковыляетъ, опираясь на ружье, правая нога его обмотана чѣмъ-то и оттопырена впередъ. Солдатъ останавливается, переводитъ духъ, уныло оглядывается, чтобы узнать, далеко ли онъ отошелъ, и дальше ковыляетъ.

Слѣдовало-бы,—думаю,—взять этого съ собой, посадить въ фургонъ. Но въ то же время мелькаетъ мысль, придется подвигаться тревожить ногу, еще повредишь. Дойдетъ и такъ!

Фургонъ спускается въ небольшую долинку и сворачиваетъ съ шоссе влѣво, вдоль ручейка. Здѣсь мѣсто мнѣ хорошо знакомое. Вонъ то дерево, гдѣ вчера дожидался князь Имеретинскій, когда посылалъ меня искать Скобелева. Вонъ наши палатки, вонъ и моя. Ламакина не видно. Дальше идутъ дивизіонныя кухни, а вонъ и лазаретные шатры. — Ой, сколько тамъ раненыхъ копошится, ой-ой!—восклицаю я, приподымаюсь немного на локтяхъ, и стараюсь хорошенько вглядѣться. Бѣлые шатры намокли отъ дождя, посѣрѣли, и какъ бы потонули въ массѣ солдатскихъ фигуръ въ грубыхъ сѣрыхъ шинеляхъ, прикрытыхъ уродливыми кэпками. Фургонъ останавливается; дальше дорога загромождена лазаретными повозками, каруцами. Нѣкоторыя изъ нихъ наполнены ранеными, другіе пустыя, ихъ вѣрно сейчасъ пошлютъ за новыми жертвами. Лица у многихъ раненыхъ выражаютъ такія мученія, что при взглядѣ на нихъ я невольно стихаю и терпѣливѣе переношу свою собственную боль.

Меня вытаскиваютъ изъ фургона и несутъ на носилкахъ прямо въ офицерское отдѣленіе, гдѣ и кладутъ на продолговатый столъ. Докторъ Мирамъ, молодой человѣкъ, блондинъ, очень симпатичный, осматриваетъ мою ногу. За нимъ подходитъ другой докторъ, высокій, сѣдой; по погонамъ видно, что этотъ старшій въ чинѣ. Они оба толкуютъ что-то между собой, послѣ чего Мирамъ беретъ отъ фельдшера какой-то бѣлый мѣшочекъ, кладетъ его мнѣ на лицо и говоритъ: Считайте, разъ, два! Я начинаю считать: „разъ, два, три, четыре“, и забываюсь. Мѣшочекъ былъ съ хлороформомъ.

Ужъ не помню, долго-ли я спалъ, только открываю глаза, я лежу на носилкахъ, въ углу шатра. Мгновенно припоминаю, что со мной случилось. Что нога, цѣла-ли? Шевельнуть ею боюсь. Гляжу, нога обвязана марлей и забинтована. Значитъ, не отрѣзана! Слава Богу!

Кругомъ идетъ жаркая работа. Постоянно то вносятъ, то выносятъ раненыхъ. Шатеръ полонъ перевязанными офицерами. Нѣкоторые, должно быть, легко раненые, молча лежатъ и наблюдаютъ, такъ же какъ и я, что́ дѣлается вокругъ нихъ. Другіе же закрыли глаза и сдержанно стонутъ. Позади меня лежитъ очень длинный пѣхотный поручикъ; закрывшись съ глухa грязнымъ истасканнымъ офицерскимъ пальто, онъ не подаетъ и признаковъ жизни. Я стараюсь не смотрѣть, что́ творится на столѣ, гдѣ ампутируютъ, на это мѣсто пытки. Оттуда доносятся рѣдкіе, отрывистые, какъ бы испуганные возгласы: „охъ! охъ!“ Сердце такъ и обрывается, когда слышишь ихъ.

— Ваше благородіе,—вдругъ раздается надъ моей головой знакомый жалобный голосъ. Оглядываюсь: Ламакинъ. Всѣ эти дни его продолжала трясти лихорадка, а потому лицо его теперь пожелтѣло и осунулось. Какъ-то особенно пріятно было мнѣ увидать эту знакомую фигуру въ синемъ полинялом бешметѣ, съ прорванными локтями, и подпоясанную ремнемъ при кинжалѣ.

— Здорово, Ламакинъ,—говорю я.—Ламакинъ не отвѣчаетъ, а продолжаетъ какъ-то странно ныть:—Ваше благородіе, ваше благородіе! — Затѣмъ, послѣ нѣкоторой запинки, сообщаетъ. — Вашего братца черкесы зарѣзали.

— Какъ зарѣзали?—кричу я, и подскакиваю съ постели.

— Такъ точно,—продолжаетъ онъ.—Осетины видѣли, вотъ и кинжальчикъ, и бинокль ихній принесли. И при этомъ Ламакинъ кладетъ вещи ко мнѣ на носилки.

Ѣдкая грусть охватываетъ меня. Слезы начинаютъ душить. Сергѣй представляется мнѣ, какъ его мучатъ, рѣжутъ... онъ молитъ о помощи, а помощи нѣтъ... брошенъ одинъ среди непріятеля!

Съ четверть часа я такъ горюю, послѣ чего велю нести себя къ себѣ въ палатку. Два пѣхотныхъ солдатика берутся за носилки и несутъ. Дождикъ пересталъ. Ламакинъ идетъ рядомъ и изрѣдка поправляетъ у меня подушку подъ головой. Замѣтивъ, что я какъ будто немного успокоился, онъ начинаетъ опять жалобно ныть:

— Ваше благородіе, коня-то моего убили!

— Ну что же дѣлать,—говорю,—другого купимъ!

— Гдѣ же вы, ваше благородіе, сѣдло дѣли? Коня я нашелъ, а сѣдла нѣтъ! И бурки нѣтъ!

— На лошади осталось, и сѣдло, и бурка,—съ досадой отвѣчаю ему.

Показывается нашъ лагерь. Солдаты проносятъ меня въ средину моей палатки и ставятъ носилки на землю. Я даю имъ рублевую бумажку и они, очень довольные, въ припрыжку возвращаются назадъ. Въ палаткѣ лежатъ два офицера, первый—Гайтовъ, второй подальше въ самомъ углу, хорунжій кубанскаго полка; по фигурѣ узнаю, что это Б.

— Ну что, какъ твое здоровье? Говорятъ, въ ногу раненъ. Тяжело?—съ участіемъ спрашиваетъ Гайтовъ и подходитъ ко мнѣ.

— Правда ли, что брата убили? — въ свою очередь обращаюсь я къ нему съ такимъ раздражительнымъ тономъ, что Гайтовъ скорѣй спѣшитъ меня успокоить, и говоритъ.

— Нѣтъ, не убитъ, раненъ только. Въ это время, смотрю, Б—ъ приподымается немного съ постели, поправляетъ на головѣ папаху, обтираетъ рукой распустившіяся на губахъ слюни, и, за одно, свое красное, даже немного посинѣвшее отъ пьянства лицо, и не взглядывая на меня, кричитъ Гайтову по-хохлацки, визгливымъ недовольнымъ тономъ:—чого тамъ брешешь, хиба-жъ винъ не узнае, колы-жъ его брата черкасы зарізали, — и, закутавшись въ бурку, снова заваливается спать.

Послѣ этихъ словъ нечего ужъ было Гайтову увѣрять и успокоивать меня.

— Ради Бога съѣзди, узнай, гдѣ братъ, вытащили-ли хоть тѣло его?—умоляю я.

Гайтовъ выходитъ изъ палатки и садится на лошадь. Точно пистолетный выстрѣлъ раздается хлопанье его плети; мнѣ видно, какъ усталая лошадь его съ трудомъ пускается рысью; грязь чавкаетъ подъ ногами и брызжетъ, нѣсколько комковъ попадаютъ въ мою палатку. Черезъ минуту фигура Гайтова въ широкой черной буркѣ и черной же папахѣ скрывается изъ моихъ глазъ.

Отъ волненія или отъ того, что я неспокойно лежалъ, у меня снова открылось кровотеченіе изъ раны. Велю Ламакину позвать солдатъ и нести себя обратно въ госпиталь.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Около лазаретныхъ шатровъ стонъ стоитъ; доктора и сестры милосердія выбились изъ силъ; тысячи раненыхъ остаются еще не перевязанными подъ открытымъ небомъ, прямо на землѣ посреди грязи и слякоти, а еще новыя тысячи стекаются сюда. Мнѣ приходится ночевать тоже подъ

открытымъ небомъ, среди раненыхъ. Шатры всѣ переполнены ампутированными.

Изъ моихъ сосѣдей въ особенности мнѣ запомнилась фигура одного солдата. Онъ лежалъ въ трехъ шагахъ отъ меня, на спинѣ, безъ мундира и крутился какъ жукъ, повернутый на спину. Широкое кровавое пятно на рубахѣ посреди спины указывало, куда несчастный раненъ. Всю ночь его не перевязывали, а утромъ, когда я проснулся, онъ уже былъ мертвъ. И не онъ одинъ, а многіе—многіе изъ моихъ сосѣдей къ утру уже умерли. Санитары поочередно брали ихъ за ноги и подъ плечи и уносили куда-то въ сторону, за палатки.

На утро солнце выкатилось и обѣщало хорошій день. Грустную картину освѣтило оно. Длинная вереница каруцъ, запряженныхъ волами, стояла вдоль дороги передъ лазаретными палатками. Каруцы наполнялись ранеными, для отправленія въ тылъ. Въ то время, какъ меня укладывали на фургонъ, запомнилась мнѣ еще одна фигура раненаго. Черноватый солдатъ лежалъ на землѣ на раскинутой шинели и такъ страшно кричалъ, что далеко заглушалъ всѣ остальные стоны. Кричалъ, не переставая, и все съ той же силой; на мгновеніе останавливался, приподымался на локтяхъ, дико озирался, и снова принимался кричать. Помню, я обращаюсь къ проходящему доктору и говорю ему:

— Нельзя ли, господинъ докторъ, помочь этому несчастному? Что ужъ онъ такъ оретъ?

— Ничего-съ нельзя сдѣлать,—отвѣчаетъ тотъ, на минутку останавливаясь около меня.—Ему вотъ здѣсь сдѣлали ампутацію,—и указываетъ рукой на своей ногѣ на колѣно:—окончательно еще не перевязали, а положили металлическую повязку, она-то ему и причиняетъ боль, если-же снять ее, больной немедленно истечетъ кровью,—и докторъ, слегка поклонившись, поспѣшно уходитъ.

Я ѣду въ Парапанъ, чтобы повидать брата Василія.

XXI.

Братъ Василій посовѣтовалъ мнѣ ѣхать лечиться въ Бухарестъ въ Бранкованскій госпиталь, гдѣ онъ самъ только-что оправился отъ своей раны. Случайно удалось мнѣ нанять крытую полуколясочку, и я очень спокойно отправился въ путь-дорогу.

За Порадимомъ, верстахъ въ пяти, я встрѣтилъ Государя Им-

ператора, въ коляскѣ четверкой. Государь спѣшилъ къ Плевнинскимъ высотамъ, чтобы увидать результатъ вчерашняго боя. За нимъ въ другой коляскѣ слѣдовалъ лейбъ-медикъ Боткинъ.

Мнѣ пришлось обгонять безконечныя вереницы каруцъ съ нашими ранеными. Каруцы, запряженныя волами, убійственно медленно тащились по пыльной дорогѣ, далеко наполняя воздухъ скрипомъ немазанныхъ колесъ. Раненые, перекинувъ голову черезъ края телѣгъ, съ удивительнымъ терпѣніемъ переносили, пока жара и пыль дѣлали свое дѣло и обхватывали гангреной ихъ необмытыя раны.

Ночевать я пріѣхалъ въ Зимницу, а на другой день къ вечеру добрался до желѣзно-дорожной станціи Фратешти. Это знаменитое складочное мѣсто нашихъ больныхъ и раненыхъ воиновъ, такъ какъ они стекались сюда со всего театра войны. Выѣхавъ изъ Фратештъ, черезъ нѣсколько часовъ я былъ въ Бухарестѣ, въ Бранкованскомъ госпиталѣ, который весь былъ отданъ для больныхъ и раненыхъ русскихъ офицеровъ; ихъ лежало здѣсь около 70 человѣкъ.

Надо отдать полную справедливость докторамъ Бранкованскаго госпиталя, гдѣ помѣщались одни наши офицеры: они ухаживали за больными и ранеными, сколько могли. Чистота здѣсь наблюдалась замѣчательная. Полы блестѣли, какъ зеркало, и за ними смотритель госпиталя наблюдалъ гораздо больше, чѣмъ за пищею, которая, случалось, бывала слабовата.

Потянулась госпитальная жизнь, съ ея докторами, пульверизаторами, карболкой, бинтами, гипсовыми повязками. Мучительнѣе всего былъ дренажъ, который вставляли мнѣ въ рану. Это коротенькая гуттаперчевая трубочка, служившая для стоку гноя. Дренажъ рѣшительно не давалъ мнѣ шевельнуть ногой, и когда нечаянно одѣяло касалось его, то хоть кричи. Отъ неподвижнаго лежанія у меня вскорѣ стали образовываться пролежни.

Въ двѣнадцать часовъ намъ приносили завтракъ, въ 4 обѣдъ, въ 9 часовъ вечерній чай. Знакомымъ и родственникамъ дозволялось посѣщать больныхъ цѣлый день, съ утра и до вечера.

Кажется, черезъ мѣсяцъ послѣ моего прибытія въ Бухарестъ, посѣтилъ Бранкованскій госпиталь одинъ знаменитый хирургъ. Случилось это такъ: около полудня двери въ нашу палатку отворяются настежъ, и быстрой походкой входитъ сѣденькій худенькій старичокъ, въ старомодномъ длиннополомъ сюртучкѣ, на шеѣ повязанъ бѣлый шарфикъ. Это былъ Пироговъ. Непосред-

ственно за нимъ шелъ начальникъ госпиталя, румынскій полковникъ Бибеско. Далѣе слѣдовала цѣлая вереница профессоровъ и ординаторовъ. Самымъ послѣднимъ шелъ смотритель, который изрѣдка и осторожно тыкалъ рукой своему помощнику на то, чтò ему казалось неисправнымъ. Все госпитальное начальство съ великимъ почтеніемъ слѣдовало за Пироговымъ. Пироговъ останавливался около каждаго раненаго, и чѣмъ рана была тяжелѣе и опаснѣе, тѣмъ онъ больше стоялъ и внимательнѣе выслушивалъ ординатора, объяснявшаго ему, по-французски, ходъ болѣзни. Каждое слово, каждое замѣчаніе, каждый кивокъ головы нашего хирурга принимались докторами въ соображеніе и не оставались незамѣченными. Пироговъ, очевидно, былъ и въ Румыніи великимъ патріархомъ хирургіи. Я съ нетерпѣньемъ ждалъ, когда онъ подойдетъ къ моей кровати.

— Ну, у васъ что?—слышу его голосъ. Я морщусь, стараюсь казаться насколько возможно болѣе тяжело раненымъ, и открываю съ ноги одѣяло. Профессоръ Патцель, лечившій меня, быстро развязываетъ повязку, объясняетъ Пирогову что-то по-латыни и показываетъ рану.

— Счастливъ,—говоритъ тотъ, мелькомъ взглядываетъ мнѣ въ лицо, дѣлаетъ знакъ рукой, чтобы снова надѣли повязку, и проходитъ дальше. Вся масса докторовъ спѣшитъ за знаменитостью, осмотрѣнные-же сами обвязываютъ свои раны. Я тоже принимаюсь бинтовать ногу длиннымъ фланелевымъ бинтомъ, очень недовольный на Пирогова, за то, что онъ такъ мало обратилъ вниманія на мою рану. Хотя въ сущности-то мнѣ слѣдовало только радоваться, такъ какъ это доказывало, что опасность миновала.

Кромѣ Пирогова, посѣтили насъ сербская княгиня Наталія, молодая женщина, очень красивая, и генералъ-адъютантъ князь Барятинскій. Этотъ послѣдній спрашивалъ каждаго раненаго, не имѣетъ-ли тотъ передать какой-либо просьбы къ Его Величеству.

Рядомъ съ палатой для раненыхъ, гдѣ я лежалъ, помѣщалась палата для больныхъ. Тамъ, между прочими офицерами, лежалъ нашъ старый владикавказскій есаулъ, завѣдующій обозомъ Онъ страдалъ ревматизмомъ въ ногахъ.

Помню, лежу я какъ-то на своей постели, вдругъ входитъ къ намъ въ палату, слабой, медленной походкой, старый есаулъ, въ длинномъ темносинемъ больничномъ халатѣ, въ туфляхъ, съ номеромъ „Инвалида“ въ рукѣ и весело кричитъ мнѣ:

— Ну, посылай за шампанскимъ!—Что, думаю, такое? Еса-

улъ подсаживается возлѣ меня на табуретку, не торопясь надѣваетъ очки, и, будучи дальнозоркимъ, относитъ отъ себя газету, отыскиваетъ пальцемъ замѣченное мѣсто и торжественно читаетъ: —Владикавказскаго казачьяго полка Терскаго войска сотнику Верещагину, за дѣло съ турками отъ 1-го по 11-е іюля золотую шашку съ надписью „за храбрость".

— Ура!,—кричу я отъ радости и подпрыгиваю на постели, совершенно позабывъ о больной ногѣ, затѣмъ беру отъ старика газету и разъ десять перечитываю приказъ о себѣ, какъ-бы желая убѣдиться, что тутъ нѣтъ ошибки.

— Золотую шашку! золотую шашку! — повторяю я, не вѣря своимъ глазамъ. Никогда ни одинъ изъ моихъ товарищей сослуживцевъ не былъ мнѣ такъ милъ и дорогъ, какъ этотъ старый есаулъ въ эту минуту. И стриженая сѣдая голова его, и худощавыя руки, и все его старческое туловище были для меня милы и я готовъ былъ обнять и расцѣловать его.

— Золотая шашка, вѣдь это, братъ, штука! — съ значительнымъ видомъ и растягивая слова, повторяетъ есаулъ.— Ну нечего жаться-то, посылай-ка за бутылочкой,—добавляетъ онъ, кивая головой. Нечего дѣлать, посылаю.

„Гдѣ бы, думаю, достать Георгіевскій темлякъ! Въ магазинахъ здѣсь, пожалуй, не найдется!" Отправляю служителя искать, и къ великому удовольствію тотъ приноситъ мнѣ темлякъ. Я немедленно же нацѣпляю его на шашку, вѣшаю ее надъ головой и не могу достаточно налюбоваться на темлякъ. Одновременно съ этимъ въ головѣ моей начинаютъ бродить хвастливыя мысли о томъ: у кого-де изъ моихъ товарищей въ полку есть подобная-же награда? Спрашиваю есаула; тотъ сообщаетъ, что пока, кромѣ командира полка Левиса, ни у кого нѣтъ, но что представлены многіе. Долго въ ту ночь мнѣ снился георгіевскій темлякъ и на шашкѣ, и на кинжалѣ, и черезъ плечо; къ утру я, счастливый, уснулъ уже весь обмотанный георгіевскими темляками.

Но этимъ однимъ мое благополучіе не кончилось. Не помню, сколько времени спустя, ко мнѣ опять приходитъ тотъ же худощавый старый есаулъ, въ туфляхъ и въ томъ же темносинемъ халатѣ, и съ тѣмъ же горделивымъ тономъ кричитъ, помахивая номеромъ „Инвалида":

— Поздравляю, въ есаулы произведенъ! Я не вѣрю ему, выхватываю газету изъ рукъ и читаю: „Сотникъ Верещагинъ, за взятіе города Ловчи 22 августа, производится изъ сотниковъ въ есаулы". Радости моей не было конца.

Между тѣмъ, нога моя поправилась настолько, что я могъ ходить, опираясь на палку.

29-го ноября въ госпиталѣ стало извѣстно, что Плевна пала. Кровь моя невольно закипѣла. „Впередъ, впередъ!—думаю—надо ѣхать за Дунай! Пойдемъ за Балканы, къ Адріанополю, къ Константинополю!.“ Немедленно-же выписываюсь изъ госпиталя, и хотя доктора совѣтовали мнѣ остаться еще нѣсколько дней, я не слушаюсь ихъ и ѣду обратно въ армію, искать отрядъ генерала Скобелева.

До Фратешти я добрался спокойно, по желѣзной дорогѣ, но дальше, къ Зимницѣ, не вдругъ перескочишь! Выхожу изъ вокзала и, опираясь на палочку, направляюсь къ маленькому ресторану, находящемуся по близости. Небольшая комнатка сплошь набита офицерами всевозможныхъ родовъ оружія. Табакомъ накурено такъ, что и не продохнешь. Въ костюмахъ полная свобода и разнообразіе. Офицерскіе погоны виднѣются и на полушубкахъ, и на кожаныхъ пальто, и на бурочныхъ, и изъ солдатскаго сукна. Кто куритъ, кто въ карты играетъ. Два пѣхотныхъ офицера, должно быть, только-что откуда-то пріѣхавшіе, крѣпко спятъ, растянувшись на полу, чуть не посреди комнаты, на разостланныхъ пальто. Въ головахъ у нихъ положены свернутыя байковыя одѣяла. Длинные сапоги сильно выпачканы грязью.

Отправляюсь искать подводу, чтобы добраться до Зимницы. Не вдалекѣ отъ ресторана стоитъ много различныхъ повозокъ. Есть и въ одну лошадь, и парой въ дышло, есть и прекрасныя коляски четверкой съ бубенчиками; въ гривы лошадей вплетены красныя ленточки. Красиво, хорошо, но цѣны, невозможныя! За 60 верстъ до Зимницы на парѣ клячъ, въ дрянной телегѣ, просятъ 4 полуимперіала съ человѣка; везетъ же извощикъ не одного пассажира, а, по крайней мѣрѣ, троихъ. Въ коляскѣ же, съ одного, просятъ 15 полуимперіаловъ; а если везти троихъ или четверыхъ, то по 7 полуимперіаловъ съ человѣка — и того, значитъ, за одинъ конецъ выручается отъ 15 до 30 полуимперіаловъ, что составитъ на наши деньги отъ 150—250 руб. —просто баснословно!

Я нашелъ двоихъ попутчиковъ, двухъ кіевскихъ гусаръ офицеровъ. Съ большимъ трудомъ удалось намъ нанять плохую повозочку, парой, за 10 полуимперіаловъ. Мы выѣхали въ тотъ же день. Боже, что за дорога! Грязь по ступицу. Обгоняемъ тысячи различныхъ повозокъ, со всевозможными грузами, — артиллерійскими, интендантскими, войсковыми и т. п. Свѣжій вѣтеръ гулялъ кругомъ и насквозь пронизывалъ наши сѣрыя холодныя

пальто, подбитыя одной ластиковой подкладкой. Спасибо буркѣ, она уже не разъ выручала меня, и здѣсь она пригодилась! Къ вечеру мы прибыли въ Зимницу, переночевали и на другой день утромъ перебрались въ Систово. Здѣсь мои попутчики гусары покидаютъ меня, я остаюсь одинъ и случайно узнаю, что черезъ нѣсколько часовъ долженъ выступить къ Плевнѣ порожній транспортъ Краснаго Креста за больными и ранеными. Начальникомъ транспорта господинъ О.... кажется, баронъ, а можетъ быть, и князь. Отправляюсь къ нему. О.... еще молодой человѣкъ, блондинъ, высокаго роста, большой говорунъ. Одѣтъ въ полушубокъ при погонахъ жгутиками. Онъ очень охотно соглашается довезти меня до Порадима, гдѣ въ то время находилась главная квартира.

Около полудня мы выѣхали изъ Систова. Транспортъ состоялъ изъ полусотни фургоновъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ было по нѣскольку пудовъ клади, состоявшей изъ чая, сахара, разныхъ печеній, ящиковъ съ винами, консервами и т. п. При транспортѣ ѣхали, кромѣ О...., докторъ, фельдшеръ и четыре сестры милосердія, изъ которыхъ двѣ были очень хорошенькихъ; кучера и конюхи были по большей части пьяные румыны и валахи. Лошадей гнали они и мучили не на животъ, а на смерть; на станціяхъ не кормили, овесъ пропивали. О..., какъ большой баринъ, очень мало слѣдилъ за всѣмъ этимъ и даже и не входилъ ни въ какія хозяйственныя подробности.

Помню, пріѣзжаемъ мы ночевать въ маленькую деревушку. О...., докторъ, сестры милосердія, я и, кажется, еще два офицера, всѣ располагаемся въ просторной хаткѣ на отдыхъ. Пьемъ чай.

— Ѳедоръ!—кричитъ О.... своего лакея. Слуга входитъ. Это презентабельный молодой человѣкъ, съ черными бакенбардами, съ бритымъ подбородкомъ, одѣтъ франтомъ, въ сѣренькомъ очень ловкомъ сюртучкѣ, должно быть, съ баронскаго плеча, при часахъ на никелевой цѣпочкѣ; суконныя брюки заправлены въ длинные смазные сапоги.

— Сахару!—и О.... подаетъ жестянку.

— Сахару больше нѣтъ, ваше сіятельство,—предупредительно отвѣчаетъ тотъ,—прикажете откупорить новый ящикъ?

— Конечно, — восклицаетъ О...., дѣлая на лицѣ нетерпѣливую гримасу.—Слуга направляется къ фургонамъ, достаетъ ящикъ, и черезъ нѣсколько минутъ возвращается съ полной жестянкой сахару, того самаго сахару, который, Богъ знаетъ изъ какихъ дальнихъ мѣстъ, ѣхалъ для раненыхъ и больныхъ солдатъ. Чай приправляется коньякомъ, ромомъ и другими ароматными напит-

ками. Недостатку нѣтъ ни въ чемъ. На другой день, на первомъ же привалѣ происходитъ та-же самая сцена.

— Ваше сіятельство, сахаръ весь вышелъ, прикажете откупорить новый ящикъ?—слышится вѣжливый голосъ Өедора.

— Конечно,—слѣдуетъ отвѣтъ. А въ ящикѣ пудъ сахару. Куда дѣвалъ Өедоръ этотъ сахаръ, и много ли ящиковъ достигло своего назначенія, одинъ Богъ вѣдаетъ.

Дорога продолжаетъ идти все такая же грязная и вязкая. Отъ множества повозокъ, колеи и выбоины сдѣлались ужасныя, лошади положительно выбивались изъ силъ.

День былъ сѣренькій, время клонилось къ вечеру, когда мы въѣхали въ Порадимъ. Миновавъ нѣсколько узенькихъ переулочковъ, добираемся до середины селенія. Здѣсь на площадкѣ раскинулась главная квартира. Боже мой, гдѣ она расположена! Просторная войлочная палатка великаго князя находится точно на острову среди моря черной полузамерзшей грязи. Только узенькая полоска желтаго песку соединяетъ ее съ большимъ обѣденнымъ шатромъ и съ войлочной теплой палаткой начальника штаба. Желѣзныя печныя трубы, торчащія изъ этихъ палатокъ, показываютъ, что палатки отапливаются. По близости стоитъ еще нѣсколько войлочныхъ теплыхъ палатокъ—помощника начальника штаба и другихъ приближенныхъ лицъ. Кругомъ замѣтно сильное оживленіе: то тутъ, то тамъ мелькаютъ фигуры офицеровъ, солдатъ, казаковъ. По близости виднѣются болгарскія хатки, крытыя соломой и какъ бы на половину ушедшія въ землю. На дворахъ стоятъ лошади подъ попонами и безъ попонъ.

Вотъ изъ одной мазанки показывается средняго роста полная рыжеватая фигура адъютанта полковника, съ подстриженой круглой рыжеватой бородкой, въ фуражкѣ съ краснымъ околышемъ и бѣлымъ кантомъ. Спустившись съ низенькаго крылечка, полковникъ находится первую минуту какъ бы въ раздумьѣ, затѣмъ быстро наклоняется, поправляетъ длинныя голенища смазныхъ сапогъ со шпорами, подхватываетъ лѣвой рукой болтающіяся на мундирѣ аксельбанты, и широкими прыжками устремляется по жидкой грязи къ великокняжеской палаткѣ, стараясь попасть на тесинки, изрѣдка набросанныя по дорогѣ. Правую руку, вмѣстѣ съ какой-то книгой, онъ поднялъ надъ головой и балансируетъ ею. Полковникъ прыгаетъ очень ловко, брызги не попали ему на платье, затѣмъ онъ скрывается въ палаткѣ главнокомандующаго.

Проѣхавъ площадку, я приказываю конюху остановиться почти на выѣздѣ изъ селенія у одного ресторана, устроеннаго подъ парусиннымъ навѣсомъ, и выхожу здѣсь. Ресторанъ полонъ офи-

церами. Встрѣчаю нѣсколькихъ знакомыхъ. Отъ одного изъ нихъ узнаю, что молодой Скобелевъ съ 16-й пѣхотной дивизіей находится въ самой Плевнѣ, верстахъ въ двадцати отъ Порадима. На другой день утромъ ѣду къ Скобелеву.

Какъ измѣнилась дорога къ Плевнѣ! Зелени, конечно, и слѣда нѣтъ. Кругомъ почти вездѣ снѣгъ. Приближаюсь къ тѣмъ холмамъ, на которые я столько разъ ѣздилъ и 18-го іюля, и 30-го августа. Сколько здѣсь убито, ранено и искалѣчено народу! Длинными линіями тянутся наши траншеи, какъ громадные удавы, сжимавшіе храбрыхъ защитниковъ Плевны. Подымаюсь на послѣдній пригорокъ передъ Плевной. Вправо отъ шоссе возвышается огромный турецкій редутъ: какое сильное укрѣпленіе, какой широкій глубокій ровъ, сколько валяется около него не разорвавшихся снарядовъ и какихъ большихъ! Около самыхъ ногъ моей лошади торчитъ изъ земли побѣлѣвшая рука, точно алебастровая, отъ какого-то трупа, слегка присыпаннаго землей.

Редутъ начинаетъ терять свою первоначальную грозную форму: валъ и углы пообвалились, ровъ наполнился разной дрянью.

Ѣду дальше, Плевна виднѣется. Теперь она уже совсѣмъ не такъ красива, какъ казалась мнѣ 18-го іюля. Маленькая, грязная, постройки низенькія, развалившіяся. Влѣво отъ Плевны, внизу на снѣжной равнинѣ, чернѣетъ мостъ черезъ рѣку Видъ.

Въѣзжаю въ городъ. Уже поздно, въ темнотѣ никого не видно. Длинные развалившіеся заборы понемногу смѣняются домиками. Кое-гдѣ по сторонамъ начинаютъ мелькать огни. Вотъ, кто-то идетъ на-встрѣчу—это болгаринъ.

— Гдѣ генералъ остановился,—спрашиваю его?.. Болгаринъ машетъ рукой вдоль улицы и говоритъ:—Тамо, капитане!—Ѣду дальше. Откуда-то доносятся русскіе голоса и брань. Раздаются взрывы отъ воспламенившихся разбросанныхъ по землѣ патроновъ; по окраинамъ города въ разныхъ направленіяхъ вспыхиваютъ огни, какъ бы отъ пожаровъ.

Встрѣчаю солдатика, спрашиваю его, гдѣ генералъ Скобелевъ остановился?

— Пожалуйте, ваше благородіе,—отвѣчаетъ тотъ, поворачивается и ведетъ меня довольно широкой извилистой улицей. Проѣзжаю мимо базара. Кругомъ горятъ костры. Солдаты кучками толпятся около нихъ, грѣются, толкаются другъ съ другомъ, разговариваютъ, хохочутъ. Тутъ же шмыгаютъ и суетятся услужливые болгары. Чѣмъ дальше подаюсь къ центру города, тѣмъ воздухъ становится удушливѣе и заразительнѣе. Запахъ разлагающихся труповъ такъ и обдаетъ меня всего. Наконецъ, въѣзжаю

въ узенькій переулочекъ. Мой проводникъ останавливается около однихъ воротъ и говоритъ: „Вотъ здѣсь, ваше благородіе, генералъ Скобелевъ стоятъ!“

Прямо противъ воротъ видѣнъ красивый бѣлый домикъ. Подъѣздъ освѣщенъ двумя фонарями. Въ окнахъ мелькаютъ огни. Направо отъ воротъ тянется низенькій, тоже бѣлый, флигель, и въ немъ горятъ огни. Отдаю лошадь встрѣчному казаку и иду направо во флигель. Въ растворенныя двери слышны шумъ и громкіе разговоры. Оказывается, я попалъ какъ разъ къ обѣду.

Обѣдаютъ въ двухъ просторныхъ комнатахъ. Заглядываю въ дверку и смотрю. Въ первой—ближайшей комнатѣ, за длиннымъ столомъ, накрытымъ бѣлой скатертью, сидятъ тѣ изъ офицеровъ, кто помельче чиномъ: субалтерны, поручики, штабсъ-капитаны, капитаны—до маіоровъ включительно. Во второй — обѣдаетъ начальство. За первымъ мѣстомъ, въ концѣ стола, возсѣдаетъ старикъ Скобелевъ въ своей синей гвардейской черкескѣ. Красный бешметъ, обшитый серебряными галунами, красиво выглядываетъ изъ-подъ его окладистой рыжей бороды. Дмитрій Ивановичъ нисколько не измѣнился за послѣднее время, и все такой же сумрачный. По правую руку отъ него сидитъ его сынъ Михаилъ Дмитріевичъ, по лѣвую—командиръ бригады, генералъ NN. Далѣе командиры полковъ и баттарей. Не подалеку отъ генераловъ сидитъ мой братъ Василій въ черномъ драповомъ пиджакѣ, съ Георгіемъ въ петлицѣ, а рядомъ съ нимъ Куропаткинъ, тоже съ Георгіемъ въ петлицѣ.

Обѣдъ въ полномъ разгарѣ. Михаилъ Дмитріевичъ, повидимому, очень веселъ. Его задушевный голосъ и смѣхъ покрываютъ всѣ остальные голоса. Завѣсившись, по обыкновенію, салфеткой подъ бакенбардами, онъ наклонился, ѣстъ что-то, затѣмъ откидывается назадъ и хохочетъ. Мнѣ очень пріятно видѣть его такимъ веселымъ и здоровымъ. Пока такъ разглядываю, слышу позади себя знакомый голосъ: „Здравія желаю, ваше благородіе“. Оглядываюсь, деньщикъ генерала, Круковскій, протискиваясь мимо меня съ блюдомъ жареной говядины, радостно здоровается со мной.

— Здорово, Круковскій,—говорю ему,—генералъ, кажется, тамъ въ залѣ?

— Такъ точно, пожалуйте, жаркое уже кончили,—отвѣчаетъ онъ и проходитъ съ блюдомъ въ первую комнату. Я, опираясь на палку, вхожу въ залъ, гдѣ сидѣли генералы.

— А-а-а-а, Верещагинъ, здравствуйте, батенька,—картавитъ Михаилъ Димитріевичъ.—Очень радъ васъ видѣть,—весело кричитъ

онъ, увидѣвъ меня, беретъ за руку и дружески здоровается.—Ну, что ваше здоровье, батенька? Какъ нога,—спрашиваетъ онъ, и съ головы до ногъ оглядываетъ мою фигуру. Я жму генералу руку, затѣмъ здороваюсь съ его отцомъ. Тотъ въ полъ-оборота смотритъ на меня, мычитъ что-то въ видѣ привѣтствія и подаетъ два пальца. Затѣмъ я иду здороваться съ братомъ, съ Куропаткинымъ и съ другими знакомыми лицами.

Михаилъ Димитріевичъ усаживаетъ меня подлѣ себя на уголъ стола, велитъ подавать мнѣ снова весь обѣдъ, наливаетъ шампанскаго, котораго бутылки стояли по всему столу, ласкаетъ и угощаетъ меня. Онъ видимо радъ моему возвращенію.

— А помнишь, Алексѣй Николаичъ, какъ онъ запищалъ у насъ, когда его ранили?—разсказываетъ Михаилъ Димитріевичъ, обращаясь къ Куропаткину и кивая на меня головой. Во время разговора, генералъ мнетъ своими худощавыми, тонкими блѣдными пальцами мякишъ хлѣба, скатываетъ его въ шарикъ, опять сжимаетъ и вообще не можетъ держать своихъ рукъ въ покоѣ.

Скобелевъ въ духѣ.

— Представьте, какъ вы запищали, ну, представьте,—пристаетъ онъ, и, шутя, легонько дергаетъ меня за рукавъ черкески.

Скобелевъ хохочетъ, затѣмъ представляетъ, какъ я визжалъ, когда меня ранили, и подъ веселымъ настроеніемъ киваетъ головой отцу, что пора вставать изъ-за стола. Старикъ, со вздохомъ, тяжело подымается. За нимъ и всѣ.

Оба Скобелевы направляются въ свои апартаменты, которые помѣщались черезъ дворъ въ первомъ домѣ. За ними идемъ я и братъ. Приходимъ въ просторную теплую комнатку. Старикъ Скобелевъ немедленно же разстегиваетъ черкеску, усаживается съ ногами на широкій диванъ, покрытый персидскимъ коврикомъ, подбираетъ подъ себя ноги и принимаетъ свою любимую послѣобѣденную спокойную позу; Димитрій Ивановичъ, какъ я потомъ узналъ, былъ присланъ въ Плевну главнокомандующимъ, чтобы собрать точныя свѣденія, сколько въ Плевнѣ оказалось турецкихъ пушекъ, ружей и т. п.

Я всегда любовался, глядя на старика Скобелева. Его богатая синяя черкеска, украшенная серебромъ, красный бешметъ, широчайшія шаровары съ серебрянымъ лампасомъ, огненная борода, все это такъ шло къ его характерной пышной, хотя и мрачной фигурѣ. Нельзя сказать, чтобы Димитрій Ивановичъ былъ всегда угрюмъ; напротивъ, онъ очень часто смѣшилъ слушателей своими разсказами, но вообще его фигура имѣла въ себѣ что-то суровое, холодное.

Михаилъ Димитріевичъ составлялъ совершенную противоположность съ отцомъ. Онъ не улегся на диванъ послѣ сытнаго обѣда, не задремалъ подъ тяжестью въ желудкѣ. Онъ только скинулъ мундиръ, надѣлъ коротенькую кожанную курточку на красной фланелевой подкладкѣ, и выправивъ изъ-за галстуха „Георгія", быстро сталъ шагать по комнатѣ взадъ и впередъ, засунувъ руки въ карманы.

— Ну, что же вы, батенька, пойдете съ нами впередъ? — говоритъ Михаилъ Димитріевичъ, обращаясь ко мнѣ.

— Не знаю, ваше превосходительство, какъ моя нога позволитъ. Мнѣ еще очень трудно ѣздить верхомъ,—говорю я, запинаясь дать рѣшительный отвѣтъ. Братъ Василій, желая вывести меня изъ затрудненія, отвѣчаетъ:—У него еще рана не зажила, ему трудно будетъ слѣдовать за нами.

— Такъ пускай ѣдетъ въ моей коляскѣ. Эхъ, батенька, да развѣ вамъ придется когда во второй разъ переходить съ войсками Балканы? Я на вашемъ мѣстѣ хоть ползкомъ, да поползъ бы.— И генералъ, сдѣлавъ рукой рѣшительный жестъ, воодушевляется и еще энергичнѣе принимается мѣрять шагами комнату. Кончаетъ же онъ тѣмъ, что подходитъ къ дремавшему отцу и начинаетъ шалить съ нимъ, тормошить и дергать. Старикъ отмахивается отъ сына сколько есть силы, пихается ногами и гнусливо кричитъ:

— Миша, отста-а-ань, Миииша, не шали!

Черезъ полчаса я ухожу къ штабнымъ офицерамъ, которые помѣщались поблизости.

Въ этотъ же вечеръ я получилъ отъ генерала на память его фотографическую карточку съ надписью: „А. В. Верещагину отъ уважающаго его боевого товарища Скобелева. Городъ Плевна".

Штабъ Скобелева расположился въ сосѣднемъ домѣ довольно удобно, но вонь отъ труповъ была тутъ страшная. Разсказывалъ мнѣ потомъ Куропаткинъ, что въ первый же вечеръ по прибытіи сюда, велѣлъ онъ растопить въ своей комнатѣ мангалъ (жаровня съ угольями), чтобы согрѣться, и усѣлся читать бумаги, — нѣтъ возможности! смрадъ откуда-то трупами несетъ такой, что изъ силъ выбиваетъ. Онъ посылаетъ людей искать, гдѣ причина, не могутъ найти. Наконецъ находятъ рядомъ въ домѣ, въ подвалѣ, 12 турецкихъ труповъ, на половину разложившихся. И такъ было почти въ каждомъ домѣ, подвалѣ, мечети.

Такъ черезъ денекъ мнѣ понадобилось зачѣмъ-то съѣздить въ главную квартиру. Прихожу къ Михаилу Димитріевичу, и докладываю ему объ этомъ. Старикъ Скобелевъ, находившійся въ эту

минуту тутъ же, слышитъ нашъ разговоръ и гнусливо говоритъ мнѣ:

— Хотите, поѣдемте вмѣстѣ со мной въ коляскѣ, я ѣду къ его высочеству и могу васъ довезти, чѣмъ тащиться верхомъ съ больной ногой!

Я очень обрадовался этому предложенію, и черезъ часъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, рядомъ со старымъ генераломъ. Кучеръ Мишка, какъ его звалъ Димитрій Ивановичъ, отставной солдатъ и георгіевскій кавалеръ, правилъ четверкой вороныхъ лошадей.

Осторожно поворачивая изъ одной грязной вонючей улицы въ другую, мы выбираемся понемногу изъ Плевны. Постройки становятся все рѣже и рѣже. Выѣзжаемъ за городъ. Гарь и вонь смѣняетъ чистый здоровый холодный воздухъ. День, хотя и не солнечный, но ясный.

Передъ нашими глазами открывается опять знакомая мнѣ мѣстность. За эти послѣдніе дни она еще болѣе покрылась снѣгомъ. Мы ѣдемъ очень спокойно. Рессоры мягко покачиваютъ насъ. Лошади дружно бѣгутъ, пробивая до земли острыми шипами подковъ тонкій слой снѣга. Старикъ Скобелевъ глубже укутывается въ свою овчинную шубу и изрѣдка движеніемъ плечъ поправляетъ на себѣ черную блестящую бурку.

По временамъ онъ взглядываетъ на меня и какъ бы намѣревается вступить въ разговоръ.

— Стой, Мишка!—внезапно раздается его гнусавый старческій голосъ, и одновременно съ этимъ крикомъ Дмитрій Ивановичъ тычетъ кучера кулакомъ въ спину. Экипажъ останавливается.

— Что же это, я и не сосчиталъ, сколько пушекъ-то тамъ,—озабоченно тянетъ онъ и, немного сконфуженный, вопросительно смотритъ на меня.

— Пошелъ назадъ, Мишка, остановись около комендантскаго управленія.—Мишка поворачиваетъ лошадей, ворча что-то себѣ подъ носъ и крупной рысью ѣдетъ назадъ. Минутъ черезъ десять снова въѣзжаемъ въ городъ и останавливаемся у крыльца большого двухъ-этажнаго дома.

— Сходите, пожалуйста, подымитесь, попросите отъ коменданта выписочку, сколько тамъ найдено всѣхъ пушекъ... ружей... пистолетовъ... и всего этого... Понимаете? — объясняетъ старикъ и чертитъ рукой на своей ладони, чтобы я это принесъ ему письменно, на бумагѣ.

Подымаюсь по грязной облепанной лѣстницѣ во второй этажъ. Въ первой комнатѣ, очень просторной, за столомъ, заваленнымъ различными бумагами, сидитъ молодой офицеръ и что-то

пишетъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, за другимъ столомъ сидитъ писарь и тоже пишетъ. Налѣво въ маленькой комнаткѣ сидятъ нѣсколько офицеровъ пьютъ, курятъ и закусываютъ. Я уже прежде, изъ разговоровъ съ штабными офицерами, зналъ, что комендантомъ въ Плевнѣ Скобелевъ назначилъ временно полковника Панютина, командира углицкаго полка. По осанкѣ и фигурѣ, а главное по погонамъ, я сразу узнаю его. Это высокаго роста тучный мужчина съ басистымъ голосомъ. Полное красное лицо его точно лѣсомъ обросло густой рыжеватой бородой.

Представляюсь коменданту и объясняю ему, въ чемъ дѣло. Тотъ уходитъ и черезъ нѣсколько минутъ возвращается и передаетъ мнѣ записку. Я благодарю коменданта и возвращаюсь къ Скобелеву.

— Ну вотъ, спасибо, хорошо, теперь можно и дальше ѣхать. Пошелъ, Мишка,—и разстегнувъ шубу, съ довольнымъ лицомъ прячетъ выписочку турецкимъ пушкамъ и ружьямъ въ боковой карманъ черкески. Вторично выѣзжаемъ за городъ и съ четверть часа ѣдемъ безъ разговоровъ. Наконецъ генералъ прерываетъ молчаніе и какъ бы въ благодарность за оказанную мною ему услугу спрашиваетъ меня, когда мы, уже проѣхавъ редуты, начинаемъ приближаться къ нашимъ траншеямъ:

— Вы знаете мѣсто, гдѣ убитъ вашъ братъ Сергѣй? — Въ эту минуту мы поднялись на гребень холма, покрытаго рѣдкими оголенными отъ листьевъ деревьями. Вправо, саженяхъ въ сотнѣ отъ подошвы холма, тянется глубокая канава (траншея), покрытая снѣгомъ. Мѣстами черная насыпь рѣзко выдѣлялась изъ общей бѣлизны.

— Да вотъ, кажется, гдѣ-то здѣсь, ваше превосходительство,— говорю я, и указываю рукой на траншею.

— Вонъ, около того дерева, на гребнѣ, видите—м-м-м?— мычитъ генералъ, указывая направленіе большимъ пальцемъ съ крупнымъ бриллiантомъ, и по мѣрѣ удаленія экипажа, лѣниво поворачиваетъ голову назадъ.

— Мнѣ Миша показывалъ, — многозначительно добавляетъ онъ, послѣ чего усаживается поудобнѣе въ экипажѣ, укутывается въ шубу, снова подергиваетъ плечами, чтобы поправить бурку, и углубляется въ самого себя.

Я нѣкоторое время все еще продолжаю смотрѣть на снѣжную холодную мѣстность, гдѣ убитъ братъ. Экипажъ катится быстро, траншея все болѣе и болѣе сглаживается, сравнивается съ окружающей почвой и наконецъ совсѣмъ теряется. Только деревцо,

стоящее на гребнѣ холма, деревцо, столь дорогое для меня, продолжаетъ приковывать мое вниманіе, но и оно скрывается!

— Вѣдь вашъ батюшка живъ еще? — снова слышится протяжный голосъ генерала, выводящій меня изъ задумчивости.

— Живъ, ваше превосходительство.—Происходитъ пауза.

— Вѣдь у него, кажется, хорошее состояніе?—продолжаетъ спрашивать старикъ пытливымъ тономъ, не оборачивая головы.

— Такъ точно, ваше превосходительство, хорошее,—спѣшу отвѣтить я, причемъ, замѣтивъ, что Димитрій Ивановичъ очень любопытенъ, приготовляюсь отвѣтить, въ случаѣ, еслибы онъ спросилъ: сколько у моего отца именно доходу.—Опять молчаніе.

— А сколько у него душъ было?

— Около тысячи, ваше превосходительство,—отвѣчаю я, причемъ, не знаю почему, прибавляю цѣлыхъ пятьсотъ.—Молчаніе. Кажется, отсталъ, думаю. Нѣтъ, не совсѣмъ. Димитрій Ивановичъ оказывается гораздо любопытнѣе, чѣмъ я предположилъ сперваначалу.

— Ну, а земли сколько!

— Земли много, тысячъ семь десятинъ.

— Г-м-м-м-м.—А послѣ Сергѣя осталось что?

— Осталось, да немного.

— Г-м-м-м,—произноситъ въ отвѣтъ генералъ и успокоивается, на этотъ разъ, уже до самаго Порадима.

А. Верещагинъ.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

Вы, конечно, ужъ знаете, что господство хищенія кончилось. Что касается до меня, то я узналъ объ этомъ изъ газетъ, и, признаюсь откровенно, сейчасъ же повѣрилъ. Еще такъ недавно, на нашихъ глазахъ происходилъ такой грандіозный обмѣнъ хищеній, что многіе не безъ основанія отводили этому явленію ту же роль, какую играетъ обмѣнъ веществъ въ жизни отдѣльнаго индивидуума. И вдругъ прилетаетъ вѣсть: обмѣнъ веществъ прекратился!

И радостно, и жутко. Что то будетъ? какъ-то вынесетъ общество сію внезапную утрату? что станется съ нашими раутами, пикниками, катаньями на тройкахъ и другими увеселеніями? выдержитъ ли неизбѣжный кризисъ торговля модными, бакалейными и гастрономическими товарами? Передъ кѣмъ и на какой предметъ будутъ обнажать себя наши дамочки? отыщетъ ли общество новыя основы для жизнедѣятельности, или просто на просто возьметъ да и захирѣетъ?

Повторяю: и радостно, и жутко...

Откуда, однакожъ, взялась эта добрая вѣсть?—кто первый ее распубликовалъ?—Оказалось, что первый пустилъ ее въ обращеніе Подхалимовъ, извѣстный отмѣтчикъ, корреспондентъ и публицистъ. Я—къ Подхалимову.—Любезный другъ!—неужто ты не солгалъ?—Вѣрно, говоритъ, вотъ и доказательство.—Смотрю и глазамъ не вѣрю: „Печатать дозволяется, цензоръ Бируковъ".

О, коли такъ—стало быть, и сомнѣнья не можетъ быть!

„Не обличать надо, а любить", говаривалъ покойный Прутковъ, а я съ своей стороны присовокупляю: не сомнѣваться надо (сомнѣваться-то всякій умѣетъ!), а радоваться. Да кстати и ближнихъ о приключившейся радости увѣдомлять. Поэтому, я прежде всего сообщилъ о вычитанномъ мною извѣстіи моему доброму дере-

венскому старостѣ. „Знай, Денисъ,—писалъ я ему,—что господство хищенія кончилось—это мнѣ самъ Подхалимовъ подтвердилъ. Стало быть, деньги, которыя прежде на сей предметъ съ мужичковъ сходили, останутся у нихъ въ мошнѣ. А потому, ежели впредь потравы или порубки въ моихъ дачахъ окажутся, то я буду въ оба смотрѣть и никакихъ послабленій не допущу: теперь есть чѣмъ штрафы платить". А черезъ мѣсяцъ, получилъ отъ старосты отвѣтъ: „И мы на счетъ хищеньевъ черезъ урядника обнадежены, и хищеньевъ теперь у насъ нѣтъ, а кои мужички допрежъ сего воровали, тѣ и сейчасъ другъ у дружки взаимно поворовываютъ, только надо полагать, что сіе въ скорости прекратится, потому что въ настоящемъ случаѣ у насъ въ деревнѣ только подковы остались, а лошади всѣ до одной хищникамъ достались. И что вы насчетъ потравъ пишете—оное я объявлялъ, и мужички платить штрафъ согласны, только просятъ, не будетъ ли милости, ради такого случая, два ведра на общество выставить?"

Разумѣется, я не только разрѣшилъ, но на радостяхъ написалъ къ мужичкамъ цидулу:

„Друзья!

„Называю васъ этимъ именемъ, потому что теперь вы ужъ не меньшіе братья, а самые достовѣрные друзья. Въ васъ здравый смыслъ проявился, а по нынѣшнему слабому времени это ахъ, какъ дорого! Берегите оный, не пропивайте. А ежели кому хочется выпить, то поступайте такъ: одну рюмку—передъ завтракомъ, другую—передъ обѣдомъ, а третью—передъ ужиномъ. Подъ симъ условіемъ я разрѣшилъ Денису просимыя два ведра выставить, и буду весьма огорченъ, ежели хотя нѣкоторые изъ васъ воспользуются симъ случаемъ, чтобы здраваго смысла лишиться. Только на счетъ штрафовъ—чтобы вѣрно было. Помните, друзья, что у насъ, интеллигентовъ, съ тѣхъ поръ какъ хищенія кончились, только на штрафы и надежда осталась, а здраваго смысла мы, какъ это изъ газетъ видно, еще до хищеньевъ лишились. А еще будетъ лучше, ежели вы, съ помощью крестьянскаго банка, всю угоду у меня купите. Я лишняго немного возьму, а вамъ это удовольствіе доставитъ. Вы знаете, что я и прежде хищникомъ не былъ, а теперь и радъ бы, да руки коротки; не приказано. И вамъ не совѣтую. Будьте здоровы, друзья!—отставной помѣщикъ".

Отославши это письмо, я, однакожъ, задумался.

Какъ они должны быть счастливы, думалось мнѣ, что господство хищенія кончилось! Всѣ эти фасоны и фестоны, которые мы, правящіе классы, граня мостовыя, выдумываемъ—все это въ концѣ

концовъ вѣдь на нихъ обрушивается! Кузьма Прутковъ, отъ нечего дѣлать, уфимскую землю задешево похитилъ, а у Васьки Чувашенина отъ этого фестона загривокъ болитъ. Столоначальникъ департамента преуспѣяній и прогрессовъ кратчайшій способъ безъ пороха палить изобрѣлъ, а у обывателей деревни Проплеванной мурашки по спинѣ ползутъ. Губошлеповъ концессію получилъ, а въ селѣ Ненаѣдовѣ бабы воемъ воютъ. Tout s'enchaîne, tout se lie dans ce monde, какъ сказалъ нѣкогда Ламартинъ.

Самъ Подхалимовъ былъ въ свое время не прочь похищничать. Пойдетъ, бывало, по гостиному двору и крикнетъ кличъ: а ну-те, брюханы! чтобъ было по стольку-то рублей съ каждаго купеческаго брюха, а не то я въ газетинѣ мораль на васъ пущать буду!—А заугольниковскій мужикъ, бывало, дивится: съ чего-молъ это ситцевая рубашка вдругъ на полтину дороже стала? Анъ она, вонъ куда, на подметки Подхалимову, полтина-то ушла! Купецъ купца къ мировому потащилъ — корела судебныя издержки плати! Кредитка подъ залогъ Туляковскихъ домовъ зря деньги выдала—мордва убытки возмѣщай! Посчитайте-ка, анъ денегъ-то и многонько выйдетъ.

И ни заугольниковскіе мужики, ни Васька Чувашенинъ, ни ненаѣдовскія бабы никогда ничего не знали. Думали, что это „такъ". Не знали, что Губошлеповскую концессію надо гарантировать, Прутковское хищеніе—оформить, выдумку счастливаго столоначальника—осуществить. Да, признаться сказать, едва ли было и желательно, чтобъ они понимали и знали.

Относительно деревни самое главное условіе: чтобъ она, какъ можно, дольше сохранила невинность. Въ противномъ случаѣ, она захандритъ. Поэтому тѣ, которые, видя въ Губошлеповскихъ распутствахъ отчасти неизбѣжное зло, а отчасти свойственное цивилизованному обществу украшеніе, принимаютъ мѣры, чтобъ слухи объ этихъ интеллигентныхъ распутствахъ не проникли въ деревню,—поступаютъ, по мнѣнію моему, совершенно резонно. Пускай хоть дулебы, древляне, радимичи и пр. останутся внѣ раіона интеллигентнаго растлѣнія; пускай хоть они спасутся. Деревня обязывается знать твердо свой окладной листъ—и ничего больше. Что пользы знать, что гужеѣдъ Губошлеповъ и проворный Мовша Гудковъ впились въ этотъ окладной листъ и разъѣдаютъ его точно такъ же, какъ миріады мелкихъ, но жадныхъ паразитовъ разъѣдаютъ мощный организмъ кита? Такого рода знаніе не можетъ ни возвеселить, ни удовлетворить, а только наведетъ на сердце сухоту.

Но ежели хорошо, чтобъ деревня оставалась въ невѣденіи,

то, разумѣется, еще будетъ лучше, если и самого матеріала, на основаніи котораго составляются несвойственныя деревнѣ знанія, не окажется на лицо. Или, говоря другими словами, вполнѣ резонно поступаютъ и думаютъ только тѣ, которые ни въ Губошлеповыхъ, ни въ Кротиковыхъ, не видятъ ни неизбѣжнаго зла, ни свойственнаго цивилизаціи украшенія. Право, Губошлеповы вовсе не такъ необходимы и не такъ изящны, какъ это кажется съ перваго взгляда, и общество, будь оно хоть расцивилизованное, прожить безъ нихъ очень можетъ. Говорятъ, будтобы они настолько въѣлись въ интимную жизнь общества, настолько овладѣли умами и волей интеллигенціи, что полное ихъ устраненіе представляетъ трудности, почти непреоборимыя. Но, прежде всего, „почти" еще далеко не значитъ „совсѣмъ". Я согласенъ, что сладить съ Губошлеповымъ довольно трудно, но попробовать и постараться все-таки можно. Это хоть кого угодно спросите.

Но есть и еще одно вѣское соображеніе въ пользу огражденія обывательской невинности, исключительно при помощи непосредственнаго воздѣйствія на самое хищничество. А именно: какъ искусно ни оберегайте деревню отъ вторженія несвойственныхъ знаній, послѣднія, рано или поздно, все-таки проникнутъ въ нее. Деревня уже давно не живетъ тою изолированною жизнью, которая позволяла смотрѣть на нее, какъ на отрѣзанный ломоть. Рѣдокъ онъ теперь, тотъ пещерный мужичекъ, который родился, жилъ и умиралъ въ невѣденіи интеллигентныхъ затѣй. Нынѣшній мужичекъ многое видѣлъ лично, многое изъ видѣннаго на усъ себѣ намоталъ, и многое другимъ, не видавшимъ, поразсказалъ. Онъ знаетъ, какъ Губошлеповъ съ Гудковымъ въ столицахъ помахиваютъ, и только еще не сообразилъ, какая существуетъ связь между этимъ помахиваньемъ и имъ, Проплеванскимъ корелой. А что, ежели эту связь возьметъ на себя объяснить ему окладной листъ? Но, сверхъ того, и сами интеллигенты нынѣшніе стали противъ прежняго куда легкомысленнѣе. Нѣтъ нѣтъ, да и откроютъ сами себя. Поѣдетъ, напримѣръ, интеллигентъ на тройкѣ за городъ—вотъ тебѣ десять рублей на водку! Пріѣдетъ на звѣря охотиться—вали всей деревней въ загонщики, вотъ вамъ сто, двѣсти рублей! Нѣтъ чтобы поприжаться: у меня дескать денежки трудовыя, ой-ой какъ много я шевелить мозгами долженъ, чтобы ихъ добыть! „Плевъ сто рублевъ!" только это неумное восклицаніе и перекатывается изъ края въ край. А гдѣ ты, позволь спросить, рубли-то эти взялъ... ахъ, сдѣлай милость!

Вотъ почему я и говорю: ежели проницательно поступаютъ тѣ, кои оберегаютъ деревню отъ вторженія несвойственныхъ зна-

ній, то еще болѣе проницательными являютъ себя тѣ, кои устраняютъ самый матеріалъ, служащій для этихъ знаній основаніемъ.

Этихъ-то послѣднихъ дѣятелей, повидимому, и имѣлъ въ виду Подхалимовъ, возвѣщая, что господство хищенія кончилось.

Да, дожили-таки мы—вотъ до чего мы дожили! Губошлеповъ съ тоски въ монахи постригся; Соломонъ Мерзавскій все имѣніе нищимъ роздалъ и поступилъ кассиромъ въ общество доброхотной копѣйки; Мовша Гудковъ плачетъ, но ѣстъ акридъ... Это ли не результатъ? это ли не волшебное представленіе? Брависсимо! bis! bis!

Но не приврал ли, однако, Подхалимовъ? Какъ будто черезъчуръ ужъ волшебно у него выходитъ... „Кончилось"... „постригся въ монахи"... „роздалъ нищимъ имѣніе"... Что-то какъ будто густо... Какія слова тутъ настоящія, какія—лишнія? Подхалимовъ малый ловкій, но онъ не прочь поврать. Онъ, того гляди, и отъ себя сочинитъ, лишь бы имѣть случай поликовать въ своей газетинѣ. Спросъ нынче на газетныя ликованія большой; и сверху, и снизу, и сбоковъ только и слышатся голоса: да ликуйте же, наконецъ! Вотъ Подхалимовъ и проникся этой потребностью. Во-первыхъ, онъ, по природѣ, къ ней всегда былъ предрасположенъ, а во-вторыхъ, за ликованія-то нынче по десяти копѣекъ со строчки платятъ, за сѣтованія—по пяти, а уныніе, нытье и прострацію и совсѣмъ прочь гонятъ. Такъ что если бъ явился, напримѣръ, съ того свѣта докторъ Фаустъ и объявилъ, что результатъ усилій человѣческой мысли и жизни исчерпывается словомъ: ничто, то всѣ поросята, навѣрное, въ одинъ голосъ бы завопили: какъ „ничто!" а земскія учрежденія? а свобода книгопечатанія? а новые суды? а рѣшеніе кассаціоннаго департамента за № такимъ-то?...

Такъ вотъ не упустилъ ли, въ самомъ дѣлѣ, Подхалимовъ чего-нибудь въ радостныхъ попыхахъ?

Сознаюсь откровенно: этотъ вопросъ предсталъ передо мной не совсѣмъ своевременно, то-есть послѣ того, какъ я самъ обрадовался и другихъ обрадовалъ. Но разъ возникнувъ, онъ уже неотступно преслѣдовалъ мою возбужденную мысль. Я такъ давно живу на свѣтѣ, такъ много видѣлъ и, главное, такъ много помню, что помимо убѣжденій разсудка одинъ жизненный опытъ заставляетъ меня относиться къ газетнымъ извѣстіямъ съ осторожностью. Я помню, что когда впервые появилось слово „хищеніе", и въ газетахъ раздались по его поводу стенанія, то меня озадачило стремленіе публицистовъ щегольнуть передъ читателемъ новою новинкою. Совсѣмъ тутъ никакой новинки не было. Хищеніе, сирѣчь усвоеніе выморочныхъ соковъ, извѣстно было

издревле, и издревле же значилось во всѣхъ азбукахъ подъ всевозможными рубриками. Если же и воспослѣдовала, лѣтъ двадцать тому назадъ, въ этомъ отношеніи какая-нибудь реформа, то она коснулась только внѣшнихъ пріемовъ, размѣровъ и названія. Въ древности слова „хищеніе“, дѣйствительно, не было, но за то было слово „лафа“, и вся до-реформенная Русь отлично его понимала. Но такъ какъ конструкція этого слова слишкомъ отзывалась моветономъ и татарщиной, то, понятно, что съ поднятіемъ уровня образованности почувствовалась потребность и въ поднятіи уровня терминологіи. Отсюда—замѣна слова: „лафа“, словомъ: „хищничество“. То же поднятіе уровня образованности не могло не повліять и на внѣшніе пріемы хищенія, устранивъ все рѣжущее и грубо-реальное и сообщивъ этому занятію характеръ порядочности и даже нѣкоторой щеголеватости. А дороговизна съѣстныхъ припасовъ, увеличеніе таможеннаго тарифа на предметы роскоши и непомѣрное вздорожаніе кокотокъ довершили остальное, расширивъ понятіе о выморочности подлежащихъ хищенію предметовъ до такихъ размѣровъ, о которыхъ, конечно, и во снѣ не снилось скромнымъ эксплуататорамъ „лафы“.

Старая, до-реформенная Русь вовсе не была чужда процессу хищенія; она только понимала его безъ вывертовъ, вполнѣ конкретно. Объектъ хищенія представлялся ей въ формѣ сочнаго куска, къ которому она припадала и зубами, и губами, и языкомъ, и отъ котораго отваливалась только тогда, когда, вмѣсто лафы, оставалось сухое, безвкусное волокно. Даже въ переносномъ смыслѣ, она не далеко отступала отъ этого конкретнаго представленія; даже и тутъ ее, по преимуществу, привлекалъ непосредственный процессъ жуированія и тѣ результаты, которые были ясны и доступны для самаго неповрежденнаго ума.

Бывало, кто-нибудь изъ „тутошнихъ“ мѣсто исправника получитъ—про него говорили: теперь ему будетъ не житье, а лафа. Или сутяга между „тутошними“ проявится и начнетъ „прочихъ жителей“ разбоемъ, ябедою и волокитою донимать—про него говорили: ему „лафа“, онъ такого страху на всѣхъ нагналъ, что передъ нимъ слова никто не пикнетъ! Или „умница“ подходящаго „дурака“ на распутьи обрѣтетъ, и начнетъ его „чистить“—про него говорили: этому человѣку „лафа“ свалилась, теперь только не зѣвай! Или, наконецъ, такъ человѣкъ устроится, чтобы ничего не дѣлать, а только спать да жрать — про него говорили: такую онъ „лафу“ обрящилъ, что умирать не надо! Даже красивую женщину (жену или любовницу) называли „ла-

фою“, и говорили: ну, братъ, дорвался ты до „лафы“; теперь смотри на нее да стереги!

Естественно, что для нашего образованнаго времени подобныя представленія и слишкомъ грубы, и слишкомъ узки. Нынче исправницкими доходами никого не удивишь, да и „дуракомъ“, ежели онъ въ единственномъ числѣ, сытъ не будешь, а надо чтобъ, по крайней мѣрѣ, хоть небольшое стадо дураковъ было въ резервѣ. Поэтому, и придумали: воровать съ такимъ разсчетомъ, чтобы, во-первыхъ, нельзя было съ достовѣрностью указать, кто именно обворованъ, да и самъ обворованный не умѣлъ бы себѣ объяснить, дѣйствительно ли онъ обворованъ, или только сдѣлался естественною жертвою современнаго вѣянія; и во-вторыхъ, чтобы воровство, оставаясь воровствомъ по существу, имѣло всѣ признаки занятія не только не предосудительнаго, но и вполнѣ приличнаго.

Разрѣшить эту задачу взялись „хищники“. „Хищниками“, однако-жъ, ихъ называютъ только газеты да и то не всѣ; сами же себя, въ домашнемъ быту, они называютъ „дѣльцами“, а въ шуточномъ тонѣ—воротилами.

Открываетъ, напримѣръ, плутъ Лампурдосъ торговлю деньгами. Съ утра до вечера онъ твердитъ: продать-купить, купить-продать, обертывается, перевертывается, сперва въ одну книгу запишетъ, потомъ въ другую; словомъ сказать, занимается „дѣломъ“. А соки, между тѣмъ, капля по каплѣ такъ и текутъ, черезъ открытый кранъ, въ заранѣе приготовленное сокохранилище... Или: выхлопатываетъ Губошлеповъ концессію—сирѣчь право за умѣренную плату возить обывателей взадъ и впередъ по желѣзной дорогѣ: польза-то какая!—и присемъ только одно слово прибавляетъ: „съ гарантіею“ (пять процентовъ не больше, да и то лишь „въ случаѣ ежели“)—и что-жъ! соки такъ и плывутъ въ поставленные на каждой станціи сокопріемники!

Таковы внутренніе и внѣшніе признаки явленія, прославившаго себя подъ именемъ хищничества. Но не соблазняйтесь его показнымъ изяществомъ, а отыщите сокохранилище и постарайтесь угадать „простофилю“, который наполнилъ это сокохранилище приличествующимъ содержаніемъ. Ежели вы это выполните, то, навѣрное, убѣдитесь, что между хищничествомъ и лафою существуетъ столь же несомнѣнная преемственность, какъ между черевикомъ деревенской молодухи и изящной ботинкой модной кокотки. Неуклюжъ и тяжелъ деревенскій черевикъ, но не подлежитъ спору, что онъ отецъ или, въ крайнемъ случаѣ, дѣдушка легковѣсной кокоткиной ботинки.

Вотъ два факта, въ непререкаемости которыхъ мы даже ни минуту усомниться не можемъ. Во-первыхъ, древнее преданіе, и во-вторыхъ, недавняя практика. Въ виду такой устойчивости и общепризнанности явленія столь мало загадочнаго—какъ надлежитъ поступить? Повѣрить ли на слово газетчикамъ, возвѣщающимъ его внезапное исчезновеніе, или же, напротивъ, отнестись къ газетнымъ ликованіямъ съ благоразумною осмотрительностью?

По моему мнѣнію, въ такихъ случаяхъ всего правильнѣе поступать на̀-двое: прежде всего, обрадоваться, дабы тѣмъ засвидѣтельствовать; а потомъ, буде для продолжительной радости не представится надлежащаго питанія, то постараться привести дѣло въ ясность.

Именно такъ я и сдѣлалъ. Сначала, и самъ обрадовался, и мужичковъ поспѣшилъ обрадовать (нѝшто имъ! за два ведра они и не такую радость на плечахъ вынесутъ!), а по прекращеніи радости рѣшилъ привести дѣло въ ясность.

Сидѣлъ-сидѣлъ, думалъ-думалъ,—что̀ за чудо, не могу концы съ концами свести да и шабашъ! Начнешь строить силлогизмъ, первые два термина какъ-нибудь поймаешь, а третій хоть и не лови! Скользитъ, какъ вьюнъ: вонъ онъ, вонъ онъ — анъ нѣтъ его!

Нѣтъ, думаю, такъ нельзя. Пойду опять къ Подхалимову, объяснюсь. Пускай онъ докажетъ,—не на основаніи одной Бирюковской подписи (помилуйте! развѣ это доказательство!), а ясно и осязательно, — что хищничество воистину поражено остракизмомъ, и не возвратится даже подъ скромнымъ наименованіемъ „лафы“.

Я засталъ Подхалимова въ самомъ пріятномъ душевномъ настроеніи. Наканунѣ, онъ написалъ какое-то неслыханное число строчекъ, а на утро получилъ за каждую по гривеннику. Онъ только-что возвратился изъ утренняго обхода, во время котораго собиралъ матеріалъ для завтрашнихъ строчекъ и, въ ожиданіи адмиральскаго часа, благодушествовалъ. А вечеромъ — опять въ обходъ, и, затѣмъ, на сонъ грядущій, часа четыре сряду—строчки, строчки, строчки. Сколько посидитъ, столько и напишетъ. Собачья это жизнь, господа!

Подхалимовъ былъ малый легкій и веселый, и никогда ни объ чемъ не думалъ. Матеріалъ для строчекъ онъ находилъ какъ-то внезапно: выйдетъ на улицу—тутъ и есть. Иногда онъ и по домамъ за матеріаломъ ходилъ — и тоже препятствій не видѣлъ. Осмотритъ, воротится домой, а строчки сами собой такъ

и льются изъ-подъ пера: на лѣстницѣ—коверъ, въ гостиной — коверъ, на входной двери — мѣдная доска, давно, впрочемъ, не чищенная; звонки—электрическіе, въ кабинетѣ—письменный столъ. Такова квартира, а коли есть квартира—стало быть, есть и хозяинъ. Вотъ и онъ: на носу пенсне, причесанъ гладко, но волосы длинные, пиджакъ подержанный, панталоны не первой молодости; подошвы на сапогахъ — на лицо; сморкается часто и притомъ въ фуляровый платокъ. Запасшись этими данными, придетъ Подхалимовъ домой, посидитъ, а черезъ два часа уже шлетъ въ типографію „оригиналъ", убѣжденный, что человѣка такъ живьемъ и сжевалъ.

Жадности въ немъ особенной не замѣчалось. Гонораръ онъ любилъ, но не до безумія. Есть деньги—онъ говоритъ: вотъ онѣ! нѣтъ денегъ—говоритъ: надо идти на улицу! Пойдетъ, въ участкѣ побываетъ, въ камеру къ мировому судьѣ заглянетъ, въ окружномъ судѣ справится, плутократовъ (такъ называлъ онъ содержателей ссудныхъ кассъ и мѣнялъ) обойдетъ — сколько тутъ строчекъ-то выйдетъ? А ежели по гривеннику за строчку—вотъ и жить можно. Но, по временамъ, его озаряла мысль: сдѣлаю дѣвицамъ удовольствіе!—и такъ какъ осуществленіе этой мысли требовало болѣе или менѣе серьезныхъ издержекъ, то онъ отправлялся въ гостиный дворъ и облагалъ тамошнихъ старожиловъ по стольку-то съ купеческаго брюха. А вечеромъ нанималъ нѣсколько троекъ, приглашалъ менѣе обласканныхъ фортуною публицистовъ, прихватывалъ соотвѣтственное количество дѣвицъ, и бѣшенымъ аллюромъ мчался всей компаніей въ Самаркандъ.

Несмотря на легкость, съ которою доставались ему деньги, лишнихъ у него никогда не было. Какъ человѣкъ одинокій, онъ могъ бы устроить себѣ порядочную домашную обстановку, но онъ предпочиталъ оставаться бездомнымъ, ютился въ меблированныхъ комнатахъ, одѣвался въ магазинѣ готовыхъ платьевъ, курилъ вонючія папиросы (за то только, что онѣ назывались „Слава") и водился съ такими субъектами, одно приближеніе которыхъ позывало на тошноту. Вообще, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей потребности въ жизненныхъ удобствахъ, и только въ одномъ не могъ себѣ отказать: въ ежедневномъ посѣщеніи Палкина трактира. Здѣсь онъ проводилъ лучшіе часы своей жизни; но при этомъ не преслѣдовалъ никакихъ гастрономическихъ цѣлей, а просто любилъ на загаженномъ диванѣ посидѣть и полежать. Онъ зналъ поименно не только всѣхъ половыхъ, но поварятъ и кухонныхъ мужиковъ; разговаривалъ по душѣ съ швейцаромъ, буфетчику дѣлалъ shake hands, смотрѣлъ на плавающихъ въ

садкѣ стерлядей и ежели замѣчалъ исчезновеніе какой-нибудь особенно-крупной рыбины, то спрашивалъ, кто ее съѣлъ; безъ надобности ходилъ на кухню и въ ватерклозетъ и вообще старался показать, что онъ у Палкина какъ дома. Обѣдалъ всегда по картѣ—два неизмѣнныхъ блюда: московскую селянку и жареную утицу—и расплачивался аккуратно каждый день. Пилъ изрядно, но пьянъ не напивался, а только жуировалъ. Замѣчательно, что онъ какъ будто даже принуждалъ себя, какъ будто изобрѣталъ, какимъ бы способомъ побольше денегъ издержать, чтобы купецъ Палкинъ остался доволенъ. Въ этомъ заключалось его самолюбіе. На водку сыпалъ направо и налѣво: Андрею—за то, что селянку ему подавалъ, Ивану—за то, что на машинѣ валъ перемѣнилъ, Семену—за то, что воротился изъ деревни, Никанору—за то, что собрался въ деревню. И со всѣми былъ необыкновенно любезенъ: буфетчику сообщалъ новѣйшія внутреннія извѣстія, а метрдотелю (изъ тирольцевъ) такія штуки-фигуры руками показывалъ, что тотъ себя отъ восторга не помнилъ. Но передъ купцомъ Палкинымъ стѣснялся, и ежели, во время разговора съ нимъ, замѣчалъ гдѣ-нибудь у себя въ одеждѣ разстегнутую пуговицу, то немедленно ее застегивалъ.

Хозяевамъ газетины, при которой онъ состоялъ публицистомъ и корреспондентомъ, онъ былъ преданъ до самозабвенія, хотя обыкновенно называлъ ихъ міроѣдами. Какой смыслъ имѣло въ его устахъ это слово, ругательный или ласкательный—разобрать было невозможно. Скорѣе всего, просто разнузданный. Не завидовалъ онъ имъ нисколько, и даже тогда, когда ему однажды завѣрное сообщили, что, за истекшій годъ, отъ однихъ объявленій „міроѣды" получили какую-то чудовищную сумму,—онъ только вымолвилъ: „вотъ бы теперь самое время ихъ обокрасть!" Но, разумѣется, тутъ же и позабылъ. Никогда хозяева не приглашали его къ себѣ, въ качествѣ гостя, но онъ и этимъ не обижался, а только говорилъ: свиньи! Порученія хозяйскія онъ выполнялъ быстро и буквально: нужно къ Покрову сбѣгать—сбѣгаетъ; оттуда въ Колтовскую улицу—и туда слетаетъ. „И никогда вѣдь, ироды, на извощика не предложатъ!" — только и слышали его ропоту въ такихъ случаяхъ. Писалъ тоже всяко: и забористо, и благодушно, и хлестко, и „съ прохвалою"—какъ для хозяйскаго интереса пригоднѣе. Умиленіе, по обстоятельствамъ, потребуется — онъ умилится; ликованіе—онъ возликуетъ; вѣра въ славное будущее—онъ и отъ вѣры не прочь. Только унывать не любилъ, а по части „прострации" даже смѣшные каламбуры отпускалъ. Но ежели потребуется серьезно уронить слезу — онъ слова не

скажетъ, уронитъ. „Нельзя, скажетъ, безъ сердечной боли видѣть, какъ многіе, вмѣсто того, чтобы уповать“... И пойдетъ, и пойдетъ. А потомъ, утретъ слезу—смотришь, и опять ему весело. Словомъ сказать, на всѣ руки парень: колесомъ вертится, на канатѣ пляшетъ, сядетъ задомъ напередъ на лошадь и за хвостъ держится. Въ гостиномъ дворѣ брюханы такъ и покатываются: „ахъ, каторжный!“

Хозяйскихъ враговъ (разумѣя подъ этимъ именемъ всѣхъ прочихъ газетчиковъ и даже ихъ сотрудниковъ) онъ считалъ своими личными врагами и отъ всей души ненавидѣлъ. Но когда врагъ умиралъ или инымъ образомъ со сцены дѣятельности сходилъ, то онъ отдавалъ ему должную справедливость: это, говоритъ, былъ противникъ, съ которымъ пріятно было дѣло имѣть. Такъ что и при жизни ругательски человѣка ругаетъ, и по смерти на могилу его напакоститъ. Но не отъ злобы, а отъ собачьей жизни.

О происхожденіи его никто ничего достовѣрнаго не зналъ. Самъ онъ говорилъ о родителяхъ своихъ неохотно, но когда его ужъ черезъ-чуръ допекали вопросами объ этомъ предметѣ, то восклицалъ: да, батюшка, родился я! могу сказать! ррродился! Вслѣдствіе этого, въ редакціи „нашей уважаемой газеты“ мнѣнія объ его родопроисхожденіи раздѣлились на двое. Одни утверждали, что онъ родился въ Москвѣ на Дербеновкѣ, другіе—что тайну его появленія на свѣтъ слѣдуетъ отыскивать въ извѣстной пѣснѣ: „Ѣхалъ принцъ Оранскій“. И онъ ни перваго, ни второго мнѣнія серьезно не опровергалъ.

Наружность у него была тоже несамостоятельная: сейчасъ —брюнетъ, сейчасъ—блондинъ. Отсвѣчиваетъ. Голова—сквозная, звонкая: даже въ бурю слышно, какъ одна отмѣтка за другую цѣпляется. Въ глазахъ—ландшафтъ, изображающій Палкинъ трактиръ. Язычина—точно та безконечная алая лента, которую встарину фокусники изъ горла у себя выматывали. Онъ составлялъ его гордость.

Но Подхалимовъ былъ несомнѣнно талантливъ и несомнѣнно воспріимчивъ — и это многихъ подкупало. Была въ немъ даже искорка добродушія. Все это вмѣстѣ взятое заставляло говорить: еслибъ этого человѣка выдержать, золото, а не человѣкъ бы изъ него вышелъ! Но такъ какъ выдержкѣ неоткуда было взяться (у насъ, въ литературномъ мірѣ, какъ и вездѣ, всякій только о томъ думаетъ, какъ бы особнякомъ устроиться), то талантливость послужила лишь для прикрытія нравственной неустойчивости. Другой, болѣе характерный субъектъ, при подобной силѣ воспрі-

ичивости, пришелъ бы къ озлобленію, а онъ даже не смирился, но прямо вошелъ во вкусъ.

Я лично не питалъ къ Подхалимову никакого враждебнаго чувства, а просто смотрѣлъ на него, какъ на жертву общественнаго темперамента. Случайно встрѣчаясь съ нимъ, я не испытывалъ особенной радости, но въ то же время и не безъ любопытства прислушивался къ его пестрой болтовнѣ. Какъ хотите, а вѣдь его статьи служили украшеніемъ столбцовъ распространеннаго литературнаго органа, а совсѣмъ плохому писакѣ такая роль не подъ силу. Развязность его, нерѣдко переходившая въ прямую наглость, казалась мнѣ наносною, охватившею его согласно съ обстоятельствами времени и мѣста. А когда онъ, внезапно очнувшись отъ угара пестрыхъ словъ, говорилъ:—это я не отъ злобы, а отъ собачьей жизни!—то мнѣ сдавалось, что и моей вины тутъ капля есть. Да, виноватъ и я. Виноватъ тѣмъ, что я безсиленъ, что слова мои мимо идутъ и се не бѣ. Однако, чьи же слова шли не мимо, позвольте спросить?

Но есть и еще вопросъ, близко касающійся Подхалимова. Теперь, онъ и ликуетъ, и умиляется, и иронизируетъ, и скорбитъ: что ему вздумается, то и сдѣлаетъ. Но заглядываетъ ли онъ когда-нибудь въ будущее?—не въ то будущее, на которое намекаетъ шумно бѣгущій жизненный потокъ—туда ему, Подхалимову, пожалуй, и резону нѣтъ заглядывать — а въ свое собственное, личное будущее?

Бѣдный Подхалимовъ!

Когда я пришелъ къ Подхалимову, онъ лежалъ съ ногами на кровати, а въ головахъ у него сидѣлъ субъектъ, отъ котораго несло водами Екатерининскаго канала. Комната была свѣтла и довольно просторна, но табачнаго дыма скопилось столько, что непріятно было дышать.

— Кого я вижу! Отче! (онъ называлъ меня такъ, въ виду преклонности моихъ лѣтъ)—воскликнулъ хозяинъ, вставая съ постели.—Ужъ не собрались ли открыть гласную кассу ссудъ? А мы только-что объ нихъ бесѣдовали. Садитесь, пожалуйста! Рекомендую: бывшій казанской части дипломатъ по внутренней политикѣ, господинъ Ончуковъ, а нынѣ, за многіе наглые поступки, отъ занятій освобожденъ и возъимѣлъ намѣреніе открыть кассу ссудъ. Сначала, кассу ссудъ откроетъ, потомъ убійство совершитъ, а въ заключеніе, попадетъ на каторгу. Вотъ и карьера.

— Что вы, Григорій Григорьичъ! кажется, вамъ мои правила довольно извѣстны!—не то обидѣлся, не то пошутилъ господинъ Ончуковъ.

— Оттого и говорю, что извѣстны. А слышали ли вы, отче, какъ онъ на дняхъ одного юнца подсидѣлъ... хочешь, разскажу?

— Ахъ, что вы! что вы-съ! вѣдь это тайность-съ!—испугался господинъ Өнчуковъ.

— Ежели тайность, такъ зачѣмъ ты ко мнѣ съ тайностью лѣзъ? Вотъ видите ли, сидитъ этотъ самый господинъ, отъ котораго не розами пахнетъ...

— Нѣтъ ужъ, позвольте! ничего я вамъ такого не говорилъ! Сдѣлайте ваше такое одолженіе, увольте! Прекратите-съ!—рѣшительно взмолился господинъ Ончуковъ.

— Не интересно вѣдь это, Подхалимовъ! оставьте!—присоединился и я съ своей стороны.

— Ну ладно; все равно, потомъ разкажу. А теперь, брысь, Анчутка! видишь, „чистые“ гости пришли!

Ончуковъ помялся на мѣстѣ, глянулъ исподлобья какъ-то подозрительно—и, къ удивленію, глянулъ не на Подхалимова, а на меня—и исчезъ.

— Погодите говорить! онъ у двери подслушиваетъ!—обязательно предупредилъ меня Подхалимовъ.—Береги носъ, Анчутка! сейчасъ дверь отворю!

Послышались торопливо-удаляющіеся шаги.

— Ну-съ, отче, чѣмъ подчивать прикажете? Чаю? кофею? мороженаго? селедочки?

— Я на минуту, только два слова спросить пришелъ. Скажите, Подхалимовъ, вы не соврали, возвѣщая въ „вашей уважаемой газетѣ“, что господство хищенія кончилось?

— Господи! никакъ вы ужъ во второй разъ по этому случаю безпокоитесь? Да неужто я въ самомъ дѣлѣ такъ ужъ рѣшительно и написалъ?

— Совершенно рѣшительно.

— Что хищенія прекратились... совсѣмъ? Странно. Дѣйствительно, что-то въ этомъ родѣ какъ будто было... Но что бы такъ-таки прямо... съ тѣмъ, чтобъ на службу ни по какимъ вѣдомствамъ впредь не опредѣлять... Да вамъ-то, наконецъ, не все-ли равно? Есть хищенія, такъ есть, нѣтъ ихъ, такъ нѣтъ! Эка бѣда!

— Ну, нѣтъ, это совсѣмъ не такъ безразлично, какъ вы полагаете! Поймите, Подхалимовъ, вѣдь это не реформа какая-нибудь, которую взялъ, похерилъ, и никто не замѣтитъ. Это цѣлая нравственно-обычная революція! Старые идолы въ прахъ повергнуты, старыя преданія нарушены, исторія прекратила теченіе свое... вотъ вѣдь это чѣмъ пахнетъ!

— Скажите, сколько, однакожъ, я накуралесилъ! И это, такъ

сказать, „въ минуту жизни трудную“... За „оригиналомъ“ изъ типографіи пришли—я и чербнулъ... Но нѣтъ, впрочемъ; я лучше ужъ откровенно передъ вами сознаюсь. Призываютъ меня мои „міроѣды“ и спрашиваютъ: можете вы, Подхалимовъ, „стихотвореніе въ прозѣ“ написать? Ну, я... мнѣ чтожъ!

— А я, по милости вашего легкомыслія, въ просакъ попалъ. Къ мужичкамъ въ деревню написалъ: радуйтесь! Губошлепова на цѣпь посадили! Знаете, чѣмъ такія извѣстія пахнутъ?

— Ахъ, бѣда!

— Вотъ вы всегда такъ, Подхалимовъ; вы и теперь шутите. Удивительно, право, какъ васъ земля за такія продѣлки не поглотитъ.

— А по-моему, такъ еще удивительнѣе, что вы столько лѣтъ живете, а до сихъ поръ всякое лыко въ строку пишете.

— Но какъ же васъ читать? Неужто, взявши газету, нужно предварительно сказать себѣ: все, что тутъ написано, есть мистификація.

— Не мистификація, а „такъ“. „Такъ“—и ничего больше. На вашемъ мѣстѣ я главнымъ образомъ обращалъ бы вниманіе не на сущность газетной статьи, а на то, какъ она написана, игриво или возвышенно, забористо или благодушно. А что касается до меня, то ежели моя статья подходитъ подъ одно изъ этихъ опредѣленій,—я и доволенъ.

— Да вѣдь это же и есть мистификація!

— Мистификація—это ежели преднамѣренно, а тутъ повторяю, просто „стихотвореніе въ прозѣ“ и только. Это—„морсо“, которое, въ случаѣ крайности, можно въ какую угодно хрестоматію помѣстить.

— Ахъ, Подхалимовъ, Подхалимовъ! Неужели вамъ не страшно жить?

— Перемогаю себя—оттого, должно быть, и живу. Страшно сдѣлается — я пою: „страха не страшусь, смерти не боюсь!“ — какъ рукой сниметъ! Гнать ихъ, отче, надо, страхи-то — вотъ и не страшно будетъ!

— Слѣдовательно, однимъ пѣніемъ спасаетесь? думать не желаете?

— Пишу—стало быть, все-таки какъ ни на есть думаю; безъ того нельзя. Но прямолинейнымъ быть не желаю, и до чортиковъ додумываться не вижу надобности. Смотрю на міръ непредубѣжденными глазами и нахожу, что все идетъ своимъ чередомъ:

И прежде кровь лилась рѣкою,
И прежде плакалъ человѣкъ...

— Это вы во всѣхъ хрестоматіяхъ найдете; стало быть, ежели вы „плакать“ желаете, то къ этому источнику и обратитесь. Но и тутъ имѣйте въ виду, что хрестоматіи на то издаются, чтобы метафоры и синекдохи въ нихъ подтвержденіе находили, а не то, чтобы ужъ очень въ сурьезъ... Слѣдовательно... а впрочемъ, хотите, я къ завтрему передовицу на манеръ Ѳеофана Прокоповича напишу?

— Любопытно. Объ чемъ, напримѣръ?

— Какъ вамъ сказать... ну хоть о правосудіи. Сегодня напишу, что правосудіе бодрствуетъ, завтра—что правосудіе на оба ока спитъ; сегодня—что въ голову гидрѣ ударено и на хвостъ наступлено (слогъ-то какой!), завтра—что у гидры новая голова и новый хвостъ выросли.

— Отлично. Но не будемъ разбрасываться, Подхалимовъ, и возвратимся къ первоначальному предмету нашей бесѣды. Скажите, вѣдь были же какіе-нибудь факты, которые послужили вамъ отправнымъ пунктомъ для передовицы, о которой идетъ рѣчь?

— Какъ фактамъ не быть? За фактами никогда дѣло не станетъ. Есть факты, которые свидѣтельствуютъ, что хищеніе прекратилось (таковы: предписанія, распоряженія, благія начинанія и т. п.), и есть факты, которые свидѣтельствуютъ, что хищенія продолжаютъ кругъ своего дѣйствія (таковы: отчеты общихъ собраній промышленныхъ обществъ, банковъ, и т. п.). Стало быть, все зависитъ отъ того, какъ посмотрѣть. Ежели однимъ окомъ взглянуть — есть хищенія; ежели другимъ — нѣтъ хищеній. Но, кромѣ того, есть еще читающая публика. Огорчена наша публика, отче! такъ огорчена всевозможными лѣтописями и хрониками изъ области хищничества, что голосомъ вопитъ начинаетъ: утѣшьте вы меня! скажите, что господство хищенія кончилось! Вотъ мои „міроѣды“ и догадались, что теперь самый разъ „стихотвореніе въ прозѣ“ пустить. Ну и набрали же они въ это утро пятаковъ!

— Но вѣдь это явный обманъ! Можно подумать, что вы только одну цѣль въ виду и держите: какъ бы кого-нибудь въ дуракахъ оставить! Остроумно, что ли, это вамъ кажется, или такъ ужъ, само перо у васъ брыжжетъ... ахъ, Подхалимовъ, Подхалимовъ!

— А вы позабыли, отче, что еще Пушкинъ сказалъ: „тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ“—это, во-первыхъ. А во-вторыхъ, вы хоть и читаете нашу газету, но многаго не доглядываете. Въ томъ же №, гдѣ возвѣщалось о прекращеніи хищниковъ, напечатана цѣлая хроника, явно сви-

дѣятельствовавшая, что хищничество ни мало не чувствуетъ себя обезкураженнымъ. Но, сверхъ того, неужто вы, кромѣ нашей, никакихъ другихъ газетъ не читаете? Напрасно. Читайте хоть „Пошехонскаго Воротилу“—несомнѣнную пользу получите. Хроники хищеній вы тамъ, правда, не найдете, но зато „Воротило“ свои задніе столбцы всевозможнымъ добровольцамъ въ полное распоряженіе предоставилъ. И тутъ вы не то, что мелкіе факты, а цѣлые проекты громаднѣйшихъ хищеній обрѣтете. Тутъ и элеваторы предлагаютъ, и запретительныхъ пошлинъ требуютъ (кто чѣмъ торгуетъ, тотъ и соотвѣтственное обложеніе проектируетъ), и замѣну книгопечатанія билетопечатаніемъ проповѣдуютъ, а на дняхъ одинъ неунывающій плутократъ проектъ объ отдачѣ казны въ безсрочную аренду акціонерной компаніи сочинилъ... Да вотъ увидите! скоро такое столпотвореніе пойдетъ, что зги божьей за тучей проектовъ не видно будетъ! Ситцевые фабриканты будутъ домогаться, чтобъ каждому изъ нихъ отъ казны извѣстный доходъ гарантированъ былъ; землевладѣльцы начнутъ вопіять, чтобъ казна гарантировала имъ вѣрный урожай и выгодный сбытъ сельскихъ произведеній; торговцы благовонными товарами потребуютъ, чтобы для всѣхъ франтовъ было обязательно употребленіе такихъ-то духовъ и такой-то именно фирмы. Того гляди, мужички пожелаютъ, чтобъ имъ гарантировали исправную плату податей...

— Вотъ тутъ-то бы вамъ и ополчиться!

— Могу и это. Но, стало быть, не ко двору. Впрочемъ, и „міроѣды“ мои отъ ополченья не прочь—они вѣдь у меня лихіе!—да и у нихъ руки, видно, коротки. А, можетъ быть, и на розничную продажу, въ случаѣ ополченія, не надѣются. Прытки мы, но не сильны.

— Однако, какіе ужасные нравы!

— У насъ нынче на счетъ нравовъ даже очень просторно: Только размѣры „куша“ и стѣсняютъ. Кому—знатный размѣръ приличествуетъ; кому—средній; кому—малый. Но все-таки, вездѣ на первомъ планѣ—„кушъ“. Недавно, доложу вамъ, у одного „репортера“ маменька скончалась—ну онъ и пошелъ съ похороннымъ счетомъ по коммерсантамъ, да черезъ три-четыре часа всѣ расходы покрылъ, а лишки къ Палкину снесъ.

— А что́, ежели коммерсантъ-то соберется съ духомъ, да въ шею попрошайку?

— Нельзя, стало быть.

Подхалимовъ остановился на минуту, иронически взглянулъ мнѣ въ глаза и съ разстановкой произнесъ:

— Печать-то вѣдь—сила! Такъ ли, отче?

Признаюсь, у меня даже въ глазахъ зарябило отъ этого вопроса. Что-то далекое пронеслось передо мною, далекое, свѣтлое, бодрое. Ни одинъ изъ бывшихъ свидѣтелей этого далекаго — я не исключаю даже старшихъ изъ Подхалимовыхъ — не можетъ вспомнить о немъ безъ умиленія. Гдѣ-то, когда-то я слышалъ эти самыя слова, не въ этой обстановкѣ, не изъ этихъ устъ, но слышалъ, несомнѣнно слышалъ. Я помню, что они поднимали мой духъ и наполняли мое сердце сладостною тревогою. И эта тревога не обезкураживала меня, а какъ бы даже подстрекала: впередъ!

Вмѣстѣ съ другими, я вѣрилъ, что печать есть сила, и что этой силѣ суждено развиваться и сдѣлаться несокрушимою. Быть можетъ, говорилъ я себѣ, процессъ этого развитія совершится туго, не безъ горькихъ перипетій — пожалуй, даже не безъ утратъ... Все это я допускалъ, но и за всѣмъ тѣмъ ни на минуту не переставалъ утверждать, что печать есть сила и пребудетъ ею во вѣкъ. И никогда я не предполагалъ...

Нѣтъ, никогда! никогда, даже въ самые черные дни, я не могъ представить себѣ, чтобы сила печати могла осуществиться въ тѣхъ поразительныхъ формахъ, въ какихъ я узналъ ее здѣсь, въ эту минуту! Какимъ образомъ это случилось? Какое злое волшебство передало эту силу въ руки Подхалимовыхъ, сдѣлало ее орудіемъ хищничества, средствомъ для обложенія сборами „брюхановъ"? Когда это произошло? и какъ таки никто этой перестановки не замѣтилъ?

Очевидно, процессъ перемѣщенія новоявленной силы изъ одного центра въ другой произошелъ постепенно и втихомолку. Первоначальныя притязанія печати, должно быть, оказались черезъчуръ цѣльными и разномастными, чтобы привести къ соглашенію. Это было, впрочемъ, совершенно естественно, покуда рѣчь шла о соглашеніи по существу. Но дѣло въ томъ, что въ пылу споровъ по существу утрачено было изъ виду, что печать и сама по себѣ, независимо отъ своей разномастности, просто въ качествѣ общественной силы, требуетъ огражденья. Огражденія, для всѣхъ мнѣній и партій одинаково обязательнаго. Даже въ этомъ индифферентномъ смыслѣ никакого соглашенія не состоялось. Напротивъ того, въ самомъ непродолжительномъ времени состоялись вѣроломства, предательства, отступничества, въ сопровожденіи цѣлой свиты легкомыслій, свидѣтельствовавшихъ о полномъ отсутствіи дисциплины. Распря, постепенно переходя съ почвы принциповъ на почву уязвленныхъ самолюбій, приняла, наконецъ, такіе размѣры, что въ одно прекрасное утро всякая

надежда, что слово „печать“ когда-нибудь получитъ объединяющій смыслъ, исчезла навсегда.

Вотъ этотъ-то моментъ и подстерегали Подхалимовы. Они поняли сразу, что принципы и руководящіе идеалы остались за флагомъ; что свѣточъ мысли не освѣщаетъ и не убѣждаетъ, а производитъ раздраженіе и панику, полную грядущихъ отмщеній; что, слѣдовательно, ежели печать хочетъ быть силою, то она должна отыскивать почву для этой силы въ той низменной сферѣ, которая не оставляла бы никакихъ сомнѣній на счетъ ея принципіальнаго ничтожества. А именно, въ сферѣ мелочей, прожектерства и личнаго, такъ сказать, наглядно-физическаго обличенія.

И вотъ, сначала выступили Подхалимовы вчерашніе, которые еще во дни возрожденія руку набили. Выступили и поразили всѣхъ юркостью и непринужденною остротою ума. Они первые наглядно доказали, что можно жить и безъ принциповъ. За ними появились Подхалимовы нынѣшніе, такіе, у которыхъ даже литературныхъ преданій не было, а были только недюжинныя способности по части изслѣдованія корней и нитей, шантажа и обезкураженія „брюхановъ“. Первые говорили: „Пріятно этакой въ нѣкоторомъ родѣ арбузъ такъ щелкнуть, чтобъ онъ по всѣмъ швамъ треснулъ!“ Вторые прибавляли: „и при семъ, чтобъ у него изъ всѣхъ щелей ассигнаціи поползли.“

— Нынче, я вамъ скажу, по умственной части тихо,—продолжалъ, между тѣмъ, Подхалимовъ:—зато бойко по части промышленной и коммерческой. Вотъ эту-то ноту мы и разрабатываемъ. Безъ содѣйствія печати нынче ни одно промышленное предпріятіе шагу ступить не можетъ. Вся воздѣлывающая, производящая, эксплуатирующая и спекулирующая Россія раздробилась на безчисленное множество кліентуръ, которыя сами признали свою подсудность печати. Стало быть, рѣчь идетъ только о качествѣ кліентуры. Кто покрупнѣе кліентуру захватитъ, тотъ и умница; но ужъ во всякомъ случаѣ тутъ не фунтомъ икры пахнетъ, какъ во времена Булгарина.

— Однако, мнѣ кажется, что вѣдь и разработка промышленно-торговыхъ интересовъ, несмотря на свой спеціальный характеръ, не исключаетъ возможности честнаго отношенія къ дѣлу?

— Гм... милліонами вѣдь тутъ, отче, пахнетъ, милліонами!

— Помилуйте, Подхалимовъ! сами же вы сейчасъ разсказывали о репортерѣ, который съ похороннымъ счетомъ по „брюханамъ“ путешествовалъ—надѣюсь, что ему и во снѣ милліоны не снились!

— Ахъ, что вы! развѣ я о немъ! Вѣдь и въ нашемъ дѣлѣ

есть табель о рангахъ, да еще престрогая! Одинъ—къ милліонамъ приставленъ, другой—къ сотнямъ тысячъ, третій—къ тысячамъ, а четвертый и около десятковъ съ удовольствіемъ руки погрѣеть.

— Но какъ вы не перегрызетесь другъ съ другомъ? Вѣдь досадно, я думаю, въ четвертомъ-то рангѣ состоять да зубами щелкать, особливо, ежели сознаешь себя способнымъ и достойнымъ.

— Не скажу, чтобы особенно было досадно. Тутъ судьба, и какъ-то сразу это дѣлается понятнымъ. Возьму для примѣра себя: я себѣ цѣну знаю, но только и всего. Не продешевлю, но и дорожиться не стану. Ежели дѣло не моей компетенціи, я за него не возьмусь, а направлю по адресу. Есть „дѣятели печати“ гораздо въ худшемъ противъ меня положеніи, но и тѣ, покуда здоровы, не ропщутъ. Вотъ ежели силы слабѣть начнутъ—тогда капутъ. Но я лично могу и кризисъ выдержать: я и помимо репортерства работу найду. У меня—„перо“! а въ наше просвѣщенное время это порядочная-таки рѣдкость!

— Вотъ вы на эту другую работу и употребили бы ваше „перо“?

— Нельзя. Для этого нужно, чтобы въ личномъ существованіи человѣка рѣшительный переворотъ произошелъ. Наша дѣятельность въѣдчива; не результатами она заманиваетъ — объ результатахъ думать нѣтъ времени — а самымъ процессомъ своимъ. Въ этотъ процессъ вошло такое множество случайныхъ и другъ отъ друга независящихъ подробностей, что каждый день втягиваешь въ себя по новому. Я не работаю, а увлекаюсь. Увлекаюсь каждый день по новому, не такъ какъ вчера. Пишу и думаю: ну теперь нужно полагать, что „онъ“ восчувствуетъ! „Онъ“ — это мой сегодняшній избранникъ, котораго я вчера и въ умѣ не держалъ. Я не помню моего вчерашняго дня, и не загадываю о завтрашнемъ; но сегодняшняя моя мысль вполнѣ для меня ясна. Сегодня, я создалъ себѣ отправный пунктъ, и ежели я въ ударѣ, то, одно за другимъ, выведу изъ него всѣ послѣдствія. Весело, бойко, неумолимо. Мнѣ и работать весело... ежели я „въ ударѣ“. Ничто другое не привлекаетъ, уйти отъ работы не хочется. Вотъ и судите теперь, легко-ли при такихъ данныхъ на другую работу перейти?

— Но вѣдь это своего рода хроническое опьянѣніе, и я положительно не понимаю, какимъ образомъ оно можетъ не изнурить. А сверхъ того, сдается мнѣ, что для литературнаго дѣятеля не мѣшаетъ подумать и о репутаціи порядочности, а такого рода работой ея не пріобрѣтешь.

— Да, относительно низшихъ ранговъ ваше замѣчаніе справедливо. Мы, анонимная сила, дѣйствительно живемъ какъ въ чаду, и объ относительной цѣнности нашей знають только въ редакціяхъ, да въ нашемъ интимномъ кругу, да, пожалуй, еще въ трактирахъ, гдѣ мы завсегдатайствуемъ. Анонимами мы родились и анонимами же большая часть изъ насъ сойдеть въ могилу. Но о высшихъ рангахъ—не говорите такъ. Тѣ ужъ вышли изъ опьяненія, и репутація пришла къ нимъ сама собой, какъ приходить она ко всякому хищнику, который рветъ крупные куски, а мелкими пренебрегаетъ. Нужды нѣтъ, что при встрѣчѣ съ „высшимъ рангомъ" какой-нибудь умильнаго вида человѣкъ подумаеть: вотъ воплотитель современнаго литературнаго распутства... Подумаеть-подумаетъ, а сказать все-таки остережется. Вы возразите, можетъ быть, что эта репутація непрочная, фиктивная—ну, да вѣдь ежели кто къ потомству не апеллируетъ, тому и фиктивная репутація за настоящую сойдетъ. Дѣйствія этихъ высшихъ дѣятелей розничной публицистики уже до такой степени говорятъ о выдержкѣ, что они съумѣли создать въ свою пользу особое право самопротиворѣчія, которое заранѣе гарантируетъ имъ свободу отступничества. Посмотрите, какъ какой-нибудь „Воротило" подступаетъ къ вопросу: точно кошка съ мышкой играетъ. Сначала, пробный шаръ пуститъ, будто стороной что-то слышалъ, и при этомъ сознается, что покуда еще не имѣетъ достаточныхъ данныхъ для сужденія. Затѣмъ, слегка помолчитъ и опять попробуетъ. Слѣва заглянетъ, справа пощупаетъ, предоставитъ какому-нибудь безазбучному добровольцу на задахъ нескладицу проурчать—и опять притворится спящимъ. И вдругъ, у него сердце защемитъ! И любовь къ отечеству явится, и интересъ казны, и нужды промышленности—что есть въ печи, все на столъ мечи! Вопросъ растетъ, и съ каждымъ днемъ осложняется. Независимо отъ pièce de résistance появляются публицистическія приправы: либерализмъ, нигилизмъ, упраздненіе властей и т. п. Это онъ пугаетъ, и въ то же время товаръ лицомъ показываетъ. Наконецъ, когда приправа возъимѣла дѣйствіе, начинается „апоѳеозъ"... Рыба клюнула; данайцы восчувствовали. Ибо ко всякому вопросу пригнана соотвѣтствующая рыбина, соотвѣтствующій данаецъ. Достигнувъ цѣли, газета временно успокоивается; репутація ея, въ качествѣ узорѣшительницы, установлена, а заправилы ея исподволь подъискиваютъ новый вопросъ и оттачиваютъ перья для новаго похода... Вотъ какъ идетъ дѣло въ высшихъ отмѣтко-публицистическихъ сферахъ. Тутъ ужъ не о скачущемъ штандартѣ идетъ рѣчь, а о служеніи на чредѣ государственной; не статейками пахнетъ, а актами мудрости... чортъ побери!

— Прекрасно, но зачѣмъ же вы „чортъ побери“ прибавили? вѣдь вы и сами въ этомъ водоворотѣ кружитесь... Какъ хотите, а непріятно поражаетъ въ васъ эта двойственность!

— Привычка, отче; да въ сущности, и сказать что-нибудь другое трудно. Впрочемъ, не въ томъ дѣло; надѣюсь, вы теперь понимаете, что печать есть, дѣйствительно, сила, которую игнорировать не полагается. Только не та печать, по которой вы, государь мой, періодически панихиды поете.

— Ну да, разумѣется, не та. Стало быть, вы, въ концѣ-концовъ, своимъ положеніемъ довольны?

— Не ропщу. У меня кліентъ, по преимуществу, мелкій. Одинъ домогается благосклоннаго отзыва, другой—благосклоннаго умолчанія, третій—и самъ не знаетъ, чего ему нужно. Вотъ Овчуковъ, напримѣръ: который ужъ разъ приходитъ, все спрашиваетъ, ловко ли будетъ, ежели онъ по пятнадцати процентовъ въ мѣсяцъ станетъ съ заемщиковъ брать?

— Неужели вы, однако, и эту „идею“ въ вашихъ передовицахъ проводить будете?

— Нѣтъ, этотъ еще погодитъ; это онъ такъ, безкорыстнаго сочувствія ищетъ. Замѣтьте, отче, что даже самый темный жуликъ—и тотъ жаждетъ, чтобъ ему посочувствовали, или, по крайней мѣрѣ, хоть пожалѣли объ немъ. Одинъ ему скажетъ: молодецъ! другой: э, да ты еще не совсѣмъ такой негодяй, какъ о тебѣ повѣствуютъ!—онъ и доволенъ. Нѣтъ ничего тяжелѣе, какъ глотать втихомолку свои собственныя мерзавства — съ этимъ ужъ только самые отпѣтые сживаются. Большинство ищетъ хоть частицу удручающаго его негодяйства вынести изъ внутренняго заточенія на свѣтъ, чтобы облегчить себя.

— Но какимъ манеромъ вы сходитесь съ такими людьми?

— Вся моя жизнь на народѣ проходитъ — вотъ и схожусь. Въ трактирахъ, въ судахъ, въ участкахъ, на конкахъ — вездѣ люди. Вся улица человѣчествомъ полна. Нужно же привести эту массу въ извѣстность, расчленить, размѣтить по группамъ. Я сознаюсь, что до сихъ поръ совсѣмъ не это дѣло у меня на первомъ планѣ стояло, но увѣренъ, что работа ассимилированія человѣческаго матеріала все-таки своимъ порядкомъ идетъ. Можетъ быть, этотъ матеріалъ соскользнетъ и безслѣдно, но, можетъ быть, нѣчто и задержится. Провидѣнія не искушаю, и кризиса, который сразу оборвалъ бы меня и заставилъ бы обратиться внутрь, —не призываю. Но ежели наступитъ критическая минута, я убѣжденъ, что найду свой матеріалъ на лицо. И, быть можетъ, буду въ состояніи подлинную картину почтеннѣйшей публикѣ

предоставить. Только вотъ таланта хватитъ ли? или же то, чтó мы теперь называемъ талантомъ, есть не болѣе, какъ усовершенствованное тряпичкинство?

Высказавши послѣднія слова, Подхалимовъ остановился, какъ бы сожалѣя, что черезчуръ ужъ далеко зашелъ въ область самообличенія. Я съ своей стороны тоже понялъ, что какъ ни затягивай бесѣду съ Подхалимовымъ, результатъ получится только одинъ: будетъ двоиться въ глазахъ. Въ эту минуту, онъ, пожалуй, и посантиментальничать непрочь, а черезъ полчаса, блеснетъ ему въ глаза подходящій сюжетъ, — и опять штандартъ поскакалъ.

— Ну, прощайте,—сказалъ я:—желаю вамъ! Ужъ ежели вы сами специальную табель о рангахъ для себя облюбовали, то не задерживайтесь на низшихъ ступеняхъ, а дерзайте! Безплодно на судьбу не ропщите—это и смѣшно и не интересно, — но міроѣдамъ въ зубы не смотрите. И ежели увидите, что изъ ропота можетъ воспослѣдовать полезный для васъ плодъ, то средствомъ этимъ не пренебрегайте.

Возвращаясь отъ Подхалимова, я нѣкоторое время чувствовалъ себя какъ въ туманѣ. Я не только не разрѣшилъ себѣ вопроса о хищничествѣ, но даже пересталъ имъ интересоваться, забылъ объ немъ. Совсѣмъ другая мысль назойливо билась въ головѣ: откуда пришла и зачѣмъ понадобилась эта безпощадная жестокость въ извращеніи внутренней сущности явленій, которыя, будучи взяты сами по себѣ, занимаютъ далеко не послѣднее мѣсто въ ряду отличительныхъ опредѣленій человѣческой природы?

Что такое Подхалимовъ?—безспорно, это воспріимчивый, отзывчивый и очень даровитый человѣкъ. Вотъ опредѣленіе, которое ближе всего подходитъ къ нему, ежели отрѣшиться отъ того гадливаго чувства, которое вызывается его практическою дѣятельностью.

Воспріимчивость и отзывчивость составляютъ едва ли не самое драгоцѣнное достояніе человѣка. Безъ нихъ немыслима ни дѣятельная честность, ни постиженіе идеи общаго блага. Только воспріимчивый человѣкъ можетъ всего себя отдать на служеніе высшему идеалу; только въ немъ можетъ созрѣть идея о человѣчествѣ и ожидающихъ его перспективахъ; только онъ способенъ возвыситься до самоотверженія. Признать законность самоотверженія, какъ фактора человѣческой жизнедѣятельности—это уже значитъ внести въ жизнь элементъ правды и человѣчности; но познать на дѣлѣ сладость самоотверженія—это значитъ дать такое доказательство превосходства человѣческой природы, противъ котораго не можетъ быть и возраженія.

Вотъ какимъ по-истинѣ поразительнымъ проявленіямъ можетъ дать начало человѣческая воспріимчивость; вотъ сколько свѣта, тепла, бодрости, паренія она можетъ внести въ существованіе человѣка! И что же! та же самая воспріимчивость помогаетъ Подхалимову разбираться въ сору постыднѣйшихъ отбросковъ, прилѣпляться къ нимъ всѣмъ существомъ, перебѣгать отъ одного хищника къ другому, встряхивать рыночныхъ „брюхановъ", поднимать на смѣхъ „простофиль", тѣшить ихъ безплодными фикціями, лгать, лгать, лгать...

Понимаетъ ли Подхалимовъ, что онъ лжетъ, или не понимаетъ? Участвуетъ ли хоть капля сознательности въ той фальши, которую онъ распространяетъ вокругъ себя, или эта фальшь льется изъ него сама собой, какъ льется вода изъ незапертаго крана?

Но какой странный, почти неимовѣрный процессъ вырожденія долженъ былъ произойти въ промежуткѣ двухъ полюсовъ, чтобы вмѣсто служенія высшимъ идеаламъ получилось подлавливанье подходящихъ сюжетцевъ, вмѣсто самоотверженія—выпучиваніе „простофиль"!

Точно то же слѣдуетъ сказать и о даровитости. Даровитость племени дѣлаетъ его свѣточемъ міра; даровитость отдѣльнаго индивидуума дѣлаетъ его свѣточемъ страны. При низкомъ уровнѣ даровитости нѣтъ ни хорошаго управленія, ни умственной жизни, ни матеріальныхъ успѣховъ, ни развитія. Нѣтъ цвѣтенія. Всѣ блага, которыми въ данную эпоху пользуется страна, приносятся ей даровитостью сыновъ ея, а жажда этихъ благъ такъ жива и естественна, вліяніе ихъ на расширеніе жизненныхъ горизонтовъ такъ безспорно, что это одно вполнѣ объясняетъ, почему даровитые люди занимаютъ такое исключительное положеніе въ средѣ своего народа и общества.

И вотъ, передъ нами экземпляръ несомнѣнно даровитаго индивидуума, Подхалимовъ! Экземпляръ, который, кромѣ вольнаго обращенія, распутства и полнаго индифферентизма въ дѣлѣ убѣжденій, ничего другого странѣ своей дать не можетъ! Не колдовство ли это?

Въ послѣднее время, чаще и чаще приходится слышать жалобы на оскудѣніе русской литературы. Говорятъ: старые таланты допѣваютъ свои послѣднія пѣсни, новыхъ — не нарождается. Тутъ и адвокатуру приплетаютъ, и педагогическую дѣятельность, и другія болѣе или менѣе доступныя профессіи: вотъ, дескать, куда ушла даровитость русскаго культурнаго человѣка. Но, по моему мнѣнію, во всѣхъ этихъ жалобахъ и ссылкахъ нѣтъ ничего, кромѣ недоразумѣнія. Прочитайте любое изъ Подхалимовскихъ упражненій, которыя онъ съ такою легкостью изъ себя ежедневно

выливаетъ, точно у него въ запасѣ неистощимая бутылка—и вы въ каждой строкѣ найдете больше таланта, больше жизненной образности, нежели во всѣхъ „послѣднихъ пѣсняхъ“ потухающихъ стариковъ. Не объ отсутствіи даровитости идетъ рѣчь, а объ томъ, что Подхалимовъ съумѣлъ дать своему таланту омерзительную, гнусную, безчестную окраску. И не въ томъ бѣда, что онъ размѣнялъ себя на мелочи—онъ справедливо выразилъ въ разговорѣ со мною увѣренность, что работа ассимилированія человѣческаго матеріала идетъ въ немъ своимъ чередомъ и дастъ въ свое время плодъ—а въ томъ, что эти мелочи до такой степени запакощены, до того провоняли, что подло къ нимъ близко подойти.

И такой же, ежели не горшій, плодъ дастъ и происходящій въ немъ процессъ ассимилированія человѣческаго матеріала. Очень возможно, что въ результатѣ этого процесса окажется картина очень широкая и написанная рукою мастера, но каждый штрихъ ея будетъ запечатлѣнъ тѣмъ обязательнымъ присутствіемъ низменности, которую приводитъ за собой продолжительное и упорное общеніе съ наглѣйшими проявленіями торжествующаго безстыжества.

Публичность, которою мы пользуемся, достаточно-таки скудна. Вся она сосредоточивается въ печати, а печать, по обстоятельствамъ, всецѣло эксплуатируется Подхалимовыми. Все, что мы знаемъ о нашей родной странѣ—все выходитъ изъ этого источника. Подхалимовъ высшаго ранга—явно лжетъ и подтасовываетъ; Подхалимовъ низшаго ранга—неизвѣстно чему веселится и скачетъ съ штандартомъ. Первый подъ видомъ защиты принциповъ порядка и устойчивости, безсовѣстно пользуется ими въ качествѣ полемическаго пріема, чтобъ зажать ротъ своимъ противникамъ. Второй — отъ всякихъ принциповъ отшучивается и напрямки заявляетъ, что, кромѣ унынія и скуки, ничего они обществу дать не могутъ. Таковы установившіеся обычаи и нравы, а послѣдніе въ свою очередь опредѣлили и отношеніе печати къ читателю. Читатель—это „простофиля“, который обязывается обязательно оставаться въ угарѣ недоумѣнія и невѣденія.

И за всѣмъ тѣмъ, Подхалимовъ сказалъ правду: никогда печать съ такою рѣзкостью не заявляла о своей силѣ. Но какого качества эта сила?—вотъ въ чемъ вопросъ.

Н. Щедринъ.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

въ

ЕВРОПѢ И ВЪ РОССИИ*).

Es erben sich Gesetz' und Rechte,
Wie eine ew'ge Krankheit fort...
Goethe.

Повсюду въ Европѣ стоитъ на очереди поземельный вопросъ въ той или другой формѣ; вездѣ раздаются жалобы на крайнюю задолженность и безпомощность землевладѣнія, на хроническій сельско-хозяйственный кризисъ и на упадокъ крестьянской собственности. Причины общаго недуга отыскиваются въ экономическихъ обстоятельствахъ настоящаго времени—въ возрастающемъ господствѣ капитала, въ усиленіи привоза американскаго хлѣба и т. п.; но не подлежитъ сомнѣнію, что зло коренится гораздо глубже и имѣетъ болѣе широкую традиціонную основу.

Слишкомъ мало вниманія обращено было до сихъ поръ на тѣсную связь землевладѣнія съ политическимъ строемъ европейскихъ обществъ и на двойственный характеръ самого института поземельной собственности въ современномъ его видѣ. Поземельная собственность англійскаго лорда есть фактъ политическій, продуктъ своеобразной средневѣковой исторіи; владѣніе крестьянина есть фактъ народно-хозяйственный, возникшій на естественной почвѣ земледѣльческаго труда. Примѣнять къ этимъ двумъ категоріямъ землевладѣнія одни и тѣ же юридическія и эконо-

*) Читано въ засѣданіи Юридическаго общества, при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 26 января 1885 г.

мическія понятія—значить впадать въ очевидную ошибку. Между тѣмъ, эту ошибку дѣлають нерѣдко и законодатели, юристы, и отчасти экономисты; она вошла въ новѣйшіе кодексы и долго давала направленіе всему ходу поземельныхъ отношеній.

Несостоятельность общепринятыхъ представленій о поземельной собственности кажется тѣмъ болѣе странною, что матеріалъ для правильнаго взгляда собранъ въ достаточномъ изобиліи [1]). Историческія судьбы землевладѣнія дають ключь къ пониманію недоразумѣній, унаслѣдованныхъ отъ прошлаго, и освѣщають истинную природу института, извращеннаго самыми разнообразными и произвольными метаморфозами. Въ настоящемъ этюдѣ мы попытаемся разобрать положеніе поземельнаго вопроса въ западной Европѣ и въ Россіи, съ точки зрѣнія существующихъ законодательствъ и условій дѣйствительной жизни. Такая задача можеть представлять не только научный, но и практическій интересъ, въ виду предстоящаго пересмотра нашихъ гражданскихъ законовъ.

I.

Въ большей части европейскихъ законодательствъ отдѣлъ постановленій о поземельной собственности отличается какою-то странною непослѣдовательностью: съ одной стороны, въ видѣ общаго принципа, устанавливается право полной частной собственности на землю, и въ этомъ отношеніи не дѣлается никакого существеннаго различія между землею и прочими предметами частнаго обладанія, а съ другой стороны—это же безусловное и неограниченное право на землю молчаливо отвергается при болѣе подробномъ спеціальномъ опредѣленіи поземельныхъ правъ. Вездѣ провозглашается начало полной частной собственности въ примѣненіи къ землѣ, и нигдѣ оно не получаеть и не можеть получить предполагаемаго осуществленія.

Это противорѣчіе между общимъ началомъ и его примѣненіемъ въ дѣйствительности выражается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ; иногда оно рѣзко бросается въ глаза, а чаще всего оно сглаживается искусственными способами, которыми, однако, нисколько не измѣняется истинная природа вещей.

Во всѣхъ вообще гражданскихъ кодексахъ общія опредѣленія права собственности обнимають и землю; между тѣмъ, право на

[1]) О различныхъ теоріяхъ поземельной собственности см. нашу статью въ „Вѣстникѣ Европы" за 1883 г., № 1.

землю неизмѣнно выходитъ изъ-подъ этихъ опредѣленій и никакимъ образомъ не можетъ быть съ ними соглашено. Напримѣръ, въ прусскомъ земскомъ уложеніи, въ томъ видѣ, какъ оно издано было въ концѣ прошлаго столѣтія, право собственности опредѣлено такъ: „собственникъ есть тотъ, кто имѣетъ право распоряжаться сущностью вещи, своею собственною властью, съ устраненіемъ всякаго посторонняго вмѣшательства". Спеціальнымъ признакомъ этого права считается именно распоряженіе сущностью, субстанціею вещи; только тогда оно называется Proprietät, въ отличіе отъ другихъ вещныхъ правъ [1]). Но когда собственникъ, опираясь на это опредѣленіе, вздумалъ бы воспользоваться сущностью вещи по своему усмотрѣнію, то тотчасъ оказалось бы, что онъ этого дѣлать не можетъ и не въ правѣ. Въ силу дальнѣйшихъ параграфовъ уложенія, владѣлецъ поземельнаго участка можетъ пользоваться имъ только извѣстнымъ образомъ: если онъ запускаетъ имѣніе или домъ, если онъ не поддерживаетъ построекъ, необходимыхъ для хозяйства или для жилья, то имѣніе у него отбирается и продается съ публичнаго торга (§ 61 и сл.). Очевидно, въ этомъ случаѣ собственность существуетъ только на словахъ, а не на дѣлѣ,—ибо здѣсь нѣтъ права распоряженія вещью по личному желанію владѣльца, подобно тому, какъ это право существуетъ относительно всѣхъ прочихъ вещей. Далѣе, по прусскому же уложенію, собственникъ не долженъ распоряжаться своимъ лѣсомъ, не долженъ рубить его и истреблять для продажи (§ 83 — 89), — иначе онъ подвергается денежнымъ взысканіямъ и даже тюремному заключенію. Законъ какъ-бы говоритъ владѣльцу: „ты собственникъ лѣса и слѣдовательно сущность его, весь лѣсной матеріалъ, принадлежитъ тебѣ; но если ты посмѣешь тронуть эту сущность, тебя оштрафуютъ или даже заключатъ въ тюрьму". Объ ограниченіи права собственности тутъ не можетъ быть и рѣчи, ибо здѣсь отсутствуетъ самое это право въ его основныхъ элементахъ: кто не имѣетъ власти располагать извѣстнымъ предметомъ и извлекать изъ него возможныя выгоды, кто пользуется имъ только подъ условіемъ сохраненія его цѣлости, тотъ не есть собственникъ вещи. И въ самомъ дѣлѣ, оставивъ въ сторонѣ названіе владѣльцевъ собственниками, мы увидимъ, что, по смыслу прусскихъ законовъ, всѣ вообще лѣса были изъяты изъ числа предметовъ частнаго владѣнія и составляли собственность государственную; владѣльцы же имѣній, въ которыхъ находился лѣсъ, обязаны были имѣть над-

---

[1]) Pr. Landrecht, 1791, Th. I, tit. 8, § 1 и § 10.

зоръ за его состояніемъ и ростомъ, подчиняясь правиламъ и контролю лѣсного управленія, а за исполненіе этихъ обязанностей они пользовались лѣсомъ безъ ущерба для его цѣлости. Въ такомъ видѣ представляется дѣйствительное положеніе землевладѣльцевъ по прусскому ландрехту; относительно лѣса они имѣютъ весьма ограниченныя права, не имѣющія и отдаленнаго сходства съ собственностью,—хотя законъ и называетъ ихъ собственниками.

Могутъ сказать, что дѣло не въ названіи, — что для дѣла безразлично, какъ опредѣлено и названо извѣстное право, лишь-бы только содержаніе его было точно формулировано. Но это не вѣрно. Прусскіе землевладѣльцы, ошибочно названные собственниками лѣсовъ, относительно которыхъ они были поставлены скорѣе въ качествѣ хранителей, имѣли полное основаніе домогаться устраненія явнаго противорѣчія въ законахъ; они могли жаловаться на то, что ихъ какъ-бы въ насмѣшку признали собственниками, что имъ дали титулъ безъ соотвѣтственнаго реальнаго содержанія, и что ихъ несправедливо лишаютъ правъ, вытекающихъ изъ понятія собственности. Логическая послѣдовательность требуетъ реформы, и мало-по-малу за голымъ титуломъ собственности слѣдуетъ по частямъ ея содержаніе; такъ называемыя ограниченія отпадаютъ, права государственныя или общественныя сокращаются, и лѣса поступаютъ въ распоряженіе частныхъ лицъ. Постановленія прусскаго ландрехта о лѣсахъ были такимъ образомъ отмѣнены, и землевладѣльцы изъ обязательныхъ хранителей лѣсовъ сдѣлались ихъ настоящими хозяевами, въ ущербъ правамъ и интересамъ государства. Это превращеніе было бы едвали возможно, еслибы права частныхъ лицъ и государства были сразу установлены согласно съ дѣйствительностью, безъ употребленія неподходящихъ терминовъ, — т.-е. еслибы и номинальнымъ собственникомъ лѣсовъ признавалось государство, какимъ оно было фактически и юридически, а владѣльцамъ предоставлены были бы тѣ самыя права пользованія, которыя признаны за ними уложеніемъ 1791 года. Неточность опредѣленія или названія приводитъ нерѣдко къ чрезвычайно важнымъ послѣдствіямъ въ области права и законодательства; не даромъ сказано, что „omnis definitio in jure civili periculosa est“.

Мы говорили о прусскомъ уложеніи,—но прусское уложеніе устарѣло, и недостатки и противорѣчія его, быть можетъ, не встрѣчаются уже въ болѣе усовершенствованныхъ европейскихъ кодексахъ. Возьмемъ одно изъ новыхъ гражданскихъ уложеній—саксонское, составленное по всѣмъ правиламъ нѣмецкой юридической науки. Въ этомъ кодексѣ, въ раздѣлѣ о собственности, мы

читаемъ: „право собственности даетъ полное и исключительное господство надъ вещью“ (§ 217). „Собственникъ имѣетъ право по усмотрѣнію своему измѣнять, потреблять и уничтожить свою вещь“ (§ 219). Примѣнимо ли это опредѣленіе къ поземельной собственности? Очевидно,—нѣтъ. Земля уже по своимъ физическимъ свойствамъ не можетъ быть уничтожена; она никакъ не поддается полному частному обладанію. Законъ, во имя логической послѣдовательности, старается расширить право на землю до предѣловъ полной собственности; но это стремленіе оказывается напраснымъ, и вслѣдъ за общимъ принципомъ идетъ цѣлый рядъ ограниченій, которыхъ ничѣмъ нельзя устранить. Въ законѣ выражено прямо, что „каждый можетъ пользоваться своимъ недвижимымъ имѣніемъ въ полной мѣрѣ, даже еслибы вслѣдствіе того сосѣдъ потерпѣлъ ущербъ въ извлеченіи выгодъ изъ своего имѣнія“ (§ 352). Это общее правило сопровождается, однако, подробнымъ вычисленіемъ случаевъ, когда владѣлецъ не въ правѣ извлекать выгоды изъ своего участка по своему усмотрѣнію и когда онъ обязанъ принимать во вниманіе интересы и удобства сосѣдей. Владѣлецъ „не можетъ устраивать на своей землѣ такія приспособленія, которыми измѣняется теченіе воды ко вреду сосѣда; онъ не можетъ возводить такія постройки, отъ которыхъ на землю сосѣда переносится паръ, чадъ, дымъ, копоть и известковая или угольная пыль“ (§ 355 и 358); онъ не можетъ даже вполнѣ закрыть свою собственность для постороннихъ лицъ, — онъ обязанъ отвести сосѣду дорогу черезъ свое имѣніе, если это требуется интересами сосѣдняго участка (§ 345);—онъ долженъ допустить на своей землѣ устройство лѣсовъ для починки или возведенія зданія сосѣдомъ, а также провозъ и кладку строительныхъ матеріаловъ, если безъ этого невозможны были бы предпринятыя работы (§ 350).

Гдѣ же здѣсь то „полное и исключительное господство надъ вещью“, которое связывается закономъ съ понятіемъ о правѣ собственности? Оно исчезаетъ какъ туманъ — по мѣрѣ приближенія къ реальнымъ условіямъ жизни, которыя такъ или иначе должны быть принимаемы въ разсчетъ законодателемъ. Подъ видомъ простыхъ „ограниченій“ вводятся элементы весьма сложные и разнообразные, совершенно измѣняющіе характеръ самаго права. И главное—эти элементы неустранимы, они входятъ въ сущность землевладѣнія, они пропитываютъ его насквозь. Законъ предполагаетъ еще, что „ограниченія отдѣльныхъ правъ, содержащихся въ правѣ собственности, существуютъ лишь въ силу предписаній закона или въ силу правъ, пріобрѣтенныхъ другими

лицами" (§ 222). Но источникъ общихъ ограниченій — не въ законѣ, а въ природѣ вещей. Законъ не могъ-бы, при всемъ своемъ желаніи, отмѣнить право прохода и проѣзда черезъ чужія земли, избавить владѣльцевъ отъ всякихъ обязанностей относительно сосѣдей и дать имъ власть безконтрольно „измѣнять, потреблять и уничтожать" свои участки. Владѣльцы, которымъ принадлежало-бы „полное и исключительное господство" въ предѣлахъ ихъ земель, были-бы уже не только хозяевами своихъ имѣній, но и господами надъ обитающимъ въ нихъ населеніемъ.

Чтобы избѣгнуть прямого противорѣчія между опредѣленіемъ права собственности и спеціальными условіями землевладѣнія, нѣкоторыя законодательства вносятъ ограничительныя оговорки въ самое опредѣленіе собственности; по французскому кодексу, „собственность есть право пользоваться и располагать вещами самымъ абсолютнымъ образомъ, съ тѣмъ, однако, чтобы не дѣлалось изъ нихъ употребленіе, воспрещенное законами или регламентами" (art. 544). То же самое гласитъ соотвѣтственная статья итальянскаго уложенія (art. 436). Профессоръ Лоранъ въ своемъ проектѣ пересмотра бельгійскаго кодекса, т.-е. того же Code Napoléon, прибавляетъ еще оговорку, что употребленіе вещи не должно нарушать чужія права [1]). Формальное противорѣчіе такимъ образомъ, устраняется, повидимому; законъ заранѣе предвидитъ неизбѣжность ограниченій и оставляетъ для нихъ открытыми обычныя рамки собственности. Но все-таки остается въ силѣ тотъ фактъ, что ограниченія присущи землевладѣнію, что они сопутствуютъ ему, какъ необходимый его составной элементъ, тогда какъ они могутъ не имѣть мѣста относительно другихъ категорій частнаго обладанія. Для одного разряда правъ — поземельныхъ—такъ-называемыя ограниченія составляютъ общее правило, вытекающее изъ природы и значенія земли; для прочихъ видовъ имущества ограничительныя нормы составляютъ исключеніе и нуждаются въ особомъ оправданіи. Землевладѣлецъ можетъ въ точности сообразоваться съ приведеннымъ выше опредѣленіемъ Code civil; онъ не будетъ ни нарушать чужихъ правъ, ни допускать распоряженій, воспрещенныхъ закономъ или регламентами; тѣмъ не менѣе и въ этихъ предѣлахъ онъ окажется лишеннымъ безусловнаго права, приписаннаго ему закономъ. Онъ долженъ подчиниться требованію сосѣда о проложеніи дороги черезъ его землю; онъ не можетъ сказать: я собственникъ имѣнія и не желаю уступать ни пяди

[1]) Avant-projet de Revision du code civil, redigé par F. Laurent, Brux., 1883, т. III.

земли, ни малѣйшей частицы моей собственности для нуждъ посторонняго лица, подобно тому, какъ никто не въ правѣ требовать отъ меня какой-либо уступки изъ остального моего имущества. Сосѣдъ заставитъ его отречься отъ этой иллюзіи, опираясь на категорическое постановленіе закона, изложенное въ 682 статьѣ кодекса.

Нашъ Сводъ законовъ, какъ извѣстно, также говоритъ о „полномъ правѣ собственности" на землю, причемъ упоминаетъ, однако, о „предѣлахъ, закономъ установленныхъ". Содержаніе этого права опредѣлено въ 423-ей и слѣдующихъ статьяхъ первой части десятаго тома. Но вслѣдъ затѣмъ оказывается, что полнаго права вовсе не существуетъ, что право собственности на землю есть по существу своему неполное. Законъ называетъ „неполнымъ" такое право, которое ограничивается постороннимъ участіемъ; а „право участія общаго и частнаго" имѣетъ обязательную силу для всѣхъ вообще имѣній; здѣсь опять-таки идетъ рѣчь о допущеніи прохода и проѣзда, объ отведеніи земли подъ дороги, гдѣ ихъ нѣтъ, въ интересахъ постороннихъ лицъ, даже о допущеніи прогоняемаго скота къ пользованію кормомъ на лугахъ по скошеніи травы и на поляхъ послѣ жатвы; далѣе, вдоль рѣкъ нужно оставлять извѣстное пространство для надобностей судоходства; на владѣльцевъ возлагается еще цѣлый рядъ обязанностей относительно постройки мостовъ черезъ малыя рѣки, пользованія землею вдоль рѣкъ и озеръ и т. п. Такъ какъ эти ограниченія имѣютъ вполнѣ общій характеръ и отъ нихъ не свободенъ ни одинъ владѣлецъ, то въ результатѣ выходитъ, что нѣтъ вовсе никакого другого права поземельной собственности, кромѣ неполнаго. И наше законодательство, подобно другимъ, сначала показываетъ намъ перспективу полной собственности на землю, а потомъ незамѣтно уничтожаетъ ее, довольствуясь признаніемъ одной лишь собственности неполной.

Чѣмъ же объяснить всѣ эти противорѣчія и неясности въ законахъ о землевладѣніи? Они объясняются одною коренною ошибкою—смѣшеніемъ поземельныхъ правъ со всякими другими имущественными правами, желаніемъ во что бы то ни стало подвести право на землю подъ общую рубрику права собственности.

Юристы до сихъ поръ не хотятъ видѣть принципіальной разницы между землевладѣніемъ и другими видами имуществъ; всю эту разницу они сводятъ къ чисто внѣшнему поверхностному признаку движимости и недвижимости. Земля есть для нихъ такая же вещь, какъ и всякая другая; только ее нельзя двинуть съ мѣста или унести съ собою, а другія—можно. Вотъ и все. Взять

одинъ только внѣшній физическій признакъ, не имѣющій самъ по себѣ никакого юридическаго значенія, и по этой особенности производится дѣленіе вещей на категоріи. Можно ли придумать болѣе грубый пріемъ классификаціи? Если неподвижность земли есть единственная черта, отличающая ее отъ прочихъ принадлежащихъ намъ предметовъ, то, конечно, и въ правахъ на землю и на другіе предметы возможно только наружное различіе,—ибо объемъ нашего права не зависитъ отъ того, движется ли вещь или нѣтъ. Важнѣйшія политическія и общественныя свойства земли, — не говоря уже о природныхъ,—совершенно исчезаютъ въ этомъ опредѣленіи и дѣленіи вещей. Именно тѣ стороны землевладѣнія, которыя рѣзко отдѣляютъ его отъ другихъ имущественныхъ правъ, игнорируются, стираются, а взамѣнъ ихъ выдвигается признакъ, ничего не означающій и ни къ чему не обязывающій. Юристы, начиная съ римскихъ, поступали въ этомъ отношеніи дедуктивно; они устанавливали возможно-широкія формулы и подъ нихъ подводили разнообразныя явленія, вмѣсто того, чтобы сначала анализировать факты, опредѣлить реальныя особенности явленій и затѣмъ уже выводить свои дефиниціи. Римскій юристъ, въ числѣ тѣлесныхъ вещей, называетъ и человѣка, рядомъ съ землею, золотомъ и серебромъ,—причемъ человѣкъ ставится послѣ земли [1]). Человѣкъ, какъ предметъ частнаго обладанія, есть несомнѣнно вещь движимая, и римская юриспруденція, придерживаясь внѣшнихъ признаковъ, не дѣлала различія между человѣкомъ и прочими вещами, хотя и должна была отступать отъ этой логической послѣдовательности въ своихъ спеціальныхъ опредѣленіяхъ о рабствѣ. Римское право не проводитъ надлежащей границы между вещами движимыми и недвижимыми; самаго этого дѣленія нѣтъ въ „Институціяхъ". Для всѣхъ вообще вещей устанавливаются почти одни и тѣ же юридическія понятія. „На этомъ примѣрѣ,—замѣчаетъ Іерингъ, — подтверждается сущность римской абстракціи. Черезъ естественныя различія вещей проникаетъ она до понятія вещи, и имѣя уже дѣло съ нимъ однимъ, она устраняетъ вліяніе естественнаго элемента, такъ что не понятіе приспособляется къ содержанію, а, напротивъ, содержаніе—къ составленному напередъ понятію".

Но несправедливо было бы считать римское право отвѣтственнымъ за упорную односторонность позднѣйшей юриспруденціи. Въ римскомъ правѣ есть слѣды другого дѣленія вещей, основаннаго, очевидно, на реальныхъ условіяхъ жизни, а не на произ-

---

[1]) См. „Институціи" имп. Юстиніана, кн. II, tit. II, § 1 и др.

вольныхъ поверхностныхъ признакахъ. Древнее право Рима строго различало поземельныя права отъ всякихъ другихъ; первыя подлежали особымъ началамъ, требовали торжественныхъ обрядовъ для пріобрѣтенія и передачи, при участіи свидѣтелей—членовъ общины; къ этой категоріи относятся права на землю, сельскую и городскую, на строенія, на рабовъ и скотъ, на сельскіе сервитуты. Землевладѣніе со всѣми его хозяйственными принадлежностями было, такимъ образомъ, поставлено внѣ обычнаго гражданскаго оборота; оно предполагало господство, доступное только римскимъ гражданамъ и обнимавшее только италійскую землю, гдѣ дѣйствовало право квиритовъ. Въ этомъ заключалось значеніе стариннаго дѣленія вещей на res mancipi и nec mancipi [1]). Съ точки зрѣнія отвлеченной логики это дѣленіе не удовлетворяло позднѣйшихъ юристовъ; оно не соотвѣтствовало требованію единства и стройности логическихъ понятій, такъ какъ удѣляло слишкомъ много мѣста реальнымъ различіямъ и особенностямъ явленій. Любопытно, что и теперь еще экономическій и общественный смыслъ римской классификаціи понимается юристами не всегда вѣрно. Профессоръ Муромцевъ въ своемъ почтенномъ курсѣ римскаго гражданскаго права объясняетъ, что вещи, извѣстныя подъ именемъ res mancipi, т.-е. поземельные участки съ ихъ принадлежностями, ранѣе другихъ вещей вошли въ гражданскій оборотъ и что только впослѣдствіи стали служить предметомъ сдѣлокъ и другія вещи—одежда, всякаго рода матеріалы, оружіе, домашняя утварь и рабочія орудія; относительно этихъ продуктовъ труда не существовало строгой собственности, и появленіе ихъ въ гражданскомъ быту не было даже предусмотрѣно терминологіею закона [2]). Въ дѣйствительности дѣло объясняется какъ разъ наоборотъ; повсюду земля гораздо позднѣе прочихъ вещей становится предметомъ частнаго оборота, она долго сохраняетъ свой общественный и политическій характеръ; распредѣленіе, пріобрѣтеніе и переходъ участковъ изъ рукъ въ руки совершаются при ближайшемъ участіи мѣстныхъ общинъ и подъ постояннымъ контролемъ публичной власти; право частной собственности на землю еще не признается въ первоначальный періодъ общественнаго развитія. Другое дѣло—продукты человѣческаго труда, обычныя движимыя вещи, драгоцѣнные металлы и т. п.; они входятъ въ сферу исключительнаго и полнаго господства

---

[1]) Собственно „res mancipii"—предметы господства, связанные съ личнымъ и общественнымъ положеніемъ владѣльцевъ, а „res nec mancipi"—всѣ остальныя вещи.

[2]) Гражданское право древняго Рима, проф. С. Муромцева (М., 1883), стр. 54—7.

отдѣльныхъ лицъ, передаются свободно изъ рукъ въ руки, составляютъ предметъ всевозможныхъ сдѣлокъ съ самыхъ раннихъ временъ, безъ всякаго участія и вмѣшательства общинъ или государства. И объ этомъ разрядѣ вещей проф. Муромцевъ утверждаетъ, что онѣ подлежали менѣе развитому праву собственности, не имѣвшему даже имени. Совершенно другого взгляда держится англійскій ученый сэръ Генри Мэнъ, котораго г. Муромцевъ справедливо ставитъ въ образецъ юристамъ-теоретикамъ. Между прочимъ, по мнѣнію Мэна, „возведеніе скота на степень res mancipi могло обусловливаться желаніемъ сохранить скотъ для земледѣлія, такъ какъ оно дѣлало его отчужденіе и употребленіе въ качествѣ мѣнового орудія весьма затруднительнымъ" [1]). Т.-е. поземельные участки и принадлежности сельскаго хозяйства, въ качествѣ res mancipi, не только не были главнымъ предметомъ оборота, какъ думаетъ г. Муромцевъ, а напротивъ, только съ большимъ трудомъ поддавались требованіямъ имущественнаго обращенія.

Въ сущности, дѣленіе вещей на „res mancipi" и „nec mancipi", независимо отъ физическихъ признаковъ движимости или недвижимости, настолько лежитъ въ природѣ вещей, что оно существуетъ понынѣ во всѣхъ законодательствахъ, хотя и въ замаскированномъ видѣ. Вездѣ поземельныя имущества подчиняются особому болѣе сложному и торжественному порядку пріобрѣтенія и распоряженія, при участіи и контролѣ публичной власти; вводъ во владѣніе играетъ теперь такую же роль, какъ согласіе общины и сосѣдей въ былое время; сохранился отчасти даже тотъ отличительный признакъ, что землею можетъ владѣть только полноправный гражданинъ страны; отъ законодательства зависитъ устраненіе извѣстныхъ элементовъ отъ землевладѣнія, тогда какъ объ этомъ нѣтъ и рѣчи относительно другихъ имущественныхъ правъ. Земля и связанные съ нею интересы составляютъ повсюду самостоятельную область, съ преобладаніемъ общественнаго элемента; и тѣмъ не менѣе, юристы упорно не желаютъ видѣть другой разницы, кромѣ физической, между землею и другими вещами, усиливаются втиснуть землевладѣніе въ общія рамки вещныхъ правъ и, во что бы то ни стало, связываютъ важныя фактическія и юридическія различія съ поверхностнымъ и неподходящимъ дѣленіемъ вещей на движимыя и недвижимыя. Это послѣднее дѣленіе приводитъ юристовъ къ цѣлому ряду искусственныхъ комбинацій, исключеній и фикцій, причемъ теряется уже есте-

[1]) Сэръ Генри Мэнъ, Древнѣйшая исторія учрежденій (р. пер.), стр. 120.

ственный смыслъ самаго признака, положеннаго въ основу классификаціи. Законодательство вынуждено отступать отъ обычнаго значенія употребляемыхъ словъ, объявлять движимыя вещи—недвижимыми, въ виду тѣсной связи ихъ съ сельскимъ хозяйствомъ и важности ихъ для земледѣльцевъ. Въ кодексахъ перечисляется длинный списокъ вещей, признаваемыхъ недвижимыми „по назначенію“,—таковы рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, сѣмена и нужные запасы, удобреніе, солома, медовые соты, все необходимое для эксплуатаціи кузницъ и подобныхъ заведеній (art. 524 франц. и 413 итальянскаго улож.); сюда же причисляются по французскому кодексу голуби съ голубятенъ, кролики, рыбы въ прудахъ и пр. Мало того, самыя права на вещи становятся также въ разряды вещей недвижимыхъ или движимыхъ; такъ по саксонскому уложенію, „права на недвижимыя вещи, за исключеніемъ ипотекъ, а также права, связанныя съ недвижимыми вещами, причисляются къ недвижимымъ вещамъ, другія права—къ движимымъ“ (ст. 60 и 70). Тутъ мы видимъ уже полную путаницу понятій. Обыкновенный смыслъ словъ извращается, создается весьма сложная система неясностей и недоразумѣній, законъ впадаетъ въ запутанную казуистику, для опредѣленія различныхъ случаевъ, когда движимыя вещи раздѣляютъ судьбу недвижимыхъ,—и все это для чего? Чтобы сохранить классификацію, не имѣющую смысла и не соблюдаемую самимъ закономъ. Если дѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя не совпадаетъ съ различіемъ предметовъ по важности ихъ въ народной жизни и въ глазахъ законодательства, если дѣленіе это не выдерживается ни однимъ изъ кодексовъ и приводитъ къ крайней путаницѣ, то зачѣмъ же оставаться при этомъ первобытномъ дѣленіи? Нужно много юридической тонкости, чтобы объявлять, напримѣръ, такія преимущественно подвижныя вещи, какъ голуби или кролики,—недвижимыми; это можетъ даже казаться насмѣшкою для здраваго смысла обыкновенныхъ смертныхъ.

Нашъ Сводъ законовъ остается уже болѣе послѣдовательнымъ; въ немъ не дѣлается попытки насиловать природу, ради отвлеченныхъ опредѣленій, но зато оставлены безъ охраны предметы, составляющіе настоящія „res mancipi“ по другимъ кодексамъ. У насъ причислены къ движимымъ вещамъ—и земледѣльческія орудія, лошади, скотъ, хлѣбъ сжатый и молоченный, всякіе припасы, выработанныя на заводахъ наличныя руды, металлы и минералы, всякаго рода инструменты и матеріалы, и все то, что изъ земли извлечено (ст. 401). Законъ принимаетъ во вниманіе природныя свойства вещей и теряетъ изъ виду ихъ зна-

ченіе въ народномъ хозяйствѣ; жизненные интересы приносятся въ жертву принятой разъ классификаціи. Но и нашъ законъ впадаетъ въ противорѣчіе съ дѣйствительностью, объявляя движимостью золотосодержащіе пріиски, отводимые частнымъ лицамъ на казенныхъ земляхъ для разработки (ст. 403), хотя эти пріиски, очевидно, не обладаютъ свойствами подвижности и не могутъ быть отдѣлены отъ почвы.

II.

Итакъ, въ современныхъ законодательствахъ дается совершенно невѣрная постановка принципіальному вопросу о поземельной собственности. Земля разсматривается, какъ одинъ изъ многочисленныхъ предметовъ нашего обладанія, безъ всякаго вниманія къ ея природному и общественному значенію. Законъ трактуетъ о вещахъ вообще, раздѣляетъ ихъ на движимыя и недвижимыя, затѣмъ усложняетъ это дѣленіе цѣлымъ рядомъ фикцій и въ концѣ концовъ, такъ или иначе, выдѣляетъ поземельнымъ правамъ самостоятельное мѣсто, обставляя ихъ условіями и формальностями на подобіе римскихъ res mancipi. Съ другой стороны, подведеніе земли подъ понятіе вещей вообще влечетъ за собою стремленіе подвести и право на землю подъ понятіе о собственности вообще. Ошибка въ обобщеніи и классификаціи ведетъ къ важнымъ юридическимъ послѣдствіямъ; a priori устанавливается принципъ абсолютной собственности для всѣхъ вообще предметовъ и искусственно навязывается землевладѣнію, которое подъ эту формулу не подходитъ,—съ допущеніемъ только необходимыхъ изъятій и ограниченій. Ясно, что подобная система не выдерживаетъ критики; вмѣсто того, чтобы приспособлять явленія къ понятіямъ, нужно дѣйствовать наоборотъ—нужно прямо признать существующія коренныя различія, отказаться отъ ненужнаго и неудачнаго дѣленія вещей на движимыя и недвижимыя, поставить поземельное право отдѣльно отъ прочихъ имущественныхъ отношеній и регулировать это право независимо отъ началъ, примѣнимыхъ лишь къ предметамъ, находящимся въ нашей безусловной и неограниченной власти. Поземельное право естественнымъ образомъ обниметъ отношенія, касающіяся и недвижимыхъ и движимыхъ вещей; не понадобится тогда обычныя принадлежности сельскаго хозяйства—земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и т. п., объявлять недвижимыми, вопреки очевидности. Законъ избавится отъ излишнихъ противорѣчій и путаницы. Возстановится необходимая связь закона съ жизнью, и изъ юридической терминологіи

будутъ вычеркнуты названія, несогласныя съ обыкновеннымъ смысломъ словъ. У насъ земля, по отношенію къ владѣльцу, называлась вотчиною, помѣстьемъ, имѣніемъ, но никогда вещью, ни даже имуществомъ; позднѣе, подъ вліяніемъ законовъ, принято говорить иногда о недвижимости. Для обозначенія правъ землевладѣльца слѣдовало бы возстановить старый терминъ вотчиннаго права, какъ оттѣняющій спеціальное значеніе поземельныхъ правъ, въ отличіе отъ права собственности на вещи въ обычномъ смыслѣ этого слова. Существованіе особаго термина устранило бы отчасти наклонность смѣшивать двѣ различныя категоріи правъ, имѣющія между собою очень мало общаго.

Принципіальное различіе между землею и вещами въ собственномъ смыслѣ, по отношенію къ гражданскому праву, можетъ быть формулировано такъ: земля, составляя предметъ частнаго владѣнія и пользованія, подлежитъ въ то же время господству политическому и общественному, какъ часть государственной территоріи; другіе же виды имуществъ и вещей никакихъ другихъ правъ, кромѣ чисто-частныхъ, надъ собою не имѣютъ. Извѣстное употребленіе вещей можетъ быть запрещено для собственника, въ интересахъ безопасности или общаго блага; законъ можетъ налагать руку на извѣстныя вещи въ случаяхъ крайней необходимости,—напримѣръ, отбирать лошадей для войска или предписать принудительную продажу хлѣба, скрываемаго въ складахъ, когда народу угрожаетъ голодъ. Но эти исключительныя мѣры не вытекаютъ изъ природы вещей; собственникъ всегда остается единственнымъ обладателемъ своей вещи, онъ можетъ употребить ее и уничтожить по своему усмотрѣнію, — онъ на это имѣетъ право, которое и осуществляетъ на дѣлѣ, не опасаясь столкновенія съ какимъ-либо другимъ постороннимъ или высшимъ правомъ. Земля же по существу подчинена непрерывному дѣйствію публичной власти и разнообразнымъ вліяніямъ человѣческаго общежитія; она ни въ какомъ случаѣ не можетъ уйти отъ этого господства интересовъ, чуждыхъ и иногда враждебныхъ землевладѣльцу. Имѣя обязательное политическое и общественное значеніе, земля въ то же время служитъ мѣстомъ для пребыванія людей и вещей; эти люди имѣютъ извѣстныя права, которыми необходимо ограничиваются полномочія владѣльца. Вотъ почему землевладѣніе, по своимъ естественнымъ условіямъ, не можетъ никакимъ образомъ растянуть свои предѣлы до размѣровъ полной частной собственности, и всѣ усилія въ этомъ направленіи составляютъ роковую ошибку, пагубную для землевладѣнія и для всего вообще народа.

Взглядъ на землю, какъ на простое недвижимое имущество, какъ на одинъ изъ видовъ капитала, оказался разорительнымъ для владѣльцевъ, для сельскаго хозяйства и для народнаго благосостоянія въ большей части Европы. Принципъ полной свободы распоряженія и сдѣлокъ, примѣненный къ землѣ, привелъ къ повсемѣстному кризису, изъ котораго пока еще не видно нормальнаго исхода. По справедливому замѣчанію Лоренца Штейна, „неограниченнымъ правомъ частной собственности и совершеннымъ разложеніемъ всѣхъ общественныхъ, корпоративныхъ элементовъ, связывавшихъ отдѣльныя владѣнія, девятнадцатый вѣкъ подчинилъ все землевладѣніе въ Европѣ господству денежнаго капитала, и этотъ процессъ подвигается медленно и неудержимо впередъ, подобно распаденію скалы, подмываемой волною. Начало абсолютно-личнаго права дошло до своего обратнаго вырожденія, и старый порядокъ феодальной системы съ барщиною и повинностями возстановляется вновь. Свобода собственности, благодаря приравненію ея къ капиталу, уничтожила свободу мелкаго владѣнія, и опять появились господа и рабы, въ качествѣ новыхъ землевладѣльцевъ и подвластныхъ имъ поселянъ“ [1]). Поощряемое закономъ, воззрѣніе на землю какъ на капиталъ содѣйствовало тому, что владѣльцы повально превращаются въ неоплатныхъ должниковъ, что они вытѣсняются ростовщиками и скупщиками, что образуются новыя латифундіи для эксплуатаціи нужды крестьянства въ землѣ. Разсматривая землю, какъ капиталъ, владѣльцы видятъ въ ней не только источникъ правильныхъ ежегодныхъ доходовъ, но и номинальную денежную цѣнность, которую можно реализировать въ кредитномъ обществѣ; законъ, не дѣлая различія между землею и другими имуществами, даетъ капиталу всѣ орудія для разрушительной экзекуціи относительно землевладѣнія и не заботится нисколько о судьбѣ послѣдняго. А между тѣмъ, землевладѣніе по свойствамъ своей производительности не можетъ соперничать съ капиталомъ и исправно давать одинаковые проценты; какой-нибудь неурожай, появленіе вредныхъ насѣкомыхъ, затрудненіе въ сбытѣ продуктовъ и общій упадокъ цѣнъ—все это сразу отдаетъ владѣльцевъ во власть поземельныхъ банковъ; массы имѣній продаются съ публичнаго торга и пріобрѣтаются аферистами, разсчитывающими на вырубку лѣсовъ, на сдачу участковъ арендаторамъ по невозможно высокимъ цѣнамъ и на процвѣтаніе питейнаго дѣла взамѣнъ сельско-хозяйственнаго. Ипотечная система значи-

[1]) Die drei Fragen des Grundbesitzes und seiner Zukunft, von Dr. Lorenz von Stein (Stuttg., 1881). S. 121, 177 и др.

тельно облегчаетъ это разрушеніе поземельной собственности; она вноситъ стройный порядокъ въ дѣло систематическаго подавленія земель долгами и обезпечиваетъ легкое удовлетвореніе кредиторовъ цѣною банкротства землевладѣнія.

Возрастаніе долговъ и невозможность ихъ уплаты зависятъ далеко не всегда отъ вины владѣльцевъ; ипотечные долги наростаютъ при переходѣ имѣній по наслѣдству, когда обезпечиваются денежныя выдачи сонаслѣдникамъ, а также при переходѣ земель изъ рукъ въ руки, когда недоплаченная часть покупной суммы остается на имѣніи въ видѣ срочнаго долга. Такъ какъ земля уподобляется капиталу, то цѣнность ея опредѣляется не въ видѣ средней ежегодной ренты, а въ видѣ капитальной суммы, величина которой зависитъ отъ размѣра процента, приносимаго землею; поэтому и денежная цѣнность имѣній колеблется вмѣстѣ съ измѣняющимся процентомъ ихъ доходности. Въ счастливые годы, при временномъ увеличеніи доходовъ, цѣнность земель считается выше, норма кредита соотвѣтственно увеличивается, и ипотечные долги растутъ; но годы обилія проходятъ, цѣны падаютъ, а непомѣрно возросшіе долги остаются. Этимъ объясняется тотъ странный фактъ, что при публичной продажѣ имѣній ипотечные кредиторы часто не выручаютъ значительной части своихъ денегъ; такъ въ Австріи, съ 1875 по 1879 годъ, при продажѣ 36,700 имѣній изъ разряда мелкихъ и среднихъ, кредиторы потеряли 63.712,500 гульденовъ. До какихъ колоссальныхъ размѣровъ доходитъ задолженность землевладѣнія при господствѣ взгляда на землю, какъ на обыкновенное имущество, подлежащее полному личному обладанію и неограниченной свободѣ сдѣлокъ,—объ этомъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Во Франціи въ 1877 году общая сумма ипотечныхъ долговъ составляла около 15 милліардовъ франковъ. Съ 1840 года долги возрасли на 6,778 мил., такъ что они увеличивались на 188 мил. ежегодно. Въ Австріи съ 1871 до 1879 г. внесено новыхъ долговъ въ ипотечныя книги на сумму почти въ три милліарда, и за этотъ же періодъ времени погашено долговъ посредствомъ экзекуцій на 2 милліарда 40 мил., такъ что за эти девять лѣтъ дѣйствительное увеличеніе поземельныхъ долговъ опредѣляется въ 938.013,435 гульд. Въ числѣ трехъ милліардовъ новыхъ долговъ, крупное землевладѣніе фигурируетъ съ цифрою сравнительно скромною—въ 412.075,446 гульд.; мелкое же и среднее землевладѣніе обременено вновь на 1.625.982,132 гульд. Вмѣстѣ съ тѣмъ и количество экзекуцій увеличилось въ грандіозныхъ размѣрахъ; съ 1875 по 1879 г. продано крупныхъ имѣній на сумму около девяти милліоновъ, а

мелкихъ и среднихъ участковъ продано съ аукціона 37,471 на сумму 78.621,778 гульд. Въ теченіе пяти лѣтъ утроилось число участковъ, продаваемыхъ ежегодно для удовлетворенія капиталистовъ, причемъ и капиталисты остаются въ накладѣ, и владѣльцы превращаются въ пролетаріевъ [1]). Это какое-то безцѣльное взаимное истребленіе, охватывающее все большій и большій кругъ интересовъ; этотъ истребительный процессъ сталъ возможнымъ именно благодаря приравненію земли къ капиталу — благодаря тому, что къ землѣ примѣняются тѣ же юридическія понятія, тѣ же законныя мѣры взысканія, какъ и къ вещамъ движимымъ. Между тѣмъ, земля можетъ отвѣчать только своею производительностью, своею доходностью, своею рентою, а никакъ не номинальною своею цѣнностью, подобно имуществу денежному.

Перспектива постепеннаго упадка землевладѣнія и земледѣльческаго класса породила въ Европѣ новое явленіе: проповѣдниками аграрной реформы выступили самые консервативные элементы общества, крупные землевладѣльцы въ союзѣ съ крестьянскимъ населеніемъ. Въ Германіи образовался „вестфальскій крестьянскій союзъ“ подъ руководствомъ барона фонъ-Шорлемеръ-Альста; программа этого союза имѣетъ въ виду главнымъ образомъ сохраненіе цѣлости крестьянскихъ участковъ и сокращеніе долговъ при помощи кредита въ земскихъ банкахъ, на условіяхъ ежегоднаго процентнаго погашенія. Въ ряду поземельныхъ программъ заслуживаетъ вниманія проектъ извѣстнаго ученаго Шеффле, бывшаго австрійскаго министра. Онъ предлагаетъ объединить ипотечные долги и облегчить способы ихъ покрытія посредствомъ соединенія землевладѣльцевъ въ союзы мѣстные и провинціальные, съ имперскимъ во главѣ. Одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ представителей аграрнаго движенія въ Австріи, фонъ-Фогельзангъ, требуетъ погашенія, при помощи государства, существующихъ ипотечныхъ долговъ въ той части ихъ, которая превышаетъ норму, имѣющую быть установленною закономъ; всѣ мелкіе и средніе владѣльцы должны быть освобождены отъ долговъ путемъ государственнаго кредита, а на будущее время обремененіе этихъ земель долгами должно быть запрещено.

Все чаще раздаются голоса въ пользу совершенной отмѣны ипотечнаго кредита, въ его нынѣшнихъ формахъ. Противъ этой заманчивой, но губительной системы ратовалъ еще Родбертусъ, бывшій прусскій министръ и землевладѣлецъ; въ этомъ же смыслѣ высказывается профессоръ Лоренцъ Штейнъ. Авторъ брошюръ о

---

[1]) Свѣденія объ этомъ у Лоренца Штейна, стр. 197–200

соціальной реформѣ, далеко не радикалъ, Францъ Штёпель, въ вышедшей недавно книжкѣ о землевладѣніи подробно доказываетъ необходимость упраздненія ипотечной системы и выкупа долговъ при помощи государства [1]). Во многихъ мѣстахъ Германіи кредитъ навязывался землевладѣльцамъ и доводился до крайняго максимума, съ цѣлью ускоренія продажи имѣній. По мѣрѣ обремененія земель долгами и перехода ихъ въ руки кредиторовъ, измѣнялся и характеръ хозяйства; главнымъ источникомъ дохода явились кабаки, число которыхъ за десять лѣтъ до 1879 года увеличилось въ имперіи на 22%.

Печальныя послѣдствія злоупотребленій поземельнымъ кредитомъ даютъ себя сильно чувствовать и у насъ; городскіе и сельскіе участки, дома и имѣнія, сдѣлались предметомъ спекуляцій; они покупаются и перепродаются ради барыша, цѣнность ихъ искусственно поднимается, и домовладѣльцы предпочитаютъ оставлять у себя пустыя квартиры, чѣмъ понижать ихъ высокія цѣны, опредѣляющія номинальную стоимость домовъ и слѣдовательно размѣръ кредита въ банкахъ. Земля не выдержала уподобленія ея движимымъ вещамъ; такъ называемая мобилизація землевладѣнія, стремленіе пустить землю въ оборотъ, въ качествѣ товара, повальное закладываніе имѣній и домовъ съ фантастическою цѣлью пріобрѣсть даромъ капиталы безъ потери заложенныхъ имуществъ, —все это поддерживалось и развивалось подъ вліяніемъ ложной идеи объ отсутствіи принципіальной разницы между денежнымъ имуществомъ и поземельнымъ.

Замѣчательно, что въ Англіи, странѣ феодальнаго землевладѣнія, гдѣ поземельные собственники суть какъ бы мелкіе государи съ политическою властью,—въ Англіи преобладаетъ другое воззрѣніе на землю, даже по отношенію къ долгамъ. Въ послѣдніе 30 лѣтъ въ Соединенномъ королевствѣ было выдано владѣльцамъ въ ссуду 15 милл. ф. ст., съ періодическимъ погашеніемъ; изъ этой суммы 8 милл. дано было государствомъ—на улучшеніе земли, дренажи, постройки и т. п. Въ 1873 году произведено было парламентское слѣдствіе о результатахъ, достигнутыхъ употребленіемъ этихъ займовъ; коммиссія палаты лордовъ нашла, что въ большинствѣ случаевъ результаты были успѣшны, что улучшенія окупились. Коммиссія при этомъ выразила мнѣніе, что „можно бы признать аномаліею—подобный контроль правительства надъ частными сдѣлками и ихъ послѣдствіями: это было законно,

---

[1]) Franz Stöpel, Sociale Reform, IV — V, Der Grundbesitz mit besonderer Beziehung auf dessen Lage in Deutschland, Leipz. 1885, стр. 107—126 и др.

пока деньги получались владѣльцами въ видѣ общественнаго займа; но когда улучшенія стали производиться на средства частныхъ обществъ и лицъ, то правительственная организація надзора и контроля, дѣйствовавшая вообще хорошо, сохранена была парламентомъ на томъ основаніи, что улучшеніе почвы въ странѣ составляетъ дѣло публичнаго интереса" [1]). Этотъ элементъ публичнаго интереса былъ забытъ въ другихъ законодательствахъ, по отношенію къ землевладѣнію. Въ частности, относительно способности имѣній обременяться долгами, знаменитый сэръ Робертъ Пиль, при внесеніи въ палату своего закона о дренажѣ, въ 1848 г., высказалъ принципъ, что „никакое обремененіе не должно быть утверждаемо закономъ, если оно не обѣщаетъ болѣе значительнаго прибавочнаго дохода, чѣмъ ежегодная сумма погашенія долга". Этотъ принципъ предполагаетъ признаніе спеціальныхъ свойствъ землевладѣнія, которыми оправдывается контроль государства, не имѣющій мѣста въ другихъ сферахъ имущественнаго оборота.

Такимъ образомъ, сказанное нами выше сводится къ слѣдующимъ положительнымъ заключеніямъ: 1) дѣленіе вещей на движимыя и недвижимыя, какъ слишкомъ поверхностное и не могущее быть проведеннымъ вполнѣ послѣдовательно, безъ ущерба для дѣйствительной жизни,—не должно найти себѣ мѣста въ будущемъ нашемъ гражданскомъ уложеніи; 2) законъ долженъ избѣгнуть общаго опредѣленія права собственности, которое обнимало бы и право на землю; 3) поземельныя права не должны подлежать тѣмъ нормамъ, которыя установлены для правъ на вещи и имущества вообще, а должны быть регулированы самостоятельно, подъ названіемъ поземельныхъ и вотчинныхъ правъ, съ предоставленіемъ значительнаго простора элементу публичнаго интереса.

III.

Право частной собственности на землю получило свои современныя очертанія въ концѣ прошлаго столѣтія. До этой эпохи землевладѣніе въ Европѣ представляло какъ-бы двухъ-этажное зданіе: внизу было владѣніе зависимое, крестьянское, выросшее на почвѣ земледѣльческаго труда, а вверху—владѣніе привиллегированное, съ оттѣнкомъ политическаго господства. Между этими двумя категоріями вотчинныхъ правъ существовали опредѣленныя

---

[1]) The landed interest and the supply of food, by James Caird, Lond. 1878, стр. 82–6, 106 и др.

отношенія, неодинаковыя въ различныхъ странахъ; но общая черта этихъ отношеній заключалась въ томъ, что крестьянство лишено было значительной доли своихъ земель и сохраняло остатки своихъ достояній только цѣною тяжелыхъ повинностей на пользу владѣльцевъ.

Привиллегированное землевладѣніе, которое постепенно поглощало собою поземельныя права мелкихъ собственниковъ и поселянъ, имѣло своимъ источникомъ и основаніемъ политическую власть. Сподвижники королей, ихъ рыцари и чиновники получали въ кормленіе извѣстныя пространства земли, населенныя крестьянствомъ; имъ предоставлено было пользоваться частью доходовъ поселянъ, въ видѣ оброковъ и податей, а взамѣнъ они обязаны были повиновеніемъ и службою сюзерену. Эта раздача земель вмѣсто жалованья имѣла условный и личный характеръ; земля оставалась за вассаломъ, пока онъ исполнялъ свои служебныя обязанности, и могла быть отбираема въ случаѣ ихъ неисполненія или нарушенія. При слабыхъ короляхъ феодалы добились права передавать свои помѣстья по наслѣдству. Даже должностныя лица, командиры и судьи, получавшіе извѣстныя области въ управленіе, превращались сначала въ наслѣдственныхъ сановниковъ, а потомъ въ настоящихъ владѣльцевъ тѣхъ обширныхъ земель, которыми они призваны были управлять. Во Франціи, при галло-римскомъ владычествѣ, народъ платилъ опредѣленный оброкъ съ земли и подушную подать въ пользу фиска; съ установленіемъ феодальныхъ владѣній эти-же платежи поступали въ пользу мѣстныхъ правителей и сеньоровъ. Сначала казалось безразличнымъ для народа, кому и для чего платить подати—въ казну ли для государственныхъ потребностей или феодальнымъ владѣльцамъ, замѣнившимъ собою государство. Но рѣзкая перемѣна сказалась очень скоро. Сеньоры собирали не только чиншъ и подушную подать, но и множество другихъ взносовъ, подъ разными видами и предлогами; въ силу своего права управленія, они требовали отъ жителей исполненія тѣхъ натуральныхъ повинностей, которыя прежде исполнялись во имя общественнаго интереса. Они взимали въ свою пользу существовавшія при римской имперіи пошлины съ наслѣдствъ и продажъ, сборы таможенные, мостовые, дорожные, налоги прямые и косвенные. Въ качествѣ судей, они пользовались денежными штрафами и конфискаціями имуществъ. Еще Юстиніанъ обращалъ вниманіе на то, что „судьи (названные впослѣдствіи графами) притѣсняютъ народъ, налагаютъ на него чрезмѣрные платежи и требуютъ еще вдобавокъ особыхъ услугъ, крайне обремени-

тельныхъ для поселянъ". Впослѣдствіи, незаконныя взятки и благодарности, получаемыя судьями, облекаются въ форму обязательныхъ и постоянныхъ взносовъ. Законы неоднократно осуждали это взиманіе подарковъ при отправленіи правосудія; но не смотря на всѣ запрещенія, создается оригинальное право на полученіе даровъ, пособій и приношеній, сначала добровольныхъ, а потомъ принудительныхъ. Размѣръ и количество взносовъ опредѣлялись доброю волею сеньора; позднѣе они были ограничены извѣстными случаями или замѣнены двойнымъ поземельнымъ сборомъ. „Мы узнали,—говорится въ одномъ законѣ XIV вѣка,— что графы и ихъ помощники или вассалы требуютъ съ народа уплаты какихъ-то повинностей и исполненія различныхъ услугъ. Они установили также обычай заставлять поселянъ работать въ ихъ поляхъ, собирать жатву, сѣять, боронить, воздѣлывать землю плугомъ и сохою. Справедливо было-бы освободить народъ отъ этого противозаконнаго гнета, который побуждаетъ людей покидать свои земли". Законъ выражался уже въ формѣ пожеланій, болѣе или менѣе мимолетныхъ и безсильныхъ. Вассалы, имѣвшіе отъ короля или могущественнаго феодала обширныя бенефиціи, завладѣвали сосѣдними землями, крестьянскими или государственными; то же самое дѣлали герцоги и графы, представители центральной власти. Уже Карлъ Великій публично констатировалъ тотъ фактъ, что королевскія (т.-е. государственныя) владѣнія расхищены и обращены въ частную собственность. Свободные аллодіальные владѣльцы принуждены были отдаваться подъ защиту сильныхъ или подъ покровительство церкви; прежніе собственники превращаются въ подвластныхъ, зависимыхъ владѣльцевъ. Это становится общимъ правиломъ, обязательнымъ для всѣхъ; поселяне, не прогнанные съ земли, дѣлаются чиншевиками. Установился принципъ, что „нѣтъ земли безъ сеньора", — принципъ, вполнѣ понятный и естественный, если вспомнить, что феодалы представляли собою политическую власть; и теперь нѣтъ земли, свободной отъ политическаго господства. Въ силу этого начала— всѣ незанятыя и общинныя земли, лѣса и пастбища, которыми искони пользовались крестьяне, считались принадлежащими сеньору; попытки превратить это номинальное право въ дѣйствительное вызывали повсюду жалобы, а иногда кровавый отпоръ.

Подъ властью сеньоровъ поселяне и чиншевые владѣльцы сохраняли, однако, вотчинныя права на землю, продавали свои участки и распоряжались ими подъ условіемъ извѣстныхъ взносовъ. Собственность оказалась раздѣленною: — однимъ принадлежало высшее право, dominium directum, а другимъ — право

низшее, dominium utile; первое имѣло по преимуществу политическій характеръ и связано было съ полученіемъ разнаго рода сборовъ и повинностей, а второе—обнимало все фактическое хозяйственное содержаніе землевладѣнія. Съ отпаденіемъ господства сеньоровъ, должна была естественно возстановиться полноправная крестьянская собственность въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ она оставлена была феодализмомъ.

Многіе юристы, а за ними и историки, слѣдуя строго-формальной точкѣ зрѣнія, находили настоящее первоначальное право собственности на сторонѣ сеньоровъ, такъ какъ послѣдніе обладали документами, которыхъ въ большинствѣ случаевъ не имѣли поселяне. По мнѣнію юристовъ, земли, находившіяся въ пользованіи крестьянъ и подлежавшія платежу оброка въ пользу сеньора, перешли въ наслѣдственное владѣніе земледѣльцевъ только по снисхожденію феодаловъ, заботившихся лишь объ исправномъ полученіи ренты. Дѣло представляется въ такомъ видѣ, что сеньоры отдавали свою землю крестьянамъ для обработки и впослѣдствіи позволили имъ даже распоряжаться отведенными имъ участками, съ единственною обязанностью уплаты извѣстныхъ повинностей денежныхъ и натуральныхъ. Крестьяне-же по недоразумѣнію считали эту „наслѣдственную аренду“ своею собственностью, и ихъ взглядъ восторжествовалъ во время революціи [1]).

Это мнѣніе, очевидно, не выдерживаетъ критики. Крестьянское землевладѣніе существовало раньше появленія феодализма. Сеньоры завладѣвали не пустынями, въ которыхъ приходилось бы еще устраивать земледѣліе, а готовыми, искони обрабатываемыми землями, населенными трудящимся крестьянствомъ. Весь смыслъ владѣнія для сеньоровъ заключался въ томъ, чтобы получать съ мѣстныхъ поселянъ опредѣленную часть продуктовъ или денегъ. Помѣщики не имѣли повода измѣнять составъ и распредѣленіе деревень, платившихъ имъ оброкъ. Крестьяне могли сидѣть цѣлые вѣка на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, передавая изъ поколѣнія въ поколѣніе твердое сознаніе своихъ всегдашнихъ правъ на землю. Эти права были признаны законодательствомъ въ большей или меньшей мѣрѣ. Французское учредительное собраніе 1789 года не привело въ исполненіе предположеннаго выкупа тѣхъ повинностей, которыя имѣли своимъ источникомъ договоры объ уступкѣ земли со стороны сеньора. Въ 1793 году были уничтожены поземельные платежи и оброки, феодальные и чинше-

[1]) Такъ смотритъ на дѣло даже Тэнъ въ „Les origines de la France contemporaine“. См. также Paul Janet, Les origines du socialisme contemporain, P. 1883.

вые, безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Поселяне освобождены были отъ обязанности выкупать свои собственныя старинныя владѣнія.

Приблизительно подобнымъ же образомъ происходило феодальное раздвоеніе поземельной собственности въ остальной Европѣ. Значительныя отступленія замѣчаются только въ Англіи; тамъ привиллегированные владѣльцы, лорды, окончательно завладѣли землею, и въ ихъ лицѣ политическое господство поглотило собою свободное мелкое и крестьянское землевладѣніе. Короли раздавали обширныя пространства населенныхъ земель подъ обычнымъ условіемъ службы; нерѣдко встрѣчаются пожалованія отъ 30 до 100 гуфъ, т.-е. цѣлыхъ вольныхъ селеній или отдѣльныхъ большихъ хозяйствъ; раздавались также лѣса и поля изъ государственныхъ земель. Предписывалось только не сгонять поселянъ безъ основательной причины. Общинныя крестьянскія земли были подвластны лорду и мало-по-малу превращаются въ его собственность; право его было только ограничено правами пользованія, принадлежащими поселянамъ, такъ что участіе членовъ общины въ общественномъ пастбищѣ и лѣсѣ подводится юристами подъ понятіе сервитута, права въ чужой вещи. Съ теченіемъ времени общинныя земли прямо присоединяются къ непосредственнымъ владѣніямъ лордовъ. Съ XV вѣка особенно усиливаются жалобы на эти захваты, на систематическое устраненіе крестьянскихъ хозяйствъ и на превращеніе ихъ земель въ господскія пастбища или въ охотничьи парки. Изрѣдка принимались мѣры для противодѣйствія произволу лордовъ, но исполнители были тѣ-же крупные владѣльцы, господствовавшіе въ парламентѣ и въ совѣтахъ короля. Королевская коммиссія, назначенная Генрихомъ VIII для изслѣдованія дѣла, пришла къ печальному заключенію, что „повсюду можно видѣть разрушенныя опустѣлыя жилища или изгнанныхъ поселянъ, земли которыхъ заняты подъ скотоводство, распространившееся въ необычайныхъ размѣрахъ“: „овцы и рогатый скотъ, предназначенные служить людямъ пищей, пожрали теперь самихъ людей“, какъ выразился одинъ изъ членовъ этой коммиссіи, Джонъ Гэльсъ [1]). Большинство мелкихъ и среднихъ владѣльцевъ принуждено было или превратиться въ арендаторовъ, или покинуть свои земли. Такъ называемые „копигольдеры“, права которыхъ удостовѣряются лишь запискою въ книгѣ помѣстья (съ выдачею имъ копій, откуда и самое

[1]) Эрвинъ Нассе. О средневѣковомъ общинномъ землевладѣніи и огораживаніи полей въ Англіи XVI вѣка (р. перев.), стр. 95 и др.

названіе), подлежали до послѣдняго времени множеству повинностей чисто-феодальнаго происхожденія. Между прочимъ, послѣ смерти такого владѣльца помѣщикъ можетъ присвоить себѣ лучшую часть его движимаго имущества, въ качествѣ его привиллегированнаго наслѣдника; извѣстно, говоритъ Мэнъ, что алмазъ Питта и одна изъ знаменитыхъ картинъ Рубенса были только случайно спасены отъ захвата по праву heriot'а, а замѣчательнѣйшая въ свое время породистая лошадь и дѣйствительно была отобрана — только потому, что въ числѣ имущества ихъ владѣльцевъ было нѣсколько клочковъ „копигольда" [1]). За послѣднія тридцать лѣтъ эти привиллегіи лордовъ сильно ослабѣли; обязанности „копигольда" ограничены извѣстною нормою, а по акту 1841 года онѣ подлежатъ выкупу. Многочисленный нѣкогда земледѣльческій классъ вытѣсненъ въ города, въ видѣ неимущихъ рабочихъ, а отчасти выселенъ за-море, въ отдаленныя колоніи. Полвѣка тому назадъ 1/5 часть всего рабочаго населенія Англіи занята была земледѣліемъ,—теперь только 1/10 часть. Земля сосредоточилась въ немногихъ рукахъ: болѣе 1/5 части всей территоріи принадлежитъ аристократіи, въ числѣ 600 чел.; 1/4 часть принадлежитъ 1200 чел., причемъ на долю каждаго выпадаетъ среднимъ числомъ 16,200 акровъ; 1/4—6,200 чел. (каждому — 3,150), 1/4—принадлежитъ 50,770 чел., по 380 акровъ, остальная 1/4 — 261,830 чел., по 70 акровъ. Земля Соединеннаго королевства, по словамъ извѣстнаго статистика Джемса Кэрда, можетъ считаться теперь почти всецѣло обрабатываемою арендаторами; число ихъ въ Англіи и Шотландіи — 560 тыс., а въ Ирландіи — 600 тыс., а затѣмъ остается безземельная масса сельскихъ работниковъ, батраковъ. Мелкіе собственники, yeomen'ы попадаются еще иногда въ Англіи, но ихъ почти нѣтъ въ Шотландіи, и вообще число ихъ крайне незначительно.

Вопросъ объ обезпеченіи правъ фермеровъ и о регулированіи арендаго права на прочныхъ началахъ составляетъ издавна предметъ общественныхъ заботъ въ Англіи; теперь выступаетъ на очередь не менѣе важный вопросъ объ устройствѣ быта простыхъ земледѣльческихъ рабочихъ, зависящихъ отъ фермеровъ. Аграрныя затрудненія и нищенское состояніе возрастающей толпы пролетаріевъ составляютъ тяжелый внутренній недугъ Англіи, и только счастливыя политическія условія избавили эту страну до сихъ поръ отъ роковой катастрофы. Возстановленіе крестьянскаго и вообще

---

[1]) Сэръ Генри Мэнъ, Древній законъ и обычай (р. перев., Москва 1884), стр. 239—40.

мелкаго землевладѣнія служитъ постоянною цѣлью англійскаго законодательства въ новѣйшее время; но государство не имѣетъ въ запасѣ свободныхъ земель,—земли розданы были когда-то въ руки немногихъ счастливцевъ въ вѣчное и потомственное владѣніе. Въ 1869 году сдѣланъ былъ крупный опытъ образованія мелкой поземельной собственности въ Ирландіи: имѣнія церкви, заключавшія въ себѣ болѣе десяти тысячъ мелкихъ фермъ, были проданы крестьянамъ на выгодныхъ условіяхъ, преимущественно передъ другими покупателями, при содѣйствіи казны. Такая-же мѣра установлена была земельнымъ биллемъ 1870 года, съ меньшими, однако, результатами,—ибо продажа крестьянамъ не была обязательна, какъ въ первомъ случаѣ. Общее положеніе дѣлъ весьма слабо поправляется полумѣрами, и требованія коренной аграрной реформы раздаются все рѣзче и настоятельнѣе. Сами лорды, въ силу историческихъ свойствъ англійскаго характера, рѣшаются идти на встрѣчу будущему и дѣлаютъ заранѣе необходимыя уступки поселянамъ-арендаторамъ; такъ дѣйствуютъ они, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Шотландіи. Въ палату общинъ внесенъ недавно проектъ закона о возстановленіи нарушенныхъ поземельныхъ правъ сельскихъ общинъ за послѣдніе 50 лѣтъ, причемъ предполагается производство повсемѣстнаго подробнаго слѣдствія о незаконныхъ захватахъ лордовъ за этотъ періодъ времени; но этотъ проектъ м-ра Джесси Коллингса, еслибы былъ даже принятъ, едва-ли могъ бы возродить къ жизни разбитые элементы стараго земледѣльческаго быта Англіи.

Стремленіе возродить и даже создать крестьянское землевладѣніе, гдѣ оно подорвано въ прошломъ,—выражается теперь съ особенною силою въ большей части государствъ западной Европы. Въ Пруссіи крестьянство было поддержано реформами Штейна и Гарденберга, въ началѣ столѣтія; крестьяне признаны собственниками участковъ, которыми они пользовались наслѣдственно или лично, съ отрѣзкою въ первомъ случаѣ $1/3$, а во второмъ $1/2$ части земли въ пользу помѣщика; за это въ видѣ выкупа они уплачивали владѣльцамъ извѣстный процентъ съ чистаго дохода надѣльныхъ земель. Прежнія натуральныя повинности переведены на деньги. Въ 1850 году нѣкоторыя изъ этихъ повинностей отмѣнены, а другія признаны подлежащими выкупу. Устройство крестьянъ собственниковъ на подобныхъ же началахъ, съ выкупомъ надѣловъ, состоялось и въ остальной части Германіи, и въ Австріи, при помощи государственнаго кредита.

IV.

Такимъ образомъ, законодательства, по мѣрѣ возможности, старались возстановить нормальныя условія землевладѣнія; при этомъ строго проводился принципъ полной личной собственности на землю. Остатки сельской общины уничтожались систематически въ томъ предположеніи, что они неразрывно связаны съ средневѣковымъ феодальнымъ строемъ. Общинный бытъ считался несовмѣстимымъ съ интересами правильнаго и разумнаго сельскаго хозяйства. Въ прусскомъ ландрехтѣ постановлено прямо, что „общественное пользованіе землею, практикуемое многими жителями деревень или сосѣдними владѣльцами, должно быть по возможности отмѣнено, для блага земледѣльческой культуры“ (I Th., XVII tit., § 311).

Во Франціи общинная жизнь крестьянства дѣйствительно поощрялась феодальнымъ режимомъ. Подъ вліяніемъ гнета сеньоровъ населеніе должно было тѣснѣе сплотиться и замкнуться въ своихъ общинахъ. Сельская община замѣтно развивалась послѣ уничтоженія крѣпостного права, оказавшагося невыгоднымъ для владѣльцевъ. Свободные люди могли лучше работать и больше платить за землю, а круговая порука общинъ болѣе обезпечивала сеньоровъ въ исправномъ полученіи ренты. Поэтому феодалы вполнѣ допускали развитіе общинныхъ порядковъ, и даже прямо содѣйствовали ихъ установленію. Общины самостоятельно завѣдывали своими дѣлами, выбирали старшинъ, назначали пастуховъ и сторожей, исправляли деревенскую церковь, свои дороги и общественныя постройки, и наконецъ распредѣляли повинности между обывателями. Существовали также земледѣльческія общины съ болѣе спеціальнымъ характеромъ—настоящія общежитія, съ общими работами и съ дѣлежомъ продуктовъ между участниками [1]).

Передъ революціею, по Тюрго, общинныя земли составляли около $^1/_{10}$ части всей обрабатываемой территоріи, т.-е. 4 милл. гектаровъ; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ настоящаго столѣтія онѣ составляли $^1/_{11}$ ч. всѣхъ воздѣлываемыхъ земель,—изъ нихъ болѣе 1 милл. 800 тыс. гектаровъ лѣса, 2 милл. 173 тыс. необработ. пространствъ, 265,960 обработанныхъ, 3,128 обстроенныхъ и 41,484 гект. болотъ,—все это принадлежитъ 25,607 общи-

---

[1]) Такой добросовѣстный изслѣдователь, какъ Боннмэръ, писавшій въ пятидесятыхъ годахъ, отыскивалъ еще религіозныя основы общинной жизни и серьезно связывалъ ея происхожденіе съ Евангеліемъ. См. Eugène Bonnemère, Histoire des paysans etc., P., 1856, v. II, pp. 315—324. Теперь, конечно, существуютъ другія болѣе реальныя объясненія общиннаго быта.

намъ. Количество общинныхъ земель, не смотря на всѣ продажи, сократилось столь незначительно потому, что часть ихъ была отобрана отъ сеньоровъ, какъ захваченная ими незаконно. Въ 1792 году общинныя земли признаны собственностью общинъ, а не частныхъ владѣльцевъ. Дѣятели революціи смотрѣли на общину, какъ на принадлежность ненавистныхъ феодальныхъ отношеній; они считали ее враждебною идеалу личной свободы и направили противъ нея послѣдовательные энергическіе удары. Закономъ 1792 года предписанъ былъ обязательный раздѣлъ общинныхъ земель между домохозяевами, за исключеніемъ только лѣсовъ; потомъ уже въ слѣдующемъ году обязательность была отмѣнена и раздѣленіе земель поставлено въ зависимость отъ согласія $^1/_3$ части членовъ общинъ. Въ томъ-же году государство взяло на себя долги общинъ, взамѣнъ чего всѣ общественныя земли, кромѣ раздѣленныхъ и обстроенныхъ, берутся въ казну для распродажи. Дальнѣйшіе законы опять-таки регулируютъ раздѣлы общинныхъ земель и подтверждаютъ права общинъ на оставшіяся у нихъ владѣнія. Такъ было до 1813 года. При Наполеонѣ I общинныя земли снова признаны государственною собственностью и распроданы на 58 милл. фр. На этомъ разрушительный процессъ, начавшійся во имя индивидуализма и свободы, остановился. Въ тридцатыхъ годахъ изданъ былъ законъ объ организаціи и правахъ общинныхъ совѣтовъ; эти совѣты рѣшаютъ, какъ пользоваться землями; отдавать участки въ постороннія руки по контрактамъ можно не болѣе какъ на 18 лѣтъ; покупка земли допускается, если цѣна ея не превышаетъ $^1/_{10}$ части всего дохода общины,— причемъ возможно „veto“ со стороны префекта. Участки общинной земли не могутъ быть продаваемы безъ особыхъ мотивовъ и безъ утвержденія правительства. Раздѣлъ обставленъ новыми ограничительными условіями; онъ возможенъ только между отдѣльными общинами. Законодательство постепенно измѣняетъ свой взглядъ на общину; оно видитъ въ ней уже великій общественный интересъ—„сохраненіе земель для пользованія бѣдныхъ членовъ общинъ“. Въ настоящее время, въ силу закона 1838 года, „раздѣлъ общинныхъ земель, относящійся къ праву собственности на землю, безусловно запрещенъ“. Съ тѣхъ поръ допускались нѣкоторыя отступленія отъ этого правила. Законъ 1857 года предоставляетъ правительству для культурныхъ цѣлей предпринимать улучшенія общественныхъ земель, при бездѣйствіи общинъ, съ тѣмъ, чтобъ дѣлаемыя затраты выручались продажею части общинныхъ владѣній. На предположенныя улучшенія назначено было въ 1860 году 10 милл.; но въ интересахъ бѣд-

ныхъ правительство старалось соблюдать большую осторожность. Наконецъ, владѣнія общинѣ охраняются весьма важнымъ принципомъ, по которому община не можетъ отвѣчать за долги продажею поземельной собственности, ибо для этого нужно особое разрѣшеніе правительства, съ согласія общины [1]). Что касается общинныхъ лѣсовъ, то они подлежатъ тѣмъ-же правиламъ, что и лѣса государственные.

Въ Англіи и Шотландіи, какъ видно изъ изслѣдованій Нассе и Мэна, сохранился во многихъ мѣстахъ полный типъ общиннаго владѣнія, съ періодическимъ передѣломъ полосъ (черезъ каждые 5—6 лѣтъ), по тремъ разрядамъ полей; еще распространеннѣе общинное пользованіе пастбищами. Факты встрѣчались въ жизни на каждомъ шагу, а между тѣмъ, они казались совершенно неизвѣстными или игнорировались юристами и писателями. Подробное описаніе общинныхъ порядковъ содержится въ отчетахъ парламентской коммиссіи объ общественныхъ земляхъ. Въ сельскихъ общинахъ дѣла рѣшаются старѣйшинами, относительно способа обработки и всякихъ хозяйственныхъ вопросовъ; участки земли распредѣляются по жребію. Право на участіе въ общинной землѣ предполагаетъ владѣніе кускомъ земли или усадьбою въ самой общинѣ. На пользованіе пастбищемъ имѣетъ право болѣе широкій кругъ поселянъ, даже не владѣющихъ усадьбами. Въ литературѣ и практикѣ, какъ говоритъ Генри Мэнъ, упорно держалась ложная точка зрѣнія,—что это только общія фермы, воздѣлываемыя по особой системѣ и зависящія всецѣло отъ владѣльцевъ помѣстья. Писатели, разсуждавшіе объ общинахъ, видѣли въ нихъ только остатокъ варварской культуры и препятствіе земледѣльческому прогрессу. Противъ теоріи о зависимости общиннаго владѣнія отъ лордовъ приводятся такіе факты, какъ принадлежность самого лорда къ общинѣ относительно права на участіе въ общинныхъ поляхъ [2]). По парламентскому отчету 1873 года пространство общинныхъ земель въ Англіи составляетъ еще 2.632,000 акровъ. Значительная часть ихъ распродавалась, въ качествѣ пустыхъ земель, или распредѣлялась между лордами и общинами, при содѣйствіи закона. До изданія акта 1845 года о всеобщемъ огораживаніи полей и послѣ того, распредѣлено было болѣе $2^1/_2$ милліоновъ акровъ такъ наз. пустыхъ земель.

Законъ считалъ ненормальнымъ такое положеніе земли, когда у нея не было какого-либо одного личнаго владѣльца. Этотъ

[1]) Victor von Brasch, Die Gemeinde und ihr Finanzwesen in Frankreich, Lpz. 1874. S. 130—142.

[2]) H. Maine, Village-Communities in the East and West (L. 1871), p. 84—98.

взглядъ вытекалъ изъ юридическаго понятія о правѣ собственности, какъ о правѣ самомъ полномъ, индивидуальномъ и недѣлимомъ по существу. Земля не могла быть безъ полноправнаго личнаго собственника, какъ прежде она не могла быть безъ сеньора. А гдѣ на ту-же землю существовало нѣсколько вотчинныхъ правъ, тамъ юридическая теорія рѣшала вопросъ по усмотрѣнію или по обстоятельствамъ, а чаще всего по поверхностнымъ формальнымъ признакамъ; предпочтеніе отдавалось то той, то другой сторонѣ: или земля признавалась всецѣло собственностью высшаго привиллегированнаго владѣльца, или дѣлалась уступка въ пользу вотчиннаго-же, хотя и зависимаго, крестьянскаго землевладѣнія. Юристы не замѣчали, что въ дѣйствительной жизни земля постоянно служитъ предметомъ разнообразныхъ правъ, одинаково твердыхъ и долговѣчныхъ; они всегда отыскивали идею права собственности въ живомъ воплощеніи, въ лицѣ той или другой отдѣльной личности. Государство и община, въ качествѣ искусственныхъ, отвлеченныхъ субъектовъ, не удовлетворяли юристовъ, когда дѣло шло о владѣніи и собственности. Смѣшивая землю съ вещами, не видя ея первостепеннаго политическаго и общественнаго значенія, юристъ безпощадно примѣнялъ къ ней свои понятія объ абсолютной частной собственности и всегда предполагалъ это право тамъ, гдѣ были на лицо письменные акты,— хотя-бы ранѣе утвержденія этихъ актовъ существовали другія безспорныя права на землю. Ради юридической стройности, отвергается раздѣльность тамъ, гдѣ она существуетъ, и насаждается единство права, хотя-бы это связано было съ разореніемъ массы человѣческихъ существъ. Юриспруденція всегда стояла за феодаловъ, какъ имѣвшихъ акты укрѣпленія и утвердившихъ всѣ свои права давностью; оттого въ средніе вѣка и позднѣе doctores utriusque juris были предметами особенной ненависти низшихъ классовъ. Самыя лучшія намѣренія могли руководить юристами, но чаще всего стремленіе къ логической послѣдовательности приводило къ очевиднымъ несправедливостямъ.

Въ Индіи, въ нижнемъ Бенгалѣ, англійскіе судьи и чиновники должны были опредѣлить поземельныя права различныхъ классовъ населенія; они видѣли, что извѣстныя лица распоряжаются въ предѣлахъ даннаго пространства земли, получаютъ сборы съ населенія и соотвѣтствуютъ вообще представленію о полноправныхъ владѣльцахъ,—эти „земиндары" были формально признаны собственниками. Между тѣмъ оказалось, что они суть не что иное какъ сборщики податей бывшихъ магометанскихъ вице-королей, сохранившіе свои должности по наслѣдству. Дѣй-

ствительные владѣльцы земли, средніе и мелкіе, очутились вдругъ въ положеніи лицъ, пользующихся правами въ чужой вещи, — въ положеніи арендаторовъ и чиншевиковъ, хотя не было ни малѣйшаго фактическаго основанія для подобной метаморфозы. Съ одной стороны, и земиндары имѣли какъ-будто право на полученіе налоговъ съ населенія, ибо это право освящено было давностью; а съ другой стороны, нелѣпо было отнять болѣе вѣскія права у мѣстныхъ владѣльцевъ-поселянъ, привыкшихъ по традиціи относиться къ земиндарамъ, какъ должностнымъ лицамъ, собирателямъ оброка. Такъ какъ надо было признать кого-либо собственникомъ, а вполнѣ отвергнуть земиндаровъ нельзя было, то имъ и предоставленъ былъ весь объемъ права, которое въ крайнемъ случаѣ требовало бы только точнаго раздѣленія. Нѣчто подобное происходило у насъ при опредѣленіи правъ горскихъ князей на Кавказѣ, правъ татарскихъ мурзъ въ Крыму и даже правъ башкиръ. Гдѣ было только участіе въ общинномъ правѣ владѣнія, соединенное съ привиллегіями родового старѣйшинства, тамъ предполагалось личное право собственности; большинство лишалось своихъ безспорныхъ правъ, во имя традиціонной юридической фикціи.

Въ лучшемъ случаѣ, при добросовѣстномъ отношеніи къ правамъ каждаго, происходило то, что, напр., отдѣльныя полосы общинной земли, находившіяся въ данное время въ пользованіи членовъ сельской общины, объявлялись прямо ихъ частною собственностью, безъ дальнѣйшихъ разсужденій; — такъ поступилъ одинъ изъ англійскихъ администраторовъ въ сѣверо-западныхъ областяхъ Остъ-Индіи, Бэрдъ, въ тридцатыхъ годахъ. Послѣдствія не заставляли себя ждать: поземельные участки дробились, при переходѣ по наслѣдству, обременялись неизбѣжными долгами, перестали обезпечивать хозяевъ и въ концѣ концовъ проданы были съ публичнаго торга для удовлетворенія мѣстныхъ ростовщиковъ, и значительная часть сельскаго населенія превратилась въ бездомный пролетаріатъ [1]). Знатокъ индійскихъ дѣлъ, сэръ Джорджъ Кэмпбелль, говоритъ теперь слѣдующее въ одномъ изъ англійскихъ журналовъ: „Примѣненіе нашихъ коммерческихъ понятій къ землѣ далеко перевѣшиваетъ въ глазахъ туземцевъ всѣ преимущества нашего управленія въ Индіи. Почти всѣ наши замѣшательства въ этой странѣ происходили по этой причинѣ. Въ Деканской области поселяне, которыхъ мы признали полными собственниками-крестьянами, попали въ руки пришлыхъ ростов-

¹) Lorenz von Stein, стр. 268—9.

щиковъ, благодаря заманчивому и легкому кредиту, допускаемому при принятой нынѣ системѣ. Ростовщики дѣйствовали на вполнѣ законномъ коммерческомъ основаніи, и когда долги накоплялись, они налагали арестъ на землю и продавали ее съ аукціона. Тогда разыгрались насилія, совершались убійства, и опасное броженіе распространялось въ народѣ. Это открыло правительству глаза на строгость нашей системы. Признано было, что наши коммерческіе взгляды и законы непримѣнимы къ поземельнымъ отношеніямъ. Вслѣдствіе необходимости и практическаго удобства, остъ-индское правительство издало для деканскихъ крестьянъ охранительныя правила, подобныя изданнымъ раньше для Пенджаба и другихъ провинцій" [1]). Очевидно, практическія соображенія должны и юристовъ заставить отречься отъ многихъ прежнихъ обобщеній.

Въ новѣйшее время прежнее отвлеченное, доктринерское направленіе въ юриспруденціи и въ законодательствѣ все болѣе отвергается учеными юристами и практиками; мы упомянули уже выше о двухъ авторитетныхъ писателяхъ, рѣшительно высказывающихся въ этомъ смыслѣ — объ Іерингѣ и Лоренцѣ Штейнѣ. Подъ вліяніемъ тяжелаго и опаснаго опыта, не законченнаго еще понынѣ, юристы отрекаются отъ чрезмѣрнаго индивидуализма въ правѣ, взываютъ къ возстановленію корпоративныхъ и общинныхъ связей, отводятъ широкое мѣсто общественному и публичному интересу, не рѣшаютъ вопросовъ a priori по заранѣе составленнымъ рубрикамъ, а пытаются анализировать дѣйствительную природу явленій, чтобы не сдѣлать ошибки въ выводѣ. Конечно, это направленіе далеко не преобладаетъ между теоретиками, но оно настойчиво выдвигается жизнью и становится обязательнымъ для законодательства.

Нѣкоторыя существенныя начала, усвоенныя кодексами, не могутъ быть объяснены иначе, какъ произволомъ юридической логики. Напримѣръ, въ саксонскомъ уложеніи постановлено слѣдующее: „Права, содержащіяся въ правѣ собственности, не могутъ быть раздѣлены между нѣсколькими собственниками такимъ образомъ, что одному принадлежитъ главное право собственности, а другому — зависимое (nützliches Eigenthum). Посредствомъ предоставленія другому лицу отдѣльныхъ правъ, содержащихся въ правѣ собственности, можетъ быть установлено только право на чужую вещь" (§ 226). Единственнымъ мотивомъ этого по-

[1]) Fortnightly Review, 1883, № 1, стр. 43—44. Въ томъ-же журналѣ за май 1884 года статья о новыхъ законахъ въ Индіи, стр. 627 и слѣд.

становленія служить стремленіе къ послѣдовательности и единству: вышло бы какъ-то нескладно и некрасиво, еслибъ нѣсколько равносильныхъ правъ обременяло землю,—нарушилась бы стройность юридической конструкціи права собственности. Но, быть можетъ, эта стройность, привлекательная въ ученомъ трактатѣ, окажется губительною для интересовъ жизни,—объ этомъ къ сожалѣнію рѣдко думали юристы старой школы. Къ какимъ реальнымъ послѣдствіямъ приводитъ принципъ саксонскаго кодекса можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Участокъ пустопорожней земли близъ Лондона, оцѣненный когда-то въ 300 фунтовъ стерлинговъ, былъ пожалованъ предку нынѣшняго герцога Вестминстерскаго; теперь этотъ участокъ составляетъ цѣлый кварталъ уже въ самой столицѣ; онъ занятъ громадными зданіями, которыя всѣ построены мѣстными обывателями и капиталистами на собственныя ихъ средства, безъ малѣйшихъ затратъ со стороны лордовъ Вестминстеръ и только съ ихъ согласія, на правахъ долгосрочной аренды. Номинальный владѣлецъ всего этого квартала, выросшаго безъ его участія на пустопорожней землѣ, получаетъ съ нея теперь болѣе милліона фунтовъ стерлинговъ ежегодной платы, съ перспективою еще получить всѣ возведенныя постройки въ личную свою собственность по истеченіи арендныхъ сроковъ. Предположимъ, что лица, построившія эти дома на свой счетъ, пожелали бы обезпечить за собою право на владѣніе ими и что самъ лордъ Вестминстеръ, по чувству справедливости, согласился бы признать ихъ собственниками этихъ зданій, съ тѣмъ, чтобъ самая земля по прежнему принадлежала ему и за нее вносился бы обычный ежегодный чиншъ. Въ предѣлахъ одного поземельнаго участка существовало бы два права собственности: одно принадлежало бы владѣльцу земли, другое—домовладѣльцамъ; обѣ стороны были бы удовлетворены въ своихъ интересахъ и никому не было бы обидно. Составители саксонскаго кодекса не допускаютъ такого рѣшенія; они не терпятъ двойственности, какъ безпорядка, и спѣшатъ возстановить единство: собственникомъ въ предѣлахъ своей земли можетъ считаться только номинальный ея владѣлецъ, лордъ Вестминстеръ, а люди, построившіе свои дома съ его согласія, имѣютъ только право на чужую вещь и могутъ быть лишены своихъ имуществъ по окончаніи срока контрактовъ. Такъ рѣшается вопросъ вовсе не по жестокосердію или презрѣнію къ реальнымъ правамъ людей; очень можетъ быть, что тѣ-же юристы, составлявшіе саксонское уложеніе, разсуждали бы вполнѣ справедливо, еслибъ имъ предложено было рѣшить данный конкретный случай,—но въ качествѣ законодателей они руковод-

ствовались отвлеченною юридическою теоріею и безсознательно совершили вопіющую несправедливость. Такія-же отношенія, какъ между лордомъ Вестминстеромъ и его арендаторами-домовладѣльцами, могутъ существовать и возникать повсюду, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. На земляхъ поземельной аристократіи въ Саксоніи, какъ и въ другихъ странахъ, могутъ возводиться постройки и образоваться новыя поселенія; какой-же разумный мотивъ можетъ имѣть законъ для того, чтобы заранѣе осуждать этихъ поселянъ на полное безправіе относительно номинальныхъ владѣльцевъ земли? Двойственность собственности неизбѣжна и необходима вездѣ, гдѣ существуетъ крупное землевладѣніе; она необходима потому, что облегчаетъ обстройку и обработку земель, обезпечивая законныя права ихъ обитателей. Юридическое начало, что „чья земля, того и постройка“, можетъ имѣть значеніе вспомогательнаго правила для случаевъ сомнительнаго происхожденія постройки; но когда достовѣрно извѣстно, кому принадлежитъ постройка, тогда отобраніе ея въ пользу другого лица не имѣетъ смысла. Столкновеніе двухъ правъ—владѣльца земли и владѣльца постройки — есть, очевидно, не отвлеченно-логическое, а хозяйственное столкновеніе, въ которомъ интересы обѣихъ сторонъ заслуживаютъ одинаковаго вниманія. Фактическое право, ясное для всѣхъ, не должно быть приносимо въ жертву произвольной формулѣ, въ силу которой человѣческое жилище есть только побочная принадлежность того пустого мѣста, гдѣ оно построено.

Запрещеніе вѣчной аренды объясняется также связью этого института съ феодальнымъ землевладѣніемъ. Уничтожая нѣкоторыя особенности феодализма, юристы хотѣли устранить всѣ элементы неподвижности въ поземельномъ строѣ; они думали обезпечить свободу собственности, хотя бы и противъ воли самихъ владѣльцевъ. Но, кромѣ этой свободы, есть другіе не менѣе важные интересы, требующіе охраны закона. Вѣчная аренда замѣняетъ собственность для населенія, нуждающагося въ землѣ и не имѣющаго возможности пріобрѣсть самостоятельные поземельные участки; она выгодна и для владѣльцевъ, располагающихъ пространствами пустой невоздѣланной земли. Она даетъ прочное положеніе поселянамъ, допускаетъ правильное и спокойное веденіе хозяйства, избавляетъ землю отъ вреднаго хищничества, связаннаго съ краткосрочною арендою, и предупреждаетъ аграрныя волненія, вызываемыя необезпеченностью крестьянскаго быта. Она кажется идеаломъ для англійскихъ фермеровъ и земледѣльцевъ; извѣстная ирландская формула „трехъ F“ требуетъ прежде всего постоянства аренды, fixity of tenure, затѣмъ fair rent (справедливой

ренты) и наконецъ свободной продажи, free sale, арендуемыхъ участковъ. А въ континентальной Европѣ юриспруденція относится почему-то неблагосклонно къ институту вѣчной или долгосрочной аренды, называемой также эмфитевзисомъ. Французскій кодексъ не упоминаетъ о немъ; Тролонъ и Демоломбъ — противъ него, какъ потерявшаго будто бы raison d'être. Въ Бельгіи эмфитевзисъ возстановленъ закономъ 1824 года, причемъ срокъ полагается отъ 25 до 99 лѣтъ. Проф. Лоранъ находитъ это ограниченіе срока неосновательнымъ; онъ предлагаетъ допустить установленіе вѣчнаго эмфитевзиса, какъ это допущено при пересмотрѣ кодекса въ Нидерландахъ. Въ старину эмфитевзисъ былъ всегда вѣчный по существу, — иначе не достигалась бы и цѣль его. Неплатежъ ренты не отнималъ права эмфитевзиса во Франціи; можно было возстановить свое право даже послѣ 30 лѣтъ уплатою ежегоднаго канона. По нидерландскому закону право эмфитевзиза теряется, если не дѣлаются взносы въ теченіе пяти лѣтъ. Что касается отдачи земель подъ выстройку, то бельгійскимъ закономъ 1824 года подобныя сдѣлки были ограничены 50-лѣтнимъ срокомъ; это ограниченіе выпущено при ревизіи кодекса въ 1838 году, такъ что можно теперь устанавливать вѣчное право на постройку въ предѣлахъ чужой земли [1]). Эмфитевзисъ регулируется также итальянскимъ кодексомъ, причемъ онъ связывается съ правомъ выкупа земли въ собственность (art. 1564). Выкупъ—это способъ ликвидаціи отношеній, стѣснительныхъ для сторонъ; онъ можетъ примѣняться къ существующимъ издавна обязательствамъ, напримѣръ, къ чиншевымъ; но обязательное соединеніе его съ вѣчною арендою отняло бы у нея значительную долю практической важности. Владѣльцы, не желающіе раздроблять свои имѣнія, избѣгали бы пользоваться этимъ институтомъ; установленіе вѣчной аренды сдѣлалось бы почти невозможнымъ или затруднилось бы въ имѣніяхъ частныхъ заповѣдныхъ, въ земляхъ общественныхъ и государственныхъ.

V.

Наслѣдственная аренда, какъ мы видѣли, ошибочно принята была за принадлежность феодальнаго поземельнаго устройства и отчасти раздѣлила судьбу его какъ-бы по недоразумѣнію. Съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ новѣйшія законодательства отнес-

---

[1]) F. Laurent, Avant-projet etc., art. 724—730.

лись отрицательно къ другому остатку феодализма, имѣющему дѣйствительно существенное значеніе,—а именно, къ такъ называемымъ заповѣднымъ, майоратнымъ имѣніямъ и фидеикоммисамъ. Крупныя заповѣдныя помѣстья, не подлежащія раздѣлу, подчиненныя особому порядку наслѣдованія по праву первородства, преимущественно въ мужской линіи,—это не что иное какъ маленькія государства, которыхъ территоріи также не могутъ быть дѣлимы, въ которыхъ власть также переходитъ къ одному лицу по праву первородства съ исключеніемъ остальныхъ членовъ владѣтельной фамиліи. Такими маленькими государствами полна была Европа въ средніе вѣка; они понынѣ сохранились во всей чистотѣ, съ соблюденіемъ всѣхъ политическихъ формъ, въ значительной части Германіи, въ видѣ самостоятельныхъ медіатизированныхъ княжествъ. Многія нѣмецкія княжества, имѣющія свое политическое устройство и свою организацію властей, суть только помѣстья и иногда даже некрупныя. Имѣнія собственно господскія, лишенныя этихъ внѣшнихъ атрибутовъ государственности и признаваемыя, тѣмъ не менѣе, заповѣдными, существуютъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ поземельная аристократія играла самостоятельную политическую роль и гдѣ она понынѣ засѣдаетъ по праву рожденія въ высшихъ законодательныхъ палатахъ — въ палатахъ господъ, магнатовъ или лордовъ. Извѣстный порядокъ наслѣдованія въ мужской линіи, сосредоточеніе помѣстья въ рукахъ одного лица, съ устраненіемъ всѣхъ прочихъ членовъ семейства, запрещеніе раздѣловъ и отчужденій,—все это неразрывно связано съ чисто политическимъ характеромъ и традиціонными свойствами феодальнаго землевладѣнія; все это требуется именно для того, чтобы сохранить за аристократіею политическое господство, независимо отъ интересовъ остальнаго населенія и отъ потребностей общаго народнаго хозяйства. Самъ землевладѣльческій классъ тяготится отчасти этими тяжелыми формами поземельной собственности,—тяготится, по крайней мѣрѣ, въ экономическомъ отношеніи; извѣстно, что въ Англіи вопросъ о свободѣ раздѣловъ и отчужденій земель давно уже стоитъ на очереди и занимаетъ первое мѣсто во всѣхъ программахъ поземельныхъ реформъ. При настоящихъ условіяхъ жизни въ Европѣ, при всеобщей земельной тѣснотѣ, нельзя ничѣмъ оправдать существованія привиллегированныхъ латифундій, этихъ обширныхъ какъ бы острововъ среди частнаго землевладѣнія, обреченныхъ на неподвижность при окружающемъ общемъ движеніи и закрытыхъ для распредѣленія между размножившимися потомками первыхъ обладателей. Трудно найти объясненіе для того, чтобы громадныя пространства земель поставлены были

какъ-бы внѣ дѣйствія времени и обстоятельствъ, внѣ обычнаго хода народно-хозяйственной исторіи, въ видѣ памятниковъ прошлаго величія той или другой фамиліи. Трудно понять, почему изъ всѣхъ членовъ извѣстнаго семейства единственнымъ владѣльцемъ земельныхъ его богатствъ долженъ дѣлаться старшій сынъ, быть можетъ наименѣе заслуживающій такого удѣла, быть можетъ испорченный съ дѣтства сознаніемъ своего привиллегированнаго положенія передъ младшими братьями, осужденными нерѣдко на трудовые заработки. Въ Англіи младшіе сыновья лордовъ имѣютъ еще хорошій выходъ,—они дѣлаются членами палаты общинъ отъ того или другого избирательнаго пункта въ предѣлахъ владѣній отца; но и этотъ выходъ закрывается отчасти новѣйшимъ биллемъ о реформѣ, уничтожившимъ послѣдніе остатки такъ называемыхъ „гнилыхъ мѣстечекъ", мелкихъ избирательныхъ округовъ, безъ дѣйствительныхъ избирателей въ надлежащемъ числѣ. Младшій сынъ герцога Марльборо, извѣстный лордъ Рандольфъ Черчилль, могъ бы легко не попасть въ палату общинъ, при дѣйствіи новаго закона; онъ долженъ былъ бы искать себѣ другой карьеры, не имѣя участія въ родовомъ наслѣдствѣ,—въ то время какъ его братъ, личность посредственная, маркизъ Бландфордъ, имѣетъ въ перспективѣ обладаніе всѣми землями, дворцами, парками и сокровищами фамиліи. Англійская аристократія, по крайней мѣрѣ, располагаетъ и денежными богатствами; она можетъ снабжать своихъ младшихъ членовъ нѣкоторою долею своихъ избытковъ,—но распредѣленіе остается несправедливымъ даже съ тѣсной точки зрѣнія частныхъ интересовъ аристократическихъ фамилій. Притомъ лорды такъ или иначе исполняютъ свое традиціонное политическое назначеніе; они понынѣ исполняютъ повинность безвозмездной службы на пользу общества и государства, хотя они формально освобождены отъ этой повинности еще въ XVII вѣкѣ, при Карлѣ II: они служатъ даромъ въ графствахъ, въ мѣстномъ самоуправленіи, въ должностяхъ мировыхъ судей и шерифовъ, наконецъ въ законодательныхъ собраніяхъ. Что-же сказать объ аристократіяхъ менѣе богатыхъ и съ болѣе односторонними традиціями,—о феодалахъ Австріи или Пруссіи? Тамъ нераздѣльность и связанность фамильныхъ имѣній приводятъ только къ тому, что самыя громкія имена замѣшаны въ сомнительныя финансовыя спекуляціи, что желаніе доставить приличныя средства роднымъ, исключеннымъ изъ участія въ наслѣдствѣ, подчиняетъ владѣльцевъ господству биржи и подрываетъ въ корнѣ весь политическій смыслъ аристократіи. Нѣтъ надобности распространяться объ общихъ экономическихъ соображеніяхъ, которыя мо-

гуть быть приведены противъ этихъ феодальныхъ латифундій; никто не назоветъ нормальнымъ превращеніе значительной части англійской территоріи въ охотничьи парки, въ безконечныя пастбища и поля, въ то время какъ размножающееся населеніе страны не знаетъ куда дѣться отъ тѣсноты.

Понятны поэтому причины, побудившія французскихъ законодателей уничтожить феодальный заповѣдный режимъ въ землевладѣніи; они установили обязательный раздѣлъ имуществъ въ видѣ общаго правила, не принимая уже во вниманіе никакихъ различій въ свойствахъ имуществъ. Какъ это часто бываетъ въ эпоху борьбы, подъ вліяніемъ естественной реакціи противъ прошлаго, они вовлеклись въ противоположную крайность; они упустили изъ виду, что и дробленіе земли должно имѣть свои предѣлы и что предписывать это дробленіе нѣтъ никакого основанія относительно мелкой поземельной собственности. Во всякой странѣ существуетъ извѣстный минимумъ земельнаго владѣнія, при которомъ еще возможно существованіе крестьянскаго хозяйства; дальнѣйшіе раздѣлы привели бы къ нищенству и къ полному подрыву земледѣлія. Во Франціи крестьяне очень часто обходятъ постановленіе закона при помощи сдѣлокъ между хозяиномъ участка и его предполагаемыми наслѣдниками; наслѣдникомъ назначается кто-нибудь одинъ изъ членовъ семейства, съ обязанностью произвести извѣстныя уплаты остальнымъ, а для болѣе вѣрной гарантіи сохраненія участка въ цѣлости эта передача хозяйства совершается еще при жизни владѣльца, по достиженіи имъ престарѣлаго возраста; въ этомъ случаѣ отецъ семейства доживаетъ свой вѣкъ насчетъ преемника своего, что̀ и засчитывается при оцѣнкѣ стоимости наслѣдства и при опредѣленіи размѣра денежныхъ выдачъ устраненнымъ членамъ семьи. Этотъ важный обычай впервые былъ изслѣдованъ и описанъ извѣстнымъ Ле-Плэ, главою школы „соціальнаго мира", имѣющей своихъ послѣдователей, свою организацію и свой журналъ [1]). Такой же обычай существуетъ и въ Германіи, гдѣ будущій хозяинъ крестьянскаго двора назначается при жизни владѣльца, подъ именемъ Anerbe; недавно въ Пруссіи изданъ законъ, по которому допускается передача земельныхъ участковъ по наслѣдству цѣликомъ безъ раздѣла посредствомъ записи въ особую книгу—такъ называемую „Höferolle". Извѣстно, что и у насъ признаются нераздѣльными по закону принадлежащіе бывшимъ государственнымъ крестьянамъ участки земли, не

---

[1]) „Reforme sociale", 1884, juillet: „Le domaine du paysan devant la coutume et le code", par Ad. Focillon, и др.

болѣе 8 десятинъ; эту мѣру слѣдовало бы распространить и на остальное подворное крестьянское населеніе. Что же касается крупныхъ имѣній, то не мѣшать ихъ раздѣлу, а напротивъ содѣйствовать ему необходимо въ интересахъ народнаго хозяйства. Чрезмѣрная обширность частныхъ владѣній мѣшаетъ правильному веденію хозяйства, побуждаетъ пренебрегать землею и сдавать ее въ аренду не окрестнымъ поселянамъ, а крупнымъ предпринимателямъ, имѣющимъ цѣлью извлечь какъ можно болѣе наживы въ ущербъ земледѣльческому классу.

Нечего и говорить о безцѣльности существованія заповѣдныхъ имѣній у насъ, гдѣ аристократія никакой самостоятельной политической роли не имѣла и не имѣетъ; у насъ владѣлецъ самыхъ обширныхъ майоратовъ можетъ имѣть такое же отношеніе къ государственнымъ дѣламъ, къ задачамъ законодательства и политики, какъ и послѣдній разночинецъ. Ни представлять извѣстный родъ въ верхней палатѣ, ни руководить дѣлами въ земствѣ наши майоратные владѣльцы не призываются, и никакой общественной функціи они не исполняютъ,—а между тѣмъ члены ихъ семействъ, иногда весьма многочисленные, оставляются безъ средствъ только ради того, чтобъ одинъ изъ нихъ располагалъ непомѣрными доходами—неизвѣстно для какой цѣли. Пересадка къ намъ этого феодальнаго института, не связаннаго ни съ нашей исторіею, ни съ традиціями знатныхъ фамилій, есть одна изъ самыхъ неудачныхъ странностей нашего законодательства. Съ учрежденіемъ заповѣдныхъ владѣній не появились у насъ, конечно, ни старинные рыцарскіе замки, ни унаслѣдованные политическіе нравы и обычаи, ни благотворное честолюбіе западно-европейскихъ лордовъ. Къ намъ перенесены только неудобства и вредныя стороны явленія, безъ всѣхъ его—иногда хорошихъ—политическихъ и общественныхъ традицій. Безъ сомнѣнія, правила о заповѣдныхъ имѣніяхъ должны быть исключены изъ нашего законодательства безусловно, а для существующихъ нынѣ нужно установить тотъ способъ ликвидаціи, который установленъ саксонскимъ и австрійскимъ кодексами,—именно заповѣдный характеръ имѣній устраняется по желанію самихъ членовъ заинтересованной фамиліи, съ разрѣшенія государственной власти. Измѣненіе свойствъ заповѣдности оказывалось часто необходимымъ и при феодальной системѣ; тотъ размѣръ владѣнія, который когда-то считался только крупнымъ, можетъ съ теченіемъ времени оказаться слишкомъ громаднымъ, въ виду наростанія населенія и общаго повышенія цѣнности земли. Уже поэтому опредѣлять разъ навсегда размѣръ

нераздѣльныхъ помѣстій невозможно, и въ этомъ отношеніи сами феодалы постоянно допускали отступленія.

Единственная категорія заповѣдныхъ земель, имѣющая оправданіе, и политическое и хозяйственное,—это владѣнія государственныя и общественныя. Въ былое время, подъ вліяніемъ увлеченія крайнимъ индивидуализмомъ, въ законодательствѣ и въ литературѣ проповѣдывалась мысль о скорѣйшей передачѣ государственныхъ земель въ частныя руки, для оживленія промышленности и для водворенія надлежащаго сельско-хозяйственнаго прогресса. Государство и ранѣе успѣло лишиться значительнѣйшей части своихъ земельныхъ богатствъ, раздавая ихъ щедрою рукою между немногими лицами на вѣчныя времена. Земли, отданныя комулибо сто лѣтъ тому назадъ, при рѣдкомъ населеніи и при обширныхъ пустыхъ пространствахъ, оказываются теперь цѣлыми провинціями по значенію и по доходности; а между тѣмъ онѣ навсегда оторваны изъ состава государственныхъ имуществъ и въ непрерывно возрастающей мѣрѣ обогащаютъ потомковъ тѣхъ лицъ, которымъ даны были эти пожалованія, быть можетъ, скромныя для своего времени. Это экономическое свойство земли—возвышаться въ цѣнѣ и значеніи вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія—должно неизбѣжно привести къ тому выводу, что отчужденіе государственныхъ земель въ частную собственность есть всегда и вездѣ мѣра крайне невыгодная для государства. Обнимая собою не только настоящее, но и будущее,—имѣя въ виду не временное только удовлетвореніе потребностей, а прочное и долговѣчное существованіе, государство владѣетъ землями вовсе не на частномъ, а на публичномъ правѣ; оно пользуется и распоряжается ими во имя общихъ государственныхъ и народныхъ интересовъ, которыми опасно поступаться ради временныхъ текущихъ соображеній. Говоря строго-юридически, государство и не можетъ дѣйствовать подобно частному владѣльцу, относительно своихъ имуществъ; какъ справедливо замѣчаетъ Лоранъ, государство и корпоративныя учрежденія не имѣютъ настоящаго права собственности,—для нихъ это не столько право, сколько повинность, существующая исключительно для пользы общественной. Праву государства не достаетъ существеннаго признака частной собственности,—права злоупотреблять, jus abutendi [1]). Поэтому французскій кодексъ говоритъ только о правѣ управленія и распоряженія имуществами, согласно законамъ, безъ права отчужденія, предоставленнаго частнымъ владѣльцамъ (art. 537). Также точно по

[1]) Avant-projet etc., art. 573, примѣч.

итальянскому кодексу, государственныя имущества признаны неотчуждаемыми; только имущества, принадлежащія казнѣ на частномъ правѣ, могутъ быть отчуждаемы согласно законамъ (art. 430).

Пока земель было много, правительства не стѣснялись раздавать общегосударственныя земли отдѣльнымъ лицамъ; но настаетъ время, когда приходится горько скорбѣть о растраченномъ земельномъ богатствѣ и придумывать сложныя мѣры для облегченія быта народившихся поколѣній земледѣльцевъ. Даже въ сѣверной Америкѣ замѣчается теперь нѣкоторое безпокойство по поводу легкихъ и щедрыхъ земельныхъ раздачъ въ періодъ обилія. И тамъ запасы публичныхъ земель быстро изсякаютъ, и громадныя пространства очутились въ рукахъ предусмотрительныхъ капиталистовъ, вызывая уже призракъ будущаго безземельнаго пролетаріата въ одной изъ богатѣйшихъ странъ міра. Въ Калифорніи, послѣ открытія въ ней золотыхъ пріисковъ, золотоносная земля была объявлена общественною собственностью; отдѣльнымъ лицамъ предоставлялось только частное пользованіе соразмѣрно фактической разработкѣ. То же начало дѣйствовало въ Мексикѣ, въ Австраліи, Британской Колумбіи, въ Южной Африкѣ. Потомъ допускалось въ Калифорніи пріобрѣтеніе пріисковъ въ частную собственность, на основаніи особыхъ патентовъ, и слѣдствія получились весьма печальныя,—рабочее населеніе осталось ни при чемъ и милліоны распредѣляются между немногими личностями, тогда какъ они въ значительной мѣрѣ могли бы идти въ казну [1]). Всѣ невыгодныя стороны отчужденія устранились бы, еслибъ земли отдавались не иначе, какъ на правахъ аренды, хотя бы долгосрочной и даже наслѣдственной, съ правомъ періодическаго измѣненія ренты сообразно измѣняющейся доходности земель; тогда и частныя лица вполнѣ вознаграждены и обезпечены, и государство не теряетъ своихъ средствъ для будущаго. Въ этихъ видахъ слѣдовало бы всѣ отводы казенныхъ земель отдѣльнымъ лицамъ, состоявшіеся за извѣстный періодъ времени, оставить за владѣльцами только на правахъ наслѣдственной аренды, съ платою ежегоднаго и періодически-измѣняемаго чинша.

У насъ давно уже чувствуется и признается несостоятельность системы даровыхъ земельныхъ раздачъ для общественныхъ или государственныхъ цѣлей. Извѣстно, въ какой мѣрѣ исполнились ожиданія, которыя соединялись съ пожалованіями имѣній въ западномъ краѣ. Объ этомъ еще совсѣмъ недавно напомнилъ намъ

---

[1]) H. George, Progress and poverty, стр. 274—5.

законъ 27 дек. 1884 года. Майоратнымъ владѣльцамъ давались въ собственность казенныя земли, со включеніемъ участковъ и лѣсовъ, находившихся уже въ пользованіи крестьянъ и назначенныхъ подъ общественную запашку, какъ это прямо выражено въ законѣ (въ 500 ст., I ч., X т.). Благосостояніе крестьянства не могло, конечно, возвыситься отъ такого отношенія къ поземельнымъ правамъ его, а нормальное хозяйственное развитіе невозможно безъ обезпеченнаго крестьянства. Государство напрасно приносило значительныя жертвы для водворенія того или другого класса землевладѣльцевъ въ странѣ; послѣдніе въ очень рѣдкихъ случаяхъ отвѣчали условіямъ, которыя имѣлись въ виду при раздачѣ земель,—они просто ограничивались полученіемъ доходовъ, изрѣдка показываясь въ имѣніяхъ для продажи лѣса на срубъ и тому подобныхъ распоряженій. Въ нашемъ сводѣ законовъ гражданскихъ существуетъ, правда, хорошая статья (939-ая), которая гласитъ: „Если владѣльцы не исполнятъ условій (на которыхъ имъ дана земля), то розданные участки отъ нихъ отбираются и обращаются въ казенное вѣдомство“. Но тутъ рѣчь идетъ только о земляхъ, отданныхъ правительствомъ спеціально на условіяхъ заселенія или для хозяйственныхъ заведеній (ст. 938), а затѣмъ, въ пользу владѣльцевъ и во вредъ казнѣ, существуетъ другая статья (937-ая), въ силу которой: „если въ указѣ о пожалованіи не сказано, что земля отдается во владѣніе подъ какимъ-либо условіемъ, то она почитается пожалованною безусловно, хотя бы находилась въ такихъ мѣстахъ, гдѣ земли раздаются подъ условіемъ заселенія или подъ какія-либо хозяйственныя заведенія“. Очевидно, что предположеніе должно бы быть обратное, по самому свойству государственныхъ имуществъ: нельзя предположить, что государство отдаетъ землю безъ всякой цѣли и безъ прямой или косвенной выгоды для общественныхъ интересовъ. Впрочемъ, разумѣется само собою, что правило объ отобраніи земель, отданныхъ условно въ частныя руки, едва ли можетъ быть легко осуществляемо на практикѣ:—частные интересы всегда сильнѣе казенныхъ, государственныхъ.

Л. Слонимскій.

ТОРМАЗЫ
НОВАГО РУССКАГО ИСКУССТВА

III *).

Наша художественная критика была всегда однимъ изъ самыхъ зловредныхъ тормазовъ новаго искусства. Нельзя сказать, чтобъ она въ концѣ-концовъ достигла своихъ цѣлей — нѣтъ, я надѣюсь доказать ниже, что этого по счастью не случилось, но все-таки своимъ въ большинствѣ случаевъ невѣжествомъ, безвкусіемъ и узкимъ консерватизмомъ она успѣвала многихъ, очень многихъ задерживать, отуманивать, сбивать съ пути. „А что говорятъ въ печати?“ обыкновенно спрашиваетъ большинство, робкое и несамостоятельное, неспособное рѣшать собственнымъ умомъ. Приговоры печати, если они дружны и часты, нерѣдко имѣютъ самое рѣшительное вліяніе на массу, и способны завести ее Богъ знаетъ въ какія трущобы, когда она колеблется или просто не знаетъ что подумать о томъ или этомъ новомъ явленіи.

Какова была уже издавна наша художественная критика, тому мы находимъ необыкновенно вѣрное и мѣткое опредѣленіе, уже почти 50 лѣтъ тому назадъ. Одинъ изъ самыхъ крупныхъ и умныхъ художниковъ нашихъ, Ивановъ, писалъ изъ Рима отцу своему, въ 1840 году, по поводу статьи неизвѣстнаго: „Русскіе художники въ Римѣ“, напечатанной въ „Библіотекѣ для чтенія“: „Тонъ Русскихъ журналовъ кулачный, хвастливый, бездушный, необразованный. Еслибы эту статью перевести въ иностранную газету, то она заставила бы краснѣть каждаго изъ насъ—а между тѣмъ, насъ хвалятъ. Я не знаю даже, не лучше

*) См. выше: февраль, 541 стр.

ли бы было, еслибъ о насъ совсѣмъ не писать, чѣмъ писать такимъ антипатичнымъ, невѣрнымъ, безосновательнымъ тономъ". Мнѣ кажется, въ продолженіе полу-столѣтія послѣ Иванова многіе должны были повторять почти точь-въ-точь эти самыя слова. Бездушные, необразованные, антипатичные, безосновательные, „кулачные приговоры"—какъ это вѣрно схвачено, какъ все это возобновляется у насъ все снова и снова по поводу каждой новой выставки, по поводу каждаго новаго сколько нибудь значительнаго художественнаго созданія. Въ рѣдкихъ случаяхъ наша критика бываетъ иною въ отношеніи къ истинно хорошимъ художественнымъ созданіямъ. Она всего болѣе любитъ брать подъ свое покровительство созданія ординарныя или ложныя. Примѣры тому безчисленны; нѣкоторые изъ характернѣйшихъ будутъ приведены ниже.

Въ прежнія времена, наши художественные писатели любили отличаться по части глубины и краснорѣчія, и тутъ-же по части патріотизма. Такъ, наприм., извѣстный поэтъ 30-хъ годовъ Тимоѳеевъ, признанный Сенковскимъ за великаго генія, писалъ, въ 1835 году, въ лучшемъ тогдашнемъ журналѣ „Библіотекѣ для чтенія" (статья: „Русскіе художники въ Римѣ"): „Мастерская художника — новая вселенная". Я сейчасъ выхожу изъ одной такой вселенной. Создать и осуществить — какія прекрасныя преимущества творческой силы живописца! Вы видите, какъ въ хаосѣ скопляются первые зародыши вещей; видите, какъ раскрываются ихъ формы, какъ разсѣевается облако и изъ тьмы выходятъ стройныя совершенныя существа... Разсудокъ преклоняетъ колѣни предъ могуществомъ этого волшебства; воображеніе зрителя, чувствуя нищету силъ своихъ, останавливается, ослѣпленное какъ-бы лучами солнца, едва осмѣливается кинуть полъ-взгляда, и подобно стыдливой невѣстѣ, снова устремляетъ взоры въ землю. Вселенная существуетъ: вотъ она!.. Благоговѣйте передъ Тѣмъ, кто позволилъ избранному человѣку говорить, и наслаждайтесь плодомъ позволенія"... За такимъ вступленіемъ, слѣдовало восхищеніе портретами Бруни — сравнявшимися съ Тиціановскими (одинъ изъ портретовъ—16-лѣтняя дѣвушка „въ костюмѣ Психеи"!), портретомъ Анатолія Демидова, работы Брюллова, гдѣ все наполнено „русской національной поэзіей", такъ какъ Демидовъ представленъ „въ одеждѣ русскаго боярина" и ноги его коня „съ гордостью попираютъ бывшія владѣнія Кучума... Миръ тебѣ, Сибирь,—Русская Америка!"... и т. д.

Другіе бряцали на своихъ лирахъ въ иномъ тонѣ. Такъ, напримѣръ, тотъ неизвѣстный, про котораго говорилъ Ивановъ,

описывая мастерскія „русскихъ художниковъ въ Римѣ“ (Художественная газета, 1840, № 6), восклицалъ, по поводу картины Завьялова: „Сошествіе Христа во адъ“: „Я смотрю на это все и умиляюсь! Какъ чудно, ярко, какъ непостижимо отчетливо высказывается во всемъ характеръ, исторія нашего народа: какъ явно гармонируетъ между собою, въ извѣстную эпоху, внутренняя жизнь народа съ его бытіемъ политическимъ. Россія живетъ въ гигантскихъ размѣрахъ и формахъ; ей тѣсно, ея политика объемлетъ цѣлый міръ. Европа и Азія ждутъ ея разрѣшеній. Эта сила отозвалась во веѣхъ частяхъ, во всѣхъ фазахъ нравственной жизни русскаго народа. Она откликнулась и въ художествахъ нашихъ. Посмотрите, вотъ русскіе люди, живущіе внѣ своего отечества, отдѣльно и независимо отъ отношеній общественныхъ: они живутъ и дѣйствуютъ только про себя, а имъ давай, изволите видѣть, больше мѣста! Имъ тѣсно! Раздайся!..“ Другой писатель тѣхъ временъ, профессоръ Шевыревъ, восторгался до безпредѣльности всѣмъ вообще русскимъ искусствомъ (Москвитянинъ 1841, т. VI, статья: „Русскіе художники въ Римѣ“), находилъ въ немъ созданія все самыя капитальныя, и говорилъ, что именно „Россія оградила наши геніальныя дарованія (Брюллова и Бруни) отъ всякаго неправильнаго развитія, какому подвержены художники Запада“. Кукольникъ, Булгаринъ, Сенковскій, каждый въ своемъ журналѣ и газетѣ, взапуски восторгались Брюлловымъ, признавая его высочайшимъ геніемъ современной художественной Европы, конечно, именно потому, что при всей своей талантливости (впрочемъ, внѣшней) Брюлловъ былъ одного съ ними поля ягода, столь-же поверхностенъ, надутъ, ложенъ и условенъ. Кукольникъ объявлялъ, что отъ „Послѣдняго дня Помпеи“ и до „Взятія Божіей Матери на небо“, можно насчитать у Брюллова до 200 разнородныхъ его произведеній, и каждое поражаетъ новостью, оригинальностью созданія, правдою, естественностью положеній, разнообразіемъ колорита“ („Библ. для чт.“, 1843, т. 56, статья: „Современное художество въ Россіи“). Что мудренаго, когда даже тогдашніе живописцы думали въ томъ-же самомъ родѣ, и старый академистъ Егоровъ со слезами на глазахъ восклицалъ: „Карлъ Павлычъ, ты своею кистью Бога славишь!“ Но, за однимъ разомъ съ Брюлловымъ, журналисты и фельетонисты безпредѣльно восхищались тогда и остальными нашими художниками, главное, въ томъ соображеніи, что они отличатся передъ Европой и намъ „честь принесутъ“. Тутъ уже всѣ въ разсчетъ шли безразлично, одной сплошной толпой, и хорошіе, и посредственные, и никуда негодные: и Завьяловы, и Кипренскіе, и

Шамшины, и Тырановы, и Плюшары, и Воробьевы, и Чернецовы, и Штейбены, и множество другихъ, которыхъ имена теперь давнымъ давно забыты—но тогда всѣ годились, всѣ были превосходны. Кукольникъ, тотъ въ своемъ паѳосѣ заходилъ такъ далеко, что объявлялъ въ „Библіотекѣ для чтенія“ (1843, 56): „Мы такъ избалованы, такъ пріучены къ колоссальному, что для насъ и художникъ не художникъ, если не напишетъ картины въ нѣсколько саженъ. Это требованіе весьма справедливое!“. Еще-бы всего подобнаго не называть бездушнымъ, хвастливымъ, кулачнымъ, необразованнымъ Иванову, въ самомъ дѣлѣ художнику, въ самомъ дѣлѣ человѣку думающему и понимающему. Его не могли вводить въ заблужденіе никакія фольги и фальши, онъ видѣлъ на дѣлѣ совсѣмъ другое, чѣмъ критики-реторики, критики-лжепатріоты, критики чванливые хвастуны, критики грубые невѣжды его времени. Онъ писалъ въ эти самые годы обществу поощренія художниковъ изъ Рима, что „русскіе художники почти еще ничего не произвели“ и что все еще впереди... (Жизнь и переписка Иванова, письмо 54).

Но много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, а наша художественная критика ничуть не пошла впередъ и стоитъ все на той же низменной ступени. Имена перемѣнились, но сущность вещи — нисколько. Вмѣсто прежнихъ Тимоѳеевыхъ, Кукольниковъ, Булгариныхъ, Сенковскихъ пишутъ ныньче въ журналахъ такіе же „художественные критики“ какъ и они. Продолжается все прежняя проповѣдь, прежнее восхваленіе того, что плохо или посредственно, и топтаніе въ грязь того, что талантливо. И толпа часто слушается этой проповѣди, часто вѣруетъ въ слова невѣждъ, повторяетъ ихъ, не понимая того, что какова она сама, толпа, ни есть, какъ ни полна, зачастую бываетъ темноты, предразсудковъ и ложныхъ преданій, а все стоитъ гораздо выше большинства своихъ самозванныхъ просвѣтителей и совѣтниковъ. Не смотря на всю толстую кору, застилающую ей иногда глаза и уши, у массы все-таки есть въ корню свѣжее, здоровое чувство, иной разъ вдругъ просыпающееся и ярко высказывающееся. У большинства тѣхъ, кто выступалъ въ роли „художественныхъ критиковъ“, напротивъ, всякое здоровое, свѣжее чувство давнымъ давно утеряно. Трудно повѣрить, не убѣдившись собственными глазами, насколько они почти всѣ ниже общей, черной, сплошной толпы.

Посмотрите на нашу литературную критику: тамъ другіе люди, другія требованія, другіе нравы. Тамъ въ большинствѣ случаевъ, приступаетъ къ этому дѣлу тотъ, кто дѣйствительно интересуется имъ, чья мысль занята имъ, кто искренно стремился узнать, что со-

здано разнообразными талантливыми людьми, своими и чужими, въ дѣлѣ занимающаго его искусства, однимъ словомъ, приступаетъ къ этому дѣлу тотъ, для кого литература и ея судьбы—вопросъ очень важный, иногда даже задача его жизни. Отъ этого у насъ есть въ литературной критикѣ такіе люди, какъ Бѣлинскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Ап. Григорьевъ. Въ художественномъ дѣлѣ совсѣмъ другое. Кромѣ исключеній, самыхъ рѣдкихъ, какъ, напримѣръ, авторъ книги: „Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности", почти всѣ, бравшіеся у насъ за перо, для того, чтобъ писать объ искусствѣ, и не знали его и не любили. Это были, въ большинствѣ случаевъ, все только фельетонисты. Они обращались къ нему со своимъ перомъ такъ, по нечаянности, потому что такъ пришлось въ эту минуту; они брались писать о немъ, прежде о томъ никогда и недумавши, экспромптомъ для самихъ себя, безъ малѣйшаго приготовленія — сойдетъ-молъ, вѣдь дѣло такое пустое, что тутъ „знать", да „понимать"! А поэтому они и расправлялись съ нимъ за панибрата, съ такою же беззаботностью и санфасонствомъ, какъ съ любымъ другимъ ничтожнѣйшимъ предметомъ своего ежедневнаго фельетоннаго калякакья. Кто пошелъ въ фельетонисты, тотъ сейчасъ все знаетъ. Онъ все видѣлъ, все уразумѣлъ, ничего нѣтъ для него темнаго или затруднительнаго. Взглянулъ — и разомъ все понимаетъ. Фельетонисту довольно пріити и стать передъ картиной или статуей—и онъ вамъ сейчасъ все разведетъ по пальцамъ. Но, что всего постыднѣе: никто не находитъ всего этого безумнымъ и нелѣпымъ, никто не глядитъ съ презрѣніемъ на ту смѣсь легкомыслія, дерзкаго невѣжества, безвкусія, изъ которыхъ составлены тѣ фельетоны, что идутъ у насъ за „художественныя критики". Что эти люди на самомъ дѣлѣ ничего не знаютъ объ искусствѣ, никогда ничего не видали изъ его созданій, что они не имѣютъ никакой способности понимать его и судить о немъ — а имъ какое до того дѣло? Иногда къ этому хору людей всезнаекъ и людей-экспромтовъ присоединялись и художники. Но такъ какъ до сихъ поръ (кромѣ очень рѣдкихъ исключеній, такихъ какъ Крамской), это все бывали художники плохіе или посредственные, съ головою спутанною и понятіемъ темнымъ, то и они ровно ничего не приносили (какъ мы увидимъ ниже) для просвѣтлѣнія публики и повышенія ея художественнаго уровня.

Но вотъ что очень любопытно. Эти господа, передъ изложеніемъ своихъ прекрасныхъ мыслей и приговоровъ, часто помѣщали что-то въ родѣ извиненій передъ публикой, что-молъ я не считаю себя въ самомъ дѣлѣ разумѣющимъ что-нибудь по этой части, и мои-дескать разсужденія, конечно, не Богъ знаетъ

что, и имъ особенно вѣрить нечего... а все-таки, а все-таки извольте-ка ихъ, господа, послушать. Въ такомъ родѣ всегда бывало прежде, да часто бываетъ и нынче. Лѣтъ 50 тому назадъ, Кукольникъ, приступая къ разбору академической выставки 1836 года писалъ: „Я буду просто бесѣдовать, и если гдѣ-нибудь отъ дурной отдѣлки въ слогѣ, слова мои получатъ видъ суда — не вѣрьте: я не хочу, да и не могу судить, не хочу и не могу брать на себя права, котораго дѣйствительно не имѣю. Буду разсказывать свои мысли вслухъ, ни мало не ручаясь за ихъ непреложность...“ (Худож. Газ. 1836, стр. 139). Иногда онъ тоже восклицалъ: „Боже меня сохрани сѣсть на судейское кресло!“ Спустя 50 лѣтъ, г. Суворинъ точно также, принимаясь за статью о выставкѣ, которой посвящаетъ множество превосходныхъ столбцовъ своей газеты, объявляетъ что „онъ былъ на выставкѣ не въ качествѣ критика, а въ качествѣ „друга“ своего корреспондента, и что хочетъ только сказать о томъ, что̀ ему понравилось, и о томъ, что̀ не понравилось“. Такихъ Кукольниковъ и Суворинымъ у насъ всегда бывало сколько угодно. Странный народъ! Блудливы какъ кошки, а трусливы какъ зайцы. Наговорятъ сто возовъ нелѣпости, нагромоздятъ цѣлыя горы негодныхъ мыслишекъ своихъ, попробуютъ заплевать все, что̀ есть лучшаго и талантливѣйшаго, поднять до небесъ все, что̀ есть плохого или посредственнаго, а сами приговариваютъ: „А впрочемъ, это мы только такъ! Не обращайте особеннаго вниманія на то, что мы говоримъ—мы вѣдь тутъ только друзья, а не критики! О судейскихъ креслахъ мы и не думали!“

Однако, взглянемте поподробнѣе на критики нашихъ критиковъ.

У нихъ въ началѣ было такое высокое понятіе о русскомъ искусствѣ, что они ставили его даже гораздо выше русской литературы. Сенковскій писалъ въ 1836 году: „Обѣжавъ дважды безконечныя залы выставки въ академіи художествъ, мы были удивлены и числомъ дарованій нашихъ художниковъ, и ихъ силою. О, русское художество далеко опередило русскую литературу! И почему знать, можетъ статься, мы предназначены быть преимущественно народомъ художественнымъ, подобно голландцамъ и бельгійцамъ, которымъ никогда не удавалось надѣть два вѣнка вмѣстѣ на голову своего генія. Англичане, первый народъ послѣ древнихъ на поприщѣ словесности, не смотря ни на какія усилія, не могутъ пріобрѣсти въ Европѣ художественной славы. Одни только греки получили двойную пальму побѣды и въ литературѣ, и въ искусствахъ. Видно, народы, такъ же какъ и отдѣльныя лица,

родятся, каждый подъ особенною звѣздою“ (Библ. для чт. 1836, т. 18). Точно также, Кукольникъ, такъ патетически признававшій величіе русскаго искусства, совершенно отвертывался отъ русской литературы, отъ русской поэзіи: „Куда дѣвалась у насъ поэзія —одному Богу извѣстно; не вѣримъ нынѣшней русской поэзіи“, возглашалъ онъ, принимаясь за обзоръ и превознесеніе „современнаго нашего художества“ (Библ. для чт. 1843, т. 56). Оно и понятно: и Кукольникъ, и Сенковскій, и Булгаринъ, и всѣ ихъ товарищи не выносили ни Лермонтова, ни Гоголя—эти новые наши писатели и созданныя ими новыя школы были имъ противны и непонятны, они ненавидѣли ихъ отъ всей души за ту искреннюю правду, которую тѣ вносили въ искусство, и съ восхищеніемъ готовы были превозносить, имъ въ пику, кого угодно, не только Брюллова, ихъ пріятеля и человѣка дѣйствительно талантливаго (хотя человѣка съ талантомъ испорченнымъ и фальшивымъ), но даже самыхъ посредственныхъ или плохихъ тогдашнихъ нашихъ живописцевъ и скульпторовъ. Да, и именно за то, что эти художники были безцвѣтны своимъ направленіемъ, никого и ничего не затрогивали своими полотнами и статуями, не будили никакой мысли и никакого чувства. Запоздалый эстетикъ стариннаго покроя Плаксинъ даже въ 1853 году повторялъ жалкія размышленія своихъ учителей и товарищей. Онъ соглашался съ Сенковскимъ, что въ самомъ дѣлѣ „мы, русскіе, народъ не литературный, а художественный“, и въ доказательство восклицалъ: „Пойдемте въ императорскую академію художествъ. При всей строгости суда вы не найдете здѣсь (на выставкѣ) такихъ произведеній, которыя бы не заслуживали вниманія въ какомъ-либо отношеніи...“ (Москвитянинъ, 1853, часть I, статья: „Посильный взглядъ на выставку академіи художествъ“). Вдобавокъ къ соображеніямъ общимъ, поминутно повторялось тогда публикѣ, что наши художники и по техникѣ стоятъ невообразимо высоко. „Хвалить г. Маркова за чистоту и правильность рисунка въ его картинѣ „Фортуна и нищій“,—объявлялъ Сенковскій, въ 1836 году,—значило бы обижать питомцевъ академіи, которая всегда славилась какъ превосходная школа рисовальщиковъ“.

Вотъ какъ все у насъ въ искусствѣ шло чудесно, мило и деликатно въ началѣ, вотъ какъ любезны, дружелюбны и розовы были тогда наши „критики“ въ отношеніи къ художникамъ. Но такое благополучіе продолжалось до тѣхъ только поръ, пока художники держались стариннаго „искусства для искусства“, пока они были далеки отъ всѣхъ тѣхъ задачъ, которыми жила уже въ то время литература, пока въ ихъ рукахъ искусство было

нарядной, но праздной игрушкой. Но только-что наши художники поворотили на настоящую дорогу, только-что они попробовали сдѣлаться тѣмъ же, чѣмъ литература, приблизиться къ жизни и рисовать ее, тотчасъ же все перемѣнилось, тотчасъ же критики сдѣлали другую мину.

IV.

Первымъ поводомъ къ тому вышелъ Ѳедотовъ.

Публика была поражена имъ. Она глубоко обрадовалась той свѣжести чувства, той правдѣ представленія, которыми были полны его созданія; она стала тотчасъ же на сторону Ѳедотова, и съ искреннимъ восторгомъ апплодировала его смѣлымъ, невѣданнымъ еще у насъ попыткамъ водворить горячую дѣйствительность и неподкрашенную искренность жизни на мѣстѣ прежняго холода, выдумокъ и условностей. Толпы зрителей въ Петербургѣ и Москвѣ, не отходили отъ „Утра чиновника“ и „Сватовства маіора“ и, въ первый разъ еще съ тѣхъ поръ, какъ было на свѣтѣ русское искусство, его сравнили и поставили на одну доску съ русской литературой. „Чтобъ судить о многихъ картинахъ,—писалъ въ 1848 г. Погодинъ,—нужно быть ученымъ знатокомъ, имѣть опытъ, нужно надумываться, — картину Ѳедотова „Сватовство маіора“ поймете вы съ перваго раза, и всѣ лица переселятся съ холста въ ваше воображеніе, а можетъ быть, вамъ придетъ въ голову, что все случилось съ дѣйствительными лицами комедіи Островскаго „Свои люди сочтемся“ (тогда только-что ставшей извѣстною), передъ ея началомъ. Такъ все это вѣрно, живо, истинно... Что̀ за знакомство съ жизнью, съ бытомъ!..“ Біографъ Ѳедотова, А. И. Сомовъ, разсказываетъ, что когда двери выставки 1849 года (гдѣ впервые явились передъ петербургской публикой обѣ знаменитыя картины Ѳедотова) открылись для всѣхъ, „имя Ѳедотова стало сразу извѣстно всему Петербургу. Во все продолженіе выставки, толпа посѣтителей наполняла тотъ залъ, гдѣ находились его произведенія, такъ что пробраться къ нимъ поближе можно было лишь съ великимъ трудомъ. Всякій хотѣлъ насмотрѣться на эти сцены, цѣликомъ выхваченныя изъ жизни, одинаково понятныя для каждаго...“ Такъ думали и писали въ то время очень многіе.

Но тотчасъ-же оказалось у насъ не мало и такихъ людей, которыхъ новый починъ и новое направленіе привели въ истинное негодованіе, можно сказать, просто подняли на дыбы. Новое направленіе казалось имъ чѣмъ-то и неприличнымъ, и беззаконнымъ, и

непозволительнымъ. Большинство этихъ люди были—классики, т.-е. тѣ люди, которые по-расколничьи вѣруютъ только въ старое, давнопрошедшее, да еще чужое, и слѣпы, и глухи ко всему новому, въ особенности своему. Одинъ изъ нихъ, достаточно извѣстный впослѣдствіи другъ и товарищъ М. Н. Каткова, профессоръ Леонтьевъ, напечаталъ статью подъ заглавіемъ: „Эстетическое кое-что по поводу картинъ и эскизовъ г. Ѳедотова", и здѣсь подробно высказалъ все свое негодованіе, весь свой гнѣвъ. Какъ истый классикъ, онъ начиналъ свою статью громовыми вопросами, въ родѣ Цицерона въ рѣчи противъ Катилины: „Къ какому разряду художественныхъ произведеній, къ какому направленію въ искусствѣ слѣдуетъ отнести картины и эскизы г. Ѳедотова, имѣвшіе столько успѣха и у петербургской, и у московской публики? Что̀ заставляло стоять передъ ними на выставкахъ такую большую толпу посѣтителей, что привлекало къ нимъ приходившихъ въ Растопчинскую галлерею и отводило глаза, повидимому незаконно, отъ многихъ превосходныхъ вещей, гораздо высшаго художественнаго достоинства, въ ней находящихся? Особенная ли острота, съ которою они задуманы, особенная ли художественность въ артистической обработкѣ, особенная ли виртуозность въ технической отдѣлкѣ? Или, болѣе, нежели что другое, новость рода, мѣткость, съ которою художникъ попалъ именно на то направленіе, по которому, при данныхъ обстоятельствахъ, можно идти успѣшнѣе, нежели по другимъ, однимъ словомъ—оригинальность и вмѣстѣ современность въ оригинальности?" На это профессоръ классицизма отвѣчалъ, что одна изъ главныхъ причинъ успѣха Ѳедотова та, что его картины принадлежатъ къ жанру, а этотъ родъ процвѣтаетъ съ тѣхъ поръ, какъ „высокое образованіе стало считаться вещью ненужною для художника, а богатство мыслями—даже качествомъ вреднымъ". Послѣ этого слѣдовали горькія сожалѣнія объ утраченныхъ, невозвратныхъ временахъ Рафаэля и Микель-Анджело, когда существовало высокое искусство, а далѣе такія мысли: „Историческая живопись, не смотря на внѣшнія пособія и поощренія, уступаетъ все болѣе и болѣе мѣста ежедневному быту (genre). Это явленіе очень понятное. Послѣдняя живопись не обращается за своими предметами въ высокія области: она беретъ ихъ изъ той вседневной жизни, которая окружаетъ всякаго, которую знаетъ всякій, какъ всякій знаетъ хлѣбъ, дрова, платье. Она доступнѣе исторической; она ко всякому просится въ комнату; она всякому понятна. Съ тѣхъ поръ, какъ люди раздѣлились на образованныхъ и необразованныхъ, она имѣетъ болѣе обширную публику, нежели живопись

историческая. Къ тому же она можетъ процвѣтать во всякое время, какъ бы оно скудно ни было поводами къ положительному одушевленію. Этотъ родъ живописи болѣе требуетъ мѣткой наблюдательности, нежели увлеченія, болѣе вѣрности природѣ, нежели высокаго изящества, болѣе даровитости и остроумія, нежели геніальнаго богатства мыслями и истинно-художественнаго, спокойно-восторженнаго міросозерцанія...“ Расправившись, такимъ образомъ, съ жанромъ за то, что онъ близокъ къ природѣ и всякому понятенъ, неспокоенъ и неторжественъ, московскій классикъ послѣ того расправлялся спеціально и съ Ѳедотовымъ. Конечно, онъ отдавалъ ему нѣкоторую справедливость и слегка похваливалъ его за „разительную вѣрность“, за удаленіе отъ академической модели и за колоритъ (который, какъ на бѣду, у Ѳедотова сѣръ и мутенъ), профессоръ Леонтьевъ корилъ Ѳедотова за то, что онъ слишкомъ низко стоитъ въ сравненіи съ знаменитыми нидерландскими старыми жанристами и Гогартомъ, за то, что у него нѣтъ ихъ „наивности“, но вмѣсто того есть „злоба и сатирическая насмѣшка надъ изображаемыми лицами“, и главное за то, что у него „изображена дѣйствительность, какъ она бываетъ“. Еще далѣе, московскій классикъ любовно перебиралъ Горація, Ювенала, цитировалъ ихъ стихи по-латыни, сравнивалъ съ ними Ѳедотова, находилъ, что онъ совсѣмъ не то дѣлаетъ, что они (какъ бы слѣдовало, по настоящему), и приходилъ къ заключенію, что „сатирическое направленіе не можетъ являться у насъ во всей его безотрадной чистотѣ: въ христіанскомъ обществѣ для него нѣтъ мѣста“, и что все, сдѣланное Ѳедотовымъ, носитъ характеръ только „современный и временной“. Тутъ же профессоръ Леонтьевъ упрекалъ Ѳедотова въ „недостаткѣ творчества“, въ „малой обдуманности, въ маломъ вкусѣ, въ недостаткѣ изученія постановки фигуръ“. Хотѣлось бы спросить: что такое самъ профессоръ Леонтьевъ-то разумѣлъ въ „художественной обдуманности“, въ „постановкѣ фигуръ“? Точно будто должно читать Горація и Ювенала, чтобы разомъ все это понять и узнать! Но всего лучше было заключеніе: Леонтьевъ называлъ тутъ Ѳедотова (конечно, для проформы) „рѣдко даровитымъ художникомъ“, но вмѣстѣ поздравлялъ Москву „съ замѣчательнымъ талантомъ другого москвича, еще болѣе принадлежащаго ихъ городу, это съ талантомъ г. Астрахова, ученика московскаго художественнаго класса, котораго опыты въ чисто-нидерландскомъ родѣ возбуждаютъ самыя пріятныя надежды“. (Москвитянинъ, 1850, ч. III). Надежды классическаго профессора не сбылись, и его Астрахова никто никогда не узналъ, даже имени его не слыхать было никогда;

а тоже и на счетъ Ѳедотова никто не послушался его предательскихъ внушеній. Но съ этой московской классически-эстетической статьи можно вести эру походовъ противъ бытовой живописи, правдивой дѣйствительности въ искусствѣ и изображеніи ея, такъ, какъ она въ самомъ дѣлѣ въ натурѣ есть. Дѣло пошло у иныхъ такъ быстро, что, напримѣръ, тотъ самый Погодинъ, который въ 1848 г. писалъ такія восторженныя похвалы Ѳедотову (оставшіяся, впрочемъ, тогда ненапечатанными), тотъ уже годъ спустя, въ 1850 году, давалъ въ своемъ „Москвитянинѣ" мѣсто такимъ враждебнымъ изліяніямъ противъ Ѳедотова, какъ статья Леонтьева. Правда, въ 1853 году, Погодинъ самъ же печаталъ свою хвалебную статью про Ѳедотова, но это было уже послѣ его смерти (когда наслѣдниковъ у Ѳедотова по художеству никого еще не было и не предвидѣлось), чисто, какъ историческій „матеріалъ", а нѣсколько лѣтъ позже, въ 1864 году, по поводу картины Гè „Тайная Вечеря", вполнѣ презрительно отзывался о всей живописи не-исторической, не-классической, успѣвшей уже пустить у насъ сильные корни въ противоположность настоящей, высокой живописи: онъ ее называлъ „житейской живописью, или, какъ говорятъ нынѣ по-варварски, жанръ".

Вотъ чтò произошло въ то время, когда консерваторы стали догадываться, что живопись наша вовсе не такъ „невинна" и ничтожна, какъ прежде всѣ думали, какъ бы имъ самимъ хотѣлось, и какъ они давно привыкли видѣть. Они стали замѣчать, что ей не охота дольше оставаться статистомъ, актеромъ „безъ рѣчей", и что она начинаетъ что-то забирать себѣ въ голову, тоже пробуетъ сказать какое-то свое слово. А это уже было, конечно, невыносимо.

V.

Какъ смотрѣли наши доки и классики въ самомъ началѣ на все „не-историческое" въ живописи? Послушаемъ самого главу старой академіи художествъ, президента Оленина. Въ своей книгѣ „Краткое историческое свѣденіе о состояніи Императорской Академіи Художествъ", онъ писалъ въ 1829 году: „По живописи разныхъ родовъ (peinture de genre) академикъ Венеціановъ первый открылъ въ Россіи путь къ сему пріятному роду живописи, изображающему разныя домашнія и народныя явленія. Не довольно того, что онъ самъ упражнялся въ этомъ искусствѣ съ большимъ успѣхомъ (о которомъ свидѣтельствуетъ картина его въ Эрмитажѣ, представляющая внутренность крестьянскаго русскаго овина): онъ

еще образовалъ цѣлую школу молодыхъ сего рода живописцевъ, отъ которыхъ должно ожидать со временемъ большихъ успѣховъ и совершенства, особливо въ перспективныхъ видахъ—внутренности зданій".

Вотъ чѣмъ начинался у насъ „жанръ", вотъ чѣмъ онъ въ первое время казался! „Сей пріятный родъ живописи"! да еще на половину смѣшиваемый съ живописью въ „перспективномъ родѣ"! Тутъ еще ничего не было ни опаснаго, ни зловреднаго. Такое ничтожное художество еще никого не зацѣпляло, оно являлось только ничтожной, пустѣйшей забавой и потѣхой, нѣкіимъ „упражненіемъ" (какъ выражался Оленинъ), и ни на единый вершокъ не шло далѣе. Всѣ могли оставаться равнодушны и спокойны. Но что́, еслибъ Оленинъ, и съ нимъ старая академія, могли только предвидѣть, сколько этотъ жанръ надѣлаетъ имъ однажды хлопотъ и непріятностей! Какъ онъ однажды броситъ свое подчиненное, приниженное мѣсто, встанетъ и захватитъ самое первое мѣсто, притиснетъ къ землѣ ихъ боготворимую „исторію", со всѣми ея парадами и чванными фальшами. О, тогда-бы они поостереглись называть это зловредное направленіе „пріятнымъ родомъ живописи"! Они сразу расправились бы съ нимъ какъ слѣдуетъ, вытолкали-бы его метлой изъ глубины академическихъ залъ, никогда не позволили бы ему и носа показать въ двери Эрмитажа, и дали бы ему понять, что́ оно такое за ничтожество, гниль и тлѣнъ. Да, но въ томъ-то вся и бѣда, что отгадать всего такого нельзя было въ началѣ, „живопись разныхъ родовъ" такъ и представлялась вещью ничего собственно нестоющею, только что „пріятною", въ родѣ сладкаго, сантиментальнаго и условнаго Венеціанова, терпимою изъ снисхожденія, и—что дѣлать!—неизбѣжною по новѣйшимъ европейскимъ капризамъ и модамъ. Но въ теченіе немногихъ десятковъ лѣтъ, дѣла сильно перемѣнились, и то, что́ было слабо и маловажно, превратилось въ силу и значительность. Нѣкто Арнольдъ писалъ въ 1860 году, въ „Московскомъ Вѣстникѣ", въ своей статьѣ: „Нѣсколько словъ о русскомъ искусствѣ и его критикахъ": „Теперь задача первой важности въ томъ, чтобъ дѣльной эстетической критикой руководить запутавшагося, часто еще только начинающаго молодого художника и недоумѣвающую публику"... Слышите-ли: художникъ уже запутался, публика уже недоумѣваетъ! Куда дѣвались прежнія блаженныя времена, когда всюду царствовали миръ и согласіе, когда между публикой, художникомъ и критикой никакихъ не слыхано было раздоровъ и розни, когда всѣ думали въ одну ноту. Вотъ

какой врагъ для слишкомъ многихъ мысль и пробуждающееся сознаніе. Ату его, ату!

Вся бѣда была въ томъ, что искусство, какъ-то наконецъ проснувшись, не довольствовалось даже тѣмъ, что̀ тронулъ и копнулъ Ѳедотовъ. При всей талантливости его, при всей новизнѣ его почина, при всей правдѣ взятаго имъ такъ неожиданно матеріала, у Ѳедотова былъ одинъ важный недостатокъ: стремленіе къ „моральнымъ урокамъ", къ „очищенію нравовъ посредствомъ искусства", къ наставленіямъ и проповѣдямъ дядьки, и къ каррикатурѣ. Все это было очень плохо и несчастно. Отъ сотворенія міра и до сихъ поръ искусство никакихъ нравовъ не исправляло и ничьихъ безумствъ и дикости не уничтожало. Искусство—и самое лютое насилованіе жизни, самое свирѣпое искаженіе ея, всегда очень хорошо уживались вмѣстѣ, рядышкомъ, но только тѣ художники, которые, по неразвитости или слабости мысли, брались за задачу исправленія нравовъ, ничего иного не достигали, кромѣ того, что обезцвѣчивали свой талантъ и разжижали свои произведенія. Гогартъ былъ, по натурѣ, человѣкъ необыкновенно талантливый, но почему онъ такъ холоденъ и скученъ? Оттого, что онъ болѣе всего хлопоталъ о „наставленіи" и „морали". Кто такими задачами наполненъ, тотчасъ становится искусственъ, натянутъ и придуманъ. Вотъ именно это-то, немножко Гогартовское, направленіе и было Ахиллесовой пятой Ѳедотова. Лишь въ двухъ лучшихъ своихъ произведеніяхъ „Утро чиновника" и „Сватовство маіора" онъ удержался отъ морали и прямо рисовалъ сцены изъ дѣйствительной жизни и ни о чемъ другомъ не задумывался—вездѣ въ остальномъ, что̀ имъ сдѣлано, проглядываютъ поминутно мотивы посторонніе: то сантиментальность, то нѣкоторый идеализмъ, то каррикатурность, но всего чаще нравоученія. И это-то и помѣшало ему развиться до истинной ширины и подняться на ту высоту художественности, къ которой по натурѣ своей онъ былъ, казалось бы, способенъ. По словамъ столь близкаго его пріятеля и біографа Дружинина, онъ одно время сталъ задумываться о созданіи „Мадонны съ младенцемъ Іисусомъ", и для этого искалъ вездѣ вокругъ себя „неземной красоты въ лицахъ"—плохой знакъ для истиннаго реалиста, ищущаго прежде всего именно все только „земного", „правдиваго" и „дѣйствительно существующаго" въ жизни. Вспомнимъ, что когда Перовъ, другой такой-же реалистъ по натурѣ, какъ и Ѳедотовъ, впослѣдствіи точно также задумался о „Мадоннахъ" и даже сталъ писать ихъ, многіе люди, прилежно слѣдящіе у насъ за ходомъ искусства, тотчасъ указали публикѣ на то, что съ Перовымъ совершается поворотъ въ иную сторону.

и что тутъ добра для его таланта нечего ждать. Эти слова, какъ извѣстно, къ несчастію оправдались. Масса рисунковъ и эскизовъ Θедотова заражена была, особливо въ послѣднее его время, то нѣкоторою идеальностью, то каррикатурой и нравоученіемъ, и потому для искусства никакой важности не имѣетъ. Но именно это-то худое и фальшивое, что къ несчастію существовало въ направленіи Θедотова, многимъ нравилось, „примиряло“ съ тою неумѣстною правдою и силой, которая составляла главный въ немъ элементъ, и позволяло сквозь пальцы милостиво смотрѣть на лучшія созданія Θедотова. „Какія добрыя намѣренія! Какъ онъ хлещетъ пороки!“ говорили многіе и совершенно спокойно любовались на Θедотова, конечно, очень хорошо чувствуя инстинктомъ, что всякая сатира и каррикатура—невинные пустяки, ни къ чему не ведущіе и только слегка всѣхъ потѣшающіе, ничуть въ глубь не прохватывающіе, ничего не измѣняющіе, и у публики, и у тѣхъ, противъ кого онѣ направлены. Всѣ съ удовольствіемъ выслушиваютъ нравоученіе, прячутся за него какъ за каменную гору, и тутъ-же сейчасъ, поворотившись къ нему спиной, продолжаютъ свое дѣло по прежнему. Θедотовъ этого не понималъ и придавалъ высокое значеніе своимъ „нравоученіямъ“ и „каррикатурамъ“: онъ даже затѣвалъ одно время издавать каррикатурный журналъ (который, конечно, никогда не привелъ бы ни къ чему путному, кромѣ празднаго скалозубства и еще пущаго измельчанія таланта), а что касается до нравоученія, то онъ въ послѣднее время своей жизни все мечталъ попасть въ Лондонъ и поучиться у Гогарта (именно у котораго учиться ему было и не надо, и вредно), старался навязать его двумъ лучшимъ своимъ созданіямъ: „Чиновнику“ и „Маіору“: изъ разсказовъ Дружинина мы узнаемъ, какъ много Θедотовъ хлопоталъ въ этомъ смыслѣ, въ разговорахъ съ друзьями, и какъ эти послѣдніе не могли его переубѣдить.

Наслѣдники Θедотова не хотѣли продолжать въ томъ же смыслѣ, какъ онъ. Они не хотѣли довольствоваться одними только его задачами, стали раздвигать ихъ рамки, а по большей ширинѣ и многосторонности своей натуры даже никогда и не задумывались о нравоученіи и каррикатурѣ. Вотъ это-то и не было имъ прощено „критикой“. Публика—та почти всегда добродушна и непосредственна, она меньше разсуждаетъ, нерѣдко ошибается, но больше чувствуетъ и прямо въ себя воспринимаетъ. Художественные „критики“ наши—тѣ въ большинствѣ случаевъ ничего не чувствуютъ, ничего въ себя прямо не воспринимаютъ, въ тысячу разъ чаще ошибаются и только охраняютъ существующее и давно заведенное. Когда выдвинулась, послѣ Θедотова, новая наша школа

реалистовъ, они скоро увидали, что тутъ дѣло идетъ уже не о легкихъ, поверхностныхъ каррикатурахъ и насмѣшкахъ, что наши художники уже не о праздныхъ „красотахъ" и побрякушкахъ заботятся, а страшныя глубины и правды жизни принимаются раскапывать и на свѣтъ выносить,—вотъ и начинались походы противъ новаго искусства. Тотъ самый Ѳедотовъ, который столькимъ прежде казался страшенъ и беззаконенъ, выходилъ уже теперь ортодоксаленъ и правиленъ, выходилъ человѣкомъ „въ мѣру", выходилъ художникомъ, котораго можно ставить въ образецъ новымъ своевольникамъ и дикарямъ. Стали выдвигаться даже такіе писатели, которые попробовали увѣрять, что у Ѳедотова невозможно искать никакихъ „трагическихъ мотивовъ", которые именно такъ чувствительны были для большинства зрителей. Одинъ увѣрялъ, что этого Ѳедотову „и во снѣ не снилось", что такое толкованіе не болѣе какъ „лживо" и „видѣть трагедію въ „Утрѣ чиновника" или въ „Сватовствѣ маіора" способенъ развѣ какой-нибудь изувѣръ" (Вѣстн. изящн. искусствъ, 1884, вып. 2). Замѣчательно близорукій и ограниченный взглядъ! Какъ будто намъ нужно свидѣтельство самого живописца для того, чтобъ знать, какъ смотрѣть на его картину, и какъ будто никто, кромѣ изувѣра, не способенъ понимать страшныя трагическія безобразія еще недавней русской жизни, когда они будутъ слегка прикрыты мелкими спокойными подробностями ежедневной равнодушной жизни. Но, выгораживая Ѳедотова отъ всего сильно хватающаго за душу, отъ всего потрясающаго, тщательно оберегая отъ такихъ беззаконій его „комедію самыхъ вульгарныхъ житейскихъ мотивовъ", иные изъ числа враговъ, или по крайней мѣрѣ непонимателей новой нашей художественной школы, корили Перова и его товарищей тѣмъ, что они, хотя и наслѣдники Ѳедотова, но „не заимствовали отъ него ни юмора, ни теплоты, что они сухи, грубы, прозаичны и холодны"... (Гражданинъ, 1883, № 34, статья: „Разговоры объ искусствѣ"). Да, Ѳедотова не было уже больше на свѣтѣ, и его талантливѣйшія произведенія давно оказались безвредными, а эти—всѣ живы, и еще Богъ знаетъ что, пожалуй, затѣютъ въ своихъ картинахъ!

Извѣстное дѣло, вѣдь искусство должно быть поставщикомъ красивыхъ и ласкающихъ глазъ пустячковъ или ложной реторики—а эти невѣжи, что они такое задѣваютъ на своихъ полотнахъ? Совсѣмъ неприличное для нашихъ гостиныхъ. Одинъ изъ первыхъ негодующихъ, художникъ Микѣшинъ (творецъ памятника тысячелѣтію Россіи) писалъ въ 1862 году: „Нынѣшнія выставки стали наполняться исключительно произведеніями, со всѣмъ жаромъ

выхваченными изъ живой дѣйствительности, да иногда выхваченными такъ, что ихъ нельзя допустить на выставку, не оскорбляя нравственнаго чувства посѣтителей, какъ это случилось въ недавнее время съ картиною новѣйшаго направленія г. Перова („Крестный ходъ"). Художникъ вынесъ свою картину изъ залъ академіи на постоянную выставку (общества поощренія художниковъ), но и тамъ онъ принужденъ былъ снять ее, чему причиной было отталкивающее содержаніе картины, имѣющей претензію изображать порокъ"... (Соврем. Лѣтопись, 1862, № 44). Но этимъ частнымъ порицаніемъ г. Микѣшинъ не ограничился: онъ возносилъ свой взглядъ до самыхъ широкихъ обобщеній и пугался за всю вообще будущность русскаго художества, коль скоро оно разъ ступило на ложную дорогу. „Страшно за искусство,— говорилъ онъ,—когда нравственная тина и подонки будничной жизни, во всей ихъ отвратительности, лелѣются новѣйшимъ поколѣніемъ художниковъ и служатъ предметомъ ихъ любви и восторговъ, и такъ какъ подобное содержаніе картины для большинства публики несравнено знакомѣе, доступнѣе и занимательнѣе Иліады, Одиссеи и исторіи, то и понятно, что такой живой дѣйствительности тысячи рукоплещутъ, а молодые художники, ободряемые этимъ легкимъ успѣхомъ, отыскиваютъ въ запуски сюжеты одинъ другого грязнѣе... Спрашиваю, кто рѣшится продать или подарить такую картину въ порядочное семейство" (Соврем. Лѣтопись, 1862, № 49).

Такихъ охранителей доброй нравственности и печальниковъ за семью и искусство было у насъ не мало, и пока цѣлыя толпы публики беззаботно и радостно восхищались талантливыми картинами Перова и его смѣлыхъ товарищей, „критики" брюзжали, сердились и пробовали сбить массу съ толку. „Художники, обратившіеся къ жанру,—писала „Иллюстрированная газета",—думаютъ, что достаточно изобразить старуху, пьянаго мужика, дѣвушку у окна, или своихъ собратьевъ въ разныхъ невыразимыхъ позахъ и костюмахъ, чтобъ вышелъ жанръ. Безъ идеи, безъ юмору, иногда поднимающагося до драматизма, не выйдетъ жанра, поставь фигуры хоть кверху ногами..." (Иллюстрирован. газета, 1865, стр. 302). Кто не видалъ этихъ всѣхъ картинъ собственными глазами, навѣрное подумаетъ на основаніи такихъ статей, что у насъ въ новыхъ картинахъ и въ самомъ дѣлѣ ничего нѣтъ, кромѣ безцѣльныхъ какихъ-то безобразій и нелѣпостей. Но какъ же удивится этотъ читатель, когда увидитъ самыя картины и найдетъ тамъ не пьяныхъ только мужиковъ и бабъ, а сцены изъ настоящей современной жизни, полныя самаго разнообразнаго содержанія и

значенія. Съ какимъ онъ презрѣніемъ подумаетъ тогда о людяхъ, которые до того мизерны, близоруки и испорчены, что видятъ буквы и не видятъ словъ, поражены частными подробностями и слѣпы къ великому общему, ничего не понимаютъ въ широкомъ, трагическомъ, великодушномъ или скорбящемъ духѣ, вложенномъ въ картину.

Такіе бѣдные люди изъяснялись иногда, по поводу новаго русскаго искусства въ слѣдующемъ родѣ: „Говорятъ, что живопись быта обыденнаго или жанра у русскихъ художниковъ процвѣтаетъ болѣе, чѣмъ другіе роды искусства. Можно въ этомъ усомниться. Если нельзя отказать нашимъ художникамъ въ талантахъ и въ мастерствѣ писать, то почти вездѣ приходится жалѣть о недостаткѣ вкуса, образованія, даже просто воспитанія. Когда наши жанристы берутъ, напримѣръ, сюжетъ сатирическій, для осмѣянія какого-либо порока, то уже этотъ порокъ они выводятъ въ томъ открытомъ, нагломъ положеніи, въ какомъ онъ находится въ дѣйствительности, и гдѣ онъ отвратителенъ; оттого и картина сатирика-живописца вовсе не смѣшна, а напротивъ возмутительна...“ (Бирж. Вѣдом. 1865, № 234, статья Н. Дмитріева). Вотъ такъ, по крайней мѣрѣ, лучше — прямо на чистоту. Что отвратительно въ дѣйствительности, то не должно быть отвратительно въ картинѣ. О нѣтъ, совсѣмъ, напротивъ! Оно должно быть только „смѣшно“, оно должно пріятнымъ образомъ забавлять. Ну, вотъ, это-то и интереснѣе всего было узнать намъ. А то, на что это похоже: представлять кистью и красками вещи такъ, какъ онѣ „находятся въ дѣйствительности“! Само собою разумѣется, на такую низость способны только эти вонъ наши безвкусные, необразованные, даже просто невоспитанные художники! То ли дѣло тѣ тонкія, деликатныя картины, которыя у насъ такъ долго существовали раньше этихъ безобразниковъ, и на которыя никогда никто не жаловался: „Сельскій отдыхъ“, „Крестьянское семейство передъ обѣдомъ“, „Шашечная игра“, „Дѣвочка съ тамбуриномъ“, „Спящій пастушокъ“, „Купальщица у ручья“ — вотъ оно, вотъ оно, настоящее искусство, кроткое, мирное, умное, благовоспитанное!

Но былъ откровененъ въ тѣ времена, конечно, не одинъ г. Дмитріевъ: другіе высказывали еще другія претензіи. Сѣровъ, тогда еще не композиторъ, а только музыкальный критикъ, вздумалъ въ 1858 году („по спеціальному порученію своего редактора“, Раппапорта) написать обозрѣніе академической выставки 1858 г. и выразилъ тутъ недовольство Перовымъ и вообще новымъ направленіемъ русской живописи въ слѣдующемъ видѣ, точь-въ-точь

„специалисты“ Дмитріевы и всѣ имъ подобные: „Маленькая картина Перова „Пріѣздъ станового на слѣдствіе“ исполнена отчетливо и очень удачно—но... сюжетъ! Бѣдный молодой парень со связанными веревкой руками, передъ испытующимъ взоромъ станового и писаря; тутъ сотскій и. еще баба какая-то. Въ искусствѣ дорого не „что“, а „какъ“—это аксіома, однако, надобно же оставить хоть маленькую долю поэзіи и въ самомъ выборѣ сюжетовъ. И Теньеръ, и Фанъ-Остаде никогда ее не изгоняли вовсе изъ своихъ грязноватыхъ по содержанію картинъ. Тамъ было добродушіе, была веселость, элементы весьма поэтическіе. Когда же, какъ въ „реальномъ“ направленіи литературы нашей, поэзія въ рѣшительномъ недочетѣ, рѣшительно исчезаетъ за дагерротипностью, это протестъ, польза, мѣра благочинія, это — бичеваніе, врачеваніе, какъ угодно — только уже не искусство; а съ дальнѣйшимъ преуспѣяніемъ такой тяжкой анти-поэтичности, академіи, музеи, театры и концертныя залы пришлось бы закрыть, какъ зданія „неподходящія“, безполезныя (Музыкальный и Театральный Вѣстникъ, 1858, № 18). Художникъ брюлловскихъ временъ, неисправимый классикъ и писатель, скульпторъ Рамазановъ, высказывалъ противъ Перова, въ Москвѣ, точно такое же благородное негодованіе, какое противъ него высказывалъ въ Петербургѣ скульпторъ Микѣшинъ: „У г. Перова,—писалъ онъ,—что ни картинка, то тенденція и протестъ... Его „Сцена у фонтана“ — натяжка. Его „Чаепитіе въ Мытищахъ“—картина съ ярко выраженной тенденціей, изобличеніемъ и протестомъ... У насъ все заразилось тенденціей: романъ ли, повѣсть ли, театральная ли пьеса, картинка ли, все создается по новѣйшему рецепту, первоначально прописанному петербургскими журналами, а потомъ распространяемому и въ сферѣ образовательныхъ искусствъ усердными прогрессистами-фельетонистами. Часть нашихъ меценатовъ, образовавшихъ свои взгляды и вкусы на журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ послѣдняго времени и раздражающихся ихъ воззрѣніями, естественно способна поражаться преимущественно пикантными, изворачивающими душу жестами и платить за нихъ щедрою рукою... Здѣсь уродливый, безобразный рисунокъ, каррикатура, утрировка нестерпимы и имѣютъ что-то отталкивающее. Нельзя не пожалѣть, что зрѣлые художники тратятся на такую пошлость... Это есть направленіе, общее всѣмъ жанристамъ, направленіе, отличающееся какимъ-то полицейскимъ характеромъ и заставляющее ихъ, подобно сыщикамъ, обнаруживать предъ обществомъ скандальныя, возмущающія душу сцену... Не лучше ли художнику трудиться во имя чистаго искусства, покинувъ ложный

путь тенденцій, пряныхъ сюжетовъ, вымученныхъ эффектовъ?" (Соврем. Лѣтопись, 1866, № 6).

Вотъ какъ давно уже гуляетъ у насъ въ художественной критикѣ словцо „тенденція", до такой степени нынче фаворитное и драгоцѣнное! Оно собою изображаетъ нѣчто страшное и зачумленное, оно пришло на смѣну прежняго „волтерьянства" и „фармазонства", и въ своей зловредности почти равно самымъ ужаснымъ язвамъ, „вольнодумству", „либерализму" и „соціализму". Гнуснѣе и безобразнѣе „тенденціи" уже ничего на свѣтѣ быть не можетъ для искусства—это вамъ тотчасъ же скажетъ всякій благомыслящій человѣкъ. Но вѣдь на дѣлѣ это все ничто иное, какъ только китайскія пугала, и кто хоть на единую секунду обратится къ своему здравому смыслу, почувствуетъ, что тутъ на лицо все только притворство, фальшь или же грубое непониманіе, и что созданія, клейменныя у насъ презрительной кличкой „тенденціозныхъ", именно и есть тѣ самыя, которыя одни должны существовать въ искусствѣ. Тенденціей обзываютъ „содержаніе", когда оно правдиво, истинно, глубоко, когда оно взято изъ существующей, настоящей, глубоко затрогивающей современной дѣйствительности. „Все это ваше, можетъ быть, и существуетъ взаправду,— говоритъ часто зритель (и особенно часто „критикъ") художнику,— да ты-то не рисуй мнѣ этого. Такія картины меня только безпокоятъ, онѣ меня разстраиваютъ! Мало ли что есть на свѣтѣ щемящаго, нелѣпаго, возмутительнаго, страдающаго, трагическаго, ужаснаго—да мнѣ-то что до этого? Искусство — это цвѣточные букеты и гирлянды. Я хочу, чтобъ оно потѣшало меня, чтобъ оно ничѣмъ серьезнымъ не обременяло меня, чтобъ оно щекотало мнѣ пріятно въ носу, въ родѣ какъ духи модные, а ты съ чѣмъ ко мнѣ пристаешь? Съ „правдой" какой-то? Да мнѣ какое до нея дѣло?" И вотъ, чтобы избавиться какъ-нибудь отъ этой столько безпокоющей правды, выставляютъ впередъ всемогущее лекарство, слово „тенденція", и когда это сдѣлано — всему уже конецъ, и толковать больше нечего. Искусство должно быть „чистое" (т.-е. съ полнымъ отсутствіемъ содержанія, или же съ содержаніемъ ничтожнымъ, нелѣпымъ, выдуманнымъ, нестерпимо-глупымъ). Но если оно не таково, если художникъ, проникнутый страстнымъ, горячимъ ощущеніемъ трагедій, безобразій или нелѣпостей, совершающихся передъ его глазами, нарисуетъ все это на полотнѣ, ему тотчасъ кричатъ: „Тенденція! Тенденція!" и преспокойно закрываютъ глаза на „оскорбительную" для нихъ современность. О, тогда искусство уже не чисто, оно возмутительно, оно скандально, оно безобразно, оно пошло! И никто не

хочетъ понять, что скандально, безобразно и возмутительно, напротивъ, именно то искусство, которое зовутъ „чистымъ", „настоящимъ", которое ставятъ въ примѣръ; что именно оно-то и полно неправды, условности и возмутительности; что оно годно для дѣтей, а не для взрослыхъ. Но слишкомъ всемогуща привычка, долгая дрессировка, прививка, воспитаніе,—и вотъ, всѣ съ суевѣрнымъ почтеніемъ и преданностью смотрятъ на тысячи такихъ созданій стариннаго искусства, которыя никакого почтенія и восторговъ не стоятъ.

Впрочемъ, не всѣ повально „критики" жаловались на „страшную" тенденцію. Находились, иной разъ, критики съ меньшими претензіями. Такъ, наприм., неизвѣстный художественный критикъ „Отечественныхъ Записокъ" жаловался на Перова съ совершенно своеобразной и курьезной точки зрѣнія. Онъ признавалъ, правда, Перова художникомъ „высоко даровитымъ", но объявлялъ, по поводу первой передвижной выставки (О. З. 1871, т. 199), что этому живописцу „вредитъ извѣстная доля преднамѣренности въ картинахъ. Особенно замѣтенъ этотъ недостатокъ въ новой его картинѣ „Охотники на привалѣ". Всѣ фигуры прекрасны, каждая сама по себѣ; но, взятыя вмѣстѣ, производятъ впечатлѣніе не вполнѣ доброкачественное. Какъ будто при показываніи картины присутствуетъ актеръ, которому роль предписываетъ говорить: вотъ это лгунъ, а это легковѣрный. Такимъ актеромъ является (въ настоящей картинѣ) ямщикъ, лежащій около охотниковъ, и какъ бы приглашающій зрителя не вѣрить лгуну-охотнику и позабавиться надъ легковѣріемъ охотника-новичка. Еслибъ Перовъ устранилъ ямщика, картина не потеряла бы, а выиграла бы". Спрашивается: можетъ ли идти дальше художественное непониманіе и навязываніе художественному созданію такихъ мотивовъ и намѣреній, которыхъ тамъ и слѣда нѣтъ?

Вообще же говоря, наша художественная критика не разъ бывала какъ будто не прочь отъ настоящей правды въ созданіяхъ искусства, одобряла ее, похваливала слегка, но если вглядѣться попристальнѣе, часто можно было увидѣть, что тутъ настоящихъ симпатій къ предмету нѣтъ. Вотъ два примѣра изъ числа множества другихъ.

Одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и блестящихъ товарищей Перова, Прянишниковъ, выставилъ въ 1865 году превосходную картину свою: „Гостиный дворъ въ Москвѣ". Это, конечно, одинъ изъ лучшихъ перловъ всей русской школы, по глубокой психологіи, по выраженію потрясающей трагичности. И что же? Почти всѣ наши „критики" похвалили эту картину,

но почти всѣ же съ такими оговорками и дополненіями, которыя дѣлали всѣ ихъ похвалы равными нулю. „Писана эта картина не дурно,—объявили „Биржевыя Новости“,—фигуры характерны, физіономіи выразительны; за всѣмъ тѣмъ картина возмутительна и свидѣтельствуетъ о неразвитости въ художникѣ не только эстетическаго, но и нравственнаго инстинкта... Вся картина производитъ непріятное впечатлѣніе, даже возмутительное, а уже это отрицаетъ въ ней всякое художественное значеніе: въ ней пренебрежены нравственные законы... Рядомъ съ отвратительнымъ надо всегда ставить что-нибудь чистое“. — Значитъ, чтобъ понравиться тонкому, нѣжному и благовоспитанному „критику“, во-первыхъ надо было бы вовсе не рисовать кроткихъ и смирныхъ по виду, очень обыкновенныхъ на взглядъ, но въ корню истинно-безобразныхъ, холодно-жестокихъ лавочниковъ, потѣшающихся старикомъ-чиновникомъ, пляшущимъ передъ ними за нѣсколько копѣекъ на водку, — а если уже рисовать, то нарисовать тутъ же подлѣ что-нибудь смазливенькое, сантиментальнинькое, припомаженное по формѣ или чувству, чтобъ смотрѣть было пріятнѣе. Ай да молодецъ, авторъ! Точь-въ-точь тотъ критикъ, который, жаловался на Верещагина, зачѣмъ тотъ рисовалъ во всей правдѣ ужасы болгарской войны, зачѣмъ не рисовалъ тутъ же ничего такого, что „успокоивало бы“ г. критика! Вотъ какъ крѣпки и прочны въ своихъ премудростяхъ наши „критики“, вотъ какъ они черезъ десятки лѣтъ подаютъ другъ-другу руки, отъ всей полноты своего чистаго, благороднаго, доброжелательнаго, высокаго сердца!

„Голосъ“, тотъ до такой степени уразумѣлъ необычайную талантливость и значительность для нашего искусства такой картины, какъ „Гостинный дворъ“ Прянишникова, что объявлялъ устами своего фельетониста, что выставка того года (1865) „несчастная“, „плачевная“, что „нѣтъ словъ для выраженія того негодованія, которое закипаетъ при выходѣ изъ академіи художествъ“. Выставка эта, о которой „не стоитъ даже давать подробнаго отчета“, есть только выраженіе полнаго „упадка“ нашего искусства, а всѣ сюжеты выставленныхъ картинъ—„дребедень“. Всему этому нечего удивляться, когда вспомнишь то, что́ „Голосомъ“ высказывалось вообще о жанрѣ. „Въ картинахъ жанра,—говорилъ онъ въ 1864 году,—на прошлыхъ выставкахъ проглядывало то же отрицательное направленіе, которое господствовало въ литературѣ. Являлись преимущественно картины, изображающія отрицательную сторону русской жизни, даже просто безобразную ея сторону. Нѣтъ слова, подобныя картины имѣютъ совершенно законное право существованія, но преобладаніе у насъ этой полу-

карриkатуры въ жанрѣ не объясняется-ли тѣмъ, что отрицательная сторона жизни, а тѣмъ болѣе всяческія безобразія, выдаются рельефнѣе, вслѣдствіе чего они доступнѣе и для наблюденія, и для воспроизведенія на полотнѣ? Намъ кажется, что если поразобрать построже, этого рода картины представляютъ собою великую бѣдность таланта, но останавливаютъ на себѣ вниманіе посѣтителя выставки исключительно лишь рельефностью сюжета“ (1864, № 337). И такъ, тутъ на лицо только полу-каррикатура, бѣдность таланта! Вотъ все, что́ „Голосъ“ находилъ у тѣхъ русскихъ художниковъ, которые посвятили свою кисть дѣйствительной жизни и правдѣ. Въ этомъ „Голосъ“ не отставалъ ни отъ кого изъ прочихъ газетъ и рецензентовъ: онъ былъ очень современенъ.

Другой примѣръ. Когда Владиміръ Маковскій написалъ самую талантливѣйшую и значительнѣйшую картину свою, „Осужденный“, то, кромѣ немногихъ людей среди публики и критиковъ, почти никто не оцѣнилъ ее по достоинству. Большинство вовсе не поняло, что эта картина—одно изъ лучшихъ созданій новой русской живописи. Такъ, наприм., „Голосъ“ ограничился только сухимъ и казеннымъ отзывомъ, что картина эта „какъ нельзя болѣе удачный по типамъ и экспрессіи жанръ“ (1879, № 58), а всѣ московскія газеты отозвались о картинѣ хотя и съ извѣстной похвалой, но поставили неизмѣримо выше ничтожную, поверхностную и во многомъ фальшивую картину К. Маковскаго „Русалки“. Всѣ они признавали ее высшею и значительнѣйшею картиной всей тогдашней передвижной выставки. Такъ, наприм., „Русскія Вѣдомости“, восхищаясь „крайне эффектнымъ освѣщеніемъ, граціей и красотой „Русалокъ“, объявляли только, что въ „Осужденномъ“ лица очень типичны (1869, № 92); „Московскія Вѣдомости“, находя „Русалокъ“, не смотря на нѣкоторые недостатки, „явленіемъ въ высшей степени отраднымъ, при характеристическомъ для нашего времени безсиліи русской художественной фантазіи“, холодно признавали „Осужденнаго“ картиной, написанной мастерски, и однимъ изъ лучшихъ произведеній на тогдашней передвижной выставкѣ въ Москвѣ. Но всего любопытнѣе вышелъ отзывъ „Современныхъ Извѣстій“. Эта газета распространилась только о томъ, что главное дѣйствующее лицо есть результатъ кабаковъ. „Пройдите мимо красной вывѣски и послушайте содома, творящагося подъ нею. Это кормильцы и успокоители старости родительской; это пчелки, откармливающія кабацкій людъ; это сюжеты для повышенія слѣдователей, краснорѣчія прокуроровъ и защитниковъ; это модели для драматиче-

скихъ картинъ такихъ дерзкихъ художниковъ, какъ В. Маковскій, осмѣлившійся нарушить душевный покой зрителя, только что отошедшаго отъ „Русалокъ К. Маковскаго“,—капитальнѣйшей картины выставки“. Писатель „Современныхъ Извѣстій“, конечно, не оставлялъ безъ извѣстной похвалы и „Осужденнаго“, но на сколько же болѣе восхищался „роскошнымъ соединеніемъ фантазіи съ матеріей“ и т. д. въ „Русалкахъ“.

VI.

Но вотъ, если столькимъ людямъ „жанръ“ казался и фальшивъ, и безобразенъ, и вреденъ, или, по крайней мѣрѣ, ничтоженъ, то что-же всѣмъ этимъ людямъ нравилось? Такъ какъ всего болѣе возмущали самые сюжеты, самыя задачи новаго искусства, казавшіяся мелкими, ничтожными, такъ какъ всегда раздавались безчисленныя жалобы на почти полное отсутствіе „серьезнаго“, „высокаго“ рода въ новомъ искусствѣ, разумѣя подъ этими словами картины на сюжеты религіозные и историческіе,—то, значитъ, надо предполагать, что къ этимъ послѣднимъ тяготѣли всѣ симпатіи и вкусы. Взглянемъ же на созданія въ серьезномъ, высокомъ родѣ: какъ ни рѣдко они у насъ бывали, потому что не приходились по нашей натурѣ, но все-таки бывали-же. Какъ-же къ нимъ относились и масса публики, и „критика“?

Всѣ они, и въ особенности „критики“ относились къ нимъ благосклонно и съ великою симпатіей всякій разъ тогда, когда эти созданія бывали поверхностны, банальны, ничтожны или даже ложны, и становились врагами ихъ всякій разъ, когда въ нихъ присутствовало желаніе выразить въ самомъ дѣлѣ нѣчто серьезное, глубокое, правдивое, выйти изъ обычной колеи всего „принятаго“. Брюлловъ могъ писать какія угодно „Помпеи“, „Взятія Божіей Матери на небо“, декораціи рококо въ куполѣ Исакіевскаго собора — и никто не только не жаловался на фальшь и академическую условность всего здѣсь представленнаго, но напротивъ, всѣ радовались и били въ ладоши. Онъ могъ бы, еслибы прожилъ еще долго, написать сколько еще угодно подобныхъ же блестящихъ по внѣшности, и гнилыхъ по содержанію и выраженію созданій—и его только все больше и больше признавали бы геніемъ. Но стоило явиться художнику настоящему, глубокому—Иванову, стремившемуся къ выраженію истины и правды—и почти всѣ отъ него отвертывались, кто съ негодованіемъ, кто съ антипатіей. Если оставить въ сторонѣ

москвичей, повторявшихъ только восторженныя рѣчи Гоголя, продиктованныя, впрочемъ, не постиженіемъ искусства, а фанатизмомъ ханжества, да если оставить еще въ сторонѣ небольшую группу людей, въ самомъ дѣлѣ любившихъ и понимавшихъ искусство, остальные всѣ сердились на Иванова и бранили его картину. А нападали они на нее вовсе не за тѣ недостатки и недочеты, которые дѣйствительно присутствовали въ картинѣ по неполнотѣ таланта Иванова, — о, нѣтъ! а только за подробности внѣшняго исполненія. Жаловались, зачѣмъ тѣло такого-то или такого-то дѣйствующаго лица написано слишкомъ бѣлымъ, не загорѣлымъ, зачѣмъ колоритъ картины не изященъ и не красивъ, какъ у Брюллова (а между тѣмъ, у Брюллова колоритъ блестящъ сколько угодно, но совершенно далекъ отъ натуры), зачѣмъ „Ивановъ не позаботился сообразиться съ античными типами Аполлоновъ, Антиноевъ, Амуровъ и т. д.“, зачѣмъ „композиція его не похожа на композицію Брюллова, Бруни и другихъ“, зачѣмъ у него въ картинѣ столько еврейскаго типа, что тутъ, можно сказать, просто „семейство Ротшильдовъ изображено“ и т. д. Большинство этихъ замѣчаній дѣлалось самими художниками и повторялось публикой. Ивановъ писалъ тогда брату: „Въ статьѣ „Сына отечества“ противуположная мнѣ партія, Бруни и другіе члены академіи, прикрылась именемъ весьма малоизвѣстнаго и плохого литератора (Толбина). Статью приносятъ къ картинѣ и читаютъ, сличая... Со статьею ходятъ на выставку провѣрять неученые и способные ко злу... Пименовъ мнѣ говорилъ, что картина моя не поразила двора, какъ картина Брюллова. Князь Оболенскій говоритъ: Надобно будетъ ее въ Москву—скорѣй купятъ и лучше“. Профессора Іорданъ и Зарянко (которыхъ отзывы уже напечатаны теперь) выражались о картинѣ также самымъ плоскимъ, поверхностнымъ и недоброжелательнымъ образомъ. Но во всемъ этомъ только одно было позабыто—главное: глубокое, искреннее и вѣрное чувство, разлитое въ картинѣ; было одно только пропущено: созданіе такихъ типовъ и фигуръ Христа и Іоанна Крестителя, съ которыми не можетъ сравниться никакое другое олицетвореніе этихъ личностей во всемъ европейскомъ искусствѣ, съ самаго начала его существованія и по сей день: выраженіе такого входновенія и мощи въ лицѣ Іоанна, выраженіе такихъ глубокихъ чертъ души и вмѣстѣ правдивѣйшей натуральности у молодого Іоанна Богослова и у многихъ изъ числа другихъ апостоловъ и присутствующихъ зрителей, съ которыми не можетъ идти въ параллель никакое другое выраженіе подобныхъ-же личностей во всѣхъ написанныхъ ранѣе Иванова картинахъ. Иванова пожалѣли какъ неудачника—

и позабыли на много лѣтъ. Но никому не приходило въ голову, что если есть у кого учиться новому художественному поколѣнію, на счетъ серьезности и правдивости выраженія—такъ это у Иванова, а не у поверхностнаго и моднаго Брюллова.

Всего черезъ пять лѣтъ послѣ смерти Иванова, „Голосъ“ объявлялъ (1863, № 244), какъ вещь общепризнанную, что „Ивановъ пытался въ своей картинѣ изобразить божественнаго учителя, но неудачно“. Кому-молъ неизвѣстно, что „Христосъ выполненъ тутъ вполнѣ неудовлетворительно?“.

Когда Гè написалъ свою „Тайную вечерю“, картину хотя и заключающую разные довольно существенные недостатки, но все-таки выдающуюся, то многіе восхитились новой картиной и даже превозносили ее выше небесъ. „С.-Петербургскія Вѣдомости“ (1863, № 213) провозгласили, что „Гè внесъ новую струю въ русскую живопись и шагнулъ далѣе Иванова на пути къ свободѣ стиля“, а „Голосъ“ объявилъ, что „картина Гè должна быть зачаткомъ новой школы, которую мы могли-бы назвать русской школой“ (1863, № 244). Картина эта, конечно, вовсе не сдѣлалась зачаткомъ новой школы, и притомъ „новая русская школа“ образовалась и крѣпко сложилась задолго до „Тайной вечери“ Гè, что „Голосу“ въ то время пора было и знать: но какъ бы ни было, всѣ подобныя изреченія, хотя и слишкомъ невѣрныя, свидѣтельствовали о симпатіяхъ къ новому произведенію, о высокой оцѣнкѣ его. Но что сказали въ эту минуту тѣ люди, которые ранѣе того всего болѣе требовали картинъ религіозныхъ и „высокихъ“, классики и консерваторы? Они пропустили мимо глазъ все, что было въ картинѣ хорошаго, талантливаго, и только стали жаловаться на нарушеніе „общепринятыхъ преданій“, на неуваженіе прежнихъ „великихъ образцовъ“. „Эта картина ни что иное какъ жанръ,—восклицала газета „Вѣсть“:—она представляетъ сцену послѣ ужина нѣсколькихъ евреевъ, изъ которыхъ одинъ представляетъ собою главу одной политической партіи, существовавшей въ Іудеи. Книга Ренана — явленіе, сходное съ картиной Гè: то-же отрицаніе божественности, тотъ-же матерьялизмъ, — но у Ренана болѣе стремленія къ идеальности. Нѣтъ ни правдоподобности, ни естественности, ни историчности... Въ нашемъ обществѣ замѣтно сильное негодованіе противъ этой картины“... Вотъ что говорилось въ Петербургѣ, конечно, не всѣми, но очень многими. Въ Москвѣ тоже не обошлось безъ значительнаго негодованія, уличеній въ измѣнѣ противъ добрыхъ преданій. Погодинъ писалъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (1864, № 90): „Нѣтъ, это не Тайная вечеря, а открытая вече-

рника. Нѣсколько евреевъ только-что оставили трапезу. Двое поссорились. Одинъ выходитъ съ какимъ-то дурнымъ намѣреніемъ, другой задумался о происшествіи, въ недоумѣніи. Божественнаго въ лицѣ у него ничего нѣтъ. Прочіе въ испугѣ: какъ-бы не случилось чего, но не имѣютъ силы остановить уходящаго... Картина Гè обличаетъ замѣчательный талантъ. Гè обѣщаетъ намъ хорошаго мастера, но если онъ посвящаетъ себя духовной живописи, а не житейской, то мы смѣемъ ему напомнить, что великіе творцы новой европейской живописи, Леонардо Винчи, Рафаэль, Корреджіо, Гвидо Рени, Доменикино, Гверчино, черпали свое вдохновеніе не въ томъ источникѣ, къ коему, повинуясь духу времени, или, можетъ быть, только увлекаемый потокомъ, обратился Ге"...

„Низводить религіозные сюжеты до степени жанра",—восклицала „Современная Лѣтопись" (1863, № 38),—кажется намъ дѣломъ черезъ-чуръ смѣлымъ: не шагнулъ ли г. Гè уже слишкомъ далеко? Гдѣ лучше было ему искать вдохновеніе: въ слабомъ ли человѣческомъ анализѣ новѣйшихъ толкователей, исполненномъ несовершенствъ, или въ свѣтломъ источникѣ всякаго спасенія?" И тутъ же авторъ изо всѣхъ силъ старался доказать, что картина Гè противорѣчитъ духу и смыслу евангелія. Зловредность направленія казалась ему такою сильною, что онъ скоро потомъ посвятилъ этому же предмету еще другую статью, тамъ же (№ 41), и, изложивъ еще новые свои доводы, въ прежнемъ же родѣ, спрашивалъ: „Но отчего же картина Гè произвела на иныхъ благопріятное впечатлѣніе и возбудила столько толковъ?" На это онъ отвѣчалъ, что первою причиною былъ „несомнѣнный талантъ Гè, впрочемъ, талантъ, проявившійся только въ механизмѣ художества, какъ-то: смѣлости кисти, оригинальности и вѣрности колорита, рельефности и группировкѣ фигуръ, и особливо въ удачномъ освѣщеніи"; второю же причиною авторъ признавалъ то, что „художникъ съумѣлъ угодить ходячимъ современнымъ идеямъ и вкусамъ, что онъ въ своей картинѣ изобразилъ матерьялизмъ и нигилизмъ, проникшій у насъ всюду, даже въ искусствѣ".

„Голосъ", столь часто оказывавшійся переметной сумой, совершенно измѣнилъ тому, что провозглашалъ въ началѣ, и въ 1871 году уже прямо объявилъ (№ 332), что „Тайная вечеря" Гè, вмѣстѣ съ громкими одобреніями, вызвала и не совсѣмъ неосновательные упреки въ томъ, что художникъ, гоняясь за новизной (?!), впалъ въ нѣкоторую несообразность, изобразивъ на первомъ планѣ Іуду Искаріота, а самого Христа едва замѣтнымъ (!) между учениками (!)". Всего лучше и характернѣе было общее

заключеніе „Голоса“: „Современный реализмъ только вредитъ (нынче) религіознымъ картинамъ!“ Это было мнѣніе, діаметрально противуположное тому, какое было высказано при первоначальномъ появленіи картины. Что тогда ставилось въ похвалу, то шло теперь въ упрекъ.

Съ картиной Крамского „Христосъ въ пустынѣ“ повторилось нѣчто въ томъ же родѣ. Лишь немногіе остались ею довольны, радовались на ея талантливое, правдивое и глубокое выраженіе, въ стилѣ Иванова. Всего же чаще „критики“ нападали на нее за „еврейскій типъ“, за недостаточную „возвышенность и идеальность“, за собственный взглядъ и починъ, за отступленія отъ принятаго банальнаго способа представленія. „У картины Крамского,—говорили Отечественныя записки (1873, томъ 206),—приходится слышать сѣтованія, будто она трактована уже черезъчуръ реально“. Иные увѣряли (Кіевлянинъ, 1873, № 143), будто въ Христѣ этомъ выражено „ожесточеніе противъ людской злобы и невѣрія“. Но всѣхъ превзошелъ нѣкто, „художникъ А. Ледаковъ“. Онъ доходилъ даже до того, что Христа Крамского называлъ „оборванцемъ жидомъ, возсѣдающимъ на камешкѣ и тоскующимъ о томъ, что рано или поздно, а за контрабанду доведется попасть въ руки правосудія“ (Спб. Вѣдом., 1879, № 42).

Съ картиной Флавицкаго „Княжна Тараканова“ повторилось опять-таки то же самое. „Вѣсть“ говорила (1864, № 47): „Совершенство техническаго исполненія такъ явно, что съ этой стороны трудно нападать, но нѣкоторые (изъ „горячихъ порицателей“) недовольны выборомъ сюжета, находя, что онъ слишкомъ драматиченъ, и что картина производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Другіе, болѣе основательные, порицаютъ Флавицкаго за невѣрность въ отношеніи исторіи...“ Эти „другіе“, вслѣдъ за М. Н. Лонгиновымъ (впослѣдствіи начальникомъ цензуры), находили, что „на картину Флавицкаго слѣдуетъ смотрѣть не какъ на эпизодъ изъ исторіи, а какъ на эпизодъ изъ анекдотической хроники XVIII вѣка“. А потому, признавая до нѣкоторой степени талантъ автора картины, писатель „Голоса“ объявлялъ, что „мы вполнѣ имѣемъ право требовать отъ него, чтобъ онъ попробовалъ свою кисть надъ болѣе широкимъ сюжетомъ изъ русской исторіи“ (Голосъ, 1864, № 337). Итакъ, настоящій сюжетъ былъ еще не настоящій, не достаточно широкій! Подъ „широкимъ“, конечно, разумѣется всякій, какой угодно сюжетъ, только бы онъ не тревожилъ зрителя. Этимъ людямъ явно было нужно ослабить дѣйствіе картины и отвести глаза публикѣ.

„Отечественныя Записки“ выразили, по поводу картины Флавицкаго, взглядъ еще болѣе любопытный. „Флавицкій симпатизируетъ трагической сторонѣ жизни,—писалъ критикъ Дмитріевъ,—и мастерски иногда ее выражаетъ. Но мы неоднократно говорили, что художество, перенося природу на полотно, не переноситъ ее съ грубою дѣйствительностью. Не все ужасное годится для трагедіи, драмы или, лучше — ужасное въ художествѣ передается опять-таки поэтически. Моментъ, взятый Флавицкимъ изъ жизни княжны Таракановой, дѣйствительно ужасенъ, но ужасенъ черезъчуръ, а потому и помѣшалъ автору достигнуть той цѣли, которой онъ желалъ. Онъ, вѣроятно, хотѣлъ возбудить сожалѣніе къ плѣнницѣ, а возбуждаетъ, напротивъ, непріятное чувство, зовущее поскорѣе отвернуться отъ картины. Такого рода картины есть нравственная пытка, чего не допускаютъ художественные законы“ (Отечественныя Записки, 1864, т. 157, стр 885).

Итакъ, при оцѣнкѣ „историческихъ“ и „религіозныхъ“ нашихъ картинъ мы встрѣчаемся все съ тѣми же самыми фактами, которые встрѣчали и при оцѣнкѣ картинъ изъ обыденной жизни: вездѣ мы находимъ жестокіе нападки на своеобразіе мысли, на починъ чего-то новаго, на „неуваженіе прежняго“, на троганіе того, чего „не слѣдуетъ трогать“ изъ матеріаловъ и сторонъ жизни, на „непокорность“ прежнимъ образцамъ и мастерамъ, на внесеніе въ художество такихъ серьезныхъ и глубокихъ элементовъ, которые не оставляютъ зрителя въ блаженномъ покоѣ и при одномъ праздномъ любованьѣ, а потрясаютъ его душу участіемъ и могучими симпатіями къ истинной дѣйствительности жизни; однимъ словомъ, нападки на слишкомъ большую, прежде вовсе неизвѣстную, правду представленія. Все это казалось огромному большинству непозволительнымъ и требующимъ расправы.

Правда, у насъ произносились иногда сужденія нѣсколько иного рода объ „исторической“ новой нашей живописи, но и въ тѣхъ не найдешь много утѣшенія. Вотъ взглянемъ, напримѣръ, на то, что́ прежде говорилось у насъ о Шварцѣ. Въ началѣ, при жизни этого художника, „критики“ наши относились къ нему довольно сочувственно, похваливали его, такъ что самъ классикъ и академистъ Рамазановъ находилъ картины его „прекрасными композиціями, со счастливымъ расположеніемъ живописныхъ пятенъ, съ археологическою вѣрностью“; находилъ, что Шварцъ въ послѣдніе свои годы дѣлалъ огромный шагъ впередъ, послѣ первыхъ попытокъ своихъ, исполненныхъ ума, фантазіи и близкаго знанія исторіи“... (Соврем. Лѣтопись, 1866, № 38). Послѣ смерти Шварца, въ 1869 году, о немъ вдругъ замолкли, его забыли.

О немъ утвердилось такое мнѣніе, что это былъ скорѣе талантливый дилеттантъ, чѣмъ настоящій „художникъ" и настоящій „историческій живописецъ". Ему-дескать еще многаго до того недоставало. Онъ былъ еще только живописецъ-археологъ. Въ такомъ смыслѣ очень рѣшительно и опредѣлительно высказалось, въ 1880 году, „Живописное Обозрѣніе". Въ началѣ статьи шли великія похвалы Шварцу. „Шварцъ принадлежитъ,—говорилъ этотъ журналъ,—къ числу самыхъ оригинальныхъ художниковъ русской школы живописи. Его картины изъ русской исторіи поражаютъ даже и теперь полнымъ отсутствіемъ всякой условности, которая такъ упорно держится въ такъ называемой исторической живописи... Шварца можно считать настоящимъ основателемъ русской исторической школы въ живописи. Все условное, оффиціальное, фальшивое, сочиненное, было имъ окончательно и безповоротно отброшено. Въ его картинахъ и рисункахъ мы изучаемъ русскую исторію не въ ея оффиціальныхъ представителяхъ въ моментъ ихъ оффиціальныхъ, историческихъ функцій; мы изучаемъ ее въ полной и непосредственной жизненной правдѣ, въ дѣйствительной обстановкѣ, въ нравахъ, обычаяхъ, костюмахъ, типахъ архитектуры; вся жизнь народа, схваченная въ извѣстный моментъ его культуры, воскресаетъ передъ нами съ такой жизненной правдой, о которой до Шварца невозможно было предполагать въ историческомъ жанрѣ..." Ну, вотъ и прекрасно. Въ этихъ правдивыхъ словахъ, высказанныхъ точно будто-бы истиннымъ глубоко-чувствующимъ и понимающимъ художникомъ, обрисовано почти все самое существенное, что̀ есть въ талантѣ и художественной физіономіи Шварца. Но тотчасъ же потомъ (какое разочарованіе!) слѣдуетъ вторая половина приговора, которая самымъ кореннымъ образомъ уничтожаетъ первую. „Усидчивое и спеціальное изученіе лѣтописей и древнихъ памятниковъ, иногда не вполнѣ усвоенное (?!), не переработанное въ художественную форму, по временамъ слишкомъ видно въ картинахъ Шварца. Онѣ поэтому носятъ на себѣ характеръ археологическій. Приходитъ невольно на мысль, что художникъ гораздо болѣе озабоченъ археологическою точностью, чѣмъ художественнымъ впечатлѣніемъ, что искусство служитъ для него лишь средствомъ для распространенія историко-археологическихъ знаній (?!)... Шварцъ впалъ въ ошибку, противуположную итальянизму. У Шварца художественная правда, художественный идеалъ отодвинуты на второй планъ, на первый же выступаетъ голая археологія, не только не прикрашенная, но не вышедшая даже изъ сырого вида..." Итакъ, все, что̀ есть самаго глубоко-историческаго и психологическаго у Шварца, въ

типахъ, сценахъ, позахъ, выраженіяхъ лицъ (картонъ „Иванъ Грозный у тѣла убитаго имъ сына“, „Иванъ Грозный съ опричниками“, „Царскій поѣздъ по монастырямъ“, „Иностранные посланники въ посольскомъ приказѣ“, „Никонъ въ Новоіерусалимѣ“ и т. д.), все это не что иное, какъ только археологія? Все это „сырой видъ“? Какой же еще другой болѣе „настоящей“ исторіи нужно писателю „Живописнаго Обозрѣнія“? И гдѣ, у какого народа, въ какой школѣ онъ видалъ картины болѣе „историческія“? Просто недоумѣваешь.

Въ итогѣ выходило, слѣдовательно, что и Гè съ Флавицкимъ, съ одной стороны, и Шварцъ, съ другой стороны, все еще не то— неудовлетворительны! Какъ ни кинь, все клинъ. И „серьезные“ сюжеты тоже оказывались, въ концѣ концовъ, неудовлетворительными. То-то оно тò, говорили публика и критики, да все не тотъ „взглядъ“, не то „направленіе“! И вотъ въ нихъ-то, значитъ, вся и суть дѣла была. Надо было для массы (и ея „критиковъ“) побольше ординарности, всего принятаго и условнаго, всего, чтò не выходитъ за предѣлы старинныхъ привычекъ и преданій. Кажется, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что всегда для большинства были бы самыми желанными, самыми удовлетворительными художники въ родѣ, наприм., Брюллова, потому что, при внѣшней талантливости и виртуозности у нихъ оказывалось бы всегда все, чтó требуется: и „возвышенность“ сюжетовъ, и достаточная „серьезность“ направленія, и „истинно-историческихъ“ картинъ сколько угодно, и легкомысленнѣйшихъ, поверхностнѣйшихъ, ни до чего, въ самомъ дѣлѣ, не дотрогивающихся „жанровъ“— тоже вдоволь, наконецъ, фальши, условности, отсутствія натуры, ложнаго театральнаго выраженія—цѣлыя горы. И дѣйствительно, художественный критикъ „Гражданина“ однажды именно такъ прямо и объяснилъ, что „новое русское искусство многое утратило изъ того, чтó было пріобрѣтено въ предъидущую эпоху. Струя драматическая очень ослабѣла со временъ Брюллова“ (Гражданинъ, 1882, № 83). А, вотъ въ чемъ все дѣло! Вотъ кто нуженъ, вотъ гдѣ вся правда, поэзія, исторія, истинное выраженіе! Не даромъ же въ самое послѣднее время одинъ изъ писателей „Вѣстника изящныхъ искусствъ“ (1884, вып. 2) ревностно вступался за всѣ фальши и кривизны Брюллова и ставилъ его на одну доску съ Пушкинымъ. И это—нынче, послѣ всего созданнаго новымъ, истиннымъ, правдивымъ нашимъ искусствомъ! Нѣтъ, видно ничто не способно исправить поколѣнія, выросшаго на старой лжи и пропитаннаго ею до мозга костей!

VII.

Но новое поколѣніе художниковъ не слушалось никакихъ ретроградныхъ воплей, не боялось нарушать небывалые „художественные законы“ и твердо шло своей дорогой. Въ сравненіи съ прежними нашими художниками, эти художники были совершенно иными людьми. У нихъ уже болѣе не было прежняго равнодушія и неразборчивости, имъ не все равно было, чтó писать, чт͐ изображать, чтó брать задачами своихъ созданій. У нихъ была своя цѣль передъ глазами, а цѣль эта не мирилась съ тѣмъ, чтó совершалось въ дѣйствительности. Они не согласны были рисовать лживою кистью все только притворныя счастья и благополучія, торжества и побѣды, граціи и улыбки—они видѣли, что въ дѣйствительности жизнь, въ большинствѣ случаевъ, вѣчно состоитъ изъ чего-то совсѣмъ другого, щемящаго и мучительнаго, изъ бѣдъ и нелѣпостей, и эту горькую правду они стали передавать на холстѣ. Не только всѣ лучшіе и значительнѣйшіе новые наши художники, но вообще наибольшее количество нашихъ художниковъ новаго времени были, по натурѣ своей, или трагики, или юмористы, иногда и то, и другое вмѣстѣ—значитъ, понятно, что они не могли уже болѣе довольствоваться праздными или равнодушными задачами своихъ предшественниковъ. Отвернувшись съ презрѣніемъ отъ фальшивыхъ и притворныхъ идеальностей, всѣми силами души и таланта они искали правдивости и жизненности сюжетовъ, истины типовъ, сценъ и выраженій. Новое поколѣніе художниковъ воспиталось уже не на Державиныхъ и Бенедиктовыхъ, не на Марлинскихъ, Булгариныхъ, Кукольникахъ и Сенковскихъ, а на Гоголѣ, Островскомъ и Некрасовѣ, Бѣлинскомъ, Добролюбовѣ и Писаревѣ; мѣсто прежнихъ литературныхъ и соціальныхъ тэмъ заняли романы „Кто виноватъ“ и „Что дѣлать“, и множество сочиненій крупныхъ европейскихъ мыслителей, явившихся тогда въ русскомъ переводѣ. Слѣдовательно, еще съ ученической скамьи имъ было душно и больно въ прежнихъ школьныхъ рамкахъ академіи, съ ея искусственными запретами и указами на творчество, съ ея классической дрессировкой, опирающейся на античныя статуи, картины старинныхъ мастеровъ и задаваемые затхлые сюжеты. Пришла минута, когда имъ нельзя было дольше жить одною жизнью съ академіей—и въ 1863 году цѣлая группа юношей ушла изъ нея вонъ, великодушно отказавшись и отъ золотыхъ медалей, и отъ всяческихъ академическихъ званій и выгодъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, „художественная артель“ превратилась въ

„товарищество передвижныхъ выставокъ“, и здѣсь сосредоточилось все, чтò только было между нашими художниками талантливаго, думающаго, независимаго, свѣтлаго и прогрессивнаго. При прежнихъ пенатахъ остались только люди темные, узко-эгоистичные или пронырливые. Новая школа стала быстро расти, и въ немного лѣтъ создала цѣлый рядъ созданій, не только истинно-талантливыхъ, но еще самостоятельныхъ, своеобразныхъ и—главное—въ высшей степени національныхъ.

Понятно, какъ должна была смотрѣть на все это та художественная „критика“, изъ образа мыслей которой я привелъ выше столько образчиковъ. Она не могла не смотрѣть на новое движеніе иначе, какъ съ антипатіей, и въ лучшемъ случаѣ—съ равнодушіемъ.

Про „художественную артель“ было запрещено печатать какіе бы то ни было симпатизирующіе отзывы и соображенія, какъ про какой-то непристойный и непозволительный художественный бунтъ—значитъ, въ то время ничего и не было высказано объ этомъ важномъ событіи. Но въ 1871 году для „товарищества передвижныхъ выставокъ“ подобнаго запрета не могло быть, и тутъ всякій могъ вполнѣ высказывать свое мнѣніе. Что же оказалось? Нѣкоторые журналы и газеты, какъ, напр., „Дѣло“, „Спб. Вѣдомости“, позже разныя другія газеты и журналы (въ томъ числѣ „Живописное Обозрѣніе“ 1880 года, „Русскія Вѣдомости“ 1883 г. и т. д.), выразили величайшую симпатію къ необычайному, небывалому у насъ почину. „Дѣло“ напечатало даже статью, которой одно заглавіе: „На своихъ ногахъ“, достаточно показывало, какъ смотритъ журналъ на чудесное предпріятіе горсточки смѣлыхъ и великодушныхъ юношей. Но большинство газетъ и журналовъ какъ-то такъ и не обратило особеннаго вниманія на „товарищество“ и его цѣли. „Голосъ“ удовольствовался, по поводу первой петербургской выставки товарищества, тѣмъ, что только упомянулъ вскользь объ этомъ нововведеніи, безъ малѣйшихъ комментаріевъ: „Подвижная выставка картинъ, замѣняющая обыкновенную ежегодную академическую выставку, отложенную до весны, не обширна по размѣрамъ, но далеко оставляетъ за собою прежнія выставки“, сказалъ „Голосъ“ (1871, № 332), и затѣмъ прямо перешелъ къ разсмотрѣнію самихъ картинъ. „Замѣняющая!“ Вотъ все, чтò остановило на себѣ вниманіе газеты, а съ нею, можетъ быть, и множества ея единомышленниковъ и поклонниковъ. Но зато, для иныхъ выразителей общественнаго мнѣнія, передвижныя выставки послужили даже предметомъ глумленія и подтруниванья. Одинъ журналъ напечаталъ такія острыя и умныя соображенія:

„Полагая начало эстетическому воспитанію обывателей, художники достигнуть хорошихъ результатовъ не только для аборигеновъ чухломскаго, наровчатскаго, тетюшскаго и другихъ уѣздовъ, но и для самихъ себя. Сердца обывателей смягчатся—это первый и самый главный результатъ; но въ то же время и художники получатъ возможность провѣрить свои академическіе идеалы съ идеалами чебоксарскими, хотмыжскими, пошехонскими и т. д... А провинціальная пресса! Сколько она одна дастъ полезныхъ указаній, съ разрѣшенія гг. начальниковъ губерній“... Журналъ, признавшій позволительнымъ такое пошлое скалозубленье надъ презрѣнными провинціалами, конечно, недостойными поглядѣть и однимъ-то глазкомъ на то, что назначено самою природою собственно для глубокихъ и великихъ петербургскихъ жителей,—журналъ, признавшій умѣстнымъ остроумныя насмѣшечки надъ „академическими“ художниками (которые, какъ разъ въ эту минуту, протестовали противъ всего академическаго), этотъ журналъ былъ, къ величайшему изумленію—„Отечественныя Записки“ (1871, т. 199). Еще того лучше, художникъ А. Ледаковъ написалъ впослѣдствіи (Свѣтъ, 1884, № 78), что „Товарищество передвижныхъ выставокъ образовалось потому, что наши художники начали мечтать болѣе о сборѣ входныхъ денегъ, нежели о продажѣ своихъ произведеній“, а М. Соловьевъ (Моск. Вѣдомости, 1884, № 88), что это „Товарищество возникло вслѣдствіе недовольства нѣсколькихъ художниковъ административными порядками академіи художествъ“. Можетъ ли еще далѣе идти жалкое непониманіе, или злобное искаженіе фактовъ! Наконецъ, „Гражданинъ“ высказалъ по поводу тогдашней передвижной выставки (1884, № 10) идеи, совершенно тождественныя, по уму, симпатіи и вѣрности, идеямъ художника А. Ледакова и М. Соловьева, на счетъ значенія Товарищества. „Вотъ уже двѣнадцатый годъ,—говорилъ въ заключеніи „Гражданинъ“,—какъ оно развиваетъ свои задачи, мало понятныя публикѣ, да, повидимому, и ему самому“.

В. Стасовъ.

МИЛЫЙ ДРУГЪ.

Повѣсть Гюи-де-Мопассана [1]).

I.

Получивъ отъ гарсона сдачу съ пятифранковой монеты, Жоржъ Дюруа вышелъ изъ ресторана.

Такъ какъ онъ любилъ охорашиваться, по старой привычкѣ бывшаго щеголя унтеръ-офицера, то молодцовато выпятилъ грудь колесомъ, закрутилъ усы привычнымъ военнымъ жестомъ и обвелъ запоздалыхъ посѣтителей ресторана быстрымъ взглядомъ, тѣмъ взглядомъ, которымъ обладаютъ красавцы-мужчины; такой взглядъ бываетъ у коршуна. Сидѣвшія тутъ женщины взглянули на него: три мелкотравчатыхъ работницы, одна учительница музыки, особа среднихъ лѣтъ, растрепанная, плохо одѣтая, въ пыльной шляпѣ и въ платьѣ, сидѣвшемъ на ней, какъ на коровѣ сѣдло, и двѣ буржуазки съ мужьями, — привычные посѣтители этого трактирчика съ установленными разъ навсегда цѣнами.

Очутившись на троттуарѣ, онъ съ минуту постоялъ неподвижно, спрашивая себя, что ему теперь предпринять. Дѣло было 29 іюля, и у него оставалось въ карманѣ ровно три франка и мелкими сорокъ су; на это приходилось жить остатокъ мѣсяца. Изъ этого могло выйти два обѣда безъ завтраковъ или два завтрака безъ обѣдовъ, какъ угодно. Онъ разсчиталъ, что такъ какъ утреннія трапезы стоили только двадцать-два су, вмѣсто тридцати, во что ему обходились вечернія, то, если онъ удовольствуется завтраками, ему останется въ запасѣ одинъ франкъ

---

[1]) Французскій оригиналъ появится въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ.—Ред.

двадцать сантимовъ, а на это можно закусить два раза хлѣбомъ съ сосисками и выпить двѣ кружки пива на бульварѣ. То былъ его главный расходъ и любимѣйшее удовольствіе по вечерамъ, и онъ пошелъ внизъ по улицѣ „Notre-Dame de Lorette“.

Онъ шелъ той самой походкой, какъ ходилъ, когда носилъ гусарскій мундиръ, выпятивъ грудь колесомъ и слегка разставивъ ноги, точно только-что сошелъ съ лошади, и никому не давалъ дороги, задѣвалъ одного плечомъ, толкалъ другого въ грудь, чтобы только не дать себѣ труда посторониться; шляпа, довольно помятая, была ухарски надѣта на бекрень, каблуки стучали о мостовую и всѣмъ своимъ видомъ онъ какъ будто вызывалъ на бой и прохожихъ, и дома, и весь городъ,—съ шикомъ молодца-солдата, затесавшагося въ толпу штатскихъ.

Хотя костюмъ на немъ стоилъ всего лишь шестьдесятъ франковъ, онъ имѣлъ щеголеватый видъ, хотя немного и безпардонный и чуть-чуть пошловатый. Высокій, хорошо сложенный, свѣтлорусый съ рыжеватымъ оттѣнкомъ, съ закрученными усиками, свѣтло-голубыми глазами, съ чуть примѣтнымъ зрачкомъ, съ кудрявыми отъ природы волосами, раздѣленными посреди головы проборомъ, онъ въ самомъ дѣлѣ походилъ на mauvais sujet популярныхъ романовъ.

Былъ одинъ изъ тѣхъ лѣтнихъ вечеровъ, когда въ Парижѣ нечѣмъ дышать. Городъ, раскаленный какъ печь огненная, какъ будто пыхтѣлъ въ душной темнотѣ. Сточныя трубы испускали заразный духъ черезъ свои гранитныя отверстія. Изъ подвальныхъ кухонь неслись въ низкія окна на улицу отвратительные міазмы, издаваемые помоями и старыми кушаньями.

Привратники безъ сюртуковъ, верхомъ на соломенныхъ стульяхъ, курили трубки подъ воротами; а прохожіе шли, волоча ноги, обнаживъ головы и держа шляпы въ рукахъ.

Дойдя до бульвара, Дюруа опять остановился, не зная, что предпринять. Ему захотѣлось пройти въ Елисейскія Поля и въ Булонскій лѣсъ, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, подъ деревьями, но вмѣстѣ съ тѣмъ его мучило другое желаніе: ему хотѣлось любовнаго приключенія. Но въ какомъ родѣ оно можетъ представиться ему—этого онъ не съумѣлъ бы сказать, но ждалъ его вотъ уже три мѣсяца, каждый день, каждый вечеръ. По временамъ, благодаря его красивому лицу и щеголеватому виду, ему перепадали любовныя крохи, но ему хотѣлось и больше, и лучше.

Съ пустымъ карманомъ и огнемъ въ крови, онъ волновался прикосновеніемъ уличныхъ потаскушекъ, шептавшихъ ему:

— Пойдемте ко мнѣ, мой красавчикъ!—Но онъ не смѣлъ за ними слѣдовать и, кромѣ того, ему хотѣлось другихъ поцѣлуевъ, менѣе грубыхъ.

И со всѣмъ тѣмъ ему нравились мѣста, гдѣ кишатъ публичныя женщины, ихъ балы, ихъ кофейни, ихъ улицы: онъ любилъ толкаться между ними, болтать съ ними, говорить имъ „ты", вдыхать крѣпкіе духи, которыми онѣ душатся, находиться вблизи ихъ. Это были все же женщины, жрицы любви. Онъ не презиралъ ихъ тѣмъ презрѣніемъ, какое къ нимъ чувствуютъ семейные люди. Онъ повернулъ къ Madelaine и пошелъ по троттуару, по которому текла толпа, изнемогавшая отъ жары. Большія кофейни, биткомъ набитыя народомъ, выпирали часть своей публики на троттуаръ, гдѣ посѣтители пили различные напитки, озаренные яркимъ и рѣзкимъ свѣтомъ газовыхъ рожковъ.

Передъ ними на маленькихъ четырехъ-угольныхъ или круглыхъ столикахъ стояли стаканы, наполненные напитками всѣхъ цвѣтовъ: красными, желтыми, зелеными, темными, всѣхъ оттѣнковъ, а въ графинахъ сверкали большіе куски прозрачнаго льду, охлаждавшаго воду.

Дюруа замедлилъ шагъ и ему такъ захотѣлось пить, что въ горлѣ пересохло. Его томила жажда, возбуждаемая душнымъ лѣтнимъ вечеромъ и онъ думалъ, какъ пріятно было бы выпить чего-нибудь прохладительнаго. Но если онъ выпьетъ сегодня вечеромъ хотя бы только двѣ кружки пива, прости тощій завтрашній ужинъ, а ему слишкомъ хорошо были знакомы голодные часы, наступавшіе неизмѣнно въ послѣднихъ числахъ мѣсяца.

Онъ говорилъ себѣ: надо какъ-нибудь убить десять часовъ, а затѣмъ я выпью кружку пива à l'américaine. Чортъ побери, какъ мнѣ, однако, хочется пить. И онъ глядѣлъ на всѣхъ этихъ мужчинъ, сидѣвшихъ за столиками и пившихъ сколько душѣ угодно.

Онъ проходилъ мимо кофеенъ съ развязнымъ и побѣдоноснымъ видомъ и судилъ съ перваго взгляда по минѣ, по платью, сколько могло быть денегъ въ карманѣ у каждаго потребителя. И начиналъ злиться на всѣхъ этихъ людей, спокойно сидѣвшихъ. Порывшись въ ихъ карманахъ, можно было бы найти золото, серебро и мѣдь. Среднимъ числомъ у каждаго должно было быть не менѣе двухъ луидоровъ: ихъ наберется человѣкъ съ сотню на каждую кофейню; по два луидора сто разъ составитъ четыре тысячи франковъ! Онъ бормоталъ:

— Свиньи! — что не мѣшало ему граціозно переступать съ ноги на ногу. Еслибы хоть одинъ изъ нихъ попался ему на

перекресткѣ поздней, темной ночью, то онъ свернулъ бы ему шею, не поморщась, какъ бывало дѣлалъ съ крестьянской птицей во дни большихъ маневровъ.

И онъ припоминалъ два года, проведенные имъ въ Африкѣ, и то, какъ онъ накладывалъ контрибуцію на арабовъ въ маленькихъ южныхъ стоянкахъ. И веселая, и жестокая усмѣшка передернула его губы при воспоминаніи объ одной продѣлкѣ, стоившей жизни троимъ арабамъ племени Бѣлыхъ Уледовъ и доставившей ему съ товарищами двадцать куръ, двухъ барановъ, а золота и матеріалу для смѣха на цѣлыхъ полгода. Виновные не были розысканы, да, по правдѣ сказать, ихъ не особенно усердно искали, такъ какъ арабъ считается какъ бы естественной добычей солдата.

Въ Парижѣ другое дѣло: здѣсь нельзя мародерствовать пріятнымъ манеромъ съ саблей и револьверомъ въ рукахъ, вдали отъ гражданскаго правосудія. Въ немъ проснулись всѣ инстинкты разнузданнаго унтеръ-офицера, не стѣсняющагося въ завоеванномъ краѣ. Безъ сомнѣнія, онъ сожалѣлъ о времени, проведенномъ имъ въ пустынѣ; какъ жалко, что онъ тамъ не остался!.. Но вотъ онъ думалъ, что устроится еще лучше, вернувшись въ Парижъ, а вмѣсто того...

Да! не сладко, нечего сказать! И онъ, прищелкивалъ языкомъ во рту, какъ бы затѣмъ, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ у него пересохло нёбо.

Толпа медленно плыла мимо него, изнемогая отъ жары, а онъ думалъ:—Скоты вы эдакіе! у всѣхъ у васъ, подлецовъ, водятся денежки въ карманѣ!—Онъ толкалъ прохожихъ, насвистывая веселыя пѣсенки. Мужчины оборачивались, ворча, а женщины произносили:—вотъ скотина!

Онъ прошелъ мимо театра Водевиль, и остановился напротивъ „Café Americain“, спрашивая себя: не выпить ли теперь кружку пива,—до того его мучила жажда. Прежде, нежели рѣшиться, онъ поглядѣлъ, который часъ, на лучезарныхъ часахъ, красовавшихся на зданіи театра. Было четверть десятаго. Онъ зналъ себя: какъ только пиво будетъ передъ нимъ, онъ его выпьетъ залпомъ, а затѣмъ, что̀ онъ будетъ дѣлать до одиннадцати часовъ?

Онъ пошелъ дальше: — дойду до Мадлены, — говорилъ онъ себѣ, и потихоньку вернусь назадъ.

Дойдя до Оперной площади, онъ перерѣзалъ дорогу толстому молодому человѣку, который показался ему какъ будто знакомымъ.

Онъ пошелъ за нимъ, перебирая свои воспоминанія и повторяя вполголоса:—гдѣ это, чортъ возьми, я его видѣлъ?

Онъ рылся въ своей памяти и никакъ не могъ припомнить, какъ вдругъ неожиданно воображеніе представило ему того же молодого человѣка, но только потоньше, помоложе и въ гусарскомъ мундирѣ.

Онъ громко вскрикнулъ:—Эге! да это Форестье! — и прибавилъ шагу, потомъ хлопнулъ прохожаго по плечу. Тотъ обернулся, поглядѣлъ на него и сказалъ:

— Что вамъ угодно, милостивый государь?

Дюруа захохоталъ:—Какъ? ты меня не узнаешь?

— Нѣтъ.

— Жоржъ Дюруа изъ десятаго гусарскаго полка.

Форестье протянулъ ему обѣ руки:

— Ахъ, старина, какъ поживаешь?

— Очень хорошо; а ты?

— О! я не очень хорошо. Представь себѣ, что у меня теперь грудь изъ папье-машè: я кашляю шесть мѣсяцевъ въ году, вслѣдствіе бронхита, схваченнаго въ Буживалѣ, какъ разъ послѣ моего возвращенія въ Парижъ, три года тому назадъ.

— Скажите! А ты, однако, здоровъ на видъ.

Форестье, взявъ подъ руку стараго товарища, заговорилъ съ нимъ о своей болѣзни, разсказалъ про всѣ консультаціи съ докторами, ихъ мнѣнія и совѣты и жаловался на то, какъ трудно имъ слѣдовать въ его положеніи. Ему предписывали провести зиму на югѣ. Но развѣ это возможно? Онъ женатъ, записался въ журналисты и дѣла его идутъ прекрасно.

— Я завѣдую политическимъ отдѣломъ въ „Vie Française“, составляю отчеты сенатскихъ засѣданій для „Tambour“ и время отъ времени даю литературныя хроники въ „Gil-Blas“. Вотъ! я пробилъ себѣ дорогу.

Дюруа, удивленный, глядѣлъ на него. Онъ очень перемѣнился и во внѣшности. Теперь у него былъ видъ, манеры и костюмъ человѣка солиднаго, самоувѣреннаго и онъ даже отростилъ себѣ брюшко, видно, что сытно кушалъ. Во время оно онъ былъ худъ, тонокъ, гибокъ, вѣтренъ, весельчакъ и буянъ. Въ три года Парижъ совсѣмъ измѣнилъ его; онъ растолстѣлъ и сталъ серьезенъ и даже сѣдина показалась на вискахъ, даромъ, что ему было всего лишь двадцать-семь лѣтъ.

Форестье спросилъ:

— Куда ты идешь?

Дюруа отвѣчалъ:

— Куда глаза глядятъ; я хочу прогуляться, прежде нежели вернуться домой.

— Хочешь зайти со мной въ редакцію „Vie Française“; мнѣ надо продержать корректуру статьи, а затѣмъ мы выпьемъ пива.

— Хорошо.

И они отправились, взявъ другъ друга подъ руку съ фамильярностью, существующей между школьными товарищами и однополчанами.

— Что ты дѣлаешь въ Парижѣ?—спросилъ Форестье.

Дюруа пожалъ плечами:

— Голодаю, по просту говоря. Отбывъ срокъ службы, я пріѣхалъ сюда, чтобы... ну, чтобы пробить себѣ дорогу въ свѣтѣ, или, вѣрнѣе сказать, чтобы жить въ Парижѣ, и вотъ уже шесть мѣсяцевъ какъ я служу въ правленіи сѣверной желѣзной дороги и получаю тысячу пятьсотъ франковъ въ годъ жалованья, и вотъ всѣ мои рессурсы.

Форестье пробормоталъ:—Брр... не жирно.

Дюруа продолжалъ: — Еще бы. Но, что ты хочешь, не могу изъ этого выбраться. Я одинокъ, никого не знаю, у меня нѣтъ протекціи. Я бы и радъ пробиться, да средствъ нѣтъ.

Товарищъ оглядѣлъ его съ ногъ до головы взглядомъ человѣка практическаго, оцѣнивающаго: чего можетъ стоить человѣкъ, и произнесъ убѣжденнымъ тономъ.

— Видишь ли, голубчикъ, все дѣло въ апломбѣ. Ловкій человѣкъ скорѣе сдѣлается министромъ, нежели начальникомъ отдѣленія. Надо требовать, а не просить. Но какъ же это ты не нашелъ чего-нибудь получше мѣста служащаго на желѣзной дорогѣ?

Дюруа отвѣчалъ:

— Я всюду бросался, но ничего не добился. Въ настоящую минуту мнѣ предлагаютъ получше мѣсто; а именно: берейтора въ манежѣ Пеллерена. Тамъ я по меньшей мѣрѣ буду получать три тысячи франковъ.

Форестье вдругъ остановился:

— Не дѣлай этого; это будетъ глупо, хотя бы тебѣ давали и десять тысячъ франковъ. Ты себѣ сразу загородишь путь ко всякой карьерѣ. Въ твоемъ правленіи ты, по крайней мѣрѣ, скрытъ отъ глазъ, никто тебя не знаетъ, ты можешь пробиться, если у тебя есть энергія. Но разъ ты поступишь въ берейторы — все кончено. Это все равно, какъ еслибы ты поступилъ метръ-д'отелемъ въ ресторанъ, гдѣ обѣдаетъ весь Парижъ. Разъ ты будешь

давать уроки верховой ѣзды свѣтскимъ людямъ или ихъ сыновьямъ, они никогда не признаютъ въ тебѣ равнаго себѣ.

Онъ замолчалъ, подумавъ нѣсколько секундъ, затѣмъ продолжалъ:

— Ты имѣешь степень баккалавра?

— Нѣтъ; я два раза провалился на экзаменѣ.

— Не бѣда, разъ ты до конца довелъ курсъ наукъ. Если заговорятъ при тебѣ о Цицеронѣ или Тиверіи, ты вѣдь приблизительно знаешь, что это такое?

— Да, приблизительно.

— Прекрасно, больше и никто не знаетъ, кромѣ десятка дураковъ, которымъ нечего дѣлать. Не трудно представиться образованнымъ, повѣрь; нужно только не дать себя уличить въ явномъ невѣжествѣ. Нужно лавировать, обходить затрудненія и пускать пыль въ глаза другимъ, посредствомъ лексикона. Люди глупы, какъ гуси, и невѣжественны, какъ ослы.

Онъ разсуждалъ, какъ практическій человѣкъ, знающій жизнь, и улыбался, глядя на проходившую толпу. Но вдругъ закашлялся и долженъ былъ остановиться и переждать, пока не пройдетъ припадокъ кашля, послѣ чего замѣтилъ унылымъ тономъ:

— Ну развѣ не убійственно, что я никакъ не могъ отдѣлаться отъ бронхита, а теперь еще лѣто. О! нынѣшней зимой я непремѣнно уѣду въ Ментону. Наплевать на все, здоровье самое важное дѣло.

Они дошли до Итальянскаго бульвара и остановились передъ большой стеклянной дверью, на которой былъ приклеенъ раскрытый листъ газеты. Три человѣка читали эту газету. Надъ дверями сверкало, какъ бы призывно, большими огненными буквами названіе „La Vie Française". И прохожіе, попадая въ полосу свѣта, лившагося отъ этой надписи, тоже на минуту озарялись имъ, рельефно и отчетливо, чтобы затѣмъ снова исчезнуть во мракѣ.

Форестье отворилъ дверь. — Проходи, — сказалъ онъ. Дюруа вошелъ, поднялся по роскошной, но грязной лѣстницѣ, которая была видна съ улицы, и вступилъ въ переднюю редакціи, гдѣ два конторщика поклонились его пріятелю, затѣмъ очутился въ пріемной пыльной и полинялой, обтянутой бумажнымъ бархатомъ грязно-зеленаго цвѣта, покрытымъ пятнами и мѣстами какъ бы проѣденнымъ мышами.

— Присядь,—сказалъ ему Форестье,—я буду готовъ черезъ пять минутъ.

И исчезъ въ одну изъ трехъ дверей, выходившихъ въ эту комнату.

Странный, особенный, непередаваемый запахъ, присущій всѣмъ редакціоннымъ пріемнымъ, царствовалъ въ это комнатѣ. Дюруа сидѣлъ неподвижно, отчасти сконфуженный, но еще болѣе удивленный. Время отъ времени мимо него торопливо проходили люди, входившіе въ одну дверь и исчезавшіе въ другую, прежде нежели онъ успѣвалъ хорошенько ихъ разглядѣть. Нѣкоторые изъ нихъ были очень молоды и озабочены и держали въ рукахъ листки бумаги, трепетавшіе при скорой ходьбѣ. Другіе были наборщики въ длинныхъ бѣлыхъ блузахъ, закапанныхъ чернилами, изъ-подъ которыхъ виднѣлись бѣлые воротнички крахмальной рубашки и панталоны совершенно такіе же, какъ и у господъ. Они осторожно несли полосы напечатанной бумаги, корректуры, еще не успѣвшія просохнуть.

По временамъ появлялся господинчикъ, одѣтый слишкомъ съ большими претензіями на щеголеватость, въ панталонахъ черезъчуръ узкихъ и слишкомъ обрисовывающихъ ногу, и перетянутой таліей, въ башмакахъ съ непомѣрно узкими носками, — какой-нибудь репортеръ, приносившій вечерніе слухи.

Другіе приходили серьезные, важные, въ цилиндрахъ, точно желали отличиться отъ остальной толпы смертныхъ.

Форестье вернулся, держа подъ руку высокаго, худощаваго малаго лѣтъ тридцати или сорока съ моноклемъ въ глазу, очень смуглаго, съ сильно закрученными усами, съ дерзкимъ, надменнымъ и фатоватымъ видомъ.

Форестье сказалъ ему:—Прощайте, cher maître. А тотъ пожалъ ему руку:—прощайте, mon cher,—и спустился съ лѣстницы, насвистывая пѣсенку, взявъ подъ мышку тросточку и поправивъ монокль.

Дюруа спросилъ:—кто это?

— Это Жакъ Риваль, слыхалъ про него, знаменитый хроникеръ, дуэлистъ, тотъ самый, что написалъ прекрасный трактатъ о французскомъ фехтовальномъ искусствѣ: „L'arme nationale". Онъ читалъ свои корректуры. Вольфъ, Сколь и онъ—первые хроникеры Парижа. Онъ зарабатываетъ тысячъ тридцать франковъ въ годъ за двѣ статьи въ недѣлю.

Уходя, они встрѣтили еще небольшого толстяка, съ длинными волосами и неопрятнаго вида, который всходилъ, пыхтя, по лѣстницѣ.

Форестье отвѣсилъ очень низкій поклонъ.

— Вотъ Норберъ де Вареннъ,—сказалъ онъ,—поэтъ, авторъ „Soleils Morts", тоже дорого стоющій писатель; каждая сказка, которую онъ намъ даетъ, обходится въ триста франковъ, а въ

самой длинной не наберется двухъ сотъ строкъ. Но зайдемъ въ Café Napolitain, я умираю отъ жажды.

Когда они усѣлись за столикомъ кофейни, Форестье закричалъ:—Двѣ кружки пива!—и выпилъ свою залпомъ, между тѣмъ какъ Дюруа пилъ пиво небольшими глотками, наслаждаясь, какъ рѣдкимъ и вкуснымъ напиткомъ.

Товарищъ его молчалъ и какъ будто размышлялъ, потомъ вдругъ сказалъ:—Почему бы тебѣ не пуститься въ журналистику.

Тотъ удивленно поглядѣлъ на него и отвѣчалъ:

— Но вѣдь... я никогда ничего не писалъ.

— Ба! надо же когда-нибудь начать. Я могъ бы поручить тебѣ собирать свѣденія, разъѣзжать по разнымъ мѣстамъ и дѣлать визиты. Ты получалъ бы сначала двѣсти пятьдесятъ франковъ въ мѣсяцъ и деньги на извощиковъ. Хочешь, я переговорю съ главнымъ редакторомъ.

— Разумѣется, хочу.

— Такъ вотъ что: пріѣзжай завтра ко мнѣ обѣдать; у меня будетъ человѣкъ пять или шесть, хозяинъ газеты, m-r Вальтеръ съ женой, Жакъ Риваль, Норберъ де-Вареннъ, котораго ты сейчасъ видѣлъ, и одна пріятельница m-me Форестье. Согласенъ?

Дюруа колебался, краснѣлъ и, наконецъ, запинаясь, проговорилъ:

— Да вотъ только что... у меня нѣтъ приличнаго костюма.

Форестье удивленный переспросилъ:

— Какъ? у тебя нѣтъ фрака? Чортъ побери, а вѣдь это вещь необходимая. Въ Парижѣ, видишь ли, лучше не имѣть постели, чѣмъ не имѣть фрака.

Потомъ вдругъ, порывшись въ карманѣ жилета, вынулъ пригоршню золота, взялъ два луидора, положилъ ихъ передъ старымъ товарищемъ и дружескимъ и безцеремоннымъ тономъ произнесъ:—ты мнѣ отдашь это, когда у тебя будутъ деньги. Возьми на прокатъ фракъ или купи въ долгъ, съ уплатой помѣсячно, но непремѣнно приходи завтра обѣдать, въ половинѣ восьмого, въ улицу Фонтенъ, № 21.

Смущенный Дюруа взялъ деньги, бормоча:

— Ты слишкомъ добръ, благодарю тебя, будь увѣренъ, что я не забуду...

Тотъ перебилъ его:

— Хорошо, хорошо. Хочешь еще пива?

И закричалъ:—Гарсонъ, двѣ кружки пива.

Когда пиво было выпито, журналистъ спросилъ:—Хочешь еще побродить съ часокъ?

— Разумѣется, съ удовольствіемъ.

И они снова направились къ Madelaine.

— Чтобы намъ предпринять? — спросилъ Форестье.—Вотъ увѣряютъ, что въ Парижѣ фланеръ всегда можетъ найти себѣ развлеченіе. Это неправда; когда мнѣ захочется фланировать вечеромъ, я никогда не знаю, куда мнѣ пойти, прогулка въ Булонскомъ лѣсу пріятна только съ женщиной, а она не всегда подъ руками. Кафе-шантанъ можетъ служить развлеченіемъ только для моего аптекаря и его супруги, а никакъ не для меня. Что же прикажете дѣлать? Рѣшительно нечего. Слѣдовало бы имѣть здѣсь садъ, въ родѣ парка Монсо, который былъ бы открытъ всю ночь и гдѣ бы можно было слушать очень хорошую музыку, распивая прохладительные напитки подъ деревьями. Не надо, чтобы это было сборнымъ мѣстомъ гулякъ, а только простыхъ фланеровъ; а за входъ слѣдовало бы брать очень дорого, чтобы привлечь хорошенькихъ женщинъ. Хочешь—гуляй по аллеямъ, усыпаннымъ пескомъ и освѣщеннымъ электрическимъ свѣтомъ; хочешь—присядь и слушай музыку вблизи или издали. У насъ было нѣчто въ этомъ родѣ у Мюзара, но съ кабачнымъ оттѣнкомъ и съ избыткомъ бальной музыки; да и тѣсно тамъ было, мало простору, мало тѣни. Надо было бы очень красивый, очень обширный садъ, это было бы прелестно. Куда ты желаешь пойти?

Дюруа колебался и самъ не зналъ, что сказать. Наконецъ проговорилъ:

— Я еще никогда не бывалъ въ Folies Bergères. Я бы охотно пошелъ туда.

Его спутникъ вскричалъ:

— Folies Bergères? Брр... Да мы тамъ задохнемся отъ жары. Ну да дѣлать нечего, пойдемъ. Тамъ бываетъ забавно.

Они перевернулись на каблукахъ, чтобы идти въ улицу Фобуръ-Монмартръ.

Освѣщенный фасадъ заведенія бросалъ яркій свѣтъ на четыре улицы, сходящіяся передъ нимъ. Цѣлая вереница фіакровъ стояла въ ожиданіи выхода.

Форестье вошелъ, Дюруа сказалъ ему:

— Пойдемъ сначала въ кассу.

Тотъ отвѣчалъ важнымъ тономъ:

— Со мной платить не приходится.

Когда онъ подошелъ къ контролю, всѣ трое контролёровъ почтительно поклонились ему, а одинъ даже подалъ руку.

Журналистъ спросилъ:

— Есть у васъ хорошая ложа?

— Разумѣется, г. Форестье.

Онъ взялъ билетъ, который ему протягивали, толкнулъ обитую зеленой кожей дверь и они очутились въ залѣ. Табачный дымъ окутывалъ ея отдаленные углы и сцену, точно туманомъ, и поднимаясь вверхъ къ потолку бѣлыми тонкими струйками отъ безчисленнаго множества сигаръ и папиросъ, которыя курила собравшаяся публика, образовалъ цѣлое облако вокругъ люстры.

Въ большомъ корридорѣ, находящемся при входѣ и который ведетъ въ круглую галлерею, гдѣ бродитъ разодѣтая толпа публичныхъ женщинъ, смѣшивающихся съ темной толпой мужчинъ, группа женщинъ ожидала прибывающихъ у трехъ прилавковъ, за которыми возсѣдали три раскрашенныя и полинялыя продавщицы напитковъ и любви.

Высокія зеркала, находившіяся за ними, отражали ихъ спины и лица прохожихъ.

Форестье расталкивалъ группы, шелъ быстро, какъ человѣкъ, имѣющій право на уваженіе. Онъ подошелъ къ увреѣзѣ.

— Ложа № 17?—спросилъ онъ.

— Пожалуйте сюда.

И ихъ заперли въ маленькомъ деревянномъ открытомъ ящикѣ, обитомъ краснымъ, и гдѣ стояло четыре стула, тоже красныхъ и такъ близко другъ отъ друга, что съ трудомъ можно было пролѣзть между ними. Оба пріятеля усѣлись. Справа и слѣва длинной полукруглой линіей, доходившей до самой сцены, расположены были такіе же ящики и въ нихъ тоже сидѣли люди, отъ которыхъ были видны только голова и грудь.

На сценѣ три молодыхъ человѣка въ трико, одинъ высокій, другой средняго роста и третій маленькаго, по очереди упражнялись на трапеціи. Сначала выступалъ высокій быстрыми и короткими шагами, улыбаясь и кланяясь рукой, такимъ движеніемъ, какъ будто бы посылалъ поцѣлуй. Видно было, какъ подъ трико обрисовывались мускулы рукъ и ногъ: онъ выпячивалъ грудь, чтобы замаскировать слишкомъ выдававшееся брюшко; лицо у него было, какъ у парикмахера; старательный проборъ раздѣлялъ его волосы на двѣ равныхъ части, какъ разъ посрединѣ черепа.

Онъ граціознымъ прыжкомъ достигъ трапеціи и, повиснувъ на рукахъ, завертѣлся вокругъ нея, точно колесо, или же, выпрямивъ руки и все туловище, лежалъ неподвижно, растянувшись горизонтально въ пустомъ пространствѣ и держась за перекладину одними руками. Затѣмъ соскакивалъ на землю, снова кланялся, улыбаясь, и отходилъ къ декораціи, выказывая на каждомъ шагу всѣ мускулы ноги.

Второй, менѣе высокій, но болѣе широкоплечій, выступалъ въ

свою очередь и повторялъ тѣ же упражненія, что и первый, вызывая болѣе замѣтное одобреніе публики. Но Дюруа совсѣмъ не занимался тѣмъ, что происходило на сценѣ, и отвернувъ голову, глядѣлъ пристально на галлерею, биткомъ набитую мужчинами и проститутками.

Форестье сказалъ ему:—Погляди въ оркестръ, никого, кромѣ буржуа съ женами и дѣтьми; добродушныя и глупыя рожи явились сюда только за тѣмъ, чтобы видѣть представленіе. Въ ложахъ сидятъ бульварные франты, нѣсколько артистовъ, женщины полусвѣта, а позади ихъ самая диковинная смѣсь, какую только можно встрѣтить въ Парижѣ. Что это за люди? Посмотри на нихъ. Тутъ чего хочешь, того просишь, всѣ рѣшительно профессіи и всѣ касты, но развратъ преобладаетъ. Вотъ чиновники, служащіе въ банкахъ, приказчики изъ магазиновъ, репортеры, souteneurs, офицеры, переодѣтые въ штатское платье, франты во фракахъ, только-что отобѣдавшіе въ ресторанѣ и зашедшіе сюда передъ тѣмъ, какъ идти въ итальянскую оперу, и наконецъ, цѣлая толпа подозрительныхъ личностей, не поддающихся анализу. Что касается женщинъ, то однѣ только кокотки. Всѣ онѣ извѣстны: ихъ видишь каждый вечеръ, круглый годъ въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, кромѣ того времени, когда онѣ ѣздятъ лечиться на воды или сидятъ въ тюрьмѣ.

Дюруа не слушалъ. Одна изъ этихъ женщинъ, облокотясь на ихъ ложу, глядѣла на нихъ. То была жирная брюнетка съ набѣленными лицомъ и шеей, съ подкрашенными глазами, подъ громадными и поддѣльными бровями. Черезъ-чуръ полная грудь едва сдерживалась темнымъ шелковымъ лифомъ, а раскрашенныя губы, красныя, какъ кровь, придавали ей что-то животное, страстное, эксцентричное, но тѣмъ не менѣе возбуждавшее желаніе.

Она подозвала кивкомъ головы пріятельницу, проходившую мимо, блондинку съ красными волосами, тоже жирную, и сказала достаточно громко, чтобы ее можно было услышать:

— Поглядите-ка, вотъ красивый малый. Если онъ согласенъ купить меня за десять луидоровъ, я не откажу ему.

Форестье оглянулся и, улыбаясь, хлопнулъ Дюруа по ляжкѣ.

— Это на твой счетъ, mon cher, ты имѣешь успѣхъ, поздравляю тебя.

Бывшій унтеръ-офицеръ покраснѣлъ и машинально ощупалъ золотыя монеты, лежавшія у него въ карманѣ жилета.

Занавѣсъ опустился, оркестръ заигралъ вальсъ. Дюруа сказалъ:

— Еслибы намъ пройтись по галлереѣ.

— Какъ хочешь.

Они вышли изъ ложи и тотчасъ же смѣшались съ толпой гуляющихъ. Ихъ со всѣхъ сторонъ толкали, жали, на нихъ напирали спереди, сзади, сбоку, а передъ ихъ глазами высился цѣлый лѣсъ шляпъ. И проститутки, по двѣ въ рядъ, проходили въ этой толпѣ мужчинъ какъ у себя дома, протискивались между спинами и, очевидно, чувствовали себя какъ рыбы въ водѣ среди мужского элемента.

Дюруа, въ восторгѣ, съ наслажденіемъ вдыхалъ воздухъ, испорченный табачнымъ дымомъ, человѣческимъ потомъ и крѣпкими духами публичныхъ женщинъ.

Но Форестье потѣлъ, пыхтѣлъ, кашлялъ.

— Пойдемъ въ садъ, — сказалъ онъ. И повернувъ налѣво, они проникли въ родъ крытаго сада, освѣжаемаго двумя безвкусными фонтанами, и гдѣ подъ тропическими растеніями въ кадкахъ, пили мужчины и женщины, сидя за цинковыми столиками.

— Выпьемъ еще пива, хочешь?—спросилъ Форестье.

— Да, охотно.

Они усѣлись и глядѣли на проходившую публику.

Время отъ времени одна изъ женщинъ останавливалась передъ ними, говоря съ банальной улыбкой:

— Не угостите ли меня чѣмъ-нибудь?

И такъ какъ Форестье неизмѣнно отвѣчалъ:

— Стаканчикъ воды изъ фонтана,—то она удалялась, бормоча: Болванъ!—Но жирная брюнетка, стоявшая, облокотясь на ихъ ложу, появилась въ саду, надменно расхаживая подъ руку съ пріятельницей, жирной блондинкой. Вдвоемъ онѣ составляли славную пару. Она улыбнулась, увидя Дюруа, точно глаза ихъ успѣли уже высказать другъ другу какія-то интимныя и секретныя вещи, и взявъ стулъ, усѣлась спокойно напротивъ него, усадила свою пріятельницу, затѣмъ приказала звонкимъ голосомъ:—гарсонъ, два стакана сиропа.

Удивленный Форестье произнесъ:

— Ты, однако, не стѣсняешься.

Она отвѣчала:

— Твой пріятель мнѣ очень понравился. Право, онъ очень красивъ, и я боюсь, какъ бы не надѣлать изъ-за него глупостей.

Дюруа, смущенный, не зналъ чтó сказать. Онъ крутилъ свои вьющіеся усы съ видомъ дурака. Гарсонъ принесъ сиропъ, который женщины выпили залпомъ, затѣмъ встали, и брюнетка, слегка кивнувъ головой и ударивъ вѣеромъ по рукѣ Дюруа, сказала:

— Merci, mon chat. Ты, однако, не рѣчистъ.

И онѣ удалились, раскачивая турнюромъ.

Тогда Форестье разсмѣялся:

— Послушай-ка, старина, знаешь ли, что ты въ самомъ дѣлѣ имѣешь успѣхъ у женщинъ. Надо этимъ пользоваться. Ты можешь далеко уйти съ ихъ помощью.

Онъ помолчалъ съ минуту, потомъ продолжалъ съ разсѣяннымъ видомъ человѣка, думающаго вслухъ:

— Въ сущности черезъ женщинъ можно всего скорѣе сдѣлать карьеру.

И такъ какъ Дюруа все молчалъ и только улыбался, онъ спросилъ:

— Ты располагаешь еще остаться здѣсь? Я уйду, съ меня довольно.

Тотъ пробормоталъ:—Да, я еще побуду. Еще не поздно.

Форестье всталъ.—Когда такъ, прощай, до завтра. Не забудь № 17 въ улицѣ Фонтенъ, въ половинѣ восьмого.

— До завтра, merci.

Они пожали другъ другу руки, и журналистъ ушелъ.

Какъ только онъ скрылся, Дюруа почувствовалъ себя на свободѣ и снова весело ощупалъ золотыя монеты въ своемъ карманѣ, затѣмъ вставъ, принялся оглядывать толпу, ища въ ней кого-то.

Онъ вскорѣ увидѣлъ обѣихъ женщинъ: брюнетку и блондинку, которыя продолжали расхаживать съ видомъ гордыхъ попрошаекъ среди толпы мужчинъ.

Онъ прямо пошелъ къ нимъ, но когда очутился совсѣмъ близко, опять смутился. Брюнетка сказала ему:

— Что? къ тебѣ вернулся, наконецъ, даръ слова?

Онъ пролепеталъ:—еще бы!—но больше ничего не въ силахъ былъ сказать. Они стояли втроемъ, мѣшая другимъ и загораживая дорогу.

Тогда она вдругъ спросила:

— Ѣдешь ко мнѣ?

А онъ грубо отвѣтилъ:

— Да, но у меня только одинъ луидоръ въ карманѣ.

Она равнодушно проговорила:

— Не бѣда.—И взяла его подъ руку въ знакъ, что теперь онъ ей принадлежитъ.

И когда они выходили, онъ думалъ, что на остальные двадцать франковъ ему легко будетъ достать на прокатъ фракъ на завтра.

II.

— Здѣсь живетъ г. Форестье?

Въ третьемъ этажѣ. дверь налѣво.

Портье отвѣчалъ любезнымъ голосомъ, въ которомъ высказывалось уваженіе къ жильцу. Жоржъ Дюруа сталъ подниматься по лѣстницѣ. Онъ чувствовалъ себя смущеннымъ, неловкимъ, ему было не по себѣ. Въ первый разъ въ жизни онъ надѣлъ фракъ, и общій видъ его туалета внушалъ ему опасеніе. Онъ чувствовалъ, что костюмъ его подгулялъ. Во-первыхъ, ботинки были не лакированныя, хотя довольно изящныя, такъ какъ онъ щеголялъ ногой; во-вторыхъ, рубашка, купленная сегодня поутру въ Луврѣ, стоила всего четыре франка пятьдесятъ сантимовъ и слишкомъ слабо накрахмаленная грудь уже измялась. Другія его рубашки, каждодневныя, были болѣе или менѣе поношенныя и онъ не могъ надѣть даже наиболѣе свѣжую изъ нихъ.

Панталоны, черезъ-чуръ широкіе, плохо обрисовывали ногу, собирались складками вокругъ икры и имѣли тотъ помятый видъ, какой всегда принимаетъ платье, взятое на прокатъ и перебывавшее на разныхъ плечахъ. Одинъ только фракъ сидѣлъ не дурно и приходился ему почти впору.

Онъ медленно всходилъ по ступенямъ, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ тревогой въ умѣ, причемъ его всего болѣе мучила мысль, что онъ смѣшонъ, и вдругъ увидѣлъ напротивъ себя господина, въ парадномъ костюмѣ, который на него глядѣлъ. Они были такъ близко другъ отъ друга, что Дюруа чуть было не отскочилъ назадъ, но вдругъ остановился пораженный: то былъ онъ самъ, отраженный съ головы до ногъ въ большомъ зеркалѣ, на площадкѣ перваго этажа. Онъ радостно вздрогнулъ, потому что нашелъ себя гораздо приличнѣе, нежели ожидалъ.

Такъ какъ дома у него было только маленькое туалетное зеркальце, передъ которымъ онъ брился, то ему и негдѣ было осмотрѣть себя съ головы до ногъ: онъ видѣлъ себя въ немъ только по частямъ и преувеличивалъ несовершенство своего туалета и приходилъ въ отчаяніе при мысли, что онъ каррикатуренъ.

Но вотъ онъ внезапно увидѣлъ себя въ трюмо и даже не узналъ въ первую минуту: принялъ себя за другого, за свѣтскаго человѣка, показавшагося ему очень приличнымъ, шикарнымъ даже.

И теперь обозрѣвая себя старательно, онъ находилъ, что ensemble его туалета вполнѣ удовлетворителенъ.

Тогда онъ принялся изучать свои мины и движенія, какъ

актеръ, учащій роль. Онъ улыбнулся себѣ, протянулъ руку, повернулся направо, налѣво и выразилъ лицомъ удивленіе, удовольствіе, одобреніе, стараясь найти различные оттѣнки, улыбки и многозначительные взгляды, которыми любезные люди стараются дать понять дамамъ, что онѣ восхитительны и нравятся имъ.

Дверь на лѣстницу отворилась. Онъ испугался, что его захватятъ врасплохъ и пошелъ по лѣстницѣ быстрыми шагами, боясь, что кто-нибудь изъ гостей его пріятеля видѣлъ, какъ онъ жеманился передъ зеркаломъ. Дойдя до второго этажа, онъ увидѣлъ другое зеркало и замедлилъ шагъ, чтобы поглядѣть на себя мимоходомъ.

Право же, фигура его изящна, походка тоже. И тутъ безграничное самодовольство наполнило его душу. Конечно, онъ будетъ имѣть успѣхъ съ такой фигурой; и при своемъ желаніи пробить карьеру, при своей рѣшимости и независимости ума, ему хотѣлось побѣжать, запрыгать, поднимаясь на послѣдній этажъ. Онъ остановился передъ третьимъ зеркаломъ, закрутилъ привычнымъ жестомъ усы, снялъ шляпу, чтобы поправить прическу, и пробормоталъ вполголоса, какъ это часто дѣлалъ:

— Вотъ чудесная выдумка.

Потомъ, протянувъ руку къ колокольчику, позвонилъ.

Дверь почти тотчасъ отворилась и онъ очутился въ присутствіи лакея въ черномъ фракѣ, серьезнаго, выбритаго, такого порядочнаго на видъ, что Дюруа снова смутился, самъ не понимая, откуда въ немъ это неопредѣленное волненіе. Быть можетъ, отъ безсознательнаго сравненія покроя ихъ платья. И къ тому же на этомъ лакеѣ были лакированные башмаки. Онъ спросилъ, беря пальто, которое Дюруа держалъ подъ мышкой, чтобы не показать пятенъ на немъ.

— Какъ прикажете доложить?

И провозгласилъ имя сквозь поднятую портьеру на дверяхъ въ гостиную, куда надо было входить.

Но Дюруа, вдругъ потерявъ весь свой апломбъ, окаменѣлъ на мѣстѣ, задыхаясь отъ страха. Онъ готовился сдѣлать первый шагъ въ желанную жизнь. Однако, вошелъ. Въ гостиной, большой, хорошо освѣщенной и наполненной растеніями, точно теплица, комнатѣ, стояла въ ожиданіи его бѣлокурая, молодая женщина. Она была одна.

Онъ остановился, сбитый съ толку. Кто же это улыбающаяся дама? Затѣмъ вспомнилъ, что Форестье женатъ, и мысль, что эта нарядная, хорошенькая блондинка жена его пріятеля, окончательно его смутила. Онъ пролепеталъ:

— Сударыня, я...

Она протянула ему руку:

— Я знаю. Шарль мнѣ разсказалъ про вашу вчерашнюю встрѣчу, и я очень рада, что онъ догадался пригласить васъ сегодня обѣдать.

Онъ покраснѣлъ почти до ушей, не зная, что сказать: онъ чувствовалъ, что его осматриваютъ съ головы до ногъ, разглядываютъ, судятъ. Ему хотѣлось извиниться, придумать предлогъ для объясненія небрежности своего костюма, но онъ ничего не могъ придумать и не посмѣлъ коснуться этого щекотливаго предмета.

Онъ сѣлъ въ указанное ему кресло, и когда почувствовалъ, какъ мягко охватили его упругія пружины бархатнаго сидѣнья, какъ обнимало, поддерживало его это ласковое кресло съ мягкой спинкой и ручками, то ему показалось, что онъ вступаетъ въ новую и восхитительную среду, что онъ больше не нуль, что онъ спасенъ, и взглянулъ на m-me Форестье, не спускавшую съ него глазъ.

Она была въ блѣдно-голубомъ кашемировомъ платьѣ, хорошо обрисовывавшемъ ея гибкую талію и полную грудь. Руки и шея нѣжно выдѣлялись изъ-подъ бѣлыхъ кружевъ, которыми былъ обшитъ корсажъ и короткіе рукава. Волосы, высоко зачесанные кверху, вились у шеи и образовали легкое бѣлокурое облако.

Дюруа успокоился отъ ея взгляда, напомнившаго ему, хотя бы онъ самъ не умѣлъ сказать почему, взглядъ женщины, встрѣченной имъ вчера въ „Folies Bergères“.

У нея были сѣрые глаза съ голубоватымъ оттѣнкомъ, придававшимъ имъ странное выраженіе, тонкій носъ, полныя губы, нѣсколько мясистый подбородокъ, неправильное, но обворожительное личико, съ милымъ и лукавымъ выраженіемъ. То было одно изъ тѣхъ женскихъ лицъ, въ каждой чертѣ котораго проявляется особенная прелесть, полная значенія, каждое движеніе котораго какъ будто говоритъ или скрываетъ что-то.

Послѣ краткаго молчанія она спросила:

— Вы давно уже въ Парижѣ?

Онъ отвѣчалъ, понемногу приходя въ себя.

— Всего лишь нѣсколько мѣсяцевъ. Я служу на сѣверной желѣзной дорогѣ, но Форестье обнадежилъ меня, что при его посредствѣ мнѣ можно будетъ стать журналистомъ.

Улыбка ея стала явственнѣе и благосклоннѣе и она произнесла, понижая голосъ:

— Знаю.

Снова раздался звонокъ. Лакей доложилъ:

— М-me де-Морель.

Вошла небольшая брюнетка веселой, бойкой поступью, одѣтая въ темное, очень простое платье, обрисовывавшее всю ея фигуру съ головы до ногъ.

Только красная роза въ черныхъ волосахъ рѣзко бросалась въ глаза и оттѣняла ея физіономію, придавая ей особый опредѣленный характеръ.

За ней слѣдовала дѣвочка въ короткомъ платьицѣ.

М-me Форестье бросилась имъ навстрѣчу.

— Здравствуй, Клотильда.

— Здравствуй, Мадлена.

Онѣ поцѣловались. Потомъ ребенокъ подставилъ свой лобъ съ важностью взрослой особы, говоря:

— Здравствуй, кузина.

М-me Форестье поцѣловала ее, затѣмъ представила ихъ другъ другу:—m-r Жоржъ Дюруа, хорошій пріятель моего мужа, m-me де-Морель, моя пріятельница и отчасти родственница.

Она прибавила:

— Вы знаете, мы здѣсь безъ церемоній, безъ фасоновъ и безъ позъ, не правда ли, вы одобряете это?

Молодой человѣкъ поклонился, но дверь снова отворилась, и показался низенькій толстякъ, который велъ подъ руку высокую и красивую женщину, гораздо выше его ростомъ, гораздо моложе, съ болѣе изящными манерами и серьезнымъ видомъ. То были Вальтеръ, депутатъ, финансистъ, дѣлецъ и капиталистъ, еврей и южанинъ, издатель и редакторъ „Vie Française“, и его жена, урожденная Базиль Раваль́, дочь банкира.

Послѣ ихъ вошли одинъ за другимъ, Жакъ Риваль, изысканно одѣтый, и Норберъ де-Вареннъ, у котораго воротъ фрака залоснился отъ длинныхъ волосъ, падавшихъ до плечъ. Галстухъ, повязанный какъ веревка, казался тоже не первой свѣжести. Одной пуговицы не хватало на рубашкѣ. Онъ вошелъ съ жеманствомъ бывшаго красавца, и взявъ руку m-me Форестье, поцѣловалъ ее. Когда онъ нагнулъ при этомъ голову, то его волосы упали на обнаженную руку молодой женщины.

Форестье вошелъ въ свою очередь, извиняясь, что опоздалъ. Его задержали въ редакціи дѣла. Одинъ депутатъ, радикалъ, внесъ запросъ министерству по случаю требованія кредита для колонизаціи Алжиріи. Слуга доложилъ:—кушать подано.

И всѣ перешли въ столовую.

Дюруа посадили между m-me де-Морель и ея дочерью. Онъ опять чувствовалъ себя стѣсненнымъ и боялся, что не управится какъ слѣдуетъ съ вилкой, ложкой или рюмками. Послѣднихъ было

четыре, одна слегка окрашенная въ голубой цвѣтъ. Что такое пьютъ изъ этой рюмки? Пока ѣли супъ, всѣ молчали, затѣмъ Норберъ де-Вареннъ спросилъ: — читали вы процессъ Готье? Какая странная штука!

И всѣ принялись обсуждать это дѣло о нарушеніи супружеской вѣрности, усложненное шантажемъ. О немъ говорили не такъ, какъ говорятъ въ семейныхъ кружкахъ о событіяхъ, сообщаемыхъ въ газетахъ, а какъ толкуютъ о болѣзни между врачами или о часахъ между часовщиками.

Никто не возмущался, никто не удивлялся, но всякій доискивался глубокихъ, тайныхъ причинъ съ профессіональнымъ любопытствомъ и безусловнымъ равнодушіемъ къ самому преступленію. Всѣ старались объяснить удовлетворительно происхожденіе поступковъ, опредѣлить всѣ мозговыя явленія, породившія драму, научный результатъ особеннàго умственнаго состоянія. Женщины съ такой же страстью занимались этимъ изслѣдованіемъ. И другія недавнія событія были разслѣдованы, комментированы и перевернуты на всѣ лады, оцѣнены по достоинству съ тѣмъ практическимъ coup d'oeil и тѣмъ спеціальнымъ отношеніемъ къ дѣлу, которое проявляется у торговцевъ новостями, у людей, по ремеслу занимающихся комедіей человѣческой жизни и усвоившихъ себѣ всѣ пріемы обыкновенныхъ торговцевъ, старательно разсматривающихъ и взвѣшивающихъ товары, прежде нежели поставить ихъ публикѣ.

Потомъ зашла рѣчь объ одной дуэли, и тутъ заговорилъ Жакъ Риваль. Слово принадлежало ему по праву; никто лучше его не могъ обсудить этого дѣла. И, говоря, онъ безпрестанно поправлялъ, предварительно вытеревъ его салфеткой, свой моноклъ, плохо державшійся и постоянно падавшій ему въ тарелку.

Дюруа не смѣлъ вставить свое слово. Онъ взглядывалъ по временамъ на свою сосѣдку, полная грудь которой ему нравилась. Брилліантъ на золотой ниточкѣ висѣлъ въ ея ушкѣ, точно капля воды; время отъ времени она вставляла замѣчаніе, постоянно вызывавшее улыбку у присутствующихъ. У нея былъ забавный, живой, шаловливый умъ, безпечно относящійся къ вещамъ и судящій о нихъ съ легкимъ и доброжелательнымъ скептицизмомъ.

Дюруа тщетно ломалъ голову, какой бы ей сказать комплиментъ, и ничего не могъ выдумать, а потому занимался ея дочкой, наливая ей пить, подавалъ блюда, накладывалъ ей кушанья на тарелку. Дѣвочка, болѣе строго державшая себя, чѣмъ мать, благодарила его серьезнымъ тономъ, кивая головой и говоря: — вы очень

любезны,—и слушала то, чтó говорили взрослые, съ разсудительной миной.

Обѣдъ былъ очень хорошъ и всѣ его хвалили. Вальтеръ ѣлъ за троихъ, почти не разговаривалъ и искоса поверхъ очковъ оглядывалъ подносимыя ему кушанья. Норберъ де-Вареннъ соперничалъ съ нимъ и закапалъ рубашку соусомъ.

Форестье улыбался и наблюдалъ за обѣдомъ, обмѣниваясь съ женой многозначительными взглядами, какъ это дѣлаютъ соучастники труднаго дѣла, которое идетъ какъ по маслу.

Лица раскраснѣлись, голоса стали громче. Время отъ времени слуга бормоталъ на ухо гостямъ: „Кортонъ", „Шато-Ларозъ". Кортонъ пришелся по вкусу Дюруа, и онъ каждый разъ подставлялъ свой стаканъ. Пріятная веселость разливалась по его членамъ; онъ чувствовалъ себя отлично, и умственно, и физически.

И ему хотѣлось говорить, обратить на себя вниманіе, заставить себя слушать и оцѣнить этими людьми, каждое слово которыхъ ловилось на лету. Разговоръ, перескакивавшій съ одного предмета на другой, коснулся, наконецъ, запроса Мореля по проекту колонизаціи Алжиріи.

Вальтеръ въ промежутокъ между двумя блюдами успѣлъ вставить нѣсколько шутокъ: умъ у него былъ скептическій и задорный. Форестье разсказалъ содержаніе своей завтрашней статьи. Жакъ Ривалъ требовалъ военнаго правительства и раздачи земель всѣмъ офицерамъ, прослужившимъ тридцать лѣтъ въ колоніи. Такимъ образомъ, говорилъ онъ, вы создадите энергическое общество, хорошо знакомое съ краемъ и успѣвшее полюбить его, знающее туземный языкъ и посвященное во всѣ серьезные мѣстные вопросы, въ которыхъ неизбѣжно путаются новички...

Норберъ де-Вареннъ перебилъ его:

— Да... Они все будутъ знать, за исключеніемъ земледѣлія. Они будутъ говорить по-арабски, но не будутъ умѣть окучивать свекловицу и сѣять хлѣбъ. Они будутъ сильны въ фехтованьѣ, но очень слабы въ вопросѣ объ удобреніяхъ. Слѣдуетъ, напротивъ того, открыть свободный доступъ въ эту новую страну всѣмъ рѣшительно. Умные люди съумѣютъ въ ней устроиться, другіе понесутъ неудачу, таковъ общественный законъ.

Наступило минутное молчаніе. Всѣ улыбались.

Жоржъ Дюруа раскрылъ ротъ и произнесъ голосомъ, который удивилъ его самого, точно онъ впервые себя слышалъ:

— Чего недостаетъ этому краю всего болѣе, это—плодородной земли. Дѣйствительно, плодородныя имѣнія, стоющія тамъ такъ же дорого, какъ и во Франціи, покупаются въ видахъ помѣ-

щенія капиталовъ очень богатыми парижанами. Настоящіе колонисты, бѣдняки, тѣ, которые переселяются отъ того, что имъ ѣсть нечего, оттѣсняются къ пустынѣ, гдѣ ничего не растетъ по недостатку въ водѣ.

Всѣ на него уставились. Онъ покраснѣлъ. Вальтеръ спросилъ:

— Вы знакомы съ Алжиріей?

Онъ отвѣчалъ: — Да, я пробылъ въ ней два съ половиной года и проживалъ въ трехъ провинціяхъ.

Норберъ де-Вареннъ, позабывъ про запросъ Мореля, сталъ разспрашивать его про нравы, о которыхъ онъ слышалъ отъ одного офицера. Его интересовала диковинная маленькая, арабская республика Мзадъ, создавшаяся посреди Сахары въ самой сухой мѣстности этой знойной пустыни.

Дюруа два раза посѣщалъ Мзадъ и разсказалъ о нравахъ этого диковиннаго края, гдѣ капли воды цѣнятся на вѣсъ золота, гдѣ каждый житель обязанъ отбывать всѣ общественныя службы, гдѣ торговая честность доходитъ до такой высокой степени, какая неизвѣстна въ самыхъ цивилизованныхъ странахъ.

Онъ говорилъ съ хвастливымъ краснорѣчіемъ, возбужденный виномъ и желаніемъ понравиться. Онъ разсказалъ полковые анекдоты, черты изъ арабской жизни, военные эпизоды. И съумѣлъ даже найти нѣсколько живописныхъ выраженій для характеристики этихъ несчастныхъ мѣстностей, сожженныхъ жгучими лучами солнца.

Всѣ женщины глядѣли на него. M-me Вальтеръ проговорила своимъ медленнымъ и вялымъ голосомъ:

— Вы могли бы написать нѣсколько прекрасныхъ статей, на основаніи своихъ воспоминаній.—Послѣ этого, самъ Вальтеръ поглядѣлъ на молодого человѣка поверхъ очковъ, какъ онъ это дѣлалъ, когда хотѣлъ хорошенько видѣть.

Форестье воспользовался этой минутой:

— Mon cher patron, я вамъ вѣдь говорилъ про Жоржа Дюруа и просилъ васъ прикомандировать его ко мнѣ для политическихъ справокъ. Съ тѣхъ поръ какъ Марандо насъ оставилъ, у меня нѣтъ никого, кого бы я могъ разсылать за необходимыми справками, и журналъ отъ этого страдаетъ.

Вальтеръ сталъ серьезенъ и совсѣмъ приподнялъ очки, чтобы хорошенько разглядѣть Дюруа. Затѣмъ сказалъ:

— Несомнѣнно, у г. Дюруа оригинальный умъ. Пусть придетъ переговорить со мной завтра въ три часа, и мы это устроимъ.

Послѣ нѣкотораго молчанія онъ повернулся въ сторону молодого человѣка и прибавилъ:

— Напишите намъ немедленно цѣлую серію фантастическихъ очерковъ Алжиріи. Вы разскажете свои воспоминанія и свяжете ихъ съ вопросомъ о колонизаціи, какъ сейчасъ это сдѣлали. Это вопросъ дня, и я увѣренъ, что наши читатели будутъ довольны. Но поторопитесь. Мнѣ надо первую статью на завтра или на послѣ завтра, пока этотъ вопросъ обсуждается въ палатѣ депутатовъ.

А m-me Вальтеръ прибавила съ тѣмъ благосклоннымъ видомъ, съ какимъ вообще говорила:

— И вотъ вамъ прелестное заглавіе: „Воспоминанія африканскаго егеря“, не правда ли, m-r Норберъ?

Старый поэтъ, поздно добившійся извѣстности, ненавидѣлъ и боялся новичковъ. Онъ отвѣчалъ сухимъ тономъ:

— Да, прекрасное заглавіе, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобы содержаніе ему соотвѣтствовало.

М-me Форестье глядѣла на Дюруа покровительственнымъ взглядомъ, который какъ бы говорилъ:—ты успѣешь!

М-me де-Морель нѣсколько разъ поворачивалась въ его сторону и брилліантъ въ ея ушкѣ дрожалъ при этомъ какъ капля воды, готовая скатиться.

Маленькая дѣвочка пребывала неподвижной и серьезной, опустивъ глаза на тарелку.

Слуга обходилъ столъ, наливая въ голубыя рюмки „Johannisberg“, и Форестье провозгласилъ тостъ, кланяясь Вальтеру:

— За долгое процвѣтаніе „Vie Française“!

Всѣ поклонились издателю, который тоже раскланивался со всѣми, а Дюруа, опьянѣвъ отъ торжества, выпилъ вино залпомъ. Онъ выпилъ бы цѣлый боченокъ, какъ ему казалось, съѣлъ быка, задушилъ льва. Онъ чувствовалъ въ своихъ глазахъ нечеловѣческую силу, въ умѣ непобѣдимую рѣшимость и безграничную надежду. Онъ чувствовалъ теперь себя своимъ среди этихъ людей: онъ занялъ позицію, завоевалъ себѣ мѣсто. Взглядъ его съ увѣренностью останавливался на лицахъ и онъ осмѣлился, наконецъ, заговорить съ своей сосѣдкой.

— У васъ прелестнѣйшія серьги, какія я когда-либо видывалъ,—сказалъ онъ.

Она повернулась къ нему съ улыбкой:

— Это моя выдумка, носить брилліанты на ниточкахъ. Неправда ли, похоже на росу?

Онъ пробормоталъ, конфузясь своей смѣлости и опасаясь какъ бы не сказать глупости:

— Это прелестно... но самое ухо украшаетъ серьги.

Она поблагодарила его взглядомъ, однимъ изъ тѣхъ женскихъ взглядовъ, которые пронизываютъ до сердца. А поворачивая голову, онъ встрѣтилъ взглядъ m-me Форестье, по прежнему благосклонный, но какъ будто болѣе оживленный, шаловливый, поощряющій.

Теперь всѣ мужчины говорили разомъ очень громко и жестикулируя: обсуждался проектъ столичной желѣзной дороги. Сюжетъ исчерпался только въ концѣ дессерта, такъ какъ каждый жаловался на медленность сообщеній въ Парижѣ, неудобства конно-желѣзныхъ дорогъ, омнибусовъ и грубость извощиковъ. Послѣ того, перешли изъ столовой въ гостиную, пить кофе. Дюруа шутя предложилъ руку маленькой дѣвочкѣ. Она серьезно поблагодарила его и приподнялась на цыпочкахъ, чтобы просунуть свою ручку подъ локоть своего сосѣда.

Входя въ гостиную, онъ опять представилъ себѣ, что входитъ въ теплицу. Высокія пальмы по четыремъ угламъ комнаты раскидывали подъ потолкомъ свои изящные листья. По обѣимъ сторонамъ камина, круглыя какъ колонны фикусы выставляли ряды своихъ длинныхъ темно-зеленыхъ листьевъ, а на фортепіано красовалось два неизвѣстныхъ куста, покрытыхъ цвѣтами, одинъ весь розовый, а другой весь голубой, казавшіеся какими-то поддѣльными, невѣроятными растеніями, слишкомъ прекрасными для живыхъ цвѣтовъ.

Воздухъ былъ свѣжъ и надушенъ легкими, неопредѣленными духами, которые Дюруа не съумѣлъ бы назвать.

Молодой человѣкъ, теперь вполнѣ освоившійся съ окружающимъ, внимательно оглядѣлъ комнату. Она была не велика; ничто въ ней не бросалось въ глаза, кромѣ растеній, не было яркихъ красокъ, бьющихъ на эффектъ, но было уютно, покойно, привольно.

Стѣны были обтянуты старинной матеріей темно-фіолетоваго цвѣта, покрытой маленькими желтыми цвѣточками. Портьеры изъ сѣраго солдатскаго сукна, по которому вышиты были красныя гвоздики, ниспадали на двери, а кресла и стулья всѣхъ размѣровъ и формъ разставлены въ живописномъ безпорядкѣ по всей комнатѣ: кушетки, громадныя и миніатюрныя кресла, табуреты и пуфы, обитые шелковой матеріей или трипомъ цвѣта crème съ гранатными разводами.

— Угодно вамъ кофе, m-r Дюруа?

И m-me Форестье протянула ему чашку, съ дружеской улыбкой, не сходившей съ ея лица.

— Да, благодарю васъ.

И въ то время какъ онъ наклонялся, чтобы взять сахаръ въ сахарницѣ, которую держала маленькая дѣвочка, молодая женщина сказала вполголоса:

— Подите, полюбезничайте съ m-me Вальтеръ.

И отошла прежде, чѣмъ онъ успѣлъ что-либо отвѣтить. Онъ выпилъ сначала кофе, который боялся пролить на коверъ, потомъ сталъ придумывать предлогъ, чтобы подойти къ старой дамѣ и вступить съ ней въ бесѣду. Вдругъ онъ увидѣлъ, что она держитъ въ рукѣ пустую чашку, съ которой не знаетъ что дѣлать, такъ какъ сидитъ далеко отъ стола.

Онъ бросился къ ней.

— Позвольте вашу чашку.

— Благодарю васъ.

Онъ унесъ чашку, потомъ вернулся къ старухѣ и сказалъ:

— Еслибы вы знали, какія пріятныя минуты я проводилъ, благодаря „Vie Française“, когда былъ въ пустынѣ. Это право единственный журналъ, который можно читать, находясь вдали отъ Франціи, потому что онъ самый литературный, самый остроумный и наименѣе однообразный изъ всѣхъ. Въ немъ все есть.

Она улыбнулась съ любезнымъ равнодушіемъ и серьезно отвѣчала:

— Вальтеру стоило большихъ трудовъ создать этотъ типъ журнала, отвѣчавшаго новымъ требованіямъ.

Они разговорились. Онъ болталъ легко и банально; голосъ у него былъ пріятный, взглядъ ласковый, а усы неотразимы.

Они заговорили о Парижѣ, объ его окрестностяхъ, о берегахъ Сены, о городахъ, гдѣ пьютъ воды, о лѣтнихъ удовольствіяхъ, обо всѣхъ текущихъ предметахъ, о которыхъ можно разсуждать до безконечности, не утомляя головы.

Къ нимъ подошелъ Норберъ де-Вареннъ съ рюмкой ликера въ рукахъ, и Дюруа изъ скромности отошелъ. Его подозвала m-me де-Морель, разговаривавшая съ m-me Форестье.

— Итакъ, вы собираетесь попытать свои силы въ журналистикѣ?—спросила она.

Тогда онъ заговорилъ о своихъ планахъ въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, затѣмъ возобновилъ съ ней разговоръ, который только-что велъ съ m-me Вальтеръ, но такъ какъ онъ теперь лучше владѣлъ этими предметами, то и разговоръ его былъ интереснѣе: онъ повторялъ то, что только-что услышалъ. И, разговаривая, все время глядѣлъ въ глаза своей сосѣдкѣ, какъ бы желая придать болѣе глубокій смыслъ тому, что говорилъ.

Она разсказывала ему, съ своей стороны, анекдоты съ весе-

нымъ оживленіемъ женщины, знающей, что за ней установилась репутація остроумной. Увлекаясь, она среди разговора фамиліарно клала ему руку на рукавъ, понижала голосъ, говоря сущіе пустяки, но которые, такимъ образомъ, получали интимный характеръ. Въ душѣ, его приводила въ восторженное состояніе эта близость молодой женщины, любезничавшей съ нимъ. Онъ бы желалъ выразить ей немедленно свою преданность, взять ее подъ свое покровительство, защитить ее, показать себя героемъ и медленность, съ которой онъ ей отвѣчалъ, происходила отъ его озабоченности.

Но вдругъ безъ всякой причины m-me де-Морель позвала:— Лорина!—и маленькая дѣвочка подошла къ ней.

— Сядь здѣсь, дитя мое, ты простудишься у окошка.

И Дюруа пришла безумная охота поцѣловать дѣвочку, точно этотъ поцѣлуй могъ сблизить его съ матерью.

Онъ сказалъ ей галантнымъ и отеческимъ тономъ:

— Позвольте мнѣ поцѣловать васъ?

Дѣвочка подняла съ удивленіемъ на него глаза: m-me де-Морель отвѣчала, смѣясь:

— Скажи:—извольте, сегодня я позволяю, но только сегодня.

Дюруа сѣлъ и, посадивъ къ себѣ на колѣни Лорину, прикоснулся губами къ завитымъ волосамъ ребенка.

Мать удивилась:—Каково? она не убѣжала! это удивительно. Обыкновенно она позволяетъ себя цѣловать только женщинамъ. Вы неотразимы, m-r Дюруа.

Онъ покраснѣлъ и ни слова не отвѣтилъ, потихоньку качая дѣвочку на колѣняхъ.

M-me Форестье подошла и вскрикнула отъ удивленія:

— Каково? Лорина приручена, что за чудо!

Подошелъ также и Жакъ Риваль съ сигарой во рту, а Дюруа всталъ и рѣшилъ удалиться, боясь, какъ бы не испортить какой-нибудь неловкостью хорошаго впечатлѣнія, произведеннаго имъ.

Онъ раскланялся, нѣжно пожалъ маленькія ручки дамъ и съ силой потрясъ руки мужчинъ. Онъ замѣтилъ, что рука Жака Риваля была сухая и теплая и горячо отвѣчала на его пожатіе, рука Норбера де-Вареннъ была сырая и холодная какъ лягушка, а рука Вальтера холодная и жесткая, безъ энергіи, безъ выраженія, рука Форестье жирная и вялая.

Пріятель сказалъ ему вполголоса:

— Завтра въ три часа, не забудь.

— О, нѣтъ, не бойся.

Очутившись на лѣстницѣ, онъ чуть-было не запрыгалъ, такъ

велика была его радость, и побѣжалъ внизъ черезъ двѣ ступеньки, но вдругъ увидѣлъ въ трюмо второго этажа господина, спѣшившаго ему на-встрѣчу въ прискачку и остановился какъ вкопанный, стыдясь, точно кто его накрылъ на мѣстѣ преступленія.

Послѣ того долго глядѣлся въ зеркало, дивясь тому, что онъ такой красивый малый; наконецъ, улыбнулся самому себѣ привѣтливо и поклонился низко, низко, какъ кланяются важнымъ особамъ.

III.

Когда Жоржъ Дюруа очутился на улицѣ, онъ съ минуту колебался, чтó ему дѣлать. Ему хотѣлось гулять, мечтать, идти куда глаза глядятъ, размышляя о будущемъ, и вдыхалъ теплый ночной воздухъ. Но мысль о статьяхъ, обѣщанныхъ Вальтеру, его преслѣдовала и онъ рѣшилъ вернуться домой и тотчасъ же сѣсть за работу.

Онъ пошелъ большими шагами, дошелъ до наружнаго бульвара и пошелъ по немъ до улицы... въ которой жилъ. Шестиэтажный домъ былъ населенъ двумя десятками семей ремесленниковъ и мѣщанъ. И чувство отвращенія овладѣло имъ, когда онъ шелъ по лѣстницѣ, освѣщая восковыми спичками грязныя ступеньки, на которыхъ валялись обрывки бумаги, папиросные окурки и кухонные отбросы. Ему страстно захотѣлось поскорѣе выбраться отсюда, жить какъ живутъ богатые люди, въ чистыхъ домахъ съ коврами. Тяжелый запахъ кухни, помойной ямы и человѣческихъ испареній, стоялъ неподвижно въ воздухѣ. Старыя стѣны были имъ пропитаны, и никакой сквозной вѣтеръ не могъ прогнать его изъ этого жилища. Комната молодого человѣка, въ пятомъ этажѣ, выходила окнами какъ бы на глубокую пропасть; то была громадная траншея западной желѣзной дороги какъ разъ при входѣ въ туннель у Батиньольскаго дебаркадера.

Дюруа открылъ окно и оперся на перекладину изъ заржавленнаго желѣза. Подъ нимъ на днѣ темной ямы три красныхъ, неподвижныхъ сигнальныхъ фонаря походили на глаза громаднаго чудовища, а дальше виднѣлись другіе, а еще дальше, опять такіе же.

Каждую минуту въ темнотѣ раздавались продолжительные или короткіе свистки, одни поблизости, другіе едва слышные и доносившіеся изъ-за Аньера. Въ нихъ замѣтны были модуляціи, какъ въ человѣческомъ голосѣ. Одинъ изъ нихъ приближался, непрестанно испуская свой жалобный крикъ, становившійся все

слышнѣе и слышнѣе и вскорѣ показался большой желтый фонарь, бѣжавшій съ большимъ шумомъ, и Дюруа увидѣлъ, какъ длинная цѣпь вагоновъ нырнула въ туннель.

Тутъ онъ сказалъ себѣ:—Ну, сяду-ка я за работу.—Онъ поставилъ свѣчу на столъ, но садясь за него, вспомнилъ, что у него есть только почтовая бумага.

Не бѣда. Онъ воспользуется ею, и будетъ писать на раскрытыхъ мѣстахъ. Онъ обмакнулъ перо въ чернила и написалъ заглавіе самымъ красивымъ почеркомъ:

„Воспоминанія африканскаго егеря". Потомъ сталъ придумывать начало первой фразы. Онъ поддерживалъ лобъ рукой, устремивъ глаза въ бѣлую четвертушку бумаги, развернутую передъ нимъ.

Что же онъ напишетъ? Ему теперь рѣшительно ничего не лѣзло въ голову изъ того, что онъ недавно разсказывалъ: ни одного анекдота, ни одного факта, ничего ровно.

Вдругъ онъ подумалъ: — Надобно начать съ моего отъѣзда. И написалъ:

„Дѣло было въ 1874 г. въ половинѣ мая; когда истощенная Франція отдыхала послѣ катастрофы тяжкой годины"...

И остановился... дальше ничего въ голову не лѣзло, онъ рѣшительно не зналъ, какъ перейти къ послѣдующему, къ своему отплытію, путешествію, первымъ впечатлѣніямъ. Послѣ десятиминутныхъ размышленій, онъ рѣшилъ отложить вступленіе до завтра и начать сразу съ описанія Алжира.

И написалъ на листкѣ:—„Алжиръ городъ, поражающій своей бѣлизной..." и дальше ни слова, хоть тресни.

Ему представился въ умѣ хорошенькій, свѣтлый городъ, разсыпавшій каскадъ своихъ плоскихъ домовъ съ вершины горы къ морю, но онъ не находилъ ни единаго слова, чтобы выразить то, что онъ думалъ и то, что онъ чувствовалъ.

Послѣ большихъ усилій, онъ прибавилъ:

„Онъ населенъ частію арабами..." затѣмъ бросилъ перо на столъ и всталъ.

На маленькой желѣзной кровати, гдѣ онъ успѣлъ продавить своимъ тѣломъ впадину, онъ увидѣлъ свое каждодневное платье, брошенное зря, измятое, потасканное, безобразное, какъ платье, складываемое въ мертвецкой, а на соломенномъ стулѣ валялось его шляпа, единственная, какая у него имѣлась полями вверхъ, точно дожидалась, чтобы въ нее опустили милостыню.

Стѣны, обитыя сѣрыми обоями съ голубыми букетиками, покрыты были пятнами давнишними, подозрительными, происхожде-

ніе которыхъ трудно было бы опредѣлить: были ли то слѣды раздавленныхъ насѣкомыхъ, или масляныя пятна, оставшіяся отъ жирныхъ пальцевъ или же отъ мыльной пѣны, брызгавшей во время мытья.

Все носило характеръ постыдной парижской нищеты. И въ немъ проснулось озлобленіе на свое бѣдное житье. Онъ говорилъ себѣ, что надо выбраться изъ этого тотчасъ же, что необходимо завтра же покончить съ этимъ нищенскимъ существованіемъ.

И снова охваченный желаніемъ труда, онъ усѣлся за столъ и сталъ придумывать фразы, чтобы хорошенько передать оригинальную и прелестную физіономію Алжира, этого преддверія таинственной и непостижимой Африки, страны кочующихъ арабовъ и неизвѣстныхъ негровъ,—Африки неизвѣданной и соблазнительной, населенной невѣроятными звѣрями, которыхъ намъ показываютъ въ нашихъ общественныхъ садахъ, звѣрями, какъ бы созданными для волшебныхъ сказокъ: страусовъ, этихъ нелѣпыхъ куръ, газелей, божественныхъ козъ, ни съ чѣмъ несообразныхъ жирафовъ, степенныхъ верблюдовъ, чудовищныхъ бегемотовъ, безобразныхъ носороговъ и гориллъ—этихъ страшныхъ братьевъ человѣка.

Въ немъ шевелились смутныя мысли, онъ бы ихъ, можетъ быть, и высказалъ, но не умѣлъ ихъ написать. И эта неумѣлость бѣсила его; онъ снова всталъ, весь вспотѣвъ отъ усилія и чувствуя, какъ у него жилы бьются на вискахъ.

Глаза его упали на счетъ прачки, который привратникъ положилъ въ его комнату, и внезапно имъ овладѣло отчаяніе. Вся его радость испарилась вмѣстѣ съ вѣрой въ себя и въ свое будущее. Кончено, все кончено; онъ ничего не сдѣлаетъ; онъ чувствуетъ, что пустъ, неспособенъ, безполезенъ, отпѣтъ.

Онъ опять подошелъ къ окну и облокотился какъ-разъ въ ту минуту, какъ изъ-подъ туннеля выходилъ поѣздъ съ внезапнымъ и громкимъ шумомъ. Онъ уходилъ въ даль, мимо полей и равнинъ, къ морю.

И Дюруа припомнились его родители. Этотъ поѣздъ пройдетъ мимо нихъ, всего лишь въ нѣсколькихъ льё отъ ихъ дома. Ему представился маленькій домикъ на холмѣ, господствующемъ надъ Руаномъ, и обширная долина Сены у входа въ селеніе Котле. Его отецъ и мать содержали кабачекъ, родъ трактирчика, куда по воскресеньямъ приходили завтракать пригородные буржуа. Они хотѣли, чтобы сынъ ихъ сталъ господиномъ, и отдали его въ коллежъ. Окончивъ курсъ наукъ и не добившись степени баккалавра, онъ поступилъ въ военную службу, съ намѣреніемъ

дослужиться до офицера, полковника, генерала. Но военная служба опротивѣла ему задолго до истеченія обязательнаго пяти-лѣтняго срока и онъ сталъ мечтать о томъ, чтобы отправиться въ Парижъ и тамъ пробить себѣ дорогу.

Онъ пріѣхалъ въ Парижъ по истеченіи срока службы, не смотря на просьбы отца съ матерью, которые теперь, когда ихъ мечта не осуществилась, желали удержать сына при себѣ, но онъ въ свою очередь мечталъ составить карьеру: ему казалось, что онъ непремѣнно восторжествуетъ, благодаря событіямъ, еще смутно рисовавшимся въ его умѣ, но которыя, онъ въ томъ не сомнѣвался, непремѣнно произойдутъ и онъ ими воспользуется. Въ полку онъ одержалъ нѣсколько гарнизонныхъ побѣдъ, могъ похвалиться любовными похожденіями не только низменнаго пошиба, но и въ болѣе высокомъ кругѣ. Онъ соблазнилъ дочь сборщика податей, которая хотѣла все бросить, чтобы послѣдовать за нимъ, и жену адвоката, которая хотѣла утопиться въ отчаяніи, когда онъ ее бросилъ. Товарищи говорили про него:—Онъ ловкій малый, онъ пронырa и съумѣетъ пробить себѣ дорогу. И онъ обѣщалъ себѣ, что дѣйствительно будетъ ловкимъ малымъ и пронырой.

Совѣсть у него, нормандца по рожденію,—послѣ того какъ онъ велъ гарнизонную жизнь, благодаря мародерству, практиковавшемуся въ Африкѣ, незаконнымъ поборамъ, двусмысленнымъ сдѣлкамъ, удивительнымъ образомъ уживавшимся съ понятіями о чести, распространенными въ арміи, воинственными бравадами, патріотическими чувствами, великодушными анекдотами, ходившими между унтеръ-офицерами,—превратилась въ родъ ящика съ сюрпризами, въ которомъ можно было найти все, что хочешь.

Но желаніе карьеры господствовало надо всѣмъ.

Онъ, самъ того не замѣчая, принялся мечтать, какъ это дѣлалъ каждый вечеръ. Онъ воображалъ великолѣпный любовный романъ, благодаря которому онъ сразу достигнетъ желаемаго. Онъ женится на дочери банкира или какого-нибудь вельможи, которую встрѣтитъ на улицѣ и сразу влюбитъ въ себя.

Рѣзкій свистокъ локомотива, одиноко выскочившаго изъ туннеля, точно кроликъ изъ норы, и со всѣхъ паровъ бѣжавшаго по рельсамъ, вывелъ его изъ задумчивости.

Тогда, вновь охваченный смутной и радостной надеждой, витавшей въ его умѣ, онъ послалъ поцѣлуй въ темноту женщинѣ, о которой мечталъ, и богатству, котораго ему такъ страстно хотѣлось; послѣ этого онъ закрылъ окно и сталъ раздѣваться, пробормотавъ:

— Ну! завтра поутру я буду лучше настроенъ; сегодня вечеромъ у меня голова утомлена. И притомъ, я, можетъ быть, выпилъ лишнее. При такихъ условіяхъ трудно работать.

Онъ легъ въ постель, задулъ свѣчу и почти тотчасъ же заснулъ.

Онъ проснулся рано, какъ это всегда бываетъ въ дни надежды или тревоги, и вскочивъ съ постели, подбѣжалъ къ окну, чтобы выпить чашку свѣжаго воздуха, какъ онъ говорилъ.

Дома Римской улицы по ту сторону широкой желѣзно-дорожной канавы были залиты яркими лучами солнца. По правую руку отъ него вдали виднѣлись холмы Аржантейля, Ланнуа и мельницы Оржмона, окутанные легкой синеватой дымкой, точно прозрачнымъ покрываломъ, наброшеннымъ на горизонтъ.

Дюруа нѣсколько минутъ глядѣлъ на далекую окрестность и пробормоталъ:—какъ тамъ должно быть хорошо въ такой день, какъ сегодня. Послѣ этого онъ подумалъ, что ему необходимо тотчасъ же сѣсть за работу и вмѣстѣ съ тѣмъ послать, уплативъ за это десять су, своего привратника въ правленіе желѣзной дороги, извѣстить о томъ, что онъ боленъ.

Онъ сѣлъ за столъ, обмакнулъ перо въ чернильницу, подперъ лобъ рукою и сталъ искать идей. Но тщетно, ничто не приходило. Онъ, однако, не отчаявался.

Онъ подумалъ: — Да! у меня нѣтъ навыка къ этому дѣлу. Этому ремеслу надо учиться, какъ и всякому другому. Необходимо, чтобы мнѣ помогли на первый разъ. Пойду къ Форестье и онъ въ десять минутъ обработаетъ мнѣ мою статью.

И сталъ одѣваться.

Выйдя на улицу, онъ подумалъ, что еще рано идти къ пріятелю, который навѣрное поздно встаетъ по утрамъ. И сталъ гулять подъ деревьями наружнаго бульвара.

Еще не было девяти часовъ и онъ прошелъ въ паркъ Монсо, еще не успѣвшій просохнуть послѣ поливки.

Усѣвшись на скамейку, онъ принялся опять мечтать. Какой-то молодой человѣкъ, очень изящный, расхаживалъ взадъ и впередъ, очевидно кого-то поджидая. Она появилась, подъ густымъ вуалемъ, подошла къ нему быстрыми шагами и, пожавъ ему руку, взяла его подъ руку и они удалились.

Бурное желаніе любви охватило сердце Дюруа,—потребность любви изящной, благоуханной, поэтической. Онъ всталъ и пошелъ дальше, думая о Форестье. Вотъ счастливецъ-то! Онъ подошелъ къ его двери, въ ту минуту, какъ тотъ уходилъ.

— Это ты! въ такой ранній часъ! что тебѣ отъ меня нужно?

Дюруа, смущенный, пробормоталъ:

— Да вотъ... видишь ли, я никакъ не могу справиться съ своей статьей, знаешь, статьей, которую Вальтеръ просилъ меня написать объ Алжиріи. Это неудивительно, такъ какъ я никогда ничего не писалъ. Тутъ нужна практика, какъ и во всякомъ дѣлѣ. Я увѣренъ, что скоро съ нимъ освоюсь, но для начала не знаю, какъ взяться за дѣло. У меня есть мысли въ головѣ, но я не умѣю ихъ выразить на бумагѣ.—Онъ сконфуженно замолчалъ. Форестье отвѣчалъ, улыбаясь:

— Знаю, знаю.

Дюруа продолжалъ:

— Да, это, должно быть, со всякимъ бываетъ вначалѣ. Ну вотъ... я пришелъ попросить тебя... помочь мнѣ. Въ какихъ-нибудь десять минутъ ты меня научишь, какъ взяться за дѣло. Ты дашь мнѣ урокъ слегка, а безъ тебя мнѣ не справиться.

Тотъ все улыбался съ веселымъ видомъ. Онъ похлопалъ по рукѣ своего прежняго товарища и сказалъ ему:—Ступай къ моей женѣ; она уладитъ твое дѣло такъ же хорошо,. какъ и я; я ее къ этому пріучилъ. Мнѣ сегодня некогда, иначе я бы съ удовольствіемъ сдѣлалъ это.

Дюруа не рѣшался:—Но какъ же въ такой ранній часъ, не могу же я явиться къ ней...

— Можешь, можешь. Она встала. Ты найдешь ее уже за работой; она собираетъ для меня матеріалы.

Тотъ все-таки отказывался идти на верхъ.

— Нѣтъ... это невозможно.

Форестье взялъ его за плечи, перевернулъ и, толкнувъ къ лѣстницѣ, сказалъ:

— Ступай же, ступай, дуракъ, когда я говорю тебѣ. Неужто же ты хочешь, чтобы я опять карабкался по лѣстницѣ, чтобы представить тебя и объяснить, въ чемъ дѣло.

Тогда Дюруа рѣшился: — Благодарю; я пойду къ ней, но скажу, что ты меня заставилъ придти.

— Да, да. Она тебя не съѣстъ, не бойся. Главное, не забудь придти въ три часа въ редакцію.

— О, нѣтъ, будь спокоенъ.

И Форестье поспѣшно ушелъ, а Дюруа медленно сталъ подниматься по лѣстницѣ, придумывая, что ему сказать, и тревожась о томъ, какой-то онъ встрѣтитъ пріемъ.

Слуга пришелъ отворить ему дверь.

На немъ былъ синій фартукъ и онъ держалъ въ рукахъ половую щетку.

— Барина нѣтъ дома,—сказалъ онъ, не дожидаясь вопроса.

— Спросите у барыни: можетъ ли она меня принять и предупредите ее, что меня къ ней прислалъ баринъ,—я его сейчасъ встрѣтилъ на улицѣ.

И сталъ ждать.

Слуга вернулся, отворилъ дверь направо и сказалъ:

— Пожалуйте.

Она сидѣла передъ письменнымъ столомъ въ небольшой комнаткѣ; стѣны въ ней были сверху до низу заставлены книгами на полкахъ чернаго дерева, такъ что ихъ совсѣмъ не было видно. Переплеты различныхъ цвѣтовъ: красные, желтые, зеленые, лиловые и голубые оживляли нѣсколько однообразные ряды книгъ.

Она повернулась къ нему, улыбающаяся. На ней былъ бѣлый пеньюаръ, обшитый кружевами, и она протянула руку, которую было видно почти до самаго плеча, благодаря широкому рукаву.

— Какъ, это вы?—сказала она, потомъ прибавила:—Это не упрекъ, но простой вопросъ.

Онъ пробормоталъ:

— О! я не хотѣлъ идти, но вашъ мужъ... я его встрѣтилъ внизу... заставилъ меня. Мнѣ такъ совѣстно, что я не смѣю сказать, зачѣмъ пришелъ.

Она указала на стулъ:

— Садитесь и говорите.

Въ рукахъ она вертѣла гусиное перо, а передъ ней лежалъ бѣлый листъ бумаги, на половину исписанный.

Она, очевидно, чувствовала себя такъ же ловко за письменнымъ столомъ, какъ и у себя въ гостиной. Отъ нея пахло духами. Дюруа мерещились очертанія ея молодого и свѣжаго тѣла, мягко охваченнаго тонкой матеріей.

Такъ какъ онъ молчалъ, то она опять спросила:

— Ну, въ чемъ же дѣло, говорите.

Онъ пробормоталъ:

— Вотъ... но, право, я не смѣю... вчера вечеромъ я принялся-было за работу... и сегодня рано поутру... чтобы написать статью объ Алжиріи, которую просилъ Вальтеръ... и у меня ничего не вышло... я разорвалъ все, что̀ написалъ... я не привыкъ къ этой работѣ... и пришелъ къ Форестье, попросить его мнѣ помочь... на этотъ разъ...

Она перебила его, весело смѣясь, счастливая и польщенная:

— А онъ васъ прислалъ ко мнѣ... Вотъ это мило.

Дюруа пробормоталъ:

— Да, онъ сказалъ мнѣ, что вы меня выручите даже лучше его самого... но я не смѣлъ... вы понимаете.

Она встала.

— Мнѣ будетъ очень весело работать вмѣстѣ съ вами; ваша идея мнѣ очень нравится! Садитесь на мое мѣсто и пишите, потому что въ редакціи знаютъ мой почеркъ. Мы съ вами сочинимъ такую статью, что она произведетъ фуроръ.

Онъ сѣлъ, взялъ перо, развернулъ передъ собой листъ бумаги и ждалъ.

М-me Форестье, стоя возлѣ, глядѣла на его приготовленія, затѣмъ взяла папироску съ камина и закурила ее.

— Я не могу работать, не куря,—сказала она.—Ну-съ, что вы хотите разсказать?

Онъ взглянулъ на нее съ удивленіемъ:

— Да я самъ не знаю, потому-то я и пришелъ къ вамъ; я жду, что вы мнѣ поможете.

— Разумѣется, я вамъ помогу; я приготовлю соусъ, но мнѣ нужна провизія.

Онъ смущенно молчалъ, наконецъ, сказалъ, запинаясь:

— Я бы желалъ разсказать свое путешествіе съ самаго начала...

Она сѣла напротивъ него по другую сторону стола и глядя на него во всѣ глаза, сказала:

— Ну, разскажите мнѣ это сначала какъ бы для меня одной, понимаете. Разсказывайте какъ можно подробнѣе, а я выберу то, чтò годится.

Но такъ какъ онъ не зналъ, съ чего начать, она принялась его разспрашивать, какъ священникъ на исповѣди, и ея вопросы напоминали ему тысячу позабытыхъ мелочей, разныя подробности, лица, мимолетныя встрѣчи.

Проэкзаменовавъ его такимъ образомъ въ продолженіе четверти часа, она вдругъ перебила его:—Ну, теперь мы начнемъ. Прежде всего мы предположимъ, что вы сообщаете какому-нибудь пріятелю свои впечатлѣнія и это позволитъ вамъ говорить всякія глупости, дѣлать разныя замѣчанія, быть естественнымъ и забавнымъ, если можно.

Начинайте.

„Любезный Анри, ты хочешь знать, чтò такое Алжирія; хорошо, твое желаніе будетъ исполнено. Я буду писать тебѣ,—такъ какъ мнѣ нечего больше дѣлать въ маленькой глиняной мазанкѣ, которая служитъ мнѣ жилищемъ,—родъ дневника, день за днемъ, часъ за часомъ. Будутъ, конечно, порою попадаться игривыя мѣстечки, но чтожъ дѣлать! ты, впрочемъ, вѣдь не обязанъ показывать моего дневника своимъ знакомымъ дамамъ“...

Она пріостановилась, чтобы зажечь потухшую папироску, и вмѣстѣ съ тѣмъ умолкъ скрипъ пера по бумагѣ.

— Идемъ дальше,—сказала она:—„Алжирія—это большая французская страна на границѣ съ неизвѣстными странами, называемыми: Пустыней, Сахарой, Центральной Африкой и пр. и пр. Алжиръ—хорошенькая, бѣлая дверь, ведущая въ эти таинственныя страны. Но, во-первыхъ, надо туда отправиться, чтò не всякому покажется сладкимъ. Я, какъ тебѣ извѣстно, отличный наѣздникъ, такъ какъ дрессирую лошадей для полковника, но можно быть хорошимъ наѣздникомъ и очень плохимъ морякомъ. Это какъ разъ моя исторія. Помнишь ли ты майора Синибрета, котораго мы называли докторъ Спека? Когда мы находили, что пора отдохнуть намъ сутки или двое въ лазаретѣ, то являлись къ нему на осмотръ. Онъ сидѣлъ на стулѣ, разставивъ толстыя ляжки въ красныхъ штанахъ, упираясь руками въ колѣни, оттопыривъ локти и ворочая вытаращенными глазами, кусая свой бѣлый усъ. Ты помнишь его предписанія? Этотъ солдатъ страдаетъ разстройствомъ желудка. Дайте ему рвотнаго № 5, по моему рецепту, затѣмъ часовъ двѣнадцать покоя и онъ поправится.

„Это рвотное было всеобщей и неотразимой панацеей. И его, дѣлать нечего, принимали, потому что это было неизбѣжно. Затѣмъ, подчинившись предписанію доктора Спека, наслаждались двѣнадцатью часами вполнѣ заслуженнаго покоя! Ну вотъ, mon cher, чтобы достигнуть Африки, нужно принимать въ продолженіе сорока часовъ иного сорта рвотное, по рецепту Трансатлантической кампаніи".

M-me Форестье потирала руки, вполнѣ довольная своимъ вступленіемъ. Она встала и принялась ходить, закуривъ другую папироску, и диктовала, пуская тоненькія струйки дыма, расходившіяся по комнатѣ, оставляя въ пространствѣ слѣдъ, подобный паутинкамъ. По временамъ она махала другой свободной рукой, чтобы разсѣять эти мелкіе слѣды.

Дюруа, поднявъ глаза, слѣдилъ за всѣми ея жестами, за всѣми движеніями ея тѣла и лица и этой машинальной борьбой съ дымомъ, въ которой не участвовалъ умъ, занятый иной работой.

Теперь она придумывала перипетіи пути, описывала спутниковъ, измышленныхъ ею, и присочинила даже любовное похожденіе съ женой линейнаго капитана, отправлявшейся къ мужу.

Потомъ, усѣвшись на мѣстѣ, принялась разспрашивать Дюруа о топографіи Алжиріи, совершенно ей незнакомой. Въ какихъ-нибудь десять минутъ она узнала столько же, сколько и онъ, и

сочинила небольшую главу политической и колоніальной географіи, чтобы подготовить читателя и дать ему понять, какіе важные вопросы будутъ обсуждаться въ слѣдующихъ статьяхъ.

Послѣ того она перешла къ экскурсіи по провинціи Оранъ, экскурсіи фантастической, конечно, гдѣ только и рѣчи было, что о женщинахъ: мавританкахъ, еврейкахъ, испанкахъ и пр.

— Только это и интересуетъ читателей,—говорила она.

Она окончила пребываніемъ въ Сандѣ, у подошвы высокихъ горъ, и забавной интригой между унтеръ-офицеромъ Жоржемъ Дюруа и испанкой, работницей на одной изъ туземныхъ фабрикъ. Она описывала свиданія по ночамъ въ скалистыхъ и обнаженныхъ горахъ, когда въ нихъ кричатъ, лаютъ и воютъ шакалы, гіены и арабскія собаки. И веселымъ голосомъ произнесла: „Продолженіе завтра". И вставъ съ мѣста, прибавила:

— Вотъ какъ пишутся статьи, mon cher monsieur, теперь подпишитесь.

Онъ колебался.

— Да подписывайте же.

Тутъ онъ засмѣялся и написалъ внизу страницы: „Жоржъ Дюруа".

Она продолжала курить и ходила по комнатѣ. Онъ глядѣлъ на нее и ничего не находилъ, чтò ей сказать, какъ ее отблагодарить. Онъ былъ счастливъ, чтò находится возлѣ нея, преисполненъ благодарности и наслаждался зарождающейся близостью между ними. Ему казалось, чтò все, что ихъ окружало, было частицей ея самой, все, даже стѣны, заставленныя книгами, стулья, мебель, воздухъ, гдѣ носился табачный запахъ, имѣли что-то особенное, хорошее, доброе, прелестное, исходившее отъ нея. Вдругъ она спросила:

— Какъ вы находите мою пріятельницу, m-me де-Морель?

Онъ удивился.

— Я нахожу... я нахожу ее очень привлекательной.

— Неправда-ли?

— Да, конечно.

Онъ хотѣлъ прибавить:—но вы лучше.

И не рѣшился.

Она продолжала:

— И еслибы вы знали, какая она забавная, оригинальная, умная. Она сорви-голова, о! да! настоящая сорви-голова и за это ея мужъ не любитъ ее. Онъ видѣлъ только дурныя стороны, но не оцѣниаетъ хорошихъ.

Дюруа былъ пораженъ, узнавъ что m-me де-Морель замужемъ. А между тѣмъ, какъ же иначе. Онъ спросилъ:

— Вотъ какъ, она замужемъ? а что же дѣлаетъ ея мужъ?

M-me Форестье слегка двинула плечами и бровями, весьма многозначительно, хотя и непонятно.

— О! онъ служитъ инспекторомъ на сѣверной желѣзной дорогѣ. Онъ проводитъ въ Парижѣ восемь дней въ году. Жена его называетъ это: „обязательной службой", а то еще „святой недѣлей". Когда вы съ ней познакомитесь поближе, вы узнаете, какая она забавная и милая. Побывайте у нея на дняхъ.

Дюруа и не думалъ уходить; ему казалось, что онъ вѣчно тутъ останется, что онъ у себя дома.

Но дверь отворилась безъ шума, и высокій господинъ вошелъ безъ доклада.

Онъ остановился, увидя мужчину. M-me Форестье какъ будто на минуту сконфузилась, затѣмъ сказала самымъ непринужденнымъ тономъ, хотя легкая краска покрыла ея лицо и шею.

— Входите, входите, mon cher. Позвольте вамъ представить хорошаго пріятеля Шарля, m-r Жоржа Дюруа, будущаго журналиста.—Потомъ, перемѣнивъ тонъ, прибавила:

— Лучшій и ближайшій нашъ другъ, m-r де-Водрекъ.

Оба мужчины поклонились другъ другу, поглядѣвъ пристально въ глаза одинъ другому, и Дюруа тотчасъ же ушелъ.

Его не удерживали. Онъ пробормоталъ нѣсколько благодарственныхъ словъ, пожалъ протянутую ему ручку молодой женщины, поклонился еще разъ вновь пришедшему, который продолжалъ глядѣть холодно и серьезно, какъ настоящій свѣтскій человѣкъ, и ушелъ совсѣмъ сконфуженный, точно сдѣлалъ какую-то глупость.

Очутившись на улицѣ, онъ почувствовалъ себя печальнымъ, недовольнымъ; его угнетало смутное ощущеніе какого-то горя. Онъ шелъ впередъ, спрашивая себя: откуда въ немъ эта внезапная меланхолія, и не находилъ отвѣта, только строгое лицо де-Водрека, уже не молодого, съ сѣдыми волосами и спокойнымъ и дерзкимъ видомъ очень богатаго и самоувѣреннаго человѣка, неотступно преслѣдовало его.

И онъ сообразилъ, что приходъ этого человѣка, разстроившій прелестный „tête-à-tête", въ которомъ сердце его согрѣлось, вызвалъ въ немъ это ощущеніе холода и безнадежности, которая порою просыпается въ насъ отъ какого-нибудь слова, сказаннаго вскользь, отъ мимолетнаго непріятнаго впечатлѣнія, словомъ, отъ какого-нибудь пустяка.

И ему казалось также, что этотъ человѣкъ, хотя онъ и не могъ отгадать почему, былъ недоволенъ тѣмъ, что засталъ его у m-me Форестье. Ему нечего было дѣлать до трехъ часовъ, а теперь былъ полдень, у него оставалось въ карманѣ шесть франковъ пятьдесятъ сантимовъ. Онъ пошелъ позавтракать въ „Bouillon Duval“. Затѣмъ бродилъ по бульвару, и когда пробило три часа, взошелъ по лѣстницѣ-рекламѣ „Vie Française“.

Конторщики сидѣли на лавкѣ, скрестивъ руки, а на возвышеніи, въ родѣ небольшой профессорской каѳедры, управляющій конторой разбиралъ только-что прибывшую корреспонденцію. Mise-en-scène была превосходная и разсчитана на то, чтобы пускать пыль въ глаза посѣтителей. Всѣ служащіе были чопорны, важны, преисполнены чувства собственнаго достоинства и шика, какъ и слѣдовало быть въ передней самаго парижскаго и самаго свѣтскаго изъ утреннихъ журналовъ.

Дюруа спросилъ:—Г-нъ Вальтеръ дома?

Управляющій конторой отвѣчалъ:

— Г. издатель занятъ. Неугодно ли вамъ подождать.

И указалъ на пріемную, уже биткомъ набитую народомъ. Тамъ можно было видѣть солидныхъ господъ съ орденами и очень важныхъ, а также и растрепанныя фигуры въ невидимкѣ бѣльѣ, въ застегнутыхъ на-глухо сюртюкахъ, засаленныхъ и напоминавшихъ своими пятнами очертанія морей и суши на географическихъ картахъ. Три женщины находились въ числѣ ихъ; одна была хорошенькая, улыбающаяся, нарядная и походила на кокотку. Ея сосѣдка съ трагическимъ, морщинистымъ, увядшимъ лицомъ, хотя и разодѣтая въ строгомъ вкусѣ, имѣла нѣчто потасканное и искусственное въ своей фигурѣ, отличающее бывшихъ актрисъ, какую-то поддѣльную моложавость, точно ароматъ затхлой любви. Третья женщина въ траурѣ жалась въ уголку, съ видомъ безутѣшной вдовы. Дюруа подумалъ, что она пришла просить милостыни. Однако, редакторъ не являлся, и прошло уже болѣе двадцати минутъ. Тогда Дюруа вдругъ надумался, и обратившись къ управляющему конторой, сказалъ:

— Г. Вальтеръ назначилъ мнѣ свиданіе сегодня въ три часа. Во всякомъ случаѣ узнайте, не здѣсь ли мой пріятель Форестье.

Тогда его повели черезъ длинный корридоръ въ большую залу, гдѣ четыре господина писали вокругъ большого зеленаго стола.

Форестье, стоя у камина, курилъ папироску и игралъ въ бильбоке. Онъ былъ очень искусенъ въ этой игрѣ и почти каждый разъ сажалъ на остріе громадный желтый шаръ изъ букса. Онъ

считалъ: двадцать-два, двадцать-три, двадцать-четыре, двадцать-пять.

Дюруа произнесъ:—Двадцать шесть,—и его пріятель, поднявъ глаза, проговорилъ, не прерывая правильнаго движенія руки:—А! вотъ и ты. Вчера я попалъ пятьдесятъ-семь разъ сряду. Одинъ только Сенъ-Потенъ искуснѣе меня. Видѣлъ ты хозяина? Ничего не можетъ быть смѣшнѣе какъ видѣть эту старую образину Норбера играющимъ въ бильбоке. Онъ раскрываетъ ротъ, точно собирается проглотить шаръ.

Одинъ изъ сотрудниковъ повернулъ голову въ его сторону.

— Послушай Форестье, я узналъ, что продается великолѣпное бильбоке изъ розоваго дерева. Говорятъ, оно принадлежало испанской королевѣ. За него просятъ шестьдесятъ франковъ. Это недорого.

Форестье спросилъ:

— Гдѣ же оно обрѣтается?

И такъ какъ промахнулся въ эту минуту на тридцать-седьмомъ ударѣ, то раскрылъ шкапъ, гдѣ Дюруа увидѣлъ штукъ двадцать великолѣпныхъ бильбоке, разставленныхъ и перенумерованныхъ точно въ какой-нибудь коллекціи. Поставивъ свою игрушку на обычное мѣсто, онъ повторилъ:—гдѣ же обрѣтается это сокровище?—Журналистъ отвѣчалъ:

— У одного торговца билетами въ „Vaudeville“. Я принесу тебѣ завтра эту вещицу, если желаешь.

— Да, пожалуйста. Если она въ самомъ дѣлѣ хороша, я ее куплю. Чѣмъ больше бильбоке, тѣмъ лучше. И обращаясь къ Дюруа, прибавилъ:

— Пойдемъ, я проведу тебя къ хозяину; иначе ты можешь просидѣть здѣсь до семи часовъ вечера.

Они снова перешли черезъ пріемную комнату, гдѣ тѣ же лица сидѣли въ томъ же порядкѣ. Какъ только Форестье появился, молодая женщина и старая актриса встали поспѣшно и подошли къ нему.

Онъ увелъ ихъ одну за другой въ амбразуру окна, и хотя они говорили шопотомъ, Дюруа услышалъ, что онъ говорилъ „ты“ той и другой. Послѣ этого, толкнувъ дверь, обитую сукномъ, они прошли къ издателю. Совѣщаніе, длившееся слишкомъ уже часъ, оказалось партіей въ экартэ съ нѣсколькими господами въ цилиндрахъ, которыхъ Дюруа замѣтилъ наканунѣ.

Вальтеръ держалъ карты и игралъ съ сосредоточеннымъ вниманіемъ и осторожно, хитро и боязливо клалъ на столъ карты старческими, дрожащими руками, между тѣмъ, какъ его против-

никъ сдавалъ, собиралъ, бросалъ карты и подбиралъ взятки съ ловкостью, быстротой и щегольствомъ опытнаго игрока. Норберъ де-Вареннъ писалъ статью, сидя на редакторскомъ креслѣ, а Жакъ Риваль, растянувшись во весь ростъ на диванѣ, курилъ сигару съ закрытыми глазами.

Воздухъ былъ спертый, пахло кожей, которой была обита мебель, табакомъ и печатной бумагой,—тѣмъ особеннымъ запахомъ, царствующимъ въ типографіяхъ и знакомымъ всѣмъ журналистамъ.

На столѣ изъ чернаго дерева съ мѣдными инкрустаціями, валялась невѣроятная куча рукописей, открытыхъ писемъ, газетъ, журналовъ, счетовъ отъ различныхъ поставщиковъ, и всякой другой печатной бумаги. Форестье пожалъ руки игрокамъ и за спиной у нихъ слѣдилъ, не говоря ни слова, за игрой, и когда Вальтеръ выигралъ, представилъ ему Дюруа:

— Вотъ мой пріятель, Дюруа.—Старый редакторъ внимательно оглядѣлъ молодого человѣка съ свойственной ему манерой и скашивая глаза поверхъ очковъ, и затѣмъ спросилъ:

— Принесли вы мнѣ обѣщанную статью? Она была бы какъ нельзя болѣе кстати сегодня, когда обсуждается запросъ Мореля.

Дюруа вынулъ изъ кармана листки бумаги, сложенные вчетверо, и подалъ:

— Вотъ она.

Старикъ остался, повидимому, очень доволенъ и, улыбаясь, замѣтилъ:

— Прекрасно, прекрасно, на ваше слово можно положиться. Просмотрите-ка это, Форестье.

Но Форестье поспѣшно отвѣчалъ:

— Это безполезно, г. Вальтеръ. Я самъ составлялъ съ нимъ хронику, чтобы научить его тайнамъ ремесла. Статья очень хороша.

Редакторъ, подбиравшій въ это время карты, которыя сдавалъ, высокій, худощавый господинъ, депутатъ лѣваго центра, прибавилъ равнодушно:

— Ну вотъ и отлично.

Форестье не далъ ему начать новую партію и нагнувшись къ его уху:

— Вы помните, что обѣщали мнѣ пригласить Дюруа на мѣсто Маранбо. Разрѣшаете мнѣ договориться съ нимъ на тѣхъ же условіяхъ?

— Да, да, хорошо.

И журналистъ, взявъ подъ руку пріятеля, потащилъ его за собой, между тѣмъ какъ Вальтеръ началъ новую партію.

Норберъ де-Вареннъ не поднималъ головы и какъ будто не узналъ Дюруа, а Жакъ Риваль, напротивъ того, пожалъ ему руку съ горячностью и энергіей добраго товарища, на котораго можно разсчитывать въ случаѣ дуэли.

Они опять прошли черезъ пріемную, и глаза всѣхъ присутствующихъ обратились на нихъ, а Форестье сказалъ младшей изъ дамъ, такъ громко, чтобы всѣ его слышали:

— Редакторъ сейчасъ васъ приметъ; онъ въ настоящую минуту совѣщается съ двумя членами бюджетной коммиссіи.

Потомъ торопливо прошелъ съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ, точно собирался писать необыкновенно важную депешу.

Какъ скоро они вернулись въ редакціонную комнату, Форестье опять взялъ бильбоке и, играя и считая, объяснялъ Дюруа:

— Вотъ, ты будешь приходить сюда ежедневно въ три часа и я буду сообщать тебѣ, куда и къ кому тебѣ слѣдуетъ отправиться днемъ или вечеромъ, или же на другой день по утру... разъ ...я тебѣ дамъ прежде всего рекомендательное письмо къ начальнику отдѣленія полицейской префектуры, который познакомитъ тебя со своими служащими... два... и ты договоришься съ нимъ относительно всѣхъ важныхъ происшествій въ городѣ... три... оффиціальныхъ и quasi-оффиціальныхъ извѣстій. Что касается разныхъ мелочей, то я сведу тебя съ Сенъ-Потеномъ, который все это знаетъ... четыре... Ты увидишь его сейчасъ или завтра. Главное, тебѣ слѣдуетъ привыкнуть выпытывать всю подноготную у людей, къ которымъ я тебя буду посылать... пять... и всюду проникать, не смотря на запертыя двери... шесть... Ты будешь получать за это двѣсти франковъ въ мѣсяцъ жалованья и сверхъ того по два су со строки за интересныя новости... семь... а также и за статьи, какія тебѣ будутъ заказаны по различнымъ вопросамъ... восемь.

Послѣ этого онъ вполнѣ углубился въ свою игру и только медленно считалъ: девять... десять... одиннадцать... двѣнадцать... тринадцать...

Тутъ онъ далъ промахъ и сталъ браниться:—Чортъ побери! проклятое тринадцатое число... всегда приноситъ мнѣ несчастіе... Пари держу, что умру тринадцатаго числа.

Одинъ изъ сотрудниковъ, кончившій работу, въ свою очередь досталъ изъ шкапа бильбоке. То былъ маленькій человѣкъ, смахивавшій на ребенка, хотя ему было тридцать-пять лѣтъ. Вошло нѣсколько другихъ журналистовъ и одинъ за другимъ доставали

изъ шкапа принадлежавшую имъ игрушку. Вскорѣ ихъ оказалось шестеро; стоя рядомъ, спиной къ стѣнѣ, они бросали въ воздухъ красные, черные или желтые шары, смотря по качеству дерева. И такъ какъ между ними завязалась борьба, то два сотрудника, которые еще писали, повскакали съ своихъ мѣстъ и стали слѣдить за игрой.

Форестье выигралъ одиннадцать очковъ, и тогда маленькій человѣкъ, смахивавшій на ребенка и проигравшій, позвонилъ; пришелъ конторщикъ, которому онъ велѣлъ принести „девять кружекъ пива".

И въ ожиданіи пива всѣ снова принялись за игру.

Дюруа выпилъ стаканъ пива съ своими новыми собратьями, затѣмъ спросилъ своего пріятеля:

— Что мнѣ теперь дѣлать?—Тотъ отвѣчалъ:

— На сегодня у меня нѣтъ для тебя никакого дѣла. Можешь уйти, если хочешь.

— И... наша статья... она сегодня вечеромъ будетъ набираться?

— Да; но не заботься объ этомъ; я продержу корректуру. Напиши продолженіе на завтра и приходи сюда въ три часа, какъ и сегодня.

Дюруа пожалъ руки окружающимъ, хотя и не зналъ, кто они такіе, послѣ чего весело и бодро спустился съ лѣстницы.

IV.

Жоржъ Дюруа плохо спалъ ночь, до такой степени его волновало желаніе видѣть свою статью напечатанной. Какъ только разсвѣло, онъ былъ уже на ногахъ и бродилъ по улицѣ задолго до того часа, какъ появляются разнощики газетъ и открываются кіоски.

Онъ пошелъ на Сен-Лазарскій дебаркадеръ, куда, какъ онъ зналъ, „Vie Française" приходитъ раньше, чѣмъ получается въ его кварталѣ. Такъ какъ было еще слишкомъ рано, то онъ сталъ бродилъ по троттуару.

Онъ видѣлъ какъ пришла торговка и отперла свою стеклянную лавочку, затѣмъ увидѣлъ человѣка, который несъ на головѣ груду большихъ сложенныхъ газетъ. Онъ бросился къ нему. То были „Figaro", „Gaulois", „Evénement" и еще двѣ или три другихъ утреннихъ газеты, но „Vie Française" не было.

Ему стало страшно: ну, вдругъ статью отложили на завтра или же, быть можетъ, она не понравилась редактору.

Возвращаясь въ кіоску, онъ увидѣлъ, что газета продается, хотя онъ и не видѣлъ, какъ ее принесли. Онъ набросился на нее, развернулъ, бросивъ предварительно три су на прилавокъ, и просмотрѣлъ оглавленіе первой страницы. Ничего. Сердце у него забилось; онъ раскрылъ газету и съ восторгомъ прочиталъ внизу столбца крупнымъ шрифтомъ напечатанныя слова: Жоржъ Дюруа. Значитъ, статья напечатана! какое счастіе!

Онъ пошелъ по улицѣ, ни о чемъ не думая, держа въ рукахъ газету и заломивъ шляпу на бекрень. Ему хотѣлось остановить прохожихъ и сказать имъ:—купите, купите эту газету. Въ ней есть моя статья. Ему хотѣлось закричать, какъ кричатъ по вечерамъ разнощики на бульварахъ:—Прочитайте „Vie Française". Прочитайте статью Жоржа Дюруа: Воспоминанія африканскаго егеря.—И вдругъ онъ самъ почувствовалъ желаніе прочитать эту статью, и непремѣнно гдѣ-нибудь въ общественномъ мѣстѣ, въ кафе, на виду у всѣхъ. И сталъ искать такого заведенія, которое уже было бы открыто. Ему пришлось идти довольно долго. Наконецъ, онъ сѣлъ около виннаго погреба, гдѣ уже за столиками сидѣло нѣсколько потребителей, и приказалъ подать себѣ рюмку рому, совсѣмъ позабывъ про ранній часъ. Потомъ закричалъ:—Garçon, подайте мнѣ „Vie Française".

Къ нему подбѣжалъ человѣкъ въ бѣломъ фартукѣ.

— У насъ нѣтъ этой газеты; мы получаемъ только „Rappel", „Siècle", „Lanterne" и „Petit Parisien".

Дюруа объявилъ взбѣшеннымъ голосомъ:

— Вотъ трущоба! Ну такъ подите и купите мнѣ одинъ нумеръ этой газеты.

Гарсонъ побѣжалъ, принесъ нумеръ, и Дюруа сталъ читать свою статью. Нѣсколько разъ онъ произнесъ: очень хорошо, очень хорошо, вслухъ, чтобы привлечь вниманіе сосѣдей и внушить имъ желаніе узнать, что́ такое интересное онъ нашелъ въ этомъ листкѣ. Послѣ чего, уходя, оставилъ газету на столѣ. Хозяинъ замѣтилъ это и позвалъ его:

— Господинъ, господинъ, вы забыли свою газету.—А Дюруа отвѣчалъ:—я вамъ ее оставляю, такъ какъ самъ прочиталъ. Въ ней кстати есть сегодня интересная статья.

Онъ не назвалъ статью, но видѣлъ, уходя, какъ одинъ изъ его сосѣдей взялъ со стола, на которомъ онъ ее оставилъ, „Vie Française".

Онъ подумалъ:

— Что мнѣ теперь дѣлать?

И рѣшилъ пойти въ свое правленіе за жалованьемъ и объявить, что уходитъ. Онъ заранѣе радовался тому, какія рожи скорчатъ его начальникъ и сослуживцы. Мысль, какъ онъ огорошитъ начальника, особенно его радовала.

Онъ медленно шелъ, чтобы не придти раньше половины десятаго, такъ какъ касса открывалась только въ десять.

Комната, гдѣ онъ занимался, была такая темная, что въ ней почти весь день приходилось зажигать газъ зимой. Она выходила окнами на узкій дворъ; въ ней сидѣло восемь служащихъ и сверхъ того помощникъ начальника, за ширмами.

Дюруа сходилъ сначала за своими ста восемнадцатью франками, двадцатью-пятью сантимами, въ желтомъ конвертѣ хранившимися въ ящикѣ у одного изъ служащихъ, на котораго возложена была раздача жалованья, затѣмъ вошелъ съ побѣдоноснымъ видомъ въ обширную рабочую комнату, гдѣ провелъ столько дней. Какъ скоро онъ показался, помощникъ начальника, Потель, подозвалъ его:

— Ахъ, это вы, г. Дюруа.—Начальникъ уже нѣсколько разъ спрашивалъ васъ. Вы знаете, что онъ не допускаетъ, чтобы служащіе бывали больны два дня сряду безъ докторскаго свидѣтельства.

Дюруа, стоявшій посреди комнаты и подготовлявшій свой эффектъ, отвѣчалъ громкимъ голосомъ:—а наплевать мнѣ на это, если желаете знать.

Служащіе были видимо поражены, а лицо Потеля выставилось изъ-за ширмъ, съ выраженіемъ самаго забавнаго удивленія.

Онъ загораживался ширмами, опасаясь сквозного вѣтра, потому что страдалъ ревматизмами, но пробилъ двѣ дыры въ картонѣ, чтобы наблюдать за своими подчиненными.

Воцарилась мертвая тишина. Наконецъ, помощникъ спросилъ, заикаясь:—Вы говорите?

— Я говорю, что наплевать мнѣ на это. Я пришелъ сегодня только затѣмъ, чтобы объявить, что ухожу отъ васъ. Я вступилъ въ число сотрудниковъ „Vie Française"; мнѣ даютъ пятьсотъ франковъ въ мѣсяцъ жалованья, кромѣ построчной платы. Ужъ сегодня и статья моя напечатана.

Онъ, однако, обѣщалъ себѣ продлить удовольствіе, но не могъ удержаться, чтобы не выпалить все залпомъ. Эффектъ, впрочемъ, былъ полный. Никто не шевелился.

Тогда Дюруа объявилъ:

— Я пойду предупредить г. Пертюи, затѣмъ приду съ вами проститься.

И вышелъ, чтобы явиться къ начальнику, который, завидя его, закричалъ:—Ахъ! вотъ и вы, наконецъ! Вы знаете, что я не хочу...

Дюруа не далъ ему договорить:

— Пожалуйста не дерите себѣ горло...

Пертюи, толстякъ, красный, какъ пѣтушій гребешокъ, задохся отъ удивленія.

Дюруа продолжалъ:

— Мнѣ ваша лавочка надоѣла. Я дебютировалъ сегодня въ журналистикѣ, гдѣ меня отлично обставили. Честь имѣю кланяться.

И вышелъ. Онъ былъ отомщенъ. Онъ пошелъ проститься со своими бывшими сослуживцами, которые едва смѣли съ нимъ говорить изъ боязни себя компрометировать, такъ какъ его разговоръ съ начальникомъ былъ слышенъ черезъ открытую дверь.

Послѣ того онъ очутился снова на улицѣ, съ жалованьемъ въ карманѣ. Пошелъ и отлично позавтракалъ въ знакомомъ ему хорошемъ, но недорогомъ ресторанѣ; купилъ еще нумеръ „Vie Française“ и тоже оставилъ его въ ресторанѣ; заходилъ въ нѣсколько магазиновъ и покупалъ разную ненужную дрянь только затѣмъ, чтобы имѣть удовольствіе объяснить, кто онъ, давая свой адресъ: Жоржъ Дюруа, сотрудникъ „Vie Française“, и называлъ улицу и домъ, гдѣ жилъ, приказывая оставить вещи у привратника.

Такъ какъ у него еще оставалось свободное время, онъ зашелъ въ литографію, гдѣ печатали визитныя карточки моментально, на глазахъ у прохожихъ, и заказалъ себѣ сто карточекъ, гдѣ было обозначено, кромѣ его фамиліи, и его новое званіе.

Послѣ этого онъ отправился въ редакцію. Форестье принялъ его свысока, какъ подчиненнаго:—Ахъ! вотъ и ты. Очень хорошо. У меня какъ разъ есть нѣсколько порученій для тебя. Подожди минутъ десять. Я сначала составлю свою хронику. И продолжалъ писать.

На другомъ концѣ стола небольшой человѣкъ, съ блѣднымъ, одутловатымъ лицомъ, очень жирный, плѣшивый, писалъ, уткнувъ носъ въ самую бумагу, вслѣдствіе крайней близорукости.

Форестье спросилъ у него:

— Скажи-ка, Сенъ-Потенъ, въ которомъ часу ты отправишься къ этимъ господамъ?

— Въ четыре часа.

— Возьми съ собой Дюруа,—вотъ онъ самъ своей персоной,—и посвяти его во всѣ тайны ремесла.

— Ладно.

Потомъ повернувшись къ пріятелю, Форестье прибавилъ:

— Ты принесъ продолженіе статьи объ Алжиріи? Сегодняшнее начало произвело фурору.

Дюруа, смущенный, пробормоталъ:

— Нѣтъ... я думалъ, что успѣю написать сегодня утромъ... но у меня набралось много дѣлъ... я никакъ не могъ.

Форестье пожалъ плечами съ недовольнымъ видомъ:

— Если ты не будешь аккуратнѣе, то никогда не выдвинешься впередъ. Вальтеръ разсчитывалъ на твою статью. Я ему скажу, что она пойдетъ завтра. Если ты думаешь, что тебѣ будутъ платить деньги за то, что ты будешь бить баклуши, то ошибаешься.

Потомъ помолчавъ, прибавилъ:

— Надо ковать желѣзо, пока оно горячо.

Сенъ-Потенъ всталъ.—Я готовъ,—сказалъ онъ.

Тутъ Форестье, откинувшись на спинку стула, принялъ почти торжественную позу, сообщая свои инструкціи, и, повернувшись къ Дюруа, сказалъ:

— Вотъ: у насъ въ Парижѣ уже два дня, какъ находится китайскій генералъ Ли-Ченгъ-Фао, остановившійся въ Континентальномъ отелѣ, и раджа Тапосаибъ Рамадерао Пали, остановившійся въ Бристольскомъ отелѣ. Вы должны добиться съ ними свиданія и бесѣды.

Потомъ, обращаясь къ Сенъ-Потену, прибавилъ:

— Не забудь главные пункты, указанные мною. Спроси у генерала и у раджи ихъ мнѣніе объ интригахъ Англіи на крайнемъ востокѣ, объ англійской системѣ колонизаціи и владычества, и объ ихъ надеждахъ на вмѣшательство Европы и въ частности Франціи въ ихъ дѣла.

Онъ помолчалъ, потомъ еще прибавилъ:

— Было бы крайне интересно для нашихъ читателей узнать, въ то же время, что думаютъ въ Китаѣ и въ Индіи о всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые такъ сильно занимаютъ общественное мнѣніе въ настоящую минуту.

Онъ замѣтилъ Дюруа:

— Наблюдай, какъ будетъ дѣйствовать Сенъ-Потенъ; онъ отличный репортеръ, и старайся проникнуть секретъ, какъ выпытать всю подноготную у человѣка, въ пять минутъ времени.

Послѣ этого онъ принялся писать съ серьезнымъ видомъ, очевидно, желая поставить бывшаго пріятеля на должное мѣсто и дать ему понять, что теперь они неровня.

Какъ скоро они вышли за дверь, Сенъ-Потенъ засмѣялся и и сказалъ:

— Вотъ фокусникъ. Онъ даже передъ нами ломаетъ комедію. Право подумаешь, что онъ насъ принимаетъ за читателей.

Когда они проходили по бульвару, репортеръ спросилъ:

— Хотите чего-нибудь выпить?

— Охотно; жара нестерпимая.

Они вошли въ кафе и спросили прохладительныхъ напитковъ.

А Сенъ-Потенъ заговорилъ о всѣхъ редакціонныхъ сотрудникахъ съ такимъ изобиліемъ подробностей, что удивительно.

— Издатель? настоящей жидъ! А вѣдь вы знаете, что жидъ никогда не мѣняется. Вотъ раса-то!

И привелъ нѣсколько чертъ его поразительной скаредности,— скаредности, присущей сынамъ Израиля: какъ онъ урѣзываетъ гроши, экономничаетъ на пустякахъ, придерживается самаго постыднаго торгашества, настоящей ростовщицкой системы.

И при этомъ эта алтынная душа ни во что не вѣритъ и всѣхъ надуваетъ. Журналъ его, оффиціозный органъ, католическій, либеральный, республиканскій, орлеанистскій, былъ основанъ только для поддержки его биржевыхъ операцій и всяческихъ предпріятій. По этой части онъ ловокъ и наживаетъ милліоны посредствомъ компаній, не располагающихъ ровно никакимъ капиталомъ.

И такъ далѣе, и такъ далѣе.

Онъ называлъ Дюруа: mon cher ami, и повѣствовалъ:

— У этого стараго хрыча прорываются словечки à la Бальзакъ. Представьте, что надняхъ я находился въ его кабинетѣ вмѣстѣ съ этой допотопной чучелой Норберомъ и Донъ-Кихотомъ Ривалемъ, когда пришелъ нашъ управляющій Плюмтаръ съ портфелемъ подъ мышкой, знаменитымъ складнымъ портфелемъ, который знаетъ весь Парижъ.

Вальтеръ поднялъ носъ и спросилъ:

— Ну что такое? что новаго?

Плюмтаръ наивно отвѣчалъ:

— Я сейчасъ уплатилъ шестнадцать тысячъ франковъ, которыя мы должны поставщику бумаги.

Старикъ такъ и привскочилъ на мѣстѣ.

— Что вы говорите?

— Я говорю, что уплатилъ счетъ г. Према...

— Да вы съума сошли?

— Почему?

— Почему... почему... почему...

Издатель не могъ говорить отъ волненія.

— Почему... потому, что мы могли добиться по этому счету сбавки въ четыре или пять тысячъ франковъ.

Плюмтаръ, удивленный, замѣтилъ:

— Да г. издатель, всѣ счета были провѣрены мною и вами и найдены вполнѣ вѣрными...

Тогда, потерявъ терпѣніе, Вальтеръ закричалъ:

— Что это, какъ вы глупы! Журналистъ, г. Плюмтаръ, долженъ стараться дѣлать какъ можно больше долговъ, чтобы потомъ входить въ сдѣлку съ кредиторами.

И Сенъ-Потенъ прибавилъ, качая головой, какъ опытный психологъ:

— Ну развѣ онъ не выхваченъ живьемъ изъ Бальзака?

Дюруа не читалъ Бальзака, но отвѣчалъ съ убѣжденіемъ:

— Да, да, именно.

Послѣ того репортеръ заговорилъ про m-me Вальтеръ, старую ворону, про Норбера де-Вареннъ, дряхлаго неудачника, про Риваля, который представлялъ изъ себя не что иное какъ резюме Сколя и Вольфа. Наконецъ, дошелъ до Форестье.

— Что касается этого послѣдняго, то ему бабушка ворожитъ. Ему удалось жениться на своей женѣ—въ этомъ все его благополучіе.

Дюруа спросилъ:

— Что такое въ сущности его жена?

Сенъ-Потенъ потеръ руками:

— О! это хитрая бестія, продувная бабенка. Она любовница стараго распутника Водрека, графа Водрека, который далъ ей приданое и выдалъ ее замужъ.

Дюруа вдругъ ощутилъ какой-то холодъ въ душѣ, какую-то нервную дрожь и желаніе выругать и поколотить этого болтуна. Но онъ только перебилъ его вопросомъ:

— Скажите: ваше настоящее имя Сенъ-Потенъ?

Тотъ отвѣчалъ безмятежно:

— Нѣтъ; меня зовутъ Тома. Меня окрестили Сенъ-Потеномъ въ редакціи.

Дюруа, уплативъ гарсону за напитки, замѣтилъ:

— Однако, вѣдь поздно, а намъ предстоятъ еще визиты къ двумъ важнымъ персонамъ.

Сенъ-Потенъ разсмѣялся:

— Какой вы, однако, наивный! Неужели же вы думаете, что я такъ-таки и отправлюсь къ этому китайцу и къ этому индусу спрашивать: что они думаютъ объ Англіи? точно я не знаю лучше ихъ самихъ, какъ они должны думать для читателей „Vie Française“. Я уже разговаривалъ съ пятью стами подобными китайцами, персами, индусами, чилійцами, японцами и другими.

Они всѣ отвѣчають одно и то же, по-моему: мнѣ стоить только взять свою послѣднюю статью и переписать ее слово въ слово. Перемѣняется только ихъ лицо, имя, возрасть, свита. О! воть что касается этихъ пунктовъ, то тутъ нужна величайшая точность, потому что иначе меня сейчасъ уличать „Figaro" и „Gaulois". Но на этоть счеть привратники Бристольскаго и Континентальнаго отелей просвѣтять меня въ какихъ-нибудь пять минуть. Мы пройдемъ туда пѣшкомъ, куря сигару, и поставимъ въ счеть редакціи пять франковъ за карету. Воть, mon cher, какъ нужно дѣйствовать практическимъ людямъ.

Дюруа спросилъ:

— Должно быть, при такихъ условіяхъ очень выгодно быть репортеромъ?

Журналисть отвѣчалъ таинственно:

— Да; но нѣть ничего выгоднѣе отдѣла слуховъ, потому что тутъ можно пускать въ ходъ замаскированныя рекламы.

Они встали и шли бульваромъ, по направленію къ Мадленѣ. Вдругъ Сенъ-Потенъ сказалъ своему спутнику:

— Знаете, если вамъ некогда, то ступайте себѣ; вы совсѣмъ не нужны.

Дюруа пожалъ ему руку и ушелъ.

Его мучила мысль, что ему надо написать сегодня вечеромъ статью, и онъ сталъ о ней думать. Онъ припоминалъ анекдоты, прибиралъ разные случаи, мысли, сужденія и дошелъ до конца Елисейскихъ полей, гдѣ было мало гуляющихъ, такъ какъ Парижъ пустѣеть въ такіе знойные дни.

Пообѣдавъ въ винномъ погребкѣ у Тріумфальной арки, онъ медленно вернулся къ себѣ домой по наружнымъ бульварамъ и сѣлъ за столъ, чтобы приняться за работу.

Но какъ только у него передъ глазами очутился большой листъ бѣлой бумаги, все, что онъ придумалъ втиснуть въ статью, улетучилось у него изъ головы. Онъ пытался поймать обрывки воспоминаній и передать ихъ на бумагѣ, но они снова измѣняли ему, какъ только онъ хотѣлъ изобразить ихъ перомъ, или же представлялись въ такомъ безпорядкѣ, что онъ не зналъ, какъ съ ними справиться и облечь ихъ въ приличную форму.

Пробившись часъ цѣлый, измаравъ листовъ пять бумаги вступительными фразами, которыя ни съ чѣмъ дальнѣйшимъ не вязались, онъ сказалъ себѣ:

— Я еще не освоился съ ремесломъ. Надо взять еще одинъ урокъ.

И перспектива новаго свиданія съ m-me Форестье, и нѣ-

сколькихъ часовъ, проведенныхъ въ общей работѣ, надежда на длинный и дружескій tête-à-tête мгновенно разгорячили его. И онъ поскорѣе легъ, боясь снова приниматься за работу, чтобы, чего-добраго, не справиться съ ней.

Онъ всталъ на другой день довольно поздно, мечтая о предстоящемъ свиданіи и съ наслажденіемъ отдаляя его моментъ.

Былъ уже одиннадцатый часъ, когда онъ позвонилъ у дверей своего пріятеля.

Слуга отвѣчалъ:

— Баринъ занятъ.

Дюруа и въ голову не приходило, что мужъ можетъ быть дома. Онъ, однако, не унялся.

— Скажите, что это я, и по спѣшному дѣлу.

Послѣ пяти минутъ ожиданія, его ввели въ кабинетъ, гдѣ онъ провелъ такое пріятное утро. На мѣстѣ, которое онъ тогда занималъ, сидѣлъ теперь Форестье и писалъ. Онъ былъ въ халатѣ, туфляхъ, а на головѣ у него красовался родъ небольшого англійскаго тока, жена же его, въ томъ же самомъ бѣломъ пеньюарѣ, облокотившись на каминъ, диктовала, съ папиросой въ зубахъ.

Дюруа, остановившись на порогѣ, пробормоталъ:

— Извините, пожалуйста, я вамъ мѣшаю.

А пріятель его, повернувъ къ нему разъяренное лицо, прорычалъ:

— Что тебѣ еще нужно? говори скорѣй, намъ некогда!

Тотъ, смущенный, лепеталъ:

— Нѣтъ, ничего, извини пожалуйста.

Но Форестье совсѣмъ разсердился.

— Ну же, чортъ возьми, не теряй времени, ты, вѣдь, не затѣмъ однако ворвался къ намъ, чтобы только поздороваться.

Тогда Дюруа, крайне смущенный, рѣшился, наконецъ, сказать, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ... вотъ видишь ли... я никакъ не могу написать свою статью.... и ты былъ такъ... вы были такъ... такъ... добры въ прошлый разъ, что я... что я надѣялся... я пришелъ...

Форестье перебилъ его:

— Ты, однако, удивительный гусь, скажу я тебѣ... ты, кажется, воображаешь, что я буду за тебя работать, а тебѣ остается только ходить въ кассу за полученіемъ гонорара! Нѣтъ, это удивительно, право!

Молодая женщина продолжала курить, не говоря ни слова,

но неизмѣнно улыбаясь неопредѣленной улыбкой, которая какъ будто служила маской для ея ироническихъ мыслей.

А Дюруа лепеталъ, краснѣя:

— Извините, пожалуйста... я думалъ...

Потомъ вдругъ произнесъ совершенно отчетливо:

— Прошу васъ извинить меня, сударыня, и еще разъ поблагодарить васъ за прелестную хронику, составленную вами для меня вчера.

Потомъ, поклонившись, сказалъ Шарлю:

— Я буду въ три часа въ редакціи,—и вышелъ.

Онъ вернулся къ себѣ большими шагами, ворча:

— Хорошо же, я самъ напишу статью, безъ ихъ помощи, я имъ покажу...

Вернувшись домой, подстрекаемый досадой, онъ тотчасъ же принялся писать. Онъ продолжалъ разсказывать похожденія, начатыя m-me Форестье, нагромождая подробности, достойныя фельетоннаго романа, изумительныя перипетіи и напыщенныя описанія, съ сочинительской неумѣлостью школьника. Въ какой-нибудь часъ онъ наваляль хронику, представлявшую собой какой-то хаосъ глупостей, и снесъ ее съ увѣренностью въ редакцію.

Первое лицо, которое онъ тамъ встрѣтилъ, былъ Сенъ-Потенъ. Тотъ, пожавъ ему руку съ энергіей сообщника въ преступленіи, спросилъ его:

— Прочитали мой разговоръ съ китайцемъ и индусомъ? Неправда ли, забавно? Весь Парижъ смѣялся, а я не видѣлъ даже кончика ихъ носа.

Дюруа, не читавшій статьи, немедленно взялъ газету и пробѣжалъ длинную статью, озаглавленную: „Индія и Китай", въ то время, какъ репортеръ указывалъ и подчеркивалъ ему самыя интересныя мѣста.

Пришелъ Форестье, въ попыхахъ, съ озабоченнымъ видомъ.

— Ахъ! вотъ это хорошо, что вы тутъ. Мнѣ вы оба нужны.

И заказалъ имъ цѣлый коробъ политическихъ справокъ, которыя необходимо было достать къ сегодняшнему вечеру.

Дюруа подалъ ему статью.

— Вотъ продолженіе объ Алжиріи.

— А! хорошо, давай, я отдамъ хозяину.

И больше ничего.

Сенъ-Потенъ увелъ своего новаго собрата и, когда они проходили по корридору, сказалъ ему:

— Заходили вы въ кассу?

— Нѣтъ; зачѣмъ?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, чтобы получить жалованье. Видите ли, надо всегда брать его за мѣсяцъ впередъ. Кто знаетъ, чтó можетъ случиться.

— Да!.. я очень буду радъ.

— Пойдемте, я васъ представлю кассиру. Онъ не станетъ дѣлать затрудненій. Здѣсь хорошо платятъ.

И Дюруа пошелъ получить свои двѣсти франковъ, и сверхъ того еще двадцать восемь за вчерашнюю статью и вмѣстѣ съ тѣмъ, чтó у него оставалось отъ жалованья, полученнаго въ правленіи желѣзной дороги, это составило триста сорокъ франковъ.

Никогда еще въ жизни не было у него такой большой суммы: ему показалось, что теперь у него неисчерпаемое богатство.

Послѣ того Сенъ-Потенъ повелъ его болтать въ четыре или пять журнальныхъ редакцій, надѣясь, что новости, за которыми его послали, уже собраны другими репортерами и что онъ съумѣетъ ихъ вывѣдать хитрой и ловкой болтовней.

Когда наступилъ вечеръ, Дюруа, которому нечего было дѣлать, пошелъ въ Folies Bergères и, рѣшившись быть нахальнымъ, подошелъ къ контролерамъ, говоря:

— Меня зовутъ Жоржъ Дюруа, я сотрудникъ „Vie Française“, я приходилъ намедни съ г. Форестье, который обѣщалъ мнѣ достать право на входъ; не знаю, сдѣлалъ ли онъ это!

Посмотрѣли въ списки. Его имени тамъ не было. Тѣмъ не менѣе контролеръ, очень любезный человѣкъ, сказалъ ему:

— Милости просимъ; обратитесь къ г. директору лично; онъ навѣрное исполнитъ ваше желаніе.

Дюруа вошелъ и почти тотчасъ же наткнулся на Рашель, женщину, съ которой онъ уѣхалъ въ первый вечеръ. Она сказала ему:

— Bonjour, mon chat, какъ поживаешь?

— Очень хорошо, а ты?

— И я недурно. Знаешь ли, ты мнѣ два раза сряду снился послѣ того раза.

Дюруа казался польщеннымъ.

— Ага! что же это доказываетъ?

— Это доказываетъ, что ты мнѣ понравился, gros sérin, и что мы возобновимъ знакомство, когда тебѣ будетъ угодно.

— Сегодня, если хочешь.

— Да, согласна.

— Только... слушай...

Онъ колебался, стыдясь того, чтó хотѣлъ сдѣлать.

— Видишь ли, на этотъ разъ я безъ гроша, только-что изъ клуба, гдѣ совсѣмъ проигрался!

Она глядѣла ему прямо въ глаза, чуя неправду, съ инстинктомъ и опытомъ женщины, привыкшей къ хитрымъ уловкамъ и торгашеству мужчинъ. И сказала:

— Лгунишка! Знаешь, вѣдь, это не хорошо съ твоей стороны.

Онъ смущенно улыбнулся.

— Если хочешь десять франковъ, то вотъ все, чтó у меня осталось.

Она отвѣчала съ безкорыстіемъ куртизанки, разрѣшающей себѣ прихоть.

— Какъ тебѣ угодно, mon chéri; ты мнѣ самъ милъ, а не твои деньги.

И взявъ подъ руку молодого человѣка, любовно оперлась на нее.

— Выпьемъ сиропа сначала, а потомъ пройдемся по саду. Мнѣ бы хотѣлось отправиться съ тобой въ оперу, чтобы показать тебя. А потомъ пораньше вернемся домой, хочешь?

Онъ проснулся очень поздно у этой женщины. Былъ уже бѣлый день, когда онъ отъ нея вышелъ, и ему тотчасъ же пришла мысль купить „Vie Française". Онъ раскрылъ лихорадочной рукой газету: его хроники не было. Онъ остолбенѣлъ на троттуарѣ, пробѣгая безъ конца печатные столбцы, съ надеждой, что онъ плохо видѣлъ и найдетъ, наконецъ, то, чего искалъ.

Что-то тяжелое вдругъ свинцомъ налегло на его сердце, потому что эта непріятность, постигшая его послѣ утомительной, любовной ночи, показалась ему настоящимъ бѣдствіемъ.

Онъ вернулся къ себѣ и, бросившись на кровать, уснулъ, не раздѣваясь.

Войдя нѣсколько часовъ позже въ редакцію, онъ прошелъ къ Вальтеру.

— Меня очень удивило, что вторая моя статья объ Алжиріи не напечатана.

Старый еврей поднялъ голову и отвѣчалъ гнусливымъ голосомъ:

— Я передалъ ее вашему пріятелю Форестье на просмотръ, онъ нашелъ ее неудовлетворительной, нужно ее передѣлать.

Дюруа, взбѣшенный, вышелъ, не говоря ни слова, и ворвался въ кабинетъ пріятеля, съ вопросомъ:

— Почему ты не напечаталъ сегодня моей хроники?

Журналистъ курилъ папироску, опрокинувшись въ креслѣ и задравъ ноги на столъ, гдѣ каблуки его пачкали начатую статью.

Онъ спокойно произнесъ лѣнивымъ и вялымъ голосомъ, точно съ просонья:

— Хозяинъ нашелъ, что она плоха, и поручилъ мнѣ вернуть тебѣ для исправленія. Вотъ она, возьми!

И онъ указалъ на листики, прижатые пресъ-папье.

Смущенный Дюруа не нашелся что отвѣтить, и въ то время какъ онъ засовывалъ въ карманъ свою статью, Форестье продолжалъ:

— Сегодня ты отправишься сначала въ префектуру...

И назвалъ цѣлую кучу визитовъ, дѣлъ и справокъ, которыя необходимо было собрать. И Дюруа ушелъ, такъ и не придумавъ колкости, которую ему хотѣлось сказать пріятелю.

На слѣдующій день онъ опять принесъ статью, и ее опять ему возвратили. Передѣлавъ ее въ третій разъ, и видя, что ее снова вернули ему, онъ понялъ, что слишкомъ торопится и что безъ Форестье ему не пробить себѣ дороги.

Онъ больше не заговаривалъ о „Воспоминаніяхъ африканскаго егеря“, обѣщая себѣ быть хитрымъ и изворотливымъ, такъ какъ безъ этого нельзя, а пока рѣшилъ, какъ можно ревностнѣе исполнять свое репортерское ремесло. Онъ познакомился съ театральными и политическими кулисами, корридорами палаты депутатовъ и министерствъ, съ значительными или глупыми лицами министерскихъ чиновниковъ и кислыми лицами конторщиковъ.

Онъ вошелъ въ постоянныя сношенія съ министрами, привратниками, генералами, полицейскими агентами, принцами, souteneurs'ами, куртизанками, посланниками, епископами, свѣтскими кутилами, франтами, шулерами, извощиками и гарсонами въ ресторанахъ и кофейняхъ и разными другими лицами и ко всѣмъ имъ относился съ равнодушнымъ презрѣніемъ, привыкъ видѣть въ нихъ безразличное стадо людей, съ которымъ ему приходилось видѣться и толковать ежедневно, ежечасно, безъ всякаго перехода и предварительной подготовки, по дѣламъ своего ремесла.

Онъ сравнивалъ себя съ человѣкомъ, которому приходится пробовать образчики всѣхъ винъ и который подъ конецъ не различаетъ болѣе „шато-марго“ отъ бургонскаго.

Въ скоромъ времени онъ сталъ замѣчательнымъ репортеромъ, на свѣдѣнія котораго можно было всегда положиться, хитрой, тонкой, изворотливой лисицей, настоящимъ кладомъ для газеты, по словамъ Вальтера, умѣвшаго цѣнить сотрудниковъ.

Но такъ какъ онъ получалъ только десять сантимовъ со строки сверхъ своихъ двухсотъ франковъ жалованья, и такъ какъ бульварная, ресторанная жизнь стоитъ дорого, то онъ постоянно былъ безъ гроша денегъ и приходилъ въ отчаяніе отъ своей нищеты.

— Тутъ есть какой-то фокусъ!—думалъ онъ, видя, что всѣ его собратья постоянно были при деньгахъ, и не могъ понять, какими тайными путями добываютъ они себѣ такіе большіе доходы.

Онъ никакъ не могъ открыть этого фокуса и подозрѣвалъ съ завистью, что тутъ дѣло нечисто, что тутъ продаются разныя секретныя услуги, по общему и молчаливому согласію. Ему необходимо нужно было проникнуть эту тайну, вступить въ молчаливую ассоціацію, навязать себя товарищамъ, не допускавшимъ его до общаго дѣлежа.

Онъ часто мечталъ по вечерамъ, глядя, какъ проходятъ поѣзды подъ его окномъ, о средствахъ добиться своего.

А. Э.

МОСКОВСКАЯ СТАРИНА

V *).

Поиски за европейскимъ знаніемъ и образованностью.

Условія, въ которыя московская Россія поставлена была исторіей относительно просвѣщенія, были самыя неблагопріятныя. Татарское иго не только отрывало русскую землю отъ европейскаго запада и отдаляло даже отъ Византіи, не только разбило само русское племя на части, которыя не вполнѣ „возсоединены" даже донынѣ,—но оказало подавляющее дѣйствіе на самый народный духъ. Автономическое чувство вообще упало; вмѣстѣ съ тѣмъ упадала свобода внутренняя, самодѣятельность, инстинкты просвѣщенія; религіозность, съ распространеніемъ церковной жизни, вѣроятно, выросла, но отсутствіе школы, недостатокъ работы умственной потемняютъ вѣру суевѣріемъ, религіозность смѣшивается съ исполненіемъ обряда, который становится выше сущности... Объединеніе Россіи, начавшееся подъ татарскимъ игомъ, совершается съ тяжкими усиліями и средствами, часто суровыми, мрачными, отталкивающими; достигать объединенія приходилось втихомолку, оглядываясь на все еще страшнаго національнаго врага —въ этомъ объясненіе тѣхъ жестокихъ средствъ, какія употреблялись для довершенія дѣла: успѣхъ долженъ былъ принадлежать тому, кто не остановится ни передъ чѣмъ. Говорятъ, что московскій порядокъ вещей былъ необходимъ, что онъ впервые представляетъ зрѣлую политическую работу послѣ стихійнаго броженія удѣльной эпохи, съ ея неопредѣленными расплывчатыми фор-

*) См. выше: февраль, стр. 689.

мами, лишенными всякой политической устойчивости. Нѣтъ сомнѣнія, что Русь объединенная получала больше шансовъ внѣшней силы и національнаго сплоченія; ошибочно только видѣть въ московскомъ объединеніи какъ бы единственный, физіологически нормальный процессъ національной жизни, забывая обстановку, въ какой онъ происходилъ и которая не могла не имѣть своего вліянія,—какъ физіологическій процессъ жизни у отдѣльнаго человѣка видоизмѣняется при здоровой или міазматической атмосферѣ, правильномъ или неправильномъ питаніи, трудѣ, движеніи и т. д.

Когда московское царство установилось, нормальной чертой характера, преданьемъ и обычаемъ сдѣлалась не та старина, какую мы знаемъ или угадываемъ изъ исторіи временъ до-татарскихъ, а тѣ черты и тотъ обычай, какіе сложились вновь, подъ вліяніемъ дѣйствовавшихъ теперь условій, подъ вліяніемъ установившейся теперь центральной власти, церковныхъ отношеній, бытовыхъ понятій. Къ сожалѣнію, въ этомъ новомъ строѣ бытового содержанія, рядомъ съ распространяющимся фактомъ національнаго объединенія, шелъ и несомнѣнный упадокъ образовательныхъ начатковъ, общественнаго чувства, нравовъ. Интересамъ образованія не было мѣста въ этомъ обществѣ: какъ всякая политическая иниціатива становилась исключительнымъ дѣломъ власти, такъ ея дѣломъ становились и всѣ потребы общественнаго свойства, — но съ XIII-го вѣка и до самаго конца XVII-го общество осталось безъ всякой правильной школы. Исторически, это было довольно естественно въ томъ заколдованномъ кругѣ церковной и народной исключительности, какой мало-по-малу создался къ періоду московскаго царства подъ вліяніемъ аскетической проповѣди и фикціи о византійскомъ преемствѣ. Это царство и безъ того было первое во всей вселенной, единственное православное царство, которое могло только свысока смотрѣть на иныя царства у „поганыхъ“ иноземцевъ — послѣдніе сами могли только завидовать намъ. Были, правда, у этихъ иноземцевъ всякія „хитрости“, но учиться у нихъ ихъ наукѣ было невозможно, потому что не было у нихъ истинной вѣры; подъ конецъ стали смотрѣть съ сомнѣніемъ на самихъ грековъ, у которыхъ, должно быть, вѣра повредилась подъ турецкимъ игомъ и которые начали печатать свои книги въ латинской „Венецеѣ“. Царство стало особнякомъ, отдѣляя себя отъ остальнаго, и восточнаго, и западнаго міра,—которые оба были, разнымъ образомъ, „погаными“,—довольствуясь своимъ преданіемъ, которое полагалось единымъ истиннымъ и непогрѣшимымъ.

Складка понятій пріобрѣталась чисто восточная — неподвижность обычая и самой мысли, суевѣрный страхъ передъ новизной, бѣдность знаній и, однако, высокомѣрное представленіе о собственномъ превосходствѣ. Но, какъ мы замѣчали раньше, при всей загрубѣлости русскаго быта, иноземные наблюдатели, —по разнымъ причинамъ гораздо болѣе склонные къ неблагопріятнымъ сужденіямъ о русскомъ народѣ,—почти неизмѣнно, и весьма положительно указывали на даровитость этого народа, предвидѣли возможность болѣе свободнаго развитія его умственныхъ силъ, и при всей отсталости русскаго народа отъ цивилизаціи обще-европейской, угадывали его европейскую природу. И дѣйствительно, эта природа дала, наконецъ, себя чувствовать: какъ только вынесена была тяжкая эпоха татарскаго погрома, какъ только народъ начинаетъ свободнѣе распоряжаться своими силами, въ русской жизни начинается стремленіе къ западному знанію и образованности,— послѣдовательная исторія котораго, по разнымъ сторонамъ жизни, составила бы чрезвычайно интересную и поучительную картину.

Это стремленіе замѣчено очень давно нашими историками и получало различныя объясненія. Напримѣръ, Карамзинъ, которому русская старина—за нѣкоторыми исключеніями—чаще представлялась съ чертами патріархальной идилліи и который любилъ смягчать ея шероховатости сантиментальнымъ способомъ выраженія, Карамзинъ находилъ, что „россіяне“ стараго времени „не чуждались просвѣщенія“ и только не желали измѣнять своимъ нравамъ, принимая плоды чужеземной науки. Этихъ плодовъ, — въ XV-мъ столѣтіи, къ которому онъ прилагаетъ эти замѣчанія,— было принято, собственно говоря, маловато; но Карамзинъ полагалъ, что „добрымъ россіянамъ“ больше и не было нужно,— довольно, если они имѣли необходимыя крохи. Замѣчено было давно, что Карамзинъ былъ невысокаго мнѣнія объ умственныхъ и общественныхъ способностяхъ русскаго народа, и съ этимъ предположеніемъ понятно, что такія крохи можно было уже считать достаточными для россіянъ... Историки славянофильскіе, по поводу тѣхъ фактовъ, что русскіе московскаго періода уже начинали болѣе и болѣе возраставшія заимствованія у иностранцевъ, настаивали на томъ, что эти заимствованія дѣлались совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Петровскомъ періодѣ, что русскіе брали тогда лишь то, что было дѣйствительно нужно изъ чужого опыта, и главное, усвоивали это самостоятельно, не подчиняясь чужой національности, сохраняя неприкосновенно свои собственныя понятія, нравы и народное достоинство. Изъ этихъ старыхъ фактовъ заимствованій они даже дѣлали оружіе противъ Петровской реформы, утверж-

дая, что и безъ всякой насильственной ломки, безъ нарушенія и униженія своей народности, можно было поднять русское просвѣщеніе и усвоить необходимую науку. Наконецъ, историки, не задававшіеся впередъ тенденціей, приходили къ тому выводу, что заимствованія отъ запада были, во-первыхъ, вынуждаемы необходимостью практической, и во-вторыхъ, были признаніемъ недостаточности собственнаго знанія, и что, поэтому, умножавшіяся обращенія къ западу были именно естественнымъ подготовленіемъ къ Петровской реформѣ и ея историческимъ оправданіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ больше изучаются послѣднія времена московскаго царства, тѣмъ больше раскрывается ихъ тѣсныхъ внутреннихъ связей съ дѣятельностью Петра, тѣмъ больше послѣдняя является подготовленной, и реформа представляется не какимъ-нибудь внезапнымъ, произвольнымъ переворотомъ, а скорѣе только энергическимъ и геніальнымъ исполненіемъ того, что за цѣлые вѣка подготовлялось, какъ въ политической жизни народа, такъ и въ дѣлѣ усвоенія европейскихъ наукъ, искусствъ и самого обычая.

Если это послѣднее наблюденіе еще не стало теперь общепризнаннымъ понятіемъ, виной—недостаточное вниманіе къ этой сторонѣ русской жизни московскаго періода. Фактовъ европейскихъ связей старой Россіи собралось уже очень много—изъ разныхъ источниковъ, своихъ и иноземныхъ, и по различнымъ областямъ стараго быта; но опредѣливши всю ихъ массу, поставивъ эти факты въ исторической послѣдовательности, рядомъ съ вызвавшими ихъ причинами и съ ихъ результатами и примѣненіями, мы и увидѣли бы, что въ этихъ отношеніяхъ съ Европой дѣло было не въ случайныхъ мѣрахъ того или другого царя для какихъ-нибудь частныхъ практическихъ пользъ государства, не въ отрывочныхъ примѣрахъ влеченія старыхъ русскихъ людей къ европейской образованности, но что это именно было постоянное органическое тяготѣніе къ европейскому просвѣщенію. Времена татарскія, страшныя испытанія и жертвы эпохи „собиранія", заглушили много прежнихъ начатковъ образованія и произвели явный наплывъ татарскаго огрубѣнія; крайняя религіозная нетерпимость отталкивала русскихъ отъ иновѣрнаго запада,—но тѣмъ не менѣе отношенія съ западомъ постоянно возрастали въ теченіе XV—XVII вѣковъ; знанія и „хитрость" западныхъ людей были все болѣе и болѣе любопытны; неясный инстинктъ привлекалъ къ западному знанію и, при всемъ религіозномъ отчужденіи, внушалъ къ нему уваженіе; иноземная наука находила все больше сторонниковъ и любителей.

Въ объемѣ нашего труда невозможно полное изложеніе этого движенія; мы укажемъ немногія черты, которыя выясняютъ болѣе или менѣе смыслъ этихъ отношеній.

Прежде всего, въ нихъ нельзя не замѣтить извѣстной градаціи, которая представляетъ именно естественный ростъ этихъ отношеній и свойственна историческимъ процессамъ. Древняя Русь была уже хорошо знакома съ иноземцами, какъ художниками: въ Кіевѣ работали и передавали русскимъ свое знаніе греческіе художники—строители, живописцы; въ Новгородѣ не переводились „нѣмецкіе мастеры", которыхъ зазывали и въ другіе города; въ Суздаль и Владиміръ еще въ XII-мъ вѣкѣ приглашали художниковъ итальянскихъ. Объ этихъ послѣднихъ вспомнили и въ XV вѣкѣ, когда понадобилось строить тотъ Успенскій соборъ, который уже въ началѣ слѣдующаго вѣка славился какъ святыня московскаго единодержавія, какъ храмъ „вселенскій" (приведенное выше посланіе старца Филоѳея). Первыя обращенія къ западнымъ иноземцамъ были дѣломъ чисто практической необходимости. При Иванѣ III, еще до брака его съ Софьей Палеологъ, иноземцы были въ Москвѣ необходимыми людьми, для разныхъ практическихъ работъ, требовавшихъ искусства и знанія, и между прочимъ, для иноземныхъ сношеній. Это бывали на первый разъ греки и итальянцы. Таковъ былъ итальянецъ Иванъ Фрязинъ, венеціанецъ, переселившійся въ Москву, кажется, изъ Тавриды и принявшій православіе,—котораго царь посылалъ въ Римъ для предварительныхъ переговоровъ о бракѣ съ греческой царевной. Съ пріѣзда Софьи, сношенія съ западомъ вообще усиливаются. Когда постройка Успенскаго собора (вмѣсто стараго), заложенная митр. Филиппомъ и доведенная до сводовъ, обрушилась, Иванъ III велѣлъ русскому послу Толбузину, отправленному въ Венецію (съ другимъ Фрязиномъ въ качествѣ переводчика), вывезти оттуда искуснаго архитектора. Тогда прибылъ въ Москву извѣстный Фіоравенти-Аристотель, который въ четыре года построилъ Успенскій соборъ (освященный въ 1479 и существующій понынѣ). Съ Аристотеля начинается уже не прерывавшійся рядъ иноземныхъ художниковъ, мастеровъ, ремесленниковъ въ службѣ русскаго государства. Аристотель служилъ не однимъ искусствомъ зодчаго; онъ былъ также литейщикъ, отливалъ пушки, колокола, чеканилъ монету. Другіе итальянцы, Маркъ Фрязинъ, Петръ Антоній, построили соборъ Благовѣщенскій и Грановитую палату (1487—91), строили кремлевскія стѣны и башни; миланскій архитекторъ Алевизъ основалъ въ 1499 теремный дворецъ въ Кремлѣ; фрязинъ Дебосисъ отлилъ царь-пушку. Въ то же время

вызывали другихъ пушечныхъ мастеровъ, серебрениковъ, рудознатцевъ, т.-е. мастеровъ горнаго дѣла и т. п. Въ 1491 нѣмцы Иванъ и Викторъ отыскиваютъ руду въ печерскомъ краѣ и полагаютъ у насъ начало горному дѣлу. Въ сношеніяхъ съ иноземными государями Иванъ III проситъ ихъ (напр., курфюрста саксонскаго и другихъ) пропускать къ нему иноземцевъ; изъ Москвы ведутся дѣла съ любскимъ книгопечатникомъ Варѳоломѣемъ и т. д. [1]).

Съ тѣхъ поръ призывы и пріѣзды иноземцевъ становятся дѣломъ весьма обычнымъ въ московскомъ государствѣ. Они необходимы вездѣ, гдѣ требуется научное знаніе, техническое искусство, болѣе высокое ремесло; они необходимы какъ архитекторы, литейщики, денежники, металлурги, пушкари, врачи и т. д., какъ переводчики для посольскаго приказа и для сопровожденія русскихъ пословъ въ чужіе края, наконецъ, какъ мастеровые. Этими людьми очень дорожили, и Карамзинъ замѣчаетъ справедливо, что уже съ этого времени „иноземцамъ съ умомъ и дарованіемъ легче было тогда въѣхать въ Россію, чѣмъ выѣхать изъ нея“ [2]). Дѣйствительно, нерѣдко иноземцамъ приходилось въ Россіи довольно жутко. Разъ поступивши на службу, они подвергались иногда такому же обращенію, какъ русскіе служилые люди, не выносили этого, желали вернуться домой, но было уже поздно— ихъ не выпускали: съ одной стороны, нужны были ихъ услуги,— свои люди не могли замѣнить ихъ; съ другой—боялись, что они разнесутъ неблагопріятныя извѣстія о московскомъ государствѣ. При Василіи Ивановичѣ продолжались постройки съ помощью иноземцевъ: въ Москвѣ Алевизъ укрѣплялъ кремлевскіе рвы, въ Нижнемъ-Новгородѣ Петръ Фрязинъ строилъ крѣпость и пр. При царѣ состояли иноземные врачи—грекъ Маркъ, Ѳеофилъ, Николай Булевъ или Люевъ; послѣдній, подъ именемъ Николая Нѣмчина, извѣстенъ, между прочимъ, по сочиненіямъ Максима Грека, обличавшаго его звѣздочетство. Дмитрій Толмачъ, посылаемый въ Римъ, показывалъ Іовію портретъ царя Василія Ивановича, писанный, вѣроятно, не русскимъ живописцемъ [3]).

При Иванѣ Грозномъ число иноземцевъ въ Россіи еще размножается. Извѣстно дѣло саксонца Шлитта, которому царь поручалъ набрать на русскую службу иноземныхъ знающихъ людей и мастеровъ по всякимъ спеціальностямъ. Бывши въ Москвѣ (1547) и выучившись по-русски, Шлиттъ заинтересовалъ царя

---

[1]) Карамзинъ (изд. Смирдина), VI, 71—80, 224—227 и др.

[2]) Карамзинъ, VII, стр. 187.

[3]) Кар. VII, 225.

разсказами объ иностранныхъ наукахъ и искусствахъ, неизвѣстныхъ въ Россіи, и имѣлъ отъ него оффиціальное порученіе съ упомянутой цѣлью. Дѣло не удалось; императоръ Карлъ V согласился-было на желаніе московскаго царя, но любекскій сенатъ и Ливонскій орденъ успѣли внушить опасенія относительно усиленія Москвы; Шлитта задержали въ Любекѣ и посадили въ тюрьму; спутники его разсѣялись, но многимъ удалось пробраться въ Россію. Уже много лѣтъ спустя Шлиттъ вернулся въ Москву, снова дѣлалъ Ивану IV разныя предложенія, частью резонныя, какъ, напр., чтобы царь имѣлъ постояннаго резидента при дворѣ нѣмецкаго императора, устроилъ почту изъ Москвы до Аугсбурга, нанялъ нѣсколько тысячъ иностраннаго войска (послѣднее и было сдѣлано уже вскорѣ, при Борисѣ и Михаилѣ Ѳедоровичѣ)... По нѣкоторымъ извѣстіямъ, число приглашенныхъ тогда Шлиттомъ иноземцевъ (вѣроятно, именно нѣмцевъ) простиралось до 300; по бумагамъ Шлитта, уцѣлѣвшимъ въ кенигсбергскомъ архивѣ, насчитано больше ста человѣкъ [1]).

Великой исторической заслугой Ивана IV считаютъ его планы пріобрѣтенія Ливоніи, въ которыхъ онъ предшествовалъ Петру, ища выхода въ западную Европу. Планы не удались, и еслибы вообще политическія дѣянія Ивана IV не прерывались безумствами и свирѣпостями, можно было бы уже тогда ожидать иного поворота нашей внутренней исторіи. Иванъ IV вѣроятно еще гораздо больше своихъ предшественниковъ чувствовалъ превосходство западной науки. Въ его время иноземцы уже населяли въ Москвѣ особую слободу, которой суждено было еще до временъ Петра играть не малую роль въ ознакомленіи русскихъ съ иноземнымъ образованіемъ и нравами. Иванъ IV видимо очень интересовался иноземцами, любилъ бесѣдовать съ ними (Поссевинъ, Горсей, Веттерманъ и др.); иноземецъ, врачъ Елисей Бомелій, былъ однимъ изъ его любимцевъ и гнуснѣйшихъ клевретовъ, своими интригами и наушничествомъ наводившій его на казни и на нелѣпые планы—

---

[1]) Этотъ списокъ очень любопытенъ. Здѣсь были именно: 4 теолога (!), 4 медика, 2 юриста, 2 аптекаря, 2 оператора, 8 цырюльниковъ, 8 подлекарей, 1 плавильщикъ, 2 колодезника, 2 мельника, 8 плотника, 12 каменьщиковъ, 8 столяровъ, 2 архитектора, 2 литейщика, 1 стекольщикъ, 1 бумажный мастеръ, 2 рудокопа, 1 человѣкъ искусный въ водопроводствѣ, 5 толмачей, 2 слесаря, 2 часовщика, 1 садовникъ для винограда, другой для хмѣля, 1 пивоваръ, 1 денежникъ, 1 пробирщикъ, 2 повара, 1 пирожникъ, 1 солеваръ, 1 карточникъ, 1 ткачъ, 4 каретника, 1 скорнякъ, 1 маслобой, 1 горшечникъ, 1 типографщикъ, 2 кузнеца, 1 мѣдникъ, 1 коренщикъ, 1 пѣвецъ, 1 органистъ, 1 шерстобой, 1 сокольникъ, 1 штукатуръ, 1 мастеръ для варенія квасцовъ, другой для варенія сѣры, 4 золотаря, 1 плющильщикъ, 1 вереплетчикъ, 1 портной.—Карамз., VIII, пр. 206.

напримѣръ, какъ говорятъ, на извѣстное намѣреніе бѣжать въ Англію [1]).

Еще до Ивана IV иноземцы являются въ русскомъ войскѣ прежде всего въ качествѣ пушкарей. По словамъ Герберштейна, русскіе его времени были плохіе артиллеристы, и это дѣло поручалось нѣмцамъ, которые не разъ оказывали русскимъ большія услуги искуснымъ употребленіемъ артиллеріи [2]). Въ ливонской войнѣ Грознаго дѣйствовали пушкари нѣмецкіе и шотландскіе [3]). Русское войско было сначала главнымъ образомъ конное; пѣшіе ратники употреблялись только для работъ; при Василіи Ивановичѣ, какъ говорятъ, въ первый разъ введена была въ бой пѣхота съ пушками; у него былъ особый отрядъ, въ 1500 человѣкъ, изъ литовцевъ и другихъ пришлыхъ людей, который послужилъ первымъ началомъ постоянной пѣхоты.

Ивана IV видимо занимали и высшіе интересы знанія; эти интересы сливались тогда съ вопросами религіозными, и царь вступалъ въ диспуты съ богословами католическими и протестантскими,—для этой цѣли, безъ сомнѣнія, требовались и тѣ четыре теолога, которыхъ долженъ былъ Шлиттъ вывезти изъ Германіи. Простымъ людямъ, какъ псковскому лѣтописцу, казалось даже, что нѣмчинъ Елисѣй почти успѣлъ отвести царя отъ истинной вѣры,—этому можно было повѣрить, когда царь люто казнилъ самихъ іерарховъ, и въ Александровской слободѣ совершалъ съ опричниками буйныя кощунства. Въ дѣйствительности, онъ, разумѣется, не думалъ отходить отъ православія; въ спорахъ съ иновѣрными противниками умѣлъ защищать достоинство православія и сурово останавливалъ ихъ, когда споръ малѣйшимъ образомъ затрогивалъ его православное чувство,—но эти бесѣды питали его теоретиче-

---

1) Псковскій лѣтописецъ изображаетъ дѣло такъ, какъ будто Бомелій былъ нарочно подосланъ къ Ивану IV его врагами нѣмцами. „А къ нему прислаша нѣмчина лютаго волхва, нарицаемаго Елисѣя, и бысть ему любимъ, въ приближеніи. И положи на царя страхованіе... и конечнѣ былъ отвелъ царя отъ вѣры: на русскихъ людей царю возложи свѣрѣпство, а къ нѣмцамъ на любовь преложи. Понеже безбожніи узнали своими гаданіи, что было имъ до конца разореньмъ быти, того ради таковаго злаго еретика и прислаша къ нему, понеже русскіе люди прелестни и падки на волхвованіе; и много множества роду боярскаго и княжеска взути убити царева, послѣди же и самого приведе наконецъ еже бѣжати въ Аглинскую землю и тамо женитися, а свои было бояре оставшіе побити. Того ради и не даша ему тако сотворити, но самого смерти предаша, да не до конца будетъ Русское царство разорено и вѣра христіанская. Сицева бысть держава грознаго царя Ивана Васильевича". Псковск. лѣт. под. 1570 г. (Собр. лѣтоп., IV, стр. 318).

2) Герберштейнъ, стр. 78, 140—144; Майербергъ, 181.

3) Карамз., IX, 253.

скую пытливость. Иноземное знаніе, повидимому, производило на него большое впечатлѣніе; начетчикъ по русскимъ книгамъ, онъ любилъ похвастаться своими знаніями, которыми, безъ сомнѣнія, далеко дѣйствительно превышалъ своихъ окружающихъ; презирая подданныхъ какъ рабовъ, онъ, кажется, хотѣлъ презирать ихъ и какъ невѣждъ, и это было вѣроятно одно изъ побужденій, внушавшихъ ему не разъ имъ высказанное пренебреженіе къ русскимъ. Это пренебреженіе было очень велико. Иванъ Васильевичъ,—говоритъ Флетчеръ,—„хвалится обыкновенно, что его предки не были родомъ русскіе". Однажды, отдавая заказъ своему ювелиру, англичанину, онъ велѣлъ ему хорошенько свѣсить металлъ, „а то мои русскіе всѣ воры". Тотъ улыбнулся, и на вопросъ царя сказалъ, что удивляется его словамъ, такъ какъ и самъ онъ русскій. „Ты ошибаешься,—отвѣтилъ царь,—я не русскій; мои предки были нѣмцы" [1]). При этомъ ему не приходило только въ голову, какія были причины испорченности и рабской приниженности его подданныхъ и что́ дѣлалъ онъ самъ для развитія тѣхъ качествъ, по которымъ онъ не желалъ быть русскимъ... Это нежеланіе считаться русскимъ есть, конечно, одна изъ множества болѣзненныхъ фантазій Ивана Грознаго, но что-нибудь должно было дать ей основаніе.

При Ѳедорѣ Ивановичѣ и Годуновѣ продолжаются призывы иноземцевъ. У царя было два иностранныхъ врача—англичанинъ и итальянецъ; были уже настоящія аптеки, содержимыя, конечно, иноземцами; искусные ювелиры, между которыми извѣстенъ венеціанецъ Асцентини. Въ Россію очень зазывали знаменитаго тогда математика, астролога и алхимика Джона Ди—быть можетъ, Борисъ имѣлъ въ виду сдѣлать его учителемъ своего сына, которому въ тайнѣ готовилъ престолъ. Посылая, въ 1597, посольство къ императору, царь поручилъ своему послу, во что бы ни стало, вызвать изъ Италіи людей, умѣющихъ находить и плавить золотую и серебряную руду—это дѣло все еще не шло у насъ за неимѣніемъ знающихъ людей [2]).

При Борисѣ это стремленіе воспользоваться иноземными силами для пользъ государства и наконецъ для общественнаго образованія, выростаетъ больше, чѣмъ когда-нибудь прежде. Историкъ его царствованія дѣлаетъ замѣчаніе, вѣроятно, совершенно справедливое, что на это усиленіе иноземнаго элемента не безъ вліянія осталось то обстоятельство, что въ Россію издавна пере-

---

[1]) Флетчеръ, гл. V.

[2]) Карамз., X, стр. 240, 248 -259.

селялись въ большомъ числѣ, и вступали на русскую службу, иноземные болѣе или менѣе знатные роды, отъ которыхъ вели свое происхожденіе многія боярскія и дворянскія фамиліи. Правда, „эти выходцы и ихъ потомки скоро русѣли, тѣмъ не менѣе ихъ иностранный типъ, внутренній и внѣшній, долженъ былъ непремѣнно влiять на нашихъ первостепенныхъ людей служилыхъ, особенно, если примемъ въ соображеніе, что выѣзды въ Москву иноземныхъ благородныхъ родовъ продолжались, въ теченіе вѣковъ, безпрерывно“ [1]). Надо думать, что въ этихъ иноземныхъ родахъ, хотя потомъ и обрусѣвшихъ, въ теченіе нѣкотораго времени все еще хранились западныя культурныя привычки и что этимъ элементомъ до нѣкоторой степени уравновѣшивалась другая, очень мало культурная стихія, которая вступала въ русскую аристократію съ выходцами изъ татарской орды.

Мы упоминали выше о томъ мнѣніи иностранныхъ писателей, что русское правительство временъ московскаго царства опасалось допускать западное просвѣщеніе къ своимъ подданнымъ, изъ боязни, что оно могло бы познакомить ихъ съ болѣе свободной жизнью западной Европы и ослабить ихъ вѣру и рабскую покорность. Карамзинъ,—и вслѣдъ за нимъ новые историки, представляющіе въ розовомъ свѣтѣ московскую старину,—отвергаетъ это мнѣніе. Упомянувъ о разсказахъ Флетчера, что цари не дозволяютъ подданнымъ выѣзжать изъ отечества, боясь просвѣщенія, къ которому, однако, русскіе весьма способны, и что только послы или бѣглецы русскіе являются изрѣдка въ Европѣ, Карамзинъ замѣчаетъ: „сказаніе отчасти ложное: мы не странствовали, ибо не имѣли обычая странствовать, еще не имѣя любопытства, свойственнаго уму образованному; купцамъ не запрещалось торговать внѣ отечества, и самовластный Іоаннъ посылалъ молодыхъ людей учиться въ Европѣ“ [2]). Дальше онъ говоритъ положительнѣе: „цари, безъ сомнѣнія, не боялись просвѣщенія, но желали, какъ могли или умѣли, ему способствовать; и если не знаемъ ихъ мысли, то видимъ дѣла ихъ, благопріятныя для гражданскаго образованія Россіи“. Но именно дѣла не указываютъ особеннаго довѣрія къ просвѣщенію. Первое и главное побужденіе обращаться къ иноземцамъ была, какъ мы видѣли, одна необходимость. Нужно выстроить первопрестольный храмъ, дворецъ самому царю, пышную палату для пріема иноземныхъ пословъ, стѣны и башни для

---

[1]) Павловъ, Объ историческомъ значеніи царствованія Бориса Годунова. Спб. 1863 (2-е изд.), стр. 124.

[2]) Карамзинъ, X, стр. 238—240.

укрѣпленія Кремля—свои хорошенько сдѣлать не умѣютъ, зданія валятся, надо вызвать иностранцевъ; нужно завести артиллерійскій снарядъ—свои не умѣютъ отливать пушекъ и хорошенько стрѣлять изъ нихъ, и надо брать иноземныхъ литейщиковъ и пушкарей; надо изготовить изъ накопленнаго золота и серебра красивую посуду, драгоцѣнное ювелирное украшеніе—свои дѣлаютъ грубо и только послѣ выучиваются у иноземцевъ; надо лечиться отъ болѣзней—свои знахари видимо перестали внушать довѣріе, надо взять иноземныхъ лекарей, которые прежде всего являются только лично у царя, потомъ находятъ практику и среди боярства; возбуждается личное суевѣрное любопытство—интересно имѣть человѣка, знакомаго съ иноземной астрологіей; открылась руда на Уралѣ—надо найти людей, которые съумѣютъ ее разработать; приходится воевать съ арміями, устроенными по западному образцу—надо выучить и свое войско и для того призвать на службу иноземныхъ офицеровъ, и т. д. Словомъ, господствующій мотивъ призыва иноземцевъ была прямая практическая надобность государства и царскаго двора, что̀ почти совпадало, какъ самое государство было только большимъ хозяйствомъ царя. Объ „обществѣ" не думали; не считали еще нужнымъ справляться объ умственныхъ потребностяхъ, какія могли возникать въ его средѣ; не думали также и о томъ, чтобы основать у себя школы, которыя могли бы поставлять своихъ врачей, архитекторовъ, металлурговъ, артиллеристовъ, если надо—астрологовъ и т. п. Фактъ остается тотъ, что со второй половины XV-го вѣка и до второй половины XVII-го, въ теченіе двухъсотъ лѣтъ, когда заявилась положительно и затѣмъ развилась въ обычное правило необходимость прибѣгать къ западной образованности,—въ московской Россіи не было м ы с л и объ основаніи какой-нибудь правильной школы, и этой школы н е б ы л о. Въ тогдашнемъ, какъ и въ позднѣйшемъ порядкѣ вещей, школа могла быть основана только властью, гражданской и церковной, и почему же ничего не было сдѣлано? Иностранцамъ, которые знакомы были съ характеромъ и дѣйствіемъ науки и которые видѣли русскіе нравы и правленіе, приходило въ голову одно объясненіе—что въ Россіи власть б о и т с я науки, и объясненіе не было неосновательно. Въ Россіи не имѣли, разумѣется, никакого яснаго представленія объ иноземной наукѣ, но тѣмъ не менѣе уже боялись ея по одному тому, что отъ науки могутъ расплодиться ереси. Отъ доморощенныхъ „философовъ" и безъ того происходило разномысліе о церковныхъ вещахъ и даже настоящія еретическія ученія. Когда и безъ школъ являлись стригольники и жидовствующіе, являлись Башкины и

Косые, то чего можно было ждать отъ школы, гдѣ для изученія иноземныхъ наукъ надо было посадить учителями иноземцевъ? Можно сказать, что эта мысль просто не вмѣщалась въ головы даже лучшихъ людей XV и XVI-го вѣка. Говорятъ, что Грозный посылалъ молодыхъ людей учиться въ Германію [1]); таковъ, напр., былъ Лыковъ, тѣмъ же Грознымъ казненный; но мы не видимъ плодовъ этой посылки—вѣроятно, наука не шла дальше изученія какого-нибудь иностраннаго языка для службы въ посольскомъ приказѣ. Въ это время еще крайне рѣдки люди, знающіе иностранные языки; и позднѣе, это знаніе было хотя и болѣе распространено, но все-таки было случайно: или предусмотрительный отецъ добылъ гдѣ-нибудь учителя-иноземца, который выучилъ латыни и, можетъ быть, еще начаткамъ какой-нибудь науки; или человѣкъ жилъ въ плѣну или въ посольствѣ въ Литвѣ и Польшѣ, и тамъ научился по-польски; или служилъ на нѣмецкой границѣ и т. п. Бо́льшая забота о домашнемъ ученьѣ начинается уже только со второй половины XVII вѣка...

Въ предъидущей главѣ мы привели весьма категорическія объясненія иностранцевъ о томъ, кто и по какимъ опасеніямъ мѣшалъ въ Россіи основанію правильной школы. Съ ихъ отзывами объ отсутствіи школъ и о запрещеніи путешествій весьма близко совпадаютъ замѣчанія Котошихина—еще неизвѣстнаго въ Карамзинское время.

Разсказывая о посольскихъ порядкахъ, о томъ, какъ посламъ даются обыкновенно самые подробные и настоятельные наказы, и какъ не смотря на то, со стороны пословъ бываетъ все-таки „обманство", Котошихинъ объясняетъ, почему это такъ бываетъ. „Россійскаго государства люди,—пишетъ онъ,—породою своею спесивы и необычайные (т.-е. непривычные) ко всякому дѣлу, понеже въ государствѣ своемъ наученія никакого добраго не имѣютъ и не пріемлютъ, кромѣ спесивства и безстыдства и ненависти и неправды; и ненаученіемъ своимъ говорятъ многіе рѣчи къ противности,.. а потомъ въ тѣхъ своихъ словахъ временемъ запрутся и превращаютъ на иные мысли" и т. д. (припомнимъ, что разсказываютъ объ упорной лживости москвитянъ иностранные писатели). „Благоразумный читателю! — продолжаетъ Котошихинъ:—чтучи сего писанія не удивляйся. Правда есть всему тому; понеже для науки и обычая въ иные государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣры и обычаи, и волность благую, начали-бъ свою вѣру

[1]) Ср. Карамз. IX, 165; X, 238.

отмѣнить и приставать къ инымъ, и о возвращеніи къ домомъ своимъ и къ сродичамъ никакого бы попеченія не имѣли и не мыслили". Любопытно, что онъ не предполагаетъ, чтобы была какая-нибудь возможность пріобрѣсти „науку и обычай" иначе, какъ поѣхавши въ иныя государства; ему не приходитъ мысль, что могла бы быть своя школа дома... „И о поѣздѣ московскихъ людей (за границу), кромѣ тѣхъ, которые посылаются по указу царскому и для торговли съ проѣзжими (т.-е. грамотами), ни для какихъ дѣлъ уѣхати никому не поволено. А хотя торговые люди ѣздятъ для торговли въ иные государства, и по нихъ, по знатныхъ нарочитыхъ людехъ, собираютъ поручные записи, за крѣпкими поруками, что имъ съ товарами своими и зъ животами въ иныхъ государствахъ не остатися, а возвратитися назадъ совсѣмъ. А которой бы человѣкъ, князь или бояринъ, или кто-нибудь, самъ, или сына, или брата своего, послалъ для какого-нибудь дѣла въ иное государство безъ вѣдомости, не бивъ челомъ государю, и такому бъ человѣку за такое дѣло поставлено было въ измѣну, и вотчины и помѣстья и животы взяты бъ были на царя; и еслибъ кто самъ поѣхалъ, а послѣ его осталися сродственники, и ихъ бы пытали, не вѣдали ль они мысли сродственника своего; или бъ кто послалъ сына, или брата, или племянника, и его потому жъ пытали бъ, для чего онъ послалъ въ иное государство, не напроваживаючи ль какихъ воинскихъ людей на московское государство, хотя государствомъ завладѣти, или для какого иного воровского умышленія по чьему наученію"... [1])

По старой памяти объ отъѣздахъ бояръ въ Литву, о всякихъ измѣнахъ въ Смутное время, о самозванцахъ, опасенія были политическія, и московская власть не знала въ нихъ мѣры; но къ нимъ присоединилась и замѣченная иностранными писателями боязнь, чтобы русскіе люди не набрались въ иныхъ государствахъ другихъ вѣръ и „благой вольности".

Далѣе, по поводу Ивана III, Карамзинъ такъ опредѣляетъ взглядъ его на образованіе:.. „Іоаннъ, чувствуя превосходство другихъ европейцевъ въ гражданскихъ искусствахъ, ревностно желалъ заимствовать отъ нихъ все полезное, кромѣ обычаевъ, усердно держась русскихъ; оставлялъ вѣрѣ и духовенству образовать умъ и нравственность людей; не думалъ въ философическомъ смыслѣ (?) просвѣщать народа, но хотѣлъ доставить ему плоды наукъ, нужнѣйшіе для величія Россіи" [2]). Другими сло-

---

[1]) Котошихинъ, гл. IV, 24. Ср., кромѣ упомянутыхъ выше, отзывы шведскихъ дипломатовъ въ XVII столѣтіи. Herrmann, Gesch. des russ. Staates, III, 541.

[2]) Томъ IV, стр. 80.

вами, „умъ“ оставался въ первобытномъ состояніи, а „плоды наукъ“ усвоивались просто тѣмъ, что призывались иноземные ученые люди и мастера, а сами русскіе плодами не овладѣвали—кромѣ того, что перенимали нѣкоторыя практическія мастерства. Такъ, напр., къ концу XVI вѣка у насъ выучились уже сами отливать пушки, явились собственные искусные ювелиры и подобные мастера, но до самаго XVIII вѣка, до основанія медицинскихъ школъ, не бывало русскихъ врачей, какъ не бывало русскихъ физиковъ, математиковъ, знатоковъ горнаго дѣла, не говоря о всякихъ другихъ наукахъ. Такимъ образомъ, способъ усвоенія западныхъ „плодовъ наукъ“, практиковавшійся по примѣру Ивана III до конца XVII вѣка, одобряемый Карамзинымъ и рекомендуемый потомъ славянофильскими историками какъ „самобытное“ отношеніе московской Россіи къ западному образованію, имѣлъ только тотъ результатъ, что невѣжество продолжалось и помощь чужого ума оставалась необходимой. Словомъ, московская Россія совсѣмъ не усвоила западной науки и только прямо искала чужихъ знающихъ людей для практическихъ потребъ государства, и безъ ихъ помощи не могла ступить шага въ предметахъ науки.

Но не смотря на то, и при этомъ положеніи дѣла, при полномъ отсутствіи школы, природа, гонимая въ дверь, влетала въ окна, и возникало броженіе понятій. Таково было движеніе, выразившееся ересями. Въ средніе вѣка философскіе вопросы, пытливость умовъ сводились всегда къ вопросамъ религіознымъ,—какъ научное знаніе заключалось въ схоластической философіи; у насъ этой философіи не было, но мысль не оставалась недѣятельной, и работала въ той области, гдѣ были собраны основные вопросы знанія о мірѣ и вопросы нравственности, т.-е. въ области религіозной; даже въ предоставленныхъ самимъ себѣ народныхъ массахъ, на основаніи христіанскаго миѳа и собственной фантазіи, складывалась легендарная космогонія и апокрифическое вѣроученіе. Установленіе догмы еще въ первые вѣка христіанства сопровождалось обильнымъ потокомъ ересей и лжеученій, который не прекратился и потомъ, когда эта догма была закончена авторитетомъ церкви;—этотъ потокъ продолжается даже и до нашихъ дней. Въ предѣлы русской церкви, собственно говоря, не дошли отголоски старыхъ ересей перваго христіанства, которыхъ номенклатура и содержаніе извѣстны были только по обличеніямъ церковныхъ писателей; одно богомильство заносилось въ народную массу въ видѣ баснословныхъ сказаній,—тѣмъ не менѣе въ самой русской церкви возникли ереси, порожденныя стремленіемъ разрѣшать всякія практическія и отвлеченныя противорѣчія и не-

доумѣнія, на которыя не находили отвѣта. Извѣстны примѣры такихъ недоумѣній, засвидѣтельствованные въ XII-мъ вѣкѣ „Вопросами Кирика“: недоумѣнія бывали очень простодушныя, какъ и тѣ, которыя поднимались даже въ XV-мъ столѣтіи, когда, напр., псковскіе „философы“ поспорили о томъ, слѣдуетъ ли пѣть: „Осподи помилуй“, или: „О Господи помилуй“, или какъ споры о томъ, слѣдуетъ ли двоить или троить аллилуію и т. д. Но рано уже начинаются болѣе серьезныя недоумѣнія и разногласія съ церковнымъ ученіемъ. Въ концѣ XIV вѣка появилась ересь стригольниковъ, противъ которой церковная власть должна была употребить суровыя мѣры; ересь появилась въ Новгородѣ, гдѣ особенно было распространено книжничество. Въ концѣ XV-го вѣка явилась новая ересь, тайнымъ приверженцемъ которой былъ самъ московскій митрополитъ и которой послѣдователи нашлись въ ближайшей обстановкѣ великаго князя. Гнѣздомъ ереси былъ опять Новгородъ, и кромѣ жидовства въ этой ереси находятъ отголоски именно западнаго книжнаго раціонализма и суевѣрій астрологическихъ. Какъ ни велика была подозрительность къ иноземцамъ, вѣра которыхъ было поганое латынство или „люторство“, ихъ знаніе очень интересовало русскихъ, и въ первой половинѣ XVI-го вѣка пишутся обличенія противъ „прелестника“ Николая Нѣмчина, астрологія котораго завлекала книжныхъ людей, даже вполнѣ благочестивыхъ; въ концѣ столѣтія, какъ мы видѣли, русскіе люди жаловались, что нѣмчинъ Бомелій чуть не отвелъ отъ православной вѣры самого царя, Ивана Грознаго, а преемникъ послѣдняго—постникъ и молчальникъ, „умащавшій свою душу божественными глаголами“, очень желаетъ зазвать къ своему двору англійскаго астролога. Звѣздочетство, однако же, строго запрещалось церковнымъ ученіемъ: такъ, сама московская Россія не въ силахъ была сопротивляться соблазнамъ запада, на этотъ разъ являвшимся въ видѣ астрологіи. Ересь Башкина, Косого и троицкаго игумена Артемія, отчасти, повидимому, преувеличенная подозрительными церковными властями, указываетъ, однако, на развивавшуюся пытливость,—которой не могъ удовлетворить установленный обычай [1]). Дальше, въ XVII столѣтіи, несмотря на то, что власть по прежнему не думала „просвѣщать народа въ философическомъ смыслѣ“ и старые обычаи неизмѣнно рекомендовались,—въ жизнь двора и высшаго класса все больше и больше

---

[1]) Объ игуменѣ Артеміи говорятъ, что, живя во Псковѣ, онъ нарочно ѣздилъ въ Нейгаузенъ, чтобы бесѣдовать тамъ объ ученіи Лютера.

проникало пристрастіе къ иноземному, и старый обычай все больше подрывался.

Усиленное обращеніе къ иноземному, какъ мы замѣтили, начинается со временъ Бориса Годунова. На первыхъ порахъ царствованія, онъ для своего личнаго обезпеченія среди враждебныхъ партій составилъ цѣлый отрядъ изъ иноземныхъ тѣлохранителей: это были ливонскіе нѣмцы, покинувшіе родину и теперь богато одаренные отъ Годунова не только деньгами, но помѣстьями и крестьянами. Въ то же время начались дѣятельныя сношенія съ западомъ. Въ своихъ семейныхъ интересахъ онъ велъ переговоры съ владѣтельными домами въ Англіи, Австріи, Даніи, Голштиніи, отыскивая невѣсту для своего сына и, надѣясь, посредствомъ брака на иноземной принцессѣ, поднять свой родъ надъ всѣми боярскими родами. По дѣламъ государственнымъ онъ велъ сношенія съ Любекомъ, Тосканой, вызывая въ Москву ученыхъ и ремесленниковъ, поручалъ своему посланцу, Роману Бекману, пригласить въ царскую службу врачей, рудознатцевъ, суконниковъ и другихъ мастеровъ. Для лучшаго устройства торговыхъ дѣлъ съ англичанами, онъ основалъ городъ Архангельскъ. Наконецъ, Годуновъ думалъ о заведеніи школъ по иноземному образцу, о введеніи западнаго образованія...

Сохранилась любопытная „наказная память“, выданная въ 1600 г. упомянутому Бекману, гдѣ наглядно отражаются черты быта и тогдашней любознательности [1]). По обыкновенію, наставленіе написано очень обстоятельно. Бекману поручалось ѣхать въ „Любку“, на что даны грамоты царскія къ тамошнимъ „буймистрамъ, ратманамъ и полатникамъ“ и проѣзжія грамоты къ „свѣйскому Арцы-Карлусу“ и т. д. Бекману надо было ѣхать на Псковъ, и тамошнему боярину отдать царскую грамоту, чтобы изъ Пскова отпустили посланца „тотчасъ нешумно, чтобъ того иноземцы не увѣдали“. Въ Любекѣ Бекманъ долженъ былъ передать царскую грамоту тамошнимъ властямъ, чтобъ они „прислали его царскому величеству дохтора навычного, который бы навыченъ всякому дохторству и умѣлъ лечить всякіе немощи, тѣмъ бы къ царскому величеству радѣтельную службу показали, отпустили дохтора съ нимъ (Бекманомъ) вскорѣ“. Но это надо было сдѣлать осмотрясь. „А напередъ всего Роману, пріѣхавъ въ Любку, провѣдати тутошныхъ людей, есть ли въ Любкѣ дохторъ Яганъ Фазманъ [2]) и каковъ онъ къ дохторскому дѣлу съ

---

[1]) Акты историч. II, стр. 31—33.

[2]) Въ Москвѣ, очевидно, были о немъ слухи отъ пріѣзжихъ иноземцевъ.

иными дохторы, гораздо ли навыченъ, и кто иныхъ дохторовъ есть въ Любкѣ навычныхъ, и есть ли того дохтора Ягана къ дохторскому дѣлу лучше или онъ изо всѣхъ лутчей? Да будетъ онъ лутчей, и Роману объ немъ и говорить; а будетъ иные дохторы въ Любкѣ есть гораздѣ его, и Роману потому буймистромъ и ратманомъ и полатникомъ (говорить), и промышлять тѣмъ накрѣпко" и пр. А если въ Любкѣ почему-нибудь откажутъ и будутъ мѣшать, тогда „Роману промышлять въ Любкѣ дохторомъ самому", т.-е. самому добывать доктора. И кромѣ того: „а будетъ, ѣдучи дорогою, въ городѣхъ, въ Ригѣ и въ Королевцѣ (Кенигсбергѣ), и въ Гданскѣ, и въ Штатинѣ, и въ Ростокѣ и въ иныхъ городѣхъ, гдѣ можно промыслить гораздыми дохторы, которые бы навычны были въ дохторствѣ, и Роману всякими обычаи промышлять дохторомъ накрѣпко". Вмѣстѣ съ тѣмъ Роману поручалось отыскать мастеровыхъ людей, рудознатца, суконнаго мастера и часовника, причемъ „сказывать имъ государево жалованье и отпускъ повольной, что имъ прiѣхать и отъѣхать во всемъ будетъ повольно безъ всякаго задержанья". Мы упоминали, что именно „отъѣзжать" изъ Россiи иноземцамъ было обыкновенно очень трудно: ихъ подъ разными предлогами старались задерживать и даже высылали для этого изъ Москвы въ отдаленные города, изъ которыхъ выбраться было не легко. Наконецъ, особое порученiе относительно часового мастера: „Да и въ Любкѣ-жъ живетъ часовникъ, родомъ агличенинъ, а у него часы боевые стоячiе, съ бои, и съ перечасьи, и съ планитами, и съ алманаками, бьютъ передъ часы перечасья во многiе колоколы, какъ бы поютъ многими гласы, а въ тѣ поры выходятъ люди, а стоятъ тѣ часы въ костелѣ. И Роману тѣ часы у часовника сторговати на товары, какъ будетъ пригоже, чтобъ царской казнѣ прибыльнѣе; да и часовнику говорити, чтобъ онъ ѣхалъ съ тѣми часы ко государю и великому князю Борису Θедоровичу всеа Русiи, къ Москвѣ, а царское величество его пожалуетъ"... [1]).

О намѣренiяхъ Годунова относительно основанiя свѣтскихъ школъ—дѣла, еще небывалаго на Руси—современный иностранный писатель, жившiй въ Россiи, разсказываетъ, что Годуновъ „предложилъ государственному совѣту (т.-е. боярской думѣ) вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германiи, Италiи, Испанiи,

[1]) У Бориса было, по словамъ Бера (Буссова), нѣсколько нѣмецкихъ врачей, которые должны были лечить только его одного, и самые знатные бояре могли получать ихъ совѣты только съ разрѣшенiя царя. Одного доктора уступилъ ему англiйскiй посланникъ. Устряловъ, Сказанiя соврем. о Дим. Самозв. Спб. 1859, 3-е изд. I, стр. 19—20.

Франціи, Англіи, и для изученія разныхъ языковъ учредить школы; но попы и монахи противились такому намѣренію, объявивъ, что въ Россіи, не взирая на обширное пространство ея, доселѣ господствовало единовѣріе, единонравіе; если же настанетъ разноязычіе (?), поселится раздоръ и прежнее согласіе исчезнетъ. Борисъ оставилъ свое намѣреніе; однако-жъ послалъ въ чужія земли, для образованія, 18 молодыхъ дворянъ: 6 въ Любекъ, 6 во Францію и 6 въ Англію. Они скоро выучились языкамъ иностраннымъ; но только одинъ возвратился въ Россію, именно Дмитрій, данный шведскимъ королемъ въ переводчики Понту Делагарди; прочіе пустились въ свѣтъ и не хотѣли видѣть своего отечества" [1]). Иностранцы говорятъ даже, что Годуновъ намѣревался основать въ Москвѣ университетъ [2]).

Благоволя иноземцамъ, Годуновъ, повидимому, не имѣлъ предубѣжденія и противъ ихъ обычаевъ, которые могли вліять и на русское общество. По крайней мѣрѣ приверженцы старины упрекали потомъ Бориса, что онъ былъ „потаковникомъ для тѣхъ, кто послѣдовалъ латинской и армянской ереси, и очень любилъ такихъ людей, и старые люди стригли свои бороды, желая походить на юношей".

Съ переходомъ въ XVII-е столѣтіе культурныя заимствованія изъ Европы могутъ уже считаться установившимися. Когда были болѣе или менѣе исправлены безпорядки и потери, нанесенные Смутнымъ временемъ, московскіе цари возвращаются снова къ планамъ о пріобрѣтеніи береговъ Балтійскаго моря—они нужны были для торговли и вообще для облегченія сношеній, потому что теперь иноземная служба и работа въ войскѣ, искусствахъ, промышленности и т. д. становились уже дѣломъ обычнымъ и необходимымъ. Войско все больше преобразуется на европейскій ладъ. Съ XVII-го столѣтія въ составѣ арміи преобладаетъ уже пѣхота, которая считалась иностранцами даже за лучшую часть русскаго войска. Число стрѣльцовъ увеличивается, они состав-

---

[1]) Сказ. соврем., I, стр. 18. Показанія Буссова не вполнѣ точны; въ Любекъ было въ 1603 г. послано,—съ любскими послами, возвращавшимися домой изъ Москвы,— „пятеро робятъ", изъ которыхъ въ 1606 двое „побѣжали, невѣдомо за што"; въ Англію, изъ Архангельска, послано было въ 1602 году четыре человѣка русскихъ, а кромѣ того „францовскій нѣмчинъ" Жанъ Паркетъ, и англичанинъ,—эти послѣдніе „робята молоди, а на Москвѣ учились русскому языку". Карамз. XI, прим. 126; Пекарскій въ „Сборникѣ Акад. Наукъ", I, стр. LXVIII; грамоты объ отпускѣ въ Англію четырехъ дѣтей боярскихъ для обученія „разнымъ языкамъ и грамотамъ" въ Сборн. Историч. Общ. 1883, т. 38, стр. 424 и дал. См. также Иконникова въ „Рус. Стар". 1883, т. XL, стр. 19.

[2]) Карамз. XI, пр. 125.

ляютъ войско постоянное и правильно организованное. Число иностранныхъ офицеровъ, которымъ поручалось обученіе войскъ и самая команда, возрастаетъ до того, что во время Майерберга, въ шестидесятыхъ годахъ XVII столѣтія, въ московской службѣ было, кромѣ 4 генераловъ, больше 100 иноземныхъ полковниковъ и множество офицеровъ низшихъ ранговъ. Въ названіяхъ частей войскъ уже съ этихъ поръ появляются иностранныя слова, какъ рейтаръ, солдатъ, драгунъ, гусаръ и т. п. Начинается и книжное изученіе военнаго дѣла по иностраннымъ образцамъ. Еще въ началѣ столѣтія при царѣ Василіи Шуйскомъ переведена была, по его приказу, двумя нѣмецкими переводчиками посольскаго приказа „Воинская книга", гдѣ объяснялось приготовленіе пороха и излагались правила, какъ стрѣлять изъ пушекъ и пищалей. При Шуйскомъ и Михаилѣ Ѳедоровичѣ составленъ былъ, опять по иностраннымъ книгамъ, „Уставъ ратныхъ пушечныхъ и другихъ дѣлъ, касающихся до воинской науки", изданный Рубаномъ въ концѣ прошлаго столѣтія. При царѣ Алексѣѣ напечатанъ былъ, въ 1647 году, составленный ранѣе уставъ для обученія войскъ иноземному строю, подъ названіемъ: „Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей"; къ книгѣ приложены были чертежи, которые продавались и отдѣльно, чтобы солдатъ могъ ихъ купить и имѣть при себѣ [1]). Въ концѣ XVI вѣка бывали уже русскіе литейщики, но ихъ, вѣроятно, было мало, и продолжаются вызовы иноземныхъ мастеровъ: такъ при Олеаріи въ Москвѣ, въ Бѣломъ городѣ, былъ литейный заводъ подъ управленіемъ голландца Валька, но русскіе, работавшіе на этомъ заводѣ, по словамъ Олеарія, не уступали самымъ опытнымъ нѣмецкимъ мастерамъ. Войско, подъ управленіемъ иноземныхъ офицеровъ, по отзывамъ иностранцевъ, могло равняться съ лучшими европейскими войсками.

Иностранные военные люди подъ конецъ XVII вѣка составляютъ уже важный элементъ русскаго общества. Государственная необходимость заставляла искать опытныхъ военныхъ людей, и въ это время правительство могло имѣть въ распоряженіи множество людей этого рода. Въ западной Европѣ послѣ тридцатилѣтней войны осталось безъ дѣла множество военныхъ людей, готовыхъ предложить свои услуги; другихъ заставляли покидать отечество политическія обстоятельства, и въ числѣ такихъ людей бывали нерѣдко лица знатныхъ родовъ и высокаго положенія. Какъ великъ былъ притокъ иноземцевъ, можно судить по тому, что въ

---

[1]) Обручевъ, „Обзоръ рукописныхъ и печатныхъ матеріаловъ, относящихся до исторіи военнаго искусства въ Россіи по 1725 г." Спб. 1853.

одномъ 1661 году выѣхали въ Россію изъ Польши полковникъ Кравфурдъ съ 30 офицерами, въ числѣ которыхъ были: маіоръ Патрикъ Гордонъ и капитанъ Павелъ Менезіусъ; изъ Германіи полковникъ Шейнъ, подполковникъ Крейцъ, маіоръ Вестендорфъ, съ 39 капралами и рейтарами; изъ Шотландіи капитанъ Смитъ; изъ Любека ротмистръ Шульцъ съ 17 рейтарами; изъ Даніи полковникъ фонъ-Эгератъ и подполковникъ Страбель съ 136 офицерами и рейтарами; изъ Англіи подполковникъ Дикенсенъ съ товарищами; изъ Аугсбурга полковникъ фонъ-Подбергъ, полковники Гельмъ, Вильдъ, Ясманъ съ 12 ротмистрами, 9 капитанами, 18 поручиками, 15 прапорщиками, лекарями, гранатчиками, съ сотнею капраловъ и рейтаръ [1]). При Алексѣѣ Михайловичѣ предлагалъ вступить въ московскую службу даже лордъ Эргардтъ, начальникъ англійской кавалеріи; но дѣло почему-то не состоялось.

Изъ пріѣзжихъ иноземцевъ составилось, наконецъ, въ нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ цѣлое многочисленное населеніе. Многіе прямо пріѣзжали съ семействами; другіе обзаводились семьями въ Москвѣ; нѣкоторые даже принимали православіе; владѣя обыкновенно извѣстнымъ образованіемъ и часто достаткомъ, жители нѣмецкой слободы образовали особый слой служилыхъ людей, который при Петрѣ и пошелъ особенно въ ходъ. Многіе изъ служившихъ при немъ нѣмцевъ были московскіе уроженцы или провели дѣтство въ Москвѣ, хотя учиться ѣздили все-таки въ Германію. Таковъ былъ, напр., знаменитый лейбъ-медикъ Петра, Блюментростъ. Цари обыкновенно давали служилымъ иноземцамъ хорошее жалованье, награждали не только деньгами, но по примѣру Годунова и помѣстьями; наконецъ оставляли имъ свободу исповѣданія, позволяли строить свои „кирки“ и т. д.

Иноземцы служили государству и другими путями. Давно уже призывали въ Россію иноземныхъ рудознатцевъ; теперь иностранцамъ поручаемо было основаніе чугунныхъ и желѣзныхъ заводовъ, на что давались земли и разныя пособія; таковы были извѣстные заводы голландца Виніуса, датчанина Марселиса и др., далѣе заводы стеклянные, поташные и пр.

Присутствіе такого обширнаго контингента иностранцевъ съ вліятельнымъ положеніемъ въ войскѣ, въ промыслахъ, торговлѣ, посольской и придворной службѣ не могло не оказывать своего культурнаго дѣйствія на московское общество. Понятно, что вы-

---

[1]) Устряловъ, Русское войско до Петра Великаго, въ „Актѣ“ Спб. унив. 1856; Иконниковъ, ст. о Нащокинѣ въ „Русск. Стар.“, 1883, XL, стр. 33—34.

числять это дѣйствіе очень трудно; но о немъ съ значительною точностью можно судить по характеру правительственныхъ мѣръ и бытовымъ фактамъ. Большимъ дѣломъ было уже то, что несмотря на всю крайнюю религіозную исключительность стараго времени иностранцы получають все болѣе и болѣе мѣста на службѣ государства, причемъ необходимо должны были образовываться тѣсныя сношенія ихъ съ русскими, сношенія, которыхъ въ прежнее время очень опасались. Эти сношенія и не остались безъ того дѣйствія, котораго прежде такъ боялись правительство и особливо духовенство. Нравы начали измѣняться, и грозили все больше удаляться отъ старины.

Ко временамъ московскаго царства, вслѣдствіе причинъ, о которыхъ мы говорили раньше, у московскихъ людей — всѣхъ классовъ безъ различія—религіозные взгляды сложились въ крайнюю нетерпимость: католики,—которые и сами съ не менѣе слѣпою ненавистью относились къ „схизматикамъ",—считались „погаными", какъ язычники, если не хуже, потому что послѣдніе вовсе не знали истинной вѣры, а первые знали ее и исказили. Въ XVI вѣкѣ до людей московскаго царства дошли слухи о „люторской ереси", и въ нашей письменности появляются ея обличенія, какъ обличалъ ее и самъ Грозный въ диспутахъ съ протестантами, называя Лютера докторомъ „лютымъ". Но въ массѣ, а иногда и въ средѣ самихъ книжныхъ людей, долго смѣшивали два враждебные лагеря западной вѣры. Въ старину привыкли всю Европу огуломъ считать въ одной „поганой" вѣрѣ; такъ и теперь не совсѣмъ различали между католиками и протестантами. Въ одномъ старомъ сказаніи говорится, что Лжедимитрій обѣщался папѣ и польскому королю „непоколебиму быть въ люторской и въ папежской ихъ вѣрѣ", и жену Лжедимитрія, Марину, называли „люторкой". При ближайшемъ знакомствѣ разница была понята, и отношеніе православныхъ къ протестантамъ (конечно, вслѣдствіе отрицанія папства) было гораздо снисходительнѣе, чѣмъ къ католикамъ; но тѣмъ не менѣе и къ протестантамъ не было довѣрія. Въ диспутахъ съ іезуитомъ Поссевиномъ, Иванъ Грозный на его просьбу объ изгнаніи изъ Москвы лютеранскихъ магистровъ и о разрѣшеніи постройки римскихъ церквей отвѣчалъ, что церквамъ римскимъ быть въ русскомъ царствѣ нельзя, а что касается лютеранскихъ магистровъ, то „въ россійскомъ государствѣ всякихъ вѣръ люди многіе живутъ и своимъ обыкновеніемъ, и къ русскимъ людямъ не пристаютъ, а хотя бы кто и хотѣлъ пристати, и того тому чинить не попускають". Протестантскіе молитвенные дома и „кирки" появляются въ Москвѣ уже съ

конца XVI вѣка, но первый „костелъ“ построенъ только въ концѣ XVII-го столѣтія [1]). Съ протестантами русскіе тогда встрѣчались всего больше.

Новыя культурныя вліянія входили теперь множествомъ путей,—это были и требованія государственной пользы, гдѣ собственному неумѣнью должно было помогать чужое знаніе; и всякія удобства домашняго быта, которыя были наглядны и которыя можно было перенять отъ иноземцевъ; и элементарныя развлеченія, и эстетическія удовольствія, прежде незнакомыя; наконецъ, пробуждавшіяся потребности критики, которыя вызывались чужими взглядами иноземцевъ и готовымъ сравненіемъ. Бытовыя особенности иноземнаго обычая замѣчались и перенимались прежде всего въ самомъ дворцѣ. Во дворцѣ являются все новыя иноземныя вещи, служившія для украшенія и удобства. Стѣны покоевъ украшались стѣнной живописью, гдѣ къ русскому содержанію прибавляются уже и иностранные сюжеты. Предметы картинъ брались изъ священной исторіи, изъ разныхъ книжныхъ сказаній (напр., Александръ Македонскій и Поръ, царь индѣйскій, взятые, очевидно, изъ „Александріи“) и русской исторіи; изображенія древнихъ князей, московскихъ царей и патріарховъ; далѣе, „персоны“, т.-е. портреты лицъ царскаго семейства, писанные нерѣдко „съ живства“, т.-е. съ натуры, иноземными живописцами, а также иконописцами русскими, наконецъ, символическія изображенія временъ года, „бѣги небесные“, „лунное теченіе, солнце, мѣсяцъ и звѣзды“, „четыре стихіи“, наконецъ, „картины преоспективныя“ (перспективныя) и „ленчафты“ (ландшафты). Картины отличались уже отъ иконъ, потому что писались въ иноземномъ стилѣ, и работаны были художниками иноземцами. Со времени царя Михаила иностранные живописцы постоянно вьѣзжали въ Москву, гдѣ и украшали царскій дворецъ своими произведеніями. Таковы были, напримѣръ, съ 1642 г. нѣмчинъ Детерсъ, съ 1656—смоленскій шляхтичъ Станиславъ Лопуцкій, съ 1667—цесарской земли живописецъ Данило Даниловъ Вухтерсъ

---

[1]) О положеніи иновѣрцевъ въ московской Россіи есть значительная литература. Укажемъ: Рущинскаго, Религіозный бытъ русскихъ по свѣдѣніямъ иностранныхъ писателей XVI и XVII вѣковъ. М. 1871; Соколова, Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1880 (большое собраніе фактовъ, но очень дурное, натянутое изложеніе); очень дѣльныя статьи Д. Цвѣтаева: Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра В., въ Журн. Мин. Просв. 1883, сент. и окт., и пр. Изъ нѣсколькихъ нѣмецкихъ сочиненій объ исторіи протестантской общины въ Россіи наиболѣе обстоятельна книга Фехнера, Geschichte der evangelischen Gemeinde in Moscau.

(писавшій свое живописное письмо „самымъ мудрымъ мастерствомъ“); въ семидесятыхъ годахъ—армянинъ Богданъ Салтановъ, полякъ Иванъ Мировскій, „преоспективнаго дѣла мастеръ“ Петръ Энглесъ, „иноземецъ анбурскія земли“ Иванъ Андреевъ Валтеръ. Кромѣ дворцовой работы эти художники (нѣкоторые изъ нихъ были хорошими мастерами) обязывались учить своему искусству русскихъ учениковъ, и нѣкоторые изъ ихъ учениковъ пріобрѣли потомъ большую извѣстность; одинъ, Иванъ Безминъ, былъ даже за свое искусство записанъ въ московскіе дворяне [1])...

Выше упомянуто, какъ Годуновъ добивался получить удивительные часы любскаго мастера—съ боемъ, планитами и выходящими фигурами. Подобные часы были поднесены царю Ѳедору Ивановичу въ 1597, въ поминкахъ отъ императора Рудольфа—это были также часы съ перечасьемъ, съ людьми, и съ трубы, и съ накры, и съ варганы и т. п. Въ описаніяхъ царскаго добра упоминается нѣсколько часовъ подобнаго рода съ разными хитрыми затѣями, выставлявшихся въ парадные посольскіе и другіе пріемы—часы съ планитами; часы стоячіе боевые „съ знамены небесными“; часы цынбальные (у царевича Алексѣя Алексѣевича) —„съ цынбальцы и съ нѣмцы, съ башенкою“; часы съ трубачи и со слономъ; часы — „съ перечасьемъ и съ будильникомъ нѣмецкаго дѣла, самые добрые“, и т. д. Конечно, и всѣ часы были нѣмецкаго дѣла, и потому особенно требовались изъ-за границы часовщики, чтобы держать всѣ ихъ въ порядкѣ. Башенные часы московскаго дворца упоминаются еще въ первой половинѣ XV-го вѣка [2]).

Давнишнюю принадлежность дворцоваго времепровожденія представляли органы, разумѣется, также иноземнаго дѣла. Иноземный „органный игрецъ“ былъ уже у Ивана III. Теперь играть на органахъ (вѣроятно, механическихъ) умѣли и русскіе люди, которыхъ при допущеніи къ этому дѣлу приводили ко кресту, „что быть (такому-то) у государевой органной потѣхѣ и никакія бы хитрости ему надъ государевыми органы не учинить“. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича, какъ дальше упомянемъ, музыкальныя и другія потѣхи развились какъ никогда прежде.

Въ покояхъ появилась новая мебель или „нарядъ“. Въ половинѣ

---

[1]) См. у Забѣлина, Дом. бытъ рус. царей, стр. 164.

[2]) Соловьевъ, IX, стр. 486—487, напоминаетъ изъ путешествія московскаго купца Котова въ Персію, въ 1623 г., любопытную подробность, что въ то время какъ у насъ часовые мастера были нѣмцы, въ Персіи часовщикъ былъ русскій! „Въ Испагани,—пишетъ Котовъ,—ворота высокіе, а надъ воротами высоко стоятъ часы, а у часовъ мастеръ русскій“. Тамъ было довольно еще и русскаго знанія.

XVII вѣка, вмѣсто прежнихъ столовъ и скамей, входятъ въ употребленіе новые столы „нѣмецкіе“ и „польскіе“, на львиныхъ или простыхъ, „отводныхъ“ ногахъ, съ „глянсомъ“ и со всякими живописными украшеніями, позолотой, „веницѣйскими раковинами“ и т. п.; входили въ употребленіе, хотя все еще рѣдко, стулья и кресла теперешняго устройства, „золотные нѣмецкіе“ и иные. Въ убранство дворцовыхъ покоевъ входятъ уже и зеркала. Какъ принадлежность туалета, зеркала были извѣстны съ древняго времени; они были обыкновенно небольшія и держались въ чехлахъ или коробкахъ. И позднѣе избѣгали вѣшать зеркала, какъ вещь суетную, на стѣнахъ, гдѣ были близко иконы или благочестивыя стѣнныя изображенія. „Зеркало, — говоритъ Забѣлинъ,—долго еще оставалось предметомъ, мало сообразнымъ съ общими въ то время понятіями о приличіи и пригожествѣ въ убранствѣ парадныхъ комнатъ; оно и въ постельныхъ хоромахъ всегда задергивалось тафтяными или другими шелковыми завѣсами или же было съ затворами по. кіотному“... Зеркала бывали „булатныя“ и хрустальныя, и еще въ XVI вѣкѣ были въ Москвѣ не дороги; но во дворцѣ и у богатыхъ бояръ бывали зеркала дорогія, большихъ размѣровъ, съ роскошными рамами и, конечно, иноземнаго дѣла. Царямъ подносили зеркала „въ поминкахъ“ иностранные послы и богатые гости; такъ большія зеркала поднесъ царю Алексѣю голландскихъ статовъ посолъ Якубосъ Борель и пр.

Въ числѣ предметовъ иноземнаго вкуса и происхожденія явились во дворцѣ рѣдкія птицы: „папагалъ“ (попугай), канарейки и под. Это опять были обыкновенно подарки иноземныхъ людей. Годунову присылалъ попугаевъ импер. Рудольфъ; царю Михаилу подносилъ этихъ птицъ англійскій гость (т.-е. купецъ, негоціантъ) Фабинъ Ульяновъ, и посолъ „князь Иванъ Ульяновъ (Джонъ Вильямъ) Мерикъ“; царевичу Алексѣю Алексѣевичу поднесли голландцы и „амбурцы“, Яковъ Фалденгунстръ съ товарищи, „птицу канарейку, которая на рукѣ поетъ“. Въ концѣ XVII-го столѣтія канареекъ и другихъ заморскихъ птицъ можно было покупать въ Охотномъ ряду, но еще по дорогой цѣнѣ. Въ 1686 году кто-то поднесъ государямъ птицу „гамаюнъ“: спрошенные торговые люди Охотнаго ряда отозвались, что такой птицы не видали и цѣны ей не знаютъ; у книжниковъ она причислялась къ райскимъ птицамъ [1]).

[1]) См. Забѣлина, Домашній бытъ рус. царей и царицъ, — откуда мы приводимъ эти подробности. О райской птицѣ гамаюнъ у Ровинскаго, Русскія Нар. картинки, II, 487; IV, 358, 466.

Иноземныя вещи такъ цѣнились, что бояре дарили ими царя. Такъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово подарилъ Алексѣю Михайловичу „полукарету", Матвѣевъ—„карету черную нѣмецкую на дугѣ, стекла хрустальныя, а верхъ раскрывается на двое", царевичу Өедору—карету бархатную, около кареты письмо живописное [1]).

Подобныя нововведенія проникали и въ боярскій бытъ XVII вѣка. И здѣсь появились иноземныя диковинки, и вмѣстѣ съ рѣдкими новыми вещами заходили новые вкусы, культурныя привычки и образовательныя стремленія. Такъ, напримѣръ, и въ боярскихъ домахъ появились портреты и картины. Въ спискѣ вещей, отписанныхъ въ казну послѣ опалы Матвѣева въ 1676 г. упомянуты, напр., слѣдующія „персоны" (или, какъ ихъ тогда называли, „парсуны"): святитель въ мантіи, два польскихъ короля, двѣнадцать сивиллъ, бояринъ Илья Даниловичъ Милославскій, „Артемонъ (т.-е. самъ Матвѣевъ) въ служиломъ платьѣ стоячей", онъ же въ служиломъ платьѣ—поясной, дѣти его Иванъ да Андрей—стоячіе, „персоны нѣмецкія", картина: „Цѣломудріе, а въ правой рукѣ написанъ скифетръ, въ лѣвой рукѣ книга", „Весна —въ рукахъ сосудъ съ травами" и т. д. Въ такой же описи вещей князя Василья Васильевича Голицына, въ 1699 году, перечисляются персоны, на полотнѣ, — князя Владиміра Кіевскаго, царей Ивана Васильевича, Өедора Ивановича, Михаила, Алексѣя, Өедора Алексѣевича, въ черныхъ и золоченыхъ рамахъ, одна персона—„на цкѣ" (т.-е. доскѣ); далѣе, персоны патріарховъ, польскихъ королей и королевы, самого князя Василія, далѣе опять „персоны нѣмецкія" и т. д.

Кромѣ „персонъ" и живописныхъ картинъ, писанныхъ иноземными художниками, конечно, въ западномъ стилѣ, въ царскомъ обиходѣ, а затѣмъ обиходѣ боярскомъ, и наконецъ простонародномъ, являются „фряжскіе листы", т.-е. эстампы, гравированные на мѣди и на деревѣ. Въ началѣ XVII столѣтія они извѣстны были подъ названіемъ „потѣшныхъ нѣмецкихъ печатныхъ листовъ" и, какъ полагають, были извѣстны еще въ XVI вѣкѣ. Въ XVII столѣтіи такими фряжскими и нѣмецкими листами торговали въ Москвѣ въ Овощномъ ряду, и во дворецъ ихъ покупали для царскихъ дѣтей вмѣстѣ съ игрушками: такъ въ комнатахъ царевича Алексѣя Алексѣевича, умершаго въ 1670 году, висѣло „пятьдесятъ рамцовъ съ листами фряжскими". Забавляясь этими листами, дѣти, да и взрослые получали понятіе о разныхъ предметахъ

[1]) Дворцовые разряды. Спб. 1850—54, III, стр. 1509, 1419.

естественной исторіи, географіи, всеобщей исторіи и т. п.; на такихъ листахъ, между прочимъ, изображалась космографія. Названіе этихъ листовъ указываетъ на ихъ происхожденіе: они привозились съ запада, но наконецъ у насъ начинается и собственное печатаніе. Въ концѣ XVII вѣка „фряжскій станъ" для печатанія эстамповъ заведенъ былъ въ „верхней", т.-е. придворной типографіи: въ 1676 году органистъ Симонъ Гутовскій сдѣлалъ въ царскіе хоромы „станокъ деревяной печатной, печатать фряжскіе листы"; въ 1680, рѣзецъ Аѳанасій Звѣревъ дѣлалъ для государя на мѣдныхъ доскахъ „всякіе фряжскіе рѣзи". Впослѣдствіи у насъ стали печатать такіе листы на деревѣ, что и было началомъ такъ-называемыхъ лубочныхъ картинокъ... Въ царскихъ хоромахъ фряжскіе листы прибивались обыкновенно къ стѣнамъ гвоздиками по деревянному дорожнику, который и служилъ вмѣсто рамки, а листы съ священными изображеніями вставлялись большею частью въ рамки, а иногда листы просто наклеивались на стѣны. Наконецъ являются и чертежи или географическія карты, большею частью писанныя по тогдашнему обычаю съ изображеніемъ городовъ, жителей, горъ, лѣсовъ и т. п. [1]).

Иноземные писатели съ удивленіемъ разсказывали, что московскіе цари иногда (это было въ XVI ст.), отправляя пословъ въ чужіе края, заставляли ихъ брать издержки посольства на свой счетъ, и когда одинъ изъ такихъ посланцевъ ссылался на то, что не имѣетъ для этого средствъ, то подвергся ссылкѣ. Это дѣйствительно бывало. Не меньше удивляло ихъ другое обстоятельство. Послы, возвращаясь домой, получали обыкновенно отъ иноземныхъ государей подарки для московскаго царя, и при этомъ получали подарки и сами, лично для себя; но цари отнимали у посла и лично ему данные подарки—такъ имъ нравились иноземныя рѣдкости. Впослѣдствіи установился въ этомъ отношеніи правильный порядокъ: кромѣ своихъ, царь отбиралъ изъ подарковъ послу чтó ему нравилось, и за это послу выплачивалась отъ казны стоимость [2]).

Издавна, вѣроятно, бывали во дворцѣ разныя потѣхи и зрѣлища, напр., бои съ медвѣдями, скоморошьи представленія и т. п. Флетчеръ, въ концѣ XVI столѣтія, описываетъ тогдашніе бои съ медвѣдями. Отъ временъ царя Михаила Ѳеодоровича осталось

[1]) Подробности см. у Забѣлина и Ровинскаго.

[2]) Котошихинъ, гл. IV, 21 (изд. 2, стр. 41): „а чѣмъ ихъ, пословъ, которой государь на отпускѣ подаритъ, и тѣ дары показываютъ пріѣхавъ царю; и что изъ тѣхъ даровъ понадобится царю, и то у нихъ емлетъ, а за то изъ своей царской казны даетъ деньгами, по оцѣнкѣ, что чего стоитъ".

много упоминаній о медвѣжьемъ боѣ, которымъ царь „тѣшился". Выступали, конечно, бойцы ловкіе и опытные, которые брали верхъ въ борьбѣ; но нѣсколько разъ въ записяхъ говорится, что медвѣдь бойца „ѣлъ" (техническое выраженіе).

Еще при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ были привезены въ Москву львы, и, вѣроятно, тогда же устроенъ былъ особый „львиный дворъ"; при Михаилѣ приведены были слоны; самоѣды пригоняли оленей. Бывали и другія зрѣлища, которыми увеселялось царское семейство: въ 1633 два московскіе иноземца тѣшили государя на дворцѣ—долгою пикою да прапоромъ и шпагами „поединкомъ", за что были вознаграждены камкой и соболями; въ 1634, стрѣлецъ тѣшилъ государя, носилъ на зубахъ бревно; въ 1645, царицынъ сѣнной сторожъ тѣшилъ государя и царевича—бился съ дуракомъ Исаемъ,—и тому подобное [1]). Какъ видимъ, потѣхи были весьма первобытныя и вкусы не требовательные.

Царь Алексѣй былъ человѣкъ веселаго нрава, но гораздо болѣе отца образованный, живой и любознательный, и потѣхи его времени принимаютъ уже болѣе изящный характеръ. Къ его времени относится первое введеніе театра. Не будемъ повторять много разъ переданныхъ подробностей о первыхъ „комидійныхъ дѣйствахъ", поставленныхъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Довольно отмѣтить, какими путями они вошли въ русскую жизнь,—и въ ней окончательно утвердились. Первыми проводниками театральныхъ зрѣлищъ были опять иностранцы и тѣ русскіе посольскіе люди, которые за границей сами видывали театры. Въ 1635, русскіе послы были на такой потѣхѣ у короля польскаго, — представляли исторію Юдиѳи и Олоферна; при царѣ Алексѣѣ русскій посланникъ Лихачевъ наглядѣлся во Флоренціи такихъ диковинъ, что подробно описалъ ихъ въ своемъ статейномъ спискѣ, а въ личныхъ разсказахъ, вѣроятно, передалъ ихъ еще болѣе занимательно. На флорентинской сценѣ представлены были всякія чудеса—на сценѣ было море и люди плавали въ малыхъ корабляхъ, другіе спускались съ неба на облакѣ, выходили предивные молодцы и дѣвицы, и танцовали, и т. д. Разсказы Лихачева несомнѣнно должны были произвести немалое впечатлѣніе [2]). Лихачевъ и кромѣ театральныхъ зрѣлищъ видѣлъ

---

[1]) Обо всемъ этомъ см. у Забѣлина, „Домашній бытъ русскихъ царей и царицъ".

[2]) О томъ, что́ видывали наши послы за границей, см. между прочимъ подробный разсказъ г. Брикнера: „Русскіе дипломаты-туристы въ Италіи въ XVII-мъ столѣтіи". „Р. Вѣстн." 1877, кн. 3—4, 7.

много удивительнаго, видѣлъ рыцарскія игрища, былъ на балу у флорентинскаго князя, представлялся не разъ княгинѣ—въ присутствіи дѣвицъ и „сѣнныхъ боярынь", которыхъ было ста съ два; онъ видѣлъ, и отмѣтилъ въ своемъ отчетѣ, что тамошнія женщины ходятъ—сосцы голы и на головахъ нѣтъ ничего, когда русскія женщины закутывали себя и считалось великимъ стыдомъ носить волосы открытыми. Бывали русскіе послы и во Франціи и тамъ удивлялись нравамъ необычнымъ...

Первая жена Алексѣя Михайловича, Милославская, была воспитана, кажется, въ старыхъ обычаяхъ и не долюбливала новѣйшихъ увеселеній; но вторая, Нарышкина, была иного нрава. Воспитанная въ домѣ Матвѣева, она уже привычна была къ иного рода обычаямъ и взглядамъ; жена Матвѣева была шотландка, и въ его домѣ было уже много европейскаго въ обстановкѣ и привычкахъ; это былъ вообще одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени и любитель иноземнаго. Ставъ царицей, Нарышкина удивила людей стараго вѣка невиданной новизной—показавшись передъ народомъ съ открытымъ лицомъ. Понятно, что она не стала мѣшать веселымъ вкусамъ царя. Рожденіе царевича Петра (30 мая 1672) было большимъ торжествомъ. На третій день 2 іюня, царь далъ боярамъ и дьякамъ пиршество, безъ зову и безъ мѣстъ, и можно думать, что тутъ же рѣшено было устроить во дворцѣ постоянную комедію. Передъ тѣмъ заѣхавшая въ Москву (вѣроятно, по вызову, потому что иначе трудно было пробраться ей въ московское государство) нѣмецкая труппа уже давала представленіе. Теперь, 4 іюня, царь „указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинити комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу Есфирь и для того дѣйства устроить хоромину вновь". „Комидійная хоромина" построена была въ государевомъ дворцѣ въ селѣ Преображенскомъ; но зимой ѣздить туда было далеко и неудобно, а на слѣдующій годъ новая комидійная палата была устроена въ кремлевскомъ дворцѣ. Первыми актерами были, кромѣ нѣмцевъ, люди Матвѣева; но ихъ было мало, и въ 1673 Матвѣевъ велѣлъ набрать изъ мѣщанскихъ дѣтей 26 человѣкъ въ комедіанты и для обученія послать въ нѣмецкую слободу къ магистру Годфриду. „Такъ,—замѣчаетъ Соловьевъ,—основалось въ Москвѣ театральное училище прежде славяно-греко-латинской академіи!" [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XIII, стр. 172. Іоганнъ Готфридъ Грегори, магистръ и протестантскій пасторъ, держалъ школу въ нѣмецкой слободѣ, и его сотрудниками были докторъ Блюментростъ, отецъ знаменитаго Блюментроста, лейбъ-медика Петра В. и перваго президента академіи наукъ, и докторъ Рингуберъ, оставившій изданныя не-

Театръ имѣлъ большой успѣхъ; пьесы его умножались; молодая царица и особливо царевны очень полюбили это удовольствіе, нѣкоторыя потомъ даже сами играли въ „комедіяхъ"; царевна Софья переводила Мольера. Къ этому, прямому иноземному, источнику сцены присоединилось вліяніе Кіева, гдѣ схоластическая драма перенята была изъ латино-польской школы.

О страсти царя къ иноземнымъ диковинамъ Лизекъ, секретарь цесарскаго посольства въ 1675 г., разсказываетъ въ своей книгѣ слѣдующій случай.

Въ посольской свитѣ, въ числѣ слугъ былъ фокусникъ, производившій, между прочимъ, удивительныя, необъяснимыя штуки,—напримѣръ, онъ перекреститъ нѣсколько разъ ножи, и они сами собой поднимаютъ вѣнки и деньги. Русскіе, видавшіе его, рѣшили, что онъ чародѣй и морочитъ добрыхъ людей бѣсовскою силою; пословъ, уже отъѣзжавшихъ домой, просили многіе оставить этого фокусника въ Москвѣ, пока онъ покажетъ свое искусство царю и царицѣ, но послы уѣхали. „По отъѣздѣ нашемъ слухъ дошелъ до царя, и онъ тотчасъ послалъ вслѣдъ за нами генерала Менезіуса, бывшаго нѣкогда посломъ въ Вѣнѣ и Римѣ, съ переводчикомъ, чтобы воротить въ Москву нашего слугу-фокусника. На третій день они догнали насъ въ почтовыхъ саняхъ и, объяснивъ желаніе царя, просили отпустить сказаннаго слугу и увѣряли, что царь отдаритъ его щедро и тотчасъ отпуститъ назадъ. Послы предоставили ему на волю. Онъ воротился въ Москву, въ царскихъ палатахъ два раза показывалъ свои фокусы и удивилъ царя и царицу. Къ намъ онъ примкнулъ въ Вистервицѣ, въ Моравіи, промотавши все, что подарилъ царь".

Наконецъ, стала распространяться иноземная одежда. Иностранцамъ въ Москвѣ приказывали сначала носить русское платье, чтобы предохранить ихъ отъ оскорбленій черни; но при Михаилѣ патріархъ замѣтилъ однажды, что въ благословляемой имъ толпѣ были нѣмцы, кланявшіеся недостаточно низко; онъ не пожелалъ давать благословенія недостойнымъ иноземцамъ, и имъ велѣно было опять ходить въ своемъ нѣмецкомъ платьѣ. Не смотря на то, что такимъ образомъ оно было именно выдѣлено какъ чужое и иновѣрное, нѣкоторые изъ русскихъ любили носить его.

давно любопытныя записки о томъ времени. Объ этихъ начаткахъ русскаго театра см. вообще: Тихонравова, Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра, М. 1873; Алексѣя Веселовскаго, Deutsche Einflüsse auf das alte russische Theater. Prag, 1876; А. Архангельскаго, Театръ до-Петровской Руси. Казань, 1884; А. Брикнера, Лаврентій Рингуберъ (подробное изложеніе его Relation du voyage), въ Журн. Мин. Просв. 1884, кн. 2, 396—421.

„Въ Москвѣ,—разсказываетъ Олеарій, въ тридцатыхъ годахъ XVII-го вѣка,—живетъ князь, по имени Никита Ивановичъ Романовъ, знатнѣйшій и богатѣйшій изъ бояръ послѣ царя и близкій его родственникъ, превеселый бояринъ, большой любитель нѣмецкой музыки. Онъ имѣетъ особое расположеніе не только ко всѣмъ иностранцамъ, и преимущественно къ нѣмцамъ, но даже и къ ихъ платью, такъ что построилъ себѣ польское и нѣмецкое платье, въ которыхъ, ради своего удовольствія, и выѣзжаетъ иногда на охоту, не обращая вниманія на замѣчанія патріарха... наконецъ патріархъ долженъ былъ хитростію похитить у князя иностранныя платья и такимъ образомъ лишить его возможности одѣваться въ нихъ“ [1]). Бояринъ Морозовъ, воспитатель царя Алексѣя, былъ также „западникъ“ своего времени и еще при Михаилѣ шилъ нѣмецкое платье царевичамъ и всѣмъ дѣтямъ, которые воспитывались вмѣстѣ съ ними. Не перечисляя другихъ примѣровъ, отмѣтимъ еще только, что Крижаничъ задолго до Петра возставалъ противъ тяжелаго и некрасиваго русскаго платья и совѣтовалъ „поправить сіе премерзкое обличіе свитъ“ и пр., и что царь Ѳедоръ Алексѣевичъ, а за нимъ его придворные, носили польское платье.

Притокъ западнаго образованія имѣлъ и свои болѣе глубокія дѣйствія. Оно больше или меньше, но расширяло умственный горизонтъ, и люди, воспитанные подъ нѣкоторымъ его вліяніемъ, начинали смотрѣть серьезнѣе и глубже на окружающій ихъ міръ, на дѣла государства, на образованіе, на религію. Не входя въ подробности, назовемъ образованныхъ людей временъ царя Алексѣя Михайловича, какъ, напр., знаменитый Аѳанасій Ординъ-Нащокинъ, бояринъ Артемонъ Матвѣевъ, Ѳедоръ Ртищевъ, князь Василій Васильевичъ Голицынъ, подьячій посольскаго приказа Котошихинъ—„мужъ несравненнаго ума“ (vir ingenio incomparabili), какъ называетъ его шведскій біографъ XVII столѣтія. Цѣлая пропасть, можно сказать, отдѣляетъ ихъ отъ ихъ предшественниковъ, бояръ и служилыхъ людей конца XVI и начала XVII столѣтія. Ординъ-Нащокинъ, этотъ знатокъ „нѣмецкаго дѣла“, столь любимый царемъ Алексѣемъ, есть по-истинѣ замѣчательный государственный человѣкъ, для котораго „служба“ есть дѣло убѣжденія, который глубоко понимаетъ потребности государственной жизни и видитъ дѣйствительные способы ихъ удовлетворенія. Онъ происходилъ не изъ большого боярскаго рода, былъ человѣкъ средній, а дорогу открыло ему, кромѣ его дарованій,

[1]) Олеарій, рус. пер., стр. 164.

и его образованіе, пріобрѣтенное домашнимъ образомъ, — школъ никакихъ не было, — и его возвышеніе наперекоръ всякимъ мѣстническимъ соображеніямъ его сослуживцевъ бояръ было уже примѣромъ, что въ самомъ государственномъ дѣлѣ право образованія получаетъ свою силу [1]).

Вопросъ объ образованіи сталъ наконецъ представляться и самому правительству настоятельнымъ. Для исправленія церковныхъ книгъ потребовались ученые, которыхъ у себя дома не было—пришлось вызывать ученыхъ кіевскихъ, не смотря на то, что они хотя и православные, внушали въ Москвѣ недовѣріе, потому что въ своей школѣ, устроенной по латино-польскому образцу, они усвоивали извѣстныя схоластическія формы, московскимъ начетчикамъ незнакомыя и казавшіяся подозрительными. Были не разъ споры и настоящія дѣла о подлинности православія кіевскихъ ученыхъ, но тѣмъ не менѣе они являлись пока единственными учителями [2]).

Польское вліяніе вообще проходитъ разными путями въ теченіе всего XVII вѣка. Никогда не было такихъ частыхъ военныхъ встрѣчъ и дипломатическихъ сношеній съ поляками, какъ теперь; они были ближайшіе цивилизованные сосѣди, у которыхъ можно было видѣть и перенимать новые обычаи и новое знаніе. Связи съ южной и западной Россіей, политическія, книжныя, бытовыя, все возраставшія съ XVI-го вѣка, еще усиливали притокъ польскихъ вліяній, видоизмѣняемыхъ южно-русскимъ посредствомъ.

---

[1]) См. обстоятельную біографію Нащокина, г. Иконникова, въ „Рус. Стар.“, 1883, т. XL; біографію князя В. В. Голицына, Брикнера, въ „Russiche Revue“, 1878, № 9.

[2]) Московскіе книжники—какъ, напр., до-Никоновскіе исправители церковныхъ книгъ, ставшіе потомъ родоначальниками раскола—вообще большіе невѣжды, имѣли высокое понятіе о себѣ, считали себя представителями настоящаго православія, котораго не видѣли у самихъ восточныхъ патріарховъ. Знаменитый Аввакумъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что вселенскіе патріархи ему говорили: „что де ты упрямъ... всѣ де треми персты крестятся... И я имъ о Христѣ отвѣщалъ сице:—Вселенскіе учителіе! Римъ давно упалъ и лежитъ невосклонно и Ляхи съ нимъ же погибли, до конца враги быша христіаномъ; и у васъ православіе пестро; отъ насилія турскаго Магмета немощни есте стали; и впредь пріѣзжайте къ намъ учиться; у насъ божіею благодатію самодержство, до Никона отступника въ нашей Россіи у благочестивыхъ князей и царей все было православіе чисто и непорочно, и церковь не мятежна“... Если сами вселенскіе патріархи не угодили этимъ ревнителямъ, то тѣмъ больше православные малороссіяне и бѣлоруссы казались еретиками вслѣдствіе близости съ ляхами и книжной латинской учености. Самъ царь колебался между Никоновскими исправленіями и авторитетомъ Аввакума. См. въ той-же автобіографіи, безъ сомнѣнія, вѣрные разсказы о томъ, какъ царь искалъ его благословенія, когда Аввакумъ былъ уже осужденъ соборомъ.

Письменность XVII вѣка переполнена переводами съ польскаго, отъ книгъ научныхъ, исторій, космографій, лечебниковъ до множества повѣстей, шуточныхъ разсказовъ и т. п.; знаніе польскаго языка, а иной разъ и латыни является какъ будто признакомъ хорошаго воспитанія — старшіе сыновья Алексѣя Михайловича, обучавшіеся еще при его жизни, знали по-латыни и по-польски; мы упоминали сейчасъ, что входилъ въ моду и польскій костюмъ. Коллинсъ, англійскій врачъ при царѣ Алексѣѣ, говоритъ въ своей книгѣ, что съ тѣхъ поръ, какъ царь побывалъ въ Польшѣ (въ своихъ походахъ) и увидѣлъ тамошній образъ жизни, онъ сталъ подражать польскому королю и кругъ его понятій расширился: онъ сталъ преобразовывать дворъ, строить зданія красивѣе и заводить увеселительные дома. Майербергъ предвидѣлъ, что Россія не можетъ больше оставаться при старомъ невѣжествѣ, и полагалъ, что всего ближе было ей позаимствоваться науками у ближайшихъ сосѣдей — у Польши и Швеціи. Онъ и не совсѣмъ ошибся въ своемъ предвидѣніи...

Жажда образованія проявляется въ теченіе послѣдняго вѣка московскаго царства все съ большей настоятельностью. Еще во времена Грознаго знаменитый выходецъ Курбскій начинаетъ учиться уже въ старыхъ лѣтахъ латинскому и греческому языку и съ жаромъ бросается къ наукѣ, которой не было въ московскомъ государствѣ; молодые люди, посланные за границу Годуновымъ, не вернулись домой; при Михаилѣ князь Хворостининъ, набравшійся новыхъ понятій, собирается бѣжать за границу; сынъ Нащокина, котораго изображаютъ человѣкомъ очень образованнымъ, и дѣйствительно бѣжалъ разъ за границу... Олеарій разсказываетъ о русскомъ посланцѣ, Алексѣѣ Романчиковѣ, который былъ его спутникомъ въ Персію, какъ о человѣкѣ очень любознательномъ и даровитомъ [1]).

---

[1]) „Этотъ Русскій, посланный великимъ княземъ Московскимъ къ Персидскому шаху въ качествѣ малаго посла... былъ человѣкъ лѣтъ 30, съ здравымъ умомъ и весьма ловкій, зналъ нѣсколько латинскихъ изреченій, противъ обыкновенія русскихъ имѣлъ большую охоту къ свободнымъ искусствамъ, особенно же къ нѣкоторымъ математическимъ наукамъ и къ латинскому языку; онъ просилъ, чтобы мы помогли ему въ изученіи этихъ предметовъ, и въ Персіи, гдѣ мы были вмѣстѣ, а особенно на обратномъ пути, онъ прилежными занятіями, постоянными разговорами и упражненіемъ, въ продолженіе пяти мѣсяцевъ сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ передавать на немъ, хотя не совсѣмъ удовлетворительно, но весьма понятно для другихъ, свои задушевныя мысли. Онъ также быстро и съ охотою уразумѣлъ употребленіе астролябіи и все то, что̀ относится до высоты солнца, часовъ и геометріи. Нашему часовщику онъ заказалъ сдѣлать астролябію и когда, бывало, останавливались мы на ночлегъ въ какомъ-нибудь городѣ или селеніи, особенно же въ Астра

Народная масса и люди, выросшіе и отупѣвшіе въ традиціонномъ суевѣріи, разумѣется, боялись иноземной науки, въ которой тотчасъ мерещилось имъ латынство и люторство или подозрительное волшебство,—но по разсказамъ иноземцевъ, по нашимъ историческимъ памятникамъ, въ кругѣ людей, нѣсколько затронутыхъ образованіемъ, мы найдемъ, напротивъ, множество примѣровъ любознательности и искренняго интереса къ наукѣ. Первыя проявленія были по необходимости отрывочны или останавливались на внѣшнемъ перениманіи обычая,—но иначе и не могло быть. Для научной воспріимчивости требуется своя подготовка, и гдѣ давали ее домашняя школа или счастливый случай, тамъ научное знаніе воспринималось естественно и становилось привычкой ума... Въ противность мнѣнію, распространяемому и донынѣ, что старая московская Россія твердо держалась „самобытныхъ“ преданій, мы замѣчаемъ, напротивъ, большую податливость на иноземныя вліянія, — какъ только пробужденъ былъ первый элементарный интересъ къ новому знанію, къ новому эстетическому удовольствію, и какъ скоро умножились встрѣчи и общеніе съ иноземцами, которые могли удовлетворять этому интересу. Таковъ былъ успѣхъ появившихся впервые театральныхъ зрѣлищъ. Царь Алексѣй Михайловичъ видимо былъ совершенно увлеченъ ими; тогдашнія пьесы бывали длинныя, и у него доставало терпѣнья высиживать за ними по семи и, кажется, даже по десяти часовъ къ ряду. Припомнивъ обстоятельства, мы увидимъ, какъ велика была эта новизна. Дѣло было весьма сомнительное: въ прежнія времена, при первой царицѣ, царь опасался музыки какъ „бѣсовскаго угодія“, и теперь возражалъ-было противъ музыки на комидійномъ дѣйствѣ, но согласился, когда ему сказали, что танцы, которые должны были происходить на сценѣ, невозможны безъ музыки также, какъ безъ ногъ; позорища, по старому нравоученію, были дѣломъ столь же предосудительнымъ и грѣховнымъ, но онъ опять легко принялъ объясненіе опытныхъ (и услужливыхъ) людей, что у самихъ византійскихъ царей бывали театральныя позорища, а теперь у иноземныхъ царей и королей они также въ обыкновеніи. Но сколько въ прежнее, и еще недавнее, время употреблено было церковныхъ увѣщаній и

тали, онъ выходилъ съ этой астролябіей для упражненій на улицу и разсказывалъ мѣрилъ высоту домовъ и другихъ зданій, что чрезвычайно удивляло русскихъ, не привыкшихъ видѣть своихъ соотечественниковъ за подобными занятіями“. Романчиковъ кончилъ дурно: опасаясь царской опалы за какія-то неисправности въ данномъ порученіи, онъ, не доѣзжая до Москвы, отравился. См. о немъ у Олеарія, стр. 436, 464, 995, 1010—11.

мѣръ самого правительства для истребленія въ народѣ, ради аскетической морали, всякихъ увеселеній, пѣсенъ, скоморошьихъ потѣхъ и этой самой музыки (онъ самъ, бывало, приказывалъ отбирать музыкальные инструменты у обывателей и сожигать)!

Такая же легкая податливость обнаруживалась во введеніи разныхъ частныхъ обычаевъ, напр., польскаго платья, и даже языка. „Какъ ни казалась велика непріязнь ко всему польскому,—замѣчаетъ Костомаровъ,—въ Смутное время едва только объявлено было о воцареніи Владислава, многіе великорусскіе дворяне начали въ письмахъ своихъ и оффиціальныхъ бумагахъ писать полу-русскимъ языкомъ, сбиваясь на ладъ западно-русской рѣчи" [1]). Майербергъ обратилъ вниманіе на то, что русскіе, хотя и очень не любили иноземцевъ, охотно повиновались иноземному военному начальству. Онъ объясняетъ это доблестями своихъ соотечественниковъ [2]), но здѣсь было, очевидно и другое—отдавали справедливость знанію и искусству, хотя и не долюбливали самыхъ людей.

Не будемъ останавливаться на томъ, какъ иноземныя вліянія отражались наконецъ на дѣятельности книжно-народной литературы и стараго русскаго художества, наконецъ на воззрѣніяхъ религіозныхъ. Новыя изслѣдованія показали, внѣ всякаго сомнѣнія, что при всей трудности и рѣдкости сношеній съ западнымъ міромъ умственное и поэтическое содержаніе русской старины не осталось чуждо европейскимъ вліяніямъ, что, напротивъ, русскіе охотно усвоивали новые мотивы и новые пріемы, и умѣли перерабатывать ихъ въ своемъ духѣ. Старая письменность сохранила намъ образчики народно-поэтическихъ произведеній на разной степени ихъ развитія,—или въ формѣ сырого, тяжелаго перевода, или въ формѣ болѣе популяризованнаго разсказа, или наконецъ въ такой чисто народной формѣ, гдѣ сюжетъ, явно заимствованный, является со всѣми чертами подлинно народнаго произведенія... Эта переработка шла видимо съ такой же постепенностью, какъ, въ гораздо болѣе широкомъ объемѣ содержанія, происходила переработка европейскихъ литературныхъ идей и формъ впослѣдствіи, съ XVIII вѣка. При всей церковной исключитель-

---

[1]) Очеркъ дом. жизни и нравовъ въ XVI и XVII стол. Спб. 1860, стр. 214.

[2]) „Справедливо удивится всякій, что московскій народъ, привыкшій ставить ни во что иноземные народы, изъ гордаго своенравія, не отказываетъ въ повиновеніи иностраннымъ начальникамъ. Вся сила состоитъ въ довнянной доблести послѣднихъ" (какой онъ не видитъ у своихъ)... „Заѣзжему воину, въ пользу котораго говоритъ молва объ его храбрости, онъ повинуется безропотно, какъ человѣку, справедливо поставленному выше его". Майербергъ, стр. 180.

ности стараго времени, которая передалась народу и съ такой силой высказалась потомъ въ старообрядческой нетерпимости къ самимъ православнымъ, новыя влiянiя стали отражаться и въ понятiяхъ религiозныхъ. Въ то время, когда расколъ настаивалъ на невозможномъ сохраненiи буквальной старины, въ другой части общества стали обновляться давно заявленныя рацiоналистическiя мысли. Послѣдующее развитiе религiознаго вольнодумства, напр., дѣло Тверитинова при Петрѣ, указываетъ, какими путями, между прочимъ, возникали новыя мысли. Для появленiя ихъ не было бы даже нужно и прямого воздѣйствiя протестантскихъ прозелитовъ или книгъ,—довольно было пробуждавшейся критики, сравненiя, чтобы крайности прежнихъ исключительныхъ формъ и положенiй становились видны; вольнодумство являлось оборотной стороной медали, какъ реакцiя старой неподвижности или превращенiя религiи въ обрядовую букву. Религiозные споры Петровскихъ временъ своимъ началомъ коренятся еще въ концѣ XVII вѣка; уничтоженiе патрiаршества, извѣстныя излишества Петра, направлявшiяся противъ iерархическихъ воззрѣнiй, даютъ лишь мѣрку накопившагося протеста противъ старыхъ формъ жизни, и вовсе не одного личнаго необузданнаго каприза,—потому что въ дѣйствительности Петръ оставался человѣкомъ религiознымъ...

Заключимъ еще одною чертой старыхъ нравовъ, принадлежащей къ этимъ отношенiямъ съ иноземцами. Старые нравы отличались большой грубостью, изъ которой не было исключенiя и въ самомъ дворцѣ. Въ то время, когда въ западной Европѣ еще съ среднихъ вѣковъ стали вырабатываться болѣе мягкiя формы общежитiя, у насъ продолжалась первобытная простота, которая справедливо казалась европейцамъ дикостью. Иностранные путешественники неизмѣнно говорятъ о грубости русскихъ нравовъ, даже въ самомъ высшемъ классѣ, и приводятъ весьма убѣдительные примѣры, которые не трудно провѣрить и по домашнимъ источникамъ. При отсутствiи образованiя, при бѣдности литературы, неразвитости однихъ отраслей искусства и полномъ отсутствiи другихъ (напр., театра), досугъ пополнялся самыми грубыми развлеченiями, изъ которыхъ главными было самое необузданное пьянство. Иностранцевъ, которымъ случалось бывать въ русскомъ обществѣ, поражали на каждомъ шагу образчики этой странной дикости, отсутствiе самыхъ элементарныхъ требованiй общежитiя. Примѣры мы приводили раньше.—Теперь приходилось очень часто встрѣчаться съ иноземцами и у себя дома, и въ посольствахъ за границей,—и свои недостатки бросились наконецъ въ глаза. Дома

стали прививаться иностранные обычаи; обратили вниманіе и на посольства. Въ тѣ времена посольскія дѣла велись очень обстоятельно. Отправлять посольство было дѣло нелегкое, и ѣхать далеко, и сноситься изъ-за границы трудно,—и послу давались впередъ подробныя наставленія, какъ говорить и поступать и что на чужія рѣчи отвѣчать. Цари и посольскій приказъ знали своихъ людей и знали, что иные русскіе обычаи не похваляются иностранцами; нашли нужнымъ наконецъ позаботиться, чтобы послы умѣли держать себя прилично: до властей не разъ доходило, что московскіе люди навлекали на себя насмѣшки своей неотесанностью. Поэтому въ посольскій наказъ стали помѣщать спеціальное наставленіе—за цесарскимъ или королевскимъ столомъ не напиваться до безобразія. Бывали и другія грубости.

Въ 1613 былъ такой случай. Царь Михаилъ Ѳедоровичъ велѣлъ дворянину Степану Ушакову и дьяку Семену Заборовскому идти къ Матьяшу (Матѳею) царю римскому въ посланникахъ; по случаю войны съ Литвой и Швеціей, приходилось ѣхать черезъ Архангельскъ. Имъ поручалось вести переговоры по дѣламъ съ Польшей, а если бы спросили думные люди цесарскіе о самомъ царѣ, то отвѣчать такъ: лѣтъ государю нашему 18, только Богъ украсилъ его царское величество дородствомъ, образомъ, храбростію, разумомъ, счастьемъ, ко всѣмъ людямъ онъ милостивъ и благонравенъ, всѣмъ Богъ украсилъ его надъ всѣми людьми всѣми благами, нравами и дѣлами, и пр. Посланники справили посольство дурно, а толмачъ, взятый дома на допросъ, показалъ еще, что у посланниковъ никакихъ тайныхъ сношеній съ цесаревыми людьми и непригожихъ рѣчей про государя не было, но посланники и люди ихъ вели себя дурно. Шла мимо Степанова двора дѣвка, и Степановы люди эту дѣвку ухватили и повалили, за что у нихъ съ нѣмцами была драка. Нѣсколько подобныхъ галантерейностей посольскіе люди устроили въ Гамбургѣ и въ голландской землѣ, а Степанъ, по словамъ толмача, зная „воровство“ людей своихъ, отъ того ихъ не унималъ. Далѣе, Степановы же люди пьяные чуть пожара не сдѣлали; онъ, толмачъ, ихъ унималъ, говорилъ, чтобъ они, будучи въ чужой землѣ, такого безчестья не дѣлали,—а они его за это били. Да и сами Степанъ и Семенъ, послы, во многихъ мѣстахъ пировали, пили и многія „простыя слова“ говорили (т.-е., конечно, ругались извѣстнымъ классическимъ способомъ), которыя въ тамошнихъ земляхъ государеву имени къ чести не пристойны. Сперва цесарь хотѣлъ дать посланникамъ цѣпи съ своими „парсунами“ (портретами), но потомъ велѣлъ портреты снять, сказавши: „слышалъ я про нихъ, что они люди

простые, неученые, ничего добраго, кромѣ дурости, не дѣлаютъ; прежніе послы и посланники, которые прихаживали отъ московскихъ государей, такъ непригоже не дѣлывали, и такимъ бездѣльникамъ собакамъ парсуны моей давать непригоже" [1]). У себя дома послы, конечно, не считались „бездѣльниками собаками", если имъ дали такое большое порученіе, какъ посольство къ цесарю; теперь, однако, увидали въ Москвѣ, что они были люди совсѣмъ не подходящіе.

Московскіе посланцы и самъ посольскій приказъ оказались въ глупомъ положеніи и въ дѣлѣ сватовства датскаго королевича Вольдемара за царскую дочь Ирину Михайловну. Первому посланцу поручались (еще въ 1640 г.) развѣдки о королевичѣ и, между прочимъ, рекомендовались ненужныя глупыя хитрости. Надо было провѣдать допряма про королевича „Волмера", сколько ему лѣтъ, каковъ собою, возрастомъ, станомъ, лицомъ, глазами, волосами, гдѣ живетъ, какимъ наукамъ, грамотамъ и языкамъ обученъ? каковъ умомъ и обычаемъ, и нѣтъ ли въ немъ какой болѣзни или увѣчья, и не зговоренъ ли гдѣ жениться, чья дочь его мать, жива ли и какъ живетъ? Промышлять, чтобъ королевича Волмера видѣть послу самому и персону его написать подлинно на листъ или на доску, безъ приписи, прямо (т.-е. не прикрашивая), подкупя писца (живописца), хотя бы для этого въ Датской землѣ и помѣшкать недѣлю или двѣ, прикинувъ на себя болѣзнь, только бы непремѣнно провѣдать допряма, во что бы то ни стало, давать не жалѣя; а для прилики, чтобъ не догадались, велѣть написать персоны самого короля Христіана и другихъ его сыновей. Посолъ собралъ аккуратно всѣ свѣденія, но съ портретами дѣло не совсѣмъ удалось. Посланецъ, возвратясь въ Москву, доносилъ: присылалъ за мною копенгагенскій державца Улфелтъ и говорилъ:—Слухъ до меня дошелъ, что ты подкупаешь, чтобъ тебѣ написали портреты короля и королевичей подлинно, безъ приписи; но ты самъ знаешь, что это невозможное дѣло, потому что живописецъ долженъ стоять передъ королемъ и королевичами и на нихъ глядѣть; но государь нашъ на то соизволилъ, велѣлъ себя и королевичей своихъ написать и послать вашему государю [2]). Самое дѣло очень затянулось; королевичъ былъ въ Москвѣ разъ, посломъ, пріѣхалъ и въ другой, женихомъ, но „любительное великое дѣло" не состоялось, потому что отъ него для брака съ царевной требовали принятія православія, о чемъ прежде рѣчи

---

[1]) Соловьевъ, IX, 1859, стр. 68—72.

[2]) Тамъ же, стр. 313 и д.

не было. Невѣсты онъ, конечно, не видалъ, не видалъ и портрета,— о послѣднемъ ему русскіе послы еще въ Даніи сказали, что у россійскихъ государей того не бываетъ, чтобъ персоны ихъ государскихъ дочерей, для остереганья ихъ государскаго здоровья, въ чужія государства возить, да и въ московскомъ государствѣ очей государыни царевны, кромѣ самыхъ ближнихъ бояръ, другіе бояре и всякихъ чиновъ люди не видаютъ. Но царевну королевичу бояре расписали:—можетъ быть, королевичъ думаетъ, что царевна Ирина не хороша лицомъ, такъ былъ бы покоенъ, останется доволенъ ея красотою; также пусть не думаетъ, что царевна Ирина, подобно другимъ женщинамъ московскимъ, любитъ напиваться до-пьяна; она—дѣвица умная и скромная, во всю жизнь свою ни разу не была пьяна...

Немудрено, что въ посольскихъ наказахъ, среди наставленій о важнѣйшихъ политическихъ дѣлахъ, давались и такія инструкціи, какія, напр., были даны русскимъ посламъ къ нѣмецкому императору Фердинанду III, въ 1654, при царѣ Алексѣѣ. Если случится посламъ быть за столомъ у цесаря, то—„противъ цесарскихъ и ближнихъ людей словъ держати отвѣтъ остерегательно, какъ бы государскому имени къ чести и къ повышенью. А за столомъ посланикомъ сидѣти отъ цесаря вѣжливо и остерегательно... А дворяномъ и подъячимъ, и посольскимъ людемъ приказати накрѣпко, чтобъ онъ сидѣли за столомъ чинно жъ и остерегательно, и не упивалися, и словъ дурныхъ межъ собою не говорили; а середнихъ и мелкихъ людей въ полату съ собою не имати, для того, чтобъ отъ нихъ пьянства и безчинства не было: а велѣти имъ сидѣти въ другой полатѣ по томужъ стройно; а бражниковъ, и пьяницъ, и дураковъ (!) и на цесарской дворъ съ собою не иматъ“ [1]).

Это стремленіе къ иноземному знанію, усвоеніе обычаевъ европейскаго общежитія и культуры, которое мы слѣдили, въ общихъ чертахъ, съ половины XV вѣка и до конца XVII-го, есть многозначительное историческое явленіе, до сихъ поръ все еще не

[1]) Памятники диплом. сношеній древней Россіи съ державами иностранными. Сношенія съ Римскою имперіею. Т. III, Спб. 1854, столбецъ 114. Ср. Котошихина, гл. IV, ст. 21: „а будетъ тотъ (иностранный) государь велитъ имъ посломъ быти у себя на обѣдѣ, и имъ потому жъ велѣно ѣхать, и бывши у него за столомъ, чтобъ сидѣли вѣжливо, и не упивалися, и рѣчи разговорные говорили остерегаяся съ вымышленіемъ; такъ же и посолскимъ своимъ дворяномъ отъ себя приказывали, чтобъ они не упивались, и сидѣли вѣжливо жъ и тихо, и словъ никакихъ (!) межъ себя и ни съ кѣмъ не говорили“.

вполнѣ опредѣленное. Оно возникало безъ всякаго чужого давленія, не было привлечено никакимъ внѣшнимъ господствующимъ фактомъ, какъ нѣкогда вліяніе Византіи пришло съ принятіемъ христіанства; напротивъ, оно возникло и совершалось наперекоръ труднымъ обстоятельствамъ, какія созданы были вѣковымъ татарскимъ порабощеніемъ, среди неустроенныхъ внутреннихъ отношеній, при крайнемъ упадкѣ просвѣщенія, при общественно-политическихъ порядкахъ, недалекихъ отъ только-что кончившагося татарскаго рабства. Это стремленіе къ иноземному не было также взаимодѣйствіемъ двухъ равныхъ сторонъ, а только одностороннимъ заимствованіемъ. Въ области знанія, искусствъ, быта, европейскій западъ и тогда, какъ долго послѣ, ничего не заимствовалъ у насъ; единственный интересъ его былъ чисто матеріальный, когда въ торговыхъ сношеніяхъ онъ получалъ изъ Россіи сырыя произведенія нашей страны, или когда въ связяхъ дипломатическихъ пользовался матеріальными силами Россіи въ своихъ разсчетахъ, какъ, наприм., въ войнахъ противъ татаръ и турокъ и т. п. Напротивъ, мы брали съ запада и произведенія его промысловъ и искусства, и его умственное содержаніе; и заимствованіе шло съ любопытной постепенностью, указывающей на органическій характеръ явленія. Потребовалось сначала удовлетвореніе самыхъ элементарныхъ нуждъ государства и царскаго двора: нужны были пушки, нужны были постройки для укрѣпленія столицы и для величія царственной обстановки, нужны были рѣдкія иноземныя издѣлія. Но вскорѣ потребности усложняются и къ заимствованіямъ чисто матеріальнымъ присоединяются интересы умственнаго характера: явилась забота, чтобы сами русскіе выучивались иноземнымъ мастерствамъ; нужно (уже черезъ сто лѣтъ по изобрѣтеніи книгопечатанія!) завести у себя типографіи, потому что при перепискѣ священныя книги невозможнымъ образомъ портились; однѣ пушки не помогали плохому войску, нужно было выучить его правильному военному строю и для этого опять надо звать иностранцевъ. Въ царской библіотекѣ накопилось разными путями много рѣдкихъ греческихъ и латинскихъ книгъ — интересно бы знать, что заключается въ этихъ книгахъ: въ этомъ поможетъ вызванный изъ-за границы ученый грекъ или взятый въ плѣнъ ученый нѣмецкій пасторъ; грекъ и нѣмецкій пасторъ выучатся по-русски и имъ можно поручить самый переводъ особенно любопытныхъ книгъ, а также и другихъ важныхъ сочиненій, какія есть у иноземцевъ. Начинаются сношенія съ иноземными дворами — нужны толмачи; русскимъ негдѣ учиться иностраннымъ „грамотамъ и языкамъ“, а изъ иноземцевъ, живущихъ въ Москвѣ.

многіе уже хорошо выучились по-русски и они служатъ переводчиками, а иной разъ и сами бываютъ посланниками и гонцами, которымъ поручаются дипломатическія дѣла; ученый докторъ будетъ читать царю въ переводѣ иностранную газету. Въ Москвѣ, вслѣдствіе многократнаго призыва иноземцевъ, образуется иноземное гнѣздо, къ которому примыкаютъ вызываемые вновь; здѣсь ведутся цѣликомъ иностранные обычаи. Русскіе посланцы насмотрѣлись такихъ же обычаевъ за границей; многое въ этихъ обычаяхъ странно на первый взглядъ, но поучительно и занимательно, и не проходитъ много времени, какъ обычаи мало-по-малу прививаются и на русской почвѣ. Въ средѣ самихъ русскихъ являются любители, которымъ нравится иноземная книга, инструментъ, картина, музыка, а всего больше иноземныхъ рѣдкостей собирается въ самомъ дворцѣ. Живой характеръ и любознательность царя Алексѣя дѣлаютъ то, что во дворецъ проникаютъ наконецъ такія вещи, о которыхъ прежде страшно было и подумать,—вещи, на которыя церковь налагала самыя строгія запрещенія и проклятія,—тамъ раздается нѣмецкая музыка, происходитъ театральное зрѣлище... Изъ дворца иностранныя новизны смѣло идутъ въ боярство, а затѣмъ и въ самый народъ. Иностранная стихія широко распространяется въ различныхъ областяхъ жизни, и въ обществѣ XVII вѣка есть уже не мало людей, крѣпко убѣжденныхъ въ пользѣ иноземнаго ученія—людей, чисто русскихъ по основному характеру своихъ взглядовъ, но вмѣстѣ знатоковъ „нѣмецкаго дѣла", высоко цѣнящихъ мірскую науку и очень мало похожихъ на своихъ предковъ XV—XVI вѣка: такіе люди становятся теперь ближайшими совѣтниками государей.

Очевидно, въ умахъ совершается цѣлый переворотъ: то, что дѣлается въ концѣ XVII столѣтія, было немыслимо не только въ XV—XVI вѣкѣ, но и при царѣ Михаилѣ; переворотъ совершался медленно, но неудержимо въ теченіе двухъ столѣтій, и съ каждымъ поколѣніемъ новое направленіе умственныхъ интересовъ и обычая утверждалось крѣпче и захватывало болѣе широкую область. Иноземная стихія новаго знанія и культурнаго обычая, собственно говоря, была глубоко антипатична тому складу національности, какой образовался въ теченіе татарскаго ига, въ вѣка религіозной исключительности и умственнаго уединенія отъ Европы:—западный иноземецъ, какъ человѣкъ поганой вѣры, былъ едва терпимъ; при проѣздѣ иноземнаго посла крестьяне открещивались и прятались въ избы какъ отъ нечистаго духа; царь обмывалъ руки, послѣ того какъ допускалъ къ рукѣ иностранныхъ пословъ, и т. д. Такимъ образомъ, притокъ иноземной стихіи не могъ не

вызывать протеста: иноземцевъ чуждались, въ собственной русской жизни расколъ былъ вообще протестомъ Руси XV — XVI вѣка противъ наплывавшихъ нововведеній,—но ничто не остановило этихъ нововведеній. Протестъ явился, напротивъ, и съ другой стороны: Крижаничъ негодовалъ на присутствіе иноземцевъ въ Россіи; думалъ, что не слѣдовало позволять имъ имѣть домà, склады, не слѣдовало пускать ихъ купеческихъ агентовъ и пр. Онъ негодовалъ, что вездѣ на плечахъ у славянъ сидятъ чужеземцы—нѣмцы, жиды, армяне, греки и т. д. и кровь изъ нихъ высасываютъ. „Презрѣнію, — говоритъ онъ, — съ какимъ обращаются съ нами иностранцы, укорамъ, которыми они насъ осыпаютъ, первая причина есть наше незнаніе и наше нерадѣніе о наукахъ, а вторая причина есть наше чужебѣсіе или глупость, вслѣдствіе которой иностранцы надъ нами господствуютъ, обманываютъ насъ всячески и дѣлаютъ изъ насъ все, что хотятъ, потому и зовутъ насъ варварами". Славянскій патріотъ не видѣлъ только, что вторая причина есть только слѣдствіе первой, что при своемъ „нерадѣніи о наукахъ" обойтись безъ помощи иностранцевъ было невозможно. Наиболѣе просвѣщенные изъ русскихъ людей XVII-го вѣка именно и стремились къ усвоенію науки.

Это было такое же свидѣтельство національной жизненности и силы, какимъ въ свое время было собираніе московскаго государства. Это былъ именно глубокій инстинктъ народа, европейскаго по своей природѣ, но надолго оторваннаго и отставшаго отъ европейской умственной жизни и теперь искавшаго усвоить потерянное и стать участникомъ и наконецъ, въ будущемъ, самостоятельнымъ дѣятелемъ въ этой жизни, представляющей собою высшій результатъ умственной и общественной работы человѣчества.

Мы замѣтили, что исторія этихъ, сначала внѣшнихъ и инстинктивныхъ, потомъ сознательныхъ поисковъ за европейской образованностью до временъ Петра, могла бы составить любопытную и поучительную книгу (и желательно, чтобъ она была написана); но и при тѣхъ фактахъ, которые теперь собраны и болѣе или менѣе общеизвѣстны, значеніе дѣятельности Петра Великаго опредѣляется ясно. Реформа была именно величайшимъ созданіемъ XVII-го вѣка. Ея грандіозная широта, энергическое исполненіе закрыли для современниковъ, и надолго заслонили для потомства, ея историческіе корни и связи съ прошедшимъ. Теперь эти связи становятся наглядными: для всѣхъ отраслей дѣятельности

Петра найдутся параллельные начатки въ московской Россіи. Заботы объ устройствѣ войска по европейскому образцу предшествовали временамъ Петра лѣтъ за сто; объ основаніи флота думалъ его отецъ, уже строившій корабли для морского плаванія (въ этомъ самъ Петръ признавалъ себя только болѣе счастливымъ продолжателемъ дѣла отца); забота открыть окно въ Европу была мыслью многихъ царей раньше его, которые именно стремились къ Балтійскому морю; забота о томъ, чтобы сами русскіе перенимали иноземную науку, также проявлялась въ теченіе XVII-го вѣка; иностранные обычаи, одежда, языкъ гораздо раньше его проникали уже въ царскій дворецъ и въ общество; самый его разгулъ не былъ новостью—царь Алексѣй зналъ „часъ потѣхѣ", и потѣшался очень усердно, и т. д. Словомъ, и въ крупныхъ государственныхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ, и въ нравахъ и обычаяхъ найдутся ближайшія родственныя черты стараго и новаго времени, и въ цѣломъ, реформа является выполненіемъ той программы, которая созрѣвала въ чувствѣ и сознаніи лучшихъ умовъ XVII-го столѣтія.

Была только одна громадная разница. Въ Петрѣ явился историческій дѣятель съ геніальнымъ пониманіемъ и страшной энергіей; то дѣло, которое прежде велось людьми двойственными, боязливыми, было теперь въ рукахъ сильнаго и цѣльнаго человѣка, и его трудъ затмилъ все предшествовавшее. Онъ самъ отправился смотрѣть ту Европу, на которую прежде смотрѣли издали и нерѣшительно; онъ самъ дѣлалъ ту работу, которая была необходима для усвоенія промысла и знанія; онъ сошелъ съ своего византійскаго трона и вмѣшался въ рабочую массу, и небывалое зрѣлище такого царскаго труда прибавило къ его дѣлу могущественное впечатлѣніе нравственное. Впервые, поставленъ былъ общей обязанностью—долгъ передъ „отечествомъ"; впервые признано было высшей властью право и достоинство науки. Правда, въ первое время эта наука понималась только въ ея внѣшнемъ утилитарномъ примѣненіи,—но и не могло быть иначе; дѣломъ слѣдующихъ поколѣній было сознать и указать ея высокое идеальное значеніе.

Разъясняя внутреннія основы бытовой исторіи XVII-го вѣка, Соловьевъ замѣчаетъ, что въ то время доживался богатырскій періодъ народной жизни, періодъ, когда еще дѣйствовали первобытныя силы, могучія, но не сдерживаемыя, не устроенныя и не направленныя воспитаніемъ. „До тѣхъ поръ, пока мы не перенесемся въ то время и не взглянемъ на Никона, какъ на бога-

тыря въ патріаршеской митрѣ и саккосѣ, до тѣхъ поръ это явленіе останется для насъ загадочнымъ... Въ соотвѣтствіе богатырю-патріарху, XVII-й вѣкъ выставляетъ намъ богатыря-протопопа" —въ лицѣ Аввакума—„вслѣдствіе несдержанной силы ставшаго заклятымъ врагомъ Никона и расколоучителемъ". Можно добавить, что послѣднимъ отблескомъ древняго богатырства—уже на переходѣ къ европейскому образованію и къ первому широкому проявленію національности—стоитъ богатырь-царь, въ лицѣ Петра Великаго.

А. Пыпинъ.

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКІЙ РОМАНЪ

ВЪ

ЕГО ГЛАВНЫХЪ ПРЕДСТАВИТЕЛЯХЪ

I.

КРЕСТОВСКІЙ (псевдонимъ).

IV. Послѣднее десятилѣтіе*).

Послѣ „Большой Медвѣдицы“ наша писательница не возвращается болѣе къ прошедшему, къ „провинціи въ старые годы“; ее захватываетъ настоящее, въ особенности одна сторона настоящаго, самая печальная, самая гнетущая. Подъ вліяніемъ, быть можетъ, этого гнета Крестовскій пишетъ меньше прежняго, ограничивается небольшими очерками, часто — и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще — вращающимися около одной и той же тэмы. Эта тэма намъ отчасти уже знакома—но теперь она выдвигается на первый планъ, все больше и больше налагая свою печать на дѣятельность автора. Передъ нами проходитъ новый рядъ Озериныхъ, не устоявшихъ противъ „искушенія“, Шатровскихъ, не выдержавшихъ „испытанія“, Верховскихъ, промѣнявшихъ мечты и порывы на узкую заботу о личномъ счастьѣ; главная разница, сравнительно съ прежнимъ, состоитъ въ томъ, что паденіе происходитъ теперь съ большей высоты, а слѣдовательно и болѣе

---

*) См. выше: февраль, 739 стр.

уродуетъ упавшихъ. Мы видимъ людей, внезапно перескакивающихъ или незамѣтно перебирающихся съ одного берега на другой, но въ обоихъ случаяхъ одинаково легко забывающихъ или одинаково усердно старающихся забыть свое прошедшее; мы видимъ различные фазисы и формы отступленія или отступничества, отъ робкаго примиренія съ дѣйствительностью до беззастѣнчивой эксплуатаціи ея. Скорбный листъ широко распространенной болѣзни ведется писательницей изъ года въ годъ, ведется ею съ глубокою скорбью, безъ надежды не только на выздоровленіе больныхъ — невозможное уже потому, что они сами его не желаютъ,—но и на скорое устраненіе болѣзнетворныхъ условій.

Безусловно господствующимъ указанный нами мотивъ въ творчествѣ Крестовскаго становится, впрочемъ, не сразу. Первые листы „Альбома", относящіеся къ началу семидесятыхъ годовъ, проникнуты еще тѣмъ реализмомъ, струю котораго мы прослѣдили въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ предъидущаго періода („Въ ожиданіи лучшаго", „Домашнее дѣло", „Недавнее", „Первая борьба"). „У фотографа", „Въ судѣ", „Риднева"—это сцены изъ новой жизни, сохранившей старую подкладку, изображенія новыхъ цвѣтковъ, выросшихъ на болотистой по прежнему почвѣ. Чѣмъ меньше размѣръ картины, тѣмъ больше бросается здѣсь въ глаза мастерство живописца. Небольшой очеркъ, озаглавленный: „Въ судѣ", одинаково поражаетъ богатствомъ матеріала и искусной его группировкой. Контрастъ между глубокой серьезностью процесса и мелко-легкомысленнымъ настроеніемъ присутствующей публики обрисованъ немногими, но мѣткими чертами; на общемъ фонѣ выдѣляются законченныя, не смотря на всю бѣглость разсказа, фигуры подсудимаго, его жены, его защитника. Праздныя рѣчи праздныхъ зрителей—точно рамка, въ которую вставлена потрясающая драма. Ни одного лишняго слова, ни одной изысканной фразы; нѣсколько лаконическихъ описаній, рядъ отрывочныхъ, перекрещивающихся между собою разговоровъ, короткій разсказъ о томъ, что предшествовало процессу, фотографическій снимокъ съ двухъ-трехъ моментовъ судебнаго слѣдствія—и въ результатѣ необыкновенно цѣльное, живое впечатлѣніе. „Лауновъ (защитникъ) ошибался въ разсчетѣ на присяжныхъ. Они не читали Дюма-fils, не разбирали оттѣнковъ сердечныхъ отношеній, и къ тому же слишкомъ устали: половина ихъ только-что высидѣла на этихъ же мѣстахъ пять дней другого сложнаго дѣла. Они не предлагали вопросовъ. Купцы вздыхали отъ жары, чиновниковъ занималъ скандальчикъ, они улыбались; одинъ изъ военныхъ надѣлъ pince-nez, чтобы лучше разглядѣть madame Копылову (жену под-

судимаго). Крестьяне слушали угрюмо, презрительно равнодушные къ трескотнѣ женскихъ разсказовъ, къ женскимъ слезамъ, и, потупивъ головы, смотрѣли на столъ доказательствъ". Кто бывалъ въ провинціальныхъ судахъ, тотъ навѣрное найдетъ въ этой картинѣ знакомыя черты—и заранѣе станетъ ожидать обвинительнаго приговора, особенно въ виду сознанія подсудимаго... Защитникъ только-что собирается отвѣчать прокурору; подсудимый вдругъ встаетъ и, перегнувшись черезъ рѣшетку, трогаетъ защитника за плечо, съ словами: „пожалуйста, покороче!"... „Лауновъ потерялся. Онъ приготовилъ блестящее вступленіе; оно пропало. Присяжные развлечены, публика развлечена; нужно время, чтобы овладѣть ихъ вниманіемъ... Пропало все, не только вступленіе, не только краснорѣчіе, но и самый смыслъ дѣла. Заколдованная, проклятая минута тупого охлажденія! Такія минуты бываютъ, и человѣкъ противъ нихъ безсиленъ... Лауновъ это почувствовалъ, понялъ вполнѣ, когда заговорилъ (надо же было, наконецъ, начать!)—понялъ, взбѣсился, и сбился еще хуже. Онъ возненавидѣлъ своего кліента, понялъ и это, старался возбудить себя, „проникнуться"—и слышалъ самъ, что говоритъ что-то холодное, нескладное, пошлое... Онъ терзался. Вызывающіе, тревожные, сантиментальные взгляды женщинъ кололи какъ булавки, не давали опомниться... Все пропало, репутація пропала. Послѣ такой защиты ужъ нечего надѣяться, что когда-нибудь, ну, въ какомъ-нибудь политическомъ процессѣ... Все это летало въ его головѣ, а онъ говорилъ, говорилъ, дожидаясь, что, можетъ быть, хоть къ концу, „это" какъ-нибудь придетъ... Ничто не пришло. Онъ говорилъ о несбывшихся надеждахъ, о заблужденіяхъ страстей, объ испорченности нравовъ, отъ которой — мы недавно видѣли примѣръ!—падаютъ государства; коснулся литературы, коснулся среднихъ вѣковъ, и вдругъ, взбѣшенный, закончилъ воззваніемъ къ милости всепрощающаго Творца"... Изъ-за остова защиты не проглядываетъ ли здѣсь личность самого защитника? Адвокатъ, для котораго главное—не подсудимый, а громкое дѣло, не исходъ процесса, а ораторскій успѣхъ,—адвокатъ, возмущающійся сознаніемъ подсудимаго, требующій, вопреки его интересамъ, судебнаго слѣдствія, чтобы не потерять заранѣе разсчитанныхъ источниковъ эффекта—такой адвокатъ можетъ построить красивый воздушный зàмокъ, можетъ даже очаровать имъ слушателей, но только подъ однимъ условіемъ: если не случится ничего непредвидѣннаго, если бравурная пьеса до конца будетъ разыграна какъ по нотамъ. Пускай подуетъ легкій вѣтерокъ, пускай неожиданная комбинація обстоятельствъ заставитъ пропустить хоть одинъ тактъ заученной

мелодіи—и воздушный замокъ разсѣется безслѣдно, виртуозъ обратится въ робкаго, неумѣлаго ученика, изнемогающаго подъ тяжестью непосильной задачи... Присяжные, постановивъ приговоръ, возвращаются въ залу засѣданія. „Зала была полна, ярко освѣщенная. Золото, огни, красные отливы, пестрые наряды женщинъ, оживленное волненіе торопливой толпы—все сіяло, все смотрѣло праздникомъ. Въ полъ загремѣли ружейные приклады, глухо стукнула ступенька за рѣшеткой. Минуты тянулись страшно долго. Копыловъ взошелъ и оглянулся кругомъ. На его губахъ дрогнула улыбка; онъ, вѣроятно, подумалъ, что для него устроенъ этотъ праздникъ... Прячась за спинками скамеекъ, сверкали бинокли"... Кто читалъ „La fille Elisa", Эдмона Гонкура, тотъ невольно вспомнитъ аналогичную сцену, которою начинается французскій романъ. Для нашей писательницы это воспоминаніе неопасно, потому что она употребляетъ болѣе простыя средства—и достигаетъ ими той же цѣли. Отмѣтимъ еще одну черту, стоющую длинной характеристики. Пріятельницы madame Копыловой, вызванныя въ свидѣтельницы, на судѣ вторили ея показанію, „разсказывали исторіи" про Копылова, но за дверьми залы, въ корридорахъ, пустились въ откровенность; слишкомъ ужъ лестно было для нихъ, какъ „мелкихъ особъ", сдѣлаться на нѣсколько минутъ предметомъ вниманія „общества" — и онѣ платятъ за это вниманіе, раскрывая всю подноготную своего „друга". Ихъ жадно слушаютъ, около нихъ собирается избранный кружокъ; но когда одна изъ нихъ обращается къ слушательницѣ, что́ поважнѣе, съ любезнымъ приглашеніемъ присѣсть, „дама, которой это было предложено, простоявшая болѣе получаса, величаво отвернулась и ушла". Общей страсти къ сплетнямъ удалось водворить равенство лишь на минуту; какъ только удовлетворено любопытство, всѣ спѣшатъ размѣститься въ обычномъ порядкѣ на ступеняхъ общественной лѣстницы.

Въ сценѣ суда надъ Копыловымъ новое провинціальное общество—опять уже успѣвшее заснуть, но не такимъ глубокимъ и спокойнымъ сномъ, какъ прежде — является только въ бѣгло очерченныхъ силуэтахъ; въ другихъ частяхъ „Альбома", въ позднѣйшихъ этюдахъ Крестовскаго оно выступаетъ на сцену въ лицѣ фигуръ болѣе законченныхъ, болѣе рельефныхъ. Страсти, стремленія, цѣли остались, большею частью, тѣ же—существенно измѣнились, зато, формы и средства. Madame Бѣлушева („У фотографа")—такая же заботливая мать, какъ Катерина Михайловна Воронская („Кто-жъ остался доволенъ") или госпожа Хлопова („Анна Михайловна"); задача у нихъ общая—„пристроить" дочь

или сына, но теперь исполненіе ея дается гораздо труднѣе, хотя Таля Бѣлушева вполнѣ раздѣляетъ желанія своей мамаши. Жениховъ стало меньше, ихъ нужно ловить чуть не на лету, закидывать словами, подкупать бойкостью рѣчи, мнимою откровенностью и прямотою — если нельзя подкупить чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ. Подкупъ послѣдняго рода пускается въ ходъ, съ полною безцеремонностью, Александриной Нельчинской („Учительница“); ея бракъ съ Драгаевымъ разсматривается обѣими сторонами какъ коммерческая сдѣлка. „Оба хорошо понимали—Александрина, что Драгаеву хочется имѣть Становищи, Драгаевъ — что тридцатилѣтней дѣвицѣ, уже играющей въ карты, хочется замужъ. Говорить объ этомъ было совершенно излишне, такъ же какъ увѣрять или разбираться въ любви. Это чрезвычайно облегчало отношенія“. Для соединенія этой пары понадобилась, по старому, сваха (Barbe Шеванова), но самый процессъ сватовства отличается новизною. Прежде сватовствомъ устраивалась свадьба — здѣсь свадьба была рѣшена помимо и раньше сватовства, и свахѣ оставалось только съиграть роль нотаріуса, т.-е. закрѣпить, согласіемъ madame Нельчинской, заранѣе опредѣленныя условія неписаннаго брачнаго договора. Договоры этого рода заключались у насъ, конечно, и въ „доброе старое время“. Жизнь и прежде шла въ разрѣзъ съ теоріей, признающей формальные contrats de mariage достойными только „гнилого запада“—но въ регулированіи имущественныхъ отношеній между будущими супругами активное участіе принималъ обыкновенно одинъ женихъ; за невѣсту дѣйствовали ея родители или родственники. Теперь практичность Александрины Нельчинской или Клеопатры Павловны („Здоровые“) едва-ли составляетъ исключеніе. Съ одной стороны это, пожалуй, прогрессъ, или, лучше сказать, признакъ прогресса — признакъ большей самостоятельности женщинъ; но когда вся перемѣна исчерпывается болѣе яснымъ пониманіемъ и болѣе бдительнымъ охраненіемъ своего личнаго, формальнаго права, то внутренняя ея цѣнность должна быть признана довольно сомнительною. Таля Бѣлушева, Александрина Нельчинская, Клеопатра Павловна очень энергичныя дѣвицы—но вѣдь энергична, по своему, была и Надина Грашкова („Кто-жъ остался доволенъ?“), въ погонѣ за Воронскимъ. Разница между представительницами поколѣній, отстоящихъ другъ отъ друга на четверть вѣка, заключается въ томъ, что Надинѣ Грашковой, кромѣ замужства, некуда было дѣваться, а передъ преемницами ея все же открыто нѣсколько дорогъ, хоть и не особенно удобныхъ. Онѣ это отлично знаютъ, но предпочитаютъ держаться стараго пути, какъ наиболѣе пріят-

наго и выгоднаго. „Только и слышишь,—восклицаетъ mademoiselle Бѣлушева:—экзаменъ туда, экзаменъ сюда. Скоро, право, можно будетъ всю Россію покрыть одной крышей: женская академія... Я ничего не имѣю противъ женскаго труда, но какого? Нужно прежде оцѣнить себя, а потомъ рваться впередъ. Таланты не такъ обильно на землѣ разсыпаны... Иногда, конечно, бываетъ нужда. Ну, пусть онѣ и идутъ трудиться въ буквальномъ смыслѣ“ — т.-е. трудиться въ качествѣ горничныхъ, кухарокъ. Итакъ, единственный мотивъ къ труду—это нужда, а лучшая, или даже, пожалуй, единственная законная его форма—та, которою могутъ воспользоваться mesdemoiselles Бѣлушевы. Отсюда антипатія последнихъ къ другимъ формамъ женскаго труда—отсюда хладнокровіе, съ которымъ Александрина Нельчинская жертвуетъ Зинаидой Николаевной, чтобы обратить ея мѣсто въ награду за удачное сватовство; отсюда злорадство, съ которымъ Клеопатра Павловна принимаетъ трудовыя деньги Соколовской.

Само собою разумѣется, что Тали Бѣлушевы, Александрины, Клеопатры—произведенія той среды, въ которой, подъ вліяніемъ крѣпостныхъ преданій, бездѣлье до сихъ поръ считается привилегіей избранныхъ, трудъ—достояніемъ черни. Воспитаніе въ этой средѣ сплошь и рядомъ налагаетъ неизгладимую печать даже на тѣхъ, кто рано освободился, повидимому, изъ-подъ ея власти. Риднева (разсказъ того же имени, въ „Альбомѣ“) вышла замужъ, по любви, за хорошаго, развитого человѣка; она искренно хочетъ сдѣлать его счастливымъ, подняться до его уровня — но крылья у нея подрѣзаны привычкой къ праздности и роскоши, она остается „барышней“, не умѣетъ ни примириться съ обстановкой, ни жить одною жизнью съ мужемъ. „Балованное дитя, она могла покоряться необходимости, но покорялась ей какъ случайному, временному; она трудилась по-неволѣ, но не пріучалась къ труду, со всякимъ днемъ больше ненавидѣла трудъ... Она была вся— желаніе принесть себя въ жертву, при полнѣйшей неумѣлости на самую простую услугу“. Чѣмъ-бы окончилась супружеская жизнь Ридневыхъ—объ этомъ можно только догадываться; Ридневъ умираетъ, его вдова остается безъ всякихъ средствъ къ существованію. Она дѣлается актрисой, сначала только для того, чтобы содержать себя и дочь; но ей нравится успѣхъ, нравится нервное возбужденіе—она не покидаетъ сцену даже тогда, когда ее заставляютъ играть въ опереткахъ Оффенбаха. Въ моментъ нашего знакомства съ нею—въ городѣ N., куда она пріѣхала за полученіемъ несуществующаго наслѣдства,—она еще вѣрна памяти мужа, въ ней не исчезли еще слѣды лучшихъ страницъ ея

прошедшаго; и все-таки мы чувствуемъ, что она не устоитъ въ послѣдней, рѣшительной борьбѣ. Слово: „войдите“, которымъ заканчивается разсказъ, не могло быть произнесено Ридневою безъ сильнаго внѣшняго гнета — но при наличности этого гнета не могло не быть произнесено ею.

Въ обществѣ, туго поддающемся новизнѣ и сохраняющемъ, подъ покровомъ наружныхъ превращеній, большой запасъ внутренней косности, неизбѣжно должны встрѣчаться такъ-называемыя „переживанія“—т.-е. явленія, всецѣло, повидимому, принадлежащія другому времени, другой, исчезнувшей обстановкѣ. Приживалки и приживальщики, напримѣръ, выросли у насъ на почвѣ старыхъ помѣщичьихъ нравовъ, выработанныхъ крѣпостничествомъ; а priori можно было бы заключить, что въ настоящую минуту существуютъ развѣ немногіе, вымирающіе экземпляры отжившаго типа, что никто болѣе не приходитъ къ нимъ на смѣну. Остановиться на этомъ заключеніи, значило бы, однако, не разглядѣть стараго содержанія подъ новой формой. Barbe Шеванова (въ „Учительницѣ“)—это прямая наслѣдница Анны Өедоровны („Въ ожиданіи лучшаго“); ея задача, правда, труднѣе, потому что ей нужно создать положеніе, въ прежнія времена всегда готовое— но самое положеніе отъ этого не измѣняется, какъ не измѣнились и причины, заставляющія искать его. Барскія замашки безъ барскихъ средствъ, любовь къ комфорту, безъ умѣнья и желанья добывать его трудомъ, готовность отказаться отъ собственнаго достоинства, принизить собственную личность—вотъ условія, при которыхъ возможны кандидаты на „приживальство“; а въ этихъ условіяхъ у насъ до сихъ поръ нѣтъ недостатка. Предложенію соотвѣтствуетъ и спросъ; охотниковъ купить, по дешевой цѣнѣ, нѣчто среднее между слугой и другомъ находится тѣмъ больше, чѣмъ упорнѣе держатся традиціонныя понятія о разныхъ „родахъ людей“, о привилегированныхъ „избранникахъ“, къ которымъ причислялъ себя герой „Первой борьбы“. Приживалки, какъ и прежде, сплошь и рядомъ тянутъ за собою свое потомство, тянутъ его подъ вліяніемъ той разновидности родительскаго чувства, для которой у нашихъ сосѣдей существуетъ мѣткое прозвище: Affenliebe. Насколько Анна Өедоровна заботилась о своей слишкомъ удачной Полинѣ, настолько госпожа Шеванова заботится о своемъ неудачномъ Борисѣ; но въ способѣ, которымъ устраивается судьба послѣдняго, отражается уже вліяніе новаго времени. Въ былое время Драгаевъ заплатилъ бы за услугу, оказанную ему Шевановою, предоставивъ ея сыну мѣстечко за своимъ столомъ и уголокъ въ своемъ домѣ; теперь онъ предпочи-

таеть расплатиться на чужой счетъ—и сажаетъ никуда негоднаго „недоросля изъ дворянъ“ учителемъ въ земскую школу.

Подобно тому, какъ не перевелись приживальщики и приживалки, не перевелись и многія другія, знакомыя намъ категоріи „униженныхъ и оскорбленныхъ“. Положеніе Авдотьи Андреевны („У фотографа“) отличается отъ положенія Клавдиньки („Свободное время“) или Анночки („Стоячая вода“) только тѣмъ, что она больше сознаетъ его тяжесть и можетъ сравнивать его съ совершенно другимъ прошедшимъ. Было время, когда свѣжій, молодой кружокъ называлъ ее „славной барышней“, находилъ ее живой, милой, умной; теперь этому не хотятъ вѣрить—не хотятъ вѣрить именно тѣ, кто способствовалъ обращенію ея въ безжизненную, рано отцвѣтшую старую дѣву. А положеніе матери Верягина („Альбомъ“), когда она осталась одна съ Машей у Ставровыхъ —чѣмъ оно лучше положенія старушки Мостковой („Старый портретъ, новый оригиналъ“)? Превращеніе изъ полноправнаго члена семьи въ горничную - Сандрильонку, такъ ловко совершаемое Ставровыми надъ Машей, не стоило имъ, по всей вѣроятности, даже укоровъ совѣсти, потому что готовымъ оправданіемъ ему служила формула, завѣщанная „мудростью предковъ“: „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ“. Хорошо еще, когда тотъ, кого стараются унизить, обладаетъ достаточной силой противодѣйствія, хотя бы только пассивнаго — какъ напримѣръ Анна Васильевна въ „Свиданіи“; онъ можетъ тогда не замѣчать униженій и спокойно идти одною изъ тѣхъ новыхъ дорогъ, существованіе которыхъ составляетъ безспорное преимущество настоящаго передъ прошедшимъ. Только легко ли выбраться на такую дорогу, легко ли удержаться на ней подъ дамокловымъ мечемъ „случайностей“ въ родѣ той, которая ставитъ Бориса Шеванова на мѣсто Зинаиды Николаевны или внезапно кладетъ конецъ деревенскимъ предпріятіямъ Табаева („Свиданіе“)?..

„Переживанія“ попадаются, какъ и слѣдовало ожидать, не въ одной только средѣ „забитыхъ людей“. Посмотрите, напримѣръ, на Николая Дмитріевича Мѣняева („Риднева“). „Это былъ богатырь, какіе опять начинаютъ появляться. Десятокъ лѣтъ назадъ они, казалось, перевелись совсѣмъ. Теперь опять можно встрѣтить юношей цвѣтущихъ, сытыхъ, удалыхъ, просто рѣшающихъ вопросы жизни или, еще проще, не признающихъ существованія никакихъ вопросовъ. Это — богатые соками отпрыски стараго древа, казалось бы, срубленнаго подъ корень. Правда, ихъ листва какъ будто перемѣнила форму; но говорятъ, что это случается и съ настоящими деревьями, между тѣмъ какъ свой-

ство ихъ остается все то же. Дѣло не въ наружности. Новые богатыри, какъ ихъ предки, упражняются въ конскихъ ристаніяхъ, веселятъ сердца свои за чашами, гнутъ кочерги, боятся грамоты и бьютъ посуду, потому что не позволено бить лакеевъ". Вмѣстѣ съ типами, переживаютъ или воскресаютъ обычаи, нравы; разговоръ свѣтской молодежи въ провинціальномъ салонѣ Натальи Алексѣевны („Здоровые") съ такимъ же точно правомъ могъ бы быть отнесенъ къ началу сороковыхъ годовъ, какъ и къ началу восьмидесятыхъ. Само собою разумѣется, что вся эта упорно держащаяся, мѣстами даже растущая и цвѣтущая старина не исключаетъ новизны—въ особенности новизны, искусно приспособляющейся къ даннымъ условіямъ минуты. Провинція, какъ и столицы, приняла съ распростертыми объятіями вновь явленныхъ „благотворительныхъ барынь", въ родѣ madame Муновской („Вѣра") или madame Городницкой („На вечерѣ"). Она сдѣлалась поприщемъ быстрыхъ успѣховъ для Черневскихъ („Здоровые"), соединившихъ въ себѣ исполнительность стараго чиновника съ легковѣсностью присяжнаго слушателя оффенбаховскихъ оперетокъ. Она стала производить въ изобиліи и либеральничающихъ, до поры до времени, земскихъ дѣятелей (Драгаевъ въ „Учительницѣ"), и дѣльцовъ, съ слезой умиленія и краснорѣчиво-сантиментальной фразой запускающихъ руку въ чужой карманъ (Ешецкій въ „Ридневой"), и спекулянтовъ на мелкія страсти заскучавшей и снова опустившейся публики (Либмейеръ, „У фотографа"). Изъ раскрывшихся щелей вылѣзли всякія мошки и букашки, прославляя благопріятную для нихъ погоду. „Знаете,—говоритъ Либмейеръ Аярову, —общество опять оживляется. Лѣтъ шесть-семь назадъ ужъ очень серьезничали. Теперь какъ-то все это въ порядокъ приходитъ. Танцуютъ. Театръ есть, оперетки. Съ дамами есть о чемъ поговорить. А то бывало, помните, неприступности. Теперь вспомнить забавно, а что я, въ крайности, въ первое время выносилъ! Препараты, бывало, дѣвицамъ снимаешь, жуковъ разныхъ... Право, что-жъ дѣлать! нужда"... „Оживленію общества", радующему Либмейера, усердно способствуютъ администраторы въ родѣ Заозерова („Здоровые"), поставившаго себѣ задачей искоренить „моду на хандру" и стремящагося къ полному успокоенію умовъ —съ помощью клуба и балета!

Такова, въ главныхъ чертахъ, обстановка, при которой совершаются превращенія особаго рода—тѣ превращенія, о которыхъ мы упомянули въ началѣ статьи, какъ о центральной темѣ разсматриваемаго нами періода творчества Крестовскаго. Начиная съ „Верягина" (четвертый, по времени напечатанія, очеркъ „Аль-

бома"), вопросъ, очевидно наболѣвшій въ душѣ писательницы, почти не сходитъ со сцены ея произведеній. Степени превращеній, какъ мы уже сказали, весьма различны. Иные стояли на томъ берегу только одной ногой или касались его мимоходомъ, словно шутя, sans le prendre au sérieux. Заозеровъ, напримѣръ, заискивалъ когда-то въ молодомъ поколѣніи, „старался казаться добрымъ старикомъ, безпристрастнымъ судьей, полезнымъ учителемъ, тоже прошедшимъ огонь и воду; но въ его сочувствіи было что-то излишнее, сценическое, его участіе какъ-то сбивалось на покровительство". Неудивительно, что нѣсколько лѣтъ спустя онъ сдѣлался выразителемъ „сытой толпы, дорожащей тишью и гладью", а еще немного попозже окружилъ себя Черневскими и принялся спасать общество путемъ, намъ уже извѣстнымъ. Драгаевъ также никогда не шелъ дальше фразъ, и то въ разговорѣ съ Зинаидами Николаевными. Но вотъ передъ нами Алтасовъ („Свиданіе"), нѣкогда „не своей волей" совершившій поѣздку въ далекій городишко, теперь—также не по своей волѣ, только въ другомъ смыслѣ—вышедшій изъ редакціи, не съумѣвшей оцѣнить его „художественно-примирительное міросозерцаніе". Онъ встрѣчается съ женщиной, съ которой когда-то что-то исповѣдывалъ, чѣмъ-то увлекался. Какъ ловко каждый изъ нихъ ощупываетъ передъ собою почву, чтобы узнать, измѣнился ли другой—и какъ спокойно становится имъ на душѣ, когда они замѣчаютъ, что въ обоихъ благополучно произошла одна и та же перемѣна! Вотъ Репеховскій („На вечерѣ"), перерожденный и обращенный обаяніемъ салоновъ, „влюбившійся въ ихъ надушенный воздухъ", пришедшій къ убѣжденію, что „было бы неумѣстно, неприлично, неучтиво платить рѣзкостями за милое вниманіе, омрачать общее настроеніе, быть недовольнымъ во что бы ни стало". Забавляя праздныхъ людей и снисходительно поощряемый ими, онъ находитъ сущимъ вздоромъ „всѣ эти разныя измышленія и умиленія надъ разными печалями разныхъ субъектовъ... которые и не думаютъ печалиться!" Вотъ Костинъ („Прощанье"), всегда, положимъ, отличавшійся больше благоразуміемъ и практичностью, нежели чѣмъ-либо инымъ, но въ короткое время успѣвшій совершенно закоченѣть въ мелкой скаредности и испошлиться въ погонѣ за комфортомъ. Вотъ и фигуры покрупнѣе: Верягинъ, a self-made man, выросшій въ бѣдности и нуждѣ, испытавшій на себѣ всю цѣну самоотверженной любви, безкорыстной нравственной поддержки — и поспѣшившій забыть, въ чаду блестящей чиновнической карьеры, всѣ завѣты своего прошедшаго; Кубецкій („Счастливые люди", въ „Альбомѣ"), упавшій съ идеальныхъ высотъ въ низменности сутяжничества и

сосредоточившійся на обдѣлываніи своихъ и чужихъ дѣлишекъ; Стебловичъ („Между друзьями", тамъ же), спустившійся еще ступенью ниже и перешагнувшій ту границу, за которой игра съ закономъ начинаетъ уже принимать криминальный характеръ. Всѣ они были когда-то въ Аркадіи—и всѣ очутились „тамъ", согласно съ предсказаніемъ сатирика, о которомъ вспоминаетъ герой „Прощанья". Нельзя даже сказать, чтобы ихъ привела „туда" непреодолимая сила особенно тяжелыхъ, неблагопріятныхъ обстоятельствъ; нѣтъ, они просто нашли, что спокойнѣе, пріятнѣе, выгоднѣе перейти на тотъ берегъ. Есть, конечно, и такіе, которыхъ туда перетащили, которые не съумѣли устоять противъ ежедневныхъ, ежечасныхъ упрековъ въ непрактичности, въ неисполненіи „долга" передъ семьею (Теницынъ, „Между друзьями"); но этотъ типъ—смиренный, по выраженію Одоева—выдвигается на сцену сравнительно рѣдко. Самъ Одоевъ („Между друзьями") —представитель типа лѣнивыхъ. Онъ не измѣняетъ взглядамъ и убѣжденіямъ своей молодости, готовъ даже постоять за нихъ, если это можно сдѣлать простымъ присоединеніемъ къ массѣ; но живетъ онъ въ свое удовольствіе, задумываясь и упрекая себя въ эгоизмѣ только по временамъ—и для того, чтобы средствъ вести такую жизнь было побольше, не колеблется даже отдать весь свой капиталъ едва знакомому человѣку, предложившему ему восемь процентовъ вмѣсто пяти. Онъ полѣнился сообразить, что скрывается за этимъ предложеніемъ, полѣнился вспомнить, какъ распоряжаются деньгами, въ большинствѣ случаевъ, занимающіе ихъ для „оборотовъ" подъ высокіе проценты.

Кромѣ смиренныхъ и лѣнивыхъ, Одоевъ признаетъ въ своемъ поколѣніи (т.-е. въ поколѣніи людей, стоящихъ на рубежѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ) еще двѣ категоріи: отступниковъ и запропавшихъ. Съ отступниками мы уже познакомились; о запропавшихъ Крестовскій упоминаетъ только мимоходомъ (въ „Верягинѣ", „Учительницѣ", „Послѣ потопа"), вѣроятно находя, вмѣстѣ съ Одоевымъ, что о нихъ почти „не можетъ быть и рѣчи". Есть, однако, еще одна категорія, не попавшая въ перечень Одоева, но играющая важную роль въ очеркахъ нашей писательницы. Ея характеристическій признакъ и соединительное звено—пассивное противодѣйствіе торжествующему злу. Ея представители могли бы сказать о себѣ, словами древняго поэта: „nitor in adversum, nec me, qui caetera, vincit impetus, et rapido contrarius evehor orbi" (противъ теченія плыву, силѣ противясь, что все побѣждаетъ; ей вопреки, не увлекаюсь быстрымъ движеньемъ земли). Ихъ протестъ всего чаще остается

безмолвнымъ, но ни „смиренными", ни „лѣнивыми" ихъ назвать нельзя; они ничему и никому не покорились, ничего не забыли и меньше всего способны жить припѣваючи, наслаждаясь настоящимъ днемъ и придумывая наслажденія на завтра. Основныя свойства этого типа можно найти уже въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ „Стараго портрета, новаго оригинала"; затѣмъ мы встрѣчаемся съ нимъ въ цѣломъ рядѣ разсказовъ, относящихся къ разсматриваемому нами періоду: „Вѣра", „На вечерѣ", „Счастливые люди", „Здоровые", „Прощанье"—встрѣчаемся съ нимъ вездѣ, за весьма немногими исключеніями, въ томъ лицѣ, отъ имени котораго ведется разсказъ. Именно этимъ объясняется, быть можетъ, неопредѣленность, недорисованность фигуръ, выводимыхъ на сцену преимущественно для того, чтобы оттѣнить, по закону контраста, „отступничество" и „смиреніе". Контрастъ, вдобавокъ, коренится не столько въ дѣйствіяхъ, сколько въ словахъ; разсказчикъ почти вездѣ ограничивается тѣмъ, что даетъ реплику—даетъ ее и Репеховскому, и Кубецкому, и Черневскому, и Заозерову. До извѣстной степени это вѣрно дѣйствительности, вѣрно самому характеру настроенія, надъ которымъ постоянно тяготѣетъ бдительный надзоръ или строгая опека; но рельефность типа все-таки не можетъ не страдать отъ такого способа изображенія. Другой неизбѣжный результатъ его—нѣкоторая монотонность; разсказчики въ названныхъ нами очеркахъ всѣ похожи другъ на друга, всѣ болѣе или менѣе повторяютъ самихъ себя. Это не послѣдовательное развитіе одной той же фигуры, а постоянное возвращеніе къ господствующимъ ея чертамъ, установившимся уже достаточно ясно. Алексѣевъ въ „Счастливыхъ дняхъ"—двойникъ разсказчика, только на нѣсколько шаговъ придвинувшійся къ той границѣ, которая отдѣляетъ протестующихъ отъ „запропавшихъ". Цвѣтковъ („Прощанье") начинаетъ иначе; у него есть еще бодрость, потому что есть еще надежда на счастье—но надежда эта исчезаетъ, и онъ погружается въ холодный мракъ, съ которымъ мы знакомы по предшествовавшимъ картинамъ. Возможна, безъ сомнѣнія, жизнь, возможна дѣятельность и въ этомъ мракѣ. „Когда прислуга,—говоритъ Цвѣтковъ,—похоронитъ кого-нибудь своего, то все-таки обязана работать, какъ будто ничего не случилось... Всѣ мы прислуга, и всѣ также обязаны. Вольно же барски воображать себя родственникомъ, огорченнымъ исключительно, выше всѣхъ. Мало ли кто бываетъ огорченъ. Вотъ, пришла очередь... Меня встряхнуло; изъ-за меня безпокоиться не стоитъ... Была бы жива святыня общаго блага, за которую стоялъ и готовъ постоять вѣчно, крѣпко схватясь за руки съ своими". Въ этихъ словахъ мель-

каетъ нить, ведущая отъ отчаянія и унынія къ живому дѣлу—но мы не узнаемъ, воспользовался ли ею герой „Прощанья".

Единственная попытка создать, на той же почвѣ, болѣе положительный, ярче расцвѣченный образъ сдѣлана Крестовскимъ въ „Учительницѣ". Зинаида Николаевна выдержала трудное испытаніе; она не пошла по той дорогѣ, на которую ее влекла и молодая восторженность, и первая, едва пробудившаяся любовь. Она сохранила себя для старой, больной матери, никого больше не имѣвшей на свѣтѣ—и наконецъ, послѣ многихъ лѣтъ тяжелаго, неблагодарнаго труда, вошла, повидимому, въ гавань. Въ качествѣ сельской учительницы, она можетъ и пріютить у себя мать, и поработать на пользу народа. Ей начинаетъ казаться возможнымъ счастье—счастье, отъ котораго бы не отвернулся навсегда потерянный для нея милый. „Тихо, покойно—покойно было у нея на сердцѣ, какъ она не помнила, чтобъ когда бывало, но сердце крѣпко билось... Лѣтъ черезъ десятокъ, что тутъ будетъ? Что будетъ съ этимъ селомъ, съ этимъ трудовымъ людомъ? Ребятки выростутъ... Господи, пошли имъ жизнь полегче, чтобъ было, что вспомнить, кромѣ темноты и нужды! Пошли свѣтъ свой... вотъ онъ начнется съ искорки, съ азовъ! Благослови труженицу положить душу какъ умѣетъ, какъ можетъ... Миша! вскричала она громко, протягивая руки. Боже, неужели это—прощеніе? неужели это онъ—онъ тутъ, опять вмѣстѣ? Отчего вдругъ такъ легко? Все помнится—и не больно; счастлива—и не больно... Такъ вотъ что было нужно, вотъ чего ты хотѣлъ! Опять вмѣстѣ, опять за-одно"! Этому спокойствію суждено было продолжаться недолго. Драгаеву, чтобы выгодно жениться, нужно было содѣйствіе госпожи Шевановой, госпожѣ Шевановой нужно было для сына учительское мѣсто, освобождающее отъ воинской повинности—и вотъ, Зинаида Николаевна изгоняется изъ своего рая. А мать только-что писала ей: „Ангелъ мой, дочка моя, жду не дождусь, сплю и вижу, когда буду съ тобой"... Послѣднія страницы „Учительницы"—одна изъ тѣхъ драмъ ежедневной жизни, за которыми виднѣется цѣлый рядъ другихъ, еще болѣе серьезныхъ. Отчаяніе—опасный совѣтникъ, а Зинаида Николаевна доведена до отчаянія, и кто бы не былъ доведенъ до него на ея мѣстѣ?

Одной своей стороной „Учительница" затрогиваетъ вопросъ, надъ которымъ, повидимому, часто и долго останавливалась мысль Крестовскаго. Поставленная на распутьи между двумя дорогами, Зинаида Николаевна, какъ мы уже видѣли, выбрала ту, къ которой привязывалъ ее ближайшій, личный долгъ. Не слишкомъ

ли узка эта дорога, стоитъ ли посвящать ей всецѣло, хотя бы только на время, всѣ свои силы? О чемъ-то подобномъ спорили уже Веретицынъ и Леленька въ „Пансіонеркѣ". Софья Александровна, которую нѣкогда любилъ Веретицынъ, вышла замужъ за добраго малаго, N—скаго помѣщика. „И это—совершенство?" насмѣшливо спрашиваетъ Леленька. „Болѣе нежели когда-нибудь,— отвѣчаетъ Веретицынъ:—что жъ все отдавать сокровища богачамъ, бѣднымъ они нужнѣе". — Что жъ она сдѣлала для этихъ бѣдныхъ? — Она дала матери спокойный уголъ передъ смертью, помирила мужа съ его отцемъ, заставила старика жить болѣе человѣческимъ образомъ, дала вздохнуть тѣмъ, кто отъ нихъ зависѣлъ.—О, подвиги! И тратиться на это, тратиться существу высшему?—Кому жъ, какъ не высшему? Низшія или не умѣютъ, или брезгуютъ!... Вы удивляетесь сестрамъ милосердія? Это не легче, мужества надо не меньше; тутъ нѣтъ увлеченія, нѣтъ одобренія кругомъ, дѣло неблестящее съ вида и долгое—долгое на всю жизнь"!— Тотъ же споръ продолжается пятнадцать лѣтъ спустя, въ „Вѣрѣ". Madame Муновская проповѣдуетъ самодѣятельность, самостоятельность, хотя бы и купленную цѣною борьбы, разлуки, разрыва съ близкими людьми. Но вѣдь эти близкіе люди,—возражаетъ Анна Александровна,—могутъ быть виноваты только тѣмъ, что не такъ росли, какъ мы, не такъ учились: „каково же унижать ихъ любовь, доказывать, что она глупа, ненужна, что мы проживемъ безъ нея? А эти люди въ насъ душу положили! Мы видимъ, что они страдаютъ, страдаютъ отъ насъ... Что тутъ дѣлать?" — „Покричать —перестанутъ,—успокоиваетъ madame Муновская:—стерпится—слюбится. — А если не стерпится? Бросить мать — старуху умирать на чужихъ рукахъ, бросить мужа, простого, честнаго, которому жена была нравственной поддержкой... за что человѣкъ пропадетъ"?..—„Николай, а я-то... безъ тебя.. я-то что-же"?.. Этими словами матери, увидавшей револьверъ въ рукахъ сына, заканчивается небольшой очеркъ: „Послѣ потопа". Мы не знаемъ, останавливаютъ ли они Николая, но въ нихъ опять звучитъ знакомая нота, опять слышится протестъ противъ девиза: „со всѣмъ порвать"—того девиза, краснорѣчивымъ отрицаніемъ котораго служитъ „Больное мѣсто", Салтыкова.

Стремленіе „порвать со всѣмъ и со всѣми"—это только одна сторона той погони за „исполинскимъ дѣломъ", противъ которой, какъ мы видѣли въ предъидущей статьѣ, высказывался уже Тарнѣевъ въ „Встрѣчѣ", высказывалась Катерина въ „Большой Медвѣдицѣ". Не стоитъ за нее и Одоевъ, въ той бесѣдѣ, которая завязывается у него съ бывшими друзьями. „Всѣ средства

въ помощь, въ поддержку хоть того небольшого кружка, гдѣ каждому довелось жить"—такъ опредѣляетъ онъ задачу, которую ставили себѣ нѣкогда, прежде раздѣленія на „категоріи", люди его поколѣнія. „Если только въ этомъ состояла ваша задача,—замѣчаетъ представитель новой, практической молодежи,—она не широка".—„Очень широка,—возражаетъ Одоевъ:—работая въ маленькомъ кружкѣ, помнить, что этотъ кружокъ—человѣчество. Каждый пашетъ на клочкѣ поля; видитъ—рядомъ, вблизи, вдали пашетъ другой, пашетъ третій, десятокъ, всѣ вмѣстѣ, заодно, всякій за всѣхъ, а поле общее и, глядишь—вспахано все!" И въ самомъ дѣлѣ, не въ размѣрахъ работы, а въ ея назначеніи коренится главная, существенная разница между людьми обоихъ береговъ, между „отступниками" и „вѣрными" (употребляемъ это выраженіе за неимѣніемъ другого, которымъ можно было бы обнять всѣ оттѣнки безкорыстнаго труда на общее дѣло). Заботиться исключительно о себѣ, забывая, а въ случаѣ надобности и устраняя все остальное—вотъ настоящее преступленіе противъ тѣхъ идеаловъ, которые освѣтило, лѣтъ тридцать тому назадъ, „весеннее солнце". Взять изъ нихъ немногое, но этому немногому служить преданно и честно, памятуя связь его со всѣмъ остальнымъ, не теряясь въ мелочахъ, не создавая себѣ кумировъ—это не измѣна, не „смиреніе", даже не лѣность. Мы не знаемъ намѣреній Крестовскаго, мы не утверждаемъ, что устами Веретицына и Анны Александровны, Катерины, Одоева и Зинаиды Николаевны говоритъ сама писательница; мы подводимъ только сумму впечатлѣній, вытекающихъ изъ написаннаго ею въ разное время, высказаннаго ею въ разныхъ видахъ. Формула этой суммы слѣдующая: брать работу, находящуюся подъ рукою, но исполнять ее какъ часть обширнаго, гармоничнаго цѣлаго. Подъ дѣйствіе формулы, такимъ образомъ выраженной, подойдетъ, очевидно, самая трудная работа, какъ и самая легкая, самая крупная, какъ и самая мелкая. Она не требуетъ узкости во что бы то ни стало, не проповѣдуетъ самоограниченія, какъ чего-то всегда и для всѣхъ обязательнаго; она исключаетъ только систематическое, безусловное предпочтеніе отдаленнаго—близкому, блестящаго—скромному, широкаго—едва замѣтному. Она одинаково примѣнима ко всякимъ способностямъ, ко всякимъ силамъ; она устраняетъ возможность оправдывать бездѣйствіе — отсутствіемъ „исполинскаго дѣла", явно безнадежное предпріятіе—безполезностью всѣхъ остальныхъ, удобоосуществимыхъ. Она призываетъ къ дѣламъ любви и самоотверженія, доступнымъ для каждаго, куда бы ни поставила его судьба; она протестуетъ противъ на-

прасныхъ жертвоприношеній, увеличивающихъ сумму личнаго горя, не уменьшая сумму общественной неправды.

Въ правѣ ли мы, однако, отыскивать въ сочиненіяхъ Крестовскаго признаки міросозерцанія, сознательно или безсознательно положеннаго въ ихъ основу? Не все ли равно, къ какимъ отвлеченнымъ или практическимъ выводамъ приводитъ художественное произведеніе? Не заключается ли центръ тяжести его исключительно въ образахъ, имъ созданныхъ, въ вѣрности ихъ съ жизнью, въ способѣ исполненія, въ мастерствѣ формы? Не пытаясь перерѣшать теоретическій вопросъ, столько разъ бывшій предметомъ споровъ и все-таки по прежнему возбуждающій непримиримое разногласіе, замѣтимъ только одно: по отношенію къ Крестовскому чисто-эстетическая критика кажется намъ совершенно немыслимой. Въ послѣднемъ періодѣ дѣятельности писательницы вліяніе борьбы, происходящей вокругъ нея, чувствуется еще сильнѣе, чѣмъ прежде. Она стоитъ въ самомъ разгарѣ этой борьбы, живетъ ею, не можетъ и не хочетъ отъ нея отрѣшиться. Кто считаетъ спокойствіе первымъ и необходимымъ условіемъ художественнаго творчества, тому остается только произнести огульный обвинительный приговоръ надъ всѣмъ или почти всѣмъ, написаннымъ Крестовскимъ послѣ 1871 г., сбросить цѣлую груду книгъ въ одну общую могилу и поставить надъ нею памятникъ съ поучительною надписью: „такъ гибнетъ всякій, нераскаянно грѣшащій противъ основныхъ законовъ искусства". Весь вопросъ въ томъ, подчинилось ли бы приговору, воспользовалось ли бы поученіемъ большинство читателей? Намъ думается, что оно разрыло бы могилу, освободило бы изъ нея мнимаго покойника—и поступило бы вполнѣ правильно. Какія бы демаркаціонныя черты ни придумывались доктринерами, какими бы строгими запретами онѣ ни охранялись, жизнь всегда перешагнетъ черезъ нихъ — перешагнетъ и въ лицѣ художника, натурѣ котораго чужда безусловная объективность, и въ лицѣ публики, раздѣляющей мнѣніе Вольтера: tous les genres sont bons, hors le genre ennuyeux. Наша публика, по многимъ причинамъ, особенно воспріимчива къ субъективному творчеству; ее пріучилъ къ нему цѣлый рядъ замѣчательныхъ писателей, начиная съ Лермонтова; пріучило и позднее, неполное развитіе чисто - политической литературы. Благопріятствуетъ субъективизму, съ другой стороны, вся наша обстановка, среди которой нелегко оставаться индифферентнымъ и нейтральнымъ. Пережить, радуясь и ужасаясь, надѣясь и унывая, все совершившееся у насъ въ послѣднюю четверть вѣка, и возсоздать передуманное и перечувствованное въ такой формѣ, которая не

носила бы на себѣ слѣдовъ нравственной муки—задача слишкомъ трудная, чтобы быть общеисполнимой. Сказать писателю, при такихъ условіяхъ: „какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ"! нельзя уже потому, что его страданія — страданія многихъ изъ числа его современниковъ. Кто страдалъ самъ и обращается къ страдавшимъ, тотъ имѣетъ право сказать имъ слово утѣшенія или ободренія. Быть можетъ, мы ошибаемся—но намъ кажется, что такое слово сказано Крестовскимъ. Пройдетъ ли оно незамѣченнымъ, западетъ ли кому-нибудь въ душу, послужитъ ли для кого-нибудь точкой опоры—не знаемъ, да не отъ этого и зависитъ его оцѣнка. Припомнимъ характеристику Тарнѣева, приведенную нами въ предъидущей статьѣ: „Тарнѣевъ писалъ, потому что все-таки это было средство что - нибудь высказать, и хотя онъ менѣе всего надѣялся что-нибудь измѣнить, что-нибудь исправить, но ему казалось, что, высказываясь, онъ исполняетъ хотя часть своего долга уже тѣмъ, что не молчитъ"...

Если активное, страстное отношеніе романа къ современной жизни представляется, въ нашихъ глазахъ, вполнѣ законнымъ, то отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, чтобы для насъ была безразлична самая форма этого отношенія. Тенденціозность не исключаетъ художественности, но не замѣняетъ ея, не дѣлаетъ ея излишней; каково бы ни было содержаніе произведенія, степень его совершенства, а слѣдовательно и его долговѣчности, прямо обусловливается исполненіемъ. Всего легче тенденція можетъ помѣшать вѣрности рисунка, сходству изображенія съ дѣйствительностью. Съ этой точки зрѣнія Крестовскій до конца остается почти безупречнымъ. Въ его Верягиныхъ, Драгаевыхъ, Стебловичахъ, Репеховскихъ нѣтъ ничего невозможнаго или невѣроятнаго, ничего явно преувеличеннаго или искаженнаго. Это не изверги, не духи тьмы, не олицетворенія порока. Они дѣйствуютъ болѣе сознательно, чѣмъ ихъ предшественники—Покорскіе, Оршевскіе, „Братцы", — меньше дѣлаютъ себѣ иллюзій, лучше понимаютъ самихъ себя; но у каждаго изъ нихъ есть на готовѣ цѣлый рядъ оправданій, съ помощью которыхъ они могутъ доказать—въ случаѣ надобности, до извѣстной степени, даже самимъ себѣ — что они никакого „отступничества" не совершали, а только благоразумно „перемѣнили фронтъ". Нѣкоторый избытокъ тѣней и черныхъ красокъ можно найти развѣ въ самыхъ послѣднихъ разсказахъ Крестовскаго—въ „Здоровыхъ", гдѣ Заозерова незачѣмъ было выставлять взяточникомъ или казнокрадомъ, гдѣ Черневскій „немного слишкомъ" прямолинеенъ въ своемъ цинизмѣ, въ „Прощаньѣ", гдѣ прежній другъ Цвѣткова (Костинъ) оказывается уже

черезъ-чуръ толстокожимъ. На степень карриватуры портреты Крестовскаго во всякомъ случаѣ никогда не нисходятъ, рѣзко отличаясь въ этомъ отношеніи, напримѣръ, отъ фигуръ противоположнаго облика, нарисованныхъ недавно умершимъ авторомъ „Бездны". Нѣтъ у Крестовскаго и такихъ идеально-добродѣтельныхъ гражданъ, какихъ выводятъ на сцену только-что названный нами романъ и другія сочиненія ejusdem farinae. Пойдемъ далѣе: посмотримъ, какъ изображенъ Крестовскимъ генезисъ тѣхъ явленій, въ которыхъ она видитъ главную сигнатуру эпохи. Здѣсь мы встрѣчаемся съ слабой стороной нашего автора. Процессъ „отступничества" нигдѣ не воспроизведенъ съ достаточною полнотою. Мы видимъ „отступника" уже достигшимъ „того берега" (Стебловичъ, Кубецкій, Костинъ, Алтасовъ, Репеховскій) — или знакомимся съ нимъ въ два діаметрально-различные періода его жизни, перескакивая черезъ середину (Верягинъ); а въ серединѣ-то именно и совершился тотъ переломъ, который всего больше заслуживалъ бы изученія. Иногда (напр., въ очеркѣ: „На вечерѣ") причины перелома выставляются на видъ въ общемъ разсужденіи автора—но это не можетъ замѣнить дѣйствія, которое происходило бы передъ нами и само носило бы въ себѣ свое объясненіе. Большинство „отступниковъ" давно уже покончило всѣ счеты съ своимъ прошедшимъ; только одинъ заканчиваетъ ихъ на нашихъ глазахъ — и мы обязаны этому самыми потрясающими страницами „Верягина". Послѣ рѣшительной бесѣды съ Машей, Верягинъ заглядываетъ въ старыя письма матери и нѣкогда любимой имъ Ольги Андреевны. Оттуда точно возстаютъ давно забытые образы, возстаетъ онъ самъ, какимъ онъ былъ, какимъ могъ бы остаться; вспоминаются неисполненныя обязанности, отвергнутыя и обманутыя чувства, сознается собственная вина, непоправимая и неизгладимая. „Онъ смотрѣлъ, не двигаясь, не понимая, чувствуя, какъ кровь стучитъ, переливается въ вискахъ, какъ что-то безсвязное набѣгаетъ, набѣгаетъ со всѣхъ сторонъ, и оттолкнуть, отбиться отъ него нѣтъ силы. Мучительно жаль... всего! Чего-то страшно, противно и стыдно... Неужели это онъ, онъ самъ? Неужели это происходитъ съ нимъ? Неужели онъ, безукоризненный, онъ виноватъ, виноватъ какъ послѣдній изъ виноватыхъ, какъ тѣ, за рѣшеткой, которыхъ онъ будетъ обвинять не сегодня-завтра?" Воспоминанія пришли слишкомъ поздно; возврата для Верягина уже нѣтъ, и приказывая бросить въ печку бумаги, такъ непріятно нарушившія его покой, онъ точно сбрасываетъ съ себя послѣднюю связь со всѣмъ минувшимъ.

Замѣчательно, что по манерѣ, по тону, даже по языку по-

слѣдніе разсказы Крестовскаго напоминають, отчасти, раннія произведенія писательницы. Уже въ „Альбомѣ" чаще начинають встрѣчаться отступленія, не свободныя иногда отъ нѣкоторой туманности, нѣкоторой тяжеловѣсности; ихъ меньше въ „Свиданіи", въ „Учительницѣ", но особенно много въ „Здоровыхъ" и въ „Прощаньѣ". Мы возражали еще недавно [1]) противъ той доктрины, которая строжайше запрещаетъ романисту выходить изъ-за кулисъ, говорить отъ своего лица, прерывать хоть на минуту теченіе разсказа; мы продолжаемъ думать, что такое запрещеніе слишкомъ педантично, слишкомъ абсолютно—но не считаемъ возможнымъ защищать и противоположную крайность. Въ вопросѣ объ отступленіяхъ и разсужденіяхъ, какъ и въ вопросѣ объ описаніяхъ, о лирическихъ порывахъ, все сводится, съ нашей точки зрѣнія, къ чувству мѣры — и вотъ этому-то чувству не всегда, какъ намъ кажется, остается вѣрнымъ Крестовскій. Когда въ первомъ очеркѣ „Альбома" („У фотографа", сцена на желѣзнодорожной станціи) Аяровъ мысленно хоронитъ свою молодость, и къ его думамъ о забвеніи примыкаютъ думы самого автора о томъ же предметѣ, переходъ совершается естественно, незамѣтно; слова автора могли бы быть вложены въ уста самого Аярова, такъ что кому собственно они принадлежатъ—это для насъ безразлично. Нельзя сказать того же самаго объ одной изъ послѣднихъ сценъ „Прощанья"; монологъ Цвѣткова сливается и здѣсь, безъ точной границы, съ размышленіями автора—но въ данную минуту эти размышленія, очевидно, не проходили черезъ голову Цвѣткова, и намъ приходится сдѣлать скачокъ отъ одного настроенія къ другому. Мы только-что присутствовали при крушеніи личнаго счастья — насъ расхолаживаетъ обращеніе автора къ честнымъ людямъ, къ „молодымъ охранителямъ общественной совѣсти". Есть у Крестовскаго такіе очерки (напр., „Счастливые люди"), въ которыхъ нѣтъ почти никакого дѣйствія, въ которыхъ беллетристическая форма едва прикрываетъ публицистическое содержаніе. То, что въ другомъ мѣстѣ было бы отступленіемъ, составляетъ тутъ главную сущность дѣла; разговоръ дѣйствующихъ лицъ является какъ бы иллюстраціей къ разсужденіямъ разсказчика,— разсужденія, въ свою очередь, служатъ какъ бы дальнѣйшимъ развитіемъ тэмы, затронутой въ разговорѣ. Въ результатѣ получается цѣлое, мало похожее на обыкновенную повѣсть, не укладывающееся въ рамки общепринятыхъ въ реторикѣ дѣленій и под-

---

[1]) См. статью о французскомъ романѣ въ 1884 г., въ № 11 „Вѣстника Европы" за минувшій годъ.

раздѣленій, столь же своеобразное, какъ и очерки Глѣба Успенскаго—но наравнѣ съ ними завоевывающее себѣ мѣсто въ изящной литературѣ. Другое дѣло, если въ разсказѣ есть дѣйствіе, есть характеры; вмѣшательство автора, разъ что оно переходитъ извѣстную границу, становится здѣсь положительнымъ недостаткомъ. Много значитъ, конечно, форма отступленій; чѣмъ безукоризненнѣе внѣшняя ихъ отдѣлка, чѣмъ они богаче яркими образами, удачными сравненіями, неожиданными, оригинальными поворотами мысли, тѣмъ легче забывается разладъ, вносимый ими въ общій строй произведенія. Въ послѣднихъ очеркахъ Крестовскаго эти выкупающія качества встрѣчаются столь же рѣдко, какъ и въ первыхъ; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ, только прочесть упомянутую нами сцену въ „Прощаньѣ“ („На память“, стр. 354 — 56) и большую часть размышленій разсказчика въ „Здоровыхъ“. Мы, можетъ быть, не ошибемся, если скажемъ, что сходство результатовъ зависитъ, до извѣстной степени, отъ сходства причинъ, что настроеніе, съ нѣкоторыхъ поръ овладѣвшее Крестовскимъ, напоминаетъ настроеніе ея въ началѣ пятидесятыхъ годовъ: тотъ же глубоко-печальный взглядъ на прошедшее и настоящее, та же безнадежность по отношенію къ ближайшему будущему. У художниковъ по природѣ это настроеніе, какъ и всякое другое, не исключаетъ изящества формы, достающагося имъ сравнительно легко и составляющаго словно атмосферу, внѣ которой немыслима ихъ работа; но къ числу такихъ художниковъ Крестовскій не принадлежитъ, внѣшняя красота не дается ей въ руки, если она ея не ищетъ—а для того, чтобы искать, нужна извѣстная бодрость духа, извѣстная „радость творчества“.

„Прощанье“ не чуждо еще одного недостатка, отъ котораго свободны всѣ остальныя произведенія Крестовскаго: въ героинѣ разсказа, Александрѣ Николаевнѣ Галевской, чувствуется что-то не совсѣмъ естественное, сочиненное. Можетъ быть, такія современныя Аспазіи и существуютъ — но во всякомъ случаѣ авторъ не сдѣлалъ ихъ для насъ понятными, не объяснилъ ихъ появленія. Александра Николаевна вооружается знаніемъ, потому что знаніе—сила. „Женщины воображаютъ,—говоритъ она, — будто для успѣховъ имъ довольно молодости, красоты, нарядовъ, будто мужчины бѣгутъ отъ женскаго знанія... вздоръ! Другія выдумали еще смѣшнѣе: выставляютъ свою ученость — и отъ этихъ, натурально, мужчины бѣгутъ; какъ не бѣжать! Совсѣмъ не то нужно. Чтобъ властвовать, женщинѣ нужно знать, много, много знать, но умѣть это прятать“. Положимъ, что это такъ — но нужно было бы еще доказать, что путь къ власти проходитъ въ наше

время черезъ будуаръ содержанки. Александра Николаевна ошиблась эпохой; она готовитъ изъ себя идеальную гетеру, забывая, что живетъ не въ древней Греціи и что графъ Тайвицъ во всякомъ случаѣ не Периклъ. Она хочетъ, чтобы „все въ женщинѣ было образованное—всякое слово, всякое движеніе, всякій намекъ въ разговорѣ“,—но „чтобы эта сила охватывала непримѣтно, неотразимо, чтобы она ощущалась какъ наслажденіе, доставляемое женщиной“. Кто же будетъ все это ощущать, схватывать на лету каждый намекъ, понимать каждое движеніе? Передъ кѣмъ Александра Николаевна будетъ разсыпать свой бисеръ? Развѣ наши гетеры окружены Фидіями и Анаксагорами, Сократами и Алкивіадами?.. Другое побужденіе, толкающее Александру Николаевну въ объятія графа Тайвица, болѣе понятно: это бѣшеное влеченіе къ роскоши, къ нѣгѣ, къ широкому, исчерпывающему пользованію всѣми благами жизни. Но развѣ наряду съ этимъ влеченіемъ могла уцѣлѣть въ ней любовь къ бѣдному, скромному студенту, котораго она нѣсколько лѣтъ сряду даже не видала? Чувство къ Цвѣткову могло, при свиданіи, отозваться въ ней едва слышной, замирающей нотой, затеплиться угасающимъ огонькомъ, но не могло вспыхнуть съ прежней или еще большей силой... Не вполнѣ удачно обрисованъ и самъ Цвѣтковъ. Помимо той неопредѣленности, которою отличаются у Крестовскаго всѣ фигуры этой категоріи, онъ является передъ нами, въ зрѣлые годы, со всѣми пріемами очень молодого человѣка. Припомнимъ хотя бы восклицаніе, въ которомъ онъ опредѣляетъ „мѣщанское счастье“: „смѣшаться въ общей толпѣ и страдать со всѣми вмѣстѣ!“ Настоящее время для произнесенія такихъ фразъ—искреннихъ, но все-таки фразъ—это время сіянія „весенняго солнца“, давно уже миновавшее для Цвѣткова.

Прежде чѣмъ разстаться съ послѣднимъ періодомъ дѣятельности Крестовскаго, мы не можемъ не упомянуть о двухъ небольшихъ очеркахъ, особенно характеристичныхъ для дарованія писательницы. Крестовскій — по преимуществу поэтъ тяжелыхъ, безнадежныхъ положеній, невознаградимыхъ потерь, испорченныхъ существованій; лучшія страницы ея произведеній продиктованы глубокимъ сочувствіемъ къ чужому горю. Припомнимъ „Изъ связки писемъ, брошенной въ огонь“, припомнимъ „За стѣною“; такое же сильное впечатлѣніе, и по тѣмъ же причинамъ, производятъ на насъ „Вѣра“ и „Послѣ потопа“. Героиня перваго изъ этихъ разсказовъ — женщина, на склонѣ лѣтъ отдавшаяся во власть одной самоотверженной заботы и нашедшая въ ней источникъ самыхъ утонченныхъ мученій. Вѣра, повидимому, свободна, ни-

что не связываетъ ее съ Карцовымъ, она можетъ его оставить, не слышать болѣе его жалобъ, не видѣть его страданій; но она знаетъ, что безъ нея онъ будетъ еще болѣе несчастливъ, знаетъ и то, что чувство къ нему — послѣдняя связь ея съ міромъ, въ которомъ она не хочетъ быть лишней, т.-е. никому не нужной. Ужасно тяготиться чужою дружбой и чувствовать себя безсильнымъ ее отвергнуть, ужасно принимать услуги и въ то же время упрекать за нихъ, какъ это дѣлаетъ Карцовъ—но еще ужаснѣе подвергаться такимъ упрекамъ и сознавать, что будешь подвергаться имъ до конца, что изъ положенія, невыносимаго для обѣихъ сторонъ, нѣтъ никакого исхода. „Ему хуже, чѣмъ мнѣ" — эти послѣднія слова Вѣры одни заключаютъ въ себѣ цѣлую драму. Сюжетъ „Послѣ потопа" мы напоминать не будемъ; скажемъ только, что состояніе духа, въ которомъ Николай рѣшается на самоубійство, изображено съ замѣчательною силой. Гнетущее чувство, вызываемое разсказомъ, не устраняется его развязкой. Положимъ, что Николай уступилъ просьбѣ матери, что онъ обѣщалъ жить и сдержитъ свое слово — но забудетъ ли онъ когда-нибудь все испытанное имъ, все, пришедшее ему на память при возвращеніи въ родную свѣтелку?

Мы дошли до конца, о многомъ, по необходимости, отозвавшись лишь мимоходомъ, многаго вовсе не коснувшись. Картина, главныя черты которой мы старались соединить въ одно цѣлое, чрезвычайно богата содержаніемъ. Обнимая собою тридцать-пять лѣтъ—и какихъ лѣтъ!—нашей общественной жизни, она воспроизводитъ мертвенный застой до-реформенной эпохи, слѣдитъ за первыми признаками пробужденія, подмѣчаетъ сгущающіяся вновь тѣни, наблюдаетъ распространеніе ихъ въ ширь и глубь, поглощеніе ими ослабѣвшихъ лучей „весенняго солнца". Изъ всѣхъ нашихъ романистовъ, начавшихъ писать въ сороковыхъ годахъ, Крестовскій—всего болѣе человѣкъ партіи, въ широкомъ смыслѣ этого слова. Она не принадлежитъ, конечно, ни къ какому тѣсному кружку, не проводитъ никакой односторонней доктрины— но она смотритъ на жизнь съ точки зрѣнія опредѣленныхъ взглядовъ, вноситъ въ свои произведенія ясно выраженныя симпатіи и антипатіи, пишетъ волнуясь и не сдерживая, не стараясь сдерживать своего волненія. Само по себѣ взятое, это едва ли могло бы помѣшать ея успѣху, уменьшить ея значеніе; человѣкомъ партіи, въ томъ же смыслѣ, какъ и Крестовскій, былъ Шиллеръ— по крайней мѣрѣ въ юношескихъ произведеніяхъ своихъ,—былъ

Байронъ, была Ж. Зандъ. Если Крестовскаго нельзя поставить наряду съ такими корифеями романа, какъ Теккерей, Бальзакъ, Тургеневъ, гр. Л. Толстой, то объясненіе этому слѣдуетъ искать, кажется, въ двухъ особенностяхъ ея творчества. Ей не дано искусство рисовать такіе художественные образы, которые были бы въ одно и то же время типичными и индивидуальными, которые соединяли бы въ себѣ всю полноту, все разнообразіе личной жизни съ рѣзкимъ преобладаніемъ той или другой черты, глубоко коренящейся въ человѣческой природѣ, переживающей вѣка или, по крайней мѣрѣ, составляющей главную сигнатуру даннаго времени. Между дѣйствующими лицами Крестовскаго нѣтъ ни одного, имя котораго пріобрѣло бы нарицательное значеніе, заняло бы мѣсто въ томъ литературномъ Пантеонѣ, куда занесены, вслѣдъ за Гамлетами, донъ-Кихотами, Тартюфами, Фаустами, имена Манфреда, Эсмонда, отца Горіо, m-me Бовари, Чацкаго, Хлестакова, Обломова, Рудина, Базарова. Съ другой стороны, внѣшняя форма произведеній Крестовскаго никогда не подходитъ къ той вершинѣ, которой достигали и достигаютъ великіе мастера слова. Пересмотримъ мысленно длинный рядъ произведеній, выдвигающихся на первый планъ во всѣхъ родахъ такъ называемой изящной литературы—и мы вездѣ найдемъ или осуществленіе обоихъ условій, только-что указанныхъ нами, или, по крайней мѣрѣ, рѣшительное господство одного изъ нихъ. Крестовскому недостаетъ и того, и другого—недостаетъ той высшей творческой силы, которая служитъ общей ихъ основой. Въ этомъ отношеніи всего ближе къ Крестовскому, изъ нашихъ современныхъ писателей, стоитъ Некрасовъ, родственный ей и по духу, по стремленіямъ и цѣлямъ. Они оба приближаются къ завѣтной чертѣ, иногда почти дотрогиваются до нея—но не вступаютъ въ область, лежащую за нею. Само собою разумѣется, что въ мірѣ искусства нѣтъ вѣсомыхъ, или измѣримыхъ различій между геніемъ и талантомъ, между талантами болѣе и менѣе крупными — но художественное дарованіе, какъ и все остальное (вспомнимъ старинный французскій стихъ: ainsi que la vertu, le crime a ses dégrés), безспорно имѣетъ свои степени или ступени, и невозможность точно опредѣлить, гдѣ оканчивается одна и начинается другая, не исключаетъ ни фактическаго неравенства литературныхъ величинъ, ни попытокъ объяснить это неравенство.

Хорошо задуманныхъ, удачно изображенныхъ лицъ въ романахъ и повѣстяхъ Крестовскаго очень много; назовемъ, для примѣра, хотя бы Покорскаго, Марью Андреевну Оршевскую, Тарнѣева, Алексинскую, Верховскаго, Катерину, Верягина, Вѣру, Зинаиду Ни-

колаевну. Чего же недостаетъ имъ, чтобы попасть въ центральную залу общеевропейской портретной галлереи? Наглядности, рельефности—той наглядности, въ силу которой художественный образъ словно отдѣляется отъ страницъ книги, заполоняетъ нашу фантазію, неизгладимо запечатлѣвается въ памяти. Стоитъ только произнести имя Рудина, чтобы вызвать въ насъ совершенно опредѣленное представленіе; мы всѣ точно видѣли и слышали его, подпадали подъ его обаяніе, разочаровывались въ немъ, опять возвращались къ нему и удѣляли ему уголокъ въ своемъ сердцѣ. Къ крупнымъ, выдающимся чертамъ этой фигуры присоединяются со всѣхъ сторонъ менѣе важныя, но въ высшей степени жизненныя, облекающія ее въ плоть и кровь, придвигающія ее къ намъ совсѣмъ близко. Рудинъ говоритъ особымъ, именно ему свойственнымъ языкомъ; положенія, въ которыя ставитъ его ходъ разсказа, выставляютъ на видъ все, что̀ есть типичнаго въ его натурѣ. Характеристика, вытекающая сама собою изъ его словъ, изъ его дѣйствій, дополняется авторомъ сдержанно, осторожно, не путемъ длинныхъ разсужденій, а посредствомъ немногихъ мѣткихъ эпитетовъ, посредствомъ нѣсколькихъ лучей свѣта, брошенныхъ на его прошедшее. Поставимъ рядомъ съ Рудинымъ Тарнѣева—и мы замѣтимъ, что сказано о послѣднемъ больше, но больше и не досказано. Авторъ чаще является на сцену и дольше на ней остается, но его комментаріи не восполняютъ нѣкоторой блѣдности красокъ, нѣкоторой незаконченности рисунка. Гораздо ярче колоритъ въ „Большой Медвѣдицѣ"—но здѣсь общему эффекту вредитъ растянутость романа; рамка, сравнительно съ содержаніемъ, вышла слишкомъ большая. Въ Верховскомъ и Катеринѣ больше жизни, чѣмъ въ какомъ бы то ни было другомъ созданіи Крестовскаго—но они слишкомъ долго остаются передъ нами почти въ одномъ и томъ же освѣщеніи; избытокъ повторяющихся деталей ослабляетъ впечатлѣніе. Между типами Тургенева и Крестовскаго есть еще одна разница: первые съ бо̀льшимъ правомъ могутъ быть названы центральными людьми эпохи, представителями заканчивающейся, продолжающейся или только-что начинающейся, но во всякомъ случаѣ характерной полосы общественной жизни. Рудинъ резюмируетъ собою цѣлое поколѣніе, отодвигающееся въ прошедшее, Базаровъ является первообразомъ другого, едва выступающаго на сцену. Въ Тарнѣевѣ, Верховскомъ и другихъ герояхъ Крестовскаго не воплотились, въ такой степени, отличительныя черты пережитыхъ нами историческихъ моментовъ.

О внѣшней формѣ произведеній Крестовскаго мы уже упо-

минали; мы указали на тусклость ранней манеры автора, на значительный успѣхъ, сдѣланный въ романахъ средняго періода, на возвращеніе къ прошлому, замѣтное въ нѣкоторыхъ изъ позднѣйшихъ разсказовъ. Благозвучность рѣчи, приближающая прозу къ стиху, никогда не была свойственна Крестовскому; большого значенія внѣшней отдѣлкѣ писательница, повидимому, никогда и не придавала. Она не ищетъ словъ, которыя всего лучше гармонировали бы съ данною мыслью, не заботится ни о симметріи фразъ, ни о мѣрномъ ихъ теченіи. Трудно представить себѣ контрастъ болѣе рѣзкій, чѣмъ тотъ, который существуетъ между скудно украшеннымъ, неуравновѣшеннымъ, иногда почти небрежнымъ языкомъ Крестовскаго—и тщательно вывѣреннымъ, обдуманнымъ во всѣхъ деталяхъ, полированнымъ и отшлифованнымъ языкомъ французскихъ натуралистовъ. Если послѣдніе сплошь и рядомъ вдаются въ одну крайность, то отъ другой, противоположной, далеко не всегда свободна наша писательница. Погоня за формальнымъ совершенствомъ не отвлекаетъ ея вниманія отъ идеи произведенія, не заводитъ ее въ лабиринтъ узкихъ, извилистыхъ дорожекъ, среди которыхъ иногда теряетъ время Флоберъ и безвыходно блуждаетъ Эдмонъ Гонкуръ — но не оказываетъ ей тѣхъ услугъ, которыми часто обусловливается сила Додэ, Зола, Мопассана. Когда авторъ, приподнятый и воодушевленный предметомъ, увлекаетъ за собою читателей, они не чувствуютъ и не замѣчаютъ неровностей, встрѣчающихся на пути; но такое настроеніе не можетъ быть постояннымъ—и въ болѣе спокойныя минуты вниманіе неизбѣжно останавливается на подробностяхъ исполненія. Оно поддерживается или утомляется, смотря по степени техническаго мастерства, которою обладаетъ авторъ. Мастерство выработалось и у Крестовскаго, но авторъ не всегда пускаетъ его въ ходъ, и притомъ оно обнимаетъ собою не всѣ стороны беллетристической задачи. Описанія, напримѣръ, до самаго конца остаются заброшенными въ дальніе углы, обреченными на болѣе чѣмъ скромную роль; сравненія также принадлежатъ къ числу оружій, къ которымъ неохотно прибѣгаетъ авторъ. Отступленія рѣдко выливаются у него въ форму сжатыхъ, мѣткихъ афоризмовъ, въ форму „крылатыхъ словъ“ (geflügelte Worte), легко отдѣлимыхъ отъ своей обстановки и способныхъ жить самостоятельною жизнью. Вѣрно взятый, звучный аккордъ заглушается иногда цѣлой массой варіацій, не прибавляющихъ почти ничего къ первоначальной тэмѣ. „Бѣлый свѣтъ полонъ забывшихъ,—читаемъ мы, напримѣръ, въ „Альбомѣ“ („У фотографа“).
—Говорятъ, разсчитано, что еслибъ не пропадали сѣмена травъ,

деревьевъ, всякихъ растеній, они засѣяли бы не только весь шаръ земной, но ужъ какое-то такое пространство, что и не выговоришь. Люди, должно быть, тоже разочли и боятся, что въ ихъ сердцѣ будетъ тѣсно, если тамъ, рядомъ съ насущнымъ, останется память тѣхъ, что отошли. Будь эта память въ тысячи разъ чище, возвышеннѣе, прекраснѣе всего, что̀ даетъ настоящее—она занимаетъ мѣсто, которое нужно для чего-то другого; ну, и прочь ее. Но люди забываютъ не на заказъ, а невольно: утѣшеніе льнетъ къ нимъ легко, граціозно, какъ осенняя паутина... Забываютъ не вдругъ, а понемногу; у нихъ нѣтъ даже грубой силы оторваться разомъ, проститься и отойти, не обращаясь назадъ сантиментально, нервически, натянуто, лицемѣрно... По-немножку!.. Чувствовать, какъ нѣкогда дорогое все уходитъ, уходитъ изъ сердца; какъ прелестный, милый образъ все погружается, все заплываетъ во тьмѣ, куда мы его не бросили, нѣтъ!—но уронили невольно... Послѣ сотни разныхъ мелкихъ чувствицъ, дойти до того, что дѣлается непріятно и жутко, когда случайно, какъ-нибудь вызванное пустымъ, напомнившимъ словомъ, обстоятельствомъ,—блѣдное лицо съ своимъ золотымъ вѣнчикомъ выглянетъ на насъ изъ пучины... Дойти до того, что, торопясь, отворачиваясь и все еще наряжая въ любовь нашъ испугъ, нашу досаду, мы говоримъ: сокровище, проливайся скорѣе!" Параллель, которою начинается этотъ отрывокъ, превосходна; дальше попадается нѣсколько прелестныхъ, тонкихъ штриховъ (напримѣръ, подчеркнутое нами сравненіе съ осенней паутиной) —но слишкомъ длинное развитіе основной тэмы ослабляетъ ея силу, уменьшаетъ впечатлѣніе. Здѣсь, какъ и во многихъ другихъ подобныхъ мѣстахъ, чрезвычайно умѣстенъ былъ бы флоберовскій пріемъ процѣживанья мысли, постепеннаго освобожденія ея отъ излишнихъ придатковъ.

Въ началѣ нашего этюда мы назвали, рядомъ съ именемъ Крестовскаго, имена Ж. Занда, Дж. Элліота и Корреръ-Белль; теперь мы можемъ опредѣлить поближе отношеніе Крестовскаго къ этимъ тремъ писательницамъ, опередившимъ всѣхъ другихъ женщинъ въ области романа. Еслибы Корреръ - Белль написала только „Ширли", „Вилльеттъ", „Учителя", Джоржъ Элліотъ—только „Сцены изъ жизни духовнаго сословія", „Ромолу", „Феликса Гольта" и „Даніэля Деронда", онѣ не стояли бы такъ высоко надъ массой своихъ соотечественницъ—иногда весьма талантливыхъ, — работавшихъ и работающихъ на томъ же поприщѣ; вся слава Корреръ-Белль коренится въ „Дженъ Эйръ", слава Дж. Элліота—въ „Адамѣ Бидѣ" и „Мельницѣ на Флоссѣ".

Съ лучшими произведеніями Крестовскаго эти романы имѣютъ много общаго: та же отзывчивость къ страданію и горю, та же сила психическаго анализа, то же умѣнье проникать въ душевную жизнь дѣйствующихъ лицъ. На сторонѣ автора „Джэнъ Эйръ“ оказывается, быть можетъ, преимущество бо̀льшей сжатости, бо̀льшей выдержанности формы—но это преимущество во всякомъ случаѣ не такъ велико, чтобы изъ-за него одного можно было поставить Корреръ-Белль выше Крестовскаго. У Эліота къ тѣмъ же или еще бо̀льшимъ достоинствамъ изложенія присоединяется искусство доводить образы до той художественной пластичности, которая обезпечиваетъ за ними долговѣчность. Въ центральной залѣ, о которой мы говорили, Адамъ Бидъ, Дина Моррисъ, Меджи Телливеръ не займутъ мѣста развѣ потому, что они не представляютъ собою значительнаго типа—значительнаго для своего времени или для всѣхъ временъ, воплощающаго въ себѣ ту или другую двигающую, рѣшающую черту жизни. У Ж. Занда, какъ и у обѣихъ англійскихъ писательницъ, матеріаломъ для сравненія могутъ служить лишь немногіе романы; ея литературное наслѣдство чрезвычайно велико, но настоящую цѣнность имѣютъ далеко не всѣ составныя его части. Послѣднія, по времени, произведенія Ж. Занда никогда не имѣли большого значенія, первыя пользовались огромнымъ вліяніемъ, но оно почти всецѣло отошло въ исторію. Отраженный свѣтъ на дѣятельность Ж. Занда это вліяніе бросаетъ, однако, весьма сильный. Внезапно овладѣть умами и сердцами, и долго, не въ одной только Франціи, удерживать ихъ въ своей власти могло только дарованіе, выходящее изъ ряда. И дѣйствительно, какъ много ни способствовали успѣху Ж. Занда обстоятельства ея эпохи, своевременность ея протеста, важность затронутыхъ ею вопросовъ, богатство идей, заимствованныхъ ею у Шопена, Мишеля, Пьера Леру—прежде всего и больше всего этотъ успѣхъ зависѣлъ отъ пламеннаго краснорѣчія молодой писательницы. Теперь, съ легкой руки Зола, въ большомъ ходу небрежное, высокомѣрное отношеніе къ Ж. Занду; ея языкъ называютъ безцвѣтнымъ, водянистымъ, монотоннымъ—и такимъ, дѣйствительно, онъ можетъ показаться тому, кто привыкъ восхищаться исключительно пряностями, изысканностями и утонченностями новѣйшей школы. Не такова оцѣнка безпристрастныхъ, разностороннихъ критиковъ, напр. Брандеса, въ глазахъ котораго Ж. Зандъ—одинъ изъ большихъ мастеровъ слога. Наша писательница несомнѣнно уступаетъ, въ этомъ отношеніи, французской романисткѣ, къ которой она во многомъ другомъ подходитъ весьма близко. Созданіе типическихъ образовъ—не сильная сторона Ж. Занда; ея герои и героини или слишкомъ отрѣ-

шены отъ дѣйствительности, или недостаточно отрѣшены отъ нея, т.-е. недостаточно переработаны поэтическимъ творчествомъ. Одинъ разъ, однако, ей удалось воспроизвести типъ, живущій и до сихъ поръ, это—Орасъ (въ романѣ того же имени), котораго Брандесъ называетъ типическимъ буржуа временъ іюльской монархіи, а по нашему мнѣнію точнѣе было бы назвать буржуа противъ воли, bourgeois sans le savoir, постоянно намѣревающимся воспарить въ вышину и постоянно ударяющимся о землю, крѣпко придерживающую его за всѣ слабыя и мелкія свойства его натуры.

Намъ казалось необходимымъ объяснить, чтó помѣшало Крестовскому подняться до высоты, достигнутой нѣкоторыми изъ современныхъ русскихъ и западно-европейскихъ романистовъ; но было бы въ высшей степени несправедливо упускать изъ виду, что доступъ къ этой высотѣ открывается рѣдкимъ, исключительнымъ сочетаніямъ условій, открывается, притомъ, не только для немногихъ лицъ, но и для немногихъ произведеній. Нѣтъ такого генія, который удерживался бы на ней постоянно—а между тѣмъ, въ творчествѣ великихъ дарованій цѣнны не одни же только кульминаціонные его пункты. Дороги и важны, на томъ же основаніи, лучшіе труды писателей, непосредственно слѣдующихъ за царями изящной литературы. Въ ряду такихъ писателей Крестовскій несомнѣнно занимаетъ выдающееся мѣсто. Ея романы останутся надолго не только памятникомъ тяжелыхъ минутъ, пережитыхъ и переживаемыхъ русскимъ обществомъ, не только лѣтописью освободительныхъ стремленій, побѣждаемыхъ въ неравной борьбѣ съ реакціей и рутиной, но и зеркаломъ душевныхъ движеній, не пріуроченныхъ къ какому-нибудь одному историческому моменту. Популярности Крестовскаго, если мы не ошибаемся, суждено еще расти, а не уменьшаться, уже потому, что только недавно, съ приведеніемъ къ концу новаго изданія ея сочиненій, русская публика получила возможность окинуть однимъ взглядомъ всю продолжительную дѣятельность писательницы. Надѣемся, притомъ, что дѣятельность эта, еще не закончена; Крестовскій, въ послѣднее время, вообще пишетъ мало—а послѣ появленія въ печати „Прощанья" прошло не болѣе года. Пожелаемъ для нашей писательницы еще одного: чтобы ее не миновало вниманіе западно-европейской критики, обращенное съ нѣкоторыхъ поръ на русскую беллетристику, и чтобы заграничная публика могла познакомиться, при посредствѣ хорошихъ переводовъ, съ наиболѣе крупными произведеніями Крестовскаго.

К. Арсеньевъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ БОДЛЭРА.

Голубка моя,
Умчимся въ края,
Гдѣ все, какъ и ты, совершенство;
И будемъ мы тамъ
Дѣлить пополамъ
И жизнь, и любовь, и блаженство...
Изъ влажныхъ завѣсъ
Туманныхъ небесъ
Тамъ солнце задумчиво блещетъ,
Какъ эти глаза,
Гдѣ жемчугъ-слеза,
Слеза упоенья, трепещетъ.

Это міръ таинственной мечты,
Нѣги, ласкъ, любви и красоты.

Вся мебель кругомъ
Въ покоѣ твоемъ
Отъ времени ярко лоснится.
Дыханье цвѣтовъ
Заморскихъ садовъ
И вѣянье амбры струится.
Богатъ и высокъ
Лѣпной потолокъ,

И тамъ зеркала такъ глубоки;
И сказочный видъ
Душѣ говоритъ
О дальнемъ, о чудномъ Востокѣ.

Это міръ таинственной мечты,
Нѣги, ласкъ, любви и красоты.

Взгляни на каналъ,
Гдѣ флотъ задремалъ.
Туда, какъ залетная стая,
Свой грузъ корабли
Отъ края земли
Несутъ для тебя, дорогая.
Дома и заливъ
Вечерній отливъ
Одѣлъ гіацинтами пышно,
И теплой волной,
Какъ дождь золотой,
Лучи онъ роняетъ неслышно.

Это міръ таинственной мечты,
Нѣги, ласкъ, любви и красоты.

---

* *
*

Меня ты, мой другъ, пожалѣла;
Но вѣрить ли ласкѣ твоей, —
Отъ этой случайной улыбки
На сердцѣ—еще холоднѣй...

Бездомный, голодный бродяга,
Избитый мотивъ предъ тобой
Играетъ на ветхой шарманкѣ
Дрожащей, невѣрной рукой;

И жалко его, и досадно,
И пѣсня знакома давно;
Чтобъ прочь уходилъ онъ, монету
Ему ты бросаешь въ окно.

Д. Мережковскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1885.

Новые образцы сословнаго прожектерства. — Сословное земство и привилегированное дворянство.—Безсословность, какъ источникъ всѣхъ золъ, и устраненіе ея, какъ лекарство отъ всѣхъ болѣзней.—„Мечи правосудія“ въ остзейскихъ губерніяхъ.—Правила о процентномъ и раскладочномъ сборѣ.—Шестая глава проекта особенной части уголовнаго уложенія.—Новыя свѣденія о крестьянскомъ поземельномъ банкѣ.

Во время сильнаго отлива выступаютъ на видъ островки, отмели, камни, при обыкновенныхъ условіяхъ скрывающіеся подъ водою. Нѣчто подобное бываетъ и въ политикѣ; чѣмъ дальше назадъ отступаютъ ея волны, тѣмъ больше выдвигаются изъ-подъ нихъ отжившія учрежденія, забытыя идеи, угасшія надежды. Сначала, пока волна еще близка и возвращеніе ея вѣроятно, на отмель отправляются только немногіе смѣльчаки; потомъ къ нимъ присоединяются другіе, все въ большемъ и большемъ числѣ, а при продолжительности отлива возникаетъ, наконецъ, и мысль о возобновленіи постройки. смытой или поврежденной высокою водою. Въ послѣдній изъ этихъ фазисовъ вступила теперь та политическая отмель, которая называется сословностью. Приверженцы принципа, еще недавно стоявшаго, по нѣмецкому выраженію, auf dem Aussterbenetat, т.-е. предназначеннаго къ оставленію за штатомъ, перешли не только отъ обороны къ наступленію, но и отъ общихъ фразъ къ болѣе или менѣе опредѣленнымъ проектамъ. Образецъ фразъ мы видѣли два мѣсяца тому назадъ, когда говорили о передовой статьѣ „Руси“; образцомъ прожектерства служитъ статья г. Пазухина [1]), напечатанная въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (№ 1). Правда, и она не договариваетъ до конца,

---

[1]) Если мы не ошибаемся, г. Пазухинъ—одинъ изъ мѣстныхъ дѣятелей, „усилившихъ“ собою составъ Кахановской коммиссіи.

многое—и самое существенное—только намѣчаетъ въ главныхъ чертахъ; но Римъ построенъ не въ одинъ день, и мы доживемъ, быть можетъ, и до той минуты, когда упадутъ послѣдніе покровы. Осторожность и постепенность, съ которою дѣйствуютъ рыцари сословности, представляется, во всякомъ случаѣ, весьма характеристичной. Внѣшнихъ стѣсненій для нихъ не существуетъ; къ недомолвкамъ, намекамъ, подходамъ ихъ ничто не вынуждаетъ—а они все-таки не поднимаютъ вполнѣ своего забрала. Отрицательной сторонѣ вопроса въ статьѣ г. Пазухина отведено гораздо больше мѣста, чѣмъ положительной; мы ясно видимъ, что̀ онъ хочетъ разрушить, но можемъ только догадываться о томъ, что̀ и какъ онъ хочетъ построить. Какъ бы то ни было, среди тьмы не лишены значенія и небольшіе проблески свѣта.

Сословность, въ глазахъ г. Пазухина—это рай, который потеряла Россія, и въ который она должна возвратиться. Поэма, какъ у Мильтона, состоитъ, такимъ образомъ, изъ двухъ частей — и послѣдняя часть, какъ у Мильтона, гораздо слабѣе первой. Дѣло въ томъ (и здѣсь, конечно, исчезаетъ сходство съ англійскимъ поэтомъ), что пѣснь о потерянномъ раѣ пропѣта авторомъ проекта по давно извѣстнымъ, въ новой редакціи только слегка измѣненнымъ и дополненнымъ нотамъ. Кто не слыхалъ, напримѣръ, гимна въ честь мировыхъ посредниковъ, при которыхъ все шло къ лучшему въ наилучше устроенномъ мірѣ? Что̀ новаго представляютъ всякія, варіаціи на тэму объ отсутствующемъ правительствѣ, сѣтованія на „поворотъ отъ порядка къ безурядицѣ, отъ законоуваженія къ паденію авторитета власти", совершившійся, будто бы, во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ, подъ вліяніемъ анархіи, организованной земскимъ положеніемъ и узаконенной судебными уставами? Неотъемлемою собственностью г. Пазухина слѣдуетъ признать только ту прямолинейность, съ которою онъ сводитъ самыя разнообразныя явленія, дѣйствительныя и воображаемыя, къ одной причинѣ—къ упадку сословнаго начала. Отсюда и утрата нравственной связи между властью и народомъ, отсюда неустойчивость правительственныхъ системъ, отсюда стремленіе къ наживѣ, отсюда нигилизмъ или, по крайней мѣрѣ, его быстрое развитіе, отсюда враждебное отношеніе интеллигенціи къ народу (!) и къ историческому государственному строю. Нетрудно себѣ представить, насколько вѣрна картина, вся закрашенная, такимъ образомъ, одною краскою. Хотите ли знать, напримѣръ, чѣмъ объясняются слухи о передѣлѣ земель, упорно держащіеся въ средѣ крестьянства? „Противодворянскою политикою" прошлаго царствованія. „Лишеніе служебныхъ привилегій,—говоритъ г. Пазухинъ,—не могло не смутить населеніе, привыкшее въ дворя-

плохо — но какъ дѣйствовали до-реформенныя дворянскія собранія? Положимъ, что новые суды оставляютъ желать весьма многаго — но какую память оставили по себѣ выборные уѣздные судьи и члены гражданскихъ и уголовныхъ палатъ? Сравненій этого рода мы не найдемъ ни у г. Пазухина, ни у другихъ поборниковъ старины — а между тѣмъ, матеріалъ для нихъ встрѣчается на каждомъ шагу, встрѣчается даже въ настоящемъ, потому что рядомъ съ безсословными учрежденіями у насъ и теперь существуетъ немало сословныхъ. „Отличительная черта нашего земства,—говоритъ г. Пазухинъ,—есть случайность его состава и направленія. Съѣздъ частныхъ землевладѣльцевъ есть сборъ отдѣльныхъ единицъ, разъединенныхъ общественнымъ положеніемъ, образомъ жизни, воспитаніемъ и уровнемъ нравственныхъ понятій. Самая численность съѣзда можетъ колебаться отъ крайне низкой нормы до громадной цифры нѣсколькихъ сотенъ. если какому-нибудь земцу вздумается устроить избирательную агитацію... Земство можетъ быть хорошо въ одномъ уѣздѣ и очень плохо въ другомъ, съ нимъ смежномъ. Въ теченіе одного трехлѣтія оно можетъ дѣятельно и добросовѣстно вести дѣла своего управленія, а въ слѣдующее трехлѣтіе въ этомъ же самомъ земствѣ могутъ водвориться порядки самаго безсовѣстнаго хищенія и возмутительныхъ злоупотребленій“. Которое изъ этихъ положеній, спрашивается, неприменимо къ сословнымъ, — напр., дворянскимъ — собраніямъ и учрежденіямъ? Кто станетъ отрицать, что ихъ составъ сплошь и рядомъ зависитъ отъ случая, въ одномъ году бываетъ одинъ, въ другомъ — другой, иногда удачный, иногда крайне слабый? Кому неизвѣстны контрасты между двумя сосѣдними уѣздами, изъ которыхъ въ одномъ предводитель дворянства—почти все, въ другомъ—ничто? Если кто-нибудь забылъ древнюю исторію дворянскихъ собраній, съ ихъ скандалами, съ ихъ интригами, съ предводительскими обѣдами, съ арміями мелкопомѣстныхъ, привозимыхъ и содержимыхъ на счетъ магнатовъ, тотъ можетъ найти повтореніе тѣхъ же явленій—въ нѣсколько меньшихъ, развѣ, размѣрахъ—въ весьма недавнемъ прошломъ; ссылаемся на „достовѣрное свидѣтельство“ обновленныхъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, однажды уже цитированное нами [1]). „Общественное положеніе“ теперь менѣе чѣмъ когда-либо опредѣляется происхожденіемъ; между дворянами можетъ существовать такая же

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстника Европы“ за 1884 г. „Снова во многихъ мѣстахъ Россіи,—говорила, годъ тому назадъ, консервативная газета,—увидѣли мы погоню за званіемъ предводителя, увидѣли, какъ люди, ставшіе предводителями, начали, какъ то бывало прежде, тратить свои состоянія на представительство, на обѣды и ужины, какъ, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, начинаютъ возить на выборы, конечно на свой счетъ, цѣлые вагоны голосовъ“.

разница въ образѣ жизни, въ воспитаніи, въ уровнѣ нравственныхъ понятій, какъ и между личными землевладѣльцами, встрѣчающимися на земскомъ избирательномъ съѣздѣ. Убѣдиться въ томъ, что сословный характеръ собранія не даетъ ему никакихъ преимуществъ передъ безсословнымъ, можно еще другимъ путемъ: сравненіемъ губернскихъ земскихъ собраній—тамъ, гдѣ они составлены исключительно или почти исключительно изъ дворянъ (т.-е. въ большинствѣ такъ называемыхъ дворянскихъ губерній)—съ уѣздными, всегда и вездѣ соединяющими въ себѣ представителей всѣхъ сословій. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что значительно большая часть плодотворной земской работы сдѣлана руками уѣздныхъ земскихъ собраній. Объясняется это отчасти, безъ сомнѣнія, самымъ кругомъ дѣйствій тѣхъ и другихъ; но развѣ такой результатъ былъ бы возможенъ, еслибы сословность, an und für sich, была столь неоцѣненнымъ, ничѣмъ не замѣнимымъ благомъ? Развѣ возможно было бы, при томъ же условіи, успѣшное соперничество въ земскомъ дѣлѣ губерній не-дворянскихъ (напр., вятской) съ дворянскими?... Есть, наконецъ, пробный камень, еще болѣе надежный, чѣмъ всѣ остальные: сравненіе того, что̀ сдѣлало дворянство въ восемьдесятъ лѣтъ своей корпоративной жизни (т.-е. со времени обнародованія дворянской граматы до введенія въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ), съ тѣмъ, что̀ сдѣлало всесословное земство въ четвертую часть этого времени. Правда, условія, при которыхъ работало—или, лучше сказать, не работало—дворянство, были крайне неблагопріятны; но кто же скажетъ, что земство постоянно пользовалось попутнымъ вѣтромъ? Менѣе всего это могутъ утверждать именно проповѣдники сословности, потому что вся эпоха дѣятельности земства представляется въ ихъ глазахъ непрерывнымъ рядомъ смутъ и замѣшательствъ всякаго рода.

Съ полемической стороной разбираемой нами статьи мы познакомились достаточно; натянутыя историческія параллели, вкривь и вкось истолкованные факты, аргументы по меньшей мѣрѣ обоюдоострые —вотъ орудія, съ помощью которыхъ авторъ усиливается сокрушить безсословность вообще и безсословное земство въ особенности. Великодушно отказываясь отъ безусловного возвращенія къ прошлому, онъ полагаетъ, однако, что „вѣрная и ясно сознанная идея не должна дѣлать уступокъ заблужденію, не должна входить въ сдѣлки съ ложью". Реформа земскихъ и городскихъ учрежденій должна состоять, по его мнѣнію, „въ замѣнѣ безсословнаго начала сословнымъ, въ установленіи *представительства отъ сословій*, вмѣсто *представительства отъ случайныхъ группъ разнаго рода имущественниковъ*" (курсивъ автора). Этого мало; необходимо еще искоренить „фикцію о политическомъ равенствѣ сословій, объ одинаковой ихъ политиче-

ской правоспособности"—фикцію, мѣшающую „установленію правильныхъ, нормальныхъ отношеній между сословіями". „Эти нормальныя отношенія явятся только тогда, когда дворянство станетъ снова служилымъ и вмѣстѣ высшимъ земскимъ сословіемъ (также курсивъ автора). Таковы положительныя требованія, предъявляемыя г. Пазухинымъ. Опредѣленными ихъ можно назвать только сравнительно съ общими мѣстами и намеками романтиковъ сословности. Что такое дворянство, какъ „высшее земское сословіе"? Какую степень вліянія и власти нужно ему предоставить, чтобы упрочить за нимъ перевѣсъ надъ другими сословіями? Имѣется ли при этомъ въ виду одно только мѣстное или также общее государственное управленіе? Какъ далеко должны идти преимущества дворянства по отношенію къ государственной службѣ? Какими обязанностями должны уравновѣшиваться его права? Всѣ эти вопросы остаются безъ разрѣшенія. Не совсѣмъ ясно даже и то, предполагается ли сохранить земскія учрежденія, измѣнивъ только ихъ составъ, или замѣнить ихъ учрежденіями сословными, вполнѣ отдѣльными другъ отъ друга. Остановимся на первомъ предположеніи, болѣе благопріятномъ для автора проекта, и посмотримъ, чего можно ожидать отъ его осуществленія.

„Являясь представительствомъ всѣхъ,—говоритъ г. Пазухинъ,—земскія учрежденія не могутъ быть серьезнымъ представительствомъ какихъ-либо опредѣленныхъ интересовъ; не имѣя никакой связи съ бытовыми союзами, не находясь подъ ихъ нравственнымъ контролемъ, гласные земскихъ собраній могутъ безнаказанно примѣнять на практикѣ свои личныя, случайныя воззрѣнія, идущія въ разрѣзъ съ интересами и взглядами этихъ бытовыхъ союзовъ, которые собственно и составляютъ русскій народъ". Итакъ, „серьезнымъ представительствомъ" земскія учрежденія сдѣлаются только тогда, когда будутъ состоять изъ уполномоченныхъ отъ „бытовыхъ союзовъ", т.-е. отъ сословій, имѣющихъ свои „опредѣленные интересы". Неужели авторъ проекта не замѣчаетъ, къ чему логически ведетъ это общее положеніе? „Опредѣленные интересы" сословій не могутъ совпадать между собою—иначе не зачѣмъ было бы и заботиться объ отдѣльномъ представительствѣ сословій. Уполномоченные каждаго сословія, отстаивая его интересы, неизбѣжно будутъ сталкиваться между собою; разногласіе между ними будетъ непримиримымъ, потому что исходныя ихъ точки сплошь и рядомъ будутъ противоположны. Преданность сословнымъ интересамъ можетъ быть умѣстна и полезна въ собраніи односословномъ по своему составу, вѣдающемъ дѣла одного только сословія; въ собраніи смѣшанномъ, вѣдающемъ дѣла общія всему населенію, она можетъ привести либо къ анархіи, либо къ пренебре-

женію одними интересами въ пользу другихъ, сильнѣе представленныхъ. Система г. Пазухина, прямо провозглашающая первенство одного сословія, оставляетъ мѣсто только для послѣдняго исхода. Она не даетъ свободы „личнымъ воззрѣніямъ“, могущимъ идти въ разрѣзъ съ сословными интересами; она вводитъ нѣчто въ родѣ повелительныхъ полномочій (mandat impératif), заранѣе предрѣшая образъ дѣйствій каждаго гласнаго, обусловливая его исключительно взглядами сословнаго избирательнаго собранія. „Нравственный контроль бытового союза“—это не что иное, какъ Дамокловъ мечъ, постоянно угрожающій тому, кто рѣшился бы возвыситься надъ узко-сословной точкой зрѣнія. Сословіе—въ особенности господствующее сословіе—можетъ все простить, все забыть, кромѣ такъ называемой измѣны сословнымъ традиціямъ или интересамъ. Подобно тому, какъ до освобожденія крестьянъ злоупотребленія помѣщичьей власти находили, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, охрану и потворство среди дворянъ,—терпимымъ, иногда даже поощряемымъ окажется и теперь образъ дѣйствій вредный для массы, но окрашенный, хотя бы поверхностно, преданностью корпоративнымъ интересамъ. Доказательствъ этому можно было бы привести не мало; ограничимся однимъ, случайно попавшимся намъ подъ руку и относящимся къ самому послѣднему времени. „Второго февраля,—читаемъ мы въ „Новомъ Времени“ (№ 3218) со словъ кіевской „Зари“,—выѣхалъ изъ Роменъ въ Петербургъ графъ Ламздорфъ, командированный по Высочайшему повелѣнію въ роменскій уѣздъ по дѣлу объ одномъ крупномъ землевладѣльцѣ-дворянинѣ роменскаго уѣзда, высланномъ изъ полтавской губерніи, по распоряженію кіевскаго генералъ-губернатора, за эксплуатацію крестьянъ при дачѣ имъ въ займы денегъ. Графъ Ламздорфъ пробылъ въ Ромнахъ около двухъ недѣль и открылъ массу злоупотребленій этого господина, буквально державшаго въ кабалѣ крестьянъ пяти волостей, въ теченіе слишкомъ двадцати лѣтъ. Интересно, что когда ростовщикъ былъ высланъ изъ полтавской губерніи, многіе дворяне роменскаго уѣзда выдали ему одобрительное свидѣтельство, въ которомъ перечисляли заслуги, оказанныя имъ обществу“. „Нравственный контроль бытового союза“, оказался, такимъ образомъ, на сторонѣ лица, имѣющаго, повидимому, весьма мало правъ на одобреніе общества; но дѣятельность этого лица никогда, по всей вѣроятности, не была направлена противъ дворянъ или дворянства, по отношенію къ нимъ въ его прошедшемъ нашлись даже кое-какія заслуги—и больше ничего не было нужно, чтобы упрочить за нимъ сочувствіе и защиту его товарищей по сословію. Удивительнаго здѣсь нѣтъ ничего—удивительно было бы скорѣе противуположное явленіе. Снисходитель-

ность къ вѣрнымъ сочленамъ, строгость къ отщепенцамъ, позволяющимъ себѣ руководствоваться „личными воззрѣніями"—это характеристическія черты всякаго привилегированнаго сословія, растущія въ прямой пропорціи съ объемомъ и прочностью его привилегій.

Въ чемъ заключаются, далѣе, реальные, „опредѣленные" интересы дворянства по отношенію къ управленію уѣздомъ? Гдѣ основаніе для обособленія этихъ интересовъ отъ другихъ, иносословныхъ? Задача мѣстнаго управленія—благосостояніе всего мѣстнаго населенія, всѣхъ его классовъ и разрядовъ. Для всѣхъ живущихъ въ уѣздѣ должно быть одинаково важнымъ все способствующее поднятію его матеріальнаго и нравственнаго уровня. „Представительство всѣхъ" является, поэтому, единственнымъ „серьезнымъ представительствомъ"; именно ему, и ему одному, свойственно попеченіе объ „опредѣленныхъ интересахъ" мѣстности, а не объ „опредѣленныхъ интересахъ" той или другой группы мѣстныхъ жителей. Разбить представительство по сословіямъ, значитъ пожертвовать общимъ въ пользу частнаго, значитъ искусственно создать партикуляризмъ, разнуздать эгоистическія чувства. Возьмемъ, для примѣра, ту часть земской работы, которая всего успѣшнѣе подвигалась впередъ въ рукахъ всесословнаго земства: народную земскую школу. Сознавая и чувствуя себя представителями населенія, гласные всѣхъ категорій и всѣхъ сословій могли одинаково принимать къ сердцу распространеніе начальнаго обученія, хотя его плодами непосредственно пользовалось почти одно только крестьянство. Совершенно инымъ будетъ положеніе сословныхъ представителей, обязанныхъ отчетомъ передъ своимъ „бытовымъ союзомъ". Гласные отъ дворянъ невольно спросятъ самихъ себя, соотвѣтствуютъ ли значительные расходы на начальную школу „опредѣленнымъ интересамъ" дворянства—и непремѣнно разрѣшатъ этотъ вопросъ отрицательно, развѣ если кто-нибудь изъ нихъ увлечется „личными воззрѣніями" и забудетъ объ ожидающемъ его судѣ сословныхъ избирателей. И въ самомъ дѣлѣ, для дворянства начальная школа—въ особенности школа правильно организованная, развивающая и развивающаяся—по меньшей мѣрѣ совершенно безразлична; нетрудно придти и къ такому заключенію, что она прямо противорѣчитъ „опредѣленнымъ дворянскимъ интересамъ"... При сословномъ устройствѣ земства не могъ бы даже и возникнуть вопросъ о расширеніи крестьянскаго землевладѣнія, не могло бы быть рѣчи о томъ длинномъ рядѣ земскихъ ходатайствъ, проектовъ, попытокъ, результатомъ которыхъ явился крестьянскій поземельный банкъ. Переходъ отъ натуральныхъ повинностей къ денежнымъ, единодушное осужденіе податныхъ привилегій, созданіе земской статистики, широкая организація земской медицины — всѣ эти свѣтлыя

страницы въ исторіи земства были бы немыслимы, еслибы оно было построено на сословной почвѣ, съ преобладаніемъ „высшаго земскаго сословія", т.-е. дворянства.

Намъ могутъ замѣтить, что для антагонизма интересовъ есть мѣсто и при нынѣшнемъ устройствѣ земства, что интересы личныхъ землевладѣльцевъ не тождественны съ интересами крестьянъ-общниковъ, интересы города—съ интересами деревни, что de facto преобладающая роль въ земскихъ собраніяхъ почти вездѣ принадлежала и принадлежитъ дворянамъ—и тѣмъ не менѣе земскія учрежденія оказались способными къ дѣятельности на общую пользу. Все это такъ—но именно потому существующіе земскіе порядки и не удовлетворяютъ приверженцевъ сословности. Дворяне, избираемые въ гласные не дворянствомъ, являются въ земскомъ собраніи не повѣренными своего сословія, обязанными оберегать его спеціальныя выгоды, а просто мѣстными жителями, свободными въ выборѣ того или другого образа дѣйствій. Личные землевладѣльцы не соединены ни между собою, ни съ своими избирателями, такою тѣсною связью, которая вынуждала бы ихъ стоять, во что бы то ни стало, за интересы своей группы; то же самое можно сказать и о представителяхъ городовъ и сельскихъ обществъ. Бываютъ, безъ сомнѣнія, случаи, въ которыхъ большинство гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ расходится съ большинствомъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, расходится именно потому, что желательное для однихъ ненужно или непріятно для другихъ; но разногласіе этого рода не можетъ сдѣлаться хроническимъ, неустранимымъ, потому что ни на той, ни на другой сторонѣ нѣтъ сплоченной фаланги, дѣйствующей по навязанной извнѣ программѣ, по обязательному для всѣхъ паролю. Ни одной группѣ не дано, притомъ, рѣшительнаго преобладанія надъ остальными; какъ ни искусственна система, принятая земскимъ положеніемъ при распредѣленіи гласныхъ между различными разрядами избирателей, она имѣетъ, во всякомъ случаѣ, то достоинство, что исключаетъ возможность численнаго перевѣса гласныхъ отъ личныхъ землевладѣльцевъ. Проектъ г. Пазухина не только вводитъ въ земство представительство по сословіямъ—онъ отрицаетъ въ принципѣ равенство сословій, т.-е. предрѣшаетъ вопросъ о составѣ земскихъ собраній въ смыслѣ обезпеченія большинства за уполномоченными дворянства. Дворянству предназначается роль полновластнаго распорядителя, остальнымъ сословіямъ—роль скромныхъ совѣтниковъ, мнѣніе которыхъ, въ случаѣ разномыслія, всегда должно стушеваться передъ голосомъ „высшаго земскаго сословія". Каково бы ни было отношеніе между долями земскихъ налоговъ, упадающими на каждое сословіе, опредѣлять размѣръ этихъ налоговъ и способъ ихъ употребленія будетъ, de facto,

одно дворянство; оно же будетъ выбирать должностныхъ лицъ, облеченныхъ властью надъ всѣми сословіями. Самоуправленіе сословій обратится такимъ образомъ, въ управленіе одного изъ нихъ—управленіе, направленное прежде всего къ охраненію „опредѣленныхъ интересовъ“ правящаго сословія.

Во имя чего же, однако, должна быть совершена такая крутая перемѣна въ нашей государственной жизни? Во имя особыхъ административныхъ способностей дворянства, доказанныхъ исторіею? Доказано ею, наоборотъ, полнѣйшее отсутствіе такихъ способностей, полнѣйшее безсиліе дворянства—какъ сословія — совладать даже съ задачами болѣе скромными, чѣмъ та, которую теперь предлагаютъ возложить на него. Во имя образованности, больше распространенной въ средѣ дворянства, чѣмъ въ средѣ другихъ общественныхъ классовъ? Но отчего же, въ такомъ случаѣ, не обратиться прямо къ рѣшающему признаку, отчего же не сдѣлать образованіе—независимо отъ происхожденія — источникомъ извѣстныхъ правъ, условіемъ занятія извѣстныхъ должностей? Во имя высшаго нравственнаго развитія, служащаго гарантіей добросовѣстности и честности? Но эти качества не составляютъ монополіи одного сословія; взяточничеству въ до-реформенной полиціи, въ до-реформенныхъ судахъ ничуть не мѣшало избраніе полицейскихъ чиновниковъ и судей дворянствомъ и изъ среды дворянства; примѣры „хищенія“ встрѣчались и въ сословныхъ дворянскихъ учрежденіяхъ (припомнимъ процессъ владимірскаго губернскаго предводителя дворянства, рѣшенный сенатомъ лѣтъ тринадцать тому назадъ). Во имя политической благонадежности дворянства? Но благонадежнымъ, съ этой точки зрѣнія, оказалось и земство, потому что нельзя же считать проявленіемъ неблагонадежности столкновенія земскихъ учрежденій съ мѣстной администраціей, весьма часто ничѣмъ существенно не отличающіяся отъ до-реформенныхъ пререканій между губернаторами и губернскими предводителями дворянства. Г. Пазухинъ напоминаетъ, какъ „правительство, по поводу злодѣяній подпольной крамолы, дѣлало воззваніе къ безсословной Россіи и получало въ отвѣтъ холодное выраженіе вѣрноподданническихъ чувствъ и полное равнодушіе къ затрудненіямъ, въ которыхъ оно находилось“. Не станемъ спорить о вѣрности указываемыхъ здѣсь фактовъ и спросимъ только одно: что и какъ отвѣчали правительству сословныя учрежденія, напримѣръ, дворянскія собранія? Нашло ли оно въ нихъ ту поддержку, которой, будто бы, тщетно искало въ „безсословной Россіи“? А воззваніе несомнѣнно было обращено ко всѣмъ и каждому, касалось дворянства и дворянскихъ собраній въ такой же точно мѣрѣ, какъ и всѣхъ другихъ органовъ и классовъ общества. Отступивъ назадъ еще лѣтъ на десять-

пятнадцать, мы нашли бы, можетъ быть, въ исторіи дворянскихъ собраній эпизоды совсѣмъ особеннаго свойства, напрасно игнорируемые г. Пазухинымъ. Мы не ставимъ эти эпизоды въ вину дворянству—мы находимъ только, что они необходимы для полноты картины, которую взялся нарисовать панегиристъ „высшаго земскаго сословія“.

Если ограниченія сословности—главная, почти единственная причина всѣхъ бѣдствій, постигшихъ Россію въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій, то возстановленіе сословнаго принципа, въ полной его силѣ, должно сдѣлаться источникомъ неисчислимыхъ благъ, основой народнаго счастья. И дѣйствительно, чего, чего только не ожидаетъ г. Пазухинъ отъ торжества своей идеи! Оно „повліяетъ на весь общественный организмъ самымъ благотворнымъ, оздоравливающимъ образомъ. Вымышленные интересы сбродной толпы уступятъ мѣсто жизненнымъ интересамъ народныхъ сословій. Будутъ крѣпнуть нравственныя связи, и явится должная оцѣнка людей. Интрига и корысть перестанутъ быть единственными двигателями общественной жизни... Возвращеніе дворянству его правъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и обязанностей по государственной и земской службамъ, скрѣпитъ связи между правительствомъ и дворянствомъ, между дворянствомъ и землей. Прекратятся всѣ недоразумѣнія между дворянствомъ и крестьянствомъ, а на элементы безсословной Россіи будетъ наложена узда, которая остановитъ дальнѣйшее развитіе въ нашемъ отечествѣ смуты, хищничества и властолюбивыхъ домогательствъ... Съ преобразованіемъ земства на сословномъ началѣ значительно упростится задача реформы мѣстныхъ учрежденій. Вопросъ о замѣщеніи должностей по правительственному назначенію или по земскимъ выборамъ потеряетъ свой острый характеръ. Вопросъ о началахъ нашего государственнаго строя, съ возстановленіемъ земско-сословной организаціи, будетъ стоять внѣ всякихъ сомнѣній, а самое примѣненіе началъ не можетъ раздѣлять людей на два враждебные лагеря“. Не напоминаетъ ли эта тирада тѣхъ странствующихъ итальянскихъ „докторовъ“, которые восхваляютъ, на площадяхъ и перекресткахъ, свой чудотворный элексиръ, исцѣляющій отъ всѣхъ болѣзней? Проектъ, весь проникнутый властолюбіемъ, долженъ положить конецъ „властолюбивымъ домогательствамъ“! Возвышеніе сословія, въ корпоративной дѣятельности котораго на первомъ планѣ всегда стояла интрига, должно положить конецъ интригѣ! Не слишкомъ ли это напоминаетъ гомеопатическій принципъ: similia similibus curantur? Какимъ образомъ будутъ крѣпнуть „нравственныя связи“, когда все пойдетъ въ разбродъ, когда каждому сословію будетъ сказано: не заботься о другихъ, охраняй твои собственные „опредѣленные интересы“? Какимъ

образомъ явится „должная оцѣнка людей", когда прежде чѣмъ отвести человѣку заслуженное имъ мѣсто, нужно будетъ наводить справку о его происхожденіи? Въ какой степени привилегіи дворянства сблизятъ его съ землею, прекратятъ недоразумѣнія между нимъ и крестьянствомъ, объ этомъ можно судить по примѣру прибалтійскаго края. Подчиненіе крестьянства власти дворянъ—наименѣе цѣлесообразный путь къ установленію правильныхъ отношеній между сословіями. Недовѣріе къ бывшимъ помѣщикамъ до сихъ поръ еще держится въ средѣ крестьянъ; сосредоточеніе мѣстнаго управленія въ дворянскихъ рукахъ—вѣрное средство усилить и обострить это недовѣріе. Мы убѣждены въ этомъ такъ глубоко, что предпочли бы избранію мѣстныхъ дѣятелей дворянствомъ назначеніе ихъ правительствомъ, какъ представляющее больше гарантій безпристрастія и справедливости. Нужно ли опровергать, наконецъ, мнѣніе автора о томъ, что примѣненіе началъ не можетъ раздѣлять людей на два враждебные лагеря? Если-бы это было справедливо, то въ странахъ, гдѣ нѣтъ спора объ основахъ государственнаго строя (напр., Англія, Швеція), не было бы и борьбы партій—а она тамъ постоянно существовала и существуетъ. Сомнѣніе въ правильности тѣхъ или другихъ началъ зависитъ не отъ полноты или неполноты ихъ осуществленія, а отъ внутренней ихъ цѣны, отъ степени развитія народа, въ жизни котораго они играютъ преобладающую роль.

Авторъ разбираемаго нами проекта упоминаетъ о какихъ-то обязанностяхъ дворянства по государственной и земской службѣ. Ужъ не хочетъ ли онъ возвратиться къ тому времени, когда каждый дворянинъ долженъ былъ, волей или неволей, становиться либо чиновникомъ, либо офицеромъ? Едва ли; слишкомъ мало общаго между условіями того времени и нынѣшними, слишкомъ многочисленны и разнообразны новые пути, открытые развитіемъ гражданственности и образованія, чтобы могла быть рѣчь объ искусственномъ направленіи цѣлаго сословія въ одно русло, къ одному роду дѣятельности. Весьма вѣроятно, что г. Пазухинъ имѣетъ въ виду другую мысль, уже появлявшуюся въ печати—мысль о службѣ по выборамъ, на мѣстахъ, какъ о необходимомъ условіи для полученія должности въ центральномъ или губернскомъ управленіи. Подробный разборъ этой мысли отдалилъ бы насъ отъ нашей главной темы; замѣтимъ только, что послѣдовательное проведеніе ея стѣснило бы свободу избирателей и привело бы, въ концѣ концовъ, къ замѣщенію должностей по очереди или по жребію, т.-е. къ наименѣе удовлетворительному изъ всѣхъ служебныхъ порядковъ. Въ какихъ бы размѣрахъ и на какихъ бы основаніяхъ ни была, впрочемъ, введена обязательность службы для дворянства, она не уравновѣсила бы тѣхъ привилегій, которыхъ

требуетъ г. Пазухинъ, не вознаградила бы того вреда, съ которымъ было бы сопряжено ограниченіе служебныхъ правъ другихъ сословій.

Наименьшею опредѣленностью отличается та часть проекта, которая касается новыхъ способовъ пріобрѣтенія дворянскихъ правъ. „Есть поводы опасаться“, говоритъ г. Пазухинъ, „что дворянство, предоставленное своимъ собственнымъ силамъ, не въ состояніи будетъ занять то положеніе въ странѣ, которое требуется государственными потребностями. Помѣстное дворянство въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ такъ обѣднѣло численно, что безъ притока въ его среду новыхъ, сильныхъ элементовъ оно не будетъ въ состояніи удержать свое положеніе и исполнять свои обязанности... Рядомъ съ путемъ, указаннымъ Петромъ Великимъ, быть можетъ, полезно указать для полученія дворянства иной путь, болѣе соотвѣтствующій современному положенію. Притокъ новыхъ хорошихъ элементовъ разбудитъ сословную жизнь помѣстнаго дворянства, атрофированную реформами шестидесятыхъ годовъ. Эти элементы, въ настоящее время враждебные дворянству, сдѣлаются союзными въ общей службѣ. Это усилило бы дворянство матеріально и нравственно и помогло бы ему поднять свое политическое значеніе“. Въ чемъ заключается настоящій смыслъ этой загадочной рѣчи? Что это за „хорошіе элементы“, готовые по первому призыву промѣнять вражду къ дворянству на союзную съ нимъ службу? Не напоминаетъ ли политика, рекомендуемая г. Пазухинымъ, то стихотвореніе гр. А. К. Толстого, герой котораго предлагаетъ обратить нигилистовъ на путь истинный, „повѣсивъ имъ на шею Станислава“? Что слѣдуетъ понимать подъ именемъ пути, „болѣе соотвѣтствующаго современному положенію“? Причисленіе къ дворянству всѣхъ тѣхъ, у кого имѣется столько-то тысячъ десятинъ земли или столько-то десятковъ тысячъ рублей дохода? Матеріально это, можетъ быть, и усилило бы дворянство, но нравственную его силу, конечно, не увеличило бы. Дарованіе дворянскаго достоинства всѣмъ получившимъ высшее образованіе? Это, безъ сомнѣнія, не входитъ въ планы нашихъ „преобразователей наоборотъ“, да и гораздо проще было бы связать съ образованіемъ служебныя права, не касаясь сословныхъ. Предоставленіе дворянскимъ обществамъ права кооптаціи или самопополненія? Это самое вѣроятное изъ всѣхъ возможныхъ толкованій—но совмѣстимо ли такое право съ историческимъ значеніемъ дворянства, съ установившимися отношеніями его къ правительственной власти? Для насъ, впрочемъ, интересны не столько сокровенныя мысли г. Пазухина, сколько признанія, заключающіяся въ его полу-словахъ и недосказанныхъ положеніяхъ; для насъ важно то, что самъ авторъ проекта констатируетъ атрофію сословной жизни, необходимость пробу-

дить ее отъ сна, невозможность предоставить дворянство его собственнымъ силамъ. Гдѣ наступила атрофія, тамъ самый сильный электрическій токъ можетъ вызвать лишь временныя сокращенія мышцъ, а не способность къ правильному движенію. Гдѣ недостаетъ собственныхъ силъ, тамъ нельзя обойтись безъ внѣшней, искусственной поддержки — а средства для этой поддержки можетъ дать только масса; другими словами, меньшинство можетъ быть усилено только на счетъ большинства и въ ущербъ его интересамъ.

Экспедиція, въ авангардѣ которой стоитъ г. Пазухинъ, не можетъ быть названа чѣмъ-то новымъ, еще небывалымъ въ нашей современной исторіи. Она представляетъ много общаго съ тѣмъ походомъ въ пользу сословности, который былъ предпринятъ въ половинѣ семидесятыхъ годовъ — предпринятъ и въ литературѣ („Чѣмъ намъ быть" Р. Ѳаддѣева; „Русскій Міръ" подъ редакціей г. Черняева), и въ дворянскихъ собраніяхъ (проекты дворянской всесословной волости, сочиненные гр. Орловымъ-Давыдовымъ и др.), и въ административныхъ сферахъ. Въ дѣйствующей теперь арміи „сословниковъ" попадаются, рядомъ съ новыми именами, и такія, около которыхъ уже полтора десятилѣтія тому назадъ группировались защитники дворянскихъ привилегій. Тогда усилія нашихъ псевдо-аристократовъ не увѣнчались успѣхомъ; теперь они выступаютъ на сцену съ большею увѣренностью въ побѣдѣ. Если вѣрить слухамъ, имъ удалось занять нѣсколько передовыхъ позицій, удалось измѣнить въ сословномъ смыслѣ нѣкоторыя предположенія Кахановской коммиссіи. Первоначальный проектъ коммиссіи отводилъ первое мѣсто въ уѣздѣ предсѣдателю присутствія уѣзднаго управленія, избираемому земскимъ собраніемъ. Право быть избраннымъ на эту должность предполагалось поставить въ зависимость отъ ценза имущественнаго и образовательнаго, но не сословнаго. Этому же лицу — или другому, но также выбранному земствомъ — большинство такъ-называемаго совѣщанія предоставляло предсѣдательство въ уѣздномъ земскомъ собраніи; за обязательное предсѣдательство предводителя дворянства поданъ былъ въ средѣ совѣщанія одинъ только голосъ. Въ усиленномъ составѣ коммиссіи, наоборотъ, значительное большинство голосовъ высказалось за первенство предводителя, за сохраненіе и расширеніе правъ, до сихъ поръ ему принадлежавшихъ. Поставлены въ коммиссіи, но, кажется, еще не разрѣшены и новый вопросъ о сословномъ составѣ земства, и старый вопросъ о предоставленіи крупнымъ землевладѣльцамъ права участія, безъ выбора, въ земскомъ собраніи. Рѣшающаго значенія всѣ эти факты пока еще не имѣютъ, но нельзя не видѣть въ нихъ „признаковъ времени", нельзя отрицать, что реформамъ прошлаго царствованія угрожаетъ такая туча, какая ни разу

еще не висѣла надъ ними во время грозъ. благополучно выдержанныхъ ими.

Мы упомянули мимоходомъ о положеніи дѣлъ въ прибалтійскомъ краѣ. Нашимъ читателямъ извѣстны, конечно, корреспонденціи „Руси“ о венденскихъ экзекуціяхъ, составляющихъ въ настоящее время, повидимому, предметъ оффиціальнаго разслѣдованія; они замѣтили, быть можетъ, и знаменательный циркуляръ эстляндскаго губернскаго правленія, сообщенный на дняхъ петербургскими газетами [1]). Съ перваго взгляда можетъ показаться, что примѣръ остзейскихъ провинцій ничего не доказываетъ по отношенію къ внутреннимъ губерніямъ имперіи, что тамошнее дворянство отдѣлено отъ массы населенія происхожденіемъ и языкомъ, рискуетъ быть отдѣленнымъ отъ нея и вѣроисповѣданіемъ, что въ основаніи такихъ „мѣропріятій“, какими прославился адъюнктъ венденскаго ордиунгсгерихта, лежитъ именно преслѣдованіе крестьянъ, переходящихъ изъ лютеранизма въ православіе. Мы узнаемъ, однако, изъ корреспонденціи самой „Руси“, что между противозаконно наказанными крестьянами венденскаго уѣзда православные составляютъ только большинство (а по другимъ свѣдѣніямъ — даже и не большинство); мы не видимъ въ циркулярѣ эстляндскаго губернскаго правленія никакихъ указаній на то, чтобы объектомъ гакенрихтерскаго усердія являлись исключительно или преимущественно крестьяне, обратившіеся въ православіе. Центръ тяжести тѣхъ прискорбныхъ явленій, которыми такъ богато прошедшее и настоящее прибалтійскаго края, лежитъ, безъ сомнѣнія, въ господствѣ одного сословія надъ другими; все остальное только обостряетъ отношенія, но не составляетъ ихъ коренной, производящей причины. Ничѣмъ другимъ, кромѣ крайней близорукости и непослѣдовательности, нельзя поэтому объяснить того любопытнаго факта, что одна и та же газета, въ одно и то же время, громитъ остзейскихъ дворянъ—и стоитъ за „властную руку“ дворянъ россійскихъ; возмущается „мечами правосудія, по-прежнему свистящими надъ беззащитной спиной венденскаго крестьянина“ — и отстаиваетъ свистъ тѣхъ же „мечей“ надъ спиной русскаго мужика. Теперь эти „мечи“ находятся у насъ, de jure, въ распоряженіи сословныхъ крестьянскихъ судовъ, къ которымъ, de facto, слѣдуетъ присоединить еще исправниковъ и становыхъ приставовъ; но если состоится, съ одной стороны, проектируемое подчиненіе волостныхъ судовъ мировымъ

[1]) „Губернское правленіе“, сказано, между прочимъ, въ этомъ циркулярѣ, „изъ поступающихъ къ нему дѣлъ часто усматриваетъ, что гакенрихтеры подчиненныхъ ихъ суду и расправѣ лицъ подвергаютъ тѣлесному наказанію не только за совершенно маловажные проступки, но даже и тогда, когда не доказана ни дѣйствительность проступка, ни виновность подсудимаго“.

судьямъ или мировымъ посредникамъ (воскрешеннымъ подъ тѣмъ или другимъ именемъ), съ другой стороны—монополизированіе этихъ должностей дворянствомъ, то наше „высшее земское сословіе“ окажется вооруженнымъ наравнѣ и одинаково съ остзейскимъ. Не думаемъ, чтобы это послужило ему на пользу... Событія, совершающіяся въ остзейскомъ краѣ, имѣютъ глубоко поучительный характеръ; они доказываютъ съ неотразимой силой, къ чему можетъ привести неравенство между сословіями, во что могутъ обойтись такіе результаты этого неравенства, какъ сохраненіе для „низшихъ“ сословій карательной мѣры, исключенной изъ общихъ уголовныхъ законовъ. Полная и безусловная отмѣна тѣлесныхъ наказаній — вотъ выводъ, вытекающій самъ собою изъ остзейскихъ извѣстій, вотъ мѣра, наиболѣе подходящая къ празднованію столѣтней годовщины дворянской грамоты. Что было начато тогда, то могло бы быть докончено теперь; что было сословной привилегіей, тому пора сдѣлаться общенароднымъ правомъ.

Въ концѣ января распубликованы правила объ обложеніи торговыхъ и промышленныхъ предпріятій упомянутымъ нами въ предъидущемъ обозрѣніи дополнительнымъ сборомъ (процентнымъ и раскладочнымъ). Отличительная черта этихъ правилъ—крайняя неполнота, обусловливаемая, по всей вѣроятности, ихъ временнымъ характеромъ; въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, они далеко уступаютъ первоначальному проекту реформы промысловаго налога, потерпѣвшему крушеніе въ продолженіе законодательной сессіи 1883—4 г. Основанія распредѣленія раскладочнаго сбора новымъ закономъ вовсе не опредѣлены. Раскладка, сказано въ ст. 15-ой, производится „сообразно предполагаемымъ прибылямъ предпріятій“; какъ разсчитывается, какъ удостовѣряется прибыль—объ этомъ не говорится ни слова. Обѣщано, правда, изданіе на этотъ счетъ инструкцій, утверждаемыхъ министромъ финансовъ; но настоящее назначеніе иструкцій— развитіе и разъясненіе положеній, заранѣе установленныхъ закономъ Инструкція должна дополнять законъ, а не замѣнять его. Большимъ достоинствомъ первоначальнаго проекта было стремленіе облегчить мелкихъ промышленниковъ и торговцевъ, возложить всю тяжесть новаго налога на крупныя предпріятія; въ правилахъ, утвержденныхъ 15-го января, это стремленіе проявляется гораздо слабѣе. На основаніи ст. 16-ой, предпріятія, находящіяся въ затруднительномъ положеніи, по незначительности оборотовъ и другимъ причинамъ, могутъ быть освобождены (уѣзднымъ податнымъ присутствіемъ) отъ раскладочнаго сбора, сумма котораго распредѣляется сполна между прочими плательщиками города или уѣзда. Итакъ, незначительность оборотовъ

можетъ, но не должна служить основаніемъ къ освобожденію отъ раскладки; всякая льгота, допущенная присутствіемъ, увеличиваетъ, притомъ, сумму налога, упадающую на другихъ плательщиковъ—а такъ какъ изъ семи членовъ присутствія къ числу плательщиковъ налога почти всегда будутъ принадлежать четыре (избираемые городскою думой и купеческимъ обществомъ), а иногда и шесть (въ присутствіяхъ спеціально городскихъ, гдѣ членовъ отъ земскаго собранія замѣняютъ члены отъ биржевого общества), то ожидать справедливости въ назначеніи льготъ довольно трудно. Жаловаться на привлеченіе къ раскладкѣ едва-ли будетъ возможно, такъ какъ обязательныхъ для присутствія поводовъ къ освобожденію отъ нея правила 15-го января, какъ мы уже видѣли выше, не установляютъ. Общая цифра раскладочнаго сбора весьма невелика: для перваго трехлѣтія (1885—87) она составляетъ только съ небольшимъ 2½ милліона рублей въ годъ (остальная сумма, исчисленная по статьѣ дополнительнаго сбора въ росписи на 1885 г.—около 1¾ милл.—приходится, слѣдовательно, на процентный сборъ, взимаемый съ акціонерныхъ обществъ, товариществъ на паяхъ и другихъ видахъ товариществъ по участкамъ). Несмотря на это, правиламъ 15-го января въ торговомъ и промышленномъ мірѣ посчастливилось, повидимому, не больше чѣмъ проекту 1883 года: они возбудили неудовольствіе, нашедшее отголосокъ во внутренней хроникѣ „Руси“. Мы узнаемъ, отсюда, прежде всего, что для московскихъ торговыхъ людей раскладочный сборъ былъ совершеннымъ сюрпризомъ, что онъ упалъ имъ „какъ снѣгъ на голову“. Странно; неужели они полагали, что неудача первой попытки ввести дополнительный промысловый налогъ равносильна отказу отъ самой мысли объ этомъ налогѣ? Изъ доклада, при которомъ была представлена роспись на 1885 годъ, можно было, притомъ, узнать еще за три недѣли до обнародованія правилъ 15 января о предстоящемъ введеніи новаго сбора. Дальше идетъ рѣчь о недоразумѣніяхъ, возбуждаемыхъ срокомъ введенія въ дѣйствіе новыхъ правилъ. Придется-ли платить въ 1885 г. съ прибылей за 1884 г., или только въ 1886 г. съ прибылей за 1885 г.? Законъ, толкуютъ иные, обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ, а слѣдовательно, и новый налогъ можетъ быть приведенъ въ исполненіе только въ 1886 г. Намъ кажется, что никакихъ недоразумѣній текстъ закона (т.-е. мнѣнія государственнаго совѣта, при которомъ обнародованы правила 15 января) не допускаетъ; во второмъ его пунктѣ прямо сказано, что взиманіе установляемыхъ сборовъ должно быть начато съ 1885 г. Если бы къ взиманію налога могло быть приступлено лишь въ 1886 г., то сумма, отъ него ожидаемая, конечно, не была бы внесена въ роспись 1885 г. Нѣтъ-ли здѣсь, однако, отступленія отъ того принципа, въ силу ко-

тораго законъ обратнаго дѣйствія не имѣетъ? Мы уже имѣли случай замѣтить, по другому поводу, что этотъ принципъ часто понимается совершенно невѣрно; тоже самое слѣдуетъ сказать и о новыхъ московскихъ толкованіяхъ. Въ основѣ этихъ толкованій лежитъ, по всей вѣроятности, такого рода разсужденіе: прибыль за прошедшій годъ вошла, съ первымъ днемъ новаго года, въ составъ моего имущества: если въ этотъ моментъ она не подлежала дополнительному сбору, то и не можетъ уже ни въ какомъ случаѣ подлежать ему. Упускается здѣсь изъ виду то существенно важное обстоятельство, что размѣръ прошлогодней прибыли есть только признакъ, опредѣляющій размѣръ налога. Правительство нашло необходимымъ обложить всѣ торговыя и промышленныя предпріятія, начиная съ текущаго года, дополнительнымъ сборомъ. Оно могло опредѣлить его или одною общей для всѣхъ цифрой, или цифрой, пропорціональной гильдейскимъ пошлинамъ, или на какомъ-либо иномъ основаніи, независимомъ отъ суммы прибылей; противъ такого сбора, безъ сомнѣнія, нельзя было бы возражать указаніемъ на правило объ обратномъ дѣйствіи закона. Неужели возраженіе становится возможнымъ только потому, что размѣръ сбора согласованъ, приблизительно, съ размѣромъ прошлогодней прибыли? Изъ какихъ суммъ сборъ будетъ уплаченъ—это совершенно безразлично; прошлогодняя прибыль—это не источникъ налога, а только его показатель. Никакъ нельзя утверждать, что налогу подлежитъ только тотъ рубль, который еще не поступилъ въ карманъ плательщика, что однажды записанное на приходъ обезпечено разъ навсегда отъ всякихъ требованій со стороны государства. Но если возраженіе, приводимое хроникеромъ „Руси“, лишено всякаго юридическаго значенія, то не слѣдуетъ ли признать за нимъ, по крайней мѣрѣ извѣстный практическій смыслъ, не слѣдуетъ ли согласиться съ тѣмъ, что неудобно принимать доходъ, уже полученный за основаніе для обложенія новымъ сборомъ? И на этотъ вопросъ мы можемъ отвѣтить только отрицательно. Правила 15 января обнародованы въ двадцатыхъ числахъ того же мѣсяца, когда счеты за предъидущій годъ почти ни однимъ торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ еще не сведены; съ цифры чистой прибыли дополнительный сборъ могъ, слѣдовательно, быть скинутъ еще до окончательнаго заключенія прошлогоднихъ счетовъ. Повторяемъ еще разъ, предстоящее введеніе новаго сбора не могло не быть извѣстно торговому и промышленному міру, и никакой пертурбаціи въ его дѣлахъ вслѣдствіе незначительнаго возвышенія промысловаго налога ожидать нельзя.

Изъ восьми распубликованныхъ до сихъ поръ главъ проекта особенной части уголовнаго уложенія, мы познакомили нашихъ читателей, въ двухъ обозрѣніяхъ (1884 г. № 12 и 1885 г. № 2), съ пятью первыми, касающимися лишенія жизни, тѣлесныхъ поврежденій, поединковъ, оставленія безъ помощи и посягательствъ на личную свободу. Содержаніе шестой главы, относящейся къ непотребству, мы подробно излагать не будемъ; остановимся только на двухъ ея чертахъ, особенно важныхъ. Исходя изъ той, совершенно правильной мысли, что уголовнымъ кодексомъ могутъ быть предусматриваемы исключительно поступки, влекущіе за собою уголовное наказаніе, редакціонная коммиссія вовсе не включила въ свой проектъ такъ называемое любодѣяніе, т.-е. внѣ-брачную любовную связь, безъ квалифицирующихъ обстоятельствъ (кровосмѣшенія и т. п.). Дѣйствующее уложеніе подвергаетъ участниковъ такой связи церковному покаянію, вовсе не составляющему карательной мѣры и съ полнымъ основаніемъ исключаемому коммиссіею изъ числа уголовныхъ наказаній. Есть, правда, еще одно возможное послѣдствіе незаконной связи, опредѣляемое, въ настоящее время, судомъ уголовнымъ: это возложеніе на отца обязанности обезпечить содержаніе незаконныхъ дѣтей, а также матери ихъ. Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что эта обязанность имѣетъ чисто гражданскій характеръ; не упоминая о ней въ своемъ проектѣ, редакціонная коммиссія руководствовалась убѣжденіемъ, что она будетъ установлена закономъ гражданскимъ и сдѣлается возможнымъ предметомъ гражданскаго иска. Опасаться можно только одного—чтобы обязательство, требуемое справедливостью и общественной пользой, не исчезло изъ законовъ уголовныхъ прежде перенесенія его въ область гражданскаго права. Уголовное уложеніе, по всей вѣроятности, будетъ составлено, утверждено и введено въ дѣйствіе гораздо раньше гражданскаго; необходимо, поэтому, чтобы вопросъ объ обезпеченіи участи незаконнорожденныхъ дѣтей былъ выдѣленъ изъ общихъ законодательныхъ работъ по гражданскому праву и разрѣшенъ какъ можно скорѣе, не ожидая ни изданія новаго уголовнаго уложенія, ни, тѣмъ болѣе, приведенія къ концу новаго гражданскаго кодекса. Это желательно и потому, что редакція ст. 994-ой дѣйствующаго уложенія отличается большою неполнотою; примѣненіе ея сопряжено съ большими затрудненіями; достаточно указать на то, что мать, желающая обезпечить своихъ дѣтей, должна явиться обвинительницей противъ самой себя, должна возбудить уголовный процессъ, въ которомъ ей предстоитъ роль обвиняемой. Къ этой явной несообразности присоединяются еще другія: дальнѣйшее веденіе дѣла переходитъ въ руки прокурора, примиреніемъ сторонъ производство прекра-

титься не можетъ, и мать, какъ обвиняемая, лишена правъ гражданской истицы.

Гораздо болѣе спорнымъ кажется намъ рѣшеніе, данное коммиссіею вопросу о прелюбодѣяніи (т.-е. о нарушеніи супружеской вѣрности). Единственное отступленіе, допущенное ею здѣсь отъ дѣйствующаго уложенія, состоитъ въ томъ, что наказанію за прелюбодѣяніе (заключенію въ тюрьмѣ на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ) подвергается только виновный супругъ, а не его соучастница или соучастникъ. По справедливому замѣчанію коммиссіи, основаніемъ отвѣтственности за прелюбодѣяніе служитъ нарушеніе даннаго обѣщанія супружеской вѣрности; соучастникъ прелюбодѣянія въ такомъ нарушеніи (по отношенію къ обвинителю) невиновенъ, онъ совершилъ простое любодѣяніе, не влекущее за собою уголовной кары. Оставаясь во всемъ остальномъ на почвѣ существующаго права, коммиссія полагаетъ, что уголовное преслѣдованіе за прелюбодѣяніе должно быть, какъ и теперь, несовмѣстно съ просьбою о разводѣ, основанною на той же причинѣ—иными словами, что обвиненіе въ прелюбодѣяніи передъ судомъ уголовнымъ возможно лишь подъ условіемъ неприкосновенности брака. Въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ законодательствахъ—напр., германскомъ и венгерскомъ—мы встрѣчаемъ постановленія прямо противоположнаго свойства; уголовная отвѣтственность за прелюбодѣяніе допускается ими только тогда, когда оно послужило поводомъ къ расторженію брака или къ разлученію супруговъ. Это разрѣшеніе вопроса кажется намъ гораздо болѣе правильнымъ и практичнымъ, чѣмъ то, которое безъ всякихъ мотивовъ—кромѣ ссылки на принципъ: matrimonia sunt conservanda—поддерживается редакціонною коммиссіею. Сохраненіе брака желательно только до тѣхъ поръ, пока сохраняется его нравственная основа, пока не нарушается супружеская вѣрность или, по крайней мѣрѣ, прощается и забывается ея нарушеніе, во имя прежней любви и надежды на будущее счастье. Ни о чемъ подобномъ не можетъ быть и рѣчи послѣ того, какъ обманутый супругъ обратился къ уголовному суду и добился отъ него обвинительнаго приговора надъ виновною или виновнымъ. Не трудно себѣ представить, во что должна обратиться супружеская жизнь послѣ всѣхъ скандаловъ судебнаго процесса, послѣ тюремнаго заключенія, объ исправительномъ характерѣ котораго въ данномъ случаѣ, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Примиреніе супруговъ становится немыслимымъ—а между тѣмъ возможность развода утрачена навсегда (развѣ если для него возникнетъ новый поводъ), потому что прелюбодѣяніе, бывшее объектомъ уголовнаго преслѣдованія, не можетъ уже служить основаніемъ къ расторженію брака. Другое дѣло, если уголовный процессъ совпадаетъ

съ бракоразводнымъ или ставится отъ него въ зависимость, т.-е. допускается лишь по произнесеніи развода; онъ не можетъ уже испортить отношеній, безъ того прекращенныхъ, и самое наказаніе является болѣе справедливымъ, какъ возмездіе за разрушеніе брачнаго союза. Еще справедливѣе было бы, конечно, вовсе исключить прелюбодѣяніе изъ числа дѣяній, караемыхъ уголовнымъ закономъ. Чѣмъ выше святость брачнаго союза, тѣмъ менѣе умѣстно охраненіе его страхомъ уголовнаго наказанія—но ужъ если такое охраненіе признается необходимымъ, то слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, ввести его въ условія, упомянутыя нами выше.

Отлагая до другого раза разсмотрѣніе двухъ послѣднихъ главъ проекта—объ оскорбленіяхъ и объ оглашеніи тайнъ,—заключимъ наше обозрѣніе указаніемъ на чрезвычайно важный и утѣшительный фактъ, оглашенный въ послѣднемъ отчетѣ крестьянскаго поземельнаго банка. Неугомонные враги этого учрежденія, каркая надъ его будущимъ, предсказывали, между прочимъ, крайнюю неисправность заемщиковъ-крестьянъ въ уплатѣ процентовъ и погашенія; они утверждали, что на полученныя ссуды крестьяне будутъ смотрѣть какъ на правительственный подарокъ, неподлежащій возмѣщенію. Что же оказывается на самомъ дѣлѣ? Всѣхъ платежей по ссудамъ, выданнымъ изъ банка въ 1883 и 1884 г., подлежало къ поступленію по 1-е января 1885 г. 280,910 руб. 93 коп. Изъ нихъ разсрочено 706 р. 50 к. и числится въ недоимкѣ: въ предѣлахъ льготнаго срока—4,893 р. 40 к., перешедшихъ эти предѣлы—76 р. 21 к. Исправно поступило, такимъ образомъ, 275,234 руб. 82 коп., т.-е. почти девяносто восемь процентовъ всей подлежавшей къ поступленію суммы. Результатъ—въ полномъ смыслѣ слова блестящій, свидѣтельствующій не только о правильномъ взглядѣ заемщиковъ на характеръ оказанной имъ услуги, но и о цѣлесообразности покупокъ, совершенныхъ при содѣйствіи банка. Тѣмъ отраднѣе видѣть быстрое развитіе дѣятельности банка: къ 1 февраля текущаго года, менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ открытія банка, цифра разрѣшенныхъ имъ ссудъ превысила 16 милліоновъ рублей, цифра ссудъ, дѣствительно выданныхъ, достигла почти 11½ милліоновъ. Куплено при содѣйствіи банка 354,190 десятинъ земли, 56,256 домохозяевами, въ семействахъ которыхъ числится 175 тысячъ душъ мужескаго пола. Большинство покупателей—товарищества (743), меньшинство—отдѣльные крестьяне (158); средину занимаютъ сельскія общества (388)—но когда будетъ обнародованъ подробный отчетъ банка за второй годъ его существованія, то окажется, вѣроятно, что по числу купленныхъ десятинъ земли и

по цифрѣ полученной ссуды первое мѣсто, какъ и въ 1883—4 г., занимаютъ сельскія общества. Къ 1 мая 1884 г. число покупщиковъ-товариществъ относилось къ числу покупщиковъ-обществъ, какъ 1: $2^{3}/_{11}$; теперь отношеніе это измѣнилось нѣсколько въ пользу обществъ (1: $1^{10}/_{11}$)—между тѣмъ, уже по отчету за 1883—4 г. цифра десятинъ, купленныхъ обществами, превышала цифру десятинъ, купленныхъ товариществами, на три слишкомъ тысячи; цифра ссудъ, полученныхъ первыми, превышала цифру ссудъ, полученныхъ послѣдними — почти на триста тысячъ рублей. Есть губерніи (напримѣръ, саратовская, екатеринославская), гдѣ сельскія общества составляютъ даже абсолютное большинство покупателей—и именно здѣсь весьма высоки и абсолютная, и относительная цифры купленныхъ десятинъ земли. По числу ссудъ (443) на первомъ мѣстѣ стоитъ губернія полтавская, но по числу купленныхъ десятинъ — губернія екатеринославская (87 тысячъ, въ полтавской—только 52 тысячи). Въ пяти губерніяхъ (изъ 18)—екатеринославской, пензенской, смоленской, таврической и херсонской—между покупщиками нѣтъ ни одного отдѣльнаго крестьянина.

Довольно любопытныя свѣденія сообщилъ недавно петербургскій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 43) о судьбахъ вырабатываемаго въ министерствѣ финансовъ устава государственнаго поземельнаго банка. Предполагалось, будто бы, изготовить этотъ уставъ „въ канцелярской тишинѣ" и внести его въ государственный совѣтъ, „не ознакомивъ съ нимъ публику"; „по счастію это не удалось, и проектъ устава нынѣ разсматривается частью тѣхъ же мѣстныхъ людей, которые приглашены въ Кахановскую коммиссію„. Итакъ эти „мѣстные люди" замѣняютъ собою „публику"? Намъ кажется, что это вовсе не одно и тоже, такъ какъ „мѣстные дѣятели" Кахановской коммиссіи могутъ считаться представителями одной только группы, и притомъ именно той, которая прямо заинтересована въ удешевленіи, хотя бы и свыше мѣры, открываемаго помѣщикамъ поземельнаго кредита... Возраженія „мѣстныхъ людей", если вѣрить корреспонденту, были направлены, между прочимъ, противъ взиманія съ заемщиковъ платежей, превышающихъ сумму процентовъ и погашенія, и противъ сліянія вновь проектируемаго кредитнаго учрежденія съ существующимъ уже крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ. Первое возраженіе для насъ не совсѣмъ понятно; если съ заемщиковъ крестьянскаго поземельнаго банка взимается ½ % на издержки по администраціи, то на какомъ же основаніи могутъ быть освобождены отъ такого платежа заемщики—личные землевладѣльцы? Что касается до обособленности обоихъ кредитныхъ учрежденій, то она тѣмъ менѣе желательна, чѣмъ успѣшнѣе дѣйствовало до сихъ поръ управленіе

крестьянскаго поземельнаго банка. Замѣчательна та нерѣшительность, которую обнаруживаетъ по этому вопросу корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей". Признавъ „несомнѣнную выгоду соединенія обѣихъ операцій" (т.-е. кредита крестьянскаго съ кредитомъ помѣщичьимъ), онъ нѣсколькими строками ниже говоритъ объ удобствѣ сліянія новаго кредитнаго учрежденія съ государственнымъ банкомъ, такъ какъ послѣднимъ производится учетъ землевладѣльческихъ соло-векселей. Какъ бы ни былъ разрѣшенъ вопросъ о внѣшней организаціи поземельнаго кредита, необходимо, во всякомъ случаѣ, сохранить за крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ возможность продолжать и расширять свои дѣйствія въ томъ направленіи, которое было имъ дано съ самаго начала.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е марта, 1885.

Либеральные принципы въ иностранной политикѣ. — Неудачи и промахи министерства Гладстона.—Борьба партій и министерскій кризисъ.—Внѣшніе успѣхи Франціи и дѣятельность Жюля Ферри.—Пренія въ парламентахъ французскомъ и германскомъ по поводу упадка хлѣбныхъ цѣнъ. — Рѣчи князя Бисмарка и ихъ особенности.

Трудно и иногда очень трудно проводить либеральные принципы въ области международныхъ отношеній, — въ этомъ наглядно убѣждаетъ насъ печальная судьба министерства Гладстона. Престарѣлый англійскій премьеръ краснорѣчиво громилъ политику лорда Биконсфильда и одержалъ надъ нимъ блестящую побѣду во имя человѣчности и миролюбія, во имя прекращенія кровавыхъ подвиговъ въ разныхъ частяхъ свѣта, во имя признанія правъ чужихъ народностей, угнетаемыхъ англичанами и ихъ союзниками. Торжество либеральной партіи во время парламентскихъ выборовъ 1880 года было прежде всего осужденіемъ безпокойной и воинственной дѣятельности консервативнаго кабинета, вовлекшаго Англію въ цѣлый рядъ рискованныхъ предпріятій на Востокѣ, въ средней Азіи, въ Африкѣ, на Средиземномъ морѣ. Переходъ власти въ руки Гладстона былъ привѣтствованъ не только въ Англіи, но и въ остальной Европѣ всѣми друзьями мира и свободы: рядомъ съ крупными реформами внутри, ожидалась коренная перемѣна внѣшней политики. И что-же? Нѣсколько лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и министерство Гладстона

очутилось въ положеніи несравненно худшемъ, чѣмъ кабинетъ Биконсфильда наканунѣ его паденія. Ни одно изъ либеральныхъ обѣщаній не исполнилось въ сферѣ иностранныхъ дѣлъ. Противники всякихъ кровопролитій, горячіе проповѣдники миролюбія и справедливости оказались виновниками тяжелыхъ войнъ и опасныхъ усложненій; они незамѣтно, какъ бы противъ воли, втянулись именно въ ту область „крови и желѣза", отъ соблазновъ которой такъ убѣдительно и страстно предостерегали страну въ своихъ оппозиціонныхъ рѣчахъ. Отступленіе отъ принциповъ было-бы еще извинительно, еслибы оно оправдывалось какими либо сознательными политическими цѣлями, и главное—еслибы оно сопровождалось успѣхомъ; но ни того, ни другого не представляетъ колеблющаяся, неопредѣленная, раздражающая политика Гладстона, начиная съ бомбардированія Александріи и кончая запоздалою экспедиціею въ суданскія степи. Нельзя сомнѣваться въ искренности премьера, когда онъ заявлялъ твердую рѣшимость уважать права египтянъ, арабовъ, афганцевъ и зулусовъ въ предѣлахъ ихъ самостоятельнаго національнаго существованія. Почему-же эта рѣшимость осталась пустымъ словомъ, возбудившимъ лишь напрасныя надежды? Какимъ образомъ заявленія, что „Египетъ — для египтянъ", „Суданъ — для суданцевъ" и т. п., могли привести къ занятію Египта англичанами, къ отправкѣ генерала Гордона въ Суданъ и къ несчастному походу лорда Уольслея противъ „махди"?

Всѣ положительные шаги министерства на этомъ скользкомъ пути имѣли характеръ уступокъ общественному мнѣнію, выраженному громко и рѣзко въ правящихъ классахъ Англіи. Министръ, который дѣйствительно отклонялъ бы всякое вмѣшательство въ дѣла Египта или средней Азіи, не могъ бы долго удержаться на мѣстѣ; обычные возгласы о чести и достоинствѣ страны, о великихъ интересахъ и будущихъ опасностяхъ имперіи, о позорѣ бездѣйствія и безсилія—составляли любимую тэму патріотовъ и находили сочувственный откликъ въ населеніи, привыкшемъ считать Англію могущественнѣйшею державою въ мірѣ. Времена Питта старшаго, Пальмерстона и Биконсфильда не забываются въ народѣ; забыты неудачи, жертвы и тревоги прошлаго, но всѣмъ памятны побѣды и трофеи, съ которыми связаны представленія о славѣ и величіи государства. Политическія традиціи, выработанныя вѣками, не измѣняются вдругъ, и самый вліятельный и даровитый дѣятель, поставленный во главѣ правительства, обязанъ подчиняться имъ въ большей или меньшей степени. Джонъ Брайтъ вышелъ изъ министерства, когда оказалось нужнымъ послать эскадру въ Египетъ послѣ рѣзни въ Александріи: онъ до конца остался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и предпочелъ устраниться отъ дѣлъ, чтобы не быть поставленнымъ въ необходимость вступать

въ компромиссы съ противниками и соглашаться на дѣйствія несогласныя съ его совѣстью. Гладстонъ, какъ глава кабинета и предводитель господствующей партіи, долженъ былъ по-неволѣ считаться съ разнообразными общественными вліяніями и интересами; онъ долженъ былъ принимать въ разсчетъ настроеніе своихъ собственныхъ приверженцевъ, мнѣнія печати и парламента, домогательства оппозиціи и преобладающія чувства населенія, — онъ не могъ и, повидимому, не считалъ себя въ правѣ слѣдовать своимъ личнымъ принципамъ, въ виду занимаемаго имъ исключительнаго и крайне отвѣтственнаго положенія. Онъ противодѣйствовалъ воинственной политикѣ, пока это было возможно безъ ущерба для авторитета власти; затѣмъ онъ дѣлалъ уступку за уступкою, послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній. Каждая рѣшительная мѣра предпринималась неохотно и только въ крайнемъ случаѣ; она оттягивалась до послѣдней минуты и потому являлась несвоевременною или недостаточною. Чтобы сохранить хотя-бы тѣнь послѣдовательности, правительство прибѣгало къ полумѣрамъ, которыя оказывались хуже и опаснѣе серьезныхъ и окончательныхъ рѣшеній. Этимъ и объясняются плачевные промахи и неудачи министерства; то, что дѣлается противъ воли, подъ давленіемъ обстоятельствъ, не можетъ отличаться строгою обдуманностью и цѣлесообразностью. Для лорда Биконсфильда иностранныя дѣла стояли на первомъ планѣ; онъ посвящалъ имъ всѣ свои заботы и всю свою энергію, тогда какъ для Гладстона они всегда были чѣмъ-то побочнымъ, случайнымъ, мѣшающимъ ходу биллей въ парламентѣ. Биконсфильдъ дѣйствовалъ иногда слишкомъ быстро и смѣло; онъ скорѣе забѣгалъ впередъ, чѣмъ пропускалъ событія; онъ ловилъ выгодныя комбинаціи и наносилъ удары во-время или даже раньше времени, не стѣсняясь средствами и не заботясь о гуманныхъ принципахъ,— а Гладстонъ старался обходить внѣшнія усложненія и съ трудомъ поддавался напору событій, принимая первую попавшуюся мѣру, пригодную для даннаго случая. Отсюда крайняя непослѣдовательность, медлительность, скачки изъ стороны въ сторону, постоянная запоздалость дѣйствій и видимая безплодность ихъ.

Роковая ошибка Гладстона заключалась въ томъ, что, будучи противникомъ воинственной дипломатіи, онъ тѣмъ не менѣе слѣдовалъ ея указаніямъ и, оставаясь искреннимъ либераломъ въ дѣлахъ внутреннихъ, не имѣлъ никакихъ принциповъ въ дѣлахъ международныхъ. Онъ провозглашалъ извѣстныя начала и самъ же нарушалъ ихъ по необходимости; а желаніе скрыть или оправдать эти нарушенія приводило къ противорѣчіямъ и неясностямъ. Хорошо сказать вообще, что „каждый народъ имѣетъ право устраивать свою судьбу по своему“, что несправедливо стѣснять чужую свободу и проливать

человѣческую кровь ради корысти или честолюбія;—въ этомъ смыслѣ не разъ высказывался Гладстонъ по поводу требованій вмѣшательства въ дѣла Африки или средней Азіи. Но можетъ ли правительство Англіи серьезно примѣнять эти идеи въ своей иностранной политикѣ? Тогда пришлось бы отказаться отъ Индіи, порабощенной хитростью и силою,— пришлось бы представить Ирландію самой себѣ и отречься отъ многихъ другихъ завоеваній, такъ какъ и ирландцы, и индѣйцы, и другіе побѣжденные народы имѣютъ несомнѣнное право отвергнуть владычество англичанъ, въ силу либеральныхъ правилъ англійскаго премьера. Между тѣмъ, всякая попытка въ этомъ родѣ повлекла бы за собою кровавое возмездіе, независимо отъ состава и направленія британскаго кабинета,—значитъ, существуютъ условія, которыя дѣлаютъ невозможнымъ соблюденіе справедливости въ практической политикѣ.

Либерализмъ можетъ смягчать способы борьбы, ограничивать принятіе крутыхъ мѣръ случаями дѣйствительной крайности, направлять вниманіе больше на оборону, чѣмъ на наступленіе, и давать вообще болѣе человѣчный и разумный характеръ всѣмъ политическимъ отношеніямъ; но это предполагаетъ твердую систему, способную противостоять воинственнымъ и увлекающимся элементамъ общества. Такой системы не было у Гладстона, и онъ не удовлетворялъ ни либераловъ, ни консерваторовъ, своими безпринципными блужданіями въ области внѣшнихъ вопросовъ. Араби-паша хотѣлъ возродить Египетъ къ новой жизни; въ теоріи ему долженъ былъ сочувствовать Гладстонъ, а на дѣлѣ послалъ противъ него генерала Уольслея, послѣ предварительныхъ обстрѣливаній египетскихъ портовъ эскадрою адмирала Сеймура. Суданская область фактически отдѣлилась отъ Египта, благодаря религіозному и политическому движенію, охватившему туземцевъ; — Гладстонъ сначала признавалъ право Судана на независимость, а потомъ послалъ туда одинокаго рыцаря, командира безъ арміи, снабженнаго полномочіями и деньгами для умиротворенія арабовъ. Въ то же время англійскія войска отправлены были къ берегамъ Краснаго моря для охраны мѣстныхъ гаваней отъ полчищъ союзниковъ „махди",—и послѣ небольшой побѣды англичане вернулись обратно къ Каиру. Генералъ Гордонъ провелъ одиннадцать мѣсяцевъ въ осажденномъ Хартумѣ, тщетно ожидая помощи, и наконецъ погибъ при занятіи города „мятежниками" въ послѣднихъ числахъ января. Министерство разсчитывало, что давнишняя популярность Гордона между туземцами поможетъ ему справиться съ своею задачею безъ содѣйствія британскихъ войскъ; а когда это странное предположеніе не оправдалось, то ему предоставлено было выбраться изъ Хартума собственными средствами; и только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ

выяснилась неизбѣжность особой экспедиціи для освобожденія Гордона, такъ какъ этотъ симпатичный герой считалъ свое удаленіе несовмѣстнымъ съ долгомъ солдата и съ званіемъ англійскаго представителя. Отрядъ лорда Уольслея явился слишкомъ поздно; помощь, посланная Гордону, не застала его уже въ живыхъ.

Извѣстіе о паденіи Хартума разнеслось по Англіи, какъ громовой ударъ, и обрушилось всею своею тяжестью на министерство. Гладстонъ возымѣлъ эту несчастную мысль—послать Гордона въ Суданъ; онъ же долго отрицалъ настоятельность какихъ-либо мѣръ для его спасенія, утѣшая себя и другихъ обманчивыми надеждами, которымъ не суждено было сбыться. Гибель мужественнаго генерала и его спутниковъ значительно подняла духъ мусульманъ: побѣда въ Хартумѣ вызвала уже толки о предстоящемъ изгнаніи англичанъ изъ Египта, и могущественный „махди" заявляетъ убійственныя угрозы, которыя находятъ отголосокъ повсюду, гдѣ мусульмане чувствуютъ надъ собою владычество или вліяніе Англіи. Много жертвъ принесено было напрасно для похода къ Хартуму; теперь потребуются еще дальнѣйшія жертвы для поддержанія англійскаго авторитета въ мусульманскомъ мірѣ, для отомщенія за смерть Гордона и подавленія опаснаго „махди". Чѣмъ дальше развертываются послѣдствія первыхъ ошибокъ министерства въ Египтѣ, тѣмъ труднѣе и сложнѣе оказывается положеніе дѣлъ въ смыслѣ военномъ и дипломатическомъ; война становится обязательною именно съ того момента, когда она утратила свою настоящую цѣль: некого уже освобождать въ Суданѣ, а уйти ни съ чѣмъ, не показавъ своей силы зазнавшимся сподвижникамъ „махди", —невозможно. Самыя либеральныя англійскія газеты въ одинъ голосъ взываютъ теперь къ возмездію и требуютъ энергическаго наступленія; всѣ сознаютъ, что не было бы этихъ безцѣльныхъ и запоздалыхъ кровопролитій, не было бы столь громадныхъ и ненужныхъ затратъ, еслибы правительство дѣйствовало своевременно, безъ колебаній и проволочекъ. Англійская печать, безъ различія направленій, объявляетъ паденіе Хартума; „великимъ національнымъ бѣдствіемъ, какого не запомнитъ настоящее поколѣніе". Почти на глазахъ англійскаго отряда, пришедшаго спасать генерала Гордона, совершилась катастрофа, которая отнимала смыслъ у всей экспедиціи; самъ отрядъ лорда Уольслея очутился въ положеніи весьма рискованномъ, силы его раздроблены и лишены надлежащаго прикрытія, часть выдвинута слишкомъ далеко впередъ въ разсчетѣ на присоединеніе гарнизона изъ Хартума; съ боковъ и сзади—надвигающіяся толпы „побѣдителей". Возможный разгромъ всего экспедиціоннаго корпуса особенно пугаетъ англичанъ при настоящихъ условіяхъ, а поспѣшное „сосредоточеніе" войскъ имѣетъ большое сходство съ отступленіемъ,

за которымъ должны послѣдовать правильныя военныя дѣйствія съ болѣе крупными свѣжими силами. „Нѣтъ болѣе другого выбора, — говоритъ „Times“, — Берберъ долженъ быть взятъ какою бы то ни было цѣною, чтобы военное положеніе въ Суданѣ могло быть спасено. Честь страны должна быть поддержана, хотя бы для этого потребовалось 40,000 человѣкъ. Мы поставлены лицомъ къ лицу съ тяжелою задачею, и мы должны встрѣтить ее мужественно“. Англичанамъ удалось съ большими потерями пробиться черезъ укрѣпленный непріятельскій лагерь, причемъ убитъ былъ генералъ Эрль, командовавшій аттакою. Лордъ Уольслей надѣется достигнуть Бербера и занять его раньше появленія тамъ войскъ „махди“; но многіе опасаются за исходъ этихъ блужданій въ пустынѣ.

Въ необычайномъ возбужденіи, вызванномъ паденіемъ Хартума, играетъ нѣкоторую роль личность погибшаго Гордона. Этотъ генералъ — смѣсь Донъ-Кихота съ Баярдомъ, набожный христіанинъ и неустрашимый солдатъ, довѣрчивый и жестокій, великодушный и безстрастный, съ библіею въ одной рукѣ и съ мечемъ — въ другой, человѣкъ съ желѣзною энергіею и съ благороднымъ мягкимъ сердцемъ,—это типъ, попадающійся еще только въ старой Англіи. Много общаго съ Гордономъ имѣетъ самъ Гладстонъ, въ которомъ также уживаются рядомъ двѣ различныя натуры: холодная практичность политическаго дѣятеля и мечтательная сантиментальность идеалиста, черствый, сухой умъ и глубокое религіозное чувство, преклоненіе предъ Гомеромъ и предъ библіею, упорная настойчивость въ одной области и совершенная безхарактерность—въ другой. Генералъ Гордонъ неспособенъ былъ обидѣть кого бы то ни было и считалъ убійство человѣка величайшимъ преступленіемъ; и въ то же время онъ могъ спокойно разстрѣливать людей, когда это требовалось интересами военной дисциплины. Онъ самоотверженно и неутомимо преслѣдовалъ невольничество въ центральной Африкѣ, когда занималъ должность суданскаго генералъ-губернатора; и въ порывѣ человѣколюбія по отношенію къ неграмъ онъ безжалостно наказывалъ бѣлыхъ торговцевъ рабами. Онъ былъ справедливъ до суровости, прямодушенъ и довѣрчивъ до безразсудства, — полагался вполнѣ на людей, имѣвшихъ поводы мстить ему, и обаяніе его личности было настолько сильно, что враги превращались нерѣдко въ преданныхъ друзей. Такова, напримѣръ, его дружба съ Зеберомъ-пашею, у котораго онъ когда-то казнилъ любимаго сына. Карьера Гордона напоминаетъ жизнь странствующаго рыцаря, искателя смѣлыхъ приключеній. Предназначенный съ дѣтства къ военной службѣ, онъ рано окончилъ курсъ въ военной академіи въ Вульвичѣ и въ качествѣ инженернаго офицера успѣлъ отличиться въ рядахъ арміи, осаждавшей Се-

вастополь; впослѣдствіи онъ принялъ дѣятельное участіе въ англо-французской экспедиціи противъ Китая и остался въ этой странѣ до 1865 года. Во время возстанія „тайпинговъ", китайское правительство обратилось къ англійскому резиденту съ просьбою рекомендовать храбраго и свѣдущаго офицера для военныхъ дѣйствій противъ возставшихъ; выборъ палъ на Гордона, который въ короткое время блистательно исполнилъ свою задачу, въ качествѣ главнокомандующаго китайскими войсками. Онъ отклонилъ, однако, почести и награды, предложенныя ему за „спасеніе имперіи"; полученную денежную сумму въ 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ онъ распредѣлилъ въ средѣ арміи. Возвратившись въ Англію, онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ занимался инженерными работами по укрѣпленію Темзы. Въ 1873 г. ему предложено было званіе правителя Судана, на мѣсто Самуила Бэкера, который послѣ многихъ успѣховъ пожелалъ остаться въ Каирѣ. Гордонъ согласился на это предложеніе, но сократилъ назначенное жалованье до скромной суммы въ тысячу фунтовъ въ годъ. Въ 1876 году онъ получилъ въ свое управленіе и двѣ сосѣднія области, съ весьма широкими военными и политическими полномочіями, подъ общимъ названіемъ суданскаго генералъ - губернатора, подчиненнаго непосредственно хедиву. Въ 1879 году онъ вернулся въ Каиръ и затѣмъ въ Лондонъ. Въ началѣ 1884 года онъ выѣхалъ въ Бельгію, чтобы оттуда отправиться въ центральную Африку, по порученію бельгійскаго короля, для организаціи новаго государства Конго; но министерство вызвало его телеграммою въ Лондонъ, и онъ принялъ на себя роковую миссію, которая теперь окончилась столь трагически. Говорятъ, что на вопросъ Гладстона о средствахъ умиротворенія Судана Гордонъ указалъ на евангеліе, и премьеръ удовлетворился этимъ отвѣтомъ, изъ котораго можно было заключить, что для достиженія цѣли слѣдуетъ дѣйствовать не силою, а кротостью. Въ послѣднее время Гордонъ былъ уже приготовленъ къ ожидавшей его судьбѣ; онъ зналъ, что между офицерами туземнаго гарнизона рѣшено сдать городъ войскамъ махди при первомъ приближеніи ихъ. Онъ со дня на день ожидалъ катастрофы и заранѣе послалъ черезъ довѣренныхъ людей прощальныя письма на имя своихъ родныхъ и друзей, а также на имя начальника англійской экспедиціи; онъ предвидѣлъ, что приближеніе британскаго отряда послужитъ сигналомъ для занятія города враждебною арміею, и положеніе его было тѣмъ мучительнѣе. Онъ не думалъ о бѣгствѣ, а напротивъ, самъ пошелъ на встрѣчу смерти и палъ на улицѣ подъ ударомъ туземнаго патріота.

Отвѣтственность министерства Гладстона за напрасную гибель Гордона и многихъ сотенъ англійскихъ солдатъ и офицеровъ представ-

ляется столь несомнѣнною въ глазахъ англичанъ, что объ этомъ почти не говорилось вовсе въ первые дни послѣ полученія роковой депеши генерала Уольслея. Двѣ недѣли спустя должны были возобновиться засѣданія парламента, и рѣшительное осужденіе кабинета предполагалось само собою: вопросъ могъ касаться только времени выхода Гладстона въ отставку и способа его замѣщенія. Предводители оппозиціи, лордъ Салисбюри и сэръ Стаффордъ Норскотъ, выразили готовность составить новое министерство, не смотря на критическое положеніе дѣлъ. По открытіи парламентской сессіи 19 февраля, въ обѣихъ палатахъ предложено было заявить порицаніе кабинету: палата общинъ отвергла это предложеніе ничтожнымъ большинствомъ 14 голосовъ (302 противъ 288), причемъ противъ Гладстона высказались и многіе либералы, въ томъ числѣ бывшіе товарищи его по министерству, Гошенъ и Форстеръ. Палата лордовъ, конечно, приняла предложеніе и осудила либеральный кабинетъ значительнымъ большинствомъ. Всѣ почти англійскія газеты, какъ консервативныя, такъ и либеральныя, считаютъ отставку Гладстона неизбѣжною. Нужно замѣтить, что либералы гораздо рѣзче осуждаютъ теперь министровъ, чѣмъ консерваторы. Оппозиція, обыкновенно столь острая на языкъ въ спорахъ съ правительственною партіею, сразу затихла и приняла торжественный, успокоительный тонъ; общее мнѣніе сводилось къ тому, что нельзя заниматься партійными счетами и пререканіями въ виду постигшаго Англію „національнаго бѣдствія". Министерство, послѣ долгихъ совѣщаній, рѣшило не выходить пока въ отставку. Очевидно, министры хотятъ обезпечить судьбу избирательной реформы прежде чѣмъ отдавать власть въ руки консерваторовъ. Притомъ министерскій кризисъ потребовалъ-бы распущенія палаты общинъ, такъ какъ при теперешнемъ ея составѣ новый кабинетъ не могъ-бы управлять страною. А парламентскіе выборы были-бы весьма неудобны въ настоящее время, когда предстоятъ быстрыя и рѣшительныя дѣйствія, требующія одобренія и контроля палаты. По всей вѣроятности, дѣло ограничится частичнымъ обновленіемъ кабинета—выходомъ изъ него Гладстона и графа Гренвилля.

Какъ относились къ иностранной политикѣ министерства люди несомнѣнно либеральные и просвѣщенные еще задолго до паденія Хартума,—объ этомъ можно судить по отзыву извѣстнаго философа Фредерика Гаррисона въ новогодней рѣчи, читанной имъ въ лондонскомъ обществѣ позитивистовъ. „Въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ,—говорилъ Гаррисонъ,—мы постоянно протестовали противъ политики, преслѣдуемой въ Египтѣ. Мы постоянно заявляли Гладстону, что эта политика кладетъ черное пятно на всю его карьеру и покрываетъ нашу страну позоромъ. Мы особенно осуждаемъ войну въ

Суданѣ, какъ произвольную и несправедливую по сознанію самихъ министровъ, затѣявшихъ ее. Очень можетъ быть, что Гладстонъ и его товарищи принадлежатъ къ числу людей, наименѣе сочувствующихъ войнамъ, завоеваніямъ и насиліямъ. Но они дѣлаютъ все это, и они отвѣтственны. Кровь лежитъ на ихъ пути: ихъ слава связана съ виновностью. Порча народнаго сознанія—дѣло ихъ рукъ. Это насмѣшка, непозволительная даже въ самомъ смиренномъ парламентѣ,—утверждать, что все зло происходитъ отъ оппозиціи, отъ враждебныхъ интригъ, отъ прежнихъ международныхъ обязательствъ и отъ несчастныхъ случайностей. Подобныя вещи пусть повторяются передъ сборищами единомышленниковъ, но англійскій народъ не хочетъ знать этихъ лживыхъ увѣреній. Министры, погубившіе тысячи людей при Тель-эль-Кебирѣ, въ Александріи при Тебѣ, при Тамаси,—бросающіе милліоны трудового народнаго заработка въ африканскіе пески, съ цѣлью истребленія храбрыхъ героевъ, которыхъ они сами признаютъ патріотами, борющимися за свою свободу,—министры которые послѣ трехлѣтняго кровопролитія и опустошенія ничего не имѣютъ показать намъ взамѣнъ, въ видѣ результатовъ,—ничего, кромѣ совершеннаго хаоса въ благодатной странѣ, крайняго разоренія невиннаго народа и общей ненависти къ намъ Европы,—люди, сдѣлавшіе все это, отвѣтственны. Гладстонъ въ душѣ можетъ проклинать дѣло, совершаемое имъ, и употребленіе, выпавшее на долю его блестящихъ талантовъ. Но бываютъ положенія, когда слабость передъ могущественными криками производитъ больше зла для страны, чѣмъ честолюбіе. Какъ ничтожны покажутся наши парламентскіе споры потомкамъ, когда исторія объяснитъ имъ, что Гладстонъ затѣялъ гораздо болѣе войнъ, чѣмъ Дизраэли,—что онъ уничтожилъ гораздо болѣе человѣческихъ жизней, что онъ угнеталъ больше народностей, хуже запуталъ наши отношенія съ другими націями, оставилъ имперію въ болѣе шаткомъ состояніи и на болѣе слабыхъ основахъ, чѣмъ это было до него, и что Гладстонъ совершалъ все это не потому, что такой способъ дѣйствій казался ему разумнымъ и справедливымъ, а потому, что такимъ путемъ упрочивалось руководящее положеніе его среди вліятельныхъ элементовъ общества“. Этотъ послѣдній намекъ, очевидно, ничѣмъ не оправдывается; напротивъ, Гладстонъ поступалъ-бы совсѣмъ иначе, еслибъ онъ имѣлъ въ виду свое личное положеніе и свою личную репутацію,—онъ или удалился-бы отъ дѣлъ одновременно съ Джономъ Брайтомъ, или серьезно принялся-бы за самостоятельную, энергическую и послѣдовательную политику, не дожидаясь внѣшнихъ толчковъ и не слѣдуя впечатлѣніямъ минуты.

Давно уже замѣчено, что либеральные политическіе дѣятели рѣдко сохраняютъ равновѣсіе въ международныхъ вопросахъ;—съ одной

стороны, ихъ смущаетъ невозможность полнаго примѣненія либеральныхъ принциповъ въ этой области, а съ другой,—традиціонные интересы, обязательства и условія дипломатіи толкаютъ ихъ по протоптанной дорогѣ заурядныхъ политиковъ, ищущихъ прежде всего успѣха и блеска въ глазахъ патріотической толпы, хотя-бы цѣною тяжелыхъ жертвъ населенія. Республиканецъ Жюль Ферри, разсуждавшій въ былое время о распущеніи арміи и горячо возстававшій противъ произвольныхъ экспедицій второй имперіи, посылаетъ теперь эскадры въ разныя части свѣта, не хуже Наполеона III; онъ успѣлъ завоевать Тунисъ, водвориться въ Тонкинѣ, затѣять войну съ Китаемъ и пріобрѣсть нѣкоторыя территоріи въ Мадагаскарѣ и Конго, и все это въ сравнительно короткій періодъ времени. Разница между нимъ и Гладстономъ только та, что Ферри дѣйствуетъ замѣчательно удачно, что онъ занимается иностранными предпріятіями con amore и въ совершенствѣ усвоилъ всѣ утонченные пріемы высшей политики. Въ то самое время, какъ Англія понесла чувствительное пораженіе въ Суданѣ, французы одержали рѣшительный успѣхъ въ Тонкинѣ,—они окончательно вытѣснили китайскія войска изъ тонкинскихъ предѣловъ, взявъ приступомъ крѣпость Лангсонъ, изъ-за которой начался нынѣшній франко-китайскій споръ. Въ данномъ случаѣ нельзя обвинять Жюля Ферри въ непослѣдовательности или въ измѣнѣ своимъ убѣжденіямъ; онъ просто проникся задачею своего положенія и отбросилъ идеи, оказавшіяся непримѣнимыми при существующихъ политическихъ обстоятельствахъ. Онъ не высказываетъ уже тѣхъ взглядовъ, которые проводилъ когда-то, и прямо примкнулъ къ системѣ, которую прежде отвергалъ; у него нѣтъ той странной двойственности, которая придаетъ непріятный оттѣнокъ международнымъ испытаніямъ Гладстона. Жюль Ферри, какъ и большинство бывшихъ французскихъ радикаловъ, сознаетъ и чувствуетъ необходимость дѣятельной внѣшней политики для державы, призванной играть роль въ Европѣ, и для народа съ такимъ сильнымъ инстинктомъ національной славы, какъ французы. Радикалы могли-бы остаться вѣрными своимъ старымъ принципамъ, но тогда они не стояли-бы во главѣ Франціи и не управляли-бы ею понынѣ. Искусство управленія великими націями не поддается теоретическимъ формуламъ; оно есть именно искусство, основанное на умѣніи руководить народными массами, угадывать ихъ чувства и желанія, пользоваться ихъ слабостями, симпатіями и антипатіями, для достиженія извѣстныхъ общихъ цѣлей. Первоначальная цѣль Гамбетты и его преемниковъ отчасти достигнута; республика упрочилась окончательно, и въ ней страна привыкла видѣть надежное, регулярное, законное правительство. Окружить республику нѣкоторою долею внѣшняго политическаго блеска, составляв-

шаго до сихъ поръ спеціальную принадлежность монархіи и имперіи,—это стремленіе вполнѣ естественное и понятное со стороны республиканскихъ министровъ. Не надо также забывать, что національное чувство Франціи не могло-бы вполнѣ успокоиться послѣ нѣмецкихъ побѣдъ, еслибы оно не удовлетворялось въ извѣстной степени новыми пріобрѣтеніями и удачами въ отдаленныхъ краяхъ. Успѣшная колоніальная политика служитъ для французскаго патріотизма какъ-бы громоотводомъ, отвлекающимъ воинственные порывы отъ опасной европейской арены. Подобныхъ вѣскихъ оправданій не имѣетъ за собою англійское либеральное министерство, которое имѣло полную возможность сдѣлать чистосердечный опытъ практическаго примѣненія программы, выдвинутой Гладстономъ при господствѣ лорда Биконсфильда. Сдержанность въ дѣлахъ внѣшнихъ могла-бы надоѣсть англичанамъ, но репутація либеральной партіи и ея вождей не пострадала-бы столь сильно, и министерство съ спокойною совѣстью уступило-бы мѣсто противникамъ. Теперь-же съ именемъ либерализма связызается представленіе о безсиліи и лицемѣріи въ иностранныхъ дѣлахъ, благодаря личнымъ грѣхамъ Гладстона и Гренвилля. Въ дѣйствительности, либерализмъ тутъ ни причемъ, ибо нынѣшніе англійскіе министры были всего менѣе либералами въ своихъ непостижимыхъ воинственныхъ и дипломатическихъ начинаніяхъ.

Во Франціи и въ Германіи одновременно обсуждаются способы облегченія сельскаго хозяйства, переживающаго трудный кризисъ вслѣдствіе общаго упадка цѣнъ на земледѣльческіе продукты. И въ германскомъ, и во французскомъ парламентѣ дѣло идетъ о введеніи или возвышеніи покровительственныхъ пошлинъ для ограниченія ввоза иностраннаго хлѣба. Нѣтъ ничего проще предложеннаго лекарства: такъ какъ цѣны слишкомъ понизились, то надо ихъ искусственно повысить, и дѣла сельскихъ хозяевъ поправятся. Французская палата депутатовъ долго выслушивала рѣчи спорящихъ сторонъ — либераловъ и протекціонистовъ. Фредерикъ Пасси ратовалъ противъ пошлинъ, ссылаясь на выводы политической экономіи, а докладчикъ Гро доказывалъ необходимость и безвредность министерскаго проекта. Въ это время выступилъ съ новымъ предложеніемъ извѣстный финансистъ Анри Жермэнъ. Онъ убѣждалъ палату помочь сельскимъ хозяевамъ болѣе осязательнымъ образомъ—пониженіемъ поземельнаго налога, иногда весьма обременительнаго и несоотвѣтствующаго доходности земель, а предстоящій отъ этого недочетъ въ государственныхъ доходахъ пополнить возвышеніемъ акциза на спиртъ. Жермэнъ такъ ясно и просто объяснилъ преимущество своего плана

передъ министерскимъ, что палата и сама коммиссія тотчасъ перешли на его сторону. Министры торговли и земледѣлія, Тираръ и Мелинъ, возражали довольно слабо, и возраженія ихъ касались болѣе второстепенныхъ подробностей, чѣмъ сущности вопроса. Мысль Жермэна была принята сочувственно большинствомъ парижскихъ газетъ.

Такой крутой и неожиданный поворотъ въ настроеніи парламента печати является нагляднымъ доказательствомъ непрочности новѣйшаго протекціонистскаго движенія во Франціи. Трудно было отвѣчать на доводы, которые и ранѣе выставлялись противниками министерскаго проекта, но эти доводы устранялись соображеніями печальной необходимости, ибо никто другихъ облегчительныхъ мѣръ для земледѣлія не предлагалъ, а что-нибудь предпринять нужно было, въ интересахъ массы сельскихъ избирателей. Депутатъ Гро, стоявшій за покровительственную пошлину, утверждалъ, что цѣна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ поднимется незначительно и отчасти даже вовсе не поднимется, такъ что опасенія насчетъ дороговизны хлѣба не выдерживаютъ критики; но если цѣны въ самомъ дѣлѣ не возвысятся, то весь проектъ оказался бы безполезнымъ для сельскихъ хозяевъ, и это послѣднее возраженіе оставлено было безъ отвѣта депутатомъ Гро. Далѣе, производство хлѣба для сбыта имѣетъ наиболѣе важное значеніе для крупныхъ землевладѣльцевъ; большинство крестьянъ-собственниковъ производитъ продукты для своего домашняго потребленія и часто принуждено еще докупать хлѣбъ для своихъ надобностей,—для нихъ, равно какъ и для милліоновъ городского трудящагося населенія, возвышеніе цѣны хлѣба было бы чрезвычайно отяготительно. Рабочій людъ долженъ былъ бы уплачивать пошлину землевладѣльцамъ изъ своихъ скудныхъ заработковъ, въ видѣ увеличенной цѣны хлѣба: такого рода поддержка сельскаго хозяйства едва ли справедлива и разумна. Эти и подобныя соображенія побудили депутатовъ сразу высказаться за контръ-проектъ Жермэна, который одинаково удовлетворялъ интересы казны и землевладѣльцевъ. Для послѣднихъ сбавка поземельнаго налога представляетъ даже болѣе существенныя выгоды, чѣмъ введеніе покровительственныхъ пошлинъ; здѣсь получается реальная и чувствительная для каждаго льгота, а тамъ ожидались бы еще благопріятные результаты, которыхъ могло бы и не быть. Что касается повышенія акциза на спиртъ, то оно съ избыткомъ покроетъ дефицитъ отъ сбавки поземельнаго налога, безъ ущерба для кого бы то ни было; это повышеніе будетъ тѣмъ болѣе справедливо, что нынѣшній размѣръ акциза во Франціи оказывается вдвое или даже втрое менѣе, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ. Парламентская коммиссія, занимавшаяся пересмотромъ таможенныхъ тарифовъ, приняла „поправку"

Жермэна и отреклась отъ прежнихъ своихъ рѣшеній. Докладчикъ коммиссіи, Гро́, долженъ былъ уступить мѣсто другому депутату, Раулю Дювалю. По парламентскимъ правиламъ, внесенный ранѣе министерскій проектъ имѣлъ, однако, первенство передъ новымъ предложеніемъ, и онъ ранѣе подвергался баллотировкѣ. Не зная еще, какая участь постигнетъ теорію Жермэна, палата рѣшилась, на всякій случай утвердить смягченный проектъ министерства, такъ что французскимъ сельскимъ хозяевамъ предлагается помощь съ двухъ сторонъ—въ видѣ маленькой покровительственной пошлины и сокращенія поземельнаго налога.

Совсѣмъ другой характеръ имѣютъ пренія объ этомъ же предметѣ въ германскомъ парламентѣ. Тутъ нельзя замѣнить одинъ проектъ другимъ, вмѣсто правительственнаго предложенія внести другое, противоположное. Вся тяжесть личнаго авторитета князя Бисмарка дѣйствуетъ неудержимо на сторонѣ проекта покровительственныхъ пошлинъ. Германскій канцлеръ выступаетъ не только, какъ первый министръ, но какъ опытный сельскій хозяинъ; онъ пускается въ подробные земледѣльческіе разсчеты, опредѣляетъ сравнительныя цѣны продуктовъ, говоритъ о выгодности той или другой формы хозяйства, нападаетъ на прогрессистовъ за незнаніе земледѣлія и категорически рѣшаетъ, что пошлины должны быть введены. Оппозиція выдвигаетъ своихъ наиболѣе испытанныхъ бойцовъ; Бамбергеръ, Рихтеръ, Рикертъ поочередно произносятъ длинныя рѣчи, въ которыхъ, однако, слишкомъ много мѣста занимаетъ личная полемика съ княземъ Бисмаркомъ. Члены оппозиціи называютъ пошлину на хлѣбъ, не иначе, какъ „налогомъ на трудъ", „кровавымъ налогомъ"; по ихъ мнѣнію, искусственно возвышать хлѣбныя цѣны—значитъ грабить народъ для обогащенія крупныхъ владѣльцевъ, которые одни только сбываютъ хлѣбъ въ значительныхъ размѣрахъ. Канцлеръ объясняетъ, что нельзя отдѣлять крупныхъ владѣльцевъ отъ крестьянъ, что всѣ они составляютъ одинъ земледѣльческій классъ и что попытка возбужденія ненависти къ поземельной аристократіи есть преступное посягательство на безопасность государства; канцлеръ идетъ еще далѣе,—онъ угадываетъ затаенныя мысли прогрессистовъ: имъ очень желательно было бы видѣть уличные безпорядки въ какомъ-либо изъ хлѣбныхъ центровъ, по поводу ожидаемаго возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Оппозиція протестуетъ противъ подобныхъ пріемовъ аргументаціи; она прерываетъ рѣчь канцлера ироническими возгласами, и ораторъ, съ своей стороны, не остается въ долгу. Князь Бисмаркъ находитъ, что либералы, суть люди черствые и безсердечные; они заботятся только о стройности своихъ прин-

циповъ и рѣчей, а не думаютъ о страдающемъ народѣ, которому надо помочь посредствомъ возвышенія цѣнъ на хлѣбъ.

Этотъ сомнительный выводъ,—что предположенная пошлина поправитъ дѣла крестьянства,—повторялся много разъ въ видѣ готовой и рѣшенной формулы, безъ малѣйшаго подобія доказательствъ; въ этомъ отношеніи ораторы консервативной партіи были замѣчательно кратки и не приводили ничего другого, кромѣ различныхъ варіацій на тэму старой пословицы: „когда мужикъ имѣетъ деньги, всѣ имѣютъ ихъ“ („Hat der Bauer Geld, so hat es die ganze Welt“). Князь Бисмаркъ главнымъ образомъ опирался на эту пословицу, хотя неизвѣстно, что могла она доказать или опровергнуть; въ дѣйствительности, она не имѣла прямого отношенія къ самому предмету спора. Никто не сомнѣвался, что полезно было бы увеличить денежные рессурсы крестьянства; многіе сомнѣвались только въ томъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута введеніемъ покровительственныхъ пошлинъ. Для всякаго было ясно, что возвышеніе цѣнъ доставитъ большіе барыши крупнымъ землевладѣльцамъ; но чтобы эти барыши выпали на долю нуждающихся поселянъ и мелкихъ собственниковъ,—этому не вѣрилъ, вѣроятно, самъ имперскій канцлеръ. Правда, князь Бисмаркъ категорически заявилъ, что землевладѣлецъ и крестьянинъ—одно и то же, что въ сущности онъ самъ—только крупный „Bauer“, что принципіальной разницы не существуетъ между помѣщиками и мужиками; но если даже согласиться съ этимъ либеральнымъ воззрѣніемъ, то изъ этого никакъ не вытекало бы, что денежныя выгоды крупныхъ господъ суть въ то же время достояніе крестьянства и что между матеріальными интересами обоихъ разрядовъ земледѣльческаго класса господствуетъ полная гармонія. Само собою разумѣется, что всѣ патріоты, засѣдающіе въ рейстагѣ, были заранѣе въ пользу проекта князя Бисмарка, независимо отъ какихъ бы то ни было возраженій. За проектъ высказалось большинство,—въ томъ числѣ партія центра и остатки националъ-либераловъ.

Среди личныхъ словопреній между канцлеромъ и оппозиціею, невольно обращала на себя вниманіе одна характерная подробность. Бамбергеръ привелъ выдержки изъ рѣчей князя Бисмарка за прежніе годы,—выдержки, въ которыхъ буквально воспроизводятся обычные доводы противъ возвышенія хлѣбныхъ цѣнъ. Канцлеръ замѣтилъ на это, что перемѣна взглядовъ есть не недостатокъ, а достоинство, что политическій дѣятель не можетъ всегда руководствоваться одними и тѣми же теоріями, что очень возможно позднѣйшее отреченіе его отъ теперешняго проекта, и что въ этой смѣнѣ идей именно и заключается нормальная общественная жизнь. Все это прекрасно, но нужно вспомнить, о какихъ взглядахъ идетъ тутъ рѣчь. Князь Бисмаркъ

прежде находилъ вполнѣ основательными тѣ самыя воззрѣнія, которыя отвергаетъ теперь; тогда онъ имѣлъ въ виду тѣ же доводы pro и contra, какъ и въ настоящее время; онъ только относился къ нимъ иначе или, вѣрнѣе сказать, желалъ относиться къ нимъ извѣстнымъ образомъ, а теперь у него другое желаніе, противоположное. Логическій смыслъ вещей одинаково былъ понятенъ въ обоихъ случаяхъ, но различіе взглядовъ все-таки возникло по разнымъ соображеніямъ и причинамъ, которыя имѣютъ тѣсную связь съ личнымъ настроеніемъ канцлера. Возводить настроеніе на степень закона и ставить отъ него въ зависимость логику—это по меньшей мѣрѣ оригинально. Князь Бисмаркъ сознавался также, что онъ не увѣренъ, возвысится ли цѣна хлѣба подъ вліяніемъ пошлины; „я хотѣлъ бы, чтобы она поднялась,—продолжалъ онъ,—ибо должна же существовать граница, ниже которой цѣны не могутъ падать; въ противномъ случаѣ необходимо вмѣшательство государства. Когда цѣны стоятъ ниже издержекъ производства, то сельское хозяйство разстроится, и связанныя съ нимъ затраты труда и капитала будутъ потеряны, и сами горожане почувствуютъ тогда общенародное бѣдствіе". Нечего и говорить, что здѣсь имперскій канцлеръ нарисовалъ картину отчасти фантастическую. Непонятно, какимъ образомъ и хлѣбныя цѣны могли бы долго держаться ниже среднихъ издержекъ производства въ странѣ; для этого нужно было бы, чтобы вся потребность населенія въ хлѣбѣ удовлетворялась иностраннымъ привозомъ и чтобы привозимый хлѣбъ былъ значительно дешевле туземнаго. Въ дѣйствительности только извѣстная часть потребляемыхъ въ странѣ земледѣльческихъ продуктовъ доставляется изъ-за границы, а такъ какъ эти продукты — предметъ необходимости, то цѣны ихъ не могутъ быть ниже обычныхъ издержекъ производства въ странѣ. Низкія цѣны вообще свидѣтельствуютъ объ обиліи хлѣба и о большей доступности его массамъ рабочаго населенія; это далеко не „народное бѣдствіе", хотя часть землевладѣльцевъ и можетъ чувствовать себя стѣсненною въ выгодномъ сбытѣ произведеній. Тѣ экономическія условія, которыя вызываютъ разстройство въ сельскомъ хозяйствѣ и влекутъ за собою временный упадокъ цѣнъ, всего менѣе устраняются системою покровительственныхъ пошлинъ. По мнѣнію князя Бисмарка, несправедливо оставлять однихъ землевладѣльцевъ безъ покровительства, когда пошлинами охраняются различные виды фабричной и мануфактурной промышленности; другими словами, нужно, чтобы цѣны на всѣ товары одинаково возвышались, а общее поднятіе цѣнъ понижаетъ только цѣнность денегъ безъ всякой пользы для производителей. Въ результатѣ получается нѣчто весьма сомнительное.

Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время имперскій канцлеръ можетъ

вновь измѣнить свои взгляды и предложить другія экономическія реформы, болѣе соотвѣтствующія нуждамъ Германіи; князь Бисмаркъ самъ предупреждаетъ публику о возможности подобныхъ перемѣнъ. Могущественнѣйшій государственный дѣятель современной Европы не только не считаетъ себя непогрѣшимымъ, а напротивъ, весьма скромно сознается въ прежнихъ ошибкахъ и заранѣе допускаетъ вѣроятность дальнѣйшихъ промаховъ: онъ, по его собственному выраженію, продолжаетъ „учиться" по мѣрѣ силъ и совѣтуетъ дѣлать то же своимъ противникамъ. Черта несомнѣнно поучительная и симпатичная! Многія рѣзкости и шероховатости внутренней политики князя Бисмарка прощаются ему нѣмецкимъ обществомъ за это прямодушіе, за эту открытую и чистосердечную манеру дѣйствій, за его истинно-джентльменскіе, блещущіе остроуміемъ, ораторскіе турниры съ оппозиціею. Онъ не только не обнаруживаетъ стремленія закрывать ротъ кому бы то ни было, а напротивъ, поощряетъ возражающихъ и терпѣливо выслушиваетъ всякія замѣчанія, на брезгая совѣтомъ и поученіемъ со стороны самыхъ скромныхъ обывателей. Любопытная литература образовалась бы, еслибъ собрать всѣ печатаемыя отъ времени до времени отвѣтныя письма канцлера разнымъ лицамъ и обществамъ по поводу текущихъ общественныхъ или экономическихъ вопросовъ. Крестьяне, мелкіе промышленники и торговцы, постоянно обращаются къ князю Бисмарку съ своими пожеланіями и заявленіями по тѣмъ или другимъ поводамъ, и канцлеръ отвѣчаетъ имъ, разъясняетъ ихъ сомнѣнія, обѣщаетъ принять во вниманіе указываемыя ими нужды. Понятна поэтому та необычайная популярность, которою пользуется имперскій канцлеръ Германіи во всѣхъ слояхъ нѣмецкаго общества, — популярность, относящаяся именно къ его личному характеру, а не только къ его громкой политической славѣ.

СТОЛѢТІЕ ГАЗЕТЫ „ТАЙМСЪ".

The Centenaty of the Times. By W. Fraser Rae.—Nineteenth Century, Ianuary 1885.

Съ наступленіемъ нынѣшняго года, лондонская газета „Таймсъ" (Times) достигла столѣтія своего существованія. Такая долговѣчность—рѣдкость и между газетами; еще рѣже удается газетѣ дожить до своего столѣтняго юбилея, не проявляя никакихъ признаковъ одряхлѣнія. Изъ всѣхъ „утреннихъ"—то-есть большихъ, лондонскихъ газетъ лишь одна живетъ уже болѣе ста лѣтъ, бодрая, какъ въ свои молодые годы, даже болѣе бодрая теперь, чѣмъ прежде,—Morning Post, основанная въ 1772 году. Другія лондонскія утренція газеты, расходящіяся въ огромномъ числѣ экземпляровъ и пользующіяся безпримѣрною въ старину популярностью, сравнительно молоды. Самая старшая изъ нихъ—Morning Advertiser; ей девяносто лѣтъ; самая младшая Standard, которой еще только двадцать-восемь лѣтъ. Daily News живетъ и имѣетъ всемірное вліяніе тридцать-девять лѣтъ.

Первый нумеръ Times'а вышелъ 1 января 1785 г., но своимъ нынѣшнимъ именемъ газета стала называться лишь съ появленія девятьсотъ-сорокового своего нумера, 1 января 1788 г. Газеты тогда нерѣдко измѣняли свои названія. Напримѣръ, Public Advertiser назывался первоначально London Daily Post and general Advertiser, потомъ General Advertiser, и только уже послѣ того принялъ имя, подъ которымъ прославился, благодаря тому, что въ немъ помѣщалъ свои „Письма" Юніусъ. „Таймсъ" въ первые свои три года назывался Daily Universal Register („Ежедневный Всеобщій Перечень Новостей"). Въ нумерѣ 24 декабря 1787 г. газета сдѣлала слѣдующее извѣщеніе: „По разнымъ причинамъ, возникшимъ послѣ основанія Universal Register'a, ему стало необходимымъ перемѣнить свое настоящее названіе, и мы почтительно увѣдомляемъ нашихъ читателей, что съ 1 января наступающаго года эта газета появится съ совершенно новыми чертами подъ названіемъ „Times". Прежнее заглавіе, въ полномъ своемъ видѣ, было: „Ежедневный Всеобщій Перечень Новостей", печатаемый логографически, по привилегіи Его Величества; теперь, оно замѣнилось заглавіемъ: „Времена" или Ежедневный Всеобщій Перечень Новостей, печатаемый логографи-

чески. Послѣдніе нумера журнала подъ прежнимъ заглавіемъ не отличаются ничѣмъ существеннымъ отъ первыхъ нумеровъ подъ новымъ заглавіемъ, и въ началѣ новая газета не имѣла никакого особеннаго превосходства надъ другими тогдашними.

Нумеръ газеты въ тѣ времена содержалъ въ себѣ маленькое количество болѣе или менѣе достовѣрныхъ извѣстій, нѣсколько статеекъ городской болтовни, много плохихъ стиховъ и нѣсколько объявленій. Руководящихъ статей тогда не существовало. Замѣною ихъ были письма къ редактору. Когда эти письма писались человѣкомъ, подобнымъ Юніусу, они имѣли не меньше значенія, чѣмъ содѣйствующія нынѣ выработкѣ общественнаго мнѣнія руководящія статьи. Но Юніусъ много обязанъ своею знаменитостью тому, что онъ былъ исключеніемъ: тогда газеты имѣли мало людей съ его литературнымъ талантомъ въ числѣ своихъ сотрудниковъ. Иной разъ, появлялось въ газетѣ какое нибудь письмо, дѣйствительно блистательное. Но большею частью, письма къ редактору были похожи на макулатуру, какая печатается теперь въ едва прозябающихъ газетахъ мелкихъ городовъ. Тэмою въ огромномъ большинствѣ писемъ былъ упадокъ англійской націи. Теперь пишутся иногда руководящія статьи, заявляющія, что нація быстро идетъ къ погибели; но пишутся лишь иногда; авторы тогдашнихъ писемъ какъ будто ни о чемъ, кромѣ этого, и не думали. Вѣроятно, это было по вкусу тогдашней публикѣ: должно быть, не одна миссисъ Дангль находила тогда „очень занимательнымъ“ „читать ежедневно письма, доказывающія достовѣрность близости иностраннаго нашествія и очевидность совершенной погибели націи“.

Авторы писемъ въ Universal Register не блистали дарованіями. Одинъ изъ нихъ, подписывавшійся псевдонимомъ „Маркъ Марцеллъ“. обладалъ „вѣрными лекарствами для излеченія всѣхъ нашихъ общественныхъ недуговъ“; но и онъ не пріобрѣлъ особенно громкой славы. Другой, подписавшійся псевдонимомъ Rusticus, „Селянинъ“, объясняетъ отправленіе своего письма въ Universal Register тѣмъ, что Morning Chroniche отказалась напечатать его; отказъ одной редакціи послужилъ бы теперь для другой основаніемъ бросить статью не читая. Но редакторъ Universal Register, не ограничиваясь тѣмъ, что напечаталъ письмо Rusticus'a, высказалъ и желаніе „получать другія мысли автора“, съ прибавленіемъ, что „такъ какъ длинныя статьи мало кѣмъ читаются, то мы совѣтуемъ ему, чтобы онъ присылалъ свои мысли въ краткихъ статейкахъ“.

Мистеръ Джонъ Вальтеръ (Walter), основатель Times'a, родился въ 1738 году. Его отецъ, торговецъ каменнымъ углемъ въ Лондонѣ, умеръ въ 1755 г.: семнадцатилѣтнему юношѣ пришлось самому

пролагать себѣ дорогу. Черезъ десять лѣтъ, онъ сталъ предсѣдателемъ богатой и вліятельной корпораціи торговцевъ каменнымъ углемъ въ Лондонѣ, передъ самымъ тѣмъ временемъ построившей себѣ биржу (Coal Exchange); постройка была ведена уже подъ его надзоромъ. Въ 1771 году онъ женился. Черезъ пять лѣтъ сдѣлался членомъ Ллойда, то есть, корпораціи негоціантовъ, занимающихся страхованіемъ купеческихъ кораблей. Онъ становился богачемъ; но флотъ торговыхъ судовъ, застрахованный у него во время сѣвероамериканской войны, былъ захваченъ французскою эскадрою. Его потеря простиралась до 80,000 франковъ.

Въ 1782 году, Вальтеръ познакомился съ Генри Джонсономъ, наборщикомъ, придумавшимъ важныя, по его словамъ, улучшенія въ типографскомъ дѣлѣ. Вальтеръ убѣдился, что мысли Джонсона правильны, далъ ему средства осуществить ихъ и взялъ вмѣстѣ съ нимъ привилегію на печатаніе посредствомъ „логотиповъ". Въ 1784 г. онъ нанялъ помѣщеніе для типографіи въ Printing Hause Square,—то самое, гдѣ теперь типографія Times'а. Онъ сталъ усердно и успѣшно изучать дѣло, за которое взялся, по его выраженію, какъ профанъ. По неопытности, онъ подвергался грубымъ обманамъ, говоритъ онъ. Но у него было много энтузіазма и твердой воли. Онъ былъ увѣренъ, что печатаніе „логотипами" произведетъ въ типографскомъ дѣлѣ переворотъ, который принесетъ пользу и ему, и націи. И онъ основалъ свой Daily Universal Register для того, чтобы доказать, что не только книги, но и газеты можно печатать „логотипами" лучше и дешевле, чѣмъ по обыкновенному способу.

„Логотипическая" система печатанія состоитъ въ томъ, чтобы употреблять для набора не отдѣльныя литеры, а отлитыя цѣльными кусками слова или части словъ „логографы": вмѣсто того, чтобы ставить букву за буквою, наборщикъ будетъ разомъ ставить въ наборъ готовое слово. Повидимому, это очень просто; кажущаяся простота системы „логотипированія" и была тѣмъ соображеніемъ, которое сильнѣе всего и привлекало къ ней мысли принимавшихъ ее. Вальтеръ спрашивалъ мнѣнія о ней у знаменитаго ученаго, сэра Джозефа Банкса, бывшаго тогда президентомъ важнѣйшаго изъ ученыхъ обществъ Англіи, „королевскаго общества наукъ". Банксъ далъ свое одобреніе системѣ логотиповъ въ самыхъ горячихъ выраженіяхъ, провозглашая ее „чрезвычайно полезнымъ для литературнаго міра пріобрѣтеніемъ, заслуживающимъ самаго высокаго одобренія и всякой поддержки со стороны публики". Вальтеръ переписывался о логотипахъ и съ Франклиномъ, и имѣлъ радость узнать, что Франклинъ думаетъ объ этой системѣ очень благопріятно; а Франклинъ, кромѣ того, что вообще былъ человѣкъ проницательнаго ума, былъ

самъ наборщикомъ, потому его одобреніе имѣло большой вѣсъ. Вальтеръ надѣялся, что „логографы дадутъ экономію во времени и въ издержкахъ; что употребленіе ихъ даже расширитъ кругъ примѣненій типографскаго станка. Въ "Universal Register" 12-го августа 1786 г. онъ извѣщалъ, что основавъ словолитню для изготовленія логографовъ, онъ „можетъ теперь снабжать логографическимъ шрифтомъ всѣхъ желающихъ печатать секретно или для развлеченія, потому что дѣлать наборъ цѣльными словами несравненно легче, нежели набирать литеры, и слѣдовательно можно безъ большого труда выучиться печатать. Сдѣланный первоклассныкъ по сану и таланту, по положенію и знанію, вельможею, опытъ вполнѣ подтверждаетъ истину этихъ словъ". Вельможа, о которомъ говоритъ Вальтеръ, по всей вѣроятности, герцогъ Портландъ, о которомъ извѣстно, что онъ передалъ королю экземпляръ брошюры Вальтера о печатаніи логографами.

Печатая ими свою газету, Вальтеръ употреблялъ ихъ и на другія работы своей типографіи. Изъ нея вышло много книгъ, набранныхъ логографическимъ способомъ. Но, наконецъ, логографическая система была брошена; она представляла на практикѣ неустранимыя неудобства. Одно изъ нихъ то, что громадность числа логографовъ не допускаетъ возможности работать такъ быстро, какъ литерами; другое то, что поправлять ошибки въ наборѣ обходится дороже, чѣмъ при обыкновенномъ шрифтѣ. Черезъ много лѣтъ послѣ того, какъ бросилъ эту систему Вальтеръ, была повторена попытка ввести ее въ употребленіе. Маіоръ Беневскій (Beneowsky),—родомъ полякъ—талантливый человѣкъ, умѣвшій говорить убѣдительно, сдѣлалъ нѣкоторыя улучшенія въ ней, взялъ привилегію на нихъ и пріобрѣлъ себѣ содѣйствіе Джона Грина (Greene), бывшаго тогда членомъ парламента. Въ 1854 году, Гринъ убѣдилъ палату общинъ назначить комитетъ изъ нѣсколькихъ ея членовъ для изслѣдованія вопроса о пользѣ логографовъ. Отзывы лицъ, отъ которыхъ комитетъ собиралъ свѣденія, были разнорѣчивы, и комитетъ не могъ придти ни къ какому опредѣленному заключенію. „Times", потерпѣвшій въ старину много вреда отъ обольщенія логографическою системою, разумѣется, говорилъ тогда о непрактичности изобрѣтенія Беневскаго.

Вальтеръ перестал печатать свою газету логографами вскорѣ послѣ того, какъ далъ ей названіе „Times". Въ началѣ, онъ разсчитывалъ, что сбереженія, какія доставитъ ему логографическій наборъ, дадутъ ему возможность издавать газету дешевле обыкновенной тогдашней цѣны газетъ—3 пенса нумеръ, и назначилъ цѣну „Universal Register'a" въ $2^1/_2$ пенса. Но это было убыточно: и, при

перемѣнѣ заглавія, онъ поднялъ цѣну своей газеты до цѣны другихъ газетъ, до 3-хъ пенсовъ.

Первый нумеръ „Times'а", вышедшій 1-го января 1788 г., имѣлъ 4 страницы, и болѣе чѣмъ двѣ изъ нихъ заняты объявленіями. Въ этомъ и почти во всемъ другомъ онъ былъ похожъ на всѣ другія тогдашнія газеты—иностранныя извѣстія занимаютъ въ первомъ нумерѣ „Times'а" нѣсколько побольше половины одного столбца; всѣ они очень коротенькія: тутъ ихъ десять: четыре изъ Варшавы, отъ 5-го декабря; два изъ Франкфурта, отъ 14-го декабря; одно изъ Константинополя, отъ 10-го ноября; два изъ Парижа и одно изъ Роттердама, отъ 25-го декабря. Другія десять коротенькихъ извѣстій сообщаютъ лондонскія новости. Есть рубрика „Театръ"; тутъ помѣщенъ коротенькій отчетъ о представленіи „Гамлета" въ Друриленскомъ и „Генриха Четвертаго" въ Ковентгарденскомъ театрѣ. Столбецъ подъ заглавіемъ „Кукушка" (Cuckoo) наполненъ сплетнями и скандалами, очень нравившимися тогда, не перестававшими нравиться и нынѣшней публикѣ, но уже изгнанными изъ ежедневныхъ лондонскихъ газетъ, и составляющими рессурсъ лишь для нѣкоторыхъ изъ плохихъ еженедѣльныхъ газетъ. Статья подъ заглавіемъ „Times", занимающая нѣсколько побольше столбца, объясняетъ, почему перемѣнено названіе газеты, и какъ будетъ теперь держать себя она. Сущность объясненія состоитъ въ томъ, что „названіе „Universal Register" было вредно газетѣ: публика брала изъ него въ свои мысли одно слово „Register", потому смѣшивала эту газету съ другими, въ заглавія которыхъ входитъ то же слово", по этой и по другимъ причинамъ, „родители „Universal Register'а" присоединили къ его первоначальному имени названіе „Times", которое, будучи односложнымъ словомъ, не боится искателей и урѣзывателей рѣчи". Авторъ статьи принимается разсуждать о новомъ названіи: („Времена", множественное число—въ этомъ дѣло): „Times" —что за чудовищное названіе! Согласенъ. Но „Times" и дѣйствительно многоголовое чудовище, говорящее сотнями языковъ, обнаруживающее въ себѣ тысячи характеровъ и въ своихъ жизненныхъ превращеніяхъ по ходу временъ принимающее безчисленныя формы и настроенія мыслей". Относительно того, какъ будетъ держать себя газета въ политическихъ вопросахъ, статья говоритъ: „Политическая голова „Times'а", подобно головѣ римскаго бога Януса, имѣетъ два лица: одною физіономіею она будетъ постоянно улыбаться друзьямъ нашей милой Англій, а другою постоянно хмуриться на ея враговъ".

Быть можетъ, Вальтеръ находилъ излишнимъ излагать теперь свою политическую программу, потому что газета подъ новымъ именемъ оставалась прежнею. Въ „Universal Register" 29 іюня 1785, онъ

ясно опредѣлилъ политическій характеръ газеты: „чуждая духу партій, независимая отъ правительства, преданная исключительно общественной пользѣ, газета будетъ употреблять всѣ усилія, чтобы упрочить себѣ продолженіе того сочувствія, какимъ она ужъ пользуется“.

Болѣе половины столбца въ первомъ нумерѣ съ новымъ заглавіемъ занимаетъ стихотвореніе, не лучше, а скорѣе хуже тогдашнихъ дюжинныхъ: „Ода на новый годъ“.—Далѣе, помѣщено одно извѣстіе о свадьбѣ, и одно извѣстіе о смерти, За тѣмъ идутъ объявленія. Изъ всѣхъ фирмъ, объявлявшихъ о своихъ товарахъ въ этомъ нумерѣ, уцѣлѣла теперь лишь одна: Борджессъ (Burgess), бакалейная торговля.

Успѣхъ „Times'а“ не былъ быстрый. Въ декабрѣ 1789, Горэсъ Вальполь, въ письмѣ къ графинѣ Оссори, спрашивая ее, читала ль она стихотвореніе Progress of Liberty, помѣщенное въ „Times“, говоритъ: „оно напечатано въ газетѣ, называющейся „Times“—то есть, онъ находитъ небезполезнымъ объяснить, что такое „Times“:—графиня, быть можетъ, еще не слыхивала, что существуетъ газета этого имени.— Вальтеру часто приходилось имѣть большія непріятности изъ-за „Times'а“. Въ 1786 онъ былъ приговоренъ къ штрафу въ 150 фунтовъ за диффамацію (libel) противъ лорда Лофборэ. Въ 1789 онъ былъ приговоренъ къ наказанію за диффамацію противъ герцоговъ Іоркскаго, Глостерскаго и Кумберлэндскаго, младшихъ сыновей короля (Георга III, ссорившагося съ дѣтьми). Диффамація состояла въ замѣчаніи, по всей вѣроятности справедливомъ, что они были „неискренни“ въ своихъ выраженіяхъ радости по поводу выздоровленія „короля“. Наказаніемъ было: уплатить 50 фунтовъ штрафа, простоять часъ у позорнаго столба на Чэрингъ-Кроссѣ, просидѣть годъ въ Ньюгетской тюрьмѣ, и по выходѣ изъ тюрьмы внести на семь лѣтъ залогъ въ „обезпеченіе добраго поведенія“, то есть, въ обезпеченіе будущаго уваженія къ нарушенному закону. Пока сидѣлъ въ тюрьмѣ Вальтеръ, онъ подвергся суду еще по двумъ обвиненіямъ въ диффамаціи: одна его вина состояла въ замѣчаніи, что принцъ Уэльскій и герцогъ Іоркскій, второй сынъ короля, навлекли на себя своими поступками справедливое порицаніе его величества; другая въ извѣстіи, что герцогъ Клеренскій—тоже одинъ изъ сыновей Георга III, бывшій впослѣдствіи королемъ, подъ именемъ Вильгельма IV, а тогда служившій во флотѣ, возвратился со службы въ Англію безъ позволенія своего начальства. 3 января 1790 Вальтеръ былъ приведенъ изъ Ньюгэтской тюрьмы въ судъ, выслушать приговоръ, произнесенный надъ нимъ за всѣ эти преступленія. Его присудили просидѣть въ Ньюгэтѣ еще годъ по истеченіи срока перваго наказа-

нія, и уплатить 200 фунтовъ штрафа. Пробывши въ тюрьмѣ годъ и четыре мѣсяца, онъ былъ освобожденъ по ходатайству принца Уэльскаго. Заключеніе въ тюрьму за диффамацію на Вальтера подѣйствовало такъ тяжело, что онъ думалъ прекратить свою газету, ограничиться печатаніемъ книгъ и издательствомъ. „Times" давалъ убытокъ; прибавка тюрьмы къ денежной потерѣ была уже вовсе лишнею бѣдою.

Но оставивъ мысль о прекращеніи газеты, онъ разсудилъ сдѣлать своимъ помощникомъ по управленію ею своего старшаго сына, а въ 1803 г., и совершенно передалъ ему редакторство.

Джонъ Вальтеръ-сынъ родился въ 1776 г., готовился быть священникомъ и съ этою цѣлью поступилъ въ Оксфордскій университетъ, но по желанію отца отказался отъ своего намѣренія. Онъ сталъ работать въ отцовской типографіи какъ настоящій подмастерье, и выучился такъ, что сдѣлался хорошимъ типографскимъ работникомъ. Дѣлая его своимъ помощникомъ, отецъ дѣлалъ послѣднюю попытку испробовать, не поправится ли газета. Сынъ былъ человѣкъ замѣчательно даровитый, и вдобавокъ вполнѣ ознакомившійся съ типографскимъ ремесломъ и занятіями издателя газеты. Ему было 27 лѣтъ, когда отецъ передалъ „Times" въ полное завѣдываніе ему. Его управленіе газетою и было основаніемъ ея успѣха, истиннымъ источникомъ ея славы. Онъ нашелъ „Times" едва прозябающею, слабою газетою, а оставилъ самою уважаемою и могущественною изъ всѣхъ газетъ цѣлаго свѣта. Получивъ право дѣйствовать по своимъ мыслямъ, онъ преобразовалъ составъ сотрудниковъ, сталъ всячески ускорять печатаніе газеты, дѣлать все возможное для того, чтобъ извѣстія въ ней были свѣжія и достовѣрныя, устранять всякія пристрастныя или зависимыя отношенія сотрудниковъ, чтобы газета имѣла свободу и безбоязненность сужденій. Въ тѣ времена былъ у издателей газетъ обычай принимать денежные подарки за благопріятныя статьи о театрахъ; онъ положительно сказалъ, что отвергаетъ это. Отецъ порицалъ такую совѣстливость: газета должна быть независима, но нѣтъ ничего дурного принимать плату, освященную обычаемъ и составляющую справедливое вознагражденіе за услугу. Сынъ остался при своемъ убыточномъ для газеты рѣшеніи.

Ни одна изъ лондонскихъ газетъ въ началѣ нынѣшняго вѣка не имѣла большаго превосходства надъ другими ни по внутреннему достоинству, ни по степени распространенности въ публикѣ, ни по вліятельности. Расходиться въ количествѣ четырехъ тысячъ экземпляровъ считалось тогда очень обширною распространенностью газеты. Когда Кольриджъ былъ сотрудникомъ Morning Post, газета стала расходиться въ семи тысячахъ экземпляровъ, — и публика, и сами

владѣльцы газеты дивились такому неслыханному успѣху. Не было тогда и того, чтобы вся масса объявленій направлялась предпочтительно въ одну газету: разные разряды ихъ распредѣлялись по разнымъ газетамъ: „Morning Post“ получалъ почти всѣ объявленія о лошадяхъ и экипажахъ, „Public Ledger“—почти всѣ, относящіяся къ морскому судоходству и торговлѣ иностранными товарами, „Morning Post“ и „Times“—объявленія объ аукціонахъ, „Morning Chronicle“—о книгахъ. Вальтеръ-сынъ сталъ заботиться о томъ, чтобы его газета пріобрѣла первенство по полнотѣ и занимательности всѣхъ отдѣловъ и стала черезъ это наиболѣе любимою и распространенною въ публикѣ; тогда и объявленія будутъ отдаваемы предпочтительно въ его газету; но при этомъ строго онъ держался правила, что она должна сохранять безпристрастіе и независимость.

Въ нумерѣ „Times'а“ 11 февраля 1810 г. онъ разсказываетъ, сколько тяжелыхъ испытаній перенесъ онъ за свою вѣрность безпристрастію. По чисто патріотическимъ мотивамъ онъ поддерживалъ министерство Сидмута, образовавшееся послѣ паденія перваго министерства Питта, желавшее прекращенія войны съ Франціею и успѣвшее заключить Амьенскій миръ. Когда оно, по возобновленіи войны, пало, и снова сдѣлался главою правительства Питтъ, „Times“ строго порицалъ дѣйствія лорда Мельвилля, ставшаго въ новомъ кабинетѣ первымъ лордомъ адмиралтейства, и произвольно распоряжавшагося морскимъ бюджетомъ. За это, Вальтеръ-отецъ, восемнадцать лѣтъ бывшій типографщикомъ таможеннаго вѣдомства, былъ лишенъ должности, и кромѣ того, правительство запретило всѣмъ вѣдомствамъ посылать объявленія въ „Times“. Когда по смерти Питта образовалось министерство Гренвилля и Фокса, желавшее мира, „Times“ сталъ поддерживать его, и Вальтеру-сыну было сообщено, чтобъ онъ подалъ правительству записку о возвращеніи ему отнятыхъ у него объявленій. Онъ отказался просить; тогда была помимо его составлена записка для правительства о его дѣлѣ. Онъ отказался подписать ее. Составители хотѣли подать ее и безъ его подписи. Онъ объявилъ, что они дѣйствуютъ противъ его желанія, и они должны были бросить дѣло. Были у него непріятности и тяжелѣе потери дохода отъ правительственныхъ объявленій. Публика жаждала извѣстій о ходѣ войнъ, свирѣпствовавшихъ на континентѣ, и онъ устроилъ все надобное, чтобы получать точныя и скорыя извѣстія. Замѣстившій по смерти Фокса ослабѣвшую администрацію Гренвилля воинственный торійскій кабинетъ досадовалъ на миролюбивый „Times,“ старался мѣшать ему, и завѣдывавшимъ почтою на театрахъ войны было приказано задерживать всю корреспонденцію, адрессованную въ эту газету. На требованіе Вальтера отмѣнить запрещеніе, правительство отвѣчало, что

если онъ согласенъ смотрѣть на пересылку корресподенціи ему, какъ на дѣло любезности правительства, и будетъ за любезность платить любезностью, запрещеніе будетъ отмѣнено. Онъ твердо отвѣчалъ, что о такихъ условіяхъ онъ не хочетъ и слышать. Позднѣе, когда онъ жаловался на другое враждебное его газетѣ распоряженіе, сдѣланное нѣкоторыми изъ второстепенныхъ начальниковъ почтоваго вѣдомства, ему былъ предложенъ компромиссъ на условіи, еще болѣе легкомъ: „Times“ долженъ только заявить, какую изъ политическихъ партій онъ поддерживаетъ. Газета въ то время поддерживала министерство. Но Вальтеръ не захотѣлъ сдѣлать никакого заявленія, которое сколько нибудь стѣсняло или казалось бы стѣсняющимъ ея независимость. Неуклонно отказываясь пользоваться какою бы то ни было любезностью правительства, онъ успѣвалъ иногда ранѣе правительства получать извѣстія. Такъ, напримѣръ, онъ объявилъ о взятіи Флиссингена двумя сутками раньше, чѣмъ извѣстіе объ этомъ было получено правительствомъ.

Въ тѣ годы, когда правильныя сношенія Англіи съ континентомъ были прерваны войною, Вальтеръ нашелъ особенный способъ получать заграничныя извѣстія. Онъ самъ разсказываетъ объ этомъ въ письмѣ къ извѣстному публицисту Крокеру, бывшему тогда первымъ секретаремъ адмиралтейства: „Контрабандистъ, дѣйствующій за одно съ подкупленнымъ чиновникомъ французскаго порта, радъ промѣнять свое занятіе контрабандною торговлею на дѣло совершенно невинное относительно англійской таможни,—на доставленіе французскихъ газетъ въ Англію“. Вальтеръ говоритъ Крокеру, что если адмиралтейство прикажетъ крейсерамъ не задерживать шхуну, занятую доставленіемъ ему извѣстій изъ Франціи, онъ будетъ сообщать правительству извѣстія, получаемыя этимъ путемъ. Согласилось ли правительство на его предложеніе, неизвѣстно. Но издатели другихъ газетъ стали пользоваться тѣмъ же средствомъ для полученія иностранныхъ извѣстій.

Издатель „Times'а“ не довольствовался улучшать свою газету способами, которыми легко съумѣютъ такъ же удачно пользоваться его соперники. Онъ рѣшилъ, что будетъ имѣть на континентѣ сотрудника, который собиралъ бы свѣденія исключительно для его газеты,—имѣть, какъ это называется нынѣ, спеціальнаго корреспондента. Онъ далъ это назначеніе сотруднику, вполнѣ оправдавшему его надежды, Робинсону. Робинсонъ и сталъ первымъ въ ряду столькихъ знаменитыхъ преемниковъ, отъ которыхъ англійскія газеты получили новое оживленіе, новый характеръ.

Робинсонъ отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ, что въ январѣ 1807 г. онъ черезъ своего друга Коллера получилъ предложеніе ѣхать въ

Альтону и поселиться тамъ, чтобы быть корреспондентомъ „Times'а". Онъ передъ тѣмъ вернулся изъ Германіи, гдѣ учился въ Іенскомъ университетѣ. Онъ хорошо зналъ нѣмецкую литературу и былъ лично знакомъ съ очень многими изъ знаменитыхъ людей Германіи, въ томъ числѣ съ Гёте и Шиллеромъ. Позднѣе, онъ пользовался дружбою замѣчательнѣйшихъ людей Англіи, и былъ едвали не самымъ близкимъ другомъ Вортсворта. Робинсонъ прислалъ въ „Times" рядъ писемъ „Съ береговъ Эльбы"; онъ изображалъ въ нихъ положеніе дѣлъ Германіи въ тотъ бурный періодъ, который заключился Фридландскою битвою и Тильзитскимъ миромъ. Онъ не разъ подвергался опасности быть взятымъ въ плѣнъ и запертымъ въ тюрьму французами. Вернувшись въ Англію, онъ сталъ редакторомъ иностраннаго отдѣла въ „Times'ѣ", а въ 1808 году былъ отправленъ Вальтеромъ въ Испанію снова быть спеціальнымъ корреспондентомъ. Его Письма „Съ береговъ Бискайскаго залива" и „Изъ Коруньи" печатались въ „Times'ѣ" съ 9 августа 1808 до 20 января 1809. Онъ былъ достойнымъ представителемъ класса публицистовъ, ставшаго теперь знаменитымъ: онъ обладалъ всею тою дѣятельностью характера, какая нужна для исполненія трудной обязанности спеціальнаго корреспондента, и исполнялъ свое дѣло съ такою правдивостью и талантливостью, что лишь немногіе изъ самыхъ отважныхъ и блестящихъ его преемниковъ превосходили его въ этомъ. Онъ дожилъ до глубокой старости и скончался на девяносто-четвертомъ году жизни.

Медленно, но прочно поднимая „Times" до положенія вліятельнѣйшей изъ англійскихъ газетъ, Вальтеръ неожиданно встрѣтился съ опасностью, грозившею погубить результатъ его неутомимаго труда и отнять у него любимую надежду. Въ концѣ мая 1810 года печатники его типографіи потребовали повышенія платы. Печатаніе шло въ тѣ времена еще на ручныхъ станкахъ, и число необходимыхъ для газеты работниковъ при нихъ было велико. Въ то же время наборщики согласились между собою требовать не только увеличенія платы, но и того, чтобы брошено было употребленіе новаго сорта шрифта, отличавшагося отъ прежнихъ величиною. Они всѣ дали клятву единодушно и твердо держаться требованій, сопротивленіе которымъ считали невозможнымъ. Вальтеру было сообщено о готовящемся отказѣ за нѣсколько часовъ до того, утромъ въ субботу. По воскресеньямъ газета не выходила. Надобно было приготовить нумеръ къ понедѣльнику. Наскоро собравъ нѣсколько человѣкъ подмастерьевъ и неимѣвшихъ работы наборщиковъ, Вальтеръ работалъ съ ними не выходя изъ типографіи тридцать-шесть часовъ, и къ изумленію отказавшихся работниковъ, нумеръ газеты въ понедѣльникъ вышелъ въ должное время. Нѣсколько мѣсяцевъ печатаніе газеты оставалось затрудни-

тельно: отказавшіеся работники дѣлали непріятности работавшимъ, которые подвергались иной разъ даже опасности быть убитыми. Наконецъ было рѣшено жаловаться суду на мѣшавшихъ работѣ, и главные изъ нихъ были приговорены къ тюремному заключенію.

Вскорѣ послѣ удачной развязки этого дѣла, Вальтеръ лишился отца. Основатель „Times'а" умеръ 16 ноября 1812 г., на семьдесятъ четвертомъ году жизни. Его дѣла въ послѣднее время были хороши; по его завѣщанію, типографія и „Times" перешли въ собственность сына, завѣдывавшаго ими; это было уже большое состояніе и притомъ быстро возраставшее. Постоянно увеличиваясь подъ управленіемъ Вальтера-сына, число экземпляровъ, въ какомъ расходился „Times", было ужъ такъ значительно, что являлся вопросъ о способѣ печатать столько оттисковъ газеты, сколько надобно. Въ началѣ нынѣшняго вѣка, „Times" былъ послѣднею изъ утреннихъ лондонскихъ газетъ по количеству расходившихся экземпляровъ,—оно не превышало тогда одной тысячи. Но теперь, около 1812 года, оно было ужъ гораздо больше, чѣмъ у какой нибудь изъ другихъ газетъ, а тогдашній способъ печатанія начиналъ быть недостаточнымъ для производства такого числа экземпляровъ: ручной станокъ давалъ отъ 300 до 400 экземпляровъ въ часъ; такой ходъ работы ужъ оказывался слишкомъ медленнымъ.

Вальтеръ дѣлалъ разные опыты улучшить ручной станокъ. Онъ совѣтовался съ Брунелемъ, однимъ изъ знаменитыхъ усовершенствователей машинъ,—тѣмъ Брунелемъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того придумалъ способъ работы, давшій возможность провести туннель подъ Темзою. Брунель усердно занялся вопросомъ объ улучшеніи типографскаго станка, но объявилъ, наконецъ, что не можетъ придумать такого улучшенія, какое нужно. Былъ еще и другой изобрѣтатель машинъ, Томасъ Мартинъ; Вальтеръ далъ ему денегъ на осуществленіе его мыслей, но онѣ оказались не практичны.

Кенигъ (König), нѣмецъ, переселившійся въ Лондонъ, человѣкъ самъ бывшій прежде и наборщикомъ, и работникомъ при типографскомъ станкѣ, искалъ въ то время капиталиста, который далъ бы ему средства устроить изобрѣтенный имъ улучшенный способъ печатанія. Онъ былъ убѣжденъ, что ручную работу въ этомъ дѣлѣ можно замѣнить паромъ. Именно съ цѣлью найти деньги для постройки паровой печатной машины, онъ и пріѣхалъ изъ своей родины, Саксоніи, въ Англію. Онъ нашелъ сочувствіе своей мысли у богатаго типографщика, Бенсли (Bensley); и въ 1807 году они заключили между собою контрактъ о товариществѣ. Черезъ два года, когда модель усовершенствованнаго станка Кенига была готова, Бенсли вошелъ въ переговоры о ней съ Вальтеромъ; но у Вальтера было столько

другихъ дѣлъ, что онъ не могъ заняться этимъ. Въ 1812 году Кенигъ кончилъ постройку своей машины; издатели важнѣйшихъ лондонскихъ газетъ были приглашены посмотрѣть, какъ она дѣйствуетъ. Перри, издатель „Morning Chronicle", имѣвшаго тогда очень большой успѣхъ, не захотѣлъ даже и принять приглашеніе, говоря, что никакая газета сама не стоитъ тѣхъ денегъ, въ какія обойдется новоустроенная машина. Но Вальтеръ принялъ приглашеніе, внимательно разсмотрѣлъ машину и тутъ же заказалъ двѣ машины двойного размѣра. Два года шла постройка ихъ. Всѣ участники дѣла дали другъ другу обѣщаніе держать его въ секретѣ. Но слухи все-таки разошлись, и работники при станкахъ „Times'а", полагавшіе, что примѣненіе пара къ печатанію отниметъ у нихъ средства къ жизни, поклялись отомстить изобрѣтателю. Новая машина была установлена въ отдѣленіи, сосѣднемъ съ комнатами, гдѣ работали прежніе станки. 29 ноября 1814 г., въ шесть часовъ утра, Вальтеръ съ нѣсколькими еще влажными листами газеты въ рукѣ вошелъ въ отдѣленіе ручныхъ станковъ и объявилъ работавшимъ за ними, что „Times" ужъ печатается паровымъ станкомъ; что если они захотятъ употребить насиліе, то приготовлены и силы подавить его: но если они предпочтутъ миролюбіе, то каждый изъ нихъ будетъ получать прежнюю плату до той поры, пока найдется ему занятіе, сродное его нынѣшнему дѣлу. И онъ передалъ посмотрѣть работникамъ экземпляры перваго нумера газеты, печатаннаго паровымъ станкомъ. Въ этомъ нумерѣ объяснялся публикѣ переворотъ въ типографскомъ дѣлѣ, давшій результатъ, который теперь въ рукахъ у нея. По нынѣшнему, надобно сказать, что новый станокъ работалъ еще очень медленно; но въ то время казалась изумительной быстрота его работы: онъ печаталъ 1,100 экземпляровъ въ часъ.

Вальтеръ не остановился на полученномъ успѣхѣ, всегда былъ готовъ вводить всякія усовершенствованія, не смущаясь никакими трудностями. Такимъ онъ былъ и во всѣхъ дѣлахъ по управленію своею газетою. Изъ всѣхъ сотрудниковъ, какіе были у него, лишь съ однимъ произошли у него серьезныя размолвки. Это былъ Стоддартъ (Stoddart), первый главный редакторъ его газеты, человѣкъ съ большимъ талантомъ, но неспособный принимать въ соображеніе благоразумные совѣты. Убѣдившись, что онъ не хочетъ вести газеты, какъ надобно для нея, и съ тѣмъ вмѣстѣ цѣня услуги, оказанныя имъ газетѣ, Вальтеръ предложилъ ему не писать ничего для газеты, чтобы не вредить „Times'у" и получать отъ „Times'а" пенсію. Стоддартъ, слишкомъ надѣясь на свои силы, отвергъ это щедрое предложеніе и увѣдомилъ Вальтера, что уже устроилъ дѣло объ основаніи газеты „New Times", „Новый Таймсъ". Соперникъ оказался не опаснымъ.

„Новый Таймсъ" скоро прекратился, сдѣлавъ издателю 20,000 фунтовъ убытка.—Вальтеръ не терялся даже и при такихъ обстоятельствахъ, съ которыми съумѣли бы управиться лишь очень немногіе журналисты. Такой случай встрѣтился ему, напримѣръ, весною 1833 года, когда курьеръ изъ Парижа привезъ ему въ 10 часовъ утра тронную рѣчь короля французовъ при открытіи сессіи палатъ. Вальтеръ былъ тогда почти одинъ въ типографіи: работа по выпуску нумера газеты того утра была кончена, и всѣ разошлись. Вальтеръ послалъ за нѣсколькими наборщиками, и пока они пришли онъ уже перевелъ рѣчь и принялся самъ набирать ее вмѣстѣ съ однимъ оставшимся въ типографіи наборщикомъ, а когда пришли печатники, весь наборъ былъ готовъ, и въ часъ дня вышло второе изданіе „Times'a" съ тронною рѣчью.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ фактовъ въ лѣтописяхъ „Times'a" произошелъ въ 1840 году. Въ нумерѣ 13 мая этого года появилось письмо отъ парижскаго корреспондента газеты, помѣченное однако не „изъ Парижа", а „изъ Брюсселя". Оно содержало въ себѣ подробныя извѣстія объ обширномъ заговорѣ мошенниковъ получить обманомъ отъ ведущихъ заграничные обороты лондонскихъ банкировъ милліонъ фунтовъ. Они ужъ успѣли получить болѣе десяти тысячъ фунтовъ. Корреспондентъ „Times'a", раскрывая планъ мошенниковъ, останавливалъ дальнѣйшее исполненіе его. Одинъ изъ мошенниковъ, Богль (Bogle), противъ котораго не было уликъ, имѣющихъ юридическую силу, подалъ на „Times" жалобу за диффамацію. Повѣренный по дѣламъ „Times'a" съ большими издержками и хлопотами отъискалъ припрятанныя нити мошенничества. Но противъ одной изъ важныхъ уликъ было приведено возраженіе, основанное на техническихъ правилахъ судопроизводства, мѣшавшее предъявленію ея суду присяжныхъ, и при рѣшеніи процесса, подъ предсѣдательствомъ главнаго судьи палаты гражданскихъ дѣлъ, одного изъ верховныхъ трибуналовъ Англіи, 16 марта 1841 г., не могъ быть произнесенъ приговоръ въ оправданіе „Times'a". Но присяжные ясно выразили свое мнѣніе о дѣлѣ, назначивъ истцу одинъ фартингъ вознагражденія за обиду ему, а судья-предсѣдатель подтвердилъ свое согласіе съ ними, объявивъ, что не хочетъ предъявлять судебныхъ издержекъ, падающихъ на проигравшую дѣло сторону. Этотъ способъ употребляется въ Англіи, когда присяжные и судья, принужденные формальными правилами судопроизводства объявлять ищущаго убытковъ правымъ, находятъ на самомъ дѣлѣ правымъ обвиняемаго имъ. „Times" восторжествовалъ; но разъискиваніе уликъ стоило ему большихъ расходовъ. Банкиры, негоціанты и всѣ граждане Сити были благодарны газетѣ за оказанную ею услугу имъ; былъ собранъ

митингъ въ резиденціи лорда-мэра, подъ его предсѣдательствомъ, чтобы сдѣлать подписку на покрытіе убытковъ „Times'a". Было постановлено, что высшій взносъ отъ отдѣльнаго лица или отъ фирмы не долженъ быть выше 10 фунтовъ, чтобы подписка имѣла характеръ общественнаго пожертвованія, а не результата пожертвованій нѣсколькихъ, особенно усердныхъ и богатыхъ лицъ. Въ короткое время набралось 2,700 фунтовъ; взносы присылались не изъ однихъ англійскихъ городовъ, но и изъ Индіи, Италіи, Франціи, Бельгіи, Швейцаріи, Сѣверной Америки. Вальтеръ отказался принять собранную для него сумму, говоря, что „Times" только исполнялъ свою обязанность, раскрывая мошенничество, и долженъ былъ рѣшиться на расходы, которыхъ стоило ему исполненіе лежавшей на немъ обязанности. Тогда было рѣшено обратить главную массу собранныхъ денегъ на основаніе двухъ стипендій, а небольшую долю употребить на то, чтобы сдѣлать двѣ доски съ надписями, и одну изъ нихъ поставить на биржѣ, а другую въ конторѣ редакціи „Times'a". Вотъ надпись на этихъ доскахъ:

„Эта доска поставлена въ воспоминаніе о чрезвычайныхъ заботахъ газеты „Times", имѣвшихъ цѣлью раскрытіе важнаго обмана, задуманнаго противъ коммерческой публики, и подвергшихъ собственниковъ этой газеты обошедшемуся очень дорого процессу. Въ собраніи купцовъ, банкировъ и другихъ лицъ, происходившемъ въ Mansion House 1 октября 1841 года, подъ предсѣдательствомъ лорда-мэра лондонской Сити, были приняты слѣдующія рѣшенія: 1) настоящее собраніе желаетъ выразить безусловнѣйшее свое признаніе неутомимой заботы, твердости и такого же искусства, показанныхъ собственниками газеты „Times" въ изобличеніи замѣчательнѣйшаго и обширнѣйшаго изъ всѣхъ когда либо обнаруженныхъ въ коммерческомъ мірѣ заговоровъ мошенничества, каковое изобличеніе было сдѣлано посредствомъ этой газеты въ процессѣ Богля. 2) Настоящее собраніе желаетъ принести свою благодарную признательность собственникамъ газеты „Times" за услуги, оказанныя ими коммерческому обществу Европы, черезъ это дѣло, стоившее имъ большого труда и расхода. 3) Настоящее собраніе сдѣлаетъ послѣдствія этого изобличенія не только полезными для торговаго и банковаго міра по внушенію ими большей внимательности и осмотрительности во всѣхъ денежныхъ дѣлахъ, но и показывающими, какую помощь патріотическая и независимая пресса можетъ приносить открытію и наказанію преступленій, ведущихъ къ уничтоженію всякаго коммерческаго довѣрія и спокойствія. 4) Назначенный нынѣ комитетъ уполномочиваетъ принять мѣры къ прочному засвидѣтельствованію признательности за услугу, оказанную собственниками „Times'a" коммерческому

міру. Такъ какъ собственники „Times'a" отказались принять вознагражденіе ихъ издержекъ по вышеизложенному процессу, то комитетъ открылъ подписку, дошедшую при своемъ концѣ до 2,700 фунтовъ, и въ новомъ собраніи, происходившемъ въ Mansion House'ѣ 9 февраля 1842 года, созваннымъ спеціально по вопросу о томъ, на что должна быть употреблена доставленная подпискою сумма, было рѣшено слѣдующее: 1) 150 гиней должны быть употреблены на эту доску и другую такую же, которая должна быть поставлена на какомъ нибудь видномъ мѣстѣ въ типографіи „Times'a". 2) Остальная сумма подписки должна быть употреблена на покупку 3-процентныхъ государственныхъ фондовъ, доходъ съ которыхъ долженъ быть обращаемъ на содержаніе двухъ стипендій, долженствующихъ называться стипендіями „Times'a". 3) Стипендіи „Times'a" должны быть учреждены: одна при Крайстъ-Госпитальской школѣ, другая при Сити Лондонской, въ пользу воспитанниковъ, поступающихъ изъ этихъ учрежденій въ Оксфордскій или Кембриджскій университеты. 4) Крайстъ-Госпитальская и Сити-Лондонская школы должны быть приглашены каждая поставить у себя доску, съ надписью объ учрежденіи этихъ стипендій.—Все это должнымъ образомъ исполнено".

Вальтеръ-второй умеръ въ 1847, на семьдесятъ-второмъ году жизни. Онъ пользовался очень большимъ уваженіемъ. Былъ членомъ Парламента. Пріобрѣлъ значительное состояніе: послѣ него осталось два помѣстья, домъ типографіи „Times'a", часть паевъ „Times'a", составлявшая очень большую цѣнность, и на 90,000 фунтовъ другой собственности. Одинъ изъ знавшихъ его говорилъ, что къ нему не примѣняются слова лорда Биконсфильда: „молодость у человѣка — ошибка, зрѣлые годы—борьба, старость—раскаяніе, такъ какъ у Вальтера „молодость была бодрая борьба, зрѣлые годы были сравнительно съ нею періодомъ отдыха, старость была полнымъ торжествомъ".

Сынъ его, третій Вальтеръ, ставшій послѣ отца распорядителемъ „Times'a", наслѣдовалъ, вмѣстѣ съ богатою собственностью и большую отвѣтственность. Чтобы сохранить за газетою ея первенствующее положеніе, надобно было постоянно вводить улучшенія въ дѣлѣ ея изданія. Чѣмъ замѣчательнѣе былъ ея успѣхъ, тѣмъ настоятельнѣе была необходимость усовершенствованій. Машина Кенига была улучшена Аппельгатомъ; но и въ этомъ улучшенномъ видѣ становилась слишкомъ слаба для возраставшей работы. Аппельгатъ придумалъ машину другого устройства, оказавшуюся на нѣкоторое время работающей достаточно быстро. Въ этой машинѣ шрифтъ помѣщался на вертикальныхъ цилиндрахъ, которые дѣлали 1,000 оборотовъ въ часъ; ихъ было восемь; это давало 8,000 экземпляровъ въ часъ. Машина Аппельгата, считавшаяся тогда замѣчательнымъ про-

изведеніемъ механическаго искусства, находилась на первой всемірной выставкѣ (1851 года), и смотрѣть, какъ она работаетъ, было одною изъ главныхъ привлекательностей отдѣленія машинъ на этой выставкѣ. Около того времени, когда въ Лондонѣ кончалъ постройку своей машины Аппельгатъ, Го (Ное) вводилъ печатную машину совершенно иного устройства въ Нью-Іоркѣ. Превосходство ея скоро было признано всѣми, и двѣ такія машины десятицилиндроваго — то есть, самаго большого размѣра были куплены для „Times'a“ Вальтеромъ. Машина Го вошла и въ Англіи во всеобщее употребленіе, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. А между тѣмъ, Деллагана (Dellagana)—родомъ итальянецъ—придумывалъ способъ изготовлять стереотипныя доски посредствомъ матрицы, изъ папье-маше. Вальтеръ помогалъ ему вести опыты надъ этимъ. Въ 1850 изобрѣтеніе Деллагана пріобрѣло характеръ, пригодный для практическаго употребленія, и было примѣнено къ печатанію „Times'a“. Это было очень важнымъ улучшеніемъ. Печатаніе со стереотипныхъ досокъ даетъ огромную экономію, потому что шрифтъ служитъ при этомъ способѣ въ десять разъ дольше, нежели при печатаніи прямо съ него. Печатаніе со стереотипныхъ досокъ было давно въ употребленіи; но было совершенно новымъ изобрѣтеніемъ дѣлать для этихъ досокъ матрицу изъ папье-маше: получить стереотипныя доски съ цилиндровъ машинъ Аппельгата или Го можно только посредствомъ матрицы изъ папье-маше. Новыя машины давали по 12,000 экземпляровъ въ часъ; это былъ очень большой успѣхъ сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда считалась изумительнымъ по быстротѣ дѣломъ работа машины Кенига, дававшей въ часъ 1,100 экземпляровъ. Но присяжные, присуждавшіе награды по типографскому отдѣлу на лондонской всемірной выставкѣ 1862 года, признавая великость достигнутыхъ успѣховъ, прибавляли, что еще остается большая надобность желать дальнѣйшихъ улучшеній.

Ихъ желаніе осуществилось, когда была изобрѣтена и построена машина Вальтера. Она до сихъ поръ остается наилучшею и составляетъ въ дѣлѣ печатанія такое же чрезвычайное улучшеніе, какъ замѣна прежнихъ ручныхъ станковъ машиною Кенига. Основная идея и практическое устройство новой машины принадлежатъ Джону Камерону Макъ-Дональду (John Cameron Mac-Donald), съ давняго времени занимавшему одно изъ важныхъ мѣстъ при газетѣ „Times“; при осуществленіи мысли изобрѣтателя нынѣшній—третій—мистеръ Вальтеръ проявилъ такую же практическую проницательность и такую же щедрость, какими былъ извѣстенъ его отецъ. На эту машину и улучшенія въ ней взяты Макъ- Дональдомъ и его товарищемъ Коверли (Calverley) четыре привилегіи, въ 1863 и 1871 годахъ.

Главныя отличительныя черты устройства машины—простота и негромоздскость въ соединеніи съ большою быстротою и экономіею работы. На одномъ концѣ вертится валъ, на которомъ накатана непрерывная очень длинная полоса бумаги; эта полоса идетъ съ вала по машинѣ, и выходитъ съ другого конца отпечатанными. разрѣзанными и сложенными листами, готовыми для передачи на почту, по пятнадцати тысячъ экземпляровъ въ часъ. Длина накатываемой на валъ полосы бумаги — четыре мили; эти четыре мили бумаги превращаются въ экземпляры газеты менѣе чѣмъ въ полчаса времени. Каждую ночь, когда работаютъ Вальтеровы прессы, превращается въ газету „Times" количество бумаги болѣе десяти тоннъ вѣсомъ; длина этой бумаги 160 миль.

Вальтеръ-внукъ не удовольствовался тѣмъ, что имѣетъ печатную машину такого совершенства, какъ названная его именемъ. Онъ хотѣлъ упростить и ускорить наборъ, и достигъ въ этомъ значительнаго успѣха. Издавна существовала мысль о томъ, чтобы способъ набиранія литеръ руками замѣнить набираніемъ ихъ при помощи машины. Но всѣ машины, какія были изобрѣтаемы для этого, представляли мало выгоды, потому что не могли производить разборку шрифта: она оставалась при нихъ дѣломъ ручного труда. Послѣ множества опытовъ разныхъ системъ, цѣль Вальтера была наконецъ достигнута: была устроена и введена въ типографіи „Times'a" машина, исполняющая обѣ части работы, и наборку шрифта, и разборку набора, при громадномъ сбереженіи времени и труда. Ручная работа—набрать состоящій изъ восьми страницъ листъ объявленій „Times'a"—обходилась въ 43 фунта 12 шиллинговъ, а при помощи наборной машины это стало обходиться только въ 14 фунтовъ 14 шиллинговъ,—трудъ и расходъ уменьшались въ три раза.

Неослабное вниманіе, съ какимъ Вальтеръ-второй и его сынъ, здравствующій нынѣ, заботились объ улучшеніи типографскаго дѣла для возможности увеличивать число экземпляровъ газеты, имѣло два результата. Благодаря сбереженію въ расходахъ на печатаніе, получилась возможность увеличивать расходы на собираніе извѣстій. Электрическій телеграфъ — большое удобство для общества, но тяжелый расходъ для газетъ. Имѣть, какъ имѣетъ „Times". свою особую проволоку до Парижа и тоже свою до Вѣны — это стоитъ большихъ денегъ. Если бы издержки печатанія не были уменьшены, газеты не могли бы, не повышая цѣны, дѣлать этотъ расходъ.

Съ давняго времени, „Times" пріобрѣлъ и сохраняетъ до сихъ поръ одно неизмѣримо важное преимущество надъ всѣми соперниками: онъ можетъ во всемъ разсчитывать на помощь всѣхъ работающихъ при немъ. Ни въ одной изъ другихъ лондонскихъ газетъ наборъ не

дѣлается, какъ въ немъ, машиною, потому что союзъ типографскихъ работниковъ (Printers Trade Union) противится ея введенію въ другія типографіи. „Times“ — единственная газета, которой нѣтъ никакого дѣла до этого запрещенія, внушеннаго наборщикамъ другихъ типографій ошибочною боязнью лишиться работы. Въ 1810 году руководители „Times'a“ рѣшили быть въ своей типографіи независимы ни отъ кого, и успѣли сдѣлать такъ: работающіе въ типографіи „Times“ получаютъ такую плату, при которой работники не захотятъ ни въ чемъ ссориться съ хозяевами. Въ этомъ отношеніи „Times“ занимаетъ не менѣе завидное для другихъ газетъ положеніе, чѣмъ по своему матеріальному успѣху и по своей вліятельности. Власть руководителей „Times'a“ надъ порядкомъ типографскихъ работъ не допускаетъ сопротивленія себѣ. Но они всегда пользовались своею властью доброжелательно къ работающимъ у нихъ. Редакція „Times'a“ объяснила правило этой системы въ статьѣ 11 февраля 1842, въ которой, упомянувъ о „Пенсіонномъ Обществѣ типографскихъ работниковъ“ (Printers Pension Society), она говоритъ: „Никто изъ служащихъ въ нашей типографіи не принадлежитъ къ этому обществу. Мы не имѣемъ и не захотимъ имѣть на нашей службѣ ни одного человѣка, которому не давали бы мы платы достаточной для того, чтобъ онъ, при нѣкоторой разсудительности и при обыкновенномъ трудолюбіи, не могъ бы обезпечить себя отъ бѣдности по какому нибудь несчастію и на старость лѣтъ“.

Публика читаетъ газету и мало думаетъ о томъ, какъ составляется и печатается газета; публика интересуется только результатомъ трудовъ изданія, и вліяніе газеты растетъ соразмѣрно достоинству ея содержанія. Постоянно улучшая печатаніе своей газеты, руководители „Times'a“ заботливо контролировали тонъ и характеръ ея. Какой программы долженъ держаться „Times“, это было предметомъ внимательныхъ соображеній Вальтера-сына, подъ руководствомъ котораго такъ высоко поднялась газета. Отецъ его, основатель газеты, поставилъ принципомъ для нея быть независимою отъ какого-бы то ни было министерства, отъ какой бы то ни было партіи; но какъ именно держать ей себя по тому или другому вопросу, было всегда дѣломъ особыхъ соображеній. Основаніемъ независимости отъ правительства и партій всегда былъ для „Times'a“ независимый патріотизмъ. По всякому вопросу „Times“ неизмѣнно старался распознать, чего желаетъ страна, и разобрать, полезно ли для нея будетъ то, чего она желаетъ. Держась такой программы,—говоритъ историкъ „Таймса“—невозможно не навлекать на себя порицаній за измѣнчивость мнѣній; но порицающіе оставляютъ безъ вниманія фактъ, что съ перемѣною обстоятельствъ дѣла необходимо должны измѣняться и выводы изъ нихъ, и что пере-

мѣна мнѣнія часто бываетъ результатомъ болѣе зрѣлыхъ соображеній, пріобрѣтеніемъ которыхъ возмужавшій Фоксъ оправдывалъ себя въ томъ, что отбросилъ мнѣнія своей молодости. По каждому изъ важнѣйшихъ вопросовъ англійской политики „Times" высказывалъ мнѣніе, вѣрность котораго была потомъ оправдана результатами дѣла. Въ первые свои годы онъ энергически боролся противъ торговли невольниками, и помогъ изданію закона, воспрещающаго ее. Въ тяжелой борьбѣ за первый билль реформы палаты общинъ, дѣло реформы было поддерживаемо „Times'омъ", и эта поддержка имѣла большое вліяніе на исходъ дѣла. Ставъ на сторону приверженцевъ свободной торговли, „Times" очень много помогъ низверженію протекціонной системы. Во время желѣзнодорожной горячки, „Times" давалъ обществу серьезныя предостереженія, хотя его денежные интересы заставляли бы желать, чтобы продолжалась эта биржевая игра, переполнявшая его столбцы объявленіями. Дѣятельностью „Times'а" во время крымской войны произведено преобразованіе англійской военной организаціи по заключеніи мира; а раскрытіе положенія англійскихъ войскъ въ Крыму, сдѣланное „Times'омъ", повело къ облегченію судьбы ихъ во время войны. Едва ли не единственный важный случай, въ которомъ „Times" былъ не на сторонѣ истинныхъ интересовъ Англіи, была защита отпаденія южныхъ штатовъ отъ союза. Но въ извиненіе ошибки „Times'а" можно сослаться на то, что свѣденія, на которыхъ основывалось его сочувствіе сецессіонистамъ, были, какъ потомъ оказалось, односторонни и невѣрны. Въ великихъ дѣлахъ новѣйшаго законодательства, каковы: законъ объ отмѣнѣ привилегированнаго положенія англійской церкви въ Ирландіи, законъ объ улучшеніи поземельныхъ отношеній въ Ирландіи, прошлогодній билль о предоставленіи избирательнаго права массѣ сельскаго населенія, новый билль о перераспредѣленіи избирательныхъ округовъ,—мнѣніе націи находило отголосокъ себѣ въ „Times'ѣ" и газета заботливо сообразжалась съ національнымъ интересомъ. Собственно потому и дается „Times'у" всею публикою имя руководящей газеты, что нація видитъ на столбцахъ ея вѣрное отраженіе своего собственнаго образа мыслей. Всѣ читаютъ „Times", хотя не всѣ читаютъ его съ тѣмъ удовольствіемъ, какое доставляетъ имъ чтеніе газетъ партіи. Вѣрный старому ригоризму тори находитъ сочувственное ему мнѣніе въ „Mornig Post"; демократизирующій тори восхищается предпріимчивымъ „Standart'омъ"; радикалъ научнаго образа мыслей или серьезный либералъ видитъ свои мнѣнія умно и вѣрно выражаемыми въ „Daily News и Daily Chronicle". Каждая изъ этихъ газетъ имѣетъ свой кругъ читателей. Каждая можетъ соперничать съ „Times'омъ, иногда даже превосходитъ его быстротою въ сообщеніи из-

вѣстій; но ни одна не занимаетъ такого положенія въ журнальномъ мірѣ, какъ онъ. Читателей у „Times'а больше, нежели у газетъ, расходящихся въ болѣе значительномъ числѣ экземпляровъ, чѣмъ онъ. Покупающій экземпляръ газеты, продаваемой по одному пенни за нумеръ, остается иногда единственнымъ читателемъ этого экземпляра. Но одинъ экземпляръ „Times'а" имѣетъ двадцать читателей. Въ Лондонѣ есть обыкновеніе платить разносчику, торгующему газетами, небольшую плату за право читать „Times" ежедневно въ продолженіе часа; одинъ и тотъ же экземпляръ будетъ прочтенъ шестью или восемью семействами; все это только утромъ; а вечеромъ онъ будетъ отправленъ въ провинцію; послѣ того, будетъ пересланъ въ колонію или на континентъ. Такимъ образомъ, дешевая газета, выпускающая больше экземпляровъ, чѣмъ „Times", имѣетъ 100 тысячъ, 200 тысячъ читателей, а „Times" нѣсколько милліоновъ.

Завѣдывать хозяйственною и техническою частью изданія газеты—дѣло, требующее столько же искусства и труда, какъ организовать флотъ или армію. Но какъ флотъ отдается въ распоряженіе адмиралу, армія—главнокомандующему, такъ газета не можетъ существовать безъ главнаго редактора (editor). Издатели „Times'а" всегда выказывали большое умѣнье выбирать главными редакторами людей замѣчательно способныхъ къ этой дѣятельности; и постоянная удачность выбора, разумѣется, была причиною успѣховъ ихъ газеты. Основатель „Times'а", первый Вальтеръ, былъ самъ все въ газетѣ: и собственникъ ея, и завѣдующій коммерческою стороною изданія (publisher) и главный редакторъ (editor). Его сынъ, второй Вальтеръ, завѣдуя коммерческою частью изданія, долго оставался самъ и главнымъ редакторомъ. Ему, второму Вальтеру, англійская пресса обязана введеніемъ „руководящихъ статей", leading articles, или, точнѣе сказать, „руководимыхъ" статей, „leaded",—статей, которыя пишутся по инструкціи главнаго редактора. Улучшеніе редакціонной части „Times'а", произведенное вторымъ Вальтеромъ, осталось такимъ же прочнымъ достояніемъ этой газеты, какъ и другія усовершенствованія, полученныя ею отъ него. Онъ умѣлъ съ замѣчательною проницательностью находить даровитыхъ сотрудниковъ. По письмамъ, которыя присылались въ газету Стерлингомъ (Sterling), онъ увидѣлъ способность ихъ автора стать замѣчательнымъ публицистомъ и сдѣлалъ его однимъ изъ главныхъ сотрудниковъ „Times'а". Точно также открылъ онъ талантливость Барнса (Barnes), который послѣ былъ нѣсколько лѣтъ главнымъ редакторомъ „Times'а" (до 1841 года). Но самымъ блистательнымъ выборомъ его было то, что послѣ Барнса главнымъ редакторомъ „Times'а" онъ назначилъ Дилэна (Dalene). Тридцать шесть лѣтъ оставался Дилэнъ руководителемъ ре-

дакціи „Times'a", и велъ ее такъ, что постоянно пользовался всеобщимъ уваженіемъ.

Какъ главный редакторъ „Times'a" Диленъ имѣлъ большое вліяніе на ходъ государственныхъ дѣлъ. Его сила состояла не въ собственномъ его литературномъ талантѣ, а въ томъ, что онъ умѣлъ дѣлать сотрудниками своей газеты величайшихъ писателей того времени. Онъ умѣлъ такъ привлекать сотрудниковъ, и велъ газету съ такимъ успѣхомъ, что, объявляя о его смерти, „Times" могъ совершенно справедливо сказать: „Англійская публика потеряла въ немъ одного изъ самыхъ старшихъ, самыхъ преданныхъ ей и самыхъ заслуженныхъ передъ нею людей того класса, которыхъ можно назвать людьми, спеціально посвящающими себя на службу ей".

Ченери (Chenery), занявшій мѣсто Дилэна, удалившагося на отдыхъ въ 1877 году, управлялъ редакціею „Times'a" лишь немного лѣтъ: послѣ короткой болѣзни онъ умеръ 11 февраля 1884. Прежде, чѣмъ стать главнымъ редакторомъ, онъ двадцать лѣтъ былъ главнѣйшимъ сотрудникомъ „Times'a". Человѣкъ необыкновенной учености, большой житейской опытности и сильнаго ума, онъ былъ достоинъ своего высокаго положенія главнаго редактора „Times'a". Его преемникомъ сдѣлался Бокль (G. E. Buckle).

Есть въ Англіи довольно много газетъ очень хорошихъ, — такъ заключаетъ историкъ „Таймса",—не мало такихъ газетъ и въ другихъ странахъ. Но въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ газеты, равной „Times'y". Онъ не идеалъ совершенства. И быть можетъ, во второе столѣтіе своей жизни улучшится настолько же, насколько теперь онъ лучше того, какимъ былъ въ началѣ. Руководящая газета должна улучшаться, или она утратитъ свое первенство. Но уже давно первенство между всѣми газетами цѣлаго свѣта стало принадлежать „Times'y", и до сихъ поръ остается за нимъ. Тридцать лѣтъ тому назадъ, Бульверъ въ палатѣ общинъ произнесъ о немъ слова, какихъ не было ни въ какомъ другомъ законодательномъ собраніи сказано ни о какой другой газетѣ; — слова эти были тогда и остаются до сихъ поръ праведливою оцѣнкою „Times'a":

„Наша пресса — говоритъ Бульверъ — честь нашей страны. И еслибъ я желалъ оставить отдаленному потомству памятникъ нынѣшней англійской цивилизаціи, я выбралъ бы для того не наши доки, не наши желѣзныя дороги, не наши общественныя зданія, ни даже тотъ дворецъ, въ которомъ совѣщаемся мы,—я выбралъ бы полный экземпляръ „Times'a".

Авторъ статьи, какъ видно, горячій поклонникъ „Times'a“.

У насъ въ Россіи мнѣнія о „Times'ѣ“ часто мѣняются: то раздаются въ честь его дѣльности, честности, проницательности такія похвалы, которыя могли бы и самому Фрэзеру Рэ показаться чрезмѣрными; то поднимаются крики, что эта газета безсовѣстная и даже глупая, говорящая вздоръ о вещахъ, о которыхъ даже не имѣетъ порядочныхъ свѣденій. Мотивъ такихъ переходовъ отъ восхищенія къ ругательствамъ, отъ ругательствъ опять къ восхищенію, всегда одинъ и тотъ же: мы желаемъ, чтобы „Times“ былъ на нашей сторонѣ; на нашей сторонѣ онъ—мы рады, не на нашей—мы огорчены. Сила волненій чувства, возбуждаемыхъ въ насъ этою газетою—самое лучшее доказательство того, какъ однако высоко мы цѣнимъ ея вліяніе на ходъ дѣлъ.

Враждебна-ли намъ она, или она другъ намъ? — Она всегда хочетъ быть вѣрною совѣтницею своей родной странѣ; только. Если она бываетъ иногда враждебна намъ, то лишь когда полагаетъ, что наши дѣйствія или намѣренія враждебны Англіи. Кромѣ этихъ случайныхъ поводовъ къ враждѣ противъ насъ, она вообще желаетъ намъ пользы, потому что польза Англіи должна совпадать съ развитіемъ благосостоянія у насъ. И это не собственно лишь о насъ, но и о всякой иной странѣ: положеніе Англіи таково, что чѣмъ лучше положеніе какой бы то ни было иной страны, тѣмъ лучше для Англіи. При ссорѣ Англіи съ какою бы то ни было иною страною, „Times“ враждебенъ этой странѣ; пока нѣтъ ссоры съ нею, или пока Англія можетъ уклониться отъ ссоры, „Times“ другъ этой страны.

„Times“ тѣмъ и отличается отъ другихъ англійскихъ газетъ, что онъ не имѣетъ въ своей программѣ ничего опредѣленнаго, кромѣ одной очень широкой мысли: „благо Англіи“. У другихъ англійскихъ газетъ эта общая всѣмъ имъ основная мысль получаетъ болѣе точное выраженіе; напримѣръ, по программѣ одной газеты, „благо Англіи“ совпадаетъ съ сохраненіемъ нынѣшняго порядка вещей въ Англіи и съ расширеніемъ англійскаго военнаго могущества, въ особенности морского; по программѣ другой газеты, оно совпадаетъ съ преобразованіями внутренняго устройства и съ воздержаніемъ отъ всякихъ попытокъ расширить военное могущество Англіи. Эти или подобныя этимъ своею опредѣленностью черты — прочныя черты программъ всѣхъ англійскихъ газетъ, кромѣ „Times'a“. Онъ одинъ не хочетъ давать никакихъ постоянныхъ опредѣленій понятію о благѣ Англіи, предоставляя себѣ по каждому данному вопросу полную свободу мнѣнія.

Потому ему очень легко сообразоваться съ господствующимъ на-

строеніемъ общественнаго мнѣнія въ Англіи. Консервативныя газеты консервативны и при прогрессивномъ настроеніи общественнаго мнѣнія; прогрессивныя—прогрессивны и при консервативномъ. „Times", чтобы перейти отъ одного направленія къ другому, ждетъ лишь признаковъ, что возникающіе симптомы перемѣны въ настроеніи общественнаго мнѣнія—серьезные симптомы, свидѣтельствующіе о скоромъ торжествѣ новаго настроенія. Убѣдившись въ этомъ, онъ изъ консервативной газеты становится прогрессивною, или изъ прогрессивной становится консервативною. Это—по вопросамъ о поддержкѣ той или другой изъ ведущихъ парламентскую борьбу партій. Но поддерживая ту или другую партію, онъ все-таки оставляетъ за собою свободу защищать лишь тѣ изъ ея предположеній или дѣйствій, которыя составляютъ причину предпочтенія, отдаваемаго ей общественнымъ мнѣніемъ; другія черты ея программы онъ отвергаетъ.

Такой способъ дѣйствія, дающій свободу постоянно быть въ согласіи съ преобладающимъ настроеніемъ общества, разумѣется, даетъ „Times'у" возможность быть самою сильною изъ всѣхъ англійскихъ газетъ. Кто заслужилъ у самостоятельнаго и сознательнаго общества репутацію постоянно вѣрнаго истолкователя его мыслей, тотъ, разумѣется, получаетъ чрезъ то самую большую власть надъ его мыслями.

Карьера, безспорно, завидная, и, конечно, было въ лондонскомъ литературномъ мірѣ много попытокъ основать другую газету, которая шла бы такою же дорогою. Но то, что удалось „Times'у", не удавалось ни одному изъ газетныхъ предпріятій, бравшихъ его въ примѣръ себѣ: всѣ другія газеты, называвшія себя независимыми ни отъ какой партіи, были отвергаемы публикою.

Это потому, что онѣ добивались лишь денежнаго успѣха себѣ. У „Times'a" денежный успѣхъ—не цѣль, а только результатъ; цѣль „Times'a"—дѣйствительное служеніе благу Англіи. Онъ дѣйствительно вѣрный слуга родины. Измѣнчивость его направленія—лишь измѣнчивость мыслей о томъ, чего требуетъ благо Англіи. Нынѣ „Times'у" кажется, что оно требуетъ реформъ, черезъ годъ, что оно требуетъ отдыха отъ хлопотъ о реформахъ. Онъ добросовѣстно слѣдитъ за самостоятельнымъ общественнымъ мнѣніемъ, и, помогая ему формулироваться, самъ, въ сущности, руководится имъ.

Мудрено конечно газетѣ съ программою „Times'a", допускающею всяческія уклоненія отъ всего того, что говорила она не дальше, какъ наканунѣ, извиняющею всякія отступничества, оставаться газетою честною. Руководители такой газеты должны быть не только людьми честными, чего достаточно для честнаго веденія газеты съ опредѣленною программою, но и людьми очень твердаго характера;

безъ того, газета не будетъ имѣть силы удерживаться отъ злоупотребленія безграничною свободою дѣйствій, какую даетъ имъ ихъ программа. Руководителямъ „Times'a" надобно отдать ту справедливость, что ихъ газета всегда оставалась честною. Ошибалась она въ важныхъ для Англіи дѣлахъ гораздо чаще, нежели думаетъ Фрэзеръ Рэ; и часто ея совѣты Англіи были вредны для Англіи. Но всегда ея совѣты Англіи были внушаемы ей искреннимъ желаніемъ блага Англіи.

Б.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е марта 1885.

— Архивъ юго-западной Россіи, издаваемый временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше утвержденною при кіевскомъ, подольскомъ и волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Часть первая. Акты о церковно-религіозныхъ отношеніяхъ въ юго-западной Руси (1322 — 1648 г.). Томъ IV. Кіевъ, 1883 (книга вышла только въ 1884).

Настоящая эпоха нашей исторіографіи характеризуется не столько обиліемъ изслѣдованій, сколько массой издаваемаго вновь матеріала, за которымъ не поспѣваетъ историческая разработка. Большое количество матеріаловъ появляется и для исторіи южной и западной Руси—въ изданіяхъ археографическихъ коммиссій въ Петербургѣ и Вильнѣ, въ изданіяхъ кіевской коммиссіи, наконецъ въ изданіяхъ частныхъ. Кіевская коммиссія для разбора древнихъ актовъ, начавши лѣтъ двадцать пять тому назадъ изданіе „Архива", раздѣлила тогда свой будущій трудъ на нѣсколько частей—по содержанію актовъ, относившихся къ разнымъ сторонамъ исторической жизни юго-западной Руси: акты для исторіи православной церкви на юго-западѣ, акты о козакахъ, о гайдамачествѣ, о шляхетскихъ родахъ, о крестьянахъ и проч. Изданіе этихъ отдѣловъ шло неравномѣрно, между прочимъ потому, что неравномѣрны были самые матеріалы, къ нимъ относящіеся, и по ихъ количеству, и по историческому значенію. До сихъ поръ кіевской коммиссіей издана была уже цѣлая масса въ высшей степени важныхъ историческихъ матеріаловъ, и труды ея отличаются отъ другихъ археографическихъ изданій тѣмъ большимъ достоинствомъ, что сырой матеріалъ актовъ освѣщается въ нихъ спеціальными комментаріями по данному вопросу, принадлежащими тѣмъ лицамъ, которыя вели и самое изданіе. Такимъ образомъ, во введеніяхъ къ разнымъ частямъ „Архива" помѣщены были чрезвы-

чайно цѣнныя изслѣдованія, какъ напр. В. Б. Антоновича—о послѣднихъ временахъ козачества на правой сторонѣ Днѣпра, и о гайдамачествѣ; С. Терновскаго—о подчиненіи кіевской митрополіи московскому патріарху; И. Новицкаго — очеркъ исторіи крестьянскаго сословія юго-западной Россіи въ XV—XVIII вѣкахъ; покойнаго Иванишева — о древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи.

Въ настоящемъ томѣ „Архива" собраны акты о церковныхъ отношеніяхъ юго-западной Россіи за 1322—1648 годы, и въ „предисловіи", занимающемъ 182 стр., находится цѣлое изслѣдованіе объ этой исторической эпохѣ, г. Ореста Левицкаго. По свойству издаваемаго матеріала, два вопроса особенно заняли г. Левицкаго: унія и социніанство въ юго-западной Россіи. Авторъ полагаетъ, что вопросъ объ уніи до сихъ поръ ставился въ нашей литературѣ не совсѣмъ правильно, а именно, вслѣдствіе прежней склонности объяснять событія общественной и политической жизни, какъ результатъ правительственныхъ мѣропріятій, унія считалась дѣломъ польскаго правительства, которое, путемъ религіознаго объединенія, стремилось достигнуть болѣе прочнаго объединенія подвластныхъ народностей съ кореннымъ населеніемъ королевства въ видахъ увеличенія его политической силы. Изъ этого общаго положенія проистекало, по словамъ г. Левицкаго, много ошибочныхъ взглядовъ. Справедливо, что вмѣшательство польскаго правительства въ дѣло уніи играло не малую роль въ событіяхъ; но этимъ не исчерпываются ихъ причины. Такъ напримѣръ, мысль о церковной уніи, на основаніи флорентинскаго собора, возникла задолго до дѣйствительнаго осуществленія ея на соборѣ въ Брестѣ; но попытки ея введенія, какія дѣлались въ XV-мъ столѣтіи, остались безплодны. Отчего же они были безплодны тогда, и напротивъ имѣли такой успѣхъ въ концѣ XVI столѣтія? Обыкновенно историки ссылаются на обстоятельства, которыя были теперь благопріятны для пропаганды уніи, на дѣятельность іезуитовъ, на систематическое, будто бы, преслѣдованіе православныхъ іерарховъ, на недостатокъ школъ и т. д.; — но г. Левицкій отчасти находитъ эти причины слишкомъ второстепенными, отчасти невѣрно указанными, — замѣчаетъ, напр., что систематическаго преслѣдованія не было и что положеніе православныхъ іерарховъ было ни хуже, ни лучше, чѣмъ было прежде; что положеніе народнаго образованія было также и раньше, и позднѣе, весьма неудовлетворительное. Историкъ русской церкви, м. Макарій, указывалъ болѣе дѣйствительную причину успѣха уніи въ томъ распространеніи протестантскихъ ученій, которое, подрывая католицизмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ вредило и православію и ослабило его силы въ начавшейся борьбѣ, гдѣ католичество

нашло себѣ тогда могущественнаго — и не весьма разборчиваго на средства—союзника въ іезуитскомъ орденѣ. Но и это не даетъ полнаго объясненія событій. Г. Левицкій исходитъ изъ того положенія, что такіе обширные перевороты, какимъ было введеніе уніи, не могутъ быть объясняемы причинами отрывочными и случайными, и должны, напротивъ, имѣть основаніе въ общихъ условіяхъ народной жизни. Такимъ главнымъ внутреннимъ условіемъ, давшимъ возможность утвержденія уніи, г. Левицкій считаетъ безпорядки въ высшей русской церковной іерархіи и испорченность многихъ главнѣйшихъ ея представителей. Отъ прежнихъ историковъ не укрылось и это обстоятельство,—но они не придали ему значенія, какое оно имѣло въ дѣйствительности. На самомъ же дѣлѣ значеніе этого печальнаго явленія столь велико, что безъ него всѣ другія внѣшнія причины были бы безсильны породить унію, и наоборотъ: оно одно таило въ себѣ столько опасностей, что, и помимо вліянія другихъ, частныхъ причинъ, раньше или позже должно было неминуемо привести западно-русскую церковь, если не къ уніи, то къ инымъ, столь же роковымъ потрясеніямъ. Дѣйствительно, разстройство церковной іерархіи было крайнее: высшія церковныя должности, съ ихъ мірскими имуществами, захватывались свѣтскими лицами; епископства и архимандритства продавались; непризванные іерархи вели жизнь самую безпорядочную; монашество и старыя преданія падали; низшее духовенство было необразовано и грубо... И все это происходило въ то самое время, когда въ Литвѣ и юго-западной Руси, подъ вліяніемъ только-что прошедшаго протестантскаго движенія, происходило сильное броженіе умовъ, проникавшее не только въ высшій, но и въ средній и низшій классъ народа. „Удивляться ли тому, что при такихъ условіяхъ западно-русская церковь, въ лицѣ ея недостойныхъ представителей, теряла свой священный авторитетъ въ глазахъ современниковъ, и они толпами уходили въ чужія вѣры и секты!“ Когда затѣмъ въ православномъ населеніи, мимо самой іерархіи, началась энергическая реакція этому разстройству церковнаго быта, выразившаяся въ основаніи и дѣятельности извѣстныхъ церковныхъ братствъ: львовскаго, луцкаго и пр., это вмѣшательство самихъ мірянъ въ церковныя дѣла раздражило іерархію, не желавшую терпѣть надъ собою никакого контроля, и послужило новымъ поводомъ искать себѣ независимаго положенія въ уніи.

Всѣ эти факты были уже раньше извѣстны; напр. Соловьевъ, или недавно г. Чистовичъ, достаточно настаиваютъ на этомъ ненормальномъ положеніи высшей церковной власти въ юго-западной Россіи, какъ другіе подробно изучали дѣятельность церковныхъ братствъ, и т. д.;

но въ объясненіи историческихъ событій и переворотовъ именно важно отличать ихъ основныя причины отъ второстепенныхъ, и въ этомъ отношеніи трудъ г. Левицкаго составитъ важное прибавленіе къ литературѣ объ уніи. Авторъ весьма внимательно слѣдитъ разнообразныя общественно-политическія явленія въ жизни юго-западной Руси XVI—XVII вѣка,—какъ право патронатства, послужившее роковымъ источникомъ порчи церковнаго быта; какъ „бурный ураганъ" протестантскаго движенія; какъ распространеніе шляхетскихъ идей и „пресловутой" шляхетской свободы въ средѣ русскаго боярства и дворянства и т. д. Намъ кажется только, что для болѣе безпристрастной оцѣнки всего этого сложнаго сплетенія общественно-политическихъ явленій, надо было бы обратить вниманіе на другую сторону дѣла: въ распространеніи шляхетскихъ идей едва ли обнаруживалось одно только вліяніе своекорыстнаго интереса; „пресловутая" шляхетская свобода была дѣйствительная свобода,—хотя въ громадномъ большинствѣ случаевъ она была дурно употребляема, но съ ней соединялись и интересы образованія. „Заимствованіе формъ польскаго общественнаго строя,—замѣчаетъ г. Левицкій,—повлекло за собою перенесеніе цѣлой атмосферы понятій, выработанныхъ въ польско-шляхетскомъ обществѣ; началось усвоеніе польской образованности и языка, обычаевъ и вообще всѣхъ формъ шляхетскаго общежитія" (стр. 45—46). Но „образованность" и „общежитіе" во многомъ стояли несомнѣнно выше, и, быть можетъ, эти соображенія не стояли ли иной разъ прежде соображеній сословно-эгоистическихъ? Упоминая о распространеніи протестантскихъ идей въ XVI столѣтіи, авторъ замѣчаетъ: „Многіе изъ западно-русскихъ дворянъ, конечно, по примѣру дворянъ польскихъ, посылали въ то время своихъ сыновей учиться въ германскіе университеты, гдѣ они слушали самого Лютера, Меланхтона и иныхъ протестантскихъ богослововъ; другіе сами любили ѣздить въ нѣмецкія земли и въ Швейцарію; по всей Литвѣ и юго-западной Руси ходили сочиненія знаменитыхъ реформаторовъ и свободно распространялись ихъ ученія", и т. д. Если присоединялись подобные интересы, то вліяніе польскаго общественнаго строя не исчерпывалось одними эгоистическими соображеніями и шляхетская „пресловутая" свобода удовлетворяла и болѣе высокимъ стремленіямъ: въ томъ религіозномъ броженіи, какое овладѣвало тогда умами, исканіе науки было естественной потребностью, — впослѣдствіи обладаніе этимъ научнымъ знаніемъ помогло самой защитѣ православнаго дѣла въ юго-западной Руси. Такимъ образомъ, въ складѣ русско-польскихъ отношеній играло именно большую роль это различіе въ культурѣ и образованности, гдѣ польское общество стояло

выше русскаго и этимъ взяло перевѣсъ, имѣвшій важныя историческія послѣдствія, и гдѣ русская сторона только поздно могла воспользоваться средствами образованія для самозащиты,—когда многое было уже потеряно.

Другой предметъ, на которомъ останавливается предисловіе г. Левицкаго, есть соцыніанство. Года два назадъ, авторъ напечаталъ уже въ „Кіевской Старинѣ" трактатъ о „Соцыніанствѣ въ Польшѣ и юго-западной Руси въ XVI и XVII вѣкахъ", изданный потомъ и отдѣльной книжкой (Кіевъ, 1882), и изъ котораго здѣсь многое по необходимости повторено. Въ этомъ изслѣдованіи г. Левицкій даетъ отчетливую картину возникновенія и распространенія социніанства, новѣйшіе отголоски котораго, прошедши черезъ нѣсколько рукъ, являются въ штундизмѣ.

— Матеріалы для исторіи земскихъ соборовъ XVII столѣтія (1619—20, 1648—49 и 1651 годовъ).—Приложеніе къ изслѣдованію: „Земскіе' соборы древней Руси". Василія Латкина. Спб. 1884.

Самое изслѣдованіе г. Латкина еще не выходило въ свѣтъ, но покамѣстъ авторъ рѣшилъ издать документы, относящіеся къ соборамъ 1619—20 и 1651 годовъ и открытые пр. Дитятинымъ (любопытная статья его объ этомъ предметѣ помѣщена была въ „Рус. Мысли" 1883, декабрь); къ нимъ г. Латкинъ прибавилъ еще документы о соборѣ 1648—49 годовъ, указанные ему г. Зерцаловымъ, помощникомъ начальника отдѣленія въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Въ ожиданіи книги, скажемъ нѣсколько словъ о „матеріалахъ".

Въ изданіи старыхъ памятниковъ давно уже выработалась извѣстная практика, цѣль которой—во-первыхъ, передать памятники, сколько возможно, точно, во вторыхъ, облегчить пользованіе ими для тѣхъ, кому придется къ нимъ обращаться. Въ предисловіи г. Латкина мы встрѣчаемъ предупрежденіе, что онъ въ своемъ изданіи „не старался придерживаться точной передачи правописанія нашихъ предковъ и, за небольшимъ исключеніемъ (?), исправлялъ всѣ орѳографическія неправильности". Дѣлалъ онъ это „для большаго удобства при чтеніи"; притомъ онъ не раздѣляетъ мнѣнія о необходимости точной передачи стараго способа писанія: „древніе русскіе въ этомъ отношеніи не руководились никакими установленными правилами, а писали, что называется, какъ Богъ на душу послалъ. Въ виду этого,—прибавляетъ г. Латкинъ,—я и считалъ невозможнымъ сохраненіе древняго правописанія". Эти слова могутъ привести въ

ужасъ и негодованіе истаго палеографа,—и не безъ основанія. Люди безграмотные бывали всегда, но чтобы въ старыхъ писаніяхъ не было никакихъ установленныхъ правилъ, это не совсѣмъ вѣрно; съ другой стороны, что понимаетъ г. Латкинъ подъ словомъ „правописаніе"? Если извѣстное слово пишется въ старомъ памятникѣ не такъ, какъ пишутъ теперь, то здѣсь бываютъ два случая: или разница дѣйствительно состоитъ только во внѣшнемъ способѣ написанія—при одинаковости выговора (напр., сокращенія или титла, слитіе предлоговъ съ именемъ и т. п.); или же разница написанія происходитъ отъ разницы выговора,—и въ такомъ случаѣ „исправленіе" правописанія есть порча памятника, потому что стираетъ особенности языка той эпохи: а старые памятники вообще цѣнны не только по своему содержанію, но и какъ матеріалъ для исторіи языка. Г. Латкину слѣдовало, по крайней мѣрѣ, съ точностью указать, въ какихъ случаяхъ онъ „исправлялъ" старинное правописаніе.

Что касается самыхъ текстовъ, и здѣсь видна нѣкоторая неопытность издателя. Напримѣръ, въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги. г. Латкинъ помѣстилъ „свѣденія о нѣкоторыхъ лицахъ, участвовавшихъ на земскомъ соборѣ 1648—49 годовъ". Эти свѣденія взяты изъ боярскихъ книгъ съ 1627 года и далѣе. Издатель ставитъ имя даннаго боярина, затѣмъ полное заглавіе боярской книги, напр., 1627 года и выписываетъ изъ нея, что это лицо было тогда стольникомъ и получало такой-то окладъ; затѣмъ опять новое заглавіе боярской книги 1629 года, и отмѣтка, что окладъ былъ такой-то и пр.; словомъ, при каждомъ лицѣ и при каждомъ свѣденіи, взятомъ изъ боярскихъ книгъ, приводится полное ея заглавіе,—такъ что для 36 лицъ заглавіе боярскихъ книгъ повторено разъ сотню или больше (да и тутъ неточно, напр., № 1 и № 2 и т. д.). Зачѣмъ было повторять безъ конца одно и то же заглавіе—непонятно.

Наконецъ, въ подобныхъ изданіяхъ, служащихъ для справокъ, у издателей аккуратныхъ принято дѣлать указатели для отысканія именъ или предметовъ, или того и другого; у г. Латкина указателя не имѣется. Его можно было бы помѣстить, по крайней мѣрѣ, при будущей книгѣ.

Въ предисловіи говорится, что въ „Матеріалахъ" г. Латкина помѣщены также „результаты трудовъ" г. Зерцалова,—но гдѣ именно находятся эти „результаты", трудно понять изъ неточнаго указанія издателя.

— **Викторъ Острогорскій. Бесѣды о преподаваніи словесности. Спб. 1885.**
— **Выразительное чтеніе. Пособіе для учителей и учащихся. Виктора Острогорскаго. Спб. 1885.**
— **Русскіе писатели для школъ. Подъ редакціею и съ предисловіемъ Виктора Острогорскаго.—В. А. Жуковскій, его жизнь и сочиненія. Составилъ В. А. Икорниковъ. Спб. 1885.—Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ, его жизнь и сочиненія. Составилъ И. И. Крампъ. Спб. 1885.**

Г. Острогорскій давно извѣстенъ, какъ ревностный преподаватель русской словесности и какъ авторъ книгъ по ея преподаванію. Этому же предмету посвящены и всѣ книжки, заглавіе которыхъ мы выписали. „Бесѣды“ частію были прочитаны авторомъ слушательницамъ женскихъ педагогическихъ курсовъ въ Петербургѣ. Авторъ не имѣетъ притязанія на какіе-нибудь новые взгляды, и только передаетъ результаты своего долгаго педагогическаго опыта, которые и дѣйствительно заслуживаютъ вниманія въ виду странной постановки предмета въ школѣ. Извѣстно, что уже много лѣтъ тому назадъ, одновременно съ введеніемъ усиленнаго классицизма въ гимназіяхъ, введена была новая программа преподаванія словесности, совсѣмъ измѣнившая постановку этого предмета въ гимназіяхъ. Исторія русской литературы была исключена и замѣнена „чтеніемъ образцовъ“, причемъ обращено было особое вниманіе на чисто грамматическія и стилистическія упражненія, и чтеніе писателей новѣйшихъ было сильно ограничено. Вмѣсто связнаго понятія о русской литературѣ, получалось только отрывочное чтеніе „образцовъ“ (особливо старыхъ), и дѣло кончалось тѣмъ, что предметъ, котораго образовательное значеніе такъ велико, совсѣмъ потерялъ его въ той схоластической формѣ, какая была ему намѣренно придана. Въ свое время эта новая программа вызвала не мало возраженій, которыя остались безплодными; живая потребность въ историческомъ освѣщеніи „образцовъ“ мало-по-малу приводила въ отдѣльныхъ случаяхъ, у болѣе разумныхъ преподавателей, опять къ прежнимъ способамъ изложенія, но система продолжала господствовать. Въ результатѣ получился, разумѣется, прискорбный упадокъ преподаванія именно того предмета, въ которомъ юноша, кромѣ историческаго знанія, могъ бы пріобрѣтать и богатый запасъ эстетическаго и нравственнаго воспитанія на произведеніяхъ лучшихъ писателей русской литературы. Теперь, по словамъ г. Острогорскаго, знающаго дѣло на опытѣ, „юноша лѣтъ 18—20 выходитъ совершенно незнакомый ни съ критикой, ни съ произведеніями литературы послѣ Гоголя, т.-е. совершенно незнакомый съ Тургеневымъ, Гончаровымъ и Островскимъ. Какъ же тутъ удивляться послѣ этого,

что наше юношество часто обнаруживаетъ поразительное невѣжество въ сужденіяхъ о литературныхъ авторитетахъ и увлеченіе эфемерной журнальной беллетристикой, какъ признаетъ само министерство нар. просвѣщенія. Не имѣя серьезнаго критеріума для сужденій, не образовавъ своего вкуса на изученіи лучшихъ отечественныхъ поэтовъ, юноши совершенно естественно выходятъ и легкомысленными, и равнодушными въ своихъ отношеніяхъ къ родной литературѣ"... Нѣкогда въ молодыхъ поколѣніяхъ литературные интересы были очень распространены; поэтическія произведенія объяснялись въ преподаваніи, были предметомъ толковъ и источникомъ идеалистическаго настроенія, оставлявшаго свое вліяніе и въ жизни; если теперь, напротивъ, жалуются, что молодыя поколѣнія растутъ безъ идеаловъ, остаются равнодушны къ лучшимъ общественнымъ интересамъ и слишкомъ легко уходятъ въ практическую рутину, то одна причина этого несомнѣнно и въ томъ, что идеалистическіе запросы юности остаются въ школѣ пренебреженными и невоспитанными. Въ послѣдніе годы слышатся постоянныя жалобы на упадокъ литературы; но должно, наконецъ, понять, что литература выростаетъ изъ этого самаго общества, и что система школьнаго воспитанія оказываетъ свое дѣйствіе на его характеръ; потому-то и прискорбны ошибки или извращенія этой системы...

Авторъ „Бесѣдъ" глубоко убѣжденъ въ благотворномъ воспитательномъ значеніи правильно поставленнаго преподаванія словесности и, настаивая на исправленіи его нынѣшнихъ недостатковъ, предлагаетъ свою программу и практическія указанія объ ея примѣненіи. Программа весьма цѣлесообразна и указанія свидѣтельствуютъ о педагогической опытности автора. Сюда-же относится и книжка его о „выразительномъ чтеніи", къ которому онъ считаетъ необходимымъ пріучать учениковъ, потому что только въ такомъ чтеніи могутъ быть выражены и восприняты всѣ оттѣнки мысли и чувства изучаемаго писателя. Разъ пріобрѣтенное, искусство чтенія становится важнымъ пособіемъ для пониманія писателей, для развитія вкуса къ литературѣ, и не только въ школѣ, но и за ея предѣлами.

Книжки о Жуковскомъ и Тургеневѣ составляютъ начало цѣлаго ряда краткихъ и общедоступно изложенныхъ біографій главнѣйшихъ писателей нашихъ. Это изданіе, предположенное г. Острогорскимъ, должно служить для среднихъ классовъ гимназій и для городскихъ училищъ, а также могло бы быть матеріаломъ для распространяющихся теперь у насъ народныхъ чтеній. Въ случаѣ успѣха книжекъ, г. Острогорскій думаетъ не ограничиться только писателями русскими (какъ Жуковскій, Тургеневъ, Лермонтовъ, Крыловъ, Пушкинъ,

Кольцовъ, Грибоѣдовъ и пр.), но издать также краткія біографіи величайшихъ писателей иностранныхъ, какъ Шиллеръ, Гёте, Байронъ, Шекспиръ, Диккенсъ, Мольеръ. Г. Острогорскій справедливо замѣчаетъ, что жизнь этихъ людей, трудъ которыхъ достается всему человѣчеству, и кромѣ знакомства съ ихъ сочиненіями представитъ много поучительнаго.

Обѣ книжки написаны очень живо. Съ біографіей соединенъ обзоръ дѣятельности писателя и объясненіе общественнаго и историческаго значенія его произведеній; изложеніе общедоступно и наглядно. Въ нашей школьной литературѣ эта область была слишкомъ заброшена, и предпріятіе г. Острогорскаго является очень кстати. Для собственно „народныхъ" чтеній эти книжки, какъ предполагаетъ и самъ ихъ редакторъ, доставляютъ только матеріалъ, который долженъ быть особо къ нимъ приспособленъ; о русскихъ писателяхъ въ народныхъ чтеніяхъ до сихъ поръ, кажется, совсѣмъ не говорилось (кромѣ Пушкина),—но пора бы начать: для тѣхъ слушателей, которые прошли порядочную народную школу, предметъ можетъ быть вполнѣ доступенъ и интересенъ. — А. В.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

„Чортикъ на дрожкахъ", 1761—1799.

Упоминаніе о книжкѣ съ этимъ заглавіемъ и, главное, съ именемъ Фонъ-Визина, какъ автора, мы встрѣтили въ выпискахъ изъ „Спб. Вѣдомостей" Павловскаго времени, въ „Р. Старинѣ" прошлаго года. т. XLIV, стр. 627.

Въ подлинникѣ („Санктпетербургскія Вѣдомости" 1799 г., № 68— въ пятницу, августа 26 дня, стр. 1691) эта книжка упомянута какъ поступившая въ продажу—по Невской перспективѣ противъ Милютиныхъ лавокъ, въ домѣ католической церкви, по Ниренбергской линіи, въ книжной лавкѣ подъ № 5, у купца Сытина. Въ этомъ объявленіи книжной лавки приведенъ цѣлый рядъ книгъ и въ концѣ значатся:... „11. Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ соч., Фонъ-Визина, въ золотой бум. 15 коп. 12. Чортикъ на дрожкахъ, его же соч. въ бум. 15 коп."

Затѣмъ то же объявленіе повторено еще два раза въ слѣдующихъ нумерахъ газеты, на стр. 1715 и 1744.

Въ старинномъ „Опытѣ россійской библіографіи" Сопикова (ч. 5-я. 1821 г., № 12572) та же книжка означена такъ: „Чертикъ на дрожкахъ, въ стихахъ. Спб. 1761 г.—въ 8"; имени Фонъ-Визина нѣтъ. Въ каталогѣ Смирдина этой книжки совсѣмъ не упомянуто.

Самой книжки не нашлось въ библіотекахъ Академіи наукъ и въ Импер. Публичной, такъ что мы не имѣли возможности ближе опредѣлить, что это такое.

По объявленію въ „Спб. Вѣдомостяхъ" можно было бы думать, что книжка вышла въ 1799 г., но Сопиковъ относитъ ее къ 1761 г. По его же указанію, книжка была въ стихахъ, а, судя по цѣнѣ, небольшая, въ родѣ „Посланія къ слугамъ", съ которымъ поставлена рядомъ въ объявленіи 1799 года.

Чтобы она могла дѣйствительно принадлежать Фонъ-Визину, мало вѣроятно, такъ какъ въ литературныхъ воспоминаніяхъ о Фонъ-Визинѣ у современниковъ и болѣе позднихъ писателей, сколько мы знаемъ, о ней никогда не упоминалось. Всего скорѣе, она подложно приписана знаменитому писателю, какъ была ему приписана „Жизнь нѣкотораго мужа и перевозъ куріозной души его чрезъ Стиксъ рѣку" и т. д. Основаніе къ этому могло быть то, что въ числѣ сочиненій

Фонъ-Визина было нѣсколько пьесъ шуточнаго свойства, и простодушные почитатели могли по ненамѣренной ошибкѣ присвоить ему безъименныя вещи, заключавшія, по ихъ мнѣнію, такое же остроуміе, или же эти пьесы подставлялись Фонъ-Визину по соображеніямъ книгопродавцевъ—для лучшаго сбыта.

Или, наконецъ, мы имѣемъ здѣсь дѣйствительное сочиненіе Фонъ-Визина, оставленное имъ самимъ безъ вниманія, какъ былъ оставленъ (и до сихъ поръ не былъ отысканъ) напр. его „Матюшка разносчикъ"?

Во всякомъ случаѣ любопытно было бы розыскать скрывшагося „Чортика на дрожкахъ".

А. Пыпинъ.

НЕКРОЛОГЪ.

К. К. Зейдлицъ.

Февраля 7-го скончался на 88 году жизни въ Дерптѣ заслуженный профессоръ д-ръ К. К. Зейдлицъ—Несторъ студентовъ дерптскаго университета, а въ 40-хъ годахъ, извѣстный и авторитетный въ петербургѣ врачъ. Въ 1836 году онъ былъ избранъ проф. медико-хирургической клиники и одновременно съ этимъ былъ директоромъ терапевтической клиники; позднѣе же членомъ медицинскаго совѣта. Еще раньше Зейдлицъ заявилъ себя энергическимъ дѣятелемъ во время походовъ 1829 года, состоя главнымъ врачомъ забалканской арміи (именно 2-го корпуса). Своею распорядительностью и безстрашіемъ въ чумномъ госпиталѣ Адріанополя онъ обратилъ на себя вниманіе, вызванное къ нему еще раньше, во время холеры въ Астрахани въ 1823 и 24 году.

Послѣднія десятилѣтія Карлъ Карловичъ проводилъ въ Дерптѣ или въ ближнемъ имѣніи „Мейерсгофѣ", купленномъ имъ у своего друга поэта Жуковскаго, и пріобрѣлъ репутацію хорошаго сельскаго хозяина и общественнаго дѣятеля. Имъ было основано Лифляндское вольно-экономическое общество; важнѣйшія работы и изданія этого общества выходили обыкновенно при его содѣйствіи (особенно важный трудъ, нивеллировка лифляндск. губерніи, принадлежитъ главнымъ об-

разомъ ему). Въ русской литературѣ Зейдлицъ составилъ себѣ почетное имя составленіемъ біографіи В. А. Жуковскаго, изданной имъ въ 1870 г. на нѣмецкомъ языкѣ, но написанной первоначально по-русски, и напечатанной въ 1869 г. въ „Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія", съ значительными сокращеніями, что и побудило автора издать свой трудъ въ нѣмецкомъ переводѣ безъ сокращеній. Въ 1882 году Зейдлицъ приготовилъ новое дополненное изданіе, на русскомъ языкѣ, біографіи Жуковскаго ко времени 100-лѣтняго его юбилея, которое и было издано редакціею „Вѣстника Европы" въ 1883 году, а всю чистую прибыль отъ продажи изданія Зейдлицъ пожертвовалъ на сооруженіе памятника Жуковскому, и съ этою цѣлью внесъ вырученную сумму въ спб. городскую Думу, постановившую соорудить памятникъ поэту въ одномъ изъ городскихъ парковъ.

П. Висковатый.

Дерптъ, 12 февраля 1885 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е марта, 1885.

Временная пріостановка изданія „Руси"; значеніе этой потери для русской журналистики.—Выборное право прихожанъ.—Исторія городового положенія 1870 г.—Городское самоуправленіе въ Харьковѣ.—Изъ области печати.

Не везетъ, въ послѣднее время, русской журналистикѣ. Потери, понесенныя ею, остаются невозмѣщенными и невозмѣстимыми; основываются, правда, новые журналы и газеты, но не замѣняютъ и не могутъ замѣнить сошедшихъ со сцены. Къ числу невознаградимыхъ пробѣловъ прибавился на дняхъ еще одинъ—нужно надѣяться, что только на время. Болѣзнь И. С. Аксакова заставила его пріостановить, по крайней мѣрѣ до осени, изданіе „Руси". Еще одному направленію суждено, такимъ образомъ, остаться не представленнымъ въ нашей печати; „Русь" была единственнымъ воинствующимъ органомъ славянофильства. Не странно ли, однако, что молчаніе одного лица является, въ данномъ случаѣ, равносильнымъ молчанію цѣлой группы? Въ семидесятыхъ годахъ принятію кѣмъ бы то ни было наслѣдства „Дня" и „Москвы" мѣшали такъ называемыя „независящія обстоятельства"; теперь они не тяготѣютъ больше надъ славянофильствомъ—и все-таки изъ его среды никто не приходитъ на смѣну утомленному борцу, никто не занимаетъ мѣста, оставляемаго г. Аксаковымъ. „Редакторъ „Руси" боленъ — читаемъ мы въ прощальномъ объявленіи редакціи — и такъ какъ „Русь" была и есть его личный органъ, то съ внезапнымъ перерывомъ дѣятельности редактора пріостанавливается, по необходимости, и самое изданіе газеты". Помимо тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда редакторъ стоитъ во главѣ предпріятія только номинально, всякую независимую газету, всякій независимый журналъ можно назвать личнымъ органомъ редактора, въ томъ смыслѣ, что онъ ведетъ дѣло по своему личному убѣжденію, сообразно съ своими личными стремленіями и взглядами. Это ничуть не исключаетъ, съ одной стороны, существованія редакціи, т.-е. небольшого кружка ближайшихъ, постоянныхъ сотрудниковъ, раздѣляющихъ образъ мыслей редактора и всегда готовыхъ замѣнить его въ случаѣ отсутствія его или болѣзни; съ другой стороны — существованія неорганизованной, неоформленной, но

тѣмъ не менѣе реальной группы, мнѣнія которой выражаетъ журналъ или газета. „Русь" составляла, очевидно, исключеніе изъ общаго правила; ея редакторъ былъ въ ней и для нея всѣмъ, безъ него она немыслима. Подмѣтить эту особенность ея давно уже было нетрудно. „Что такое „Московскія Вѣдомости" безъ г. Каткова, „Русь"—безъ г. Аксакова?"—спрашивали мы слишкомъ годъ тому назадъ [1]). „То же самое, въ сущности, чѣмъ былъ бы „Дневникъ Писателя" безъ Достоевскаго. Оба изданія держатся только своими редакторами. Отнимите у „Московскихъ Вѣдомостей" тѣ передовыя статьи, которыя болѣе или менѣе напоминаютъ собою цвѣтущее время этой газеты, отнимите у „Руси" фразистую, но горячую рѣчь ея premiers Moscou — останется, за рѣдкими исключеніями, только журнальный баластъ, читателей для котораго найдется немного. Крайняя бѣдность талантовъ и даже просто рабочихъ силъ — вотъ отличительная черта нашей консервативной печати". Къ этому объясненію слѣдуетъ прибавить еще другое, спеціально касающееся „Руси".

Славянофильство давно перестало быть тѣмъ, чѣмъ оно было въ устахъ первыхъ проповѣдниковъ его. Обезглавленное, если можно такъ выразиться, смертью Кирѣевскаго и К. Аксакова, Ю. Самарина и Хомякова, оно продолжало держаться силою инерціи, не развиваясь, не расширяя своихъ основъ, не отвѣчая на новые вопросы жизни. Съ самаго начала оно представляло собою не столько цѣльное міросозерцаніе, политическое и философское, сколько совокупность чувствъ, направленныхъ въ извѣстную сторону; въ послѣднія двадцать лѣтъ оно становилось все болѣе и болѣе сантиментальнымъ, все больше и больше сводилось къ лирическимъ порывамъ, въ которыхъ форма все больше и больше преобладала надъ содержаніемъ. Чувство—элементъ по преимуществу субъективный, индивидуальный; внутренней связкой для цѣлой группы, прочнымъ цементомъ между ея членами оно можетъ служить въ минуту увлеченія, но не во время медленной, ежедневной работы. Никогда не отличавшійся многочисленностью, славянофильскій кружокъ почти пересталъ быть кружкомъ, распался на свои составныя части или, лучше сказать, на отдѣльныя единицы. Въ моментъ основанія „Русской Бесѣды" (1856) онъ могъ выставить изъ своей среды цѣлый журнальный штабъ;—„Руси" онъ далъ только знаменоносца, почти безъ войска. Изъ числа бывшихъ соратниковъ одни ушли всецѣло въ свою научную спеціальность, другіе заняли положеніе партизановъ,

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Евр." за 1884 г., стр. 387.

не признающихъ надъ собою никакой дисциплины, третьи порвали всякую связь съ прежнимъ знаменемъ, справедливо находя, что оно прежнее только по имени, но не на самомъ дѣлѣ. Больше всего способствовалъ этому разъединенію самъ знаменоносецъ. Перечислять всѣ пункты, на которыхъ г. Аксаковъ разошелся съ традиціями стараго славянофильства, мы не станемъ, потому что объ этомъ уже много разъ шла рѣчь въ нашемъ журналѣ; напомнимъ только, какъ часто „Русь" пѣла въ унисонъ съ „Московскими Вѣдомостями". Прибавимъ къ этому нетерпимость г. Аксакова, припомнимъ примѣчанія, возраженія и оговорки, которыми онъ любилъ уснащать статьи своихъ сотрудниковъ (напр., г. В. Соловьева)—и мы поймемъ, почему въ теченіе четырехъ лѣтъ не успѣла сформироваться редакція „Руси", не нашлось преемника или замѣстителя для г. Аксакова. Мы много слышали въ послѣднее время о возрастающей популярности идей, представляемыхъ „Русью", о завоеваніяхъ, сдѣланныхъ ими въ разныхъ сферахъ общества, въ средѣ молодежи [1]); какъ совмѣстить эти толки съ фактомъ, совершающимся передъ нашими глазами? Слыханное ли дѣло, чтобы партія, только-что начавшая пожинать плоды своихъ усилій, добровольно пріостановила, въ самую критическую минуту, свое поступательное шествіе, чтобы она допустила, изъ-за болѣзни учителя, закрытіе школы, только-что наполнявшейся учениками?

Какъ бы то ни было, о временномъ исчезновеніи „Руси" приходится пожалѣть не только сторонникамъ, но и противникамъ ея. Назначеніе печати служить вѣрнымъ и по возможности полнымъ отраженіемъ мнѣній, существующихъ въ обществѣ. Распространяются ли славянофильскія мнѣнія въ ширь и глубь—въ этомъ позволительно сомнѣваться, но они безспорно имѣютъ приверженцевъ, и слѣдовательно, должны быть представлены въ періодической прессѣ. Какъ неполонъ оркестръ безъ одного изъ главныхъ инструментовъ, такъ неполна журналистика, въ которой нѣтъ мѣста для одного изъ

[1]) Отмѣтимъ, мимоходомъ, одну любопытную черту, свидѣтельствующую о томъ, какъ слагаются и на чемъ держатся подобныя легенды. Въ доказательство поворота, будто бы происшедшаго или происходящаго въ современномъ обществѣ, „Русь" ссылалась, между прочимъ, на послѣдній, по времени, разсказъ В. Крестовскаго: „Прощанье". Если читатели познакомились съ статьей о Крестовскомъ, напечатанной въ этой же книжкѣ нашего журнала, то̀ они замѣтили, быть можетъ, что главная тэма „Прощанья" разрабатывалась авторомъ давно, по крайней мѣрѣ, съ половины семидесятыхъ годовъ, и что явленія, изображенныя въ этомъ разсказѣ, никакимъ образомъ, слѣдовательно, не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ дѣятельности „Руси" или вообще отъ нео-консервативной пропаганды.

умственныхъ теченій минуты. Для опредѣленности даннаго взгляда, для постепеннаго выясненія всѣхъ его сторонъ, всѣхъ практическихъ его примѣненій, необходима непрерывная его разработка, совершающаяся на виду у всѣхъ, освѣщаемая полемикой, допускающая содѣйствіе и противодѣйствіе. Славянофильству скоро минетъ полъ-вѣка—но оно до сихъ поръ не высказалось еще окончательно; легкій туманъ, окружавшій его съ самаго начала и обусловливаемый, до извѣстной степени, внутренними свойствами ученія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сталъ еще менѣе прозрачнымъ, чѣмъ прежде. Провозгласивъ, въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ, неотложность и первостепенную важность уѣздной реформы, „Русь" до сихъ поръ не сказала своего послѣдняго слова объ основныхъ началахъ этой реформы; объявивъ источникомъ всѣхъ нашихъ бѣдствій берлинскій трактатъ 1878 г., она не намѣтила, положительно и прямо, того пути, которымъ можно было бы достигнуть исправленія сдѣланной тогда ошибки. Весьма можетъ быть, что ясныхъ, точныхъ указаній по этимъ вопросамъ—и по многимъ другимъ, не менѣе серьезнымъ —мы никогда и не дождались бы отъ „Руси", сколько бы времени она безостановочно ни выходила; но въ концѣ-концовъ самое отсутствіе отвѣта получило бы смыслъ весьма опредѣленный. Оно послужило бы доказательствомъ тому, что подходящихъ данныхъ для отвѣта редакція—вслѣдствіе неправильной постановки вопроса, или вслѣдствіе ошибки въ исходной точкѣ—найти не можетъ. Далеко не лишеннымъ значенія былъ бы, очевидно, и такой отрицательный выводъ. Справедливость къ противнику не позволяетъ намъ однако ограничиться этими замѣчаніями. Мы не можемъ забыть тѣхъ случаевъ, когда голосъ „Руси" раздавался въ защиту праваго дѣла, когда ея редакторъ, разрывая на время связь съ своими печальными союзниками, громилъ тенденціозныхъ враговъ новаго суда, осмѣивалъ нелѣпыя фразы о „возвращеніи правительства", или возстановлялъ въ истинномъ свѣтѣ значеніе прошлогоднихъ кіевскихъ безпорядковъ. Какъ ни узко, какъ ни странно газета г. Аксакова относилась иногда къ понятію о самоуправленіи, къ идеѣ общественнаго или народнаго содѣйствія, она никогда не отрекалась отъ нихъ всецѣло, никогда не ограничивала свою программу прямолинейнымъ возвращеніемъ къ недавнему, до-реформенному прошлому. Редакторъ „Руси" былъ свидѣтелемъ этого прошлаго и сохранилъ о немъ живую память—слишкомъ живую, чтобы рядомъ съ нею могло мирно процвѣсти беззавѣтное служеніе реакціонному духу. Похвала, заключающаяся въ этихъ послѣднихъ словахъ, не особенно велика—но что же дѣлать, если въ наше время приходится считать нѣкоторою за-

слугой даже простую вѣрность нѣкоторымъ изъ прежнихъ идеаловъ? Когда въ переднихъ рядахъ рыцарей обскурантизма гарцуютъ бывшіе либералы, утѣшительно встрѣтить между противниками либерализма хоть что-нибудь похожее на сочувствіе къ свободѣ мысли.

Довольно хорошимъ матеріаломъ для сравненія между удалившеюся со сцены „Русью" и остающимися на сценѣ „Московскими Вѣдомостями" можетъ служить отношеніе обѣихъ газетъ къ вопросу о правѣ прихожанъ участвовать въ выборѣ приходскихъ священниковъ. Когда этотъ вопросъ, года четыре тому назадъ, былъ поднятъ ходатайствомъ московскаго губернскаго земства, „Русь" привѣтствовала его съ восторгомъ, преувеличеннымъ почти до границъ смѣшного; „Московскія Вѣдомости" привѣтствуютъ теперь съ такимъ же преувеличеннымъ злорадствомъ неудачу, постигшую земское ходатайство. Изъ двухъ крайностей первая, безъ сомнѣнія, гораздо симпатичнѣе послѣдней. Простодушная радость „Руси" проистекала изъ вѣрнаго пониманія недостатковъ, свойственныхъ statu quo, изъ предположенія, что апатія уступитъ мѣсто бодрости, энергіи, формальное отношеніе къ дѣлу — живой практической работѣ; надеждъ и ожиданій на внѣшнюю перемѣну возлагалось слишкомъ много, но въ основаніи ихъ лежало безспорно доброе чувство. „Московскимъ Вѣдомостямъ" попытка, сдѣланная земствомъ, ненавистна уже потому, что она отзывается земскимъ духомъ, напоминаетъ общій строй земской жизни, съ ея „излюбленными людьми", съ ея выборнымъ началомъ. Привычка заподозривать всѣхъ и все заставляетъ доискиваться и здѣсь задней мысли, побочной цѣли. „Церковное каноническое право", изволите видѣть, „призывается во свидѣтельство законности и разумности современнаго земскаго порядка вещей; земскимъ выборамъ придается высшее значеніе и освященіе отъ согласія ихъ съ практикой глубокой древности и съ каноническимъ правомъ". Какова проницательность, какова догадливость московской газеты! Чтобы оцѣнить ее по достоинству, достаточно припомнить, что земское ходатайство о выборѣ приходскихъ священниковъ было возбуждено въ сессію 1880—81 г., т.-е. именно тогда, когда земство всего меньше нуждалось въ окольныхъ путяхъ для заявленія своихъ взглядовъ, когда ему незачѣмъ было прикрывать свои стремленія щитомъ древности и примѣромъ первобытной церкви. Предлагало ли, притомъ, московское земство примѣнить къ избранію приходскихъ священниковъ сложную земскую — или тѣмъ болѣе городскую — выборную систему, съ ея группами или разрядами избирателей, съ искусственнымъ преобладаніемъ крупныхъ плательщиковъ или крупныхъ землевладѣльцевъ? Ничуть не бывало—а между тѣмъ „Московскія Вѣдомости" возстаютъ именно

противъ „безпорядочнаго и темнаго вмѣшательства толпы, подобнаго тому, какое выражается въ нашей избирательной темной лотереѣ съ 527 избирательными ящиками“ (намекъ на выборы въ московскую городскую думу). Правда, въ земскомъ ходатайствѣ не было подробныхъ указаній на наилучшую организацію выборовъ — но вѣдь оно было направлено только къ проведенію общаго начала, способъ осуществленія котораго могъ бы быть установленъ впослѣдствіи времени. Незачѣмъ говорить о деталяхъ, когда реформа еще не рѣшена въ самомъ принципѣ. И дѣйствительно, къ чему послужили бы въ настоящее время всѣ приготовительные труды московскаго земства, всѣ проекты, составленные имъ или кѣмъ бы то ни было въ смыслѣ предоставленія прихожанамъ той или другой доли участія въ избраніи приходскихъ священниковъ? Если выборное начало изгоняется даже изъ среды духовенства, если назначеніе заступаетъ мѣсто избранія по отношенію къ благочиннымъ, къ ректорамъ духовныхъ семинарій, къ начальницамъ женскихъ духовныхъ училищъ, то можетъ ли быть и рѣчь о какихъ бы то ни было шансахъ успѣха для какой бы то ни было системы, допускающей избраніе или рекомендацію священниковъ—мірянами, пастырей—паствою? Мы только что упомянули о „пятистахъ-двадцати-семи избирательныхъ ящикахъ“, выдвигаемыхъ, на подобіе грозной баттареи, противъ нашего бѣднаго, съ разныхъ сторонъ осаждаемаго и громимаго самоуправленія. Полемическій пріемъ, отождествляющій случайную форму учрежденія съ основной его идеей и обращающій первую въ орудіе противъ послѣдней, знакомъ намъ уже давно — но никогда еще, кажется, онъ не былъ пускаемъ въ ходъ такъ систематически и такъ безцеремонно, какъ въ настоящую минуту.

Въ высшей степени своевременнымъ представляется поэтому этюдъ профессора Дитятина: „Къ исторіи городового положенія 1870 г.“, только что напечатанный въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ (№№ 1 и 2). Онъ доказываетъ какъ нельзя яснѣе, что меньше всего виноваты въ недостаткахъ нашего городского самоуправленія сами города, т.-е. масса городского населенія. Когда, въ 1862 г., Высочайше повелѣно было „безотлагательно приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи“, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ повсемѣстно были учреждены особыя коммиссіи, изъ „депутатовъ отъ всѣхъ сословій, владѣющихъ недвижимою собственностью“. На обсужденіе этихъ коммиссій былъ предложенъ цѣлый рядъ вопросовъ, касавшихся задуманной реформы — между прочимъ, вопросъ о томъ, кому должно быть предоставлено въ городахъ активное и пассивное избирательное право. Большая часть отвѣтовъ (ихъ было дано всего пятьсотъ-де-

вить) ограничивалась одобреніемъ тѣхъ началъ, кото[ры]я были положены въ основаніи тогдашняго столичнаго устройства; но весьма многія коммиссіи высказались самостоятельно, по своему разрѣшая предложенные имъ вопросы. Шесть[д]есятъ коммиссій подали голосъ за расширеніе круга лицъ, участвующихъ въ завѣдываніи городскими дѣлами. Указывалось на необходимость привлечь къ этимъ дѣламъ духовенство, въ средѣ котораго много людей образованныхъ; предлагалось даже прямо установить то, что теперь принято называть образовательнымъ цензомъ. Архангельская коммиссія проектировала предоставить городу право принимать въ свою среду лицъ, оказавшихъ обществу особыя услуги наукой или искусствомъ, хотя бы они вовсе не владѣли недвижимою собственностью; тверская коммиссія находила полезнымъ ввести въ составъ городского общества лицъ, окончившихъ курсъ въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (при условіи двухлѣтняго пребыванія въ городѣ), черниговская коммиссія полагала примѣнить эту мѣру только къ лицамъ получившимъ высшее образованіе. Почти сорокъ коммиссій не требуютъ отъ избирателей никакого имущественнаго ценза, мотивируя свое мнѣніе тѣмъ, что установленіе такого ценза, особенно въ широкихъ размѣрахъ, предоставило бы рѣшеніе общественныхъ дѣлъ въ руки немногихъ наиболѣе зажиточныхъ гражданъ—а это вовсе нежелательно. Другія тридцать коммиссій полагали требовать отъ избирателей одного только условія—наличности самостоятельнаго хозяйства или владѣнія какою бы то ни было недвижимою собственностью. Заявлялась въ нѣкоторыхъ коммиссіяхъ мысль о выборахъ по кварталамъ или участкамъ — но ни одна коммиссія не предлагала ничего похожаго на извѣстные три разряда, созданные городовымъ положеніемъ. Эти разряды заимствованы цѣликомъ изъ Пруссіи, заимствованы оттуда министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Они появляются уже въ первомъ проектѣ городового положенія, составленномъ въ 1864 г., но съ одной существенно-важной оговоркой: введеніе или невведеніе въ каждомъ городѣ трехъ-разрядной системы ставится въ зависимость отъ ходатайства городской думы. Второй проектъ (1866 г.) удерживаетъ дѣленіе избирателей на три разряда, но кладетъ въ основаніе дѣленія не сумму платимыхъ налоговъ, а цѣнность владѣемой недвижимой собственности, съ присоединеніемъ къ третьему, низшему разряду всѣхъ оплачивающихъ промысловое купеческое или приказчичье свидѣтельство, а также билетный сборъ. При обсужденіи второго проекта въ совѣтѣ министра внутреннихъ дѣлъ возникала, но не прошла мысль о причисленіи къ избирателямъ наиболѣе значительныхъ нанимателей квартиръ, имѣющихъ постоянное пребываніе въ данномъ городѣ.

Вновь выступила на сцену трехъ-разрядная система, въ настоящемъ своемъ видѣ, при разсмотрѣніи третьяго проекта (1869 г.) въ особой коммиссіи при государственномъ совѣтѣ, съ участіемъ свѣдущихъ людей (восьми городскихъ головъ и двухъ столичныхъ гласныхъ). Безусловно возставалъ противъ этой системы только одинъ городской голова (Вознесенскаго посада, Гарелинъ), находя ее противной „духу времени и историческому складу русскаго народа"; между остальными экспертами преобладали горячіе защитники трехъ-разрядности, которая и была, по ихъ настоянію, включена въ окончательный проектъ, получившій силу закона подъ именемъ Городового Положенія 1870 г. Большинство экспертовъ забраковало и квартирный налогъ, какъ способъ расширенія избирательнаго права, и введеніе въ составъ избирателей образованнаго элемента—докторовъ, художниковъ, инженеровъ и другихъ лицъ, „получающихъ доходъ не съ собственности или промысловъ, а съ своихъ доходовъ". По-истинѣ прелестенъ тотъ доводъ, съ помощью котораго двое изъ экспертовъ (городскіе головы московскій и одесскій) доказывали безполезность послѣдней мѣры. „Если образованные люди,—такъ разсуждали кн. Черкасскій и г. Новосельскій, — желаютъ оказать обществу свои услуги въ интересѣ города, они всегда могутъ это сдѣлать посредствомъ пріобрѣтенія недвижимой собственности или торговаго промысловаго свидѣтельства". Итакъ, у образованныхъ людей всегда есть лишнія деньги, отъ нихъ всегда зависитъ купить домъ или открыть торговлю? Или, можетъ быть, имъ рекомендуется брать промысловыя свидѣтельства только pro forma, чтобы попасть въ число избирателей? Не лучше ли, въ такомъ случаѣ, отворить настежъ главныя двери, чѣмъ сочинять фикціи и окольные пути, далеко не каждому приходящіеся по вкусу?

Этимъ не ограничиваются „услуги", оказанныя „свѣдущими людьми" дѣлу городской реформы. Нѣкоторыя изъ числа мѣстныхъ коммиссій высказались противъ соединенія въ одномъ лицѣ предсѣдательства въ городской думѣ и городской управѣ. Министерство внутреннихъ дѣлъ согласилось съ этимъ взглядомъ; и въ первый, и во второй проектъ включено было правило, по которому городской голова долженъ былъ предсѣдательствовать только въ управѣ, а предсѣдательство въ думѣ возлагалось на особое лицо, избранное гласными изъ своей среды. Противъ такого разумнаго порядка вооружился прежде всего одесскій городской голова, еще тогда, когда онъ былъ приглашенъ къ участію въ обсужденіи второго проекта совѣтомъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ совѣтѣ онъ остался почти одинъ; раздѣленіе предсѣдательства было принято большинствомъ двадцати-

девяти голосовъ противъ двухъ. Такое же разрѣшеніе вопроса было проектировано сначала и коммиссіею, разсматривавшею третій проектъ; но когда къ ней присоединились „эксперты", положеніе дѣлъ существенно измѣнилось. Восемь экспертовъ изъ числа десяти (въ томъ числѣ, кромѣ г. Новосельскаго, кн. Черкасскій и петербургскій городской голова Погребовъ) — а вслѣдъ за ними предсѣдатель коммиссіи и двое изъ правительственныхъ ея членовъ — подали голосъ за совмѣщеніе обѣихъ функцій въ одномъ лицѣ, что, какъ извѣстно, и было узаконено Городовымъ Положеніемъ. Одесскій городской голова хотѣлъ-было пойти еще дальше и предоставить городскому головѣ назначеніе всѣхъ членовъ управы (!) — но въ этомъ отношеніи онъ не нашелъ поддержки даже между своими коллегами—„свѣдущими людьми".

Трехъ-разрядная избирательная система, платежъ оцѣночнаго или промысловаго сбора, какъ единственное основаніе избирательнаго права, соединеніе въ одномъ лицѣ обязанностей предсѣдателя городской думы и городской управы—таковы главнѣйшіе недостатки Городового Положенія, и всѣми этими недостатками оно обязано, въ значительной степени, „свѣдущимъ людямъ", участвовавшимъ въ послѣднемъ фазисѣ законодательной работы. Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что сами города уготовили себѣ свою горькую участь и выносятъ теперь на своихъ плечахъ послѣдствія собственной ошибки? Нисколько. Пока слово принадлежало городамъ, т.-е. мѣстнымъ коммиссіямъ, самая многочисленность которыхъ устраняла возможность искусственнаго подбора, до тѣхъ поръ не прекращался притокъ свѣжихъ, здоровыхъ мнѣній и теперь сохраняющихъ большую практическую цѣнность; какъ только представительство городовъ перешло къ небольшой горсти людей, выхваченныхъ изъ массы, вѣтеръ подулъ въ другую сторону, и на первый планъ выдвинулись предложенія, выгодныя только для незначительнаго меньшинства горожанъ. Объ этомъ знаменательномъ фактѣ не мѣшаетъ вспоминать не только тогда, когда недостатки существующихъ городскихъ учрежденій заносятся въ пассивъ самоуправленія вообще, но и тогда, когда приходится встрѣчаться, въ какой бы то ни было сферѣ, съ мнѣніями такъ-называемыхъ свѣдущихъ людей или, по новѣйшему выраженію, „мѣстныхъ дѣятелей". Нѣтъ ничего болѣе обманчиваго, чѣмъ названіе. Придавать особое значеніе взглядамъ мѣстныхъ дѣятелей только потому, что они — мѣстные, т.-е. только потому, что они знакомы (или предполагаются знакомыми) съ ходомъ дѣлъ на мѣстѣ, съ нуждами мѣстнаго населенія, значитъ рисковать цѣлымъ рядомъ серьезнѣйшихъ ошибокъ. Число мѣстныхъ дѣятелей, способъ назна-

ченія или избранія ихъ, ихъ прежняя общественная дѣятельность— вотъ условія, отъ которыхъ зависитъ ихъ нравственный авторитетъ; данное имъ наименованіе само по себѣ ничего не означаетъ и не предрѣшаетъ. Коммиссія 1869 г., уступая мнѣнію „экспертовъ", преклонялась, по всей вѣроятности, передъ ихъ практическимъ смысломъ, передъ ихъ знаніемъ мѣстной городской жизни; она считала ихъ надежными проводниками — и слѣдуя за ними, сбилась съ прямой дороги. Еслибы она спросила себя, почему въ ея среду призваны, изъ числа многихъ сотенъ или тысячъ, именно эти десять экспертовъ, а не другіе, еслибы она спросила себя, гдѣ доказательство тому, что „свѣдущіе люди" не только знаютъ дѣло, но и правильно его понимаютъ, безошибочно видятъ сильныя и слабыя стороны его устройства, — другими словами, еслибы она постаралась уяснить себѣ, насколько оффиціальное положеніе экспертовъ облегчаетъ или затрудняетъ безпристрастное отношеніе ихъ къ данному вопросу (напр. насколько городскіе головы могутъ быть расположены къ умаленію этого званія путемъ раздѣленія сопряженныхъ съ нимъ функцій), то заключеніе, къ которому она бы пришла, было бы, можетъ быть, совершенно иное.

Читая разсказъ г. Дитятина о десяти экспертахъ коммиссіи 1869 г., мы невольно подумали о двѣнадцати „мѣстныхъ дѣятеляхъ" Кахановской коммиссіи и въ особенности о шести предводителяхъ дворянства, противопоставленныхъ шести предсѣдателямъ земскихъ управъ. Гдѣ ручательство въ томъ, что нынѣшніе „мѣстные дѣятели" сослужатъ уѣздной реформѣ лучшую службу, чѣмъ сослужили реформѣ городской тогдашніе „эксперты"? Пройдетъ 15 — 20 лѣтъ — и будущему историку уѣздной реформы придется, быть можетъ, констатировать ея неудачу, по причинамъ однороднымъ съ тѣми, какими объяснена у г. Дитятина печальная судьба Городового Положенія. Наиболѣе выдающимися „мѣстными дѣятелями" являются, судя по слухамъ, гг. Пазухинъ и Бехтѣевъ. О стремленіяхъ перваго можно составить себѣ ясное понятіе по статьѣ разобранной выше, во внутреннемъ обозрѣніи; матеріаломъ для характеристики послѣдняго могутъ служить слѣдующіе факты, заимствуемые нами изъ орловской корреспонденціи „Новаго Времени" (№ 3.222). Годъ тому назадъ орловское губернское земское собраніе рѣшило ходатайствовать о скорѣйшемъ включеніи орловской губерніи въ кругъ дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка. Ходатайство это не имѣло успѣха. Во время послѣдней сессіи губернская управа предложила повторить ходатайство, въ виду возобновляющихся заявленій крестьянъ по этому предмету. „Противъ хо-

клада управы, говоритъ корреспондентъ, возражали гласные отъ крестьянъ елецкаго уѣзда, С. С. Бехтѣевъ и Н. А. Хвостовъ, а равно нѣкоторые другіе. Возраженія сначала имѣли форму заботливости о крестьянскихъ интересахъ: оппоненты ссылались на свое незнакомство съ уставомъ крестьянскаго банка, съ результатами дѣятельности открытыхъ уже его отдѣленій и просили управу представить подробный докладъ будущему очередному собранію. Но это желаніе ихъ признано излишнимъ, такъ какъ уставъ банка опубликованъ во всеобщее свѣденіе, а результаты дѣятельности печатаются въ „Правительственномъ Вѣстникѣ". Потерявъ эту позицію, тѣ же гласные указывали на то обстоятельство, что крестьянскій банкъ искусственно возвышаетъ продажныя цѣны на землю, крестьяне платятъ высокія цѣны безъ необходимой предосторожности и тѣмъ вовлекаютъ себя, въ случаѣ неудачной покупки, въ неоплатные долги. Но гласные отъ крестьянъ, обязанные радѣть объ интересахъ своихъ избирателей, были выбиты и изъ второй позиціи тѣмъ соображеніемъ управы, что покупка земли чрезъ крестьянскій банкъ совершается подъ тщательнымъ и ближайшимъ наблюденіемъ правленія банка и его отдѣленій. Тогда тѣ же гласные сознались, что черезъ крестьянскій банкъ покупаются преимущественно дворянскія земли, а переходъ дворянскихъ земель во владѣніе другихъ сословій вовсе нежелателенъ". Губернское собраніе, состоящее почти исключительно изъ дворянъ, постановило „повременить" ходатайствомъ до слѣдующей очередной сессіи (т.-е. до конца 1885 г.). Вотъ какъ дѣйствуютъ иные „гласные отъ крестьянъ"—а между тѣмъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что этотъ титулъ, особенно въ связи съ должностью предводителя дворянства и съ званіемъ „мѣстнаго дѣятеля", можетъ произвести, при извѣстныхъ условіяхъ, нѣкоторое импонирующее впечатлѣніе... Какъ ни коротко у насъ до сихъ поръ прошедшее „свѣдущихъ людей" или „мѣстныхъ дѣятелей", оно заключаетъ въ себѣ уже не мало данныхъ, могущихъ служить предостереженіемъ для настоящаго и будущаго.

Когда идетъ рѣчь о недостаткахъ существующаго городского самоуправленія, доказательства заимствуются обыкновенно изъ состава и дѣятельности городскихъ думъ: столичныхъ, одесской и кіевской. Объясняется это, по всей вѣроятности, тѣмъ, что главнымъ сборникомъ доказательствъ служитъ періодическая пресса — а она послѣ столицъ, всего болѣе развита въ Кіевѣ и Одессѣ. Если-бы мы лучше знали, что дѣлается въ другихъ городахъ, то область иллюстрацій стала бы гораздо шире. Убѣждаетъ насъ въ этомъ, между прочимъ, записка одного изъ гласныхъ харьковской городской думы (г. Е. Гор-

дѣенко), о которой до сихъ поръ, если мы не ошибаемся, не упоминалось въ печати. Оглядываясь на двѣнадцать лѣтъ, истекшихъ со времени введенія въ Харьковѣ новаго городового положенія, почтенный гласный находитъ въ нихъ очень мало утѣшительнаго. По своему составу городская дума сдѣлала замѣтный шагъ назадъ, приблизилась къ думѣ до-реформенной; „слѣдуя нынѣшнему настроенію возвращаться къ доброму старому времени, она стала болѣе сословною, болѣе купеческою". Число гласныхъ изъ купеческаго сословія, сравнительно съ предъидущимъ четырехлѣтіемъ, увеличились съ 33 до 43 и составляетъ теперь почти двѣ трети общаго числа гласныхъ. Если дума, такимъ образомъ, не безъ основанія можетъ быть названа купеческою, то столь же примѣнимо къ ней другое названіе — банковской, такъ какъ значительное большинство гласныхъ состоятъ должниками городского банка или считаются его агентами. О дѣятельности управы думѣ, вопреки закону, не представляется отчетовъ; что дѣлаютъ исполнительныя коммиссіи — неизвѣстно. Денежныя назначенія и дѣла, касающіяся личности гласныхъ, не всегда разрѣшаются закрытою подачею голосовъ. Въ то время, когда городъ раскидывается безъ плана въ ширь и даль и выводятся тамъ безобразныя, невозможныя улицы, въ центрѣ города остаются не заселенными шестьдесятъ десятинъ земли, только потому, что онѣ, не смотря на просьбу жителей, не распланированы управой. Налогъ съ городскихъ домовъ въ пользу уѣзднаго земства превышаетъ почти вдвое оцѣночный сборъ, взимаемый въ пользу города, и послѣдній ничего не предпринимаетъ для устраненія этой аномаліи. О раскрытіи новыхъ источниковъ дохода и увеличеніи существующихъ, дума заботится весьма мало, ничего, напримѣръ, не предпринимая съ цѣлью упорядоченія базарной торговли и извлеченія изъ нея для города болѣе значительныхъ выгодъ. На сто, слишкомъ, тысячъ населенія, дума содержитъ на свой счетъ только пять приходскихъ училищъ [1]), расходуя на нихъ менѣе $11\frac{1}{2}$ тысячъ рублей и выдавая пособіе другимъ элементарнымъ школамъ въ размѣрѣ 3300 руб.; между тѣмъ, на учебныя заведенія городъ расходуетъ болѣе сорока тысячъ рублей, т.-е. гораздо больше тратитъ на обученіе дѣтей достаточнаго класса, чѣмъ на обученіе народной массы. Въ этомъ отношеніи Харьковъ далеко отсталъ не только отъ столицъ, но и отъ иныхъ губернскихъ городовъ, напр., отъ Саратова, въ которомъ уже въ 1880 г. было двадцать прекрасно устроенныхъ народныхъ

---

[1]) Въ послѣднее время, судя по газетнымъ корреспонденціямъ, открыто въ Харьковѣ еще одно народное училище и рѣшено вновь открывать ежегодно по одному.

училищъ, а теперь насчитывается ихъ чуть ли не вдвое больше. Въ видѣ исключенія, процвѣтаніе, тамъ или здѣсь, той или другой отрасли городского самоуправленія возможно, безъ сомнѣнія, и при дурной избирательной системѣ, и при ненормальныхъ отношеніяхъ между управой и думой; но общій поворотъ къ лучшему въ положеніи городовъ наступитъ только тогда, когда будутъ устранены — безъ возвращенія къ давно отжившей старинѣ—существеннѣйшіе недостатки городового положенія 1870 г.

Закончимъ нашу хронику нѣсколькими курьезами изъ области печати. Наши читатели, вѣроятно, не забыли еще гоненія, поднятаго консервативной прессой, года два-три тому назадъ, противъ учительскихъ семинарій. Во главѣ гонителей стояли, безъ сомнѣнія, „Московскія Вѣдомости“; онѣ называли учителей, вышедшихъ изъ учительскихъ семинарій, „вольно-практикующими дѣятелями“, „полу-грамотными верхоглядами“, учившимися только три года послѣ сохи и „надмѣвающихъ“ своихъ учениковъ „омерзительнаго свойства плебейскимъ аристократизмомъ“. Не дальше какъ весною прошлаго года, всѣ эти обвиненія были повторены въ письмѣ г. Горбова къ редактору „Московскихъ Вѣдомостей“ [1]). „Учительскія семинаріи, — утверждалъ молодой послѣдователь С. А. Рачинскаго,—выпустили множество неучей, въ огромномъ большинствѣ ни къ чему не годныхъ, снабдивъ ихъ всякими недостатками, не вооруживъ почти никакими знаніями“. Никакихъ оговорокъ обвинители учительскихъ семинарій не дѣлали, никакихъ исключеній не допускали; учрежденіе оказывалось всецѣло неудавшимся, хуже чѣмъ безполезнымъ, положительно вреднымъ. Изъ діатрибъ, много разъ повторенныхъ, вытекалъ самъ собою одинъ только выводъ — разрушеніе Кароагена, закрытіе учительскихъ семинарій; г. Горбовъ прямо предлагалъ замѣнить ихъ придуманными имъ сельскими учительскими школами. И что же? Въ тѣхъ же „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, два дня сряду (№№ 45 и 46), появляются теперь корреспонденціи о двухъ учительскихъ семинаріяхъ — Алферовской (въ пяти верстахъ отъ города Вязьмы, смоленской губерніи) и Свислочской (гродненской губерніи)—рисующія картину совершенно другого рода. Оба корреспондента отзываются о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими почти съ восторгомъ. Мы узнаемъ отъ одного изъ нихъ, что въ Алферовской семинаріи „обращено особенное вниманіе на нравственное и религіозное воспитаніе учащихся“. Церковное

---

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1884 г.

пѣніе учениковъ такъ хорошо, что слушая его, можно „совершенно забыть и о снѣжныхъ сугробахъ, и о всемъ на свѣтѣ". По словамъ другого корреспондента, Свислочская семинарія „даетъ народныхъ учителей дѣльныхъ, честныхъ и съ русскою душою"; существуя съ 1876 г., она успѣла приготовить до полутораста „хорошихъ" учителей. Отлично понимая значеніе церковнаго пѣнія въ западномъ краѣ. руководители юношества въ Свислочской семинаріи дѣлаютъ все возможное, чтобы образовать изъ своихъ питомцевъ опытныхъ регентовъ для сельскихъ церквей. Въ корреспонденціи, посвященной Алферовской семинаріи, можно найти и данныя для повѣрки мнѣнія, по которому ученики учительскихъ семинарій поступаютъ туда прямо отъ сохи и учатся всего три года. Изъ 88 учениковъ семинаріи, 1 учился передъ тѣмъ въ духовной семинаріи, 3—въ духовныхъ училищахъ, 2—въ уѣздныхъ, 23—въ городскихъ, 57—въ двухклассныхъ и 2—въ одноклассныхъ сельскихъ училищахъ. Поступившими прямо отъ сохи можно назвать—разумѣется, не безъ натяжки—только тѣхъ учениковъ семинаріи, которые не учились нигдѣ, кромѣ начальной школы; такихъ учениковъ въ Алферовской семинаріи оказывается менѣе $2^1/_2\%$. Конечно, очень похвально сознаваться въ собственныхъ ошибкахъ и давать средства къ ихъ опроверженію; съ этой точки зрѣнія помѣщеніе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" обѣихъ упомянутыхъ нами корреспонденцій можетъ быть названо добрымъ дѣломъ — только не лучше ли было бы вовсе избѣгать ошибокъ, изучая предметъ не послѣ, а прежде произнесенія о немъ рѣшительнаго приговора? Весьма можетъ быть, что черезъ нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ послѣ фактическаго обѣленія учительскихъ семинарій мы опять прочтемъ въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" повтореніе прежнихъ бездоказательныхъ, огульныхъ нападеній—и именно потому мы спѣшимъ записать, если можно такъ выразиться, въ нашъ журнальный протоколъ собственное сознаніе противника. Успѣшный ходъ дѣла въ семинаріяхъ Алферовской и Свислочской не предрѣшаетъ, безъ сомнѣнія, вопроса о положеніи другихъ учительскихъ семинарій—но онъ доказываетъ съ полною ясностью возможность достиженія удовлетворительныхъ результатовъ при существующемъ устройствѣ этихъ учебныхъ заведеній. Каждому беззастѣнчивому наѣзду на учительскія семинаріи вообще можно противопоставить теперь ссылку на нелицепріятное свидѣтельство корреспондентовъ г. Каткова. Корреспонденція изъ Вязьмы (та самая, въ которой идетъ рѣчь объ Алферовской семинаріи) имѣетъ еще другую интересную сторону. Иронически напоминая объ усиліяхъ, съ которыми придумываются разныя кары для принужденія къ работѣ, корреспондентъ

указываетъ на очень простое рѣшеніе вопроса. „Корми рабочихъ хорошо,—говоритъ онъ,—и плати жалованье исправно; тогда, повѣрьте, недостатка въ рабочихъ не будетъ и не нужно будетъ прибѣгать къ тюремнымъ заключеніямъ и другимъ строгостямъ". Новаго въ этихъ словахъ нѣтъ ничего (припомнимъ, напримѣръ, возраженія К. Д. Кавелина и другихъ ораторовъ на докладъ г. Лишина въ вольно-экономическомъ обществѣ)—но кто ожидалъ бы ихъ встрѣтить на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей"? Обыкновенно редакція задаетъ тонъ корреспондентамъ—въ данномъ случаѣ первой слѣдовало бы пойти въ науку къ послѣднимъ.

„Московскія Вѣдомости" повинны въ поспѣшныхъ тенденціозныхъ обобщеніяхъ, не основанныхъ на фактахъ; другимъ газетамъ случается грѣшить сообщеніемъ недостовѣрныхъ или вовсе несуществующихъ фактовъ. Нѣтъ, кажется, учрежденія, о которомъ такія сообщенія появлялись бы чаще, чѣмъ о коммиссіи, составляющей гражданское уложеніе. Правда, это объясняется отчасти молчаніемъ самой коммиссіи, въ теченіе трехъ почти лѣтъ ни разу не опубликовавшей свѣденій о ходѣ ея занятій; но все же не мѣшало бы быть поразборчивѣе и поосторожнѣе въ отзывахъ о ней. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ въ одной газетѣ было возвѣщено, что труды коммиссіи приходятъ къ концу—и эта вѣсть была повторена, безъ всякой оговорки, многими другими органами печати; никому не пришло на мысль, что такіе труды, какъ составленіе гражданскаго уложенія, не заканчиваются въ два-три года, что даже въ Германіи надъ общегерманскимъ гражданскимъ кодексомъ работаютъ чуть не десять лѣтъ—и конца работѣ все еще не видно. Теперь на сцену выдвигается извѣстіе противоположнаго свойства; если вѣрить одной петербургской газетѣ, коммиссія по составленію новаго гражданскаго кодекса не приступала еще къ началу своихъ работъ. „Всѣ три года ея существованія", читаемъ мы дальше, „ушли на подготовительные труды, состоящіе въ переводѣ на русскій языкъ разныхъ дюссельдорфскихъ (!?) и дармштадтскихъ гражданскихъ уложеній. Кстати, составъ коммиссіи, образовавшійся—конечно случайно—изъ двухъ нѣмцевъ, двухъ поляковъ и двухъ русскихъ (гг. Книримъ, Рихтеръ, Голевинскій, Карницкій, Лукьяновъ и Голубевъ), вводитъ многихъ въ заблужденіе, заставляя думать, что коммиссія занята выработкой проекта всероссійскихъ гражданскихъ законовъ. Это ошибка. Коммиссія будетъ трудиться надъ составленіемъ проекта только для коренныхъ русскихъ губерній, польскія же и нѣмецкія окраины останутся и впредь при своихъ историческихъ законахъ. Такимъ образомъ, на долю двухъ русскихъ членовъ коммиссіи выпали не малые трудъ и

обязанность убѣдить своихъ сотоварищей, что и у русскаго народа есть свое національное историческое и самобытное гражданское право". „Патріотъ своего отечества", написавшій эти послѣднія слова, упускаетъ изъ виду, что фамилія—не всегда вѣрный признакъ національности, а тѣмъ болѣе—не критерій знаній и взглядовъ. Признавать у насъ нѣмцами всѣхъ тѣхъ, чья фамилія оканчивается на имъ, еръ, игъ, аль, онъ—пріемъ столь же раціональный, какъ и тотъ, въ силу котораго можно было бы объявить славяниномъ—Вирхова или Грабова; итальянцемъ — Риккети (Мирабо) или Гамбетту, нѣмцами—Нефтцера или Долльфюса. Нѣмцы ли Даль или Дельвигъ, или г. Орестъ Миллеръ; французы ли—гг. Герье и де-Пуле? Перечисляя членовъ коммиссіи по составленію гражданскаго кодекса, газета забыла назвать С. В. Пахмана. Фамилія его—безспорно нѣмецкая, а между тѣмъ, ему принадлежитъ, какъ извѣстно, одинъ изъ самыхъ обширныхъ трудовъ по русскому обычному праву, имъ была высказана мысль (конечно, не составляющая его личной собственности), что это право должно быть однимъ изъ главныхъ источниковъ будущаго гражданскаго уложенія. Во что обращается, въ виду одного этого факта, намекъ газеты на многотрудную обязанность русскаго меньшинства коммиссіи по отношенію къ не-русскому ея большинству?... Кто носитъ нѣмецкую фамилію, тотъ компетентенъ, въ глазахъ газеты, только для составленія законовъ, имѣющихъ дѣйствовать въ нѣмецкой окраинѣ Россіи, т.-е. въ остзейскихъ губерніяхъ; но потрудилась ли газета привести въ извѣстность, связанъ ли кто-нибудь изъ „нѣмецкихъ" членовъ коммиссіи—происхожденіемъ, воспитаніемъ или чѣмъ-либо инымъ—съ прибалтійскимъ краемъ? Увѣрена ли газета, съ другой стороны, что вопросъ о распространеніи общаго гражданскаго уложенія на окраины Россіи разрѣшенъ всецѣло и безповоротно въ отрицательномъ смыслѣ?.. Для того, чтобы понять, почему выборъ членовъ редакціонной коммиссіи меньше всего могъ быть основанъ на русскомъ или не-русскомъ звукѣ ихъ фамилій, необходимо припомнить, что задача, возложенная на коммиссію, имѣетъ чисто юридическій характеръ. Коммиссія должна выяснить пробѣлы и недостатки дѣйствующаго законодательства, подготовить техническій матеріалъ для постройки новаго зданія, начертать его планъ, установить правильное соотношеніе между частями, выработать точную терминологію, пользуясь при этомъ какъ примѣромъ лучшихъ западно-европейскихъ кодексовъ и указаніями западно-европейской юридической литературы, такъ и всѣми данными русской науки, русской судебной практики, русской общественной и народной жизни. Юридическая работа, очевидно, должна быть испол-

нена юристами, лучшими юристами, какими располагаетъ въ данную минуту судебная администрація; странно, болѣе чѣмъ странно было бы руководствоваться, при выборѣ ихъ, не способностями ихъ и знаніями, а фамиліями, тѣмъ болѣе, что избыткомъ даровитыхъ юристовъ, соединяющихъ теоретическое образованіе съ практическою опытностью, мы похвалиться не можемъ. Удаченъ ли выборъ, сдѣланный министерствомъ юстиціи — это покажетъ время; въ юридическихъ сферахъ правильность его, сколько намъ извѣстно, не возбуждала, говоря вообще, никакихъ сомнѣній. Если криминалисты, призванные къ участію въ составленіи уголовнаго уложенія (гг. Таганцевъ, Фойницкій, Неклюдовъ, Случевскій, Розинъ), оказались всѣ носителями именъ чисто русскихъ, а между цивилистами, составляющими гражданское уложеніе русскихъ именъ, меньше чѣмъ не-русскихъ, то это, очевидно, случайность, лишенная всякаго значенія. Установить основныя начала будущаго гражданскаго права, разрѣшить по существу важнѣйшіе вопросы, относящіеся къ семейному союзу, къ наслѣдству, къ собственности, къ договорамъ—вовсе не дѣло редакціонной коммиссіи, изъ кого бы она ни состояла. Это задача не юридическая, а соціально-политическая, разрѣшимая только для государственной власти, руководящейся голосомъ народа. Какъ бы чиста ни была отъ инородной примѣси кровь, текущая въ жилахъ нѣсколькихъ юристовъ, имъ не совладѣть съ такимъ громаднымъ дѣломъ, какъ созданіе новаго содержанія для гражданскихъ законовъ. Редакціонная коммиссія, образованная въ маѣ 1882 г.— это, въ нашихъ глазахъ, не что иное, какъ первая подготовительная, преимущественно формальная инстанція реформы, для успѣшнаго осуществленія которой необходимы условія совершенно иного рода. Къ трудамъ коммиссіи приложима одна точка зрѣнія, къ трудамъ послѣдующимъ будетъ приложима другая.

Оставаясь въ намѣченныхъ нами предѣлахъ, памятуя о юридическомъ свойствѣ работы, возложенной на редакціонную коммиссію, мы никакъ не можемъ признать излишнимъ переводъ иностранныхъ кодексовъ, о которомъ такъ презрительно отзывается газета. Не говоря уже о пріобрѣтеніяхъ, которыя сдѣлаетъ, такимъ образомъ, наша юридическая литература, переводъ кодексовъ долженъ выработать терминологію, точность и опредѣленность которой играютъ столь важную роль въ гражданскихъ законахъ. Другая, еще болѣе серьезная ошибка газеты заключается въ томъ, что она игнорируетъ всѣ остальные труды, предпринятые или исполненные коммиссіею. Полнаго перечня ихъ мы представить не можемъ, но мы знаемъ, изъ разныхъ источниковъ, что по распоряженію коммиссіи просматрива-

лись главныя произведенія русской юридической литературы, съ цѣлью извлечь изъ нихъ наиболѣе употребительные и удачные термины гражданскаго права; составлялись также обзоры матеріала, представляемаго рѣшеніями волостныхъ судовъ. Еще важнѣе то, что редакціонная коммиссія—или, по крайней мѣрѣ, большинство ея членовъ—была призвана къ участію въ окончательной обработкѣ проекта гипотечнаго устава, обнимающаго собою постановленія о пріобрѣтеніи и укрѣпленіи вещныхъ правъ, т.-е. одну изъ главныхъ частей гражданскаго кодекса. Это дѣло продолжалось, кажется, около года. Нѣкоторые члены коммиссіи исполнили, въ то же время, часть возложенной на нихъ работы, т.-е. составили проектъ редакціи тѣхъ или другихъ главъ кодекса. Желательно, чтобы наши отрывочныя свѣденія были подтверждены или поправлены оффиціально—но не менѣе желательно и то, чтобы въ ожиданіи оффиціальныхъ сообщеній, не пускались въ ходъ извѣстія, слишкомъ далекія отъ истины.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

НА 1885 Г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

	Годъ:	Полгода:	Четверть:		Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки. . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.	Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „	За-границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою.

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) допущена выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногороднихъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногороднихъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка *была* сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногороднихъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІИ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 4-я. — АПРѢЛЬ, 1885.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстника Европы" въ 1885 г., см. ниже, на оберткѣ.

ШЕСТЬ ЛѢТЪ ПЕРЕПИСКИ

съ

И. С. ТУРГЕНЕВЫМЪ.

1856—1862.

II *).

Въ маѣ 1860 я уѣхалъ за-границу. Русскимъ туристамъ должно быть извѣстно чувство, которое весной тянетъ ихъ далеко отъ намѣченныхъ цѣлей — туда, гдѣ больше солнца, гдѣ природа дѣятельнѣе и цвѣтущѣе. Это случилось и со мной. Пріѣхалъ я въ Берлинъ, посмотрѣлъ изъ гостинницы на чахоточную растительность его „Unter-den-Linden“, съѣздилъ въ голый, еще не распустившійся, „Thiergarten“ —и мною овладѣла жажда тепла, свѣта, простора: вмѣсто Лондона и свиданія съ пріятелями, я направился въ сѣверную Италію, гдѣ у меня никого не было. Этотъ внезапный поворотъ вызвалъ гомерическій хохотъ у Тургенева. Я получилъ отъ него уже въ Женевѣ письмо изъ Парижа, отъ 23 мая 1860: „Первое чувство,—пишетъ онъ.—по полученіи вашего письма, милѣйшій А.—было удовольствіе, но [illegible]рое чувство разразилось хохотомъ... Какъ? Этотъ человѣкъ, кот[illegible] мечталъ только о томъ какъ бы дорваться до Англіи, до [illegible]дона, до тамошнихъ пріятелей—примчавшись въ Берлинъ —[illegible]етъ сломя голову въ Женеву и въ сѣверную Италію.

[illegible] выше: мартъ, 5 стр.

Узнаю, узнаю, вашъ обычный Kunstgriff". Однакоже, полагаю, что этотъ художническій пріемъ не составлялъ особенности моей природы, а скорѣе совпалъ съ тѣмъ, что̀ постоянно происходило у моего наставника. Въ письмѣ, только-что приведенномъ, заключалось еще слѣдующее: „Но увлеченный вашимъ примѣромъ, я также, вмѣсто того, чтобы съѣздить въ Англію до начала моего леченія, которое будетъ въ Соденѣ, возлѣ Франкфурта, и начнется 15-го іюня — думаю — не катнуть ли мнѣ въ Женеву, которую я никогда не видѣлъ, не пожить ли недѣльки двѣ съ нѣкіимъ толстымъ человѣкомъ—Пав. Ан?.. Итакъ, быть можетъ и весьма вѣроятно, до скораго свиданія..."

Но въ Женеву Тургеневъ и не думалъ ѣхать, и я, проживши понапрасну, въ ожиданіи его каждый день, цѣлыхъ двѣ недѣли въ скучномъ городѣ, выѣхалъ изъ него наконецъ въ Миланъ. Впрочемъ, я еще получилъ письмо отъ Тургенева изъ Парижа (3 іюня 1860). Онъ извѣщалъ, что выѣзжаетъ въ Соденъ: „А я, проживши три недѣли въ Парижѣ,—пишетъ онъ,—скачу завтра же въ Соденъ. И вотъ вамъ мой планъ:

„1) Отъ 5 іюня н. с. до 20 іюля	я въ Соденѣ.
„2) Отъ 20 іюля по 1-е августа	я въ Женевѣ, на озерѣ 4-хъ-Кантоновъ, на вершинахъ Юнгъ-Фрау, гдѣ угодно.
„3) Отъ 1 августа по 20-е августа	на островѣ Уайтъ.
„4) Отъ 20 августа по 1 сентября	у m-me Віардо, въ Куртавнелѣ.

„А тамъ я живу—въ Парижѣ.

„Изо всего вышеприведеннаго вы легко можете заключить, даже не будучи Ньютономъ или Вольтеромъ, что наши планы могутъ слиться въ одно прекрасное цѣлое; и что ничего не помѣшаетъ намъ попорхать вмѣстѣ отъ Женевы до Уайта. Главное, надо будетъ списаться: я вамъ пришлю изъ Содена мой точный адресъ".

Не успѣли еще остыть и чернила на этихъ строкахъ, какъ планъ, такъ настойчиво поставленный, потерпѣлъ крушеніе. Онъ измѣнился въ срокахъ пребыванія на избранныхъ мѣстахъ, въ выборѣ новыхъ, въ безпричинномъ упраздненіи старыхъ проектовъ, какъ поѣздки въ Женеву, напр., и т. д. Все это увидимъ скоро. Теперь же прилагаемъ окончаніе письма, тоже любопытное по портретамъ, въ немъ заключающимся. Кстати — надо прибавить, что

портреты Тургенева не имѣютъ ничего общаго съ тѣмъ родственнымъ, недѣлимымъ сочетаніемъ диффамаціи и клеветы, какое свойственно памфлетамъ нашего времени, и никого оскорбить не могутъ. Это только незлобивое, остроумно-критическое отношеніе къ личностямъ, во что обратилась его старая привычка опредѣлять ихъ каррикатурой.

„Здѣсь появился (В. П.) Боткинъ, загорѣлый, здоровый, медомъ облитый, но не безъ мгновенныхъ вспышекъ раздражительности: такъ, онъ, зайдя ко мнѣ, чуть не прибилъ моего портного, за то, что онъ хочетъ мнѣ сдѣлать пиджакъ съ талью: портной трепетно извинялся, а Вас. Петр., vith a wittering smile (съ надменной улыбкой): Mais c'est une infamie, monsieur. (Вѣдь это низость, государь мой)! Толстой и Крузе здѣсь; здѣсь также и Марко-Вовчокъ. Это прекрасное, умное, честное и поэтическое существо — но зараженное страстью къ самоистребленію: просто такъ себя обработываетъ, что клочья летятъ!.. Она также намѣрена быть въ августѣ на Уайтѣ. Наша коллегія будетъ такъ велика, что, право, не худо бы подумать, не завоевать ли кстати этотъ островъ? Кстати, если вы не отыскали, то отыщите въ Миланѣ К. и поклонитесь ему отъ меня. Его легко сыскать— спросите въ музыкальныхъ магазинахъ. Онъ отличный малый— и жена его милая и умная женщина.

„До свиданія — лобзаю васъ вверхъ головы, какъ говоритъ Кохановская. А-пропо̀! Катковъ обайбородилъ Евгенію Туръ за письмо къ нему, по поводу Свѣчиной. Вотъ междуусобица. Вашъ —И. Т.“

Въ этомъ письмѣ останавливаютъ вниманіе оживленныя похвалы г-жѣ Маркович (Марко-Вовчку). Онъ былъ съ нею въ то время въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и сдѣлалъ путешествіе съ нею и молодымъ ея сыномъ въ Берлинъ, въ почтовой бричкѣ, гдѣ они сидѣли втроемъ. Желѣзной дороги до Берлина тогда еще не существовало. Тургеневъ съ уморительнымъ юморомъ разсказывалъ потомъ, какъ рѣзвый мальчикъ сидѣлъ у него всю дорогу на рукахъ, на ногахъ и спалъ на шеѣ. Въ Парижѣ онъ помѣстилъ мальчика въ пансіонъ, и неустанно покровительствовалъ его матери. Марко-Вовчокъ принадлежала къ кругу малороссовъ, съ поэтомъ Шевченкой во главѣ, кругу, который съ журналомъ „Основа“ значительно увеличился и пріобрѣлъ видное положеніе въ обществѣ. Тургеневъ сочувствовалъ его стремленіямъ, имѣвшимъ цѣлью поднять языкъ своей страны, развить ея культуру и поставить ее въ дружескія, а не подчиненныя только

отношенія къ великорусской культурѣ. Онъ искалъ знакомства съ поэтомъ Шевченкой, высказывалъ искреннія симпатіи его прошлымъ страданіямъ и его таланту, но не раздѣлялъ его увлеченій. Надъ его привязанностью къ Запорожью, казачьему удальству, къ гайдамачинѣ онъ подсмѣивался не разъ, въ пріятельскомъ кружку. Марко-Вовчокъ была тогда въ апогеѣ своей славы за свои граціозныя и трогательныя повѣсти изъ крѣпостного быта— „Украинскіе народные разсказы", вышедшіе къ тому же времени (1860) въ переводѣ Тургенева на русскій языкъ. Съ тѣхъ поръ завязались у нихъ тѣ задушевныя отношенія, свидѣтельствомъ которыхъ служитъ его переписка, и которыя длились до той минуты, когда Тургеневъ открылъ въ Маркѣ-Вовчкѣ наивную способность поглощать благодѣянія, какъ нѣчто ей должное, и требовать новыхъ, не обращая вниманія на свои права на нихъ. Это была удивительная натура, безъ нужныхъ средствъ для поддержанія своихъ привычекъ, но съ замѣчательнымъ мастерствомъ изобрѣтать средства для добыванія денегъ, что̀, въ соединеніи съ серьезностію, какую даютъ человѣку трудъ, талантъ и горькіе опыты жизни, сообщало особый колоритъ личности г-жи Ма̀ркович и держало при ней многихъ умныхъ и талантливыхъ приверженцевъ довольно долгое время. Тургеневъ пока только удивлялся ей. Въ декабрѣ 1860 г. онъ писалъ мнѣ: „Марья Алекс. все здѣсь живетъ, и мила по-прежнему; но что тратитъ эта женщина, сидя на сухомъ хлѣбѣ, въ одномъ платьѣ, безъ башмаковъ — это невѣроятно. Это даже превосходитъ Б—а. Въ 1½ года она ухлопала 30.000 франковъ совершенно неизвѣстно куда"! Тургеневъ мало-по-малу отвыкъ отъ нея, а подъ конецъ жизни и вовсе не вспоминалъ о ней...

Изъ Болоньи я отправился въ Равенну, осмотрѣть ея древне-христіанскіе памятники, но при этомъ только одна случайность помѣшала мнѣ сдѣлаться свидѣтелемъ и участниковъ чисто-итальянской черты народнаго быта. Я пошелъ въ почтамтъ, чтобы взять единственный остававшійся свободнымъ билетъ въ купэ, которое отправлялось въ Равенну. Не помню, что̀ помѣшало мнѣ овладѣть имъ, только я отложилъ свою поѣзку до слѣдующаго раза. Толпа итальянцевъ, окружающая обыкновенно всѣ входы и выходы присутственныхъ мѣстъ, подмѣтила меня и вѣроятно приняла за англичанина съ туго-набитымъ кошелькомъ. На другой день, утромъ, я былъ разбуженъ лакеемъ гостинницы, который сообщалъ мнѣ испуганнымъ голосомъ слѣдующее. „Вы собираетесь въ Равенну — будьте осторожны. Вчера бандиты остановили почтовый дилижансъ и вѣроятно ограбили бы его, еслибы ѣхавшій съ

ними офицеръ не разогналъ ихъ своимъ револьверомъ“. Я пошелъ тотчасъ же на развѣдки — билетъ, который былъ уже въ моихъ рукахъ, попалъ къ офицеру итальянской арміи, вѣроятно болѣе меня знавшему объ анархіи въ тогдашней Италіи, только-что перемѣнившей у себя „правительство“, и на всякій случай взявшему съ собой заряженный револьверъ. Угрозой выстрѣловъ онъ и обратилъ въ бѣгство мошенниковъ, еще не пріученныхъ къ ремеслу, какъ ихъ собраты въ папской области. Разсчитавъ, что лучшаго времени для вояжа и быть не можетъ, я опять взялъ билетъ въ карету, и мы благополучно достигли Равенны, сопровождаемые отрядомъ берсальеровъ съ ружьями, въ почтовой тележкѣ, приданныхъ намъ администраціей для сохраненія свободы сообщеній; они всю ночь распѣвали итальянскія, патріотическія пѣсни. Изъ Равенны я переѣхалъ въ Сіэну, гдѣ получилъ отъ Тургенева послѣднее соденское письмо, извѣщавшее о начавшемся разложеніи такъ хорошо обдуманнаго плана нашихъ встрѣчъ. Слѣдовало торопиться, ибо весь планъ этотъ, со дня на день, могъ разлетѣться въ пухъ и оставить меня и мой вояжъ безъ цѣли и результатовъ.

Вотъ письмо Тургенева:

„Соденъ. 8 іюля 1860. Милый П. В. Сейчасъ получилъ ваше письмо и отвѣчаю. Сообщаемыя вами подробности очень любопытны. Что бы съ нами было, еслибы васъ застрѣлили, хотя вы бы, вѣроятно, защищаться не стали! Но пуля — дура. Много придется поговорить съ вами обо всемъ, что вы видѣли, — поговорить на островѣ Уайтѣ: раньше мы не увидимся. Планъ мой потерпѣлъ маленькое измѣненіе, о которомъ считаю долгомъ извѣстить васъ. Я остаюсь здѣсь до 16 числа — и ѣду прямо въ Куртавнель, къ m-me Віардо, гдѣ я пробуду до 1-го августа, т.-е. до эпохи морскихъ купаній на Уайтѣ. М-me Віардо этого желаетъ, а для меня ея воля — законъ. Ея сынъ чуть было не умеръ, и она много натерпѣлась. Ей хочется отдохнуть въ спокойномъ, дружескомъ обществѣ. Кстати о смерти: вообразите, какое горестное извѣстіе получилъ я отъ Писемскаго. Миленькая, хорошенькая жена Полонскаго умерла! Я не могу вамъ выразить, какъ мнѣ жаль и ея, и его — да и вы, вѣроятно, раздѣлите мою печаль. Кажется, отчего бы ей было не жить, и не слѣдовало ли Полонскому маленькое вознагражденіе за все его прошедшее горе? Гдѣ же справедливость!

„Мы здѣсь въ Соденѣ ведемъ жизнь чрезвычайно тихую. Здоровье мое въ отличномъ положеніи; къ сожалѣнію погода стоитъ

прехолодная и прескверная: дожди непрерывные. Вы пишете о знoѣ—а я въ жизни такъ не зябъ, какъ третьяго дня, ѣхавши въ открытой коляскѣ изъ Эмса, гдѣ я посѣтилъ графиню Ламбертъ, въ Швальбахъ, гдѣ поселилась М. А. Марковичъ (Марко-Вовчокъ). Это очень милая, умная, хорошая женщина, съ поэтическимъ складомъ души. Она будетъ на Уайтѣ, и вы должны непремѣнно сойтись съ ней... Чуръ не влюбитесь! Что весьма возможно, несмотря, что она не очень красива. Впрочемъ, мы съ вами прокопченныя сельди, которыхъ ничего уже не беретъ. Карташевская промчалась здѣсь съ братомъ и живетъ пока въ Боннѣ, въ Hôtel Belle-Vue, подъ руководствомъ Киліана. Она проведетъ тамъ мѣсяцъ; я послалъ ей вашъ адресъ. Вы можете заѣхать къ ней, когда будете плыть по зеленоводному Рейну.

„Здѣсь я видаюсь чаще всего съ братомъ Льва Толстого, Николаемъ. Онъ отличный малый, но положеніе его горестное: у него безнадежная чахотка. Онъ ждетъ сюда брата Льва съ сестрой; но Богъ знаетъ—пріѣдутъ ли они? Я получаю письма отъ Ростовцева: онъ на Уайтѣ, въ Вентнорѣ. Нѣту словъ на языкѣ человѣческомъ, чтобы выразить, до какой степени я здѣсь ничего не дѣлаю. Пальцамъ больно, когда перо держишь. Неужели я занимаюсь литературой?..

„Ну, прощайте. Авось послѣ всѣхъ моихъ откладываемыхъ свиданій, мы увидимся въ Вентнорѣ, на Уайтѣ. Я почему-то воображаю, что тамъ будетъ очень хорошо. Будьте здоровы и старайтесь держать свой круглый и пріятный подбородокъ надъ поверхностью воды.—Вашъ И. Т.“

Быстро промчался я, на возвратномъ пути, черезъ сѣверную Италію и ночевалъ въ Миланѣ. На другой день мы переѣхали Симплонъ. Дорога эта слишкомъ хорошо извѣстна путешественникамъ, чтобы еще описывать ее. Скажу только, что вторую ночь я ночевалъ во Франкфуртѣ на М., третью въ Кёльнѣ, а четвертую на диванѣ пассажирскаго парохода, перевозившаго насъ черезъ каналъ изъ Остенде. Въ Лондонѣ я засталъ В. П. Боткина, Тургенева и Герцена, еще не уѣхавшаго на дачу. Мы послѣдовали съ Тургеневымъ за нимъ, когда онъ, наконецъ, поднялся съ семействомъ изъ города. Цѣлый день проплутали мы по разнымъ дорогамъ, когда вблизи Сутсгемптона остановились, нашли дилижансъ и достигли ночью пригорка съ домикомъ на вершинѣ его. Пригорокъ лежалъ на берегу моря и носилъ гордое названіе Eagle-Nest (Орлиное гнѣздо). Никакого орла тамъ не было за

исключеніемъ хозяина, радушный хохотъ котораго встрѣтилъ насъ у порога и проводилъ въ ярко-освѣщенную залу, гдѣ уже готовъ былъ ужинъ. Сколько расточено было при этомъ разсказовъ, шутокъ, замѣчаній, смѣха—всего передать нельзя. Тургеневъ провелъ всего два дня въ Eagle-nest'ѣ и отправился на островъ Уайтъ—нанимать cottage, взявъ съ меня слово остановиться у него. Я далъ ему время устроиться, и черезъ три дня явился къ нему въ чистую и хорошенькую виллу, изъ которой скоро попросили меня, однакоже, выѣхать. Въ кабинетѣ Тургенева, на письменномъ его столѣ съ утра лежала записка хозяйки коттеджа, въ которой она просила его противодѣйствовать дурной привычкѣ пріѣзжаго его сотоварища, т.-е. моей—курить въ ея домѣ папиросы. Хозяйка была диссидентка, какъ большинство всего населенія острова. Узнавъ содержаніе записки, я предложилъ Тургеневу позволить мнѣ переселиться въ красивый отель, на берегу моря и оставить его, такимъ образомъ, мирно и безмятежно пользоваться выгодами удобной квартиры, обѣщая ему являться каждый день у дверей его и не напускать болѣе богопротивнаго дыма въ стѣнахъ благословеннаго его жилища. Но Тургеневъ и слышать ничего не хотѣлъ. „Уступить капризу раскольницы было бы очень глупо",—говорилъ онъ. Онъ попросилъ меня подождать его возвращенія, а самъ надѣлъ шляпу и ушелъ. Когда онъ вернулся назадъ—квартира была найдена. Прелестный чистый домикъ у самаго купанья на морѣ уже ожидалъ насъ. Распорядившись переноской нашихъ вещей, мы въ немъ и поселились. Мы нашли цѣлую колонію русскихъ на Уайтѣ: гр. Алексѣй Конст. Толстого, гр. Николая Яков. Ростовцева, брата его, гр. Михаила, изслѣдователя древне-христіанскаго искусства—Фрикена, бывшаго цензора—Крузе, Мордвинова, В. П. Боткина, и т. д. Г-жи Марковичъ не было, да она, кажется, и не имѣла намѣренія исполнить обѣщанія, даннаго ею Тургеневу.

Время, которое мы тогда переживали, было тревожное вообще, какъ у насъ дома, такъ и на Западѣ. Мы видѣли уже, какъ часто Тургеневъ восклицаетъ въ письмахъ evviva Garibaldi—обѣщая себѣ розгу, если услышатъ возгласъ посторонніе; но положеніе Россіи не вызывало никакихъ возгласовъ, а было какъ-то ровно грозящее и сулящее бѣдствія. Съ приближеніемъ крестьянской реформы, напряженное состояніе умовъ все увеличивалось, и сдерживать его уже не могла ни цензура м-ва просвѣщенія, изнывавшая подъ бременемъ своей отвѣтственности, ни безотвѣтственное III Отдѣленіе, боявшееся рѣшительными мѣрами повредить самой мысли о преобразованіи и слѣдовавшее издали за общимъ

волненіемъ. Иногда оно неожиданно возставало, съ прежними, нѣкогда, столь страшными угрозами, противъ разумныхъ требованій общества, которыхъ и разобрать правильно не могло, какъ то было въ вопросѣ о сохраненіи за крестьянами существующаго надѣла—и, пристыженное, уходило опять за-кулисы. Затрудненія администраціи еще увеличились, когда къ этому же времени овладѣлъ всей образованной частью общества, всей интеллигенціей Россіи духъ реформъ и жажда политической дѣятельности. Придирались ко всякому часто маловажному факту, чтобы раздуть его въ политическое или соціальное явленіе и сдѣлать его предметомъ толковъ. Самъ Тургеневъ поддался духу времени и препроводилъ государю императору, въ 1862 г. письмо, въ которомъ защищалъ арестованнаго журналиста Огрызко, уличеннаго въ связяхъ съ польскимъ возстаніемъ. Журналъ, имъ издаваемый, былъ запрещенъ. Мы видѣли черновую этого всеподданнѣйшаго письма, очень краснорѣчиво составленнаго. Рѣшаемся на память передать его содержаніе. Не зная сущности дѣла. Тургеневъ просилъ не о снисхожденіи къ виноватому, а о возстановленіи его во всѣхъ его правахъ. Письмо, между прочимъ, говорило, что арестованіемъ издателя польской газеты и упраздненіемъ ея самой, нарушаются великіе принципы царствованія, что мѣра потрясаетъ надежды и довѣріе, возлагаемыя на него русскимъ обществомъ, какъ на освободителя крестьянъ и какъ на лицо, провозгласившее съ высоты престола неразрывное сліяніе интересовъ государства съ интересами подданныхъ; что онъ, проситель, считаетъ своимъ долгомъ высказаться откровенно, исполняя тѣмъ, во-первыхъ, прямую обязанность вѣрноподданнаго, а во-вторыхъ, выражая своимъ поступкомъ глубокую признательность за защиту, которую государю угодно было однажды оказать самому составителю письма. Письмо, конечно, не имѣло никакихъ послѣдствій для Тургенева и оставлено было безъ отвѣта. Тургеневъ разсказывалъ только потомъ, что, встрѣтившись съ государемъ на улицѣ и поклонившись ему, онъ могъ примѣтить строгое выраженіе на его лицѣ, а въ глазахъ прочесть какъ бы упрекъ: „не мѣшайся въ дѣло, котораго не разумѣешь“.

Но ни одинъ изъ нашихъ импровизированныхъ прожектеровъ не задавалъ себѣ тогда и мысленно никакого вопроса. Все дѣло казалось очень легкимъ. Стоило только вспомнить безобразія прошлаго и своей собственной жизни, противопоставить имъ идеалы существованія, ихъ отрицающіе и всегда у насъ существовавшіе—и планъ новаго проекта былъ тотчасъ же готовъ. Кромѣ того, каждый проектъ обѣщалъ, съ принятіемъ его, эру невиданнаго

благоденствія на землѣ. Канцеляріи наши были завалены работами въ этомъ смыслѣ и не оставались въ долгу у общества. Онѣ благосклонно относились къ поголовному уничтоженію всякаго зла и заготовляли уже декреты, упразднявшіе такое зло, около котораго однако собирались жизненные интересы управляемыхъ, предоставляя послѣднимъ выпутываться изъ дѣла, какъ умѣютъ. и не объясняя своихъ идей, цѣлей, намѣреній. Контролирующей власти приходилось считаться такъ же точно съ своими собратами по управленію, какъ и съ публикой. Трудно было тогда найти человѣка во всей Россіи, который ясно и отчетливо сознавалъ бы и предвидѣлъ результаты, какіе должны, по мѣстнымъ условіямъ. выйти изъ приложенія его плановъ и убѣжденій. Въ публикѣ образовался цѣлый классъ людей, который всячески поощрялъ насажденіе новыхъ началъ и принциповъ, думая, что изъ общаго переворота выйдетъ самъ собою обновленный строй жизни и упразднитъ все отребье второстепенныхъ дѣятелей, ихъ честолюбивые замыслы, ихъ надежды на возвышеніе и играніе ролей, незрѣлость ихъ мысли. Почти то же самое думали и настоящіе герои дня, тѣ колоссы „редакціонныхъ коммиссій“, которые, не обращая вниманія на шумъ, вокругъ нихъ царствовавшій, и одушевленные только жаждой народной пользы, шли впереди всѣхъ твердо къ своей цѣли—полному и обдуманному освобожденію крѣпостныхъ. Трагическое въ ихъ положеніи составляло совсѣмъ не то, что. порѣшивъ свою задачу, они обратились въ простыхъ гражданъ. а то, что не прошло и двухъ лѣтъ, какъ ихъ трудъ, благодаря позднѣйшимъ прибавкамъ и отмѣнамъ, далъ результаты не тѣ и ниже тѣхъ, какіе отъ него ожидались.

Усѣвшись въ Вентнорѣ и одолѣваемый такой праздностью. что „больно было перо взять въ руки“, по собственному его выраженію, Тургеневъ задался мыслію основать общество для обученія грамотѣ народа и распространенія въ немъ первоначальнаго образованія, съ помощью имущихъ и развитыхъ классовъ всего государства. Наскоро составлена была имъ программа общества и представлена на обсужденіе русской колоніи въ Вентнорѣ. Она подробно разбиралась, по вечерамъ, въ домикѣ Тургенева, измѣнялась, передѣлывалась, и послѣ многихъ преній, поправокъ и дополненій принята была комитетомъ изъ выборныхъ лицъ кружка. Послѣ того принялись за составленіе и переписку обстоятельнаго циркуляра, при которомъ долженъ быть высланъ „проектъ“ общества—всѣмъ выдающимся лицамъ обѣихъ столицъ—художникамъ, литераторамъ, ревнителямъ просвѣщенія и вліятельнымъ особамъ, проживающимъ

дома и за-границей. Изъ одного этого перечня уже видно, какую массу механической работы приняли на себя участники предпріятія, но благодаря настойчивости Тургенева и ихъ усердію работа осуществилась. Основная мысль программы, какъ и всѣхъ проектовъ того времени, поражаетъ своею громадностью, но подобно имъ и грѣшитъ отсутствіемъ практическаго смысла. Она молчала о путяхъ, которыми слѣдовало идти для созданія массы учебныхъ заведеній и корпораціи учителей при нихъ, не указывала на группы людей и на центры, откуда должны были истекать распоряженія о покрытіи Россіи народными училищами, и многое другое пропускала безъ вниманія. Можно было подумать, что программой руководила только мысль доказать нужду, полезность и патріотичность „Общества“, а подробности его осуществленія предоставить ему самому, какъ именно и полагалъ Тургеневъ.

Я уже покинулъ Уайтъ и находился въ Аахенѣ, когда получилъ отъ Тургенева письмо изъ Вентнора, съ приложеніемъ и программы и разосланнаго уже циркуляра:

„Вентноръ. Пятница 31 августа.

„Вотъ вамъ, любезнѣйшій другъ П. В., экземпляръ проекта и копія съ одного изъ циркуляровъ. Вы усмотрите изъ присланнаго, что проектъ подвергся незначительнымъ сокращеніямъ, а въ одномъ мѣстѣ прибавлена оговорка, въ предостереженіе отъ будущихъ возражателей. Боюсь только, какъ, бы это письмо не застало васъ уже въ Аахенѣ, такъ какъ, по письму таинственной Марьи Александровны (Марко-Вовчокъ), Макаровъ поскакалъ разстраивать свадьбу Шевченка!

„Я написалъ на адресѣ, что въ случаѣ вашего проѣзда, письмо послать въ Петербургъ [1]). Нечего васъ просить распространять проектъ нашъ, елико возможно. Вы и безъ того сдѣлаете все, чтó будетъ въ вашей власти — въ этомъ я увѣренъ. Вслѣдъ за вашимъ экземпляромъ, 10 другихъ отправляются въ Петербургъ и Москву. Куйте желѣзо, пока горячо! Вотъ вамъ копія циркуляра: „М. Г.! N. N! Изъ прилагаемаго при семъ проекта программы общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія вы усмотрите цѣль письма моего къ вамъ. Эта программа составлена при участіи и съ согласія нѣсколькихъ

---

[1]) На конвертѣ стояла приписка рукой Тург.: „Sollte Herr P. A. durchgereist sein, so wird gebeten diesen Brief nach Russland, S. Petersburg, Demidoff Pereulok. Haus Wisconti, zu schicken“. При моемъ отъѣздѣ изъ Аахена, Н. Я. Макаровъ еще оставался тамъ, такъ какъ свадьба Шевченка съ горничной дѣвушкой графини Ка—ой разстроилась сама собой за отказомъ невѣсты.

русскихъ, случайно съѣхавшихся въ одномъ заграничномъ городѣ, и представляетъ только первоначальныя черты общества. Надѣюсь, что вы одобрите мысль, которая лежитъ ей въ основаніи, и захотите посвѣтить ей и собственныя размышленія и бесѣды съ друзьями. Я бы почелъ себя счастливымъ, еслибы ко времени моего возвращенія въ Россію (весной 1861 года)—предлагаемая мысль получила обработку, достаточную для приведенія ея въ исполненіе. Обращаясь къ вамъ, я не нуждаюсь въ громкихъ словахъ: я и безъ того увѣренъ, что вы охотно захотите принять дѣятельное участіе въ дѣлѣ подобной важности или по крайней мѣрѣ выразите свое воззрѣніе. — Я увѣренъ также, что вы не откажетесь распространять списки нашего проекта. Предпріятіе это касается всей Россіи: намъ нужно знать, по возможности, мнѣніе всей Россіи о немъ. Съ искренней благодарностью получилъ бы я всякое возраженіе или замѣчаніе. Мой адресъ: въ Парижъ, poste restante. Остаюсь съ полнымъ и сердечнымъ уваженіемъ—преданный вамъ И. Т.“

„Кажется, ничего нѣтъ ни лишняго, ни неумѣстнаго. Надъ всѣми экземплярами будетъ приписано (и вы такъ распорядитесь), что всякаго рода замѣчанія и возраженія съ благодарностью принимаются на имя Тургенева—poste restante, въ Парижѣ, и на имя П. В. Анненкова въ С.-Петербургѣ.

„Желаю вамъ доѣхать благополучно и застать все въ порядкѣ, поклонитесь всѣмъ и будемъ переписываться. Адресъ мой — въ Парижъ—poste restante, или rue Laffitte, Hôtel Byron“.

Большинство изъ тѣхъ, которые получили этотъ циркуляръ, доказывавшій, между прочимъ, какую цѣну давалъ Тургеневъ своему плану, изъявили, конечно, согласіе вступить въ члены общества, но нѣкоторые замѣчали при этомъ, что программу слѣдовало бы начертить съ большей ясностью, подробностью и съ большимъ знаніемъ особыхъ условій русской жизни. Знать мнѣніе всей Россіи о планѣ, какъ выражался циркуляръ, не представляя самого плана или представляя только слабый его очеркъ—было дѣло не легкое, и врядъ ли удалось бы даже и лицу—неизмѣримо болѣе вліятельному и вышепоставленному, чѣмъ Тургеневъ. Впрочемъ, пока собирались приступать къ составленію обстоятельнаго плана, время проектовъ подобнаго рода уже миновало; послѣ петербургскихъ пожаровъ 1862 г., временнаго закрытія петербургскаго университета, упраздненія „воскресныхъ школъ“ и всякихъ попытокъ со стороны частныхъ лицъ распространять

народное образованіе, программа не достигла и канцелярскаго утвержденія, а заглохла и разсѣялась сама собой, не оставивъ послѣ себя и слѣда, кромѣ воспоминанія у немногихъ современниковъ ея.

Болѣе посчастливилось литературному фонду, основанному годъ передъ тѣмъ, въ 1859 г., по мысли А. В. Дружинина. Тургеневъ вложилъ всю свою душу для доставленія ему успѣха; онъ устраивалъ блестящіе литературные вечера, ѣздилъ за тѣмъ же въ Москву, и всякій разъ появленіе его на эстрадѣ сопровождалось громаднымъ стеченіемъ публики и энтузіастическимъ пріемомъ чтеца. Трудно себѣ представить нынѣ ту степень благорасположенія публики къ литературному фонду. Люди, дотолѣ не признававшіе даже и существованія литераторовъ въ Россіи, собирались теперь на помощь сословію, отъ вліянія котораго старались прежде охранить нашу публику. Дѣло въ томъ, что въ литер. фондѣ, подъ руководствомъ и представительствомъ Егора Петровича Ковалевскаго, видѣли тогда признакъ времени и торжество взглядовъ, съ которыми волей-неволей приходилось считаться. Доля участія Тургенева въ укрѣпленіи лит. фонда и въ доставленіи ему матеріальныхъ средствъ была чрезвычайно значительна. Вмѣстѣ съ императорскими пожертвованіями и приношеніями самой публики, лит. фондъ обязанъ и Тургеневу тѣмъ прочнымъ положеніемъ, которымъ нынѣ пользуется.

Наступилъ и великій 1861 годъ, который своимъ днемъ 19 февраля, т.-е. днемъ уничтоженія крѣпостного права, измѣнилъ всю нравственную физіономію Россіи, а также замѣчательный и тѣмъ, что имъ слѣдуетъ помѣтить и полное окончаніе капитальнаго произведенія нашего автора: „Отцы и дѣти“, появившагося вслѣдъ за тѣмъ во второй книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ 1862 г. Надо же было случиться, что въ то время произошла перемѣна и въ моей жизни. Виновникомъ перемѣны былъ все-таки И. С. Тургеневъ, познакомившій меня съ семействомъ, гдѣ я встрѣтилъ будущую мою жену. Я такъ мало былъ приготовленъ къ свадьбѣ (22 февраля 1861), что позабылъ даже извѣстить о ней человѣка, безсознательно открывшаго къ ней дорогу, т.-е. Тургенева, къ великому его удивленію и огорченію. Вотъ, что онъ мнѣ писалъ:

„Парижъ. 5 (17) января 1861.

„Я собирался уже къ вамъ писать, любезнѣйшій П. В.,—и выразить мое удивленіе, что вы, мой аккуратнѣйшій корреспон-

дентъ, не отвѣчаете на мое послѣднее письмо со вложенными тремя фотографіями (получили ли вы это письмо?)—какъ вдругъ до меня дошла вѣсть, столько же поразившая меня, сколько обрадовавшая—вѣсть, которой я бы не повѣрилъ, если бы она не предстала передо мною, окруженная всѣми признаками несомнѣнной достовѣрности,—но которая и доселѣ принимаетъ въ моихъ глазахъ образъ сновидѣнія или извѣстныхъ „тающихъ видовъ“—„dissolving views“! И какъ, думалъ я, если это извѣстіе дѣйствительно справедливо — какъ могъ онъ не написать объ этомъ мнѣ, мнѣ—человѣку, который почувствуетъ смертельную обиду, если онъ не будетъ воспріемникомъ будущаго Ивана, непремѣнно Ивана Павловича Анненкова? Изъ этихъ послѣднихъ словъ вы должны догадаться—если уже не догадались—на что я намекаю. Вслѣдствіе этого я требую безотлагательнаго и немедленнаго отвѣта: правда ли, что вы женитесь, и на той ли особѣ, про которую могла писать гр. Кочубей. Если да, примите мое искреннее и дружеское поздравленіе—и передайте его кому слѣдуетъ. Если нѣтъ... но, кажется, этого нѣтъ—не можетъ быть—хотя съ другой стороны... Словомъ, я теряюсь и требую „свѣта, болѣе свѣта“, какъ умирающій Гёте.

„Ни о чемъ другомъ я теперь писать не могу. Скажу вамъ только, что здоровье мое порядочно, что работа подвигается по немногу, что здѣсь ужасно холодно, и что Основскій меня надулъ. За симъ крѣпко жму вамъ руку и съ судорожнымъ нетерпѣніемъ жду вашего отвѣта. Преданный Вамъ И. Т.“

Я получилъ еще два-три письма въ такомъ же оживленномъ духѣ и съ такими же дружескими жалобами и нѣжными упреками, послѣ чего Тургеневъ успокоился, получивъ отъ меня подробное описаніе „событія“.

Нѣчто подобное случилось и съ извѣстіемъ о наступленіи дня освобожденія крестьянъ. Я послалъ телеграмму въ Парижъ, но она никого тамъ не удовлетворила. Какъ? ни бѣшенаго восторга, ни энтузіазма, достигающаго границъ анархіи—ничего подобнаго. Петербургъ оставался совершенно покоенъ. Понятно, что людямъ, живущимъ далеко отъ мѣста событія, подготовленнымъ и своимъ воображеніемъ, и журнальными статьями, къ манифестаціямъ великаго дня, не имѣвшимъ въ рукахъ даже и новаго положенія о крестьянахъ—тишина столицы казалась чѣмъ-то необъяснимымъ: они требовали дальнѣйшихъ подробностей, заклинали не оставлять ихъ безъ свѣденій о томъ, что̀ совершалось въ Россіи, волновались предчувствіями и ожиданіями, но успокоить ихъ разсказомъ

о какомъ-либо значительномъ патріотическомъ движеніи не было возможности. Правда, по свидѣтельству многихъ и разнообразныхъ лицъ, почти во всѣхъ церквахъ Петербурга, когда священникъ или діаконъ, читавшіе Высочайшій манифестъ о волѣ, съ амвона, послѣ обѣдни, подходили къ мѣсту: „Православные, осѣните себя крестнымъ знаменіемъ, приступая къ свободному труду"—голосъ ихъ дрожалъ и въ немъ слышались готовыя слезы. Судя по частымъ и ускореннымъ крестнымъ поклонамъ толпы, можно было думать, что и она раздѣляетъ чувства чтецовъ; но умиленіе, какъ слѣдуетъ назвать это ощущеніе, совсѣмъ не составляло коренной народной принадлежности русской массы и могло быть раздѣляемо также точно и иностранцами. Заслуживала удивленія напротивъ эта, по наружности, равнодушная встрѣча—со стороны народа—громаднаго переворота въ его судьбѣ. Онъ ожидалъ его давно постоянно и никогда въ немъ не сомнѣвался. Съ минуты, когда у него отнято было право свободно располагать собою, онъ каждодневно въ теченіе 200 лѣтъ, думалъ, что день возстановленія права не далеко. То говорилъ еще и Посошковъ при Петрѣ I. Лишь только прошелъ первый пылъ волненія и ожиданія, Тургеневъ въ Парижѣ и его друзья тоже хорошо поняли, что настоящіе результаты „Положенія о крестьянахъ" скажутся только тогда вполнѣ, когда оно обойдетъ всю имперію, проникнетъ въ душу селянина, встрѣтится съ невѣжествомъ и кривотолкомъ, обнаружитъ, въ чемъ оно противорѣчитъ психическимъ особенностямъ народа, и въ чемъ не допускаетъ къ себѣ мечтательныхъ поправокъ. Тогда и наступитъ время настоящихъ манифестацій и контръ-манифестацій. Я получилъ нѣсколько писемъ изъ Парижа въ ту эпоху и привожу ихъ по порядку:

„15 (27) февраля 1861. Парижъ.

„Любезнѣйшій другъ, П. В. Мнѣ совѣстно утруждать васъ какой бы то ни было просьбой въ нынѣшнее время, когда у васъ, вѣроятно, голова кругомъ ходитъ,—но несмотря на ваши „préoccupations", вы все-таки самый надежный коммиссіонеръ, а коммиссія моя состоитъ въ слѣдующемъ: вышлите мнѣ, ради Бога, вышедшіе томы моего изданія, чтобы я имѣлъ о немъ понятіе, sous bande—это рублей съ 5 или съ 6 станетъ—я это охотно заплачу. Пожалуйста, душа моя, сдѣлайте это, не откладывая дѣла въ дальній ящикъ.

„Когда мое письмо къ вамъ дойдетъ, вѣроятно, уже великій указъ,—указъ, ставящій царя на такую высокую и прекрасную ступень—выйдетъ. О, еслибы вы имѣли благую мысль извѣстить

меня объ этомъ телеграммой. Но во всякомъ случаѣ, я твердо надѣюсь, что вы найдете время описать мнѣ вашимъ энциклопедически-панорамическимъ перомъ состояніе города Питера наканунѣ этого великаго дня и въ самый день. Я ужасно на себя досадую, что я раньше не попросилъ васъ о телеграммѣ. Но я еще утѣшаю себя надеждою, что вы сами догадаетесь.

„Въ моей парижской жизни собственно не происходитъ ничего новаго: работа подвигается по-маленьку; статья для „Вѣка“ скоро будетъ окончена. (Самого журнала я еще не получалъ; за то „Русская Рѣчь“ является съ остервенѣлой аккуратностью). Ну, а въ общей парижской жизни происходятъ скандалы непомѣрные: дѣло Миреса растетъ не по днямъ, а по часамъ; преступные банкиры (Richemont, Cohen) стрѣляются и вѣшаются; сыновья министровъ (Барошъ, Фульдъ, Мань) видятъ въ перспективѣ Тулонъ и двухъ-цвѣтную одежду галерныхъ преступниковъ. Миресъ, сидящій подъ секретомъ въ Мазасѣ, воетъ à la lettre какъ дикій звѣрь на всю тюрьму. Ждутъ большихъ финансовыхъ потрясеній, а итальянскій корабль по-немногу и благополучно спускается въ воду.

„На дняхъ пріѣхалъ сюда изъ Италіи Толстой (Л. Н.) не безъ чудачества, но умиротворенный и смягченный. Смерть его брата [1]) сильно на него подѣйствовала. Онъ мнѣ читалъ кое-какіе отрывки изъ своихъ новыхъ литературныхъ трудовъ, по которымъ можно заключить, что талантъ его далеко не выдохся, и что у него есть еще большая будущность. Кстати, что это за г. Потанинъ, о которомъ такъ вострубилъ „Современникъ“? Дѣйствительно—онъ писатель замѣчательный? Дай-то Богъ, но я боюсь за него, вспоминая восторженные отзывы Некрасова о гг. Берви, Надеждинѣ, Ип. Панаевѣ е tutti-quanti... А Гончаровскій отрывокъ въ „От. Запискахъ“ я прочелъ — и вновь умилился. Это прелесть!

„Боткину (В. П.) немного лучше, и есть надежда на окончательное выздоровленіе. Но если бы вы знали, какъ безобразно-грубо и . . . . выступилъ въ немъ эгоистъ. Это даже поразительно!.. Охъ, Павелъ Васильевичъ, въ каждомъ человѣкѣ сидитъ звѣрь, укрощаемый одною только любовью. Я вамъ въ скоромъ времени опять напишу. А пока будьте здоровы и веселы и передайте мой дружелюбнѣйшій поклонъ вашей невѣстѣ. Вашъ Ив. Т.“

---

[1]) Графъ Николай Николаевичъ Толстой, какъ уже упоминали, умеръ въ Гіерѣ, близъ Ниццы. Свиданіе это Тургенева съ будущимъ авторомъ „Войны и мира“ происходило еще до октябрьской ихъ распри, о чемъ ниже.

Чѣмъ далѣе шло время, тѣмъ болѣе росло нетерпѣніе моего парижскаго корреспондента и сочувствующихъ ему друзей. Вотъ какую записку получилъ я изъ Парижа отъ 6 (18) марта 1861.

„Дорогой Павелъ Васильевичъ. Спасибо за депешу, отъ которой у насъ у всѣхъ головы кругомъ пошли. Но, къ сожалѣнію, ничего положительнаго неизвѣстно объ условіяхъ новаго Положенія. Толки ходятъ разные. Ради Бога, пишите мнѣ, что̀ и какъ у васъ все это происходитъ. Вѣроятно, я теперь раньше вернусь въ Петербургъ, чѣмъ предполагалъ; можетъ быть, черезъ мѣсяцъ я уже съ вами. Сюда прислалъ кто-то напечатанный экземпляръ Положенія, но его никакъ поймать невозможно. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо надѣюсь на вашу дружбу и жду отъ васъ писемъ. Я знаю: вы молодой теперь, и вамъ не до того; но время вѣдь необыкновенное. Передавайте всѣ ваши впечатлѣнія—все это теперь вдвойнѣ дорого. Здѣсь русскіе бѣсятся: хороши представители нашего народа! Дай Богъ здоровья государю. Судя по тому, что̀ здѣсь говорится—мы бы никогда ничего путнаго не дождались. Бѣшенство безсилья отвратительно, но еще болѣе смѣшно.

„Обнимаю васъ отъ души и поздравляю и съ вашей личной, и съ нашей общей радостью. Не могу ни о чемъ другомъ писать. Я весь превратился въ ожиданіе. Преданный вамъ — Ив. Тургеневъ“.

Присоединяемъ къ этимъ двумъ отзывамъ еще третье письмо, съ картиною того, что̀ происходило въ Парижѣ.

„Парижъ. 3 апрѣля 1861.

„Еще разитъ, еще, еще...
Погибъ, погибъ сей мужъ въ плащѣ!..“

—сказано въ какой-то поэмѣ. Такъ и я—еще, еще, благодарю васъ, милѣйшій П. В., что вы, несмотря на новую вашу жизнь, нашли время написать мнѣ крайне любопытное и поучительное письмо о первыхъ дняхъ послѣ объявленія манифеста. Двойное вамъ спасибо! Съ нѣкоторыхъ поръ народы какъ будто дали себѣ слово удивлять современниковъ и наблюдателей—и русскій народъ, и въ этомъ отношеніи, едва ли не перещеголялъ всѣхъ своихъ сверстниковъ. Да, удивилъ онъ насъ, хотя подумавъ и приглядѣвшись—увидишь, что нечему было удивляться; это всегда случается послѣ такъ-называемыхъ необыкновенныхъ событій и доказываетъ только нашу близорукость. Сдѣлайте боже-

скую милость, продолжайте извѣщать насъ о состояніи умовъ въ Россіи. Здѣсь господа русскіе путешественники очень взволнованы и толкуютъ о томъ, что ихъ ограбили (изъ Положенія рѣшительно не видать, какимъ образомъ ихъ грабятъ!), но принимаютъ мѣры къ устроенію своихъ дѣлъ. Вѣроятно, въ нынѣшнемъ же году прекратится въ Россіи барщинная работа. Въ прошлое воскресеніе мы затѣяли благодарственный молебенъ въ здѣшней церкви — и священникъ Васильевъ произнесъ намъ очень умную и трогательную рѣчь, отъ которой мы всплакнули. (NB. Много ушло изъ церкви до молебна). Передо мной стоялъ Н. И. Тургеневъ и тоже утиралъ слезы; для него это было въ родѣ: „нынѣ отпущаеши раба твоего". Тутъ же находился старикъ Волконскій (декабристъ). „Дожили мы до этого великаго дня", было въ умѣ и на устахъ у каждаго.

„Сгораю жаждою быть въ Россіи. Ждите меня черезъ 4 недѣли—никакъ не позже. Въ Петербургѣ пробуду дня три. Работа моя совсѣмъ пріостановилась; окончу ее, Богъ дастъ, въ деревнѣ. На-дняхъ отправляю статейку въ „Вѣкъ".

„Въ теперешнюю минуту я боленъ. Прошлогодній нервическій кашель вернулся ко мнѣ, когда уже я могъ думать, что обойдусь безъ него, такъ какъ зима давно минула. Теперь сижу и налѣпилъ себѣ мушку, но весна меня вылечитъ. Дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашей женѣ и всѣмъ добрымъ пріятелямъ. Преданный вамъ И. Т.".

Итакъ, слезы умиленія пролились и въ Парижѣ, почти одновременно съ Петербургомъ. Ник. Иван. Тургеневъ и князь Волконскій имѣли основаніе прослезиться еще и потому, что мечты ихъ молодыхъ годовъ въ эпоху царствованія императора Александра I осуществлялись тогда, когда ихъ самихъ уже ожидала могила.

Этотъ замѣчательный годъ, однако же, начался съ дурными предзнаменованіями для Тургенева. Начать съ того, что второе изданіе его „Сочиненій", порученное г. Основскому, окончилось третейскимъ судомъ издателя со своими заимодавцами въ Москвѣ и полнымъ фіаско. Тургеневъ роптадъ, не получая ничего отъ издателя, а вмѣсто слѣдующихъ ему суммъ къ нему безпрестанно приходили жалобы на недобросовѣстность издателя, занимавшаго кругомъ деньги, чтобы исполнять свои обязательства передъ подписчиками, на запоздалые или неудовлетворительные его счеты, даже на нѣкоторые издательскіе его пріемы, имѣвшіе некрасивый видъ. Тургеневъ былъ раздраженъ. Впрочемъ, исторія съ

Основскимъ началась еще ранѣе, и уже можно было предвидѣть, чѣмъ она кончится. Вотъ что писалъ мнѣ Тургеневъ еще въ 1860 г.

„19 (31) ноября 1860. Парижъ.—Любезнѣйшій другъ П. В. Доложу вамъ, что я сильно почесалъ у себя въ затылкѣ послѣ вашего письма. Если Основскій, котораго я считалъ честнымъ человѣкомъ, выкинулъ такую штуку съ „Московскимъ Вѣстникомъ“ — то кто жъ ему помѣшаетъ выкинуть таковую же и со мной,—т.-е. вмѣсто 4,800, какъ сказано въ условіи, напечатать 6,000 и денегъ мнѣ не выслать? А деньги мнѣ крайне нужны, при теперешнихъ моихъ большихъ расходахъ—и при оказавшемся нежеланіи моихъ мужичковъ платить мнѣ оброкъ,—тотъ самый оброкъ, за который они хотѣли быть благодарны по гробъ дней. А потому позвольте поручить вамъ мои „интересы“, какъ говорятъ французы, хотя собственно я не вижу, что вы можете сдѣлать. Вотъ, однако, что можно: черезъ московскихъ пріятелей, стороной, узнать о поступкахъ Основскаго; можно прибѣгнуть къ Кетчеру или Ив. Вас. Павлову — однимъ словомъ — вамъ книги въ руки. Вы поступите съ свойственной вамъ аккуратностью и деликатностью.

„Я наконецъ серьезно принялся за свою новую повѣсть, которая размѣрами превзойдетъ „Наканунѣ“. Надо надѣяться, что и участь ея будетъ лучше. А впрочемъ это все въ рукахъ урны судьбы, какъ говорилъ одинъ мой товарищъ по университету. Разумѣется, какъ только она окончится (а это будетъ не скоро), вы первый ее прочтете. А для вашего превосходнаго баритона изготовляется другая статья, которую я, полагаю, прочесть сперва здѣсь для нашего же общества моимъ сквернѣйшимъ дискантомъ. Также началъ я письмо для „Вѣка“, въ которомъ описывается засѣданіе медіумовъ, гдѣ я присутствовалъ и гдѣ происходили необыкновенныя, сирѣчь, комическія штуки. Другихъ сторонъ парижской жизни я не изучалъ до сихъ поръ, да и врядъ ли успѣю этимъ заняться при многочисленныхъ предстоящихъ мнѣ работахъ.

„...Кстати не можете ли вы узнать, гдѣ собственно находятся теперь братья Аксаковы. О нихъ ходятъ здѣсь самые разнорѣчащіе слухи. Вы, можетъ быть, слышали, что жена Огарева [1]) пропадаетъ безъ вѣсти, вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ.

---

[1]) Первая и законная жена Огарева, урожденная Рославлева, а не Милославская, какъ ошибочно напечатано въ моей статьѣ „Идеалисты 30-хъ годовъ“.

„Спасибо вамъ за Родіонова, Леонтьева и т. д., и т. д. Хлопочите также о нашемъ обществѣ, противъ котораго, слышно, возстаютъ нѣсколько лицъ въ журналахъ. Кстати—извольте немедленно отправиться, по полученіи сего, къ гр. Ламбертъ (на Фурштатской, въ соб. домѣ). Она говорила о нашемъ обществѣ съ Мейендорфомъ—и тотъ пожелалъ увидаться съ вами, и графиня мнѣ пишетъ, чтобы я васъ послалъ къ ней. Теперь уже у васъ нѣтъ предлога не идти, и я васъ убѣдительно прошу это сдѣлать и предсказываю вамъ, что если вы это сдѣлаете—вы будете просиживать у ней три вечера въ недѣлю и—это будетъ доброе дѣло (я уже не говорю объ удовольствіи, которое вы чрезъ то получите), потому что она одинокая и больная женщина. Слышите, пожалуйста, ступайте къ ней.

„Гіероглифовъ—издатель Писемскаго! Въ этомъ есть что-то тупо - величественное, какъ въ пирамидѣ... Я останавливаюсь и нѣмѣю.

„Я изрѣдка видаюсь здѣсь съ Чичеринымъ — вотъ, батюшка, разочарованный человѣкъ! Левъ Толстой все въ Іерѣ (Hyères), собирается, однако, сюда пріѣхать.

„Vale et me ama. (Прощай и люби меня — Цицеронъ такъ оканчивалъ свои письма). Жму вамъ крѣпко руку. Вашъ Ив. Т.“

Между тѣмъ, раздраженіе Тургенева противъ Основскаго выросло до такой степени, что разрѣшилось ругательствами, которыя мы выпускаемъ, хотя Тургеневъ продолжалъ молчать великодушно о собственныхъ потеряхъ.

„Парижъ, 7 (19) января 1861. — Спасибо за сообщенныя извѣстія объ изданіи. Я вчера получилъ письмо отъ Плещеева съ подробнѣйшимъ изложеніемъ дѣла. Я ему сегодня же написалъ—и поручилъ ему сговориться съ Фетомъ для обоюдо-остраго дѣйствія. Но, кажется, я останусь въ дуракахъ, хотя особенной грусти по этому поводу не чувствую. Такъ и быть! Но ктобы подумалъ, что Основскій...

„Потѣшаніе надо мною „Свистка“ не удивляетъ меня и могу прибавить, не обинуясь — нисколько меня не оскорбляетъ. Все это въ порядкѣ вещей. Но описаніе ваше нравственнаго состоянія петербургской жизни есть capo d'opera. Размышляя о немъ, начинаешь понимать, какъ въ разлагающемся животномъ зарождаются черви. Старый порядокъ разваливается, и вызванныя къ жизни броженіемъ гнили — выползаютъ на свѣтъ божій разныя гниды, въ лицахъ которыхъ мы—къ сожалѣнію—слишкомъ часто

узнаёмъ своихъ знакомыхъ... Я на дняхъ видѣлъ засыпающаго, хотя дѣльнаго, Слѣпцова. Изъ его словъ я могъ заключить, что „общество“ наше провалилось (я говорю объ обществѣ распространенія грамотности). Онъ не отчаявался провести эту мысль въ другомъ видѣ, но это, кажется, вздоръ. Лишь бы наше другое общество (т.-е. литературнаго фонда) продолжало преуспѣвать! Я надѣюсь недѣль черезъ 6 устроить для него здѣсь чтеніе, а пока извините меня передъ комитетомъ, что я до сихъ поръ не выслалъ должныхъ мною 5 проц. съ прошлогодней литературной выручки и увѣрьте ихъ, что это будетъ исполнено очень скоро. Мнѣ придется заплатить 250 р. сер. Нельзя ли доставить по почтѣ біографію Шамиля? Меня объ этомъ просятъ для одной здѣшней Revue. Кстати—поклонитесь отъ меня земно Макарову за высылку „Искры“. Хотя интереснаго въ ней мало, но она поддерживаетъ въ моемъ носѣ запахъ петербургской жизни, а это важно. — На дняхъ здѣсь проѣхалъ человѣконенавидецъ Успенскій (Николай) и обѣдалъ у меня. И онъ счелъ долгомъ бранить Пушкина, увѣряя, что Пушкинъ во всѣхъ своихъ стихотвореніяхъ только и дѣлалъ, что кричалъ: „на бой, на бой за святую Русь“. Онъ, однако, не вполнѣ одобряетъ Добролюбова. Мнѣ почему-то кажется, что онъ съума сойдетъ.

„Ну—прощайте пока. Жду вашего письма съ необычайнымъ нетерпѣніемъ. Будьте здоровы и кланяйтесь всѣмъ друзьямъ. Преданный вамъ Ив. Т.“.

Бывшій лицеистъ, молодой и въ высшей степени честный, Слѣпцовъ не засыпалъ, когда нужно было ходатайствовать за ближняго или оказать ему дѣятельную помощь. Можно только пожалѣть, что энергія и выдержка у него не были въ уровень съ добрыми намѣреніями и пожеланіями его благороднаго характера. Николай Успенскій, неожиданно замолкшій, послѣ ссоры съ первымъ издателемъ своихъ разсказовъ, Н. А. Некрасовымъ, кажется, здравствуетъ и до сихъ поръ, въ полномъ обладаніи своихъ умственныхъ способностей.

Какъ удивились пріятели Тургенева, разсчитывавшіе на его поддержку въ ихъ разсчетѣ съ Основскимъ, когда получили отъ него формальный отказъ участвовать въ какихъ-либо заявленіяхъ и протестахъ противъ издателя, нанесшаго такой ущербъ ему и погубившаго цѣлое предпріятіе. Въ числѣ негодующихъ тогда находился одинъ изъ заимодавцевъ Основскаго и горячій энтузіастъ самого Тургенева, котораго онъ называлъ основателемъ русскаго женскаго Олимпа, населеннаго богинями непогрѣшимой

нравственной чистоты и прямой, неуклонной воли—именно извѣстный умный, даровитый писатель Иванъ Вас. Павловъ. Г. Павловъ разорвалъ дружелюбныя сношенія съ Тургеневымъ, не понимая—какъ можно потворствовать явному нарушенію своихъ обязанностей и покрывать ихъ молчаніемъ и своимъ именемъ. Но у Тургенева были и логическія, а всего болѣе гуманныя причины поступать такъ, какъ онъ сдѣлалъ. Прежде всего первой причиною неудачи „изданія своихъ сочиненій“ былъ онъ самъ: онъ поручилъ дѣло человѣку, не отвѣчавшему идеалу литературнаго дѣятеля, но очень хорошо отвѣчавшему старой привычкѣ Тургенева предполагать въ простыхъ, малоразвитыхъ людяхъ основы иногда тупой и досадной, но всегда стойкой и неизмѣнной честности. Что касается до высоко гуманныхъ основаній его поведенія, мы даже рѣшаемся выдѣлить изъ переписки одно задушевное письмо его, вовсе не предназначавшееся для публики, но разоблачающее въ сильной и блестящей степени правила и начала Тургенева. Пусть упрекъ въ нескромности падетъ на меня, но скрыть одну черту его характера я не могъ.

„Парижъ, 16 (28) января 1861. — Наконецъ получилъ я столь давно ожиданное отъ васъ письмо, милый другъ — и вы, вѣроятно, не будете сомнѣваться въ моихъ словахъ, когда я скажу вамъ, что никто иво всѣхъ вашихъ пріятелей такъ искренно не обрадовался сообщенному вами извѣстію, какъ я. Моя привязанность къ вамъ старинная, сердечная, а потому и радость была большая. Вамъ извѣстны также мои чувства, къ вашей будущей женѣ, которой прошу передать мой самый дружескій и горячій привѣтъ. Теперь это событіе—столь неожиданное съ перваго разу —кажется мнѣ совершенно естественнымъ и необходимымъ — и чѣмъ больше я о немъ думаю, тѣмъ отраднѣе и прекраснѣе представляется мнѣ ваша будущая жизнь. Слава Богу! Свилъ себѣ человѣкъ гнѣздо, вошелъ въ пристань—не всѣ мы, стало быть, еще пропали! То, о чемъ я иногда мечталъ для самого себя, что носилось передо мною, когда я рисовалъ образъ Лаврецкаго — свершилось надъ вами—и я могу признать все, что дружба имѣетъ благороднаго и чистаго въ томъ свѣтломъ чувствѣ, съ которымъ я благословляю васъ на долгое и полное счастье. Это чувство тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ гуще ложатся тѣни на собственное мое будущее; я это сознаю и радуюсь безкорыстію своего сердца.

Марья Алекс. (Марко-Вовчокъ), которой я сообщилъ ваше письмо, отъ души васъ поздравляетъ. Я непремѣнно хочу увидѣть васъ обоихъ передъ вашимъ отъѣздомъ въ деревню. Я и

безъ того хотѣлъ вернуться въ Россію въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, а теперь это уже дѣло рѣшенное. 15 (27) апрѣля я въ Петербургѣ — можетъ быть, даже раньше. Посмотрю на васъ, прочту вамъ свою новую повѣсть и отпущу васъ—съ Богомъ—„къ четырехъ-угольнымъ грибамъ" [1]). Итакъ ждите меня черезъ три мѣсяца.

„Я получилъ длинное письмо отъ Основскаго, и, оказывается, что онъ дѣйствительно былъ оклеветанъ—и достоинъ сожалѣнія. До него, между прочимъ, дошли слухи—будто я поручалъ вамъ употребить противъ него полицейскія мѣры; будьте такъ добры, напишите ему въ двухъ словахъ, что я ничего подобнаго вамъ не поручалъ: это подниметъ этого придавленнаго человѣка, который въ одно и то же время разоренъ и опозоренъ. Зная ваше доброе сердце, я не сомнѣваюсь въ томъ, что вы немедленно это сдѣлаете. Я не могъ не усомниться въ немъ, вслѣдствіе писемъ отъ его же пріятелей, но я никогда не позволилъ бы себѣ осудить окончательно человѣка бездоказательно.

„Ну, а за симъ—прощайте. Еще и еще поздравляю васъ и крѣпко васъ обнимаю и лобызаю въ обѣ ланиты; а вашей невѣстѣ позволяю себѣ поцѣловать руку. Кланяйтесь всѣмъ пріятелямъ и будьте здоровы и благополучны. Любящій васъ Ив. Т."

Особый эпизодъ—устраненіе распри съ гр. Л. Н. Толстымъ приходится къ этому же времени. Съ апрѣля мѣсяца Тургеневъ находился уже въ своей деревнѣ, Спасскомъ, гдѣ и произошла сцена ихъ столкновенія. Тургеневъ во всѣхъ своихъ письмахъ заявляетъ, что первымъ виновникомъ ссоры былъ онъ самъ своимъ неосторожнымъ словомъ, чтó и должно было предполагать, зная его старую привычку, не кстати возобновившуюся тогда, а именно, отвѣчать ядовитымъ замѣчаніемъ на всякую рѣчь, которая ему не нравилась, а такихъ рѣчей было не мало у гр. Л. Н. Толстого въ послѣднихъ сношеніяхъ его съ Тургеневымъ. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, которое сейчасъ же увидимъ, Тургеневъ старается увѣрить, что Толстой его ненавидѣлъ съ самаго начала, и самъ онъ, Тургеневъ, никогда не любилъ его, но вслѣдъ затѣмъ являются отъ Ивана Сергѣевича извѣстія совершенно противоположнаго смысла и характера. Такіе повороты мысли встрѣчаются очень часто у него, да и въ перепискѣ, какая далѣе прилагается, не рѣдкость

[1]) Четырехъ-угольные грибы, такіе же пруды, толстые корни и другія принадлежности деревни, гдѣ я жилъ лѣтомъ, выдуманы были Тургеневымъ для того, чтобы привести въ соотвѣтствіе обстановку моей резиденціи съ ея хозяиномъ или предполагаемымъ наружнымъ его видомъ. Они много потѣшали общихъ нашихъ друзей.

найти то же самое. Имъ объясняются также и насмѣшливые отзывы его о лицахъ, горячо и искренно имъ любимыхъ. Смущаться или останавливаться передъ такимъ явленіемъ можетъ только тотъ, кто незнакомъ съ обыкновеннымъ, природнымъ, такъ сказать, свойствомъ всякой переписки. Людямъ, занимающимся составленіемъ характеристикъ замѣчательныхъ современниковъ на основаніи такихъ, повидимому, несомнѣнныхъ документовъ, какъ подлинныя письма — можно только рекомендовать большую осторожность при выводахъ, къ какимъ документы эти даютъ поводъ. Въ иностранныхъ литературахъ мы имѣемъ многочисленные примѣры, къ какимъ ложнымъ заключеніямъ приводятъ даже любопытныя, а особенно весьма пикантныя изданія, опубликованныя вскорѣ послѣ смерти замѣчательныхъ личностей и содержащія ихъ интимную и задушевную переписку! (см. Lettres de Merimée à une inconnue, переписку Варнгагена ф. Энзе съ Алекс. Гумбольдтомъ, изданную г-жей Ассингъ, и проч., и проч.). Каждая переписка заключаетъ въ себѣ столько случайныхъ настроеній автора, столько желанія сказать болѣе того, что находилось въ мысли и чувствѣ ея автора, что часто приговоры ея о людяхъ и вещахъ противорѣчатъ дѣйствительному ихъ значенію. Издателю необходимо знать сущность коренныхъ нравственныхъ основъ писателя, чтобъ исправлять мимолетныя увлеченія его пера и не давать имъ смысла общественныхъ обличеній, чистосердечныхъ откровеній.

„Село Спасское, 7 (19) іюня 1861.

„Не ожидалъ я, carissimo mio Annenkovio, что вы такъ и проѣдете черезъ Москву, не обрадовавъ меня присылкой вашихъ достолюбезныхъ „паттдемушей“, несмотря на привѣтъ и поклонъ, посланные вамъ отъ меня черезъ лѣнивѣйшаго изъ хохловъ, Ивана Ильича (Маслова)! Но видно, Москва васъ закружила вихремъ, и я посылаю вамъ сію мою цидулу въ симбирскую губернію, въ страну четырехъ-угольныхъ грибовъ, толстыхъ корней, etc., etc. Надѣюсь, что въ уединеніи и тишинѣ деревенской вы найдете болѣе времени отозваться на мой голосъ.

„Такъ какъ я жду отъ васъ подробностей о вашемъ житьѣ-бытьѣ—то я дерзаю предполагать, что и отъ меня вы ждете таковыхъ же новостей, а потому приступаю къ передаванію оныхъ. (Замѣчаете ли вы, какъ я подражаю вашему стилю!)

„Я здоровъ—это главное; работаю потихоньку—это не совсѣмъ хорошо; гуляю въ ожиданіи охоты; вижусь съ нѣкоими сосѣдями. Объясняемся съ мужиками, которые изъявили мнѣ свое благово-

лѣніе: мои уступки доходятъ почти до подлости. Но вы знаете сами (и вѣроятно въ деревнѣ узнаете еще лучше), что за птица русскій мужикъ: надѣяться на него въ дѣлѣ выкупа—безуміе. Они даже на оброкъ не переходятъ, чтобы, во 1-хъ, не „обязаться"; во 2-хъ, не лишить себя возможности прескверно справлять трехъ-дневную барщину. Всякіе доводы теперь безсильны. Вы имъ сто разъ докажете, что на барщинѣ они теряютъ сто на сто; они вамъ все-таки отвѣтятъ что „несогласны-молъ". Оброчные даже завидуютъ барщиннымъ, что вотъ имъ вышла льгота, а намъ—нѣтъ. Къ счастью, здѣсь въ Спасскомъ мужики съ прошлаго года на оброкѣ.

„Я видѣлъ Фета и даже былъ у него. Онъ пріобрѣлъ себѣ за фабулозную сумму въ 70 верстахъ отсюда 200 десятинъ голой, безлѣсной, безводной земли съ небольшимъ домомъ, который виднѣется кругомъ на 5 верстъ, и возлѣ котораго онъ вырылъ прудъ, который ушолъ, и посадилъ березки, которыя не принялись... Не знаю, какъ онъ выдержитъ эту жизнь (точно въ пирогъ себя запекъ), и главное, какъ его жена не сойдетъ съ ума отъ тоски. Малый онъ, по прежнему, превосходный, милый, забавный—и, по своему, весьма умный.

„Въ этой же деревнѣ совершилось непріятное событіе... Я окончательно разсорился съ Л. Н. Толстымъ (дѣло, entre nous. на волоскѣ висѣло отъ дуэли... и теперь еще этотъ волосокъ не порвался). Виноватъ былъ я, но взрывъ былъ, говоря ученымъ языкомъ, обусловленъ нашей давнишней непріязнью и антипатіей нашихъ обѣихъ натуръ. Я чувствовалъ, что онъ меня ненавидѣлъ и не понималъ, почему онъ — нѣтъ-нѣтъ, и возвратится ко мнѣ. Я долженъ былъ, по-прежнему, держаться въ отдаленіи, попробовалъ сойтись—и чуть было не сошелся съ нимъ на барьерѣ. И я его не любилъ никогда,—къ чему же было давнымъ-давно не понять все это?..

„Я постараюсь вамъ переслать первую (переписанную) половину моего романа. Разумѣется, вы должны мнѣ сказать всю правду. Но сперва напишите мнѣ... Помнится, изъ Симбирска въ Орелъ, т.-е. въ Мценскъ, почта шла чуть не полтора года. Авось въ нынѣшнее время, когда и т. д., произойдетъ улучшеніе.

„Передайте мой самый задушевный поклонъ вашей женѣ. Говорятъ, москвичи ее на рукахъ носили. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, но это меня радуетъ тѣмъ не менѣе.

„Не забудьте, что будущей весной я у васъ крещу сына Ивана. Ну, прощайте, милый мой. Жду отвѣта отъ васъ и дружески, крѣпко жму вамъ руку. Вашъ И. Т."

Для пониманія этого письма необходимо вспомнить, что оно написано тогда, когда „Положеніе о крестьянахъ“ еще не знало „обязательнаго выкупа“ надѣловъ и требовало предварительнаго переведенія земледѣльцевъ на оброкъ, а потомъ уже допускало сдѣлки съ ними. Вотъ этого двойного соглашенія и трудно было добиться у обѣихъ сторонъ, владѣтельской и крестьянской, такъ что обѣ пришли къ убѣжденію, что и освобожденіе крестьянъ есть война, а не миръ. Имѣніе Тургенева принадлежало еще къ счастливымъ по отношенію къ освобожденію. Управляющій имъ, дядя И. С. Тургенева, упоминаемый въ запискахъ г-жи Житовой о семьѣ Тургеневыхъ, Николай Николаевичъ Тургеневъ, былъ опытный хозяинъ. Покамѣстъ помѣщикъ увѣщевалъ бывшихъ своихъ подчиненныхъ, онъ отмежевалъ во всѣхъ имѣніяхъ своего довѣрителя крестьянскіе надѣлы согласно „уставнымъ грамотамъ“ и тѣмъ приготовилъ ихъ переходъ на оброкъ и на выкупъ. Послѣдній и состоялся почти вслѣдъ за тѣмъ. Иванъ Сергѣевичъ могъ гордиться, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ разсчитавшихся окончательно съ крестьянами, кромѣ благодѣяній и услугъ, на которыя онъ былъ щедръ, и которыя всегда оказывалъ и потомъ своимъ ех-крѣпостнымъ.

Впослѣдствіи отношенія между владѣльцемъ села Спасскаго и его управителемъ значительно спутались. Трудно сказать, не имѣя подъ рукой документовъ, кто былъ изъ нихъ правъ. По слухамъ и ходячимъ толкамъ, управляющій Н. Н. Тургеневъ будто бы воспользовался безденежнымъ векселемъ въ 50,000, даннымъ ему владѣльцемъ, съ цѣлью обезпеченія его на случай преждевременной смерти И. С. Тургенева, и представилъ вексель ко взысканію при жизни племянника, будучи еще даже управляющимъ всѣми его имѣніями. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того являлась или продажа части этого имѣнія, или того добра, какое въ немъ находилось. Иванъ Сергѣевичъ искалъ занять такую сумму, и не успѣвъ въ томъ, принужденъ былъ продать великолѣпную виллу, построенную имъ въ Баденѣ, московскому банкиру Ахенбаху и, такимъ образомъ, расквитался съ фиктивнымъ своимъ долгомъ.

Но все это только слухи; переходимъ опять къ фактамъ. Въ сентябрѣ 1861 г. Тургеневъ покинулъ Спасское и явился въ Петербургъ, а въ началѣ октября находимъ его опять въ Парижѣ, откуда онъ и послалъ слѣдующее письмо. Въ немъ онъ увѣдомляетъ о полученіи моего отчета о романѣ „Отцы и дѣти“, много занимавшемъ его, какъ увидимъ, все лѣто въ Спасскомъ, а также продолжаетъ разсказъ о своей исторіи съ Л. Н. Толстымъ.

„Парижъ. 1 (13) октября 1861. Rue de Rivoli, 210.

„Любезнѣйшій П. В., примите отъ меня искреннюю благодарность за ваше письмо, въ которомъ высказывается мнѣніе о моей повѣсти. Оно меня очень порадовало, тѣмъ болѣе, что довѣріе къ собственному труду было сильно потрясено во мнѣ. Со всѣми замѣчаніями вашими я вполнѣ согласенъ (тѣмъ болѣе, что и В. П. Боткинъ находитъ ихъ справедливыми) и съ завтрашняго дня принимаюсь за исправленія и передѣлки, которыя примутъ, вѣроятно, довольно большіе размѣры, о чемъ уже я писалъ къ Каткову. Времени у меня еще много впереди. Боткинъ, который видимо поправляется, сдѣлалъ мнѣ тоже нѣсколько дѣльныхъ замѣчаній и расходится съ вами только въ одномъ: ему лицо Анны Сергѣевны мало нравится. Но мнѣ кажется, я вижу, какъ и что̀ надо сдѣлать, чтобы привести всю штуку въ надлежащее равновѣсіе. По окончаніи работы я вамъ ее пришлю, а вы доставите ее Каткову. Но довольно объ этомъ и еще разъ искреннее и горячее спасибо.

„Остальныя извѣстія, сообщенныя вами, невеселы. Что дѣлать! Дай Богъ, чтобы хуже не было! Пожалуйста,—tenez moi au courant. Это очень важно, и я опять-таки надѣюсь, на ваше всегдашнее и старинное благодушіе.

„Здѣсь (то-есть у меня) идетъ все порядочно и здоровье мое недурно... Только и я имѣю вамъ сообщить не совсѣмъ веселое извѣстіе: послѣ долгой борьбы съ самимъ собою, я послалъ Толстому вызовъ и сообщилъ его Кетчеру для того, чтобы онъ противодѣйствовалъ распущеннымъ въ Москвѣ слухамъ. Въ этой исторіи, кромѣ начала, въ которомъ я виноватъ, я сдѣлалъ все, чтобы избѣгнуть этой глупой развязки; но Толстому угодно было поставить меня au pied du mur (Тютчевы могутъ вамъ подробно разсказать все)—и я не могъ поступить иначе. Весною въ Тулѣ мы станемъ другъ передъ другомъ. Впрочемъ, вотъ вамъ копія моего письма къ нему:

„М. г. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ изъ Петербурга, я узналъ, что вы распространили въ Москвѣ копію съ послѣдняго вашего письма ко мнѣ, причемъ называете меня трусомъ, не желавшимъ драться съ вами, и т. д. Вернуться въ тульскую губ. было мнѣ невозможно, и я продолжалъ свое путешествіе. Но такъ какъ я считаю подобный вашъ поступокъ, послѣ всего того, что̀ я сдѣлалъ, чтобы загладить сорвавшееся у меня слово—и оскорбительнымъ, и безчестнымъ, то предваряю васъ, что я на этотъ разъ не оставлю его безъ вниманія и возвращаясь будущей весной въ Россію, потребую отъ васъ удовлетво-

ренія. Считаю нужнымъ увѣдомить васъ, что я извѣстилъ о моемъ намѣреніи моихъ друзей въ Москвѣ для того, чтобы они противодѣйствовали распущеннымъ вами слухамъ. И. Т.“

„Вотъ и выйдетъ, что самъ я посмѣивался надъ дворянской замашкой драться (въ Павлѣ Петровичѣ) [1]), и самъ же поступлю, какъ онъ. Но видно, такъ уже было написано въ книгѣ Судебъ.

„Ну, прощайте, мой милый П. В. Поклонитесь вашей женѣ и всѣмъ пріятелямъ и примите отъ меня самый крѣпкій shake-hand. Вашъ И. Т.“

„P. S. Арапетовъ здѣсь... Какъ мы обѣдали вчера съ нимъ и съ Боткинымъ!“

Итакъ, еще въ Петербургѣ застало Тургенева извѣстіе о слухѣ, гулявшемъ по Москвѣ уже давно, но картель Толстому онъ послалъ уже изъ Парижа. Можетъ быть, что усилія его примириться съ оскорбленнымъ другомъ и были первой причиной зародившейся сплетни. Гораздо труднѣе разъяснить, что московскіе друзья, вѣроятно, лучше знавшіе основы происшедшаго столкновенія, совѣтовали Тургеневу разъ навсегда, такъ или иначе, покончить съ Толстымъ и настаивали на принятіи и ускореніи дуэли. Тургеневъ дѣйствовалъ наоборотъ. Послѣ сцены въ Спасскомъ, Толстой тотчасъ же уѣхалъ, оставивъ тамъ только свой вызовъ. На другой день Иванъ Серг. послалъ довѣреннаго человѣка въ сосѣднюю деревню къ Толстому выразить ему глубочайшее сожалѣніе о происшедшемъ наканунѣ, и въ случаѣ, если онъ не приметъ извиненія, условиться о мѣстѣ и часѣ ихъ встрѣчи и объ условіяхъ боя. Довѣренное лицо не застало Толстого дома; онъ уѣхалъ въ тульскую губернію, въ другую свою деревню, чуть ли не въ извѣстную „Ясную Поляну“. Довѣренное лицо исполнило точно свое порученіе. Толстой объявилъ, что драться съ Тургеневымъ онъ теперь не намѣренъ для того, чтобы не сдѣлать ихъ обоихъ сказкой читающей русской публики, которую онъ питать скандалами не имѣетъ ни охоты, ни повода. Извиненій Тургенева онъ, однако же, какъ было слышно тогда, не принялъ, а вмѣсто того отвѣчалъ письмомъ, которое и дало поводъ Тургеневу сказать: „дѣло висѣло на волосокъ отъ дуэли, и теперь еще волосокъ не порвался“; онъ и порвался бы дѣйствительно, еслибы не случилось совершенно неожиданнаго обстоя-

[1]) Кирсановѣ изъ „Отцовъ и дѣтей“. Павелъ Петровичъ Кирсановъ дрался, какъ помнитъ читатель, на дуэли съ Базаровымъ и легко раненый возвратился лечиться въ деревню и эффектно выздоравливать.

тельства. Оказалось, что вся исторія о письмѣ и весь слухъ объ изворотливости и трусости Ивана Сергѣевича суть не болѣе, какъ произведенія фантазіи чьего-то досужаго ума. Проживая еще въ деревнѣ, я получилъ изъ Петербурга и почти вслѣдъ за приведеннымъ выше письмомъ изъ Парижа, еще записку отъ Тургенева изъ Петербурга такого содержанія [1]):

„26 октября (7 ноября) 1861. С.-Петербургъ.

„Любезный П. В. Я начинаю терять надежду получить отъ васъ письмо, хотя бы съ простымъ извѣщеніемъ, что вы здоровы;—и если я теперь пишу къ вамъ, то единственно съ цѣлью извѣстить васъ о слѣдующемъ: я получилъ отъ Л. Н. Толстого письмо, въ которомъ онъ объявляетъ мнѣ, что слухъ о распространеніи имъ копіи оскорбительнаго для меня письма есть чистая выдумка. вслѣдствіе чего мой вызовъ становится недѣйствительнымъ,—и мы драться не будемъ, чему я, конечно, очень радъ. Сообщите это Колбасину—и пусть онъ менѣе вѣритъ своимъ друзьямъ. Желалъ бы я также узнать ваше мнѣніе на счетъ печатанія моей повѣсти, но на васъ нашла нѣмота, и я очень былъ бы радъ узнать, что вы, по крайней мѣрѣ, живы и здоровы. Кланяюсь всѣмъ вашимъ и жму вамъ руку. И. Т.“

Такъ и кончилось дѣло, которому и начинаться не слѣдовало бы. Полное примиреніе между врагами произошло за годъ или за два до смерти одного изъ нихъ и притомъ произошло по письму гр. Л. Н. Толстого, котораго, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукой. Тургеневъ сохранялъ до послѣдняго дня своего воспоминанія о немъ, какъ о трогательнѣйшемъ сердечномъ воплѣ человѣка, призывающаго старыя, простыя, дружескія связи и сношенія. Онъ ихъ получилъ вполнѣ и охотно, такъ что прежнія увѣренія Тургенева, что онъ никогда не любилъ Толстого, должно опять считать не болѣе, какъ вспышкою и увлеченіями пріятельской переписки.

Такъ прошли первые полгода. Остальная половина посвящена была преимущественно созданію „Отцовъ и дѣтей“ и выражаетъ въ перепискѣ всѣ перипетіи, чрезъ которыя романъ проходилъ

[1]) Мы изъясняемъ то обстоятельство, что записка помѣчена: „С.-Петербургъ“ послѣ того, какъ на предъидущемъ письмѣ сдѣлана отмѣтка: „Парижъ“—предположеніемъ слѣдующаго рода. Слухъ о московской сплетнѣ засталъ еще Тургенева на берегахъ Невы, какъ знаемъ. Онъ тогда же написалъ Толстому письмо, копію съ котораго переслалъ мнѣ изъ Парижа, и тогда же получилъ отвѣтъ отъ послѣдняго, который сообщалъ мнѣ теперь изъ Петербурга, еще имъ непокинутаго.

въ его умѣ, да бесѣдамъ съ мужиками, а наконецъ, съ ноября, извѣстіямъ о Парижѣ. Сведенныя вмѣстѣ и поставленныя рядомъ другъ съ другомъ данныя эти представляютъ очень занимательную и довольно пеструю картину. Относительно „Положенія о крестьянахъ“ и Тургеневъ пришелъ, наконецъ, къ заключенію, что всякіе выводы изъ него, въ эту эпоху оригинальнаго усвоенія его народомъ, были бы и преждевременны, и ложны. Я получилъ отъ него, по лѣту, такое письмо:

„Село Спасское. 10 іюля 1861.

„Милый П. В.,—давно мнѣ слѣдовало отвѣчать на ваше письмо изъ Чирькова, но я только-что вернулся съ охотничьей экспедиціи, совершенной нами вмѣстѣ съ Фетомъ,—экспедиціи, которая, кромѣ ряда самыхъ непріятно-комическихъ несчастій и неудачъ, не представила ничего замѣчательнаго. Я потерялъ собаку, зашибъ себѣ ногу, ночью въ карповскомъ трактирѣ чуть не умеръ—однимъ словомъ, чепуха вышла не суразная, какъ говоритъ Фетъ. Теперь я снова подъ кровомъ спасскаго дома и отдыхаю отъ всѣхъ этихъ треволненій,—слѣдовательно настало лучшее время, чтобъ перекинуться съ вами двумя-тремя словами.

Но, прежде всего,—ни слова о крестьянскомъ дѣлѣ (хотя я очень вамъ благодаренъ за доставленныя подробности). Это дѣло растетъ, ширится, движется, во весь просторъ россійской жизни, принимая формы бо́льшей частью безобразныя. И хотѣть теперь сдѣлать ему какой-нибудь путный résumé—было бы безуміемъ, даже предвидѣть за-долго ничего нельзя. Мы всѣ окружены этими волнами, и онѣ несутъ насъ. Пока можно только сказать, что здѣсь все тихо, волости учреждены и сельскіе старосты введены, а мужички поняли одно,—что ихъ бить нельзя и что барская власть вообще послаблена, вслѣдствіе чего должно „не забывать себя“; мелкопомѣстные дворяне вопятъ, а исправники стегаютъ ежедневно, но по-немногу. Общая картина, при предстоящемъ худомъ урожаѣ, не изъ самыхъ красивыхъ, но бываютъ и хуже. На оброкъ крестьяне не идутъ, и на новыя свои власти смотрятъ странными глазами... но въ работникахъ пока нѣтъ недостатка, а это главное. Будемъ выжидать дальнѣйшаго.

„Работа моя быстро подвигается къ концу. Какъ бы я былъ радъ показать ее вамъ и послушать вашего сужденія!.. Но какъ это сдѣлать? Я хотѣлъ-было послать вамъ первую часть, но теперь, когда уже обѣ части почти готовы, мнѣ не хочется подвергать мою работу впечатлѣніямъ и сужденіямъ въ разбивку. Умудрюсь, какъ-нибудь, послать вамъ всю штуку, о которой я,

разумѣется, въ теперешнее время совершенно не знаю, что сказать.

„Ну-съ, а какъ идетъ ваша женатая жизнь? Должно быть, отлично... Дай вамъ Богъ всякихъ удовольствій побольше, начиная, разумѣется, съ удовольствія быть родителемъ.

„Нелѣпое мое дѣло съ Толстымъ окончательно замерло, т.-е. мы окончательно разошлись, но драться уже не будемъ [1]). То-то была чепуха! Но я повторяю, что виноватымъ въ ней былъ я. Когда-нибудь, на досугѣ, разскажу вамъ всю эту ерунду, выражаясь слогомъ писателей „Современника“.

„Отъ моей дочки письма приходятъ довольно аккуратно. Она въ Швейцаріи. Какъ бы я желалъ выдать ее замужъ [2]) осенью или въ первые зимніе мѣсяцы, чтобы хотя къ Новому году прибыть въ Петербургъ!

„Прощайте, carissimo; жму вашу лапку и цѣлую ручку вашей жены. Вашъ И. Т.“

Послѣднія письма изъ Спасскаго относятся къ 18 и 28 августа 1861 г. Въ одномъ изъ нихъ онъ извѣщаетъ объ окончаніи романа „Отцы и дѣти“, 20-го іюля. Судя по свѣденіямъ, какія имѣемъ—романъ писался почти около года, часто прерываясь, и шелъ то ускоренными, то медленными шагами. Ему предстояли еще цѣлые полгода поправокъ, измѣненій, переговоровъ, пока онъ явился въ печати и произвелъ то впечатлѣніе, о которомъ еще будемъ говорить. Не даромъ, замѣчалъ самъ авторъ, что онъ работалъ надъ нимъ усердно, долго, добросовѣстно. Значительная доля труда и таланта, положенная на его созданіе, только и могли упрочить ему тотъ громадный успѣхъ и ту враждебность, какими онъ пользовался въ свое время. Представляемъ покамѣстъ послѣднія письма изъ Спасскаго:

„Село Спасское. 6 (18) августа 1861.

„Мнѣ давно слѣдовало написать вамъ, дорогой П. В.,—но

---

[1]) Писано еще до разрѣшенія всего вопроса въ октябрѣ, о чемъ уже было говорено.

[2]) С. П. Б—ъ, въ своихъ „Воспоминаніяхъ о селѣ Спасскомъ-Лутовиновѣ и И. С. Тургеневѣ“, изданныхъ въ январьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“, и тутъ дѣлаетъ ошибку, говоря, что Тургеневъ выдалъ свою дочь за „французскаго фабриканта Шамера“, разорившагося будто бы при франко-прусской войнѣ. Г-нъ Шамеро́ женатъ на одной изъ дочерей г-жи Віардо и никогда не былъ фабрикантомъ: онъ владѣлъ и теперь владѣетъ одною изъ первыхъ типографій въ Парижѣ, основанной въ прошедшемъ столѣтіи Фирменомъ Дидо́—извѣстная издательская фирма.

чортъ знаетъ, какъ это выходило: собирался безпрестанно, а пишу только теперь. Извините великодушно и выслушайте снисходительно.

„О моей глупости съ Т. (Толстымъ)—говорить не стану, она давно упала въ Лету, оставивъ во мнѣ ощущеніе стыда и конфуза, которое возобновляется всякій разъ, какъ только воспоминаніе коснется всей этой нелѣпой продѣлки. Мимо!

„Мой трудъ оконченъ наконецъ.—20 іюля написалъ я блаженное послѣднее слово. Работалъ я усердно, долго, добросовѣстно: вышла длинная вещь (листами двумя печатными длиннѣе „Дворянскаго гнѣзда“). Цѣль я, кажется, поставилъ себѣ вѣрно, а попалъ ли въ нее—Богъ знаетъ.

„А отсюда выѣзжаю около 25-го, и передавая рукопись Каткову, непремѣнно потребую, чтобы онъ далъ вамъ ее прочесть (такъ какъ, вѣроятно, раньше ноября эта вещь не явится [1]), а вы непремѣнно напишите мнѣ подробную критику въ Парижъ—poste restante. Такъ какъ у меня будетъ черновая тетрадь, то мнѣ можно будетъ сдѣлать нужныя измѣненія и выслать ихъ заблаговременно въ Москву. Если вы не скоро пріѣдете въ сей послѣдній городъ, то я скажу Каткову, чтобы онъ велѣлъ переписать и послать вамъ рукопись.

„Провелъ я лѣто здѣсь порядочно; ни разу не болѣлъ, но охотился очень несчастливо. Дѣла по крестьянскому вопросу (что касается до меня) остаются въ statu quo—до будущаго года; надѣюсь, однако, уломать здѣшнихъ крестьянъ на подписаніе уставной грамоты. До сихъ поръ они очень упорствуютъ и носятся съ разными задними мыслями, которыхъ, разумѣется, не высказываютъ.

„Читаю я мало, и то, что мнѣ попадается изъ русскихъ журналовъ, не очень способно возбудить желаніе подобнаго упражненія. Совершился какой-то наплывъ бездарныхъ и рьяныхъ семинаровъ—и появилась новая, лающая и рыкающая литература. Что изъ этого выйдетъ—неизвѣстно,—но вотъ и мы попали въ старое поколѣніе, не понимающее новыхъ дѣлъ и новыхъ словъ. А Вѣкъ-то, Вѣкъ! Хуже этого нашего журнала еще не бывало.

„Вы еще успѣете написать мнѣ, если отвѣтите тотчасъ, сюда: долго ли вы думаете еще прожить въ деревнѣ, и какія ваши планы на зиму? Мои же планы не отъ меня зависятъ, а отъ того, когда и какъ выдамъ я свою дочь и выдамъ ли ее. Очень бы хотѣлось хотя въ январѣ вернуться въ Питеръ.

---

[1]) Она явилась въ мартѣ 1862, во второй книжкѣ „Русскаго Вѣстника“, какъ знаемъ. Всѣ слова курсивомъ назначены авторомъ письма.

„Здѣсь я очень часто вижу Фета. Онъ, по прежнему, очень хорошій малый. Впрочемъ, новыхъ знакомствъ, какъ и новыхъ чувствъ, новыхъ намѣреній—нѣтъ. Мы ужъ рады теперь, когда продолжаемъ безбѣдно.

„Ну прощайте, милый П. В. Когда увидимся—Богъ вѣсть. А вы не оставляйте меня своими письмами, на которыя я буду отвѣчать исправно, по старому. Обнимаю васъ—преданный вамъ И. Т.“

Черезъ 10 дней получена была изъ Спасскаго коротенькая записка, которую здѣсь прилагаемъ, несмотря на то, что она содержитъ похвальный отзывъ объ одной изъ моихъ статеекъ, но біографическое ея значеніе отъ этого не уменьшается.

„Село Спасское, 28 августа 1861.—Милый П. В. Я не могу уѣхать изъ Спасскаго (это событіе совершится завтра), не отозвавшись хотя коротенькимъ словомъ на ваше дружелюбное письмо. Мнѣ очень жаль, что не увижу васъ передъ моимъ путешествіемъ за границу; авось свидимся въ февралѣ—потому что я лишней минуты не пробуду въ Парижѣ. Моя повѣсть будетъ вручена Каткову, съ особенной инструкціей, а именно: по прибытіи вашемъ въ Москву рукопись должна быть вручена вамъ, и вы, по прочтеніи, напишите мнѣ въ Парижъ подробное ваше мнѣніе, съ критикою того, что вы найдете недостаточнымъ; я сейчасъ же примусь за поправки—и къ новому году все будетъ давнымъ давно готово. Вы, я увѣренъ, исполните мою просьбу съ обычнымъ вашимъ благодушіемъ и безпристрастьемъ. А адресъ мой пока: въ Парижъ, poste restante. Я вамъ изъ Парижа напишу въ Москву на имя Маслова. Ну, будьте здоровы, вы оба съ вашей женою, которой я усердно кланяюсь—и пусть долго продолжается ваше счастливое и тихое житье. Да, кстати... Я прочелъ вашу статью о „двухъ національныхъ школахъ“ и нашелъ ее превосходной. И я увѣренъ, что на нее обратили бы гораздо больше вниманія, если бы она явилась не въ этой темной и глухой дырѣ, называемой „Библіотека для чтенія“. По милости этой статьи, я съѣзжу въ Бельгію. Ну—еще разъ обнимаю васъ. Преданный И. Т.“

Въ сентябрѣ, я самъ былъ въ Москвѣ. Тургеневъ уже проѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда въ Парижъ. Все такъ и произошло, какъ онъ намѣтилъ и указалъ. Едва успѣлъ я дать знать о моемъ прибытіи въ редакцію „Русскаго Вѣстника“, какъ изъ нея явился какой-то молодой человѣкъ съ рукописью, которую и оставилъ у меня, прося не задержать. Зачѣмъ нужно было это предостереженіе, когда рукопись предназначалась къ печати еще

въ февралѣ будущаго 1862 г.,—но оно объясняется опасеніемъ редакціи утерять капитальную вещь, пріобрѣтенную ею. Съ ней это случалось—вспомнимъ о „Фаустѣ“ того же Тургенева. Исполняя предписаніе, я въ два дня проглотилъ романъ, который мнѣ показался грандіознымъ созданіемъ, какимъ онъ дѣйствительно и былъ. Помню, что меня поразила одна особенность въ характерѣ Базарова: онъ относится съ такимъ же холоднымъ презрѣніемъ къ собственному своему, искреннему чувству, какъ къ идеямъ и обществу, между которыми живетъ. Эта монотонность, прямолинейность отрицанія мѣшаетъ въ него вглядѣться и распознать его психическую основу. Кажется, я тотчасъ же и передалъ это замѣчаніе автору романа, но въ общемъ извѣстіи о полученіи отзыва моего не видно, чтобы онъ далъ ему какую-либо цѣну. То же самое было почти и со всѣми другими отзывами: Тургеневъ былъ доволенъ романомъ и не принималъ въ соображеніе замѣчаній, которыя могли бы измѣнить физіономію лицъ или разстроить планъ романа. Между тѣмъ, при отъѣздѣ изъ Москвы онъ оставилъ еще у Маслова, для передачи мнѣ, записочку, въ которой поручаетъ взять обратно у Каткова согласіе, данное имъ на раздѣленіе и напечатаніе его труда въ 2-хъ или 3-хъ частяхъ. „Я скорѣе соглашусь,—говорилъ Тургеневъ,—чтобы онъ напечаталъ мою вещь въ нынѣшнемъ году, съ обѣщаніемъ выдать ее отдѣльной книжкой новымъ подписчикамъ. Вообще поручаю себя и свое дѣтище вамъ въ совершенное распоряженіе“.

Необходимость личнаго объясненія съ г. Катковымъ была очевидна. Въ одно утро я собрался и явился у его дверей. М. Н. Катковъ принялъ меня очень добродушно, но рѣчь его была сдержана. Онъ не восхищался романомъ, а напротивъ, съ первыхъ же словъ замѣтилъ: „какъ не стыдно Тургеневу было спустить флагъ передъ радикаломъ и отдать ему честь, какъ передъ заслуженнымъ воиномъ“. — Но, М. Н., — возражалъ я,—этого не видно въ романѣ, Базаровъ возбуждаетъ тамъ ужасъ и отвращеніе. „Это правда, — отвѣчалъ онъ, — но въ ужасъ и отвращеніе можетъ рядиться и затаенное благоволеніе, а опытный глазъ узнаетъ птицу въ этой формѣ“...—Неужели вы думаете, М. Н.,—воскликнулъ я,—что Тургеневъ способенъ унизиться до апоѳеозы радикализму, до покровительства всякой умственной и нравственной распущенности?.. „Я этого не говорилъ,—отвѣчалъ г. Катковъ, горячо и видимо одушевляясь,—а выходитъ похоже на то. Подумайте только, молодецъ этотъ, Базаровъ, господствуетъ безусловно надо всѣми и нигдѣ не встрѣчаетъ себѣ никакого дѣльнаго отпора. Даже и смерть его есть еще торжество, вѣнецъ, короную-

щій эту достославную жизнь, и это, хотя и случайное, но все-таки самопожертвованіе. Далѣе идти нельзя!" —Но, М. Н.—замѣчалъ я, —въ художественномъ отношеніи никогда не слѣдуетъ выставлять враговъ своихъ въ неприглядномъ видѣ, а напротивъ, рисовать ихъ съ лучшихъ сторонъ. — „Прекрасно-съ,—полу-иронически и полу-убѣжденно возражалъ г. Катковъ,—но тутъ, кромѣ искусства, припомните, существуетъ еще и политическій вопросъ. Кто можетъ знать, во что обратится этотъ типъ? Вѣдь это только начало его. Возвеличивать спозаранку и украшать его цвѣтами творчества значитъ дѣлать борьбу съ нимъ вдвое труднѣе впослѣдствіи. Впрочемъ,—добавилъ г. Катковъ, подымаясь съ дивана,—я напишу объ этомъ Тургеневу и подожду его отвѣта".

Мы можемъ сослаться на самого почтеннаго издателя „Моск. Вѣдомостей", что сущность нашего разговора о романѣ Тургенева была именно такова, какъ здѣсь изложено. Изъ полемики, возгорѣвшейся послѣ появленія „Отцовъ и Дѣтей", причемъ Тургеневъ далъ и отрывокъ изъ письма къ нему г. Каткова. видно, что послѣдній писалъ именно въ томъ смыслѣ, какъ говорилъ со мной. Множество искушеній долженъ былъ пережить Тургеневъ въ Парижѣ относительно лучшаго совершеннѣйшаго своего произведенія, начиная съ совѣта предать его огню, даннаго семьей Т—выхъ, которую онъ очень уважалъ, а особенно хозяйку его, весьма умную, развитую и свободную духомъ женщину Алекс. Петр. Т—ву. Восемь дней спустя послѣ перваго парижскаго, уже знакомаго намъ письма, я получилъ отъ него записочку такого содержанія:

„Парижъ. 8 октября н. с. 1861. — Что же это вы, батюшка П. В., изволите хранить такое упорное умолчанье—когда вы знаете, что я во всякое время, и теперь въ особенности, ожидаю вашихъ писемъ. Предполагаю, что вы уже прибыли въ Петербургъ и пишу вамъ черезъ Тю—выхъ, которые (какъ они уже, вѣроятно, вамъ сообщили) осудили мою повѣсть на сожженіе или по крайней мѣрѣ на отложеніе ея въ дальній ящикъ. Я желаю выйти изъ неизвѣстности—и если ваше мнѣніе и мнѣніе другихъ московскихъ друзей подтвердитъ мнѣніе Т—выхъ, то „Отцы и Дѣти" отправятся къ... Пожалуйста напишите мнѣ, не мѣшкая. Адресъ мой: Rue de Rivoli, 210.

„Здѣсь я нашелъ все въ порядкѣ: погода стоитъ лѣтняя, иначе нельзя ходить, какъ въ лѣтнихъ панталонахъ. Изъ русскихъ почти никого нѣтъ, кромѣ В. П. Боткина, который—entre nous soit dit—окончательно превратился въ безобразно-эгоистическаго, цинич-

скаго и грубаго старика. Впрочемъ, вкусъ у него все еще не выдохся — и такъ какъ онъ лично ко мнѣ не благоволитъ, то его сужденію о моемъ дѣтищѣ можно будетъ повѣрить. Сегодня начинаю читать ему.

„Сообщите мнѣ, ради Бога, что у васъ тамъ дѣлается. Въ самое время моего отъѣзда стояла странная погода. Всѣ ли здоровы?

„Пришлите мнѣ вашъ адресъ. Кланяюсь вашей женѣ, всей вашей роднѣ и всѣмъ знакомымъ. Вашъ И. Т.“

Приговоръ Т—выхъ вышелъ изъ началъ совершенно противуположныхъ тѣмъ, которыя руководили мнѣніемъ г. Каткова; они боялись за анти-либеральный духъ, который отдѣлялся отъ Базарова, и отчасти предвидѣли непріятныя послѣдствія для Тургенева изъ этого обстоятельства. Такимъ образомъ, наканунѣ появленія „Отцовъ и Дѣтей“ обозначились ясно два полюса, между которыми дѣйствительно и вращалось долгое время сужденіе публики о романѣ. Одни осуждали автора за идеализацію своего героя, другіе упрекали его въ томъ, что онъ олицетворилъ въ немъ не самыя существенныя черты современнаго настроенія. Время обнаружило, что обѣ точки зрѣнія были одинаково несостоятельны, и поставило романъ на его настоящую почву, признавъ въ немъ художественное отраженіе цѣлой эпохи, которое всегда вызываетъ подобные упреки и недоразумѣнія. Кажется, и самъ Тургеневъ, встрѣтивъ эти противуположныя теченія общественной мысли, былъ сконфуженъ. Онъ хотѣлъ остановить печатаніе романа и передѣлать лицо Базарова съ начала до конца, какъ о томъ и писалъ даже къ г. Каткову. Къ счастью, этого не случилось: „Отцы и Дѣти“ явились въ печати въ томъ видѣ, какъ сошли съ его пера. Въ запискѣ встрѣчаются загадочныя фразы: „Въ самое время моего отъѣзда стояла странная погода. Всѣ ли вы здоровы?“ Объясняются они, какъ намекъ на первую уличную манифестацію студентовъ въ Петербургѣ, тогда же происшедшую и тогда же подавленную. Печальная исторія эта чрезвычайно заинтересовала заграничныхъ корреспондентовъ нашихъ. Множество англійскихъ, нѣмецкихъ и французскихъ газетъ говорили о студенческой манифестаціи съ участіемъ, но по обыкновенію, извращая и преувеличивая факты. Тургеневъ даже испугался и спрашивалъ въ коротенькой записочкѣ—не пріостановить ли печатаніе романа? Такимъ образомъ, романъ, до своего появленія, пережилъ уже три рѣшенія или катастрофы, которыя ему предстояли: сожженіе въ каминѣ, передѣлка съизнова лица

Базарова, пріостановленіе появленія въ печати. Для характеристики времени считаемъ нужнымъ передать содержаніе записочки:

„Суббота. Парижъ, 14 (26) октября 1861 г.

„Любезный другъ, пишу вамъ нѣсколько словъ для того только, чтобы убѣдительнѣйше просить васъ написать мнѣ. Я знаю, какъ это теперь должно быть тяжело и трудно,—но возьмите въ соображеніе, въ какомъ мы здѣсь находимся состояніи. Самые печальные слухи доходятъ до насъ — не знаешь, чему вѣрить и что думать. Сообщите, хотя вкратцѣ, перечень фактовъ, совершающихся около васъ.

„Прошу также вашего совѣта: не думаете ли вы, что при теперешнихъ обстоятельствахъ слѣдуетъ отложить печатаніе моей повѣсти? Поправки всѣ почти окончены—но мнѣ кажется, что надо подождать. Ваше мнѣніе на этотъ счетъ рѣшитъ дѣло—и я тотчасъ же дамъ знать Каткову.

„Говорить о томъ, чтó я чувствую, невозможно, да и кажется не нужно. Утѣшать себя тѣмъ, что „я молъ все это предвидѣлъ и предсказывалъ“—доставляетъ мало удовольствія. Богомъ васъ умоляю, окажите на дѣлѣ вашу старинную дружбу—и напишите.

„О себѣ сказать вамъ пока нечего: я здоровъ и живу по прежнему. Русскихъ вижу немного. В. П. Боткинъ процвѣтаетъ и объѣдается. Кланяюсь всѣмъ вашимъ и вамъ, и вашей женѣ жму руки. Вашъ И. Т.

„Rue Rivoli, 210“.

Вторая записка, полученная изъ Парижа, была непонятнаго характера для меня лично. Въ ней сообщалось, что туда дошелъ слухъ о томъ, что я предпринялъ изданіе журнала и даже получилъ на это разрѣшеніе. Поводомъ къ этому слуху, удивившему меня болѣе, чѣмъ друзей моихъ, какъ слѣдуетъ полагать, было слѣдующее обстоятельство. Министръ внутреннихъ дѣлъ, П. А. Валуевъ, искалъ редактора для предпринятой имъ оффиціальной газеты „Правительственный Вѣстникъ“, которая, кромѣ прямыхъ сообщеній правительства, должна была поправлять всѣ невѣрные слухи о намѣреніяхъ администраціи, опровергать несправедливые толки о тѣхъ мѣрахъе я, которыя уже явились на свѣтъ, и вообще наблюдать за журналами и возстановлять истину, когда она попиралась ими. Въ числѣ многихъ именъ кандидатовъ на редакторство, вѣроятно, находилось и мое; это было, какъ полагаю, первымъ толчкомъ къ слуху, о которомъ я ничего не зналъ. Между тѣмъ, выборъ былъ сдѣланъ—въ лицѣ А. В. Никитенко, и по моему,

очень удачный, ибо подъ его редакціей газета обратилась просто въ оффиціальную, справочную газету и никакихъ другихъ затѣй, о которыхъ такъ много говорили, не предъявила, а всего менѣе заявляла претензію быть руководительницей и наставницей другихъ изданій. Городская молва привязалась также и къ имени А. В. Никитенко, наградивъ его жалованьемъ въ 10,000 с., что было нелѣпо—въ виду громадности и необычайности суммы. Раздраженный, я написалъ Тургеневу насмѣшливое письмо, гдѣ и разсказалъ процедуру возникновенія новаго органа и великаго шума безъ всякаго результата, имъ произведеннаго. Вторая записка его гласила:

„Парижъ, 3 дек. (21 нояб.) 1861.—„Любезнѣйшій Ан. Во-первыхъ, благодарите отъ моего имени Т-ва, за высылку 3-хъ экзем. моихъ „Сочиненій", которыя я получилъ исправно. Во-вторыхъ—правда ли, что вы собираетесь издавать журналъ и уже получили разрѣшеніе? Я этому не совсѣмъ вѣрю—по той причинѣ, что вы, вѣроятно бы, уже извѣстили меня объ этомъ; но вспомнивъ вашу скрытность передъ вступленіемъ въ бракъ, я колеблюсь. Въ-третьихъ—взяли ли вы отъ того же Т-ва 100 сер. для стипендіи двумъ бѣднымъ студентамъ и отдали ли кому слѣдуетъ? Напишите словечко. А если вы точно собираетесь издавать журналъ, то эта мысль у васъ отличная. Я бы, разумѣется, сталъ вашимъ исключительнымъ сотрудникомъ, насколько хватило бы силъ. Правда, этимъ немного сказано—потому что я очень ослабѣваю въ литературномъ отношеніи и пера въ руки не беру. Каткову я далъ знать о нежеланіи моемъ печатать „Базарова" въ теперешнемъ видѣ—да и онъ, кажется, этого не желаетъ, а передѣлка, между нами, еще далеко не кончена.

„У васъ, въ Петербургѣ, кажется, все по немногу утихаетъ. Напишите объ этомъ. Правда ли, что Добролюбовъ опасно боленъ. Очень было бы жаль, еслибъ онъ умеръ. Вы, навѣрное, видите Дружинина и Писемскаго: поклонитесь имъ отъ меня. Вы знаете, бѣдная гр. Ламбертъ потеряла своего единственнаго сына... Она не переживетъ этого удара.

„Я въ довольно грустномъ настроеніи духа, тѣмъ болѣе, что вотъ уже третій день, какъ моя старая болѣзнь, о которой я уже забылъ думать, вернулась ко мнѣ. А эта штука очень скверная. Нѣтъ ли чего-нибудь новаго въ беллетристикѣ? Прощайте, милый П. В. Будьте здоровы—это главное. Жму вамъ руку и кланяюсь вашей женѣ. Преданный вамъ И. Т."

Наконецъ, прилагаемъ и послѣднее письмо Тургенева того же года изъ Парижа, полученное въ декабрѣ 1861 года.

„11 (23) декаб. 1861. Парижъ. Rue de Rivoli, 210.

„Получилъ я ваше сурово-юмористическое письмо, любезнѣйшій П. В., и по обыкновенію, узнавъ изъ него лучше всю суть современнаго положенія петерб. общества, чѣмъ изъ чтенія журнальныхъ корреспонденцій и т. д., говорю вамъ спасибо, но удивляюсь начальной вашей фразѣ, изъ которой я долженъ заключить, что, по крайней мѣрѣ, одно мое письмо къ вамъ затерялось. Но видно, что̀ съ возу упало, то пропало, и не намъ тужить о неисправностяхъ почты. Это въ сторону. Сто рублей въ Москву посылать нечего: тамъ сіяетъ великій Чичеринъ—чего же еще? Возьмите изъ этихъ денегъ недостающее на подписку журналовъ, а остальное храните у себя до времени. Кстати, узнайте изъ бумагъ архива — взнесъ ли я въ нынѣшнемъ году весной при проѣздѣ 40 р. отъ имени Ханыкова. Если нѣтъ—значитъ, я забылъ, и вы взнесите.

„Огорчила меня смерть Добролюбова, хотя онъ собирался меня съѣсть живымъ. Послѣдняя его статья, какъ нарочно, очень умна, спокойна и дѣльна. Вы мнѣ ничего не пишите о литературѣ— видно, о ней нечего писать. А я прочелъ въ „Современникѣ“ повѣсть Помяловскаго: „Молотовъ“, и порадовался появленію чего-то новаго и свѣжаго, хотя недостатковъ много, но это все недостатки молодости. Познакомились ли вы съ нимъ? Что это за человѣкъ?

„А я, кажется, обреченъ въ жертву сплетнямъ. На дняхъ долженъ былъ послать успокоительную телеграмму Каткову въ отвѣтъ на исполненное брани и упрековъ письмо... Все дѣло возгорѣлось по поводу моей злополучной повѣсти, поправки которой все еще не кончены. Судя по охватывающей меня со всѣхъ сторонъ апатіи—это будетъ, вѣроятно, послѣднее произведеніе моего краснорѣчиваго пера. Пора натягивать на себя одѣяло—и спать.

„Здѣсь жизнь идетъ, какъ по маслу, безобразно, но тихо.

„Правительство ждетъ и желаетъ войны съ Америкой. На дняхъ одинъ мой знакомый протестантскій пасторъ былъ призываемъ въ министерство и тамо угрожаемъ за помѣщеніе въ своемъ журнальцѣ, коего названіе: piété-charité — статьи о невольничествѣ. Статья эта состоитъ изъ 4 страничекъ и была написана дочерью Н. И. Тургенева. Ему объявили, что въ предвидѣніи войны—на невольничество не должно смѣть нападать... А m-r Pel-

letan осужденъ на 3 мѣс. тюремнаго заключенія за то, что пожелалъ Франціи свободу, которою пользуется Австрія.—Какъ же тутъ не умиляться!

„Здоровье мое порядочно: это главное. Кланяйтесь женѣ вашей и всѣмъ пріятелямъ. Вашъ И. Т.

„PS. 1-е. Слышалъ я, что разрѣшили представить „Нахлѣбника"; въ такомъ случаѣ передаю вамъ всѣ свои права и прошу въ особенности обратить вниманіе на то, чтобы „Нахлѣбника" не давали безъ прибавочной сцены во 2 актѣ, которую я давнымъ давно выслалъ Щепкину и которую могу выслать вамъ теперь.

„PS. 2-е. Никитенко [1]), получающій 10,000 руб. сер. за редакторство журнала, есть фактъ, достойный остромыслія Щедрина".

Наконецъ, наступилъ и 1862 г., которымъ кончился второй періодъ дѣятельности Тургенева, а также кончается и наша статья. О третьемъ и послѣднемъ періодѣ надѣемся говорить вскорѣ. Жизненные періоды у замѣчательныхъ литераторовъ обозначаются рѣзко ихъ произведеніями. „Рудинъ" въ 1856 г. завершилъ собою всю подготовительную эпоху исканія психическихъ и соціальныхъ мотивовъ, пробуя открыть ихъ источникъ то въ картинахъ сельскаго быта, то въ біографическихъ данныхъ собственной семьи, то въ явленіяхъ жизни, возведенныхъ до значенія руководящихъ началъ. Рудинъ, былъ олицетвореніемъ глубокихъ убѣжденій — но безъ нравственныхъ силъ, необходимыхъ для ихъ осуществленія и даваемыхъ только исторіей, характеромъ національности, свойствами культуры, личными свойствами. „Базаровъ" въ 1862 г. явился уже законченнымъ типомъ человѣка, вѣрующаго только въ себя и надѣющагося только на самого себя, но смѣлымъ—по незнанію жизни, рѣшительнымъ и на все готовымъ—по отсутствію опыта, рѣзкимъ въ сужденіяхъ и поступкахъ—по ограниченному пониманію людей и свѣта. Это былъ истинный представитель своей эпохи, который еще долго жилъ и послѣ того, какъ сошелъ со сцены, но его неспособность къ творчеству и къ серьезному дѣлу, равно и его послѣдователей, обнаружилась вполнѣ. Много лѣтъ прошло, пока Базаровъ изжилъ все свое содержаніе, а молодежь, отшатнувшаяся-было отъ Тургенева за одно произнесенное имъ слово, возвратилась къ нему опять. Здѣсь у-мѣста будетъ сказать, что Тургеневъ не входилъ ни въ какія сдѣлки съ молодымъ поколѣніемъ, не дѣлалъ ему ни-

---

[1]) Слухъ, оказавшійся невѣрнымъ, какъ уже упоминали.

какихъ уступокъ, какъ утверждали и утверждаютъ еще враги его; онъ разъяснялъ свои намѣренія при созданіи тѣхъ или другихъ лицъ—а это еще далеко до заискиванія, и всегда съ негодованіемъ онъ отвергалъ предположеніе, что питалъ злобу и недоброжелательство къ типамъ, имъ же и выведеннымъ. Въ 1877 г. онъ заключилъ третій и послѣдній періодъ развитія, опубликовавъ знаменитую „Новь“, гдѣ явился даже провозвѣстникомъ будущихъ движеній, что опять подало поводъ тѣмъ же врагамъ заподозрить его—о, нелѣпость!—въ знаніи тайнъ заговора. Художественное провидѣніе, свойственное однимъ высокоодареннымъ натурамъ, и политическое укрывательство подведены были подъ одну рубрику, но Тургеневъ не обращалъ никакого вниманія на злобные толки. Онъ шелъ своей дорогой, разсыпая по пути такіе цѣнные цвѣты, какъ „Ася“, „Дворянское гнѣздо“, „Наканунѣ“ „Первая любовь“; начиная же съ „Отцовъ и дѣтей“ и вплоть до „Нови“, отдавая публикѣ такія капитальныя произведенія, какъ „Дымъ“, „Бригадиръ“, „Вешнія воды“, изумительныя „Живыя мощи“ и т. д. Оставляя за собою право или, лучше, привилегію ознакомить публику, по многочисленнымъ письмамъ, еще остающимся въ нашихъ рукахъ, съ тѣмъ, что онъ думалъ и дѣлалъ вплоть до „Нови“, позволяемъ себѣ сказать теперь, что „Новь“, — успѣхъ которой будетъ расти съ годами, какъ думаемъ,—заслуживаетъ, не менѣе своихъ великихъ предшественницъ, названія—выразительницы общественнаго строя въ извѣстную, данную минуту. Въ ней встрѣчаемъ поэтическую Маріанну, дѣвушку-энтузіастку, которую любовь, восторженность, ведутъ неудержимо въ процессъ революціоннаго движенія,—и простого, мало-героичнаго, безцвѣтнаго, мѣщански-осторожнаго фабриканта Соломина, который подъ покровомъ спекуляціи дѣлаетъ упорно и со смысломъ дѣло разрушенія и пропаганды, на которое посвятилъ себя. Изящная Маріанна промѣниваетъ своего взбалмошнаго Нежданова на эту дѣловитую, лимфатическую фигуру и соединяетъ съ нимъ свою судьбу. Хожденіе въ народъ Нежданова представляетъ замѣчательную страницу изъ исторіи внутренняго быта Россіи, и надо удивляться, что нашлись люди, которые прозвали все это поэтически-реальное созданіе „водевилемъ съ переодѣваніями“, не обращая ни малѣйшаго вниманія на художественныя черты, входящія постоянно въ изображенія лицъ, въ описанія ихъ отношеній другъ къ другу, въ картину ихъ волненій, страданій и надеждъ.

Но возвращаемся къ „Отцамъ и Дѣтямъ“. Издатели „Современника“ были отчасти правы, когда говорили, что разность мнѣ-

нiй и убѣжденiй понудила ихъ разстаться съ Тургеневымъ, но, прибавимъ, это не касалось принциповъ, основанiй, а относилось только до способа обращаться съ авторитетами. Осенью 1860 г., когда начатъ былъ романъ, Тургеневъ проводилъ цѣлые вечера въ толкахъ о причинахъ такого разногласiя и о средствахъ упразднить его или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабить. Разговоры эти не прошли даромъ: въ возраженiяхъ и объясненiяхъ сформировался какъ планъ новаго романа „Отцы и Дѣти", такъ и обликъ главнаго его лица — Базарова — съ его надменнымъ взглядомъ на человѣчество и свое призванiе, которые такъ поразили публику 1862 г., когда романъ явился на свѣтъ. Слѣдуетъ сказать, что вмѣстѣ съ Базаровымъ найдено было и мѣткое слово, хотя вовсе и не новое, но отлично опредѣляющее, какъ героя и его единомышленниковъ, такъ и самое время, въ которое они жили — нигилизмъ. Едва произнесенное, оно было подхвачено особенно Европой, которая не знала, чтó думать и чтó сказать о странныхъ событiяхъ русской жизни. Подсказанное слово дало содержанiе цѣлымъ трактатамъ и воззрѣнiямъ. Русская молодежь долго не могла простить Тургеневу этого слова, которымъ завладѣли журналисты и примѣнили къ ней самой. Мы не покидаемъ надежды разсказать впослѣдствiи все то зло, всѣ тѣ огорченiя, какiя это слово внесло въ жизнь своего автора, начиная съ похвалъ, расточенныхъ передъ нимъ за счастливое выраженiе, и кончая обвиненiями въ предательствѣ и отреченiи отъ своихъ убѣжденiй.

П. Анненковъ.

Берлинъ, 5 января 1885 г.

ПЕСТРЫЯ ПИСЬМА

По вторникамъ, у генерала Чернобровова устраивались интимные рауты. Генералъ былъ отставной и старенькій, лѣтъ подъ восемьдесятъ. Въ свое время, онъ и полкомъ командовалъ, и по инфантеріи числился, и губернаторомъ былъ, а потомъ его обидѣли. А онъ—простилъ. Получилъ пенсію, да аренду, да „тàкъ", —и поселился на Пескахъ. Семейства у него не было, кромѣ старушки-жены, которая лѣтъ сорокъ тому назадъ, отъ совѣтниковъ губернскаго правленія амурныя письма на златообрѣзной бумагѣ получала—и тоже давно всѣмъ простила. Жили они скромно, но безъ нужды, и по вторникамъ (черезъ два въ третій) устраивали вечеринки.

Собирались на эти вечеринки, по преимуществу, старые губернаторы. Генералы: Краснощековъ, Пучеглазовъ и Балаболкинъ. Тайные совѣтники: Гвоздиловъ и Покатиловъ. Изъ не-губернаторовъ рауты посѣщалъ инженеръ-полковникъ Купидоновъ, который въ древности первые мостки черезъ Неву построилъ, да статскій совѣтникъ Набрюшниковъ, который, съ писарскихъ чиновъ, вмѣстѣ съ Покатиловымъ, въ качествѣ наперсника, всю службу продѣлалъ. Купидоновъ обыкновенно привозилъ генеральшѣ сюрпризъ: либо икры зернистой, либо семги, либо копченаго сига, и за эту галантерейность игралъ въ компаніи роль молодого человѣка, что, впрочемъ, очень къ нему шло, потому что онъ обыкновенно приходилъ въ лосинахъ. Набрюшниковъ не приносилъ ничего, кромѣ преданнаго сердца и замѣчательно-исправнаго аппетита. Всѣхъ ихъ въ свое время обидѣли, и всѣ они простили, кромѣ, впрочемъ, Набрюшникова, который за себя простилъ, но за Покатилова—никогда-съ!

Люди эти были и различнаго происхожденія, и различнаго вос-

питанія, но ихъ соединило, съ одной стороны, общее губернаторство, съ другой—общая обида. Чернобрововъ, Краснощековъ, и Покатиловъ были настоящіе столбовые, имѣли приличныя и благосклонныя манеры, хранили преданія дворянской изнѣженности и любили пофрондировать. Въ древности, такихъ губернаторовъ цѣнили и называли „хозяевами". Въ частности, Чернобрововъ славился открытою физіономіей, съ помощью которой такъ искусно управлялъ ввѣреннымъ краемъ, что только черезъ двадцать лѣтъ понадобилось отправить туда сенаторскую ревизію. Краснощековъ славился пылкостью. Наскочитъ совсѣмъ не на того исправника, на котораго нужно, обругаетъ, но какъ рыцарь, первый сознаетъ свою ошибку и скажетъ: ну—ну, ничего! впередъ пригодится! Покатиловъ—былъ умница, и рапорты его приводили сенатъ въ восхищеніе (одинъ изъ мѣстныхъ садоводовъ даже одну разновидность георгины, въ честь Покатилова, назвалъ „Утѣшеніе сената"). Такъ что, когда ихъ, въ ту пору разомъ, въ числѣ двадцати генераловъ, обидѣли, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ объясниться: за что?—то ему только одно слово сказали въ отвѣтъ: „такъ". Съ этимъ онъ и отъѣхалъ.

Всѣ трое были женаты на родныхъ сестрахъ: Прасковьѣ Ивановнѣ, Лукерьѣ Ивановнѣ и Людмилѣ Ивановнѣ, вслѣдствіе чего, въ домашнемъ обиходѣ, и губерніи, которыми управляли ихъ мужья, назывались ихъ именами: Парашина, Лушина и Милочкина.

Гвоздиловъ былъ происхожденія темнаго, характеръ имѣлъ угрюмый и вступалъ въ собесѣдованіе урывками, какъ будто зналъ за собой какое-то необыкновенно постыдное дѣло и боялся проговориться. Былъ слухъ, будто онъ, въ свое время, съ откупщикомъ повздорилъ. Онъ утверждалъ, что откупщикъ ему, въ числѣ прочихъ, фальшивую десятирублевую бумажку всучилъ, и требовалъ, чтобъ ему дали другую, настоящую, а старую, яко негодную, тоже бы у него оставили; а откупщикъ говорилъ, что отдалъ все по чести какъ слѣдуетъ, а самъ-де губернаторъ свою собственную фальшивую бумажку всучить ему хочетъ. Вспыхнула война. Гвоздиловъ нагрянулъ на откупщиковъ подвалъ, а откупщикъ въ Петербургъ уѣхалъ, пошепталъ-пошепталъ, и, черезъ мѣсяцъ—Гвоздилова обидѣли. Въ древности, о такихъ губернаторахъ говорили: у насъ губернаторъ — и на губернатора-то не похожъ. Пучеглазовъ и Фролъ Терентьичъ Балаболкинъ были выслужившіеся кантонисты Аракчеевской школы, которые, вмѣсто носковъ, носили онучи, а деньги прятали за голенище; подъ старость, изъ всего губернаторскаго прошлаго они помнили только одну фразу: направляй кишку въ огонь! направляй! Въ

древности, о такихъ губернаторахъ совсѣмъ ничего не говорили, а только ожидали, что еще немножко, и ось земная либо переломится, либо покривится. Что касается до Купидонова, то онъ въ 805-мъ году былъ найденъ принцемъ Оранскимъ, при переѣздѣ черезъ рѣку По, въ корзинкѣ на мосту, и въ той же корзинкѣ былъ сданъ въ институтъ путей сообщенія, съ тѣмъ, дабы, по пришествіи въ совершенные годы, употреблять его для постройки мостовъ. Такъ, во вниманіе къ его просьбѣ, и было поступлено.

Тѣмъ не менѣе, повторяю: не смотря на различіе воспитанія, происхожденія и характеровъ, всѣ эти люди соединялись подъ однимъ знаменемъ во имя общей обиды.

Отъ времени до времени, на этихъ раутахъ появлялся еще кузенъ хозяйки, дѣйствительный тайный совѣтникъ Крокодиловъ, человѣкъ, сравнительно, не старый (лѣтъ подъ шестьдесятъ), но до того уже изслужившійся, что желудокъ у него ничего, кромѣ кашицы изъ свода законовъ, не варилъ. Но онъ оставался не больше получаса. Посидитъ, выпьетъ чашку жиденькаго чая и спѣшитъ дальше, потому что ему еще надо карьеру дѣлать.

Итакъ, соберутся часамъ къ восьми всѣ восемь генераловъ, сначала досыта наиграются, потомъ сядутъ за ужинъ и начнутъ припоминать. Припоминаютъ прошлыя дѣянія, приводятъ примѣры губернаторской осмотрительности, дипломатической тонкости, распорядительности и благоразумной экономіи; сами съ собой полемизируютъ, но не настойчиво, а больше затѣмъ, дабы въ полемикѣ еще вящшее къ прославленію прошлаго основаніе почерпать; сравниваютъ прошедшее съ настоящимъ, и, надо сказать правду, порядочные-таки недочеты въ послѣднемъ усматриваютъ. Но не сквернословятъ прямо, а только правду говорятъ, да отъ времени до времени вздыхаютъ: людей нѣтъ! Наговорятся, наѣдятся и разбредутся, часу въ первомъ, по Пескамъ.

Живя съ Чернобровыми на одной лѣстницѣ, дверь противъ двери, я зналъ объ этихъ раутахъ, и, разумѣется, горѣлъ желаніемъ попасть на нихъ. Во-первыхъ, хотѣлось мнѣнія солидныхъ людей о современной политикѣ знать: ка̀къ и что̀, можно ли ожидать или совсѣмъ нельзя. Я у кормила никогда не стаивалъ, а они цѣлую жизнь все по морю, ахъ, по морю да по хвалынскому въ косной лодочкѣ погуливали, да и причалили, наконецъ, благополучно къ Пескамъ. Понятно, что у нихъ сформировался взглядъ, а у меня не сформировалось—ничего. Во-вторыхъ, мнѣ всего шестьдесятъ лѣтъ, а имъ каждому подъ восемьдесятъ катитъ—сколько ума въ этотъ двадцатилѣтній періодъ накопилось? А въ-

третьихъ, и Купидоновской икры хотѣлось отвѣдать, а если Богъ поможетъ, то и обыграть стариковъ гривенъ этакъ на шесть. Словомъ сказать, я и спалъ и видѣлъ, какъ-бы въ компаніи съ хорошими людьми посидѣть и за одно съ ними портить воздухъ сѣтованіями и воздыханіями.

А такъ какъ я каждодневно встрѣчался съ генераломъ на лѣстницѣ, то, вѣроятно, и онъ, наконецъ, догадался, что у меня сердце не на мѣстѣ. По крайней мѣрѣ, утромъ, въ одинъ изъ вторниковъ, кухарка моя предварила меня:—васъ нынче будутъ къ генералу на вечеръ звать.

И точно: черезъ часъ, когда я встрѣтился съ генераломъ на подъѣздѣ, онъ, послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, благосклонно протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Чтò бы вамъ, молодой человѣкъ, по-сосѣдски... вечеркомъ? Поиграемъ, попьемъ, поѣдимъ, съ Прасковьей Ивановной познакомитесь. У васъ еще цѣлая жизнь впереди—можетъ быть, и полезное что-нибудь отъ стариковъ услышите. Прошу.

Разумѣется, я не преминулъ. Въ восемь часовъ, завсегдатаи были уже на лицо, а изъ женскаго пола, кромѣ хозяйки, присутствовали еще сёстры ея: Людмила Ивановна Краснощекова и Лукерья Ивановна Покатилова. Какъ я уже сказалъ выше, всѣ три были въ свое время губернаторшами, и, слѣдовательно, всѣ три вкусили сладостей и отравъ власти.

Когда я появился, бесѣда была въ полномъ ходу. Лукерья Ивановна разсказывала, какъ она однажды въ Москву изъ „своей“ губерніи ѣздила. Сначала, по своей губерніи ѣхали—ну, натурально... „Тише, сумасшедшіе, тише! куда вы, сломя голову, летите!..“—Не безпокойтесь, ваше превосходительство, мы въ отвѣтѣ!..—Ну, коли такъ, Богъ съ вами; поѣзжайте!—Потомъ, въѣхали въ губернію къ генералу Колпакову,—ну, и натерпѣлась же она тутъ! Ямщики закладываютъ не закладываютъ; смотрители—ну, буквально, ходя спятъ! лошади бѣгутъ не бѣгутъ... Исполать вамъ, ваше превосходительство, одолжили! нечего сказать, въ порядкѣ свою губернію содержите! И вдругъ... Милочкина губернія пошла! Полетѣли! ну такъ летѣли, такъ летѣли! это... это... ну, просто какое-то волшебство! Но только еслибы сломалась ось... ахъ!

— Да, были лошади! были!—отозвался генералъ Краснощековъ:—и лошади были, и колокольчики были, и ѣзда была, и ямщики были! Все было!

Онъ на мгновеніе поникъ головой и многозначительно густой октавой присовокупилъ:

— И страхъ былъ.

— А страхъ Божій есть начало премудрости,—вставилъ свое слово генералъ Чернобрововъ.

— А помните, сестрицы, какъ, бывало, флигель-адъютантъ къ рекрутскому набору пріѣдетъ!—смѣнила Лукерью Ивановну Прасковья Ивановна:—ахъ, что это за пріятный гость былъ! Только при нихъ, бывало, и отдохнешь... особенно графъ Вьюшинъ-Стречковъ! Никогда объ этихъ противныхъ дѣлахъ—всегда около дамъ! „Mesdames! нынче въ Петербургѣ платья совсѣмъ въ обтяжку носятъ; mesdemoiselles! нынче шестую фигуру совсѣмъ не такъ танцуютъ! les messieurs en avant! chaîne des dames! balancez! messieurs, saluez vos dames... c'est ça!" Мужья, бывало, трепещутъ; Степанъ Михайловичъ мой подойдетъ ко мнѣ и шепчетъ: помилуй, матушка, вѣдь это око царево!—а я и въ усъ себѣ не дую! „Графъ! извольте-ка распорядиться, чтобъ пятую кадриль начинали!"—„Madame, je suis sur les dents!"—Ну что́ съ вами дѣлать, противный: садитесь... вотъ тутъ! Хотите, Соничку Волшебнову позову... признайтесь, вѣдь влюблены?... Соничка, mon enfant! садитесь вотъ тутъ рядомъ съ графомъ, да постарайтесь, чтобы ему не скучно было!" Усадишь ихъ, а сама пойдешь кавалеровъ своихъ побранить!—Ахъ, господа, господа! дѣвицы однѣ ходятъ, а вы забрались въ уголъ да анекдоты разсказываете... хоть бы вы съ графа примѣръ брали! Музыканты! вальсъ!

— А помните катанье на масляницѣ въ traîneau-monstre!

— А пикники въ загородномъ саду! А балы во время выборовъ! И вдругъ въ самый разгаръ бала, полиційместеръ: ваше превосходительство! въ Раздерихинской слободѣ пожаръ!—Это въ оврагѣ?—Точно такъ, ваше превосходительство!

Подъ шумокъ этихъ разговоровъ, Набрюшниковъ распечатывалъ карточныя колоды и усаживалъ игроковъ. Усадили и меня, какъ младшаго, съ дамами, по сотой. Но генералъ былъ правъ, предваряя, что я вынесу изъ его раута много полезнаго для себя. Въ какихъ-нибудь полчаса я уже узналъ главныя основанія, на которыхъ зиждилась до-реформенная губернаторская власть. А именно: страхъ, быстрая ѣзда на почтовыхъ, поддержаніе въ обществѣ единодушія, при содѣйствіи пикниковъ; и пожары. И все шло прекрасно.

Я не стану распространяться о томъ, какъ мы играли въ карты, и какіе при этомъ происходили интересные (а иногда даже и странные) случаи. Въ десять часовъ, старики начали ужъ зѣвать, и всѣ поспѣшили за ужинъ. Обыкновенно, въ это время генералы ложились спать, но по вторникамъ дозволяли себѣ не-

большую льготу, поочередно собираясь, для критики существующихъ установленій, то у Чернобровыхъ, то у Краснощековыхъ, то у Покатиловыхъ, такъ какъ прочіе были люди безсемейные, а Купидоновъ, кромѣ того, велъ дома предосудительную жизнь.

За ужиномъ я позналъ и еще одну руководящую истину, но она уже касалась не основаній дореформенной губернаторской власти, а тѣхъ, на которыхъ зиждится отставное человѣческое существованіе вообще—и губернаторское въ особенности. А именно: изъ всѣхъ присутствующихъ, только бывшіе кантонисты, Пучеглазовъ и Балаболкинъ, рвали твердую пищу зубами, прочіе же сосали, такъ что когда, наконецъ, подали манную кашу, то у всѣхъ изъ груди вырвался крикъ восторга.

Когда первыя требованія аппетита были удовлетворены, началась критика существующихъ установленій. Было что-то трогательное въ этихъ старикахъ, которые могли бы еще послужить, еслибъ не были безвременно остановлены въ самомъ пылу своего административнаго бѣга. И что всего печальнѣе, судьба, лишившая ихъ возможности совершать славныя дѣянія, не лишила ихъ памяти. Они все помнили, все до послѣдней нитки, даже бумагу, на которой печатались губернскія вѣдомости—и ту помнили. Только у кантонистовъ память, повидимому, совсѣмъ отшибло, но и они, разрывая зубами пищу, потихоньку бормотали: направляй кишку! направляй, направляй, направляй! Стало быть, и они нѣчто славное представляли себѣ: пожаръ, драку, вообще что-нибудь такое, на что по преимуществу было направлено ихъ административное остроуміе.

Разсмотрѣніе современныхъ установленій началось съ того, что Гвоздиловъ сообщилъ вычитанный имъ въ газетахъ слухъ о томъ, что дѣйствія „коммиссіи несведенія концовъ съ концами“ въ непродолжительномъ времени имѣютъ вступить въ новый фазисъ. Высказавши это, Гвоздиловъ, однакожъ, вспомнилъ, что у него на душѣ лежитъ постыдное дѣло и умолкъ. Но искра была уже брошена, и, разумѣется, сейчасъ же произвела въ сердцахъ соотвѣтствующее воспламененіе.

— Вотъ они у меня, эти коммиссіи, гдѣ!—первый воскликнулъ генералъ Краснощековъ, ударяя себя кулакомъ по затылку.

Но Краснощековъ былъ пылкій, и потому мнѣнія его авторитетомъ не пользовались. Чернобрововъ первый не согласился съ нимъ.

— Не въ коммиссіяхъ сила,—возразилъ онъ резонно, — а въ томъ, какія коммиссіи, въ какое время и на какой предметъ. Кто суть члены? своевременно или преждевременно? Поставленъ

ли вопросъ прямо: вотъ вамъ предметъ—разсуждайте!—или же о предметѣ умолчено? Ежели все сіе предусмотрѣно, взвѣшено и опредѣлено, то почему же коммиссіямъ и не быть?

— Да ужъ дождемся мы когда-нибудь съ этими коммиссіями...—продолжалъ кипѣть генералъ Краснощековъ; но Чернобрововъ вновь и столь же солидно остановилъ его.

— Позвольте, Капитонъ Өедотычъ, такъ сгоряча нельзя. Критическій взглядъ, конечно, необходимъ, но и въ критикѣ небезполезно себя обуздывать. Сегодня мы будемъ говорить сгоряча, завтра сгоряча—когда же нибудь и опомниться надо! И въ наше время нерѣдко бывали коммиссіи—вспомните-ка! Но какія коммиссіи?—въ этомъ-то и загвоздка. Скажу вамъ изъ собственной практики случай: я самъ въ одной коммиссіи участникомъ былъ и очень хорошо помню. Собрали насъ въ ту пору сорокъ семь полковниковъ, положили передъ нами два пистолета: одинъ кремневый, другой ударный—который лучше, господа? Не вопросъ о пистолетахъ предложили, а прямо такъ-таки въ натуральномъ видѣ два пистолета: тотъ или другой? А при семъ особаго содержанія за присутствованія не присвоили, чаемъ не поили, табакомъ не подчивали: сидите и дѣло дѣлайте. Ну, натурально мы изъ одного пистолета выпалили, изъ другого выпалили—позвать фельдфебеля Охременко!—Охременко! какой пистолетъ лучше!—Какъ же возможно, вашескородіе, сравнить!—Господинъ секретарь! извольте записать въ журналъ: вотъ этотъ! Написали журналъ, мы въ тотъ же день его подписали, на другой откланялись, и по домамъ! Такъ вотъ это была... коммиссія!

— То-то, что нынче коммиссіи-то...—началъ, было, Гвоздиловъ, но вспомнилъ, что у него на душѣ постыдное дѣло, оробѣлъ и умолкъ.

— Знаю я это и не одобряю. Конечно, еслибъ и передъ нами не положили прямо вотъ этихъ двухъ пистолетовъ, а сказали: разсуждайте о пистолетахъ вообще, а между прочимъ и о тесакахъ — весьма возможно, что и мы бы изрядный огородъ нагородили. Но именно этого-то и умѣли въ старые годы избѣгнуть. Ежели рѣчь о пистолетахъ шла, такъ именно вотъ объ этихъ; ежели объ административныхъ предметахъ — такъ вотъ объ этихъ. Вотъ какъ. Но, разумѣется, ежели каждый членъ коммиссіи, пользуясь симъ случаемъ, будетъ о своихъ собственныхъ душевныхъ ранахъ говорить—а именно симъ личнымъ характеромъ и отличаются нынѣшнія коммиссіи—то, понятно, что конца краю разговорамъ не будетъ!

— Я слышалъ,—сфискалилъ Набрюшниковъ:—что недавно въ

этой самой коммиссіи одинъ членъ говорилъ-говорилъ, а остановиться не можетъ. Наконецъ до того договорился, что даже Анна на шеѣ у него покраснѣла. Смотрятъ, — анъ съ нимъ истерика!

— Это дѣло возможное, — подтвердилъ Чернобрововъ: — а я о чемъ же говорю! О томъ именно я и говорю, что ежели коммиссія, то нужно прежде всего опредѣлить: для чего, по какому случаю и на какой предметъ? Вотъ вамъ два пистолета — и конченъ балъ. И чтобы безъ статистики. Вы только одно сообразите: нынче иной шутя слово-то кинетъ, да возьметъ да статистикой его своей собственной пригвоздитъ: свиней столько-то, барановъ столько-то. Смотришь, анъ и настоящую статистику потревожить нужно, чтобы слово-то его къ настоящему знаменателю привести. Пріѣдетъ онъ изъ Чухломы — готовь для него статистику. А тамъ, гляди, изъ Наровчата другой ѣдетъ — и для него опять готовь статистику. А статистика-то, вѣдь, времени требуетъ, поди-ка надъ ней посиди! А ему что! онъ кидаетъ себѣ, да кидаетъ словами, да и статистику-то свою онъ, дорогой ѣдучи, выдумалъ.

— Я бы съ своей стороны со всѣми этими коммиссіями такъ поступилъ, — отозвался умный Покатиловъ: — разсадилъ бы ихъ по комнатамъ, содержаніе прекратилъ, заперъ на ключъ да и ушелъ. Вотъ вамъ; сидите, покуда не кончите.

— И кончили бы! — сочувственно откликнулся Набрюшниковъ.

— Направляй кишку! направляй! — вдругъ безъ всякаго резона крикнулъ Пучеглазовъ, такъ что всѣ вздрогнули.

— А я объ чемъ же говорю? — возобновилъ собесѣдованіе Чернобрововъ, когда первое впечатлѣніе испуга прошло. — Объясните предметъ, говорю я, и очертите кругъ (генералъ очертилъ пальцемъ на скатерти кругъ): вотъ здѣсь! и чтобы за предѣлы этого круга — ни-ни! Или т о т ъ пистолетъ, или э т о т ъ, а не пистолеты вообще. И при семъ, чтобы срокъ. Кончите въ срокъ — исполатъ! Не кончите — стыдно, сударь! Встарину, такъ оно и бывало. Скажутъ: стыдно — и понимаешь, что стыдно. А нынче слово-то это въ забвеніе пришло: скажутъ е м у: стыдно! — а онъ только кудрями встряхнетъ.

— И прежде, не всегда... — чуть-чуть-было не проговорился Гвоздиловъ, но вспомнилъ и замолчалъ.

— Многаго нынче не понимаютъ! многаго! — прогнѣвался Краснощековъ: — я помню, когда я губернаторомъ былъ, такъ за версту, бывало, становому погрозишь, а онъ ужъ понимаетъ!

Тридцать верстъ не кормя во всѣ лопатки улепетываетъ и все не можетъ пальца моего позабыть!

— То было время, а теперь другое,—резонно пояснилъ умный Покатиловъ.

— Какое такое особенное время! и тогда было время, и теперь время—всѣ времена одинаковы!

— Ну, что ужъ тутъ, другъ мой!—вступился Чернобрововъ:—что правда, то правда! Tempo... Tempi... Набрюшниковъ! скажи, братецъ!

— Tempora mutantur, ваше превосходительство, et nos mutamur in illis.

— Слышишь, мой другъ! А по-русски это значитъ: капельмейстеръ другой темпъ взялъ, и мы по другому восплясали... что дѣлать! Когда мы у кормила стояли, губернаторская-то власть...

Чернобрововъ вздохнулъ и умолкъ; но сдѣланное имъ напоминаніе уронило новую искру въ сердца и причинило новое воспламененіе. На арену выдвинулась новая неизбывная рана, въ формѣ вопроса о губернаторской власти.

Всѣ помнятъ, какъ волновалъ этотъ вопросъ русское общество въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Теперь, онъ нѣсколько поутихъ; но тогда образовалась цѣлая публицистическая доктрина, которая называла себя послѣднимъ словомъ науки и которая безъ обиняковъ вопіяла: дадутъ губернаторамъ власть (почему-то вдругъ всѣмъ показалось, что это самыя беззащитныя существа)—и все процвѣтетъ; не дадутъ—и все завянетъ.

Если не дадутъ — произойдетъ безплодная и изсушающая централизація, если дадутъ — произойдетъ умѣренная, но плодотворная децентрализація. Что лучше?

Взгляните на Соединенные Сѣверо-американскіе Штаты, примѣръ, наиболѣе для насъ подходящій. А съ другой стороны, примите въ соображеніе пагубные результаты, которые произвело ограниченіе губернаторской власти во Франціи. Самъ Наполеонъ III понялъ это. А Токевиль подтвердилъ, Монталамберъ присовокупилъ и Гнейстъ запечатлѣлъ. Что касается до губернаторовъ того времени, то о нихъ и говорить нечего: всѣ они въ одинъ голосъ утверждали, что Токевиль правъ. Не помню, что именно я лично тогда объ этомъ вопросѣ думалъ — кажется, впрочемъ, на-двое: и такъ хорошо, и этакъ не дурно, смотря по тому, какъ лучше—но во всякомъ случаѣ внезапное возобновленіе забытыхъ дебатовъ на Пескахъ, въ ночную пору и въ сейчасъ описанной обстановкѣ, до того живо воскресило въ моей памяти недавнее

прошлое, что я въ одну минуту помолодѣлъ и весь превратился въ слухъ. Какъ и слѣдовало ожидать, застрѣльщикомъ въ данномъ случаѣ явился „умница“ Покатиловъ.

— Въ наше время,—сказалъ онъ, — губернаторская власть стояла твердо, но въ то же время была свободна отъ нареканій. Ибо находилась въ предѣлахъ и требовала осмотрительности.

Сказалъ и умолкъ. И всѣ присутствующіе, не исключая даже кантонистовъ, утвердительно покачали головами, какъ будто для нихъ быть осмотрительными столь же легко, какъ для обыкновеннаго обывателя быть твердымъ въ бѣдствіяхъ.

Но на меня эта profession de foi произвела удручающее впечатлѣніе. Признаюсь откровенно, съ нѣкоторыхъ поръ я смотрю на твердость власти совсѣмъ другими глазами.

Во-первыхъ, я не только не смѣшиваю власти съ осмотрительностью, но напротивъ, вижу въ послѣдней нѣкоторое преткновеніе; во-вторыхъ, о предѣлахъ я даже и не мыслю: до такой степени, самое упоминовеніе о нихъ представляется мнѣ несвойственнымъ. И всѣмъ этимъ я обязанъ „послѣднему слову науки“, выработанному современною русскою публицистикой.

Ступитъ на горы — горы дрожатъ,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,

—вотъ въ какомъ видѣ понимаетъ власть „послѣднее слово науки“, и въ какомъ не перестаетъ рекомендовать ее русская публицистическая доктрина, начиная съ шестидесятыхъ годовъ. Послѣдняя совѣтуетъ, отъ времени до времени, даже съ умысломъ допускать извѣстную дозу неосмотрительности, дабы съ ея помощью осуществить твердость власти въ принципіальной ея чистотѣ. И я не только раздѣлялъ это убѣжденіе, но вмѣстѣ съ Токевилемъ восклицалъ: катать такъ катать! По американски. All right!

Несомнѣнно, что до-реформенная власть была обставлена очень серьёзными усложненіями, но несомнѣнно и то, что усложненія эти не способствовали ея развитію, но составляли больное мѣсто, противъ котораго и протестовало послѣднее слово науки. И что жъ! Именно въ пользу этихъ-то усложненій и раздалось здѣсь прочувственное слово! Гдѣ раздалось? — въ средѣ одряхлѣвшихъ и обиженныхъ старцевъ, которые, по самой природѣ своей, скорѣе должны быть склонны къ упрощенію, нежели къ усложненію!

— Позвольте, ваше превосходительство, — обратился я къ Покатилову:—съ одной стороны, твердость власти, съ другой, предѣлы... осмотрительность... что-то я не понимаю! Такъ ли это?

Не говоритъ ли намъ послѣднее слово науки, что осмотрительность равносильна колебанію, и что для освѣженія власти, отъ времени до времени, не безполезно даже съ умысломъ выходить изъ предѣловъ осмотрительности!

— Напримѣръ-съ?

— Допустимъ, напримѣръ, что исправникъ, въ видахъ испытанія, предприметъ мѣропріятіе...

— Зачѣмъ-съ?

— Положимъ, хоть бы для того, чтобы доказать, что распоряженіе, даже и не вполнѣ законное, должно быть выполнено...

— Всенепремѣнно-съ. Ежели распоряженіе послѣдовало, то оно должно быть выполнено. Но зачѣмъ же непремѣнно незаконное? Почему не начать прямо съ „законнаго"-съ?

— Зачѣмъ? Почему? Да просто вздумалось, захотѣлось. Взялъ да и сдѣлалъ!

— Направляй кишку! направляй! — гаркнулъ съ просонья Балаболкинъ (точно онъ слышалъ мои слова и хотѣлъ выразить мнѣ сочувствіе), но такъ громко, что съ Людмилой Ивановной сдѣлалось дурно.

— Ты бы, Фролъ Терентьичъ, потише бредилъ! вѣдь этакъ не трудно и навѣкъ человѣка уродомъ сдѣлать!—вскинулся Краснощековъ на оторопѣлаго кантониста, и затѣмъ, обращаясь ко мнѣ, прибавилъ: — есть въ вашихъ словахъ нѣкоторое основаніе, молодой человѣкъ! есть!

— Твердость власти—и осмотрительность! — продолжалъ я, поощренный сочувствіемъ Краснощекова:—но ежели я, облеченный властью, не обладаю осмотрительностью, ежели природа не надѣлила меня этимъ даромъ? Ежели, напротивъ, она надѣлила меня рыцарскою пылкостью и способностью слѣдовать первымъ необдуманнымъ движеніямъ благороднаго сердца? Ужели я изъ-за этого навсегда долженъ быть лишенъ возможности осуществить власть?

— На это я могу вамъ, молодой человѣкъ, сказать слѣдующее: въ наше время даже лишенный осмотрительности человѣкъ силою вещей становился осмотрительнымъ, или, по крайней мѣрѣ, вынужденъ былъ неосмотрительности своей давать другое назначеніе. Да-съ.

И видя, что лицо мое продолжаетъ выражать недоумѣніе, умница поднялъ кверху указательный палецъ и продолжалъ.

— Обстановка была—только и всего.

И затѣмъ, началъ по пальцамъ пересчитывать:

— Губернскій прокуроръ былъ—разъ-съ; губернскій штабъ-

офицеръ былъ—два-съ. Вотъ вамъ, съ перваго же абцуга, два лица, у которыхъ и обязанностей другихъ не было, кромѣ одной: неослабно имѣть въ виду начальственную неосмотрительность.

— Вспомните, однако, ваше превосходительство, что, вѣдь, въ сущности, это былъ лишь источникъ пререканій, который и начальство не мало огорчалъ.

— Дѣйствительно-съ. Именно такъ эти дѣйствія и назывались. Но въ наше время словъ не боялись, ибо всякому было вѣдомо, что за пререканіями скрывается власть, сама себя провѣряющая. Еслибъ не существовало пререканій, какое зрѣлище представилось бы глазамъ нашимъ? Не знаю, какъ вы на этотъ предметъ смотрите, но я весьма опасаюсь, что мы увидѣли бы пространство, отданное въ распоряженіе неосмотрительному человѣку, который ни самъ себя сдержать не въ силахъ, ни обстановки подъ руками не имѣетъ, которая благовременно его въ чувство привести бы могла!

— И сколько мы видимъ примѣровъ,—началъ-было Набрюшниковъ, который, въ качествѣ добраго подчиненнаго, до сихъ поръ преимущественно помаваніями головы свидѣтельствовалъ о своемъ сочувствіи, но теперь, очевидно, не могъ уже сдерживать постигшаго его умиленія.

— Я не вижу даже надобности скрывать, что и на самомъ себѣ эти примѣры видѣлъ,—прервалъ его Покатиловъ.—Разскажу вамъ, какой однажды со мной случай былъ. Задумала моя Лукерья Ивановна пикникъ въ загородной рощѣ устроить. Прекрасно. Выдумали они тамъ дроги какія-то необыкновенныя, чтобъ полгорода на нихъ усадить, и натурально ко мнѣ: позволь да позволь въ эти дроги пожарныхъ лошадей запречь! Я туда-сюда; однако, переговорилъ съ полиціймейстеромъ, тотъ, съ своей стороны, обнадежилъ — бери, матушка! А на другой день ко мнѣ штабъ-офицеръ: но ежели, говоритъ, пожаръ? Я опять туда-сюда: и полиціймейстера за бока, и почему же, говорю, такъ-таки ужъ непремѣнно пожаръ?—а онъ уперся на своемъ: но ежели, говоритъ, пожаръ? И что же-съ! подосадовалъ я, признаться, однако вижу: полковникъ-то вѣдь правъ! Протянулъ ему руку и говорю: благодарю, полковникъ! еслибъ не вы, я, быть можетъ, противъ закона бы поступилъ! Позвольте васъ спросить, такъ ли мнѣ слѣдовало, на основаніи „послѣдняго слова науки“, поступить?

— По моему мнѣнію, на основаніи послѣдняго слова науки, полковнику никогда бы и въ голову не пришло настаивать въ такомъ дѣлѣ, которое вамъ лучше извѣстно.

— И я полагаю, что по нынѣшнему времени онъ бы не настаивалъ. Но въ старые годы такъ не полагали, а еслибы полагали, то управляемымъ и дѣваться, пожалуй, было бы некуда. А въ скоромъ времени послѣ того и другой казусъ со мной случился. Открылась въ городѣ ваканція частнаго пристава, а меня кума давно ужъ объ мѣстѣ для мужа просила. Вотъ я и говорю ей: съ Богомъ, кума! А на другой день, ко мнѣ—прокуроръ. Это, говоритъ, духовная симонія! Я, говоритъ, обязанъ буду донести! Ну, и тутъ опять: подосадовалъ я, подосадовалъ, да и долженъ былъ согласиться, что прокуроръ правъ! Какъ объ этомъ новая наука-то ваша говоритъ?

Я хотѣлъ отвѣтить, что такія дѣйствія современная наука называетъ расхищеніемъ власти, но величіе Покатиловской души до того подавило меня, что я безмолвствовалъ.

— А я вамъ скажу, кàкъ она говоритъ, — продолжалъ неумолимый старикъ:—она видитъ въ таковыхъ поступкахъ противодѣйствіе... А наша, старинная, наука видѣла въ нихъ содѣйствіе, и лицъ, на которыхъ это содѣйствіе было возложено, именовала „надзоромъ". Да-съ, было такое слово въ старину, которое нынѣ даже у старожиловъ изъ памяти исчезло! И начальство, съ своей стороны, ежели и огорчалось, какъ вы говорите, пререканіями, то огорчались больше столоначальники, коимъ приходилось таковыя разрѣшать, настоящее же начальство, напротивъ, радовалось, ибо знало, что ежели власть въ соотвѣтственномъ видѣ проявлять себя желаетъ, то надзоромъ за подчиненными ей òрганами она не подрываетъ, а укрѣпляетъ себя. Можетъ быть, это укрѣпленіе устроено было на старинный манеръ, но все-таки оно существовало, и никому въ голову не приходило сказать, что оно не укрѣпленіе, а потрясеніе. Позвольте спросить: чтò, ежели бы я, воспользовавшись послѣднимъ словомъ науки, поѣхалъ на пожарныхъ лошадяхъ на пикникъ, а у меня въ это время полгорода огнемъ бы выдрало? Или, еслибы я, по слабости человѣческой, губернію кумѣ предоставилъ, и она, въ свою очередь, прочимъ кумовьямъ ее раздарила? Утѣшительный ли бы получился отъ сего для начальства результатъ?

Вопросъ былъ поставленъ такъ рѣшительно, что даже кантонисты испугались и вытаращили глаза, а генералъ Краснощековъ, который, въ свое время, вѣроятно, не разъ отдавалъ Милочкину губернію на подержаніе кумѣ, смутился и молчалъ. Что касается до Набрюшникова, то онъ находился въ такомъ восхищеніи, что безъ словъ декламировалъ руками.

— Но вѣдь несомнѣнно, что подобныя дѣйствія, рано или поздно, и сами собой вышли бы наружу,—попытался я возразить.

— Сами собой-съ? или говоря другими словами, при помощи скандала-съ? черезъ посредство газетныхъ корреспондентовъ-съ? Покорнѣйше благодарю-съ.

Умница привсталъ и поклонился; за нимъ машинально, тотъ же жесть повторилъ и Набрюшниковъ.

— Но развѣ непремѣнно необходимъ скандалъ? а келейно?

— Нельзя-съ. Коль скоро обстановка нарушена, и некому, въ законномъ порядкѣ, начальственную неосмотрительность ограничить, другого выхода, кромѣ скандала, нѣтъ-съ. Да въ наше время, признаться, келейностей-то и не признавали. Открыто дѣйствовали, не опасались. Въ сорокъ-седьмомъ году, когда Фролъ Терентьичъ Балáболкинъ, по неосмотрительности, три четверти города спалилъ, а остальную четверть, по строптивости характера, въ кандалы заковалъ, прислали за нимъ изъ Петербурга фельдъегеря, посадили въ телѣжку и увезли-съ.

Всѣ взоры на минуту устремились на Балаболкина, который, не подозрѣвая, что о немъ идетъ рѣчь, тяжело сопѣлъ, и въ полудремотѣ бормоталъ: направляй кишку! направляй! направляй! направляй!

Лицо его было блѣдно, какъ бы измученно, и въ то же время выражало совсѣмъ нерезонную непреклонность. Съ перваго взгляда, по этому лицу нельзя было угадать, чтó именно этотъ человѣкъ въ состояніи предпринять, но ежели скажутъ — всему повѣрить можно. Что касается до меня, то въ свое время, и я слыхалъ разсказы объ этомъ путешествіи на тележкѣ, но, признаюсь, считалъ ихъ баснословіемъ. И вдругъ, Богъ привелъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ самимъ виновникомъ торжества!

А „умница“, между тѣмъ, продолжалъ:

— А какъ вы о губернскихъ правленіяхъ полагаете? Легко было съ ними ладить? Развѣ тѣ они были, что теперь? Развѣ могъ я совѣтникомъ помыкать: извольте, государь мой, подавать въ отставку; вы мнѣ не нравитесь, вы съ дамами обращаться не умѣете? Въ наше время, сударь, у совѣтника-то поясница желѣзная была, голосъ какъ у протодіакона, весь онъ, бывало, пропитанный сводомъ законовъ ходитъ, и у всѣхъ, на обѣдѣ ли, на вечеринкѣ ли,—вездѣ первый гость. И у преосвященнаго—свой человѣкъ. У меня одинъ такой-то былъ, такъ я каждый день съ нимъ до седьмого пота спорилъ. Я говорю свое, а онъ — свое; иногда—я его, иногда—онъ меня. Непріятно оно, что и говорить!—но съ другой стороны, и тутъ для начальствующаго лица

провѣрка. Пробовалъ - было я, на первыхъ порахъ, начальству докучать: возьмите, говорю, отъ меня сего строптиваго чиновника!—а мнѣ въ отвѣтъ: не угодно ли, предварительно, факты таковой строптивости представить! Факты-съ! вотъ вѣдь какое слово было! а нынче и выговорить-то его порядкомъ не всякій съумѣетъ!

— Но вѣдь они взятки брали, совѣтники ваши! Кому же это, наконецъ, неизвѣстно!

— Не отрицаю, дѣло возможное-съ. Только скажу вамъ одно: еслибы люди съ такимъ умомъ и съ такими познаніями жили въ нынѣшнее время, то, судя по нынѣшней жадности, милліонерами бы они были — вотъ что-съ! А я, между тѣмъ, изъ современниковъ моихъ только одного совѣтника губернскаго правленія и зналъ, который настоящее состояніе себѣ составилъ. Да и тотъ впослѣдствіи, отъ угрызеній совѣсти, въ монахи постригся, а капиталы свои на Аѳонъ пожертвовалъ.

— И все-таки, позволяю себѣ думать, что относительно фактовъ можно было бы поснисходительнѣе взглянуть. Вѣдь губернское правленіе—это, такъ сказать, домашнее учрежденіе, въ которомъ и допустить разноголосицу неудобно. А притомъ же, совѣтникъ-то, объ увольненіи котораго вы просили, вѣдь подчиненный вашъ былъ... отчего же бы вамъ удовольствіе не сдѣлать?

— Да вы читали ли, молодой человѣкъ, „Учрежденіе губернскихъ правленій“? Прочтите-съ. Это не законъ, а музыка-съ. Никакихъ домашнихъ учрежденій въ государствѣ не полагается-съ. И учрежденія, и формы—все пригнано такъ, чтобы предѣлы обозначить. И совѣтники совсѣмъ не подчиненные были, а концертъ-съ. Бывало, принесутъ журналы-то губернскаго правленія, такъ въ иномъ пальца три толщины, и всякій объ особенномъ дѣлѣ трактуетъ! И весь онъ задомъ напередъ написанъ: сперва конецъ, потомъ начало, а середину—самъ ищи! Читаешь—и постепенно тебя объемлетъ. А въ заключеніе: подтвердить.

— И подтверждали-съ!—весь сіяя восторгомъ воскликнулъ Набрюшниковъ.

— А затѣмъ, и постороннія вѣдомства не по имени только существовали. Нынѣшняя наука въ нихъ препятствіе видитъ, а старая видѣла полезное раздѣленіе властей. И это, въ свою очередь, предѣлы полагало. Я полагаю: вотъ такъ поступить, а вѣдомство государственныхъ имуществъ—вотъ этакъ. Мы и переписываемся-съ.

— Воля ваша, а это ужъ положительное расхищеніе власти!

— По нынѣшнему—такъ. Даже страннымъ нынче кажется,

ежели кто возражаетъ. А встарину требовалось, чтобъ власть сама себя оправдывала, а не ради одного того властью называлась, что ей мундиръ присвоенъ. Мундиръ давалъ внѣшнія преимущества— вотъ и достаточно. Бывало, у обѣдни въ соборѣ — я впереди всѣхъ стою; у головы на пирогѣ—мнѣ первый кусокъ; на балѣ въ польскомъ—я съ предводительшей въ первой парѣ; въ засѣданіи комитета—я на предсѣдательскомъ мѣстѣ; по губерніи на ревизію поѣхалъ—отъ границы до границы уѣзда впереди исправникъ скачетъ; въ уѣздный городъ пріѣхалъ—купцы хлѣбъ-соль подносятъ; уѣзжать собрался—провожаютъ... Польщенъ, уваженъ, почтёнъ, сытъ—какихъ еще знаковъ больше!

При этомъ краткомъ перечнѣ почестей, которыми окружена была дореформенная губернаторская власть, у всѣхъ стариковъ глаза разгорѣлись. Даже Гвоздиловъ позабылъ, что у него на душѣ постыдное дѣло лежитъ, и щелкнулъ языкомъ.

— А то, помилуйте! мундиръ во всей силѣ остался, а обстановка—упразднена!

— Ваше превосходительство! но развѣ можно такъ рѣшительно утверждать, что обстановка упразднена? А суды? а земство? Развѣ это...

— Знаю-съ, но вѣдь послѣднее слово науки и въ этихъ учрежденіяхъ расхищеніе власти усматриваетъ. Я же съ своей стороны скажу вамъ: суды и прежде, и нынче—всегда судами были. Всегда они особнякомъ стояли, а ежели послѣднее слово науки и дразнится независимостью, такъ это, во-первыхъ, одно пустословіе, а во-вторыхъ, къ вопросу о прерогативахъ власти совсѣмъ и не относится. И прежде, выберутъ, бывало, отставного прапора въ предсѣдатели,—смыслу въ немъ ни капельки, а попробуй-ка кто-нибудь прикоснуться къ нему! Что же касается земства, то развѣ наука ваша принимаетъ его въ сурьезъ? И тутъ она только дразнится и малодушествуетъ. Ахъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ! нынче даже сенатъ — и тотъ, предостерегающее значеніе утратилъ... Сенатъ-съ!!

При упоминовеніи о сенатѣ, въ комнатѣ водворилась такая тишина, что даже лакей, убиравшій со стола тарелки—и тотъ остановился, какъ вкопанный. Первый нарушилъ очарованіе Набрюшниковъ, но и то шопотомъ, единственно по чувству преданности.

— Нынче даже радуются, ежели сенатъ огорченъ,—шепнулъ онъ сосѣду своему, Купидонову.

— Все упразднено-съ!—заключилъ Покатиловъ слабѣющимъ голосомъ:— „надзоръ“ —упраздненъ-съ, коллегія—упразднена-съ,

а что вновь установлено, то въ смѣшномъ и вредномъ видѣ представляется...

„Умница" махнулъ рукою и умолкъ. На его мѣсто, въ роли обличителя, выступилъ генералъ Чернобрововъ.

— Сенатъ-съ,—сказалъ онъ:—а особливо московскіе онаго департаменты... Это, я вамъ доложу, тоже въ своемъ родѣ антикъ былъ! Указы-то, бывало, охапками съ почты таскають, такъ что ежели посторонній человѣкъ при этомъ случится, такъ только руками разведетъ: неужели молъ на всю эту охапку отвѣчать надо? А тамъ, спустя время, пойдутъ и донесенія: „зачѣмъ, по присланному изъ сената указу, исполненія учинить невозможно". Принесутъ. бывало, изъ губернскаго правленія охапку рапортовъ—иной въ палецъ толщины—такъ только объ одномъ думаешь: все ли тутъ откровенно написано? И ежели чуть гдѣ замѣтишь: „къ сему необходимо присовокупить", или вообще умствованіе какое-нибудь—„те-те-те, голубчикъ! прошу отъ умствованій уволить! Сенатъ и самъ разберетъ, что худо, что хорошо—нечего его наводить"! Вотъ, мой другъ, какія мы, старики, чувства къ сенату питали!

— Всякій, бывало, ябедникъ, и тотъ въ сенатъ...—заикнулся было Гвоздиловъ, но вспомнилъ, что у него на душѣ постыдное дѣло лежитъ, и замолчалъ.

— И ябедники свою долю пользы приносили-съ,—холодно замѣтилъ ему Поватиловъ.

— Ябедники! Но вѣдь это язва!—воскликнулъ я.

— И они предѣлъ полагали-съ.

Я былъ побѣжденъ. Какой, однакожъ, изумительный механизмъ! сколько гарантій! Губернскій прокуроръ—разъ, губернскій штабъ-офицеръ—два, губернское правленіе—три, постороннія вѣдомства (въ томъ числѣ и начальникъ земской конюшни)—четыре, почтмейстеръ—пять, ябедники—шесть. И въ облакахъ—сенатъ... Московскіе онаго департаменты!

И никто не жаловался, что много, никто не кричалъ: караулъ! власть расхищаютъ! Вотъ бы когда хоть чуточку пожить!

Правда, что передъ моими глазами сидѣли такіе два экземпляра минувшихъ дней, которые не весьма свидѣтельствовали въ пользу устойчивости гарантій, а именно: Балаболкинъ и Пучеглазовъ (а очень вѣроятно, и Гвоздиловъ съ Краснощековымъ), но вѣдь за то Балаболкинъ и проѣхался съ жандармомъ въ тележкѣ. Что же касается до Пучеглазова, то онъ и до сихъ поръ хорошенько не знаетъ, какимъ образомъ онъ губернаторства лишился. Догадывается только, что, должно быть, правитель канцеляріи

подсунулъ ему прошеніе объ отставкѣ подписать, а его и уволили. Такъ вѣдь и это своего рода гарантія. Кабы дать Пучеглазову волю, какъ этого требуетъ послѣднее слово науки, такъ онъ, чего добраго, всю бы губернію сквозь строй прогналъ, а правитель канцеляріи понялъ это и упредилъ.

Било двѣнадцать, но никому и въ голову не приходило, что это часъ привидѣній. Напротивъ, всѣ продолжали сидѣть за столомъ, совсѣмъ какъ бы живые. Но еслибъ не крикнулъ въ эту минуту на сосѣднемъ дворѣ пѣтухъ—конечно, нельзя поручиться, какое превращеніе могло бы произойти!

Однако, все обошлось благополучно, и любезный хозяинъ первый ободрилъ насъ, подновивъ потухающую бесѣду разсужденіями на тэму распорядительности.

— Вотъ вы сейчасъ о предѣлахъ слышали,—сказалъ онъ:—но не думайте, что ежели кто предѣлъ исполнилъ, тотъ ужъ освобождался отъ распорядительности. Требовалось, чтобъ губернаторъ и въ предѣлахъ оставался, и въ то же время хозяиномъ въ своей губерніи былъ, чтобъ вездѣ самъ. Дорогу березками обсадить, пожарную трубу выписать, новый шрифтъ для губернской типографіи пріобрѣсти, мостовыя въ городѣ исправить, бульваръ устроить, фонари на улицахъ завести—вотъ задачи, которыя, въ старину, каждый начальникъ губерніи обязанъ былъ выполнить. А затѣмъ, и все остальное. Условился я, напримѣръ, съ начальникомъ земской конюшни, чтобъ по всей губерніи лошади у крестьянъ были саврасыя,—и выполнилъ. И не мѣрами строгости и понужденія я результатовъ достигъ, а единственно съ помощью распорядительности. И такъ эта масть у насъ прижилась, что послѣ того, сколько ни старались созданіе мое разрушить, а и теперь еще въ захолустьяхъ крѣпкая саврасая порода сердце поселянина радуетъ!

— Его превосходительство изволили московскій трактъ березками усадить,—присовокупилъ Набрюшниковъ, почтительно указывая на Покатилова:—а послѣ нихъ приказали эти березки рубить. И чтоже-съ! несмотря на это, даже по-сейчасъ въ иномъ мѣстѣ березка цѣлехонька стоитъ!

— Такъ вотъ что значитъ, мой другъ, распорядительность!—обратился ко мнѣ Чернобрововъ:—только разъ ее стоитъ проявить, такъ потомъ вѣка невѣжества пройдутъ, но и тѣ плоды ея вполнѣ истребить не смогутъ! Хоть одна березка, а все-таки останется.

— И просвѣщеніе, и продовольствіе, и народная нравственность, и холера, и сибирская язва, и оспа—все въ одной горсти было!—вторилъ Чернобровову Набрюшниковъ.

— И на все хватало времени. А нынче куда все это дѣвалось?—Говорятъ: отошло... но куда?

— Да туда же, куда и все прочее: измором изныло!—нѣсколько раздраженно откликнулся Покатиловъ.

Воцарилось глубокое и скорбное молчаніе, до краевъ переполненное вздохами. Прасковья Ивановна потихоньку встала и отворила въ сосѣдней комнатѣ форточку.

— Ваше превосходительство! вѣдь вы такую картину современности нарисовали, что трудно даже представить. какъ люди жить могутъ!—обратился я къ Покатилову,

— Развѣ жизнь отъ насъ зависитъ-съ? Предоставлено намъ жить — и живемъ-съ.

Эти странныя слова еще больше усилили общее уныніе. А тутъ еще и Краснощековъ подбавилъ.

— Бывало, я ѣду по губерніи — и понимаю! — воскликнулъ онъ, грозя очами: — и себя самого, и другихъ — все понимаю! Направо посмотрю и налѣво посмотрю — вижу-съ! Чуть ежели что — стой! вылѣзу изъ экипажа и распоряжусь-съ! Вотъ вамъ и „предѣлы“. А нынче и „предѣловъ“ у „него“ нѣтъ, а что „онъ“ такое, осмѣлюсь я васъ спросить? Потуда только онъ себя и чувствуетъ, покуда изъ квартиры до вокзала желѣзной дороги, облакомъ одѣянный, ѣдетъ! Пріѣхалъ, сѣлъ въ вагонъ—что, „онъ“ такое? — кладь-съ! Везутъ его, какъ и всякую прочую кладь, а куда везутъ — онъ не знаетъ. Силу пара остановить не можетъ, рельсы съ дороги снять—не имѣетъ права! задній ходъ дать — не умѣетъ! А ежели на станціи шумѣть начнетъ—сейчасъ протоколъ. И пойдутъ передъ всѣмъ честнымъ народомъ разбирать, въ какой силѣ онъ шумъ производилъ: „при исполненіи“ или просто въ качествѣ разночинца. Срамъ-съ.

— Направляй кишку! — взвылъ во снѣ Балаболкинъ, и въ тоже время такъ сильно покачнулся въ бокъ, что едва не свалился со стула.

Это была послѣдняя вспышка: приближался процессъ старческаго разложенія. У всякаго что-нибудь затосковало. У Чернобровова—нога, у Покатилова—лопатка, у Краснощекова—поясница. Всѣ чувствовали потребность натереться на ночь маслицемъ и надѣть на голову колпакъ. Даже дамы не безъ умысла любопытствовали, какое сегодня число?

Увы! передо мною приподнятъ былъ лишь край таинственной завѣсы, скрывавшей прошлое! Собственно говоря, я получилъ болѣе или менѣе ясное представленіе только о „предѣлахъ“; о творческой же дѣятельности дореформенныхъ губернаторовъ я зналъ

только одно: что они могли распространить саврасую масть. Но какъ они относились къ сокровищамъ, въ нѣдрахъ земли скрывающимся? Какъ понимали вопросъ о движенiи народонаселенiя? Одобряли ли разведенiе фаланстеровъ? доставляли ли въ срокъ свѣденiя, необходимыя для изданiя академическаго календаря, и въ какомъ смыслѣ: тенденцiозныя или наивныя? признавали ли пользу травосѣянiя? вѣрили ли въ чудеса, или считали оныя лишь полезнымъ мѣропрiятiемъ въ видахъ обузданiя простолюдиновъ? Находили ли достаточною существующую астрономическую систему, или полагали оную, для пользы службы, отмѣнить? провидѣли ли гессенскую муху, сусликовъ, кузьку, скопинскiй банкъ, саранчу? какими идеалами руководились при опредѣленiяхъ, увольненiяхъ и перемѣщенiяхъ?—Вотъ сколько вопросовъ разомъ пронеслось передо мной, и всѣ они остались такою же загадкой, какъ и въ то утро, когда генералъ Чернобрововъ благосклонно почтилъ меня приглашенiемъ.

По примѣру прочихъ, я уже собрался встать, какъ встрѣтилъ устремленный на меня взоръ Купидонова, который какъ бы говорилъ: неужто же отъ меня и научиться ужъ нечему?

— Можетъ быть, и вы имѣете что-нибудь сказать, полковникъ?—обратился я къ нему.

— Немногое, — отвѣтилъ онъ: — но тоже въ своемъ родѣ... Первые мостки черезъ Неву я еще при блаженной памяти Александрѣ I устраивалъ, и затѣмъ ежегодно, весною и осенью, въ теченiе тридцати лѣтъ, восполнялъ эту обязанность. И сошлюсь на всѣхъ: каковы были дореформенные мостки, и каковы нынѣшнiе?! Только и всего.

Онъ простеръ руку и щелкнулъ языкомъ. Но уже врядъ ли кто изъ стариковъ порядкомъ слышалъ его слова. Только Прасковья Ивановна слегка плеснула руками, но и то, по-правдѣ сказать, больше въ знакъ благодарности за провѣсную бѣлорыбицу, которую Купидоновъ въ этотъ вечеръ для закуски доставилъ.

Черезъ пять минутъ я былъ ужъ дома. Въ душѣ у меня была музыка, такъ что когда кухарка, вся заспанная, отворяла мнѣ дверь, то первыя мои слова, обращенныя къ ней, были:

— Ахъ, Мавра! угадай, кого я сегодня видѣлъ?.. „Утѣшенiе сената“!!

Н. Щедринъ.

ТОРМАЗЫ

НОВАГО РУССКАГО ИСКУССТВА

VIII *).

Конечно, относительно созданій новыхъ русскихъ художниковъ, высказано было до сихъ поръ не мало сочувствія, симпатіи, доброжелательства и даже восхищенія, не только со стороны публики, но иногда и „критики". Почти никто не отрицалъ талантливости лучшихъ, значительнѣйшихъ нашихъ живописцевъ— увѣрять въ противномъ, было бы уже дѣломъ слишкомъ вопіющимъ и черезъ-чуръ бросающимся въ глаза. Но выраженій недовольства, неудовлетворенности—была всегда еще большая, громадная масса, и въ разговорахъ публики, и въ заявленіяхъ прессы.

Какъ 20—25 лѣтъ тому назадъ, такъ вплоть и до сихъ поръ, не умолкаютъ обвиненія нашихъ художниковъ въ необтесанности, необразованности, грубости, нелѣпости понятій, въ презрѣніи къ Западу, нежеланіи учиться, выбираніи низкой безобразной натуры, упорной наклонности къ сюжетамъ, низкимъ и оскорбительнымъ для „эстетическаго вкуса", наконецъ, и въ знаменитой, и въ страшной „тенденціи".

Художникъ А. Ледаковъ постоянно толковалъ объ „упадкѣ" новой русской школы (такъ какъ всѣмъ ретроградамъ слишкомъ кололъ глаза именно ея быстрый ростъ и могучее, неудержимое развитіе); онъ увѣрялъ даже, что послѣ 11 лѣтъ существованія, у „Товарищества передвижныхъ выставокъ" оказалось, по части жанра и русской исторіи, всего только двѣ картины: „Охотники на привалѣ" Перова и „Царевичъ Алексѣй передъ Петромъ I" Гè. Все остальное, конечно, оказалось для А. Ледакова никуда

*) См. выше: мартъ, 212 стр.

негоднымъ (очень многія между картинами, онъ прямо признавалъ „позоромъ“ нашего искусства). Онъ старался также защитить отъ общихъ насмѣшекъ академическое преподаваніе „по букварямъ, давнымъ-давно съѣденнымъ мышами“; онъ горой стоялъ за миѳологическія и классическія программы, увѣряя, что внѣ ихъ нѣтъ спасенія учащемуся художнику; онъ съ гнѣвомъ отмѣчалъ въ каждой новой картинѣ новыхъ художниковъ—„пересолъ реализма“, неумѣнье рисовать, неумѣнье писать, неумѣнье сочинять. Онъ съ унизительнымъ рабскимъ почтеніемъ указывалъ на Европу и ея художественныя мнѣнія „на общечеловѣческомъ рынкѣ, вдали отъ нашихъ кислыхъ щей“, и съ великимъ остроуміемъ и ѣдкостью восклицалъ: „Если мы возьмемъ такіе оригиналы, какъ россійскія Маланьи и Ѳеклы, кисти гг. Ярошенко, Рѣпиныхъ, Васнецовыхъ и К⁰, и поставимъ ихъ рядомъ съ луврской мадонной Мурильо, сикстинской Рафаэля, или картиною „Взятіе Божіей Матери на небо“ Тиціана, и будемъ сравнивать съ такими оригиналами, то, конечно, они окажутся совершенно нереальными и непохожими на такіе оригиналы, какъ Ѳекла и Маланья. Но потому-то такія произведенія и прекрасны, потому-то они такъ неотразимо дѣйствуютъ на душу человѣка, что непохожи на Ѳеклъ и Акулинъ, прикованныхъ къ землѣ всею своею грѣховною плотскою тяжестью, а уносятся передъ глазами зрителя, какъ эѳиръ, какъ горячая молитва въ небесную высь“ (Свѣтъ, 1884, № 72). О сюжетахъ искусства художникъ А. Ледаковъ изъяснялся такъ: „Современный жанристъ долженъ брать современные сюжеты и не вдаваться въ анахронизмъ. Сюжетъ Рѣпина „Сдача рекрута“, конечно, не современенъ. Какое можетъ составлять горе для крестьянской семьи сдача въ рекруты при общей воинской повинности, при отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія, при краткосрочной службѣ, гдѣ рекрутъ изъ безграмотнаго дѣлается грамотнымъ и практическимъ вообще въ жизни? Такъ и своихъ „Бурлаковъ“ Рѣпинъ написалъ тогда, когда пароходы уже сновали по Волгѣ и бурлачество осталось только въ преданіи“ (Спб. Вѣдомости, 1880, № 59). Глубину же своего пониманія и тонкость своего вкуса художникъ А. Ледаковъ всего лучше, всего нагляднѣе доказывалъ тѣмъ, что въ многочисленныхъ своихъ статьяхъ, разсѣянныхъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ и „Свѣтѣ“, онъ предпочиталъ Дмитріева-Оренбургскаго и Полѣнова—Верещагину, ставилъ блестящіе, но поверхностные и рѣдко правдивые портреты К. Маковскаго, этого „могучаго художника“, „неизмѣримо выше“ изумительныхъ портретовъ Крамского и другихъ лучшихъ нашихъ художниковъ; посредственныя картинки (такія, какъ наприм. „Отъѣздъ“ г-жи Михайловой) цѣнилъ безъ всякаго сравненія выше совершеннѣйшихъ

и глубочайшихъ созданій, такихъ какъ, напр., „Не ждали“ Рѣпина (Свѣтъ, 1884, № 74); наконецъ гг. К. Маковскаго, Бронникова и Полѣнова признавалъ „лучшими художниками“ всего Товарищества передвижныхъ выставокъ (Спб. Вѣдом., 1880, № 75).

Не одинъ художникъ А. Ледаковъ раболѣпно млѣлъ передъ Западомъ, и, ожидая только оттуда и отъ всяческаго подражанія —спасенія русскому искусству, презрительно поглядывалъ на все созданное нашею новою школою. По этой самой части отличались тоже и многіе не-художники. Такъ, наприм., г. Боборыкинъ, среди своей всеобъемлющей литературной дѣятельности, во всѣхъ возможныхъ родахъ, удѣлялъ всегда не мало мѣста также и художественнымъ статьямъ. Здѣсь онъ всего болѣе посвящалъ страницъ негодованію на дерзкое отступничество новаго русскаго искусства отъ смиренной покорности западнымъ преданіямъ, привычкамъ и вкусамъ. Г. Боборыкину ничего такъ бы не хотѣлось, какъ того, чтобъ русскіе живописцы и скульпторы дѣлали точь-въ-точь то самое, что новые и старые итальянцы, французы, нидерландцы. Поэтому онъ и громилъ русскую художественную непочтительность, русскую самобытность, русское исканіе „содержанія“ въ картинахъ и скульптурахъ, русское несогласіе на „искусство для искусства“, столь распространенное во всей новой Европѣ, на тѣсную связь русскаго искусства съ русской литературой. Вслѣдствіе поверхностныхъ привычекъ мысли, пріобрѣтенныхъ имъ во время порханія по Европѣ, г. Боборыкинъ желалъ бы видѣть насажденнымъ у насъ то, отъ чего открещиваются лучшіе люди Запада и что у насъ, слава Богу, еще покуда не привилось: безцѣльное виртуозничанье и способность довольствоваться имъ однимъ въ искусствѣ, помимо всего того, что во сто разъ важнѣе этого виртуозничанья. Поэтому-то, по поводу 25-лѣтія русскаго новаго искусства, г. Боборыкинъ и способенъ былъ говорить вотъ что: „Мы можемъ теперь, безъ всякаго національнаго хвастовства, сказать, что существуетъ уже цѣлая русская школа. Но вотъ это-то нарожденіе и вызвало въ нашей художественной критикѣ цѣлое ученіе, въ которомъ національное чувство получило окраску, гораздо болѣе вредную, чѣмъ полезную для развитія нашей живописи... Давно уже раздаются у насъ голоса (къ счастію, ихъ у насъ не особенно много) во имя самобытности, понимаемой чрезвычайно узко. Такой домашній, доморощенный протестъ вызванъ тѣмъ, что искусство (живопись) было слишкомъ отторжено отъ жизни. Художникамъ давалось через-чуръ академическое развитіе... Но движеніе во имя большей жизненности искусства вовсе не наше доморощенное изобрѣтеніе“ („Живоп.

Обозр., 1883, №№ 2 и 7). „Борьба противъ академіи началась въ Парижѣ уже давно“, говоритъ г. Боборыкинъ, и въ доказательство указываетъ на извѣстный романъ Гонкуровъ „Manette Salomon“, гдѣ высказываютъ свои мнѣнія художники 40-хъ, 50-хъ и 60-хъ гг.), не сообразивъ, во всегдашнемъ своемъ легкомысліи, что стѣсненія всегда, вездѣ и во всемъ существовали, и сопротивленіе имъ всегда и вездѣ, и у всѣхъ проявлялось, но всякій разъ по особеннымъ своимъ причинамъ и на свой особенный манеръ, а поэтому въ этомъ дѣлѣ никакія справки съ другими мѣстами и народами намъ не нужны. Человѣкъ, на котораго насѣлъ ломающій его медвѣдь, кричитъ и защищается не потому, что такъ дѣлали, можетъ быть, раньше его, другіе, — а потому что ему больно и спастись хочется. При этомъ, г. Боборыкинъ горько жаловался на то, что будто-бы „теперь подрывается не только всякая академія, но и всякое систематическое развитіе молодого человѣка подъ руководствомъ учителя“ — обвиненіе, столько же у насъ старинное, какъ и ложное. Никто никогда не нападалъ у насъ на художественное ученье вообще. Непостижимо, какъ могъ г. Боборыкинъ печатно объявлять, будто по нынѣшнимъ русскимъ понятіямъ, „успѣхи мастерства, колоритъ, рисунокъ, изученіе анатоміи, артистическое воспитаніе, пройденное въ музеяхъ и мастерскихъ Европы—все это не существуетъ“. Во всемъ этомъ кромѣ жалкой клеветы на русскихъ художниковъ и сочувствующихъ имъ критиковъ—ничего нѣтъ. Кто у насъ нападалъ на ученье, нападалъ всегда только на ученье „школьное“, которое было и у насъ столько-же нелѣпо и вредно, какъ вездѣ. Конечно, ни одинъ талантливый и умный художникъ, ни одинъ въ самомъ дѣлѣ мыслящій и образованный критикъ никогда не подумаетъ отрицать потребности художественнаго образованія, ученья, ни одинъ еще не приходилъ къ тѣмъ нелѣпымъ безуміямъ, какія приписываетъ имъ г. Боборыкинъ, повидимому, мало понимающій то, что̀ говорится во враждебномъ ему лагерѣ новыхъ русскихъ художниковъ. Никто изъ нихъ никогда не думалъ, что вся Европа ничего не произвела по части искусства кромѣ бездарности и ничтожества: чѣмъ выше человѣкъ надаренъ талантомъ и умомъ, чѣмъ онъ больше понимаетъ въ искусствѣ, послѣ долгихъ годовъ изученія, сравниванья, любованья, размышленія, тѣмъ глубже и больше онъ цѣнитъ великихъ истинныхъ художниковъ прежняго времени, которыхъ, для счастья человѣчества, было до сихъ поръ не мало. Но это еще не резонъ, чтобъ слѣпо и порабски вѣровать во всѣ художественныя славы, какія только существуютъ на Западѣ (иногда совершенно понапрасну) и не смѣть

о нихъ своего собственнаго сужденія имѣть. Нигдѣ въ Европѣ не найдется болѣе горячихъ и глубокихъ цѣнителей не только Веласкеца, Рембрандта, вообще нидерландцевъ, испанцевъ (которые какъ-то особенно подходятъ къ русскому духу, вкусу и складу), но и разныхъ другихъ великихъ художниковъ Запада; но смѣшно было бы, подъ страхомъ грозной опалы, требовать, отъ современныхъ русскихъ художниковъ и критиковъ, раболѣпной слѣпоты и неразборчиваго поклоненія многому такому, что давно отжило свой вѣкъ и не годится болѣе просвѣтленному современному чувству и мысли, и г. Боборыкинъ можетъ, со всѣми себѣ подобными, вопить сколько ему угодно противъ неуваженія „преемственности" со стороны современниковъ, эти послѣдніе все-таки будутъ одно высоко любить и уважать, но другое и не любить, и не уважать, хотя бы это были репутаціи въ цѣлую версту вышины.

Но есть одинъ пунктъ, который болѣе всего сказаннаго, болѣе „неуваженія" къ тѣмъ художественнымъ авторитетамъ которые уже теперь непригодны, болѣе слишкомъ малаго фетишизма передъ „преемственностью" въ искусствѣ, сердитъ г. Боборыкина. Это—близкая связь искусства съ литературой, или какъ онъ называетъ, „подчиненіе живописи литературнымъ мотивамъ". Онъ жалуется, что „исходный пунктъ печальнаго нынѣшняго ученія о художествѣ: содержаніе! Только то имѣетъ цѣну, что̀ написано на извѣстную общественно-нравственную идею. Точно будто вся задача живописи сводится къ тому, чтобы идти вслѣдъ за публицистикой и обличительной литературой... Пора, наконецъ признать полную самобытность живописи и не дѣлать изъ нея орудія для вещей, совершенно постороннихъ искусству"... Каково! Мысль, негодованіе, жгучая боль, страданія, глубокая симпатія или антипатія къ тѣмъ или другимъ явленіямъ жизни—все это „постороннія вещи для искусства"! Художникъ не долженъ никогда это ни ощущать, ни выражать! Онъ долженъ быть только празднымъ шалуномъ формы, онъ долженъ баловать красками и линіями для того только, чтобъ доставлять пустѣйшее „удовольствіе" дилеттантамъ и приличное „разсѣянье" зѣвающей толпѣ. Литература должна дѣлать одно дѣло, серьезное, важное, глубоко значительное, оставляющее по себѣ широкія борозды на обществѣ—съ искусства довольно и роли милаго потѣшника и пріятнаго развлекателя! Какъ будто живопись не родная сестра литературы и можетъ нынче согласиться на ту низменную роль, какую часто играла прежде, особливо въ послѣдніе два-три вѣка! Какъ будто, сознавъ нынче свою мощь и права, она уступитъ ихъ снова! „Произведенія живописи должны восхищать насъ не содер-

жаніемъ, а спеціально творческими достоинствами и пріемами", говоритъ г. Боборыкинъ. Ну, пускай онъ такъ и думаетъ, рѣшая самъ для себя, что это за творчество такое будетъ, которое не захочетъ знать никакихъ самыхъ важныхъ, самыхъ глубокихъ, самыхъ насущныхъ и истинныхъ задачъ жизни, которое отвернется отъ нихъ всѣхъ ради одной „виртуозности". Думая такъ, г. Боборыкинъ повторяетъ только устарѣлыя французскія воззрѣнія, которыя мы встрѣчаемъ въ той самой книгѣ „Manette Salomon" братьевъ Гонкуровъ, на которую онъ такъ любовно ссылается. Эти авторы (уже не отъ имени современныхъ имъ живописцевъ, а отъ своего собственнаго имени) жалуются на „пагубное вліяніе французской литературы на французскую живопись 40-хъ годовъ", тогда какъ именно это-то вліяніе всегда и вездѣ было самое благодѣтельное, самое плодотворное, самое возвышающее, всякій разъ когда литература пробуждалась отъ обычнаго сна и полна становилась ощущенія живой жизни. Такъ бывало не разъ во Франціи, такъ было и у насъ въ послѣднія 25 лѣтъ. Этимъ мы можемъ только гордиться, но, конечно, любителямъ ничтожнаго, нѣмого, формальнаго искусства это могло быть только невыносимо больно и оскорбительно. Оно имъ, въ ихъ чисто куриной слѣпотѣ, казалось даже анти-художественнымъ. Г. Боборыкинъ скорбитъ, что „наша публика до сихъ поръ не воспитала еще въ себѣ способности восхищаться самими пріемами мастерства. То, что французскіе критики на своемъ жаргонѣ называютъ „la pâte" и la „brosse", не способны приводить ее въ восторгъ. И слава Богу! скажемъ мы. Лучшіе французскіе умы и художественные критики давно жалуются на паденіе современнаго французскаго искусства, на его жалкую пустоту, въ большинствѣ случаевъ, вслѣдствіе отсутствія содержанія, вслѣдствіе безумнаго поклоненія одному виртуозничанью. Тургеневъ жаловался (Спб. Вѣдом., 1881, № 310, статья г. Аверкіева: „Представленія Сарры Бернаръ) на современное паденіе французской драматургіи. „Совершенно ошибочно думать, что парижскіе театры стоятъ на значительной художественной высотѣ, говорилъ онъ. „Для художника они скучны; они для него черезъ-чуръ механичны. Пересмотрѣвъ множество театровъ, вамъ покажется, что вы весь вечеръ просидѣли въ одномъ и томъже театрѣ: до того похожи другъ на друга всѣ эти любовники, любовницы, резонеры и т. д. Мало того, вамъ покажется, что во всѣхъ театрахъ играютъ одну и ту-же пьесу: до того всѣ они похожи другъ на друга"... Это самое каждому мыслящему человѣку приходится сказать про современное французское искусство: кромѣ рѣдкихъ исключеній, оно ужасно скучно, потому что черезъ-чуръ

„механично“, у него почти всегда полное отсутствіе содержанія, и только все оно состоитъ изъ „pâte“ и „brosse“, столько драгоцѣнныхъ сердцу г. Боборыкина. Но то, что̀ мило г. Боборыкину, то еще не непремѣнно мило и всѣмъ остальнымъ русскимъ. Ему, наприм., кажется, что „худого въ томъ нѣтъ“, что г. Харламовъ „имѣетъ манеру письма близкую къ великимъ мастерамъ портретной и жанровой живописи французской и испанской школъ“—а намъ кажется, что „худого“ въ томъ очень много, потому что мы не испанцы и не французы, особливо прежняго времени, а потому и картины, и письмо ихъ должны быть другія, свои, а не чужія, не во гнѣвъ буди сказано „преемствамъ“ г. Боборыкина—что впрочемъ ничуть не мѣшаетъ ему, если это ему такъ нравится, писать романы и фельетоны въ манерѣ какихъ угодно французовъ. Ему точно также кажется, что хорошо бы очень было, еслибъ „наши художники, вмѣсто „сюжетныхъ жанровъ“ писали прямо съ натуры (въ томъ числѣ голыхъ женщинъ, сказано у г. Боборыкина нѣсколькими строками выше), довольствовались типами, картинами домашней жизни, беря примѣръ съ великихъ голландскихъ мастеровъ... Отчего-бы и намъ не пойти по слѣдамъ Ванъ-Остаде, Теньерсовъ и Герардовъ Доу?“, спрашиваетъ онъ. Отвѣтъ очень простъ, но только г. Боборыкину онъ никоимъ образомъ не можетъ прійти на умъ. Оттого намъ не надо идти по слѣдамъ голландцевъ, что не надо идти ни по чьимъ слѣдамъ, никому не подражать, никого не повторять и не обезьянничать, а идти своею собственною дорогою, какая передъ нами лежитъ, по условіямъ самой нашей народности, исторіи, національнаго духа, дѣйствительной нашей собственной жизни, а не чьей бы то ни было чужой; во-вторыхъ, потому не надо намъ идти по слѣдамъ голландцевъ (если бы даже кто и вздумалъ допускать подражаніе), что эпоха голландцевъ—то было одно время, а нынче другое; что̀ тогда было достаточно и впору, то теперь уже неудовлетворительно. Голландцы были великіе мастера, и мы низко передъ ними преклоняемся, но повторять ихъ ничтожное или пустое содержаніе—теперь уже стыдно и непростительно. Можно радоваться и любоваться на даровитаго ребенка, но поддѣлываться изъ взрослаго подъ его взгляды и понятія—какой срамъ!

Г. Боборыкинъ являлся у насъ, по части искусства, всегда только выразителемъ плохихъ французскихъ мнѣній и ходячихъ художественныхъ предразсудковъ. По счастью, они не могли никогда, даже въ самомалѣйшей степени, привиться у насъ. Они вовсе для насъ непригодны.

Являлись иногда русскіе художественные критики, которые,

на первый взглядъ, какъ будто сочувствовали нашимъ художникамъ и ихъ созданіямъ, но потомъ оказывалось, что собственно всѣ похвалы были только учтивымъ подходцемъ. Такъ, напримѣръ, неизвѣстный авторъ напечаталъ однажды въ „Гражданинѣ“ 1882 и 1883 годовъ цѣлый рядъ статей подъ названіемъ „Разговоры объ искусствѣ“, многими своими изреченіями вовсе не похожихъ на „Гражданина“, ни на его писателей. Тутъ, наприм., говорилось: „Наше искусство съумѣло образовать хорошую самобытную школу, еще не богатую числомъ талантовъ и произведеній, но уже заявившую себя такими серьезными успѣхами и такою жизненностью направленія, что въ ея будущности нѣтъ причины сомнѣваться... Мы считаемъ успѣхи русскаго искусства съ 60-хъ годовъ громадными!“ Что за странность! Точно будто не „Гражданина“ читаешь и не его сподвижниковъ! Особливо, если вспомнить, что тотъ же „Гражданинъ“ незадолго писалъ, какъ и слѣдовало ожидать, по поводу посмертной выставки Перова, что кромѣ немногихъ исключеній („Птицеловъ“, „Охотники“, „Рыболовъ“) все остальное у Перова стоитъ на уровнѣ ученической работы, не лишенной силы и таланта, но еще не получившей той печати зрѣлости, изящнаго мастерства, которыя даютъ картинѣ значеніе художественнаго произведенія... Перову чувство изящнаго, виртуозность мастера давались всего труднѣе... Требованіе красоты, безъ которой картина не можетъ считаться произведеніемъ искусства, повидимому, было ему совершенно чуждо. Онъ сухъ, холоденъ, и, такъ сказать, элементаренъ... Онъ былъ преемникъ Ѳедотова, отъ котораго усвоилъ грубоватость письма, но не заимствовалъ его юмора и теплоты... При другихъ условіяхъ, изъ него, можетъ быть, вышелъ бы (!) превосходный жанристъ. Но, поставленный внѣ всякаго воспитывающаго вліянія, захваленный неумѣлою критикой именно за то, отъ чего ему слѣдовало бы избавиться; сталкиваясь на каждомъ шагу съ анти-художественными теченіями въ литературѣ и невольно подчиняясь имъ, Перовъ остался на всю жизнь въ положеніи талантливаго ученика, не овладѣвшаго техникой искусства... Подобно Рѣпину, онъ представляетъ примѣръ крупнаго дарованія, пострадавшаго отъ невозможныхъ условій, въ какихъ находилось искусство въ періодъ 60-хъ и 70-хъ годовъ. Это одна изъ жертвъ вандализма, внесеннаго къ намъ журналистикой, и всѣми вѣяніями такъ-называемой эпохи реформъ...“ (Гражд., 1883, № 36). А, вотъ это другое дѣло! Вотъ они, „Гражданинъ“ и его сподвижники въ полномъ соку и славѣ! Вотъ какъ имъ слѣдуетъ говорить, вотъ какими мы ихъ знаемъ и обожаемъ. А то — „громадный успѣхъ“, „самобытная

хорошая школа" со значительною будущностью—на что все это похоже, съ чѣмъ это сообразно? Однако, продолжая чтеніе, мы въ этомъ рядѣ статей скоро открываемъ присутствіе, во всей цѣлости и нерушимой неприкосновенности, всего того, что принадлежитъ къ настоящей натурѣ этого журнала и самыхъ коренныхъ его писателей. Указавъ на столь постыдное отсутствіе религіозной живописи на нашихъ выставкахъ (и забывъ при этомъ, что по какой-то странности во всемъ европейскомъ современномъ искусствѣ существуетъ точь-въ-точь такое же малое преобладаніе живописи религіозной) достойный сотрудникъ князя Мещерскаго указывалъ на „тенденціозность, достойную сожалѣнія, на непріятную лживость композиціи картины Рѣпина „Крестный ходъ"; на болѣе чѣмъ странный подборъ нарочито уродливыхъ, звѣрскихъ и идіотическихъ типовъ"; вообще же про Рѣпина замѣчалъ, что онъ „умышленно губитъ свой талантъ" и т. д. Что же касается общихъ соображеній, то они состояли главнымъ образомъ въ срамленіи и упреканіи нашего искусства передъ лицомъ европейскаго. „На западѣ,—говоритъ „Гражданинъ",—жанръ у французовъ, итальянцевъ, испанцевъ непремѣнно предполагаетъ элементъ граціозности, изящества; у фламандцевъ и нѣмцевъ замѣтенъ элементъ благодушія, часто соединяющагося съ почитаніемъ семейнаго очага. Вообще, у западныхъ художниковъ жанръ имѣетъ какъ бы цѣлью дать впечатлѣніе тихое, успокоительное, возвращающее человѣка къ маленькимъ радостямъ и волненіямъ будничной жизни. Нашъ жанръ явился сразу безъ всѣхъ этихъ элементовъ... Наши жанристы безпощадны... Въ лохмотьяхъ нищеты у европейскихъ художниковъ есть почти всегда нѣчто трогательное... Наша жанровая картина въ сущности почти всегда не что иное, какъ каррикатура..." Неправда-ли, вѣдь всѣ эти обвиненія почти точь-въ-точь одно и то же со словами Потугина въ „Дымѣ": „Мы толкуемъ объ отрицаніи, какъ объ отрицаніи, какъ объ отличительномъ нашемъ свойствѣ; но и отрицаемъ-то мы не такъ, какъ свободный человѣкъ, разящій шпагой, а какъ лакей, лупящій кулакомъ". Тамъ, у тѣхъ—какое благородство и галантерейность! Шпага, трогательныя лохмотья, а у насъ, пошлыхъ лакеевъ—кулакъ, разящій безъ всякаго почтенья и жантильной деликатности, прямо такъ-таки куда попало, голая правда жизни въ картинѣ, какъ она въ самомъ дѣлѣ есть на лицо, сдуру и безъ книксеновъ, безъ всякихъ тихостей и успокоеній!

„Наше искусство,—вопилъ „Гражданинъ" по поводу передвижной выставки 1884 года,—все дальше и дальше уходитъ по пути, весьма неправильному и странному; этотъ путь не можетъ при-

вести искусство ни въ какомъ случаѣ къ истинному развитію и процвѣтанію. „Идеи“, которыя съ какою-то натугою силятся провести въ новѣйшихъ картинахъ, такъ жалки, такъ, очевидно, надуты въ уши и наклеены какъ ярлыки на всю эту тугую работу, что становится жаль трудовъ экспонентовъ, потеряннаго времени, жаль пути, пройденнаго ими напрасно... Не знаешь, чему больше удивляться: нищетѣ ли фантазіи, при недурномъ часто письмѣ, жалкой ли ограниченности и вымученности тэмъ, часто при несомнѣнной выразительности. Все это словно задалось представить русскую жизнь въ самыхъ печальныхъ, уродливыхъ образахъ, все это ноетъ, обличаетъ; во всякомъ случаѣ относиться къ жизни свысока, презрительно или злобно, это одно уже исключаетъ всегда всякую художественную ясность, истину и силу изображенія...“ (Гражданинъ, 1884, № 10). Да, да, надобно было бы художникамъ проникнуться всепокорнѣйшимъ, рабскимъ, низкопоклоннымъ закономъ гегелевской философіи: „все существующее разумно“, надо было бы имъ безъ злобы и презрѣнія смотрѣть на все то, что продѣлываетъ грубая „сила“ надъ нѣмымъ стадомъ, надо было бы пропускать мимо глазъ все печальное и нелѣпое, чѣмъ кишитъ русская жизнь—и тогда, конечно, „Гражданинъ“ тотчасъ же призналъ бы новое русское искусство и яснымъ, и художественнымъ, и поэтичнымъ, и истиннымъ!

„Недѣля“ устами своего художественнаго критика В. К. высказывала такую же ненависть къ новому нашему искусству, такое же точно его непониманіе, какъ г. Боборыкинъ и писатели „Гражданина“. Она насмѣхалась надъ „реализмомъ“ и „правдой“ изображеній, жаловалась, зачѣмъ у насъ въ живописи не рубенсовская, не рембрандтовская, не рафаэлевская правда, увѣряла, что въ нашей живописи одно—школьное упражненіе, а не творчество, другое — топтанье все на одномъ и томъ же мѣстѣ, третье — голая этнографія, все же вмѣстѣ — сплошная копія и фотографія; что „новые русскіе живописцы“, нѣкогда смѣлые новаторы и прогрессисты, нѣкогда возстававшіе противъ копированія академическихъ образцовъ, ударились теперь въ другую крайность, гдѣ и завязли, похоронили себя въ машинальномъ списываніи живой, это правда, но не осмысливаемой дѣйствительности“; а все это оттого, что „ихъ губитъ всегдашняя болѣзнь, давнишняя отрава немногочисленной русской интеллигенціи — кружокъ и кружковые божки, оракулы и прорицатели. Кружокъ передвижниковъ замкнулся на теоріи мертвой фотографической правды, и его выставки съ года на годъ падаютъ. Кружокъ — огромная сила и злая сила“. (Недѣля, 1884, № 12).

Какъ должны были смотрѣть на новое русское искусство „Московскія Вѣдомости“, что они должны были о немъ говорить —это легко себѣ вообразить. Но чтобъ дать полное понятіе о ихъ чувствахъ и размышленіяхъ въ этомъ отношеніи, довольно будетъ привести отрывки изъ двухъ статей послѣдняго времени, именно изъ того времени, когда новое русское искусство возвысилось до самыхъ крупныхъ и значительныхъ созданій своихъ, и, слѣдовательно, еще болѣе прежняго должно было поднимать на дыбы всѣхъ ретроградовъ и реакціонеровъ.

Въ статьѣ С. Васильева, „Московскія Вѣдомости“ жалуются, по поводу 12-й передвижной выставки (1884 года), во-первыхъ, на полное отсутствіе „историческихъ“ картинъ и „изображеній нагого тѣла“, на отсутствіе сюжетовъ „поэтическихъ“, „фантастическихъ“ и такихъ, гдѣ на первомъ планѣ была бы „чистая красота“ (замѣчено, что всѣ самые закоренѣлые деспоты, насильники, свирѣпо топчущіе въ грязь всякую правду и право, люто давящіе человѣческую жизнь, прежде всего требуютъ себѣ „поэзіи“ и „чистой красоты“. Безъ нѣжнѣйшихъ идеальнѣйшихъ чувствъ они жить не могутъ!) „Чувство прекраснаго,—восклицаютъ „Московскія Вѣдомости“,—какъ будто исчезло по отношенію къ человѣку и сохранилось лишь въ отношеніи къ природѣ (слѣдуютъ похвалы русскимъ современнымъ пейзажамъ). „Свободное“ художество пошло въ услуженіе вседневной жизни и заботамъ дня (какая, подумаешь, въ самомъ дѣлѣ низость!), сдѣлало ихъ предметомъ культа и снизошло на степень репортерства...“ Но главные громы писателя „Московскихъ Вѣдомостей“ были припасены для новѣйшей картины Рѣпина „Не ждали“, которая заключала, помимо громадной талантливости исполненія, такую силу содержанія, такую глубокую правдивость, такую горячность свѣтлаго чувства, что должна была тотчасъ же сдѣлаться ненавистною до бѣшенства для всѣхъ людей съ образомъ мыслей „Московскихъ Вѣдомостей“. „Г. Рѣпина навѣрное произведутъ въ геніи,—писалъ г. Васильевъ. —Жалкая геніальность, покупаемая цѣной художественныхъ ошибокъ, путемъ подыгрыванія къ любопытству публики посредствомъ „рабьяго языка“. C'est pire qu'un crime, c'est une faute... Не ждали! Какая фальшь заключается уже въ одномъ этомъ названіи!... Если вы не чувствуете слезъ, подступающихъ къ вашимъ глазамъ при видѣ такого потрясающаго семейнаго событія, каково изображенное г. Рѣпинымъ, то вы можете быть увѣрены, что причиной этому холодная „надуманность“ сюжета, преобладаніе незрѣлой мысли надъ поверхностнымъ чувствомъ. Художникъ не виноватъ, если русскіе политическіе преступники не могли вос-

будить въ немъ симпатіи, какъ не возбуждаютъ они ея ни въ одномъ дѣйствительно русскомъ человѣкѣ. Но вина его состоитъ въ томъ, что онъ въ холодномъ разсчетѣ на нездоровое любопытство публики сдѣлалъ такое несимпатичное ему, полу-идіотическое лицо центромъ цѣлой картины" (Моск. Вѣдом., 1884, № 128).

Въ статьѣ другого писателя этой газеты, М. Соловьева, мы встрѣчаемъ тѣ же самыя мысли и чувства. Авторъ точно такъ же, какъ С. Васильевъ, жалуется на то, что „ни крупное историческое событіе, ни религія не вызвали ни одной картины среди товарищества передвижныхъ выставокъ (12-я выставка). Художественная мысль эманципировавшихся художниковъ осталась строго закрѣпленною за пейзажемъ, портретомъ, городскимъ происшествіемъ, и выше ихъ не поднималась. Изображая факты повседневной жизни, художники стремились только къ наглядности, и оказались безсильными открыть въ нихъ элементъ красотъ, духовной или физической, т.-е. единственной и главной цѣли пластическаго искусства, безъ которой живопись становится иллюстраціей и теряетъ всякое самостоятельное значеніе". (Еще бы нѣтъ! Что такое эта ничтожная, низменная жизнь всѣхъ этихъ милліоновъ людей, наполняющихъ города и села,—избы, чердаки и подвалы? Конечно, менѣе чѣмъ ничто! Объ ней и говорить не стоитъ, не стоитъ вспоминать ни ихъ горе и муку, ни ихъ тяготу, забитость и одураченность — то ли дѣло герои лже-искусства, лже-поэзіи и лже-исторіи, пресвѣтлые и превысокіе, великодушные и поэтичные! Для нихъ-то и созданы картины и статуи). Обращаясь спеціально къ ненавистной картинѣ Рѣпина „Не ждали", этому крупнѣйшему свѣтилу русскаго искусства, М. Соловьевъ высказывалъ почти то же, что С. Васильевъ. Конечно, для доказательства своей художественной компетентности, М. Соловьевъ напередъ расхваливалъ въ пухъ и прахъ то, что̀ на 12-й передвижной выставкѣ было слабаго, какъ, наприм., портреты графа С. Г. Строганова и графа Льва Толстого (это послѣднее, очень слабое и неудачное произведеніе Ге́ авторъ ставилъ даже „во главѣ всѣхъ выставленныхъ картинъ"), а послѣ того обращался уже къ главному врагу. „Изо всѣхъ картинъ передвижной выставки, ни одна не отличается такою неясностью мысли, такимъ забвеніемъ элементарныхъ началъ рисунка, такимъ невѣдѣніемъ линейной перспективы и такимъ необдуманнымъ колоритомъ, какъ „Не ждали" г. Рѣпина. Въ ней глашатаи новой, свободной русской художественной школы могутъ напирать развѣ на одно достоинство — на полное освобожденіе отъ академической рутины, но развѣ

только въ томъ, что тутъ отброшены вѣковыя художественныя правила, обязательныя для всѣхъ, доколѣ искусство будетъ искусствомъ. Со времени „Проводовъ новобранца“ (1880) каждая картина г. Рѣпина свидѣтельствуетъ развѣ о неудержимомъ паденіи его таланта. Въ 1883 году была дана имъ саженная каррикатура „Крестнаго хода“, насмѣшка надъ сюжетомъ, по свойству своему необыкновенно благодарнымъ въ колоритномъ и композиціонномъ отношеніи; но даже и послѣ „Крестнаго хода“ трудно было ожидать такого скачка внизъ, какъ „Не ждали“. А жаль: „Воскрешеніе дочери Іаира“ и „Проводы новобранца“ давали надежду на лучшее“.

Эхо „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петербургѣ, нынѣшнія „С.-Петербургскія Вѣдомости“ выражались, само собою разумѣется, въ томъ же самомъ духѣ, какъ и патронъ ихъ. Но только здѣшняя газета, вдобавокъ, срамила новыхъ нашихъ художниковъ Западомъ. „Когда просматриваешь,—писала она по поводу 12-й передвижной выставки,—рядъ художественныхъ произведеній парижскаго „Salon“, невольно поражаешься искреннею, неподдѣльною любовью къ искусству, которою умѣютъ согрѣвать французскіе художники свои работы“. (NB. Замѣтимъ для себя, что, какъ извѣстно, всѣ лучшіе французскіе и нѣмецкіе критики постоянно жалуются на „неискренность, холодъ и дѣланность“ большинства нынѣшнихъ французскихъ картинъ). Тонкій прирожденный эстетикъ и колористъ, французъ находитъ превосходные мотивы для картинъ и этюдовъ тамъ, гдѣ нашъ художникъ не найдетъ ничего. Онъ чувствуетъ красоту, понимаетъ ее и пользуется своимъ пониманіемъ во всю ширь, во весь розмахъ могучаго художественнаго вдохновенія. Онъ не ставитъ для себя узкихъ тенденціозныхъ рамокъ крупнаго кругозора какого-нибудь одного излюбленнаго кружка: онъ не довольствуется дешевою моралью, либеральнымъ протестомъ, обличеніемъ, желаніемъ произвести скандалъ... У насъ не то. У насъ первымъ долгомъ требуется, чтобы картина произвела шумъ и скандалъ, помимо своего исполненія, самымъ замысломъ, подтасовкою фактовъ. Исказить общепринятую форму (NB), втоптать въ грязь идеалы (NB)—обычный пріемъ послѣдняго 20-лѣтія,—стало и въ живописи дѣломъ обычнымъ и даже похвальнымъ. Быть можетъ, въ большинствѣ случаевъ тутъ главную роль играетъ недомысліе, столь свойственное нашимъ художникамъ вообще; обыкновенно, ничему не учившійся, ничѣмъ лично не интересующійся художникъ подпадаетъ подъ вліяніе какого-нибудь юродиваго публициста, и мажетъ подъ его диктовку самыя ужасающія вещи. Къ сожалѣнію, ихъ уродливымъ

дѣтищамъ придаютъ слишкомъ много значенія и, запрещая выставлять ихъ публично, раздуваютъ только мыльные пузыри" (NB. Спрашивается, какъ же это согласить: художники „ничѣмъ не интересуются", а потомъ ихъ ничѣмъ ненаполненныя картины почему-то запрещаютъ „выставлять публично?") При такомъ образѣ мысли, понятно, чѣмъ для г. „Rectus" (критика „Вѣдомостей") долженъ былъ казаться Рѣпинъ и его картина „Не ждали". Конечно, это вышла тотчасъ же вещь „слишкомъ тенденціозная"; главное дѣйствующее лицо, „арестантъ", оказался „выразительнымъ, но заставляющимъ все-таки желать большей опредѣленности"; „обстановка невзрачная, неряшливая, неуютная" (NB. Въ романахъ у г. Авсѣенки, напротивъ, помѣщенія его героевъ, всегда богаты, элегантны, милы и комфортабельны; онъ писатель, только одно и признающій — аристократичность самой тонкой пробы); „типы дѣтей золотушные, истощенные (вѣроятно, вовсе мало питаются конфектами!) у дѣвочки какія-то скрюченныя ноги (NB. Хорошія гувернантки въ хорошихъ домахъ никогда не велятъ такъ сидѣть!), самъ же герой не возбуждаетъ сочувствія: даже энергіи нѣтъ на лицѣ" (то ли дѣло герои г. Авсѣенки!). Какъ результатъ всего наставленія: „Лже-либеральныя обличенія и протесты, трактуемые при помощи живописи, даже если они съ технической стороны талантливы, бываютъ смѣшны и никогда не достигаютъ цѣли... Печальнѣе всего то, что писанное не пережито, не перечувствовано художникомъ, а придумано (NB. Другими словами: Гоголь, Островскій, Левъ Толстой и всѣ остальные художники должны были побывать въ кожѣ и въ обстоятельствахъ своихъ дѣйствующихъ лицъ, иначе не писать ихъ, потому что это будетъ „печально"). Ужели же возвращеніе изъ ссылки стало у насъ обычнымъ явленіемъ, достойнымъ кисти художника (NB), да и неужели герои этихъ ссылокъ такъ интересны?" (Спб. Вѣдом., 1884, № 63).

IX.

Рѣпинъ и Верещагинъ—изъ самыхъ крупныхъ и глубокихъ нашихъ живописцевъ послѣдняго времени. Поэтому понятно, что на нихъ всего больше и всего чаще должны были обрушиваться единомышленники „Гражданина", „Московскихъ Вѣдомостей", „Спб. Вѣдомостей" и „Новаго Времени". Для этихъ газетъ могли быть сносны или симпатичны изъ созданій Рѣпина либо только еще юношескія (какъ „Дочь Іаирова"), либо неудачныя (какъ „Проводы новобранца"). Все остальное было для нихъ темно или враждебно.

Но это уже была большая милость со стороны М. Соловьева и его товарищей, что онъ признавалъ хоть прежнія картины Рѣпина чего-нибудь стоющими. Много есть ретроградовъ одинаковаго пошиба съ гг. Соловьевымъ, Васильевымъ, писателями „Спб. Вѣдомостей“ и „Гражданина“, которые всегда находили и эти прежнія картины Рѣпина, еще никѣмъ не признанныя за „тенденціозныя“, антипатичными, анти-художественными, достойными презрѣнія. Литературный критикъ „Новаго Времени“, вздумалъ однажды писать и объ искусствѣ. Онъ съ ревностью вступился за Брюллова противъ тѣхъ, кто доказывалъ его пустоту, ложь, гниль, холодъ, безсердечіе и условность,—и увѣрялъ, точно будто ничего не читавши и не видавши, что Брюлловъ, если и грѣшитъ чѣмъ, то развѣ тѣмъ, что онъ — романтикъ и художникъ одного направленія и характера съ Викторомъ Гюгò! Этимъ, конечно, г. Буренинъ только доказывалъ, что ровно ничего не способенъ понимать ни въ Брюлловѣ, ни въ В. Гюгò, и никогда не въ состояніи былъ уразумѣть, какъ великъ этотъ послѣдній, и мыслью, и чувствомъ, не взирая на одолѣвающую его иногда реторичность и надутость, какъ глубоко то содержаніе, которое онъ вкладывалъ въ свои произведенія, — и вмѣстѣ не способенъ былъ уразумѣть всего ничтожества и дрянности обычнаго содержанія у Брюллова, всей „академичности“ его склада и направленія (какъ это давно уже и признала вся Европа). И вотъ этакій-то знатокъ и пониматель искусства выступилъ передъ петербургской публикой, для того, чтобъ оповѣстить всѣхъ, что „теперешніе русскіе художники и живописи, и слова, и звуковъ чаще всего производятъ уродливыя и безжизненныя произведенія“ („Новое Время“, 1883, № 2,580), и это, „право, большой еще вопросъ: лучше ли для русскаго искусства, что прежде его „торжествующею пѣснью“ было, наприм., изображеніе въ „Послѣднемъ днѣ Помпеи“ женщины, упавшей съ колесницы, а теперь его „торжествующею пѣснью“ является угреватый, пропитанный спиртомъ носъ „Протодіакона“ Рѣпина?“ (Новое Время, 1882, № 2,410). Читатель понимаетъ, что подъ видомъ „Протодьяконскаго носа“ остроумно олицетворено все новое реальное искусство, но, конечно, наврядъ ли онъ пойметъ, почему это такъ, и почему такая невообразимая чепуха можетъ укладываться въ человѣческой головѣ? Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что во всей великолѣпной картинѣ „Протодьяконъ“, по силѣ и выраженію достойной Рубенса, такою и признаваемой на Западѣ, критикъ ничего не увидалъ и ничего не понялъ кромѣ носа, а потому и повторялъ, по

всегдашнему обычаю своему, сто разъ свои остроумныя ѣдкія и сокрушительныя насмѣшечки надъ „Протодьяконскимъ носомъ“.

Другой писатель той же газеты высказалъ свой эстетическія понятія и способности по поводу картины Рѣпина „Не ждали“.—Во-первыхъ, онъ объявилъ, что на той выставкѣ, гдѣ находилась эта картина (12-я передвижная выставка), „нѣтъ ничего выдающагося, ни одной картины, которая заставляла-бы о себѣ говорить особенно“ (NB. Прямо наоборотъ истинѣ: о рѣдкой картинѣ говорили и писали у насъ, и въ Петербургѣ, и во всей провинціальной нашей печати, такъ много, какъ о „Не ждали“). Далѣе онъ нападалъ на передвижниковъ, зачѣмъ они разбросали картины одного и того-же мастера по разнымъ угламъ (конечно, и не подозрѣвая, въ своемъ художественномъ невѣжествѣ, что нигдѣ въ Европѣ картины одного и того-же художника никогда не ставятся вмѣстѣ, на выставкѣ). Послѣ такихъ приступовъ, этотъ писатель объявлялъ вдругъ, что картина Рѣпина „производитъ примиряющее впечатлѣніе, пожалуй, трогательное“. Откуда онъ это взялъ, на основаніи одного только своего мгновеннаго вдохновенія, „все случаемъ!“, какъ говорилъ Хлестаковъ, — этого, конечно, никто не отгадаетъ. Еще далѣе, объявлялось, что въ картинѣ „словно нѣтъ настоящаго творчества и одушевленія, нѣтъ того свободнаго и яркаго таланта, который подчиняетъ себѣ всѣхъ“. Тѣмъ яркимъ талантомъ, который подчиняетъ себѣ всѣхъ, оказался К. Маковскій, когда написалъ свою, по всегдашнему не безталанную, но яркую, пустую, безсодержательную и даже во многомъ фальшивую, на брюлловскій манеръ, картину „Боярская Свадьба“. Эта вещь уже провозглашена была „превосходящею все, прежде написанное этимъ художникомъ, не только техникою, но внутреннимъ содержаніемъ, историческимъ и бытовымъ смысломъ“. „Въ исторіи русской живописи едва-ли есть другая картина столь выразительная“, прибавлялъ критикъ, и вмѣстѣ объяснялъ, что картина К. Маковскаго вся свѣтится поэтическимъ колоритомъ, поэтической гармоніей, у невѣсты „такія интеллигентныя черты лица“ и т. д. Ну да, разумѣется, кому могутъ нравиться, казаться поэтическими и высокими созданіями такія картины, какъ „Боярская свадьба“ К. Маковскаго, кто способенъ, по своему полному безвкусію, печатно увѣрять русскую публику („Новое время“, 1883, № 2, 463), что Перовъ, въ послѣдніе свои годы занявшійся историческою и религіозною живописью, вовсе не пошелъ назадъ, а его „Снятіе со креста“ останавливаетъ наше вниманіе „по чуткому реализму именно русскаго художника“,—тому никогда, ко-

нечно, ни единой черточки не понять въ картинѣ Рѣпина „Не ждали“. Ему тотчасъ покажется, что главное дѣйствующее лицо картины (по признанію всѣхъ нашихъ художниковъ, не говоря уже о лучшей части публики — истинный chef-d'oeuvre) нѣчто „вымученное“; что у него въ физіономіи „какая-то исключительность, что-то нехорошее, недоброе, тенденція, однимъ словомъ“; оно „обдаетъ чѣмъ-то страннымъ, непріятнымъ“ и т. д. То ли дѣло дѣйствующія лица у г. Маковскаго: тамъ, кромѣ самой ординарной смазливости ничего нѣтъ — тамъ критика ничѣмъ не „обдаетъ“ кромѣ пустяковъ. Въ заключеніе, оракулъ „Новаго Времени“ давалъ даже художникамъ рецептъ, посредствомъ котораго они могли-бы выправить эту картину, написать ее гораздо лучше: стоитъ только выбрать главное лицо не столь изысканное (требуется, вѣроятно, лицо въ родѣ „сытыхъ, здоровыхъ, румяныхъ лицъ“ изъ картины К. Маковскаго, столько восхитившихъ критика), написать всю картину колоритнѣе (вѣроятно, въ стилѣ лакированной иллюминаціи К. Маковскаго), не такъ умышленно сѣро и экономно—и дѣло въ шляпѣ! Вообще говоря, по мнѣнію газеты „боязнь силы и настоящей художественной правды“, „экономность и умѣренность“ средствъ выраженія и мѣшаютъ таланту Рѣпина „развиться въ настоящую величину“. Гдѣ можно найти еще большую неспособность понимать художество?

Впрочемъ, непониманіе непониманіемъ, а по части художественной критики здѣсь оказалось многое такое, что еще хуже. Сюда относится, наприм., отстаиванье своихъ прекрасныхъ мнѣній посредствомъ выдумокъ и клеветъ. Нуждаясь въ униженіи Рѣпина, критикъ пробуетъ произвести это, выставивъ противовѣсъ, который раздавилъ-бы его окончательно. Для этого избранъ—Крамской. Отчего-бы и не такъ? Крамской—художникъ крупный, высокоталантливый, играющій крупную роль въ исторіи новаго русскаго искусства. Поэтому нѣтъ ничего худого въ томъ, чтобы сравнивать съ нимъ другого крупнаго нашего художника и затѣмъ, если угодно, отдавать предпочтеніе тому или другому. Но худо то, что для выигрыша своего дѣла газета принимается вдругъ увѣрять своихъ читателей, будто-бы Крамской „выросъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ“ потому, что „сбросилъ съ себя реалистическія путы и рецептуру, что его сухость оказалась напускною, его черствая трезвость—придуманною, его блѣдность колорита — умышленною экономіей“. Какая глупая и несчастная клевета! Но главное, что это за крупный и высокій художникъ, который въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ способенъ былъ умышленно обезображивать свой талантъ! И какое изъ всего заключеніе: „Портреты

Крамского стали живѣе, правдивѣе, художественнѣе; въ нихъ меньше претензіи обнять необъятное, т.-е. выразить въ портретѣ цѣлый характеръ"... Боже, какая нелѣпость! Художникъ-портретистъ, не желающій выразить цѣлаго характера, что это за портретистъ, что это за художникъ? Казалось-бы, надъ всѣми этими смѣшными глупостями можно было-бы только смѣяться; однако же находятся люди, которые пресерьезно стараются выгородить и отстоять весь этотъ невѣжественный вздоръ. Въ этой роли особенно отличался, въ 1884 году, нѣкто подписывавшійся „Художникъ", хотя ему скоро доказали, что на такое названіе онъ не имѣетъ никакого права, что онъ есть только лже-художникъ, дерзкій самозванецъ, и что въ искусствѣ онъ въ глаза аза не знаетъ.

Но гдѣ еще лучше, чѣмъ на Рѣпинѣ, Крамскомъ и К. Маковскомъ выразились художественное пониманіе, вкусы, симпатіи и знаніе критиковъ „Новаго Времени", такъ это на Верещагинѣ. Тутъ уже все было пущено въ ходъ, все пошло va-banque.

Уже тотчасъ послѣ первой Верещагинской выставки 1874 года поднялись противъ великаго художника, съ шипѣніемъ и злобой, голоса ретроградовъ и ярыхъ консерваторовъ. Какъ въ 1858 году, подъ сильнымъ вліяніемъ нѣкоторыхъ профессоровъ академіи выступилъ противъ Иванова весьма мало извѣстный и плохой литераторъ, Толбинъ, такъ въ 1874 году, вслѣдствіе подобныхъ-же вліяній выступилъ противъ Верещагина весьма мало извѣстный и плохой живописецъ, академикъ Тютрюмовъ. Онъ доказывалъ, что непозволителенъ, неучтивъ и дерзокъ былъ отказъ Верещагина отъ предложеннаго ему академіей званія профессора; что такому художнику всякіе почетные титулы вредны, а полезны только деньги, деньги и деньги, которыя онъ умѣлъ и выручить; что нѣкоторыя залы выставки были освѣщены огнемъ для того, чтобъ „скрыть недостатки письма" очень многихъ картинъ, и вдобавокъ ко всему, что вообще всѣ картины Верещагина писаны не имъ самимъ, а „компанейскимъ способомъ", въ Мюнхенѣ, такъ какъ въ 4—5 лѣтъ одинъ художникъ не въ состояніи написать такую массу картинъ, и поэтому „Верещагину, давшему только свою фирму, и совѣстно было принять профессорство" („Русскій Міръ", 1874, № 265). Двѣ московскія газеты, „Современныя Извѣстія" и „Московскія Вѣдомости" также высказались противъ Верещагина: первая была столько же, какъ и Тютрюмовъ, возмущена небывалымъ еще нигдѣ отказомъ отъ художественнаго чина и увѣряла, что этотъ „странный отказъ произведетъ впечатлѣніе только на непризнанныхъ геніевъ, разглагольствующихъ по трактирамъ и погребкамъ"; вторая говорила,

что картины Верещагина, это—эпопея туркестанской войны, изображенная съ туркменской точки зрѣнія. Герои поэмы Верещагина—туркмены, побѣждающіе русскихъ и торжествующіе свою побѣду. Поэтъ-художникъ воспѣваетъ ихъ подвиги и вѣнчаетъ ихъ апоѳеозой изъ пирамиды человѣческихъ головъ. У Верещагина есть много изученія, наблюдательности и мѣстами сильно развитая техника; недостаетъ только весьма часто самаго главнаго—поэзіи“ (NB: всегдашній припѣвъ самыхъ прозаическихъ ретроградовъ и консерваторовъ — поэзія! Только тутъ рѣчь идетъ объ особенной ихъ собственной, казенной и рутинной „поэзіи“). Что касается Тютрюмова, то съ его жалкими обвиненіями и клеветами скоро расправились художники русскіе и иностранные: русскіе—напечатали протестъ о полной ихъ несолидарности съ мнѣніями, подозрѣніями и критическими взглядами Тютрюмова, а мюнхенскіе, цѣлымъ обществомъ изъ шестисотъ человѣкъ, заявили, что по произведенному ими разслѣдованію, ничто изъ словъ Тютрюмова не подтвердилось, и что фактъ „оклеветанія“ такого высокаго художника, какъ Верещагинъ, вызвалъ между ними всѣми глубочайшее негодованіе. Русская публика и большинство печати, полные уже и въ то время глубочайшихъ восторговъ отъ картинъ Верещагина, приняли это заявленіе мюнхенскихъ художниковъ съ большой симпатіей; одинъ только хроникеръ „Отечественныхъ Записокъ“ (1875, апрѣль) нашелъ приличнымъ и умнымъ трунить и подсмѣиваться надъ всѣмъ тютрюмовскимъ событіемъ, и пробовалъ увѣрять, что „начинать серьезное разслѣдованіе о томъ, не помогалъ-ли кто Верещагину въ Мюнхенѣ, значило дѣлать такой-же абсурдъ, какой представляло само обвиненіе“, что „теплота чувствъ и возвышенные порывы духа являются здѣсь не болѣе, какъ пустымъ и не совсѣмъ благовиднымъ фанфаронствомъ“.

Но спустя шесть лѣтъ, когда Верещагинъ написалъ свои картины изъ болгарской войны и произвелъ ими громадное впечатлѣніе на нашу публику (какъ впослѣдствіи и на всю Европу), „Новое Время“ вздумало остановить успѣхъ Верещагина и доказать публикѣ, что этотъ художникъ вовсе не такъ высокъ и необыкновененъ, какъ всѣмъ кажется. Первымъ выступилъ нѣкто В. П. со статьею: „Неправда въ картинахъ Верещагина“, и здѣсь, съ точки зрѣнія забавнѣйшаго квасного патріотизма, доказывалъ, что съ выставки зритель выноситъ „не миръ, а раздраженіе; ноющая боль чувствуется въ глубинѣ оскорбленной души“... „Дѣйствительно ли правда болгарской войны, страданія, высказаны тутъ — а не сатира на страданіе? спра-

шивалъ В. П. Человѣкъ исчезъ, исчезли физіономіи мучениковъ войны (картина „Панихида"), для чего же этого мяса такъ много? Слѣдовательно тутъ страданіе является подчеркнутымъ... Гдѣ же молящіеся? Это прямая клевета на живыхъ передъ лицами мертвыхъ... Въ „Побѣдителяхъ" русское пораженіе сугубо подчеркнуто... Нищеты побѣдителей нѣтъ на правдивой картинѣ Верещагина... Глубоко, сердечно обидится русское простое, мужицкое или солдатское сердце за правду этихъ картинъ" (NB: это пророчество вовсе не сбылось, и никакое солдатское и мужицкое сердце не обидѣлось). Въ заключеніе, В. П. объявлялъ, что „правда этихъ картинъ—болѣзненная правда одержимаго рефлексами безпочвеннаго интеллигента" (1880, № 1437).

Послѣ этой статьи, возбудившей величайшее негодованіе въ средѣ нашей публики и печати, „Новое Время" въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ не прекращало своихъ нападеній на Верещагина. Чего-то тутъ не было перепробовано: и клеветъ, и выдумокъ, и прямой лжи, и насмѣшекъ, и пошлѣйшаго „остроумія", и отвратительныхъ заподозрѣваній, и глубокомысленныхъ важныхъ разсужденій. Къ сожалѣнію, ничто не помогло. „Новое Время" только жесточайшимъ образомъ осрамилось (можетъ быть, еще болѣе, чѣмъ когда-нибудь прежде и послѣ), и всѣ усилія его ни къ чему не привели: публика осталась при своемъ собственномъ мнѣніи. Привести все, что было высказано „Новымъ Временемъ" впродолженіе этого незабвеннаго похода его, невозможно, да и не стоитъ. Но вотъ нѣсколько главнѣйшихъ извлеченій.

Газета жаловалась, что въ картинахъ Верещагина „нѣтъ ни одного свѣтлаго луча, ни тѣни радостнаго чувства, ничего такого, что говорило бы въ пользу войны, въ пользу истребленія человѣчества, во имя бы чего они ни совершались; сама природа взята въ суровые моменты своей жизни" (NB: Верещагинъ виноватъ не только въ томъ, что война есть война, но и въ томъ, что болгарская война была зимой). „У Верещагина нѣтъ Ахиллесовъ, Аяксовъ, Агамемноновъ, нѣтъ ни Елены, ни Париса, ни Патровла (?!). У него—массы, груды тѣлъ, груды череповъ, вороны и нѣсколько обыденныхъ типовъ" (NB: на этотъ разъ газетой требуются „необыденные", вѣроятно, какіе-нибудь парадные, аристократическіе типы, и „обыденные типы" порицаются, между тѣмъ, какъ, наоборотъ, въ картинѣ Рѣпина „Не ждали" требовались именно „обыденные" типы, и „не обыденные"—порицались.—Отчего такъ? Кто пойметъ?)... „Верещагинъ тщательно старается (?) отнять всякое утѣшеніе именно у русскаго человѣка"... „Г. Верещагинъ не ясно разумѣетъ, что такое реаль-

ная художественная правда (NB: газета, конечно, это отлично разумѣетъ!) и что такое обратная сторона, которая никогда не можетъ быть реальной, художественной правдой" (да, для квасныхъ патріотовъ, для слѣпыхъ, или для „всепокорнѣйшихъ"), и т. д. Все это по части патріотизма и широкихъ взглядовъ на задачи правдиваго, не лгущаго искусства.

Что касается собственно художественной стороны, въ газетѣ объяснялось, что „Верещагинъ очень ловко и мило дѣлаетъ по полотну мазки кистью, обмоченной въ красную краску, и говоритъ, что это все трупы и кровь, хотя при ближайшемъ разсмотрѣніи это оказывается какими-то кочками и кучами навоза", что Верещагинъ „постепенно нисходилъ отъ сильныхъ картинъ средне-азіятской войны, гдѣ было такъ много типовъ и живыхъ людей, къ болѣе слабымъ картинамъ русско-турецкой войны, гдѣ вмѣсто живыхъ людей трупы"... „Школы Верещагинъ не создаетъ (NB: то-ли дѣло К. Маковскій? Тотъ, вѣроятно, создаетъ), но создаетъ самого себя, свой талантъ, свое умѣнье и средства располагать своимъ достояніемъ", и т. д. Сверхъ того, при появленіи „Свадьбы" Маковскаго, газета признала этого художника опаснымъ соперникомъ Верещагина.

По части внѣшней фактической стороны дѣла, газета увѣряла (нагло насилуя правду и даже позабывши то, что печаталъ у него же въ газетѣ его заграничный корреспондентъ, г. Молчановъ), что никогда Европа не приходила въ большой восторгъ отъ Верещагина, что восторги Европы были умѣренны, и что даже всѣ „авторитетныя Revues совсѣмъ умолчали о выставкѣ Верещагина"; что этотъ художникъ не только умѣлъ написать нѣсколько прекрасныхъ картинъ, но „умѣлъ и прославиться. Послѣднее умѣнье очень важно, ибо для него часто недостаточно даже самаго выдающагося таланта, а необходимо умѣнье человѣка, понимающаго духъ времени и знающаго уловить этотъ духъ. Для этого необходимы средства", и т. д.

Другой писатель газеты оставлялъ въ сторонѣ соображенія патріотическія, но за то съ тѣмъ большею ревностью занимался другими соображеніями, художественными и тѣми, которыя касались личности самого Верещагина. Отношеніе критика къ Верещагину ясно обозначено было уже и въ однихъ словахъ: „Моя критика должна будетъ почти вся свестись на самыя элементарныя замѣчанія, ибо иныхъ картины г. Верещагина не могутъ вызвать". Вотъ каковъ бѣдный Верещагинъ! Кромѣ „элементарныхъ замѣчаній" онъ ничего другого не дождется отъ газеты — не достоинъ. И почему не до-

стоинъ, это очень легко понять: картины Верещагина „вовсе не представляютъ въ русскомъ искусствѣ художественнаго факта, имѣющаго крупное внутреннее значеніе; онѣ только блестящее, модное явленіе, явленіе поверхностное“. У Верещагина критикъ находитъ великіе недостатки. Такъ, наприм., въ картинѣ „Процессія на слонахъ, въ Индіи“ онъ призналъ „грубую, кричащую колоритность и эффектность красокъ, небрежное письмо, малую выдержку воздушной перспективы — все это слишкомъ грубо декоративно“. Разсматривая картину „Великій Моголъ въ мечети въ Дели“, критикъ чувствуетъ себя склоннымъ „заподозрить Верещагина—выражаясь мягко—въ нѣкоторомъ фокусъ-покусничествѣ въ искусствѣ: мнимая оригинальность и поразительность этой картины заключается въ томъ, что въ ней на пространствѣ громаднаго холста нарисована, вѣроятно, съ фотографіи, въ колоссальномъ видѣ перспектива мечети и въ ней помѣщено десять небольшихъ фигуръ и нѣсколько паръ туфель на первомъ планѣ“. При этомъ сообщается глубоко-художественное и очень полезное для художниковъ замѣчаніе, что „все, что́ тутъ нарисовано на пространствѣ четырехъ или трехъ квадратныхъ саженей—все это могло бы съ удобствомъ умѣститься на крошечномъ полотнѣ и впечатлѣніе отъ картины было бы то же самое. Скажутъ, что нельзя художнику предписывать размѣры его полотна— нѣтъ, это не такъ: художественныя соображенія предписываютъ художнику извѣстное соотношеніе между сюжетомъ и размѣрами картины, если только онъ преслѣдуетъ истинныя цѣли искусства, а не коммерческія“. Любопытно было бы послушать критика гдѣ-нибудь въ музеѣ: онъ тамъ, я думаю, мастерски и ловко разобралъ бы, кто имѣлъ право, и кто нѣтъ, писать картину свою на томъ или другомъ полотнѣ—я думаю, тысячамъ художниковъ досталось бы. Еще лучше то, что при своемъ примѣрномъ художественномъ вкусѣ и чутьѣ, этотъ критикъ рѣшилъ, что „большая часть индѣйскихъ этюдовъ Верещагина, вѣроятно, писана имъ съ фотографіи“—предположеніе, совершенно равняющееся клеветамъ и выдумкамъ Тютрюмова на счетъ туркестанскихъ картинъ Верещагина, писанныхъ не прямо имъ самимъ, а „цѣлой компаніей художниковъ“. Читая такія изреченія обоихъ превосходныхъ писателей, художники только хохотали и съ жалостью поднимали плечи. Но одно изъ самыхъ любопытныхъ мѣстъ у писателя „Новаго Времени“ — это объявленіе, что „за немногими счастливыми исключеніями, почти всѣ произведенія Верещагина суть только иллюстраціи, а не картины въ истинномъ смыслѣ этого слова“, и при этомъ объяснялось, что „иллюстрація есть такое

произведенiе, гдѣ художникъ изображаетъ извѣстный случай, или фотографируетъ съ приблизительной точностью извѣстную мѣстность, оставляя свою мысль и свое поэтическое чувство въ сторонѣ и заботясь только о формальной вѣрности даннаго случая или мѣстности". Откуда взялъ критикъ такое смѣхотворное опредѣленiе „иллюстрацiи" — спрашивать нечего: ясно, что оно всецѣло исходитъ изъ собственной его головы, оно есть плодъ неизмѣримаго его невѣжества въ дѣлѣ искусства. Надо полагать, что критикъ отроду не видывалъ другихъ иллюстрацiй, кромѣ какъ въ плохихъ дѣтскихъ книжкахъ или лубочныхъ изданiяхъ, а то бы онъ зналъ, что не только новое, но и старое искусство Европы наполнено иллюстрацiями не только въ высшей степени талантливыми, но и генiальными, гдѣ присутствуетъ и мысль, и поэзiя, и самое глубокое творчество; поэтому для художественнаго произведенiя не составляетъ еще никакого стыда и позора быть „иллюстрацiей", какъ этого бы желалъ критикъ. Сверхъ того, сколько ни путешествовали по всей Европѣ картины Верещагина, повсюду вызывая восторгъ и изумленiе, начиная отъ самой простой публики и кончая высшими знатоками и талантливѣйшими художниками цѣлой Европы, онѣ еще никому до сихъ поръ не показались только „иллюстрацiями". Курьезно, наконецъ, было то, какъ критикъ, совершенно потютрюмовски, упрекалъ Верещагина за „электрическое освѣщенiе" его картинъ, какъ за шарлатанское средство „взбудоражить вниманiе толпы"—не зная, конечно, что точно также освѣщаются теперь вездѣ самыя знаменитыя классическiя картины, начиная съ Британскаго музея. Курьезно также было то, какъ критикъ злостно обвинялъ Верещагина въ рекламированiи въ пользу своей славы, для чего онъ даже не презираетъ угощать парижскихъ рецензентовъ „тонкими обѣдами".

Да, критики газеты не дошли даже до степени пониманiя писателей „Гражданина", которые все-таки, каковы они ни есть, а находили, что „Верещагинъ представляетъ собою крупную величину въ нашей современной живописи... Главное значенiе Верещагина то, что онъ болѣе всѣхъ нашихъ художниковъ напоминаетъ большiе европейскiе таланты. Онъ болѣе всѣхъ способенъ къ огромнымъ задачамъ, къ широкимъ замысламъ, къ величавымъ и серьезнымъ композицiямъ. Онъ подчинилъ себѣ технику. Онъ въ этомъ отношенiи все можетъ сдѣлать, чего нельзя сказать ни про одного изъ самыхъ талантливыхъ нашихъ художниковъ... Верещагинъ могъ бы сдѣлаться первоклассными всемiрнымъ художникомъ, наравнѣ съ Деларошемъ, Жеромомъ, Каульбахомъ, еслибъ онъ не

наслѣдовалъ отъ своего русскаго родства двухъ капитальнѣйшихъ недостатковъ: неряшливой грубости письма и зависимости отъ пошлыхъ литературныхъ вліяній"... („Гражданинъ", 1883, № 36).

X.

Провинціальная наша печать представляетъ, въ отношеніи своемъ къ новому русскому искусству, явленіе очень утѣшительное. Во многихъ случаяхъ она опередила печать столичную, потому что искренно и наивно радовалась тому, что было въ картинахъ новыхъ нашихъ художниковъ талантливаго, здороваго, правдиваго, свѣжаго, и не была заражена тѣми ретроградными стремленіями, которыя въ дѣлѣ искусства такъ часто затемняютъ понятіе у нашей столичной публики, и особенно у столичной художественной „критики". По части искусствъ, провинція наша высказывается всего болѣе со времени основанія „товарищества передвижныхъ выставокъ" и первыхъ путешествій его картинъ по Россіи, т.-е. съ 1871 года. Можно было-бы составить изрядный томикъ изъ того, что за эти почти 15 лѣтъ было высказано о новомъ русскомъ искусствѣ въ разныхъ краяхъ нашего отечества, и въ очень многихъ случаяхъ тутъ встрѣчаются отзывы, которые-бы не мѣшало читать и знать всей нашей публикѣ, всѣмъ нашимъ „критикамъ".

Прежде всего останавливаетъ на себѣ вниманіе то, съ какою искреннею благодарностью и сердечнымъ чувствомъ относились жители и печать разныхъ нашихъ мѣстностей, посѣщенныхъ передвижными выставками, къ самому этому предпріятію. Въ этомъ они далеко превзошли почти все, чтб въ этомъ родѣ было писано въ Петербургѣ и Москвѣ. Значитъ, цѣль великодушныхъ „передвижниковъ" была достигнута, и они могутъ гордиться тѣмъ, что затѣяли и выполнили свое превосходное дѣло, и принесли нашему отечеству такую крупную интеллектуальную пользу, какую рѣдко кто еще приносилъ.

Уже съ 1871 года стали появляться въ печати эти выраженія признательности, и однимъ изъ самыхъ характерныхъ является статья въ „Донскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ" 1874 года (№ 84) подъ заглавіемъ: „Быть или не быть?" Но въ послѣдніе годы такія выраженія признательности не только не прекратились, но стали появляться все чаще и чаще.

„Человѣкъ, лишенный возможности видѣть произведенія нашихъ художниковъ въ Петербургѣ и Москвѣ, долженъ чувствовать глубокую благодарность иниціаторамъ передвижной выставки", писалъ

И. Я. въ „Одесскомъ Вѣстникѣ“ 1881 года (№ 235). „Насмотрѣвшись на этотъ міръ поэзіи, идиллій, драмъ и траги-комедій, выхваченныхъ прямо изъ природы, обновляешься духомъ, свѣжѣешь нравственно, будто воспрянувъ къ жизни изъ обыденннаго нашего вялаго и однообразнаго прозябанія“...

„Передвижныя выставки, въ продолженіе 10-лѣтняго существованія, безспорно произвели толчокъ въ русскомъ обществѣ къ развитію любви къ искусству и возбудили замѣтное стремленіе въ нашей молодежи къ изученію искусства“, писалъ Don Basilio въ „Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1882 года (№ 246). „Дѣятельность общества въ передвиженіи выставокъ по городамъ Россіи съ каждымъ годомъ расширяется. Желаніе видѣть произведенія живописи начинаетъ громко сказываться тамъ и сямъ по различнымъ городамъ, не вошедшимъ въ циклъ поѣздокъ выставки по Россіи.. Общество задалось не цѣлью наживы и пріобрѣтенія, а распространенія знаній искусства“...

„Жизненность и сила кіевской рисовальной школы многимъ обязана обществу передвижниковъ“, писалъ Н. Мурашко въ „Зарѣ“ 1882 года (№ 285). „Когда-то было модой бросать въ лицо художникамъ упрекъ въ недостаткѣ образованія, умственнаго развитія и т. д. Теперь мнѣніе это надо бросить—очень уже оно легкомысленно. Чтобы составить общество, и чтобы это общество было столь жизненно, нужно уже высокое умственное и нравственное развитіе членовъ его. Я просилъ-бы указать мнѣ другое подобное общество литераторовъ, музыкантовъ или артистовъ“...

„Чрезвычайно отрадное явленіе представляетъ въ нашей неподвижной общественной самодѣятельности это товарищество свободныхъ художниковъ“, писалъ А. Ст—въ въ „Кіевлянинѣ“ 1884 (№ 261). „Это товарищество являетъ собою едва-ли не единственный примѣръ успѣшной и довольно живучей самодѣятельности на русской почвѣ“.., и затѣмъ слѣдовали обильныя выраженія благодарности товариществу и пожеланія ему дальнѣйшаго успѣха.

„На передвижной выставкѣ, здѣсь въ Варшавѣ,—писалъ П. Щебальскій въ „Варшавскомъ Дневникѣ“ 1884 года (№ 27),—на меня пахнуло роднымъ, знакомымъ, дорогимъ, незабвеннымъ. Какъ все это не похоже на ту однообразную условность, въ которой мы привыкли здѣсь!“.

Конечно, среди этихъ выраженій удовольствія и сочувствія, иногда раздавались и крикливыя ноты антипатіи къ новому направленію нашего искусства. Такъ, наприм., г. Г. жаловался въ „Южномъ Краѣ“ на „проповѣдь такъ называемаго реализма, пошловатаго, узко-тенденціознаго“, идущаго въ одну ногу съ „задорно-

претенціознымъ фельетоннымъ враньемъ газетъ"; онъ жаловался на то, что „истинный реализмъ фламандцевъ не схваченъ нашими художниками: они трактують все уже подъ вліяніемъ литературы, совершенно съ фельетонными пріемами. У насъ образовалась новая школа, которую вѣрнѣе всего можно-бы окрестить „фельетонною" („Южный край", 1882, № 594). Но подобные отзывы составляютъ рѣдкость. Большинство нашихъ провинціальныхъ художественныхъ критикъ—совсѣмъ другого склада. Въ нихъ очень часто высказывались самыя вѣрныя мысли, самыя мѣткія опредѣленія нашихъ новыхъ картинъ и нашихъ новыхъ художниковъ.

Возстаніе молодыхъ художниковъ 1863 принесло крупные плоды, по мнѣнію „Кіевлянина". „Теперь, черезъ 10 лѣтъ существованія, товарищество передвижныхъ выставокъ пользуется почетной славой въ Россіи и Европѣ. Выставки его собираютъ десятки и сотни тысячъ зрителей; ихъ картины покупаются на расхватъ; они—піонеры самостоятельнаго, оригинальнаго, національно-русскаго искусства. „Измѣна" академическимъ преданіямъ у „бунтовщиковъ" 1863 выразилась въ нежеланіи писать на заданную тему, взятую изъ чуждой жизни. Художникамъ хотѣлось рисовать нашу русскую жизнь, русскую природу... Въ картинахъ передвижниковъ „изображаются, въ огромномъ большинствѣ, русскіе люди и русская природа. Стремленіе къ реализму и естественности, и къ правдивости сюжетовъ само собой указало рамки для дѣятельности: жанръ и пейзажъ. Историческая живопись менѣе далась русскимъ художникамъ. Но за то жанръ, пейзажъ и портретная живопись имѣютъ у насъ такихъ представителей, которые поспорять съ лучшими европейскими художниками"...

„Слова Леру: „Истинная цѣль поэтовъ—раскрывать человѣческія страданія; роль же ученыхъ—умѣть ихъ устранять"—привились не только къ нашимъ поэтамъ, но и къ художникамъ", писалъ въ 1883 Н. Шкл—скій изъ Елисаветграда въ „Одесскій Вѣстникъ" (№ 5 октября). По крайней мѣрѣ, большинство сюжетовъ взяты изъ жизни народа и проникнуты реальной идеей"...

„Какое разнообразіе и какая жизненность мотивовъ во всѣхъ этихъ картинахъ,—писалъ П. Щебальскій по поводу передвижной выставки 1883 года въ Варшавѣ.—Какая строгая, неукрашенная правда, какая реальность!.. Почти во всѣхъ картинахъ реализмъ является со всѣми серьезными достоинствами, со строгою своею правдивостью, съ полнымъ отреченіемъ отъ всего искусственнаго условнаго, манернаго... Благо возлюбившимъ правду въ искусствѣ". (Варшавскій Дневникъ, 1883, № 27).

„Наиболѣе талантливые служители искусства въ Россіи,—говорила въ 1883 же году „Заря“ (№ 3),—самостоятельные въ выборѣ сюжетовъ и въ исполненіи, поднимаются до уровня современнаго умственнаго движенія и современныхъ общественныхъ интересовъ. Русскіе художники, очевидно, окончательно и навсегда покончили съ „искусствомъ для искусства“ и обнаруживаютъ ясно стремленіе активно участвовать въ томъ движеніи мысли, которое находитъ себѣ выраженіе въ лучшей части русской литературы и публицистики. Если за художественной беллетристикой никто не станетъ болѣе отрицать важнаго культурнаго значенія, если современное общество предъявляетъ художникамъ снова серьезныя требованія относительно оцѣнки, освѣщенія и разъясненія окружающаго, то въ такомъ-же положеніи оказывается и живопись. Впечатлѣнія художественныхъ произведеній, воспринимаемыя тысячами зрителей, не могутъ проходить безслѣдно, и задача художника живописца только тогда можетъ считаться удовлетворительною, когда его произведеніе отвѣчаетъ извѣстной общественной идеѣ, извѣстному общественному настроенію“...

„Разрывъ съ центральнымъ художественнымъ учрежденіемъ въ Россіи (академіей) произошелъ у новаго поколѣнія художниковъ не отъ маленькаго частнаго несогласія, а вслѣдствіе крупныхъ причинъ,—говоритъ нѣкто А. въ „Харьковскихъ губернскихъ Вѣдомостяхъ“ 1883 года (6 сентября).—Новая школа одержала побѣду; очевидно, ея ученіе ближе подошло къ условіямъ времени и мѣста и потребностямъ страны... Наша художественная alma mater предписываетъ изображать жизнь и природу не такъ, какъ онѣ есть, а такъ какъ онѣ отразятся въ „розовомъ непремѣнно“ созерцаніи художника. Сообразно этому, все некрасивое, дисгармоничное въ природѣ не найдетъ себѣ мѣста въ академическомъ полотнѣ, которому можетъ быть передано только прекрасное, изящное. Первое отличіе передвижныхъ выставокъ отъ произведеній академической кисти—это сильное предпочтеніе, отдаваемое художниками—новаторами жанру. Искусство слова нашло себѣ лучшее выраженіе въ романѣ и повѣсти—живопись по неволѣ должна была покинуть свои романтическія задачи, либо безконечное изображеніе природы, и принести всѣ силы на изученіе быта и характеровъ. ...Мы не можемъ признать за отрадный фактъ почти полное упраздненіе исторической живописи въ студіяхъ передвижниковъ, но совершенно оправдываемъ его, какъ необходимую реакцію противъ сброшенныхъ оковъ“...

Но самое важное, что мы до сихъ поръ встрѣтили, при изученіи газетъ провинціальныхъ, есть слѣдующее глубокое за-

мѣчаніе, котораго не дѣлалъ еще до сихъ поръ никто изъ всѣхъ писавшихъ у насъ о новомъ русскомъ искусствѣ: „Нельзя считать случайнымъ то обстоятельство, что въ рядахъ нашихъ художниковъ вовсе нѣтъ глашатаевъ того человѣконенавистничества и той исключительности, какія бы желали водворить въ жизни россійскіе ретрограды, псевдонародники и всякіе иные сторонники застоя и соціальной вражды. Русское искусство работаетъ за-одно съ прогрессивнымъ лагеремъ русской печати и русскаго общества...“, („Заря“, 1883, № 3).

Все это—утѣшительнѣйшія доказательства быстраго и могучаго роста русской мысли въ нашей провинціи.

Конечно, въ мѣстной печати не обходится иногда безъ болѣе или менѣе невѣрныхъ опредѣленій достоинства той или другой картины, истинной цѣнности таланта того или другого художника, но въ общемъ, въ большинствѣ случаевъ, оцѣнки эти въ высшей степени справедливы и мѣтки. Картины не только лучшихъ нашихъ художниковъ, какъ, напр., Перова, Прянишникова, Владиміра Маковскаго, Мясоѣдова, Максимова, Савицкаго, Ярошенко, Крамского, Рѣпина, но и художниковъ съ талантомъ второстепеннымъ, были приняты провинціею съ величайшей симпатіей и поняты столь-же вѣрно, какъ лучшею, интеллигентнѣйшею частью петербургской и московской публики и критики. По многочисленности такихъ критическихъ статей въ разныхъ городахъ, я принужденъ выписокъ изъ нихъ не приводить здѣсь.

XI.

Мнѣ нѣтъ надобности разсматривать мнѣнія публики и критики относительно пейзажей и портретовъ новаго русскаго искусства. Такъ какъ они не затрогивали ничьихъ „интимнѣйшихъ“ убѣжденій, ничьихъ предразсудковъ, никакихъ преданій, то и не возбуждали ни споровъ, ни вражды. Выдающіеся по этимъ отраслямъ художники были признаны со всѣми своими достоинствами и талантливостью безъ малѣйшаго сопротивленія и возраженій. Пейзажи Шишкина, Клодта, Волкова, Мещерскаго, Орловскаго, Клевера, Судковскаго, Боголюбова, Беггрова, Саврасова, Васильева, Куинджи и другихъ, заняли, каждый по своему достоинству, мѣсто въ симпатіяхъ публики, точно такъ же, какъ портреты Перова, Гè, Крамского, Рѣпина, Ярошенко. Лишь изрѣдка высказывались такія явныя невѣрности, какъ, напримѣръ, то, что будто бы „изъ ма-

стерской Крамского никогда еще не выходило ничего подобнаго портрету г-жи Вогау, никогда еще портретъ не поражалъ въ такой степени естественностью и простотою манеры". („Живописное Обозрѣніе" 1883, I, стр. 187). Явно, въ своемъ увлеченіи г. писатель забылъ всѣ прежніе chefs-d'oeuvr'ы, такіе какъ портреты Григоровича, графа Льва Толстого, Шишкина, Литовченко, Лавровской, и многіе другіе, въ томъ числѣ, бывшій на московской всероссійской выставкѣ 1882 года, портретъ г. Суворина, изумительно написанный и еще изумительнѣе передавшій на лицѣ представленнаго тутъ писателя всѣ его, извѣстныя всѣмъ качества. Но нельзя не отмѣтить здѣсь также того страннаго заявленія, которое было однажды сдѣлано однимъ неизвѣстнымъ критикомъ въ журналѣ „Искусство", по поводу признанныхъ всѣми (въ томъ числѣ и имъ самимъ) за превосходные портретовъ Перова. „Перовъ—физіономистъ,—говорилъ онъ,—тонкій и серьезный наблюдатель, и совершенно не юмористъ. Это высоко-художественная натура, которая искала выхода изъ непосредственной и узкой наблюдательности, стремилась въ область обобщающей мысли, и чаще всего—не достигала. Понятно, что такой глубоко-серьезный талантъ, реалистическій по натурѣ, но стѣсняемый узкостью горизонта, долженъ былъ найти лучшее свое выраженіе въ портретѣ". Конечно, здѣсь высказано одно изъ самыхъ смѣшныхъ мнѣній, какія только являлись въ нашей печати. Перовъ—превосходный портретистъ, потому что былъ стѣсняемъ узкостью горизонта! Неужели и всѣ превосходные портретисты, какіе являлись у насъ и на Западѣ, писали отличные портреты именно по этой причинѣ? Или же такъ случилось съ однимъ Перовымъ?

По части скульптуры, споровъ и разногласія было всегда также мало. Когда явился Каменскій, всѣ съ удовольствіемъ признали его талантливость и съ симпатіей приняли то реальное, жизненное (хотя немножко расслабленное и сантиментальное) направленіе, которое онъ старался внести въ свои произведенія: „Мальчикъ-скульпторъ", „Вдова", „Первый шагъ". Протестующихъ голосовъ, можно сказать, почти вовсе не было. Позже, когда выступилъ Антокольскій, онъ еще скорѣе и сильнѣе овладѣлъ всѣми симпатіями и поставилъ на свою сторону нашу публику. Противниковъ его могучему реалистическому направленію у насъ не оказалось, кромѣ, кажется, одного только художника А. Ледакова, написавшаго („Спб. Вѣдом.", 1880, № 82) огромную статью, гдѣ онъ глумился надъ Антокольскимъ и его реалистическимъ направленіемъ въ скульптурѣ. Онъ увѣрялъ, что „Христосъ Антокольскаго изображаетъ еврея, связаннаго по рукамъ

и представленнаго въ таможню за контрабанду". Впрочемъ у художника А. Ледакова нашлись товарищи въ выговорахъ Антокольскому—въ „Новомъ Времени", гдѣ тоже остались недовольны „Христомъ". Тамъ же по случаю проекта памятника Пушкина, Антокольскаго, сугубо отличились, съ необычайнымъ остроуміемъ, причемъ все остроуміе состояло лишь въ томъ, что „Мельникъ, стоящій на самомъ верху, показываетъ рукою внизъ, какъ бы приглашая Татьяну, Бориса Годунова, Пимена, и другихъ попробовать соскочить внизъ, въ видѣ упражненія въ гимнастикѣ. Но такъ какъ скала должна находиться среди бассейна, то приглашеніе Мельника еще остроумнѣе: это общая купальня для такихъ мужчинъ, какъ Пименъ, Борисъ, и пр., и для такихъ дамъ, какъ Татьяна. Пушкинъ же представляется евреемъ, который открылъ эту купальню и приставилъ Мельника для сбора денегъ за входъ". Нагородивъ всю эту безобразную чепуху, цѣнитель и судья объявлялъ, что „нелѣпѣе памятника нашему великому поэту выдумать трудно" („Очерки и картинки", I, стр. 133). И все это считается острымъ, и умнымъ! Вотъ какимъ гнилымъ товаромъ художникъ А. Ледаковъ „съ товарищами" угощали русскую публику, по поводу новой скульптуры!

Про архитектуру у насъ всегда такъ мало писали и пишутъ, ею всегда такъ мало интересовались, что почти не на что указать. Въ теченіе послѣднихъ двухъ десятилѣтій у насъ возникла новая школа народной русской архитектуры, и талантливѣйшіе наши художники ревностно разрабатывали ее. Прекрасныя созданія ихъ характерны и многочисленны. Но публика и печать, въ большинствѣ случаевъ, были къ нимъ довольно равнодушны, или по крайней мѣрѣ слишкомъ вяло, мало и безцвѣтно выражали къ новому стилю свое сочувствіе. При такомъ минусѣ проявленія, мудрено было бы обрисовать существующія мнѣнія, еслибъ въ послѣднее время не появилось одной статьи, гдѣ высказаны всѣ главные аргументы противъ новой національной нашей архитектуры и большинство ходячихъ въ толпѣ взглядовъ по этой части. Выразителемъ этихъ мнѣній явился В. Чуйко въ „Новостяхъ" (1883 годъ, № 96), въ статьѣ о національности и національныхъ вопросахъ. Когда дѣло дошло у него, послѣ всего остального, до архитектуры, то онъ объявилъ, что въ „новой русской архитектурѣ (начатой профессоромъ Горностаевымъ, и продолжаемой множествомъ его товарищей, учениковъ и послѣдователей) нѣтъ не только національнаго, но и никакого стиля", что „новые русскіе архитекторы могутъ достигать, при талантѣ, своеобразныхъ произведеній, но никогда не создадутъ національной школы въ

архитектурѣ, а будутъ лишь воскрешать и украшать то, что создали наши предки"; что такое „возвращеніе вспять есть уже признакъ безсилія и отсутствія творческой силы"; что „если хотите (?), новыя архитектурныя созданія Гартмана, Ропетта и многихъ другихъ — это оригинально, но манерно, претенціозно, несвойственно матеріалу; это не творчество, а оригинальничанье, незаслуживающее вниманія, потому что оно спекулируетъ на моду и на псевдо-національность..." и т. д. Любопытно было бы, однако же, узнать отъ В. Чуйко и разныхъ его единомышленниковъ, въ какомъ же, наконецъ, „стилѣ" позволительно строить въ наше время, потому что вѣдь надобно же въ какомъ-нибудь да строить? И если эти господа укажутъ на греческій, римскій, итальянскій, нѣмецкій, французскій, англійскій, какой угодно стиль—то почему же одинъ русскій долженъ быть изгнанъ вонъ и не достоинъ даже считаться „стилемъ"? Еще полезно было бы отъ В. Чуйко узнать, имѣютъ ли Пушкинъ, Лермонтовъ и Глинка право считаться людьми, создававшими въ русскомъ стилѣ, когда великія свои произведенія основывали на старыхъ народныхъ матеріалахъ, языкѣ и мелодіяхъ? И надо ли считать „Бориса Годунова" и разныя стихотворенія Пушкина, „Пѣсню о купцѣ Калашниковѣ" Лермонтова, „Жизнь за царя", „Руслана" и „Камаринскую" Глинки лже-національными поддѣлками, „не стоющими вниманія" и доказывающими „безсиліе и отсутствіе творческой силы"? Впрочемъ, В. Чуйко достаточно проявилъ свою неприготовленность къ трактованію архитектуры, когда увѣрялъ, что „камень нынче уступаетъ мѣсто желѣзу и стеклу" (желаемъ ему жить, особливо зимой, въ желѣзномъ домѣ!) что древняя русская архитектура, до Петра, „почти совершенно не знала каменныхъ строеній", и что она же „никому и ничему не подражала". Читая такія строки, становится страшно за русскаго читателя, обязаннаго читать подобныя невѣжественныя вещи и, пожалуй, вѣрить имъ.

XII.

Если сравнивать состояніе новой русской музыки съ состояніемъ прочихъ нашихъ искусствъ за послѣднее время, музыка представитъ зрѣлище гораздо болѣе печальное, чѣмъ всѣ остальныя искусства.

И это оттого, что то самое музыкальное дѣло наше, которое стоитъ теперь такъ высоко, какъ никогда прежде, въ то же время стоитъ и такъ низко, какъ еще никогда прежде не стояло.

Конечно, если смотрѣть только на композиторовъ, въ теченіе послѣднихъ 50-ти лѣтъ у насъ появилось въ числѣ ихъ нѣсколько людей геніальныхъ, и значительное количество людей высокоталантливыхъ, которые создали русскую музыкальную школу и подняли наши музыкальныя созданія на такой возвышенный и самостоятельный уровень, до какого они прежде никогда не поднимались. Вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстная доля публики нашей достигла такого развитія музыкальнаго пониманія и вкуса, какого не существовало въ прежніе періоды даже у самыхъ выдающихся людей изъ среды публики. Но есть оборотная сторона медали: это — большинство русскихъ музыкальныхъ сочинителей и сочиненій, большинство русской музыкальной критики, большинство русскихъ музыкальныхъ вкусовъ и понятій.

Ни одно искусство такъ не распространено у насъ, какъ музыка. Нѣтъ такого дома, нѣтъ такого семейства, гдѣ бы не производилась музыка, гдѣ бы отецъ, мать, сынъ дочь, дяди, тетки, племянники и внуки не играли бы и не пѣли бы, который-нибудь изъ нихъ въ отдѣльности, или всѣ сплошь. Нѣтъ, кажется, ни одной квартиры, гдѣ бы не было фортепіанъ и нотъ, и гдѣ бы не раздавались, въ продолженіе цѣлаго года, зимой и лѣтомъ, осенью и весной, отъ утра и до вечера, звуки хорошей или плохой музыки. Всѣ играютъ, всѣ поютъ. Безъ этого быть нельзя, безъ этого жить невозможно. По другимъ искусствамъ это не такъ. Тамъ „исполнителемъ" является не каждый человѣкъ изъ публики, а только немногіе: либо художники, либо дилеттанты. Остальная публика только придетъ, посмотритъ и уйдетъ; а какія дома висятъ картины, фотографіи или гравюры по стѣнамъ — на тѣ, обыкновенно, никто никогда и не смотритъ, послѣ перваго раза: къ нимъ давно привыкли, на нихъ столько же обращаютъ вниманія, какъ на обои, вазочки и всякія bric-à-brac, тѣснящіяся на полочкахъ и этажеркахъ. Это все матеріалъ скромный, молчаливый, не притязательный, нѣмой. Но попробуйте-ка сдѣлать такъ, чтобъ не услыхать того, что поется и играется цѣлый день, дома и въ гостяхъ! И оттого всѣ—меломаны, всѣ страстно любятъ музыку, всѣ ею интересуются до корней души, про нее круглый годъ разговоръ, и за обѣдомъ, и за мазуркой, и на гуляньѣ, и въ коляскѣ—про живопись со скульптурой поговорятъ раза два въ году, „въ свое время"—и конецъ! Развѣ можно сравнить двѣ-три-четыре выставки въ году, съ тѣми безчисленными концертами, съ тѣми безсчетными оперными представленіями, съ тѣми несмѣтными тысячами „пѣній" и „фортепіанныхъ игръ", которые выпадаютъ на долю каждаго? Конечно, кое-кто изъ публики и рисуетъ, кто

цвѣточекъ, кто сестрицу, кто собачку, кто сельскій видъ, кто картинку къ Лермонтову—но это на рѣдкость. Картинъ же въ самомъ дѣлѣ съ сюжетомъ никто и не предпринимаетъ. Про скульптурное дѣло и говорить нечего. Можно ли сравнивать съ этими немногими добровольцами и смѣльчаками то огромное воинство кавалеровъ и дамъ, которые безъ всякаго зазрѣнія совѣсти сочиняютъ романсы, пѣсни, chants sans paroles, этюды, скерцы, вальсы, польки, а иногда и цѣлыя оперы. И не только сочиняютъ, но печатаютъ. Музыкальные магазины завалены этими созданіями—ясно, что у нихъ и самый превосходный сбытъ есть. Когда же вы видали, чтобъ художественные магазины были точно также завалены рисунками, картинами и скульптурами аматеровъ изъ публики? Ихъ покупать никому не пришло бы никогда въ голову.

Итакъ, разница въ положеніи тѣхъ искусствъ и этого—громадная.

Но эта-то необычайная распространенность музыки и есть одна изъ главныхъ причинъ пониженія общаго ея уровня. Чѣмъ болѣе спроса на какой-нибудь товаръ, тѣмъ, болѣе, конечно, можно ожидать тамъ и совершеннѣйшихъ образчиковъ производства его. Но, сравнительно говоря, лучшихъ, высшихъ сортовъ его будетъ всегда въ тысячу разъ менѣе, чѣмъ тѣхъ плохихъ, поддѣльныхъ, гнилыхъ, негодныхъ экземпляровъ, которые пойдутъ въ общій расходъ, которые станутъ фабриковаться машинно, дюжинно, гуртомъ, возами, и на которые никто не будетъ жаловаться, потому-что они придутся по всѣмъ желудкамъ, по всѣмъ карманамъ, по всѣмъ вкусамъ, привычкамъ и понятіямъ толпы.

Вотъ это-то гуртовое производство музыки, это-то гуртовое выполненіе ея, это-то гуртовое пониманіе ея—они-то всего ужаснѣе и безотраднѣе въ нынѣшнемъ нашемъ положеніи.

Новая русская живопись зоркимъ глазомъ подмѣтила и мѣткою рукою нарисовала нѣкоторыя сцены изъ современной русской „музыкальности". Такъ, напримѣръ, въ числѣ талантливѣйшихъ произведеній Владиміра Маковскаго одно изъ важныхъ мѣстъ занимаетъ маленькая картинка: „Въ четыре руки", гдѣ представлены старички мужъ съ женой, увядшіе, съ оловянными глазами, съ пальцами, разбухлыми какъ огурчики, играющіе прилежно и усердно, тупо и смѣшно, вѣроятно какую-нибудь „сонату Моцарта", сухую, деревянную и несносную для другихъ, но для нихъ—драгоцѣнное воспоминаніе молодости и перваго знакомства, 30 лѣтъ назадъ. Это классики и добродушные фанатики старыхъ привычекъ. „Гитаристъ" (одинъ разъ Перова, другой разъ Влад. Маковскаго) представляетъ намъ мѣщанина или сидѣльца изъ

лавки, сидящаго у стола со стаканомъ, потихоньку тренкающаго себѣ подъ носъ на гитарѣ и сердечно услаждающаго себя, элегически и нѣжно, до экстаза. „Друзья-пріятели“ Влад. Маковскаго—это компанія старыхъ холостяковъ, изъ которыхъ одинъ, должно быть отставной кавалеристъ, выступивъ на середину комнаты, поетъ какой-то нѣжный и жаркій романсъ, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, пока его друзья, кто съ умиленіемъ слушаетъ его, а кто нѣжно дотрогивается до полныхъ голыхъ локтей служанки, несущей подносъ съ рюмками. „Жестокіе романсы“ Прянишникова—это еще одна вѣрно схваченная сценка изъ провинціальной жизни: молодой чиновникъ, въ пламенномъ азартѣ неистово распѣваетъ романсы и тѣмъ глубоко потрясаетъ сердце невзрачной, но зрѣлой дѣвицы, сидящей возлѣ него на диванѣ и не знающей, куда глаза повернуть отъ волненія. Вотъ нѣсколько мѣтко понятыхъ и выраженныхъ типовъ. Но все это еще провинція, все это еще только рѣдкіе отрывки изъ музыкальной жизни русской. Сколько еще другихъ сценъ можно и надо было бы представить, съ точно такою же вѣрностью и мѣткостью, изъ жизни большихъ городовъ, всего больше Петербурга и Москвы! Сколько еще другихъ усердныхъ потребителей музыки должно было бы явиться передъ нами на полотнѣ, какъ мы ихъ видимъ поминутно повсюду, всегда вездѣ вокругъ насъ. Кромѣ тѣхъ двухъ старичковъ, Филемона и Бавкиды, подслѣповатыхъ классиковъ и устарѣлыхъ элегиковъ, что съ такимъ увлеченіемъ сердечнымъ вспоминаютъ за старинными пьесами доброе старое время, мнѣ бы хотѣлось увидѣть еще молодыхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, покорно долбящихъ свои ужасные гаммы и экзерсисы, или съ досадой отбарабанивающихъ, въ сотый разъ передъ гостями, свою „пьеску“, потому что родителямъ непремѣнно надо похвастаться Машей или Мишей, какъ собачонкой, приносящей въ зубахъ платокъ; кромѣ „Друзей-пріятелей“ Влад. Маковскаго, среди рюмочекъ съ хересомъ и водкой восторгающихся романсами товарища, мнѣ хотѣлось бы видѣть толпу мужчинъ и дамъ, въ концертной залѣ, обступившихъ послѣ концерта своего „бога“ или „богиню“, и, съ глазами, полными раболѣпства, счастья, униженія и слезъ, какъ у ханжи передъ образомъ, вымаливающихъ „еще нѣсколько нотокъ“, „еще нѣсколько божественныхъ звуковъ“; кромѣ элегическаго „гитариста“ Перова, сидящаго, у стола съ бутылкой, со спутанными отъ волненія волосами и опустившейся головой, мнѣ бы хотѣлось увидать нѣжную и элегантную барышню, въ ея томномъ и поэтическомъ мечтаніи, въ сумерки, подъ вечерокъ, перебирающую пальчиками по фортепіану сантиментальные звуки нок-

тюрна, можетъ быть прескревернаго, но наполняющаго ея существо всѣми эѳирными блаженствами рая; кромѣ молодого чиновничка Прянишникова, съ его „жестокими романсами“ и кралей сердца, тронутой ими, я желалъ бы увидать на картинѣ цѣлый театръ, невыразимо блаженствующій и приходящій въ упоеніе, почти до истерики, отъ глупой оперы, въ сто разъ болѣе бездарной, нелѣпой и безвкусной, чѣмъ всѣ самые жестокіе романсы; кромѣ всего этого, хотѣлъ бы я видѣть бонтонный и накрахмаленный музыкальный вечеръ въ аристократической гостиной; хотѣлъ бы я видѣть тоже на картинѣ буйную радость гусара и купца у цыганъ, пока Стёша поетъ, и замираетъ, пока Матрена дико ходитъ въ кругѣ подъ топотъ, вскрикъ и вопли хора, а Груня сидитъ у кого-то на колѣняхъ, съ червонцами на ладоняхъ; хотѣлъ бы я видѣть умиленіе и тихое глубокое чувство на всѣхъ лицахъ, когда хоръ поетъ херувимскую Бортнянскаго, „этого Сахара Медовича Патокина“, какъ его называлъ Глинка; но, вдобавокъ ко всему, хотѣлъ бы я то же увидѣть на картинѣ ту скуку, ту усталость, то недовольство, то отвращенье, тѣ насмѣшки и хохотъ, наконецъ даже ту вражду и презрѣніе, которые присутствуютъ на лицѣ у самаго большого числа людей изъ публики, когда исполняютъ музыкальныя созданія, истинно-талантливыя, глубокія, полныя настоящаго правдиваго чувства.

Насколько выше и симпатичнѣе всѣхъ этихъ людей, съ ихъ невозвратно-развращеннымъ чувствомъ, съ ихъ покривленнымъ вкусомъ, тѣ другіе „любители музыки“, уже изображенные новымъ русскимъ искусствомъ, такіе какъ „Пѣвцы“ Тургенева, „Птицеловъ“ Перова, „Любители соловьевъ“ Владиміра Маковскаго! Они еще отроду не видали нотъ и фортепіано, отроду не бывали, да и никогда не будутъ, въ концертѣ или въ оперѣ, ихъ концертная зала—лѣсъ или изба, ихъ музыканты—соловей, или родной братъ его, народный пѣвецъ, но ихъ музыкальное пониманіе, простое, здоровое, прямое, свѣтлое, насколько же выше испорченныхъ, искусственныхъ вкусовъ, ложныхъ условныхъ наслажденій тѣхъ людей, что не помнятъ себя отъ восторга, внимая „Аидѣ“ или „Троватору“, пошлымъ романсамъ аматеровъ или рутинеровъ, — бездарнѣйшимъ созданіямъ для фортепіано или оркестра, а иногда даже и старинному бездушному „классическому“ хламу, когда только оно смазливо и сладко. Все пространство между соловьиной и народной пѣснью, по одну сторону берега— и созданіями истиннаго, высокаго, животворнаго искусства, по другую сторону берега, наполнены несмѣтными толпами людей, которые не хотятъ ни слышать, ни знать того, что живетъ и тво-

рится на томъ и на другомъ берегу, но которые выше своей головы сыты и счастливы созданіями того низменнаго, банальнаго, ординарнаго искусства, которое общедоступно, какъ всякая пошлость.

И подумать, что вся эта необозримая масса людей могла бы тоже имѣть здравый вкусъ, прямое сужденіе, свѣтлое пониманіе вещей! Чѣмъ одинъ человѣкъ хуже другого? Да, но никакія пожеланія ничего не подѣлаютъ. Пагубныя обстоятельства, среди которыхъ принужденъ рости человѣкъ, бываютъ сильнѣе всего остальнаго, и измѣняютъ иногда даже хорошую и сильную натуру до неузнаваемости. Что же должно быть съ натурами слабыми, безцвѣтными, несамостоятельными? Конечно, онѣ должны искалѣчиваться до самыхъ корней своихъ.

XIII.

Порча музыкальнаго чувства начинается въ наше время у людей очень рано: можно сказать съ самыхъ пеленокъ. Когда у младенца только-что только-что начинаетъ разверзаться слухъ, онъ уже тотчасъ слышитъ музыку, въ большинствѣ случаевъ очень скверную. Навѣрное въ домѣ кто-нибудь бренчитъ на фортепіано всякую дрянь или распѣваетъ плохіе романсы и аріи. И въ антрактахъ между сосаньемъ груди и сномъ, все это упорно и неотразимо вливается въ уши беззащитнаго младенца. Какая жалость, что никто еще не розыскалъ, съ какихъ именно поръ, съ какого дня и часа, начинаютъ у маленькаго, еще недавно народившагося человѣка, наростать музыкальныя мозоли на душѣ! Плохая живопись, въ видѣ никуда негодныхъ картинъ и гравюръ, начинаетъ осаждать его гораздо позже: не во всякомъ домѣ стѣны непремѣнно увѣшаны ничтожными или фальшивыми произведеніями живописи. Гдѣ—про картины и гравюры никто еще не подумалъ, а гдѣ—обои предпочитаются имъ (и слава Богу!). Но музыка! Драгоцѣнная, сладкая, милая, прелестная музыка! Безъ нея никто жить не можетъ, и вотъ, новоприбывающіе на свѣтъ тотчасъ-же, сію-же минуту начинаютъ слышать ея созданія. Какое счастье было бы, еслибъ хоть въ первые годы, хоть въ первые мѣсяцы своего существованія они были пощажены, и слышали хоть только одни „баюшки-баю“ кормилицъ, мамокъ, нянекъ и матерей своихъ, эти музыкальные инструменты гипнотизированія и приведенія младенца въ оцѣпенѣніе. Но каковы они ни есть, а все они лучше той ужасной музыки, которую скоро потомъ

младенецъ начнетъ впитывать въ себя, неизбѣжно, неотразимо, какъ губка, опущенная въ воду.

Послѣ такой предварительной подготовки, навѣрное уже оставившей свои слѣды, начинаются гаммы и экзерсисы, деревянные, сухіе, мертвые, но въ которыхъ велѣно искать ребенку всякаго счастія и спасенія. „Ты долженъ,—говоритъ Шуманъ,—прилежно играть гаммы и другія упражненія для пальцевъ. Но есть много людей, которые воображаютъ, что они тѣмъ всего достигнутъ, и до самой старости всякій день употребляютъ много часовъ на механическое упражненіе. Это почти то же самое, что стараться выговаривать всякій день азбуку, все скорѣе и скорѣе. Употребляй свое время лучше этого"... И еще: „Пассажное отрепье измѣняется со временемъ: механизмъ имѣетъ значеніе только тамъ, гдѣ онъ служитъ высшимъ цѣлямъ" („Musikalische Haus-und Lebensregeln"). Да, но это говоритъ Шуманъ, настоящій и глубокій художникъ, вѣчный врагъ всего школьнаго, неразсуждающаго, традиціоннаго, цехового. Другимъ это никогда въ голову не приходитъ, именно потому, что слишкомъ естественно и просто.

Такой глубокой правды никто не думаетъ и не понимаетъ, никто ни единаго такого слова не говоритъ начинающему жить маленькому музыканту. Напротивъ, ему постоянно надуваютъ въ уши все самое противуположное этой правдѣ, его усиленно забиваютъ въ колодки, и онъ долженъ, бѣдняжка, въ тѣ дни, когда начинаютъ разверзаться всѣ чувства его къ тому, что живо, что поэтично, что манитъ въ таинственныя дали, онъ долженъ сушить себя на одной только ужасной, безотрадной механикѣ, забивающей и мертвящей душу.—„Повинуйся и дѣлай!" твердятъ поминутно ребенку, когда онъ жалуется на тоску и сушь. „Не разсуждай! Мы всѣ такъ учились—ты тоже такъ долженъ учиться!" И тутъ-же отнимаютъ у него изъ рукъ все, что могло бы ему нравиться въ музыкѣ, все, что способно было бы радовать его маленькое сердечко, наполнять его художественнымъ и поэтическимъ ощущеніемъ. „Все это потомъ, когда-нибудь послѣ, когда выростешь,—твердятъ ему,—а теперь учись, учись техникѣ, ни о чемъ не смѣй пока думать, кромѣ гимнастики пальцевъ или голоса". И ему ни до чего другого, кромѣ гаммъ и экзерсисовъ, не даютъ дотрогиваться, развѣ только, въ видѣ праздника, въ видѣ особеннаго счастья и награды, даютъ ему иной разъ „дѣтскія пьески", вполнѣ идіотскія, безъ мысли, безъ чувства, безъ красоты, безъ художества, неуклюже сколоченныя бездарными поставщиками,—или же классическія „сонатки" какія-то, не съѣденный еще до тла мышами хламъ стариннаго высохшаго музыкальнаго міра.

Большинство учителей ставятъ себѣ свою черствую суровость и непобѣдимую „твердость“ въ величайшую честь и заслугу. И бѣдный ребенокъ гложетъ свою досаду и уныніе, онъ научается тому, что велятъ, онъ выдѣлываетъ указныя гаммы и экзерсисы, онъ распѣваетъ идіотскія дѣтскія „пѣсенки“, онъ отбарабаниваетъ классическія „сонаты“. Скоро онъ все это умѣетъ дѣлать. Но отъ стольких же вещей, во сто разъ болѣе важныхъ и нужныхъ, онъ тоже тутъ и отучается. Свѣжесть ощущенія и чувства, живое стремленіе къ тому, что здорово и естественно—немножко уже притѣснено, даже иногда сглажено. Чувство покорности и послушанія, иногда выставляемое за начало всякаго успѣха и блаженства, возрастаетъ и крѣпнетъ, но опора на себя, самомысліе и независимость, дѣятельность собственнымъ разсудкомъ — угнетаются, мельчаютъ, иногда совсѣмъ тушатся.

Посмотрите, какіе, въ большинствѣ случаевъ, всѣ учителя и учительницы музыки? Все равно какъ и учителя рисованья, это почти всегда тѣ люди, которые въ музыкѣ не способны были пойти дальше передней ея, которые ни въ композиторы, ни въ настоящіе талантливые исполнители не годились, и разсудили, что учительская должность—все-таки лучшее изъ худшаго, надо-же чѣмъ-нибудь жить. И вотъ они учатъ всему по своей части, кромѣ одного того, что всего нужнѣе и важнѣе—истинному пониманію и выраженію, любви къ хорошему, ненависти къ худому. Ихъ интеллектуальность музыкальная, обыкновенно, самая низкая, самая ничтожная: какъ же бы они учили тому, чего сами не знаютъ? Они думаютъ только объ ученьѣ, о музыкѣ—никогда. Они ея вовсе не знаютъ, и потому, когда рѣчь доходитъ, послѣ экзерсисовъ, до „сочиненій“, они ставятъ на нотный пюпитръ, передъ своими воспитанниками, всякую всячину: и созданіе высокихъ, талантливыхъ композиторовъ, и жалкое кропанье самыхъ ничтожныхъ и бездарныхъ—все тутъ идетъ за панибрата, все тутъ встрѣчается, сталкивается и обнимается, все заучивается и вытверживается съ одинакимъ равнодушіемъ и безучастіемъ, потому что, по понятіямъ учителя и учительницы, все это заразъ—прекрасно и превосходно, ничему нѣтъ отказа ни запрета, всему двери настежь, а многое, до тла уже вовсе негодное, давно выдохшееся, еще выставляется тутъ какъ нѣчто наивысшее, значительнѣйшее, „классическое“. И такимъ, то образомъ, на второй своей ступени, ученикъ опять остается съ незатронутымъ музыкальнымъ понятіемъ, съ пониженнымъ ощущеніемъ справедливаго и хорошаго, съ наклонностью всѣмъ быть довольнымъ, съ привычкой не разбирать талантливое отъ бездарнаго, художественное отъ безвкуснаго, съ

зачатками слѣпой вѣры въ какую-то высокую, недосягаемую „классичность“.

На этомъ пунктѣ учитель начинаетъ становиться истиннымъ врагомъ истиннаго музыкальнаго развитія. Старый, всего болѣе распространенный въ прежнее время типъ ихъ—это Леммъ Тургенева (въ „Дворянскомъ Гнѣздѣ“). Это—настоящій pendant къ „учителю рисованья“ Перова. Онъ долго велъ бродячую жизнь, игралъ вездѣ, и въ трактирахъ, и на ярмаркахъ, и на крестьянскихъ свадьбахъ, и на балахъ; наконецъ попалъ въ оркестръ, и даже былъ дирижеромъ. Исполнитель онъ былъ довольно плохой, но музыку зналъ основательно. Онъ много разъ пытался сочинять самъ, на тэму въ родѣ такой: „Вы звѣзды, о вы, чистыя звѣзды“, но ему никогда не удавалось, и вотъ онъ учитъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, барышень и юношей, играть сонаты и уважать великихъ нѣмецкихъ музыкантовъ стараго времени. Онъ бѣдный, онъ жалкій, онъ возбуждаетъ состраданіе, онъ добрый, онъ честный,—но чему-жъ онъ научитъ своихъ учениковъ? Можетъ быть—гаммамъ и твердому сухому шаганью по фортепіану, чего-жъ еще больше? Правда, Тургеневъ вѣруетъ также, что что-то „необыкновенное виднѣлось въ этомъ полуразрушенномъ существѣ“, что онъ былъ „одаренъ живымъ воображеніемъ и той смѣлостью мысли, которая доступна одному германскому племени (?!); Леммъ со временемъ,—кто знаетъ?—сталъ-бы въ ряду великихъ композиторовъ своей родины, еслибъ жизнь иначе его повела. Онъ много написалъ на своемъ вѣку—и ему не удалось увидѣть ни одного своего произведенія изданнымъ, не умѣлъ онъ приняться за дѣло, похлопотать во-время. Одинъ его поклонникъ и другъ, тоже бѣдный, издалъ на свой счетъ двѣ его сонаты—да и тѣ остались цѣликомъ въ подвальныхъ музыкальныхъ магазиновъ, глухо и безслѣдно провалились онѣ, словно ихъ ночью кто въ рѣку бросилъ“... Нѣтъ, это все не истина, это все только романтическое, немножко рутинное старое представленіе о „бѣдномъ неузнанномъ художникѣ“. Тутъ настоящей правды нѣтъ, и если обѣ сонаты Лемма провалились, глухо и безслѣдно, то единственно потому, что ничего другого и не заслуживали. Еслибы Лемму быть въ ряду „всякихъ композиторовъ“, то, проживя цѣлыхъ шесть десятковъ лѣтъ, онъ навѣрное имъ-бы и сдѣлался, а то чего же стоитъ его „живое воображеніе и смѣлость мысли, доступная одному германскому племени“? Нѣтъ, нѣтъ, напрасно рядить ворону въ павлиньи перья, не несчастливая звѣзда ему стала поперегъ дороги—его собственная плохость и недаровитость. Тургеневъ пошелъ еще дальше, онъ этому злополучному музы-

канту, „махнувшему на все рукою“, „зачерствѣвшему“, „одеревенѣвшему“, приписалъ вдругъ такой день и часъ, когда онъ сдѣлался, на нѣсколько мгновеній, великимъ композиторомъ, изъ подъ пальцевъ котораго „лились дивные, торжествующіе звуки“, и гремѣли потомъ „великолѣпнымъ, пѣвучимъ сильнымъ, потокомъ“—это Леммъ исполнялъ на фортепіано, въ маленькой бѣдной коморкѣ, свою „чудную композицію“. Да развѣ это возможно? Да развѣ это мыслимо? Весь вѣкъ свой быть ничтожнымъ, совершенно ничего не значущимъ, ничего не производить на свѣтѣ кромѣ бѣдныхъ, неудачныхъ попытокъ, и, значитъ, быть тоже вполнѣ неумѣлымъ, совершенно не владѣть языкомъ таланта, и вдругъ, въ одинъ прекрасный день и часъ, онъ является великимъ создателемъ, геніальнымъ человѣкомъ, полнымъ и вдохновенія, и дивнаго мастерства? Нѣтъ, нѣтъ, все это идеализаціи и выдумки (поразительныя у такого вѣрнаго и правдиваго реалиста, какъ Тургеневъ). Великія чудныя композиціи не падаютъ съ неба, внезапно, на очерствѣвшихъ, одеревенѣвшихъ стариковъ, давно отвыкшихъ отъ всего, кромѣ гаммъ и уроковъ; это все только варіаціи на чудные стихи Пушкина:

Пока не требуетъ поэта
Къ священной жертвѣ Аполлонъ,
Въ заботахъ суетнаго свѣта
Онъ малодушно погруженъ;
Молчитъ его святая лира,
Душа вкушаетъ хладный сонъ,
И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется,
Душа поэта встрепенется,
Какъ пробудившійся орелъ...

Да, но Леммы не орлы, и никакіе Аполлоны никогда не дозовутся ихъ къ священной жертвѣ. Это выдумка и фальшь. Они слишкомъ ничтожны; одна преданность Генделю и Баху, да обращеніе къ „чистымъ, ахъ, чистымъ“ звѣздамъ—не дадутъ еще ни вдохновенія, ни поэзіи, ни творчества. Нѣтъ, Леммовъ было, есть и будетъ много на свѣтѣ, но „великолѣпныхъ“, „торжествующихъ“ звуковъ никогда не понесется изъ-подъ ихъ пальцевъ. Душа ихъ осуждена „вкушать хладный сонъ“, или сантиментально ныть и казниться. Они способны только безсильно обращаться къ „чистымъ звѣздамъ“, и потомъ дрессировать юныя поколѣнія въ правилахъ, можетъ быть, честной, почтенной, благонамѣренной, но не художественной и не живой музыки.

Новый типъ музыкальнаго учителя—это по большей части всегда самъ исполнитель, исполнитель даже и до сихъ поръ, или бывшій имъ когда-то прежде, оставившій это дѣло. Такой учитель да еще меньше Лемма заботится о самой музыкѣ. Для него исполненіе—все. Внѣшнее умѣнье, позже—блескъ и лоскъ, концертность и разсчетъ на слушателя, эффектъ, желанье подѣйствовать, одни всегда наполняли его, онъ никогда не заботился о томъ, что онъ исполнялъ и исполняетъ, авторы для него безразличны—только-бы годны были для произведенія того эффекта, которое составляетъ его собственную особенность—до дальнѣйшаго ему дѣла нѣтъ. Но „классики", о, для этихъ остается у него все по прежнему передній уголъ въ избѣ, и хотя, собственно, ему они ничуть не по вкусу, вовсе не нужны ни на пол-двора, если положить руку на сердце, но все-таки онъ на нихъ молится, скидаетъ передъ ними шапку: оно дескать такъ принято, да и лучше, приличнѣе. Вотъ въ этой то самой религіи онъ воспитываетъ и своего питомца. Въ пѣніи—первое о чемъ рѣчь заходитъ, то, о чемъ только и заботятся, это голосъ. „Ахъ, какой чудный, великолѣпный голосъ! Какой тембръ! И какой большой и сильный! И какъ поставленъ!" вотъ это всѣ твердятъ, забывши, что голосъ есть не что иное какъ инструментъ, ничего не выражающій собою, кромѣ матеріала, и что поважнѣе инструмента было бы навѣдаться напередъ, музыкаленъ ли тотъ, про кого идетъ рѣчь, способны ли къ искуству тотъ или та, у кого оказался вдругъ этотъ „голосъ". Но до этого никому дѣла нѣтъ,—предполагается, что музыкальная способность—это дѣло второстепенное, и нельзя ей не быть, у кого есть чудный „голосъ". Отъ этого-то у большинства поющихъ, кромѣ „голоса" и механической ничтожнѣйшей дрессировки и рутины, ровно ничего нѣтъ. Но это ужъ никому не интересно знать, и никто объ этомъ не справлялся. Въ инструментальномъ исполненіи то же самое: внѣшнее умѣнье, механическая ловкость и расторопность для всѣхъ стоятъ на первомъ мѣстѣ. Чтò играютъ, кàкъ играютъ—это рѣшительно всѣмъ все равно, была бы только виртуозность, да то виртуозное выраженіе, героическое, молодецкое,—или же пересахаренное, перепомаженное и пересантименталенное, во всякомъ случаѣ преувеличенное и условное, которое есть продуктъ виртуозности и школьной передачи.

Исключенія во всемъ этомъ—рѣдкость. Можно какъ на чудо смотрѣть на тѣхъ немногихъ, которые, не взирая на всю дрессировку и на всѣхъ учителей, сохраняютъ во всей чистотѣ и неприкосновенности здоровый, натуральный, безъискусственный даръ музыкальнаго выполненія и музыкальнаго выраженія. Всего чаще

это бываетъ у самоучекъ, или же у тѣхъ, кто, хотя и прошелъ сквозь школу и учителей, да имъ не подчинился рабски и слѣпо, ничего съ полною безотвѣтственностью не послушался у нихъ, отказавшись отъ своей личности, а разобралъ собственнымъ умомъ: вотъ это правда и хорошо—я это и возьму, а вотъ это—только вздоръ и пустяки, и я это зашвырну поскорѣе въ сторону.

Остальные всѣ — барабанятъ и голосятъ, миндальничаютъ или разводятъ музыкальную размазню—никто не жалуется, всѣ покорно воображаютъ, что такъ и надо, что это-то самое и есть музыка. Инымъ все это даже нравится. Поэтому-то всѣ вообще добродушно сносятъ ту каторгу, которая ныньче устроена въ каждомъ домѣ подъ видомъ фортепіанной игры и пѣнія. Какъ утро наступило, уже сейчасъ отворяются повсюду тысячи ртовъ и фортепіанъ, и начинается потѣха. Кто твердитъ гаммы, кто триллеры и пассажи, кто ужасные „экзерсисы", кто нелѣпо выпечатываетъ, словно типографскій валъ, равнодушно и безучастно что ни попало, и хорошее, и дурное, и посредственное — и въ этомъ проходитъ весь день, всѣ должны купаться отъ утра и до вечера въ этомъ морѣ то безтолковыхъ, то сладостныхъ звуковъ, спасенья отъ нихъ нигдѣ нѣтъ. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, въ 1843 году, Гейне писалъ про Парижъ: „Властительная буржуазія, по грѣхамъ своимъ, должна переносить не только старыя классическія трагедіи и трилогіи не классическія — этого было все еще мало;—она должна переносить одно художественное наслажденіе, отъ котораго теперь нигдѣ не укроешься, которое встрѣтишь въ каждомъ домѣ, въ каждомъ обществѣ. Да! фортепіаномъ называется это орудіе пытки, истязующее аристократію за всѣ ея прегрѣшенія. Но зачѣмъ же при этомъ столько невинныхъ страдаетъ! Противъ этого вѣчнаго бренчанья на фортепіано со всѣхъ сторонъ, право, терпѣнья не хватаетъ! (Вотъ и въ эту минуту, что я пишу, двѣ мои сосѣдки—стѣна объ стѣну, разыгрываютъ какой-то „morceau brillant" для двухъ лѣвыхъ рукъ!). Эти сухіе, рѣзкіе, молоточные звуки, непріятно отрывистые по натурѣ своей, этотъ бездушный, безсердечный теноръ, эта архипрозаическая бѣготня по клавишамъ, эти „гаммы и экзерсисы", однимъ словомъ, весь этотъ скарбъ піанизма убиваетъ всякую умственную дѣятельность..." И къ этимъ словамъ, Сѣровъ, переводчикъ „Музыкальныхъ писемъ" Гейне, прибавлялъ, отъ себя, въ 1866 году: „Прошла четверть столѣтія съ тѣхъ поръ, что Гейне писалъ эти строки; дѣло не поправилось, если еще не испортилось! Вѣчное бренчанье на фортепіано, надъ головою, за стѣною, подъ поломъ, въ любомъ изъ домовъ, любой изъ европейскихъ столицъ, страшно

мучитъ всѣхъ работающихъ мозгами! Приходится ежеминутно проклинать и піанистовъ, и фортепіанную музыку, и изобрѣтателя этого адскаго бренчальнаго ящика! О мозгахъ тѣхъ, кто посвящаетъ всю жизнь свою піанизму—можно только пожалѣть". Но что тутъ говорится про фортепіанную игру, то отъ первой и до послѣдней буквы идетъ и къ „пѣнію". Ему нѣтъ мѣры и конца! И тутъ тоже механизмъ, внѣшность исполненія и полное равнодушіе или фальшь выраженія постоянно задушаютъ все остальное и дѣлаютъ жизнь невольныхъ слушателей сущей каторгой. Но еще еслибъ приготовленія юныхъ лѣтъ, страшныя пытки учебныхъ годовъ вели къ чему-нибудь впослѣдствіи, къ какому-нибудь дѣлу, усовершенствованію, хоть наслажденью! О нѣтъ—большинство прекрасныхъ мальчиковъ и дѣвочекъ, юношей и дѣвицъ, такъ усердно тиранившихъ себя и другихъ, впослѣдствіи всего только и играютъ, что ничтожные польки и вальсы, страшныя по пустотѣ и безвкусію „пьесы", поютъ истинно ужасающіе романсы, шансонетки или же аріи изъ которыхъ-то нелѣпыхъ оперъ, или же и просто бросаютъ музыку вовсе, потому-что есть нѣчто лучше даже полекъ и вальсовъ, плохихъ романсовъ и оперетокъ—это карты и „дѣла". Спрашивается: Много ли и у тѣхъ, и у другихъ музыкальнаго пониманія? Какого отъ нихъ ждать музыкальнаго образа мыслей, какого разумѣнія, какой „критики" и какого отношенія къ тѣмъ созданіямъ музыкальнымъ, которыя не принадлежатъ къ ежедневной банальной программѣ всѣхъ этихъ людей? Чѣмъ должны имъ казаться истинно-талантливыя музыкальныя произведенія, пробующія выполнять совсѣмъ иную задачу?

Но вотъ пришло у насъ однажды такое время, когда заговорили о необходимости „высшаго музыкальнаго образованія", „высшей музыкальной школы", консерваторіи, потому-дескать, что музыкальное дѣло слишкомъ плохо стоитъ у насъ въ Россіи. Въ 1854 году А. Гр. Рубинштейнъ писалъ въ своей статьѣ: „Die Componisten Russlands", напечатанной въ разныхъ нѣмецкихъ газетахъ: „Русскіе очень расположены къ музыкѣ и не бездарны въ ней, но по общему непросвѣщенію и по славянской небрежности одержимы непроходимымъ дилеттантствомъ", и въ доказательство того объявлялъ, что „русской музыки нѣтъ и на театрѣ, кромѣ въ двухъ еще не вполнѣ удачныхъ операхъ Глинки, по симфонической же и квартетной музыкѣ у русскихъ нѣтъ ровно ничего" и т. д., а въ 1861 году онъ опять писалъ, въ „Вѣкѣ" (статья „О музыкѣ въ Россіи"): „Въ Россіи занимаются музыкой только любители", которые „своими операми, романсами и другими сочиненіями мѣшаютъ у насъ развитію му-

зыки"; „чувство изящнаго, если не врождено, то можетъ быть пріобрѣтено тщательнымъ изученіемъ"; „артистъ ничего не долженъ дѣлать безъ честолюбія, такъ какъ отсутствіе этого чувства есть отличительное свойство натуры посредственной, ведущее къ застою умственныхъ способностей". На основаніи всего этого и послушавшись Рубинштейна, у насъ стали основывать консерваторіи, эту музыкальную чуму Западной Европы, съ преміями, наградами и всѣмъ прочимъ, полезнымъ для чванства и честолюбія. По незнанію, намѣреніе было доброе, но вредное. Ну, и основали. Но что же хорошаго вышло изъ консерваторій? Уничтожили онѣ у насъ „дилеттантизмъ", повысили музыкальный уровень? О нѣтъ, никогда! Онѣ его не повысили, какъ не повысили нигдѣ въ Европѣ. Онѣ, согласно предсказаніямъ и предвидѣніямъ немногихъ оппонентовъ Рубинштейна въ ту минуту, только расплодили массу пѣвцовъ и піанистовъ, изрѣдка художниковъ и людей истинно-талантливыхъ, но въ большинствѣ все только посредственностей или бездарностей. Конечно, выдрессированные и выпущенные изъ консерваторій музыканты-практики обогатили собою персоналъ русскихъ оркестровъ и хоровъ, концертовъ и оперныхъ сценъ,—это лучшая сторона нашихъ консерваторій, это ихъ дѣйствительная заслуга (зачѣмъ же намъ было вѣчно оставаться въ зависимости отъ пріѣзжихъ музыкантовъ, нѣмцевъ, чеховъ и иныхъ, передавать имъ русскія тысячи рублей, когда точно такихъ исполнителей, а иногда и лучше, могла очень исправно поставлять сама Россія?). Но всѣ эти пѣвцы, солисты и хористы, всѣ эти піанисты, скрипачи, віолончелисты, трубачи, гобоисты и весь остальной музыкально-практическій людъ, не взирая на свою дѣйствительную пользу, стояли всегда въ отношеніи музыкально-интеллектуальномъ на очень низкой ступени музыкальнаго разумѣнія, ни на одну іоту не выше того, чѣмъ это было у „дилеттантовъ" раньше основанія консерваторіи. Самое худое при этомъ было то, что вся громадная масса воспитывающихся въ консерваторіи людей только и думаютъ всего чаще о томъ, какъ бы сдѣлаться „солистами", или хоть вообще исполнителями по части пѣнія или игры, да еще сдѣлаться поскорѣе, какъ можно скорѣе. До самой музыки почти всѣмъ этимъ людямъ никакого дѣла нѣтъ, она для нихъ — только дойная корова. А потому они и представляютъ себѣ все музыкальное дѣло подъ видомъ полезнаго для нихъ „пѣнія" и „игры". Все остальное — идетъ только на придачу, въ родѣ лишь гарнира и соуса. Точно такія же понятія давно уже, конечно, существовали у самой публики: она вѣдь всегда ходитъ въ театръ и концерты для того только,

чтобъ слышать „голосъ“, слышать пѣвца и пѣвицу, слышать піаниста, скрипача, восторгаться у нихъ до слезъ, до истерики именно всѣмъ тѣмъ, что у нихъ есть самаго плохого и фальшиваго, преувеличеннаго или безвкуснаго, всѣмъ ихъ „виртуозничаньемъ“, всѣми ихъ „бравурностями“ или фальшивыми граціями и нѣжностями, причемъ все настоящее, талантливое, глубокое и поэтическое, когда оно у нихъ есть на лицо, почти всегда пропускается мимо ушей. Такъ было у насъ уже давно. Но исправила ли что-нибудь въ этомъ консерваторія? Ни единой черточки! Въ ея нѣмецкихъ, рутинныхъ стѣнахъ никогда никто не возставалъ противъ музыкально-виртуозной чумы и заразы. Напротивъ, всѣ наставники и преподаватели постоянно ее поощряли, потому что она входила въ программу, въ главную задачу, въ коренной образъ мыслей и дѣйствій консерваторій.

Одинъ изъ геніальнѣйшихъ музыкантовъ нашего вѣка, Шуманъ, въ своихъ чудесныхъ „Домашнихъ и жизненныхъ правилахъ для музыканта“ еще въ 40-хъ годахъ высказалъ все то, что всякій музыкантъ и художникъ желаетъ и чего ждетъ отъ каждаго человѣка, намѣреннаго хоть сколько-нибудь серьезно заниматься музыкой. „Ты музыкаленъ,—говоритъ онъ,—когда музыка сидитъ у тебя не только въ однихъ пальцахъ, но въ головѣ и сердцѣ. Но ты не достигнешь образованія и развитія этого качества (если оно тебѣ дано природой), когда запрешься въ уединеніи и цѣлые дни станешь предаваться однимъ только механическимъ упражненіямъ, но достигнешь, если будешь находиться въ живой, многосторонне-образованной музыкальной сферѣ... Высоко почитай старое талантливое, но сохрани также горячее сердце для новаго. Не имѣй предразсудковъ противъ неизвѣстныхъ тебѣ именъ... Мелодія—лозунгъ дилеттантовъ. Безъ сомнѣнія, музыка безъ мелодіи не есть музыка. Но пойми хорошенько, что они разумѣютъ подъ мелодіей. Для нихъ только та мелодія и есть мелодія, въ которой заключается легкость схватыванія и „пріятность“ ритма. Но есть мелодіи совершенно другого свойства, и когда ты развернешь великихъ сочинителей, онѣ явятся тебѣ въ тысячѣ различныхъ видовъ: конечно, ты скоро устанешь отъ бѣднаго однообразія новыхъ итальянскихъ мелодій... Сластями, пряностями и конфектами нельзя выростить изъ дѣтей—здоровыхъ людей. Подобно тѣлесной пищѣ, духовная пища также должна быть проста и питательна. Великіе художники позаботились о ней: держись ея... Ты не долженъ распространять дурныхъ сочиненій; напротивъ, ты долженъ помогать всѣми силами задавить ихъ... Никогда не ищи достигнуть въ механизмѣ такъ называемой

бравурности. Старайся произвести, при исполненіи сочиненія, то впечатлѣніе, которое имѣлъ въ виду композиторъ... Одобреніе, котораго часто достигаютъ такъ называемые великіе виртуозы, не должно сбивать тебя съ толку. Пусть одобреніе истинныхъ художниковъ будетъ для тебя дороже, чѣмъ одобреніе толпы...".

Ни даже тѣни чего-нибудь подобнаго никогда не принималось въ разсчетъ и не выполнялось въ нашихъ консерваторіяхъ, какъ и во всѣхъ вообще консерваторіяхъ. Эти заведенія, по преимуществу заняты высиживаніемъ и выпусканіемъ на свѣтъ ремесленниковъ. Здѣсь понятія никогда не бывали выше понятій толпы; напротивъ, они бывали всегда совершенно одинаковы, точка въ точку тождественны съ ними, направляются къ тѣмъ же самымъ цѣлямъ, и ничего болѣе. Наши консерваторіи, будучи скроены по образу и подобію нѣмецкихъ консерваторій, полны безпредѣльнаго низкопочитанія всего вообще стараго въ музыкѣ, пріобрѣвшаго, часто Богъ знаетъ почему, титулъ „классическаго", и здѣсь уже не позволяется никакое разбирательство собственнымъ умомъ, что̀ именно велико, что̀ только хорошо, что̀ дурно, что̀ посредственно, что̀ низко и ничтожно. Все сплошь признается великимъ, превосходнымъ и должно всѣмъ въ консерваторіи равно казаться именно такимъ во вѣки вѣковъ. Но рядомъ съ охраненіемъ всего „классическаго" идетъ не только полнѣйшая терпимость, но полнѣйшее боготвореніе и пропагандированіе всего ничтожнаго, гнилого или пошлаго, что сдѣлано итальянской музыкой, этой создательницей убогихъ музыкальныхъ „сластей, пряниковъ и конфектъ", о которыхъ говоритъ Шуманъ. Люби „классиковъ", — это главная задача каждой доброй консерваторіи, но люби тоже и „итальянцевъ" — вотъ это называется безпристрастіемъ, даже больше того — истинной дорогой, единственнымъ путемъ для настоящаго музыкальнаго воспитанія. Тѣ возвышаютъ душу и умъ, а эти—сердце. И чѣмъ же именно? Вовсе не тѣми хорошими, талантливыми сторонами, которыя присутствуютъ въ сочиненіяхъ старыхъ сочинителей, а только ихъ старой формалистикой, ихъ бездушной и сухой, теперь уже болѣе никому не пригодной, а эти—формалистикой новой, концертной и условно-виртуозной, по всеобщему убѣжденію прекрасной и развивающей „высокую технику". Послѣ всѣхъ классовъ, гдѣ прилежно вдавливается въ голову наука виртуозности, бравурности, культъ „мелодіи", обязательнаго старовѣрства и безразличнаго отношенія къ чему ни попало, виднѣется впереди, какъ путеводная звѣзда, какъ свѣтлый великій горизонтъ — поѣздка по итальянскимъ консерваторіямъ, по итальянскимъ импрессаріямъ и сценамъ, концертное кочеванье

по заламъ Европы, исканіе милостей публики, угожденіе всѣмъ ея печальнымъ вкусамъ, — и вотъ вамъ вся цѣль музыкальнаго „образованія“, добываемаго цѣною такого труда и усилій, цѣною такихъ жертвъ. Гдѣ тутъ разсуждать, гдѣ тутъ взвѣшивать, гдѣ тутъ разбирать хорошее отъ дурного, гдѣ тутъ думать объ образованіи своей головы, понятія, когда все это не нужно, когда именно все негодное, безвкусное и анти-музыкальное—выгодно, приноситъ немедленный барышъ, да притомъ же приходится какъ нельзя болѣе по вкусамъ и понятіямъ всѣхъ музыкальныхъ ремесленниковъ?

О самостоятельномъ національно-русскомъ направленіи въ нашихъ консерваторіяхъ никто отроду и не задумывался. У насъ ужъ давнымъ давно народилась своя собственная школа, у насъ давно ужъ есть свои собственные великіе создатели музыки; они учатъ совсѣмъ другому, чѣмъ нѣмецкіе консерваторскіе рутинеры и итальянскіе пѣвческіе и оперные „практики“; они, никогда не читавши афоризмовъ Шумана, однако же исповѣдывали музыкальный символъ вѣры, одинаковый съ его символомъ вѣры, относительно того, что̀ хорошо и что̀ дурно въ музыкѣ, чего въ ней надо искать и что ненавидѣть и преслѣдовать—но этого въ нашихъ консерваторіяхъ никто не знаетъ, да еслибъ и зналъ, то пожималъ бы только плечами. Очень важно имъ знать, что такое именно думали и говорили какой-нибудь Глинка и Даргомыжскій! Вотъ важныя птицы! Одинъ изъ нихъ, Глинка, говорилъ, что просто „ненавидѣлъ модную итальянскую музыку“, за ея фальшь, условность, антимузыкальность; исполненіе итальянскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ находилъ ненатуральнымъ, ложнымъ, искусственнымъ, а иногда даже „нелѣпымъ, изысканнымъ, преувеличеннымъ“, и это у самыхъ величайшихъ итальянскихъ знаменитостей, такихъ какъ Рубини и ему подобные; тотъ же Глинка осмѣливался думать самостоятельно, и иной разъ не признавать великимъ то, что̀ признается „классическимъ“ (напримѣръ, Донъ-Жуана Моцарта или многое во Фрейшюцѣ и т. д.), или наоборотъ, признавалъ наивысшимъ то, что̀ всѣ кругомъ не любили, или ненавидѣли (напримѣръ, сочиненія Берліоза); онъ же рѣшался не признавать великихъ достоинствъ консерваторской схоластической науки, доводимой до геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, сухости и ненужности. Другой, Даргомыжскій, точно также не вѣрилъ слѣпо, во всѣ классическіе авторитеты и кумиры Европы, и разбиралъ ихъ собственнымъ умомъ и понятіемъ, ненавидѣлъ и презиралъ „итальянщину“ не менѣе Глинки, смотрѣлъ съ антипатіей на „вычуры (въ пѣніи) итальянской, крики французской и манер-

ность нѣмецкой школы", и признавалъ вездѣ, во всемъ и у всѣхъ только то высокимъ и истиннымъ, чтó дѣйствительно было музыкально, просто, естественно и правдиво. Наслѣдовавшая у насъ мѣсто Глинки и Даргомыжскаго новая русская школа наслѣдовала всѣ ихъ принципы, всѣ ихъ симпатіи и антипатіи, весь ихъ образъ мыслей, и повела дѣло еще далѣе. Еще бы консерваторіи обращать вниманіе на всѣ подобныя глупости! Она тщательно ихъ игнорировала, тщательно игнорируя напередъ всѣ эти „полу-дилеттантскія", „не вполнѣ удачныя" сочиненія такихъ людей, конечно, ничуть не обязательныя для Европы, для настоящаго искусства!

Какъ смотрѣла консерваторія на самостоятельную мысль новыхъ русскихъ музыкантовъ, при оцѣнкѣ ими другихъ и при ихъ собственномъ художественномъ творчествѣ, это мы можемъ хорошо узнать изъ статей одного изъ самыхъ основательныхъ глашатаевъ консерваторскихъ взглядовъ, бывшаго воспитанника консерваторіи, г. Лароша. Онъ даже и Глинку преимущественно оцѣнивалъ со стороны того, чтó сближало его (по понятіямъ г. Лароша) съ Европой и школьной музыкальной схоластикой. „Изящная классическая законченность Глинки, пожалуй, удивительнѣе его феноменальнаго таланта,—говорилъ онъ.—Изъ того, что онъ, учась, нахваталъ урывками въ Италіи и Германіи (!?), у него сложился тотъ безукоризненно-изящный, кристаллически-ясный стиль, который сдѣлалъ его русскимъ Моцартомъ"... Что касается другихъ русскихъ композиторовъ, то г. Ларошъ, совершенно во вкусѣ своего учителя, А. Г. Рубинштейна, совершенно по консерваторскимъ понятіямъ, признавалъ ихъ только—дилеттантами. „Русскій музыкантъ—прежде всего баринъ,—проповѣдывалъ г. Ларошъ,—не потому, чтобъ въ немъ текла дворянская кровь, а потому, что между нимъ и его занятіемъ связь случайная: онъ „удостоиваетъ" музыку своего вниманія. Музыка его не кормитъ, или кормитъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ: онъ обладатель имѣній, чиновникъ или профессоръ... Бойцы дилеттантизма руководились вѣрнымъ чутьемъ, когда они, при учрежденіи петербургской консерваторіи встрѣтили ее ожесточенной бранью: они чувствовали, что золотой вѣкъ барской забавы прошелъ, и что если дать жить этой, только-что возникавшей, школѣ, то ея ученики съ меньшимъ ломаньемъ сдѣлаютъ больше, чѣмъ всѣ дилеттанты... Подъ вліяніемъ времени, и особливо благодаря Глинкѣ, сформировался особенный, облагороженный типъ россійскаго музыканта изъ баръ, типъ, повидимому, высоко цивилизованный, свободный отъ предразсудковъ, и болѣе современный, чѣмъ сама современность...

Типъ облагороженнаго дилеттанта гораздо яснѣе, чѣмъ въ Сѣровѣ, выступаетъ въ Даргомыжскомъ. Въ долгій періодъ, предшествовавшій „Русалкѣ“, Даргомыжскій стоялъ на уровнѣ дилеттанта необлагороженнаго, въ родѣ Варламова. Лишь поздно проснулось въ немъ нѣчто похожее (!) на музыку высшаго полета, и когда это случилось, онъ сталъ подъ вліяніе людей, болѣе его молодыхъ, болѣе его знакомыхъ съ новѣйшею западною музыкой, несомнѣнно талантливыхъ, но по образованію такихъ же дилеттантовъ, какъ онъ самъ. Это были гг. Кюи и Балакиревъ...“ („Голосъ“, 1874, № 9). Вотъ мнѣніе консерваторіи во всей своей красотѣ, глубинѣ и премудрости! Пускай русскіе музыканты талантливы, или, пожалуй, даже, геніальны: все-таки они не что иное, какъ—дилеттанты. Ничего подобнаго консерваторіямъ и ихъ достойнымъ птенцамъ, Ларошамъ, никогда не взбредетъ въ голову не только сказать, но даже подумать про всѣ тѣ сотни, тысячи ординарнѣйшихъ посредственностей и бездарностей, которыми, рядомъ съ величайшими музыкальными геніями и талантами Запада, кишитъ европейскій музыкальный рынокъ. Боже сохрани! Тѣ—настоящіе, тѣ—въ самомъ дѣлѣ музыканты, тѣ—дѣлаютъ настоящее дѣло, а вы, дескать, всѣ тамъ, въ Россіи, жалкіе дилеттанты, и больше ничего. При этомъ, то, что̀ въ каждомъ дѣлѣ обыкновенно считается порокомъ, убылью, вредомъ, возносится здѣсь на высоту совершенства и благополучія. „Только съ учрежденіемъ консерваторіи,—говоритъ г. Ларошъ,—появляется въ Россіи музыкальный цехъ, и на этомъ цехѣ вся надежда. Не потому надежда, чтобы тамъ были замѣчательные художники—насчетъ этого мнѣнія раздѣлены, но потому, что цехъ, каковъ бы онъ ни былъ, имѣетъ твердо установленную цѣль, цѣль серьезную и практическую, что онъ принужденъ бороться, терпѣть стѣсненія и невзгоды, что въ немъ образуются, наконецъ, преданія, правила и авторитеты...“ („Голосъ“, 1874, № 9). Цехъ, традиція, преданіе, что же это все, какъ не самый солидный консерватизмъ, самое твердое желаніе запереть человѣка на замо̀къ, потушить его самодѣятельность, разсудокъ, мысль, саморазвитіе—и превратить его въ раба, послушную и безпрекословную машину? Но г. Ларошъ, вмѣстѣ со своей дорогой кормилицей, это-то и находитъ прелестнымъ.

Однако же, даже и „цехъ“ не вполнѣ удовлетворялъ г. Ларошa. „Школа въ наши дни переживаетъ,—горько плакался онъ,—періодъ, гдѣ самыя незыблемыя преданія ея становятся спорными пунктами. Значительная часть музыкальныхъ педагоговъ совершенно оставляютъ преподаваніе „строгаго контрапункта“ и огра-

ничивают упражненія учениковъ стилемъ новѣйшаго, послѣ-Баховскаго времени. Руководствуясь тѣмъ „реальнымъ" воззрѣніемъ на школу, которое отказывается понять, для чего учать въ школѣ такимъ вещамъ, какихъ по выходѣ изъ нея вовсе и не приходится дѣлать (NB), эти педагоги стараются какъ можно скорѣе ввести ученика въ обладаніе всѣмъ аппаратомъ новѣйшей композиціи..." („Русскій Вѣстникъ", 1869, іюль: „Мысли о музыкальномъ преподаваніи въ Россіи"). При этомъ случаѣ г. Ларошъ увѣрялъ, что „преподаваніе въ школѣ такимъ вещамъ, какихъ по выходѣ изъ нея вовсе не приходится дѣлать", есть тоже, что гимнастика, которая укрѣпляетъ мышцы, и научаетъ, по мѣрѣ успѣховъ, все лучше и лучше скрывать голое техническое усиліе подъ граціею и прелестью. Да, но г. Ларошъ забывалъ, что тѣ люди, которые только и дѣлаютъ что гимнастику, „цеховые гимнасты", тѣ, что злоупотребляютъ ея излишествами, ея „строгими контрапунктами", именно и бываютъ всегда самыми сухими, деревянными и неуклюжими по наружности своей людьми, которые, внѣ гимнастической своей залы, не умѣютъ ступить двухъ шаговъ просто, по человѣчески, неспособны сдѣлать ни одного движенія рукой, ногой, тѣломъ, которое не было бы машинно и палкообразно. Такъ и въ музыкѣ. Это хорошо сознавалъ Глинка, когда говорилъ: „Вообще, мнѣ не суждено было учиться у строгихъ контрапунктистовъ. Какъ знать! Можетъ быть, оно и лучше. Строгій нѣмецкій контрапунктъ не всегда полезенъ пылкой фантазіи... Въ Миланѣ, Базили замучилъ меня разными контрапунктическими хитростями; но моя пылкая фантазія не могла подчинить себя такимъ сухимъ не-поэтическимъ трудамъ; я недолго занимался съ Базили и вскорѣ отказался отъ его уроковъ" (Записки).

Съ другой стороны, къ чему приводитъ идолопоклонство передъ схоластическими „строгими контрапунктами" человѣческую мысль и пониманіе, можно видѣть на томъ же г. Ларошѣ, когда онъ старается насъ увѣрить, что „въ мелодіи, контрапунктѣ, ритмѣ и композиціи, съ 20-хъ годовъ нашего столѣтія не только не видно успѣха, но замѣтно несомнѣнное и сильное паденіе..." („Русскій Вѣстн.", 1869, іюль). Францъ Шубертъ, Берліозъ, Мейерберъ, Листъ, Шуманъ, Шопенъ, Глинка, Даргомыжскій—вставайте, кланяйтесь и благодарите! Вы всѣ доказываете сильное паденіе мелодіи, контрапункта, ритма и композиціи! Вамъ, и всѣмъ вашимъ наслѣдникамъ слѣдовало воротиться за 300 лѣтъ назадъ, ко временамъ Жоскиновъ, Гудимелей, Климентовъ, Вилаэртовъ и всѣхъ остальныхъ стариковъ, которыхъ ничей болѣе желудокъ не въ состояніи нынче варить: въ нихъ

то настоящая музыка и сидитъ, по консерваторнымъ понятіямъ, „въ идеальности и цѣльности настроенія ни одинъ изъ стилей позднѣйшихъ временъ не можетъ сравниться съ тѣмъ стилемъ. То время, когда въ музыкальной техникѣ было всего менѣе уклоненія отъ общаго закона, всего менѣе исключеній и особенностей, совпадаетъ съ эпохой, когда во внутреннемъ содержаніи музыки было всего менѣе борьбы, страданія и болѣзненности...“ (тамъ-же). Такъ вотъ какъ: въ музыкѣ надо желать болѣе всего соблюденія „общаго закона“, исключенія и особенности, элементъ болѣзненности, борьбы, страданія, страстности — все вещи зловредныя! Положимъ, что г. Ларошъ есть человѣкъ уже совершенно крайній, изъ консерватористовъ консерватористъ, изъ консерваторовъ консерваторъ, и не всѣ его товарищи могли раздѣлять его фанатизмъ къ музыкальной старообрядчинѣ; однако, скиньте хоть 50%, и все-таки останется на ихъ долю еще достаточно мрака и болота.

Итакъ, итальянская разслабленная золотуха и насморкъ — съ одной стороны, старовѣрская упрямая констипація — съ другой стороны, вотъ главное настроеніе стремленій, мыслей и понятій консерваторскихъ. Много ли все это могло приносить для просвѣтленія и развитія тѣхъ, кто подпадалъ надолго и беззащитно подъ эту формулу, да еще особенно, когда не носилъ въ себѣ достаточныхъ элементовъ для размышленія и самодѣятельности?

В. Стасовъ.

ЖИЗНЬ ЗА ЖИЗНЬ

РАЗСКАЗЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Май былъ въ полномъ блескѣ. Въ саду хорошенькой небольшой виллы около Ниццы собралось цѣлое общество. Центръ группы составляла женщина лѣтъ около тридцати, полулежавшая на низенькой кушеткѣ и бережно закутанная плэдами.

День былъ прекрасный, свѣтлый, яркій. Цвѣта моря, неба и окружающей зелени ласкали глазъ и разливали въ душѣ покой и отраду.

Группа, собравшаяся въ саду виллы, состояла преимущественно изъ русскихъ. Молодая женщина, прикрытая плэдами, была Вѣра Андреевна Веприна. Она только-что оправилась отъ опасной болѣзни, отъ воспаленія легкихъ, которая приковала ее въ Парижѣ къ постели мѣсяца на два, и чуть не свела въ преждевременную могилу. Много тяжелыхъ дней пришлось ей пережить, мучаясь мыслью, что роковой часъ уже близокъ и что она должна покинуть на вѣки мужа и дѣтей. За то теперь, какимъ счастьемъ сіяли ея глаза, блуждая отъ одной дорогой головки къ другой! Старшій сынъ ея, Саша, мальчикъ лѣтъ десяти, помѣстился на табуреткѣ около ея изголовья и съ авторитетомъ взрослаго человѣка не позволялъ мамѣ дѣлать неосторожностей, громко говорить, раскрываться. По другую ея сторону двѣ дѣвочки разрисовывали картинки еще болѣе яркими красками, чѣмъ тѣ, ко-

торыя окружали ихъ. Русые волосы ихъ разсыпались пышными волнами на свѣтлыхъ платьяхъ. Здоровыя, счастливыя личики дышали беззаботнымъ дѣтскимъ счастьемъ. Послѣдній ребенокъ ея, трехлѣтній мальчуганъ, пріютился въ уголку около ручки кушетки. Все вниманіе его было сосредоточено на пестромъ мячикѣ, сдѣланномъ изъ разноцвѣтныхъ шелковъ, который онъ съ величайшей осторожностью, систематически старался растрепать. Остриженный въ скобку, съ висящими по бокамъ свѣтлыми длинными кудрями, съ нѣжными чертами лица, одѣтый въ англійскаго покроя платьице съ большимъ воротникомъ, онъ былъ точно снимокъ съ картины Поль-де-Лароша, изображающей несчастныхъ дѣтей Эдуарда IV, задушенныхъ въ лондонской башнѣ по приказанію кровожаднаго Ричарда III.

Вѣра Андреевна радовалась жить, радовалась, что недавно еще потухавшіе глаза ея снова видятъ и небо, и море, и даль, и прелестныя лица дѣтей, и еще другой образъ, который въ жару и бреду горячки она всегда искала глазами и всегда находила. Вотъ и теперь онъ медленно двигался взадъ и впередъ по аллеѣ, доходя до самаго моря. Черный силуэтъ его то рѣзко выступалъ на яркомъ фонѣ прозрачнаго воздуха, то стушевывался и сливался съ темной зеленью кустовъ.

Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, Вѣра Андреевна вышла замужъ за Петра Николаевича Веприна по любви. Все въ немъ нравилось ей—и пылкій темпераментъ, и впечатлительность его быстраго ума. Онъ на лету схватывалъ мысль и разбиралъ ее обширно и разносторонне. Въ выводахъ своихъ онъ часто заходилъ далеко, и упорно, съ глубокимъ убѣжденіемъ отстаивалъ истину своихъ положеній. Къ сожалѣнію, излишній пылъ въ Петрѣ Николаевичѣ, который иные называли крайностями, другіе просто съумасбродствомъ, навлекъ ему много непріятностей и поставилъ его въ несовсѣмъ дружелюбныя отношенія къ его менѣе пылкой роднѣ. Возникли недоразумѣнія, почти ссоры. Родные упрекали его въ неугомонности, въ оригинальничаньѣ, въ томъ, что языкомъ своимъ онъ не только убиваетъ самому себѣ всякую разумную будущность, но и имъ дѣлаетъ очень серьезный вредъ.

Постоянныя, мелкія препирательства, наконецъ, очень надоѣли Петру Николаевичу, и онъ рѣшилъ исключительно предаться прелестямъ любви, уѣхавъ съ Вѣрой Андреевной на годикъ подъ небо какой-нибудь южной страны.

Матеріальныя условія Петра Николаевича были благопріятны: и онъ самъ, и Вѣра Андреевна оба имѣли хорошее состояніе, за

которымъ взялась присматривать родная тетка Вѣры Андреевны и обѣщалась дѣйствовать согласно съ интересами молодой четы.

— Увѣряю васъ, Пьеръ,—говорила она,—что, уѣзжая, вы поступаете очень благоразумно, и я могу только желать, чтобы ваша поѣздка въ чужіе края, знакомство съ иными странами и иными людьми охладила немножко вашу пылкую голову.

Петръ Николаевичъ улыбнулся. Блуждая, глаза его остановились на кузинѣ Вѣры Андреевны — Аннѣ. Она сидѣла у окна спиной къ свѣту. Вѣчно-дрожавшіе глаза ея трепетали на улыбающемся лицѣ Петра Николаевича. Низкій лобъ, перерѣзанный поперегъ глубокой складкой, угрюмо хмурился. Ротъ съ бѣлыми, но сильно выдающимися впередъ зубами, слагался въ страдальческую усмѣшку.

— Это самый лучшій исходъ изъ семейныхъ препирательствъ,—настаивала, между тѣмъ, ея мать;—вы немножко озлобили всѣхъ насъ,—пошутила она,—дайте же намъ отдохнуть отъ себя.

Петръ Николаевичъ нагнулся и поцѣловалъ руку тетки.

— Вы правы,—сказалъ онъ,—мнѣ лучше уѣхать; это примиритъ интересы всѣхъ.

— Ну, пай, пай,—сказала Катерина Ивановна и погладила Петра Николаевича по головкѣ, какъ маленькаго:—подите теперь, приготовляйтесь въ путь. Я должна выѣхать, но вечеромъ буду у васъ. Пока же прощайте.

Катерина Ивановна вышла, а Анна быстро встала и подошла къ Петру Николаевичу.

— Вы уѣзжаете?—нервно спросила она.

— Кажется, вы были здѣсь и слышали нашъ разговоръ,—отвѣтилъ онъ.

— Значитъ, мы никогда больше не увидимся!

— Почему же!

— Когда вы поживете за-границей, вы не захотите вернуться...

— Можетъ быть.

— Или вы надѣлаете глупостей...

— Будто ужъ я такой забубенный!—пошутилъ онъ.

— Да, вы забубенный... лихой... лихой человѣкъ... губитель...

Она задыхалась и нервно перебирала складки платья.

— Ой полно, мечтательная кузиночка, — небрежно сказалъ Петръ Николаевичъ:—кого же я погубилъ?

— Меня,—словно отрубила она глухимъ контральто и впилась въ него своими дрожащими глазами.

Еслибы Петра Николаевича ударили обухомъ по лбу, то онъ

не былъ бы болѣе ошеломленъ. Глупо-изумленными глазами глядѣлъ онъ на кузину жены. Она была еще почти ребенокъ, лѣтъ шестнадцати не больше, и ребенокъ, не особенно привлекательный лицомъ и совсѣмъ некрасивый сложеньемъ.

— А-а, это для васъ новость! — запальчиво воскликнула Анна:—вы этого не замѣчали! Конечно, я такой червякъ въ сравненіи съ Вѣрой, съ прекрасной, бѣлолицей, черноокой, золотокудрой Вѣрой, что меня только и стоитъ что раздавить!

— Позвольте, кузина... позвольте, Анна Игнатьевна, но вѣдь Вѣра моя жена... и у васъ, кажется, есть женихъ; вы, какъ я слышалъ, выходите замужъ?

— Ну да, выхожу!—раздраженно воскликнула Анна, — выхожу на дняхъ, только-что вы повернете спину... Потому и выхожу, что вы уѣзжаете и что женихъ мой—вашъ другъ.

— Извините,—развязно расшаркиваясь, сказалъ Петръ Николаевичъ:—я рѣшительно ничего тутъ не понимаю...

— Ну и убирайтесь!—нетерпѣливо прозвучалъ рѣзкій голосъ:—не понимаете—такъ и убирайтесь!

Петръ Николаевичъ поклонился на ходу и ушелъ. До него долетѣлъ стонъ—душу раздирающій, пронзительный, отъ котораго мурашки пробѣжали по его тѣлу, но онъ не вернулся, а поспѣшно сбѣжалъ съ лѣстницы.

— „Уродецъ!"—съ внутреннимъ бѣшенствомъ обозвалъ онъ кузину.

Съ того времени прошло болѣе десяти лѣтъ. Десять вполнѣ счастливыхъ лѣтъ для Веприныхъ. Взаимная привязанность ихъ ни разу не надрывалась и не охладѣвала.

Пріѣхавъ за-границу, Петръ Николаевичъ, со всѣмъ увлеченіемъ своей живой натуры, бросился въ интеллигентную жизнь столицы міра, т.-е. Парижа. Тетушка Катерина Ивановна сдержала свое слово, и съ помощью матери Вѣры Андреевны, прекрасно устроила матеріальные интересы Петра Николаевича и его жены. Они не только ни въ чемъ не нуждались, но поселились роскошно, и каждаго новаго члена семьи принимали съ новой любовью.

Внѣшняя жизнь Петра Николаевича тоже сложилась совершенно согласно съ его вкусами и наклонностями. Дѣятельность его была чисто мыслительная. Странствовать въ мірѣ отвлеченныхъ идей, взвѣшивать ихъ истину, примѣняя ее къ фактамъ реальной жизни, ставить принципы, создавать теоріи, хотя бы онѣ иногда и рушились, забѣгать впередъ въ гипотезахъ, основы-

ваясь на примѣрахъ уже пережитого въ исторіи человѣчества, дѣлиться выводами съ окружающими, и потомъ, наединѣ, запершись въ своемъ кабинетѣ, закрѣпить на бумагѣ все передуманное и перечувствованное, и прочесть это той женщинѣ, которая сосредоточивала на себѣ всѣ его помыслы, заботы и ласки—вотъ жизнь, которая вполнѣ удовлетворяла Веприна.

Къ тому же Парижъ его замѣтилъ, а потомъ и мыслящая Европа выдвинула на видъ плоды его трудовъ. Въ интеллигентномъ мірѣ онъ сталъ звѣздой первой величины. Въ салонѣ его уютнаго hôtel'я часто стекались его иноземные друзья. И если Петръ Николаевичъ былъ головой того всесторонняго кружка, который запросто собирался у него, то Вѣра Андреевна была его душою. Она умѣла сказать каждому подходящее слово и часто привлекала даже одною ласковостью своего голоса. Вполнѣ примыкая ко взглядамъ Петра Николаевича, она умѣла сгладить, что въ нихъ было слишкомъ рѣзкаго, и придать имъ привлекательную форму. Иностранные друзья ихъ, изъ году въ годъ, съ удовольствіемъ проводили цѣлые часы въ ихъ домѣ, и въ одинъ голосъ рѣшили, что Петръ Николаевичъ и Вѣра Андреевна представляютъ рѣдкій примѣръ супружескаго счастія.

На исходѣ десятаго года ихъ жизни за границей, съ Вѣрой Андреевной и случилась опасная болѣзнь. Петръ Николаевичъ никому не довѣрялъ ходить за ней, и спасъ ея жизнь столько же хорошимъ уходомъ, сколько доктора спасли ее лекарствами. Но сильное воспаленье легкихъ все же оставило неблагопріятные слѣды на нѣжномъ организмѣ Вѣры Андреевны. Она поправлялась плохо. Блѣдность ея лица была какая-то прозрачная; большіе глаза то лихорадочно разгорались, то выражали утомленіе. Силы были въ полномъ упадкѣ. Малѣйшее волненіе вызывало усталость, доходившую почти до обморока. Доктора совѣтовали большую осторожность, а главное, настаивали на хорошемъ климатѣ и на полнѣйшемъ покоѣ. Петръ Николаевичъ поѣхалъ въ Ниццу и нанялъ ту виллу, въ которой мы ихъ и застали.

Вѣра Андреевна была еще на положеніи инвалида. Все дѣлалось ей въ угоду. Только одно пріятное доводилось до ея свѣденья; все же непріятное, дрязги по хозяйству, капризы дѣтей, дурныя извѣстія тщательно скрывались отъ нея. Въ этомъ Петру Николаевичу помогала мать Вѣры Андреевны, Александра Ивановна Альбова, которая постоянно жила съ ними. Она и теперь сидѣла тутъ же, не далеко отъ дочери.

Александра Ивановна была видная, красивая женщина лѣтъ пятидесяти, гордо носящая свои сѣдины. Теперь она приготовля-

лась угостить интимный кружокъ разными, какъ русскими, такъ и иностранными яствами.

— Готово,—сказала она, окинувъ столъ бѣглымъ взглядомъ,—дѣти, зовите гостей и сами садитесь къ столу.

Дѣвочки бросились въ разныя стороны сада, и скоро изъ аллей появились спорящія пары. Гости на этотъ разъ ограничивались мужчинами и было ихъ человѣкъ пять. Интимность знакомства позволяла продолжать споры все съ той же горячностью.

Самымъ близкимъ сосѣдомъ Вѣры Андреевны былъ выдающійся австрійскій романистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ выдающійся красавецъ, Генрихъ Штейнъ. Хотя черты его лица не отличались особенной правильностью, за то выраженье ихъ было и нѣжное, и могущественное, и чарующее. Волосы его, на первый взглядъ темные, огнемъ отливали въ свѣту. Глаза, на первый взглядъ голубые, казались то черными, то цвѣта морской воды. Смѣхъ его изъ добродушно-беззаботнаго вдругъ переходилъ въ язвительный, причемъ его губы какъ-то уходили во внутрь и ротъ казался злымъ и жестокимъ.

Веприны были знакомы со Штейномъ уже около трехъ лѣтъ, и Вѣра Андреевна въ шутку называла его хамелеономъ. Хамелеонъ, однако, въ одномъ былъ неизмѣненъ—въ своемъ восторженномъ поклоненіи Вѣрѣ Андреевнѣ. Въ эти три года ихъ знакомства, онъ написалъ романъ, который посвятилъ ей; взялъ съ нея героиню своей послѣдней повѣсти, въ которой безмолвный поклонникъ долгихъ лѣтъ добивается, наконецъ, счастья быть любимымъ. Особенно трогателенъ по своей простотѣ былъ конецъ, изображавшій душевный восторгъ этого идеальнаго вздыхателя. Искренность его чувства была описана тонкими, изящными штрихами. Даже цѣпкіе концы перьевъ рецензентовъ не могли ни за что уцѣпиться, и критика въ унисонъ похвалила романиста. Одинъ только Петръ Николаевичъ не похвалилъ его. Онъ постоянно былъ въ разногласіи со Штейномъ, и теперь называлъ восторгъ его героя „телячьимъ“ и не имѣющимъ реальной почвы.

— Глубокія привязанности,—ораторствовалъ Петръ Николаевичъ,—созидаются годами, взаимнымъ пониманьемъ, единствомъ интересовъ...

— Вы такъ думаете?—съ усмѣшкой поддразнивалъ Штейнъ.

— Да-съ. Онѣ закрѣпляются семьей; вотъ этими маленькими созданьями, этими будущими мыслителями и философами en herbe, которые сидятъ теперь передъ вами.

— Позвольте, Петръ Николаевичъ,—перебилъ его довольно

густой голосъ, выходившій изъ русской гортани, на ломаномъ нѣмецкомъ языкѣ,—теперь воззрѣнья ваши едвали не устарѣли...

Петръ Николаевичъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на собесѣдника. Ему, по его мнѣнію, идущему съ вѣкомъ, въ первый разъ приходилось слышать, что воззрѣнія его устарѣли. Онъ кинулъ еще одинъ взглядъ на собесѣдника — ихъ раздѣляло, по крайней мѣрѣ, пятнадцать лѣтъ. Что-то рѣзнуло Петра Николаевича по сердцу—въ первый разъ ему пришло въ голову, что теперь, можетъ быть, все чаще и чаще будутъ находить, что онъ старѣется.

— Повѣдайте же намъ ваши новые взгляды, — сказалъ онъ не безъ яда.

— Извольте; хотя это собственно уже всѣмъ извѣстно. Люди сходятся случайно, по взаимному влеченью. Любовь длится или проходитъ, смотря по обстоятельствамъ. Если люди глупы—то они сидятъ другъ у друга на шеѣ и мучаютъ другъ друга. Если они умнѣе—они расходятся, и опять находятъ и любовь, и счастье.

— А дѣти?—спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Дѣтей куда-нибудь пристраиваютъ, тоже смотря по обстоятельствамъ. Развѣ для дѣтей нравственно полезнѣе, когда разлюбившіе остаются жить подъ однимъ кровомъ? Развѣ они не замѣчаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ нравственный поединокъ?..

Тутъ между сидящими за столомъ завязался не поединокъ, а безконечный и ярый словесный турниръ, и только глубокія сумерки, въ которыхъ бѣлѣло утомленное лицо Вѣры Андреевны, прервали спорящихъ.

Петръ Николаевичъ нагнулся надъ женой и помогъ ей встать. Она обвилась своими тонкими руками около его шеи и въ глазахъ ея блеснула слеза.

— Мы устарѣли, но устарѣли вмѣстѣ,—сказалъ онъ и прижалъ ее къ груди.

Петръ Николавичъ бережно отнесъ жену въ спальню и оставилъ ее на попеченіе матери. Александра Ивановна уложила ее въ постель.

— Однако, ты еще слаба, Вѣра, это тебя глупый разговоръ такъ разстроилъ. Усни, милая моя, я скажу Петру Николаевичу, чтобы онъ пришелъ съ тобой проститься.

Тѣмъ временемъ Петръ Николаевичъ распечаталъ нѣсколько полученныхъ писемъ, которыя въ пылу споровъ онъ машинально сунулъ въ карманъ и теперь нашелъ.

— Вообрази, Вѣра, отъ кого я получилъ письмо!—воскликнулъ онъ, входя,—угадай!

Вѣра Андреевна назвала нѣсколько именъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Отъ этой фатальной Анны!

— Отъ кузины! послѣ такого долгаго молчанья. Что же она пишетъ?

— Хочетъ пріѣхать... прочти...

— На что ей пріѣзжать? — нервно заговорила Вѣра Андреевна:—отвѣть ей, что нельзя, что я еще совсѣмъ нездорова...

— Она именно по этой-то причинѣ и хочетъ пріѣхать.

— Откуда вдругъ явилась такая нѣжность!—она никогда не любила меня.

— А вотъ послушай,—и Петръ Николаевичъ сталъ читать: „Въ эти десять лѣтъ я много перестрадала, передумала и теперь подвела итоги: съ мужемъ я была очень несчастна, онъ совершенно не понялъ меня. Теперь я сломилась душой и разбита тѣломъ—у меня чахотка. Моя молодость вспоминается мнѣ и одинъ упрекъ тяжелымъ гнетомъ ложится мнѣ на сердцѣ: моя несправедливость къ Вѣрѣ. Она теперь тоже больна, слаба. Я припадаю къ ея ногамъ и говорю: прости. Всю остальную жизнь хотѣла бы я посвятить ей и дѣтямъ ея. Петръ Николаевичъ, Вѣра, ради человѣколюбія не оттолкните меня!..“

— Что бы все это значило? — въ недоумѣніи сказала Вѣра Андреевна,—мама видѣла Анну еще съ полгода тому назадъ...

— Погорѣловъ вскорѣ потомъ оставилъ ее для какой-то испанки.

— И по дѣломъ ей. Она же сама, не стѣсняясь, кричала повсюду, что ненавидитъ мужа.

— Какія вы, женщины, жестокія!—воскликнулъ Петръ Николаевичъ.—Можетъ быть, Анна въ самомъ дѣлѣ была очень несчастлива.

— Что ты, Петя, Погорѣловъ мухи не обидитъ!

— А ушелъ же съ испанкой!

— Послѣ десятилѣтней каторги.

— Вѣра, я тебя не узнаю...

— Богъ съ ней, Петя, лишь бы не пріѣзжала.

— Почему же, другъ мой, такая нетерпимость...

— Съ дѣтства я не любила ее. У нея злое сердце...

— У кого злое сердце?—спросила, входя, Александра Ивановна?

— У Анны.

— Съ чего она тебѣ вдругъ припомнилась?

— Пишетъ мужу, что хочетъ пріѣхать.

— Я и отвѣчать не стану. Пусть дѣлаетъ какъ знаетъ.

И Петръ Николаевичъ простился съ женой и ушелъ.

— Ты не пускай Анну въ домъ, не пускай, Вѣра, слышишь, —съ волненьемъ заговорила Александра Ивановна,—это не женщина, а вампиръ! Баба безобразная, своевольная, капризная и жестокосердая. Ты выпроводи ее какъ только она покажется. Что мнѣ ее расписывать! Въ деревнѣ, рядомъ съ моимъ имѣньемъ, гдѣ она жила каждое лѣто, она нажила себѣ хорошую кличку, самую подходящую...

— Какую кличку?

— Волчиха!

II.

Въ началѣ августа того же года, семейство Венриныхъ, веселой гурьбой, направлялось по мосткамъ Трувиля къ морю. Вѣра Андреевна, совсѣмъ уже поправившаяся, сама несла корзиночки и лопаточки своихъ дѣтей, весело съ ними болтая. Александра Ивановна убѣждала старшаго внука не надоѣдать матери просьбами о разрѣшеніи ѣздить верхомъ на большой лошади, а довольствоваться пони. Дѣвочки устремились впередъ, завидѣвъ издали хорошихъ пріятельницъ. Няня несла шали и корзинку съ закуской. Петра Николаевича въ группѣ не было.

— Здѣсь очень хорошо,—обратилась Вѣра Андреевна къ матери,—но все же Сѣверное море нельзя сравнить со Средиземнымъ. Вóды въ немъ мутныя, и лежитъ на немъ печать чего-то свинцоваго, угрюмаго...

— А по моему всѣ моря на одинъ ладъ,—отозвалась Александра Ивановна,—не люблю я жить на самомъ берегу моря и слышать приливъ и отливъ. Мнѣ все кажется, это люди мечутся въ безтолковой жизни, сами не зная куда идутъ, чего хотятъ, гдѣ ихъ встрѣтитъ радость, гдѣ потопитъ девятый валъ. Тоску на меня нагоняетъ этотъ плескъ.

На-встрѣчу имъ шла женщина, одѣтая въ простое темное платье, со шляпкой не моднаго фасона. Ея походка была тверда и рѣшительна. Роста она была небольшого, худощавая. Лицо пропадало за колеблющимся отъ вѣтра зонтикомъ. Женщина эта прошла-было мимо, но внезапно остановилась и воскликнула:

— Вѣра! возможно ли! ты ли это!

Вѣра Андреевна и Александра Ивановна быстро обернулись

и остановились какъ вкопанныя—передъ ними стояла Анна Игнатьевна Погорѣлова.

Она стояла робко, приниженно; голова слегка склонилась и вытянулась впередъ. На щекахъ выступилъ румянецъ замѣшательства. Она конфузливо протянула Вѣрѣ Андреевнѣ руку.

— Какъ ты измѣнилась, — тихо процѣдила она сквозь выдающіеся зубы,—я было не узнала тебя.

— Это натурально, мы не видѣлись десять лѣтъ и, конечно, много постарѣли,—отозвалась Вѣра Андреевна.

— Нѣтъ, я не то хотѣла сказать. Теперь ты стала еще красивѣе, чѣмъ была когда-либо. Посмотри, какъ на тебя засматриваются,—прибавила она, указавъ глазами на группу мужчинъ, уступившихъ имъ дорогу.

— Что ты вздоръ болтаешь, Анна,—вмѣшалась Александра Ивановна: — разскажи лучше, какъ ты сюда попала, съ кѣмъ, что здѣсь дѣлаешь и долго ли думаешь остаться?

— Я пріѣхала одна.

— А мужъ?

— Развѣ вы ничего не знаете?

— Знаемъ, что онъ съ какой-то испанкой хороводился. Но въ этомъ ты виновата, моя милѣйшая. Ты еще въ дѣвицахъ намъ всѣ уши прожужжала, что мужъ твой будетъ по твоей дудкѣ плясать. Почему же онъ не пляшетъ?

— Онъ мнѣ надоѣлъ,—въ сердцахъ сказала Анна и дрожащіе глаза ея еще больше заискрились.

— А ты бы не выпустила, пришила бы къ юбкѣ,—подзадоривала Александра Ивановна.

— Любила бы, не выпустила бы...

— Чѣмъ бы ты его удержала, умница?

— Не мытьемъ, такъ катаньемъ—это мое дѣло.

— Твое, такъ твое. А мужа ты все-таки гдѣ же посѣяла?

— Онъ въ Парижѣ.

— Значитъ, Петя съ нимъ увидится!—воскликнула Вѣра Андреевна,—Петя скучалъ по немъ и очень желалъ его видѣть.

— Ужъ не для того ли, чтобы читать ему мораль относительно испанки?—язвительно спросила Анна.

— И для этого.

— Я такъ и думала. Петръ Николаевичъ удивительно добродѣтельный человѣкъ; и какъ всякій фанатикъ хочетъ изо всѣхъ дѣлать прозелитовъ...

— А ты чего хочешь?—оборвала ее Александра Ивановна.

Анна грустно понурила голову.

— Тётя, еслибъ вы только знали, — съ глубокимъ вздохомъ сказала она,—какъ я была несчастна!

— Ну, не ехидничай, Анна,—съ досадой произнесла Александра Ивановна и махнула рукой:—слава Богу, я тебя отъ рожденья знаю! Мать твоя наплясалась съ тобой въ дѣтствѣ!.. Скажи, что ты тутъ дѣлаешь?

— Какъ что? я лечусь.

— Отъ чахотки, что ли?

— Да, доктора подозрѣваютъ, что у меня чахотка.

— Ну, матушка, ты насъ всѣхъ переживешь! Чахотки у тебя, воля твоя, никакой нѣтъ, а печень пожалуй не въ порядкѣ.

Слеза скатилась по смуглой щекѣ Анны.

— И вы не вѣрите, что я больна, разбита? что мое единственное желаніе склонить голову на первый камень и умереть...

Вѣра Андреевна съ состраданьемъ посмотрѣла на эту приниженную, обиженную судьбой фигуру, и все же въ душѣ ея шевельнулось не сочувствіе, а что-то похожее на отвращенье.

— Я вѣрю тебѣ, Анна,—сказала она,—но не отъ насъ ли самихъ зависитъ наше душевное довольство и спокойствіе?

Анна грустно покачала головой.

— А обстоятельства?—сказала она,—жестокія, неумолимыя обстоятельства? То, чтó предки наши называли судьбой, рокомъ и передъ чѣмъ покорно склоняли голову! Развѣ ты не признаешь обстоятельствъ?

— Право, не знаю, какъ тебѣ сказать...

— А я знаю! Я несу ихъ ярмо съ рожденья. Я простонала подъ ихъ гнетомъ всю юность и, можетъ быть, скоро зачахну подъ ихъ бременемъ...

— Неужели твои обстоятельства такъ ужасны, что нѣтъ никакого исхода?

Анна покачала головой.

— Передъ тобой цѣлое море,—отозвалась Александра Ивановна,—поди да и бухъ въ воду! Вотъ тебѣ и исходъ.

Вѣра Андреевна съ упрекомъ посмотрѣла на мать.

— Съ чего же она на себя дурь напускаетъ!—съ досадой воскликнула Александра Ивановна:—тутъ, кажется, не съ кѣмъ интересничать...

— Тётя, вы всю жизнь были счастливы—а счастливый несчастнаго не понимаетъ!..

Дошли до берега моря. Стали располагаться подъ тѣнью парусиннаго навѣса. Вѣра Андреевна окликнула дѣтей и представила ихъ новой тётѣ. Анна съ увлеченьемъ перецѣловала всѣхъ,

нашла ихъ умными и красивыми. Завидовала участи счастливой матери и въ словахъ ея не слышалось ни зависти, ни досады, а только глубокая, сердечная грусть.

— Гдѣ же Петръ Николаевичъ?—спросила она, когда дѣти опять убѣжали играть со своими сверстницами, а младшій, у ногъ матери, созидалъ горы изъ морского песку:—онъ развѣ часто отлучается?

— Петя теперь въ Парижѣ. Онъ очень занятъ изданіемъ своего послѣдняго сочиненія, и очень торопится. Онъ уѣхалъ дня на три...

— На три дня! и ты его отпустила?—будто невольно вырвалось у Анны.

— Да, отпустила,—смѣясь, отозвалась Вѣра Андреевна.

— Чего же ты боишься?—спросила Александра Ивановна:—ты думаешь, что Петръ Николаевичъ убѣжитъ отъ насъ, какъ твой мужъ отъ тебя.

— Какъ можно убѣжать отъ красавицы! Гдѣ же онъ найдетъ вторую подобную. Вы все придираетесь ко мнѣ, тетя. Я хотѣла только сказать, что вообще жены не должны слишкомъ довѣрять мужьямъ.

— Кто тебя научилъ такой премудрости?

— Жизнь,—отволола Анна и, помолчавъ, снова начала своимъ грустнымъ полушопотомъ:—нѣсколько лѣтъ тому назадъ,—сказала она,—я знавала одну красавицу. Въ то время, какъ я съ нею познакомилась, она была замужемъ лѣтъ семь или восемь. Супружеское счастье было полное—любовь, согласіе, взаимное довѣріе... И вдругъ, представь, она заболѣваетъ, кажется, горячкой или тифомъ. Ее кое-какъ подняли на ноги, но доктора начали твердить мужу: берегите жену, отстраняйте всякое волненіе: ей нуженъ покой, полнѣйшій покой...

— Доктора всегда это твердятъ,—перебила Александра Ивановна,—это не новость...

— Ну, и что же?—нервно спросила Вѣра Андреевна.

Анна покачала головой.

— Мужъ привыкъ беречь жену,—сказала она,—отстранять отъ нея всякія непріятности, всякія волненья... И все бы кончилось благополучно, еслибы...

— Еслибы?...

— Еслибы жена не прохворала слишкомъ долго... Когда она поправилась, было уже поздно...

Какая-то невѣдомая сила заставила Вѣру Андреевну вдругъ подняться, но она тотчасъ же овладѣла собой и наклонилась къ

ребенку. Въ поцѣлуѣ она хотѣла скрыть и выступившій румянецъ, и волненье. Но волненье ея не ускользнуло отъ быстрыхъ глазъ Анны. Стрѣла мѣтко попала въ цѣль.

„А—а, красавица“, подумала Анна, „десять лѣтъ ты меня промучила, но не все коту масляница!“

— Къ чему ты намъ эти сказки разсказываешь?—раздраженно спросила Александра Ивановна:—мало ли что на свѣтѣ бываетъ!

Анна встала.

— Тетя, вы рѣшительно преслѣдуете меня; я ухожу. Прости, Вѣра, если я случайно, можетъ быть, затронула какую-нибудь больную струну. Но вѣдь ты такъ счастлива... я положительно не понимаю, какъ мои слова могли коснуться...

— Они и не коснулись,—быстро перебила Вѣра:—съ чего ты взяла? Это совершенная правда, я очень счастлива съ мужемъ въ настоящемъ и нисколько не опасаюсь за будущее.

— Я рада это слышать; рада и за тебя, и за дѣтей...

— И вѣрно тоже и за Петра Николаевича. Какое у тебя обширное сердце! Долго ли ты думаешь здѣсь остаться?

— Недѣли двѣ.

— А потомъ?

— Сама не знаю, куда случится... Прощай, Вѣра. Можно мнѣ зайти къ тебѣ, и когда я не помѣшаю?

— Во всякое время, когда мы дома.

— Когда же вы дома?

— По утрамъ и по вечерамъ; день мы проводимъ здѣсь.

— Я зайду какъ-нибудь, вечеркомъ. Еслибы Петръ Николаевичъ случайно видѣлся въ Парижѣ съ моимъ мужемъ, пожалуйста, дай мнѣ знать.

— Хорошо.

— Merci. Прощайте, тетя.

— Прощай, Анна. Смотри, не изведи себя какъ нибудь съ отчаянія-то!

— Вы все издѣваетесь надо мной.

— Что дѣлать, стара стала, сердцемъ окаменѣла, отъ вѣка отстала...

— Это все не то, тетя, а дѣло въ томъ, что вы меня съ дѣтства ненавидѣли.

— Мудреная ты была, мудреная и осталась. Богъ съ тобой! горбатаго могила исправитъ.

— Съ чего вы все это говорите? чѣмъ я это заслужила? Что я сдѣлала?

— Въ томъ-то и штука, что ты ничѣмъ этого не заслужила и ничего не сдѣлала. Ты бѣла какъ снѣгъ, и чиста какъ горный ручей. Только ты не спроста сюда пріѣхала и смиренницей прикидываешься! Нѣтъ, стараго воробья на мякинѣ не поймаешь!

Анна пожала плечами и, понуривъ голову, удалилась. Она медленно шагала по топкому песку, опираясь на длинную палку зонтика. Вся фигура ея выражала усталость. Казалось, будто она сгибалась подъ бременемъ гнетущей тяжести, и встрѣчные невольно оборачивались на нее. Одинъ скульпторъ, задумавшій создать эмблему скорби, долго смотрѣлъ ей въ слѣдъ, и потомъ весь вечеръ старался придать своему изваянью ея позу и выраженіе ея лица.

— Зачѣмъ это она, безпутная, пріѣхала въ Трувиль,—воскликнула Александра Ивановна:—что ей здѣсь понадобилось?

— Она, кажется, дѣйствительно очень несчастна...

— Она шальная, Богъ съ ней! Ты ее часто не зазывай, Вѣра.

— Однако, согласись, мама, что она, кромѣ любезнаго, ничего не сказала мнѣ, за что же мнѣ обходиться съ ней грубо?

— Ну, конечно; пусть иногда приходитъ.

Подбѣжали дѣти. Игры и морской воздухъ развили аппетитъ. Разгорѣвшіяся личики пріютились подъ тѣнью палатки. Дѣвочки показывали свои сокровища, т.-е. корзинку съ разноцвѣтными раковинами. Александра Ивановна надѣлила всѣхъ тартинками, и голодные зубки поспѣшно поглотили вкусныя яства. Беззаботно и счастливо проходило время. Никто не думалъ о темныхъ сторонахъ жизни, ни даже о завтрашнемъ днѣ, а если и думалъ, то для того только, чтобы дѣлать новые планы забавъ и веселья.

Закусивъ, дѣти снова убѣжали. Бэби съ бабушкой пошелъ купать Марка, бѣлаго сетера, добраго друга всего семейства, неразлучнаго товарища Бэби. Вѣра Андреевна осталась одна передъ необъятнымъ моремъ, начинавшимъ приливать. Вмѣстѣ съ приливомъ оно начало напѣвать ту монотонную пѣсню, про которую Александра Ивановна только-что говорила дочери. Вѣра Андреевна прислушивалась къ этой пѣснѣ, и первый разъ въ жизни на душу ея стало ложиться что-то тоскливое, гнетущее...

„Петя отлучается все чаще и чаще, — думалось ей,—и отлучки его дѣлаются все дольше и дольше. Въ его рожденье его въ первый разъ не было дома, а когда онъ пріѣхалъ, онъ былъ какой-то безпокойный. Тогда онъ въ первый разъ разсердился на Сашу и закричалъ на меня, чтобы я бросила „надоѣдливую заботливость“... А ласки его—то да не то“ —подсказало ей что-то въ самой глубинѣ сердца.

И еще одинъ мелочной фактъ вдругъ поразилъ ее: въ послѣдній разъ, когда Петръ Николаевичъ уѣзжалъ, онъ былъ въ отлучкѣ четыре дня, а когда онъ вернулся, онъ положительно имѣлъ видъ человѣка, еще не вполнѣ отрезвившагося, значитъ, онъ былъ на какой-нибудь пирушкѣ.

Вѣру Андреевну тоже внезапно будто уязвила его манера вѣчно твердить ей, что она больна, что всякое волненье ей вредно, что она должна беречь себя, заботиться о своемъ покоѣ, не раздражать своихъ нервъ.

Ядъ словъ Анны проникъ въ мозгъ Вѣры Андреевны и огнемъ разливался по ея жиламъ. Быстрымъ пожаромъ вспыхнуло въ ней подозрѣніе, обращая въ неопровержимое доказательство каждый ничтожный и пустой случай обыденной жизни. Разумъ и логика возставали, но инстинктивное подозрѣніе брало верхъ и комкало какъ мягкій воскъ чуткое сердце Вѣры Андреевны. То вызывало оно воспоминаніе о какой-нибудь тяжелой минутѣ, то представляло печальную, но возможную картину будущаго. Умъ отказывался вѣрить и убаюкивалъ себя воспоминаніями о счастливо прожитыхъ годахъ, но буря снова поднималась съ самаго дна души и бушевала, грозя чѣмъ-то мрачно-наступающимъ и неотвратимымъ... Безсильно опустились руки и голова покорно склонилась...

Молча шла Вѣра Андреевна домой. Односложно и разсѣянно отвѣчала она на вопросы дѣтей, но въ своемъ младенческомъ эгоизмѣ никто изъ нихъ не замѣтилъ, что мама не такая, какъ всегда.

— Ты устала, Вѣра? — прійдя домой, сказала Александра Ивановна:—лягъ на кушетку.

— Мама, неужели это возможно?

— Что, другъ мой?

— Неужели Петя...

— Про что ворона накаркала?—въ негодованіи воскликнула Александра Ивановна:—постой, ужъ я ее допеку!

— Не надо, мама, она въ Парижъ уѣдетъ... тамъ Петя...

— Развѣ боишься, что Петръ Николаевичъ въ Анну влюбится?

— Какъ знать!.. Меня Петя все въ инвалиды записать старается, да и правда, что грудь у меня часто какъ-то ноетъ...

— А ты рѣшись, и поверни все по иному. Анну въ домъ не пускай, пусть идетъ, откуда пришла. Петру Николаевичу ѣздить одному въ Парижъ тоже не позволяй. Это твое право...

— Такъ нельзя, мама,—и Вѣра Андреевна досадливо повернулась.

— Конечно! вѣдь это не по вашимъ новымъ идеямъ! это по старому, по глупому. Въ нашъ вѣкъ, бывало, какъ только тѣнь подозрѣнія закрадется, мы сейчасъ и придержимъ, уздечку надѣнемъ. Нѣтъ, молъ, у тебя ничего секретнаго, такъ я твоя жена и ты меня одну не оставляй, или при мнѣ живи, или меня съ собой бери... Ну вотъ, ты ужъ и расплакалась!

— А довѣріе, а взаимное уваженіе! Мы вѣнчались по любви, мама, и союзъ нашъ держится любовью.

— Развѣ я отъ тебя любовь отнимаю? Глупая. Любишь, и держи свое добро; выпустишь изъ рукъ—сама на себя и пеняй.

Безконечно протянулись три дня для Вѣры Андреевны. Все то же безпокойство, только усиленное одиночествомъ и разлукой. Въ день, когда Петра Николаевича ожидали, вмѣсто него пришла депеша съ извѣстіемъ, что онъ задержанъ еще на день. Наконецъ, и этотъ длинный день прошелъ—Петръ Николаевичъ вернулся.

— Вѣра, что съ тобой? ты опять расхворалась?—встрѣтилъ онъ жену словами: — ты слишкомъ утомляешься съ дѣтьми, эти дѣти замучаютъ тебя.

— Увѣряю тебя, я здорова.

— Пожалуйста не увѣряй. На тебѣ лица нѣтъ.

— Мнѣ было очень скучно безъ тебя.

Вѣра Андреевна прижалась къ плечу мужа и заплакала. Эти слова, и эти слезы, и вообще все обращенье Вѣры Андреевны были такъ новы для Петра Николаевича и такъ необыкновенны, что онъ не зналъ, что и подумать.

— Другъ мой,—наконецъ, сказалъ онъ:—твои нервы опять совсѣмъ разстроены. Маменька, какъ же вы позволяете Вѣрѣ такъ утомляться?

— Позвольте мнѣ замѣтить, Петръ Николаевичъ,—рѣшительно отозвалась Александра Ивановна, — что ваше мѣсто здѣсь, при женѣ и семьѣ, а не тамъ, гдѣ вѣтеръ дуетъ!..

— Что? что такое? что все это значитъ?—на разные лады, съ разгорѣвшимся лицомъ воскликнулъ Петръ Николаевичъ.

— А то, что все будетъ ладно, когда вы будете побольше дома сидѣть.

— Развѣ что-нибудь не ладно?

— Ты видѣлъ въ Парижѣ мужа Анны?—внезапно спросила Вѣра Андреевна.

— Погорѣлова?

— Да, Погорѣлова. Другого мужа у нея пока нѣтъ.

— Видѣлъ. Я только-что хотѣлъ разсказать, какъ онъ мнѣ

обрадовался! На шею мнѣ бросился, прослезился. Онъ завтра собирается къ намъ... И не одинъ, другъ мой, онъ упросилъ меня позволить привести свою маленькую подругу...

— Петя!—съ укоромъ произнесла Вѣра Андреевна.

— Когда ты увидишь ее, ты не будешь сердиться. Это такое наивное, откровенное созданіе. Она вся порывъ. Все, что на умѣ, то и на языкѣ. Въ ней нѣтъ ни притворства, ни искусства. Это дитя природы, выказывающее съ одинаковой простотой и свои хорошія, и свои дурныя качества. Я увѣренъ, что ты найдешь ее очаровательною, ты, которая такъ любишь людей искреннихъ.

Вѣра Андреевна стояла ни жива, ни мертва. Говорить она не была въ состояніи. Въ жизни ея было новостью встрѣтиться лицомъ къ лицу у себя въ домѣ съ особой не совсѣмъ благовиднаго положенія. Петръ Николаевичъ не хотѣлъ допускать у себя даже женщинъ честныхъ, если про нихъ ходила молва нѣкотораго легкомыслія. Вѣра Андреевна, наконецъ, собралась съ духомъ и напомнила ему это.

— Ты была тогда моложе, Вѣра,—пояснилъ Петръ Николаевичъ, — я долженъ былъ дѣлать строгій выборъ нашимъ знакомствамъ. Теперь ты стоишь на такой твердой почвѣ, что твое доброе имя не пострадаетъ, если ты какой-нибудь разъ сдѣлаешь уступку и примешь прелестную дѣвочку, чтобы этимъ оказать вниманіе другу твоего мужа.

Александра Ивановна сидѣла молча. Гордое лицо ея поблѣднѣло.

— Я вижу,—медленно сказала она,—что вы не въ шутку все это говорите.

— Совершенно не въ шутку,—и Петръ Николаевичъ недовольно сѣлъ къ столу и взялъ газету.

— И вы пустите къ себѣ домъ какую-нибудь интриганку?

Молчаніе.

— Что же, Петръ Николаевичъ, я жду отвѣта!

— Пущу! Не интриганку, а сироту, бѣднаго, брошеннаго ребенка.

— Ну и дѣло,—спокойно замѣтила Александра Ивановна,—мы ее тоже кое-съ-кѣмъ познакомимъ.

— Съ кѣмъ?—проворно спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Съ Анной Погорѣловой. Она здѣсь. Иду приглашать ее на завтрашній день...

— Маменька! вы ссоръ у насъ, сдѣлайте милость, не затѣвайте! — запальчиво воскликнулъ Петръ Николаевичъ, схвативъ Александру Ивановну за руку. Но старуха даже и не поморщилась.

— Какія же тутъ ссоры, — спокойно сказала она тономъ философа:—все будетъ по вашему, по новому. Дѣло самое простое, самое обыкновенное: познакомить жену съ любовницей. Какъ знать, можетъ быть, онѣ и подружатся, и Анна возьметъ подъ свое крылышко заброшеннаго ребенка! Аннѣ будетъ пріятно...

— Вы этого не сдѣлаете!

— Почему же нѣтъ?

— Вы развѣ не понимаете, что той, несчастной, нельзя встрѣтиться съ женой Погорѣлова.

— Не понимаю! Она знала, что связывается съ женатымъ человѣкомъ. Или Погорѣловъ себя за холостого выдавалъ?

— Вѣра, что же ты молчишь? — обратился Петръ Николаевичъ къ женѣ:—скажи, другъ мой, какъ ты рѣшила.

Александра Ивановна ушла, не желая быть свидѣтельницей объясненія между мужемъ и женой.

Услыша ласковый голосъ мужа, увидя двѣ руки, дружелюбно протянутыя къ ней, Вѣра Андреевна, по привычкѣ не скрывать ничего отъ мужа, высказала ему откровенно все, что лежало у нея на душѣ. Во всемъ она призналась ему: и въ своихъ сомнѣньяхъ, и въ подозрѣньяхъ, и въ страхѣ за будущее. Она уже кончила и трепетно ждала порывистаго протеста—но протеста не послѣдовало. Петръ Николаевичъ сидѣлъ молча, будто о чемъ-то соображая.

— Да,—наконецъ, произнесъ онъ:—для меня очевидно, что ты еще далеко не поправилась, но, Вѣра, если ты будешь поддаваться подозрѣньямъ, ни на чемъ не основаннымъ и ничѣмъ не оправданнымъ, то ты отравишь нашу жизнь. Что могу я отвѣтить тебѣ? говоришь не ты, а твои разстроенные нервы. Вотъ въ чемъ весь корень зла нашего положенія, а не въ моихъ отлучкахъ! Отлучался же я и прежде...

— Умоляю тебя, Петя, не сваливай все на мои нервы!..

— Но, другъ мой, ты посмотри на себя; на что ты похожа: щеки горятъ, лихорадка бьетъ... съ чего же все это?

Замѣчаніе Петра Николаевича было справедливо: волненье Вѣры Андреевны доходило до послѣднихъ предѣловъ, и чѣмъ больше она старалась сдерживать себя, тѣмъ больше оно проявлялось въ сильной краскѣ на щекахъ, въ блескѣ глазъ, въ лихорадочной дрожи.

— Я не отрицаю, я взволнована,—отозвалась она,—но все, что случается теперь, такъ необычайно, такъ поразительно...

— Ты себя на это настраиваешь! Я очень испуганъ, позволь мнѣ послать за докторомъ. У тебя и воспаленье легкихъ началось

сильнымъ волненьемъ. Я боюсь, въ тебѣ такія безпричинныя волненія. Тебѣ непремѣнно нужно принять что-нибудь успокоительное. У тебя жаръ, бѣдное дитя мое!—и онъ поцѣловалъ ея горячую голову.

— Я не дитя!—воскликнула Вѣра Андреевна порывисто,—я твоя жена, которая любила тебя всю жизнь и теперь любитъ! Я не отдамъ тебя никому, я не могу утратить тебя!

— Конечно, конечно, я твой!—говорилъ Петръ Николаевичъ какъ будто въ утѣшеніе ребенку, гладя ея роскошные волосы,—ты мнѣ жена—когда здорова, дитя—когда больна.

— Я здорова, я совершенно здорова, — увѣряла Вѣра Андреевна.

— Ну, такъ пойдемъ, прогуляемся,—перемѣнилъ разговоръ Петръ Николаевичъ,—теперь на берегу моря должно быть чудесно.

Онъ обнялъ станъ жены и, смотря ей привѣтливо въ глаза:

— Ты ли это, Вѣра? — сказалъ онъ, — ты ли такая довѣрчивая!.. Это нехорошо, Вѣра, это пошловато, простительно старушкѣ, какъ твоя maman, но не намъ съ тобой. Мы должны стоять выше мизерныхъ подозрѣній и домашнихъ сценокъ... Пойдемъ, освѣжимся, захвати съ собой шаль. Я подожду тебя на террассѣ.

Легко почувствовала себя Вѣра Андреевна. Накинуть шаль, надѣть шляпку было дѣломъ минуты. Все улеглось, все разсѣялось подъ могучими чарами любимаго голоса. Петръ Николаевичъ ни въ чемъ не оправдывался—но что же изъ этого? Онъ приласкалъ ее, поцѣловалъ, пожалѣлъ... Она опять чувствовала, что онъ ее любитъ.

Петръ Николаевичъ и Вѣра Андреевна рука объ руку направились къ морю, чтобы присоединиться къ дѣтямъ. Вѣра Андреевна весело улыбалась, и даже немножко посмѣивалась надъ своими тревогами, — фиктивными, какъ прибавлялъ тоже съ улыбкой Петръ Николаевичъ.

Они оба чувствовали себя хорошо. Воздухъ, природа, тишина; ароматъ цвѣтовъ съ примѣсью запаха морской воды; отдаленные звуки гдѣ-то поющаго контральто; довольныя и веселыя лица прохожихъ—все способствовало къ успокоенію, и только-что пережитая буря не оставила мучительнаго слѣда.

За счастливой парой уже давно издали слѣдила Анна. Глаза ея то разгорались, то потухали, то снова свѣтились язвительной усмѣшкой.

„Двѣнадцать лѣтъ счастливой любви—это много, очень много, — соображала она, — двѣнадцать лѣтъ онъ былъ твоимъ, кра-

савица, но теперь я возьму его! Я, Анна, уродецъ!.. Я тоже хочу любви,—хочу и добьюсь"!..

Анна повернула за ближайшій уголъ и быстро обогнула его. Выйдя изъ-за другого перекрестка, она попалась прямо на-встрѣчу Вепринымъ.

— Анна Игнатьевна, мое почтеніе,—воскликнулъ Петръ Николаевичъ:—какъ поживаете, что подѣлываете?

Завязался обыкновенный разговоръ людей, когда-то знавшихъ другъ друга и давно не встрѣчавшихся.

— Мужа вашего видѣлъ вчера,—отвѣтилъ Петръ Николаевичъ на вопросъ Анны.

— Что же, мнѣ поклонъ привезли?

— Привезъ бы, еслибы Викторъ зналъ, что вы здѣсь. Онъ на васъ нисколько не въ претензіи.

— Съ какой же стати онъ былъ бы на меня въ претензіи! —воскликнула Анна: — мнѣ кажется, скорѣй я могла бы быть на него въ претензіи...

— Но вы ему великодушно прощаете...

— И даже желаю всякаго счастья и благополучія! Вы, разумѣется, видѣли предметъ?

— Видѣлъ.

— Что скажете?

— Наивнѣйшее созданье, какое мнѣ когда-либо случалось встрѣчать!..

— Ну и красавица.

— Да, красавица. Тонкость линій, благородство чертъ...

— Не хочешь ли ее видѣть?—спросила Вѣра Андреевна.

— Гдѣ?

— У насъ.

— У васъ? у васъ въ домѣ?... у тебя, у моей двоюродной сестры?—Это ты такъ распорядилась?

— Я такъ распорядился,—рѣшительно объявилъ Петръ Николаевичъ,—Викторъ другъ моего дѣтства, онъ этого желалъ, и я съ радостью сдѣлалъ для него исключеніе...

Анна впилась глазами въ Петра Николаевича и улыбнулась такъ язвительно, что вся кровь прихлынула къ его лицу. Проницательный взглядъ и ядовитая улыбка безпокоили его: „Ой, любезный другъ,—говорили они,—тутъ что-то нечисто".

— Ты это одобряешь?—обратилась Анна къ Вѣрѣ Андреевнѣ.

— Я не придаю этому никакого значенія,—отвѣтила та.

— Ты примѣрная жена, какъ же Петру Николаевичу не любить тебя! — будто невольно вырвалось у Анны, — но, Петръ

Николаевичъ, сознайтесь, что вы все же немножко промахнулись и пересолили проявленье „дружескихъ порывовъ“?

Петръ Николаевичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движенье, Анна весело продолжала:

— Но я поправлю вашъ промахъ—я принимаю приглашенье, Вѣра, и завтра буду у васъ.

Петръ Николаевичъ вспыхнулъ.

— Вы этого не сдѣлаете!

— Почему же? Я въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ мужемъ. Мы разстались, пожавъ другъ другу руку, и теперь, встрѣтясь опять, пожмемъ другъ другу руку.

— Но не у меня въ домѣ,—вспылилъ Петръ Николаевичъ, —я этого не желаю, это съ вашей стороны просто дерзость!

— Кому?

— Какъ кому!

— Кому, скажите?—не выходя изъ своего спокойствія настаивала Анна,—насъ пятеро: вы, Вѣра, я, мужъ и прекрасная испанка. Мы трое между собой, какъ видите, въ самыхъ лучшихъ отношеньяхъ. Съ мужемъ вы хороши и я хороша. Остается нумеръ пятый.

— Хотя бы для нумера пятаго.

Анна расхохоталась.

— Ахъ вы, умникъ,—сказала она:—да нумеръ-то пятый не считается, и его никогда въ соображенье не принимаютъ. Вы чуть ли не звѣзды съ неба хватаете, милѣйшій Петръ Николаевичъ, а самыхъ простыхъ вещей не знаете. Нумеръ пятый сегодня съ Викторомъ, а завтра... — она пристально и весело заглянула Петру Николаевичу въ самые глаза,—ну завтра хоть съ вами, что ли!—въ упоръ и лихо бросила она Петру Николаевичу обиду въ лицо и движеньемъ головы стряхнула со лба непослушный сѣдѣющій клокъ.

Негодованье Петра Николаевича было безпредѣльно. Онъ бросилъ руку жены.

— Анна Игнатьевна, вы забываетесь!—воскликнулъ онъ.

— Я шучу,—небрежно отозвалась Анна,—впрочемъ, простите, если шутка моя уязвила васъ. Я упустила изъ виду, что такой серьезный человѣкъ, какъ вы, можетъ не любить шутокъ. Полно, Петръ Николаевичъ, вы видите — враждебный лагерь сдается,—и она протянула ему руку, которую онъ долженъ былъ принять.—А теперь говорю совершенно серьезно и настаиваю, чтобы вы пригласили и меня. Я скажу вамъ почему: этимъ вы отнимете охоту у прекрасной испанки навѣщать васъ часто, и

будете избавлены отъ непріятной необходимости идти ради дружбы на неловкіе компромиссы. Вы, пожалуйста, не бойтесь,—прибавила она,—что въ вашемъ домѣ я позволю себѣ сдѣлать что-либо выходящее изъ границъ строжайшихъ приличій. Вы увидите, я буду сама любезность и само вниманіе.

— Я ничего не боюсь,—возразилъ Петръ Николаевичъ,—но я вижу, что вы выдумываете что-то непомѣрно дикое.

— Совершенно вѣрно, но моя выдумка подходитъ къ вашей, какъ прекраснѣйшій pendant. Вашу выдумку можно тоже подвести подъ разрядъ „дикихъ". Вы этого не думаете? взгляните на вашу жену. Развѣ эта выдумка по вкусу Вѣрѣ? Скажите пожалуйста, какое счастье для порядочной женщины распинаться передъ какой-то красавицей, подобранной у столика какого-то кафе-шантана!

— Анна Игнатьевна!

— Что угодно, добрѣйшій Петръ Николаевичъ. Вы уже въ третій разъ съ большимъ паѳосомъ произносите мое имя, а между тѣмъ въ словахъ моихъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Мы съ вами люди новаго закала, мы слагаемъ нашу жизнь по волѣ нашего разума,—язвила она.—Вотъ, напримѣръ, я; я отпустила мужа добровольно, съ полнаго моего согласія, и меня нисколько не возмущаетъ, что онъ млѣетъ у ногъ „погибшаго, но милаго" созданья. Васъ это тоже нисколько не возмущаетъ; иначе вы не пригласили бы ее въ свой домъ. Мнѣ одно интересно: что вы будете говорить дѣтямъ, когда они будутъ спрашивать, кто эта черная дама, которая пріѣхала и уѣхала съ мужемъ тёти Анны? Вотъ и они! Дѣти, ступайте сюда, у меня для васъ что-то есть.

Дѣти подбѣжали; Анна стала раздавать имъ лакомства. Они полюбили Анну съ первой же встрѣчи. Она обращалась съ ними ласково и баловала ихъ гостинцами. Она много занималась ими, бѣгала съ ними до усталости или разсказывала имъ интересныя исторіи, которыхъ у нея оказался неисчерпаемый запасъ.

Внезапно оборвавъ свою рѣзкую рѣчь, Анна даже не взглянула на Петра Николаевича, а убѣжала впередъ и увлекла съ собою дѣтей.

— Какъ ты находишь Анну?—спросила Вѣра Андреевна.

— Дура,—лаконически и сердито отозвался Вепринъ.

— Ой, далеко не дура!—воскликнула Вѣра Андреевна.

— Ну, бросимъ ее, Вѣра; послушай лучше, что я дѣлалъ въ Парижѣ,—и Вепринъ сталъ разсказывать, что дѣлалъ, гдѣ былъ и съ кѣмъ видѣлся въ городѣ.

Анна такъ и осталась съ дѣтьми до конца прогулки. Доведя ихъ до дому, она не хотѣла зайти.

— Нѣтъ, сегодня не могу. До завтра,—сказала она.

— До завтра,—отвѣтила Вѣра Андреевна.

— Вѣра, завтра у васъ, кажется, гости?—напомнила Александра Ивановна.

— Знаю,—спокойно отозвалась Анна.

— Безсовѣстная!—съ негодованіемъ воскликнула Александра Ивановна и, войдя въ домъ, хлопнула дверью.

III.

На слѣдующій день Анна съ очевиднымъ волненіемъ забѣжала утромъ къ Вепринымъ.

— Извини, Вѣра,—конфузливо начала она,—я, можетъ быть, вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, но этотъ предстоящій визитъ тревожилъ меня всю ночь. Какъ-то неловко, чтобъ дѣти...

— Я тоже объ этомъ думала, и рѣшила отправить ихъ съ бабушкой на цѣлый день за городъ.

— Прекрасная мысль, вотъ что значитъ мать! Я всю ночь продумала и мнѣ въ голову не пришло такое простое соображеніе.

— А я боюсь, какъ бы Петя не принялъ этого за мелочную пикировку.

— Предупреди его. Пойдемъ къ нему сейчасъ. Хочешь. При чужихъ мужчины всегда больше сдерживаютъ себя.

Петръ Николаевичъ самъ явился, и съ большой податливостью согласился отправить дѣтей на дальнее катанье. Онъ даже взялся на-скоро устроить маленькій дѣтскій пикникъ, и пошелъ созвать ближайшихъ пріятелей и подругъ.

Вечеромъ столъ былъ накрытъ только на пять приборовъ. Петръ Николаевичъ поѣхалъ на станцію встрѣтить гостей, которые думали остаться въ Трувилѣ дня два, а потомъ ѣхать въ Динаръ и тамъ провести осень.

Бойко подкатила коляска, шумно проникли пріѣзжіе въ домъ Вепринымъ. Петръ Николаевичъ подвелъ къ женѣ красивую, высокую, молодую женщину.

— Моя жена, синьора Стелла Винчи,—отрекомендовалъ онъ ихъ другъ другу.

Вѣра Андреевна протянула руку, синьора Стелла дала ей концы пальцевъ, усыпанныхъ кольцами, и съ любопытствомъ оки-

нула ее съ ногъ до головы безцеремоннымъ взглядомъ. Потомъ она самодовольно посмотрѣлась въ зеркало, поправила кружево манишки и стряхнула соринку съ своего новенькаго платья.

Вѣра Андреевна попросила ее сѣсть, синьора повиновалась, но бесѣдовать не сочла нужнымъ, а своими большими, бархатными, черными глазами, стала разсматривать всѣ предметы, находившіеся въ комнатѣ.

Погорѣловъ очень дружелюбно поздоровался съ женой, которая обошлась съ нимъ съ любезной снисходительностью. Анна не спускала глазъ со Стеллы, и хвалила мужа за изящный вкусъ.

— Тутъ даже и ревновать нельзя,—шутила она,—конкурренція между нами невозможна, и мое самолюбіе польщено, что я уступила мѣсто такой красавицѣ!

Синьора Стелла, между тѣмъ, слегка разсмѣялась, по простотѣ своего сердца, когда увидѣла неказистую фигуру, которую ей отрекомендовали какъ жену Vittore, но видя, что Петръ Николаевичъ остался недоволенъ ея смѣхомъ, вспыхнула, надулась и прикрыла капризный ротъ шитымъ платочкомъ.

Обѣдъ прошелъ благополучно. Синьора держала себя съ той неуклюжей развязностью, съ которой держатъ себя красавицы „изъ простыхъ“ въ обществѣ господъ. Она сознавала свою красоту и чванилась тѣмъ, что мужья дамъ обращаютъ на нее исключительное вниманіе. За то же и показала она законнымъ свою власть надъ ихъ мужьями! Vittore она то-и-дѣло похлопывала вѣеромъ и заставляла себѣ прислуживать, а „синьора Педро“ угощала „жантильностями“ въ родѣ слѣдующихъ:

— Что вы на меня такъ смотрите?

— Я не смотрю на васъ.

— Не правда, вы смотрите какъ-то особенно.

— Помилуйте, я никакъ не смотрю!

— Ну ужъ извините! вы пожираете меня глазами! Потрудитесь смотрѣть теперь на другихъ.

Петръ Николаевичъ недовольно и нервно ѣлъ, что еще пуще подзадоривало наивную синьору.

— Прелестная, дитя природы!—ехидно восторгалась Анна,—ни дать ни взять пастушка изъ какой-нибудь идилліи.

„Дитя природы“, между тѣмъ, заявило желаніе прогуляться и посмотрѣть Трувиль. Оно было принято съ удовольствіемъ; прогулка избавляла отъ разговоровъ, которые не клеились, такъ какъ разговоры „съ дамами“, очевидно, вовсе не интересовали синьору.

Сборы были довольно оригинальны. Стелла подставила свою

античную головку Vittore, и тотъ, съ ловкостью искусной камеристки, надѣлъ на нее шляпку или скорѣй корзинку съ широчайшими полями, подбитыми бархатомъ золотистаго цвѣта. Надъ головой выросъ цѣлый султанъ розовыхъ страусовыхъ перьевъ.

— Прелестно! восхитительно! — восторгалась Анна, — это вѣрно произведеніе послѣдней парижской моды?

— Да, эта шляпка куплена у Вирб и заплачена двѣсти франковъ. Это подарокъ,—и синьора Стелла умильно посмотрѣла на Петра Николаевича. Онъ засуетился около вѣшалокъ, искалъ шляпу и палку, но никакъ не могъ найти ихъ.

— Прелестный подарокъ, вѣроятно, отъ Виктора?

— Нѣтъ, отъ синьора Педро. Онъ только заплатилъ за эту шляпку, но я сама заказывала ее. У мужчинъ совсѣмъ нѣтъ вкуса! Педро (въ этотъ разъ синьоръ былъ упущенъ) подарилъ мнѣ шляпку, бриллiантовую брошку, браслетъ и красный вѣеръ въ день моего рожденья.

— Сколько же вамъ минуло лѣтъ?

— Ужъ девятнадцать.

— Давно это было?

— Съ мѣсяцъ тому назадъ.

— Такъ давно?

— Да. Въ Парижѣ мы уже около двухъ мѣсяцевъ.

Петръ Николаевичъ багровый нашелъ, наконецъ, шляпу и палку.

— Enfant terrible!—съ надломленнымъ смѣхомъ шепнула ему въ самое ухо Анна.

Вѣра Андреевна, блѣдная какъ полотно, разсѣянно отвѣчала на какія-то любезности Погорѣлова. Она не слышала всего разговора, но до ея слуха долетали отрывочныя слова, и опять на нее нашелъ какой-то паническій ужасъ. Она съ нетерпѣньемъ ждала случая спросить у Анны, что говорила ей испанка.

— Милая синьора, выбирайте своего „кавальере сервенте“, —обратилась Анна къ испанкѣ:—любой изъ нихъ почтетъ за счастье предложить вамъ руку.

Синьора съ улыбкой повисла обѣими руками на рукѣ Петра Николаевича, но взглянувъ ему въ лицо, тотчасъ же отвернула голову. Она пошла, едва передвигая ноги, очевидно, желая отстать отъ прочей компаніи, и то бросая на него бѣглые взгляды, то опять надуто отворачиваясь.

— Ребенокъ, совершенный ребенокъ!—восторгалась Анна.

— Это-то въ ней и очаровательно,—соглашался Погорѣловъ,—

въ ней нѣтъ ничего искусственнаго, она всегда поступаетъ подъ впечатлѣніемъ порыва.

Въ эту минуту въ синьорѣ порывъ былъ очевидно гнѣвный. Она совершенно остановилась, выдернула руку и, топнувъ ногой, разразилась цѣлымъ потокомъ трескучихъ словъ на испанскомъ діалектѣ. Петръ Николаевичъ тщетно старался прервать ея рѣчь, она не обращала на его слова ни малѣйшаго вниманія.

— Что жъ это такое! что это такое! — въ негодованіи восклицала Вѣра Андреевна, и повернулась, чтобы подойти къ мужу.

Но Анна схватила ее за руку.

— Оставь, — сказала она, — мы съ тобой женщины сѣверныхъ странъ, мы не можемъ понять всей кипучей страстности женщинъ юга.

Погорѣловъ вмѣшался въ ссору, чѣмъ довелъ испанку до послѣднихъ предѣловъ негодованія. Она схватила золотой porte-bonheur и такъ крѣпко сдавила его, что онъ разлетѣлся въ дребезги.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта сцена, „уличная сцена", какъ съ краской стыда говорила Вѣра Андреевна, еслибы въ эту минуту не подвернулась цвѣточница. Она протянула синьорѣ свою корзинку, полную разноцвѣтныхъ розъ, и глаза испанки съ жадностью разбѣжались по цвѣтамъ.

— Я хочу всѣ эти розы, всю корзинку! — своевольно воскликнула она.

— Возьмите ихъ,—отозвался Погорѣловъ.

— Видите, какъ „amico Vittore" меня любитъ,—съ наддменной укоризной обратилась она къ Петру Николаевичу, забирая цвѣты въ обѣ руки. Ей и въ голову не пришло предложить хоть по одному цвѣтку Вѣрѣ Андреевнѣ и Аннѣ.

Анна нагнулась и подобрала обломки браслета.

— Я слышала, что сломать porte-bonheur предвѣщаетъ большую радость,—сказала она, подавая обломки синьорѣ.

— Можетъ быть, радость получить браслетъ съ бриліантами?—и черные глаза съ бархатной нѣгой устремились на Петра Николаевича:—я ужъ умная,—прибавила она,—я не капризничаю, я прошу прощенья.

— Уведите ее поскорѣй, ради вашего собственнаго достоинства,—поспѣшно шепнула Анна Петру Николаевичу:—уведите, увезите, дѣньте куда хотите. Посмотрите на Вѣру.

Вѣра Андреевна совершенно потерялась. Кто собственно ея гостья? Кого она приняла? Предъ кѣмъ разъиграла роль радушной хозяйки?

— Счастье, что мамы нѣтъ, что дѣтей нѣтъ,—глупо повторяла она себѣ.

— Однако, вы смѣлы, „amico“,—жужжала Анна въ уши Петра Николаевича:—только жаль, что вы подъ Богомъ не ходите и что вами Онъ не владѣетъ!.. А въ любви, какъ въ дружбѣ вы одинаково — и она засмѣялась своимъ злымъ смѣхомъ — ми-зер-ны,—съ разстановкой протянула она.

— Стелла, хотите идти въ Казино?—спросилъ Петръ Николаевичъ.

— Тамъ танцуютъ?

— Танцуютъ. Тамъ музыка и много парижскихъ кавалеровъ.

— И парижскіе туалеты на дамахъ?

— Да.

— Поѣдемте, поѣдемте, я хочу въ Казино!

— Викторъ, этотъ шарабанчикъ свезетъ васъ, а мы подойдемъ,—поспѣшилъ сказать Петръ Николаевичъ и помогъ синьорѣ прыгнуть въ плетеный трувильскій шарабанчикъ. Она усѣлась въ него съ важностью королевы и раза два кивнула своимъ розовымъ султаномъ.

— Divina!—крикнула ей вслѣдъ Анна и сдѣлала ручкой.

— Я очень извиняюсь передъ тобой, Вѣра,—началъ неловко Петръ Николаевичъ,—но какъ же можно было предвидѣть...

Вѣра Андреевна пожала плечами.

— Развѣ она могла держать себя иначе во все время вашего двухъ-мѣсячнаго знакомства?—спросила она.

— То есть какъ это?—будто не понимая, произнесъ Петръ Николаевичъ.

— Такъ. Ты знакомъ съ этой женщиной уже около двухъ мѣсяцевъ, т.-е. съ тѣхъ поръ, какъ поселилъ насъ здѣсь. И насколько я поняла, дѣлалъ ей даже подарки...

— Напримѣръ, подарили ей этотъ подсолнечникъ съ султаномъ,—разсмѣялась Анна.

— Однако, позволь, Вѣра, не я, а Викторъ ея покровитель...

— Тутъ все такъ перепутано, что я право не могу разобрать, чья она protégée и кто ея покровитель. Я только знаю, что я смертельно устала и больна нервами... Прощай, Анна.

Вѣра Андреевна протянула Аннѣ руку, потомъ быстро повернулась и стала удаляться.

— Вѣра, Вѣрочка! — кинулся-было за нею Петръ Николаевичъ, но Анна энергично схватила его за руку.

— Поздно, — сказала она, — нужно было думать раньше... Теперь вамъ нѣтъ оправданья и не будетъ извиненія...

Собственно вовсе не было поздно. Еслибы Петръ Николаевичъ догналъ жену и признался бы ей даже въ увлеченьи, съ обѣщаніемъ бросить всю эту пошловатую затѣю и навсегда порвать съ синьорой, то счастье снова обрѣсти утраченное заставило бы мгновенно позабыть пережитое униженіе и простить увлеченіе минуты. Но Петръ Николаевичъ всего этого не сообразилъ подъ тяжелымъ впечатлѣніемъ только-что случившагося.

— Петръ Николаевичъ, — грустно вымолвила Анна, — а я слышала, что вашъ союзъ можетъ служить примѣромъ для насъ, бѣдныхъ; того-ли могла я ожидать!

— Прощайте, Анна Игнатьевна,—и онъ протянулъ ей руку.

Но она опять удержала его.

— Послушайте,—задушевно сказала она,—не ходите теперь къ Вѣрѣ. Дайте бурѣ улечься. Что бы вы ей ни сказали теперь, все будетъ принято съ желчью. Всякое оправданіе ваше послужитъ къ новому обвиненію... Вы должны будете унизиться до просьбъ—а униженіе, Петръ Николаевичъ, вамъ не къ лицу.

— Но что же будетъ позже...

— Еще позже?.. ужъ и теперь поздно... Но я не буду докучать вамъ моралью, скажу только, что я отъ всей души жалѣю о случившемся... Для васъ обоихъ... Теперь вамъ все же слѣдовало бы успокоиться и рѣшить на свѣжую голову что дѣлать.

Время было пропущено для искренняго порыва раскаянія, Петръ Николаевичъ это чувствовалъ, а явиться передъ Вѣрой Андреевной съ повинной головой ему не хотѣлось, его останавливалъ ложный стыдъ. Машинально послѣдовалъ онъ за Анной. Они пошли къ морю. Гнетущая печаль все тяжелѣе и тяжелѣе ложилась ему на душу. Онъ не могъ понять, какъ это онъ незамѣтно, шагъ за шагомъ, какъ будто безсознательно, втянулся въ такую нелѣпую исторію. Онъ спрашивалъ себя, какъ могъ онъ, подъ вліяніемъ будто какого-то налетѣвшаго одурѣнья, скомкать и сломать въ одинъ часъ счастье, добытое столькими годами любви и преданности?

А голосъ Анны звучалъ надъ самымъ ухомъ какъ надломленная струнка.

— Не унывайте, Петръ Николаевичъ — говорила она, — все поправится, Вѣра успокоится. Для женщины, искренно любящей, самое большое счастье простить человѣка, котораго она любитъ. А Вѣра васъ, конечно, любитъ. Вы поступили, спора нѣтъ, какъ влюбленный мальчишка, это очень курьезно, что въ ваши годы человѣкъ еще можетъ такъ поступать,—но все же Вѣра проститъ,

она такая добрая. Пройдетъ день, два и все сгладится. Дѣти явятся примирителями и Вѣра забудетъ обиду...

— А обида была?

— Да, была, и большая; и тѣмъ глубже врѣзалась она въ сердце, что дѣвица красива, обворожительна...

— Анна Игнатьевна, умоляю васъ...

— Хорошо, хорошо, не буду. Скажите, вы съ Викторомъ все по прежнему, въ дружбѣ?

— По прежнему.

— Это, однако, очень странно...

— Совсѣмъ не странно...

— А—а, понимаю, другой міръ, другіе нравы. Впрочемъ, съ такой размазней, какъ Викторъ, Стелла долго не можетъ ужиться. Ему, кажется, и теперь предоставляется только одна привиллегія — привиллегія расплачиваться. А тамъ Пьеръ ли, Поль ли, Викторъ долженъ относиться къ этому философски.

Петръ Николаевичъ ничего не возразилъ; оба молчали.

— Анна Игнатьевна!

— Что угодно, Петръ Николаевичъ?

— У меня есть до васъ большая просьба.

— Посмотримъ.

— Если Вѣра спроситъ васъ, что́ вы думаете...

— Слушаю-съ.

— Я еще ничего не сказалъ.

— Не нужно, я поняла. Извольте, для счастья Вѣры, я буду отстаивать вашу непогрѣшимость. Но, Петръ Николаевичъ,— и въ голосѣ ея послышалась угроза,—впередъ будьте осторожны. Хотя я и не обладаю такими прекрасными глазами какъ Стелла, но и у меня глаза зорки! Въ этотъ разъ я постараюсь спасти отъ крушенья счастье вашей жены; да, я это сдѣлаю для Вѣры, и отчасти для себя...

— Для васъ?

— Да. Для того, чтобы въ сознаніи моего добраго поступка найти успокоеніе моей истерзанной души. Но повторяю: бойтесь меня какъ рока! Еще одно отступленіе — и я васъ такъ сражу, что вы во вѣки вѣковъ больше не подыметесь...

„Въ любви какъ въ злобѣ, вѣрь, Тамара,
Я неизмѣненъ и великъ“...

Продекламировала она низкимъ, дрожащимъ контральто, который потерялся въ плескѣ волнъ.

Петръ Николаевичъ взглянулъ на эту черную фигуру, стоявшую съ нимъ рядомъ какъ зловѣщая тѣнь на пустынномъ

берегу безбрежнаго моря... Никого не было около, никого не было близко, и только безстрастныя воды о чемъ-то тихо стонали...

IV.

Петръ Николаевичъ медлилъ идти домой. Простясь съ Анной, онъ зашелъ въ Казино, и видя Стеллу, сіяющую удовольствіемъ въ объятіяхъ какого-то припомаженнаго парижскаго франтика, съ прической à la Capoul и закрученными къ верху усиками, онъ подошелъ къ Погорѣлову. Погорѣловъ, принимавшій вообще все въ жизни молча и философски, согласился, что имъ дѣлать больше у Петра Николаевича нечего, и спокойно прибавилъ.

— Какъ это ты, братъ, такъ промахнулся. Но я тутъ ужъ не причемъ... Ты самъ долженъ какъ-нибудь вывернуться.

Погорѣлову было душевно жаль, что Петръ Николаевичъ попалъ въ просакъ. Онъ очень любилъ Петра Николаевича съ юныхъ лѣтъ, и дружба ихъ никогда не прекращалась, хотя они и представляли собою два контраста. Погорѣловъ былъ человѣкъ необыкновенно спокойный, молчаливый, съ тихимъ голосомъ, вкрадывающимся собесѣднику прямо въ душу, съ улыбкой, озаряющей все лицо его, точно лучемъ свѣта. И онъ не былъ скупъ на эту улыбку. Она часто пробѣгала по нѣсколько расплывчатымъ чертамъ его крупнаго лица и потухала въ задумчивости томныхъ глазъ.

Погорѣловъ былъ флегматиченъ не по глупости, не по напускной важности, подъ которой часто скрывается ограниченность, а потому, что считалъ дѣйствительную жизнь такими пустяками, надъ которыми не стоитъ задумываться, а ужъ тѣмъ паче кипятиться. Погорѣловъ былъ мыслитель и поэтъ. Большую часть жизни онъ провелъ въ своемъ кабинетѣ, въ компаніи мудрецовъ и философовъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ народовъ. За то онъ и умѣлъ почти понятно, — какъ выражался Петръ Николаевичъ, — изложить самую запутанную „спекуляцію мозга". Но внѣ абстрактныхъ теорій и гипотезъ, Погорѣловъ былъ совершенный младенецъ. Какое-нибудь обстоятельство, которое онъ могъ прекрасно объяснить какъ отвлеченный вопросъ, заставляло его поступить въ разрѣзъ не только съ выводами логики, но съ простымъ здравымъ смысломъ. Онъ часто признавалъ свою ошибку и опять таки теоретически могъ доказать, въ чемъ именно она заключалась, но тутъ же дѣлалъ новую оплошность.

Погорѣловъ пользовался большимъ уваженіемъ въ мірѣ каби-

ветныхъ ученыхъ. Онъ былъ въ перепискѣ съ нѣкоторыми изъ лучшихъ мыслителей своего времени, и охотно принималъ публичные диспуты, „словесные поединки“,—какъ онъ называлъ ихъ.

Въ свободное отъ мышленія время, онъ писалъ стихи. Риѳма сама собой выливалась изъ-подъ его пера. Въ ребяческой простотѣ и безъискусственности своей души, онъ не придавалъ никакого значенія своему поэтическому таланту, а потому вовсе имъ и не занимался.

— Я пишу стихи, — говаривалъ онъ съ улыбкой, — какъ барышня вышиваетъ по канвѣ. Мы оба очень хорошо знаемъ, что и то, и другое совершенно безполезно, но намъ лично оно пріятно.

Погорѣловъ не прочь былъ себя иногда и побаловать и, хотя считался въ дружескомъ кругу, и самъ считалъ себя философомъ, доставить себѣ пріятныя развлеченья. Они, чаще всего, являлись въ видѣ сердечныхъ, мимолетныхъ увлеченій. Уже съ молоду онъ вдругъ выходилъ изъ своей флегмы, сильно увлекался, и такъ же сильно и быстро разочаровывался, и ни философія, ни годы, ни даже сама Анна Игнатьевна не могли его исправить отъ этой вопіющей потребности.

Женился онъ на Аннѣ Игнатьевнѣ тоже въ одинъ изъ порывовъ увлеченія. Ему въ ту пору сильно надосадила какая-то свѣтская красавица, и онъ вообразилъ себѣ, что ему пора остепениться. Онъ говорилъ друзьямъ, что хочетъ отдать себя подъ защиту любящаго сердца, такъ сказать, отдать себя на охраненіе отъ женскаго коварнаго кокетства въ руки женщины, не надѣленной красотой, т.-е. залогомъ ничтожества и порочности, но за то одаренной умомъ и твердымъ характеромъ.

Въ ту пору онъ самъ надъ собой трунилъ, и говорилъ друзьямъ, которые отговаривали его жениться на Аннѣ Игнатьевнѣ:

— Нѣтъ, господа, я рѣшился. Самъ себя не умѣю сдерживать, такъ нужно учредить надъ собой нравственную полицію, которая бы или сдержала строгимъ выговоромъ, или бы просто засадила въ „часть супружескаго долга“.

Скоро, однако, оказалось, что Анна Игнатьевна, одаренная отъ природы не только всѣми качествами нравственной полиціи, но и чрезмѣрной раздражительностью, вмѣсто того, чтобы забирать его въ „часть супружескаго долга“, бичевала его „на людяхъ“, поднимая цѣлыя бури обвиненій и обличеній. Зоркое око ея всегда подмѣчало „неопровержимое доказательство“; вихремъ влетала она въ кабинетъ и выставляла глубокомысленнаго философа въ жалкомъ и смѣшномъ видѣ пойманнаго шалуна. На

время онъ утихалъ, но натура брала свое, и онъ снова осторожно, втихомолку выползалъ и съ наслажденіемъ стряпалъ какую-нибудь интрижку.

Анна Игнатьевна вовсе не любила мужа, и никогда не чувствовала къ нему ни малѣйшей ревности, но ей все это „надоѣло" и она возвратила Погорѣлову свободу въ обмѣнъ за очень кругленькій годовой окладецъ. Они разстались, пожавъ другъ другу руку, Анна Игнатьевна пожелала мужу всякаго „счастія и благополучія", какъ она говорила, сама же пустилась въ погоню за мечтой всей своей жизни, которою изъ году въ годъ питалось ея воображеніе. Встрѣтиться съ Петромъ Николаевичемъ, покорить его и добиться счастья—превратилось у Анны въ настойчивую idée fixe. Въ юности она съ перваго взгляда влюбилась въ Петра Николаевича, въ тотъ самый день, когда у тетки, Александры Ивановны, ей представили Веприна, какъ жениха кузины Вѣры. Внезапное, жгучее, непоборимое чувство загорѣлось въ ней. Она таила его въ глубинѣ души, какъ сокровище, и убаюкивала свою зависть и ревность самообольщеніемъ, что все же, „когда-нибудь" да возьметъ его у кузины.

Петръ Николаевичъ женился и, какъ читателю уже извѣстно, скоро послѣ женитьбы уѣхалъ за границу. Анна въ отчаяніи, что ея же мать помогла ему въ хлопотахъ отъѣзда, въ душѣ назвала мать „разлучницей". Она не хотѣла жить съ нею подъ однимъ кровомъ, и рѣшила выйти замужъ за перваго подходящаго господина. Погорѣловъ пожелалъ пріютить себя подъ „любящее крылышко супружеской охраны", и выборъ его палъ на Анну.

Анна вышла за него замужъ, но излюбленная идея все гнѣздилась, разросталась и крѣпла въ ея упорной головѣ. Желанье присвоить себѣ Петра Николаевича и удержать его за собой доходило до мучительной необходимости. Сперва она оплакивала его, какъ утрату, и сознавая свою некрасивую наружность, съ яростью кляла безсмысленную природу. Потомъ ею овладѣло желаніе изучить всѣ слабыя струнки мужского сердца, чтобы во всякое время знать, какъ завладѣть сердцемъ Петра Николаевича. Къ своему большому удивленію и удовольствію Анна стала замѣчать, что и безъ красоты женщина можетъ повергать къ стопамъ своимъ пламенныхъ поклонниковъ, и что главный рычагъ мужскихъ поступковъ не что иное, какъ „своенравіе мечты". Выводъ этотъ хотя и очень порадовалъ Анну, но не достался ей даромъ. Она заплатила за него репутаціей женщины капризной, жестокосердой, хитрой и вѣроломной. Но всѣ эти эпитеты только

смѣшили Анну, и она безцеремонно называла своихъ поклонниковъ „маріонеточками“ и играла ими по внушенію каприза.

Года, между тѣмъ, шли, оставляя на некрасивомъ лицѣ замѣтные слѣды въ видѣ глубокихъ морщинъ. Бѣлыя нити закрадывались въ рѣдѣющіе волосы; желтоватая кожа принимала грязный оттѣнокъ. Третій десятокъ подходилъ къ концу.

Анна, наконецъ, возмутилась противъ своей собственной безхарактерности, отпустила мужа на всѣ четыре стороны, а сама устремилась за границу. Ей нужно было, во что бы то ни стало, достичь завѣтнаго счастья и она рѣшилась на все. Наученная опытомъ жизни, она сознавала, что должна подползти къ этому счастью осторожно, прикрывая свою злостную цѣль личиной скорби, всегда выставляя на видъ свое одиночество, свое сожалѣнье о прошломъ.

Когда до нея дошли слухи о продолжительной болѣзни Вѣры, чутье подсказало ей, что именно теперь время, теперь или никогда. Все, что она увидѣла въ Трувилѣ, показалось ей сказочнымъ сномъ, предвѣщающимъ близкое счастье. Она торжествовала!

Въ упоеніи стояла она рядомъ съ Петромъ Николаевичемъ на берегу моря, и теперь, все въ томъ же упоеніи, бросилась она на свое одинокое, безсонное ложе.

V.

Петръ Николаевичъ такъ и не видѣлъ жену въ тотъ вечеръ. Онъ пришелъ поздно, она сказалась усталою, и уже легла.

На слѣдующее утро они встрѣтились за чаемъ. Вѣра Андреевна была въ столовой только съ Бэби, остальные уже кончили пить чай и разошлись по своимъ занятіямъ. Вѣра Андреевна сидѣла у стола, держа сына на колѣняхъ. Когда Петръ Николаевичъ вошелъ, она сидѣла, наклонясь надъ золотистой головкой ребенка и прижимаясь къ нему своей блѣдной щекой. Бэби держалъ въ рукахъ розу, отъ которой онъ отщипывалъ лепестки. Увидя отца, онъ поспѣшно докончилъ свою разрушительную работу, и съ улыбкой торжества протянулъ Петру Николаевичу голый стебель. Слезы набѣжали на глаза Вѣры Андреевны и она нервно прижала къ груди своего младенца. И какъ прозрачна была ея тоненькая ручка, которая утопала въ вышивкахъ дѣтскаго платья! Во всѣ послѣдующіе годы своей жизни Петръ Николаевичъ не могъ позабыть этой трогательной группы! Теперь

же и на его глазахъ навернулись слезы, и онъ припалъ губами къ рукѣ жены.

— Петя,—едва внятно прошептала Вѣра Андреевна,—ты свободенъ.

Это было начало объясненія, которое Вѣра Андреевна выдержала съ большимъ мужествомъ. Много вопросовъ было тутъ задѣто, и накипѣвшія чувства высказались.

— Ты не можешь бросать въ меня камнемъ, — горячился Петръ Николаевичъ,—я сотворенъ не изъ воздуха. Знаешь ли ты, можешь ли ты понять, сколько борьбы я перенесъ, прежде чѣмъ поддался увлеченью, какъ ты говоришь. Въ началѣ я поступалъ съ собою, какъ фанатикъ. Я хотѣлъ, чтобы нравственный человѣкъ восторжествовалъ во мнѣ.

— Но это скоро тебѣ надоѣло...

— Я не могъ выдержать, клянусь не отъ нежеланья, а просто не могъ—вотъ и все.

— И ты счелъ лучшимъ обманывать меня! ахъ, Петя, Петя!

И Вѣра Андреевна съ укоризной покачала головой.

— Другъ мой, войди ты въ мое положеніе...

— Нѣтъ, не войду! Еслибы ты былъ боленъ полгода, какъ бы, по твоему, мнѣ слѣдовало поступить? Я была бы здорова, въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, мнѣ бы тоже было душно сидѣть день и ночь въ спертой комнатѣ больного. Я бы, можетъ быть, тоже съ собой не справилась, и что тогда?

— Тогда бы тебѣ простили,—и Петръ Николаевичъ обнялъ жену.—Мы не такъ нравственны, какъ вы, —сказалъ онъ,—но за то и не такъ жестоки. Мало ли было примѣровъ! Сперва мы разбушуемся, а потомъ все и забыто. Мы не простили, какъ вы, а забыли, и никогда объ этомъ помину нѣтъ.

Не смотря на свой недавній гнѣвъ, Вѣра Андреевна улыбнулась. Будничная, даже немножко вульгарная логика матери пришла ей на память. Она подумала о дѣтяхъ, о томъ, что ея добродѣтельное упрямство всею тяжестью ляжетъ на ихъ безвинныя головы. Материнское чувство возмутилось въ ней при мысли лишить своихъ бѣдныхъ дѣтей такого добраго отца.

— Хорошо, Петя,—сказала она,—я сдаюсь. Я забуду это единственное отступленіе въ нашей жизни. Я припишу его несчастной случайности...

— Но?—спросилъ онъ, взявъ ее за обѣ руки.

— Да, тутъ есть но,—отозвалась она,—не обманывай меня больше. Я не хочу играть жалкую роль, обманутой жены. Отъ

одной мысли объ этомъ все возмущается во мнѣ. Я не хочу купить мнимый покой цѣною самообольщенія.

Вѣра Андреевна, избалованная счастливой жизнью, не знала, что для жены часто бываетъ гораздо лучше не подводить будничныя случайности въ жизни мужа подъ возвышенныя теоріи отвлеченной добродѣтели. Жизнь не преподала ей того простого урока, что гораздо разумнѣе иногда кое-что не досмотрѣть, иногда кое-что не дослышать, а ужъ никакъ не ставить идеальные принципы обоюдной откровенности. Въ прямодушіи своемъ видѣла она дальнѣйшій покой и возвратъ какъ бы пошатнувшагося счастія, въ обѣщаніяхъ мужа. Она вѣрила этимъ обѣщаніямъ и хотѣла услышать ихъ изъ устъ самого Петра Николаевича. И Петръ Николаевичъ не поскупился. Въ порывѣ раскаянія и увлеченія онъ щедро надавалъ Вѣрѣ Андреевнѣ бездну всевозможныхъ обѣщаній, которыя, вѣроятно, весьма мало отличались отъ всего того, что́ обыкновенно говорится въ подобныхъ случаяхъ.

— Смотри же, я вѣрю, что ты никогда больше не увидишь эту Стеллу!

— Ни за что! никогда! какъ можно!—говорилъ онъ, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ, — что мнѣ въ ней; она жалкая, пустая вертушка!

— Оставимъ ее; она случайно мелькнула въ нашей жизни, и пусть опять стушуется навсегда. Ты больше ее не увидишь— этого для меня достаточно.

Миръ былъ заключенъ. По привычкѣ многихъ лѣтъ Вѣра Андреевна стала разсказывать Петру Николаевичу, какъ дѣти провели наканунѣ свой импровизированный пикникъ, кому было весело, кому скучно и какія съ кѣмъ случились непредвидѣнныя приключенія. Посторонній человѣкъ, который случайно вошелъ бы въ комнату, не могъ бы и заподозрить, что въ супружескомъ счастьѣ бесѣдующихъ пронесся ураганъ. Онъ миновалъ, и оба были теперь довольны и по прежнему спокойны.

Дверь тихонько отворилась и въ нее просунулась голова Анны. Одной секунды было ей достаточно, чтобы сдѣлать должное заключеніе. Ножомъ рѣзнуло у ней по сердцу.

— Ахъ, извините, я кажется помѣшала,—конфузливо и нерѣшительно сказала она.

— Напротивъ, вы пришли очень кстати,—буйно перебилъ ее Петръ Николаевичъ:—вчера вы были свидѣтельницей размолвки, сегодня, вы видите, все прощено и забыто.

— Вижу и радуюсь... и вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ ужасно непріятно.

— Радуюсь и непріятно — извольте объясниться, Анна Игнатьевна.

— Викторъ здѣсь.

— Какъ, они еще не уѣхали! гдѣ же Викторъ?

— Онъ прошелъ въ вашъ кабинетъ.

— Что ему нужно?

— Я не знаю; мнѣ онъ не хочетъ ничего сказать.

Петръ Николаевичъ быстро вышелъ. Его провожалъ тревожный взглядъ Вѣры Андреевны.

— Ужасно!—воскликнула Анна,—вы только-что помирились и опять эта...

— Что? говори?

— Мнѣ страшно вмѣшиваться въ чужія дѣла, Вѣра; что-нибудь выйдетъ неладно, и всегда окажешься виновною.

— Я не обвиню тебя, говори.

— Викторъ—такая тряпка, баба, это просто возмутительно! Теперь эта капризница не хочетъ уѣзжать, пока Петръ Николаевичъ не придетъ проститься съ нею.

— Что-о?

— Не хочетъ и съ мѣста нейдетъ. Они уже пропустили одинъ поѣздъ,—и Анна досадливо махнула рукой.

— Этого невозможно, Петя этого не сдѣлаетъ, онъ обѣщалъ... Петя не пойдетъ, онъ не можетъ...

— И отлично, и не пускай, Вѣра, ни за что не пускай!.. Скажите пожалуйста—не хочетъ уѣзжать! Пусть насильно увезутъ! Вотъ вздоръ, стоитъ на это вниманіе обращать!

— Пойдемъ въ кабинетъ,—нервно говорила Вѣра Андреевна,—я сама скажу Виктору, что Петя не можетъ идти...

— А я скажу, что **сама** пойду и выгоню его синьору, если онъ не можетъ съ нею справиться!

Въ сильномъ волненіи вошла Вѣра Андреевна въ кабинетъ мужа.

— Я знаю, зачѣмъ вы пришли,—обратилась она къ Погорѣлову,—но мужъ мой далъ честное слово...

— Умоляю васъ, Вѣра Андреевна,—перебилъ ее Погорѣловъ,—только на пять минутъ, сказать ей прощай, и больше никогда, никогда онъ ее не увидитъ...

— Говорю тебѣ: не пойду и не пойду, — настойчиво твердилъ Петръ Николаевичъ.

— Петя не можетъ и не долженъ идти,—вся разгорѣвшись, страстно говорила Вѣра Андреевна: — онъ останется здѣсь, со мной, съ семьей! Ему дѣла нѣтъ до капризовъ вашихъ фавориткъ!

— Вѣра Андреевна, голубушка, въ послѣдній разъ,—не смущаясь гнѣвомъ Вѣры Андреевны, умолялъ Погорѣловъ, — ну, ей же ей, въ послѣдній разъ; на пять минутъ... Я цѣлое утро съ нею бьюсь, смотрите, даже исцарапала...

И онъ показалъ исцарапанную руку.

— Ни за что, ни за что!—продолжалъ твердить Петръ Николаевичъ.

— Какъ тебѣ не стыдно нарушать покой цѣлой семьи!—вмѣшалась Анна:—это ужъ переходитъ всякія границы! Пойдемъ, я покажу твоей испанской красавицѣ, что значитъ русская жена! Вчера она надо мной потѣшалась, а сегодня я надъ нею посмѣюсь. Пойдемъ!

— Тебя я не пущу, вы обѣ полоумныя!

— Я ее вотъ такъ скручу! — и Анна въ жгутъ скрутила свою кружевную косынку.

— Да вы, господа, съ ума сошли! — въ отчаяніи жаловался Погорѣловъ:—вы хотите заводить скандалы, когда Вепринъ тремя словами можетъ покончить все дѣло!

— А Вепринъ именно этихъ трехъ словъ и не желаетъ сказать,—вызывающимъ тономъ возразила Анна:—пойдемъ.

Петръ Николаевичъ въ волненіи ходилъ по комнатѣ. Вѣра Андреевна съ ужасомъ слѣдила за каждымъ его движеньемъ.

Погорѣлову представилась сцена столкновенія между двумя такими тигрицами какъ Анна и Стелла.

— Хорошо ты поступаешь!—раздраженно воскликнулъ онъ:—самъ же заварилъ всю кашу, а теперь предоставляешь женщинѣ ее расхлебывать!

— Баба! тряпка!—съ негодованьемъ швырнула Анна мужу въ лицо нелестные эпитеты, и скрылась за дверью.

Въ окнѣ быстро промелькнула ея черная шляпка.

— Вѣра... неужели... неужели...—началъ Петръ Николаевичъ.

Но Вѣра Андреевна не шевельнулась, она прямо и неподвижно сидѣла въ креслѣ.

— Я иду, Вѣра, я иду...

И не слыша отвѣта, Петръ Николаевичъ принялъ это за согласіе и бросился за Анной. Погорѣловъ подошелъ къ Вѣрѣ Андреевнѣ и въ благодарность протянулъ ей руку. Вѣра Андреевна не взяла ее, и тутъ только Викторъ замѣтилъ, что ей сдѣлалось дурно. Какъ умѣлъ, онъ привелъ ее въ чувство. Она открыла глаза.

— Гдѣ Петя?—спросила она.

— Онъ сейчасъ придетъ.

— Ушелъ таки,—горько промолвила она, тихо встала, и не обративъ больше вниманія на Погорѣлова, пошатываясь, вышла изъ комнаты.

Петръ Николаевичъ скоро догналъ Анну, которая только для вида промчалась мимо оконъ, а въ сущности завернула за первый уголъ и тамъ дожидалась, чья возьметъ. Завидя издали Петра Николаевича, она опять почти побѣжала, и когда онъ догналъ ее, много трудовъ ему стоило убѣдить ее не ходить къ Стеллѣ. Анна упорно стояла на своемъ и твердила, что не позволитъ дѣлать Вѣрѣ непріятности и что такъ какъ Викторъ человѣкъ безхарактерный, да и самъ Петръ Николаевичъ, кажется, не надѣленъ особенной храбростью, то она расправится съ испанкой по своему.

— А что касается до скандала, о которомъ и вы, и Викторъ все твердите, то это для меня рѣшительно все равно, послѣ всего того, чтó вы сами надѣлали.

Вся эта борьба великодушія, происходившая въ маленькомъ переулкѣ, куда Петръ Николаевичъ завернулъ изъ предосторожности, и дала Погорѣлову время подойти. Онъ умолчалъ объ обморокѣ Вѣры Андреевны, это было въ его интересѣ. Анна еще разъ напустилась на него, но, наконецъ, все же сдалась. Она, однако, поставила деспотическое условіе, чтобы по часамъ, ровно черезъ полчаса, Петръ Николаевичъ былъ въ томъ же переулкѣ, на томъ же мѣстѣ, гдѣ они разстанутся, и грозила, что если онъ опоздаетъ хотя бы на пять минутъ, то можетъ быть увѣренъ, что она явится къ синьорѣ...

Петръ Николаевичъ сдержалъ слово, и былъ на указанномъ мѣстѣ даже тремя минутами раньше срока, но тутъ Анна начала высказывать ему въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ свое негодованье, возмущенье, порицанье, и такъ больно язвила его, что между ними завязался одинъ изъ тѣхъ безконечныхъ и увлекательныхъ споровъ, которые обыкновенно заставляютъ русскаго человѣка потерять сознаніе и времени, и мѣста. Только какое-нибудь случайное обстоятельство возвращаетъ его снова къ дѣйствительности.

Въ данномъ случаѣ такимъ обстоятельствомъ явился дождь. Онъ полилъ ливнемъ и обдалъ разгоряченнаго Петра Николаевича прохладной душей. Тутъ только Петръ Николаевичъ спохватился, что, должно быть, прошло много времени съ тѣхъ поръ, какъ онъ вышелъ изъ дому. Взглянувъ на часы, онъ покраснѣлъ, увидя, какую новую безтактность сдѣлалъ относительно жены.

— Когда мы уходили,—утѣшала его Анна,—былъ уже часъ

завтрака, а тамъ и прогулка. Должно быть, Вѣра теперь здѣсь по близости, на берегу, съ дѣтьми.

Петръ Николаевичъ побѣжалъ по указанному направленію, и дѣйствительно нашелъ тамъ дѣтей, но Вѣры не было.

— У нея сильно разболѣлась голова,—лаконически пояснила Александра Ивановна.

Снова спокойная, снова упоенная и счастливая, Анна, несмотря на дождь, который уже и проходилъ, увлекла дѣтей въ какую-то шумную игру. Петръ Николаевичъ поспѣшно пошелъ домой.

Вѣра Андреевна сидѣла на балконѣ, съ книгою въ рукахъ, которую она не читала. Она была спокойна и не подняла головы, когда къ ней подошелъ Петръ Николаевичъ.

— Уѣхали!—сказалъ онъ со вздохомъ облегченія.

— Все равно!—произнесла сквозь зубы Вѣра Андреевна.

— Я такъ счастливъ, Вѣра, точно обуза у меня съ плечъ свалилась.

— Съ твоихъ свалилась, а на мои легла.

— Какъ такъ!

— Не вѣрю я тебѣ больше, Петя! эта уѣхала, другая пріѣдетъ...

— Помилуй, гдѣ же эта другая?

— Найдешь!

Разстроенный нервами до послѣдней степени, униженный Стеллой, обругавшей его какъ только можетъ обругать дочь уличной торговки, взросшая на площади испанскаго базара, уязвленный злымъ бичеваньемъ Анны, Петръ Николаевичъ, наконецъ, не выдержалъ.

— Ты не можешь говорить мнѣ подобныя вещи,—накинулся онъ на жену:—я командовать собою не позволю,—онъ повысилъ голосъ,—и вертѣть собою тоже не позволю, слышишь!

Въ большой досадѣ онъ вышелъ, но тотчасъ же опомнился. Онъ сознавалъ, что на Вѣру Андреевну обрушилось все то, что должно было бы обрушиться на Стеллу и пожалуй и на Анну. Онѣ обѣ были для него вполнѣ чужія, и никакихъ обязательствъ относительно ихъ онъ не имѣлъ, и никакого счастья онѣ ему никогда не дали, точно такъ же какъ не принесли ему никакой жертвы. Однако и съ той, и съ другой онъ обошелся сдержанно и мягко, а сорвалъ сердце только на той единственной женщинѣ, которая была связана съ нимъ цѣлою молодостью и которой уже безъ того нанесъ глубокую обиду.

Все это Петръ Николаевичъ отлично сознаλъ, и даже раз-

сердился на себя, но опять-таки ложный стыдъ приковалъ его къ мѣсту. Онъ взялъ книгу и сталъ читать, чтобы въ сферахъ отвлеченной науки найти покой своему взволнованному духу.

VI.

Вѣра Андреевна была женщина скорѣй сосредоточенная сама въ себѣ, чѣмъ склонная къ изліяніямъ своихъ чувствъ. Характера она была пріятнаго, ровнаго и привлекательнаго своей простотой. Она была проста во всемъ—и въ рѣчи дружелюбной, и привѣтливой, и въ пріемахъ, лишенныхъ той конфузливой робости, подъ которой часто скрывается избытокъ самолюбія и страхъ сдѣлать что-нибудь не вполнѣ согласное съ приличіями хорошаго тона. И въ одеждѣ она избѣгала той вычурности, которая такъ привлекательна для большинства хорошенькихъ женщинъ; а Вѣра Андреевна по наружности была не только хорошенькая, но даже красивая женщина. Она отличалась тѣмъ благороднымъ типомъ, который составляетъ идеалъ женщины честной. Это типъ довольно высокій, стройный, скорѣе худощавый, чѣмъ расплывчатый, съ нѣсколько удлиненнымъ оваломъ лица, съ высокимъ бѣлымъ лбомъ, не прикрытымъ подрѣзанными волосенками бахрамой или завитушками, съ тонкими хорошо опредѣленными чертами лица, пропорціональнымъ носомъ съ легкой горбинкой, съ изящными бровями надъ большими глазами и съ хорошо-очерченными губами небольшого рта.

Вѣра Андреевна по наружности вполнѣ подходила подъ этотъ типъ. Золотистые волосы ея съ самаго пробора извивались крупной волной, и собранные въ одну витую косу, обнажали затылокъ рѣдкой красоты. Глаза ея были синіе, съ глубокимъ, серьезнымъ взглядомъ, брови темнѣе волосъ.

Въ кругу своихъ многочисленныхъ друзей и знакомыхъ Вѣра Андреевна время отъ времени возбуждала восторгъ или иное пылкое чувство, но бо̀льшею частью она только нравилась, т.-е. вызывала къ себѣ уваженіе, довѣріе, желанье почаще быть въ ея обществѣ, желанье сдѣлать ей пріятное. Взглянувъ на нее, посреди ея семьи, всякій поклонникъ женской красоты, а тѣмъ болѣе искатель приключеній, скоро понималъ, что тутъ все ясно и просто, и мѣста для искателей приключеній—нѣтъ.

Жизнь Вѣры Андреевны была такъ же проста и ясна какъ и все существо ея. Дѣтство и юность она провела подъ крылышкомъ матери. Отца она не помнила—онъ умеръ, когда она

еще была ребенкомъ. Александра Ивановна хотя и осталась молодой вдовой, обладавшей хорошимъ состоянiемъ и красивой наружностью, но материнское чувство всецѣло поглотило ее, и она посвятила себя дочери. Дочь вполнѣ вознаградила и за принесенныя въ свое время жертвы, и супружествомъ своимъ тоже осчастливила Александру Ивановну. Вепринъ былъ человѣкъ безъ всякаго предубѣжденья противъ тещъ. Одинокая, Александра Ивановна поселилась съ дочерью и изъ году въ годъ жила съ нею подъ однимъ кровомъ. Во внукахъ своихъ она еще разъ переживала всѣ радости материнской любви.

Супружество Вѣры Андреевны совершилось тоже просто— по взаимной любви. Положенiе и состоянiе подходили, и не было ни ссоръ, ни борьбы, ни боя, ни преградъ.

Только одно большое горе и узнала Вѣра Андреевна во всѣ двѣнадцать лѣтъ своего супружества—это было, когда умеръ ея второй сынъ, мальчикъ лѣтъ уже шести. Она долго оплакивала его и не могла примириться съ его утратой. Но явился еще сынъ, похожiй на умершаго, и Вѣра Андреевна полюбила въ немъ двоихъ—и живого, и утраченнаго.

И вдругъ, среди этой душевной тишины, поднялся вихрь. Онъ все скрутилъ, все сломалъ, все разнесъ,—и остановилась Вѣра Андреевна въ нѣмомъ оцѣпенѣнiи передъ развалинами своего счастья.

Когда Петръ Николаевичъ, такъ рѣзко обойдясь съ нею, оставилъ ее одну, она сперва горько заплакала. Она глубоко почувствовала обиду, но себя же обвинила за то, что своимъ капризнымъ поведеньемъ вызвала ее въ добромъ Петрѣ Николаевичѣ. Она начала разбирать свои мысли и поступки, и рѣшила, что за послѣднее время во многомъ измѣнилась къ худшему— стала раздражительна, рѣзка, даже язвительна въ отношенiяхъ своихъ къ мужу. Вѣра Андреевна старалась отчасти извинить себя тѣмъ, что и ей ударъ былъ не легокъ, но разъ, что она обѣщала з а б ы т ь, ей слѣдовало выдержать непрiятность спокойно, до самаго конца. Вѣра Андреевна обвинила себя въ нетерпѣнiи и упрекнула себя въ томъ, что она избалована легко-доставшейся жизнью и что въ ней не хватило выдержки.

Вѣра Андреевна утерла слезы и рѣшилась твердо вынести это первое жизненное испытанiе и не давать волю своимъ хотя и естественнымъ, но все же эгоистическимъ вспышкамъ. Но тутъ внезапно мелькнулъ образъ Стеллы. Она предстала какъ живая, съ ея ослѣпительной красотой, прикрывающей паденье и продажность, и сердце Вѣры Андреевны гнѣвно забилось, и сдѣлалось

ей гадко, что Петръ Николаевичъ, тотъ самый Петръ Николаевичъ, который весь былъ сотканъ изъ умственныхъ интересовъ и высшихъ стремленій, могъ забыть все прошлое для этого бездушнаго тѣла и измѣнить ей, положившей на него всю свою душу, ради покупной ласки, грубой лжи, обмана и притворства. Что онъ могъ выдумывать небывалыя встрѣчи, изобрѣтать необходимость какихъ-то засѣданій, будто бы требующихъ его непремѣннаго присутствія въ Парижѣ. А когда подъ предлогомъ новой, спѣшной работы, онъ уходилъ въ свой кабинетъ, прося его не безпокоить, то не серьезный трудъ увлекалъ его, какъ бывало прежде, а воспоминаніе о только-что пережитыхъ оргіяхъ!

Духъ захватило у Вѣры Андреевны и припомнились ей слова матери, сказанныя Александрой Ивановной какъ-то ужъ очень давно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

— Все хорошо, Вѣрочка,—сказала она тогда, Вѣра Андреевна теперь не могла припомнить по какому случаю:—только одно нехорошо—молодости у твоего мужа не было.

Въ ту пору Вѣра Андреевна разсмѣялась.

— Какая же у него была молодость?—продолжала Александра Ивановна:—прежде все книги читалъ, и о нихъ до слезъ спорилъ, потомъ женился...

— По любви, мама, по любви!

— Знаю, знаю!.. Потомъ пошли дѣти...

— Въ которыхъ онъ души не слышитъ, мама, онъ рѣдкій отецъ...

— Рѣдкій отецъ, и рѣдкій мужъ, все это такъ, только молодости у него все же не было.

— Да что-жъ это, наконецъ, такое, твоя „молодость“!—воскликнула Вѣра Андреевна.

— Что такое? а то, что молодой человѣкъ дѣлаетъ глупости и дуритъ и самъ потѣшается своею дурью, пока она ему не надоѣстъ и не опостылѣетъ.

— Не всѣ такъ дѣлаютъ!—смѣясь отозвалась Вѣра Андреевна.

— Не всѣ, такъ не всѣ,—согласилась Александра Ивановна, и разговоръ тогда прекратился и никогда уже больше не возобновлялся, и теперь...

Теперь, въ 38 лѣтъ, въ Петрѣ Николаевичѣ какъ будто заговорила эта юная „мужская дурь“. А если это есть непремѣнная потребность организма, которая, подавленная въ молодости, можетъ заговорить съ двойной силой въ зрѣломъ возрастѣ?

Вѣрѣ Андреевнѣ представилась жалкая картина столькихъ супружествъ, прошедшихъ на ея глазахъ, гдѣ мужъ, постоянно

увлекаясь новизной, наносить женѣ самыя грубыя обиды, чтобы потомъ трогательно раскаяваться. Какъ гадка его ласка въ эпоху междуцарствія, когда разочарованный онъ возвращается къ своему опостылому очагу; какъ возмутительна его грубость, когда въ этомъ же очагѣ онъ видитъ преграду новой приманкѣ! Пошлость подобныхъ супружествъ была не для гордаго нрава Вѣры Андреевны. Увѣрять себя, что ради дѣтей и свѣта жена должна прикрывать шалости мужа, она не могла. Наблюденье надъ другими доказало ей, что свѣтъ, для котораго жена часто подвергаетъ себя самымъ обиднымъ оскорбленіямъ, ее же первую за это осуждаетъ. Свѣтъ въ этомъ отношеніи безпощаденъ и жестокъ, и гордый своей будничной моралью, онъ обвиняетъ въ сообщничествѣ и подстрекательствѣ жену, не протестующую противъ отступленій мужа.

Но собственно даже и не кара свѣта тревожила Вѣру Андреевну. Она была одна изъ тѣхъ цѣльныхъ натуръ, которыя, сами любя искренно и глубоко, не могутъ примириться съ мыслью о раздѣлѣ.

Обыденная жизнь, со всѣми ея рутинными мелочами, по неволѣ отвлекала Вѣру Андреевну отъ тяжелыхъ размышленій, но лишь только выдавалась свободная минута, снова въ сердцѣ начиналась утихнувшая борьба. Ровность характера Вѣры Андреевны отъ этого пострадала. Съ Петромъ Николаевичемъ она стала молчалива и застѣнчива и избѣгала оставаться съ нимъ наединѣ, боясь новыхъ объясненій. Съ дѣтьми она была принужденно весела, боясь выдать свое душевное безпокойство. Матери она ничего не говорила, боясь услышать отъ Александры Ивановны порицаніе мужу и тѣ заключенія простонародной логики, отъ которыхъ она была отрѣзана цѣлой жизнью размышленій, какъ отъ чего-то отжившаго и самодурнаго.

Къ сожалѣнію Петръ Николаевичъ совершенно не понялъ ту мучительную работу, которая происходила въ сердцѣ его жены, и раздраженный глухими, но надоѣдливыми самоупреками, обвинилъ жену въ злопамятности. Въ ея робости—онъ хотѣлъ видѣть уязвленное самолюбіе; въ ея страхѣ оставаться съ нимъ съ глазу-на-глазъ—безмолвный, но своенравный и упорный протестъ. Онъ сталъ придирчивъ къ женѣ, и часто въ самой простой ея рѣчи находилъ для себя язвительные намеки. Петръ Николаевичъ внутренно упрекалъ жену въ мелочности и дулся на нее. Она съ разу уронила себя въ его глазахъ на нѣсколько ступеней. Онъ, всегда предполагавшій въ ней любящее, широкое

сердце, при первомъ столкновеніи натыкался на чисто женскую мелочность. Онъ не находилъ достаточнаго основанія для того, чтобы Вѣра Андреевна такъ упорно на него сердилась, и удивлялся, какъ разумная женщина можетъ придавать такое значеніе банальной интрижкѣ.

По внѣшности Петръ Николаевичъ и Вѣра Андреевна были въ дружескихъ отношеніяхъ,—онъ былъ всегда внимателенъ, она добра, и только зоркій глазъ Анны могъ подмѣтить, что между ними что-то порвалось, и въ ея интересахъ было не давать снова связаться уходящимъ концамъ лопнувшей нити.

Скоро и еще одно, повидимому, ничтожное обстоятельство усложнило и безъ того натянутое положеніе. Въ Трувиль пріѣхалъ Штейнъ.

Онъ не видѣлъ Вѣру Андреевну болѣе трехъ мѣсяцевъ. Весной, когда онъ оставилъ ее въ Ниццѣ, она была слаба и блѣдна, но казалась счастливою. Теперь же ему бросилась въ глаза перемѣна въ выраженіи ея лица. То-и-дѣло ловилъ онъ на немъ едва замѣтные оттѣнки грусти и печали, которыхъ, однако, прежде никогда не замѣчалъ. Штейнъ понялъ, что въ жизни Вѣры Андреевны что-то произошло, но какъ человѣкъ западный, въ общежитіи осторожный и даже въ дружескихъ отношеніяхъ деликатный, онъ оставилъ свои замѣчанія про себя, и не показалъ вида, что нашелъ въ Вѣрѣ Андреевнѣ какую-либо перемѣну.

Н. А. Таль.

БЕРЛИНЪ

как

СТОЛИЦА ГЕРМАНІИ

Воспоминанія о пятилѣтнемъ пребываніи въ немъ, Георга Брандеса, 1884.

Переводъ съ датскаго.

Авторъ воспоминаній о своемъ пятилѣтнемъ пребываніи въ Берлинѣ вовсе не имѣетъ намѣренія дать какое-нибудь подробное или историческое описаніе столицы Германіи; онъ только собралъ и разработалъ рядъ замѣтокъ, обрисовывающихъ съ разныхъ сторонъ внѣшнюю физіономію и умственную жизнь этого города.

Въ первый разъ я увидѣлъ Берлинъ въ 1868 г., когда онъ былъ еще только столицей Пруссіи; въ 1872—1876 г., я изъ году въ годъ посѣщалъ его, проводя здѣсь по нѣскольку мѣсяцевъ къ ряду (два раза по полугоду) и, наконецъ, съ осени 1877 г. до весны 1883 г. поселился-было въ немъ совсѣмъ и имѣлъ, слѣдовательно, возможность и случай познакомиться довольно близко съ условіями жизни въ Германіи. Тѣмъ не менѣе свѣденія мои довольно ограничены, что́ зависитъ частью отъ нѣкоторой невольной для меня односторонности, а частью оттого, что я велъ здѣсь жизнь трудовую, не будучи туристомъ. Я не могъ много посвящать времени на осмотръ города и наблюдать жителей съ точки зрѣнія путешественника; я скоро сдѣлался самъ

его дѣтищемъ и потому больше знакомъ съ характеромъ его жизни, чѣмъ съ достопримѣчательностями города, такъ какъ я не рыскалъ лихорадочно, подобно туристу, по городу, чтобы осмотрѣть возможно болѣе. Обыденныхъ описаній картинныхъ галлерей, театровъ, танцклассовъ и тому подобнаго вы здѣсь не найдете.

Мнѣ и въ голову не приходило наблюдать городъ съ намѣреніемъ описать его. Я дышалъ тѣмъ же воздухомъ, жилъ той же жизнью. Наблюденія мои были невольными и набросаны безъ всякой системы, поэтому мнѣ довольно трудно говорить слишкомъ опредѣленно и брать слишкомъ большую отвѣтственность въ достовѣрности того, что̀ я знаю или думаю, что знаю.

Рѣшивъ избѣгать всякаго преждевременнаго сужденія, я лишилъ себя тѣмъ самымъ обычной легкости, съ которой я набрасываю мои общія заключенія и быстро лѣплю все видѣнное и пережитое. Я постараюсь даже совершенно воздерживаться отъ сужденій о какомъ-либо наблюденіи, чѣмъ легкомысленно обобщать ихъ. Впечатлѣнія мои часто противорѣчатъ другъ другу, мысли же очень рѣдко.

Еслибы въ моей молодости какая-нибудь гадальщица предсказала мнѣ, что, достигнувъ зрѣлыхъ лѣтъ я, датчанинъ, по собственному желанію надолго поселюсь въ Берлинѣ, я счелъ бы это невѣроятнымъ. Въ то время Германія казалась мнѣ мало симпатичной, а Пруссія и подавно. Когда историческія событія показали слишкомъ внезапно, къ сожалѣнію, и ясно, какое глубокое роковое для насъ, датчанъ, невѣденіе царило въ Даніи на счетъ сильнаго сосѣда, когда могучее развитіе политическихъ и военныхъ силъ, поразившее всю Европу, пробудило во мнѣ невольный интересъ къ этой странѣ, я почувствовалъ сильное желаніе пополнить и усовершенствовать мои романскія познанія впечатлѣніями нѣмецкой жизни. Я научился тогда цѣнить многое изъ того, что̀ прежде казалось несимпатичнымъ, было для меня совершенно чужимъ, и когда, наконецъ, личныя мои обстоятельства принудили меня покинуть Данію и перенести мою литературную дѣятельность въ какую-нибудь другую страну, я выбралъ Берлинъ и поселился въ немъ надолго.

Въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ мы, датчане, познакомились, вообще, съ Германіей лишь съ ея непріятной политической стороны, которой она была обращена къ намъ. Въ настоящее время не я одинъ, вѣроятно, чувствую необходимость познакомиться съ могущественнѣйшимъ нашимъ сосѣдомъ, съ самой глубиной, самымъ центромъ его. Во всякомъ случаѣ, это вѣр-

ный путь, чтобы избавить себя отъ односторонности и предразсудковъ, которые хотя и усиливаютъ, повидимому, любовь къ родинѣ, но тѣмъ не менѣе положительно вредятъ ей.

Первыя впечатлѣнія.

Іюль, 1868 г.

Видъ мѣстности, когда въѣзжаешь въ Берлинъ по „сѣверной желѣзной дорогѣ", однообразный и скучный, однѣ березы и сосны, кругомъ все чахло и бѣдно, сухо и стройно. Почва безплодна, кругомъ Берлина одинъ песокъ. Нигдѣ природа не бываетъ такъ негостепріимна, какъ здѣсь. Она ничего не даетъ здѣсь даромъ, все здѣсь завоевано упорнымъ трудомъ, цѣною горькихъ лишеній. Фридриху Великому силою пришлось ввести культуру картофеля; въ девятнадцатомъ столѣтіи пришлось превратить эту страну картофеля въ промышленную. Городъ вполнѣ заслуживаетъ славу „скучнаго". Проѣзжаешь ли по немъ въ дрожкахъ, всѣ улицы представляются какъ будто вытянутыми по линейкѣ и всѣ одинаково не интересны. Какой контрастъ въ сравненіи съ Стральзундомъ, съ его красивыми кровлями, и сходнымъ съ нимъ Фленсбургомъ. Здѣсь же нѣтъ никакихъ типичныхъ древностей, которыя такъ чудно нарушаютъ современное однообразіе другихъ городовъ. Шпрее, узкій каналъ съ стоячей на видъ водой, ни мало не придаетъ веселаго вида городу, какъ напр., быстрая Сена въ Парижѣ. Дворецъ, прочно выстроенное зданіе, похожее на крѣпость, далеко уступаетъ, какъ своимъ мѣстоположеніемъ, такъ и стилемъ, Стокгольмскому дворцу и въ сравненіи съ Лувромъ или Тюльери производитъ довольно бѣдное впечатлѣніе. Въ немъ есть нѣсколько древнихъ и дѣйствительно красивыхъ частей: древнѣйшая часть, живописно высящаяся надъ водой, и курьезный тяжелый портикъ, обращенный къ „Шлоссфрейгейтъ". Собственно дворецъ довольно роскошенъ, но занимаетъ очень мало мѣста, столь же мало, какъ мало мѣста и жизни „подъ липами", въ сравненіи съ парижскими бульварами.

Первый разъ, когда я проѣзжалъ мимо рѣшетчатыхъ воротъ прекраснаго зданія университета, которое передѣлано изъ дворца, выстроеннаго когда-то въ видѣ подковы, съ расположеннымъ впереди него садомъ, я почтительно снялъ шляпу и низко поклонился. Здѣсь Гейбергъ [1]) слушалъ Гегеля, Киркегоръ—Шеллинга [2]).

---

[1]) Іоганнъ-Лудвигъ Гейбергъ (1779—1860), очень плодовитый писатель, который принесъ особенно много пользы датскому театру.

[2]) Серенъ Киркегоръ (1813—1855), одинъ изъ самыхъ выдающихся писателей Даніи. Сочиненія и дневники его—около 30 томовъ,—составляютъ, по его собствен-

Въ то время стремились въ Берлинъ, центръ философіи и революцій ума; теперь только проѣзжаютъ Берлинъ Бисмарка, столицу политики и военнаго деспотизма. Внутреннее блестящее могущество Германіи послужило основаніемъ его настоящему отталкивающему могуществу. Величайшее несчастіе для побѣжденныхъ то, что здѣсь деспотизмъ не столь дутый, какъ обыкновенно.

На мосту черезъ Шпрее стоятъ восемь мраморныхъ группъ, изображающихъ Аѳину-Палладу, учащую юношу борьбѣ и защищающую его во время борьбы. Вотъ здѣсь она вручаетъ ему оружіе, тамъ обучаетъ обращаться съ нимъ — возбуждаетъ его къ битвѣ и оберегаетъ во время ея. Аѳина-Паллада — кажется, единственное греческое божество, которое нѣмцы дѣйствительно поняли и полюбили, она принимаетъ иногда у нихъ видъ стараго синяго чулка; но она принадлежитъ имъ и, какъ ни больно признаться, она къ нимъ, повидимому, благосклонна.

Вездѣ, куда ни взглянешь, учебныя заведенія и казармы, но сравнительно мало церквей. И не мудрено, такъ какъ изо всѣхъ христіанскихъ городовъ, Берлинъ имѣетъ наименьшее число церквей. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на одномъ съѣздѣ пасторовъ было заявлено, какъ мнѣ разсказывали, что изъ 440,000 жителей, только 4,000 посѣщали церковь; судя по газетамъ, число богомольныхъ уменьшилось теперь еще болѣе и составляетъ всего полъ-процента. Германія всегда была и останется очагомъ еретичества, не смотря на всю оффиціальную ея религіозность.

Большой, массивный изъ бронзы памятникъ Фридриха Великаго и его сподвижниковъ весьма удаченъ, но холоденъ; итакъ на всемъ здѣсь видѣнъ какой-то холодный отпечатокъ. Нѣтъ города, который бы былъ такъ непривлекателенъ; тамъ, гдѣ онъ красивъ—онъ красивъ; но ему недостаетъ прелести. Кромѣ того, самыя прекрасныя общественныя зданія въ центрѣ города производятъ впечатлѣніе чего-то чужестраннаго. Гауптвахта и старый музей выстроены въ чисто греческомъ стилѣ, но искусство это вспоено не здѣшней почвой, и потому чуждо, какъ населенію, такъ и жизни. Просто смѣшно смотрѣть на прусскаго солдата съ его игольчатымъ ружьемъ рядомъ съ нагими, граціозными фигурами, на вычурныхъ фресвахъ Шенкеля по стѣнамъ музея, а прусскіе остроконечные шишаки подъ греческимъ портикомъ гауптвахты производятъ чисто варварское впечатлѣніе.

ному выраженію, „цѣлую литературу въ литературѣ". Брандесъ въ своей книгѣ о немъ ставитъ его на ряду съ самыми знаменитыми писателями всѣхъ временъ, называетъ его „геніемъ, однимъ изъ тѣхъ людей, которые родятся разъ въ столѣтіе". Главная сила его—знаніе человѣческой души.—Прим. переводчика.

Солдаты отличаются угловатостью, но отлично выдрессированы. Въ то время, какъ датскіе офицеры похожи обыкновенно на скромныхъ, нѣсколько изголодалыхъ чиновниковъ, прусскіе офицеры составляютъ высшую касту, съ надутымъ видомъ важности и кастовымъ высокомѣріемъ. Это — привилегированные счастливцы; при первомъ же взглядѣ, на улицахъ и въ общественныхъ мѣстахъ замѣчаешь, что мирный гражданинъ въ сравненіи съ нимъ—ничто. Мундиръ сдѣлался какъ будто вторымъ ихъ естественнымъ покровомъ, и они никогда не показываются безъ него. Это напоминаетъ нѣсколько то, что въ Германіи большинство ученыхъ на заглавномъ листѣ своихъ сочиненій всегда прибавляютъ титулъ: „докторъ такой-то". Во Франціи, какъ и въ сѣверныхъ государствахъ, рѣдко сталкиваешься, какъ съ мундирами, такъ и съ титулованными писателями. Нигдѣ, повидимому, сословное различіе не играетъ такой роли въ образованныхъ классахъ, какъ именно въ Берлинѣ.

Увидавъ имя Спарньяпани на вывѣскѣ кандитерской, я остановился съ чувствомъ какого-то благоговѣнія; я вспомнилъ, что Киркегоръ въ своемъ „Повтореніи" упоминаетъ объ этомъ мѣстѣ, одномъ изъ тѣхъ, которыя онъ часто посѣщалъ. Я зашелъ туда позавтракать.

I.

Корсо Берлина. — Рейхстагъ. — Художественная выставка.

17 (29) ноября 1877 г.

Весь ноябрь мѣсяцъ стояла замѣчательно-теплая погода. Каждый день, въ послѣ-обѣденное время, за Бранденбургскими-Воротами „Тиргартенъ" кишѣлъ людьми всякаго званія, ѣхали верхомъ, въ колясках, шли пѣшкомъ, все по большей части одѣтые по лѣтнему. „Аллея Побѣдъ" (Siegesallee) играетъ здѣсь такую же роль, какъ Корсо въ Римѣ, Cascine во Флоренціи. Вереницы каретъ двигаются одна мимо другой и въ общемъ производятъ красивое впечатлѣніе. Всадники галопируютъ взадъ и впередъ по короткой дорогѣ. Мундиры преобладаютъ: прямыя, вытянутыя въ струнку фигуры офицеровъ и дамы въ шляпкахъ à la Рембрандтъ на головѣ. Послѣдняя принадлежность наряда очень элегантна и идетъ высокимъ дамамъ, но совершенно закрываетъ собой маленькихъ ростомъ. Костюмы роскошны въ сравненіи съ сѣверомъ, но вкусъ у дамъ вообще менѣе развитъ, чѣмъ въ Парижѣ.

Надъ всѣмъ этимъ моремъ людей высится колоссальная „Колонна

Побѣдъ", которая подымается съ своего огромнаго, чисто отполированнаго пьедестала, подобно гигантской спаржѣ, на толстой головкѣ которой стоитъ вызолоченная „Богиня Побѣды"... Колонна неуклюжа, а позолоченная дама на верху такъ непропорціональна, что народное остроуміе дало ей названіе: „одинокой дѣвушки безъ связи" или „самой добродѣтельной дѣвушки Берлина". Но какъ ни неуклюжа колонна и какъ ни безобразна богиня побѣдъ, въ общемъ она производитъ впечатлѣніе непоколебимаго могущества, опирающагося на надежный фундаментъ.

Нельзя сказать, чтобы пренія рейхстага, недавно созваннаго, соотвѣтствовали этому впечатлѣнію. Власть и кормило ея по прежнему въ одной могущественной рукѣ. Но эта рука, столь грозно сжимающая палицу войны на страхъ врагамъ Германіи, ложится въ то же время, когда она разжата, тяжелымъ пластомъ и гнетомъ на внутреннюю политику Германіи, давитъ ее какъ тяжелый кошмаръ. Нужда въ Бисмаркѣ противъ внѣшнихъ враговъ и партіи ультрамонтановъ, такъ велика, что народное большинство предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій во внутренней политикѣ страны; но его продолжительный, въ сущности лишь фиктивный отпускъ, его отсутствіе въ Берлинѣ, его отсутствіе въ рейхстагѣ, никѣмъ, однако, незамѣняемое, множество слуховъ объ удаленіи то того, то другого министра изъ-за несогласія съ невидимкой-канцлеромъ, все это даетъ обильную пищу политическому броженію.

Броженіе это всего сильнѣе высказалось во время столь извѣстныхъ преній по поводу безтактнаго предложенія партіи прогрессистовъ о заявленіи недовѣрія министерству, въ засѣданіи 15 (27) октября и въ сущности повторяющемся теперь лишь обязательно разъ въ недѣлю. Тотъ день былъ днемъ политическаго парада и турнира. Говорили всѣ вожаки, всѣ они произносили длинныя, хорошо обработанныя рѣчи; они парадировали передъ страной въ своемъ блестящемъ, тщательно вычищенномъ дома вооруженіи, но каждый отлично зналъ впередъ, что тутъ будетъ одна только шумиха и что если дѣйствительно какой-либо министръ долженъ будетъ вскорѣ пасть, то это произойдетъ не благодаря камерамъ, а благодаря Варцинскому дѣдушкѣ. Это не было поэтому сраженіе, а турниръ, и на него такъ и смотрѣли зрители, переполнявшіе зало засѣданія. Но происшествіе это дало поводъ коснуться личностей и дѣятельности ораторовъ.

Виндгорстъ повелъ атаку съ обыкновенными пріемами партіи

центра, называя министровъ маріонетками въ рукахъ канцлера, его приказчиками и т. п., и грозилъ критическимъ исходомъ культурной борьбы. Видомъ своимъ онъ сильно напоминаетъ маленькаго безобразнаго плѣшиваго гнома съ круглымъ брюшкомъ, ртомъ, какъ у лягушки, въ шапочкѣ и золотыхъ очкахъ. Онъ весь какъ будто сдѣланъ изъ гуттаперчи (такъ быстры и безпокойны его движенія), но на лицѣ его видѣнъ отпечатокъ ума и проглядываетъ до нѣкоторой степени добродушіе, не смотря на всю злость и ѣдкость его остротъ и сравненій. Онъ никогда не бросаетъ слова на вѣтеръ, мѣтитъ всегда не въ бровь, а въ глазъ. Главное оружіе его—это постоянные перерывы рѣчей другихъ ораторовъ, насмѣшливыя выходки и вопросы; цѣль—защита интересовъ церкви... Логикѣ его могъ бы позавидовать самъ Мефистофель, да и кто онъ какъ не Мефистофель въ миніатюрѣ на службѣ Ватикана? Въ обществѣ онъ очень любимъ, — онъ весьма пріятный, свѣтскій человѣкъ. Онъ не прочь пококетничать иногда своей красивой, выхоленой, маленькой ручкой... Интересно послушать, какъ онъ дразнитъ національ - либераловъ нѣжностью чувствъ ихъ къ Бисмарку, не встрѣчающей къ глубокому ихъ огорченію взаимности; но и они не остаются у него въ долгу.

Отъ имени ихъ говоритъ Ласкеръ, личность, не менѣе замѣчательная, чѣмъ Виндгорстъ. Черты лица его хорошо извѣстны по фотографіямъ; но портретъ не даетъ яснаго представленія объ его типичной наружности. Ростомъ онъ ниже средняго, крѣпко сложенъ и подвиженъ, онъ ни одной минуты не бываетъ спокоенъ, черты лица у него крупныя и выразительныя. Сильная просѣдь видна въ его темныхъ волосахъ и бородѣ, цвѣтомъ своимъ скорѣе напоминающихъ соль, чѣмъ перецъ. Вся его маленькая фигура дышетъ увѣренностью, дѣятельностью и особенно вспыльчивостью. Голова его—голова труженика, съ широкимъ красивымъ лбомъ и энергичнымъ выраженіемъ глазъ. Въ немъ видѣнъ человѣкъ, пробившійся изъ бѣдности и мрака на широкую арену извѣстности. Но и теперь у него нѣтъ состоянія, такъ какъ политика не приноситъ ничего; депутаты въ рейхстагѣ не получаютъ содержанія; а того, какое онъ получаетъ въ союзномъ совѣтѣ, хватаетъ, по его собственнымъ словамъ, только на марки для писемъ. Онъ человѣкъ вытесанный изъ одного цѣльнаго камня, олицетворенная добросовѣстность. Что касается безкорыстія, Ласкеръ—второй Аристидъ; но до сихъ поръ не приходится бояться, что его сошлютъ подобно Аристиду, такъ какъ онъ никогда не плыветъ противъ теченія и всегда боязливо избѣгаетъ всякаго столкновенія съ правительствомъ. Онъ — выдающійся политическій дѣя-

тель, но не государственный человѣкъ. Превосходство ума его основано на безпорочности характера. Политическій кругозоръ его, однако, слишкомъ узокъ и уму его, грубому вообще, часто недостаетъ необходимой въ ту или другую минуту гибкости и податливости. Алтарь грацій рѣдко бываетъ его алтаремъ. Онѣ мстятъ ему тѣмъ, что оставляютъ его при убѣжденіи, что рѣчи его, какъ бы онѣ ни были длинны, никогда не могутъ вызвать скуки. Онъ—превосходный ораторъ и діалектикъ, ему ничего не стоитъ въ нѣсколько минутъ разбить въ пухъ и прахъ всѣ доводы противника, но онъ къ сожалѣнію лучше говоритъ, чѣмъ слушаетъ, и отъ излишняго усердія часто не даетъ себѣ времени понять какъ слѣдуетъ своего противника. Въ Ласкерѣ бездна наивности. Это всего яснѣе замѣтно въ сочиненіи его „Исповѣдь человѣческой души“, изданной нѣсколько лѣтъ тому назадъ Ауэрбахомъ, безъ подписи автора. Въ настоящее время изданіе это составляетъ библіографическую рѣдкость, такъ какъ оно было изъято Ласкеромъ изъ обращенія, какъ только онъ замѣтилъ, что узнали имя автора. Содержаніе книги — его признанія о невинныхъ любовныхъ похожденіяхъ, нанизанныя какъ бисеръ на нитку этой исповѣди въ хронологическомъ порядкѣ. Любовныя похожденія, пожалуй, слишкомъ сильное для нихъ названіе; это скорѣй рядъ случаевъ, гдѣ онъ влюбляется то въ ту, то въ другую особу, такъ какъ бѣдный Ласкеръ довольно несчастливъ въ любви, — и ему пришлось съѣсть уже не одинъ грибъ въ своей жизни, въ этомъ отношеніи, по крайней мѣрѣ. Commes les hommes d'esprit sont bêtes. Не странно ли въ самомъ дѣлѣ, что Ласкеръ могъ хотя бы минуту только надѣяться, что его не узнаютъ въ этой книгѣ? Можно ли было предположить, дѣйствительно, чтобы во всемъ Берлинѣ не нашлось и пяти лицъ, достаточно знакомыхъ съ его частной жизнью, чтобы тотчасъ догадаться, въ чемъ дѣло? Въ наивности своей онъ сдѣлалъ все, чтобы остаться неузнаннымъ. Стиль его столь же абстрактенъ, какъ и стиль Гёте въ старости; онъ никогда не называетъ именъ, даже городовъ и садовъ; описывая Лондонъ, онъ говоритъ: „я прибылъ въ чужой городъ“, говоря о Тиргартенѣ, онъ пишетъ „мы шли подъ тѣнью деревъ“. Читатель никогда не знаетъ мѣста дѣйствія. Лишь съ трудомъ можно догадаться, что изгнанникъ, котораго посѣтилъ Ласкеръ въ своей молодости, былъ никто иной, какъ извѣстный Готфридъ Кинкель, бѣжавшій когда-то изъ рабочаго дома въ Берлинѣ, въ настоящее время профессоръ въ Цюрихѣ. Изъ книги видно, что въ молодости своей Ласкеръ былъ женихомъ дочери этого знаменитаго борца за свободу и что смерть молодой дѣвушки была

самымъ тяжелымъ ударомъ въ жизни Ласкера. Но въ маленькомъ сочиненіи этомъ, кромѣ душевной чистоты и благородства, нельзя не замѣтить и сознанія авторомъ своего значенія, своихъ заслугъ; такъ въ одномъ мѣстѣ онъ упоминаетъ о значеніи, которое придаютъ ему его друзья въ Швейцаріи, въ качествѣ вожака свободнаго движенія въ Германіи. Онъ едва ли не считаетъ себя единственнымъ носителемъ свободныхъ идей въ новой эрѣ, возвѣщаемой Бисмаркомъ и носящей его имя.

Евгеній Рихтеръ, представитель партіи прогрессистовъ, велъ главный походъ противъ министерства за его непарламентскій составъ и обрушился на національ-либераловъ за нежеланіе ихъ прибѣгнуть къ рѣшительнымъ мѣрамъ на общую пользу. Онъ—представитель лѣвой стороны принципіальнаго либерализма и глубокій знатокъ государственныхъ финансовъ. Онъ также обладаетъ замѣчательнымъ даромъ слова. Въ немъ нѣтъ паѳоса Ласкера, онъ менѣе отрицателенъ, чѣмъ Виндгорстъ; но въ рѣчахъ своихъ онъ прекрасно соединяетъ умѣнье излагать факты съ блескомъ сатиры и неожиданными оборотами рѣчи. Онъ бьетъ на эффектъ и всегда вѣрно; онъ не уступаетъ никогда поля сраженія противнику, если даже это самъ Бисмаркъ. Краснорѣчіе его—краснорѣчіе журналиста, и корреспонденціи его дѣйствительно всегда можно встрѣтить перепечатанными во всѣхъ провинціальныхъ органахъ его партіи. Но вліяніе его въ рейхстагѣ, само по себѣ очень значительное, много умаляется тѣмъ, что противники его успѣли, не знаю какъ, навязать ему девизъ: „mala fides". Его справедливо обвиняютъ въ томъ, что онъ постоянно предпологаетъ въ другихъ безчестность и неискренность, и потому, хотя едва ли справедливо, рѣдко довѣряютъ ему, считая его исключительно человѣкомъ партіи. Когда видишь и слышишь его, обвиненія эти становятся понятными. Высокая, довольно плотная фигура съ небольшой лысиной на головѣ, съ угловатыми нѣсколько движеніями и некрасивой осанкой, причиной чего его слишкомъ вогнутая спина. Точь-въ-точь такую осанку придалъ Лука Синьорелли въ своихъ фрескахъ въ Орвіето антихристу,—sans comparaison, конечно. При первомъ же столкновеніи партій Рихтеръ не замедлилъ блеснуть краснорѣчіемъ, выступивъ поборникомъ свободы и самоуправленія, говорилъ то серьезно, то остря, и сыпалъ обвиненіями направо и налѣво. Но едва успѣлъ онъ сѣсть, какъ многіе члены, близко задѣтые его словами, повскакали съ своихъ мѣстъ, требуя удовлетворенія за нанесенныя имъ лично оскорбленія и заставили его смягчить и поправить чуть не все. Онъ проводилъ мысль, что правительство упорно не желаетъ

ввести новое провинціальное положеніе въ западныхъ провинціяхъ; а нежеланіе это, повидимому, обусловливается тѣмъ, что крестьянское населеніе этой страны пропитано духомъ ультрамонтанства, и агитація духовенства находитъ въ средѣ ихъ благодарную почву; новый же порядокъ дѣлъ далъ бы перевѣсъ сельскому населенію надъ городскимъ; а послѣднее, исключая Ахенъ, либеральнаго направленія и предано новому государственному строю, не смотря на свое католическое вѣроисповѣданіе. Нечего удивляться поэтому, что Бисмаркъ медлитъ въ настоящую минуту исполненіемъ обѣщанныхъ реформъ, могущихъ дать такіе опасные результаты, какъ доставленіе центру большинства голосовъ въ рейхстагѣ.

Послѣдній извѣстный вожакъ, которому дано было слово въ этотъ день, былъ Леве, представитель небольшой особой группы между партіями прогрессистовъ и національ-либераловъ. Не смотря на то, что задача его на этотъ разъ была очень трудная,—говорить послѣднимъ и послѣ длинныхъ рѣчей другихъ ораторовъ, особенно трудная какъ потому, что чувствуешь себя усталымъ въ минуту, когда надо начинать говорить, такъ и потому, что все, что̀ было приготовлено заранѣе, оказывается уже непригоднымъ — тѣмъ не менѣе рѣчь его произвела наибольшее впечатлѣніе, благодаря мѣткости его изложенія. Онъ выразилъ мнѣніе, что говорить что-либо противъ министерства, есть пустая трата времени и противно парламентскому смыслу, пока въ рейхстагѣ нѣтъ дѣйствительнаго большинства, достаточно сильнаго, чтобы добиться исполненія своихъ требованій. Леве—старый либералъ 1848 года. Онъ былъ членомъ франкфуртскаго парламента и предсѣдателемъ страсбургскаго, того самаго, который разогнали солдаты штыками. Его приговорили къ смертной казни, причемъ онъ долженъ былъ быть привезенъ къ эшафоту спиной къ лошадямъ и казненъ не на плахѣ, а на воловьей шкурѣ. Это была судебная формула того времени; предполагали, вѣроятно, что слово: казнь на воловьей шкурѣ произведетъ особенно сильное впечатлѣніе на народное воображеніе. Онъ бѣжалъ сперва въ Лондонъ, затѣмъ въ Нью-Іоркъ, гдѣ занялся врачебной практикой, и воротился лишь при введеніи Бисмаркомъ новаго государственнаго строя. Ни у кого нѣтъ такого безпорочнаго прошлаго, какъ у Леве. Это—красивый, полный, шестидесятилѣтній старикъ, съ темными волосами и глазами и строгимъ римскимъ профилемъ. Говоритъ онъ, подобно Нестору, пріятнымъ и звучнымъ голосомъ, честно и смѣло призывая къ бою. Натура его дышетъ неподдѣльной честностью и невольно вызываетъ глубокое довѣріе. Въ немъ нѣтъ честолюбія и узкой партійности, онъ представи-

тель гуманности въ политикѣ и вѣры въ свободу. Личная вражда съ Рихтеромъ вытолкнула, повидимому, старика изъ рядовъ прогрессистовъ, вожакомъ которыхъ онъ былъ прежде. Въ настоящее время вліяніе его въ рейхстагѣ очень упало, но онъ одинъ изъ тѣхъ, чуждыхъ нашему поколѣнію, идеальныхъ политиковъ, съ годами дѣлающихся все практичнѣе и практичнѣе, число которыхъ, увы, рѣдѣетъ годъ отъ году.

Что значитъ эта оппозиція въ Германіи? Она, конечно, можетъ многому препятствовать, но провести она можетъ лишь то, что́ будетъ желательно правительству. Чему же обязаны національлибералы своимъ вліяніемъ въ рейхстагѣ?—тому и только тому, что правительство нуждается пока въ ихъ идеяхъ и силахъ и старается ими пользоваться. О дѣйствительномъ вліяніи парламента не можетъ быть и рѣчи, пока живъ и дѣйствуетъ Бисмаркъ. И много воды утечетъ еще до того времени, когда можно будетъ начать вообще только думать объ этомъ. Вся сила государства сосредоточена въ Пруссіи, странѣ которая управлялась всегда бюрократически и обязана всѣмъ своимъ теперешнимъ величіемъ именно этой самой, способной, сильной и добросовѣстной своей бюрократіи. Еслибы оппозиція и захватила даже бразды правленія въ свои руки, то все-таки страной всегда по прежнему будетъ управлять бюрократія. Предположимъ, напр., что избранъ министромъ демократъ, его неизбѣжно ожидаетъ одно изъ двухъ: или энергія его ослабѣетъ, встрѣчая постоянный отпоръ въ палатѣ, или онъ сдѣлается тѣмъ же, чѣмъ былъ его предшественникъ, нынѣшній министръ.

Послѣ выставки типовъ, которой мы были свидѣтелями въ рейхстагѣ, наибольшій интересъ представляетъ только-что закрытая теперь выставка картинъ. Въ сравненіи съ предшествовавшими выставками, она далеко не блистательна. Наиболѣе выдающееся произведеніе, несомнѣнно, гигантская картина А. фонъ Вернера, имѣвшая передъ тѣмъ собственную выставку; картина эта изображаетъ „Присягу императору въ Версалѣ“. Вернеръ— безспорно даровитый человѣкъ, талантъ его именно того рода, который здѣсь особенно цѣнятъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ его назначили (всего 31 году отъ роду) директоромъ академіи художествъ: это назначеніе само по себѣ не представляетъ здѣсь ничего особеннго страннаго, но невольно наводитъ на сравненіе съ условіями службы въ сѣверныхъ государствахъ, гдѣ человѣкъ обыкновенно тогда дѣлается начальникомъ, когда онъ станетъ беззубымъ и дряхлымъ старикомъ. Вернеръ пришелся какъ разъ по вкусу народному настроенію послѣ учрежденія имперіи, когда

стали не столько обращать вниманія на индивидуальную мысль, сколько на національную, менѣе на оригинальность художника и живописца, чѣмъ на грандіозность, съ которой онъ съумѣлъ увѣковѣчить данное событіе. Исходя изъ этого, Вернеру поручили написать оригинальную картину, по которой и была исполнена копія мозаикой на пьедесталѣ „Колонны побѣдъ“. Въ упомянутой сейчасъ картинѣ версальскаго событія, художнику пришлось бороться съ многими трудностями: напримѣръ, неизбѣжная сотня мундировъ въ верхней части картины и столько же паръ лакированныхъ сапогъ внизу ея, и чисто церемоніальный характеръ сюжета. Результатомъ трудовъ его было произведеніе, которое несомнѣнно смотрится съ интересомъ, но которое никогда не пріобрѣтетъ высокаго художественнаго значенія. Оно несомнѣнно перейдетъ къ потомству, благодаря обилію хорошо, но сухо выполненныхъ портретовъ, но только какъ хорошая иллюстрація къ извѣстному историческому событію—не болѣе. Немезида исторіи говоритъ въ этой картинѣ. Стѣны древняго троннаго зала въ Версалѣ говорятъ краснорѣчивѣе, чѣмъ голоса офицеровъ, приносящихъ присягу. На стѣнѣ подъ самымъ карнизомъ изображены надписи, въ которыхъ большими буквами возвѣщается о побѣдахъ Людовика XIV. Надпись, обращенная къ публикѣ, гласитъ „Passage du Rhin en présence de l'ennemi“; эта якобы случайность имѣетъ особенное значеніе. Художникъ желалъ выставить горькую иронію судьбы надъ этимъ воспоминаніемъ прошедшаго, но слова эти могутъ казаться и пророческими, какъ „Мани, факелъ, фаресъ“, въ будущемъ.

Изъ двухъ художниковъ, привлекшихъ мое вниманіе на этой выставкѣ, одинъ принадлежитъ къ классической, другой къ реальной школѣ. Первый изъ нихъ, старикъ Бендеманъ, представилъ картину, изображающую Пенелопу. Она полулежитъ раннимъ утромъ на своемъ одинокомъ ложѣ и тоскуетъ объ Одиссеѣ. Произведеніе это, строго классическаго направленія, дышетъ поэзіею. Прекрасная, нагая верхняя часть тѣла Пенелопы цѣломудренно блещетъ подобно снѣгу на темнозеленомъ фонѣ ковра, къ которому прислонено ложе. Здѣсь же стоитъ корзина съ пряжей; ложе написано черезъ-чуръ академически и совсѣмъ не похоже на то примитивное и оригинальное ложе, которое сколотилъ себѣ самъ Одиссей подлѣ дубоваго ствола. Пенелопѣ, вѣчно юной, какъ у Гомера, на картинѣ не болѣе 28 лѣтъ; прекрасная строгая головка ея, съ правильными благородными чертами лица, наклонена немного впередъ, ямочка на подбородкѣ полна прелести. Въ ея пристально-устремленномъ взорѣ видны

усталость и надежда, но прежде всего тоска. Чрезъ открытыя сѣни, въ которыхъ блѣдный разсвѣтъ борется съ брезжущимъ свѣтомъ лампады, открывается видъ на южный берегъ острова, и вдали у самаго моря видны еще неясно фигуры возвращающагося Одиссея и пастуха съ собакой. Счастливецъ Одиссей, ему остается только покончить съ двадцатью искателями руки Пенелопы, чтобы вкусить послѣ опасныхъ треволненій скитальческой жизни всю сладость объятій нѣжной супруги. Несчастный Одиссей, если, какъ описываетъ въ своей прекрасной, глубоко-прочувствованной поэмѣ Павелъ Гейзе, онъ, едва отдохнувъ отъ тоски по женѣ и по родинѣ у домашняго очага, вновь начинаетъ неудержимо грезить о буряхъ и водоворотахъ отважной жизни героя, только-что имъ оставленной.

Изъ молодыхъ художниковъ наибольшее вниманіе обратилъ на себя въ нынѣшнемъ году Карлъ Гуссовъ. Хотя онъ носитъ уже званіе профессора здѣшней академіи, тѣмъ не менѣе мы находимъ у него такую кисть, которую привыкли встрѣчать только у начинающихъ художниковъ. Гуссовъ—смѣлый, безцеремонный, истый реалистъ съ безбожнымъ почти подборомъ красокъ. равнодушный ко всѣмъ требованіямъ эстетики, стремящійся къ одной голой, правдивой передачѣ. Благодаря врожденной вульгарности, онъ невольно сходится во вкусахъ съ публикой, удовлетворяя и льстя имъ. Передъ картинами его всегда толпа народа. Самая лучшая изъ нихъ это—„Добро пожаловать", изображающая крестьянское семейство, привѣтствующее и осыпающее вѣнками возвращающійся полкъ. Главное лицо на этой картинѣ молодая дѣвушка, замѣтившая, повидимому, друга своего сердца, однимъ сильнымъ и страстнымъ движеніемъ высовывающаяся наполовину своего тѣла изъ окна. Это здоровая, краснощекая деревенская дѣвушка, которая безъ труда могла бы нести ружье своего возлюбленнаго. Формы слишкомъ грубы для изящнаго вкуса, щеки слишкомъ алы для гостиной, но за то, что за жизнь. что за кисть, какъ оглушителенъ крикъ привѣтствія, видный на ея устахъ, все лицо ея полно чада еще недавней побѣды и радости свиданія. Весь грубый станъ ея въ бѣлой рубашкѣ такъ и дышетъ счастьемъ. Картина эта была написана съ неслыханной здѣсь до сихъ поръ смѣлостью. Она дышетъ, она ослѣпляетъ, она палитъ глаза какъ крапива кожу. Я не поклонникъ подобнаго направленія въ искусствѣ, но не могу не отдать должное художнику за смѣлость. Вотъ хоть одинъ, по крайней мѣрѣ, который рѣшился, до конца ногтей, остаться тѣмъ, что́ онъ есть, рѣшился передать безъ всякихъ уступокъ все то, что̀ онъ видѣлъ

и чувствовалъ! Жаль, что взглядъ его не шире и что личность его, какъ художника, не представляетъ большаго содержанія и интереса.

II.

Публичныя чтенія.—Дюрингъ и Вердеръ.

2 (14) декабря 1877 г.

Одинъ отлично образованный, знатный и богатый русскій, когда-то офицеръ, вышедшій теперь въ отставку изъ-за либеральныхъ мнѣній, недавно сказалъ мнѣ какъ-то: „Вамъ надо послушать Дюринга; это одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ людей въ Берлинѣ; вы слышали, его удалили недавно изъ здѣшняго университета; я знаю его лично, и долженъ признаться, что стоитъ не только послушать его, но и познакомиться съ нимъ".

Крайній либерализмъ русскихъ талантливыхъ людей—вещь столь извѣстная, что никого не удивляетъ здѣсь.

Онъ обыкновенно довольно неразборчивъ, и потому, если я воспользовался билетомъ, обязательно предложеннымъ мнѣ русскимъ поклонникомъ Дюринга, то въ данномъ случаѣ мною руководило скорѣй любопытство, чѣмъ ожиданіе чего либо особенно интереснаго.

Едва мы вошли въ прекрасный обширный залъ общества архитекторовъ, спутникъ мой шепнулъ мнѣ на ухо: „Посмотрите хорошенько, кругомъ здѣсь вы увидите разомъ всю grande bohême Берлина. И дѣйствительно, было на что посмотрѣть: отовсюду смотрѣли глаза, въ которыхъ такъ и блестѣлъ умъ. Присутствующихъ было человѣкъ 300; все это были большею частью пожилые уже, лѣтъ 40, люди, плечистые, съ густыми съ просѣдью бородами; по головамъ можно было тотчасъ видѣть, что здѣсь собрался пролетаріатъ умственный, а не ремесленный. Здѣсь были пожилые студенты, учителя, философы съ чердаковъ, соціалисты, вожди соціалистовъ, настоятели общинъ свободной вѣры, писатели, журналисты, представители разныхъ странъ, но ни одного члена оффиціальнаго Берлина. Женщинъ было довольно много; въ первомъ ряду сидѣла одна изъ выдающихся писательницъ на поприщѣ эмансипаціи женщинъ, а рядомъ съ ней одна изъ ея дочерей, — красавица, въ своемъ причудливомъ костюмѣ казавшаяся царицей этого цыганскаго табора. Дверь за каѳедрой отворилась, всѣ взоры обратились туда и глазамъ моимъ представилась тяжелая картина. Скромно одѣтая женщина вела маленькую худощавую фигурку. Это былъ Дюрингъ. Пробираясь

ощупью, онъ нашелъ кресло, остановился передъ нимъ и окинулъ присутствующихъ помутнѣвшимъ взоромъ. Бѣднякъ слѣпъ. Женщина, которая вела его, его жена, его опора и помощница во всѣхъ трудахъ. При первомъ взглядѣ наружность ея напоминаетъ одну изъ тѣхъ несчастныхъ арфистокъ, которыя водятъ по дворамъ слѣпцовъ, чтобы они пѣсней вымаливали себѣ хлѣбъ, но душа ея—душа героини. Она достаетъ мужу изъ библіотекъ необходимыя книги, какъ на древнихъ, такъ и новѣйшихъ языкахъ, читаетъ ихъ ему вслухъ, дѣлаетъ нужныя выписки и въ то же время готовитъ ему кушанье; случалось даже, что знакомые заставали ее за такимъ смиреннымъ занятіемъ, какъ мытье площадки на лѣстницѣ передъ ея дверями. Въ теченіе цѣлыхъ 14 лѣтъ приватъ-доцентства Дюринга въ университетѣ, срока, неслыханно долгаго въ Германіи, доходы его были такъ незначительны, что жена его должна была взять на себя трудъ прислуги въ домѣ.

Она сѣла, онъ также сѣлъ въ кресло, и лекція началась. Само собой разумѣется, что вся лекція эта была совершенно изъ головы, такъ какъ читалась съ закрытыми глазами. Предметомъ, какъ этой, такъ и послѣдующихъ лекцій было, какъ значилось на нашихъ билетахъ: „Преслѣдованія, которымъ подвергаются самостоятельные мыслители со стороны профессіональныхъ ученыхъ какъ въ древности, такъ и нынѣ, какъ въ области философіи, такъ и естественныхъ наукъ“. Громко, внятно, но голосомъ, въ которомъ часто слышалась самая ѣдкая злоба, самая страшная ненависть, прочелъ ораторъ свою первую лекцію, захвативъ весь періодъ исторіи до нашихъ дней, перечисляя жертвы профессорской нетерпимости. Основная мысль его, заключающая сама по себѣ много правды, была та, что въ различныхъ мѣрахъ, предпринятыхъ, какъ видно изъ исторіи, отъ имени государства, церкви, науки, гораздо чаще чѣмъ обыкновенно думаютъ, таится одна личная ненависть, одно личное соперничество. Но въ томъ преувеличенномъ видѣ, какъ онъ ее развилъ, мысль эта приняла нелѣпую форму. За что долженъ былъ выпить Сократъ чашу съ отравой? Не за то, что онъ заслужилъ прозвище атеиста и развратителя юношества, а потому, что софисты, „профессора того времени“, смертельно ненавидѣли философа, затмѣвавшаго ихъ. Джіордано Бруно умеръ на кострѣ—отчего? Не отъ того, что папство и инквизиція захватили великаго мыслителя въ свои когти, а отъ того, что старые товарищи Бруно донесли на него и добились обвинительнаго приговора. Не помню, какимъ фокусомъ поставленъ былъ въ вину профессорамъ про-

цессъ Галилея, или какимъ оборотомъ ораторскаго искусства профессора оказались виновными въ мизантропіи Руссо, но только когда мы добрались до новѣйшаго времени, Дюрингъ дѣйствительно нашелъ настоящую жертву профессорскаго скудоумія въ лицѣ Огюста Конта, котораго столь непростительно осмѣивалъ и преслѣдовалъ Араго.

Все это было бы еще ничего, еслибы не безпрестанныя косвенныя указанія на собственную судьбу оратора, благодаря которымъ чтеніе дѣлалось не только смѣшнымъ, но и тягостнымъ для слушателей. Даже мой русскій чувствовалъ себя разочарованнымъ. Слѣдующія чтенія частью только загладили невыгодное впечатлѣніе перваго. Весь походъ, довольно плохо замаскированный, велся противъ человѣка, въ которомъ Дюрингъ заподозрилъ виновника удаленія его изъ лицея Викторіи и изгнанія изъ университета, именно противъ знаменитаго физика Гельмгольца. Разсказывали, что Гельмгольцъ мстилъ Дюрингу за то, что тотъ всѣми силами отстаивалъ право первенства открытія „эквивалентности работы и тепла“ за физикомъ Робертомъ Майеромъ, испытавшимъ тяжелыя гоненія, между тѣмъ какъ всѣ приписывали это открытіе Гельмгольцу. Да и самъ Гельмгольцъ считалъ его своимъ, пока ему не указали на существованіе статьи Майера „Замѣтки о силахъ неодушевленной природы“ 1842 года, за пять лѣтъ до появленія книги Гельмгольца „Ueber die Erhaltung der Kraft“. Майеръ тѣмъ болѣе являлся героемъ въ глазахъ Дюринга, что долго былъ жертвой недоразумѣній и гоненій въ родномъ городкѣ своемъ Гейльброннѣ и даже долгое время сидѣлъ въ сумасшедшемъ домѣ безъ всякаго на то основанія, какъ увѣряетъ Дюрингъ и онъ самъ, если причиной тому не была меланхолія, понятнымъ образомъ происходившая какъ отъ того, что не хотѣли признавать его заслугъ, такъ и отъ того, что онъ подвергался гоненіямъ со стороны органовъ патентованной науки. Вторая лекція Дюринга была вся посвящена ему самому, и серія чтеній закончилась призывомъ, довольно наивнымъ въ Германіи, къ обществу: основать частный, свободный, независимый отъ государства университетъ, который могъ бы противодѣйствовать интригамъ профессоровъ. Слабая сторона ненависти Дюринга къ профессорамъ, раздѣляемой имъ съ Шопенгауеромъ, та, что Дюрингъ самъ много лѣтъ стремился быть членомъ того самаго сословія, которое онъ описываетъ теперь какъ состоящее чуть ли не изъ однихъ извергowъ.

Постороннему человѣку трудно, конечно, судить въ этомъ дѣлѣ. Несомнѣнно, однако, что Дюринга не удалили бы изъ универси-

тета, еслибы не его несчастная страсть къ ссорамъ, выражавшаяся въ безпрестанныхъ, чисто личныхъ нападкахъ на товарищей по университету, подъ конецъ даже на ихъ женъ. Слѣпой ученый съ годами сдѣлался колкимъ, недовѣрчивымъ и желчнымъ. Слѣдовало бы, однако, нѣсколько пощадить въ лицѣ его крупный талантъ. На бѣду его, противники его были люди, заслуги которыхъ въ наукѣ такъ безспорны и общепризнаны, что съ трудомъ вѣрилось обвиненію ихъ въ ограниченности.

Обширные труды Дюринга по политической экономіи и его „Исторія механики" пользуются большимъ почетомъ въ свѣдущихъ кружкахъ. Книга его „Значеніе жизни" содержитъ въ себѣ глубокія размышленія, и уже потому заслуживаетъ вниманія, что онъ, удрученный такимъ недугомъ, какъ слѣпота, не пользующійся милостями сильныхъ міра сего, горячо цѣнитъ жизнь, и сильно нападаетъ на пессимизмъ философіи Шопенгауера и Гартмана. Своимъ взглядомъ матеріалиста, смѣлыми мыслями, богатствомъ познаній и своей рѣшительной формой, Дюрингъ напоминаетъ мнѣ больше всего заслуженнаго и столь же несправедливо, какъ Дюрингъ, тѣснимаго датскаго филолога, доктора Уессена. Но по характеру онъ не похожъ на него. Въ Дюрингѣ, какъ у большинства нѣмецкихъ ученыхъ, замѣтна извѣстнаго рода неуклюжесть. Гдѣ онъ желаетъ быть безпощаднымъ, онъ становится грубымъ, а въ грубости своей переходитъ всякую границу приличія. Хочетъ ли онъ высказать ненависть или порицаніе, онъ всегда выходитъ изъ границъ предмета и нападаетъ порой съ яростью фанатика. Нападки его на Лессинга, на евреевъ, на поэтовъ и мыслителей, половая жизнь которыхъ кажется ему неестественной, переходятъ всякую границу вѣроятнаго и возможнаго. Онъ сравниваетъ Гартмана съ преступникомъ, казненнымъ въ Берлинѣ als Mordpederast; онъ обвиняетъ Гёте въ оскверненіи личности Байрона въ лицѣ Эвфоріона въ Фаустѣ, придавая словамъ, „nur das erzwungene ergötzt mich schier", вопреки здравому смыслу, грязный оттѣнокъ и дѣлаетъ предположеніе, что „подобное насильственное наслажденіе было не незнакомо г-ну фонъ-Гёте". Своей страстью къ публичной брани оптимистъ Дюрингъ походитъ на пессимиста Шопенгауера, но опускается, однако, съ годами гораздо ниже его въ этомъ отношеніи. Этотъ недостатокъ умѣренности и тонкости въ мыслителѣ показываетъ намъ, что настоящій нѣмецъ, при всей его учености, рѣдко бываетъ способенъ представить себѣ безпощадную естественность и мужественность, иначе какъ съ прибавкой грубости и неуклюжести.

Нѣсколько дней спустя, я пошелъ послушать для сравненія

одного изъ старыхъ, заслуженныхъ, оффиціальныхъ профессоровъ Берлина временъ Гегеля, профессора Вердера. Уже въ 1841 году лекціи его привлекали массу слушателей. Серенъ Киркегоръ посѣщалъ въ это время его лекціи въ Берлинѣ, и вотъ что онъ пишетъ по этому поводу Сабберну: „Вердеръ—виртуозъ; онъ играетъ подобно жонглеру самыми отвлеченными понятіями и ни разу не обмолвится при этомъ, хотя слова его несутся съ быстротой молніи. Онъ схоластикъ стараго закала. Для университетской молодежи всегда полезно, чтобы у нихъ былъ такой человѣкъ". Аудиторія, устроенная амфитеатромъ, была наполнена до потолка. Такъ какъ женщинамъ не дозволяется посѣщать берлинскій университетъ, изъ предразсудка, но подъ предлогомъ недостатка мѣста, то вся толпа состояла исключительно изъ студентовъ и военныхъ. Среди нихъ было довольно много молодыхъ японцевъ, желтый цвѣтъ лица и узкіе черные глаза которыхъ разнообразили типы. Къ этому такъ привыкли здѣсь, что не обращаютъ на нихъ никакого вниманія. Но вотъ появилась маленькая фигурка 70-лѣтняго, хорошо сохранившагося профессора въ щегольской мѣховой шинели. Черты лица его правильныя, носъ съ небольшимъ горбомъ, волосы тщательно приглажены и зачесаны на голыя мѣста черепа. Онъ вынулъ изъ кармана тетрадь и приступилъ къ лекціи. Предметомъ ея былъ на этотъ разъ „Макбетъ" Шекспира. Да, онъ дѣйствительно показался мнѣ опытнымъ виртуозомъ діалектики, посѣдѣвшимъ надъ ней. Голосъ его, особенно въ началѣ, звучалъ чуть слышно, но мало-по-малу, онъ началъ усиливаться, не смотря на недостатокъ переднихъ зубовъ лектора, обусловливающихъ нѣкоторую неясность произношенія, и рѣчь его полилась и понеслась быстрымъ неудержимымъ потокомъ.

Это было дѣйствительно виртуозное исполненіе въ старомъ стилѣ со страстными движеніями простертыхъ впередъ рукъ, съ немилосерднымъ крученіемъ головы по всей залѣ,—онъ закидалъ насъ, этотъ маленькій философъ, вопросами, отвѣтами, восклицаніями и восторженными возгласами. Голосъ его звучалъ то ужасомъ, то переходилъ въ тихій шопотъ, гдѣ рѣчь заходила о тѣни Банко, то кричалъ во всю силу когда рѣчь перешла къ Макбету, и минутѣ, когда тотъ рѣшается на геройскую смерть. Это нельзя было не назвать дѣйствительно краснорѣчіемъ, хотя и безъ переднихъ зубовъ.

Онъ доказывалъ, что Шекспиръ былъ глубочайшій, основательнѣйшій и геніальнѣйшій поэтъ, когда-либо жившій на свѣтѣ, что изъ всѣхъ трагедій Шекспира самая потрясающая, самая по-

учительная, самая трагичная—это „Макбетъ“ и что изъ всѣхъ высокихъ, глубокихъ, великихъ и тонкихъ достоинствъ его никто ничего не понималъ, пока онъ, старикъ Карлъ Вердеръ, не прочелъ о томъ своей лекціи. Мнѣ казалось, что тѣнь покойнаго Рётшера появилась за каѳедрой въ то время, когда Вердеръ читалъ о тѣни Банко. Мы имѣли дѣло съ эстетикой тридцатыхъ годовъ. Во всемъ этомъ блестящемъ толкованіи не было и тѣни пониманія ни исторіи, ни дѣйствительности!

Послѣднее мое наблюденіе я сообщилъ одному здѣшнему писателю, философу, встрѣтивъ его по дорогѣ съ лекціи Вердера. „Именно этимъ-то я и восторгаюсь въ немъ,—сказалъ тотъ:—сорокъ лѣтъ читаетъ онъ свои лекціи, не имѣя и тѣни понятія о психологіи, и нисколько не замѣчая, что это его слабая сторона. Желая сказать мнѣ недавно что-нибудь пріятное при встрѣчѣ, онъ выразился такъ:—Читая васъ, такъ и чувствуешь, что въ молодости вы слушали когда-то мои лекціи психологіи“.

Легко смѣяться надъ тѣмъ, отъ котораго современное развитіе ушло впередъ, но глубоко прочувствованный восторгъ, съ которымъ этотъ старецъ относится къ поэзіи, имѣетъ свою особую прелесть. Прочтите, напр., его лекціи о „Гамлетѣ“, пользующіяся извѣстной славой. Внѣшняя форма ихъ, не смотря на живость изложенія, утомительна, это безконечный споръ съ сотнями другихъ нѣмецкихъ толкователей Шекспира. Каждая мысль Вердера имѣетъ свой настоящій нѣмецкій оттѣнокъ въ томъ, что не можетъ взойти, пока почва не удобрена трупами безконечнаго числа пораженныхъ теорій, но сочиненіе его полно такого благоговѣнія къ Шекспиру, что онъ не уступаетъ въ этомъ отношеніи даже Гервинусу; все время онъ такъ страшится оказаться несправедливымъ къ Шекспиру, такъ глубоко вѣруетъ въ органическую связь его дѣйствующихъ лицъ и выказываетъ ту поэтическую отзывчивость, которая считаетъ своимъ началомъ то время умственной жизни въ Германіи, когда поэзія была главнымъ интересомъ для образованныхъ людей.

Представитель современнаго воззрѣнія на Шекспира — не Вердеръ, а Рюмелингъ („Schakspear-Studien eines Realisten“). У Рюмелинга мы видимъ сильное, честное желаніе изобразить Шекспира, какъ дѣйствительное историческое лицо съ его геніемъ и его слабостями; онъ срываетъ съ него ореолъ божества, на которое чуть не молились до Рюмелинга; онъ умѣетъ угадывать чувства, волновавшія душу поэта въ минуты творчества. Жажда жизненной правды—характерная черта современной Германіи и причина ея тріумфовъ, всегда и во всемъ руководитъ его.

За то мы встрѣчаемся здѣсь съ проявленіемъ національнаго самолюбія, которое было гораздо рѣже во времена Вердера, чѣмъ теперь. Сравненіе Шиллера съ Шекспиромъ, какъ мы это встрѣчаемъ у Рюмелинга, совершенно непозволительное. Никто конечно не оспариваетъ значенія Шиллера, какъ воспитателя нѣмецкаго народа, но нельзя же увлекаться имъ до такой степени, чтобы утверждать, что Шиллеру нѣтъ надобности гнуть передъ кѣмъ-нибудь свою шею; какъ поэтъ, Шиллеръ все-таки стоитъ гораздо ниже Шекспира. Если Вердеру и не достаетъ современнаго пониманія историческаго значенія поэта и психологическаго пониманія его героевъ, то онъ свободенъ отъ чрезмѣрнаго превозношенія собственныхъ поэтовъ и самомнѣнія, которыя грозятъ затопить Германію въ ея нынѣшніе счастливые дни.

III.

Церковныя и духовныя дѣла.

2 (14) января 1878 г.

Ежедневно часовъ въ 11 утра у памятника Фридриха Великаго „Подъ Липами", противъ оконъ нижняго этажа углового, невысокаго красиваго зданія, регулярно собирается толпа и смотритъ на окна. Въ окнѣ у самаго стекла въ это время неизмѣнно виднѣется стройная фигура старика, подъ окномъ, на улицѣ полицейскій, озирающійся по сторонамъ. Старикъ этотъ—императоръ Вильгельмъ. Не смотря на свои преклонные года, онъ пользуется еще довольно хорошимъ здоровьемъ, даетъ стоя аудіенціи и усердно занимается дѣлами, восходящими на его усмотрѣніе.

Въ Германіи всѣмъ извѣстно, что, не смотря на всеобщее глубокое къ нему уваженіе, императоръ не всегда чувствуетъ себя удовлетвореннымъ положеніемъ конституціоннаго государя, власть котораго ограничена Бисмаркомъ. Вотъ одна изъ его любимыхъ поговорокъ по этому поводу: „въ государственныхъ дѣлахъ голосъ мой—голосъ тайнаго совѣтника 2-го класса". За то почтенный старецъ твердо рѣшилъ не выпускать изъ рукъ своихъ церковныя дѣла. При случаѣ онъ часто говоритъ: „въ церковныхъ дѣлахъ, однако, я все еще кое-что да значу". Этотъ взглядъ германскаго императора часто причиняетъ не мало хлопотъ во многихъ отношеніяхъ. Онъ тяготитъ прежде всего его самого, такъ какъ императору Вильгельму, не смотря на все его правовѣріе, не достаетъ яснаго представленія о сущности его и о догматахъ, за-

щиту которыхъ онъ считаетъ своимъ призваніемъ свыше. Самъ онъ, какъ извѣстно, реформатъ, но съ годами у него сложилось убѣжденіе, что онъ далъ, какъ онъ самъ выражается, обѣтъ лютеранства съ его ученіемъ о таинствѣ причащенія. Онъ не обладаетъ въ достаточной степени точными юридическими познаніями въ дѣлахъ церкви и потому часто кладетъ въ основу совершенно невѣрныя предположенія и съ свойственнымъ ему упорствомъ, благодаря которому онъ въ другихъ дѣлахъ часто одерживаетъ верхъ, здѣсь съ трудомъ только отказывается отъ своего мнѣнія и то лишь послѣ долгихъ убѣжденій. Послѣдствіемъ этого является часто путаница, доходящая до смѣшного. Но честное желаніе императора быть вѣрнымъ сыномъ церкви сдѣлалось въ настоящее время особенно неудобнымъ, такъ какъ мѣшаетъ политикѣ Бисмаркъ-Фалька по отношенію къ церкви. Въ Берлинѣ хорошо извѣстно, какое именно дѣло послужило поводомъ къ оживленному обмѣну мыслей на утреннихъ пріемахъ, что дѣло это—госсбаховскій вопросъ, послѣдній узелъ далеко вытянувшейся нити прусской церковной политики. Извѣстно, что императоръ писалъ длинныя письма Герману, Фальку, что онъ старался всюду заявлять свой взглядъ, что онъ былъ единственнымъ дѣйствительнымъ препятствіемъ нормальному ходу этого дѣла, про которое столько говорили и столько писали, и что онъ бросилъ свой тяжелый вѣсъ на чашу вѣсовъ церкви, ставъ на сторону церковныхъ авторитетовъ. Иначе Германъ никогда не подалъ бы въ отставку, и если на это придется согласиться Фальку, то, надо надѣяться, съ однимъ лишь условіемъ, что его замѣнятъ другимъ предсѣдателемъ консисторіи такого же либеральнаго направленія, какъ Германъ. Тѣмъ болѣе не гармонировало съ либеральнымъ духомъ этого направленія удаленіе такого духовнаго лица какъ Госсбахъ, за то, что онъ возсталъ отъ лица своего прихода противъ догмата о сверхъестественномъ зачатіи Христа. Дѣло еще не кончено и возможно еще, что старо-протестантамъ не удастся восторжествовать на этотъ разъ, такъ какъ противъ нихъ возстала съ рѣдкой и дружной энергіей вся передовая нѣмецкая печать; началось во всякомъ случаѣ броженіе реакціи.

Странно было бы скрывать отъ себя, что сочувствіе, оказанное образованными классами Госсбаху, вызвано исключительно либерализмомъ идей Госсбаха, а не какимъ-нибудь извѣстнымъ ихъ оттѣнкомъ. Приверженцы раціонализма въ Германіи почти исключительно прежніе поклонники ортодоксальнаго богословія. Особенно въ Берлинѣ общественное мнѣніе отличается гораздо большей крайностью убѣжденій, и еслибы Госсбаха не приняла

подъ свое покровительство цѣлая группа политиковъ, не признающая никакой религіи, не приняла ради принципа, какъ они говорятъ, то Госсбаху пришлось бы потерпѣть здѣсь позорнѣйшее пораженіе.

Въ то время, какъ нѣмецкая литература, въ цѣломъ, чужда болѣе, чѣмъ какая-либо другая европейская литература, всякаго вліянія церкви и вѣроисповѣданія, и нѣмецкое образованіе само по себѣ не проникнуто ни мало не только религіозностью, но даже деизмомъ,—въ высшихъ классахъ тѣмъ не менѣе не замѣчается враждебнаго настроенія къ существующимъ церквамъ. Восторженное стремленіе сороковыхъ годовъ ввести всюду духъ природы и науки, замѣнилось теперь какимъ-то равнодушіемъ. Господствующій тонъ современныхъ ученыхъ, есть стремленіе быть свободными мыслителями, но по возможности безъ шумихи.

Культурная борьба естественнымъ образомъ породила агитацію противъ католицизма въ литературѣ свободномыслящей, но правительство далеко не раздѣляло ея идей, преслѣдуя въ данномъ случаѣ исключительно свои политическія цѣли; въ высшихъ кругахъ, собственно образцахъ общества, разумѣется, не принято относиться враждебно къ церкви. Слои общества, прямо или косвенно руководимые наукой, чувствуютъ себя пока удовлетворенными результатомъ, котораго правительство достигло своей политикой по отношенію къ церкви. Этимъ и объясняется, что попытка придать организацію свободно-мыслящимъ элементамъ Германіи не обратила на себя до сихъ поръ должнаго вниманія.

Община свободно-вѣрующихъ была основана братьями Вислиценусъ, какъ вѣтвь движенія Ронге; братья эти, по свидѣтельству всѣхъ, знавшихъ ихъ, были люди апостольскаго духа, столько же отличавшіеся душевной чистотой, какъ и замѣчательными дарованіями. Одинъ изъ нихъ умеръ, а другой стоитъ въ настоящее время во главѣ дрезденской общины свободновѣрующихъ, одного изъ многочисленныхъ отдѣленій берлинской, разсыпанныхъ по всѣмъ большимъ городамъ Германіи. Берлинская состоитъ частью и, пожалуй, главнымъ образомъ, изъ болѣе развитого рабочаго населенія, частью изъ весьма зажиточныхъ и образованнѣйшихъ семействъ. Одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ его, извѣстный Прингсгеймъ, роскошный дворецъ котораго, украшенный мозаикой работы Вернера, привлекаетъ на Вильгельмштрассе вниманіе всѣхъ пріѣзжихъ. Онъ одинъ пожертвовалъ уже общинѣ разомъ 100,000 таллеровъ.

Прошлое воскресенье я присутствовалъ въ собраніи въ помѣщеніи общины. При входѣ мнѣ вручили листокъ, озаглавленный:

„Основныя правила общины свободновѣрующихъ въ Берлинѣ“. Правила эти состоятъ изъ 9 хорошо проредактированныхъ и ясно, хотя и скучно, по нѣмецкому обычаю, изложенныхъ параграфовъ. Привожу здѣсь два изъ нихъ, самые важные, четвертый и шестой.

„Наша община признаетъ религію, но подъ словомъ: религія мы понимаемъ не какое-либо отношеніе человѣка къ сверхъестественному, неземному существу (Богъ) или такой же жизни (рай и адъ), но вѣчное, болѣе или менѣе сознательное стремленіе къ гармоніи съ окружающей насъ природой, на основаніи нашей собственной душевной гармоніи, т.-е. любви къ правдѣ и совѣсти“.

„Съ практической точки зрѣнія религія наша состоитъ, главнымъ образомъ, въ нравственности, въ томъ видѣ, какъ она выражается въ общечеловѣческихъ, т.-е. соціальныхъ и политическихъ условіяхъ нашей жизни; цѣль нашихъ стремленій къ познанію законовъ, которые управляютъ ими и облагораживаютъ ихъ“.

Въ концѣ концовъ объяснялось, что община учреждена съ цѣлью воспитанія дѣтей, согласно ихъ собственнымъ природнымъ наклонностямъ, оберегая ихъ отъ всякой зависимости и всякаго насилія внѣшняго и внутренняго религіознаго характера.

Зала была наполнена семействами рабочихъ въ праздничныхъ платьяхъ и представителями и представительницами высшихъ слоевъ общества. Всего было человѣкъ четыреста. Послѣ духовной пѣсни, похожей на псаломъ, пропѣтой хоромъ вяло и протяжно, на каѳедру взошелъ настоятель общины, д-ръ Г. С. Шеферъ, и произнесъ рѣчь, замѣчательную во всѣхъ отношеніяхъ. Полная здравыхъ разсужденій, безъ громкихъ фразъ, она была столь же поучительна, какъ и популярна. Онъ касался въ ней нравственныхъ принциповъ, вины, наказанія, раскаянія, отвѣтственности и т. д. Рѣчь эта столько же говорила уму, какъ и чувству. Основной, глубоко-задуманной и прочувствованной мыслью ея было сравненіе безжалостной и безпощадной мести природы съ гуманнымъ идеаломъ человѣческаго правосудія, на которое слѣдовало бы обратить особенное вниманіе. Онъ превосходно показывалъ, какъ опытъ старшихъ могъ бы оберегать младшихъ отъ нарушенія законовъ природы, между тѣмъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ почти невозможно бываетъ передать другому свой личный опытъ жизни. Этимъ онъ кончилъ, и вслѣдъ затѣмъ вновь была пропѣта духовная пѣснь, видимо изъ желанія возможно болѣе сохранить порядокъ богослуженія господствующей церкви протестантовъ.

Едва это кончилось, какъ поднялся съ своего мѣста 40-лѣтній рабочій, который все время до сихъ поръ былъ занятъ раз-

сматриваньемъ хорошенькихъ лицъ слушательницъ, и сообщилъ присутствующимъ съ циничнымъ выраженіемъ отвратительнаго своего лица, что чрезъ нѣсколько дней состоится въ ближайшемъ клубѣ безплатное чтеніе о накожныхъ болѣзняхъ, что̀ представить, быть можетъ, многимъ изъ слушателей интересъ въ смыслѣ наказуемости преступленій противъ природы. Мнѣ говорили, что эта личность—одинъ изъ вліятельнѣйшихъ членовъ союза рабочихъ, что онъ разбогатѣлъ благодаря ловкимъ спекуляціямъ, но что главный источникъ его дохода—его дома съ сомнительной репутаціей, которые онъ отдаетъ въ наемъ, безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти на счетъ цѣли найма; лицо его говорило за справедливость этого разсказа. Трудно было подавить въ себѣ невольную грусть, подъ впечатлѣніемъ явившейся при этомъ мысли: какіе люди могутъ дѣлаться вождями народнаго движенія, и видя передъ собой, съ какой самоувѣренностью грубая сила присвоиваетъ себѣ здѣсь, какъ и всегда, то, что̀ служитъ защитой и оружіемъ идеализма въ борьбѣ съ закоснѣлымъ суевѣріемъ и предразсудкомъ.

IV.

Переговоры о вступленіи Беннигсена въ министерство и неудача ихъ.

19 (31) декабря 1877 г.

Предъ самымъ Рождествомъ княгиня **Бисмаркъ** пріѣхала изъ Варцина на нѣсколько дней въ свой дворецъ на Вильгельмштрассе для закупокъ на предстоящіе праздники. Послѣ долгаго времени, въ знакомыхъ окнахъ заблестѣлъ огонекъ и принесъ съ собой надежду на возвращеніе и самого хозяина въ свою прежнюю резиденцію. Но княгиня вскорѣ опять уѣхала обратно съ покупками и всякая надежда исчезла. Затѣмъ, неожиданно узнали, что вмѣстѣ съ рождественскими подарками она увезла въ Варцинъ и большой живой подарокъ, а именно—самого президента ландтага, **Рудольфа фонъ-Беннигсенъ**.

Говорили, что онъ будетъ на Рождествѣ охотиться на кабановъ съ канцлеромъ и не подлежитъ сомнѣнію, что охота эта дѣйствительно состоялась и не одна бутылка пива и вина была опорожнена при этомъ. Условились ли они о чемъ-нибудь и о чемъ именно, еще никто не знаетъ.

Большинство избирателей въ Германіи надѣется, тѣмъ не менѣе, что рождественское свиданіе Бисмарка и Беннигсена положитъ конецъ неопредѣленному положенію, продолжающемуся вотъ уже два года, со дня выхода въ отставку министра Дельбрюка.

Послѣднее время правительство не могло разсчитывать на абсолютное большинство ни въ ландтагѣ, ни въ рейхстагѣ; партія національ-либераловъ, самая многочисленная въ Германіи, не чувствовала и не чувствуетъ, по ихъ собственнымъ словамъ, никакой симпатіи къ правительству, и дѣла по неволѣ остановились. Если Беннигсенъ сдѣлается, какъ ожидаютъ теперь, вице-канцлеромъ имперіи и вице-президентомъ прусскаго министерства, то Пруссія сдѣлаетъ шагъ отъ просвѣщеннаго абсолютизма къ парламентскому образу правленія. Отпускъ Эйленбурга есть уже, кажется, намекъ на это, такъ какъ Эйленбургъ—наслѣдіе стараго прусскаго государственнаго строя и непригоденъ для настоящей новой государственной жизни. Это очень обходительный, отлично образованный, но лѣнивый холостякъ консервативнаго духа; обладая лучшими въ свѣтѣ манерами, онъ считаетъ себя, не смотря на преклонныя лѣта, вѣчно юнымъ. Вотъ его подлинныя слова по этому поводу: „Я не хочу быть старикомъ, пусть я буду лучше казаться смѣшнымъ, чѣмъ старикомъ". Особенно трудно было Бисмарку удалить его потому, что онъ въ большой милости у императора, а императоръ крайне неохотно разстается съ своими старыми слугами. Поэтому онъ добился только отпуска, когда требовалъ гораздо бо̀льшаго. Эйленбургъ считается въ заграничномъ отпускѣ, а между тѣмъ остается по прежнему въ Берлинѣ. Причина этому—надежда получить постъ посланника въ Петербургѣ или другомъ значительномъ городѣ. Но Бисмаркъ избѣгаетъ посланниковъ, лично и хорошо знающихъ императора, такъ какъ примѣръ Арнима еще слишкомъ живъ передъ его глазами, и онъ опасается, чтобы не обошли его планы или не помѣшали сверху. Вотъ почему Бисмаркъ такъ доволенъ Гогенлоэ въ Парижѣ, который почти совсѣмъ не знаетъ императора. Ожидаютъ, само собой, что временной отпускъ Эйленбурга превратится вскорѣ въ рѣшительную отставку.

Отставку получитъ, вѣроятно, и министръ Ашенбахъ. Онъ навлекъ на себя особенную немилость Бисмарка, и тотъ, по своему обыкновенію, говоритъ каждому встрѣчному, что Ашенбахъ долженъ оставить свой постъ. Одному изъ членовъ рейхстага изъ партіи прогрессистовъ онъ сказалъ на-дняхъ: „на что мнѣ Ашенбахъ? единственное, что̀ онъ дѣлаетъ, это говоритъ длинныя рѣчи въ рейхстагѣ". Мнѣ передавалъ это самъ членъ рейхстага, которому слова эти были сказаны. У Ашенбаха какое-то испуганное, немного глуповатое выраженіе лица, прилизанные волосы и длинные и узкіе, какъ шило, усы; въ лицѣ его видна боязнь быть вытолкнутымъ ногой изъ министерства. Недавно онъ жало-

вался въ одномъ обществѣ на безцеремонность и недостатокъ снисходительности великихъ политиковъ. Оно говорилъ, что у нихъ нѣтъ совершенно добродѣтелей частной жизни въ политикѣ. Онъ привелъ въ примѣръ Фридриха Великаго, но большой вопросъ—о комъ онъ въ эту минуту думалъ. Замѣщеніе Леонгарда Фридбергомъ не имѣетъ иного значенія, какъ назначеніе помощника начальникомъ. Фриденталь, такъ превосходно управлявшій министерствомъ, не смотря на недостатокъ людей въ составѣ его, въ то время, какъ Ашенбахъ, съ отличнымъ персоналомъ, съумѣлъ только вызвать всеобщее неудовольствіе, во всякомъ случаѣ останется на своемъ мѣстѣ. Тоже самое должно ожидать и по отношенію къ Фальку, настоящему олицетворенію культурной борьбы; во всякомъ случаѣ это не менѣе вѣрно, какъ и то, что останется на своемъ посту и „незамѣнимый" Бисмаркъ. „Незамѣнимый и невыносимый"—такъ называютъ его теперь его ненавистники.

Главнѣйшимъ слѣдствіемъ предстоящей, повидимому, перемѣны будетъ то, что имперія получитъ, наконецъ, дѣйствительныя министерства. Въ настоящее время канцлеръ олицетворяетъ въ себѣ всѣ министерства имперіи, и чѣмъ далѣе продолжится такой порядокъ дѣлъ, тѣмъ сильнѣе будетъ потрясена Германія извѣстіемъ о его смерти, когда это случится. Если бы безчисленныя дѣла его были распредѣлены на нѣсколько лицъ, то такая потеря была бы, во всякомъ случаѣ, менѣе чувствительна, чѣмъ если это случится теперь. Съ этими ожиданіями и надеждами борется частью своенравная личность Бисмарка, частью союзный совѣтъ въ лицѣ министровъ отдѣльныхъ государствъ, которые въ учрежденіи имперскихъ министровъ видятъ угрозу для себя быть подчиненными имъ, или по меньшей мѣрѣ, быть сравненными въ правахъ. Прошедшее одно только можетъ служить вѣрнымъ предостереженіемъ грядущаго. Слова, сказанныя по случаю новаго года однимъ изъ моихъ друзей, погибшимъ въ прошлую войну, имѣютъ смыслъ не только по отношенію къ частной, но и къ государственной жизни: „Вы спрашиваете, скоро ли счастье улыбнется вамъ? Или грозитъ ли вамъ несчастье—на это я отвѣчу вамъ: „ваше будущее въ вашемъ прошедшемъ".

---

10 января 1878. (29 декабря 1877).

Во внутренней политикѣ нѣтъ никакихъ перемѣнъ. Беннигсенъ возвратился изъ Варцина безъ результатовъ, что̀ было истолковано недоброжелателями его въ рейхстагѣ, какъ признакъ не-

удачи свиданія. Многіе тѣмъ не менѣе предполагаютъ, что переговоры начнутся скоро вновь. Если подумать дѣйствительно, какъ много предстоитъ трудныхъ пунктовъ соглашенія, какъ напр., свободная торговля или покровительственная система, соединеніе имперскихъ министерствъ съ прусскими, то не представляется ничего удивительнаго, что переговоры затянулись. Вчера еще, однако, Беннигсенъ сказалъ одному своему товарищу въ ландтагѣ, что все, чтѐ было условлено между имъ и Бисмаркомъ, должно считать „словами, которыя пишутся мѣломъ на доскѣ, чтобы быть стертыми рукавомъ“! Послѣ совѣщанія съ Ласкеромъ, онъ отказался принять министерскій портфель, если не дадутъ въ то же время портфелей и его товарищамъ. Національ-либералы отнеслись съ большою осторожностью и большимъ недовѣріемъ къ предложеніямъ канцлера, въ образѣ дѣйствія котораго проявляется все болѣе и болѣе безцеремонность и нетерпѣніе. Они желали связать его обѣщаніями по рукамъ и по ногамъ, оградить себя отъ опасности быть выброшенными вонъ при первомъ удобномъ случаѣ, а онъ желалъ, какъ и всегда, сохранить за собой свободу дѣйствій, привыкнувъ къ тому, что волѣ его въ концѣ-концовъ все-таки всѣ подчиняются.

Нервная раздражительность Бисмарка чрезвычайно усилилась въ послѣднее время. Онъ имѣетъ слабость принимать близко къ сердцу мелкія огорченія, особенно проявленія личной вражды къ нему. Такъ онъ весьма огорчился, когда отравили въ прошломъ году его любимую собаку. Онъ даетъ вообще поводы сердить себя своимъ противникамъ. На разбирательствѣ одного дѣла въ судѣ фигурировало письмо одного члена центра, гдѣ были, между прочимъ, слѣдующія слова: „Самое важное—лишить канцлера аппетита“, и мыслью этой съумѣли отлично воспользоваться. Канцлеръ, дѣйствительно, потерялъ аппетитъ и сонъ, сдѣлался болѣзненъ, раздражителенъ. Не смотря на все это, онъ работаетъ съ прежней энергіей. Отсутствіе его въ Берлинѣ, которому скоро будетъ 10 мѣсяцевъ, далеко не обозначаетъ отдыха. Въ только-что появившемся статистическомъ отчетѣ движенія почтъ и телеграфовъ видно, что въ 1877 году было обмѣнено съ Варциномъ 10,400 телеграммъ и 6,500 писемъ, и все еще какое слабое понятіе даетъ это о его колоссальной работѣ!

Кромѣ ультрамонтановъ, у него есть еще противники у самаго трона. Вчера вечеромъ, въ театрѣ, я замѣтилъ въ ложѣ за императрицей маленькаго лысаго господина съ густыми бѣлокурыми усами и непріятнымъ взглядомъ умныхъ глазъ, о которомъ говорятъ, что онъ служитъ связующимъ звеномъ между противниками

Бисмарка при дворѣ, князьями безъ владѣній, съ одной стороны, и Виндгорстомъ и центромъ съ другой. Говорятъ, что этотъ человѣчекъ держитъ въ своихъ рукахъ всѣ нити интригъ противъ Бисмарка, интригъ придворныхъ, князей и женщинъ, и что великій сокрушитель троновъ и государствъ никакъ не можетъ выбить его изъ позиціи. Его прикрываютъ слишкомъ могущественныя юбки.

Императрица и наслѣдная принцесса смотрятъ на Бисмарка, какъ на гордаго мажордома. Ему обязаны тріумфами и униженіями. Императрицу совершенно несправедливо обвиняли въ симпатіи къ ультрамонтанамъ, но, повидимому, дѣйствительно вѣрно, что безцеремонный образъ веденія культурной борьбы глубоко возмущаетъ ее. Князья, съ герцогомъ готскимъ, наперсникомъ наслѣдной принцессы, во главѣ, видятъ въ Бисмаркѣ олицетвореніе революціи. Что это революція сверху, то это нисколько не примиряетъ ихъ съ нимъ. Они стараются раздражать его тысячами мелкихъ непріятностей и, какъ кажется, прошлогоднее столкновеніе его съ Штошемъ, которое удерживаетъ его до сихъ поръ внѣ Берлина, не миновало также ихъ рукъ.

Съ своей стороны онъ явно показываетъ имъ полнѣйшее презрѣніе. „Сколько разъ приходилось мнѣ,—говорилъ мнѣ недавно одинъ выдающійся членъ рейхстага,—бывать свидѣтелемъ такихъ уничиженій! Онъ часто отводитъ на придворныхъ торжествахъ какого-нибудь политика въ сторону и спрашиваетъ вполголоса: „Кто этотъ господинъ тамъ (одинъ изъ сіятельнѣйшихъ изъ сіятельныхъ), чѣмъ онъ занимается?“ И когда ему шопотомъ отвѣчаютъ, что это его высочество герцогъ Г. или князь Д., какую онъ дѣлаетъ гримасу! Мнѣ самому приходилось нѣсколько разъ быть соучастникомъ этихъ штукъ“.

Говоря о Бисмаркѣ, не слѣдуетъ забывать о противодѣйствіи, которое онъ встрѣчаетъ при дворѣ. Оно принуждаетъ его являться еще бо́льшимъ консерваторомъ, чѣмъ онъ есть въ дѣйствительности.

Выставлять Бисмарка поборникомъ свободы, какъ то старались во время цвѣтущаго періода культурной борьбы, не сообразно ни съ чѣмъ. Онъ еще меньшій другъ свободы, чѣмъ реакціонеръ изъ принципа. Уже по его прошлому нельзя ожидать въ немъ особой пріязни къ парламентскому образу правленія, но для проведенія своихъ реформъ ему необходимо обезпечить себѣ большинство въ рейхстагѣ. Въ данную минуту ему всего пріятнѣе было бы опереться на національ-либераловъ, такъ какъ они долгое время поддерживали его и представляютъ собой самую сильную партію въ настоящее время. Если соглашеніе съ Беннигсе-

комъ не удастся, онъ обратится въ другую сторону, можетъ быть, и къ реакціонерамъ, но смѣло можно быть увѣреннымъ, что реакція никогда не была и не будетъ его принципомъ.

Исторически Бисмарку пришлось пережить то же самое, какъ и прежнему возстановителю Пруссіи—Штейну. Оба принялись за дѣло строго консервативно, но, достигнувъ власти, оба тотчасъ почувствовали, что въ состояніи выполнить свои трудныя задачи только въ согласіи съ духомъ времени. Это именно и привело къ тому, что Бисмаркъ, Готспуръ реакціонеровъ 1848 года, осуществилъ программу нѣмецкой національной партіи, что въ 1864 году онъ во многомъ сходился съ Лассалемъ и впослѣдствіи сдѣлалъ все, что могъ, для объединенія современной Италіи; наконецъ, онъ привелъ въ исполненіе самыя завѣтныя идеи либеральной демократической партіи въ Германіи,—введеніемъ гражданскаго брака и освобожденіемъ школы отъ вліянія духовенства.

Облекая свои глубоко-захватывающія реформы въ строго консервативныя формы, Бисмаркъ лишь слѣдуетъ старымъ традиціямъ Пруссіи. Это одна изъ особенностей Пруссіи, которая почти совершенно опускается изъ виду въ скандинавскихъ государствахъ. Ничто не можетъ быть болѣе въ духѣ прусскихъ традицій, какъ проводить реформы по строго консервативной программѣ. Въ Пруссіи и ногами и руками открещиваются отъ каждой фразы, которая звучитъ хоть сколько-нибудь либерально, избѣгаютъ сколько возможно всего, что не имѣетъ прецедента, но, отказываясь отъ какой-либо идеи, въ то же самое время стремятся провести ее и проводятъ.

Совершенно противуположное тому встрѣчаемъ мы въ Австріи, съ чѣмъ не можетъ не согласиться каждый, кто сколько-нибудь сравнивалъ образъ дѣйствій этихъ двухъ государствъ. Въ Австріи вы встрѣтите свободу во всемъ, но только на бумагѣ; въ дѣйствительности же очень мало. Въ Австріи въ большомъ ходу либеральная программа, либеральная фраза, ею любятъ щегольнуть, объ ней кричатъ во всеуслышаніе, но на этомъ и останавливаются.

Въ Пруссіи страшатся и избѣгаютъ всего мало-мальски революціоннаго, но въ душѣ и на дѣлѣ здѣсь глубоко либеральны. Это видно, какъ въ большомъ, такъ и въ маломъ. Такъ, напр., и въ женскомъ вопросѣ. Стефанъ не былъ бы напр., прусскимъ чиновникомъ въ душѣ, если бы не высказывался и публично и дома противъ допущенія женщинъ въ службу на почту и телеграфъ; но самъ тѣмъ не менѣе далъ мѣсто у себя же очень значительному числу женщинъ. Подобное отношеніе мы видимъ

и между духомъ отсталости и духомъ прогресса въ арміи. Если офицеръ обошелся жестоко съ солдатомъ и солдатъ жалуется — солдатъ всегда останется виноватъ, а офицеръ правъ. Но мѣсяцевъ черезъ пять-шесть офицера вдругъ увольняютъ безъ объясненія причинъ, или его систематически обходятъ каждымъ повышеніемъ, такъ что онъ принужденъ бываетъ, наконецъ, самъ подать въ отставку. Поэтому и офицеры гораздо болѣе опасаются притѣснять солдата, чѣмъ это можно было бы ожидать при дисциплинѣ, дающей съ виду такую неограниченную власть офицеру. Короче: современное лицо Пруссіи закрыто на половину ея старомоднымъ остроконечнымъ шишакомъ.

V.

Гансъ Макартъ и „Катарина Корнаро“.

3 (15) января 1878 г.

Съ тѣхъ поръ, какъ Берлинъ сдѣлался столицей имперіи, здѣсь много стали заботиться объ искусствѣ и собраніяхъ произведеній искусствъ. Для реальнаго въ душѣ и жаднаго къ ученію населенія Берлина музеи играютъ ту же роль, какъ огромные соборы большихъ католическихъ городовъ для ихъ чувственнаго и впечатлительнаго населенія. Посѣщеніе по воскреснымъ днямъ Стараго музея и „Національной галлереи“ замѣняетъ здѣсь простолюдину воскресную проповѣдь въ церкви. Все возрастающій интересъ народа и готовность правительства удовлетворять ему, поддерживаютъ взаимно другъ друга, и музеи, благодаря этому, обогащаются съ каждымъ днемъ.

Два новыя пріобрѣтенія въ Національной галлереѣ обращаютъ на себя особенное вниманіе. За большія деньги удалось пріобрѣсти портретъ Дженни Линдъ, писанный берлинскимъ художникомъ старикомъ Магнусомъ, портретъ далеко не блестящій. Артистка сидитъ въ непринужденной позѣ съ обнаженными по плечо руками, сложенными на колѣняхъ. Она имѣетъ видъ очень добродушной, милой, но незначительной особы. Если судить по этому только портрету, всѣ чары производилъ одинъ чудный голосъ Дженни Линдъ, а не страсть и увлеченіе, звучавшія въ немъ; ея сѣроголубые глаза довѣрчиво смотрятъ на васъ, но не выкупаютъ вполнѣ недостатокъ благородства въ чертахъ ея лица. Въ глубинѣ этихъ глазъ таился навѣрно иной огонь!

Другое новое пріобрѣтеніе—гигантская картина Ганса Макарта—„Катарина Корнаро“. Еще очень недавно она была на-

половину закрыта подмостками, но и изъ-за подмостковъ видно было, что, строго говоря, она можетъ удовлетворять только требованіямъ мѣста, куда ее поставили: ласкать взоръ и служить декораціей входа. Она укрѣплена на стѣнѣ надъ лѣстницей, все свободное мѣсто которой она отлично наполняетъ своимъ полотномъ; на дняхъ ее украсили массивной золотой рамой. Она блеститъ всѣми цвѣтами радуги, и, конечно, никто, чувствующій влеченіе къ новому направленію искусства, не упуститъ случая осмотрѣть внимательно эту колоссальную и надѣлавшую столько шуму картину. Макартъ, какъ извѣстно, уроженецъ Австріи, родился въ 1840 году, и былъ въ началѣ ученикомъ Пилоти, (котораго „Смерть Валленштейна", украшаетъ стѣны новой пинакотеки въ Мюнхенѣ), но скоро далъ уже самостоятельныя работы въ духѣ ультра-колоритности. Мнѣ помнится анекдотъ, который я слышалъ въ Мюнхенѣ объ учителѣ Макарта и Каульбаха.

Каульбахъ зашелъ какъ-то въ Пилоти въ мастерскую и разсказывалъ ему о картинѣ, которую онъ задумалъ изъ временъ реформаціи для „Трешпенгауза" берлинскаго музея. „Вотъ мой планъ,—сказалъ Каульбахъ:—на главномъ мѣстѣ я помѣщу генія человѣчества, возродившаго исторію; по правую руку — поэтовъ: Шекспира, Сервантеса, Боккаччіо, Петрарку и т. д.; по лѣвую — великихъ ученыхъ: Бруно, Галилея, Ньютона и т. д.; затѣмъ — мореплавателей, открывшихъ Америку, представителей всемірной торговли; на заднемъ планѣ, наконецъ, Лютера среди представителей эпохи возрожденія и реформаціи, между Рафаэлемъ и Дюреромъ, полную гармонію гуманизма, возрожденія и реформы, а вы, Пилоти, какъ задумали свою будущую картину, что она будетъ изображать"? Вмѣсто прямого отвѣта, Пилоти подошелъ къ шкафу въ мастерской, вынулъ оттуда пучекъ пестрыхъ тряпокъ и занавѣсей, и бросилъ ихъ, смѣшавъ опредѣленнымъ образомъ, на полъ, и сказалъ: „вотъ приблизительно планъ моей картины".

Анекдотъ этотъ рисуетъ немного рѣзко, но ясно, какая разница существуетъ между картиной, гдѣ на главномъ планѣ идея, и картиной, гдѣ вся забота идетъ о гармоніи красокъ. Въ Германіи привилась особенно первая школа, признающая со временъ Корнеліуса до нашихъ дней одинъ только рисунокъ карандашомъ; для нихъ существуетъ, какъ будто, одинъ только № 2 Фабера; а вторая, у мюнхенскихъ и вѣнскихъ художниковъ, бросилась въ погоню за бьющими въ глаза, но безжизненными и неестественными эффектами. Первое направленіе не имѣетъ вида, второе часто безжизненно. Корнеліусъ, душа котораго не была чужда

величія, но восторги котораго были неестественны, предвѣщалъ новое направленіе искусства, которое должно было стремиться давать въ каждой картинѣ какъ бы конспектъ всеобщей исторіи. Пилоти, безспорно даровитый въ своихъ первыхъ картинахъ, но всегда обращавшій подобно мейнингенцамъ на сценѣ, больше вниманія на костюмъ, чѣмъ на характеры, закончилъ свое поприще картинами съ чисто балетной обстановкой (его Туснельда проходитъ мимо Нерона балетнымъ па танцовщицы), а въ широкихъ полотнахъ Макарта видна скорѣе кисть декоратора, чѣмъ душа художника. Если бы мнѣ пришлось выбирать между этими двумя направленіями, то я отдалъ бы предпочтеніе второму, потому что въ картинѣ, все-таки, всегда первое кисть, но, строго говоря, я не поклонникъ ни того, ни другого направленія. Въ Макартѣ во всякомъ случаѣ нельзя не признать извѣстной оригинальности; его сфера—огонь красокъ, какъ огонь костра—сфера сказочной саламандры; онъ любитъ пурпуръ какъ философъ правду, ради ея самой. Картины его—ярко расписанныя, отличныя декораціи для столовой, но и только; тѣ, которыя были выставлены въ Берлинѣ, положительно своего рода вакханаліи красокъ, но и здѣсь ему, какъ и Пилоти, недостаетъ жизни, а безъ жизни нѣтъ творчества. Я говорю съ умысломъ: жизни, а не „души" и не „чувства", слова, которыми такъ злоупотребляютъ. Макарту недостаетъ не идеализма, отъ избытка котораго Боже избави нѣмецкихъ художниковъ! Пусть Макартъ будетъ еще много разъ чувственнѣе въ своихъ картинахъ, пусть молится еще болѣе на красоту тѣла, художнику это прибавитъ только силъ, но ему необходимо еще вдохновеніе, которое заставляетъ вѣрить въ изображенныя имъ лица, какъ въ живыя существа, а этого-то именно ему и недостаетъ; картины его не вызываютъ иллюзіи. Костюмы его всегда выписаны лучше, чѣмъ фигуры, на которыхъ они одѣты — это холодныя модели, которыя не дышатъ, не чувствуютъ, не влекутъ. Во всякомъ случаѣ я считаю „Катарину Корнаро" Макарта неудачнымъ произведеніемъ. Въ собраніи картинъ Разцинскаго въ Берлинѣ находится небольшой эскизъ красками, изображающій королеву эльфовъ, несомую по лѣсу; картина эта, не смотря на всю ея незначительность и неприглядность, показываетъ несомнѣнно въ художникѣ широкую и необузданную фантазію, а этого-то здѣсь совсѣмъ и не замѣчаютъ. Гигантская же картина Макарта „Корнаро" не даетъ, напротивъ, фантазіи ни малѣйшей пищи, а ею-то и восхищаются.

Чѣмъ больше смотришь на Макарта, тѣмъ яснѣе чувствуется въ немъ австрійскій художникъ. Въ произведеніяхъ австрій-

скихъ художниковъ всегда больше чувственности и богатства красокъ, чѣмъ въ прусскихъ, но менѣе скромности и самостоятельности. По направленію они напоминаютъ Францію съ примѣсью — у вѣнцевъ полнокровной чувственности, и извѣстнаго дикаго аромата дѣвственной почвы у художниковъ Богеміи и Венгріи.

Въ общемъ нынѣшніе австрійскіе художники болѣе смѣлы и менѣе строги въ своемъ искусствѣ, чѣмъ ихъ сѣверные собратья. Краски для нихъ главное; взаимное отношеніе половъ у нихъ игривѣе, чѣмъ здѣсь. Одна изъ чисто австрійскихъ особенностей поэтическаго творчества Анастасія Грюна—пестрая, иной разъ чрезмѣрная образность его языка. Не мало сходства можно найти также между современными австрійскими поэтами, какъ Гаммерлингомъ, напримѣръ, авторомъ „Агасѳера въ Римѣ“ и „Сіонскаго короля“, и Макартомъ, творцомъ „Семи смертныхъ грѣховъ“. Вліяніе австрійскихъ условій поэзіи даетъ себя скоро знать на сѣверныхъ писателяхъ, которые подверглись ему, какъ, напримѣръ, Адольфъ Вильбрандтъ. Вильбрандтъ по рожденію мекленбуржецъ, а это одно изъ самыхъ неповоротливыхъ и холодныхъ сѣверогерманскихъ племенъ; его первыя произведенія носятъ на себѣ характеръ абстрактности, свойственной сѣверу. Въ одной драмѣ изъ временъ рыцарей („Графъ Гатерлингъ“) онъ развиваетъ любовь двухъ молодыхъ людей въ теченіе цѣлыхъ пяти дѣйствій столь же безцвѣтно, какъ и Ингеманъ [1]) въ своихъ романахъ. Въ комедіи „Живописцы“ онъ выводитъ на сцену двухъ нѣмецкихъ художниковъ, живущихъ стѣна объ стѣну съ молодой красивой дѣвушкой, и заставляетъ ихъ оставаться равнодушными къ ея красотѣ только потому, что красавица носитъ очки и небрежна въ своемъ туалетѣ. Но вотъ онъ переселяется въ Вѣну, женится на нѣмецкой актрисѣ изъ Бургъ-театра и плодомъ пребыванія его въ этомъ городѣ и этой связи являются „Аррія и Мессалина“ и другія произведенія въ томъ же родѣ, которыя, намъ кажется, скорѣе способны произвести сильное впечатлѣніе, благодаря эффектности, чѣмъ удовлетворить жажду поэзіи. „Мессалина“ Вильбрандта чисто макартовскій типъ и должна бы носить непремѣнно тотъ же самый костюмъ, какъ и героиня Макарта.

Чего же недостаетъ искусству Макарта въ сравненіи съ французскимъ того же направленія? Недостатокъ этотъ чувствуется, когда вспоминаешь картины сверстника Макарта, Реньо. И Реньо любилъ краску какъ краску, купался въ краскѣ, но у

[1]) Бернгардъ Северинъ Ингеманъ (1789—1862), авторъ многихъ историческихъ романовъ, которые въ свое время пользовались большимъ успѣхомъ. Прим. перев.

него все жило, все дышало... Гармонія красокъ была доведена у него до совершенства, между тѣмъ, какъ у Макарта она гремитъ подобно хору трубачей. Его „Саломе“ на парижской выставкѣ была верхомъ торжества желтой краски. Стѣна, у которой сидитъ Саломе, желтая; атласное платье ея, вуаль, все того же желтаго цвѣта. Но каждой оттѣнокъ краски данъ такъ вѣрно и правдиво, что все это море желтой краски кажется лишь выраженіемъ души черноволосой, черноокой азіатки или африканки. Дикій восточный колоритъ сливаетъ всѣ эти роскошные элементы въ одно гармоническое цѣлое. Въ „Катаринѣ Корнаро“ Макарта все разсыпается въ отдѣльныя, хотя и отлично выписанныя кучки флаговъ, пурпурныхъ мантій, стоящихъ мужчинъ и сидящихъ женщинъ.

VI.

Театръ.—Г-жа Ниманъ-Раабе.—Генрихъ Ибсенъ: „Столпы общества“.

Выдающееся явленіе въ области искусствъ, о которомъ въ послѣдніе дни только и было рѣчи повсюду, безспорно Гедвига Ниманъ-Раабе, временно играющая въ Резиденцъ-театрѣ. Она появилась теперь уже въ двухъ роляхъ, очень интересныхъ, хотя и схожихъ, а именно, „Дорѣ“ и „Андреа“ Сарду. Ея роли давали постоянно полный сборъ и производили всегда безъ исключенія фуроръ.

Резиденцъ-театръ въ Берлинѣ—одинъ изъ самыхъ модныхъ театровъ, благодаря энергіи, съ которой здѣсь взялись за дѣло. Онъ пользуется такой же благосклонностью публики, какъ театры „Gymnase“ въ Парижѣ и театръ „Valle“ въ Римѣ, и какъ тамъ, такъ и здѣсь, въ немъ даются преимущественно лучшія комедіи новой французской школы. Чѣмъ болѣе падаютъ правительственные театры, вызывая лишь скуку декламаціей актеровъ, тѣмъ болѣе чувствуется въ большихъ городахъ потребность въ сценахъ, достаточно оживленныхъ и свободныхъ, директоры которыхъ были бы достаточно предпріимчивы, чтобы брать на себя иниціативу дѣла и вызывать соревнованіе со стороны правительственнаго театра, подобно тому, какъ, напримѣръ, „Gymnase“ вызываетъ соревнованіе „Théâtre Français“.

Если гдѣ въ этомъ чувствуется потребность, то именно здѣсь въ Берлинѣ, гдѣ „Schauspielhaus“, не смотря на правительственную поддержку, представляетъ собой одинъ изъ посредственнѣйшихъ театровъ въ мірѣ. Въ то время, какъ и „Бургъ-театръ“ и „Штадтъ-театръ“ въ Вѣнѣ блестятъ новизной и богатствомъ ре-

пертуара и замѣчательными исполнителями, берлинскій „Schauspielhaus“ превратился подъ директорствомъ Гюльзена въ одну изъ тѣхъ старыхъ плачевныхъ панорамъ раешника, которыя встрѣчаешь теперь обыкновенно только въ почтенной провинціи.

Въ общемъ здѣсь дѣло не въ недостаткѣ таланта у артистовъ. Здѣсь много хорошихъ силъ, хотя и не геніевъ; но во всякомъ случаѣ талантовъ здѣсь больше, чѣмъ въ королевскомъ театрѣ въ Копенгагенѣ. Если дѣло идетъ здѣсь, сравнительно, а часто и абсолютно, менѣе успѣшно, чѣмъ въ Даніи, то только благодаря управленію, которое ни въ какой другой странѣ, не преклоняющейся передъ капризомъ монарха, не было бы терпимо и мѣсяца. Что̀ сказано императоромъ Вильгельмомъ, то свято въ Германіи и каждое возраженіе разума отступаетъ передъ послушаніемъ. Поэтому только и могъ никому не нужный придворный, отставной военный, никогда и не нюхавшій въ своей жизни пороха и имѣющій еще меньшее представленіе объ искусствѣ, какой-нибудь г. Гюльзенъ, жена котораго пишетъ посредственныя повѣсти, получить разрѣшеніе превратить національный театръ въ свое собственное подобіе, и нѣтъ ни малѣйшей надежды на его отставку, пока сама смерть не дастъ отставки ему или императору Вильгельму. Пока живъ императоръ, объ иномъ директорѣ не можетъ быть и рѣчи, а режимъ Гюльзена—бездарность. Онъ не съумѣлъ ни составить репертуара, ни образовать актеровъ. Онъ одинаково пагубно вліяетъ какъ на искусство, такъ и на публику и на артистовъ.

Здѣсь есть даровитая и образованная актриса, г-жа Эргартъ, но и она въ концѣ сезона покидаетъ сцену. Есть ветеранъ сцены —старикъ Дорингъ, котораго исполненіе пѣсни о блохѣ въ „Фаустѣ“ дьявольски насмѣшливое, одно изъ лучшихъ когда-либо слышанныхъ мной, и его-то заставляютъ устрашать публику исполненіемъ роли Шейлока. Есть еще талантливая старушка Фрибъ-Блумауеръ и ей приходится играть въ ущербъ своему таланту въ комедіяхъ Бенедикса, невозможныхъ ни на какой порядочной сценѣ. Есть еще нѣсколько талантливыхъ исполнителей на вторыя роли подобно герцогу Альбѣ въ Донъ-Карлосѣ, и Оранскому въ Эгмонтѣ. Но лучшія силы тонутъ въ окружающей ихъ резонерствующей бездарности и ходульности, а граціозная женственность нѣкоторыхъ актрисъ, при всемъ ихъ знаніи сцены, не выкупаетъ недостатковъ игры. Клара Мейеръ—очень хорошенькая, молодая актриса, очень привлекательная, но слишкомъ безцвѣтная, чтобы создать какую-либо роль, и ей-то даютъ роли Клерхенъ, Гретхенъ и Доротеи въ жалкомъ переложеніи Топфера идилліи Гёте.

Актеръ Людвигъ, въ роляхъ первыхъ любовниковъ, отлично сложенъ и очень красивъ въ бѣломъ атласномъ костюмѣ Эгмонта; онъ полонъ достоинства, когда является съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, какъ Торквато Тассо, но невозможный декламаторъ. Молодой артистъ на характерныя роли, Кале, отъ котораго послѣ отлично сыгранной имъ роли Карлоса въ „Клавиго", можно было, повидимому, многаго ожидать впереди, нисколько не подвинулся съ тѣхъ поръ. Ему дали совершенно фальшивую въ сущности роль Нарцисса въ столь же извѣстной, какъ и плохой, комедіи того же имени—Брахфогеля, глупой перекройкѣ „Племянникъ Рамо" Дидаро, и онъ самымъ исправнымъ образомъ опуталъ себя сѣтями напыщенности. Во многихъ роляхъ онъ является точной копіей Левинскаго въ Вѣнѣ. Онъ идетъ такъ далеко въ напускной страстности, что кривитъ даже ротъ, какъ Левинскій, въ патетическихъ мѣстахъ. Это напоминаетъ китайцевъ, которые дѣлаютъ умышленно трещины на дорогой чайной чашкѣ, видя въ этомъ совершенство своего рода.

Короче говоря, просидѣвъ пять часовъ на представленіяхъ въ „Schauspielhaus'ѣ", не выносишь ни одного свѣжаго или новаго впечатлѣнія.

Поэтому лучше направимъ шаги наши въ Резиденцъ-театръ. Резиденцъ-театръ выстроенъ какъ и всѣ частные театры Берлина въ одной изъ окраинъ города,—обстоятельство, достаточно говорящее за отсутствіе любви у берлинцевъ къ театру; въ Парижѣ, напр., гдѣ участки земли въ центрѣ города стоятъ нисколько не дешевле, чѣмъ въ Берлинѣ, всѣ театры находятся на самыхъ бойкихъ мѣстахъ. Дойти туда пѣшкомъ невозможно, такъ какъ мы сбились бы навѣрное съ дороги; возьмемъ поэтому извощика. Онъ везетъ васъ туда по безконечному числу унылыхъ, однообразныхъ, но хорошо освѣщенныхъ улицъ, по которымъ толчется народъ и экипажи, черезъ большія, мрачныя площади, мимо сотенъ грязныхъ, сѣрыхъ, скучныхъ фасадовъ домовъ и останавливается, наконецъ, передъ невзрачнымъ входомъ, ярко освѣщеннымъ дугой газовыхъ рожковъ. Мы у цѣли.

Сарду—одно изъ любимѣйшихъ чадъ театровъ этого рода. Ожье слишкомъ высокъ, Дюма пишетъ слишкомъ мало, а Сарду наименѣе поэтичный изъ нихъ, но наиболѣе предпріимчивый; онъ постоянно поставляетъ новинки, требуя немногаго отъ ума слушателя, столь же мало, какъ мало требователенъ онъ къ себѣ самому. Не то, чтобы онъ былъ небреженъ, — вовсе нѣтъ, но требованія, которымъ онъ старается удовлетворить и всегда удовлетворяетъ, имѣютъ характеръ сценичности, а не поэзіи. Въ

произведеніяхъ его нѣтъ, какъ у Дюма и Ожье, идеи, которую онъ старался бы иллюстрировать драматически; сюжетъ его заимствованъ отовсюду, гдѣ только можно, всего чаще у Дюма; но идея для него служитъ только средствомъ для подысканія смѣлыхъ драматическихъ эффектовъ. Какъ извѣстно, Сарду началъ свою дѣятельность такъ же рано, такъ же восторженно и напыщенно, какъ и другіе; плодомъ первыхъ трудовъ его явились длинныя трагедіи, которыя никто не хотѣлъ ставить на сцену; отличительная черта его была полнѣйшее презрѣніе къ современной реальной драмѣ. Когда же онъ понялъ, наконецъ, что реальныя драмы скорѣе дадутъ ему успѣхъ, чѣмъ трагедіи, писанныя александрійскимъ стихомъ, онъ съ ужасомъ замѣтилъ, что писать первыя гораздо труднѣе. Чтобы воспитать себя драматически, онъ прибѣгнулъ къ слѣдующему способу. Онъ прочитывалъ актъ или два какой-нибудь большой комедіи Скриба, закрывалъ затѣмъ книгу и дописывалъ самъ слѣдующіе акты. Проработавъ, такимъ образомъ, цѣлые годы и сравнивъ свои работы съ произведеніями стараго рутинера, онъ добился той высокой степени искусства въ подготовленіи и развитіи задуманныхъ имъ драматическихъ эффектовъ, которыми изобилуютъ теперь всѣ его послѣднія пьесы. Отъ себя уже онъ замѣнилъ мѣщанскую простоту Скриба—двусмысленностями второй имперіи и его обдуманную осторожность головоломной смѣлостью, которой все удается и которая нравится публикѣ, какъ ловкій опасный прыжокъ канатнаго плясуна. Чтобы насладиться, дѣйствительно, произведеніями Сарду, всего лучше пойти посмотрѣть его произведенія въ „Gymnase“ въ Парижѣ, гдѣ даютъ себѣ время тщательно изучить даже самыя незначительныя роли его произведеній, пока онѣ не сдѣлаются совершенствомъ въ своемъ родѣ, и гдѣ частое исполненіе одной и той же пьесы придаетъ цѣлому законченность и оживленность. Но я видѣлъ также прекрасное исполненіе его комедій и въ другихъ городахъ, напр., въ театрѣ Valle въ Римѣ. Въ маѣ прошлаго года главныя роли въ его пьесахъ играли вмѣстѣ два такіе таланта какъ Сальвадоръ и Марини. Увидѣвъ теперь Ниманъ-Раабе въ этой роли, я не могъ не вспомнить о Марини; вообще весьма интересно посмотрѣть комедіи Сарду въ исполненіи нѣсколькихъ разныхъ національностей.

Публика въ Римѣ обладаетъ живой воспріимчивостью и природнымъ вкусомъ, но не имѣетъ литературнаго образованія. Въ Берлинѣ же публика, посѣщающая Резиденцъ-театръ, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ высшей буржуазіи и людей, „до пресыщенности“ образованныхъ, знакомыхъ со всей европейской лите-

ратурой, симпатизирующихъ французскому элементу и предпочитающихъ пряныя комедіи нѣмецкимъ. Но совсѣмъ отказаться отъ своего родного они все-таки не въ силахъ.

Матеріалъ, который представляютъ пьесы Сарду—довольно бѣденъ типами. Итальянскіе артисты стремятся къ правдивому исполненію его произведеній, нѣмцы къ опоэтизированному. Въ душѣ каждаго итальянца безсознательно таится жажда правдивости, въ душѣ нѣмца жажда красоты. Итальянцы не столько ищутъ въ драмѣ красоты, у нихъ и такъ ея довольно; нѣмцы же, чувствуя въ ней недостатокъ, цѣнятъ ее чрезвычайно высоко. Итальянцы—природные актеры, а нѣмцы нѣтъ. Все, что ни дѣлаетъ во время разговора итальянецъ или итальянка, мало-мальски привлекательные, съ своимъ лицомъ, своими ногами, своими руками, во всемъ видѣнъ вкусъ, а нѣмецъ, какъ сѣверянинъ, отъ природы неуклюжъ и неловокъ. Едвали можно встрѣтить что-либо болѣе изящное на сценѣ, чѣмъ Сальвадоре. Его поза, каждое его движеніе до совершенства натуральны и неизмѣнно изящны, и это—черта, исключительно свойственная итальянцу. Вотъ причина, почему итальянцы чаще рѣшаются на неизящное на сценѣ, чѣмъ нѣмцы, и что въ Германіи больше восхищаются красотой, чѣмъ въ Италіи.

Марини играетъ роли героинь Сарду съ природнымъ благородствомъ. Всего менѣе удаются ей мѣста, гдѣ требуется наивность; ей уже лѣтъ 40 и порывы страсти выходятъ у нея гораздо лучше, чѣмъ лепетъ наивности. Тамъ, гдѣ по роли она должна была быть женщиной, а не ребенкомъ, тамъ игра ея была поразительно правдива. Въ ней чувствуется иногда верхъ благородства, когда она отталкиваетъ, напр., въ Дорѣ, въ брачную ночь своего мужа, когда онъ, подозрѣвая ее въ кражѣ депеши, не можетъ устоять противъ обольщеній ея красоты и хочетъ привлечь ее въ свои объятья. Движенья ея иногда рѣзки, ей ровно ничего не значитъ опрокинуть порывистымъ движеніемъ или при неожиданномъ паденіи диванъ или нѣсколько стульевъ. Но игра ея никогда не была обращена къ публикѣ, она, повидимому, или забываетъ объ ней или презираетъ ее.

Исполненіе Гедвигой Ниманъ-Раабе ролей героинь Сарду не менѣе блестяще, но совершенно въ другомъ родѣ. Она все ingenue въ душѣ. Она ростомъ меньше Марини, моложе и гораздо красивѣе. Живые голубые глаза, прелестный ротъ и чудные зубы, ростъ Афродиты и голосъ такъ и шепчущій нѣжно и ласково: „какъ бы я была счастлива съ нимъ!“ голосъ, подобный звукамъ флейты въ эти минуты и звучащій какъ арфа, когда она увѣрена

уже, что любовь ея встрѣтила взаимность—вотъ ея средства. Кромѣ того: заразительный смѣхъ и слезы, вкрадчивость кошки и острый умъ. Въ Андреа, она одинаково мила и въ своей дѣтской безпечности, когда она надоѣдаетъ мужу разсказами про свои свѣтскія развлеченія, и, когда глубоко-оскорбленная, она кидаетъ ему упрекъ въ невѣрности и во лжи.

Есть и недостатки, конечно, общіе вообще драматическому искусству сѣвера. У публики здѣсь кожа толще, чѣмъ у латинскихъ народовъ и, чтобы пробить эту толстую шкуру, требуются сильныя средства. Артистка знаетъ это и подчеркиваетъ все и даже вдвойнѣ. Она играетъ какъ играютъ въ гастроляхъ, не обращая вниманія на тѣхъ, кто играетъ съ ней вмѣстѣ. У нея все намѣчено, разсчитано, все игра и игра сознательная. Обозначая на морской картѣ направленіе теченій, употребляютъ всегда знакъ кривой стрѣлы. И въ игрѣ ея, какъ и въ игрѣ всѣхъ выдающихся нѣмецкихъ актрисъ, есть нѣчто подобное; движенія ея никогда не бываютъ просты и прямы; извѣстная кривизна ихъ указываетъ зрителю направленіе игры, указываетъ ясно, съ удареніемъ.

Торвальдсенъ прогуливался съ Рипенгаузеномъ по улицамъ Рима и жаловался ему на недостатокъ простоты въ искусствѣ у нѣмцевъ. „Вотъ,—говорилъ онъ,—посмотрите на эту торговку апельсинами. Если вы захотите взять апельсинъ, то вы дѣлайте не такъ“ (онъ опустилъ руку въ корзину), „а такъ“ (онъ поднялъ руку выше головы, описалъ ею большой кругъ и схватилъ къ испугу торговки апельсинъ).

(24 января) 5 февраля.

Никакая эпидемія не свирѣпствуетъ въ Берлинѣ такъ сильно, какъ эпидемія „Столповъ Общества“ Генриха Ибсена, и вовсе не потому, что онъ особенно извѣстенъ здѣсь, а просто по недостатку современныхъ комедій и по улыбающейся перспективѣ отсутствія гонорара автору.

Первый поставилъ „Столпы Общества“ театръ „Бель-Альянсъ“ въ нѣмецкомъ переводѣ Вильгельма Ланге. Газеты отозвались тотчасъ же очень сочувственно объ этой новинкѣ. Въ то же время поставилъ ее и Штадтъ-театръ въ совершенно свободной передѣлкѣ каммеррата Іонаса. Въ „Tagblatt'ѣ“, газетѣ, которой онъ состоитъ сотрудникомъ по всему, что касается сѣвера, Ибсена немножко рекламировали; эта газета—одна изъ самыхъ расспространенныхъ; отлично редактируемая и посвященная интересамъ Берлина, она успѣла въ теченіе года пріобрѣсти 60,000 подписчиковъ; газета эта, не имѣя ровно никакого представленіи о сѣверномъ поэтѣ, нашла, конечно, вполнѣ естественнымъ,

что сотрудникъ ея, Іонасъ, переработалъ произведеніе Ибсена. Извѣстный театральный рецензентъ ея, Оскаръ Блуменбахъ, мѣсяцъ тому назадъ помѣстилъ подъ впечатлѣніемъ плохой пьесы Герберга замѣтку, въ которой говорилъ, между прочимъ, что до сихъ поръ удалось имѣть успѣхъ въ Германіи произведеніямъ одного только „шведскаго“ поэта Бьернсона (а тотъ норвежецъ); для другихъ же (изъ которыхъ замѣченъ Ибсенъ, также норвежецъ), по его словамъ лавры еще не выросли. Вслѣдъ за этой передѣлкой въ Національномъ театрѣ былъ данъ переводъ, сдѣланный самимъ авторомъ въ сотрудничествѣ съ г жей Клингенфельдтъ. Вчера въ афишахъ появилось объявленіе о постановкѣ той же пьесы въ театрѣ Остенде, въ четвертомъ переводѣ; кромѣ того, еще два театра готовились поставить это произведеніе. Такимъ образомъ, одна и та же пьеса будетъ даваема въ 6-ти разныхъ театрахъ и, пожалуй, одновременно, въ одинъ и тотъ же вечеръ. Какъ жаль, что нѣтъ международнаго закона, который охранялъ бы отъ такой эксплуатаціи автора. который теперь долженъ довольствоваться одними внѣшними знаками вниманія. Я почти убѣжденъ, что еслибы Ибсенъ пожелалъ сдѣлаться членомъ общества нѣмецкихъ драматическихъ писателей, то могъ бы защитить свои права; но ему пришлось бы, можетъ быть, выдать тогда свой норвежскій оригиналъ за переводъ съ нѣмецкаго перевода, какъ мнимаго оригинала, но съ этимъ едва ли примирилось бы его національное самолюбіе.

Всѣ только-что названные театры второстепенны. Штадттеатръ, однако, обезпечилъ себѣ отличнаго исполнителя для роли консула Берника, а именно Эмиля Гана, директора театра Викторіи, и поэтому я рѣшился посмотрѣть эту пьесу въ искалѣченномъ переводѣ Іонаса.

Чтобы сократить пьесу и обойтись, вѣроятно, безъ женскихъ ролей Руммель, Гольтъ, Линге и др., которыя въ пьесѣ не появляются болѣе на сценѣ послѣ перваго дѣйствія, 40 первыхъ страницъ этой комедіи сокращены на 4 или на 5; въ нихъ Гильмаръ Тённесенъ просто разсказываетъ адьюнкту Рёрлунду исторію бѣжавшаго Джона и г-жи Дорфа; благодаря этому, начало пьесы сдѣлалось до того глупо и безсмысленно, что смотрится съ трудомъ и такъ какъ пропущена характеристика общества обращенія на путь истины заблудшихъ овецъ, то появленіе на сценѣ Лона Геселя теряетъ всякій смыслъ. Столь же остроумно обрѣзана вообще и вся пьеса; сокращенія въ слѣдующихъ актахъ, правда, не такъ рѣзки, но опять такъ неудачны, что трудно добиться смысла. Характеръ Гильмара совершенно не

выясняется; изъ этой передѣлки выходитъ, что онъ добродушный, веселый малый, котораго надуваетъ Берникъ; роль Дины такъ сокращена, что сдѣлалась совершенно безцвѣтной. Въ общемъ все это мало поучительно и мало интересно; но интересно и поучительно то, что въ Германіи положительно не понимаютъ сложныхъ характеровъ этой пьесы. Въ театрѣ Belle-Alliance роль Гильмара Тённесена играется, не смотря на отсутствіе сокращеній, столь же плохо, какъ и въ Stadt-Theater. Рецензентъ „Vossische Zeitung“ характеризуетъ эту роль, какъ роль добряка и весельчака и, очевидно, находитъ ее весьма симпатичной. Это происходитъ частью отъ того, что напускная храбрость лѣнивыхъ натуръ, смѣшанная съ претензіей высоко держать знамя идей—явленіе, неизвѣстное въ настоящее время въ Германіи; главнымъ же образомъ потому, что въ Берлинѣ не привыкли еще относиться съ уваженіемъ къ литературамъ сѣвера, что одно влекло бы за собой серьезное изученіе ихъ, а причину тому, въ свою очередь, должно искать въ глубокой разницѣ въ образѣ проявленія страстей у сѣверянъ и у нѣмцевъ.

Датско-норвежская литература, которой положено основаніе юмористомъ Людвигомъ Гольбергомъ, имѣетъ въ основаніи своемъ сатирическое направленіе, а духовная жизнь нѣмца всегда облачается въ извѣстную форму торжественности. Поэтому въ художественномъ стилѣ нѣмцевъ обнаруживается чуткость къ возвышенному, чего совершенно не достаетъ датчанамъ; въ сѣверянинѣ наоборотъ, замѣтна склонность къ сухому, рѣзкому юмору, котораго въ Германіи и не понимаютъ, и не замѣчаютъ въ сѣверныхъ комедіяхъ. Въ каждомъ переводѣ съ норвежскаго или датскаго на нѣмецкій языкъ теряется вся соль остроумія, и наоборотъ, всѣ выраженія для высокаго, ужаснаго и дикаго звучатъ крайне слабо. Вотъ почему пропалъ и юморъ въ „Столпахъ Общества“ въ исполненіи берлинскихъ театровъ.

Въ исполненіи есть, однако, многое достойное вниманія. Ганъ придаетъ роли консула Берника такой оттѣнокъ, что все грязное, преступное и унижающее, благодаря чему типъ этотъ является у автора столь отвратительнымъ, смягчается покровомъ свѣтскости и изящества, которыя придалъ этой роли Ганъ и спасъ ее тѣмъ отъ презрѣнія публики. Дѣлалось понятно, что консулъ Берникъ въ свое время слылъ „красавцемъ“. Какъ ни низокъ онъ нравственно, но и низкое было въ немъ изящно; онъ вездѣ соблюдаетъ хорошій тонъ, даже когда ворчитъ и говоритъ нелѣпости женѣ; говоритъ онъ тогда въ полголоса и какъ бы вскользь, также и въ жестокомъ обращеніи своемъ съ Ауномъ онъ грозитъ

ему такъ холодно и спокойно, что и эта безпощадная строгость не носитъ отпечатка неизящнаго. Такимъ образомъ онъ не казался подлымъ, когда подъ конецъ преступныя мысли и планы одерживаютъ въ немъ верхъ. Его осуждаешь, но не чувствуешь отвращенія, и талантливый исполнитель ни мало не старался тутъ придать преступленію сантиментальный оттѣнокъ или вызвать состраданіе у зрителей, которыхъ возмущаетъ этотъ образъ...

VIII.

Цвѣты и поэзія.

29 января, 10 февраля 1878 г.

Мнѣ постоянно присылаютъ съ сѣвера собранія лирическихъ стихотвореній, то печатныя, то въ рукописяхъ, присылаютъ хорошія, посредственныя, невозможныя,—въ перемежку, что свидѣтельствуетъ о жизни, полной волненій, о мечтательной лѣни или незрѣлой сантиментальности. На сѣверѣ есть еще спросъ на лирическія произведенія, здѣсь же его нѣтъ и слѣда. Въ настоящее время въ Германіи появляется лишь немного лирическихъ произведеній, изъ которыхъ мало хорошихъ, а въ Берлинѣ нѣтъ почти никакихъ. „Skizzenbuch" Павла Гейзе, появившійся передъ Рождествомъ, безъ сомнѣнія, самый прекрасный сборникъ лирическихъ стихотвореній, когда-либо составленный кореннымъ берлинцемъ, но родиться оно не могло здѣсь: родина его югъ. Пѣсни любви не могутъ взойти на здѣшней песчаной почвѣ. Мнѣ очень хотѣлось бы знать: пишутся ли вообще въ Берлинѣ стихи, кромѣ риѳмованныхъ фельетоновъ Эрнеста Дома, превосходной рекламы въ безконечныхъ варіяціяхъ, гдѣ модный магазинъ на Leipzigerstrasse № 110 ежедневно заявляетъ о своемъ существованіи, и куплетовъ, которые поются въ „Possen" на сценахъ маленькихъ театровъ: „Alle Ochsen schlacht'man, alle Ochsen schlacht'man, nur die Orthodoxen schlacht'man nicht" и т. п.

Вообще здѣсь и городская жизнь и духъ времени такъ мало благопріятны лирической поэзіи, что я готовъ, пожалуй, утверждать, что въ Берлинѣ даже школьники не пишутъ стиховъ своимъ возлюбленнымъ. Юноша лѣтъ шестнадцати смотритъ на лирическую поэзію, какъ на нѣчто, имъ уже оставленное позади въ своемъ развитіи.

Единственный извѣстный мнѣ здѣсь, выдающійся жрецъ лирической поэзіи живетъ Unter den Linden и зовутъ его просто Шмидтъ, Шмидтъ изъ Эрфурта, города цвѣтовъ (какъ говоритъ Гоффманъ изъ Фаллерслебена). Ни у кого изъ лирическихъ поэтовъ нѣтъ здѣсь такого обилія красокъ, ароматовъ, свѣжести и гармоніи, какъ у него; никто не умѣетъ дѣлать такихъ чудныхъ сочетаній какъ онъ. По профессіи онъ садовникъ и плоды рукъ его на вульгарномъ языкѣ именуются букетами, корзинами цвѣтовъ, гирляндами, и т. д. Для меня это гимны, пѣснопѣнія, народныя пѣсни, элегіи и пѣсни любви, безъ сомнѣнія, лучшія въ Берлинѣ. Если ихъ и понимаютъ разно, то это особенность, вообще свойственная произведеніямъ поэзіи. Но положительно невозможно пройти мимо его высокихъ зеркальныхъ оконъ и не замечтаться, взглянувъ на нихъ.

Вотъ большой круглый, выпуклый букетъ огненно-красныхъ темныхъ камелій, пѣснь торжествующей красоты, которая возносится отъ избытка чувствъ и пылкихъ желаній. Что за очертаніе у каждаго листа и какой грандіозный подборъ аккордовъ въ художественномъ сочетаніи! Вотъ прямо противъ него другой букетъ, тоже изъ камелій бѣлѣе снѣга, окружающихъ безъ строгаго порядка, но гармонично, ряды бѣлыхъ гіацинтовъ, между которыми блестятъ своими бѣлыми чашечками стебельки ландышей. Букетъ этотъ дышетъ торжественной и тихой грустью.

Вотъ подушка изъ цвѣтовъ, въ полномъ смыслѣ слова подушка, хотя, конечно, основой служитъ искусно скрытая проволочная форма. Она сплетена изъ лиловыхъ, мягкихъ и блестящихъ, какъ бархатъ, еще влажныхъ отъ росы анютиныхъ глазокъ и точно создана, чтобы служить опорой ноги прелестной женщинѣ; ихъ окружаетъ бордюръ сѣраго, матоваго мха, съ разсѣянными въ немъ листками оливы; по четыремъ угламъ опускаются гіацинты и фукціи въ видѣ кистей. Только въ немногихъ риѳмованныхъ выраженіяхъ гордой, все покоряющей любви, мы встрѣчаемъ такую красоту. Вотъ подставка на подобіе древнегреческой лампады, съ главнаго ствола которой свѣшиваются три корзиночки, одна наполненная бутонами красныхъ розъ, другая фіалками и третья бутонами бѣлыхъ розъ; она напоминаетъ прекрасную подставку для лампады, найденную въ древней Помпеѣ, широкое основаніе которой инкрустировано серебромъ и на одномъ концѣ которой стоитъ Вакхъ, на другомъ алтарь. Грегоровіусъ написалъ прелестное стихотвореніе гекзаметромъ: „Эвфоріонъ“ въ честь этой рѣдкости. Можетъ быть, и три опускавшіяся

лампады его были украшены цвѣтами въ тотъ день, когда творецъ его, какой-нибудь искусный греческій рабъ, поставилъ его въ первый разъ на столъ своей госпожи, ожидая отъ нея въ награду свободу, а, можетъ быть, и что-нибудь поболѣе. И вотъ среди свѣжей яркой зелени, эти сочные бутоны розъ всѣхъ цвѣтовъ—желтые, палевые, оранжевые, красно-желтые, окруженные тонкимъ роскошнымъ кружевомъ бумаги. Вамъ такъ и кажется, что вы встрѣчали когда-то въ жизни женщину, похожую на этотъ букетъ. Онъ вливаетъ въ душу трепетъ, томленіе и страсть. Что за горячая улыбка!

Замѣчательно, какъ даже на манерѣ связывать цвѣты отражается особенность народа. Въ Парижѣ, потребляющемъ ежедневно массу цвѣтовъ, существуетъ одинъ только типъ параднаго букета. Цвѣты связываются отдѣльными правильными рядами по ихъ краскамъ, каждый оттѣнокъ отдѣльно, отдѣльно синіе, красные, бѣлые, въ видѣ огромнаго колеса. Нѣтъ ни малѣйшей вольности, ни малѣйшаго даже кажущагося безпорядка. Это классическій стиль Людовика XIV, вѣка подстриженныхъ садовъ, вычурныхъ тумбъ,—цѣлыя архитектуры цвѣтовъ и деревьевъ. Въ Германіи, напротивъ, садовникъ въ душѣ поэтъ-лирикъ, видъ букета всецѣло зависитъ отъ вдохновенія его или заказчика. Въ этомъ безпорядкѣ одноцвѣтныхъ, лишь съ нѣжными оттѣнками букетовъ видно отраженіе чисто германской поэзіи.

IX.

Свадебныя торжества и бережливость двора.

6 (18) февраля 1878 г.

Въ настоящую минуту взоры всей Европы обращены на Константинополь и на Римъ. Въ Константинополѣ царитъ ужасъ, въ Римѣ торжество и веселье. Никто, конечно, не былъ такъ наивенъ, чтобы принимать похоронную грусть римскаго народа за меланхолію. Безпечный житель юга! Едва умолкли восклицанія печали о любимомъ монархѣ, какъ милостивыя небеса ниспослали римлянамъ новый случай къ похороннымъ торжествамъ, смерть любимаго папы. Какъ тихи и спокойны въ сравненіи со всѣмъ этимъ выходятъ даже свадебныя празднества въ Берлинѣ, гдѣ кронпринцъ и принцъ Фридрихъ-Карлъ выдаютъ каждый свою дочь замужъ.

Тѣмъ не менѣе очень замѣтно, что небеса благосклонны къ Гогенцоллернамъ. Само небо празднуетъ эту двойную свадьбу. Послѣ вчерашняго чисто лондонскаго туманнаго дня, солнце блеститъ и грѣетъ сегодня какъ въ маѣ, ни одно облачко не затемнило его съ самаго ранняго утра до поздней ночи, когда зажглась иллюминація и заблестѣли звѣзды на небесномъ сводѣ. Точно по взаимному согласію, принарядился весь людъ и гуляетъ между 2 и 4 часами на „Корсо Берлина" толпой, подобной которой я не видѣлъ еще ни разу въ Берлинѣ. Три, четыре ряда экипажей тянулись вереницей и ряды ихъ были такъ сжаты, что полиція поминутно должна была останавливать ихъ, чтобы дать пройти пѣшеходамъ, не нарушая порядка. „Богиня Побѣдъ", фигура которой вчера, благодаря туману, не была видна даже съ площади, сегодня такъ горѣла въ лучахъ солнца своей позолотой, что становилось больно глазамъ. Офицеры въ парадныхъ формахъ съ разодѣтыми въ бархатъ и шелкъ дамами подъ ручку; всадники, галопирующіе взадъ и впередъ по улицѣ; всюду, куда ни взглянешь—праздничныя улыбки и праздничное настроеніе.

Въ Берлинѣ дома рѣдко украшаются флагами, тѣмъ веселѣе казался сегодня городъ, когда всюду развѣвались длинные узкіе какъ вымпелъ прусскіе и германскіе флаги. Въ двухъ-трехъ мѣстахъ развѣвались даже по случаю праздника саксонскіе и ольденбургскіе флаги. Передъ огромнымъ, похожимъ на крѣпость, старымъ зàмкомъ, вплоть до самаго императорскаго дворца, тѣснилась толпа, глазѣя на длинный рядъ освѣщенныхъ оконъ, за которыми въ эту минуту только-что начался знаменитый факельтанцъ. Это ничто иное какъ полонезъ, въ которомъ каждый кавалеръ танцуетъ съ восковымъ факеломъ въ рукѣ; его неизмѣнно танцуютъ здѣсь при каждомъ бракосочетаніи членовъ императорской фамиліи; порядокъ при этомъ бываетъ слѣдующій: впереди всѣхъ шествуютъ молодые съ оберъ-гофмаршаломъ и всѣми министрами во главѣ и дѣлаютъ при звукахъ музыки туръ вокругъ зала, затѣмъ новобрачная танцуетъ поочередно съ императоромъ и всѣми принцами, а новобрачный съ императрицей и всѣми принцессами. Это танецъ какъ разъ для военнаго двора: онъ утомителенъ какъ парадъ и безконеченъ какъ маневры. Хорошо, что обѣ невѣсты получили спартанское воспитаніе, иначе этотъ безконечный танецъ легко могъ бы разстроить ихъ нервы. За жениховъ нечего бояться, конечно; это два молодые лейтенанта, оба привычные къ суровой военной службѣ, и одинъ изъ нихъ, принцъ Мейнингенскій, является всегда первымъ въ роту. Онъ молодой человѣкъ, не безъ талантовъ. Онъ знатокъ въ музыкѣ, компози-

торъ, дѣлаетъ сообщенія въ археологическомъ обществѣ, которыя затѣмъ довольно предусмотрительно повторяетъ нѣсколько дней спустя въ военномъ научномъ кружкѣ. Онъ бережливъ, простъ въ обращеніи и ведетъ жизнь по средствамъ. До сегодняшняго дня онъ жилъ въ третьемъ этажѣ, въ неприглядной „Улицѣ Инвалидовъ“, рядомъ съ москательщиками и жестяниками, что́ вызвало нѣкоторое замѣшательство, когда кронъ-принцесса вздумала сдѣлать ему какъ-то визитъ на домъ. Но она сама бережлива и потому умѣетъ цѣнить эту добродѣтель въ другихъ. Разъ какъ-то одинъ изъ моихъ знакомыхъ засталъ во дворцѣ кронъ-принца одного изъ молодыхъ принцевъ въ совѣщаніяхъ съ портнымъ. „Вы предполагаете, конечно, что я заказываю себѣ новое платье?—ошибаетесь; мы хотимъ только передѣлать на мой ростъ одинъ изъ старыхъ сюртуковъ отца“. Это совершенно во вкусѣ гогенцоллернскихъ традицій и нельзя сказать, чтобы традиціи эти были ужъ такъ худы или не популярны.

На прошлой недѣлѣ въ королевскомъ дворцѣ было выставлено приданое молодыхъ принцессъ („trousseaux“, какъ называютъ его здѣсь по-французски). Дамы очень хлопотали о входныхъ билетахъ. Одна дама, на вкусъ и взглядъ которой я могу положиться, говорила мнѣ, что приданое изумительно скромно. Тѣ вещи, однако, которыя далъ за своей дочерью Фридрихъ-Карлъ, были тѣмъ не менѣе исполнены со вкусомъ. Кронъ-принцесса напротивъ, дала своей дочери вещи довольно безвкусныя и неизящныя. Но то, чѣмъ завалили молодую даму, это — ботинками. Всѣ самыя дорогія вещи по этому случаю были подарки другихъ дворовъ.

Недавно для зятя кронъ-принца и его невѣсты отдѣлали крошечный домикъ въ Потсдамѣ. Ему назначенъ камергеръ, ей фрейлина — вотъ и весь придворный штатъ. Этой простотой здѣсь любятъ щегольнуть; но это далеко не одно щегольство, это одна изъ причинъ, почему Германія сдѣлалась тѣмъ, что́ она есть. И это хорошо знаютъ южно-германскія государства. Разсказываютъ по этому поводу иногда замѣчательныя вещи. Супруга посла одного изъ этихъ государствъ бесѣдовала недавно съ однимъ иностранцемъ по поводу способности сѣверныхъ германцевъ подчинять всецѣло собственное „я“—интересамъ государства: „Лично для меня, —говорила она,—это подведеніе своихъ склонностей подъ общую мѣрку несимпатично, но я преклоняюсь предъ духомъ самоотверженія, готоваго на всякія жертвы. Именно потому, что пруссаки пропитаны имъ до мозга костей, и сдѣлались они тѣмъ, что они есть, а такъ какъ мы совершенно не знаемъ этого ихъ

качества, то мы со всѣми нашими милыми качествами и превратились теперь въ круглый нуль".

Такъ говорила она объ одномъ изъ самыхъ большихъ государствъ южной Германіи, здѣшній представитель котораго ея мужъ. Такой отзывъ—знаменіе времени. Отецъ ея былъ первымъ министромъ и принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые оказали въ 1866 году самое сильное сопротивленіе Бисмарку и питали самыя радужныя надежды на побѣды Австріи. Фразы, произнесенныя имъ въ свое время, часто цитируются. Дочь же его принадлежитъ теперь къ интимнѣйшему кружку Бисмарка и одна изъ его ревностнѣйшихъ поклонницъ. Когда рѣчь зашла о Пруссіи, она горячо сказала: „Теперь слѣдуетъ говорить „Германія"; это замашка иностранца говорить „Пруссія", какъ бы въ противоположность Германіи".

X.

Государственный канцлеръ.

2 (14) марта 1878 г.

Не легко было попасть на засѣданіе рейхстага, гдѣ долженъ былъ говорить Бисмаркъ по поводу назначенія вице-канцлера имперіи. Обыкновенно достаточно, при входѣ, послать свою карточку знакомому члену рейхстага, чтобы получить мѣсто на „трибунѣ депутатовъ"; на этотъ же разъ надо было обезпечить себѣ билетъ за нѣсколько дней до засѣданія, да и то только наиболѣе выдающіеся члены рейхстага имѣли въ своемъ распоряженіи по билету.

Всѣ мѣста для публики были переполнены до верху. Въ отдѣльныхъ ложахъ можно было видѣть на этотъ разъ лица, которыя встрѣчаешь только тамъ, гдѣ собираются сливки общества; тутъ были жены нѣкоторыхъ извѣстныхъ вожаковъ, пришедшія сюда, чтобы послушать рѣчи своихъ мужей; было нѣсколько молодыхъ атташе посольствъ, съ длинными узкими руками, холеной бородкой и начинающейся плѣшью на затылкѣ; они страшно зѣвали, и пришли сюда, очевидно, только для того, чтобы разсказать вечеромъ, что и они сегодня были въ засѣданіи рейхстага. Очень интересно сидѣть на верху въ трибунѣ и смотрѣть на красиво освѣщенный сверху стеклянной крышей залъ. Видно много интеллигентныхъ, много интересныхъ лицъ, нѣсколько красивыхъ фигуръ, но послѣднихъ, однако, не много. Вотъ Фридрихъ Каппъ; у него безспорно самое открытое и свѣтлое лицо въ залѣ,—онъ сидитъ сгорбившись надъ бумагами; рядомъ съ нимъ Бамбергеръ, замѣчательно умное выраженіе лица котораго заставляетъ забы-

вать неправильность въ чертахъ лица и непропорціональность его худощавой фигуры. Это два друга, члены одной партіи, судьба ихъ близка другъ другу. Оба были приговорены къ смертной казни въ 1848 году; но Бамбергеръ бѣжалъ во Францію, Каппъ—въ Америку; оба составили себѣ независимое состояніе въ долгіе годы изгнанія, оба возвратились на родину, чтобы занять мѣста въ законодательномъ собраніи. Каппъ—типъ германца, съ своеобразной красотой этого племени. Бамбергеръ—космополитъ, еврейскаго происхожденія, но на лицѣ его не видно отпечатка этой расы. Каппъ — одинъ изъ тѣхъ людей, присутствіе которыхъ оживляетъ залъ. Онъ дѣйствуетъ на слушателей не столько своими словами, какъ всѣмъ своимъ существомъ, тѣмъ, что онъ есть. Я слышалъ, какъ Бамбергеръ чрезвычайно удачно выразился о Каппѣ, что, глядя на него, начинаешь понимать цѣну жизни. Изъ письма Людвига Фейербаха (въ біографіи Карла Грюна) видно, что Каппъ еще юношей произвелъ подобное же впечатлѣніе на великаго мыслителя.

Какъ Каппъ, такъ и Бамбергеръ занимаются литературой. Каппъ—авторитетъ въ рейхстагѣ относительно всего, что касается американской жизни и вопросовъ эмиграціи; онъ въ своихъ историческихъ трудахъ разработалъ вопросъ взаимныхъ сношеній Германіи съ Соединенными Штатами. Особенно поучительны его очерки: „Торговля солдатами германскихъ князей съ Америкой". Они отличаются яснымъ, рѣзкимъ изложеніемъ, смѣлой свободой мыслей и добросовѣстной точностью, но самое лучшее изъ того, что даетъ самому автору такую притягательную силу: всемогущая молодость, свѣтлый ореолъ и беззавѣтное юношеское остроуміе, безслѣдно покинули его. Бамбергеру гораздо лучше удается внести всецѣло свое личное я въ свои литературные труды. Стиль его замѣчательно хорошъ. И вотъ теперь, когда мы сидимъ и ожидаемъ появленія Бисмарка, мнѣ пришло на умъ его отличное, поучительное сочиненіе о Бисмаркѣ, въ которомъ онъ старается выяснить передъ французами, по окончаніи послѣдней войны, характеръ перваго министра Пруссіи. Какъ ни устарѣла теперь эта книга, она тѣмъ не менѣе не можетъ не быть предпочтена противной, раболѣпной біографіи Бисмарка, составленной Гецекилемъ.

Я хорошо помню день, когда я увидѣлъ въ первый разъ Бисмарка. Это было въ одно изъ засѣданій рейхстага 1873 года. Онъ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и подписывалъ бумаги, которыя служитель палаты, глубоко и почтительно согнувшись, принималъ изъ его рукъ, и отправлялъ по назначенію. Видъ его былъ стро-

гій и серьезный; черты лица его были мнѣ знакомы по портретамъ, но я никогда не представлялъ себѣ его такимъ могучимъ и бодрымъ на видъ. Вскорѣ затѣмъ онъ потребовалъ слова. Онъ поднялся, и первая мысль, которая мелькнула у меня въ головѣ, при взглядѣ на этого стоявшаго предо мной во весь ростъ великана, была: „Вотъ кого навѣрно выбрали бы королемъ въ Норвегіи, еслибы онъ былъ сыномъ ея въ средніе вѣка"! Онъ на нѣсколько головъ выше другихъ людей, видно, что онъ опытенъ во всѣхъ физическихъ трудахъ, онъ отлично ѣздитъ верхомъ, отличный боецъ на рапирахъ и превосходный стрѣлокъ, осанка его—осанка средневѣковаго начальника племени. Грубыя черты лица говорятъ за непреклонную волю, энергичный и проницательный умъ. Мнѣ вспоминаются слова Мериме по поводу біарицкаго свиданія съ Бисмаркомъ, что это очень любезный нѣмецъ et pas du tout naif. Въ немъ нѣтъ ни наивности, ни сантиментальности. Онъ заговорилъ. Въ первый моментъ рѣчь его поражаетъ, такъ какъ ожидаешь совсѣмъ другого; невольно удивляешься, что такой знаменитый ораторъ не краснорѣчивъ. Онъ какъ бы чувствуетъ замѣшательство, ищетъ слова, вертитъ лихорадочно карандашомъ въ рукахъ, какъ бы стараясь такимъ образомъ вытолкнуть изъ себя слова. Рѣчь его отрывиста, но поражаетъ слушателя; слово какъ будто вертится у него на языкѣ, онъ точно взвѣшиваетъ его значеніе, какъ бы обдумывая: не лучше ли оставить его про себя, такъ какъ его перепечатаютъ завтра во всемъ свѣтѣ, но нѣтъ, онъ находитъ его подходящимъ, и слово отрывисто облетаетъ всю залу. Весь залъ превращается въ слухъ, когда онъ начинаетъ говорить. Онъ держалъ рѣчь собранію, состоявшему изъ абсолютнаго большинства, дружественно настроенныхъ слушателей, если не поклонниковъ, чтó всегда даетъ оратору много шансовъ на успѣхъ. Онъ могъ поэтому отпускать шутки безъ опасности быть не понятымъ и часто отпускалъ ихъ. Рѣчь шла о довольно второстепенномъ обстоятельствѣ, а именно, о постройкѣ новаго дома для посольства въ Петербургѣ; я помню, онъ выставлялъ на видъ отсутствіе личной выгоды для него въ этомъ дѣлѣ, шутливо замѣчая, что самъ онъ, правда, былъ много лѣтъ тому назадъ посломъ въ Россіи, но теперь положительно не имѣетъ болѣе видовъ на это даже въ самомъ далекомъ будущемъ; онъ хвалился съ шутливой улыбкой на губахъ, что заботится о постройкѣ такого красиваго зданія, для „счастливыхъ своихъ преемниковъ". Послѣ я много разъ слыхалъ Бисмарка, но первое впечатлѣніе было все-таки самое глубокое. Фигура его невольно приковываетъ вниманіе: грубое съ

рѣзкими чертами лицо, два ряда густыхъ волосъ (брови и усы) и надъ ними огромная лысина; въ лицѣ его смѣшанное выраженіе бульдога и льва, вообще это типъ властелина, не встрѣчавшійся до сихъ поръ въ исторіи; въ чертахъ Наполеона Великаго можно все-таки найти сходство съ императоромъ Августомъ; но здѣсь нѣтъ ничего традиціоннаго, ничего императорскаго, выраженіе лица его строгое и открытое. Маленькія ноги и очень красивыя маленькія руки выдаютъ прежняго бурша, походка его такъ же легка какъ походка балетнаго танцора. Рѣзкое выраженіе энергичнаго лица смягчается по временамъ шутливой улыбкой, напоминающей прежняго кутилу и студента.

Довольно странно, что послѣ длинныхъ приготовленій къ измѣненію внутренней политики, о которой говорятъ теперь вотъ уже полтора мѣсяца, не было внесено въ рейхстагѣ ничего болѣе важнаго и замѣчательнаго, чѣмъ предложеніе Бисмарка союзному совѣту предоставить императору право, если это находятъ нужнымъ и въ томъ объемѣ, который считаютъ полезнымъ, назначить замѣстителя рейхс-канцлера. Тѣ, которые ожидали, что обширная власть единственнаго отвѣтственнаго министра государства будетъ раздѣлена между цѣлымъ рядомъ имперскихъ министерствъ, жестоко ошиблись въ своихъ предположеніяхъ; теперь начинаютъ опасаться вліянія союзнаго совѣта въ будущемъ чуть-ли не болѣе деспотизма одного человѣка. При существующихъ условіяхъ вліяніе союзнаго совѣта можетъ дѣйствительно явиться тормазомъ для Германіи на пути развитія. Если власти его дадутъ безпрепятственно развиться, то она будетъ тормазить всѣ дѣла подобно блаженной памяти франкфуртскому народному собранію. Въ томъ видѣ, какъ онъ теперь существуетъ, союзный совѣтъ былъ учрежденъ тотчасъ по образованіи имперіи и подъ вліяніемъ чувства братства, возникшаго на войнѣ между германскими князьями, которые, изъ чувства благодарности за услуги, оказанныя Германіи королемъ Пруссіи и его первымъ министромъ, торжественно поднесли королю императорскую корону, болѣе или менѣе искренно, но во всякомъ случаѣ съ bonne mine au mauvais jeu. При этихъ условіяхъ, Пруссія не могла обезпечить за собой абсолютнаго большинства въ союзномъ совѣтѣ; въ чаду побѣдъ не сомнѣвались, пожалуй, что Пруссія всегда въ состояніи будетъ разсчитывать на достаточное число союзниковъ. Но уже теперь, однако, въ Берлинѣ глубоко сожалѣютъ, что Пруссія, въ сущности главная мощь имперіи, душа и сердце ея, представляется въ союзномъ совѣтѣ лишь меньшинствомъ. Бисмаркъ самъ по себѣ, конечно, не остановился бы ни передъ какимъ средствомъ, чтобы

поправить дѣло въ удобную минуту, но ему мѣшаетъ престарѣлый императоръ, который въ душѣ всегда былъ и есть больше человѣкъ, чѣмъ политикъ. Онъ чувствуетъ себя связаннымъ благодарностью своимъ милымъ меньшимъ братьямъ въ Германіи, онъ благоволитъ къ нимъ и никогда не дастъ своего согласія на еще большее уменьшеніе ихъ внѣшней власти въ государствѣ.

Національ-либералы желаютъ въ настоящую минуту учрежденія имперскихъ министерствъ, но лишь при условіи, чтобы прусскіе министры юстиціи, торговли, иностранныхъ дѣлъ и т. д. были непремѣнно и имперскими министрами. Этимъ путемъ уравновѣсилось бы въ значительной степени невыгодное положеніе Пруссіи въ союзномъ совѣтѣ. Національ-либералы смотрятъ на предложеніе Бисмарка, какъ на переходную реформу въ этомъ смыслѣ, но Бисмаркъ, повидимому, не чувствуетъ ни малѣйшаго желанія получить равноправныхъ съ нимъ товарищей.

Но вотъ и Бисмаркъ. Онъ выглядитъ не хорошо, у него болѣзненный утомленный видъ. Грузное тѣло его какъ-то расплылось съ тѣхъ поръ, какъ я видѣлъ его послѣдній разъ; лицо его блѣдно съ желтоватымъ оттѣнкомъ, нѣкоторыя черты лица, казавшіяся наиболѣе рѣзкими, сдѣлались теперь дряблыми. Стоячій, ярко желтый воротникъ его мундира дѣлаетъ лицо его еще блѣднѣе, еще болѣзненнѣе. Когда онъ встаетъ, то громада его тѣла невольно поражаетъ. Начались странныя, но поучительныя пренія, состязанія партикуляризма (союзный совѣтъ), псевдо-конституціализма (рейхсканцлеръ) и либерализма (съ Беннигсеномъ и Ласкеромъ во главѣ), которые всѣ старались поддержать законопроектъ, но по разнымъ причинамъ. Министры Баваріи и Вюртемберга говорили за него, видя въ немъ окончательное отреченіе отъ учрежденія имперскихъ министерствъ и надѣясь, что такимъ образомъ ограничатся назначеніемъ замѣстителей государственнаго канцлера. Беннигсенъ и Ласкеръ совершенно открыто поддерживали законопроектъ, видя въ немъ шагъ къ учрежденію имперскихъ министерствъ, благодаря которому союзный совѣтъ будетъ мало-по-малу оттѣсненъ на задній планъ. Бисмаркъ стоялъ между ними и увѣрялъ одну партію, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться, другую же, что онъ не понимаетъ, на чемъ они основываютъ такія горячія ожиданія; одинъ только юркій Виндгорстъ говорилъ непріятности каждой партіи, строя гримасы съ каѳедры, и заявилъ въ концѣ концовъ, что онъ, оберегая интересы отдѣльныхъ государствъ союза, подаетъ свой голосъ противъ законопроекта.

Рѣчь свою Бисмаркъ произнесъ слабымъ, тихимъ голосомъ;

онъ то вставалъ, то садился, то становился позади кресла и опирался на его спинку, то приказывалъ принести себѣ большую рюмку коньяку, черезъ полчаса—другую; во время всей рѣчи его и безконечныхъ передвиженій около кресла, чувствовалось, что ему не достаетъ силъ; ясно, что его совершенно несправедливо обвиняли нѣсколько дней тому назадъ, что онъ нарочно произнесъ конецъ своей длинной рѣчи по восточному вопросу, сидя, чтобы мотивировать нездоровьемъ отказъ свой отъ приглашенія на свадебныя торжества при дворѣ наканунѣ. Предполагали, что такимъ образомъ онъ осязательно желалъ показать для приличія физическую невозможность для себя принять участіе въ факельтанцѣ, давая тѣмъ самымъ двору почувствовать немилость. Теперь, однако, я убѣдился, что онъ дѣйствительно боленъ. Безподобно было выраженіе лица Бисмарка, когда Гоффманъ, видя, что Бисмаркъ тщетно зоветъ слугу, бросился самъ въ припадкѣ усердія и принесъ ему стаканъ воды вмѣсто коньяка, приготовленнаго для него. Нѣсколько дней спустя (8 марта) Бисмаркъ напалъ на Ласкера за то, что тотъ требовалъ извѣстной самостоятельности для предполагаемой должности вице-канцлера, и лихорадочнымъ движеніемъ опрокинулъ рюмку коньяку, стоявшую передъ нимъ.

Ласкеръ глубоко возмущенъ теперь несправедливыми нападками Бисмарка; онъ утверждалъ въ частной бесѣдѣ, что подъ этимъ притворномъ порывомъ гнѣва, вылившимся такимъ образомъ наружу, навѣрно таится цѣлый планъ. Онъ привелъ массу примѣровъ, доказывающихъ глубокую разсчетливость Бисмарка, и утверждалъ, что Бисмаркъ всегда отлично владѣетъ собою, и напускаетъ только иногда видъ, какой ему желателенъ въ данную минуту. Онъ сознался, однако, что абсолютно не понимаетъ, почему именно Бисмаркъ такъ напалъ на него, если причиной тому не было, быть можетъ, минутное раздраженіе. Ласкеръ не понимаетъ, что Бисмаркъ всегда ненавидѣлъ его, даже тогда, когда пользовался его поддержкой, что онъ ненавидитъ его ненавистью дворянина къ „parvenu“, ненавистью крупнаго помѣщика къ образованному пролетарію, ненавистью революціонера-деспота къ либералу, ненавистью политика-практика къ доктринеру. Бисмаркъ пользуется содѣйствіемъ Ласкера, когда это ему выгодно, какъ, напримѣръ, недавно, когда Ласкеръ оказалъ ему услугу своими нападками на Кампгаузена (единственный министръ въ духѣ націоналъ-либераловъ); но въ душѣ онъ враждебенъ ему и чувствуетъ менѣе всего благодарность по отношенію къ нему. Онъ не простилъ еще Ласкеру его стараній помѣшать соглашенію съ

Беннигсеномъ и въ настоящую минуту онъ одинаково старается задѣть какъ Ласкера, такъ и Кампгаузена. Ласкеръ нападаетъ на Кампгаузена за его излишнюю покорность Бисмарку. Бисмаркъ нападаетъ на него за то, что Кампгаузенъ не слѣдуетъ его указаніямъ вполнѣ охотно и безпрекословно.

Въ первую же субботу по своемъ возвращеніи онъ далъ вечеръ. На этихъ вечерахъ бываетъ всегда отличный ужинъ, но безъ вина. Когда онъ былъ еще министромъ, онъ устраивалъ въ концѣ вечера „Schlummerpunsch", но въ послѣдніе годы предлагаетъ гостямъ своимъ исключительно пиво. Это по-спартански, популярно и дешево. Приглашенія дѣлаются почти всегда съ одной и той же цѣлью: приготовить любезный пріемъ какому-нибудь непопулярному проекту. Вечеръ въ прошлую субботу можно назвать вечеромъ въ пользу налога на табакъ. Что государство страшно нуждается въ деньгахъ не смотря на милліарды, которые приплыли и уплыли, это извѣстно всѣмъ и каждому. Покрыть дефицитъ всесословнымъ налогомъ съ различныхъ государствъ союза весьма неудобно и ставитъ имперію въ непріятную зависимость отъ мелкихъ государствъ. Поэтому Бисмаркъ хлопочетъ теперь о томъ, чтобы обезпечить за имперіей достаточно крупный прямой налогъ, который шелъ бы прямо въ имперскую казну. Къ этому подходитъ увеличенный налогъ на табакъ, который не встрѣчаетъ сопротивленія. Но Бисмаркъ стремится къ табачной монополіи, на что Кампгаузенъ соглашается очень неохотно. Государству пришлось бы уплатить теперешнимъ табачнымъ фабрикантамъ вознагражденіе убытковъ, что̀ составило бы приблизительно колоссальную сумму въ 100—120 милліоновъ марокъ, и монополизировать продажу. Становится понятно, какой ужасъ вызвало нескрываемое согласіе на этотъ проектъ Бисмарка въ засѣданіи рейхстага, если подумать, что главный доходъ цѣлыхъ городовъ, въ родѣ Бремена, составляетъ именно торговля табакомъ. Вечеръ въ прошлую субботу имѣлъ несомнѣнную цѣль привлечь выдающихся членовъ рейхстага, предполагаемыхъ или опасныхъ противниковъ, на сторону проекта красными словами и прогулками по залу подъ руку, и уговорить ихъ употребить свое вліяніе въ пользу проекта или остаться, по крайней мѣрѣ, нейтральными.

Въ газетахъ разсказывается подробно, какъ Кампгаузенъ одинъ день былъ противъ табачной монополіи, другой день за нее, и какъ слезы и рукопожатія на глазахъ у всѣхъ помирили Бисмарка съ Кампгаузеномъ. Надо замѣтить, однако, что слезы принадлежатъ исключительно Кампгаузену, и руку протянулъ все онъ же, что̀ было встрѣчено далеко не сочувственно; одинъ изъ чле-

новъ, сидѣвшій вблизи, говорилъ мнѣ даже, что Бисмаркъ взглянулъ на Кампгаузена довольно сердито, когда тотъ пожалъ ему руку. Во-вторыхъ, далеко не было случайностью, что Кампгаузенъ высказался противъ табачной монополіи и тутъ же былъ уличенъ Бисмаркомъ въ непослѣдовательности. Посвященнымъ извѣстно, что Бисмаркъ цѣлые мѣсяцы рылъ яму Кампгаузену; онъ увѣрялъ его въ общихъ выраженіяхъ, что раздѣляетъ его мнѣніе и искренно расположенъ къ нему; онъ поручилъ ему, въ подтвержденіе этого расположенія, прочесть противъ правилъ тронную рѣчь (что собственно слѣдовало Гоффману), и когда онъ убѣдился, что тотъ вполнѣ вѣритъ ему, онъ далъ ему случай развить въ рейхстагѣ его непопулярную теорію налога и подставилъ ему неожиданно ножку. Дѣло въ томъ, что Бисмаркъ, желая во что бы то ни стало избавиться отъ Кампгаузена, принужденъ былъ прибѣгнуть къ сильнымъ средствамъ, такъ какъ императоръ вбилъ себѣ въ голову, что онъ слишкомъ старъ, чтобы „мѣнять слугъ", какъ онъ выражается. Вѣрно дѣйствительно, что онъ очень старъ, это замѣтно въ томъ, напримѣръ, что онъ постоянно забываетъ и вновь начинаетъ во вторникъ разговоръ о дѣлахъ, которыя наканунѣ въ понедѣльникъ были уже окончательно рѣшены.

12 (24) марта.

Въ юмористическомъ листкѣ „Улькъ" появился недавно рисунокъ, изображающій министровъ сидящими на скамейкѣ съ Бисмаркомъ по серединѣ. Бисмаркъ занялъ столько мѣста, упираясь кулаками въ бока, что другіе должны были сжаться, какъ только могли; крайніе валятся на землю, остальные же еле держатся; скамейка трещитъ подъ ними, грозя разлетѣться въ дребезги. Въ лицахъ ихъ можно прочесть большую или меньшую надежду на сохраненіе за собой мѣста.

Теперь Бисмаркъ, такъ сказать, ссадилъ всѣхъ со скамейки. Отпускъ графа Эйленбурга превратился въ рѣшительную отставку; за нимъ послѣдовалъ и его однофамилецъ, оберъ-президентъ въ Ганноверѣ. Кампгаузенъ окончательно удаленъ и преемникомъ его называютъ оберъ-бургомистра Берлина Гобрехта, принадлежавшаго нѣсколько времени тому назадъ къ партіи національ-либераловъ; кромѣ того, Бисмаркъ далъ понять, что отставку получитъ и министръ юстиціи Леонардъ, замѣтивъ на парламентскомъ обѣдѣ, что онъ надѣется уговорить его остаться на своемъ посту еще нѣкоторое время, не смотря на то, что онъ, „какъ и всѣ прусскіе министры", усталъ и ослабъ. „Въ началѣ,—выразился Бисмаркъ,—всѣ эти господа, достигнувъ власти, принимаются за

дѣла горячо, одинъ законопроектъ слѣдуетъ за другимъ, но вскорѣ оказывается, что имъ не хватаетъ силъ, а затѣмъ они оказываются уже никуда болѣе не годными“.

Что касается министра торговли Ашенбаха, то и ему вчера въ ландтагѣ Бисмаркъ бросилъ въ лицо такое же оскорбленіе, какъ въ рейхстагѣ министру финансовъ Кампгаузену, почему и ожидаютъ, что онъ не удержитъ за собой портфеля, какъ бы ни хотѣлось ему этого. Громко говорятъ также, что и Фалькъ подастъ въ отставку, если протянуть руку Риму, и ортодоксальный графъ Штольбергъ сдѣлается вице-канцлеромъ. Если и постараются замедлить выходъ въ отставку Фалька изъ государственнаго совѣта, то мы все-таки находимся наканунѣ новаго состава министерства.

Теперь оказывается, что Бисмаркъ предложилъ Беннигсену постъ вице-канцлера, если онъ приметъ его безо всякихъ условій. Но когда Беннигсенъ поставилъ условіями: 1) что въ составъ министровъ войдутъ и нѣкоторые другіе національ-либералы (т.-е. Форкенбекъ); 2) чтобы отказались отъ мысли о введеніи табачной монополіи и 3) чтобы рейхстагу былъ предоставленъ голосъ въ обсужденіяхъ объ употребленіи остатковъ отъ налоговъ, то Бисмаркъ согласился на обсужденіе первыхъ двухъ пунктовъ, но отказался на отрѣзъ отъ третьяго и переговоры прервались. Потерявъ всякую надежду на національ-либераловъ, Бисмаркъ обратился теперь гораздо болѣе къ правой сторонѣ рейхстага и хочетъ, повидимому, попробовать составить себѣ партію изъ протекціонистовъ, и старыхъ и новыхъ консерваторовъ. Но такъ какъ такая партія должна, чтобы быть мало-мальски сильною, включать въ себѣ и враждебныхъ, строго говоря, государству, реакціонеровъ и ультрамонтановъ, то комбинація эта представляется еще довольно проблематичною. Въ послѣднее время обѣ либеральныя партіи страны молили небеса, чтобы теперешній папа оказался такимъ же упрямымъ, какъ и прежній, такъ какъ это обстоятельство считается, какъ національ-либералами, такъ и прогрессистами, необходимѣйшимъ условіемъ, при которомъ культурная борьба можетъ достигнуть благопріятныхъ для Германіи результатовъ; между тѣмъ, папа начинаетъ, повидимому, высказывать теперь разумную умѣренность и quasi - примирительное настроеніе, какъ то видно изъ письма его германскому императору. Поэтому опасность для либеральныхъ партій и идеямъ грозитъ не малая. Было бы безъ сомнѣнія въ высшей степени странно, еслибы на глазахъ нашихъ партіи, наиболѣе стремившіяся къ объединенію и наиболѣе сдѣлавшія для него, принуждены были

явиться принципіально оппозиціонными. Вѣрно одно, что Германія никогда, со времени столкновенія, не была такъ далека отъ парламентскаго образа правленія, какъ теперь.

Жизнь течетъ здѣсь болѣе, чѣмъ когда-нибудь, подъ гнетомъ просвѣщеннаго абсолютизма; министры падаютъ, какъ мухи, министры назначаются, а рейхстагъ не при чемъ, и въ концѣ концовъ ни одинъ министръ не въ состояніи ужиться съ Бисмаркоиъ болѣе года или двухъ. „Нельзя не отдать дань уваженія Бисмарку,—говорятъ многіе,—но служить съ нимъ—слуга покорный!“ Быть министромъ въ одно время съ Бисмаркомъ кажется большинству тѣмъ же, что быть тріумвиромъ съ Цезаремъ или консуломъ съ Бонапартомъ во Франціи, и люди съ убѣжденіями отказываются отъ этой чести.

Подъ шумокъ всего этого было отпразднована 22-го марта 1881 годовщина императора, ее отпраздновали подъ волненіемъ самыхъ разнообразныхъ страстей. Почтенный старецъ принужденъ былъ „перемѣнить слугъ“ въ гораздо большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ самъ или кто-либо могъ ожидать. Надъ празднествомъ лежало тяжелое настроеніе, чему способствовала еще холодная погода и рѣзкій восточный вѣтеръ.

Со времени своего возвращенія въ прошломъ мѣсяцѣ въ Берлинъ, Бисмаркъ произнесъ уже нѣсколько большихъ рѣчей въ рейхстагѣ, по восточному вопросу (7—19 февраля), по поводу табачной монополіи (14—26 февраля) и вице-канцлерства (21 февр.—5 марта и 24 февр.—8 марта). Характернѣе всего собственно первая изъ нихъ, такъ какъ рѣчи его всегда производятъ наибольшее впечатлѣніе, когда онъ касается внѣшней политики. Такъ онъ несравненно выше въ той роли, въ которой онъ держитъ себя съ такимъ тактомъ по отношенію къ Россіи, чѣмъ въ своей парламентской тактикѣ съ національ-либералами. Маккіавелизмъ можетъ оказаться необходимымъ, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ положеніи, но восхищаться имъ можно лишь тогда, когда онъ грандіозенъ.

Ни въ какомъ случаѣ, однако, причину указанной нами разницы не слѣдуетъ искать въ большей или меньшей способности Бисмарка владѣть собой. Не смотря на вспышку горячности, Бисмаркъ, повидимому, одинаково хорошо владѣлъ собой, и нападая на Ласкера и отвѣчая на запросъ по восточнымъ дѣламъ. По крайней мѣрѣ, депутатъ Шнегансъ, который имѣлъ вмѣстѣ съ другими депутатами Эльзаса аудіенцію у Бисмарка, по поводу преній по эльзасъ-лотарингскому вопросу 8-го марта, т.-е. тот-

часъ же послѣ сцены съ Ласкеромъ, говорилъ, что не нашелъ въ немъ и слѣда раздраженія. Депутатамъ Эльзаса было очень непріятно, что они должны бесѣдовать съ канцлеромъ какъ разъ въ ту минуту, когда, по всѣмъ вѣроятіямъ, можно было ожидать, что онъ раздраженъ и не въ духѣ; тѣмъ пріятнѣе были они поражены, когда застали его въ отличнѣйшемъ расположеніи духа, спокойно курящимъ свою трубку. На основаніи этого, Ласкеръ, пожалуй, былъ правъ, называя раздраженіе Бисмарка напускнымъ. Сравнивъ этотъ случай со многими другими, я долженъ, однако, сказать, что, по моему мнѣнію, канцлеръ когда онъ говоритъ въ рейхстагѣ, способенъ, съ одной стороны, разгорячиться, до страстности, которую онъ, дѣйствительно, въ эту минуту переживаетъ, съ другой же стороны, какъ бы ни кипѣла въ немъ злоба, онъ все-таки въ состояніи тотчасъ овладѣть ею, разъ она не нужна ему болѣе, и тогда она дѣйствительно покидаетъ его вполнѣ.

Чѣмъ болѣе обдумываю я это обстоятельство, тѣмъ удачнѣе кажется мнѣ отвѣтъ Бисмарка на запросъ по восточному вопросу. Въ другихъ странахъ отвѣтъ на такіе запросы представляетъ обыкновенно мало интереса, потому что или запросъ этотъ заранѣе бываетъ заказанъ, или же министръ, къ которому онъ обращенъ, старается отвѣтить на него въ самыхъ общихъ, ничего необъясняющихъ фразахъ. Но все это не во вкусѣ Бисмарка и вотъ почему отвѣтъ его ожидался съ такимъ нетерпѣніемъ. Конечно, онъ не выдалъ никакихъ политическихъ тайнъ. Я слышалъ отъ членовъ рейхстага, что когда они пожелали имѣть отъ него извѣстія по министерству иностранныхъ дѣлъ, которыя въ другихъ конституціонныхъ государствахъ обыкновенно печатаются, то онъ отвѣтилъ имъ очень добродушно: „Если вы непремѣнно хотите, то я съ удовольствіемъ велю публиковать нѣсколько „синихъ“ книгъ, но что вы при этомъ выиграете?—Само собой разумѣется, что публикованы будутъ только подходящія депеши“. Тѣмъ не менѣе нельзя не удивляться искусству, съ которымъ онъ, осуждая роль посредника съ мечомъ въ рукѣ между двумя враждебными государствами и отстаивая свою роль „честнаго маклера“, старается всячески щадить самолюбіе Россіи въ то время, какъ вся политика его къ тому только и направлена, чтобы вырвать у нея добычу Санъ-Стефанскаго договора.

Когда Беннигсенъ и Генель пожелали узнать отъ него: удобно ли будетъ ему, если они сдѣлаютъ запросъ, то онъ далъ отвѣтъ, что это ему, конечно, не будетъ удобно и онъ предпочелъ бы, чтобы это было сдѣлано враждебной стороной, потому что онъ тогда отвѣтилъ бы отказомъ. Теперь же онъ явится на засѣданіе

и дастъ отвѣтъ на запросъ. Онъ воспользовался случаемъ надѣть на себя личину честнаго маклера, чтобы дать Россіи возможность принять, безъ слишкомъ большаго для нея униженія, его неизбѣжное съ ходомъ событій, посредничество.

Въ восточномъ вопросѣ онъ, само собой, поддерживаетъ всюду, гдѣ возможно, Австрію. Говорятъ, что еще въ 1866 году въ Никольсбургѣ, онъ отвѣтилъ тѣмъ, которые совѣтовали ему воспользоваться возможно болѣе плодами побѣдъ: „Австрія нужна намъ для Востока" и уже въ 1867 г. предложилъ Австріи союзъ, на который не согласился, однако, Бейстъ. Я знаю навѣрно, что онъ давно уже совѣтовалъ Австріи занять Боснію подъ предлогомъ, что государство не можетъ допускать безпорядковъ на своей границѣ, которые вызываются возстаніемъ въ Герцеговинѣ. Въ то время онъ былъ очень недоволенъ, что его не послушались. Онъ выразился при этомъ по своему обыкновенію образно. „Еслибы у императора было хоть на каплю мужества, то онъ зналъ бы, что ему нужно сдѣлать; ему стоило бы только надѣть свой бѣлый мундиръ, сѣсть на коня и проскакать по улицамъ Пешта; онъ навѣрно привлекъ бы всѣхъ на свою сторону; но онъ не довѣряетъ никому, потому что знаетъ, что никто не довѣряетъ ему, онъ былъ и будетъ—плохой другъ и злой врагъ" (ein schlechter Freund und ein böser Feind). Этотъ далеко не придворный языкъ о такихъ высокопоставленныхъ особахъ свидѣтельствуетъ о непреодолимой страсти къ откровенности у Бисмарка, одной изъ выдающихся элементовъ его сложной натуры. Едва ли существуетъ въ Европѣ владѣтельная особа, о которой онъ не выразился бы у себя на дому подобнымъ же образомъ. На большомъ парламентскомъ обѣдѣ, напр., онъ разсказывалъ о встрѣчѣ своей съ Наполеономъ при Седанѣ; въ началѣ своей рѣчи онъ придерживался оффиціальнаго тона: какъ онъ увидѣлъ недалеко отъ себя императора, спрыгнулъ съ сѣдла и отдалъ честь, какъ обратился къ нему съ почтеніемъ: „Sire!" и т. д., какъ убѣдительно старался уговорить его величество вернуться къ войскамъ („намъ вѣдь всего пріятнѣе было бы отдѣлаться отъ него и заключить съ нимъ же миръ"), но вдругъ онъ перемѣнилъ тонъ и громко воскликнулъ: „негодяй былъ слишкомъ труслив ъ!" („Der Lump war zu feige!").

Выраженіе это слишкомъ жестоко; то, что̀ Бисмаркъ предлагалъ Наполеону, было неисполнимо; онъ могъ возвратить себѣ тронъ только при помощи штыковъ Германіи. Слово „негодяй" вообще не подходитъ къ тому, кого Бисмаркъ при другомъ случаѣ назвалъ „une ronde incapacité méconnue" (великая непри-

знанная бездарность): Наполеонъ еще до Седана былъ уже надломленъ физически. Я видѣлъ его какъ-то весною 1870 года, когда онъ медленно шелъ, маленькій, больной, съежившійся по галлереямъ Лувра, чтобы посмотрѣть вновь отдѣланный залъ; по сторонамъ его шли два камергера высокаго роста, на которыхъ онъ опирался, напоминая собой турецкаго султана или только-что вставшаго съ постели больного. Оба придворные казались, въ сравненіи съ нимъ, великанами, хотя были не много болѣе средняго роста. Прибавьте къ этому еще блѣдное, безжизненное, какъ маска, лицо подъ чернымъ цилиндромъ, тусклые глаза и закрученные въ шпильку усы!

Мольтке далъ весьма тонкое описаніе наружности Наполеона III, тонкое особенно потому, что многое можно прочесть между строкъ, какъ онъ самъ говоритъ въ своихъ парижскихъ письмахъ. Онъ пишетъ въ 1856 г. „Я представлялъ себѣ Наполеона выше ростомъ; онъ кажется лучше верхомъ, чѣмъ стоя. Что меня поразило—это постоянная почти неподвижность его лица и безжизненность, могъ бы я, пожалуй, сказать, глазъ. Любезная, даже добродушная, пожалуй, улыбка, преобладаетъ въ его лицѣ, мало напоминающемъ собой черты наполеонидовъ. Чаще всего можно видѣть его сидящимъ совершенно спокойно съ согнутой немного на бокъ головой, и это-то спокойствіе, никогда не покидающее его даже въ самую критическую минуту, и импонируетъ, вѣроятно, всего болѣе подвижнымъ французамъ. Въ частной жизни онъ держитъ себя очень просто и въ разговорѣ выказываетъ даже нѣкоторое замѣшательство. Онъ императоръ (empereur), но не властитель“.

Чувствуешь невольно, что Мольтке съумѣлъ понять Наполеона. Бисмаркъ втянулъ его въ игру, завлекъ его въ сѣти, скрутилъ его по рукамъ и ногамъ и уничтожилъ. Какую жалкую фигуру долженъ былъ онъ представлять собой въ тотъ достопамятный сентябрьскій день, когда все было для него потеряно, рядомъ съ титаномъ въ бѣломъ кирасирскомъ мундирѣ!

Это была встрѣча настоящаго съ прошедшимъ, посредниковъ Европы до и послѣ 1866 г.: сынъ Гортензіи съ мистической вѣрой кесаря въ свою звѣзду, авантюристъ съ династическими традиціями, императоръ плебисцита съ молчаніемъ сфинкса на устахъ для прикрытія недостатка рѣшимости, защитникъ національностей, занявшій Римъ войсками, соціалистъ на тронѣ, употреблявшій войска противъ народа же, это былъ на половину современный человѣкъ, на половину внукъ великаго Наполеона, мечтатель, „великая загадка“, лунатикъ, холодный, бездушный,

флегматичный деспотъ, жестокій и сладострастный, мягкая, общительная натура, мечтатель идей, наполеоновскихъ идей, какъ онъ ихъ называлъ, съ великими цѣлями и, при недостаткѣ ихъ, съ стремленіемъ къ престижу, т.-е. ослѣпляющему самообману, вообразившій, что въ бранденбургскомъ политикѣ онъ встрѣтитъ ученика своей школы; и онъ, этотъ человѣкъ „дѣйствительности" (въ томъ смыслѣ, какъ употребляетъ это слово Гёте), который чувствовалъ подъ собой больше твердую почву, чѣмъ кто-либо въ Европѣ, тотъ, который преслѣдовалъ всегда ясныя цѣли, выбиралъ всегда вѣрныя средства и которому до сихъ поръ удавалось все, рѣшительно все! Онъ—эта стихійная сила, этотъ древній туръ дѣвственныхъ лѣсовъ Германіи, собравшій въ себѣ въ теченіе тысячелѣтій разумъ двѣнадцати мужей и мощь сорока милліоновъ людей. Когда въ Германіи глубокая тина засосала все и вся, онъ мужественно впрягся въ колесницу, разомъ двинулъ ее и помчалъ съ неудержимой силой по ровной дорогѣ: подъ колесами ея онъ смялъ теперь цѣлую имперію.

Но я началъ говорить о прямотѣ Бисмарка въ частныхъ отзывахъ его о царствующихъ особахъ. Онъ одинаково свободно выражается, какъ объ особахъ германскихъ, такъ и иностранныхъ дворовъ. Множество мелкихъ анекдотовъ, которые передавали мнѣ люди, слышавшіе ихъ изъ устъ самого Бисмарка, рисуютъ его манеру говорить болѣе, чѣмъ какой-либо изъ опубликованныхъ его отзывовъ, которые мнѣ приходилось читать. Одному изъ моихъ знакомыхъ онъ сказалъ у себя за столомъ: „Вы найдете у меня всякую водку, какую только пожелаете. Россійскій императоръ прислалъ мнѣ въ подарокъ цѣлую коллекцію, и я долженъ признаться, что неохотно сажусь обѣдать, не выпивъ рюмку водки. Въ прежнее время я всегда находилъ, обѣдая при дворѣ, у своего прибора графинчикъ съ водкой. Но нѣсколько времени тому назадъ, я въ одинъ прекрасный день не нашелъ его болѣе. Одна очень высокопоставленная особа выразилась какъ-то противъ допущенія водки за ея столомъ. Ничего не подозрѣвая, я говорю лакею: „водки"! „Водки нѣтъ, ваше сіятельство!" „Принеси!" „Ея императорское величество запретили подавать за обѣдомъ водку". „Ахъ, вотъ что! Принеси мнѣ тогда рюмку ликеру!" Минуту спустя рюмка была передо мной. Я пью: водка! Я смотрю съ удивленіемъ на слугу; но тотъ продолжаетъ сохранять непроницаемо подобострастный видъ. Вотъ видите, что значитъ имѣть протекцію у лакеевъ. Я всегда былъ друженъ съ ними. Если сверху меня и дразнятъ иногда, зато снизу относятся ко мнѣ всегда благосклонно".

Въ Берлинѣ достаточно извѣстно, что онъ выражается еще рѣзче о престарѣломъ императорѣ, называя его „упрямой клячей“ („ein stetiges Gaul“), которую невозможно заставить перескочить извѣстную черту, или еще, какъ онъ сказалъ, напр., одному моему знакомому: „Ворохъ непріятностей внѣ дома, а дома вдобавокъ нерѣдко цѣлыхъ четыре глупыхъ письма отъ императора“. Императоръ Вильгельмъ знаетъ объ этомъ, но такъ какъ ему извѣстна и горячая, прямодушная преданность Бисмарка имперскому дому, и Бисмаркъ оффиціально держитъ себя всегда безукоризненно, то онъ и прощаетъ ему эти рѣзкости. Все это къ тому же не болѣе какъ вспышки избытка силъ, необузданности прежнихъ дней, сглаженной большими усиліями въ послѣдующей жизни, побороть которую совершенно, не смотря на все его дипломатическое притворство, было Бисмарку, безъ сомнѣнія, гораздо труднѣе, чѣмъ это думаютъ. Отзывы эти особенно отличаются своимъ юморомъ. Этотъ юморъ придаетъ разсказамъ его оттѣнокъ добродушія, насмѣшки надъ самимъ собой, которыя проглядываютъ такъ же въ юношескихъ письмахъ его къ сестрѣ и видимо не чужды ему и въ зрѣломъ возрастѣ. Какъ-то составлялись приглашенія на одинъ изъ его большихъ вечеровъ; при этомъ кто-то изъ присутствующихъ изъ партіи прогрессистовъ рѣшился сдѣлать при имени одного изъ приглашенныхъ слѣдующее замѣчаніе: „Будетъ неудобно, если ваше сіятельство пригласите этого человѣка, да онъ и не придетъ; въ 1847 году вы глубоко оскорбили его въ ландтагѣ, и если вы забыли объ этомъ, то онъ не забылъ“. Бисмаркъ задумался немного и сказалъ: „Пригласите его и скажите ему отъ меня, что тогда я былъ не болѣе какъ глупый юнкеръ, онъ придетъ“. Вотъ образчикъ той милой простоты, которой онъ привлекаетъ къ себѣ столько сердецъ и онъ никогда при томъ не упускаетъ случая привлечь къ себѣ всякаго, кто только имѣетъ хоть какой-нибудь голосъ въ общественномъ мнѣніи. Очень поучительна въ этомъ отношеніи маленькая исторія, которую онъ разсказалъ своимъ гостямъ объ одномъ молодомъ человѣкѣ, изъ Австраліи, купцѣ, какъ кажется, нѣмцѣ по происхожденію, который предпринялъ путешествіе въ Европу, чтобы взглянуть на отечество своихъ родителей и увидѣть его великихъ людей. Онъ сначала осаждалъ Мольтке своими посѣщеніями, не былъ никогда принятъ и подъ конецъ, какъ кажется, едва не былъ спущенъ съ лѣстницы, благодаря своей навязчивости. Совершенно упавъ духомъ, онъ рѣшился отправиться къ Бисмарку, объяснилъ лакею цѣль своего посѣщенія и къ удивленію своему тотчасъ же былъ принятъ. Это

было какъ разъ передъ обѣдомъ Бисмарка. Канцлеръ встрѣтилъ его чрезвычайно любезно, просилъ сѣсть и разспрашивалъ объ его родинѣ, о путешествіи, неудачѣ у Мольтке и пр. и развеселившись, глядя на эту комичную и наивную натуру, вдругъ поразилъ его приглашеніемъ отобѣдать у него въ Вильгельмштрассе совершенно по домашнему. Гость, не вѣря ушамъ своимъ, былъ, конечно чрезвычайно польщенъ такимъ приглашеніемъ, и чувствуя себя постепенно все болѣе и болѣе дома, дѣлался все смѣлѣе и смѣлѣе въ своихъ выраженіяхъ, восторгахъ и желаніяхъ. Рѣчь зашла о сраженіи при Кёнигсгрецѣ. „А цѣла ли еще фуражка, которая была на вашемъ сіятельствѣ во время этого сраженія?“ „А что?“ „Я счелъ бы за большую честь, если бы получилъ ее на память“. Тотчасъ подзывается лакей, и отдается приказаніе отыскать въ шкафу гдѣ-то въ гардеробной ту-то и ту-то старую фуражку. Ее принесли, завернули въ бумагу и вручили гостю. Разговоръ коснулся франко-прусской войны.—„Цѣлы ли еще у вашего сіятельства сапоги, которые были на васъ въ сраженіи при Седанѣ?“ „А что, вы и ихъ желали бы получить?“— „Если это не будетъ непріятно вашему сіятельству, я былъ бы чрезвычайно польщенъ такой честью; сапоги и фуражка эта могли бы послужить основаніемъ коллекціи; можно будетъ основать въ Мельбёрнѣ музей“. Бисмаркъ, который въ эту минуту готовъ былъ на все, зоветъ лакея, даетъ ему необходимыя приказанія, и черезъ нѣсколько минутъ приносится пара старыхъ болѣе или менѣе подлинныхъ седанскихъ сапогъ. Полчаса спустя послѣ кофе и ликера, австраліецъ удаляется, блаженствуя отъ выпитаго отличнаго вина и небывалыхъ милостей канцлера, съ фуражкой въ одной и сапогами въ другой рукѣ, готовый посвятить остатокъ дней своихъ на прославленіе доблестей канцлера въ пятой части свѣта.

Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ и будетъ существовать цѣлая литература о Бисмаркѣ, въ которой онъ сдѣлается предметомъ самыхъ тщательныхъ психологическихъ и политическихъ изученій. Весьма странно, что никто не подумалъ воспользоваться письмами и рѣчами Бисмарка, изданными Гецекилемъ, чтобы дать характеристику его какъ человѣка. Интересно было бы изобразить, какъ онъ является геніемъ, съ далеко не нѣмецкими особенностями его, на страницахъ исторіи Германіи, какъ проводитъ свою шумную молодость въ попойкахъ, игрѣ въ кости, кутежахъ и дуэляхъ; его первое смѣлое поприще юриста, офицера ландвера, землевладѣльца и члена ландтага, его дѣятельность какъ юнкера прус-

ской арміи, строго религіознаго въ духѣ „Крестовой газеты"; его приверженность одно время къ Австріи, приверженность на столько глубокая, что онъ готовъ былъ бы даже на подчиненную роль Пруссіи, лишь бы одержать верхъ надъ революціей и демократіей. Онъ идетъ такъ далеко въ это время, что оправдываетъ даже уничиженіе при Ольмюцѣ. Исполненіе обязанностей посла при союзномъ совѣтѣ вылечиваетъ его навсегда отъ всякихъ иллюзій на счетъ союза съ Австріей, и весь второй періодъ его общественной жизни есть приготовленіе къ разрыву съ Австріей и къ побѣдѣ надъ ней. Какая благодарная задача обрисовать, какъ онъ готовилъ войну наперекоръ всѣмъ и всему, какъ онъ рѣшается на нее и заставляетъ Австрію объявить ее; какъ онъ заставляетъ Францію, путемъ надеждъ, объ исполненіи которыхъ онъ и не думаетъ впослѣдствіи, смотрѣть сложа руки на эту войну, и какъ онъ изъ жестокаго и холоднаго, но вѣрнаго политическаго разсчета, такъ связываетъ Россію, озлобленную съ крымской войны на Австрію, обязательствами, что она предоставляетъ ему полную свободу дѣйствій. Вотъ опять онъ трудится въ промежуткѣ отъ 1866—1870 года надъ созданіемъ и упроченіемъ сѣверо-германскаго союза, преддверіемъ къ имперіи: онъ изолируетъ Францію, какъ ранѣе изолировалъ Австрію, старается и достигаетъ учрежденія имперіи и обезпечиваетъ ей миръ, не смотря на воинственный задоръ сосѣдей. Его безцеремонность въ средствахъ—несчастіе своего рода, особенно въ виду того, что она имѣетъ послѣдователей. Онъ, быть можетъ, несчастіе для Европы, но чудовищная мощь для своего народа, представляя собой одинаково грозную, какъ соединяющую, такъ и разъединяющую силу. Его практическій геній превращаетъ новую Германію въ его собственный образъ и подобіе. Во многихъ отношеніяхъ, какъ реальныхъ, такъ и умственныхъ, замѣтно вліяніе его рѣзкаго и увѣреннаго въ себѣ практическаго генія. Одинъ старикъ—ученый, который одно время руководилъ раскопками въ Олимпіи, говорилъ мнѣ: „даже въ археологіи въ молодомъ поколѣніи замѣтно вліяніе Бисмарка".

Съ чисто теоретической точки зрѣнія Бисмаркъ не стоитъ на высотѣ нѣмецкой культуры. Богатая нѣмецкая философская литература не имѣла на него, повидимому, ни малѣйшаго вліянія.

Нельзя сомнѣваться въ искренности его частыхъ упоминаній о глубоко-христіанской вѣрѣ его въ Бога, въ евангеліе и пр. Онъ называетъ себя: „ein strafgläubiger Christ" (христіанинъ, не мудрствующій лукаво). Вѣра его показываетъ, если можно такъ выразиться, такую же напряженную выправку, какъ солдатъ

при видѣ полковника, проѣзжающаго вдоль фронта. Тѣмъ не менѣе, невольно спрашиваешь себя: въ состояніи ли онъ понимать Гёте?

По моему, нѣтъ; во всякомъ случаѣ Гёте не имѣлъ на него никакого вліянія. Я не помню, чтобы онъ хоть разъ привелъ въ своихъ рѣчахъ слова Гёте. Шиллеръ ему скорѣй по душѣ; но нѣтъ сомнѣнія, что ни одинъ поэтъ такъ не близокъ его душѣ, какъ Шекспиръ. Онъ родился и выросъ въ то время, когда Шекспиръ былъ кумиромъ романтиковъ и проникъ къ семейному очагу всѣхъ и каждаго въ Германіи. Онъ глубоко изучилъ его и постоянно цитируетъ; но изъ всѣхъ шекспировскихъ типовъ любимый герой его, повидимому, Готспоръ, самое же любимое мѣсто въ „Генрихѣ IV", навѣрное то, гдѣ Готспоръ описываетъ ярость, въ которую онъ пришелъ, когда, запыленный, закопченный пороховымъ дымомъ, окровавленный, онъ принужденъ былъ въ пылу битвы на Хольмдонскомъ полѣ давать отчетъ прилизанному придворному кавалеру. Это мѣсто Бисмаркъ приводитъ въ одной изъ своихъ рѣчей, какъ рисующее собственныя его чувства, когда онъ, въ самомъ пылу политической дѣятельности, всю трудность которой никто въ рейхстагѣ себѣ и представить не можетъ, принужденъ бываетъ вдругъ давать отчетъ первому встрѣчному парламентскому критику. Если Бисмаркъ читаетъ Шекспира охотнѣе чѣмъ Гёте, то это не случайность: онъ самъ—живое шекспировское лицо.

Сравнивая Мольтке и Гёте, этихъ двухъ геніальныхъ и мощныхъ представителей новой Германіи—нельзя не замѣтить, какъ въ личности Мольтке, никогда въ своихъ сочиненіяхъ не цитирующаго Шекспира, но за то очень часто древнихъ писателей, постоянно проблескиваетъ что-то античное, въ немъ самомъ какъ будто сконцентрировалась и вылилась наружу та частица эллинскаго духа, которая всосалась, мало-по-малу, въ нѣмецкую цивилизацію и, благодаря которой, цивилизація эта ушла такъ далеко и такъ быстро впередъ; между тѣмъ, какъ Бисмаркъ, не имѣющій ничего общаго съ духомъ древней Эллады, напротивъ скорѣе можетъ намъ казаться, олицетвореніемъ древняго германскаго духа, общаго въ своей колыбели для нѣмцевъ и англичанъ, съ его неукротимой энергіей и дѣятельной силой.

Что представляетъ собою Бисмаркъ для Германіи? Желѣзную перчатку, которую выковали для Гёца Ф. Берлихингена, когда ему отрубили руку. Цѣлое столѣтіе Германіи недоставало живой силы, силы правой руки; затѣмъ у нея явился желѣзный канцлеръ, желѣзное орудіе, которое своимъ безчувствіемъ и твердостью возвратило гиганту его прежній бодрый видъ. Но рука эта чужда

собственно тѣлу и гигантъ, который владѣетъ ею, потому только и пользуется ей, что онъ калѣка.

Представляетъ ли собой Бисмаркъ счастіе для Германіи, если онъ и не благодѣтель рода человѣческаго? Вопросъ гораздо болѣе сложный, чѣмъ это кажется съ перваго взгляда. Онъ для Германіи тоже, что отличные, очень сильные очки для близорукаго. Для близорукаго большое счастіе, что у него есть такіе хорошіе очки, но гораздо большее несчастіе для него, что онъ вообще нуждается въ нихъ; глаза его слабѣютъ день ото дня.

Болѣзнь Бисмарка чрезвычайно странная. Его домашній врачъ сказалъ на дняхъ: „мѣсяцъ тому назадъ онъ былъ совершенно здоровъ, но досада, что ему не удалось получить разрѣшенія отъ императора дѣйствовать энергичнѣе противъ требованій Россіи, такъ сильно подѣйствовала на его нервную систему, что онъ сильно занемогъ“, отзывъ, который даетъ объясненіе многому и помимо самой болѣзни Бисмарка.

Другой врачъ, знающій его очень хорошо, выразился объ его болѣзни такъ: „Онъ боленъ безъ сомнѣнія, кровообращеніе его неправильно, а что у него ростетъ животъ, также не признакъ здоровья. Его прямой видъ при оффиціальныхъ появленіяхъ положительно напускной, онъ не въ состояніи поддерживать его въ частной жизни. Но чего всего болѣе ему недостаетъ, это какого-нибудь грандіознаго дѣла, которое опять потребовало бы отъ него всѣхъ его силъ. Пусть обстоятельства дадутъ ему опять какую-нибудь геркулесовскую работу, и вы увидите, что это все, что ему нужно, чтобы быть здоровымъ“. Разсказываютъ, кромѣ того, что онъ недавно въ частномъ разговорѣ самъ сравнилъ себя съ усталымъ охотникомъ, который послѣ долгихъ трудовъ опустился въ изнеможеніи на землю и намѣренъ совершенно прекратить охоту, какъ вдругъ мальчишки загонщики даютъ знать ему, что замѣченъ огромный кабанъ, и тѣмъ заставляютъ проснуться въ немъ опять всѣ силы. Что составило бы для него въ настоящее время особенную прелесть—это, по собственнымъ его словамъ, „хорошенькая охота на кабановъ“ (eine ordentliche Sauhetz). Кто-то говорилъ мнѣ, что онъ имѣетъ теперь въ виду взяться за соціальный вопросъ.

Задача: „Бисмаркъ“ можетъ быть поставлена такъ: Допустивъ даже, что онъ всегда видитъ дальше, чѣмъ другіе, какъ далеко, однако, можетъ идти навязываніе благодѣяній народу?

П. Г.

МИЛЫЙ ДРУГЪ

Повѣсть Гюи-де-Мопассана.

V *).

Прошло два мѣсяца; наступалъ сентябрь, а быстрое обогащеніе, на которое надѣялся Дюруа, все еще не приходило. Его главнымъ образомъ безпокоило нравственное ничтожество его положенія и онъ не видѣлъ, какимъ способомъ доберется онъ до тѣхъ высотъ, на которыхъ находятъ уваженіе, власть и деньги.

Онъ чувствовалъ себя замкнутымъ въ ничтожномъ ремеслѣ репортера, замурованнымъ въ немъ, такъ что и выхода не предвидѣлось. Его цѣнили, но держали на почтительномъ разстояніи. Самъ Форестье, которому онъ оказывалъ тысячи услугъ, не приглашалъ его больше обѣдать и вообще обращался какъ съ подчиненнымъ, хотя и продолжалъ быть съ нимъ на ты, какъ пріятель.

Время отъ времени Дюруа, правда, удавалось помѣстить статью-другую, и такъ какъ онъ теперь набилъ себѣ руку, то не рисковалъ больше, что статью забракуютъ.

Но отъ этого и до того, чтобы стать властнымъ сотрудникомъ и писать хроники, когда только ему вздумается, или же печатать политическія статьи, было такъ же далеко, какъ ѣздить по Булонскому лѣсу кучеромъ или же бариномъ. Всего больше, унижало его то, что онъ чувствовалъ, что двери свѣта для него заперты, что у него нѣтъ свѣтскихъ знакомствъ, что

---

*) См. выше: мартъ, стр. 245.

онъ не проникъ въ интимность женщинъ; хотя нѣсколько извѣстныхъ актрисъ и принимали его съ корыстными цѣлями.

Онъ зналъ, впрочемъ, по опыту, что всѣ онѣ чувствовали къ нему странное влеченіе, внезапную симпатію и ему было досадно, что онъ не могъ познакомиться съ тѣми, которыя могли ему быть полезны.

Очень часто онъ подумывалъ сдѣлать визитъ m-me Форестье, но воспоминаніе объ ихъ послѣднемъ свиданіи ему было обидно и, кромѣ того, онъ ждалъ приглашенія отъ мужа. Наконецъ онъ вспомнилъ про m-me де-Марель; она вѣдь приглашала его къ себѣ и онъ рѣшилъ отправиться въ одно прекрасное утро, когда ему нечего было дѣлать.

— Я всегда дома до трехъ часовъ,—говорила она ему.

Онъ позвонилъ у ея дверей въ половинѣ третьяго.

Она жила въ улицѣ Вернёль, въ пятомъ этажѣ.

На звонокъ отворила дверь горничная довольно растрепанная, подвязывавшая передникъ, отвѣчая ему:

— Да, барыня дома, но я не знаю, встала ли она.

И отворила дверь въ гостиную.

Дюруа вошелъ. Комната была довольно большая, скудно меблированная и безпорядочная на видъ. Кресла старыя и полинялыя стояли вдоль стѣнъ въ томъ порядкѣ, какой имъ придавала прислуга, и ни въ чемъ не было видно руки изящной женщины, которая любитъ свой intérieur. Четыре жалкихъ картины представляли барку на рѣкѣ, корабль на морѣ, вѣтреную мельницу на равнинѣ и дровосѣка въ лѣсу, и висѣли криво и косо на стѣнахъ.

Видно было, что хозяйскій глазъ давно уже не слѣдитъ за ними.

Дюруа сѣлъ и сталъ ждать. Онъ ждалъ долго. Затѣмъ дверь отворилась и m-me де-Марель вбѣжала въ красномъ пенюарѣ, крича:

— Представьте, что я еще была въ постели. Какъ это мило съ вашей стороны, что вы меня навѣстили, я была увѣрена, что вы меня забыли.

И она протягивала ему обѣ руки съ восхищеннымъ видомъ, а Дюруа, которому жалкій видъ салона придалъ храбрости, поцѣловалъ у ней руку, какъ, онъ видѣлъ, это дѣлалъ Норберъ де-Вареннъ.

Она просила его сѣсть и, оглядѣвъ съ головы до ногъ, промолвила:

— Какъ вы перемѣнились! Вы стали гораздо эффектнѣе. Пре-

бываніе въ Парижѣ послужило вамъ въ пользу. Ну-съ, разсказывайте мнѣ новости.

И они тотчасъ же принялись болтать, какъ старые знакомые, чувствуя, что между ними сразу устанавливается какая-то фамиліарность, то дружеское довѣріе, которое заставляетъ подружиться въ пять минутъ личности одного характера и одного пошиба.

Вдругъ молодая женщина умолкла и съ удивленіемъ замѣтила:

— Какъ странно, что я съ вами такъ разговариваю, мнѣ кажется, что я уже десять лѣтъ съ вами знакома. Мы непремѣнно подружимся, хотите?

— Разумѣется,—отвѣчалъ онъ съ такой улыбкой, которая была гораздо многозначительнѣе словъ.

Онъ находилъ ее вполнѣ соблазнительной въ этомъ красномъ пенюарѣ. Она была менѣе изящна, менѣе женственна, нежели m-me Форестье въ бѣломъ пенюарѣ, но болѣе пикантна.

M-me Марель болтала безъ умолку, разсыпая блестки дешеваго остроумія, которымъ щеголяла. Онъ слушалъ ее, думая:— слѣдуетъ запомнить все это; можно было бы написать восхитительныя хроники парижской жизни, слушая ея болтовню.

Въ эту минуту тихонько постучались въ дверь, черезъ которую она вошла, и она закричала:

— Войди, милочка.

Появилась маленькая дѣвочка, прямо подошла къ Дюруа и протянула ему руку.

Удивленная мать пробормотала:

— Да это настоящая побѣда! я ее просто не узнаю.

Молодой человѣкъ поцѣловалъ дѣвочку, усадилъ ее возлѣ себя и сталъ ее серьезнѣйшимъ образомъ разспрашивать о томъ, что она подѣлывала съ тѣхъ поръ, какъ они не видѣлись, а она отвѣчала тоненькимъ голоскомъ и съ степеннымъ видомъ взрослой особы.

На часахъ пробило три. Журналистъ всталъ.

— Приходите почаще,—просила m-me де-Марель,—мы поболтаемъ какъ сегодня; я всегда буду вамъ рада; но почему васъ больше не видно у Форестье?

Онъ отвѣчалъ:

— О, очень просто! у меня было очень много дѣла все это время. Я надѣюсь, что мы какъ-нибудь снова тамъ увидимся?

И онъ вышелъ, преисполненный какихъ-то неопредѣленныхъ надеждъ, самъ не зная, почему.

Онъ не сказалъ Форестье про этотъ визитъ, но хранилъ въ душѣ воспоминаніе о немъ и не могъ выбросить изъ головы этой

женщины. Мысль о ней его преслѣдовала, какъ это бываетъ, когда проведешь съ кѣмъ-нибудь нѣсколько пріятныхъ часовъ. Точно находишься въ чей-то власти: ощущеніе смутное, неопредѣленное и восхитительное, потому что таинственное.

Черезъ нѣсколько дней онъ вторично отправился съ визитомъ.

Служанка ввела его въ гостиную и тотчасъ же появилась Лорина. Она уже не руку протянула ему, а подставила свой лобикъ и сказала:

— Мамаша поручила мнѣ попросить васъ подождать. Она еще не одѣта. Я пока буду съ вами.

Дюруа, котораго забавляли церемонныя манеры дѣвочки, отвѣчалъ:

— Отлично, я очень радъ побыть съ вами, но долженъ васъ предупредить, что я совсѣмъ не серьезный человѣкъ, я играю цѣлый день и предлагаю вамъ играть въ кошку-мышку.

Дѣвочка остолбенѣла отъ удивленія, потомъ улыбнулась, какъ бы это сдѣлала взрослая надъ мыслью, которая ее шокируетъ и удивляетъ.

— Въ комнатахъ нельзя играть,—отвѣчала она.

— Мнѣ все равно; я вездѣ играю; ловите меня.

И онъ принялся вертѣться вокругъ стола, подстрекая ее, чтобы она его ловила; но она тихонько ходила за нимъ съ снисходительной и вѣжливой улыбкой и протягивала по временамъ руку, чтобы схватить его, но не удостоивала бѣгать.

Онъ останавливался, нагибался и, когда она приближалась нерѣшительно и медленно, вдругъ подскакивалъ кверху, точно былъ на пружинахъ, и однимъ прыжкомъ перелеталъ на другой конецъ гостиной. Это ее забавляло и она смѣялась, гоняясь за нимъ все живѣе и живѣе, испуская веселые, хотя и боязливые крики, когда ей казалось, что вотъ-вотъ она его поймаетъ.

Онъ переставлялъ стулья, устраивалъ баррикады, заставлялъ ее кружиться на мѣстѣ. Теперь уже Лорина бѣгала взаправду, увлеченная игрой, щеки ея разгорѣлись и въ ту самую минуту, какъ она собиралась поймать его, онъ схватилъ ее на руки и поднялъ къ самому потолку, крича:—попалась, мышка!

Восхищенная дѣвочка дрыгала ножками, стараясь вырваться, и смѣялась отъ души.

M-me де-Марель, войдя въ эту минуту, остановилась въ остолбенѣніи:

— Какъ! Лорина играетъ! ну, вы настоящій волшебникъ, m-r Дюруа.

Онъ опустилъ на полъ ребенка, взялъ руку матери и поцѣловалъ.

Они сѣли, ребенокъ между ними. Они хотѣли разговаривать, но Лорина, обычно такая молчаливая, теперь опьяненная игрой, болтала безъ умолку, какъ сорока, и ее пришлось отослать въ дѣтскую.

Она повиновалась безъ возраженій, но со слезами на глазахъ.

Какъ скоро они остались одни, m-me де-Марель понизила голосъ:

— Вы не знаете, у меня одинъ планъ въ головѣ и я разсчитываю на васъ. Вотъ въ чемъ дѣло. Такъ какъ я каждую недѣлю обѣдаю у Форестье, то время отъ времени отплачиваю имъ обѣдомъ въ ресторанѣ. Я не люблю принимать гостей у себя; у меня домъ поставленъ не на такую ногу, къ тому же я ничего не смыслю въ хозяйствѣ, въ кухнѣ, ровно ничего. Я живу попросту, безъ затѣй. Поэтому я приглашаю ихъ время отъ времени обѣдать въ ресторанъ. Но когда мы бываемъ только втроемъ, намъ совсѣмъ не весело, а у насъ нѣтъ общихъ знакомыхъ. Я вамъ говорю это, чтобы объяснить приглашеніе, которое иначе показалось бы вамъ страннымъ. Вы понимаете, не правда-ли, что я прошу васъ присоединиться къ нашей компаніи въ субботу въ café Ришъ въ половинѣ восьмого. Вы знаете вѣдь этотъ ресторанъ?

Онъ съ радостью принялъ приглашеніе. Она продолжала:— Мы будемъ только вчетверомъ; настоящая partie carrée. Для насъ женщинъ, непривычныхъ къ трактирной жизни, такія parties de plaisir очень пріятны.

На ней было надѣто темно-коричневое платье, мастерски сшитое и кокетливо и соблазнительно обрисовывавшее всю ея стройную фигуру. Дюруа былъ смутно удивленъ, даже смущенъ,—хотя и не могъ бы объяснить почему,—этой дисгармоніей между изяществомъ ея туалета и явной небрежностью всей обстановки.

Все, что касалось непосредственно ея тѣла, носило слѣды очевидныхъ заботъ и стараній, но квартира и ея убранство ее видимо не интересовали.

Онъ разстался съ ней, унеся съ собой, какъ и въ прошлый разъ, неотступное ощущеніе ея присутствія, какъ бы галлюцинацію чувствъ. И съ нетерпѣніемъ сталъ ждать званаго обѣда.

Вторично взявъ на прокатъ фракъ, такъ какъ средства все еще не позволяли ему купить его, онъ первымъ прибылъ на мѣсто свиданія, за нѣсколько минутъ до назначеннаго часа.

Его провели во второй этажъ въ маленькій салонъ, обтянутый краснымъ, и единственное окно котораго выходило на бульваръ.

На четырехугольномъ столѣ, покрытомъ бѣлой и такой блестящей скатертью, что она казалась точно лакированной, стояли четыре прибора, хрусталь, серебро весело сверкали, озаренные пламенемъ двѣнадцати стеариновыхъ свѣчей въ двухъ большихъ канделябрахъ.

Дюруа сѣлъ на низенькій диванъ, обитый, такъ же какъ и стѣны, краснымъ; ослабшія рессоры такъ сильно опустились подъ нимъ, что ему показалось, что онъ проваливается въ яму. Онъ слышалъ все время глухой шумъ, какъ это всегда бываетъ въ большихъ ресторанахъ: стукъ посуды и быстрые шаги гарсоновъ, хотя и смягчаемые коврами, протянутыми по корридорамъ, хлопанье дверями, отголоски голосовъ людей, обѣдавшихъ во всѣхъ этихъ узкихъ салонахъ.

Вошелъ Форестье и пожалъ ему руку съ ласковой фамиліарностью, съ какой никогда не обращался съ нимъ въ редакціи Vie-Française.

— Обѣ дамы сейчасъ пріѣдутъ,—сказалъ онъ.—Такіе обѣды бываютъ всегда очень веселы.

И затѣмъ оглядѣлъ столъ, велѣлъ потушить одинъ газовый рожокъ, притворилъ окно, опасаясь сквозного вѣтра, и выбралъ себѣ такое мѣсто, гдѣ бы не дуло, объявляя:

— Я долженъ быть крайне остороженъ; мнѣ было лучше въ продолженіе цѣлаго мѣсяца, а вотъ теперь опять стало хуже въ послѣдніе дни. Я, должно быть, простудился во вторникъ, выходя изъ театра.

Дверь отворилась и вошли обѣ молодыя женщины, въ сопровожденіи метръ-д'отеля, закутанныя, подъ вуалями, съ той скромной и таинственной манерой, которую онѣ принимаютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ рискуешь встрѣтиться съ двусмысленными людьми.

Дюруа раскланялся съ m-me Форестье и она побранила его за то, что онъ не былъ у нея; потомъ прибавила, кивая съ улыбкой въ сторону своей пріятельницы:

— Такъ, такъ; вы мнѣ предпочитаете m-me де-Марель; для нея у васъ есть время.

Послѣ этого всѣ сѣли за столъ и метръ-д'отель подалъ Форестье карту винъ, а m-me де-Марель сказала ему:—Подавайте этимъ господамъ то, что они потребуютъ, а мы будемъ пить только шампанское замороженное и, разумѣется, сладкое. Ничего другого не нужно кромѣ шампанскаго.

Когда метръ-д'отель вышелъ изъ комнаты, она объявила съ возбужденнымъ видомъ:

— Я хочу напиться сегодня вечеромъ; я хочу попировать.

Форестье какъ будто не слышалъ и спросилъ:

— Вамъ все равно, если я закрою окно; у меня въ послѣдніе дни опять грудь заложило.

— Да, да, пожайлуста.

Онъ закрылъ окно вплотную и вернулся на свое мѣсто съ успокоеннымъ, просвѣтлѣвшимъ лицомъ.

Жена его ничего не говорила и казалась разсѣянной; устремивъ глаза въ столъ, она улыбалась рюмкамъ и стаканамъ той неопредѣленной улыбкой, которая какъ будто обѣщала много, но лишь съ тѣмъ, чтобы ничего не сдержать.

Принесли остендскія устрицы, маленькія и жирныя, походившія на какіе-то ушки въ раковинахъ и таявшія во рту, точно соленыя конфекты.

Послѣ супа подали форель, нѣжную и розовую, какъ дѣвичье личико, и обѣдающіе принялись болтать.

Сначала разговаривали объ одной сплетнѣ, ходившей по городу: о томъ, какъ одну свѣтскую женщину пріятель ея мужа накрылъ въ отдѣльномъ кабинетѣ ресторана, обѣдающей съ однимъ иностраннымъ принцемъ.

Форестье очень смѣялся надъ этой исторіей, но обѣ женщины называли подлецомъ и негодяемъ нескромнаго болтуна. Дюруа поддержалъ ихъ и громко провозгласилъ, что порядочный человѣкъ, будетъ ли онъ дѣйствующимъ лицомъ, повѣреннымъ или простымъ свидѣтелемъ въ такого рода дѣлахъ, обязанъ быть нѣмъ, какъ могила!

Онъ прибавилъ:

— Какъ жизнь была бы полна пріятныхъ вещей, еслибы мы могли разсчитывать на безусловную скромность другъ друга. Что останавливаетъ часто, очень часто, почти всегда женщинъ, это страхъ, что ихъ тайна разоблачится.

Потомъ прибавилъ, улыбаясь:

— Послушайте, развѣ это неправда? Сколько женщинъ поддалось бы внезапному желанію, неожиданной прихоти, мимолетной любовной фантазіи, если бы онѣ не боялись поплатиться непоправимымъ скандаломъ и горькими слезами за кратковременное счастіе.

Онъ говорилъ съ заразительной убѣдительностью, точно защищалъ чье-то дѣло, свое личное дѣло, точно хотѣлъ сказать: — Вотъ ужъ со мной нельзя бояться ничего подобнаго, попробуйте только.

Онѣ обѣ глядѣли на него, ободряли взглядомъ, находили, что

онъ хорошо говоритъ и вѣрно, и ихъ молчаніе было знакомъ согласія въ томъ, что податливая нравственность парижанокъ недолго устояла бы передъ тайной.

А Форестье, почти растянувшись на диванѣ, поджалъ подъ себя одну колѣнку и, завѣсившись салфеткой, чтобы не испачкать рубашки, объявилъ внезапно съ убѣжденнымъ и скептическимъ смѣхомъ:

— Еще бы, нѣтъ! разумѣется, всѣ бы здорово закутили, если бы могли разсчитывать на тайну. Бѣдные, бѣдные мужья!

Они заговорили о любви. Не допуская, чтобы она была вѣчной, Дюруа признавалъ однако любовь прочную, влекущую за собой нѣжную дружбу и довѣріе! Чувственный союзъ долженъ запечатлѣть собою союзъ душъ. Но онъ негодовалъ на придирчивую ревность, на драмы, сцены, взаимныя оскорбленія, почти всегда сопровождающія разрывъ.

Когда онъ умолкъ, m-me де-Марель провозгласила:

— Да! это единственное счастіе въ жизни и мы часто портимъ его невозможной требовательностью.

M-me Форестье, игравшая ножемъ, прошептала:

— Да, да, хорошо быть любимой.

И, казалось, продолжала мечтать, думала о вещахъ, которыхъ не смѣла высказать.

Въ ожиданіи слѣдующихъ блюдъ, онѣ попивали шампанское и грызли корочку хлѣба, отломанную отъ маленькихъ, круглыхъ хлѣбцевъ. И желаніе любви мало-по-малу входило въ ихъ душу, опьяняло ихъ, какъ и вино, зажигавшее мало-по-малу кровь и мутившее умъ.

Принесли бараньи котлеты, нѣжныя, воздушныя, окруженныя густымъ слоемъ спаржи.

— Чортъ побери! какъ вкусно! — вскричала Форестье.

И они медленно ѣли, наслаждаясь нѣжнымъ мясомъ и спаржей, таявшей во рту, какъ сливки.

Дюруа продолжалъ:

— Я, когда полюблю женщину, то для меня ничего въ мірѣ не существуетъ, кромѣ нея.

Онъ говорилъ это съ глубокимъ убѣжденіемъ, воспламеняясь при мысли о наслажденіяхъ любви, мерещившихся ему въ то время, какъ онъ утопалъ въ кулинарныхъ наслажденіяхъ.

M-me Форестье объявила со своимъ видомъ недотроги:

— По моему, нѣтъ высшаго счастія какъ первое пожатіе руки, которымъ спрашиваютъ: любите ли вы меня? — и отвѣчаютъ: да, люблю!

М-me де-Марель, только-что осушивши залпомъ бокалъ шампанскаго, весело проговорила, ставя бокалъ на столъ:

— Я менѣе платонична.

И всѣ разсмѣялись съ одобреніемъ.

Форестье растянулся на диванѣ, раскинулъ руки и уперся ими въ подушку дивана, говоря:

— Такая откровенность дѣлаетъ вамъ честь и доказываетъ, что вы женщина практическая, но можно спросить:—что думаетъ на этотъ счетъ г. де-Марель?

Она медленно пожала плечами, съ безконечнымъ пренебреженіемъ и отчеканила:

— У г. де-Марель на этотъ счетъ нѣтъ никакого мнѣнія. У него есть только... одно только воздержаніе.

И разговоръ, спустившись съ высокопарныхъ высотъ любви, вступилъ въ сферу игривыхъ нескромностей. Принесли жаркое, куропатокъ и перепеловъ, затѣмъ зеленый горошекъ, страсбургскій пирогъ и саладъ.

Они всего этого поѣли, не замѣчая, поглощенные разговоромъ о любви.

Теперь уже обѣ молодыя женщины откалывали такія штуки, что только держись: m-me де-Марель со свойственной ей отвагой, смахивавшей на вызовъ, а m-me Форестье съ такой скромностью въ голосѣ, взглядѣ, улыбкѣ, которая только рельефнѣе выдавала, вмѣсто того, чтобы смягчать, рискованныя вещи, высказываемыя ею.

Форестье, развалившійся уже совсѣмъ безъ церемоніи на диванѣ, хохоталъ, пилъ, ѣлъ и порою выкрикивалъ такое словечко, что женщины конфузились и нѣкоторое время вели себя сдержаннѣе.

И позволивъ себѣ какую-нибудь совсѣмъ неприличную выходку, онъ же объявлялъ:

— Отлично, дѣти мои, не стѣсняйтесь. Если вы будете продолжать въ этомъ тонѣ, то надѣлаете глупостей.

Принесли десертъ; затѣмъ кофе и ликеры окончательно утопили частицу здраваго смысла въ умахъ.

М-me де-Марель, какъ объявила, садясь за столъ, такъ и сдѣлала. Она напилась и теперь признавалась въ этомъ съ болтливой и веселой граціей женщины, подчеркивающей, чтобы позабавить другихъ, несомнѣнное опьянѣніе.

М-me Форестье стала теперь сдержана изъ осторожности, вѣроятно, да и Дюруа, чувствуя, что онъ пьянъ, сталъ очень

сдержанъ, чтобы не скомпрометироваться. Закурили папироски, но вдругъ Форестье раскашлялся.

Припадокъ кашля длился нѣсколько минутъ: онъ весь покраснѣлъ, на лбу у него выступилъ потъ, онъ задыхался отъ кашля, раздиравшаго ему горло.

Когда припадокъ прошелъ, онъ объявилъ съ разъяреннымъ лицомъ:

— Эти забавы мнѣ вредны, да и глупы, по правдѣ сказать.

Вся его веселость испортилась подъ вліяніемъ страха, навѣяннаго на него болѣзнью.

— Пора домой, объявилъ онъ.

М-me де-Марель позвонила и велѣла гарсону принести счетъ. Онъ былъ поданъ немедленно. Она пыталась-было просмотрѣть его, но цифры прыгали у нея въ глазахъ, и она передала бумажку Дюруа, говоря:

— Пожалуйста, расплатитесь за меня, я ничего не могу прочесть, я слишкомъ пьяна.

И бросила ему вмѣстѣ съ тѣмъ свой кошелекъ.

Въ итогѣ стояло сто тридцать пять франковъ. Дюруа провѣрилъ счетъ, потомъ далъ два стофранковыхъ билета гарсону и получилъ сдачу, спрашивая вполголоса:

— Сколько дать на водку, гарсону?

— Сколько хотите, мнѣ все равно.

Онъ положилъ десять франковъ на тарелку, потомъ передалъ кошелекъ молодой женщинѣ и сказалъ ей:

— Хотите, я васъ довезу до дому?

— Разумѣется, я одна не найду дороги.

Они пожали руки г. и г-жѣ Форестье, сѣли въ фіакръ и покатились.

Онъ чувствовалъ ее возлѣ себя, въ этомъ темномъ ящикѣ, который по временамъ на одну секунду освѣщался газовыми фонарями троттуаровъ. Онъ чувствовалъ сквозь ея рукавъ теплоту ея плеча и ничего не находилъ, чтó сказать, рѣшительно ничего, такъ какъ его умъ былъ парализированъ страстнымъ желаніемъ заключить ее въ свои объятія.

— Еслибы я рѣшился, что бы она сдѣлала?—думалъ онъ. И воспоминаніе о всѣхъ нескромностяхъ, сказанныхъ за обѣдомъ, придавало ему смѣлости, но въ то же самое время его удерживала боязнь скандала.

Она тоже ни слова не говорила и не двигалась, забившись въ уголъ. Онъ бы подумалъ, что она спитъ, еслибы не видѣлъ,

какъ блестѣли ея глаза, каждый разъ, какъ свѣтъ проникалъ въ карету.

О чемъ она думаетъ? Онъ чувствовалъ, что не слѣдуетъ говорить, что одно слово, одно только слово и очарованіе будетъ нарушено, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его шансы на успѣхъ, но у него не хватило смѣлости произвести внезапное и грубое нападеніе. Вдругъ онъ почувствовалъ, что она сдѣлала легкое нервное движеніе: что оно выражало—нетерпѣніе или призывъ? Это чуть замѣтное движеніе заставило его вздрогнуть съ головы до ногъ: онъ быстро повернулся въ ея сторону и обнялъ ее.

Карета остановилась передъ подъѣздомъ ея дома и удивленному Дюруа не пришлось придумывать страстныхъ словъ для выраженія своей любви и благодарности.

Она вышла изъ фіакра, невѣрнымъ шагомъ и не говоря ни слова. Онъ позвонилъ и въ то время, какъ дверь отворялась, спросилъ, дрожа:

— Когда я васъ увижу?

Она прошептала такъ тихо, что онъ едва разслышалъ:

— Приходите завтра ко мнѣ завтракать.

И исчезла въ сумракѣ сѣней, толкнувъ тяжелую дверь, которая захлопнулась за ней съ такимъ громомъ, какъ пушечный выстрѣлъ.

Онъ далъ пять франковъ извозчику и пошелъ пѣшкомъ домой быстрымъ и торжествующимъ шагомъ, съ переполненнымъ радостью сердцемъ.

Наконецъ-то онъ завладѣлъ замужней женщиной, свѣтской женщиной, настоящей элегантной парижанкой!

И какъ побѣда была легка, быстра и неожиданна!

Онъ-то воображалъ до сихъ поръ, что для того, чтобы покорить одну изъ этихъ очаровательницъ, потребуется безконечное ухаживаніе, вниманіе безъ конца, продолжительная и искусная осада, съ помощью нѣжныхъ словъ, вздоховъ, подарковъ. И вотъ вдругъ, при первой же атакѣ, первая женщина, съ которой онъ познакомился, отдалась ему съ такой легкостью, что онъ былъ сраженъ.

Она была пьяна, думалъ онъ; завтра начнется другая исторія; мнѣ придется утирать слезы.

Эта мысль его нѣсколько тревожила, потомъ онъ сказалъ себѣ:—Ну, тѣмъ хуже! Теперь, когда она мнѣ попалась, я съумѣю удержать ее.

И въ смутномъ миражѣ, въ которомъ ему мерещились успѣхъ, слава, богатство, могущество и любовь, онъ вдругъ увидѣлъ,

точно гирлянду фигурантокъ, въ театральномъ апоѳеозѣ, цѣлую процессію изящныхъ, богатыхъ, властительныхъ женщинъ, проходившихъ съ улыбкой одна за другой и исчезавшихъ въ туманѣ его мечтаній.

И сонъ его былъ населенъ видѣніями.

Онъ былъ нѣсколько взволнованъ, на слѣдующій день, когда всходилъ по лѣстницѣ дома m-me де-Марель.

Какъ-то она его приметъ? а вдругъ она его совсѣмъ не приметъ? Вдругъ она запретила принимать его? вдругъ она разскажетъ?.. Но, нѣтъ, она ничего не можетъ сказать, не давъ понять всю истину. Слѣдовательно онъ—властелинъ положенія.

Служанка отперла дверь. У ней было обыкновенное лицо. Онъ успокоился, точно ждалъ, что у служанки будетъ взволнованное лицо.

Онъ спросилъ:—барыня здорова?

Она отвѣчала:—Точно такъ, и—попросила его войти въ гостиную.

Онъ прямо прошелъ къ камину, чтобы оглядѣть свою прическу и туалетъ и поправлялъ галстухъ, когда увидѣлъ въ зеркалѣ молодую женщину, смотрѣвшую на него съ порога своей комнаты. Онъ сдѣлалъ видъ, что не видитъ ее, и они глядѣли такимъ образомъ впродолженіе нѣсколькихъ секундъ, другъ на друга въ зеркало, наблюдая, сторожа одинъ другого. Онъ обернулся, она не трогалась съ мѣста и повидимому ждала. Онъ бросился къ ней, говоря:

— Какъ я васъ люблю! какъ я васъ люблю!—Она раскрыла объятія и упала къ нему на грудь; потомъ, поднявъ голову, долго, долго его цѣловала.

Онъ думалъ:—Дѣло обошлось легче, нежели я думалъ. Все обстоитъ благополучно.

И, переставъ цѣловаться, они, улыбаясь, глядѣли другъ на друга, не говоря ни слова. Онъ старался выразить въ улыбкѣ безконечную любовь, а ея улыбка выражала умиленіе и покорность, какъ всегда у женщины, выражающей свое согласіе. Она прошептала:

— Мы одни: я отослала Лорину завтракать къ подругѣ.

Онъ вздохнулъ, поцѣловавъ у нея руки.

— Благодарю васъ; я васъ обожаю.

Тогда она взяла его подъ руку, точно онъ былъ ея мужъ и, дойдя до дивана, усѣлась съ нимъ рядомъ.

Ему надо было ловко и обольстительно начать разговоръ и не умѣя этого сдѣлать, онъ пробормоталъ:

— Значитъ, вы на меня не сердитесь?

Она закрыла ему ротъ рукою, говоря:

— Молчи.

Они просидѣли молча, глядя другъ на друга и держа другъ друга за руки.

— Какъ давно я въ васъ влюбленъ,—проговорилъ онъ наконецъ.

Она повторила:—Молчи.

Слышно было, какъ за стѣной служанка стучала тарелками.

Онъ всталъ.

— Я не хочу сидѣть такъ близко около васъ. У меня голова закружится.

Дверь отворилась.

— Кушать подано,—объявила служанка.

И онъ съ серьезнымъ лицомъ повелъ m-me де-Марель подъ руку въ столовую.

Они позавтракали, сидя напротивъ другъ друга, глядя одинъ на другого и улыбаясь, занятые только другъ другомъ, поглощенные сладкой прелестью только-что начавшейся любви. Они ѣли, сами не зная что. Онъ сильно жалъ ее маленькую ножку подъ столомъ между своими ногами.

Служанка приходила, уходила, приносила блюда, перемѣняла тарелки, какъ ни въ чемъ ни бывало.

Когда они кончили завтракать, то вернулись въ гостиную и снова усѣлись рядышкомъ на диванѣ.

Онъ хотѣлъ обнять ее, но она спокойно отталкивала его говоря:

— Берегитесь, могутъ войти.

Онъ прошепталъ:

— Когда мнѣ можно будетъ васъ видѣть наединѣ, чтобы сказать вамъ, какъ я васъ люблю.

Она наклонилась къ его уху и шепнула:

— Я на дняхъ приду къ вамъ въ гости.

Онъ покраснѣлъ.

— Но у меня... у меня... очень скромная квартира.

Она улыбнулась.

— Все равно; я приду поглядѣть на васъ, а не на квартиру.

Тогда онъ сталъ приставать, чтобы она назначила поскорѣе день, когда придетъ. Она назначила день въ концѣ будущей недѣли, но онъ сталъ умолять ее прійти раньше, ломая ей руки, съ сверкающими глазами и разгорѣвшимся отъ страсти лицомъ.

Ее забавляло, что онъ съ такимъ жаромъ умоляетъ ее и она уступала день за днемъ.

Но онъ не отставалъ:

— Завтра... скажите... завтра.

Она наконецъ согласилась.

— Да, завтра; въ пять часовъ.

Онъ радостно вздохнулъ и послѣ того они спокойно стали разговаривать, точно двадцать лѣтъ уже были знакомы другъ съ другомъ.

Звонокъ заставилъ ихъ вздрогнуть и невольно отодвинуться другъ отъ друга. Она пробормотала:

— Это, должно быть, Лорина.

Показалась дѣвочка и остановилась въ нерѣшимости, затѣмъ подбѣжала въ восторгѣ, хлопая въ ладони, увидя Дюруа и крича:

— Охъ! это милый другъ!

M-me де-Марель разсмѣялась.

— Каково? Милый другъ! Лорина пожаловала васъ въ друзья. И я васъ также буду звать милымъ другомъ.

Онъ посадилъ къ себѣ дѣвочку на колѣни и долженъ былъ играть съ ней во всѣ игры, которымъ ее научилъ.

Въ три часа безъ двадцати минутъ онъ всталъ, чтобы идти въ редакцію. И на лѣстницѣ, сквозь полуотворенную дверь прошепталъ еще разъ:—Завтра, въ пять часовъ.

Молодая женщина отвѣчала—да улыбкой, и исчезла.

Покончивъ съ дневными занятіями, онъ сталъ думать, какъ бы ему получше убрать свою комнату, чтобы скрыть ея жалкую обстановку. Ему пришло въ голову убрать стѣны японскими бездѣлушками и онъ купилъ на пять франковъ цѣлую коллекцію креповыхъ шарфовъ, вѣеровъ, экрановъ, которыми прикрылъ слишкомъ явныя пятна на стѣнахъ. На стекла окна онъ наклеилъ прозрачныя картинки, изображавшія лодки на рѣкѣ, птицъ, летающихъ по красному небу, пестрыхъ дамъ на балконахъ и процессіи маленькихъ черныхъ человѣчковъ по равнинамъ, покрытымъ снѣгомъ. Его комната, въ которой было мѣста ровно столько, чтобы спать и сидѣть, вскорѣ стала похожа на разноцвѣтный фонарь. Онъ нашелъ, что видъ у ней теперь удовлетворительный и провелъ вечеръ въ томъ, что наклеивалъ на потолокъ птицъ, вырѣзанныхъ изъ оставшихся у него раскрашенныхъ листовъ.

После того онъ легъ, убаюкиваемый свистками поѣздовъ.

На другой день онъ рано вернулся домой и принесъ съ собой пирожковъ и бутылку мадеры. Потомъ долженъ былъ опять уйти, чтобы купить двѣ тарелки и двѣ рюмки, и поставилъ это угощеніе на ночной столикъ, предварительно накрывъ его сал-

феткой, чтобы не было видно грязнаго дерева. Кувшинъ умывальный и тазъ тоже прикрыты были этой салфеткой.

Послѣ того сталъ ждать.

Она пришла въ четверть шестого и, поглядѣвъ на пеструю комнату, воскликнула:

— Э! да у васъ очень мило; только слишкомъ много народу на лѣстницѣ.

Онъ обнялъ ее и съ жаромъ сталъ цѣловать въ лобъ сквозь вуалетку.

Спустя полтора часа онъ проводилъ ее до извозчичьей биржи въ Римской улицѣ. Когда она сѣла въ фіакръ, онъ прошепталъ:— До вторника; въ томъ же часу?

Она отвѣчала:—До вторника, въ томъ же часу.—И такъ какъ было темно, то притянула его голову къ дверямъ кареты и поцѣловала въ губы.

Но тутъ извозчикъ стегнулъ лошадь и m-me де-Марель вскричала:—Прощай, милый другъ!—И старый фіакръ покатился лѣниво, влекомый бѣлой, дряхлой клячей.

Въ продолженіе трехъ недѣль Дюруа принималъ у себя такимъ образомъ m-me де-Марель черезъ каждые два-три дня, то по утру, то вечеромъ.

Однажды, когда онъ ждалъ ее поутру, большой шумъ на лѣстницѣ привлекъ его вниманіе. Онъ раскрылъ дверь и прислушался. Ревѣлъ ребенокъ. Разъяренный, мужской голосъ закричалъ:—Чего онъ опять розорался?—Ворчливый, сердитый женскій голосъ отвѣчалъ:—Да вотъ эта мерзкая кокотка, что шляется къ журналисту, опрокинула Николашу на лѣстницѣ. И зачѣмъ только пускаютъ такую дрянь; не видитъ, что на лѣстницѣ стоитъ ребенокъ.

Дюруа внѣ себя отскочилъ, такъ какъ слышалъ шелестъ юбокъ и поспѣшные шаги на томъ поворотѣ лѣстницѣ, который велъ къ нему. Вскорѣ постучались въ дверь, которую онъ только что заперъ. Онъ отворилъ и m-me де-Марель влетѣла запыхавшаяся, испуганная, внѣ себя.

— Ты слышалъ?

Онъ притворился, что не знаетъ, въ чемъ дѣло.

— Нѣтъ... а что?

— Какъ они меня оскорбили?

— Кто это?

— Негодяи, которые живутъ подъ тобой.

— Нѣтъ... Что случилось?—скажи.

Она разрыдалась и не могла произнести ни слова.

Онъ снялъ съ нея шляпку, распустилъ ей корсетъ, уложилъ на постель и смачивалъ мокрымъ полотенцемъ виски.

Она задыхалась; наконецъ, когда волненіе нѣсколько улеглось, оно уступило мѣсто негодованію и гнѣву. Она хотѣла, чтобы онъ пошелъ внизъ, избилъ бы, убилъ бы ихъ всѣхъ.

Онъ повторялъ:—Да вѣдь это ремесленники, невѣжды. Подумай, что придется съ ними судиться, что тебя могутъ узнать, задержать, скомпрометировать. Нельзя же связываться съ такимъ народомъ.

Она перескочила къ другой мысли.

— Что намъ теперь дѣлать? Я не могу больше приходить сюда.

Онъ отвѣчалъ:

— Очень просто. Я переѣду на другую квартиру.

Она пробормотала:—Хорошо, но это будетъ слишкомъ долго.

Потомъ вдругъ придумала какую-то комбинацію и развеселилась.

— Нѣтъ, слушай, я придумала; предоставь мнѣ все дѣло; ни о чемъ не безпокойся и жди отъ меня завтра телеграммы.

Теперь она улыбалась своей выдумкѣ, которую ни за что не хотѣла открыть, и стала дурачиться на разные лады.

Однако опять сильно взволновалась, сходя съ лѣстницы и опираясь на руку своего возлюбленнаго. У ней подгибались колѣни отъ страха. Къ счастію, они никого не встрѣтили на лѣстницѣ.

Такъ какъ онъ вставалъ поздно, то былъ еще въ постелѣ, когда на слѣдующее утро, въ одиннадцать часовъ разсыльный съ телеграфа принесъ ему обѣщанную телеграмму.

Дюруа раскрылъ ее и прочиталъ:

„Свиданіе назначается сегодня въ пять часовъ въ Константинопольской улицѣ, 127. Ты велишь отперетъ квартиру, нанятую г-жей Дюруа. Цѣлую тебя.—Кло“.

Ровно въ пять часовъ онъ входилъ къ привратнику большого меблированнаго дома, спрашивая:

— Здѣсь г-жа Дюруа наняла квартиру?

— Да.

— Проведите меня, пожалуйста.

Привратникъ, привыкшій, безъ сомнѣнія, къ щекотливымъ положеніямъ, когда осторожность не лишнее дѣло, поглядѣлъ ему прямо въ глаза и, выбравъ ключъ изъ длинной связки, переспросилъ:

— Вы точно г. Дюруа?

— Да, да, будьте спокойны.

Привратникъ отперъ небольшую квартиру, состоявшую изъ двухъ комнатъ и расположенную въ нижнемъ этажѣ, напротивъ ложи привратника.

Салонъ, обитый обоями съ пестрыми разводами, довольно свѣжими, убранъ былъ мебелью изъ краснаго дерева, обитой зеленоватымъ репсомъ съ желтыми цвѣтами и жидкимъ ковромъ, такимъ тонкимъ, что сквозь него чувствовался деревянный полъ.

Спальная была такъ мала, что кровать занимала почти всю ее, большая кровать, какія всегда бываютъ въ меблированныхъ комнатахъ, съ тяжелымъ, голубымъ, репсовымъ пологомъ и краснымъ, пуховымъ, шелковымъ одѣяломъ, на которомъ виднѣлись подозрительныя пятна.

Дюруа, встревоженный и недовольный, думалъ:—эта квартира будетъ стоить мнѣ бѣшеныхъ денегъ. Надо будетъ еще занять. Какъ все это глупо.

Дверь отворилась и она влетѣла, какъ вихрь, шурша юбками, и съ раскрытыми объятіями. Она была въ восторгѣ.—Неправда ли, какъ здѣсь мило? Ну, скажи, вѣдь мило? И не надо карабкаться по лѣстницѣ на пятый этажъ. Квартира выходитъ окнами на улицу и расположена въ нижнемъ этажѣ! Можно войти и выйти въ окно и привратникъ насъ не увидитъ. Какъ намъ тутъ будетъ удобно!

Онъ холодно поцѣловалъ ее, не рѣшаясь задать вопросъ, вертѣвшійся у него на губахъ.

Она положила большой свертокъ на столъ, стоявшій посреди комнаты. Развернувъ его, она вынула мыло, флаконъ eau de Lubin, губку и коробку со шпильками, крючекъ для застегиванія ботинокъ и небольшія щипцы для завивки волосъ.

И стала раскладываться, веселясь, какъ ребенокъ.

Она болтала, выдвигая ящики.

— Нужно будетъ принести съ собой немного бѣлья на всякій случай. Это будетъ очень удобно. Если, напримѣръ, меня промочитъ дождь, во время прогулки, я забѣгу сюда переодѣться. У насъ будетъ у каждаго свой ключъ, кромѣ того, который будетъ оставаться у привратника, на тотъ случай, если бы мы забыли свой дома. Я наняла на три мѣсяца, на твое имя, разумѣется, потому что я не могла сказать своего.

Тогда онъ спросилъ:

— Ты скажешь мнѣ, когда надо будетъ платить?

Она отвѣчала просто:

— Да я ужъ заплатила, милый!

Тогда онъ замѣтилъ:

— Значитъ, я твой должникъ?

Она объявила:—Да нѣтъ же, mon chat, это до тебя не касается, я хочу принять на себя этотъ безразсудный расходъ.

Онъ прикинулся разсерженнымъ.

— Да, нѣтъ же, я ни за что этого не позволю.

Она стала умолять его, положивъ ему руки на плечи:—Пожалуйста, Жоржъ, мнѣ такъ будетъ пріятно, что наше гнѣздышко мое, и ничье больше. Развѣ это можетъ быть тебѣ непріятно? Въ какомъ отношеніи? Согласись, милый Жоржъ, пожалуйста, согласись...

Онъ долго заставилъ себя просить и наконецъ уступилъ, находя въ душѣ, что это справедливо.

Когда она ушла, онъ пробормоталъ, потирая руки и не желая докапываться, что̀ именно внушаетъ ему это мнѣніе:—А она очень, право, мила.

Нѣсколько дней спустя, онъ получилъ другую телеграмму, въ которой было сказано: „Мой мужъ пріѣзжаетъ сегодня послѣ шестинедѣльнаго инспекторскаго смотра. Слѣдовательно, прощай на цѣлую недѣлю, такъ какъ теперь должна возобновиться прерванная комедія супружескаго счастія. Какая скука, мой милый.— Твоя Кло“.

Дюруа былъ пораженъ. Онъ совсѣмъ позабылъ, что она замужемъ.

Вотъ человѣкъ, на котораго ему хотѣлось бы взглянуть разокъ, чтобы видѣть, какая у него рожа.

Онъ терпѣливо ждалъ отъѣзда супруга, но провелъ два вечера въ Folies-Bergères, окончивъ ихъ у Рашель.

Потомъ въ одно прекрасное утро пришла опять телеграмма, гдѣ стояло только четыре слова:

„Сегодня, пять часовъ. Кло“.

Они оба опередили назначенный часъ и она бросилась ему на шею и покрыла его лицо страстными поцѣлуями, потомъ сказала:—Знаешь, когда мы наговоримся всласть, ты сведи меня обѣдать куда-нибудь въ ресторанъ. Сегодня я свободна.

Дѣло было какъ-разъ въ началѣ мѣсяца и хотя онъ давно уже забралъ все жалованье впередъ и жилъ только тѣмъ, что перехватывалъ направо и налѣво, но случайно у него были деньги въ карманѣ и онъ обрадовался случаю раскошелиться для нея.

Онъ отвѣчалъ:—Разумѣется, душа моя, куда хочешь.

Они отправились около семи часовъ и дошли до наружнаго бульвара.

Она сильно опиралась на его руку и шептала ему на ухо:

—Если бы ты зналъ, какъ мнѣ пріятно идти съ тобой подъ руку, какъ я счастлива, что чувствую тебя такъ близко около себя.

Онъ спросилъ:—Хочешь идти въ ресторанъ Латюиль?

Она отвѣчала:—Нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ шикарный ресторанъ. Мнѣ хочется пойти куда-нибудь попроще, поинтереснѣе, куда ходятъ мелкіе чиновники и рабочіе. Я обожаю простыя харчевни. О! если бы мы могли поѣхать за городъ.

Такъ какъ онъ не зналъ никакого такого трактира въ околодкѣ, то они бродили по бульвару и наконецъ вошли въ винный погребокъ, гдѣ была отдѣльная столовая, потому что Клотильда увидѣла въ окно двухъ дѣвчонокъ простоволосыхъ, сидѣвшихъ за столикомъ, напротивъ двухъ военныхъ.

Трое извозчиковъ обѣдало въ глубинѣ узкой и длинной комнаты и какой-то субъектъ, котораго невозможно было бы классифицировать, курилъ трубку, протянувъ ноги, и заложивъ руки за поясъ панталонъ, а головой опрокинувшись на спинку стула.

Куртка его была вся испещрена пятнами, а изъ кармановъ, раздутыхъ какъ шары, торчали бутылки съ виномъ, кусокъ хлѣба, какой-то свертокъ въ газетѣ и свѣшивался конецъ веревки. Волосы у него были густые, всклокоченные, побурѣвшіе отъ грязи, а фуражка валялась на полу, подъ стуломъ.

Появленіе Клотильды произвело сенсацію, благодаря ея элегантному туалету. Обѣ четы перестали шептаться, извозчики перестали спорить, а субъектъ, курившій трубку, вынулъ ее изо рта и, плюнувъ на полъ, поглядѣлъ, повернувъ слегка голову, на вошедшихъ.

M-me де-Марель пробормотала:

— Здѣсь очень мило, но въ слѣдующій разъ я переодѣнусь работницей.

Она безъ отвращенія и безъ смущенія сѣла за деревянный столикъ, лоснившійся отъ жира пролитыхъ кушаньевъ и который гарсонъ на скоро вытеръ салфеткой. Дюруа, смущенный, сконфуженный, искалъ вѣшалки, чтобы повѣсить шляпу и, не найдя таковой, положилъ ее на стулъ.

Имъ подали рагу изъ баранины, жареную баранину и салатъ. Клотильда повторяла: — Я обожаю это; у меня простонародные вкусы. Мнѣ здѣсь веселѣе, нежели въ Café Anglais.

Потомъ прибавила:

— Если ты хочешь вполнѣ мнѣ угодить, то сведешь меня на народное гулянье. Я знаю, здѣсь есть неподалеку одно, которое зовется „La Reine Blanche". Тамъ очень бываетъ забавно.

Дюруа, удивленный, спросилъ:

— Съ кѣмъ же это ты тамъ бывала?

И глядя на нее, увидѣлъ, что она покраснѣла и немного смутилась, точно этотъ внезапный вопросъ вызвалъ въ ней щекотливое воспоминаніе. Послѣ минутнаго женскаго колебанія, такого короткаго, что о немъ можно только догадаться, она отвѣчала.— Одинъ знакомый...

Затѣмъ прибавила:—Онъ умеръ.

И опустила глаза съ весьма натуральной печалью.

И Дюруа впервые въ жизни подумалъ обо всемъ, чего онъ не зналъ въ ея прошлой жизни... и задумался.

Конечно, у нея уже были любовники. Но какого сорта люди? Изъ какого общества? И смутная ревность, нѣчто въ родѣ недоброжелательства, проснулась въ немъ ко всему тому, чего онъ не зналъ, что̀ ему не принадлежало въ этомъ сердцѣ и въ этомъ существованіи. Онъ глядѣлъ на нее, злясь на тайну, облекавшую эту хорошенькую женщину, которая въ эту самую минуту, быть можетъ, думала о другомъ, да не объ одномъ, а объ нѣсколькихъ и, быть можетъ, съ сожалѣніемъ. Какъ бы ему хотѣлось заглянуть въ эту душу, порыться въ этихъ воспоминаніяхъ, все, все узнать...

Она повторила:—Хочешь свести меня на балъ Reine Blanche, ты мнѣ доставишь этимъ полное удовольствіе?

Онъ подумалъ:—Вотъ, что значитъ прошлое! Я глупъ, что думаю о томъ, что̀ было, не все ли мнѣ равно.

И, улыбаясь, отвѣчалъ:

— Разумѣется, милочка.

Когда они вышли на улицу, она сказала таинственнымъ тономъ, какимъ дѣлаются признанія: — Я не смѣла до сихъ поръ просить тебя объ этомъ, но ты не можешь себѣ представить, какъ я люблю бывать тамъ, куда женщины не ходятъ. Во время карнавала, я одѣнусь мальчишкой. Ты увидишь, какая я смѣшная въ этомъ видѣ.

Когда они вошли въ бальную залу, она прижалась къ нему, испуганная и довольная, и во всѣ глаза глядѣла на публичныхъ женщинъ и ихъ покровителей; время отъ времени, какъ бы для успокоенія себя отъ возможной опасности, она говорила, завидя серьезнаго и неподвижнаго муниципальнаго агента:—вотъ полицейскій, на котораго, кажется, можно положиться.

Черезъ четверть часа ему все это опротивѣло и онъ отвезъ ее домой.

Послѣ этого начался рядъ экскурсій во всѣ подозрительныя

мѣста, гдѣ веселится простой народъ, и Дюруа открылъ въ своей любовницѣ страстную любовь къ студенческимъ развлеченіямъ.

Она являлась на rendez-vous въ простомъ ситцевомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ, точно водевильная субретка и, не смотря на изысканную простоту своего туалета, ни за что не хотѣла снять брилліантовыхъ серегъ и колецъ, отвѣчая на всѣ его убѣжденія:

— Ну! подумаютъ, что это простыя стеклышки.

Она воображала повидимому, что отлично замаскировала свою личность, хотя на дѣлѣ это напоминало попытки страуса укрыться отъ преслѣдованія, спрятавъ голову въ кусты. Тѣмъ не менѣе подъ прикрытіемъ мнимаго переодѣванья, она ходила въ самые скверные трактиры и увеселительныя мѣста.

Она хотѣла, чтобы и Дюруа одѣвался работникомъ, но онъ ни за что не соглашался и оставался бульварнымъ франтомъ, и не хотѣлъ даже промѣнять цилиндръ на мягкую, поярковую шляпу. Она утѣшилась въ его упрямствѣ слѣдующимъ разсужденіемъ:

— Подумаютъ, что я горничная, за которой ухаживаетъ свѣтскій молодой человѣкъ.

И ей эта комедія казалась восхитительной.

Иногда она спрашивала у Дюруа, съ трепетомъ:—Еслибы меня оскорбили въ одномъ изъ этихъ мѣстъ, что бы ты сдѣлалъ?

Онъ отвѣчалъ съ храбрымъ видомъ:

— Вступился бы за тебя, разумѣется.

И она нѣжно сжимала его руку, съ тайнымъ желаніемъ, чтобы изъ-за нея поссорились мужчины, даже такіе, какіе посѣщали эти мѣста, а еще лучше, чтобы подрались.

Но эти экскурсіи, повторяясь два или три раза въ недѣлю, начинали надоѣдать Дюруа, которому къ тому же становилось очень трудно съ нѣкоторыхъ поръ доставать деньги на извозчиковъ и плату за входъ и угощеніе.

Онъ перебивался теперь съ большимъ трудомъ: ему труднѣе даже было теперь жить, чѣмъ тогда, когда онъ служилъ на желѣзной дорогѣ.

Въ первые мѣсяцы своей журнальной дѣятельности онъ тратилъ деньги безъ разсчета, надѣясь на быстрое обогащеніе, и въ настоящее время истощилъ всѣ свои рессурсы и всѣ средства достать деньги. Онъ забралъ уже въ редакціи жалованье за четыре мѣсяца впередъ и кромѣ того шестьсотъ франковъ въ счетъ построчной платы. Кромѣ того онъ долженъ былъ Форестье триста франковъ, долженъ Жаку Ривалю, который былъ очень щедръ.

и кончилъ тѣмъ, что занималъ направо и налѣво по пяти франковъ и меньше того. Сенъ-Потенъ, когда онъ посовѣтовался съ нимъ, гдѣ бы достать еще сто франковъ, не могъ ничего присовѣтовать, хотя былъ человѣкъ находчивый. И Дюруа бѣсился на свою нищету, болѣе ощутительную теперь, нежели прежде, потому что у него было теперь больше потребностей. Глухое раздраженіе противъ всѣхъ кипѣло въ немъ и онъ сердился безпрерывно и по поводу всякихъ пустяковъ.

Часто онъ спрашивалъ себя: какимъ образомъ онъ могъ истратить среднимъ числомъ тысячу франковъ въ мѣсяцъ, когда не позволялъ себѣ ничего лишняго, никакой прихоти? Но когда онъ начиналъ считать, то оказывалось, что завтракъ въ восемь франковъ, да обѣдъ въ двѣнадцать франковъ, въ какомъ-нибудь большомъ кафе на бульварѣ—составляли двадцать франковъ, да если къ этому прибавить франковъ десять мелочныхъ расходовъ, то вотъ уже наберется тридцать франковъ въ день, а это въ свою очередь составитъ въ мѣсяцъ девятьсотъ франковъ. И сюда вдабавокъ не входили расходы по туалету, бѣлью и пр.

И вотъ такимъ-то манеромъ, четырнадцатаго декабря онъ очутился безъ гроша въ карманѣ и безъ всякой даже отдаленной надежды добыть деньжонокъ.

Онъ сдѣлалъ такъ, какъ уже не разъ дѣлывалъ въ былое время: не завтракалъ и провелъ все утро въ редакціи, работая и злясь.

Около четырехъ часовъ онъ получилъ телеграмму отъ своей любовницы, гдѣ было сказано: „Хочешь, мы пообѣдаемъ вмѣстѣ и затѣмъ отправимся кутить“.

Онъ отвѣчалъ немедленно: „Обѣдать невозможно“.

Затѣмъ подумалъ, что было бы глупо съ его стороны лишать себя радостей свиданія съ ней и прибавилъ: „Но я буду тебя ждать въ девять часовъ на нашей квартирѣ“.

И пославъ одного изъ редакціонныхъ разсыльныхъ снести эту записку, чтобы не расходоваться на телеграмму, сталъ ломать голову надъ тѣмъ, какимъ путемъ добыть себѣ сегодня обѣдъ.

Въ семь часовъ онъ еще ничего не выдумалъ и волчій голодъ терзалъ ему внутренности. Тогда онъ прибѣгъ къ отчаянной выходкѣ и, выждавъ, когда всѣ сотрудники ушли, торопливо позвонилъ.

Швейцаръ, сторожившій редакцію, явился на звонокъ. Дюруа стоя, нервнымъ жестомъ обшаривалъ карманы и рѣзкимъ тономъ произнесъ:—Послушайте-ка, Фукаръ, я позабылъ дома свой портмоне и теперь долженъ вернуться домой за деньгами. Одолжите мнѣ полфранка, чтобы заплатить извозчику.

Швейцаръ вынулъ изъ жилета три франка, спрашивая:

— Не угодно ли еще?

— Нѣтъ, нѣтъ, довольно, благодарю васъ.

И взявъ серебряныя монеты, Дюруа бѣгомъ отправился въ дешевенькій трактирчикъ, куда онъ ходилъ во дни нищеты.

Въ девять часовъ, онъ поджидалъ свою любовницу, грѣя ноги у камина, въ маленькой гостиной.

Она явилась веселая, оживленная, раскраснѣвшаяся отъ уличнаго холода: — Если хочешь, — сказала она, — мы сначала погуляемъ, а затѣмъ вернемся сюда въ одиннадцать часовъ. Погода чудная для гулянья.

Онъ отвѣчалъ ворчливо:

— Къ чему выходить? Здѣсь такъ хорошо.

Она настаивала, не снимая шляпы:—Еслибы ты зналъ, какая дивная луна. Въ такой вечеръ просто счастіе гулять.

— Можетъ быть, но мнѣ не хочется гулять.

Онъ проговорилъ это яростнымъ тономъ. Она была имъ сражена.—Что съ тобой? что это у тебя за манеры? Если мнѣ хочется прогуляться, то я не вижу, чѣмъ это можетъ тебѣ быть непріятно!

Онъ всталъ съ мѣста взбѣшенный.

— Это меня не сердитъ, это мнѣ надоѣдаетъ, вотъ и все.

Она была изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ сопротивленіе подзадориваетъ, а невѣжливость раздражаетъ.

Она презрительно произнесла, съ холодной злостью: — Я не привыкла, чтобы со мной такъ разговаривали. Я одна пойду гулять. Прощай.

Онъ понялъ, что это грозитъ разрывомъ и, бросившись къ ней, взялъ ее за руки, поцѣловалъ ихъ, умоляя:

— Прости меня, прости меня, я такъ сегодня нервенъ и раздражителенъ. У меня большія непріятности, знаешь, дѣловыя.

Она отвѣчала, нѣсколько смягчившись, но еще не задобренная окончательно:

— Это до меня не касается; я не хочу, чтобы вы на мнѣ срывали свою досаду.

Онъ обнялъ ее и усадилъ на диванъ:

— Послушай, милочка, я не хотѣлъ тебя оскорбить; я не думалъ о томъ, что́ говорю.

И сталъ передъ ней на колѣни, охватилъ ея талію руками: —Ты мнѣ простила? скажи, что ты мнѣ простила?

Она холоднымъ тономъ проговорила:

— Хорошо, но чтобы этого больше не было.—И, вставъ съ дивана, прибавила:

— Теперь пойдемъ гулять.

Не вставая съ колѣнъ и не выпуская ея изъ рукъ, онъ пролепеталъ:

— Пожалуйста, останемся дома; умоляю тебя, исполни мою просьбу. Посиди со мной здѣсь, у огня, сегодня вечеромъ. Скажи „да“, умоляю тебя. Да?

Она отчетливо и жестко выговорила:

— Нѣтъ, я хочу идти гулять и не намѣрена подчиняться твоимъ капризамъ.

Онъ настаивалъ: — Умоляю тебя, у меня очень серьезная причина...

Она объявила:

— Нѣтъ. И если ты не хочешь идти гулять, то я ухожу домой. Прощай.

Она высвободилась изъ его объятій и побѣжала къ дверямъ. Онъ бросился за ней и снова охватилъ ее руками:

— Послушай, Кло, моя милая Кло, послушай, исполни мою просьбу.

Она отрицательно качала головой и старалась вырваться.

Онъ бормоталъ:

— Кло, моя милая Кло, у меня есть причина.

Она остановилась и глядѣла ему прямо въ лицо.

— Ты лжешь!.. какая у тебя причина?

Онъ покраснѣлъ, не зная, какъ сказать.

Она съ негодованіемъ продолжала:

— Ты видишь, что ты лжешь... негодяй.

И съ яростнымъ жестомъ и со слезами на глазахъ вырвалась. Онъ опять поймалъ ее за плечи и въ отчаяніи, готовый на все, лишь бы избѣжать ссоры, пробормоталъ:

— А та... а та, что у меня нѣтъ ни гроша денегъ... вотъ.

Она остановилась какъ вкопанная и глядя ему прямо въ глаза, чтобы видѣть, говоритъ ли онъ правду:—Ты говоришь?..

Онъ покраснѣлъ до корня волосъ.

— Я говорю, что у меня нѣтъ ни гроша денегъ, понимаешь? Ни гроша, ни двадцати су, ни десяти, ровно ничего, нечѣмъ заплатить за рюмку ликера, въ кафе, куда мы пойдемъ. Ты меня заставляешь сознаваться въ постыдныхъ вещахъ. Но не могъ же я идти съ тобой и, сидя за столомъ въ кафе, объявить, въ ту минуту, когда нужно было бы платить, что у меня нѣтъ денегъ.

Она все глядѣла ему прямо въ лицо.

— Значитъ... это правда?..

Въ одно мгновеніе онъ вывернулъ передъ ней всѣ свои карманы: панталонъ, жилета, жакетки и пробормоталъ:

— Вотъ... смотри... довольна ты теперь...

Внезапно, раскрывъ объятія съ страстнымъ порывомъ, она бросилась ему на шею лепеча: — О! мой милый, бѣдный другъ, прости меня... прости меня.

Она заливалась слезами и, задыхаясь отъ слезъ, повторяла:— мой милый, бѣдный другъ! еслибы я знала... какъ это случилось съ тобой?

Она усадила его, а сама сѣла къ нему на колѣни, потомъ обнявъ за шею и безпрестанно цѣлуя его въ усы, въ глаза, въ щеки, заставила разсказать, какъ съ нимъ случилась такая бѣда.

Онъ выдумалъ чувствительную исторію. Разсказалъ, что долженъ былъ помочь своему отцу въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Онъ отдалъ ему будто бы не только всѣ свои сбереженія, но и залѣзъ по уши въ долги. Онъ прибавилъ:

— Мнѣ придется теперь, по крайней мѣрѣ, полгода умирать съ голоду, потому что я истощилъ всѣ свои рессурсы. Что-жъ дѣлать, бываютъ въ жизни критическія минуты. Въ сущности деньги такая дрянь, что объ этомъ не стоитъ говорить.

Она шепнула ему на ухо:

— Я тебѣ дамъ взаймы, хочешь?

Онъ съ достоинствомъ отвѣчалъ:

— Ты очень добра, милочка, но не будемъ говорить объ этомъ, ты меня оскорбишь.

Она умолкла, потомъ сжавъ его въ объятіяхъ, пробормотала:

— Ты никогда не узнаешь, какъ я тебя люблю.

Никогда еще не была она такъ нѣжна съ нимъ, какъ въ этотъ вечеръ.

Прощаясь съ нимъ, она сказала, улыбаясь:—Гмъ! когда находишься въ твоемъ положеніи, то какъ пріятно найти какую-нибудь позабытую золотую монету, которая какъ-нибудь завалилась въ карманѣ или за подкладкой.

Онъ съ жаромъ отвѣчалъ:

— Да, это, конечно, пріятно.

Она непремѣнно пожелала вернуться домой пѣшкомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что луна очень хороша, и всю дорогу ею восхищалась.

Была холодная и ясная зимняя ночь. Прохожіе и лошади двигались быстро, подстрекаемые морозомъ. Каблуки стучали объ обледенѣлую землю.

Разставаясь съ нимъ, она спросила:

— Хочешь, чтобы мы свидѣлись послѣ-завтра?

— Да, разумѣется.

— Въ томъ же часу?

— Въ томъ же часу.

— Прощай, мой голубчикъ.

И они нѣжно поцѣловались.

Послѣ того, онъ вернулся къ себѣ, ломая голову надъ тѣмъ, что онъ сдѣлаетъ, чтобы выпутаться изъ бѣды. Но отворяя дверь своей комнаты, онъ порылся въ карманѣ жилета, чтобы взять оттуда спички, и былъ пораженъ удивленіемъ, найдя какую-то монету.

Освѣтивъ комнату, онъ поглядѣлъ на эту монету. То былъ двадцати-франковый луидоръ.

Онъ подумалъ, что съ ума сходитъ.

Онъ вертѣлъ въ рукахъ луидоръ, соображая, какимъ чудомъ эти деньги попали ему въ карманъ. Не могли же они, однако, свалиться съ неба.

Вдругъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло, и негодующій гнѣвъ проснулся въ немъ. Его любовница говорила про деньги, запавшія за подкладку жилета, и которыя пріятно было найти въ минуты безденежья. Она подала ему эту милостыню; какой стыдъ!

Онъ вслухъ выругался:—Хорошо, я ей задамъ послѣ-завтра.

И легъ спать, волнуемый злобой и униженіемъ.

Онъ поздно проснулся. Ему хотѣлось ѣсть. Онъ попытался снова заснуть, чтобы проспать до двухъ часовъ. Затѣмъ сказалъ себѣ:—Я немного выиграю отъ этого. Надо же мнѣ достать такъ или иначе денегъ.

Онъ вышелъ изъ дому, надѣясь, что какая-нибудь мысль осѣнитъ его на улицѣ.

Никакая мысль его не осѣнила, но проходя мимо ресторана, онъ каждый разъ чувствовалъ, что у него слюнки текутъ отъ голода.

Въ двѣнадцать часовъ, такъ какъ онъ еще не придумалъ, то вдругъ рѣшилъ:

— Ба! я позавтракаю на деньги Клотильды. Это не помѣшаетъ мнѣ ихъ отдать ей завтра.

Итакъ онъ позавтракалъ въ трактирѣ за два франка пятьдесятъ сантимовъ. Придя въ редакцію, онъ отдалъ три франка швейцару:—Вотъ, Фукаръ, возьмите ваши деньги, которыя вы вчера одолжили мнѣ на извозчика.

Онъ работалъ до семи часовъ. Потомъ пошелъ обѣдать и опять

истратилъ три франка: двѣ кружки пива вечеромъ, и въ итогѣ оказалось девять франковъ тридцать сантимовъ дневного расхода.

Но такъ какъ онъ не могъ найти денегъ или создать себѣ новые рессурсы въ двадцать-четыре часа, то занялъ еще шесть франковъ пятьдесятъ сантимовъ, изъ двадцати, которые долженъ былъ отдать въ тотъ же вечеръ, такъ что пришелъ на свиданіе съ четырьмя франками двадцатью сантимами въ карманѣ.

Онъ былъ золъ, какъ собака, и намѣревался тотчасъ же выяснить положеніе. Онъ скажетъ своей любовницѣ:

— Знаешь, я нашелъ двадцать франковъ, которые ты мнѣ положила въ карманъ; я ихъ тебѣ не возвращаю сегодня, потому что мое положеніе не перемѣнилось и я еще не успѣлъ устроить свои денежныя дѣла. Но я тебѣ ихъ возвращу въ слѣдующій же разъ, какъ мы увидимся.

Она пришла ласковая, внимательная и робкая. Какъ-то онъ ее встрѣтитъ? И долго цѣловала его, чтобы избѣжать объясненія въ первую минуту.

Съ своей стороны, онъ говорилъ себѣ:

— Успѣю еще заговорить объ этомъ. Надо половче приступить къ дѣлу.

И такъ какъ онъ не нашелъ ловкаго приступа, то ничего не сказалъ, не зная, какъ заговорить о такомъ щекотливомъ предметѣ. Она не предлагала идти гулять и была во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенно любезна.

Они разстались около полуночи, условившись свидѣться въ среду на будущей недѣлѣ, такъ какъ m-me де-Марель предстояло нѣсколько званыхъ обѣдовъ.

На слѣдующее утро, расплачиваясь за завтракъ, Дюруа увидѣлъ, что вмѣсто четырехъ остававшихся у него монетъ, оказывается пять и изъ нихъ одна золотая.

Въ первую минуту онъ подумалъ, что ему нечаянно сдали золотую монету, затѣмъ понялъ, въ чемъ дѣло, и у него сердце забилось отъ униженія, нанесеннаго ему этой упорной милостыней. Какъ онъ пожалѣлъ, что ничего не сказалъ вчера. Еслибы онъ высказался съ энергіей, то этого бы не случилось.

Въ продолженіе четырехъ дней онъ бѣгалъ, высуня языкъ и хлопоталъ неустанно, но совершенно безполезно, чтобы достать себѣ пять луидоровъ, и тѣмъ временемъ проѣлъ второй луидоръ Клотильды.

Не смотря на то, что онъ съ яростнымъ видомъ объявилъ ей:—Знаешь, чтобы этого больше не было. Не повторяй прошлыхъ шутокъ, а не то я разсержусь,—она ухитрилась сунуть ему

еще двадцать франковъ въ карманъ панталонъ въ первый же разъ, какъ они встрѣтились.

Когда онъ нашелъ ихъ, онъ сталъ отчаянно ругаться:—Сто тысячъ чертей,—и переложилъ ихъ въ карманъ жилета, чтобы имѣть подъ рукой, такъ какъ у него не было ни одного сантима.

Онъ успокоивалъ свою совѣсть такимъ разсужденіемъ:—Я ей отдамъ все за разъ. Въ сущности вѣдь это только заемъ.

Наконецъ, кассиръ газеты на его усиленныя просьбы согласился давать ему пять франковъ въ день. Этого было какъ разъ достаточно, чтобы быть сытымъ, но не достаточно, чтобы отдать шестьдесятъ франковъ. Между тѣмъ, такъ какъ Клотильда опять пустилась въ ночныя похожденія, то онъ кончилъ тѣмъ, что пересталъ негодовать на золотые, которые неизмѣнно находилъ въ одномъ изъ кармановъ, разъ даже нашелъ въ ботинкѣ, а другой разъ въ коробкѣ часовъ.

— Такъ какъ у ней есть прихоти, которыхъ онъ не имѣетъ возможности выполнить въ настоящее время, то вполнѣ естественно, чтобы она за нихъ платила, если не хочетъ безъ нихъ обойтись.—Онъ, впрочемъ, велъ строгій счетъ полученнымъ деньгамъ, чтобы возвратить ихъ со временемъ.

Разъ вечеромъ она сказала ему:—Повѣришь ли, что я никогда не была въ Folies-Bergères. Сведи меня туда пожалуйста.

Онъ колебался съ минуту, такъ какъ боялся встрѣтить Рашель. Но потомъ подумалъ:—Ну! вѣдь не женатъ же я на ней въ самомъ дѣлѣ! Если она меня увидитъ съ женщиной, то пойметъ, что не время со мной разговаривать. Къ тому же мы возьмемъ ложу.

Другая причина побуждала его также согласиться. Онъ былъ радъ случаю предложить m-me де-Марель ложу въ театрѣ, ничего не платя. Это было своего рода вознагражденіе.

Онъ оставилъ Клотильду сначала въ каретѣ, и пошелъ за ложей, чтобы она не видѣла, что онъ получаетъ ее даромъ; потомъ пошелъ за ней и они вошли, сопровождаемые поклонами контролеровъ. Корридоръ былъ биткомъ набитъ народомъ. Они съ трудомъ пробирались сквозь толпу мужчинъ и публичныхъ женщинъ. Наконецъ, они дошли до своей ложи и усѣлись между неподвижнымъ оркестромъ и оживленной галлереей.

Но m-me де-Марель совсѣмъ не смотрѣла на сцену; ее занимали женщины, расхаживавшія за ея спиной, и она безпрестанно оборачивалась, чтобы ихъ видѣть. Ей хотѣлось ощупать ихъ волосы, щеки, платье, чтобы узнать, что это за созданья.

Вдругъ она сказала:

— Тутъ есть одна толстая брюнетка, которая все время на насъ смотритъ; я сейчасъ думала, что она съ нами заговоритъ. Ты ее видѣлъ?

Онъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ты, должно быть, ошибаешься.

Но онъ давно уже ее замѣтилъ. То была Рашель, бродившая около нихъ съ досадой въ глазахъ и гнѣвными словами на губахъ.

Дюруа прошелъ совсѣмъ близко около нея по корридору, и она шепнула ему:—Здравствуй!—хитро подмигнувъ глазомъ, что означало:—Понимаю.

Но Дюруа не отвѣчалъ на эту любезность, опасаясь, что Клотильда замѣтитъ, и холодно прошелъ мимо, высоко задравъ голову, съ презрительной миной. Рашель, которую уже мучила безсознательная ревность, вернулась назадъ, снова прошла совсѣмъ близко отъ него и сказала уже громче:

— Здравствуй, Жоржъ.

Онъ опять ничего не отвѣчалъ. Тогда она захотѣла, во что бы то ни стало, чтобы онъ ее узналъ и поклонился ей, а потому безпрестанно возвращалась къ ложѣ, выжидая удобную минуту.

Какъ только она замѣтила, что m-me де-Марель на нее глядитъ, она тронула пальцемъ за плечо Дюруа и произнесла:

— Здравствуй, ты здоровъ?

Но онъ не обернулся.

Она продолжала:

— Ну, что-жъ, ты развѣ оглохъ съ четверга?

Онъ не отвѣчалъ и сидѣлъ съ такой презрительной миной, которая должна была показать ей, что онъ не хочетъ унизить себя разговоромъ съ ней.

Тогда она яростно засмѣялась и сказала:

— Ты, значитъ, онѣмилъ. Можетъ быть, твоя спутница откусила тебѣ языкъ.

Тогда у него вырвался гнѣвный жестъ и онъ раздраженнымъ голосомъ замѣтилъ:

— Какъ смѣете вы со мной разговаривать? Убирайтесь или я велю васъ арестовать.

Но тутъ она съ разъяренным взглядомъ, внѣ себя отъ злости, заорала во все горло:

— А, такъ ты вотъ какъ! Постой же, негодяй!.. Ты вздумалъ важничать, такъ постой! Я тебя угощу, какъ слѣдуетъ. Ты даже не кланяешься мнѣ, когда меня видишь!

Она долго бы еще кричала, но m-me де-Марель раскрыла

дверь ложи и бросилась бѣжать сквозь толпу, ища выхода. Дюруа бросился за ней, стараясь ее нагнать.

Тогда Рашель, видя, что они обратились въ бѣгство, завизжала съ торжествомъ:—Арестуйте ихъ! она украла у меня любовника.

Толпа захохотала. Два господина, ради шутки, удержали за плечи бѣглянку и хотѣли ее поцѣловать. Но Дюруа, настигнувъ ее, высвободилъ изъ ихъ рукъ и увлекъ на улицу.

Она бросилась въ пустой фіакръ, стоявшій у дверей заведенія. Онъ вскочилъ за нею и на вопросъ кучера:—Куда прикажете ѣхать, bourgeois?—отвѣчалъ:—Куда хотите.

Карета тихо покатилась впередъ. Клотильда въ нервномъ припадкѣ задыхалась, закрывъ лицо руками, и Дюруа не зналъ, что сдѣлать и что сказать.

Наконецъ, слыша, что она плачетъ, онъ пробормоталъ:

— Послушай, Кло, милая моя Кло, позволь мнѣ объяснить тебѣ. Я не виноватъ... я зналъ эту женщину раньше... въ первое время пріѣзда въ Парижъ.

Она вдругъ отвела руки отъ лица и съ бѣшенствомъ влюбленной и обманутой женщины, прерывисто заговорила:

— Ахъ, негодяй!... какой позоръ... Ахъ, Боже мой! какой позоръ!

И все она сильнѣе и сильнѣе раздражалась по мѣрѣ того, какъ мысли прояснялись у нея въ головѣ:

— Ты ей платилъ моими деньгами, не правда ли? А я-то ему давала деньги для этой женщины... Ахъ! какой негодяй!

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, она какъ-будто искала болѣе энергичнаго и обиднаго слова, наконецъ, вдругъ, точно плюнула:

— Охъ! свинья... ты платилъ ей моими деньгами...

Она не находила другого слова и повторяла его.

Вдругъ она высунулась изъ дверцы, велѣла кучеру остановиться и выскочила на мостовую.

Онъ хотѣлъ за ней послѣдовать, но она закричала:

— Я запрещаю тебѣ выходить изъ экипажа,—такъ громко, что прохожіе остановились около нихъ и Дюруа, изъ опасенія скандала, повиновался. Тогда она вынула кошелекъ, поискала мелочи при свѣтѣ фонаря, и вынувъ два франка пятьдесятъ сантимовъ, положила ихъ въ руку кучера, говоря ему звонкимъ голосомъ:

— Вотъ... возьмите ваши деньги... я плачу, и отвезите этого негодяя въ улицу Брошакъ, въ Батиньолѣ, нумеръ 21 дома.

Въ собравшейся вокругъ нихъ публикѣ послышался смѣхъ. Какой-то господинъ проговорилъ:—Браво, голубушка!—а уличный мальчишка, просунувши голову въ дверцу кареты, закричалъ:

— Bonsoir, Bibi!

Послѣ этого карета покатилась, сопровождаемая хохотомъ публики.

VI.

Жоржъ Дюруа проснулся на другое утро съ тяжелымъ сердцемъ.

Онъ медленно одѣлся, потомъ сѣлъ у окна и задумался. Онъ чувствовалъ во всемъ тѣлѣ ломъ, точно наканунѣ его всего избили палками. Наконецъ, необходимость найти денегъ вызвала его изъ апатіи и онъ прежде всего отправился къ Форестье.

Пріятель принялъ его въ кабинетѣ, грѣя ноги у камина.

— Чего ты такъ рано поднялся сегодня?

— Я пришелъ по важному дѣлу; мнѣ надо уплатить долгъ чести.

— Карточный?

Онъ колебался съ минуту, потомъ пробормоталъ:—Да, карточный.

— Какъ великъ долгъ?

— Триста франковъ.

Онъ былъ долженъ всего лишь двѣсти восемьдесятъ.

Скептикъ Форестье спросилъ:

— А кому ты долженъ?

Дюруа не могъ сразу отвѣтить:

— Одному... одному господину... его фамилія де-Карлевилль.

— Ахъ!.. А гдѣ онъ живетъ?

Въ улицѣ... улицѣ...

Форестье засмѣялся:—Въ улицѣ: не любо не слушай, а врать не мѣшай? Знаю, знаю этого господина, мой милый! Хочешь двадцать франковъ, столько-то я могу тебѣ дать!

Дюруа взялъ золотой, и пошелъ по всѣмъ знакомымъ и къ пяти часамъ собралъ восемьдесятъ франковъ...

Такъ какъ ему требовалось еще двѣсти, то онъ махнулъ рукой и рѣшилъ оставить собранныя деньги у себя въ карманѣ, пробормотавъ:

— Вотъ еще стоитъ портить себѣ кровь изъ-за этой дряни. Я уплачу ей, когда у меня будутъ деньги.

Въ продолженіе двухъ недѣль онъ велъ экономную, аккуратную,

цѣломудренную жизнь, составляя въ умѣ самые благоразумные планы. Потомъ вдругъ въ немъ проснулось страстное желаніе любви. Ему казалось, что онъ уже долгіе годы не обнималъ ни одной женщины.

И вотъ въ одинъ прекрасный вечеръ, отправился въ „Folies-Bergères", въ надеждѣ встрѣтиться съ Рашель.

Онъ дѣйствительно увидѣлъ ее у входа, такъ какъ она вѣчно торчала въ этомъ заведеніи.

Онъ съ улыбкой подошелъ и протянулъ ей руку. Но она оглядѣла его съ ногъ до головы:—Что вамъ отъ меня нужно?

Онъ попытался обратить все въ шутку:

— Ну, полно дуться.

Она повернулась къ нему спиной, говоря:—Я не вожу знакомства съ продажными мужчинами.

Она придумала самое грубое оскорбленіе. Онъ почувствовалъ, какъ кровь бросилась ему въ лицо, и вернулся домой одинъ.

Форестье, больной, ослабѣвшій, вѣчно кашлявшій, устраивалъ ему адскую жизнь въ редакціи и какъ будто нарочно придумывалъ для него самыя несносныя порученія. Разъ даже въ минуту раздраженія, послѣ продолжительнаго припадка кашля, онъ прорычалъ: — Чортъ побери! ты глупѣе, нежели я думалъ.—И это потому, что Дюруа не доставилъ ему какую-то справку.

Тотъ чуть не отдулъ его по щекамъ, но удержался и ушелъ, пробормотавъ:

— Постой же, я тебѣ отплачу.—Бѣглая мысль мелькнула у него въ головѣ. На слѣдующій же день онъ вознамѣрился привести въ исполненіе свое намѣреніе и отправился съ визитомъ къ m-me Форестье, для рекогносцировки.

Она читала книгу, лежа на диванѣ, и протянувъ ему руку, не перемѣняя позы, сказала:

— Здравствуйте, милый другъ!

На него это произвело такое впечатлѣніе, точно ему дали пощечину:

— Отчего вы меня такъ называете?

Она отвѣчала, улыбаясь:

— Я видѣла на прошлой недѣлѣ m-me де-Марель и узнала, какъ васъ у нея окрестили.

Его успокоилъ любезный тонъ молодой женщины. Да и чего же въ сущности онъ могъ бояться?

Она продолжала:

— Вы ее балуете! а что касается меня, то ко мнѣ приходятъ послѣ дождика въ четвергъ, въ сухую пятницу.

Онъ сѣлъ возлѣ молодой женщины и съ новымъ любопытствомъ глядѣлъ на нее,—съ любопытствомъ любителя, собирающаго рѣдкости.

Она была очень мила; такая бѣленькая и нѣжная. Ее хотѣлось приласкать. Онъ подумалъ: она лучше той, и не сомнѣвался въ успѣхѣ. Онъ былъ увѣренъ, что ему стоитъ только протянуть руку и взять ее, какъ срываютъ съ дерева плодъ.

Онъ съ рѣшимостью произнесъ:

— Я не приходилъ къ вамъ, потому что такъ лучше.

Она спросила, не понявъ его:

— Какъ такъ? почему?

— Почему? вы не угадываете?

— Нѣтъ.

— Потому что я влюбленъ въ васъ... о! немножко, только немножко... и не хочу, чтобы это чувство во мнѣ развилось.

Она не казалась ни удивленной, ни оскорбленной, ни польщенной; она продолжалъ улыбаться той же равнодушной улыбкой и спокойно сказала:

— О! это ничего не значитъ, приходите. Въ меня никто долго не бываетъ влюбленъ.

Тонъ удивилъ его еще болѣе, нежели слова, и онъ спросилъ:

— Почему?

— Потому что это безполезно и я съ разу даю это понять. Еслибы вы раньше сказали мнѣ, чего вы боитесь, я бы васъ успокоила и пригласила приходить какъ можно чаще.

Онъ произнесъ патетическимъ тономъ:

— Точно можно владѣть своими чувствами.

Она повернулась къ нему:

— Мой милый другъ, по моему влюбленнаго мужчину слѣдуетъ вычеркивать изъ списка живыхъ людей. Онъ становится идіотомъ, и мало того: опаснымъ идіотомъ. Я прекращаю всякое знакомство съ людьми, которые меня любятъ, во-первыхъ, потому, что они мнѣ надоѣдаютъ, а во-вторыхъ, потому, что они мнѣ становятся подозрительны, какъ бѣшеная собака. Поэтому я подвергаю ихъ нравственному карантину до тѣхъ поръ, пока болѣзнь не пройдетъ у нихъ. Не забывайте этого. Я хорошо знаю, что для васъ любовь есть ничто иное какъ физическій аппетитъ, а для меня она... ну какъ бы сказать, союзъ душъ, а это вовсе не входитъ въ религію любви мужчинъ. Вы понимаете только букву любви, но не духъ. Но... поглядите мнѣ пристально въ лицо...

Она не улыбалась больше и лицо у ней было холодно и спокойно, и она продолжала, напирая на каждое слово:

— Я никогда, никогда не буду вашей любовницей, слышите... Поэтому совершенно безполезно и было бы даже опасно для васъ упорствовать въ этомъ желаніи. А теперь... когда операція сдѣлана, хотите быть моимъ другомъ, но, понимаете, истиннымъ другомъ, безъ всякой задней мысли...

Онъ понялъ, что всякая попытка будетъ безплодна передъ такимъ безапелляціоннымъ рѣшеніемъ. И тотчасъ же примирился съ этимъ, вполнѣ искренно радуясь, что находитъ себѣ опору въ жизни, и протянулъ ей обѣ руки, говоря:

— Я вашъ на тѣхъ условіяхъ, какія вамъ угодно будетъ установить.

Она почувствовала искренность въ голосѣ и подала свои руки.

Онъ поцѣловалъ ихъ одну послѣ другой и сказалъ совсѣмъ просто:

— Ахъ! еслибъ я когда-нибудь встрѣтилъ такую женщину, какъ вы, съ какой радостью я бы на ней женился.

На этотъ разъ она была тронута, какъ бываютъ тронуты женщины, когда похвала найдетъ доступъ къ ихъ сердцу. Она бросила на него одинъ изъ тѣхъ быстрыхъ и благодарныхъ взглядовъ, которые дѣлаютъ насъ рабами женщинъ.

И такъ какъ онъ не находилъ, что̀ ей сказать послѣ этого, то она сказала мягкимъ голосомъ, дотронувшись пальцемъ до рукава его сюртука:

— И я немедленно приступлю къ выполненію своихъ дружескихъ обязанностей. Вы неловки, mon cher...

И помолчавъ, спросила:

— Могу я говорить совершенно свободно?

— Да.

— Вполнѣ?

— Разумѣется.

— Ну такъ сдѣлайте визитъ m-me Вальтеръ, которая очень высоко васъ цѣнитъ, и постарайтесь ей понравиться. Ваши комплименты тамъ будутъ у мѣста, хотя она честная женщина, слышите ли, вполнѣ честная. О! тутъ тоже отложите всякія попеченія на счетъ амуровъ. Но вы найдете нѣчто лучшее, если съумѣете понравиться. Я знаю, что вы еще занимаете въ газетѣ ничтожное мѣсто. Но не бойтесь; они одинаково привѣтливо принимаютъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ. Отправляйтесь туда, повѣрьте мнѣ.

Онъ отвѣчалъ, улыбаясь:

— Благодарю; вы—ангелъ... ангелъ-хранитель.

Послѣ этого они заговорили о томъ и о семъ.

Онъ долго оставался у нея, желая доказать, что ему пріятно быть съ нею, и уходя, еще разъ спросилъ:

— Значитъ, рѣшено, мы друзья?

— Рѣшено.

Такъ какъ онъ понялъ, какой эффектъ произвелъ его послѣдній комплиментъ, то подчеркнулъ его, говоря:

— И если вы овдовѣете, то прошу занести меня въ списки...

И поскорѣе убѣжалъ, чтобы не дать ей время разсердиться.

Визитъ къ m-me Вальтеръ нѣсколько затруднялъ Дюруа, потому что она его не приглашала къ себѣ и онъ не хотѣлъ поступить безтактно. Хозяинъ былъ съ нимъ ласковъ, цѣнилъ его услуги, обращался къ нему предпочтительно въ затруднительныхъ случаяхъ,—почему же не воспользоваться его благосклонностью, чтобы проникнуть въ домъ.

И такъ, въ одинъ прекрасный день, вставъ пораньше поутру, онъ отправился на рынокъ въ тотъ моментъ, когда туда привозятъ припасы, купилъ штукъ двадцать великолѣпнѣйшихъ грушъ, старательно уложилъ ихъ въ корзинку, такъ какъ будто бы онѣ были присланы издалека, и снесъ къ привратнику хозяйки вмѣстѣ съ своей карточкой, на которой написалъ:

„Жоржъ Дюруа почтительнѣйше проситъ m-me Вальтеръ принять эти фрукты, полученные имъ сегодня поутру изъ Нормандіи“.

На другой день онъ нашелъ въ своемъ ящикѣ для писемъ въ редакціи конвертъ, въ которомъ заключалась визитная карточка m-me Вальтеръ: она очень благодарила его и сообщала, что принимаетъ по субботамъ.

Въ слѣдующую субботу онъ отправился къ Вальтеръ, которые жили на бульварѣ Малербъ въ собственномъ домѣ; часть его они занимали сами, а другую, какъ и подобаетъ практическимъ людямъ, отдавали въ наемъ. Швейцаръ отворялъ дверь, ведущую къ домовладѣльцу, и ту, которая вела къ жильцамъ, и придавалъ большую важность подъѣзду своей парадной ливреей съ золотыми пуговицами и красными отворотами.

Пріемныя комнаты расположены были въ первомъ этажѣ и въ нихъ вела передняя, обтянутая вышитыми обоями и увѣшанная портьерами. Три лакея дремали на скамьяхъ. Одинъ изъ нихъ взялъ пальто Дюруа, другой его тросточку, а третій отворилъ дверь и опередилъ на нѣсколько шаговъ посѣтителя, затѣмъ пропустилъ его впередъ, прокричавъ его имя въ пустую залу.

Молодой человѣкъ въ замѣшательствѣ оглядѣлся кругомъ, и

наконецъ, увидѣлъ въ зеркалѣ людей, которые сидѣли и, казалось, были очень далеко. Сначала онъ пошелъ-было не туда, такъ какъ зеркало сбило его съ толку, но потомъ прошелъ еще двѣ пустыхъ гостиныхъ и достигъ, наконецъ, небольшого будуара, обтянутаго голубымъ шелкомъ съ золотыми пуговицами, гдѣ четыре дамы разговаривали вполголоса вокругъ круглаго стола, на которомъ стояли чашки чая. Не смотря на самоувѣренность, развившуюся въ немъ благодаря парижской жизни, а главное, репортерскому ремеслу, приводившему его безпрерывно въ соприкосновеніе съ разными особами, Дюруа былъ смущенъ великолѣпіемъ обстановки и рядомъ пустыхъ комнатъ, черезъ которыя ему пришлось идти.

Онъ пробормоталъ:—Сударыня, я взялъ смѣлость...—ища глазами хозяйку дома.

Она протянула ему руку. Онъ пожалъ ее, низко кланяясь, а она сказала ему:—Вы очень любезны, что пришли ко мнѣ въ гости,—и указала ему кресло, куда онъ, не разсчитавъ его высоту, скорѣе упалъ, нежели сѣлъ.

Воцарилось минутное молчаніе. Но затѣмъ одна изъ дамъ продолжала разговоръ. Говорили о холодѣ, который давалъ себя знать, но не былъ, однако, настолько силенъ, чтобы остановить развитіе тифа и дать возможность кататься на конькахъ. Каждая высказывала свое мнѣніе на этотъ счетъ, затѣмъ объясняла, какое время года она предпочитаетъ, мотивируя тѣми банальными причинами, которыя гнѣздятся въ умахъ, какъ пыль въ комнатахъ.

Легкій стукъ двери заставилъ Дюруа оглянуться, и онъ увидѣлъ въ трехъ зеркалахъ толстую даму, направлявшуюся въ будуаръ. Какъ только она въ него вошла, одна изъ посѣтительницъ встала, пожала руки и ушла; молодой человѣкъ провожалъ глазами въ зеркалѣ ея черную спину, на которой блестѣлъ стеклярусъ.

Когда успокоилось легкое волненіе, произведенное перемѣщеніемъ лицъ, присутствующія вдругъ заговорили о восточномъ вопросѣ и о войнѣ въ Китаѣ, а также и о затрудненіяхъ Англіи въ Африкѣ.

Дамы обсуждали эти вопросы безъ запинки, точно играли свѣтскую комедію, давнымъ давно затверженную и часто повторяемую.

Вошла новая дама, на этотъ разъ маленькая блондинка съ завитыми волосами, и ея появленіе вызвало отступленіе высокой худой женщины, среднихъ лѣтъ.

Заговорили о шансахъ г-на Лине попасть въ академію. Вновь прибывшая была твердо увѣрена, что онъ будетъ побѣжденъ Ка-

банономъ Леба̀, авторомъ превосходной передѣлки въ стихахъ Донъ-Кихота для французской сцены.

— Вы знаете, что ее будутъ играть въ Одеонѣ будущей зимой.

— Ахъ! въ самомъ дѣлѣ. Я непремѣнно отправлюсь смотрѣть это безусловно литературное произведеніе.

M-me Вальтеръ отвѣчала любезно, но спокойно и равнодушно и безъ малѣйшей запинки, точно ея мнѣніе обо всемъ рѣшительно было составлено заранѣе.

Замѣтивъ, что становилось темно, она позвонила и велѣла принести лампы, не прерывая разговора, который текъ точно ручеекъ, и думая въ то же время, что она забыла заѣхать къ граверу заказать пригласительные билеты для будущаго обѣда.

Она была слишкомъ полна, еще красива и находилась въ томъ опасномъ возрастѣ, когда старость уже на носу. Она еще поддерживала свою внѣшность, благодаря неусыпнымъ заботамъ, всяческимъ предосторожностямъ и гигіеническому уходу за своимъ лицомъ. Она казалась во всѣхъ отношеніяхъ разсудительной, умѣренной, благоразумной женщиной, одной изъ тѣхъ, у которыхъ умъ такой же прямолинейный, какъ аллеи французскаго сада. Въ немъ гуляешь безъ сюрпризовъ, но не безъ пріятности. У ней было много здраваго смысла и онъ замѣнялъ ей фантазію, доброту и преданность, и какое-то спокойное доброжелательство ко всѣмъ и ко всему.

Она замѣтила, что Дюруа молчитъ, что съ нимъ никто не заговариваетъ и что ему какъ будто неловко; такъ какъ дамы все еще толковали объ академіи, потому что эта излюбленная тэма всегда поглощаетъ ихъ вниманіе, она спросила: — Но вы, m-r Дюруа, должны лучше, чѣмъ кто-нибудь, знать, въ какомъ положеніи находится это дѣло? На чьей сторонѣ ваши симпатіи?

Онъ отвѣчалъ безъ колебанія:

— Въ этомъ вопросѣ я никогда бы не принималъ въ разсчетъ взаимныя достоинства—всегда болѣе или менѣе сомнительныя—кандидатовъ, но ихъ возрастъ и ихъ здоровье. Я бы спрашивалъ не о томъ, что̀ они написали, но о томъ, чѣмъ они больны; я бы не сталъ допытываться, переводили ли они Лопе де-Вегу, но непремѣнно освѣдомился бы, въ какомъ состояніи ихъ печень, ихъ сердце, почки и спинной мозгъ. Для меня водяная или сахарная болѣзнь или что-нибудь еще въ этомъ родѣ были бы въ сто разъ лучше, нежели сорокъ томовъ разсужденій о томъ, какъ понимается идея отечества въ варварійской поэзіи.

Удивленное молчаніе послѣдовало за этими словами.

M-me Вальтеръ, улыбаясь, спросила:

— Но почему же?

Онъ отвѣчалъ:

— Потому что во всемъ и всегда я вижу одно: удовольствіе, какое вещь можетъ доставить женщинамъ. Между тѣмъ, академія интересуетъ женщинъ только тогда, когда какой-нибудь академикъ умираетъ. Чѣмъ больше ихъ умираетъ, тѣмъ вамъ должно быть пріятнѣе, mesdames, но чтобы они скорѣе умирали, надо назначать ихъ старыми и больными.

Такъ какъ присутствующія все еще не могли отдѣлаться отъ нѣкотораго удивленія, онъ прибавилъ:

— Впрочемъ, я, какъ и вы, всегда очень интересуюсь извѣстіемъ въ парижскихъ газетахъ о смерти какого-нибудь академика. Я спрашиваю себя: кто его замѣнитъ, и выставляю своихъ кандидатовъ. Это тоже игра, невинная игра, въ которую играютъ въ парижскихъ салонахъ вслѣдъ за смертью кого-нибудь изъ безсмертныхъ.

Дамы, все еще нѣсколько сбитыя съ толку, улыбнулись, однако, до такой степени замѣчаніе его было вѣрно.

Онъ заключилъ, вставая:

— Вы выбираете академиковъ, mesdames, и вы выбираете ихъ только затѣмъ, чтобы видѣть, какъ они умираютъ. Поэтому выбирайте ихъ всегда какъ можно старше и ни о чемъ другомъ не заботьтесь.

Послѣ этого удалился съ большимъ эффектомъ.

Когда онъ ушелъ, одна изъ дамъ сказала:—Онъ очень забавенъ, этотъ господинъ! Кто онъ такой?

M-me Вальтеръ отвѣчала:

— Одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ. Онъ еще не выдвинулся въ первые ряды журналистики, но я увѣрена, что онъ пойдетъ далеко.

Дюруа шагалъ по бульвару Малербъ, чуть не подпрыгивая, довольный своимъ отступленіемъ, и бормоталъ:—Ловкій выходъ!

Онъ помирился съ Рашель въ этотъ вечеръ.

Слѣдующая недѣля принесла ему два событія: онъ былъ назначенъ главнымъ редакторомъ отдѣла „Des Echos“ и приглашенъ къ обѣду m-me Вальтеръ. Онъ тотчасъ же усмотрѣлъ связь между тѣмъ и другимъ.

„La Vie Française“ была прежде всего денежнымъ органомъ, такъ какъ хозяинъ его былъ денежный человѣкъ, для котораго печать и палата депутатовъ служили рычагами. Избравъ себѣ добродушіе орудіемъ, онъ постоянно носилъ улыбающуюся маску

добряка, но въ дѣло употреблялъ только такихъ людей, которыхъ испыталъ и раскусилъ, и считалъ ихъ хитрыми, смѣлыми и покладливыми.

Дюруа, назначенный редакторомъ отдѣла „Des Echos“, казался ему ловкимъ малымъ.

До сихъ поръ этимъ отдѣломъ завѣдывалъ секретарь редакціи, Буаренаръ, старый журналистъ, приличный, аккуратный и щепетильный, какъ чиновникъ. Въ продолженіе тридцати лѣтъ онъ былъ секретаремъ редакціи одиннадцати различныхъ журналовъ, оставаясь неизмѣннымъ въ своихъ взглядахъ и дѣйствіяхъ. Онъ переходилъ изъ одной редакціи въ другую, какъ перемѣняютъ ресторанъ, не замѣчая даже, что есть разница въ кухнѣ. Политическія и религіозныя мнѣнія его не касались. Онъ былъ преданъ журналу, каковъ бы онъ ни былъ, былъ толковый и неоцѣненный работникъ, благодаря своему опыту. Онъ работалъ какъ слѣпой, который ничего не видитъ, какъ глухой, который ничего не слышитъ, и какъ нѣмой, который ни о чемъ не говоритъ.

При всемъ томъ у него была большая профессіональная честность и онъ ни за что не согласился бы на такую вещь, какую считалъ неблаговидной или неправильной съ точки зрѣнія своего ремесла.

Вальтеръ, очень дорожившій имъ, тѣмъ не менѣе желалъ бы кого другого въ редакторы отдѣла слуховъ, которые, говаривалъ онъ, составляютъ краеугольный камень газеты. Черезъ нихъ пускаешь въ ходъ новости, слухи, дѣйствуешь на публику и на ренту. Между двумя отчетами о свѣтскихъ вечерахъ слѣдуетъ какъ бы невзначай помѣстить важное извѣстіе, какъ будто не придавая ему никакого значенія.

Надо намеками дать отгадать то, чтó желаешь опровергнуть, но такъ, чтобы слухъ только подтвердился этимъ опроверженіемъ, или же, наоборотъ, утверждать что-нибудь такъ, чтобы никто этому не повѣрилъ. Надо, чтобы въ отдѣлѣ слуховъ каждый находилъ ежедневно по крайней мѣрѣ хоть одну интересную для себя строчку, чтобы всѣ ихъ читали. Надо думать обо всѣхъ и обо всемъ, обо всѣхъ сословіяхъ, профессіяхъ, кружкахъ, о Парижѣ и о провинціи, объ арміи и о живописцахъ, о духовенствѣ, объ университетѣ, о судьяхъ и о куртизанкахъ. Человѣкъ, завѣдующій этимъ отдѣломъ и командующій батальономъ репортеровъ, долженъ быть всегда на-сторожѣ, недовѣрчивъ, проницателенъ, хитеръ, ловокъ, пронырливъ и имѣть такой нюхъ, чтобы тотчасъ же отличить вѣрный слухъ отъ невѣрнаго и всегда знать, чтó слѣдуетъ сказать и о чемъ умолчать. И при томъ умѣть такъ

приподнесть публикѣ любое извѣстіе, чтобы впечатлѣніе отъ него получилось самое разностороннее. Буаренару, за которымъ былъ большой опытъ, не хватало ловкости и шику, а главное — той врожденной хитрости, какая требуется, чтобы ежедневно угадывать тайныя мысли хозяина. Дюруа долженъ былъ въ совершенствѣ исполнять это дѣло и назначеніе его превосходно дополняло редакцію этого журнала, „прохаживавшагося по государственнымъ фондамъ и политическимъ трущобамъ", какъ выражался Норберъ де-Вареннъ.

Вдохновителями и настоящими редакторами „Vie Française" были человѣкъ пять-шесть депутатовъ, заинтересованныхъ во всѣхъ спекуляціяхъ издателя. Ихъ называли въ палатѣ „бандой Вальтера" и имъ завидовали, потому что они должны были наживать деньгу вмѣстѣ съ нимъ и черезъ него.

Форестье, редакторъ политическаго отдѣла, былъ просто-напросто подставнымъ лицомъ, за которымъ скрывались вышеназванные дѣловые люди, и исполнялъ то, что̀ они ему внушали. Они подсказывали ему тѣ передовыя статьи, которыя онъ всегда ходилъ писать къ себѣ на квартиру, чтобы ему не мѣшали, объяснялъ онъ.

Но чтобы придать литературный характеръ и парижскую окраску газетѣ, къ ней прикомандировали двухъ знаменитыхъ писателей, хотя и въ разномъ родѣ: Жака Риваля, хроникера текущей жизни, и Норбера де-Вареннъ, поэта и фантастическаго хроникера или, вѣрнѣе сказать, разсказчика въ духѣ новой школы.

Кромѣ этого, нашли за дешевую цѣну критиковъ по отдѣлу искусствъ, живописи, музыки и театра, редактора-криминалиста и другого для спорта, изъ многочисленной орды писателей на всѣ руки.

Двѣ свѣтскихъ женщины: „Розовое Домино" и „Бѣлая Лапка", доставляли статьи о свѣтской жизни, трактовали о модахъ, о свѣтскомъ этикетѣ и передавали различныя сплетни о свѣтскихъ женщинахъ.

И такимъ образомъ „Vie Française" прохаживалась по государственнымъ фондамъ и политическимъ трущобамъ", подъ руководствомъ всѣхъ этихъ разнузданныхъ лицъ.

Дюруа еще не опомнился отъ радости о своемъ назначеніи редакторомъ отдѣла слуховъ, когда получилъ маленькій билетикъ, на которомъ были награвированы слѣдующія слова: — Господинъ и госпожа Вальтеръ просятъ господина Жоржа Дюруа сдѣлать имъ удовольствіе отобѣдать у нихъ въ четвергъ, двадцатаго января.

Эта новая благостыня, свалившаяся вслѣдъ за другой, на-

полнила его такой радостью, что онъ поцѣловалъ пригласительный билетъ, точно это было любовное посланіе.

Потомъ онъ отправился къ кассиру толковать о важномъ вопросѣ—о гонорарѣ.

Редактору отдѣла слуховъ обыкновенно назначается извѣстный бюджетъ, изъ котораго онъ платитъ своимъ репортерамъ за хорошія и дурныя извѣстія, приносимыя тѣмъ или другимъ, подобно тому какъ садовники приносятъ свои плоды торговцу ранними фруктами.

Для начала Дюруа назначено было тысячу двѣсти франковъ въ мѣсяцъ, изъ которыхъ онъ располагалъ удержать въ свою пользу львиную долю.

Кассиръ, вслѣдствіе его упорныхъ настояній, далъ ему впередъ четыреста франковъ, и первымъ его движеніемъ было отослать m-me Марель двѣсти восемьдесятъ франковъ, которые онъ ей былъ долженъ, но онъ тутъ же сообразилъ, что у него останется всего на все сто двадцать франковъ,—сумма, слишкомъ ничтожная, чтобы устроить какъ слѣдуетъ свой новый отдѣлъ, и онъ рѣшилъ отложить эту уплату до дальнѣйшаго времени.

Въ продолженіе двухъ дней онъ устраивался на новосельѣ, такъ какъ наслѣдовалъ особый столъ и этажерку для писемъ въ большой комнатѣ, гдѣ работали всѣ сотрудники. Онъ занималъ одинъ конецъ въ этой комнатѣ, тогда какъ Буаренаръ, бѣлые волосы котораго постоянно свѣшивались надъ листомъ бумаги, занимался на другомъ.

Длинный столъ въ серединѣ принадлежалъ случайнымъ сотрудникамъ. Обыкновенно онъ служилъ скамьей, на которой усаживались сотрудники, по краямъ свѣсивъ ноги, или же на срединѣ по-турецки. Иногда случалось, что пятеро или шестеро изъ этихъ господъ возсѣдали такимъ образомъ въ позѣ китайскихъ идоловъ и упорно играли въ бильбоке́.

Дюруа кончилъ тѣмъ, что пристрастился къ этому развлеченію и пріобрѣталъ въ немъ мало-по-малу довольно большое мастерство подъ руководствомъ и благодаря совѣтамъ Сенъ-Порна. Форестье, здоровье котораго все ухудшалось, довѣрилъ ему свое красивое новое бильбоке́, которое стало для него слишкомъ тяжело, и Дюруа сильной рукой бросалъ его большой шаръ, шопотомъ считая:—разъ, два, три, четыре, пять, шесть.

Ему удалось въ первый же разъ дойти до двадцати points сряду въ тотъ самый день, когда ему предстояло обѣдать у m-me Вальтеръ. „Счастливый день“, подумалъ онъ, „мнѣ все удается,

такъ какъ искусство въ игрѣ въ бильбоке́ давало нѣкоторый почетъ въ редакціи „Vie-Française".

Онъ рано вышелъ изъ редакціи, чтобы успѣть переодѣться, и шелъ по Лондонской улицѣ, какъ вдругъ увидѣлъ передъ собой маленькую женщину, походившую по виду на m-me де-Марель. Онъ почувствовалъ, что кровь бросилась ему въ лицо, и сердце его забилось. Онъ перешелъ черезъ улицу, чтобы поглядѣть на нее въ профиль. Она остановилась, собираясь тоже переходить на другую сторону. Онъ увидѣлъ, что ошибся и вздохнулъ свободнѣе.

Онъ часто себя спрашивалъ: какъ ему слѣдуетъ вести себя, встрѣтившись съ ней лицомъ къ лицу. Поклониться ей или сдѣлать видъ, что ее не видитъ?

„Я съ ней не встрѣчусь", думалъ онъ. Было холодно, застывшія лужи на улицахъ покрыты были ледяной корой; тротуары сухи и казались сѣрыми при свѣтѣ газа.

Когда молодой человѣкъ вошелъ къ себѣ, онъ подумалъ: „Надо будетъ мнѣ перемѣнить квартиру; эта для меня болѣе не годится".

Онъ чувствовалъ себя нервно возбужденнымъ и веселымъ, готовъ былъ ходить на головѣ и повторялъ вслухъ, переходя отъ кровати къ окну:

„Это фортуна идетъ ко мнѣ! Это фортуна идетъ ко мнѣ! Надо написать папашѣ".

Время отъ времени онъ писалъ отцу и письмо его всегда было великой радостью въ нормандскомъ кабачкѣ, у края большой дороги, на холмѣ, господствующемъ надъ Руаномъ и обширной долиной Сены.

Время отъ времени также онъ получалъ синій конвертъ, адресъ на которомъ написанъ былъ крупнымъ и дрожащимъ почеркомъ, и читалъ неизмѣнныхъ двѣ строчки, которыми всегда начинались родительскія посланія:

„Любезный сынъ, симъ извѣщаемъ тебя, что мы живы и здоровы, твоя мать и я. Ничего новаго въ околодкѣ не случилось. Сообщу тебѣ однако"...

И въ душѣ у него сохранился интересъ къ дѣламъ своего села, къ вѣстямъ о сосѣдяхъ, о состояніи земель и жатвы. Онъ повторялъ, завязывая бѣлый галстухъ передъ маленькимъ зеркальцемъ:—Надо будетъ написать папашѣ завтра же. Еслибы онъ увидѣлъ сегодня вечеромъ, въ какой домъ я отправляюсь въ гости, вотъ-то былъ бы ошеломленъ! Чортъ побери! Я сейчасъ буду ѣсть такой обѣдъ, какого онъ въ жизнь свою не готовилъ!

И вдругъ ему представилась отцовская кухня, помѣщавшаяся за пустой столовой кафé; ему видѣлись кострюльки, сверкавшія вдоль стѣнъ, кошка передъ очагомъ, уткнувшая носъ въ золу, въ позѣ прикурнувшей Химеры, деревянный столъ, залоснившійся отъ времени и пролитыхъ кушаньевъ, суповая чаша, дымящаяся по срединѣ и зажженная сальная свѣча между двумя приборами.

И онъ увидѣлъ также мужа и жену, отца и мать, простыхъ мужика и бабу, медленно и осторожно ѣвшихъ супъ. Онъ хорошо зналъ всѣ складочки на ихъ старыхъ лицахъ, всѣ движенія ихъ рукъ и головы. Онъ зналъ даже то, что они говорили другъ другу каждый вечеръ, ужиная напротивъ другъ друга.

Онъ подумалъ еще: „Надо будетъ однако побывать у нихъ".

Но такъ какъ туалетъ его былъ оконченъ, то онъ потушилъ свѣчку и сошелъ внизъ по лѣстницѣ.

Когда онъ проходилъ по наружному бульвару, къ нему подходили уличныя женщины, но онъ отвѣчалъ, отбиваясь отъ нихъ: —Убирайтесь прочь,—съ такимъ презрѣніемъ, какъ еслибы онѣ оскорбили его... Въ самомъ дѣлѣ, за кого онѣ принимали его? Неужели эти уличныя потаскушки не умѣютъ различать людей?

Сознаніе, что онъ во фракѣ отправляется обѣдать къ очень извѣстнымъ и очень значительнымъ лицамъ, заставляло его чувствовать себя какимъ-то другимъ, новымъ человѣкомъ, свѣтскимъ франтомъ, человѣкомъ большого свѣта.

Онъ съ увѣренностью вошелъ въ переднюю, освѣщенную двумя бронзовыми канделябрами, и непринужденнымъ жестомъ подалъ свое пальто и тросточку въ руки двухъ лакеевъ, подошедшихъ къ нему.

Всѣ салоны были ярко освѣщены. M-me Вальтеръ принимала во второмъ, самомъ обширномъ. Она встрѣтила Дюруа очаровательной улыбкой, и онъ пожалъ руки двумъ мужчинамъ, прибывшимъ раньше его: гг. Фирменъ и Ларошъ-Раво, депутатамъ, анонимнымъ сотрудникамъ „Vie Française". Фирменъ пользовался особымъ авторитетомъ въ газетѣ, благодаря своему вліянію въ палатѣ депутатовъ. Никто не сомнѣвался въ томъ, что онъ будетъ со временемъ министромъ.

Затѣмъ прибыли Форестье, мужъ и жена; послѣдняя въ розовомъ платьѣ и восхитительная. Дюруа былъ пораженъ, увидя, въ какихъ дружескихъ отношеніяхъ она была съ представителями страны. Она разговаривала вполголоса у камина съ Фирменомъ въ продолженіе добрыхъ пяти минутъ.

Шарль казался въ полномъ изнеможеніи. Онъ очень похудѣлъ въ послѣдній мѣсяцъ и кашлялъ, безпрерывно повторяя:

— Надо будетъ рѣшиться провести остатокъ зимы на югѣ.

Норберъ де-Вареннъ и Жакъ Риваль пришли вмѣстѣ. Затѣмъ отворилась дверь въ глубинѣ комнаты, и показался самъ Вальтеръ въ сопровожденіи двухъ высокихъ молодыхъ дѣвушекъ, лѣтъ шестнадцати-восемнадцати, одной довольно некрасивой, а другой довольно хорошенькой.

Дюруа зналъ, однако, что хозяинъ былъ отецъ семейства, и тѣмъ не менѣе очень удивился. Онъ никогда не думалъ о дочеряхъ издателя „Vie Française“, какъ не думаешь объ отдаленныхъ странахъ, которыхъ никогда не увидишь. И, кромѣ того, онъ представлялъ ихъ себѣ маленькими дѣвочками, и вдругъ увидѣлъ женщинъ. Онъ испытывалъ теперь нѣкоторую неловкость, какъ это бываетъ иногда при быстрой перемѣнѣ декорацій.

Онѣ протянули ему руку, одна за другой, когда его имъ представили, и затѣмъ пошли и сѣли за маленькій столикъ, который, безъ сомнѣнія, былъ отведенъ спеціально для нихъ, и принялись перебирать катушки съ шелкомъ въ небольшой корзинкѣ.

Кого-то ждали еще, и собравшаяся публика молчала, чувствуя ту спеціальную неловкость, какая всегда ощущается передъ званымъ обѣдомъ, людьми, умственная атмосфера у которыхъ неодинакова, благодаря дневнымъ занятіямъ.

Дюруа отъ нечего-дѣлать поглядѣлъ на стѣны, и Вальтеръ издали замѣтилъ ему, съ очевиднымъ желаніемъ похвастаться своимъ добромъ.

— Вы смотрите на мои картины, я вамъ ихъ сейчасъ покажу.

И взялъ въ руки лампу, чтобы Дюруа могъ видѣть всѣ подробности.

— Вотъ здѣсь пейзажи,—сказалъ онъ.

По срединѣ висѣла большая картина Гильёме: „Берегъ Нормандіи при грозовомъ небѣ“. Подъ нею „Лѣсъ“, Гартинье. Затѣмъ равнина Алжиріи, Гильёме, съ верблюдомъ на горизонтѣ, большимъ верблюдомъ на высокихъ ногахъ, походившимъ на какой-то диковинный монументъ.

Вальтеръ перешелъ къ слѣдующей стѣнѣ и объявилъ серьезнымъ тономъ церемоніймейстера:

— Историческая живопись.

Тутъ находились четыре картины: „Посѣщеніе госпиталя“ Жерве, „Жница“ Бастіена Лепаже, „Вдова“ Бугро и „Казнь“ Жанъ-Поля Лоренса. Послѣдняя картина представляла вандейскаго священника, разстрѣливаемаго у стѣны его церкви отрядомъ „синихъ“.

Улыбка мелькнула на серьезномъ лицѣ хозяина, когда онъ указалъ на слѣдующую стѣну:

— Здѣсь помѣщаются „les fantaisistes“.—Здѣсь была во-первыхъ маленькая картинка Беро, озаглавленная: „Вверху и внизу“. Молодая парижанка поднималась по лѣсенкѣ вагона конно-желѣзной дороги. Голова виднѣлась на одномъ уровнѣ съ имперіаломъ, и мужчины, сидѣвшіе на скамейкахъ, съ жаднымъ удовольствіемъ уставились на хорошенькое личико, приближавшееся къ нимъ, между тѣмъ, какъ мужчины, стоявшіе внизу на платформѣ, съ выраженіемъ досады и алчности, глядѣли на ноги молодой женщины.

Вальтеръ держалъ лампу и повторялъ съ двусмысленнымъ смѣхомъ:

— Гм!.. Вѣдь, забавно? неправда ли, вѣдь, забавно!

Затѣмъ освѣтилъ „Спасеніе погибающаго“ Ламбера.

Посреди обѣденнаго стола, изъ-за котораго только-что вышли обѣдавшіе, сидѣла кошка и съ удивленіемъ и смущеніемъ глядѣла на муху, потонувшую въ стаканѣ воды. У кошки одна лапка была приподнята, точно она собиралась вытащить муху изъ стакана, да не рѣшалась. Она сама не знала, что́ ей дѣлать?

Затѣмъ, хозяинъ показалъ картину Деталля: „Урокъ“, на которой представленъ былъ солдатъ въ казармахъ, учащій моську играть на барабанѣ, и объявилъ:

— Вотъ это остроуміе!

Дюруа смѣялся одобрительнымъ смѣхомъ и восторгался:

— Какъ это прелестно! какъ это прелестно! какъ это пре...

Но внезапно умолкъ на полусловѣ, услыхавъ за своей спиной голосъ m-me де-Марель, вошедшей въ комнату.

Хозяинъ продолжалъ освѣщать картины, поясняя:

— У меня есть еще картины въ другихъ комнатахъ, но тѣ принадлежатъ къ менѣе извѣстному, менѣе опредѣленному роду. Здѣсь же собраны сливки.

Онъ показывалъ на акварель Мориса Лелуара „Препятствіе“. На ней представлены были носилки, остановившіяся посреди улицы, такъ какъ проходъ былъ загороженъ двумя простолюдинами, которые бились на кулачкахъ, двумя силачами, боровшимися точно геркулесы. И въ окнѣ носилокъ виднѣлось восхитительное личико женщины, глядѣвшей на драку во всѣ глаза... не выражая ни малѣйшаго нетерпѣнія, а скорѣе нѣкоторое восхищеніе борьбой этихъ двуногихъ звѣрей.

Вальтеръ продолжалъ объяснять:

— Я покупаю въ настоящую минуту картины молодыхъ

художниковъ, совсѣмъ молодыхъ, и держу ихъ во внутреннихъ комнатахъ, до тѣхъ поръ, пока они не станутъ знамениты.

Потомъ прибавилъ шопотомъ:

— Теперь какъ разъ удобное время покупать картины. Живописцы умираютъ съ голода. У нихъ нѣтъ ни гроша... ни гроша...

Но Дюруа уже ничего не видѣлъ и слушалъ, ничего не понимая; m-me де-Марель стояла за его спиной. Что ему дѣлать? Если онъ ей поклонится, не рискуетъ ли онъ, что она повернется къ нему спиной или скажетъ какую-нибудь дерзость. Если онъ не подойдетъ къ ней, что̀ подумаютъ другіе? Онъ говорилъ себѣ:—Надо выждать время,—и былъ такъ взволнованъ, что одну минуту думалъ притвориться больнымъ и уйти подъ этимъ предлогомъ.

Осмотръ стѣнъ былъ оконченъ, хозяинъ поставилъ лампу и пошелъ поздороваться съ вновь прибывшею гостьей, а Дюруа одинъ продолжалъ осматривать картины, точно не могъ ими достаточно налюбоваться.

Онъ былъ совсѣмъ сбитъ съ толку. Что̀ ему дѣлать? Онъ слышалъ голоса, различалъ слова.

M-me Форестье позвала его:

— Послушайте, m-r Дюруа!

Онъ подбѣжалъ къ ней. Она объяснила ему, что одна изъ ея пріятельницъ даетъ балъ и очень желала бы, чтобы о немъ упомянули въ отдѣлѣ слуховъ „Vie Française“.

Онъ забормоталъ:

— Разумѣется, съ удовольствіемъ.

M-me де-Марель была совсѣмъ близко около него. Онъ не рѣшался повернуться и отойти.

Вдругъ онъ подумалъ, что съ ума сходитъ.

Она громко сказала:—Здравствуйте, „милый другъ“. Вы меня не узнаете?

Онъ быстро повернулся на каблукахъ. Она стояла передъ нимъ улыбающаяся, съ веселыми и ласковыми глазами, и протягивала ему руку.

Онъ взялъ ее съ трепетомъ, все еще опасаясь какой-нибудь хитрости и коварства. Она прибавила безмятежно:

— Что это вы пропали? Васъ совсѣмъ не видно!

Онъ пролепеталъ, все еще не въ силахъ овладѣть собой:

— Я былъ очень занятъ. M-r Вальтеръ поручилъ мнѣ новый отдѣлъ и мнѣ съ нимъ много дѣла.

Она отвѣчала, не спуская съ него глазъ, причемъ онъ ничего не могъ открыть въ ея взорѣ, кромѣ доброжелательства:

— Я знаю; но это не причина, чтобы забывать друзей.

Ихъ разлучила толстая дама, вошедшая въ гостиную, съ открытой жирной шеей и красными руками и щеками, одѣтая и причесанная съ претензіей и тяжело ступавшая; глядя на ея походку легко было себѣ представить, какія у нея были толстыя и неуклюжія ноги.

Такъ какъ къ ней относились съ большимъ вниманіемъ, то Дюруа спросилъ у m-me Форестье:

— Кто эта дама?

— Виконтеса де-Персмеръ, та, что подписывается: „Розовое Домино".

Онъ былъ пораженъ и ему хотѣлось засмѣяться: „Розовое Домино! Розовое Домино! А мнѣ-то въ воображеніи представлялась молодая женщина, какъ вы! А вмѣсто того, вотъ она какая, это „Розовое Домино!" Это забавно! нѣтъ! это очень забавно!

Въ дверяхъ появился слуга и провозгласилъ: кушать подано!

Обѣдъ былъ банальный и веселый, одинъ изъ тѣхъ обѣдовъ, на которыхъ говорятъ обо всемъ, ничего не сказавъ.

Дюруа посадили между старшей дочерью хозяина, дурнушкой Розой, и m-me де-Марель. Это послѣднее сосѣдство его нѣсколько стѣсняло, хотя сама она казалась очень въ духѣ и болтала съ своимъ обычнымъ остроуміемъ. Но онъ былъ стѣсненъ, робѣлъ, какъ музыкантъ, который никакъ не могъ попасть въ тонъ. Мало-по-малу, однако, увѣренность возвращалась къ нему и ихъ взгляды безпрестанно встрѣчались, вопросительно, дружелюбно и почти такъ же любовно, какъ прежде.

Вдругъ ему показалось, что кто-то прикоснулся къ нему подъ столомъ. Онъ осторожно протянулъ ногу и встрѣтилъ ногу сосѣдки, которую та не отняла при этомъ соприкосновеніи. Они въ эту минуту между собой не говорили, и повернулись въ сторону сосѣдей.

Дюруа, у котораго сердце билось немножко сильнѣе, пожалъ ногу сосѣдки, отвѣчавшую на его пожатіе. Тогда онъ понялъ, что любовь ихъ возобновилась.

Что говорили они затѣмъ? немногое; но сердца ихъ каждый разъ вздрагивали, когда они глядѣли другъ на друга.

Однако, молодой человѣкъ хотѣлъ быть любезнымъ съ дочерью своего хозяина и время отъ времени обращался къ ней съ какой-нибудь фразой. Она отвѣчала въ духѣ своей матери, ни минуты не затрудняясь насчетъ того, чтó ей слѣдовало сказать.

По правую руку Вальтера сидѣла виконтесса де-Персмеръ, задававшая такой тонъ, точно она была принцесса. А Дюруа забавлялся, на нее глядя, и шопотомъ спрашивалъ m-me де-Марель:

— Вы знакомы съ той, другой, которая подписывается „Бѣлая лапка“.

— Да, конечно, съ баронессой де-Ливре?

— Что она въ такомъ же родѣ?

— Нѣтъ... но тоже смѣшная. Высокая, худая, шестьдесятъ лѣтъ, фальшивыя букли на лбу, зубы какъ у англичанки, умъ въ духѣ реставраціи, туалеты изъ той же эпохи.

— Гдѣ они выкопали такихъ литературныхъ феноменовъ?

— Обломки дворянства всегда съ охотой подбираются выскочками мѣщанами.

— И никакого другого резона нѣтъ?

— Никакого.

Послѣ этого начался политическій споръ между хозяиномъ, двумя депутатами, Норберомъ де-Вареннъ и Жакомъ Ривалемъ, и длился до самаго дессерта.

Когда всѣ вернулись въ гостиную, Дюруа опять подошелъ къ m-me де Марель и, поглядѣвъ ей прямо въ глаза, сказалъ:

— Хотите я васъ провожу домой?

— Нѣтъ.

— Почему?

— Потому что Ларошъ-Раво, который живетъ по сосѣдству со мной, всегда отвозитъ меня домой, когда я здѣсь обѣдаю.

— Когда я васъ увижу?

— Пріѣзжайте завтра ко мнѣ завтракать.

И на этомъ они разстались.

Дюруа оставался не долго, находя вечеръ монотоннымъ. Сходя съ лѣстницы, онъ нагналъ Норбера де-Вареннъ, который тоже уходилъ. Старый поэтъ взялъ его подъ руку; не опасаясь больше его соперничества въ газетѣ, такъ какъ ихъ отдѣлы были совсѣмъ разные, онъ относился теперь къ молодому человѣку благосклонно, какъ дѣдушка къ внуку.

— Проводите меня часть дороги, хотите?—сказалъ онъ.

— Съ радостью, cher maître,—отвѣчалъ тотъ.

И они тихими шагами пошли по бульвару Малербъ.

Парижъ былъ почти пустъ въ эту холодную ночь, одну изъ тѣхъ, которыя кажутся холоднѣе другихъ, когда звѣзды отстоятъ какъ будто дальше отъ земли, а воздухъ приноситъ вмѣстѣ съ своимъ ледянымъ дыханіемъ какъ бы напоминовеніе о другихъ еще болѣе отдаленныхъ мірахъ.

Въ первыя минуты они оба не говорили ни слова. Затѣмъ Дюруа, чтобы сказать что-нибудь, произнесъ:

— Этотъ Фирменъ, кажется, очень умный и образованный человѣкъ.

Старый поэтъ пробормоталъ:

— Вы находите?

Молодой человѣкъ, удивленный, не зналъ что сказать.

— Да... онъ вѣдь слыветъ однимъ изъ самыхъ способныхъ людей въ палатѣ.

— Весьма возможно. Въ царствѣ слѣпыхъ кривые—короли. Всѣ эти люди, видите ли, ничтожны потому, что у нихъ умъ въ тискахъ между деньгами и политикой. Это невѣжды, mon cher, съ которыми невозможно разговаривать ни о чемъ такомъ, что мы любимъ. Ихъ умъ поверхностенъ или, вѣрнѣе сказать, загрязненъ, какъ Сена въ Аньерѣ. Ахъ! какъ трудно найти человѣка съ многостороннимъ умомъ, мысли котораго возбуждаютъ въ васъ такое же ощущеніе необъятной шири, какое испытываешь на берегу моря. Я знавалъ такихъ людей. Они умерли.

Норберъ де-Вареннъ говорилъ звучнымъ, но сдержаннымъ голосомъ, который звенѣлъ бы среди безмолвія ночи, еслибы только онъ далъ ему волю. Онъ казался возбужденнымъ и печальнымъ; онъ испытывалъ ту грусть, какая иногда овладѣваетъ душой и заставляетъ ее звенѣть, какъ звенитъ земля, окованная льдомъ!

Онъ продолжалъ:

— Впрочемъ, не все ли равно немного больше ума или немного меньше, если всему наступаетъ конецъ.

Онъ умолкъ. Дюруа, у котораго было весело на сердцѣ, сказалъ, улыбаясь:

— Вы сегодня мрачно настроены, cher maître.

Поэтъ отвѣчалъ:

— Я всегда такъ настроенъ, мое дитя, и черезъ нѣсколько лѣтъ то же самое будетъ и съ вами. Жизнь—холмъ. Пока взбираешься на верхъ, глядишь на верхушку и чувствуешь себя счастливымъ, но когда доберешься до вершины, то вдругъ увидишь, что приходится спускаться, а внизу ждетъ смерть. Взбираешься наверхъ тихо, а спускаешься очень быстро. Въ ваши годы человѣкъ радостно смотритъ на жизнь. Онъ ждетъ отъ нея такъ много вещей, которыхъ, впрочемъ, никогда не получитъ. Въ мои годы уже ничего не ждешь, ничего, кромѣ смерти.

Дюруа засмѣялся:

— Брр... меня бросаетъ въ дрожь отъ вашихъ словъ.

Норберъ де-Вареннъ продолжалъ:

— Нѣтъ, вы меня сегодня не понимаете, но со временемъ припомните то, что́ я вамъ теперь говорю. Видите ли, наступаетъ день, и для многихъ онъ наступаетъ очень рано, когда, какъ говорится, не до смѣху больше, потому что за всѣмъ, на что ни посмотришь, виднѣется смерть. О!—вы даже не понимаете этого слова — **смерть**. Въ ваши годы оно ничего не выражаетъ. Въ мои годы—оно страшно. Да!—какъ то вдругъ наступаетъ моментъ, когда его поймешь, Богъ вѣсть почему, Богъ вѣсть по поводу чего, и тогда все въ жизни получаетъ иную окраску. Вотъ уже пятнадцать лѣтъ какъ я чувствую, какъ смерть гложетъ меня, точно я ношу въ самомъ себѣ какого-то грызущаго меня звѣря. Я почувствовалъ мало-по-малу, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, часъ за часомъ, какъ она начала постепенно разрушать меня, точно домъ, который разваливается. Она меня до такой степени обезобразила, что я больше не узнаю самого себя. Во мнѣ ничего не осталось отъ моего прежняго я!—гдѣ тотъ жизнерадостный, свѣжій, сильный мужчина, какимъ я былъ въ тридцать лѣтъ? Я видѣлъ, какъ она окрасила въ бѣлую краску мои черные волосы, и съ какой искусной и злобной медлительностью. Она отняла у меня мою упругую кожу, мои мускулы, мои зубы, все мое прежнее тѣло и оставила мнѣ только разбитую отчаяніемъ душу, которую вскорѣ тоже отниметъ. Да!—она искрошила меня, злодѣйка, она совершила, секунду за секундой, тихо и жестоко, медленное разрушеніе моего существа. И теперь я сознаю смерть во всемъ, что́ дѣлаю. Каждый шагъ приближаетъ меня къ ней, каждое движеніе, каждый вздохъ моей груди ускоряетъ ея ненавистное дѣло. Дышать, спать, ѣсть, пить, работать, мечтать—все, что мы ни дѣлаемъ, все это—значитъ умирать! Жить, наконецъ, значитъ умирать! О! вы узнаете это! Еслибы вы поразмыслили только четверть часа, то увидѣли бы это.

Чего вы ждете? — любви? — еще нѣсколько поцѣлуевъ и вы будете пресыщены.

Еще чего? Денегъ? Зачѣмъ? Чтобы платить женщинамъ? Удивительное благополучіе! Чтобы много ѣсть, разжирѣть и кричать по цѣлымъ ночамъ отъ страданій, причиняемыхъ подагрой.

Ну еще чего? Славы? Къ чему она поведетъ, если ее нельзя получать въ видѣ любви? Ну а затѣмъ что еще? все та же смерть въ концѣ концовъ.

Я теперь вижу ее такъ близко, что часто мнѣ хочется протянуть руку, чтобы ее оттолкнуть. Она покрываетъ землю и наполняетъ пространство. Я ее вездѣ открываю. Маленькія живот-

ныя, которыхъ мы давимъ на дорогѣ, падающіе листья, сѣдина въ бородѣ друга терзають мое сердце и взываютъ ко мнѣ: „Вотъ она!" Она портитъ мнѣ все, что я дѣлаю, все, что я вижу, все, что я ѣмъ и все, что я пью, все, что я люблю: лунныя ночи, восходъ солнца, великій океанъ, красивыя рѣки и лѣтній вечерній воздухъ, который такъ сладко вдыхать.

Онъ тихо шелъ, слегка запыхавшись и размышляя вслухъ, почти позабывъ, что его слушаютъ. И продолжалъ:

— И никогда никто не возвращается, никогда! Остаются формы статуй, формы, въ которыхъ постоянно отливаются одинаковые предметы: но мое тѣло, мое лицо, мои мысли, мои желанія никогда не возобновятся. А между тѣмъ, родятся милліоны и милліарды существъ, въ которыхъ будетъ какъ бы частица меня самого: такой же носъ, глаза, лобъ, щеки и ротъ, какъ у меня. И душа такая же какъ у меня, но я-то самъ никогда не вернусь, ничего дѣйствительно моего никогда не оживетъ въ въ этихъ безчисленныхъ и разнообразныхъ существахъ, безконечно разнообразныхъ, хотя приблизительно сходныхъ.

За что уцѣпиться? Къ кому обратиться съ воплемъ о помощи? Во что мы можемъ вѣрить?

Всѣ религіи безсмысленны съ ихъ однородной моралью и эгоистическими обѣщаніями, чудовищно глупыми. Монтескье сказалъ: „Всѣ законы, установленные на томъ основаніи, что наша машина сотворена извѣстнымъ образомъ, были бы иные, еслибы наша машина была иная".

То же самое можно сказать и о нашихъ божествахъ, и о нашихъ вѣрованіяхъ. Всѣ наши вѣрованія зависятъ отъ условій нашего существованія, начиная отъ простого свѣтскаго предразсудка до такъ называемыхъ „вѣчныхъ истинъ".

Истина по сю сторону Пиреней и заблужденіе по ту сторону.

Истина на землѣ и заблужденіе внѣ ея.

Истина для нашихъ органовъ и заблужденіе при иной организаціи.

Правило: „дважды два—четыре" должно быть неприминимо внѣ атмосферы земли. Потому что всѣ наши идеи зависятъ только отъ свойствъ нашихъ чувствъ. Цвѣта существуютъ только потому, что у насъ есть глазъ, который ихъ видитъ, звукъ, потому что у насъ есть барабанная перепонка, превращающая шумъ въ вибрацію. И такъ, устройство нашихъ органовъ опредѣляетъ для нашего сужденія кажущіяся свойства матеріи!

Ничто не истинно, ничто не вѣрно. И вдобавокъ для на-

блюденія путемъ этихъ обманчивыхъ орудій, у насъ имѣется одна незначительная точка въ пространствѣ, безъ всякихъ свѣденій о томъ, что ее окружаетъ, и одинъ неуловимый моментъ во времени, безъ всякаго понятія о томъ, что было и что будетъ! И подумать, что человѣческое существо, мыслящее, мучающееся—ничто иное какъ ничтожный атомъ живой пыли, просыпанной надъ нашей маленькой землей, которая въ свою очередь ничто иное какъ атомъ пыли въ обширной вселенной!

Одна смерть несомнѣнна!

Онъ остановился, взялъ Дюруа обѣими руками за воротникъ его пальто и медленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Подумайте обо всемъ этомъ, молодой человѣкъ, поразмыслите надъ этимъ дни, мѣсяцы и годы, и жизнь вамъ представится въ иномъ свѣтѣ. Попробуйте-ка высвободиться изъ своихъ оковъ, попытайтесь нечеловѣческимъ усиліемъ отдѣлиться отъ своего тѣла, своихъ интересовъ, мыслей, всего человѣческаго, и заглянуть въ иную сферу, и вы поймете, какъ мало значенія имѣютъ споры романтиковъ и натуралистовъ и обсужденіе бюджета.

Онъ зашагалъ быстрѣе.

— Но вмѣстѣ съ тѣмъ вы почувствуете страшную тоску людей, доведенныхъ до отчаянія. Вы будете биться, рваться, терзаться сомнѣніями.

Вы закричите: — помогите! — и никто не отзовется на вашъ призывъ. Вы будете протягивать руки, звать на помощь, просить любви, утѣшенія, спасенія! И никто не придетъ. Отчего мы такъ страдаемъ? — отъ того вѣроятно, что мы созданы, чтобы жить болѣе согласно съ матеріей, нежели съ духомъ, но благодаря изощрившемуся мышленію явился разладъ между настроеніемъ нашего ума и незыблемыми условіями нашей жизни. Поглядите на ограниченныхъ людей: если только никакое крупное несчастіе ихъ не постигнетъ, они не страдаютъ отъ общаго горя. Да и животныя его тоже не чувствуютъ.

Онъ опять остановился, думалъ нѣсколько секундъ и затѣмъ сказалъ:

— Я—погибшій человѣкъ; у меня нѣтъ ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, ни жены, ни дѣтей, ни Бога!

И прибавилъ, помолчавъ еще съ минуту:

— У меня есть одна только риѳма!

И поднявъ голову къ небу, на которомъ сіялъ блѣднолицый обликъ полной луны, продекламировалъ:

„Et je cherche le mot de cet obscur problème
Dans le ciel noir et vide, où flotte un astre blême“.

Они дошли до моста Согласія и молча перешли черезъ него, потомъ прошли мимо Palais-Bourbon.

Норберъ де-Вареннъ снова заговорилъ.

— Женитесь, другъ мой, вы не знаете, что такое жить одному въ мои годы. Одиночество теперь производитъ во мнѣ страшную тоску. Одиночество дома, у камина, по вечерамъ—о! какая это пытка! Мнѣ представляется тогда, что я одинъ на свѣтѣ, безусловно одинъ, но окруженъ неопредѣленными опасностями, неизвѣстными и страшными вещами. И перегородка, отдѣляющая меня отъ сосѣда, котораго я не знаю, удаляетъ меня отъ него какъ отъ звѣздъ, которыя я вижу изъ окна. Какая-то лихорадка овладѣваетъ мной, лихорадка страха и отчаянія, и безмолвіе стѣнъ наводитъ на меня ужасъ. Какъ глубоко и какъ печально безмолвіе комнаты, гдѣ живешь одинъ! Это безмолвіе окутываетъ не только тѣло, но и душу, и когда, случается, трещитъ мебель, то весь вздрагиваешь, потому что никакого шума не ждешь въ этомъ мертвомъ жилищѣ!

Онъ помолчалъ еще и прибавилъ:

— Когда состарѣешься, то хорошо было бы имѣть около себя дѣтокъ!

Они дошли до середины улицы Бургонь.

Поэтъ остановился передъ высокимъ домомъ, позвонилъ, пожалъ руку Дюруа и сказалъ ему:

— Забудьте всю эту старческую болтовню, молодой человѣкъ, и живите сообразно своему возрасту. Прощайте.

И скрылся въ темномъ коррридорѣ.

Дюруа пошелъ домой съ стѣсненнымъ сердцемъ. Ему казалось, что ему показали какую-то яму, наполненную мертвыми костями, яму неизбѣжную, куда онъ самъ свалится со временемъ. Онъ пробормоталъ:

— Брр... должно быть, не весело ему живется на свѣтѣ. Я бы не желалъ быть постояннымъ повѣреннымъ его мыслей, чортъ побери!

Но посторонившись, чтобы пропустить надушенную женщину, выходившую изъ кареты, чтобы войти къ себѣ въ домъ, онъ вдохнулъ запахъ вербены и ириса и легкія его расширились отъ радости и надежды: воспоминаніе о m-me де-Марель, которую онъ увидитъ завтра, охватило его всего съ ногъ до головы.

---

[1]) „И я ищу разгадки этой непонятной тайны въ темномъ и пустомъ небѣ, гдѣ плаваетъ блѣдное свѣтило“.

Все ему улыбалось. Жизнь встрѣчала его съ любовью. Какъ сладко жить, когда надежды осуществляются!

И онъ уснулъ въ упоеніи и рано проснулся, чтобы прогуляться пѣшкомъ по Булонскому лѣсу, прежде нежели идти на свиданіе.

Вѣтеръ перемѣнился за ночь и сталъ теплѣе; солнце грѣло какъ въ апрѣлѣ. Всѣ привычные посѣтители лѣса вышли погулять, отвѣчая на призывъ яснаго и теплаго неба.

Дюруа медленно шелъ, упиваясь душистымъ, какъ весной, мягкимъ воздухомъ. Онъ миновалъ тріумфальную арку и повернулъ въ большую аллею напротивъ дороги, предоставленной всадникамъ. Онъ глядѣлъ, какъ мужчины и женщины, богатые міра сего, проѣзжали мимо него рысью, галопомъ и почти имъ не завидовалъ. Онъ всѣхъ почти зналъ по именамъ, зналъ, какъ велико ихъ состояніе, зналъ закулисную сторону ихъ жизни, такъ какъ благодаря своему ремеслу превратился какъ бы въ родъ альманаха парижскихъ знаменитостей и скандаловъ.

Амазонки проѣзжали, затянутыя въ темное сукно, обрисовывавшее ихъ формы и съ тѣмъ надменнымъ и неприступнымъ видомъ, какой многія женщины представляютъ верхомъ на лошади. И Дюруа забавлялся, вполголоса произнося, точно эктенью въ церкви, имена, титулы и отличительныя черты любовниковъ, которыхъ имъ приписывали справедливо или несправедливо.

Но иногда вмѣсто того, чтобы говорить:

Графъ Анри де-Кревлакъ,

Баронъ де-Ганкеленъ,

Сэръ Джонъ Гаррикъ,

Князь де-Латуръ-Ангеракъ,

Онъ бормоталъ:

Люси де-Камакъ,

Графиня де-Бдонебенъ,

Луиза Мишо изъ Водевиля,

Роза Маркетенъ изъ Оперы.

Эта игра очень его забавляла: онъ какъ будто констатировалъ подъ строгой внѣшностью вѣчную и глубокую низость человѣка, и это его веселило, возбуждало, радовало.

Затѣмъ онъ вслухъ сказалъ:

— Лицемѣры вы эдакіе!

И сталъ искать взглядомъ всадниковъ, о которыхъ ходили самые скверные слухи.

Онъ видѣлъ многихъ, которыхъ подозрѣвали въ шулерствѣ и

для которыхъ во всякомъ случаѣ игра въ клубѣ была главнымъ рессурсомъ, единственнымъ рессурсомъ, разумѣется, подозрительнымъ.

Другіе, весьма знаменитые, жили исключительно на доходы своихъ женъ,—это было всѣмъ извѣстно. Третьи, наконецъ, на доходы любовницъ,—какъ это утверждали. Многіе уплатили свои долги (почтенное дѣло), хотя никто не могъ сказать, откуда они взяли на это денегъ (весьма сомнительная тайна). Онъ видѣлъ финансистовъ, громадное богатство которыхъ началось съ воровства,—но ихъ принимали всюду, въ самые благородные дома; онъ видѣлъ людей до такой степени уважаемыхъ, что мелкіе буржуа снимали шапки, когда они проходили,—а между тѣмъ, ихъ безсовѣстныя плутни въ великихъ національныхъ предпріятіяхъ не были тайной для тѣхъ, кому извѣстна закулисная сторона дѣла.

У всѣхъ видъ былъ надменный, надутыя губы, дерзкій взглядъ; и у тѣхъ, кто носилъ бакенбарды, и у тѣхъ, кто носилъ усы.

Дюруа смѣялся, повторяя:

— Нечего сказать, славные молодцы, чистые разбойники!

Но вотъ проѣхала карета открытая, низенькая и прелестная, запряженная двумя чудными бѣлыми конями, съ развѣвающимися хвостами и гривой. Ими правила маленькая бѣлокурая женщина, извѣстная куртизанка, за которой сидѣло двое грумовъ. Дюруа остановился: ему хотѣлось поклониться и начать апплодировать этой выскочкѣ продажной любви, которая храбро выставляла на показъ на этомъ гуляньи и въ часъ, присвоенный себѣ лицемѣрными аристократами, наглую роскошь, пріобрѣтенную ею своимъ ремесломъ.

Онъ, быть можетъ смутно, чувствовалъ, что есть что-то общее между ними, какая-то естественная связь; что они одной породы, одного духа и что его успѣхъ обусловится отважными дѣйствіями того же порядка.

Онъ пошелъ обратно медленнѣе и съ согрѣтымъ счастіемъ сердцемъ и прибылъ немного раньше назначеннаго часа къ дверямъ своей бывшей любовницы.

Она приняла его съ поцѣлуями, точно они никогда и не ссорились, и въ первую минуту позабыла мудрую осторожность, которой всегда придерживалась, лаская его дома.

Потомъ сказала, цѣлуя кончики его завитыхъ усовъ:

— Ты не знаешь, мой голубчикъ, какая меня ждетъ скука. Я надѣялась на медовый мѣсяцъ, а вмѣсто того мой мужъ сваливается мнѣ на голову на цѣлыхъ шесть недѣль: онъ взялъ отпускъ. Но я не хочу провести шесть недѣль, не видавшись съ

тобой, въ особенности послѣ нашей маленькой ссоры, и вотъ какъ я устроила дѣла. Ты придешь ко мнѣ обѣдать въ понедѣльникъ: я ему уже говорила про тебя и познакомлю тебя съ нимъ.

Дюруа колебался, смущенный, такъ какъ никогда еще не стоялъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, у котораго отнялъ жену. Онъ боялся выдать себя чѣмъ-нибудь: взглядомъ, смущеніемъ, кто тамъ еще знаетъ чѣмъ. И бормоталъ: „Нѣтъ, нѣтъ лучше мнѣ не знакомиться съ твоимъ мужемъ".

Она настаивала, очень удивленная, стоя передъ нимъ и таращa на него наивные глаза:

— Но почему же? Какъ странно! Да вѣдь самая обыкновенная вещь въ мірѣ! Вотъ ужъ никогда бы не подумала, что ты такой дурачокъ.

Онъ обидѣлся:

— Ну, хорошо, я приду въ понедѣльникъ обѣдать.

Она прибавила:

— Чтобы намъ было ловче, я приглашу и Форестье съ женой. Хоть я и не люблю принимать у себя.

До понедѣльника Дюруа не думалъ больше объ этомъ свиданіи, но всходя по лѣстницѣ m-me де-Марель, онъ почувствовалъ себя смущеннымъ, не потому, чтобы ему было стыдно пожать руку этого мужа, пить его вино и ѣсть его хлѣбъ-соль, но потому, что онъ боялся, самъ не зная чего. Его пригласили войти въ салонъ и ему, какъ и всегда, пришлось ждать. Затѣмъ дверь отворилась, и онъ увидѣлъ высокаго мужчину съ бѣлой бородой, съ орденомъ въ петлицѣ, серьезнаго и приличнаго, который направился къ нему съ щепетильной вѣжливостью.

— Жена часто говорила мнѣ о васъ и я очень радъ познакомиться съ вами.

Дюруа подошелъ, стараясь придать лицу привѣтливое выраженіе и съ преувеличенной энергіей пожалъ протянутую ему хозяиномъ дома руку. Послѣ того, усѣвшись, не зналъ что̀ сказать.

Де-Марель подложилъ въ каминъ полѣно дровъ и спросилъ:

— Вы давно уже занимаетесь журналистикой?

Дюруа отвѣчалъ:

— Всего еще нѣсколько мѣсяцевъ.

— Ага! вы скоро подвинулись впередъ!

— Да, довольно скоро.

И принялся болтать на удачу, не думая о томъ, что̀ говоритъ, высказывая всѣ тѣ банальности, которыя въ ходу между людьми, незнакомыми другъ съ другомъ. Онъ вдругъ успокоился и начиналъ находить свое положеніе забавнымъ. Онъ глядѣлъ на серьез-

ное и почтенное лицо де-Мареля, и ему хотѣлось смѣяться. Онъ думалъ:—А вѣдь я приставилъ тебѣ рога, мой милый, да!

И злая, внутренняя радость просыпалась въ немъ, радость вора, которому удалось украсть, не навлекая на себя ни чьихъ подозрѣній, коварная, но восхитительная радость.

Ему вдругъ захотѣлось подружиться съ этимъ человѣкомъ, заслужить его довѣріе, заставить разсказать себѣ его секреты.

M-me де-Марель вошла неожиданно, и окинувъ ихъ обоихъ улыбающимся и непроницаемымъ взглядомъ, подошла къ Дюруа, который не посмѣлъ при мужѣ поцѣловать у нея руку, какъ онъ это всегда дѣлалъ.

Она была спокойна и весела, какъ женщина, видавшая виды, и которая находила такую встрѣчу простой и естественной, будучи отъ природы откровенно хитрой и порочной.

Появилась Лорина и степеннѣе чѣмъ когда-либо подошла и подставила свой лобикъ Дюруа.

Присутствіе отца всегда ее стѣсняло. Мать сказала ей:

— Вотъ какъ! ты сегодня не называешь его „милый другъ".

И дѣвочка покраснѣла, точно выдали богъ вѣсть какую тайну ея сердца; что-нибудь весьма интимное и не совсѣмъ хорошее.

Когда пріѣхали Форестье, то видъ Шарля всѣхъ напугалъ. Онъ страшно похудѣлъ и поблѣднѣлъ въ одну недѣлю, и безпрерывно кашлялъ. Онъ объявилъ, что они уѣзжаютъ въ Каннъ въ слѣдующій четвергъ, вслѣдствіе рѣшительнаго приказа доктора.

Они рано уѣхали, и Дюруа сказалъ, покачивая головой:

— Мнѣ кажется, что онъ очень плохъ. Врядъ ли онъ долго проживетъ.

M-me де-Марель объявила безмятежно:

— О! онъ погибшій человѣкъ! Вотъ ужъ можетъ похвалиться тѣмъ, что ему попалась такая жена.

Дюруа спросилъ:

— Она много ему помогаетъ?

— Скажите, что она за него работаетъ. Она знаетъ все и всѣхъ, хотя какъ будто никого не замѣчаетъ. И добьется всего что угодно, когда этого захочетъ. О! она хитра, ловка и такая интриганка, какихъ свѣтъ не производилъ. Настоящій кладъ для человѣка, желающаго сдѣлать карьеру.

Дюруа сказалъ:

— Она, безъ сомнѣнія, очень скоро выйдетъ замужъ, если овдовѣетъ.

M-me де-Марель отвѣчала:

— Да! я не удивлюсь даже, если окажется, что она уже

имѣетъ кого-нибудь въ виду... депутата... если только... онъ согласится... потому что... могутъ оказаться большія препятствія... нравственныя... Словомъ, вотъ и все. Я больше ничего не знаю!

Марель проговорилъ съ нетерпѣніемъ:

— Ты всегда даешь подозрѣвать кучу такихъ вещей, какія мнѣ не нравятся. Не будемъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Довольно съ насъ и того, чтобы жить въ мирѣ съ собственной совѣстью. Этого правила слѣдовало бы всѣмъ держаться.

Дюруа ушелъ съ смущеннымъ сердцемъ и умомъ, исполненнымъ смутныхъ комбинацій. На слѣдующій день онъ отправился съ визитомъ къ Форестье и нашелъ ихъ укладывающимися. Шарль лежалъ на диванѣ, дышалъ преувеличенно тяжело и повторялъ:

— Мнѣ слѣдовало уѣхать мѣсяцъ тому назадъ.

Потомъ сталъ давать Дюруа пропасть инструкцій относительно газеты, хотя все уже было условлено съ Вальтеромъ.

Уходя, молодой человѣкъ крѣпко пожалъ руку своему товарищу:

— Ну, старина, до свиданія.

M-me Форестье проводила его до дверей и онъ поспѣшно сказалъ ей:

— Вы не забыли нашего договора? Мы друзья и союзники, неправда ли? Слѣдовательно, если я вамъ буду нуженъ, не стѣсняйтесь. Пришлите депешу или напишите одно слово, и я явлюсь.

Она пробормотала:

— Merci; я этого не забуду.

И взглядомъ еще нѣжнѣе и продолжительнѣе поблагодарила его.

Сходя съ лѣстницы, онъ встрѣтился съ графомъ де-Водрекъ, который медленно всходилъ по лѣстницѣ и котораго онъ уже разъ видѣлъ у нея. Онъ казался печальнымъ, можетъ быть, сожалѣлъ объ ея отъѣздѣ!

Желая выказать свою свѣтскость, журналистъ любезно поклонился ему.

Тотъ отвѣтилъ на поклонъ вѣжливо, но нѣсколько надменно.

Форестье, мужъ и жена, уѣхали въ четвергъ вечеромъ.

А. Э.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

въ

ЕВРОПѢ И ВЪ РОССІИ.

VI *).

Судьбы землевладѣнія въ Россіи мало чѣмъ отличаются отъ хода поземельныхъ отношеній въ западной Европѣ. И у насъ поземельная собственность образовалась двоякимъ путемъ,—снизу, по праву труда и фактическаго владѣнія, а сверху, по праву политическому, въ силу полномочій государственной власти. И у насъ политическій элементъ землевладѣнія взялъ верхъ надъ хозяйственными его основами и привелъ къ уничтоженію всѣхъ прежнихъ частныхъ правъ на землю, ради интересовъ государства и служилаго сословія. Древніе вотчинники, своеземцы, исчезаютъ; земли сельскихъ общинъ отдаются служилому классу, сначала въ условное владѣніе, а потомъ и въ полную собственность, вмѣстѣ съ обитающимъ на нихъ населеніемъ. Раздача земель въ помѣстье, въ видѣ жалованья, соотвѣтствуетъ раздачѣ леновъ и бенефицій на западѣ; какъ лены и бенефиціи сдѣлались наслѣдственными, такъ и помѣстья переходятъ въ вѣчное и потомственное владѣніе служилыхъ людей. Подобно тому, какъ господство феодаловъ надъ сельскимъ населеніемъ и надъ его землями получило характеръ частной собственности, такъ и у насъ крестьян-

---

*) Читано въ засѣданіи Юридическаго общества при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ, 16 марта 1885 года. См. выше, мартъ, стр. 172 и слѣд.

ство со всѣми его поземельными и личными правами становится частною собственностью помѣщиковъ.

„Великая русская имперія,—писалъ Джонъ Стюартъ Милль въ пятидесятыхъ годахъ,—представляетъ собою то же самое, чѣмъ была феодальная Европа, почти безъ измѣненій". И въ самомъ дѣлѣ, если отбросить внѣшнія особенности феодализма и остановиться на его сущности, то нельзя не видѣть, что различія между средневѣковою Европою и крѣпостною Россіею далеко не столь существенны, какъ принято думать обыкновенно. Правда, наши помѣщики не были завоевателями своихъ земель, они не были побѣдителями крестьянства, они не совершали самостоятельныхъ подвиговъ въ духѣ рыцарства и не обладали самостоятельнымъ политическимъ значеніемъ,—но ихъ поземельныя права зависѣли отъ службы и имѣли несомнѣнно источникъ политическій. По справедливому замѣчанію К. П. Побѣдоносцева, вотчинная власть получаетъ у насъ свойство власти государственной, и обратно, государственная власть проникается вотчиннымъ началомъ: „изъ сліянія того и другого образовался старинный типъ нашего землевладѣнія,—типъ безспорно государственнаго, а не гражданскаго происхожденія" [1]). А до появленія этого типа и независимо отъ него развивалась поземельная собственность въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, на почвѣ фактическихъ условій земледѣльческаго быта.

Старые юристы и историки сомнѣвались еще въ существованіи какихъ-либо поземельныхъ правъ до прихода служилыхъ людей для полученія оброка. Карамзинъ ставитъ „любопытный вопросъ: неужели никогда не бывало въ Россіи крестьянъ-владѣльцевъ?"—и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ уклончиво. „По крайней мѣрѣ,—говоритъ онъ,—не знаемъ, гдѣ они были. Видимъ, что князья, бояре, воины и купцы,—т.-е. городскіе жители,—искони владѣли землями, отдавали ихъ въ наемъ крестьянамъ свободнымъ. Всякая область принадлежитъ городу; всѣ ея земли считались какъ бы законною собственностью его жителей, древнихъ господъ Россіи, купившихъ вѣроятно (?) это право мечомъ въ такое время, до котораго не восходятъ лѣтописи и преданія. Но крестьяне, платя дань или оброкъ наемщикамъ, имѣютъ свободу личную и движимую собственность". Карамзину рисуется здѣсь картина чисто-феодальная; на ней фигурируетъ и мечъ, въ качествѣ основы и орудія всякаго права. Другой изслѣдователь, Рейцъ, полагалъ, что въ настоящее время невозможно рѣшить

---

[1]) К. Побѣдоносцевъ, Курсъ гражданскаго права. Москва, 1868, I, стр. 82 и сл.

опредѣлительно вопросъ, поставленный Карамзинымъ. Рейцъ колеблется въ своихъ сужденіяхъ; по его словамъ, „если у крестьянъ не было собственныхъ земель, то причиною тому была скорѣе бѣдность сего класса, чѣмъ законныя препятствія", ибо „запрещеніе крестьянамъ пріобрѣтать поземельную собственность встрѣчается уже гораздо позже" [1]). Очевидно, Рейца, какъ и Карамзина, смущаетъ то обстоятельство, что въ дошедшихъ до насъ документахъ и жалованныхъ грамотахъ всегда идетъ рѣчь только о правахъ „князей, бояръ, воиновъ и купцовъ". Историки переносили въ далекое прошлое свои современныя понятія о поземельной собственности и о способахъ ея пріобрѣтенія; они исходили отъ той точки зрѣнія, что первоначальные владѣльцы земли, подобно нынѣшнимъ, должны были непремѣнно получить надлежащую санкцію отъ правительственной власти, хотя бы послѣдняя еще не установилась въ данную эпоху.

Между тѣмъ, для каждаго ясно, что вся помѣстная система не имѣла бы смысла, еслибы она не предполагала подъ собою прочнаго крестьянскаго землевладѣнія. Помѣстье давалось служилому человѣку для того, чтобы онъ могъ спокойно исполнять свои служебныя обязанности въ московскихъ приказахъ или на войнѣ; онъ долженъ былъ кормиться оброкомъ съ опредѣленнаго количества крестьянскихъ дворовъ или, какъ выражались впослѣдствіи, „душъ". Земля оставалась во владѣніи обрабатывавшихъ ее крестьянъ, и только лежавшія на нихъ повинности уступались государствомъ въ пользу помѣщика. Земли, не заселенныя и не застроенныя крестьянствомъ, не годились бы вовсе для раздачи въ помѣстье, ибо ими не обезпечивалось бы исправное полученіе оброка, и служилому человѣку пришлось бы заняться сельскимъ хозяйствомъ, вмѣсто того, чтобы пребывать на службѣ военной или гражданской. Государственная власть передавала отдѣльнымъ лицамъ право взимать съ крестьянъ налоги, размѣръ которыхъ опредѣлялся обычаемъ или обстоятельствами. „Первоначально,— говоритъ Неволинъ,—право помѣщика ограничивалось только полученіемъ и обращеніемъ въ свою собственность тѣхъ денежныхъ, хлѣбныхъ и другого рода доходовъ отъ помѣстья, которые принадлежали самой казнѣ, а отъ нея были ему предоставлены"; всѣ дальнѣйшія права присвоивались мало-по-малу, вопреки постояннымъ запретительнымъ указамъ. Будучи временнымъ собирателемъ дани съ опредѣленнаго пространства земли, служилый

[1]) См. К. А. Неволина, Собраніе сочиненій (Спб. 1857), т. IV, стр. 130—32; Карамзинъ (изд. 1819), т. VII, стр. 213.

человѣкъ не долженъ былъ измѣнять хозяйственное состояніе помѣстья, нарушать права крестьянъ, обременять ихъ сборами и повинностями; за подобныя незаконныя дѣйствія онъ лишался помѣстья, а крестьянамъ возвращались излишне-взятые съ нихъ оброки [1]).

Что касается вотчинъ, принадлежавшихъ владѣльцамъ на правѣ собственности, то и въ нихъ крестьяне занимали извѣстное самостоятельное положеніе по отношенію къ землѣ; это видно уже изъ того, что „съ земли" платили они, а не вотчинники. Эти привилегированные владѣльцы обязаны были службою, подобно помѣщикамъ, и облекались полномочіями чисто-политическими, въ силу особыхъ жалованныхъ грамотъ. „На основаніи этихъ грамотъ,—по словамъ Неволина,—вотчинникъ получалъ многія права державной власти и становился въ своей вотчинѣ какъ бы княземъ. Чѣмъ были князья вообще по отношенію къ своимъ вотчиннымъ владѣніямъ, тѣмъ дѣлался на основаніи жалованной грамоты частный владѣлецъ, по отношенію къ своей вотчинѣ. Онъ получалъ правительственную власть надъ лицами, жившими на его землѣ. Онъ дѣлался судьею ихъ не только по дѣламъ гражданскимъ, но и по дѣламъ уголовнымъ, исключая дѣлъ о воровствѣ, разбоѣ и душегубствѣ, которыя, впрочемъ, иногда также ему поручались. Онъ получалъ право собирать для себя въ своей вотчинѣ различныя пошлины, слѣдовавшія въ казну княжескую, и пользоваться повинностями, учрежденными собственно для князя". Всякое нарушеніе обязанностей службы влекло за собою отнятіе вотчины, подобно тому, какъ это было относительно помѣстій. Служилые люди составляли непостоянный, перемѣнчивый, кочующій элементъ землевладѣнія; что́ же было постоянною, прочною основою его, какъ не землевладѣніе крестьянское, подвластное верхнему служилому классу и обложенное въ его пользу опредѣленными платежами?

Настоящая поземельная собственность существовала въ такъназываемыхъ черныхъ или тяглыхъ земляхъ, находившихся въ наслѣдственномъ частномъ владѣніи поселянъ. Подъ вліяніемъ монгольскаго владычества установился взглядъ, что государству принадлежитъ верховное право собственности на всю русскую землю; въ этомъ смыслѣ и черныя земли считались государственными, такъ какъ съ нихъ собирались налоги въ пользу казны.

---

[1]) Неволинъ, тамъ же, стр. 211 и др.; Лакіеръ, О помѣстьяхъ и вотчинахъ. Спб. 1848, стр. 191 и др.; Блюменфельдъ, О формахъ землевладѣнія въ древней Россіи Одесса, 1884, стр. 256 и сл.

Владѣльцы тяглыхъ участковъ говорятъ въ документахъ о „великаго князя землѣ, отца своего статка, а своего владѣнія“; эти земли переходили по наслѣдству, продавались и покупались безпрепятственно. Различіе между тяглою и вотчинною землею заключалось въ личномъ положеніи владѣльцевъ: по общему правилу, съ вотчины владѣлецъ долженъ былъ отправлять службу для князя или, какъ было потомъ, для царя, а владѣлецъ тяглой земли платилъ съ нея денежный оброкъ. Тутъ была разница въ повинностяхъ, а не въ правахъ на землю; въ этомъ послѣднемъ отношеніи преимущество было скорѣе на сторонѣ тяглыхъ людей, ибо у нихъ земля не отбиралась по тѣмъ или другимъ поводамъ, какъ у вотчинниковъ, а напротивъ, владѣнія ихъ всегда охранялись отъ посягательствъ служилаго сословія.

И у насъ, какъ и повсюду въ Европѣ, произошло такимъ образомъ раздвоеніе поземельной собственности: съ одной стороны, возникло владѣніе высшее, государственное, соединенное съ обязанностью службы и съ значительною властью надъ сельскимъ населеніемъ, а съ другой — продолжалось владѣніе подчиненное, связанное съ различными повинностями въ пользу служилыхъ людей и государства. Вотчинники и помѣщики именовались „государями“ по отношенію къ земледѣльцамъ, а послѣдніе были ихъ „подданными“. Дальнѣйшій историческій процессъ опредѣлялся уже самъ собою: владѣльцы вотчинъ и помѣстій старались утвердить и расширить свои поземельныя права, все болѣе слагая съ себя ограниченія и условія, подъ которыми эти права были имъ даны; они освобождали себя отъ тягостей службы, выставляя вмѣсто себя „даточныхъ людей“; они все болѣе увеличивали свое жалованье за службу, отъ которой уклонялись по возможности, и постепенно пріобрѣтали, одно за другимъ, всѣ фактическія хозяйственныя права землевладѣнія, вмѣстѣ съ неограниченнымъ господствомъ надъ крестьянами. Стоя близко къ источнику власти, они достигли своихъ цѣлей сравнительно легко и скоро; но нужно сказать, что государство упорно боролось противъ стремленій служилаго класса и принимало не разъ энергическія мѣры для удержанія за собою правъ, присвоенныхъ, мало-по-малу, помѣщиками. Сначала дѣло идетъ объ охранѣ интересовъ крестьянства, о недопущеніи полнаго поглощенія его владѣльцами, о сохраненіи непосредственныхъ связей между милліонами поселянъ и государственною властью; — эта задача оказывается, однако, слишкомъ трудною и хлопотливою. Начинается борьба другого рода: государство усиливается, по крайней мѣрѣ, заставить помѣщиковъ исполнять повинность службы, вызываетъ ихъ въ столицы для

распредѣленія по войскамъ и приказамъ, посылаетъ объ этомъ строгія напоминанія, угрожая отнятіемъ помѣстій, — но все это даетъ весьма незначительные результаты. Число „нѣтчиковъ", т.-е. уклоняющихся отъ службы, возрастаетъ непрерывно; служатъ только тѣ, кому это выгодно, кто разсчитываетъ на повышенія и особенныя награды. Борьба съ „нѣтчиками" не привела ни къ чему даже въ суровое царствованіе Петра, — и это вполнѣ естественно: старинный служилый классъ не существовалъ болѣе, онъ превратился въ классъ землевладѣльческій, помѣщичій.

Заключительнымъ актомъ этого вѣкового процесса была „жалованная грамота дворянству", столѣтній юбилей которой долженъ праздноваться въ апрѣлѣ текущаго года. Въ указѣ Петра III „о дарованіи вольности и свободы всему россійскому дворянству", отъ 18 февраля 1762 года, слышится еще отголосокъ прежней, отчасти затихшей борьбы; въ этомъ указѣ, рядомъ съ освобожденіемъ дворянъ отъ обязательной службы, выражена надежда, что дворяне будутъ сами служить добровольно, а „тѣхъ, которые нигдѣ и никакой службы не имѣли, но только въ лѣностяхъ и праздности все время препровождать будутъ..., Мы презирать и уничтожать всѣмъ нашимъ вѣрноподданнымъ и истиннымъ сынамъ отечества повелѣваемъ, и ниже ко двору нашему пріѣздъ, ни въ публичныхъ собраніяхъ и торжествахъ терпимы будутъ". Государство не примирилось еще, очевидно, съ превращеніемъ служилыхъ людей въ землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ. Окончательно и формально совершилось это превращеніе при Екатеринѣ II, съ изданіемъ жалованной грамоты 21 апрѣля 1785 г. Вотчины и помѣстья перешли въ полную частную собственность ихъ владѣльцевъ, съ отмѣною всякихъ прежнихъ ограниченій и условій; служебная повинность упразднена, и дворяне владѣютъ землями уже не въ видѣ жалованья за службу, а въ качествѣ самостоятельныхъ собственниковъ и распорядителей. Подвластное имъ крестьянское землевладѣніе лишается всякой легальной опоры и отдается всецѣло на волю помѣщиковъ. Государство отказывается отъ своихъ правъ на земли, отданныя въ помѣстье и въ вотчину; оно уступаетъ владѣльцамъ многочисленное сельское населеніе, прикрѣпленное къ землѣ въ интересахъ всеобщей государственной службы.

Жалованная грамота императрицы Екатерины II имѣетъ громадное, рѣшающее значеніе въ исторіи поземельной собственности въ Россіи. Петръ I могъ еще распоряжаться землями помѣстными и вотчинными, въ интересахъ государства; онъ запрещалъ всякія отчужденія имѣній, допуская только продажу въ случаяхъ край-

ней надобности, „по особенной нуждѣ"; каждому предоставлено отыскивать руду и устраивать заводы на чужой землѣ, — владѣлецъ обязанъ былъ безъ всякаго вознагражденія отвести извѣстное пространство земли для устройства завода; запрещалось владѣльцамъ рубить лѣса, пригодные для постройки кораблей, подъ страхомъ суровыхъ взысканій и даже смертной казни, — эти лѣса объявлены были заказными, и рубить ихъ предоставлено только казнѣ и ея подрядчикамъ, безъ вознагражденія помѣщиковъ; частныя мельницы отдавались правительствомъ въ откупъ, съ выдѣленіемъ извѣстной части дохода въ пользу казны [1]). Эти и подобныя имъ мѣры логически вытекали изъ государственнаго происхожденія и характера поземельныхъ правъ служилаго сословія. Помѣщики не были собственниками земель; „крестьянамъ они не вѣковые владѣльцы,—какъ говорилъ Посошковъ,—того ради они не весьма ихъ и берегутъ, а прямой ихъ владѣтель всероссійскій самодержецъ, а они владѣютъ временно". Совсѣмъ другое начало было установлено „жалованною грамотою" 1785 года. За дворянами признано исключительное право владѣть крѣпостными людьми съ землею и безъ земли; „право собственности дворянина на его имѣнія не ограничивается одною поверхностью земли, но распространяется въ самыхъ нѣдрахъ той земли и въ водахъ, ему принадлежащихъ, на всѣ сокровенныя произрастенія, минералы и металлы" (ст. 33). Здѣсь находимъ мы ту формулу поземельной собственности, которая вошла въ наши дѣйствующіе законы и получила примѣненіе ко всѣмъ вообще владѣніямъ, какъ дворянскимъ, такъ и купеческимъ и мѣщанскимъ. Отмѣнены были также охранительныя постановленія относительно лѣсовъ; всѣ лѣса, растущіе въ предѣлахъ помѣщичьихъ дачъ, хотя бы они считались заповѣдными, предоставлены въ полное распоряженіе владѣльцевъ. Въ качествѣ законныхъ опекуновъ и обладателей крѣпостного сельскаго населенія, помѣщики имѣли, однако, извѣстныя обязанности относительно государства; ихъ поземельныя права сохраняли политическій оттѣнокъ до послѣдней крестьянской реформы. Помѣщики были не просто землевладѣльцы; это было политическое сословіе, которому дана была опредѣленная организація и отведена значительная роль въ мѣстномъ самоуправленіи. Около 23 милліоновъ крестьянъ принадлежало 110 тысячамъ дворянъ. Раздача помѣстій вмѣсто жалованья привела у насъ къ гран-

[1]) См. „Лекціи и изслѣдованія по исторіи русскаго права", проф. В. Сергѣевича, Спб., 1883, стр. 952—4.

діозному результату, о какомъ не смѣли мечтать даже западно-европейскіе феодалы.

Нѣкоторые писатели находятъ въ нашемъ старомъ поземельномъ устройствѣ обдуманную логическую систему, проникнутую единымъ началомъ служенія государству. По мнѣнію князя Черкасскаго, прикрѣпленіе крестьянъ „имѣло высокую философскую необходимость“; онъ видитъ также превосходство нашего крѣпостного права передъ западнымъ феодализмомъ въ томъ, что безправные крестьяне назывались иногда „сиротами“. Бѣляевъ, говоря о правѣ крестьянъ поступать въ солдаты, замѣчаетъ, что „очевидно законодатель и крѣпостныхъ людей считалъ членами государства, а службу ихъ господамъ — государственною службою (!), только посредственною, т.-е. крѣпостной человѣкъ, служа господину, тѣмъ самымъ служилъ государству, которое считало себя въ правѣ принять и непосредственную его службу, ежели онъ самъ этого желаетъ“. Такъ же точно профессоръ Градовскій полагаетъ, что „закрѣпленіе и несвободное положеніе одного сословія въ государствѣ, того сословія, на которое больше всего опиралась дѣятельность правительства, требовало закрѣпленія другихъ классовъ въ пользу этого сословія“ [1]). Не трудно замѣтить натянутость этихъ объясненій. Обязательная служба дворянъ не имѣла ничего общаго съ крѣпостнымъ правомъ; служебная дѣятельность была почетнымъ поприщемъ для людей способныхъ и честолюбивыхъ; это была единственная возможная карьера для высшаго сословія, и принудительность этой карьеры составляла преимущество дворянства. Неудобства обязательной службы стали чувствоваться уже позднѣе, когда жизнь въ помѣстьяхъ и вотчинахъ оказалась довольно привлекательною при неограниченномъ господствѣ надъ крестьянствомъ. Проводить какую-либо параллель между крѣпостнымъ правомъ и обязательною службою — болѣе чѣмъ странно. Правда, однимъ изъ первоначальныхъ поводовъ къ прикрѣпленію крестьянъ выставлялась необходимость обезпечить исправное полученіе оброка для служилыхъ людей, особенно мелкопомѣстныхъ; но отъ простого запрещенія крестьянскихъ переходовъ до отдачи земледѣльцевъ помѣщикамъ въ полную собственность—цѣлая бездна. Нѣтъ даже малѣйшей тѣни соотвѣтствія между положеніемъ крестьянъ относительно помѣщиковъ и обязанностями послѣднихъ относительно государства; вотчинная власть

[1]) Очеркъ исторіи крестьянскаго сословія, князя В. Черкасскаго („Русскій Архивъ“, 1880, кн. III), стр. 76, 141; „Крестьяне на Руси“, И. Бѣляева М., 1860, стр. 259; „Общественные классы въ Россіи до Петра I“, А. Градовскаго (Журн. Мин. Нар. Просв., 1868, № 4 и 5), стр. 447.

надъ крестьянами возрастала по мѣрѣ сокращенія служебныхъ повинностей владѣльцевъ, и наибольшее усиленіе крѣпостного права началось именно съ того момента, когда дворянство было освобождено отъ обязательной службы. То, что было когда-то жалованьемъ за службу, осталось за помѣщиками уже независимо отъ службы; самыя обширныя права на землю предоставлены были имъ въ то именно время, когда прекратились принудительныя жертвы ихъ на пользу государства и когда обезпеченіе ихъ насчетъ крестьянства утратило уже, повидимому, свой raison d'être. Не надо также забывать, что служба дворянъ въ рядахъ войска вовсе не избавляла другихъ сословій отъ рекрутчины; поэтому замѣчаніе Бѣляева, что крестьянинъ служилъ государству посредствомъ службы помѣщику, оказывается совершенно невѣрнымъ. Главная масса русскаго войска всегда состояла изъ крестьянъ различныхъ категорій, въ томъ числѣ и изъ крѣпостныхъ; положеніе дворянъ выдѣлялось только тѣмъ, что имъ доступны были высшіе ранги, а въ силу одной изъ статей жалованной грамоты предписывалось „съ дворянами, служащими въ нижнихъ чинахъ, поступать во всѣхъ штрафахъ, какъ съ оберъ-офицерами". Притомъ впослѣдствіи давалось за службу особое денежное жалованье, и доходы съ помѣстья не принимались уже въ разсчетъ; безпомѣстные дворяне ничѣмъ не отличались въ этомъ отношеніи отъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, предки которыхъ были поставлены въ возможность спокойно служить съ земли. Не слѣдуетъ вообще преувеличивать значеніе обязательной службы дворянства, въ смыслѣ жертвы на пользу общую; это была скорѣе привиллегія, чѣмъ повинность, по крайней мѣрѣ по мысли закона и по своей дѣйствительной исторической роли.

Взглядъ на частныя земельныя владѣнія, какъ на собственность государства, примѣнялся съ особенною послѣдовательностью въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ въ сущности не имѣлъ твердой исторической основы. Весьма поучительна въ этомъ отношеніи судьба землевладѣнія на сѣверѣ, гдѣ съ давнихъ временъ установилась прочная поземельная собственность въ средѣ крестьянъ и посадскихъ людей. Земли находились тамъ въ вотчинномъ владѣніи, пріобрѣтались по наслѣдству и по формальнымъ актамъ; но онѣ считались „тяглыми" на старомъ оффиціальномъ языкѣ, и этого названія было достаточно для превращенія частныхъ земель въ государственныя. Такого рода крутая реформа произведена была межевыми инструкціями, изданными во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Всякіе документы на владѣніе признавались незаконными, на томъ основаніи, что черносошные крестьяне не могли

имѣть другихъ земель, кромѣ государственныхъ; отъ владѣльцевъ требовались жалованныя грамоты и именные указы, которыхъ они не имѣли, вслѣдствіе чего земли просто отбирались у нихъ безъ вознагражденія, хотя бы эти участки были куплены за наличныя деньги. Въ то же время неравенство владѣній въ средѣ самихъ крестьянъ, возникшее естественно путемъ законныхъ сдѣлокъ и актовъ, казалось несогласнымъ съ задачею тяглыхъ земель—служить постояннымъ фондомъ для равномѣрнаго и исправнаго отбыванія повинностей поселянами; по этому поводу предписано было пустить въ общій передѣлъ всѣ крестьянскія земли, причемъ частныя пріобрѣтенія зачислены были въ разрядъ земель, подлежавшихъ раздѣлу. „Межевыя инструкціи,—какъ выражается талантливая изслѣдовательница этой любопытной исторіи, г-жа Александра Ефименко,—являются настоящими декретами конвента по отношенію къ сѣверному крестьянскому землевладѣнію". Послѣ многихъ тяжбъ и споровъ, предписанный передѣлъ совершился уже въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія, и существовавшее на сѣверѣ частное землевладѣніе замѣнено общиннымъ, благодаря настойчивымъ мѣрамъ правительства [1]). Такимъ образомъ законодательство Екатерины II, проводившее принципъ полной частной собственности относительно дворянскихъ имѣній, придерживалось совсѣмъ другихъ началъ относительно владѣній другихъ сословій и особенно крестьянства. Эта оборотная сторона медали не должна быть упускаема изъ виду при безпристрастной оцѣнкѣ жалованной грамоты 1785 года по отношенію ея къ поземельному вопросу.

VII.

Крестьянская реформа уничтожила различіе между дворянскими имѣніями и не-дворянскими. Землевладѣніе потеряло свой сословный, политическій характеръ; оно стало доступно всѣмъ вообще обывателямъ на одинаковыхъ правахъ. Политическій элементъ землевладѣнія отошелъ къ государству, по принадлежности. Но формула поземельной собственности, выраженная въ дворянской грамотѣ, сохранила понынѣ свою силу, и тѣ широкія права, которыя даны были высшему сословію въ государствѣ, служатъ теперь мѣщанству и купечеству. Еще въ запискахъ Болотова высказано про-

¹) Крестьянское землевладѣніе на крайнемъ сѣверѣ, Александры Ефименко (Изслѣдованія народной жизни, вып. I, М. 1884), стр. 327 и слѣд. См. также Dr. J. Engelmann, Die Leibeigenschaft in Russland. Dorpat, 1884, стр. 358 и сл.

рочество, имѣющее особенный смыслъ въ настоящее время: „роскошь и непомѣрное мотовство нашихъ дворянъ произведутъ то, что большая часть нашихъ селъ и деревень принадлежать будутъ фабрикантамъ, купцамъ, подъячимъ, секретарямъ, докторамъ, и не мы, а они, господами и владѣльцами будутъ“ [1]). Кромѣ роскоши и мотовства—явленій болѣе или менѣе исключительныхъ,—переходу имѣній въ руки капиталистовъ содѣйствуютъ могущественныя общія причины, въ числѣ которыхъ играютъ роль и традиціонныя черты дворянства,—стремленіе къ службѣ въ столицахъ и въ мѣстныхъ центрахъ, слабая наклонность къ сельско-хозяйственной дѣятельности, недостатокъ привязанности къ роднымъ пепелищамъ, обычная податливость по отношенію къ соблазнамъ кредита.

И теперь землевладѣльцы мечтаютъ о легкомъ долгосрочномъ кредитѣ, поддаваясь обманчивымъ прелестямъ этой опасной сирены, повсюду завлекающей въ пропасть частное землевладѣніе. Государственный поземельный банкъ долженъ удовлетворить эту потребность, снабдить помѣщиковъ капиталами и оставить въ ихъ рукахъ заложенныя земли, обремененныя непосильными платежами процентовъ и погашенія; а близорукіе владѣльцы хлопочутъ еще объ томъ, чтобы размѣръ выдаваемыхъ ссудъ былъ какъ можно выше, т.-е. чтобы неоплатность имѣній обнаружилась какъ можно скорѣе. Неизбѣжно повторится исторія до-реформеннаго помѣщичьяго кредита, когда въ залогѣ по ссудамъ изъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій состояла почти половина всѣхъ дворянскихъ имѣній, съ семью милліонами крѣпостныхъ, на общую сумму полумилліарда; разница будетъ только та, что прежнія законныя препятствія къ переходу этихъ земель въ купеческія и мѣщанскія руки не существуютъ болѣе, и мобилизація имѣній совершится съ небывалою легкостью и быстротою. Нѣтъ ничего пагубнѣе для землевладѣнія, какъ мысль о возможности заклада имуществъ съ сохраненіемъ ихъ цѣнности. Отдача имѣнія въ залогъ не есть вовсе пользованіе кредитомъ; это уже замаскированное отчужденіе, допускающее выкупъ. Разумный кредитъ долженъ основываться на хозяйственной дѣятельности лица; онъ можетъ имѣть смыслъ только въ видахъ возвышенія доходности земли и улучшенія земледѣльческой культуры. Такое именно употребленіе получаемыхъ ссудъ должно быть признано обязательнымъ, и оно необходимо подлежитъ контролю правительства, когда ссуды выдаются изъ общественныхъ или государственныхъ средствъ. Къ

---

[1]) Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II, В. И. Семевскаго, т. I, стр. 6—7.

сожалѣнію, объ этихъ ограничительныхъ условіяхъ меньше всего заботятся люди, добивающіеся кредита во что бы то ни стало, хотя-бы цѣною потери своихъ имѣній.

Какъ бы то ни было, бывшія дворянскія помѣстья все болѣе и сильнѣе пускаются въ общій имущественный оборотъ; они все чаще попадаютъ въ руки безразборчивыхъ дѣятелей, стремящихся по возможности быстро обернуть капиталъ посредствомъ вырубки лѣсовъ, продажи скота и размноженія питейныхъ заведеній. Представляется вопросъ: слѣдуетъ ли при подобныхъ обстоятельствахъ сохранить ту щедрую формулировку землевладѣльческихъ правъ, которая нашла свое выраженіе въ дворянской грамотѣ, въ видѣ особенной привилегіи дворянскаго сословія? Мы думаемъ, что настоятельно необходимо возстановить прежнія ограниченія относительно лѣсовъ, рудниковъ и копей, въ интересахъ всего государства и народа. Государственная власть имѣетъ у насъ несомнѣнное историческое право контролировать употребленіе земельныхъ угодій, поставить лѣса подъ охрану закона, обусловить пользованіе рудниками извѣстнымъ срокомъ, хотя бы и весьма продолжительнымъ, — не допускать чрезмѣрныхъ злоупотребленій кредитомъ и способствовать переходу земель во владѣніе единственно-надежнаго и наиболѣе многочисленнаго земледѣльческаго класса, на которомъ держится все дѣйствительное, а не эфемерное и наружное только, благосостояніе страны. Извѣстныя права относительно земли могли казаться не особенно опасными въ рукахъ высшаго культурнаго слоя, имѣющаго свои традиціи и облеченнаго полномочіями государственнаго свойства; но эти же права могутъ дѣйствовать губительно на народное хозяйство, если ими пользуются болѣе низменные, хищные элементы, не знающіе никакихъ нравственныхъ и общественныхъ мотивовъ въ своей дѣятельности. Вотъ почему не все то, что̀ дано было дворянству по политическимъ соображеніямъ, можетъ быть распространено безъ разбора на всякихъ вообще землевладѣльцевъ; излишнія уступки, сдѣланныя въ ущербъ обще-государственнымъ и народнымъ интересамъ, должны быть взяты обратно, и поземельныя права должны быть опредѣлены тѣснѣе. Въ виду измѣнившихся условій, должны измѣниться и законы. Какъ въ крѣпостной Россіи краеугольнымъ камнемъ общественнаго строя было помѣщичье дворянство, такъ теперь главною основою нашего народнаго быта признается свободное крестьянское землевладѣніе. Соотвѣтственно этой коренной перемѣнѣ въ жизни, должно быть преобразовано и наше поземельное законодательство.

Въ эпоху освобожденія крестьянъ у насъ господствовалъ

взглядъ, что свободная личная собственность есть обязательный высшій идеалъ для нашихъ будущихъ поземельныхъ отношеній. Общинное владѣніе разсматривалось какъ нѣчто временное, переходное, дошедшее до насъ только подъ прикрытіемъ крѣпостного права и обреченное на неизбѣжную гибель съ дальнѣйшимъ развитіемъ культуры. Въ этомъ взглядѣ была ошибка. Чисто-личное землевладѣніе можетъ существовать только въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ; собственникъ долженъ въ своемъ участкѣ имѣть не только пахатную землю, но и пастбище, и лѣсъ, для того, чтобы вести правильное хозяйство, не нуждаясь въ сосѣдяхъ. Мелкіе самостоятельные владѣльцы, не имѣя помощи извнѣ, принуждены рано или поздно уступать свои земли капиталистамъ или отказываться отъ земледѣлія, по недостатку средствъ для содержанія скота или по отсутствію необходимыхъ земледѣльческихъ орудій. При системѣ личной собственности крестьянское землевладѣніе не выдерживаетъ соперничества съ крупнымъ и неудержимо клонится къ упадку. Наглядный примѣръ мы видимъ въ этомъ отношеніи во Франціи. Издавна въ этой странѣ считалась весьма распространенною мелкая поземельная собственность. Такъ и было въ дѣйствительности въ началѣ настоящаго столѣтія. Между тѣмъ, по новѣйшимъ оффиціальнымъ даннымъ оказывается, что поселяне, обрабатывающіе свои собственные участки, владѣютъ едва десятою долею всего воздѣлываемаго пространства; остальныя девять-десятыхъ принадлежатъ лицамъ, чуждымъ земледѣлію. Изъ 50 милліоновъ гектаровъ крестьянство имѣетъ лишь 4 милліона; притомъ число владѣльцевъ этой земли превышаетъ два милліона, такъ что на долю каждаго выпадаетъ въ среднемъ выводѣ весьма ничтожный участокъ. Иллюзія процвѣтанія мелкой собственности вызывается лишь большимъ количествомъ дробныхъ владѣній, обложенныхъ поземельнымъ сборомъ; такихъ отдѣльныхъ клочковъ земли числится 14 милліоновъ, и изъ нихъ большинство даетъ менѣе пяти франковъ налога. Значительная часть этихъ такъ-называемыхъ собственниковъ находится въ положеніи пролетаріевъ. Поселяне бросаются на промышленныя и фабричныя работы, а обычный контингентъ сельскихъ арендаторовъ и рабочихъ все болѣе уменьшается. Во многихъ мѣстностяхъ Франціи остаются пустыя фермы, на которыя нѣтъ охотниковъ; отсюда жалобы на сельско-хозяйственный кризисъ и на упадокъ земледѣлія [1]). Несомнѣнно, что одною изъ главнѣйшихъ причинъ этого

---

[1]) Alfred Fouillée, La propriété sociale et la democratie. Paris, 1884, стр. 51—2, прим.

упадка является разрозненность мелкихъ владѣльцевъ, дѣлающая для нихъ безнадежнымъ самостоятельное веденіе хозяйства. Чрезполосность такихъ участковъ ведетъ къ постояннымъ столкновеніямъ; пограничные споры тянутся нерѣдко многіе годы, а отсутствіе общихъ способовъ дѣйствія исключаетъ возможность предпріятій, требующихъ совмѣстной работы многихъ хозяевъ. Всѣ эти неудобства устраняются общиннымъ владѣніемъ, которое служитъ объединяющею и поддерживающею силою для крестьянства. Общественный элементъ землевладѣнія уходитъ въ общину, гдѣ онъ получаетъ свое естественное и наиболѣе полное выраженіе.

Исключительное значеніе личной поземельной собственности для интересовъ сельскаго хозяйства долго признавалось совершенно безспорною аксіомою; но болѣе точное изслѣдованіе показало, что эта истина подлежитъ значительнымъ изъятіямъ и ограниченіямъ. Собственникъ далеко не всегда лично занимается земледѣліемъ; въ большей части европейскихъ государствъ преобладаетъ арендная система, и землевладѣльцы довольствуются лишь полученіемъ ежегоднаго дохода, предоставляя арендаторамъ пользоваться землею по своему усмотрѣнію. Англійскіе владѣльцы довели свои помѣстья въ Ирландіи до полнаго разоренія, а лучшія земледѣльческія хозяйства въ Англіи устроены фермерами, а не собственниками. Что всего удивительнѣе, — наиболѣе усовершенствованная обработка земли замѣчается въ тѣхъ мѣстностяхъ Европы, гдѣ практикуется долгосрочная или наслѣдственная аренда, напримѣръ, въ Бретани, въ Голландіи, отчасти въ Италіи и въ Португаліи [1]). Это явленіе имѣетъ свои причины. Во-первыхъ, собственники рѣдко обнаруживаютъ склонность лично воздѣлывать свою землю, если имѣютъ малѣйшее основаніе разсчитывать на доходъ при помощи чужого труда. Во-вторыхъ, владѣльцы, даже самые мелкіе, ставятъ обыкновенно своимъ идеаломъ полученіе ренты съ земли и направляютъ къ этой цѣли всѣ свои усилія; они дѣлаютъ непосильныя затраты на округленіе своихъ участковъ и впадаютъ въ долги, изъ которыхъ трудно выпутаться. Въ-третьихъ, владѣльцы, занимающіеся лично сельскимъ хозяйствомъ, не всегда могутъ имѣть въ своемъ распоряженіи надлежащее количество исправныхъ работниковъ, и это обстоятельство ставитъ собственника въ крайнее затрудненіе, если безъ наемныхъ силъ обработка земли невозможна. Слишкомъ мелкіе владѣльцы стѣснены въ одномъ отношеніи, болѣе крупные—

---

[1]) Н. Карышевъ, Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель на континентѣ Европы. Спб. 1885.

въ другомъ, и для тѣхъ и другихъ является болѣе выгоднымъ отдача земли сосѣдямъ или мѣстнымъ поселянамъ въ долгосрочную, даже наслѣдственную аренду, подъ условіемъ правильнаго поступленія опредѣленной ежегодной платы. Арендаторы-крестьяне обработываютъ землю своими трудами и не могутъ обременять ее кредитомъ; въ то же время они чувствуютъ себя обезпеченными въ своихъ поземельныхъ правахъ, при наслѣдственномъ ихъ характерѣ.

Участки, принадлежащіе владѣльцамъ на правѣ собственности, могутъ быть или слишкомъ дробны, или слишкомъ крупны для успѣшнаго веденія хозяйства; размѣры владѣній рѣдко совпадаютъ съ обычными предѣлами земледѣльческихъ фермъ. Въ Англіи, при господствѣ крупнаго землевладѣнія, преобладаютъ среднія и мелкія хозяйства, такъ что воздѣлываніе земли обходится вообще безъ участія собственниковъ [1]); при отдачѣ имѣній въ аренду земля распредѣляется на отдѣльныя фермы, соотвѣтственно условіямъ и требованіямъ земледѣлія. Точно также чрезмѣрная дробность участковъ вызываетъ необходимость искусственныхъ мѣръ для возстановленія нормальныхъ хозяйственныхъ условій; отдѣльныя полосы земли соединяются въ болѣе значительныя хозяйства для совмѣстной обработки самими владѣльцами, и тогда фактически возстановляется община,—или соединеніе участковъ совершается въ рукахъ арендаторовъ и при ихъ посредствѣ, — или наконецъ измельчавшія владѣнія забрасываются, и собственники ихъ превращаются въ фабричныхъ рабочихъ. Во Франціи, съ паденіемъ общиннаго землевладѣнія, естественное дробленіе земель привело къ тому, что, напримѣръ, на пространствѣ полуторы тысячи гектаровъ существуетъ до 37 тысячъ самостоятельныхъ участковъ и что многія „владѣнія“ измѣряются сотыми долями гектара. О земледѣліи не можетъ быть и рѣчи при подобныхъ условіяхъ; клочокъ земли теряетъ всякую цѣнность для владѣльца и перестаетъ служить ему даже жилищемъ. Въ Австріи, съ выдѣленіемъ прежнихъ общинныхъ земель въ частную собственность крестьянъ, образовался совершенный хаосъ въ распредѣленіи участковъ; каждый имѣетъ узкія, длинныя полосы земли въ различныхъ мѣстахъ, луга и пастбища также раздѣлены на мелкія доли, и веденіе хозяйства сопряжено съ массою затрудненій, напрасныхъ затратъ и раздоровъ. Правительство выработало законъ о соединеніи такого

[1]) Die Agrarstatistik Grossbritaniens. von Prof. Paasche (Conrad's Jahrbücher für National-Oekonomie etc., 1882, № 2), стр. 211. Почти половина всей земли въ Англіи занята фермами менѣе 300 акровъ; крупныхъ хозяйствъ (болѣе 500 акровъ) только 12%, а въ Уэльсѣ—2%.

рода участковъ и новомъ регулированіи границъ; но крестьяне недовѣрчиво относятся къ вмѣшательству чиновниковъ, и успѣхъ предложеннаго закона весьма сомнителенъ [1]). Въ сущности здѣсь дѣло идетъ объ оффиціальномъ передѣлѣ земли, который долженъ замѣнить прежніе общинные передѣлы; однако, то, что легко выполняется по мѣрѣ надобности при общинномъ владѣніи, оказывается почти неосуществимымъ при системѣ личной собственности. Извѣстный экономистъ Рошеръ предлагаетъ принудительный выкупъ дробныхъ владѣній государствомъ для распродажи ихъ въ видѣ цѣльныхъ объединенныхъ участковъ надлежащаго размѣра; но такъ какъ земля, по мысли Рошера, продавалась бы въ личную собственность, то черезъ нѣкоторое время вновь нарушилось бы равновѣсіе въ распредѣленіи хозяйствъ, и предлагаемую операцію выкупа и передѣла пришлось бы повторять періодически. Вмѣсто разрушенной общины введено было бы нѣчто весьма странное, и принципъ собственности остался бы пустымъ звукомъ, безъ реальнаго содержанія. Нечего и говорить о томъ, что подобныя мѣры не достигали бы цѣли и производили бы постоянную смуту въ землевладѣніи.

Такимъ образомъ мелкая поземельная собственность, предоставленная на волю отдѣльныхъ владѣльцевъ, распадается и гибнетъ; она можетъ существовать и развиваться только въ атмосферѣ сельской общины, при тѣсной традиціонной солидарности ея членовъ. Этимъ объясняется живучесть общинныхъ порядковъ даже тамъ, гдѣ они легально давно уничтожены въ силу ошибочныхъ экономическихъ доктринъ. Во многихъ мѣстностяхъ Пруссіи поземельная община сохранилась понынѣ, съ передѣломъ участковъ по жребію; дѣлятся не только луга, пастбища, полевыя и лѣсныя угодья, но и огороды. Гдѣ исчезли послѣдніе слѣды общины, тамъ искусственно возсоздается ея слабая тѣнь, въ видѣ земледѣльческихъ товариществъ. Въ ряду этихъ организацій особенно замѣчательны тѣ, которыя имѣютъ цѣлью „совмѣстное веденіе хозяйства“, употребленіе дорогихъ машинъ, общее пользованіе рабочимъ скотомъ, и т. п. Пріобрѣтеніе дорогостоющихъ сельско-хозяйственныхъ орудій цѣлыми сельскими обществами все болѣе входитъ въ обычай въ Германіи и въ Австріи [2]). Прежніе доводы противъ общины, основанные на исключительной

---

[1]) См. H. Pospischil, Die Heimstätte mit besonderer Rücksicht auf die Verhältnisse des bäuerlichen Grundbesitzes in Oesterreich. Wien, 1884, стр. 34—5, 102 и др.

[2]) Karl Preser, Die Erhaltung des Bauernstandes. Lpz., 1884, стр. 45, 385 и др.; Pospischil, стр. 15.

творческой силѣ личной собственности, все болѣе переходятъ въ область иллюзій,—по крайней мѣрѣ въ примѣненіи къ мелкому землевладѣнію. Забота о цѣлости крестьянскихъ дворовъ и участковъ касается только интересовъ сельскаго хозяйства; но она оставляетъ открытымъ вопросъ о судьбѣ массы земледѣльцевъ, исключаемыхъ изъ участія въ земельномъ наслѣдствѣ и переполняющихъ города въ качествѣ бездомныхъ пролетаріевъ. Законодательство не можетъ упускать изъ виду эту печальную перспективу обнищанія значительной части народа.

Было время, когда внѣшнее увеличеніе богатства считалось единственною задачею экономической политики; все вниманіе обращено было на усиленіе производства, хотя бы оно достигалось цѣною повальнаго разоренія многихъ тысячъ людей,—такъ что одинъ писатель возбудилъ даже вопросъ: „развѣ люди существуютъ для богатства, а не наоборотъ, и неужели человѣкъ самъ по себѣ ничего не значитъ?“ Доходность имѣній можетъ сильно возвыситься, если обработка земли замѣняется скотоводствомъ; но въ такомъ случаѣ некуда было бы дѣваться мѣстнымъ поселянамъ, лишеннымъ собственной земли. Крупный владѣлецъ верхней Шотландіи, герцогъ Аргайль, изображаетъ розовыми красками процвѣтаніе своего края, подъ вліяніемъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній. Онъ краснорѣчиво описываетъ нищенское состояніе земледѣльцевъ въ прежнее время; жалкія хижины гнѣздились среди полей, дававшихъ ничтожные доходы. Теперь земли заняты подъ пастбища, и рента увеличилась въ громадныхъ размѣрахъ. „Участки, которые прежде прокармливали населеніе бѣдное и невѣжественное, содержатся теперь двумя или тремя или даже пятью фермерами; но это было необходимо,—говоритъ авторъ,—для надлежащаго прогресса въ земледѣліи“ [1]). Герцогъ Аргайль даетъ добросовѣстный отчетъ въ увеличеніи своей ренты, благодаря введенію крупнаго фермерства взамѣнъ мелкихъ крестьянскихъ хозяйствъ; онъ забываетъ только сообщить, что̀ сталось съ этимъ бѣднымъ, невѣжественнымъ населеніемъ, которое вытѣснено изъ своихъ гнѣздъ въ интересахъ сельско-хозяйственнаго прогресса. Не всякая страна имѣетъ возможность выселять своихъ крестьянъ въ чужіе отдаленные края, въ интересахъ крупныхъ землевладѣльцевъ; не вездѣ государство такъ легко примиряется съ потерею части населенія, хотя бы и невѣжественнаго, и бѣднаго, — ибо невѣжество, какъ и бѣдность, есть явленіе преходящее, поправимое, а опустѣніе страны, исчезновеніе сельскаго рабочаго

---

[1]) „Nineteenth Century“, 1883, № 2, стр. 191—4.

класса, есть источникъ общей слабости и тяжелаго внутренняго недуга, котораго не прикроетъ никакой внѣшній промышленный блескъ. Подобно герцогу Аргайлю, разсуждали многіе и у насъ еще сравнительно недавно; разница только та, что англійскій авторъ имѣетъ предъ собою условія, прямо противоположныя нашимъ,—подавляющее господство средняго городского сословія и сравнительное ничтожество земледѣльческаго населенія. Но и въ Англіи принципы герцога Аргайля и его единомышленниковъ оказались на практикѣ несостоятельными во всѣхъ отношеніяхъ. Уменьшеніе числа поселянъ, вслѣдствіе переселенія ихъ въ Америку или перехода въ разрядъ фабричныхъ рабочихъ, выдвинуло вопросъ чрезвычайно важный и даже нѣкоторымъ образомъ роковой для крупнаго землевладѣнія — вопросъ объ отсутствіи или недостаткѣ наемныхъ сельскихъ работниковъ. Такъ какъ земледѣльческія работы не могутъ давать постоянныя средства къ жизни въ теченіе цѣлаго года, то не можетъ выработаться и особый классъ сельскихъ рабочихъ. Безземельные поселяне предпочитаютъ болѣе выгодныя и прочныя занятія въ городскихъ промыслахъ, на фабрикахъ или заводахъ; а самостоятельные мелкіе хозяева нанимаются на работы только временно, въ случаяхъ крайней нужды. Владѣльцы и арендаторы остаются безъ необходимыхъ рабочихъ силъ; они должны прибѣгать къ разнообразнымъ мѣрамъ для привлеченія ихъ, выдавая деньги въ счетъ будущей платы или сдавая въ аренду крестьянамъ нужныя имъ угодья подъ условіемъ отработки. У насъ предлагается даже общая законодательная мѣра, довольно первобытная и едва ли цѣлесообразная—установленіе уголовной отвѣтственности за неисполненіе договоровъ рабочими; само собою разумѣется, что такой законъ можетъ лишь сократить предложеніе наемнаго труда, а владѣльцы мало выиграютъ отъ преслѣдованія поселянъ, уклоняющихся отъ условленныхъ работъ ради интересовъ своихъ самостоятельныхъ хозяйствъ. Нужда въ сельскихъ рабочихъ вызываетъ общія жалобы и въ Англіи, и во Франціи, и въ Австро-Венгріи; множество имѣній и фермъ не находитъ охотниковъ для воздѣлыванія пустующей земли, и сельско-хозяйственный кризисъ становится хроническимъ въ богатѣйшихъ, повидимому, странахъ Европы. Стремленіе уменьшить потребность въ наемномъ трудѣ выражается въ перемѣнѣ системы хозяйства—въ расширеніи скотоводства въ ущербъ земледѣлію; „гдѣ прежде пахалъ плугъ,—говоритъ г. Каблуковъ въ своей недавно вышедшей книгѣ,—тамъ теперь растетъ трава; гдѣ ходили люди, тамъ землю топчетъ скотъ". Но скотоводство не можетъ долго преобладать надъ земледѣліемъ, и въ

то время какъ „фермеры поднимаютъ вопросъ о томъ, какъ привлечь рабочаго къ землѣ, рабочій поднимаетъ вопросъ о томъ, какъ привязать землю къ рабочему“ [1]). Для владѣльцевъ открытъ одинъ только надежный путь для извлеченія дохода изъ своихъ имѣній—отдача участковъ въ аренду крестьянамъ, нуждающимся въ землѣ для приложенія своихъ рабочихъ силъ. Итакъ, крупное землевладѣніе заинтересовано въ томъ, чтобы рядомъ съ нимъ существовало зажиточное, постоянно размножающееся крестьянство, заявляющее все болѣе усиливающійся спросъ на чужія земли, а такое крестьянство развивается и поддерживается только при существованіи сельской общины. Отсюда понятно, почему консервативные магнаты Австро-Венгріи и Германіи являются столь энергическими сторонниками общиннаго быта деревень. Регулированіе арендкаго права представляетъ такую же жизненную важность для крупной и средней собственности, какъ для мелкой; а сохраненіе и обезпеченное развитіе общины, являясь необходимостью для крестьянскаго землевладѣнія, есть въ то же время одно изъ существенныхъ условій прочнаго благосостоянія народа и государства.

VIII.

Много увлеченій и разногласій порождено было двумя основными чертами нашего новаго поземельнаго строя—такъ-называемымъ надѣломъ крестьянъ землею и общиннымъ землевладѣніемъ. Особенно странными кажутся теперь фантастическія представленія, соединявшіяся съ словомъ „надѣлъ“. Около этого слова велись горячіе споры; съ нимъ связывались великія надежды и мрачныя опасенія. Создавались легенды о безпокойствѣ западно-европейскихъ правительствъ, въ виду неудобнаго примѣра, даннаго Россіею; приводились слова Кавура, что „русскій надѣлъ землею болѣе страшенъ для Европы, чѣмъ милліонная армія“ [2]). Все это было результатомъ простого недоразумѣнія. Неудачно выбранный терминъ принятъ былъ за идею, и слову придавался смыслъ, совершенно несогласный съ дѣйствительностью. О надѣлѣ крестьянъ землею, какъ о новомъ и смѣломъ принципѣ, можно было бы говорить только въ томъ случаѣ, еслибы крестьянамъ безплатно давалась земля, которой они ранѣе не имѣли. Такъ и понимали

---

[1]) Вопросъ о рабочихъ въ сельскомъ хозяйствѣ, Н. Каблукова. Москва, 1884, стр. 298—9.

[2]) См. подробный разборъ различныхъ современныхъ мнѣній о реформѣ въ книгѣ г. Тернера: Etudes sur la question de l'abolition du servage en Russie. Paris, 1859.

дѣло иностранцы, прислушиваясь къ нашимъ толкамъ о надѣлѣ. Но ничего подобнаго у насъ не было; никакого надѣленія землею не происходило, а совершена была обязательная продажа крестьянамъ части земель, находившихся въ ихъ фактическомъ пользованіи, за опредѣленную денежную цѣну, которую помѣщики получили въ видѣ выкупа черезъ посредство государственнаго казначейства. Такимъ же способомъ выкуплены были крестьянскія владѣнія и въ Германіи, и въ Австро-Венгріи; только во Франціи крестьяне сдѣлались собственниками безъ выкупа оброчныхъ платежей и повинностей. Различіе между нашею крестьянскою реформою и устройствомъ сельскаго населенія на западѣ зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что тамъ отмѣна крѣпостного права предшествовала ликвидаціи поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами, а у насъ дѣло освобожденія совпадало съ первоначальнымъ устройствомъ быта новыхъ сельскихъ обывателей. Въ Европѣ крестьяне, не будучи уже безправными подданными владѣльцевъ, гораздо ранѣе обезпечили за собою прочныя права на землю; они считались чиншевиками, наслѣдственными арендаторами, а обязательный выкупъ повинностей превращалъ ихъ въ собственниковъ. Понятно, что съ точки зрѣнія закона самостоятельныя права на землю не могли признаваться за нашими крестьянами до тѣхъ поръ, пока послѣдніе никакихъ вообще гражданскихъ правъ не имѣли; но извѣстныя постоянныя отношенія къ землѣ существовали фактически въ теченіе многихъ поколѣній, и ничего новаго не было дано крестьянству обманчивымъ принципомъ „надѣла“. Если примѣнять здѣсь этотъ неподходящій терминъ, то съ такимъ же основаніемъ можно бы распредѣленіе выкупныхъ суммъ назвать „надѣленіемъ помѣщиковъ капиталами“;—въ обоихъ случаяхъ получается ошибочное понятіе о предметѣ, вслѣдствіе невѣрнаго употребленія словъ.

Съ вопросомъ объ общинѣ связывается также цѣлый рядъ постороннихъ примѣсей, которыя должны быть тщательно отдѣляемы отъ реальной сущности и основы явленія. Поземельная община есть прежде всего фактъ сельско-хозяйственный, вытекающій изъ условій мелкаго землевладѣнія. Она, вѣроятно, существовала бы понынѣ во всей Европѣ, еслибы ее не уничтожали насильственно во имя ложныхъ теорій и предубѣжденій. Она сохранилась у насъ подъ прикрытіемъ крѣпостного права, при значительномъ содѣйствіи государственной власти, заинтересованной въ исправномъ поступленіи податей съ крестьянъ. Въ одной изъ статей Положенія 19 февраля для великороссійскихъ губерній общинное владѣніе опредѣляется, какъ такое „обычное пользо-

ваніе, при которомъ земли, по приговору міра, передѣляются или распредѣляются между крестьянами—по душамъ, тягламъ или инымъ способомъ, а повинности, положенныя за землю, отбываются за круговою порукою“ (ст. 113, примѣчаніе). Въ этомъ опредѣленіи выставляется признакъ, имѣющій существенное значеніе для правительства въ смыслѣ фискальномъ, но вовсе не обязательный для сельской общины; также точно и передѣлы земель не составляютъ непремѣнной и постоянной принадлежности общиннаго владѣнія. Общіе передѣлы могутъ совершаться очень рѣдко или даже фактически совсѣмъ прекратиться; извѣстныя пространства земли, требовавшія особенныхъ затратъ для обработки, не поступаютъ въ раздѣлъ, и однако владѣніе не перестаетъ быть общиннымъ. Земледѣльцы—народъ слишкомъ положительный и консервативный, чтобы передѣлять участки ради принципа, безъ дѣйствительной въ томъ надобности. За общиной, т.-е. за совокупностью ея членовъ, всегда остается право на передѣлъ, и отдѣльные хозяева никогда не могутъ считать себя изъятыми отъ дѣйствія этого права, пока они не вышли изъ состава общины. Каждый крестьянинъ имѣетъ право на идеальную долю въ общинной землѣ, сообразно числу взрослыхъ работниковъ въ данное время; эта доля есть поэтому величина перемѣнная и не можетъ быть опредѣлена разъ на всегда для того или другого члена общины, безъ нарушенія правъ остальныхъ ея членовъ. Доля участія каждаго въ общинномъ владѣніи можетъ уменьшиться въ будущемъ, вслѣдствіе естественнаго наростанія населенія въ средѣ общины; и если отдѣльный хозяинъ требуетъ выдѣла своего нынѣшняго участка въ полную собственность, то онъ въ сущности получаетъ больше, чѣмъ могъ бы разсчитывать по праву. Начало нераздѣльности предписывается назначеніемъ и природою общиннаго землевладѣнія, разсчитаннаго, главнымъ образомъ, на обезпеченіе будущихъ поколѣній крестьянства.

Допущеніе раздѣла и выдѣла общинныхъ земель въ частную собственность противорѣчитъ даже указаніямъ самого закона и общимъ началамъ права. Законъ причисляетъ къ „общественнымъ имуществамъ“, на ряду съ землями казенныхъ селеній, городскихъ и дворянскихъ обществъ,—также „имущества, пріобрѣтенныя въ собственность обществами крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“ (ст. 414, т. X, ч. I, п. 4). Казалось бы поэтому, что земли сельскихъ обществъ столь же мало могутъ подлежать распредѣленію на правѣ собственности между отдѣльными поселянами, какъ городскія или дворянскія общественныя земли—между отдѣльными горожанами или дворянами. „Когда

земля выкуплена цѣлымъ сельскимъ обществомъ,—говорится въ Положеніи о выкупѣ,—то она признается собственностью всего общества, которое пользуется правомъ разверстки ея между своими членами" (ст. 160). Сельское общество вообще облечено всѣми правами юридическихъ лицъ; оно можетъ „пріобрѣтать въ собственность движимыя и недвижимыя имущества", распоряжаться ими по своему усмотрѣнію и т. д. Между тѣмъ, законъ примѣняетъ къ этимъ общественнымъ землямъ правила объ общей собственности нѣсколькихъ опредѣленныхъ лицъ,—и выходитъ странная непослѣдовательность, внушенная видимымъ недовѣріемъ къ долговѣчности сельской общины. По закону, „каждый членъ сельскаго общества можетъ требовать, чтобы изъ состава земли, пріобрѣтенной въ общественную собственность, былъ ему выдѣленъ въ частную собственность участокъ, соразмѣрный съ долею его участія въ пріобрѣтеніи этой земли" (ст. 36 Общаго положенія). Какая же это общественная собственность, если каждый можетъ изъ нея по произволу требовать своей доли сполна? Это внутреннее противорѣчіе должно быть необходимо устранено, такъ какъ распаденіе общины, которое могло казаться желательнымъ четверть вѣка тому назадъ, теперь никому уже не представляется полезнымъ. Тогда предполагалось, что община не продержится долго и что крестьяне воспользуются правомъ окончательнаго упраздненія ея, по приговорамъ большинства двухъ третей голосовъ; каждому сельскому обществу предоставлено „замѣнить общинное пользованіе наслѣдственнымъ, т.-е. отмѣнивъ передѣлы и разверстку мірской земли, разбить ее разъ на всегда на подворные участки и раздать ихъ домохозяевамъ въ потомственное пользованіе" (ст. 115 великор. полож.). Это правило примѣнено даже къ землямъ башкиръ; только для царанъ Бессарабской области постановлено, что мірская земля „образуетъ неприкосновенную землю поселянскаго надѣла, предназначенную для постояннаго обезпеченія быта всего земледѣльческаго сословія". Законъ настолько не предвидѣлъ развитія сельской общины, что допускалъ лишь переходъ отъ общиннаго владѣнія къ участковому, не упоминая вовсе о возможности обратной перемѣны. А на дѣлѣ обнаружилось нѣчто совсѣмъ другое: общинные порядки вводятся сплошь и рядомъ въ Малороссіи, гдѣ существовало подворное владѣніе, и община нигдѣ не проявляетъ признаковъ упадка, если не считать внѣшнихъ неблагопріятныхъ вліяній, болѣе или менѣе преходящихъ [1]).

---

[1]) См. объ этомъ „Очерки общиннаго землевладѣнія", г. В. В. въ „Отеч. Зап." и статью В. Пругавина въ „Русской Мысли" (1884, № 7), а также сочиненія объ об-

„Жизнь показываетъ,—говоритъ управляющій крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ, г. Картавцевъ, въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ оффиціальныхъ отчетовъ,—что подворные владѣльцы, получая ссуду подворно, дѣлятъ землю подушно; что чистѣйшіе малороссіяне бываютъ общинниками; что иногда при прежнемъ подворномъ владѣніи, при подворной покупкѣ и при подворномъ же раздѣлѣ большей части земли, значительное количество угодій не только не дѣлится, но обрабатывается міромъ, и между членами послѣдняго распредѣляется не сѣнокосъ, а уже сѣно въ копнахъ, не очеретъ, а кули камыша и т. д.“ [1]). Г. Картавцевъ приводитъ нѣсколько любопытныхъ примѣровъ замѣны участковаго владѣнія общиннымъ; многія малороссійскія общества, пріобрѣтая земли при помощи крестьянскаго банка, или сразу вводятъ у себя общинное пользованіе, или, сдѣлавъ кратковременный опытъ съ подворнымъ владѣніемъ, черезъ нѣкоторое время преобразуются въ настоящія общины. Иногда нѣсколько сельскихъ обществъ соединяются для совмѣстнаго пріобрѣтенія земли въ общую собственность; а чаще всего земли покупаются „товариществами“, не подходящими подъ понятіе общества или отдѣльныхъ поселеній. Законъ связываетъ начало общиннаго владѣнія съ организаціею сельскаго общества, какъ административной единицы,— хотя община можетъ существовать и въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ отдѣльныхъ деревень; это ограниченіе, заставляющее называть общины товариществами, не имѣетъ разумнаго основанія. Необходимо отвести общинному землевладѣнію подобающее мѣсто въ нашихъ законахъ и признать за нимъ ту роль, какую оно играетъ въ жизни. Значеніе общинъ для крупныхъ сельско-хозяйственныхъ улучшеній освѣщается лучше всего двумя примѣрами, взятыми на удачу изъ указаннаго выше отчета г. Картавцева. У крестьянъ, купившихъ имѣніе, „было большое болотное пространство; они тотчасъ же послѣ покупки провели канаву изъ залива озера въ рѣку, и уже нынче на прежнемъ болотѣ пасется

щинѣ—проф. А. Посникова (Спб., 1878, вып. I—II), К. Д. Кавелина (Спб., 1876) и I. Keussler, Zur Geschichte des bäuerlichen Gemeindebesitzes in Russland, вып. I—III. Въ пользу сохраненія общины высказывается между прочимъ весьма добросовѣстный нѣмецкій изслѣдователь, Тунъ (Landwirtschaft und Gewerbe in Mittelrussland seit Aufhebung der Leibeigenschaft, von Alphons Thun, Lpz., 1880, стр. 138—142). Нѣкоторыя дѣльныя замѣчанія высказаны объ этомъ предметѣ А. С. Хомяковымъ (Русскій Архивъ, 1884, № 4, стр. 261—9) и Гильфердингомъ (Собраніе сочиненій, Спб., 1868, т. 2, стр, 449—478).

[1]) Извлеченіе изъ отчета, представленнаго министру финансовъ управляющимъ крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ по командировкѣ его весною 1884 года. Спб., 1884, стр. 82—3 и др.

ихъ скотъ. Сосѣди ихъ, купившіе другое имѣніе, сдѣлали работу весьма капитальную; къ пахатнымъ полямъ и къ сѣнокосамъ на купленной землѣ ѣхать имъ приходилось верстъ восемь, и притомъ съ двумя подъемами на кручу, подъ которою теперь селятся и они сами; купивъ землю осенью, нынче уже весной провели дорогу у самой подошвы упомянутой кручи; ее пришлось прокопать на пространствѣ двухъ съ половиною или трехъ верстъ, причемъ на три или четыре сажени пути приходилось вынуть не менѣе кубической сажени земли; крестьяне трудились всю весну и начало лѣта во всѣ промежутки между спѣшными полевыми работами" [1]). Разумѣется, такія улучшенія были бы немыслимы для отдѣльныхъ личныхъ собственниковъ, и поэтому понятна также приверженность крестьянъ къ обычаямъ общиннаго владѣнія.

Придавая громадную важность сохраненію и развитію сельской поземельной общины, мы не можемъ, однако, раздѣлять преувеличенный оптимизмъ ея безусловныхъ поклонниковъ. „Въ средѣ нашего крестьянства,—говоритъ одинъ изъ компетентныхъ представителей этого направленія, — существовала съ первыхъ дней его жизни, и существуетъ теперь, совершенно законченная система соціально-экономическихъ отношеній, принципіально отличная отъ господствующей у насъ и на западѣ. Давая каждому возможность приложить свой трудъ и обезпечивая безспорное пользованіе продуктами этого труда, народная система, въ противоположность господствующей, отрицаетъ приложеніе принципа собственности къ тому, что не составляетъ продукта труда,—къ землѣ, признавая ее неотчуждаемою собственостью всѣхъ жителей извѣстной территоріи. Основанная на началахъ взаимности и общинности, на началахъ, совершенно противоположныхъ тѣмъ, которыя лежатъ въ основѣ господствующей системы и которыя можно назвать началами индивидуализма и соперничества интересовъ, народная система установляетъ равенство членовъ въ трудѣ и продуктѣ, во всѣхъ выгодахъ и потеряхъ, признавая этотъ путь единственнымъ для практическаго осуществленія идеи общаго блага. Начала эти, составляющія продуктъ народнаго самосознанія, воспитаннаго на вѣковомъ опытѣ, проникаютъ весь строй экономической жизни крестьянства даже и въ настоящее время" [2]). Очевидно, нарисованная въ этихъ словахъ картина имѣетъ мало общаго съ дѣйствительною крестьянскою общиною; реальная жизнь

[1]) Тамъ же, стр. 63.

[2]) Очеркъ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи, П. А. Соколовскаго. Спб., 1877, стр. 181.

не знаетъ этой мечтательной идилліи, этого взгляда на землю какъ на собственность всѣхъ и каждаго, этого равенства въ трудѣ и продуктѣ, этого безусловнаго стремленія къ общему благу. Напротивъ, крестьяне вполнѣ соблюдаютъ различіе между зажиточными и бѣдными; они хорошо знаютъ цѣну землѣ и вовсе не отрицаютъ присвоеніе ея въ собственность, такъ какъ владѣніе не перестаетъ быть собственностью отъ того, что оно принадлежитъ сельской общинѣ. Общинное владѣніе не можетъ также считаться спасительнымъ средствомъ противъ всякихъ соціальныхъ золъ; оно все-таки представляетъ только форму, въ которую можетъ войти какое угодно содержаніе. Въ этомъ отношеніи большую роль играютъ обычаи и понятія народа; обычному праву и нужно предоставить регулированіе внутреннихъ порядковъ поземельной общины.

IX.

Превращеніе крестьянскихъ общинныхъ земель въ личную собственность подготовило бы у насъ такіе же печальные результаты, какъ и въ западной Европѣ; но эти результаты были бы у насъ неизмѣримо важнѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, ибо они относились бы къ преобладающей многомилліонной массѣ народа и ничѣмъ не могли бы быть смягчены или уравновѣшены. Какъ предупредить послѣдствія ошибокъ, допущенныхъ составителями положеній 19 февраля, и сохранить поземельную общину для будущаго, вопреки логическимъ выводамъ выкупной операціи,— такова главная тэма всѣхъ новѣйшихъ разсужденій по крестьянскому вопросу.

Одинъ изъ лучшихъ и наиболѣе авторитетныхъ знатоковъ крестьянскаго дѣла, К. Д. Кавелинъ, предлагаетъ „признать земли, отведенныя въ надѣлъ крестьянамъ, за неприкосновенную и неотчуждаемую собственность сельскихъ обществъ и предоставить членамъ обществъ лишь право наслѣдственнаго владѣнія и пользованія этою землею, безъ права ее закладывать или какимъ либо образомъ отчуждать на правахъ собственности“ [1]). Другіе идутъ еще дальше, — совѣтуютъ объявить крестьянскіе надѣлы государственною собственностью, съ сохраненіемъ за крестьянами только права постояннаго пользованія. Это послѣднее предположеніе кажется намъ нѣсколько рискованнымъ и едва ли справедливымъ. Земли, выкупленныя или выкупаемыя крестьянами въ собственность, не могутъ быть отобраны отъ нихъ по произволу,—

[1]) Крестьянскій вопросъ. Спб., 1882, стр. 80.

подобно тому какъ нельзя переименовать частныя владѣнія другихъ сословій въ государственныя, безъ достаточнаго законнаго основанія и безъ принудительнаго выкупа по началамъ экспропріаціи. Ошибочно было бы думать, что такое переименованіе можетъ остаться совершенно безразличнымъ для заинтересованной части населенія; номинальная собственность можетъ неожиданно или постепенно превратиться въ реальную, въ силу недоразумѣнія и долгой привычки, какъ это было съ такъ называемыми черносошными землями крестьянъ на сѣверѣ. Нельзя предвидѣть, какъ будутъ смотрѣть въ будущемъ на извѣстную категорію государственныхъ земель, и потому зачисленіе надѣловъ въ эту категорію вовсе еще не обезпечиваетъ ихъ будущности. Наконецъ предлагаемая мѣра, примѣненная къ крестьянамъ послѣ торжественнаго признанія ихъ полноправными собственниками, противорѣчила бы всѣмъ установившимся понятіямъ о правѣ и законности. Та цѣль, которая имѣется при этомъ въ виду, вполнѣ достигается объявленіемъ крестьянскихъ земель неотчуждаемою собственностью сельскихъ обществъ, по мысли г. Кавелина. Трудно только согласиться съ дальнѣйшимъ предложеніемъ уважаемаго автора—оставить участки общинной земли въ наслѣдственномъ пользованіи отдѣльныхъ членовъ, безъ права общихъ передѣловъ. Это было бы равносильно фактическому уничтоженію одного изъ существенныхъ признаковъ общиннаго владѣнія — права разверстки земли между участниками въ случаѣ оказавшейся въ томъ необходимости. Да и въ чемъ заключалось бы право собственности общинъ, еслибъ отдѣльные участки были разъ навсегда отданы въ наслѣдственное пользованіе членовъ? Уменьшилось бы также значеніе общины для обезпеченія будущихъ поколѣній земледѣльцевъ. К. Д. Кавелинъ не довѣряетъ частымъ передѣламъ крестьянской земли и считаетъ ихъ вредными для сельскаго хозяйства; но если крестьяне дѣйствительно злоупотребляютъ передѣлами и прибѣгаютъ къ нимъ безъ надобности,—чего мы, впрочемъ, не думаемъ,—то достаточнымъ противъ этого средствомъ было бы требованіе единогласнаго рѣшенія всѣхъ самостоятельныхъ членовъ общины для производства общаго или коренного передѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ должны быть безусловно отмѣнены статьи Положеній 19 февраля о раздѣлѣ общинной земли между хозяевами на правахъ личной собственности и о выдѣлѣ участковъ лицамъ, внесшимъ выкупную сумму сполна [1]). Сущность об-

[1]) По этому вопросу см. статью г. Анисимова: „Разложеніе нашей земельной общины“, въ „Вѣстникѣ Европы“, 1885, № 1.

щиннаго владѣнія допускаетъ только одну форму полнаго выдѣла—возвратъ выдѣляющемуся члену сдѣланныхъ имъ денежныхъ взносовъ на выкупъ общинной земли. Крестьянскіе надѣлы должны быть признаны не только неотчуждаемою, но и нераздѣльною собственностью сельскихъ и деревенскихъ обществъ, по принадлежности.

Въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ установлены охранительныя правила для обезпеченія землевладѣнія извѣстнаго размѣра отъ продажи за долги и отъ всякихъ вообще судебныхъ взысканій. Наибольшее развитіе получило это своеобразное законодательство въ Соединенныхъ штатахъ сѣверной Америки, въ видѣ законовъ о „необходимыхъ хозяйствахъ и жилищахъ“ (homestead-laws). Американская судебная практика всегда руководствовалась тѣмъ принципомъ, что кредиторъ, требующій уплаты долга по суду, долженъ доказывать существованіе у должника средствъ, достаточныхъ не только для необходимаго пропитанія его съ семействомъ, но и для удовлетворенія предъявленной претензіи. Въ примѣненіи къ поземельной собственности, это общее начало выразилось въ цѣломъ рядѣ правилъ, изданныхъ въ различныхъ штатахъ, относительно размѣровъ и принадлежностей хозяйствъ, пользующихся правомъ неприкосновенности. Цѣль этихъ законовъ заключалась въ томъ, чтобы ограничить пагубное дѣйствіе ростовщичества и „гарантировать каждому хозяину и отцу семейства сохраненіе родного гнѣзда, гдѣ онъ могъ бы спокойно жить и работать, гдѣ семья его всегда можетъ имѣть обезпеченный пріютъ, внѣ разрушающихъ вліяній временнаго финансоваго разстройства, котораго иногда не удается избѣгнуть даже умнѣйшимъ и предусмотрительнымъ людямъ“ [1]). Такъ объясняются законодательные мотивы въ одномъ изъ многочисленныхъ рѣшеній высшихъ судебныхъ мѣстъ по этому важному вопросу. „Необходимымъ хозяйствомъ“ признается лишь такое, въ которомъ владѣлецъ имѣетъ постоянное мѣстожительство и которое соотвѣтствуетъ установленной закономъ нормѣ, неодинаковой въ различныхъ штатахъ; городское жилище съ обстановкою пользуется такими же льготами, какъ и сельское. Цѣнность участковъ и домовъ, изъятыхъ отъ взысканій, колеблется отъ 500 до 5000 долларовъ; въ числѣ движимыхъ имуществъ, на которыя не распространяется власть кредиторовъ, неизмѣнно значатся библіотеки и книги, стоимостью до двухсотъ долларовъ. Союзнымъ закономъ

---

[1]) Pospischil, Heimstätte etc., стр. 70—75; Lorenz v. Stein, Die drei Fragen des Grundbesitzes, стр. 274—281.

1862 г. эти же правила примѣнены къ поземельнымъ участкамъ, сдаваемымъ въ пользованіе отдѣльныхъ лицъ изъ запаса общественныхъ или государственныхъ земель для устройства новыхъ самостоятельныхъ хозяйствъ.

Подобными же гарантіями обставлено крестьянское землевладѣніе въ Сербіи. Не могутъ быть ни закладываемы, ни подвергаемы аресту за долги—участки земли опредѣленнаго размѣра, смотря по числу податныхъ членовъ семьи, со всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, съ рабочимъ скотомъ и съ земледѣльческими орудіями, съ необходимыми запасами пищи для семейства и для скота до новой жатвы, со всѣми хозяйственными постройками и съ жилищемъ съ его обстановкою. Поселянинъ не можетъ заключать долги безъ разрѣшенія и контроля мѣстной власти. Только при особыхъ несчастныхъ обстоятельствахъ допускается пользованіе кредитомъ и то лишь изъ общественныхъ кассъ, безъ посредничества постороннихъ лицъ. Обязательство, не провѣренное оффиціально, не имѣетъ силы противъ крестьянъ. — Этимъ же духомъ проникнутъ замѣчательный законъ, выработанный англійскимъ правительствомъ въ 1879 году для значительной части Остъ-Индіи. Судьямъ предписывается рѣшать дѣла о денежныхъ взысканіяхъ съ поселянъ не на основаніи письменныхъ документовъ, а по объясненіямъ должника и по положительнымъ даннымъ относительно размѣра полученной въ долгъ суммы. Судъ входитъ въ подробное разсмотрѣніе всей исторіи возникновенія долга и присуждаетъ только то, что дѣйствительно дано было должнику наличными деньгами, безъ всякихъ приплатъ, неустоекъ и процентовъ. Судъ можетъ по своему усмотрѣнію освободить должника отъ уплаты извѣстной части долга. Въ случаѣ доказанной несостоятельности поселянина, хозяйство его берется въ управленіе лица, назначеннаго судомъ, причемъ въ пользу кредиторовъ выдѣляется только та часть дохода, которая остается за вычетомъ издержекъ на содержаніе должника и его семьи. Для того, чтобы долговое обязательство имѣло значеніе предъ судомъ, оно должно быть удостовѣрено назначеннымъ для этой цѣли сельскимъ регистраторомъ, съ занесеніемъ въ особыя публичныя записи. Если въ процессѣ противъ поселянина дѣйствуетъ адвокатъ, то судъ назначаетъ поселянину, съ его согласія, официальнаго защитника [1]).

---

[1]) Полный текстъ этого закона, въ 76 статьяхъ, приведенъ въ нѣмецкомъ переводѣ у Лоренца Штейна, тамъ же, стр. 242—267. См. также Pospischil, стр. 66—7, 76—7.

Нашимъ законамъ пока еще чужды эти заботы объ охраненіи жизненныхъ интересовъ крестьянства; у насъ мѣры взысканія являются гораздо строже и безпощаднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, и принятыя повсюду изъятія и ограниченія почти отсутствуютъ. Законъ допускаетъ наложеніе ареста на „земледѣльческія орудія, машины, инструменты и всякаго рода снаряды, составляющіе хозяйство имѣнія",—далѣе, на „рабочій и домашній скотъ, на запасы зернового хлѣба, сѣна, соломы и другихъ произрастеній земли, необходимые для наступающаго посѣва и содержанія людей и рабочаго скота въ имѣніи впредь до новаго урожая",—наконецъ, на „книги, инструменты и снаряды, необходимые должнику въ ежедневныхъ по его званію, ремеслу или промыслу, занятіяхъ" (ст. 974 устава гражд. судопроизводства). Такимъ образомъ предоставлено ростовщикамъ отнимать у должника вещи, которыя самъ законъ называетъ „необходимыми" для его пропитанія,—и это во имя поддержанія завѣдомо разорительнаго кредита, представляемаго въ большинствѣ случаевъ настоящими Шейлоками. Подъ знаменемъ кредита процвѣтаетъ часто легальный грабежъ, для котораго дается богатый матеріалъ періодическою нуждою крестьянина въ деньгахъ, незнаніемъ законовъ и малограмотностью значительной части населенія, — и органы правосудія принуждены служить исполнителями хищныхъ стремленій, убійственныхъ для земледѣлія. Законъ долженъ своими руками уничтожать благосостояніе рабочихъ семействъ, составляющихъ податныя силы для государства. Такой порядокъ вещей не можетъ быть признанъ нормальнымъ. Правда, законъ разрѣшаетъ продажу перечисленныхъ выше предметовъ отдѣльно отъ недвижимаго имѣнія только въ томъ случаѣ, когда они могутъ быть отдѣлены отъ послѣдняго безъ разстройства имѣнія или когда самое имѣніе не можетъ быть продано (тамъ же, ст. 975). Въ другой статьѣ постановлено, что не подлежитъ аресту, между прочимъ, движимость крестьянъ, признаваемая необходимою въ крестьянскомъ хозяйствѣ (ст. 973, п. 10). Эти оговорки слишкомъ неопредѣленны и неясны, чтобы оказывать смягчающее вліяніе на суровое примѣненіе законовъ. Притомъ никакихъ оговорокъ не сдѣлано относительно „книгъ, инструментовъ и снарядовъ, необходимыхъ должнику въ его ежедневныхъ занятіяхъ"; эти вещи могутъ быть проданы съ молотка во всякое время, по желанію кредитора. Кредитъ, ведущій къ гибели цѣлыхъ хозяйствъ, не долженъ быть поощряемъ законодательствомъ ни въ какомъ случаѣ. Гдѣ дѣло идетъ о правильномъ и разумномъ кредитѣ, тамъ не доводится возмездіе до того, чтобы пустить по міру

должника и его семейство. Какъ ни важенъ наконецъ коммерческій интересъ капиталиста, но онъ не важнѣе человѣческаго существованія его жертвы; законъ долженъ по меньшей мѣрѣ настолько же охранять человѣка, какъ охраняетъ капиталъ и его проценты. Постановленія, въ родѣ американскихъ „homestead-laws“, имѣютъ глубокое жизненное и нравственное основаніе; они должны быть введены и въ наше законодательство въ той или другой формѣ.

Законодательство должно ограничить также примѣненіе крутыхъ мѣръ взысканія по отношенію къ неисправнымъ плательщикамъ казенныхъ повинностей. Законъ дозволяетъ „подвергнуть продажѣ принадлежащее недоимщику лично недвижимое имущество, за исключеніемъ лишь выкупленной крестьяниномъ усадьбы, —продать ту часть движимаго имущества и строеній недоимщика, которая не составляетъ необходимости въ его хозяйствѣ,—отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему полевыхъ угодій или даже весь его полевой надѣлъ“ (ст. 188 Общаго положенія). При безуспѣшности мѣръ понужденія противъ цѣлаго сельскаго общества, недоимка пополняется полиціею „посредствомъ продажи крестьянскаго движимаго имущества, если вслѣдствіе какого-либо бѣдствія не сдѣлано, по предварительному о томъ ходатайству, отсрочки въ платежѣ“ (ст. 190). Для государства крайне неразсчетливо пополнять недоимки цѣною окончательнаго разстройства неисправныхъ хозяйствъ; это все равно, что „убивать курицу, несущую золотыя яйца“. Всякіе платежи, казенные и мірскіе, должны взыскиваться съ доходовъ, а не съ имущества, необходимаго для земледѣльческихъ работъ. Нужно признать крестьянскіе надѣлы не только неотчуждаемыми и нераздѣльными, но и неприкосновенными для кредиторовъ и изъятыми отъ экзекуціи по казеннымъ и частнымъ взысканіямъ.

X.

Обезпеченное крестьянское землевладѣніе, прочность сельской общины, свобода отъ долговъ и экзекуцій,—все это не устраняетъ естественныхъ послѣдствій возрастанія населенія, при отсутствіи свободныхъ земель. Рано или поздно земледѣльческому классу требуется земля; спросъ на нее растетъ, и потребность удовлетворяется отдачею въ аренду значительной части крупныхъ и среднихъ имѣній. Это неизбѣжно даже при самомъ идеальномъ распредѣленіи поземельной собственности и при полной достаточ-

ности крестьянскихъ надѣловъ; что же сказать объ условіяхъ обычныхъ въ Европѣ, когда сельское населеніе находится въ состояніи хроническаго земельнаго голода, иногда безнадежнаго и ненасытнаго? Землевладѣльцы поставлены въ возможность возстановить утраченное господство надъ поселянами, при помощи стѣснительной арендной системы; дѣлаются попытки возрожденія барщины подъ видомъ добровольныхъ „отработковъ", арендныя цѣны достигаютъ непосильныхъ размѣровъ, отношенія запутываются, усложняются, даютъ поводъ къ пререканіямъ и безпорядкамъ,—и въ концѣ-концовъ законодательство поневолѣ принимаетъ на себя регулированіе поземельныхъ правъ, для устраненія злоупотребленій съ одной стороны, и насилій—съ другой. Въ то же время все болѣе выясняется необходимость отдачи земель въ аренду поселянамъ со стороны крупныхъ и среднихъ владѣльцевъ, въ виду крайней затруднительности веденія обширныхъ хозяйствъ при недостаткѣ сельскихъ рабочихъ. Арендное право пріобрѣтаетъ такимъ образомъ первостепенное значеніе; оно затрогиваетъ самые сложные и существенные узлы поземельнаго вопроса, открывая отчасти путь къ постепенной его развязкѣ.

Въ странѣ съ слабымъ крестьянскимъ землевладѣніемъ аренда замѣняетъ для поселянъ самостоятельное и прочное пользованіе землею; она поэтому имѣетъ тенденцію къ долгосрочности. Арендаторъ дѣлаетъ извѣстныя затраты и улучшенія въ хозяйствѣ; онъ не можетъ оставить ихъ въ даръ владѣльцу и требуетъ надлежащаго вознагражденія въ случаѣ отказа въ дальнѣйшей арендѣ, по окончаніи срока. Такое право на вознагражденіе поддерживается обычаемъ и затѣмъ входитъ въ законъ; оно вызывается несомнѣнными условіями правильнаго земледѣлія, ибо никто не сталъ бы затрачивать капиталы на чужую землю, еслибы не разсчитывалъ выручить ихъ долговременнымъ пользованіемъ и сохраненіемъ права на оставшуюся цѣнность улучшеній. А такъ какъ землевладѣлецъ равнымъ образомъ заинтересованъ въ хорошей обработкѣ земли и въ примѣненіи къ ней необходимыхъ усовершенствованій, то онъ долженъ также признать за арендаторомъ упомянутое право, которое и освящается закономъ. По саксонскому уложенію, „если арендаторомъ или нанимателемъ были сдѣланы издержки на вещь, то онъ можетъ требовать возмѣщенія ихъ — немедленно, если онѣ были необходимыя, и по окончаніи аренды, если онѣ были полезныя и благодаря имъ вещь улучшена на продолжительное время" (ст. 1201). По итальянскому кодексу, долгосрочный арендаторъ, при сдачѣ участка по окончаніи срока, имѣетъ право на вознагражденіе за сдѣланныя улуч-

шенія въ хозяйствѣ (art. 1556). Такое же правило утвердилось и въ Англіи, въ силу закона 1876 года,—хотя примѣненіе его обставлено неудобными условіями. Что же выходитъ изъ этой практики? Землевладѣлецъ обыкновенно не видитъ разсчета въ уплатѣ требуемой суммы арендатору и потому не думаетъ отказывать ему въ продолженіе контракта: аренда становится долгосрочною. Съ теченіемъ времени, улучшенія и застройки въ арендуемомъ участкѣ могутъ составить значительную цѣнность и получить значеніе особой собственности, — и если объ этомъ не выговорено особыхъ условій въ контрактѣ, то аренда фактически превращается въ наслѣдственную [1]). Положеніе можетъ развиваться и дальше. Ежегодная арендная плата не измѣняется болѣе, ибо настоящимъ хозяиномъ участка является уже арендаторъ, а не собственникъ; возможность повышенія платы подрывала бы цѣнность фермы, мѣшала бы ея кредиту и затрудняла бы для арендатора свободное распоряженіе своимъ имуществомъ. Арендная плата получаетъ характеръ постояннаго оброка, и поднимается уже вопросъ о правѣ выкупа земли въ собственность. Сначала фактически, а потомъ легально, земля переходитъ къ тѣмъ, кто ее воздѣлываетъ, и раздвоеніе собственности исчезаетъ, по крайней мѣрѣ на время, пока новые владѣльцы не пойдутъ по пути своихъ предмѣстниковъ.

Другое значеніе имѣетъ аренда при существованіи значительной, но не достаточной крестьянской собственности, какъ у насъ. Заграничный безземельный поселянинъ имѣетъ предъ собою выборъ, —онъ можетъ идти на промышленныя городскія работы или нанять кусокъ земли для обработки; онъ рѣшится на послѣднее, если землевладѣлецъ согласится на извѣстныя льготныя условія. Крестьянинъ, связанный съ землею, не имѣетъ такого выбора; онъ обращается къ арендѣ по необходимости, когда своего надѣла не хватаетъ, когда ему нужна именно сосѣдняя полоса помѣщичьей земли, когда онъ не можетъ обойтись безъ пастбища или лѣса,— онъ даетъ какую угодно цѣну, лишь бы добиться желаемаго. Аренда преобладаетъ краткосрочная, на одно лѣто, и цѣны во многихъ мѣстахъ поднялись до невозможныхъ размѣровъ, погло-

---

[1]) О существующихъ въ Европѣ формахъ долгосрочной и вѣчной аренды собраны чрезвычайно любопытные и поучительные матеріалы въ указанномъ выше сочиненіи г. Карышева: „Вѣчно-наслѣдственный наемъ земель“. Относительно дѣйствующаго въ предѣлахъ Россіи чиншеваго права приведено много новыхъ данныхъ въ обширной статьѣ г. С. Дибовскаго (въ „Журналѣ гражд. и угол. права“, 1884, кн. V и VI), а также въ „Протоколахъ Кіевскаго юридическаго общества“ за 1879 годъ, стр. 51—62 и 88—97.

щая нерѣдко весь валовой доходъ земледѣльца и не оставляя ему ничего за трудъ. Особенно сильныя злоупотребленія вызываются системою „отработковъ“, при которой крестьяне обязываются, сверхъ условленной денежной платы, произвести извѣстныя работы на землѣ владѣльца. Владѣльцы и особенно замѣняющіе ихъ арендаторы успѣшно пользуются стѣсненнымъ положеніемъ крестьянъ, готовыхъ для экономіи въ нѣсколько рублей отдать количество труда цѣною въ десятки рублей [1]). Такая плата натурою совершенно подрываетъ крестьянское хозяйство и фактически возстановляетъ барщину въ пользу новаго поколѣнія землевладѣльцевъ, смѣнившихъ собою помѣщиковъ дворянской эпохи. Отсюда и задачи нашего арендчаго права опредѣляются сами собою; у насъ главное вниманіе должно быть обращено на охрану поселянъ отъ чрезмѣрной эксплуатаціи владѣльцевъ, на установленіе справедливой нормы арендной платы, соотвѣтственно размѣру дохода, и на облегченіе мелкихъ арендаторовъ въ случаѣ неурожая или какого-либо несчастнаго событія. По итальянскому уложенію, наниматель можетъ требовать уменьшенія арендной платы, если не менѣе половины годичнаго урожая погибло отъ случайныхъ причинъ (art. 1617). Нѣчто подобное можно бы установить и у насъ.

Наконецъ важной мѣрою для улучшенія быта малоземельныхъ и безземельныхъ крестьянъ была бы раздача имъ въ аренду свободныхъ государственныхъ земель, въ болѣе широкихъ размѣрахъ и съ меньшими бюрократическими формальностями, чѣмъ это допущено недавнимъ закономъ 9 ноября 1884 года. Съ изданіемъ этого закона, министерство государственныхъ имуществъ можетъ, „по ходатайству губернаторовъ и по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ“, отдавать крестьянскимъ обществамъ въ аренду, безъ торговъ, на срокъ до двѣнадцати лѣтъ, смежныя казенныя земли; снятыя такимъ образомъ земли „не могутъ быть переуступаемы обществами постороннимъ лицамъ и должны состоять въ пользованіи всего общества, а не нѣкоторыхъ только членовъ его“. Принципъ этого закона могъ бы имѣть болѣе значительное и плодотворное примѣненіе, еслибы у насъ вообще твердо установился взглядъ, что благосостояніе крестьянства есть благосостояніе государства, что землевладѣніе не можетъ быть разсматриваемо съ точки зрѣнія купли и продажи, что постоянство дохода значитъ

---

[1]) См. статью г. Щепотьева о крестьянской арендѣ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“, 1884, кн. 10 и 11, а также статью объ арендной реформѣ въ „Вѣстникѣ Европы“, 1884, іюль, стр. 387 и слѣд.

здѣсь больше, чѣмъ временная величина его, достигаемая истощеніемъ почвы. Самое выгодное употребленіе государственныхъ земель не только для народа, но и непосредственно для казны, заключается именно въ обработкѣ ихъ крестьянскими силами на правахъ долгосрочной или вѣчной аренды. Блестящій опытъ въ этомъ отношеніи сдѣланъ былъ еще сравнительно недавно въ Мекленбургъ-Шверинѣ, гдѣ всѣ казенные участки отданы въ наслѣдственное пользованіе съемщиковъ; мѣстное правительство имѣло въ виду „образованіе обезпеченнаго, экономически-независимаго крестьянскаго сословія", причемъ предполагалось ввести общинное пользованіе нѣкоторыми угодьями цѣлой группы хозяевъ. Результаты не заставили себя ждать. „Крестьянство на доменахъ стало тѣмъ, чѣмъ оно должно быть согласно своему назначенію,—солиднымъ, крѣпкимъ земледѣльческимъ классомъ, опорою государства, могущею поддержать его въ минуту нужды",—какъ отзывается одинъ изъ мѣстныхъ ученыхъ изслѣдователей [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ облегчается, конечно, исправное поступленіе платежей въ казну, и выгоды финансовыя соединяются съ политическими. Законодательство должно послѣдовательно проводить по отношенію къ крестьянскому землевладѣнію ту охранительную, покровительственную систему, которая столь часто проповѣдуется, безъ достаточнаго къ тому основанія, въ пользу небольшого круга коммерсантовъ.

Л. Слонимскій.

---

[1]) См. Н. Карѣева, стр. 255—7, 296 и др.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ИЗЪ ВИНЦЕНТІЯ ПОЛЯ.

Идиллія.

Черёмухи пахнуть такъ сладко, цвѣты на лугахъ расцвѣтають,
И первыя вешнія молніи гдѣ-то далеко мелькають.
Весна, ты опять воротилась съ безсмертной своей красотою!
Зачѣмъ же тебя я встрѣчаю съ такою глубокой тоскою?
Я плачу, когда все ликуетъ. Гнететъ мое сердце утрата...
Ахъ, ласточки мнѣ не воротятъ того, что̀ прошло безъ возврата.
Черёмухи пахнуть такъ сладко, щебечутъ безъ умолку птицы,
А я все томлюся душою, какъ узникъ средь мрачной темницы,
Не зная, что дѣлать съ собой и куда-бы уйти отъ страданья.
Зачѣмъ такъ звенятъ соловьи? Я хочу гробового молчанья...
Зачѣмъ ты, весна, воротилась? Вѣдь ты не приносишь съ собою
Того, что погибло навѣки, безжалостной смято грозою.
Черёмухи пахнуть такъ сладко, калина покрылась цвѣтами,
Глубокое вѣчное небо блеститъ золотыми звѣздами;
Опять загремѣли ручьи, зашумѣли листвою березы,
Вѣдь свѣтлой веснѣ непонятны людскія печали и слезы...
А сердце мое все болитъ и тоска меня черная гложетъ,
Того, что зарыто въ могилу, весна возвратить мнѣ не можетъ.

ИЗЪ СЫРОКОМЛИ.

Дичина.

Оборвышъ маленькій гнался за продавцемъ,
А этотъ разносилъ по городу дичину.
— Эй, господинъ стрѣлокъ, почемъ дрозды у васъ!
Продайте парочку...—Я меньше какъ полтину
За пару не возьму,—торговецъ отвѣчалъ
И проворчалъ подъ носъ:—нашелся покупатель,
Не для тебя совсѣмъ товаръ мой дорогой,
И толковать съ тобой мнѣ нечего, пріятель.
— Нѣтъ, столько заплатить я, точно, несмогу;
Нашлась бы у меня, пожалуй, и полтина,
Да надобно еще лекарства мнѣ купить!
Для матери больной вѣдь мнѣ нужна дичина!
Хвораетъ бѣдная ужъ цѣлый годъ она почти,
Вся извелась она, не можетъ встать съ постели,
Простое кушанье все не по вкусу ей,
Дичиной доктора ее кормить велѣли,
А небогаты мы... Отецъ-то мой столяръ,
Трудясь и день и ночь, чуть кормится съ семьею,
Такъ уступите же, Господь доплатитъ вамъ...
Торговецъ покачалъ съ усмѣшкой головою:
— На свѣтѣ я, дружокъ, не первый годъ живу,
Состарѣться успѣлъ, усы, вонъ, посѣдѣли;
А сроду не слыхалъ, чтобъ жены столяровъ
Не кашу и горохъ — дичь жареную ѣли.
Для матери твоей есть у меня рецептъ:
Пусть хватитъ старая стаканчикъ доброй водки—
Вернется аппетитъ и на закуску ты
Ей приготовь, смотри, капусты иль селедки.
Все сниметъ какъ рукой... А я не уступлю,
Полтина и конецъ! Намъ ѣсть-то тоже нужно
Пошляйся-ка, поди, за дичью по лѣсамъ!
Отстань же говорю... болтать мнѣ недосужно...
Но мальчикъ не хотѣлъ безъ дичи уходить,
И долго бы еще продлилась сцена эта
Между оборышемъ и алчнымъ торгашемъ,
Какъ вдругъ роскошная подъѣхала карета!
Изъ дверцы выглянулъ извѣстный всѣмъ богачъ.

— Эй ты, любезнѣйшій, неси сюда дичину,
Охотно у тебя дроздовъ куплю я всѣхъ,
За пару каждую даю тебѣ полтину.
— Накиньте четвертакъ, сіятельнѣйшій графъ,
Вѣдь въ нынѣшнемъ году дроздовъ ужасно мало
И господа берутъ ихъ просто на расхватъ,
И то ужъ дешево прошу я для начала!..
Вельможный господинъ не скупъ, какъ видно, былъ,
Онъ вынулъ кошелекъ и заплатилъ не споря.
Оборвышъ маленькій, надежду потерявъ
Дичину пріобрѣсть, себя не помнилъ съ горя.
— Сіятельнѣйшій графъ,—заговорилъ онъ вдругъ,
Смотря на богача съ мольбою и тревогой,—
Хоть одного дрозда вы уступите мнѣ
Для матери больной... Прошу васъ ради Бога.
Богачъ уставился на мальчика въ лорнетъ,
Какъ на какое-то невиданное чудо.
— Дроздовъ, голубчикъ мой, я очень самъ люблю,
Вѣдь это тонкое, изысканное блюдо.
Какъ?! Бабу нищую дичиною кормить!
Вотъ, право, прихоти совсѣмъ не по карману;
Я даже возмущенъ подобнымъ мотовствомъ
И поощрять его, конечно, ужъ не стану.
Больная хочетъ ѣсть — сварить овсянку ей —
Нѣтъ лучше ничего: питательно, здорово,
Особенно когда немножко посолить.
Я ѣлъ овсянку разъ, не прочь отвѣдать снова.
Прошло немного дней и разомъ на погостъ
Три гроба принесли въ послѣднее жилище.
Въ одномъ лежалъ богачъ подъ золотой парчей,
Въ другомъ, некрашеномъ, трупъ столярихи нищей,
И въ третьемъ самый тотъ покоился стрѣлокъ,
Что, продавая дичь, такъ страшно дорожился:
Нечаянно его товарищъ подстрѣлилъ,
Богачъ же костью той пичужки подавился,
Которую отбилъ онъ у больной на дняхъ;
А столяра жена въ чахоткѣ догорѣла...
На небѣ возбужденъ процессъ былъ „о дроздѣ“,
И долго Ангелы судили это дѣло...

В. Н—ая.

О ЗАДАЧАХЪ
РУССКОЙ ЭТНОГРАФІИ

I.

Предметъ, о которомъ мы хотимъ сказать нѣсколько словъ, могъ бы послужить тезисомъ для цѣлаго академическаго трактата, и надо бы желать, чтобы онъ привлекъ болѣе пристальное вниманіе ученыхъ этнографовъ и любителей;—въ настоящемъ случаѣ мы хотѣли бы только напомнить о томъ, что̀ было бы нужно для правильной, широкой постановки той науки, отъ успѣха которой такъ много зависитъ наше знаніе народа. Этнографія не есть наука книжная; матеріалъ, надъ которымъ работаетъ ученый, долженъ быть прежде всего собранъ въ народной средѣ, въ живомъ народномъ быту, не только внѣшнемъ—въ обиходѣ народнаго права, обычая, промысла, но и въ быту внутреннемъ—въ задушевномъ мірѣ народной поэзіи, вѣрованья и преданья. Изслѣдователь, какою бы обширной эрудиціей ни располагалъ въ объясненіи этнографическихъ фактовъ, прежде всего зависитъ отъ своего матеріала, отъ степени знанія и искусства собирателя. Ученый самъ рѣдко бываетъ собирателемъ,—а при такой громадной области наблюденія, съ какою должна имѣть дѣло русская этнографія, соединеніе обѣихъ работъ въ одномъ лицѣ является просто немыслимымъ. Итакъ, этнографическое собираніе составляетъ въ наукѣ дѣло первостепенной важности; это—самая основа всего научнаго построенія; чѣмъ богаче и шире ведена работа собирателя, тѣмъ значительнѣе могутъ быть выводы изслѣдователя,—какъ наоборотъ и, къ сожалѣнію, слишкомъ часто,

ученому приходится убѣждаться въ непрочности своихъ заключеній, когда сама основа непрочна, недостаточна, фальшива.

Русская наука находится въ своемъ особомъ положеніи относительно своего матеріала. Она совершила много замѣчательнаго труда, но до сихъ поръ ей еще слишкомъ многаго недостаетъ, и чѣмъ дальше идетъ теоретическая разработка, тѣмъ больше растутъ desiderata и тѣмъ больше чувствуются капитальные пробѣлы въ матеріалѣ.

Наша этнографія, въ самомъ дѣлѣ, произвела большія и важныя работы, которыя бывали самостоятельной заслугой русской литературы. Эти работы начинаются еще съ прошлаго вѣка, когда даже въ богато-развитыхъ европейскихъ литературахъ, служившихъ намъ образцомъ, рѣдко возникала мысль объ изученіи низменнаго простонароднаго быта; когда, напротивъ, французскій псевдо-классицизмъ, господствовавшій одно время во всей Европѣ, былъ исполненъ высокомѣрнаго пренебреженія къ грубости массъ и даже не подозрѣвалъ въ нихъ старой поэтической традиціи, нѣкогда славной и богатой. У насъ обращеніе къ народности было побужденіемъ самостоятельнымъ. Ломоносовъ уже цѣнилъ народную рѣчь; академическіе путешественники, какъ Лепехинъ, Озерецковскій, Иноземцевъ, со вниманіемъ изучали бытъ, описывали нравы, повѣрья, собирали мѣстныя слова, пословицы и т. под.; Болтинъ, для объясненія исторіи, прибѣгаетъ къ народному преданію и обычаю; Чулковъ и Новиковъ печатали, рядомъ съ модными пѣсенками тогдашнихъ стихотворцевъ, чисто народныя и, между прочимъ, прекрасныя пѣсни; Радищевъ, въ своей книгѣ, рисуетъ живыя сцены народнаго быта, и т. д. Въ новѣйшее время, когда въ ученой Европѣ этнографія становилась настоящей наукой, когда, подъ вліяніемъ общаго развитія исторической науки и языкознанія и въ сосѣдствѣ съ ученостью классической, вырабатывались уже тонкіе и сложные методы изслѣдованія народнаго миѳа, эта новая наука проникала къ намъ медленно; но, часто не подозрѣвая объ ея существованіи, у насъ работали самоучки въ родѣ Сахарова. Руководясь почти инстинктомъ, онъ угадывалъ настоятельныя потребности науки; онъ дѣлалъ грубыя ошибки, когда брался быть ученымъ истолкователемъ, имѣлъ нелѣпую мысль подъдѣлывать народныя произведенія, чтобы тѣмъ больше сдѣлать ихъ привлекательными,—но въ общемъ инстинктъ его былъ вѣренъ, для науки и литературнаго сознанія былъ дѣйствительно нуженъ тотъ самый матеріалъ, надъ собираніемъ котораго онъ трудился.

Стремленіе къ изученію народности возрастало у насъ параллельно съ тѣмъ, какъ вырабатывалось самобытное содержаніе и

формы въ литературѣ поэтической. „Народность" извѣстнаго символа николаевскихъ временъ оставила недобрую память казеннаго лицемѣрія; ее сталъ назойливо проповѣдовать тотъ фальшивый патріотизмъ самохвальства и самодурства, который нашелъ себѣ обличеніе въ эпоху крымской войны,—но эта „народность" имѣла и серьезный историческій источникъ. Нѣкогда, въ александровскія времена, молодое либеральное поколѣніе уже искало ощупью національнаго начала: въ мечтахъ объ общественной свободѣ думали и о свободѣ народной, вспоминали въ исторіи свободные обычаи и учрежденія древности и воспѣвали ихъ въ романтическихъ поэмахъ и стихотвореніяхъ,—самъ Карамзинъ проливалъ слезу надъ паденіемъ новгородской вольности. Какъ историческое лицо, имп. Александръ былъ послѣднимъ отпрыскомъ XVIII вѣка; въ его теоретическомъ воспитаніи играли роль свободомысліе и филантропія эпохи „просвѣщенія", но и то, и другое—далекія отъ дѣйствительной жизни народа, отъ историческаго прошлаго; отсюда теоретическая непрочность его взглядовъ, которая еще увеличилась отъ личной слабости характера, такъ что въ концѣ концовъ либерализмъ и филантропія могли допустить грубѣйшее вмѣшательство дѣйствительности—въ видѣ Аракчеева. Либерализмъ новаго поколѣнія былъ также въ сильной степени мечтательный и романтическій, но, испытавши потрясенія 12-го года, переживши впечатлѣнія войны за (національное) „освобожденіе Европы", онъ уже стремился быть народнымъ: въ своихъ мнѣніяхъ о необходимости освобожденія крестьянъ онъ, при всемъ романтизмѣ, былъ вѣренъ глубочайшей исторической и общественной потребности народа. Въ николаевскомъ символѣ было, отчасти вынужденно, признано это начало „народности", выроставшее въ самомъ обществѣ.

Несмотря на упомянутыя извращенія, оффиціальное провозглашеніе „народности" возбуждало дѣйствительное одушевленіе, потому что совпадало—въ терминѣ и въ общемъ смыслѣ—съ направленіемъ самой литературы и съ начавшимися этнографическими работами. Труды Сахарова, Снегирева, Пассека, Даля были приготовленіемъ къ научной разработкѣ предмета, которая открылась съ вліяніями нѣмецкой „исторической школы", нѣмецкой филологіи и миѳологіи, какъ они развились къ 40-мъ годамъ, и съ началомъ нашихъ изученій славянскаго міра. Труды Буслаева, Аѳанасьева, Срезневскаго и др. были уже прочнымъ началомъ научной этнографіи, какъ бы ни были взгляды этихъ ученыхъ измѣнены дальнѣйшими изслѣдованіями.

Мы говорили подробно въ другомъ мѣстѣ о дѣятельности но-

ваго поколѣнія изслѣдователей, дѣйствующаго донынѣ: эта дѣятельность составила новую эпоху въ развитіи нашей этнографіи, отмѣченную обширнымъ умноженіемъ стараго и современнаго этнографическаго матеріала и болѣе глубокимъ, и нерѣдко высокимъ по научному достоинству, объясненіемъ разныхъ отраслей бытового преданія. Таковы—изданіе старыхъ сборниковъ Кирѣевскаго, собранія Рыбникова, Шейна, П. Якушкина, Гильфердинга, Чубинскаго, Рудченка и пр.; изслѣдованія А. Веселовскаго, Тихонравова, Ягича, Кирпичникова, Жданова, Дашкевича, Д. Ровинскаго,—изслѣдованія, нерѣдко столь богатыя новыми данными и значительными выводами, что они привлекли къ себѣ вниманіе и въ европейскомъ научномъ мірѣ.

Это научное движеніе въ области этнографіи совпадаетъ опять съ глубокой потребностью общественной, — иногда даже безъ сознанія самихъ ученыхъ, которыхъ такъ легко поглощаетъ спеціальность сама по себѣ, своимъ ближайшимъ, такъ сказать, техническимъ интересомъ. А именно: этотъ расцвѣтъ этнографіи и другихъ параллельныхъ изученій народа и его быта совпадалъ съ расцвѣтомъ изученій историческихъ (Соловьевъ, Кавелинъ, Костомаровъ, К. Аксаковъ и пр.), съ развитіемъ народнаго содержанія и интереса въ литературѣ поэтической и беллетристикѣ (литература сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ: Тургеневъ, Григоровичъ, Некрасовъ, Потѣхинъ, Андрей Печерскій, Кокоревъ, Писемскій и пр.),—все это было кануномъ освобожденія крестьянъ. Великія историческія событія сопровождаются своими предчувствіями: какъ сами событія имѣютъ основу въ совершающемся измѣненіи внутренней жизни, такъ эти предчувствія сказываются нерѣдко заранѣе—какъ бы ни были неблагопріятны условія данной минуты —поэтическими мечтами, теоретическими надеждами, особымъ направленіемъ научныхъ изысканій. Трудно представить условія, менѣе благопріятныя для какихъ-нибудь запросовъ литературы въ смыслѣ освобожденія крестьянъ, чѣмъ были условія николаевскаго времени,—и однако въ литературѣ проходитъ несомнѣнная струя освободительнаго народолюбія, одинаково въ обоихъ лагеряхъ тогдашней литературы: наиболѣе характернымъ выраженіемъ ея остались „Записки Охотника“ и — успѣхи этнографіи.

Пріобрѣтенія, сдѣланныя къ настоящему времени нашей этнографіей, очень богаты. Укажемъ ихъ въ общихъ чертахъ.

Въ другомъ мѣстѣ мы объясняли, какъ научное любопытство, непрерывавшееся преданіе народной жизни и давно народившееся общественное сочувствіе къ народной массѣ — уже съ XVIII-го вѣка вызывали въ болѣе просвѣщенныхъ людяхъ и

„охотникахъ“ вкусъ къ старинѣ, къ народной пѣснѣ, преданью, обычаю... Но то, что собрано было въ послѣдующее время въ этомъ отношеніи, превысило бы, конечно, всѣ ожиданія любителей прошлаго вѣка, какъ, въ свою очередь, даже въ 40-хъ годахъ не подозрѣвали того богатства народной старины, какое реставрировано было въ три послѣднія десятилѣтія.

Въ области народно-бытовой старины разыскано было и собрано изъ „нѣдръ земли“ множество археологическихъ остатковъ, начиная съ эпохи до-исторической, съ эпохи каменнаго, бронзоваго, желѣзнаго вѣка (изслѣдованія и раскопки П. С. Савельева, графа А. С. Уварова, Забѣлина, Самоквасова, Иностранцева, д-ра Ивановскаго, Загоскина, В. Б. Антоновича и др.).

Въ старинѣ письменной раскрыта цѣлая, ранѣе не подозрѣваемая, область народно-поэтической дѣятельности, въ самой древней жизни никогда не собранная и не обработанная — область церковной легенды, апокрифическихъ и героическихъ сказаній, и т. д., которыми въ теченіе вѣковъ питалось народное воображеніе: въ этихъ сказаніяхъ, мистическихъ и чудесныхъ легендахъ, сказкахъ, шутливыхъ исторіяхъ, обнаруживалась сложная цѣпь европейскихъ связей, древнихъ и новыхъ. Эти сказанія, часто явнымъ образомъ заимствованныя, вступали въ народное обращеніе и переходили въ самую подлинную народную поэзію, въ самое интимное народное міровоззрѣніе: прежніе, и еще недавніе, любители и партизаны народности, видѣвшіе въ извѣстныхъ народныхъ миѳахъ и преданіяхъ чистѣйшую исконную „самобытность“, — не подозрѣвали, что это самобытное бывало преданіемъ обще-европейскимъ или обще-христіанскимъ, или носило на себѣ несомнѣнную печать поздняго книжнаго заимствованія.

Сохранившійся донынѣ въ устахъ народа матеріалъ народной поэзіи никогда прежде не былъ собираемъ съ такимъ усердіемъ. Въ результатѣ—богатые сборники пѣсенъ, которые могутъ не только соперничать съ подобными сборниками другихъ литературъ, но, безъ сомнѣнія, далеко ихъ превосходятъ. Начиная съ Чулкова и Новикова, собранія Сахарова, Якушкина, Кирѣевскаго, Безсонова, Шейна, Рыбникова, Гильфердинга, Е. Барсова, Садовникова; малорусскія собранія Максимовича, Метлинскаго, Рудченка, Антоновича и Драгоманова, Чубинскаго; собранія народной пѣсенной музыки Прача, Кашина, Стаховича, Балакирева, Римскаго-Корсакова, и Рубца, Лисенко и пр.; собраніе сказокъ— Даля, Аѳанасьева, Худякова, пословицъ—Снегирева, Буслаева, Даля, все это представляетъ драгоцѣнный запасъ произведеній

народнаго творчества, какимъ немногія литературы могутъ похвалиться.

Изученіе народныхъ обычаевъ, обрядовъ, суевѣрій и проч. было наименѣе организовано: задача была труднѣе, и для выполненія ея нужно было больше вниманія и больше теоретическаго пониманія дѣла. Матеріалъ состоитъ въ особенности въ отдѣльныхъ описаніяхъ; но и здѣсь онъ былъ собранъ въ значительномъ количествѣ и отчасти комментированъ. Таковы были старыя книги Снегирева, Сахарова, Терещенка, Даля; богатые „Этнографическіе сборники“ и „Записки по отдѣленію этнографіи“ географическаго общества; далѣе, сборники народныхъ заклятій и заговоровъ, загадокъ, народнаго календаря, суевѣрій и т. п.; описанія отдѣльныхъ разрядовъ обычаевъ (напр., особенно обычаевъ свадебныхъ) по различнымъ мѣстностямъ и т. д. Въ послѣднее время особенное вниманіе собирателей и изслѣдователей привлекли обычаи юридическіе, и здѣсь множество важнаго матеріала и объясненій собрано въ работахъ Е. Якушкина, Матвѣева, г. и г-жи Ефименко, Пахмана и др.

Съ новой литературой послѣ Петра, образовался новый литературный языкъ—уже на основѣ живой народной рѣчи и все больше освобождаясь отъ церковно-славянскихъ формъ, тяготѣвшихъ надъ книжнымъ языкомъ древняго періода. Но притокъ новыхъ понятій естественно все больше и больше отдалялъ языкъ литературный отъ простонароднаго. Удаленіе ихъ другъ отъ друга было неизбѣжно по той простой причинѣ, что съ новыми понятіями былъ необходимъ запасъ новыхъ словъ и новыхъ оборотовъ—техническій языкъ образованія всегда и вездѣ расходится съ первобытной рѣчью народнаго быта; но обогащаясь съ одной стороны, этотъ языкъ теряетъ съ другой, утрачивая свѣжесть и живую образность народной рѣчи. Дѣятели новой литературы, начиная уже съ Тредьяковскаго и Ломоносова, на самыхъ первыхъ порахъ инстинктивно чувствовали эти живыя свойства народной рѣчи, и желали воспользоваться ею для литературнаго языка. Позднѣе, этотъ инстинктъ все болѣе усиливался. Бывали книжники, которые, напротивъ, боялись или пренебрегали народнымъ языкомъ, настаивая на церковно-славянскомъ преданіи, или на напыщенномъ стилѣ ложнаго классицизма; но глубоко коренившійся инстинктъ пробивался у самыхъ упорныхъ псевдо-классиковъ. Съ другой стороны, рано возникаетъ научный интересъ къ народному языку. Академическіе путешественники по Россіи, какъ упомянутые Лепехинъ, Озерецковскій и др. и не-академическіе, какъ открытый недавно Челищевъ, собираютъ

народныя слова и выраженія, хотя и не предугадывали всей той цѣнности, какую придала народному языку позднѣйшая наука. У поэтовъ романтической школы народное преданье становится весьма любимою темой, и стремленіе воспринимать народную стихію въ книжную рѣчь достигаетъ высокаго мастерства въ языкѣ Пушкина. Въ литературѣ новѣйшей, обладаніе народной рѣчью есть не рѣдкость даже у талантовъ обыкновенныхъ.

Съ началомъ филологической науки народный языкъ сталъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, какъ матеріалъ исторіи, филологіи и этнографіи. Въ видахъ такого изученія собраны были два академическіе „Областные словаря" (къ сожалѣнію, не соединенные потомъ въ цѣлое и не освобожденные при этомъ отъ имѣющагося въ нихъ баласта), и въ особенности словарь Даля. Таковы были: давняя работа Надеждина о нарѣчіяхъ русскаго языка; трудъ Колосова о сѣверномъ языкѣ; изданный недавно академіей словарь архангельскаго нарѣчія—Подвысоцкаго; собраніе словъ сибирскаго языка—П. Ровинскаго и пр..

Изображенія народнаго быта въ послѣднія десятилѣтія составили цѣлый обширный отдѣлъ въ литературѣ; никогда изученіе этого быта не казалось въ такой степени нравственной и общественной обязанностью для писателей, которые этимъ путемъ думали открыть внутреннее значеніе народнаго быта, угадать народную душу и—ея содержаніемъ обновить жизнь общественную. Извѣстно, какъ это стремленіе завершалось практическимъ „хожденіемъ въ народъ", внѣшнимъ перениманіемъ народнаго платья и манеры, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и дѣйствительнымъ трудомъ въ народной средѣ, для непосредственной народной пользы.

Излагая подробно въ другомъ мѣстѣ эти успѣхи изученій народности, мы замѣчали, что, собственно говоря, представленіе о „народности" только теперь выходило изъ области непосредственнаго, инстинктивнаго чувства и, опредѣляемое историческимъ, этнографическимъ и соціальнымъ изслѣдованіемъ, становилось сознательнымъ.

Но не слѣдуетъ, однако, заблуждаться о размѣрахъ произведенныхъ изученій. Стоитъ немного вникнуть въ ихъ настоящее положеніе, чтобы видѣть, что въ сущности дѣло еще только начато, что при всемъ безотносительномъ богатствѣ пріобрѣтенныхъ результатовъ, они слишкомъ недостаточны по громадности предмета, подлежащаго изслѣдованію, которой далеко не отвѣчаютъ научныя средства, до сихъ поръ примѣненныя къ этому дѣлу.

Не будемъ говорить объ общихъ условіяхъ литературы, гдѣ для полноты историческихъ и нравственно-соціальныхъ изученій недостаетъ необходимой свободы изслѣдованія, вслѣдствіе чего остаются незатронуты цѣлыя области общественной и народной жизни и наличные выводы остаются условными или недосказанными. Кто слѣдилъ даже въ послѣднія десятилѣтія за судьбами русской научной литературы, тотъ видѣлъ, что — по независящимъ отъ нея обстоятельствамъ—у насъ не находили мѣста даже труды чисто научнаго характера и съ очень умѣренными идеями; кто слѣдилъ за безпорядочной борьбой мнѣній, совершавшейся въ тѣ же годы, хорошо видѣлъ, какъ много эта безпорядочность зависѣла отъ простой невозможности открытаго изложенія взглядовъ, хотя бы по существу весьма спокойныхъ, невозможности, которую лицемѣрно эксплуатировали мнимые охранители и обскуранты... Но, не вдаваясь въ этотъ общій вопросъ и ограничиваясь собственной этнографіей, не трудно видѣть, что и въ предѣлахъ чисто научной задачи изслѣдованіе народной жизни представляетъ множество пробѣловъ и въ матеріалѣ, и въ критикѣ. Богатый матеріалъ, нами перечисленный, окажется очень скуднымъ.

Прежде всего нужно, однако, оговориться. Въ послѣдніе годы, отмѣченные извѣстной безсмысленной войной противъ „интеллигенціи“, будто-бы враждебной народу и для него ненужной, множество разъ повторялось, что интеллигенція не знаетъ народа, что ей надо покинуть высокомѣрное притязаніе учить народъ, а, напротивъ, самой учиться у него, что народъ гораздо лучше интеллигенціи разрѣшаетъ вопросы своей жизни и т. д. Эти обвиненія обыкновенно противорѣчили самимъ себѣ: выводъ, что мы должны учиться у народа, предполагалъ, что мнимо неизвѣстный народъ, все-таки, достаточно извѣстенъ, потому что у него найденъ запасъ поученія для интеллигенціи; въ тоже время оставалось, однако, въ туманѣ—гдѣ этотъ народъ, кѣмъ собраны его поученія, тѣ ли они дѣйствительно? и т. д. Такія рѣчи слышались въ послѣднее время отъ людей весьма различнаго свойства; на дѣлѣ, они были или наивностью, какъ, напримѣръ, у многихъ изъ такъ-называемыхъ народниковъ [1]), или лицемѣрной уловкой, подъ которой скрывался самый недвусмысленный обску-

[1]) Такъ, напримѣръ, они подмѣнивали понятіе интеллигенціи, отождествляя съ ней всякихъ негодяевъ и эксплуататоровъ изъ мнимо „образованнаго“ класса; но, конечно, только глупостью можно объяснить смѣшеніе, напр., Пушкина и Тургенева съ Юханцовымъ и Свиридовымъ.

рантизмъ... Обвиненія были, однако, совершенно несправедливы. Никто иной, какъ интеллигенція, т.-е. просвѣщеннѣйшіе дѣятели общества и литературы, издавна заговорила о народѣ, указывала (и совершенно вѣрно), его нужды и самыя средства имъ помочь — и дѣлала это именно въ силу образованія, въ силу понятій, сообщенныхъ знаніемъ, и идеаловъ, воспитанныхъ высокими поэтическими созданіями своей и чужихъ литературъ. Интеллигенція раньше всякаго бюрократизма заговорила о необходимости уничтоженія крѣпостного права и о просвѣщеніи народа. И донынѣ лучшія стремленія на пользу народа принадлежали интеллигенціи, были ея мечтой и заботой; народъ составлялъ конечную цѣль ея умственнаго и общественнаго труда, ея борьбы и самопожертвованій,—какъ ея лучшіе дѣятели были цвѣтомъ народнаго ума и чувства, насколько они могли свободно развиваться и высказываться. Что касается ближайшихъ практическихъ нуждъ народа въ данную минуту,—образовательныхъ, экономическихъ, правовыхъ, мы уже теперь достаточно знаемъ народную жизнь, чтобы съ полной увѣренностью и основаніемъ говорить о необходимости для народа сколько возможно широкаго просвѣщенія, матеріальнаго обезпеченія, защиты отъ эксплуатаціи и насилія и т. д. Лучшія мѣры правительства въ этомъ отношеніи всегда принимались образованнѣйшимъ классомъ съ полнымъ сочувствіемъ; но желанія и идеалы, не разъ высказанные литературой по отношенію къ народу, до сихъ поръ остаются далеко впереди дѣйствительности. Итакъ, по непосредственнымъ практическимъ вопросамъ народной жизни мы уже теперь знаемъ народъ очень достаточно.

Но другое дѣло—изслѣдованіе научное. Его цѣли не опредѣляются и не ограничиваются насущными практическими потребностями минуты; по природѣ науки, это изслѣдованіе ищетъ общихъ началъ предмета, и слѣд. стремится постигнуть, что называется, народный духъ, т.-е. народную жизнь во всемъ ея цѣломъ, историческое начало и развитіе народа, складъ его характера, его бытовое содержаніе; какъ съ другой стороны, оно могло бы сообщить поучительныя практическія указанія, еслибъ люди практики хотѣли къ нимъ прислушиваться, и еслибъ ему предоставленъ былъ просторъ дѣятельности, хотя нѣсколько отвѣчающій важности дѣла.

Требованія такого широкаго научнаго изслѣдованія далеко не удовлетворяются наличнымъ запасомъ нашихъ этнографическихъ свѣденій.

Въ самомъ дѣлѣ, довольно представить себѣ громадную область, на которой раскинуто русское племя, разнообразныя условія его жизни, многоразличные типы населенія и пр., чтобы впередъ усомниться въ достаточности нашихъ этнографическихъ знаній: сдѣланное до сихъ поръ не составляетъ ли лишь малую долю того, что̀ должно быть сдѣлано для научной постановки русской этнографіи? Ея задача необычайно обширна уже вслѣдствіе одной внѣшней громадности географической области народа, и исполненіе далеко не отвѣчаетъ размѣрамъ этой задачи.

Этнографическій типъ русскаго народа уже съ первыхъ вѣковъ представлялъ нѣсколько отраслей, которыя въ средніе вѣка нашей исторіи свелись къ тремъ главнымъ группамъ. Для двухъ главныхъ — великорусской и малорусской — имѣется, относительно, весьма обильный запасъ матеріаловъ и изслѣдованій; группа бѣлорусская едва только затрогивается этнографіей. Въ этомъ главномъ племенномъ дѣленіи доселѣ однако неясны самые основные пункты: какими условіями топографическими, историческими, этническими, и въ какія эпохи, приведены эти различія; другими словами, есть ли малорусское племя, и его языкъ особая равносильная, независимая отрасль хотя единаго когда-то съ великорусскимъ, но очень отдаленнаго источника, или это—сравнительно поздняя второстепенная формація; что̀ въ этихъ отрасляхъ общаго, однороднаго —въ языкѣ, народной миѳологіи, обычаѣ, и что̀ различнаго и особеннаго? До сихъ поръ эти вопросы едва ставятся, и мало подвинулись, въ нашей литературѣ, послѣ тѣхъ сравненій, какія были сдѣланы Костомаровымъ [1),—между тѣмъ было бы чрезвычайно любопытно и важно опредѣлить взаимныя отношенія двухъ народностей въ ихъ statu quo, что̀ дало бы драгоцѣнныя указанія не только для исторіи и этнографіи, но и для современныхъ практическихъ отношеній.

Остановимся на нѣкоторыхъ частностяхъ. Какъ смутенъ вопросъ о древнихъ началахъ малорусскаго языка, можно видѣть изъ того, что доселѣ ведутся споры не только о древнемъ, но и о среднемъ его періодѣ. Книга г. Житецкаго остается пока единственнымъ цѣльнымъ трудомъ по этому предмету. Кромѣ рѣдкихъ и неполныхъ попытокъ, въ нашей литературѣ до сихъ поръ нѣтъ даже малорусскаго словаря; почему бы онъ ни отсутствовалъ, по недостатку ли вниманія къ предмету, или по неблагопріятнымъ для такой работы внѣшнимъ обстоятельствамъ, все равно,

---

1) Въ статьѣ: „Двѣ народности“.

недостатокъ полнаго словарнаго матеріала есть слишкомъ явный пробѣлъ въ знаніи о народѣ.

Подобнымъ образомъ не выяснено отношеніе двухъ главныхъ отраслей русскаго племени по ихъ преданіямъ и обычаю. Бросаются въ глаза отличія малорусской поэзіи, которая уже на глазахъ исторіи создала эпическую думу, — но откуда народилось вообще отличіе малорусскаго пѣсеннаго склада, поэтическихъ пріемовъ и красокъ, и съ другой стороны, какія сходныя черты соединяють малорусскую поэзію съ великорусской, сохранилась ли въ нихъ общая далекая старина? Попытки разыскать въ малорусскомъ преданіи эпическія темы древнихъ княжескихъ временъ не остались безуспѣшными [1]), но они остаются пока одинокими въ цѣломъ вопросѣ о древнихъ общихъ основахъ и историческомъ разъединеніи двухъ народностей.

Этотъ образчикъ указываетъ, какіе пробѣлы остаются по самымъ капитальнымъ вопросамъ нашей этнографіи. Тѣмъ больше ихъ въ подробностяхъ.

При всемъ обиліи этнографической литературы, крайне неполны еще свѣденія о самой господствующей народности. Въ самомъ дѣлѣ, племя великорусское съ тѣхъ поръ, какъ мы можемъ отличить его по свидѣтельствамъ письменной исторіи, является состоящимъ изъ нѣсколькихъ народныхъ группъ; московское царство своими крутыми мѣрами, истребленіями и перетасовками мѣстныхъ населеній, замѣной мѣстныхъ жителей покоренныхъ княжествъ москвичами, введеніемъ московскихъ обычаевъ и управленія и т. п., много содѣйствовало объединенію мѣстныхъ группъ, но не могло совсѣмъ изгладить ихъ старыхъ отличій; эти отличія не только удержались послѣ, но въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи осложнились новыми разновидностями типа. Распространеніе великорусскаго племени во вновь покоряемыя земли, бѣгство жителей въ южное и восточное казачество, заселеніе Сибири, бѣгство раскола въ дебри и захолустья сѣвернаго края и т. д., открывали новые пути къ развѣтвленіямъ самаго типа, нравовъ и обычаевъ, быта и преданій—уже вслѣдствіе географическаго разъединенія и обособленія народа. Такимъ образомъ великорусское племя существуетъ теперь въ цѣломъ рядѣ оттѣнковъ и варіацій, которые не только не изслѣдованы вполнѣ, но иногда едва намѣчены. Народный типъ центральныхъ губерній, поморскаго сѣвера, южныхъ областей на переходѣ къ малорусскому, средней и нижней Волги, типъ казацкихъ населеній на Дону и на Уралѣ,

---

[1]) Ср. изслѣдованія Антоновича и Драгоманова, А. Веселовскаго, Дашкевича.

типъ сибирскій,—все это весьма несходныя варіаціи, подробное изслѣдованіе которыхъ въ извѣстной систематической цѣлости представило бы величайшій интересъ какъ научный, такъ и общественный. У насъ есть множество отдѣльныхъ очерковъ разныхъ сторонъ народнаго быта, между прочимъ, множество мѣстныхъ описаній, иногда изъ глухихъ захолустьевъ, —но все это остается знаніемъ анекдотическимъ, необъединеннымъ, гдѣ одинъ изслѣдователь не знаетъ о другомъ и гдѣ ихъ работы, не руководимыя однимъ научно-теоретическимъ взглядомъ, остаются личнымъ впечатлѣніемъ отдѣльнаго писателя. За такія бытовыя описанія брались иногда извѣстные беллетристы (какъ напр. въ той этнографической экспедиціи конца 50-хъ годовъ, въ которой участвовали Максимовъ, Писемскій, Потѣхинъ и др.); труды ихъ были очень полезны и новыми фактами и популяризаціей этнографическаго знанія, — но это были такъ сказать живописные очерки быта, которымъ недоставало научныхъ опредѣленій. Въ послѣднія десятилѣтія, когда въ повѣствовательной литературѣ такъ распространились народно-бытовые сюжеты, нерѣдко можно было встрѣчать въ ней любопытнѣйшія черты мѣстныхъ нравовъ,—о которыхъ приходилось жалѣть, что находишь ихъ въ повѣсти, а не въ этнографическомъ сочиненіи (напомнимъ разсказы Мельникова, Потѣхина, Максимова, въ послѣднее время—Успенскаго, Златовратскаго и т. д. и т. д.). И сколько остается еще краевъ, которые едва затронуты изслѣдованіемъ или даже вовсе нетронуты! До сборниковъ Рыбникова, не далѣе какъ около 1860 года, неизвѣстна была великая этнографическая достопримѣчательность —живой народный эпосъ, хранящійся въ олонецкомъ краѣ; до путешествія Гильфердинга мы не имѣли понятія о краѣ и людяхъ, среди которыхъ сберегалось стародавнее преданіе,—но эта былина, здѣсь случайно открытая, заняла теперь мѣсто въ ряду знаменательнѣйшихъ созданій нашего народнаго эпоса и въ этомъ качествѣ стала уже обычной принадлежностью популярныхъ книгъ и учебниковъ. Случайные туристы находили въ высокой степени любопытныя этнографическія данныя на крайнемъ сѣверѣ, на Волгѣ и Уралѣ, въ Сибири, на Кавказѣ (здѣсь, напр. изумлялись оригинальному быту гребенского казачества, его нравамъ и обычаямъ, хранящимъ много неподдѣльной старины), — но этотъ любопытнѣйшій этнографическій матеріалъ еще не дождался своего собирателя. Нѣтъ сомнѣнія, что не только въ подобныхъ исключительныхъ и уединенныхъ краяхъ, но и въ самыхъ доступныхъ мѣстностяхъ найдется,—надо только внимательнѣе поискать,—множество интереснаго, чего мы до сихъ поръ не подозрѣваемъ.

Варіанты великорусскаго народнаго типа произошли не только отъ старыхъ корней, отдаляясь одинъ отъ другого подъ всякими природными и историческими условіями, но и изъ множества племенныхъ смѣшеній. Какъ мы замѣчали въ другомъ мѣстѣ, ученые признаютъ упорное постоянство антропологическаго типа: племя, подчиняясь другому политически и соціально, принимая его языкъ и культуру, повидимому, сливаясь съ нимъ, на дѣлѣ можетъ однако до того сохранять свою антропологическую особность, что напр. въ современномъ французѣ ученые изслѣдователи еще угадываютъ его антропологическаго предка—германца, или кельта, или римлянина, въ англичанинѣ — кельта и саксонца, въ сѣверномъ нѣмцѣ — полабскаго и поморскаго славянина; отдѣльныя группы вымершихъ племенъ сохраняются донынѣ, какъ лужичане среди нѣмцевъ, бретонцы — среди французовъ, жители Уэльса — среди англичанъ, а ихъ единоплеменники, потерявшіе свою народность, сохраняютъ въ новой свой прежній антропологическій типъ. Русскій народъ воспринялъ въ себя цѣлую массу инородческихъ элементовъ; съ древнѣйшей, исторически доступной поры его сосѣдями были племена финскія и тюркскія, которыя частью были поглощены имъ, какъ это произошло въ московской области, частью уцѣлѣли донынѣ въ самой центральной Россіи, подвергаясь только постепенно процессу ассимиляціи. Съ новѣйшимъ распространеніемъ государства началось вторичное, столь же медленное, поглощеніе инородческой стихіи племенъ, вновь покоряемыхъ на югѣ, на Кавказѣ, въ Сибири, въ Средней Азіи; съ другой стороны воспринятіе элементовъ западно - европейскихъ, какъ тѣ иноземные выходцы, которые со временъ московскаго царства массами вступали въ русскую службу и русѣли [1]). Изученіе этихъ инородческихъ стихій русской народности, можно сказать, еще не существуетъ. Сдѣлано, правда, довольно много работъ по описанію инородческихъ племенъ средней Россіи и окраинъ, племенъ финскихъ и тюркскихъ, и въ числѣ этихъ работъ есть нѣсколько очень важныхъ по своему научному достоинству, но, занятые обыкновенно извѣстнымъ племенемъ въ отдѣльности, эти труды почти не затрогивали вопроса объ ихъ отношеніи къ русской народности, объ ихъ поглощеніи и взаимодѣйствіи съ послѣдней, и о происходившемъ отсюда этнологическомъ результатѣ. Очевидно однако, что изслѣдованіе этихъ между-племенныхъ отношеній и вліяній необходимо для пониманія самыхъ

[1]) Вмѣстѣ съ тѣмъ въ великорусское цѣлое воспринимались другіе русскіе племенные оттѣнки, какъ нѣкогда новгородскій, позднѣе малорусскій и бѣлорусскій.

типовъ русскаго народа. Наблюдатели, обращавшіе вниманіе на эту сторону вопроса, отмѣчали здѣсь чрезвычайно любопытные этнографическіе факты—различныя степени обрусѣнія инородцевъ, пути и способы превращенія одного племени въ другое, обратное воздѣйствіе инородческой стихіи, когда напр. русскіе въ сношеніяхъ съ инородцами сами усвоивали ихъ обычаи и даже языкъ (напр. якутскій въ Сибири, киргизскій въ Средней Азіи, даже финскій и шведскій въ Финляндіи и т. п.). Антропологическое изученіе тѣсно связано съ этнографическимъ: первобытная раса отражается не только во внѣшнихъ признакахъ, формаціи тѣла, чертахъ лица, но и въ складѣ характера, живости или вялости, смышленности или тупости, смѣлости или робости и т. д.; видоизмѣняется языкъ, обычай, гдѣ падаетъ старое, возникаетъ новое и т. д.

Въ послѣднее время ссылки на народъ, на его міровоззрѣніе, на глубокій общественный смыслъ послѣдняго, стали такимъ распространеннымъ пріемомъ, что къ нему прибѣгаютъ даже люди партій, на дѣлѣ очень мало заинтересованныхъ народнымъ міровоззрѣніемъ и народнымъ благополучіемъ. Эти ссылки остаются обыкновенно совершенно произвольными и бездоказательными: по однимъ, народъ думаетъ то, по другимъ — другое. Болѣе или менѣе правдивая картина народнаго міровоззрѣнія опять можетъ быть дана только обширнымъ и многостороннимъ наблюденіемъ: изслѣдованіе этнографическое становится нравственной обязанностью общества, и взамѣнъ можетъ сослужить важную службу вопросу соціальному.

Въ настоящую минуту усиленное этнографическое наблюденіе было бы необходимо и по другому соображенію.

Этнографы давно обратили вниманіе на исчезновеніе стараго обычая. Дѣйствительно, рѣдко народъ живетъ въ китайской неподвижности; у насъ этой неподвижности никогда не было, и особенно съ тѣхъ поръ, какъ наша историческая жизнь была вдвинута въ новую колею, съ каждымъ новымъ поколѣньемъ можно было бы наблюдать упадокъ обычая, въ которомъ жило поколѣніе предъидущее. Нѣсколько десятилѣтій тому назадъ наблюдатели народнаго быта говорили уже о быстромъ исчезновеніи обычаевъ, преданій, пѣсенъ, и о необходимости собирать ихъ, пока они совсѣмъ не пропали. И дѣйствительно, пѣсни и обычаи исчезали, хотя повидимому въ тѣ годы, въ николаевскія времена, никакая особенная новизна не нарушала старыхъ порядковъ быта. Нельзя не замѣтить, что новѣйшіе сборники уже не приносили тѣхъ, нерѣдко прекрасныхъ, пѣсенъ, какія находятся въ старыхъ

сборникахъ Чулкова и Новикова. Пѣсни богатырскія (былины), нѣкогда несомнѣнно очень распространенныя въ великорусской массѣ,—какъ свидѣтельствуетъ и сборникъ Кирши Данилова, — исчезали до такой степени, что въ послѣдующее время являются рѣдкостью и сберeглись только въ сѣверныхъ захолустьяхъ и въ Сибири, именно въ такихъ мѣстахъ, куда всего слабѣе доходили вліянія новыхъ обычаевъ, городской жизни и т. п. Въ Малороссіи большой рѣдкостью стали кобзари, которые помнятъ старыя казацкія думы, и т. д.

Но если и нѣсколько десятилѣтій назадъ можно было жаловаться на исчезновеніе преданій, то теперь наступилъ несравненно дальше захватывающій и сильный кризисъ, который въ значительной массѣ народа унесетъ безвозвратно еще больше старины. Понятно, что въ наше время этотъ кризисъ привлеченъ прежде всего тѣмъ переворотомъ, какой произвела во всемъ нашемъ внутреннемъ бытѣ крестьянская реформа. Одинъ изъ ревностнѣйшихъ наблюдателей и партизановъ крестьянскаго міра такъ говоритъ объ его положеніи въ настоящемъ историческомъ моментѣ: „У насъ много говорятъ о единствѣ, цѣльности народной жизни, народныхъ воззрѣній; но даже у великорусскихъ крестьянъ оно больше этнографическое, чѣмъ сознательное, духовное. Между ними, какъ и въ образованныхъ слояхъ, сколько головъ, столько и умовъ. Старые обычаи глубоко потрясены; въ народныхъ массахъ совершается переходъ къ другому порядку формъ и воззрѣній. Каковы они будутъ — нельзя еще предвидѣть; ясно и несомнѣнно то, что прежній строй вѣрованій, понятій и привычекъ ветшаетъ и разрушается. Индивидуализмъ, прежде пассивно, безъ всякой реакціи [1]), подчинявшійся внѣшнимъ условіямъ и обстановкѣ жизни, начинаетъ мало-по-малу, медленно и робко, заявлять о своемъ существованіи. Теперь, на первыхъ порахъ, эти нетвердые еще шаги крестьянства на пути къ созданію новой гражданственности и новаго міросозерцанія выражаются пока, какъ сказано, отрицательнымъ образомъ, въ ослабленіи и упадкѣ старыхъ обычаевъ и нравовъ, въ постепенномъ распаденіи стараго строя жизни, въ перемѣнѣ привычекъ ежедневнаго быта и въ большой порчѣ нравовъ, всегда появляющейся тамъ, гдѣ унаслѣдованныя вѣрованія, теряя свой авторитетъ,

---

[1]) Прибавимъ: кромѣ только бѣгства и особливо разбойничества, которое не даромъ въ народномъ эпосѣ смѣнило старое богатырство, какъ предметъ удивленія и сочувствій.

свою обязательность, еще не замѣнились другими равносильными убѣжденіями“ [1]).

Въ прежнія времена, въ господство крѣпостного права, частнаго и государственнаго, крестьянство представляло отдѣльный міръ, обставленный всякаго рода опекой и загородками, обособленный отъ всѣхъ другихъ сословій, лишенный всякой самостоятельной дѣятельности и инціативы, исключительно прикованный къ земледѣльческому и другому крѣпостному труду. Заключенный въ своемъ безъисходномъ кругѣ, крестьянскій міръ естественно жилъ однимъ преданіемъ, унаслѣдованными бытовыми формами и обычаемъ, которые съ другой стороны оберегала и сама крѣпостная власть. Реформа разрушила эту обособленность; правда, крестьянское общество сохранило свою отдѣльность, но уже не было китайской стѣны, не было безправности, началось взаимодѣйствіе съ другими слоями общества и открылся исходъ „индивидуализму“. Бытовыя понятія тѣсно связаны съ внѣшними формами и условіями жизни, а эти формы и условія измѣнились до чрезвычайности: прежнее привилегированное землевладѣніе, и именно самое многочисленное — среднее и мелкое, уже на другой день реформы почувствовало себя подорваннымъ; на его мѣстѣ вскорѣ стало складываться землевладѣніе иной формаціи, гдѣ новымъ сильнымъ элементомъ являлось купечество, мѣщанство и гдѣ наконецъ, сталъ находить себѣ исходъ и крестьянскій „индивидуализмъ“, особливо въ видѣ міроѣдства и кулачества. Новыя поколѣнія крестьянства, выроставшія на волѣ, росли уже подъ иными впечатлѣніями; прежній тѣсный кругозоръ расширялся; извѣстное чувство своей воли проникло въ семью и ослабило старыя патріархальныя отношенія, а съ ними и вообще старое преданье... Начать съ того, что реформы прошлаго царствованія, — какъ земскія учрежденія и новый судъ—прямо вводили крестьянство въ общественную жизнь и давали ему извѣстную равноправность: въ принципѣ обособленность стараго времени прекращалась. Личная свобода открывала крестьянству всѣ роды дѣятельности. На эту почву въ тоже время дѣйствовали другія новыя вліянія и съ ними возрасталъ упадокъ старины: сѣть желѣзныхъ дорогъ проникла и въ тѣ захолустья, изъ которыхъ прежде въ три года нельзя было доскакать никуда; съ усилившимся движеніемъ городская „цивилизація“ стала чаще появляться въ деревнѣ, нахлынули новые нравы, частью хорошіе (какъ распространеніе школы), частью очень дурные; съ город-

[1]) Кавелинъ, Крестьянскій вопросъ, стр. 155.

скими соблазнами, — между прочимъ, стало распространяться и городское платье, — все больше забываются деревенскіе обычаи; ими даже начинаютъ пренебрегать, и напр., старая пѣсня забывается для городского трактирнаго романса и т. п. Еще новымъ обстоятельствомъ, которое разлагающимъ образомъ дѣйствуетъ на патріархальную старину, явилась всеобщая воинская повинность: въ прежнее время рекрутъ былъ отрѣзанный ломоть, онъ никогда не возвращался въ старую среду; теперь деревенскіе воители, вернувшись домой по отбытіи службы, приносятъ новыя понятія, привычки, и охладѣвая къ старинѣ, отъ которой были оторваны, распространяютъ свои вкусы, напр., свои солдатско-трактирныя пѣсни, которыя нравятся и идутъ въ ходъ. И здѣсь, въ Петербургѣ, можно наблюдать эту этнографическую метаморфозу на пришлыхъ рабочихъ-крестьянахъ, перенимающихъ трактирныя пѣсни; очевидцы разсказываютъ, что даже въ Малороссіи прекрасныя малорусскія пѣсни въ устахъ самихъ дѣвушекъ замѣняются модными велокорусскими пѣснями солдатскаго изобрѣтенія и стиля...

Наконецъ, должна была оказывать извѣстное вліяніе и школа. Тамъ, гдѣ ея питомцы дѣйствительно чему-нибудь выучивались (а въ этомъ нельзя сомнѣваться), у нихъ возникалъ новый интересъ — въ чтеніи, которое, какъ-бы ни приноровляли его къ „средѣ", все-таки съ ней расходилось и направляло мысли въ другую сторону и—дальше отъ преданія. Новѣйшіе педагоги и писатели для народа очень желаютъ подкрѣплять преданіе у своихъ читателей въ народной школѣ, помѣщая въ школьныхъ хрестоматіяхъ древнія былины, — но едва ли сомнительно, что „Святогоръ" и „Микула Селяниновичъ" уже не пробудятъ эпическаго чувства тамъ, гдѣ оно вымерло, и останутся книжной сказкой. Напротивъ, гораздо сильнѣе будетъ дѣйствовать современная литература, гдѣ она, съ новымъ, нимало не архаическимъ настроеніемъ, коснется предметовъ и чувствъ, близкихъ къ сельскому быту. Въ замѣчательной книгѣ: „Что читать народу" собрано много любопытныхъ фактовъ, рисующихъ отношеніе читателей изъ народной школы къ нынѣшней литературѣ, и напр., отзывы этихъ читателей о „Запискахъ Охотника" Тургенева даютъ чрезвычайно интересное предуказаніе о томъ, чѣмъ нѣкогда можетъ стать литература для народа. — Наконецъ, людямъ, близко стоящимъ къ литературѣ, извѣстно, что между подлиннымъ крестьянствомъ новаго поколѣнія появляются уже люди съ извѣстнымъ образованіемъ, напр. прошедшіе гимназическій курсъ, и не вышедшіе однако изъ крестьянства, которые

пробуютъ свои силы въ литературномъ трудѣ. Это уже вовсе не тѣ крестьяне-самоучки, какіе встрѣчались, бывало, прежде и которые желали подражать барской поэзіи; но люди, остающіеся въ своемъ бытѣ и пробующіе говорить именно о томъ, чтó ихъ окружаетъ и чтó они знаютъ. Намъ лично случалось встрѣтить очень любопытные литературные опыты этого рода, — между прочимъ, поэтическіе.

Подъ вліяніемъ всѣхъ условій нашего времени, тотъ процессъ, который всегда подтачиваетъ старину, идетъ несомнѣнно гораздо быстрѣе, чѣмъ онъ шелъ еще нѣсколько десятилѣтій тому назадъ, и этнографамъ слѣдуетъ поторопиться съ собираніемъ народно-поэтическихъ произведеній, обычаевъ, преданій и т. д. Съ отживающимъ теперь старымъ поколѣніемъ пропадетъ безслѣдно многое, чтó еще можетъ быть сохранено; разъ начался упадокъ старины, молодыя поколѣнія относятся къ ней не только равнодушно, но какъ-будто съ пренебреженіемъ—старой пѣсни не заучиваютъ, потому что кругомъ входятъ въ моду новыя; вкуса рѣдко достаетъ, чтобы понять, насколько наивная эпическая и лирическая старина выше забубенной пошлости новѣйшихъ пѣсенъ, приносимыхъ изъ города—старыя пѣсни становятся далеки отъ жизни по своему содержанію и пропадаютъ...

Этнографы не разъ оплакивали паденіе поэтической старины, въ которой было дѣйствительно много прекраснаго—задушевнаго по чувству и изящнаго по выраженію, тѣмъ больше, что за нимъ слѣдуетъ такое некрасивое преемство. Съ этими жалобами соединялись нерѣдко, и на нихъ строились, идеалистическія представленія о добромъ старомъ времени, которое исчезло навсегда; но давно также замѣчено, что представленіе о добрыхъ старыхъ временахъ есть вѣчная людская иллюзія—эти времена не были такъ красивы, какъ можетъ казаться, а паденіе народной поэзіи объясняется просто тѣмъ, что съ развитіемъ національной жизни эта поэзія уже не охватываетъ явленій общественнаго и историческаго быта, которыя были вполнѣ доступны ей на патріархальныхъ ступеняхъ этого быта, а теперь стали для этого слишкомъ сложны и непонятны; коллективное поэтическое творчество затрудняется, а затѣмъ возрастаніе литературы искусственной поглощаетъ большую долю изъ запаса національной силы, которая прежде вся уходила въ это коллективное творчество. Времена эпическаго и лирическаго творчества уходятъ неизбѣжно съ усложненіемъ исторіи; у народовъ европейскихъ они прошли еще въ средніе вѣка; наша историческая жизнь двигалась медленнѣе и позже, но и у насъ наступитъ тоже забвеніе давней старины, то

же господство новой пѣсни, болѣе книжнаго склада. Въ западной Европѣ уже нельзя отыскать такой архаической поэзіи—она исчезла раньше, чѣмъ пробудился къ ней національный и научный интересъ; на своей народной почвѣ мы застаемъ еще послѣдніе отголоски этой поэтической поры народной жизни—тѣмъ больше надо позаботиться сохранить ихъ для нашей собственной исторіи и для цѣлей науки.

Итакъ, наши этнографическія собранія, взятыя въ сравненіи съ тѣмъ огромнымъ объемомъ народной жизни, который долженъ быть подвергнутъ наблюденію, представляются еще крайне недостаточными. Мы можемъ гордиться напр., нашими пѣсенными собраніями, но если сравнить ихъ съ тѣмъ, что, по всѣмъ указаніямъ и предположеніямъ, должно еще храниться въ памяти и въ устахъ народа, нельзя не заключить, что наши знанія въ дѣйствительности далеко не охватываютъ существующаго матеріала. Точно также и въ другихъ областяхъ народной жизни и поэтическаго творчества.

Начать съ того, что мы не имѣемъ до сихъ поръ настоящаго словаря русскаго языка,—такого, какого требуетъ современное положеніе науки,—какой имѣютъ нѣмцы въ словарѣ Гримма, французы въ словарѣ Литтрѐ, даже сербо-хорваты въ начатомъ словарѣ Даничича. Наши старые академическіе словари составлялись въ такое время, когда еще не было понятія объ исторіи языка, не было яснаго представленія ни о славянскихъ отношеніяхъ русскаго племени, ни о значеніи живой современной рѣчи и языка областного и т. п. О словарѣ имѣлось еще старинное академическое представленіе, что онъ долженъ, какъ самая грамматика, стоять на стражѣ чистоты языка, доставлять авторитетныя рѣшенія объ употребленіи словъ и т. п., вообще, быть сборомъ матеріала для литературнаго языка и полицейскимъ надзоромъ за его правильностью и чистотой. Послѣ закрытія академіи „Россійской“, превращенной въ II отдѣленіе академіи наукъ, въ новомъ учрежденіи (куда зачислено было нѣсколько старыхъ сподвижниковъ Шишкова) дѣло шло на первое время не лучше прежняго: въ составѣ этого собранія былъ одинъ только филологъ—Востоковъ, державшійся особнякомъ и молчаливо совершавшій свои личные монументальные труды по церковно-славянскому языку и древней русской письменности. Отдѣленіе оживилось (въ самомъ концѣ сороковыхъ годовъ) со вступленіемъ въ его составъ ученаго слависта — Срезневскаго, который тотчасъ же сталъ его главнымъ работникомъ, устроителемъ его изданій и, къ

счастью для „отдѣленія", охранителемъ его ученой репутаціи. Отдѣленіе тѣхъ годовъ не смогло сдѣлать ничего цѣльнаго, но, благодаря Срезневскому, по крайней мѣрѣ, была мысль о научной постановкѣ дѣла. Срезневскій писалъ цѣлые трактаты съ цѣлью выяснить наилучшій планъ научнаго и „національнаго" словаря, вызывалъ на эту тэму мнѣнія наличныхъ русскихъ ученыхъ; по его возбужденіямъ отдѣленіе издало „Областной словарь" великорусскаго языка; онъ собиралъ самъ матеріалы для словаря древняго русскаго языка, побуждалъ своихъ слушателей къ разработкѣ отдѣльныхъ памятниковъ въ этомъ отношеніи, печаталъ матеріалы, но словарь такъ и не составился. Мысль о немъ была потомъ, кажется, совсѣмъ заброшена; нынѣшній составъ отдѣленія также ею не заинтересовался. Изданный недавно словарь архангельскаго нарѣчія былъ дѣломъ посторонняго лица... Единственной большой и цѣльной работой въ этой области былъ извѣстный толковый словарь Даля: составляя великую защиту его собирателя по мысли и труду, положенному на исполненіе, этотъ словарь не свободенъ отъ недостатковъ, неизбѣжныхъ въ работѣ надъ такимъ сложнымъ дѣломъ одного лица, особливо самоучки, не имѣвшаго никакой филологической школы. Историческій элементъ въ словарѣ Даля совершенно отсутствуетъ.

Въ словарномъ матеріалѣ, котораго, впрочемъ, накопилось довольно много, сторона историческая наиболѣе слаба. Давно ожидаемый трудъ Срезневскаго, обнимающій древній русскій языкъ до XIV столѣтія, какъ мы слышали, остался незаконченнымъ, т.-е. въ видѣ матеріала цитатъ, не получившихъ окончательной обработки. Языкъ нашихъ среднихъ вѣковъ, московскаго періода, остается совсѣмъ несобраннымъ — кромѣ небольшихъ указателей къ отдѣльнымъ памятникамъ. Не собранъ исторически и словарь послѣдующаго времени: кромѣ словаря россійской академіи, который самъ сталъ историческимъ матеріаломъ, сдѣланы были только немногія отрывочныя попытки въ этомъ направленіи по отдѣльнымъ писателямъ (Ломоносовъ, Державинъ, Крыловъ).

При томъ важномъ значеніи, какое имѣютъ данныя языка въ объясненіи разнообразныхъ вопросовъ археологіи быта, народной поэзіи, современнаго обычая, исторіи литературной рѣчи, и припоминая, какъ поставлено это дѣло въ другихъ литературахъ, становится понятно, какъ скуденъ самый запасъ нашихъ научныхъ силъ въ области этнографіи,—если у насъ до сихъ поръ нѣтъ даже вопроса о составленіи словаря, отвѣчающаго современнымъ требованіямъ науки. Какой великой помѣхой служитъ отсутствіе

словаря для историко-этнографическихъ изслѣдованій, нечего и говорить.

Не менѣе важную помѣху составляютъ пробѣлы и дурное (болѣе или менѣе) исполненіе нашихъ этнографическихъ собраній. Ученый этнографъ, изслѣдователь и критикъ, какъ мы выше замѣтили, находится въ полной зависимости отъ собирателя. Самъ ученый рѣдко бывалъ у насъ и собирателемъ, какъ у нѣмцевъ бывали Уландъ, братья Гриммы, Кунъ и Шварцъ, и пр. Дѣло собиранія у насъ такъ бывало затруднительно всегда, а теперь тѣмъ болѣе, что этнографы-изслѣдователи, какъ Аѳанасьевъ, Буслаевъ, А. Веселовскій, предпочитаютъ трудъ кабинетной эрудиціи труду скитанія въ народной средѣ, для чего требуются особыя условія личныя и внѣшнія. Въ прежнее время ученые бывали иногда собирателями, но по новости дѣла не избѣгли очень грубыхъ ошибокъ; въ послѣдніе годы замѣчательный примѣръ соединенія обѣихъ формъ этнографическаго труда представили Гильфердингъ, въ „Онежскихъ былинахъ", и Е. Барсовъ въ „Причитаньяхъ сѣвернаго края"... Но по самой громадности русской территоріи остается правиломъ, что этнографическое изслѣдованіе и самое собираніе составляютъ два особо производимые труда; ученый большей частью лишенъ всякой возможности руководить или контролировать собирателя, и долженъ принимать его работу какъ она есть.

Какъ велика эта зависимость—не требуетъ большихъ объясненій. Собиратель даетъ текстъ пѣсенъ, сказокъ, пословицъ, преданій, даетъ описанія обрядовъ и обычаевъ, и ученый долженъ вѣрить ему на-слово, что пѣсня поется такъ, а не иначе, что обрядъ совершается этимъ способомъ, а не другимъ: нельзя ѣхать на мѣсто и провѣрять его, да въ прежнее время не всегда имѣли обычай давать точныя указанія о мѣстѣ записи. Ученый пользовался матеріаломъ, и показанія собирателя тѣмъ самымъ получали еще большій авторитетъ. Чего не было въ матеріалѣ, на что неприготовленный научно собиратель не обращалъ вниманія, о томъ ничего не зналъ и изслѣдователь... Авторитетъ собирателя не оспаривался. Лишь изрѣдка, и обыкновенно гораздо позднѣе, возникали недоумѣнія, когда показанія собирателя были слишкомъ необычны или противорѣчили другимъ, болѣе прочнымъ даннымъ; а новѣйшей, болѣе пристальной критикѣ пришлось окончательно убѣдиться, что прежніе ученые бывали не одинъ разъ жертвою или непониманія, или даже довольно грубыхъ подлоговъ и мистификацій собирателя.

Припомнимъ нѣкоторые факты. Первый этнографъ-собиратель

(покушавшійся быть и ученымъ толкователемъ), пріобрѣвшій въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ большую извѣстность, какъ знатокъ русской народности, былъ Сахаровъ. „Сказанія русскаго народа“ безпрестанно поминались тогда, какъ только заходила рѣчь о русскомъ народномъ обычаѣ, пѣснѣ, сказкѣ и т. д. Заслуги Сахарова въ возбужденіи этнографическихъ изученій, въ доставленіи перваго обильнаго матеріала для нихъ, не подлежатъ спору; но наконецъ, обратили вниманіе и на качество его текстовъ. Ап. Григорьевъ, извѣстный критикъ, который былъ большой любитель народной пѣсни, открылъ въ этихъ текстахъ (еще при жизни самого Сахарова) весьма крупныя несообразности и шарлатанство, а позднѣе г. Безсоновъ нашелъ нѣчто худшее, а именно несомнѣнныя поддѣлки (напр., цѣлую сказку объ Акундинѣ), а затѣмъ очевидно стало, что всѣ тексты сказокъ сочинены самимъ Сахаровымъ, который, для приданія имъ большей „народности“, написалъ ихъ въ фальшивомъ, до отвращенія приторномъ тонѣ. Въ свое время все это сходило за чистую монету и не мало способствовало распространенію лже-народной сладавой манеры въ трактованіи „народности“, манеры, подходившей къ духу времени, когда все считалось „обстоящимъ благополучно“ и патріархально процвѣтающимъ.—Въ то же время, когда стали выходить первыя собранія Сахарова, издавалась „Запорожская Старина“ Срезневскаго; въ свое время это былъ также горячо привѣтствованный сборникъ, въ которомъ являлись поэтическія южно-русскія думы и преданія; эти думы не разъ были повторяемы любителями и другими собирателями (напр., такими компетентными, какъ Максимовичъ), цитировались учеными изслѣдователями (напр., такими компетентными, какъ г. Буслаевъ), и въ концѣ концовъ между ними оказались самыя несомнѣнныя поддѣлки, что признаъ въ послѣдніе годы и самъ Срезневскій, говоря, что былъ введенъ въ заблужденіе усердными черезъ мѣру благопріятелями. Напомнимъ еще изъ крупныхъ поддѣлокъ ту пѣсню изъ „языческихъ временъ“, которую призналъ и напечаталъ г. Кулишъ (въ „Запискахъ объ южной Руси“), хотя поддѣлка была грубая и безвкусная; тѣ поддѣлки, какія явились въ извѣстныхъ памятникахъ народнаго творчества западнаго края, и т. д. и т. д.

Эта наклонность къ подлогу, поддѣлкѣ въ прежнее время (у насъ, въ 30-хъ годахъ) имѣла не однѣ шарлатанскія цѣли (иной разъ могла и совсѣмъ не имѣть такихъ цѣлей), но происходила также изъ наивнаго пониманія самаго дѣла: стремленіе къ народности было гораздо меньше строго-научное, чѣмъ литературно-

романтическое; думали, что лучше объяснять самую народность, когда подправятъ народное произведеніе извѣстными яркими подробностями—въ ея предполагаемомъ духѣ, или просто сами сочинятъ мнимо-народную вещь заново. Но поддѣлки становятся злостной мистификаціей, надувательствомъ, когда уже сознана и заявлена необходимость самой точной передачи народныхъ произведеній, и, напр., поддѣлки Сахарова были непростительны именно потому, что самъ онъ постоянно твердилъ объ этой необходимости, и о своихъ поддѣлкахъ увѣрялъ, что они взяты изъ какой-то „рукописи Бѣльскаго“, никѣмъ не виданной и, вѣроятно, не существовавшей.

Въ настоящее время никакому сколько-нибудь серьезному человѣку не придетъ въ голову заниматься такимъ поддѣлываньемъ; но до сихъ поръ качеству матеріала можетъ вредить другой недостатокъ собиранія, существовавшій давно и возможный по сію минуту—во-первыхъ, неполнота матеріала, во-вторыхъ, неумѣнье передать его съ точностью.

Изъ сказаннаго нами выше можно видѣть, какъ притязательны титулы сборниковъ, въ родѣ „Пѣсни русскаго народа“, — когда въ нихъ помѣщались собственно только пѣсни тульскія, владимірскія и еще двухъ-трехъ губерній, и къ нимъ прибавлялись еще (безъ обозначенія источника) пѣсни, выписанныя изъ старыхъ печатныхъ сборниковъ и принадлежавшія неизвѣстно какой мѣстности. Такъ это было у Сахарова. Позднѣе, когда стали дѣйствительно заботиться о точности, сборники являются съ болѣе скромными титулами, напр., по тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ они были составляемы: пѣсни самарскаго края, онежскія, сибирскія, казанскія, новгородскія и т. п.; съ теченіемъ времени сборники выигрывали въ правильности передачи народно-поэтическихъ текстовъ, преданій, обычаевъ и т. д., но все еще не были свободны отъ недостатковъ весьма крупныхъ. Напримѣръ.

При основаніи Географическаго Общества, для возбужденія этнографическихъ изслѣдованій по цѣлямъ Общества принята была извѣстная система собиранія при содѣйствіи частныхъ лицъ и любителей, по особо составленной для того программѣ вопросовъ. Цѣль была достигнута; благодаря тому интересу, который возбужденъ былъ основаніемъ Географическаго Общества въ глухое николаевское время, въ портфелѣ этнографическаго отдѣленія набралось значительное количество присланныхъ матеріаловъ, въ томъ числѣ цѣлыя отдѣльныя описанія и сборники. Болѣе важные и крупные изъ этихъ матеріаловъ нашли мѣсто въ изданіяхъ Географическаго Общества; другіе поступили въ архивъ

этнографическаго отдѣленія. Въ 50-хъ годахъ Аѳанасьевъ возъимѣлъ мысль воспользоваться этимъ матеріаломъ въ соединеніи съ его личнымъ собраніемъ, для изданія русскихъ народныхъ сказокъ. Извѣстное его изданіе было весьма важнымъ вкладомъ въ нашу этнографическую литературу; собственно говоря, это былъ первый сборникъ нашихъ сказокъ, удовлетворявшій (болѣе или менѣе) научнымъ требованіямъ и давшій поводъ и основу для изслѣдованій по этому предмету. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ свои крупные неудобства и недостатки; по своему сборному матеріалу онъ остался разношерстнымъ: въ рукахъ издателя были тексты, которые записаны были лицами, съ разной степенью пониманія дѣла, и которыхъ онъ не могъ провѣрить — оставалось печатать ихъ, какъ есть. Въ результатѣ собрались сказки, записанныя весьма неравномѣрно: одни болѣе ровнымъ, другія болѣе угловатымъ языкомъ; однѣ—языкомъ обыкновеннымъ, другія—съ усиленнымъ желаніемъ передавать народную рѣчь и мѣстные говоры, и, между прочимъ, съ тѣмъ звукоподражательнымъ изображеніемъ выговора, съ которымъ и нашъ обычный литературный языкъ могъ бы быть представленъ въ видѣ какого-нибудь особаго нарѣчія. Словомъ, изданіе повторяло всѣ тѣ различныя манеры, въ какихъ вели свои записи случайные и между собою ни мало не солидарные корреспонденты этнографическаго отдѣленія. Это не только непріятнымъ и безполезнымъ образомъ пестрило книгу, но и вводило въ заблужденіе: одинъ собиратель записывалъ такъ, какъ бы имѣлъ въ виду особый говоръ русскаго языка,—другой, рядомъ или тутъ же, записывалъ такъ, какъ будто бы этого говора не существовало; третій записывалъ по „звуковому методу“ самую обыкновенную русскую рѣчь.

Самая цѣль, вмѣстѣ съ текстомъ сказокъ дать образчики нарѣчій и говоровъ русскаго языка, не достигалась, какъ потому, что собиратели не держались одной системы, такъ и потому, что для подобной цѣли нужны были бы другіе пріемы. Въ произведеніяхъ народной поэзіи важенъ, конечно, и языкъ и содержаніе; но можно спросить, удобно ли и правильно ли напр. передавать, въ собраніи „русскихъ народныхъ сказокъ“, какую-либо сказку, извѣстную по всей территоріи русскаго племени, только на одномъ какомъ-нибудь говорѣ тверской или новгородской губерніи? и напротивъ, не было ли бы правильнѣе позаботиться скорѣе о вѣрности самаго текста, т.-е. содержанія сказки, не гоняясь за передачей мѣстныхъ говоровъ? Авторитетные собиратели, какъ братья Гриммы, какъ Вукъ Караджичъ, заботились именно о вѣрной передачѣ содержанія и были, по нашему мнѣнію, правы,—потому

что сказки большей частью не принадлежали только одному углу, а были извѣстны во всемъ народѣ. Для изученій филологическихъ могли бы служить чисто мѣстные сборники, которые заключали бы въ себѣ народно-поэтическія произведенія исключительно одного края, и записыванье говоровъ, по настоящему, должно быть вовсе не дѣломъ случайныхъ любителей, а дѣломъ людей, филологически приготовленныхъ и знающихъ цѣну мелкихъ оттѣнковъ формы и звука.

Система, похожая на систему Аѳанасьева, господствуетъ и въ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ пѣсенныхъ сборниковъ. Составитель сборника не есть только собиратель, самъ записывающій пѣсни изъ устъ народа, но и просто редакторъ матеріала, состоящаго изъ вкладовъ разнаго рода любителей. Въ этомъ не было бы большой бѣды и, повторяемъ, при громадности нашего отечества, одному человѣку никогда не будетъ по силамъ цѣльный, дѣйствительно „русскій народный“ сборникъ—пѣсенъ, сказокъ, преданій, обычаевъ и т. д.; но бѣда въ томъ, что въ случаяхъ подобнаго сотрудничества редакторъ рѣдко въ состояніи провѣрять своихъ сотрудниковъ и обыкновенно долженъ на нихъ полагаться, хотя бы даже не былъ увѣренъ въ ихъ компетентности,—а иногда и самъ онъ не думаетъ о необходимости провѣрки и контроля. Такимъ образомъ матеріалъ опять является случайный и степень пригодности его опредѣляется только теоріей вѣроятностей.

Вообще весьма обыкновенную черту нашихъ сборниковъ составляетъ случайность матеріала, зависѣвшая отъ случайности самаго дѣла. До сихъ поръ собираніе было вообще въ рукахъ не ученыхъ спеціалистовъ, а любителей, „охотниковъ“; людей, у которыхъ оно было бы систематически обдуманнымъ предпріятіемъ, было немного; единственнымъ примѣромъ своего рода была замѣчательная экспедиція Гильфердинга, систематически обозрѣвавшаго выбранную мѣстность, выспрашивавшаго всѣ до послѣдней пѣсни, какія только зналъ его пѣвецъ, разыскивавшаго этихъ пѣвцовъ въ своихъ странствіяхъ по дикому краю, не имѣвшему даже проѣзжихъ дорогъ. Подвигъ Гильфердинга—потому что это былъ дѣйствительный подвигъ—остается до сихъ поръ безъ подражателя... У огромнаго большинства другихъ собирателей дѣло шло совсѣмъ иначе: они были далеки отъ систематическаго изслѣдованія какой-либо одной мѣстности, какого-либо цѣльнаго отдѣла народной поэзіи, собирали всего чаще что̀ подвернется; успѣхъ собиранія измѣрялся не полнотой обзора того или другого отдѣла матеріала, а числомъ №№, откуда бы они ни взялись, и были ли

выслушаны и записаны самимъ этнографомъ, или сообщены пріятелемъ или пріятельницей, умѣнье которыхъ выполнить дѣло составляло величину неизвѣстную...

Вслѣдствіе этого, мы, далеко не владѣя всѣмъ объемомъ нашей народной поэзіи, не имѣемъ также (за исключеніемъ немногихъ установленныхъ фактовъ) точнаго представленія о географіи русской народной поэзіи и вообще стараго преданія и обычая, т.-е. объ ихъ распространеніи, относительномъ богатствѣ и сохранности въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ; не знаемъ и ихъ качественнаго распредѣленія, т.-е. гдѣ и какой обычай, преданіе, пѣсня сбереглись, гдѣ и чѣмъ новымъ они смѣнились и т. д. Какой глубокій интересъ представляла бы эта географія народной поэзіи и старины, это не требуетъ объясненія. Съ другой стороны, въ обыкновенныхъ сборникахъ произведенія народной поэзіи являются передъ нами оторванными отъ своего цѣлаго, лишенными своей обстановки, чтó самымъ существеннымъ образомъ мѣшаетъ ихъ историческому и этнографическому объясненію. Этотъ недостатокъ собиранія обнаруживается и распредѣленіемъ „нумеровъ" въ издаваемомъ сборникѣ: для того, чтобы удобнѣе найтись въ матеріалѣ, пѣсни должны быть распредѣлены на какія-нибудь рубрики, и для этого подыскиваются нерѣдко рубрики нравственныя: любовь дѣвушки или парня, „сочувствіе родителей", „боязнь молвы", и т. п. Эти рубрики могутъ, пожалуй, облегчать выводы о нравственно-бытовыхъ воззрѣніяхъ народа; но по сущности дѣла, необходимо было бы совсѣмъ иное распредѣленіе пѣсенъ, а именно—сопоставленіе ихъ съ обычаемъ и обрядомъ, указаніе о томъ, когда и кѣмъ пѣсни поются, словомъ, представленіе пѣсенъ въ ихъ живой и традиціонной обстановкѣ.

Далѣе, этнографія бытовая до сихъ поръ развита у насъ очень мало. Только въ послѣднее время, даже въ послѣдніе годы обращено дѣйствительно усердное вниманіе на юридическіе обычаи,—хотя еще не слышно, чтобы кто-нибудь изъ юристовъ-этнографовъ или какое-либо изъ ученыхъ учрежденій подумало о цѣльномъ сборникѣ русскихъ народныхъ юридическихъ обычаевъ, какъ напр., есть уже сборникъ обычаевъ южно-славянскихъ въ извѣстномъ трудѣ Богишича. Но, кромѣ обычая юридическаго, есть цѣлые разряды обычаевъ бытовыхъ, домашнихъ, промысловыхъ, народныхъ праздниковъ, суевѣрныхъ обрядовъ и т. д. По всѣмъ этимъ предметамъ существуетъ своя литература, большею частью изъ мелкихъ отдѣльныхъ описаній, но до сихъ поръ, нѣтъ цѣльнаго обзора, который замѣнилъ бы, напр., очень цѣнимое въ свое время по сбору фактовъ, но плохое и во всѣхъ отношеніяхъ

устарѣвшее сочиненіе Терещенка, или еще болѣе старую книгу Снегирева; цѣльнымъ трудомъ по одному отдѣлу этнографической науки является книга Аѳанасьева,—но, вообще говоря, матеріалъ бытовой этнографіи остается разбросаннымъ, притомъ весьма неравномѣрнымъ и, не собранный въ цѣлое, остается какъ будто мертвымъ капиталомъ.

Далѣе, бытовая этнографія останавливалась обыкновенно на бытѣ собственно простонародномъ, но мало посвящала вниманія классамъ, которые, при всей близости къ народной массѣ, отступаютъ однако отъ нея тѣми или другими особенностями. Таковы нравы разнообразныхъ отраслей раскола, нравы мѣщанства и купечества, нравы фабричные и т. д. Расколъ еще съ XVIII-го вѣка старательно изучался и обличался съ точки зрѣнія его религіозныхъ ученій; въ первой половинѣ нашего столѣтія ему посвящено было особенно много изысканій съ цѣлями церковно-полемическими и полицейско-истребительными; въ наше время онъ привлекаетъ болѣе спокойныя и даже сочувственныя изученія историческія, но и теперь остается мало извѣстна внутренняя жизнь раскола, домашняя и общественная. Не однажды расколъ бывалъ даже предметомъ беллетристическихъ изображеній, но этнографія относительно его еще не сдѣлала своего дѣла.— Бытъ купеческій также извѣстенъ по литературѣ беллетристической, которая въ послѣднія десятилѣтія усердно имъ занималась; но опять онъ требовалъ бы изображенія этнографическаго—съ его особенными нравами и обычаями, которые издавна составляли средній терминъ между жизнью народной массы (откуда всегда пополнялся контингентъ купечества) и жизнью образованнаго класса. Бытъ фабричный есть особое видоизмѣненіе народнаго быта, опять много разъ изображавшееся въ повѣствовательной литературѣ, изучаемое съ экономической и статистической стороны, но почти не затронутое этнографіей: послѣдняя принимала его въ соображеніе только съ отрицательной стороны, какъ источникъ порчи для деревенскаго народа, и въ нравственномъ, и въ народно-поэтическомъ отношеніи. Наблюденіе не лишено справедливости, но, такъ или иначе, фабрики наполняются тѣмъ же народомъ изъ деревни; количество фабричнаго рабочаго люда, чѣмъ дальше, тѣмъ, безъ сомнѣнія, будетъ многочисленнѣе, и эта доля населенія требуетъ этнографическаго вниманія больше, чѣмъ ей давалось до сихъ поръ.

Мы говорили выше о томъ кризисѣ, какой въ наши годы наступаетъ для народно-бытовой старины. Этнографы и наблюдатели практической, хозяйственной жизни народа не однажды ука-

зывали на этотъ кризисъ; его замѣчала и указывала народническая беллетристика,—но этнографическое изслѣдованіе опять его не затрогивало. Очевидно, между тѣмъ, что въ этомъ кризисѣ мы имѣемъ передъ собой одно изъ любопытнѣйшихъ явленій народно-культурной жизни,—переходъ изъ одного культурнаго періода въ другой, вымираніе старины, и преданія, и возрастаніе новыхъ бытовыхъ элементовъ. Такіе культурные перевороты много разъ совершались въ исторіи,—и мы часто имѣемъ возможность наблюдать ихъ интересные процессы по письменнымъ свидѣтельствамъ и археологическимъ памятникамъ; но здѣсь кризисъ представляется намъ на живыхъ повседневныхъ фактахъ, съ ихъ общественно-экономической обстановкой и нравственно-психологическими проявленіями. До сихъ поръ, однако, мы не имѣемъ ни одной попытки цѣльнаго наблюденія этого кризиса. Не мало было потрачено добросовѣстнаго труда на изученіе экономическаго и хозяйственнаго переворота, произведеннаго освобожденіемъ крестьянъ; но бытовой, общественный, нравственный кризисъ еще не нашелъ своего компетентнаго наблюдателя и историка. До сихъ поръ слышатся толки о „народѣ“ по старымъ шаблонамъ до-реформеннаго времени; но приложи́мъ ли теперь прежній шаблонъ?..

Въ научно-теоретической разработкѣ предмета, какъ упомянуто, мы встрѣчаемъ нѣсколько трудовъ высокаго научнаго значенія, еще болѣе находимъ прекрасныхъ работъ по предварительной разработкѣ историко-этнографическаго матеріала,—но, оглянувшись на общій характеръ нашей этнографической литературы, нельзя не видѣть, что высокій научный тонъ ея лучшихъ произведеній не только не есть господствующій, но что напротивъ, издавна и до сихъ поръ, взгляды ни мало не научные въ ней преобладали. Въ прежнее время множество произвольныхъ странностей бывало не только у Сахарова или Терещенка, не имѣвшихъ никакой научной подготовки, но у Даля, большого практическаго знатока народной жизни, и позднѣе у миѳологовъ, знакомыхъ съ литературой предмета, какъ Шеппингъ, какъ Д. Щепкинъ (который, несмотря на свои свѣденія, могъ писать невѣроятныя нелѣпости по русской миѳологіи), какъ г. Безсоновъ (несмотря ни на что проповѣдовавшій свои мистико-символическія толкованія русской древности), какъ новѣйшіе защитники теоріи тучъ и громовъ, долженствовавшихъ объяснять русскую древность, и т. д. Намъ случалось замѣчать, что авторы популярныхъ изложеній русской поэтической древности и до сихъ поръ не желаютъ знать новыхъ изслѣдованій А. Веселовскаго и цѣлой собравшейся теперь критической школы, которая совершенно измѣняетъ прежнее

толкованіе предмета, и продолжают повторять теорію тучъ и громовъ, и рядомъ съ ней мистическія прорицанія г. Безсонова...

Исторія русской народности, разумѣется, еще не могла быть написана, когда по многимъ отдѣламъ ея только-что начаты необходимыя предварительныя работы, — но было бы естественно, если бы общій вопросъ интересовалъ однако ученыхъ изслѣдователей, потому что постановка его — хотя бы и не ожидалось близкаго рѣшенія—собирая сдѣланное наукой въ данную минуту, все-таки бросаетъ свѣтъ на цѣлый объемъ задачи и выясняетъ программу дальнѣйшихъ поисковъ.

При этомъ разбросанномъ состояніи научной обработки нашей этнографіи, при неполнотѣ собраній — въ сущности по всѣмъ отдѣламъ предмета, можно ли сказать, чтобы наше этнографическое знаніе овладѣло достаточно всѣми основными данными научнаго вопроса? Безъ сомнѣнія, нѣтъ.

Что же нужно для того, чтобы наша этнографическая наука стала должнымъ образомъ по размѣрамъ самаго предмета, подлежащаго ея изслѣдованію? Этотъ вопросъ не можетъ не требовать вниманія тѣхъ, кому близки тѣ или другія отрасли этого знанія, и вообще вниманія просвѣщенныхъ людей нашего общества. — Мы предложимъ нѣсколько замѣчаній объ этомъ въ другой разъ.

А. Пыпинъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1885.

Столѣтняя годовщина дворянской грамоты.—Слухи о ходатайствахъ, къ ней пріурочиваемыхъ.—Способы празднованія юбилея и самый его характеръ.—Глава объ оскорбленіяхъ въ проектѣ особенной части уголовнаго уложенія.—Воинская повинность въ Петербургѣ.

Въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ исполнится сто лѣтъ со времени обнародованія дворянской грамоты и городового положенія. Давно уже возникъ и довольно упорно держится слухъ, что первое изъ этихъ „событій" будетъ ознаменовано предоставленіемъ дворянству новыхъ льготъ и привилегій, или, по крайней мѣрѣ, измѣненіемъ условій, открывающихъ доступъ къ дворянскому званію. Достовѣрность такого слуха кажется намъ по меньшей мѣрѣ крайне сомнительною. Мы не видимъ, прежде всего, причины, по которой можно было бы установить какое-либо различіе между обѣими годовщинами, наступающими 21-го апрѣля. Если юбилей дворянства долженъ быть отпразднованъ такъ или иначе, то почему же не отпраздновать такимъ же образомъ и юбилей городского самоуправленія? Ничего подобнаго, однако, никто не предлагаетъ и не ожидаетъ. Юбилей сословія или учрежденія не имѣетъ ничего общаго съ юбилеемъ отдѣльнаго лица. Съ понятіемъ о продолжительной дѣятельности, въ особенности, если она была вся посвящена одному и тому же предмету, вся сосредоточена на одномъ и томъ же поприщѣ, соединяется—разъ что идетъ рѣчь о *личномъ* юбилеѣ—понятіе о заслугѣ лица, требующей признанія и благодарности; является предположеніе, что двадцатипятилѣтній или пятидесятилѣтній трудъ юбиляра не былъ безплоднымъ, что онъ заслуживаетъ награды. Само собою разумѣется, что это предположеніе—какъ и всякое другое, выводимое a priori—можетъ, въ томъ или другомъ отдѣльномъ случаѣ, оказаться совершенно ошибочнымъ; но въ основаніи обычая всегда лежитъ правило, а не исключеніе—

и въ этомъ смыслѣ чествованіе личныхъ юбилеевъ не лишено нѣкоторой raison d'être. Совсѣмъ другое дѣло—юбилей сословія или учрежденія; давность, сама по себѣ взятая, здѣсь ровно ничего не значитъ, никакой рѣшительной „презумпціи" въ пользу учрежденія или сословія не установляетъ. Все зависитъ не отъ того, сколько лѣтъ существуетъ корпорація или юридическое лицо, а отъ того, какую роль они играли въ прошедшемъ, какое мѣсто принадлежитъ имъ въ настоящемъ, въ какой мѣрѣ они соотвѣтствуютъ своему назначенію, въ какой степени необходимы функціи, ими выполняемыя. Пойдемъ далѣе: допустимъ, что на всѣ эти вопросы можно дать, по отношенію къ извѣстному учрежденію, самые удовлетворительные отвѣты. Отсюда еще не вытекаетъ право учрежденія на н а г р а д у, въ особенности, если она заключается въ расширеніи его правъ и привилегій. Что сказали бы мы о такомъ способѣ чествованія юбиляра—общественнаго дѣятеля или должностного лица—при которомъ данное ему отнималось бы у кого-нибудь другого, и обогащеніе или возвышеніе одного совершалось бы въ ущербъ многимъ? Какъ бы велики ни были заслуги чествуемаго, оправдать ими явную несправедливость мы бы, безъ сомнѣнія. не рѣшились и сказали бы, что лучше вовсе не праздновать юбилея, чѣмъ праздновать его на чужой счетъ. Привилегія, предоставляемая учрежденію или сословію—если только она не ограничивается внѣшними знаками почета, формальными отличіями—почти всегда равносильна ограниченію чьихъ-либо правъ, увеличенію чьихъ-либо повинностей или обязанностей. Намъ могутъ возразить, что такое ограниченіе правъ, такое увеличеніе обязанностей оправдывается иногда необходимостью или государственною пользой; но это значило бы перенести споръ на совершенно другую почву. Мы говоримъ пока не о томъ, слѣдуетъ ли вообще предоставить дворянству новыя права и привилегіи, а только о томъ, есть ли основаніе связывать этотъ вопросъ съ вопросомъ именно о празднованіи юбилея дворянской грамоты.

Чтобы повѣрить правильность нашей основной мысли, посмотримъ, какія именно желанія и домогательства предъявляются въ печати, въ виду 21-го апрѣля, уполномоченными и неуполномоченными представителями дворянскаго сословія. Руководствуясь указаніями одной изъ петербургскихъ газетъ, наиболѣе близкой къ рыцарямъ сословности, а также содержаніемъ того проекта, который былъ разобранъ нами въ предъидущемъ обозрѣніи, мы едва ли ошибемся, если сведемъ всѣ эти домогательства къ слѣдующимъ главнымъ пунктамъ: 1) предоставленіе дворянству господствующаго положенія въ земскихъ собраніяхъ; 2) предоставленіе дворянамъ исключительнаго или, по крайней мѣрѣ, преимущественнаго права на занятіе извѣстныхъ должностей въ мѣстномъ и центральномъ управленіи; 3) освобожденіе дворянъ отъ обя-

зательной воинской повинности; 4) „избавленіе“ дворянъ отъ суда присяжныхъ, съ признаніемъ ихъ подсудными коронному суду, усиленному дворянскими представителями; 5) устройство для помѣщиковъ „дешеваго“ краткосрочнаго и долгосрочнаго кредита; 6) устройство для дворянскихъ дѣтей особыхъ, при гимназіяхъ, пансіоновъ: 7) принятіе въ кадетскіе корпуса исключительно однихъ дворянскихъ дѣтей; 8) предоставленіе дворянству большей свободы въ учрежденіи маіоратовъ; 9) учрежденіе, въ средѣ дворянскихъ корпорацій, суда чести для разбора поступковъ, „предосудительныхъ для благороднаго человѣка“, съ правомъ исключать виновнаго изъ родословной книги: 10) отмѣна того порядка, въ силу котораго права дворянства пріобрѣтаются извѣстнымъ орденомъ или чиномъ, или пріуроченіе дворянства къ чинамъ и орденамъ высшимъ въ сравненіи съ тѣми, которые даютъ его въ настоящее время; и 11) разрѣшеніе дворянскимъ корпораціямъ ходатайствовать о пожалованіи дворянства „лучшимъ людямъ изъ другихъ сословій“ или „лицамъ, оказавшимъ выдающіяся заслуги“ [1]). Изъ числа этихъ одиннадцати пунктовъ первые семь несомнѣнно направлены къ стѣсненію или нарушенію правъ другихъ сословій. Образуя большинство въ земскомъ собраніи, поставляя изъ своей среды кандидатовъ на всѣ вліятельныя должности, дворянство неизбѣжно будетъ охранять прежде всего и больше всего свои „опредѣленные интересы“, далеко не всегда совпадающіе съ интересами мѣстности или даже цѣлаго государства. Недостающее, вслѣдствіе возстановленія дворянской „привилегіи“, число новобранцевъ будетъ пополняться лицами непривилегированными, которыя иначе оказались бы свободными отъ военной службы. Повинность присяжныхъ засѣдателей сдѣлается тяжелѣе, умственный уровень ихъ понизится, разъ что въ ихъ ряды не будутъ больше призываться дворяне. Подсудимые дворянскаго сословія сплошь и рядомъ будутъ находить въ „дворянскихъ представителяхъ“, присоединенныхъ къ коронному суду, не столько судей, сколько защитниковъ; шансы оправданія—въ особенности, если объектомъ преступленія былъ не дворянинъ—сдѣлаются для дворянъ гораздо больше, чѣмъ для остальныхъ обвиняемыхъ. Дешевый кредитъ, какъ мы уже много разъ замѣчали, немыслимъ безъ пожертвованій, упадающихъ на массу народа. Той же массѣ придется приплачивать и на содержаніе корпусовъ и пансіоновъ, въ которыхъ будутъ воспитываться исключительно дворяне. Отсутствіе хорошо устроенныхъ и правильно организованныхъ ученическихъ квартиръ состав-

---

[1]) Мы считаемъ лишнимъ останавливаться на такихъ безобидныхъ, наивно-забавныхъ ходатайствахъ, какъ предоставленіе дворянамъ—нижнимъ чинамъ, особаго знака отличія.

ляетъ, безспорно, слабую сторону нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній; но мы желали бы знать, почему устройство такихъ квартиръ—разъ что оно провозглашается правительственной задачей—должно быть предпринято въ интересахъ одного только сословія? Пускай дворянство открываетъ дворянскіе гимназическіе пансіоны на свой собственный счетъ—мѣшать ему въ этомъ, безъ сомнѣнія, не слѣдуетъ; но зачѣмъ же привлекать казну, т.-е. народъ, къ участію въ дѣлѣ, не имѣющемъ ни общегосударственнаго, ни общенароднаго значенія? Менѣе очевиденъ, но не менѣе реаленъ, вредъ, сопряженный съ увеличеніемъ числа маіоратовъ. Чѣмъ больше имѣній, неотчуждаемыхъ изъ личнаго владѣнія, тѣмъ меньше запасъ земель, могущихъ перейти, силою вещей, въ руки земледѣльцевъ и увеличить область общиннаго землевладѣнія. Поощрять и облегчать учрежденіе маіоратовъ, значило бы охранять интересы немногихъ отдѣльныхъ лицъ въ ущербъ интересамъ грядущихъ поколѣній, въ ущербъ дѣйствію естественныхъ причинъ, способствующихъ болѣе равномѣрному и правильному распредѣленію земельной собственности.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что способъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства, а также устройство въ средѣ дворянскихъ корпорацій суда чести для самихъ дворянъ, не принадлежатъ къ числу тѣхъ вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ, въ смыслѣ дворянскихъ ходатайствъ, было бы сопряжено съ нарушеніемъ правъ и интересовъ другихъ сословій. Остановиться на такомъ заключеніи было бы однако крупною ошибкой. Еслибы званіе дворянина было почетнымъ титуломъ, и больше ничѣмъ, еслибы оно не давало никакихъ политическихъ правъ и преимуществъ, тогда все, касающееся полученія его или потери, дѣйствительно могло бы считаться безразличнымъ для народа, важнымъ только для однихъ любителей внѣшняго, заимствованнаго блеска. Не то мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Формой безъ содержанія дворянское достоинство не можетъ быть названо даже теперь; еще меньше это названіе будетъ примѣнимо къ нему въ случаѣ рѣшительнаго поворота къ сословности, въ случаѣ возведенія дворянства на степень преобладающей земской силы и высшаго служилаго сословія. Отъ состава сословія, отъ способовъ пополненія и очищенія его будетъ зависѣть тогда весьма, весьма многое. Возьмемъ хотя бы судъ чести, это невиннѣйшее, повидимому, изобрѣтеніе нашихъ новѣйшихъ рыцарей и паладиновъ. Судъ чести умѣстенъ и понятенъ только въ тѣсной корпораціи (адвокатской, офицерской и т. п.), всѣ члены которой связаны единствомъ профессіональныхъ занятій, общностью профессіональныхъ взглядовъ. И здѣсь, конечно, дѣятельность суда чести далеко не всегда свободна отъ существенно важныхъ недостатковъ—но она, по крайней мѣрѣ, можетъ имѣть и свои

хорошія стороны, можетъ способствовать выработкѣ обычаевъ и преданій, руководящихъ неопытнымъ, поддерживающихъ слабаго. Между членами дворянской корпораціи, хотя бы уѣздной, нѣтъ и не можетъ быть внутренней, нравственной связи; нѣтъ и не можетъ быть общепризнаннаго идеала; они слишкомъ далеки другъ отъ друга по воспитанію, положенію, характеру дѣятельности, образу жизни. Практика можетъ выработать совокупность правилъ, обязательныхъ для офицера, для доктора, для адвоката, потому что лицамъ одной и той же профессіи сплошь и рядомъ приходится бывать въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ, переживать одни и тѣ же испытанія, исполнять одно и то же дѣло; ничего подобнаго нельзя сказать о дворянахъ одной и той же губерніи или одного и того же уѣзда. Понятіе о „благородномъ человѣкѣ"—въ особенности разсматриваемое съ сословной точки зрѣнія—слишкомъ неопредѣленно и эластично, чтобы сдѣлаться твердой, надежной почвой для суда чести. „Предосудительною" для благороднаго человѣка легко можетъ быть признана слишкомъ энергичная дѣятельность на пользу людей „не благородныхъ", т.-е. не принадлежащихъ къ „благородному сословію". Поводомъ къ вызову на „судъ чести"—прямо высказаннымъ или облеченнымъ въ другую, болѣе благовидную форму—легко можетъ стать образъ мыслей—свободный отъ сословныхъ предразсудковъ, образъ дѣйствій, направленный не къ огражденію „опредѣленныхъ интересовъ" дворянства. Здѣсь-то именно и выступаетъ на видъ значеніе дворянскаго суда чести для другихъ сословій, для массы населенія. Представимъ себѣ, что къ численному перевѣсу гласныхъ отъ дворянства, къ монополизаціи важнѣйшихъ должностей въ рукахъ дворянъ присоединится еще безконтрольное право дворянскихъ предводителей и депутатовъ исключать изъ родословной книги,—т.-е. лишать активнаго и пассивнаго избирательнаго права—всѣхъ дворянъ, заподозрѣнныхъ въ измѣнѣ сословнымъ интересамъ. Подборъ представителей, безъ того уже возможный путемъ избирательной агитаціи и интриги, дойдетъ, такимъ образомъ, до крайнихъ предѣловъ; систематическая односторонность, систематическое пристрастіе получатъ полное господство въ средѣ избирателей и избираемыхъ. Чтобы достигнуть такого результата, не нужно будетъ даже слишкомъ часто прибѣгать къ приговорамъ суда чести; достаточно будетъ, по извѣстному нѣмецкому выраженію, нѣсколькихъ „устрашительныхъ примѣровъ" (abschreckende Beispiele), чтобы сломить непокорныхъ и водворить, въ рядахъ „правящаго класса", строгую сословную дисциплину. Какъ отразится подобная дисциплина на „управляемыхъ" — это не требуетъ объясненій.

Все сказанное нами до сихъ поръ примѣнимо, mutatis mutandis,

и къ способамъ пріобрѣтенія дворянскаго достоинства. Чѣмъ шире права и преимущества дворянства, чѣмъ больше вліяніе и власть, предоставляемыя ему по отношенію къ другимъ сословіямъ, тѣмъ опаснѣе замкнутость его, тѣмъ необходимѣе приливъ къ нему новыхъ силъ, не отъ него зависящій, не имъ регулируемый. Повторяемъ еще разъ: будь дворянское достоинство только источникомъ внѣшняго почета, мы не стали бы возражать ни противъ предоставленія его, по закону, хотя бы однимъ лишь генералъ-фельдмаршаламъ и андреевскимъ кавалерамъ, ни противъ отмѣны всѣхъ способовъ пріобрѣтенія дворянства, кромѣ пожалованія по Высочайшему усмотрѣнію. Мы не сказали бы ни слова и противъ кооптаціи, т.-е. противъ пополненія рядовъ дворянства лицами, имъ самимъ избранными или указанными. Совсѣмъ иначе ставится вопросъ въ настоящее время, когда идетъ рѣчь не только о сохраненіи, но о значительномъ расширеніи дворянскихъ привилегій. Вредъ, приносимый привилегіей, растетъ обратно пропорціонально числу лицъ, ею обладающихъ. Дворянство, въ среду котораго постоянно и въ большомъ числѣ проникаютъ новые элементы, все же не такъ расположено къ односторонней, эгоистической заботливости о своихъ сословныхъ интересахъ, какъ дворянство замкнутое, почти вовсе не измѣняющееся въ своемъ составѣ, все меньше и меньше отличающееся отъ касты. Даже теперь, когда важнѣйшей привилегіей дворянства представляется избраніе предводителей, ограниченіе доступа въ дворянское сословіе было бы сопряжено съ серьезными неудобствами; при другихъ условіяхъ — напримѣръ, въ случаѣ осуществленія извѣстныхъ намъ дворянскихъ прожектовъ—оно могло бы быть настоящимъ бѣдствіемъ. Разрѣшеніе „высшему земскому сословію", согласно съ желаніемъ г. Пазухина, усиливать себя „лучшими людьми" другихъ сословій, обращать, этимъ путемъ, элементы враждебные въ элементы служебные—было бы равносильно поощренію сдѣлокъ съ совѣстью, торговли убѣжденіями. Замѣчательно, что по вопросу объ ограниченіи способовъ пріобрѣтенія дворянства существуетъ разногласіе въ лагерѣ самихъ „сословниковъ". Редакція „Московскихъ Вѣдомостей" прямо высказалась противъ него; г. Пазухинъ его не рекомендуетъ; не стоитъ за него, кажется, и петербургскій органъ сословной и всякой другой реакціи. Объясняется это, по всей вѣроятности, сознаніемъ собственной слабости, нуждающейся въ внѣшней поддержкѣ (припомнимъ фразу г. Пазухина объ „атрофированной реформами жизни помѣстнаго дворянства"). Тому же сознанію, съ другой стороны, слѣдуетъ приписать пламенное стремленіе къ такому порядку, при которомъ дворянскимъ корпораціямъ принадлежало бы, по меньшей мѣрѣ, право ходатайствовать о пожалованіи дворянскаго достоинства. Противъ даро-

ванія дворянству такого права достаточно привести одно соображеніе, имѣющее, въ нашихъ глазахъ, рѣшающую силу. Поводомъ къ пожалованію дворянскаго достоинства всегда признавались и признаются заслуги, оказанныя государству [1]). Судьей такихъ заслугъ уѣздная или хотя бы губернская дворянская корпорація, очевидно, быть не можетъ—не можетъ, слѣдовательно, имѣть серьезнаго значенія и рекомендація или просьба, исходящая изъ этого источника. Основаніемъ сословныхъ ходатайствъ, въ большинствѣ случаевъ, также являлись бы услуги—уже оказанныя или еще ожидаемыя, — но услуги не государству, не народу, а сословію. Услуги этого рода и пожалованіе дворянскаго достоинства — величины несоизмѣримыя.

Итакъ, на какомъ изъ многочисленныхъ дворянскихъ desiderata мы бы ни остановились, вездѣ бросается въ глаза посягательство, прямое или косвенное, на права и интересы другихъ сословій. Въ концѣ-концовъ расширеніе преимуществъ, купленное такою цѣною, едва ли оказалось бы выгоднымъ для самого дворянства. Четверть вѣка тому назадъ, когда только-что рушилась главная дворянская твердыня — крѣпостное право, — возведеніе дворянства на степень „высшаго земскаго сословія" было бы менѣе замѣтно, менѣе чувствительно для массы народа. Какія бы ни были въ то время даны дворянамъ привилегіи въ земствѣ и въ администраціи, онѣ все-таки были бы не увеличеніемъ, а уменьшеніемъ произвольной власти, принадлежавшей помѣщикамъ по отношенію къ крѣпостнымъ людямъ. Во что обратилась бы, при господствующемъ положеніи дворянства, дарованная крестьянамъ свобода — это иной вопросъ; мы говоримъ только о впечатлѣніи, которое было бы произведено, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, созданіемъ вотчинной полиціи и другими мѣрами такой же окраски. Теперь условія измѣнились; чтобы удовлетворить желанія „сословниковъ", пришлось бы поворотить назадъ, возстановить многое, отъ чего успѣло отвыкнуть населеніе, отмѣнить многое, къ чему оно успѣло привыкнуть. Реформы прошедшаго царствованія не могли пройти безслѣдно; на скамьяхъ земскихъ собраній, въ судѣ, передъ лицомъ воинскаго присутствія крестьяне не могли не почувствовать себя гражданами, во многомъ равноправными съ бывшими „господами". О плодахъ этой равноправности напоминаетъ крестьянамъ каждая начальная земская школа, каждая сельская больница, каждая дорога, поддерживаемая не натуральною повинностью, а на счетъ земскаго сбора. Постоянная опека надъ крестьян-

[1]) Къ этому основанію сводится, въ сущности, и пріобрѣтеніе дворянства извѣстнымъ чиномъ или орденомъ. Полученіе чина или ордена — это внѣшній признакъ услугъ, добавочнымъ вознагражденіемъ за которыя является дворянское достоинство.

скимъ управленіемъ, ввѣренная исключительно помѣщичьему или, лучше сказать, барскому элементу, была бы теперь нововведеніемъ, въ цѣлесообразности и безвредности котораго едва ли удалось бы убѣдить крестьянство; возбудить подозрительность его гораздо легче, чѣмъ успокоить. Память о прошломъ, только-что начинающая ослабѣвать, воскресла бы съ новой силой и надолго отдалила бы искреннее сближеніе сословій. Выигрышъ власти повлекъ бы за собою проигрышъ вліянія—и перевѣсъ оказался бы, по всей вѣроятности, не на сторонѣ перваго.

Отъ вопроса о способахъ празднованія дворянскаго юбилея перейдемъ къ самому поводу празднованія. Дворянская грамота 1785 г создала дворянскія корпораціи, но не дворянъ; существованіе послѣднихъ давно уже числится вѣками. Значеніе предстоящаго торжества обусловливается, поэтому, не заслугами дворянства, какъ служилаго или образованнаго класса, а заслугами дворянскихъ собраній, дворянскихъ предводителей и депутатовъ, служившихъ по дворянскимъ выборамъ, полицейскихъ чиновниковъ и судей. Такая постановка вопроса—а для другой мы не видимъ никакого основанія—почти равносильна его разрѣшенію. Передъ восхваленіемъ или даже передъ оправданіемъ столѣтней дѣятельности дворянскихъ корпорацій отступаютъ даже самые ревностные панегиристы дворянства. Намъ скажутъ, можетъ быть, что дворянская грамота имѣетъ еще одну существенно важную сторону, что она обезпечила не только корпоративныя, но и личныя права дворянъ, освободивъ ихъ отъ тѣлеснаго наказанія, отъ обязательной службы и т. п. Безспорно, это даетъ ей крупное историческое значеніе—но нельзя же утверждать, что въ память правъ, нѣкогда предоставленныхъ дворянству, оно должно получить теперь новыя права. Изъ того, что сто лѣтъ тому назадъ русскіе дворяне были обязаны благодарностью императрицѣ Екатеринѣ II-й, нельзя выводить, что современная Россія обязана благодарностью русскимъ дворянамъ. Права, дарованныя дворянамъ грамотою 1785 г., могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи, смотря по отношенію ихъ къ другихъ сословіямъ. Права перваго рода никого не отягощали, ни для кого не создавали лишняго бремени; сюда принадлежитъ, напримѣръ, свобода отъ тѣлеснаго наказанія. Права второго рода были сопряжены съ прямымъ ущербомъ для остальныхъ, непривилегированныхъ классовъ населенія; такова свобода отъ податей и отъ воинской повинности. Изъ числа правъ второй категоріи многія уже отмѣнены, изъ числа правъ первой категоріи многія распространены, вполнѣ или отчасти, на всѣ сословія. Понятно и сочувственно было бы для насъ стремленіе довести до конца, къ годовщинѣ дворянской грамоты, оба движенія, тѣсно свя-

занныя между собою; но это значило бы сдѣлать еще шагъ къ безсословности—а девизомъ извѣстнаго лагеря служитъ, наоборотъ, торжество сословнаго начала. Опасные друзья сословія, освобожденнаго сто лѣтъ тому назадъ, отъ унизительной кары, не только провозглашаютъ ея необходимость для „низшихъ" классовъ, но хлопочутъ о томъ, чтобы вооружить дворянство—въ лицѣ администраторовъ-судей, поставленныхъ надъ волостными судами—правомъ тѣлесной расправы по отношенію къ крестьянамъ. Въ отвѣтъ такимъ друзьямъ дворянство могло бы воскликнуть: „Timeo Danaos et dona ferentes"!

Намъ остается еще познакомить читателей съ двумя послѣдними изъ распубликованныхъ до сихъ поръ восьми главъ проекта особенной части уголовнаго уложенія. Глава седьмая—объ оскорбленіяхъ—представляетъ очень много новаго и интереснаго. Первая отличительная ея черта—это уничтоженіе существующаго теперь различія между обидой словомъ и обидой дѣйствіемъ. Проектъ подводитъ всѣ обиды подъ одинъ уровень, все равно, нанесены ли онѣ обхожденіемъ или отзывомъ. Объясняется это тѣмъ, что бо́льшая часть поступковъ, теперь признаваемыхъ за обиду дѣйствіемъ, должны быть отнесены, по мысли составителей проекта, къ разряду тѣлесныхъ поврежденій. Рѣшающимъ признакомъ служитъ здѣсь причиненіе физической боли, физическаго страданія; какъ только этотъ признакъ имѣется на лицо, дѣяніе является, въ юридическомъ смыслѣ, тѣлеснымъ поврежденіемъ, а не обидой, хотя бы цѣлью виновнаго и было нанесеніе оскорбленія. Побои, удары, толчки—все это должно считаться тѣлеснымъ поврежденіемъ; къ обидамъ посредствомъ обхожденія могутъ быть причисляемы, по выраженію объяснительной записки, только такія „нарушенія тѣлесной неприкосновенности", которыя не влекутъ за собою никакой боли. Таково, напримѣръ, схватываніе руками за носъ, за бороду, за косу, сорваніе одежды, сшибаніе или сбрасываніе шляпы, взятіе за шиворотъ, плеваніе въ лицо, и т. п. [1]). Пограничная черта, проводимая такимъ образомъ между тѣлесными поврежденіями и оскорбительнымъ обхожденіемъ, подходитъ всего ближе къ системѣ бельгійскаго уголовнаго кодекса. Венгерское уложеніе,—а также германская судебная практика—держатся нѣсколько иного взгляда; если извѣстнымъ дѣйствіемъ причиняется

---

[1]) Нѣкоторые другіе примѣры, также приводимые въ объяснительной запискѣ, кажутся намъ, по меньшей мѣрѣ, спорными. Такъ, облитіе водою или нечистотами можетъ иногда причинить и физическое страданіе (если вода очень холодная или горячая, если долго нельзя снять вымоченное платье); то же самое слѣдуетъ сказать и о „швыряніи какими-либо предметами".

боль и вмѣстѣ съ тѣмъ наносится оскорбленіе, то оно признается либо тѣлеснымъ поврежденіемъ, либо обидой, смотря по характеру преступнаго намѣренія. Разрѣшеніе вопроса, принятое редакціонною коммиссіею, кажется намъ наиболѣе правильнымъ уже потому, что оно устраняетъ массу недоразумѣній и упрощаетъ задачу суда, обусловливая квалификацію дѣйствія внѣшними, осязательными признаками. Опредѣленіе цѣли, съ которою нанесенъ ударъ, представляется съ одной стороны крайне затруднительнымъ, съ другой—излишнимъ, такъ какъ мѣра наказуемости для обиды дѣйствіемъ и для легкаго тѣлеснаго поврежденія, безъ всякой несправедливости можетъ быть установлена одна и та же. Максимумъ наказанія за легкое тѣлесное поврежденіе, по проекту коммиссіи—тюрьма на срокъ не свыше шести мѣсяцевъ, минимумъ (при наличности обстоятельствъ, уменьшающихъ вину)—арестъ на нѣсколько дней; и то, и другое оказывается вполнѣ подходящимъ къ обидѣ дѣйствіемъ, въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова. Съ процессуальной точки зрѣнія также нѣтъ основанія различать обиду дѣйствіемъ отъ легкаго тѣлеснаго поврежденія, потому что какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ—помимо немногихъ исключеній—уголовное преслѣдованіе можетъ быть возбуждено только жалобою потерпѣвшаго.

Первая статья главы объ оскорбленіяхъ предусматриваетъ обиду обхожденіемъ или отзывомъ, позорящими честь обиженнаго или члена его семьи, хотя бы и умершаго. Допуская преслѣдованіе за обиду, нанесенную умершему, составители проекта не вводятъ въ наше право новаго начала, вовсе ему до сихъ поръ неизвѣстнаго; они остаются на почвѣ существующей судебной практики, требуя, согласно съ нею, чтобы такъ называемая „посредственная обида" была направлена именно къ оскорбленію лица, возбуждающаго преслѣдованіе—другими словами, чтобы, защищая честь члена семьи, обвинитель защищалъ вмѣстѣ съ тѣмъ собственную свою честь. При такомъ взглядѣ на посредственную обиду нѣтъ основанія опасаться, чтобы включеніе ея въ число наказуемыхъ дѣяній повлекло за собою стѣсненіе исторической или хотя бы публицистической критики. Кто беретъ на себя оцѣнку общественной или государственной дѣятельности умершаго, тотъ, конечно, руководствуется при этомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, вовсе не личными непріязненными отношеніями къ его семьѣ, къ его наслѣдникамъ; онъ говоритъ или пишетъ вовсе не для того, чтобы его слова дошли до родственниковъ умершаго и возбудили въ нихъ чувство стыда или нравственной боли, а для установленія и правильнаго освѣщенія фактовъ, имѣющихъ общее значеніе, составляющихъ достояніе исторіи. Стремленіе къ этой цѣли несовмѣстимо съ намѣреніемъ оскорбить, составляющимъ необходимое

условіе для наказуемости обиды. Мы не можемъ согласиться вполнѣ только съ тѣмъ соображеніемъ коммиссіи, въ силу котораго оскорбленіе членовъ семьи того, кто жалуется, по отношенію къ последнему, всегда должно „конструироваться" какъ обида, хотя бы по отношенію къ лицу, непосредственно затронутому оскорбителемъ, оно и было опозореніемъ. Пояснимъ это соображеніе примѣромъ: предположимъ, что въ моемъ присутствіи кто-нибудь приписалъ моему отцу дѣйствіе, позорящее его честь. Если отецъ мой живъ, онъ можетъ, узнавъ отъ меня о происшедшемъ, самъ возбудить уголовное преслѣдованіе, потому что ненаказуема только заочная обида, а наказуемость опозоренія не зависитъ отъ того, было ли оно заочнымъ или незаочнымъ; но если отецъ мой умеръ, а мнѣ принадлежитъ, по закону, право преслѣдовать оскорбителя только за обиду, то возстановленіе чести отца окажется невозможнымъ, потому что въ дѣлахъ объ обидѣ судъ не входитъ въ разсмотрѣніе вопроса объ основательности или неосновательности оскорбительнаго отзыва. Гораздо правильнѣе, по нашему мнѣнію, было бы допустить по отношенію къ умершимъ оба способа защиты, предоставляемые живымъ, т.-е. какъ преслѣдованіе за обиду, такъ и преслѣдованіе за опозореніе, смотря по свойству оскорбленія, нанесеннаго, въ лицѣ умершаго, ближайшимъ родственникамъ его.

Понятіе объ опозореніи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно устанавливается проектомъ, обнимаетъ и замѣняетъ собою два понятія, различаемыя дѣйствующимъ закономъ: понятіе о диффамаціи и понятіе о клеветѣ. Диффамаціей признается, въ настоящее время, разглашеніе о комъ-либо въ печати такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ повредить его чести, достоинству и доброму имени; клеветой признается несправедливое обвиненіе кого-либо—на словахъ, на письмѣ или въ печати—въ дѣяніи, противномъ правиламъ чести. Двадцатилѣтній опытъ доказалъ съ полною ясностью всю несостоятельность этого различія. Ненормально уже и то, что квалификація дѣянія становится въ зависимость отъ усмотрѣнія обвинителя; одно и то же дѣйствіе можетъ быть разсматриваемо и какъ диффамація, и какъ клевета, смотря по тому, что̀ найдетъ для себя болѣе удобнымъ обиженный или считающій себя обиженнымъ. А между тѣмъ, выборъ, произвольно сдѣланный обвинителемъ, имѣетъ самыя серьезныя послѣдствія для обвиняемаго. Обвиненіе въ клеветѣ можетъ быть опровергнуто посредствомъ такъ называемой exceptio veritatis, т.-е. представленіемъ со стороны обвиняемаго доказательствъ въ подтвержденіе всего сказаннаго имъ объ обвинителѣ; въ дѣлахъ о диффамаціи такой способъ оправданія не допускается вовсе или допускается съ самыми существенными ограниченіями. Невыгоднымъ представляется,

сплошь и рядомъ, и положеніе оскорбленнаго, поддерживающаго обвиненіе въ диффамаціи. По справедливому замѣчанію редакціонной коммиссіи, обвинитель, въ дѣлахъ этого рода, всегда можетъ быть заподозрѣнъ въ томъ, что онъ сознаетъ свою вину и именно потому преграждаетъ обвиняемому всѣ пути къ обнаруженію истины; у диффаматора, распустившаго позорящій слухъ и осужденнаго за это, всегда остается возможность пустить новый слухъ, что онъ осужденъ не потому, чтобы событіе не существовало, а потому, что ему воспретили представленіе доказательствъ. Всего болѣе ограждая именно тѣхъ, кто всего менѣе заслуживаетъ охраны, дѣйствующій законъ о диффамаціи до крайности затруднялъ и затрудняетъ для печати оглашеніе злоупотребленій, успѣшная борьба съ которыми возможна именно и единственно при помощи широкой гласности; онъ ставилъ и ставитъ на одну доску органы печати, промышляющіе скандалами и сплетнями, съ органами печати, честно относящимися къ своимъ обязанностямъ. Сознавая всѣ эти неудобства, редакціонная коммиссія рѣшилась устранить различіе между диффамаціей и клеветой, тщательно опредѣливъ условія, уничтожающія преступность и наказуемость опозоренія.

Опозореніемъ, по статьѣ 73-й проекта, признается разглашеніе, какимъ бы то ни было способомъ—хотя бы и въ отсутствіи опозореннаго,—обстоятельства, позорящаго его честь. По ст. 77-й разглашеніе обстоятельства, позорящаго честь, не почитается преступнымъ, если обвиняемый докажетъ: 1) достовѣрность разглашеннаго обстоятельства, или 2) что разглашеніе было имъ учинено ради государственной или общественной пользы, или ради защиты личной чести или чести его семьи, и что онъ имѣлъ разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ. Статья 77-я не имѣетъ примѣненія, т.-е. разглашеніе позорящаго обстоятельства остается безусловно наказуемымъ, если разглашенное обстоятельство: 1) относится къ частной или семейной жизни опозореннаго, и разглашеніе было учинено въ печати, на письмѣ или въ изображеніи, получившемъ, завѣдомо для виновнаго, распространеніе, или въ публичной рѣчи; или 2) составляетъ преступное дѣяніе, преслѣдуемое по частной жалобѣ, если уголовное преслѣдованіе противъ него не возбуждено; или 3) составляетъ преступное дѣяніе по коему состоялся оправдательный приговоръ; или 4) относится къ главѣ или дипломатическому представителю иностраннаго государства. Главное достоинство проектированныхъ коммиссіею постановленій—это широкій просторъ, открываемый ими для оглашенія и разбора общественной дѣятельности, въ чемъ бы она ни заключалась, безъ всякаго различія между дѣятельностью служебной и неслужебной. Статья 1039

нынѣ дѣйствующаго уложенія разрѣшаетъ доказываніе оглашеннаго обстоятельства—и притомъ одними лишь письменными доказательствами—только тогда, когда оно касается служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или выборамъ. Проектъ коммиссіи не установляетъ подобныхъ ограниченій; онъ ограждаетъ отъ оглашенія и то не безусловно—только частную и семейную жизнь. Все, что не входитъ въ эту узкую область, становится доступнымъ для гласности; справедливость сказаннаго, написаннаго или напечатаннаго можетъ быть подтверждаема доказательствами всякаго рода, въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены вообще судебными уставами. Этого мало: оглашенное обстоятельство можетъ не быть доказано, можетъ быть даже опровергнуто—а огласившій его все-таки можетъ остаться свободнымъ отъ отвѣтственности, если только онъ докажетъ, что дѣйствовалъ добросовѣстно и не подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій. Правило, заключающееся во второмъ пунктѣ ст. 77, имѣетъ особую важность именно по отношенію къ печати. Редакторъ столичной газеты, помѣщающій у себя корреспонденцію изъ провинціи, почти никогда не можетъ быть убѣжденъ вполнѣ въ достовѣрности фактовъ, сообщаемыхъ корреспондентомъ; онъ руководствуется, въ большинствѣ случаевъ, довѣріемъ къ личности корреспондента, предположеніемъ, что послѣдній не станетъ сочинять или искажать фактовъ, не станетъ передавать неизвѣстно откуда идущихъ, ничѣмъ не провѣренныхъ слуховъ. Корреспондентъ, въ свою очередь, не всегда говоритъ о томъ, что онъ самъ видѣлъ или слышалъ: при всей осторожности, при всемъ желаніи не уклоняться отъ правды, онъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе и невольно ввести въ него редактора газеты. Призванные къ суду, они не будутъ имѣть возможности доказать сообщенное ими обстоятельство—но это не составляетъ еще достаточнаго повода къ ихъ осужденію, разъ что они ошиблись bona fide, разъ что они, по выраженію проекта, „имѣли разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ“. Весьма важенъ, съ другой стороны, **мотивъ** сообщенія, оказавшагося ошибочнымъ или неточнымъ. Если оно было сдѣлано безъ всякой серьезной цѣли, чтобы наполнить столбцы газеты, чтобы позабавить или заинтриговать ея читателей, то основаніе для наказуемости существуетъ, даже при отсутствіи сознательной, намѣренной лжи со стороны автора сообщенія и редактора напечатавшей его газеты. Въ настоящее время снисходительность или строгость судебныхъ приговоровъ по дѣламъ о диффамаціи зависитъ, въ значительной степени, отъ общаго склада газеты, привлеченной къ суду; припомнимъ, напримѣръ, надѣлавшее много шуму дѣло „Московскаго

Листка", редакторъ котораго былъ приговоренъ, за диффамацію, къ нѣсколькимъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія — и наоборотъ, множество другихъ дѣлъ, окончившихся присужденіемъ къ ничтожнымъ денежнымъ штрафамъ. При дѣйствіи правилъ, проектированныхъ редакціонною коммиссіею, различное отношеніе суда къ случаямъ, однороднымъ по внѣшней обстановкѣ, можетъ выразиться еще рѣзче: строго карая легковѣріе, возведенное въ систему и въ орудіе дешеваго успѣха, судъ будетъ вправѣ вовсе оставлять безъ наказанія ошибку, вызванную честнымъ служеніемъ печатному слову.

Проектъ коммиссіи установляетъ, какъ мы уже видѣли, существенную разницу между оглашеніемъ обстоятельствъ, касающихся чьей-либо общественной, публичной дѣятельности, и оглашеніемъ обстоятельствъ, касающихся чьей-либо частной или семейной жизни. Въ послѣднемъ случаѣ защита путемъ доказыванія истины или bonae fidei допускается лишь тогда, когда позорящее обстоятельство было оглашено устно, и притомъ не въ публичной рѣчи. Въ основаніи этого правила лежитъ совершенно основательное убѣжденіе, что вредъ, сопряженный съ широкимъ оглашеніемъ интимныхъ сторонъ жизни, не уравновѣшивается пользой, приносимой такимъ оглашеніемъ (когда оно соотвѣтствуетъ истинѣ) обществу и государству. Намъ кажется, однако, что въ редакціи ст. 78-й коммиссія пошла нѣсколько дальше, чѣмъ слѣдовало бы пойти на основаніи соображеній, изложенныхъ въ объяснительной запискѣ. Записка высказывается противъ оглашенія фактовъ частной или семейной жизни, сдѣланнаго въ публичныхъ рѣчахъ или въ сочиненіи или изображеніи, получившихъ, завѣдомо для виновнаго, распространеніе; въ въ первомъ пунктѣ ст. 78 слова: въ сочиненіи, замѣнены словами: на письмѣ. Это далеко не одно и то же. Оглашеніе обстоятельства въ частномъ письмѣ, хотя бы и адресованномъ къ нѣсколькимъ лицамъ, ничѣмъ не отличается отъ оглашенія его на словахъ, въ присутствіи небольшого числа слушателей; если въ послѣднемъ случаѣ допускается доказываніе истины или добросовѣстности, то нѣтъ причины не допустить его и въ первомъ. Представимъ себѣ, что цѣлью оглашенія было предостеречь кого-либо противъ извѣстнаго лица, сообщеніемъ неблагопріятныхъ для послѣдняго фактовъ изъ его семейной жизни; не все ли равно, сдѣлано ли такое предостереженіе на письмѣ или на словахъ, лишь бы только оно было обращено именно и исключительно къ тому или тѣмъ, кто въ немъ заинтересованъ, кому слѣдуетъ знать всю правду? Цѣлью закона должно быть — предупрежденіе излишней огласки, но отнюдь не безусловное молчаніе того, кто знаетъ (или думаетъ, что знаетъ) что-либо предосудительное о частной или семейной жизни другого лица. Нарушить

молчаніе съ доброю цѣлью и съ увѣренностью (хотя бы и ошибочною) въ истинѣ сообщаемаго, нарушить его лишь настолько, насколько этого требуетъ необходимость—не значитъ еще совершить преступленіе, какова бы ни была форма сообщенія, словесная или письменная. Вотъ почему мы думаемъ, что исключеніе, установляемое первымъ пунктомъ ст. 78-й, должно быть ограничено болѣе тѣсными предѣлами, согласно съ основною мыслью, намѣченною въ объяснительной запискѣ редакціонной коммиссіи; въ противномъ случаѣ за нынѣ дѣйствующимъ закономъ придется признать, въ одномъ отношеніи, преимущество передъ новымъ, такъ какъ въ дѣлахъ о клеветѣ обвиняемый всегда можетъ опровергнуть обвиненіе, доказавъ достовѣрность оглашеннаго факта.

Весьма важнымъ и полезнымъ нововведеніемъ представляется статья 81 проекта, установляющая наказаніе за разглашеніе завѣдомо ложнаго обстоятельства, подрывающаго промышленный или торговый кредитъ лица, общества или учрежденія, или довѣріе къ способностямъ лица исполнять обязанности его званія или занятія. Разглашеніе этого рода не составляетъ, по дѣйствующему закону, ни диффамаціи, ни клеветы, потому что не касается дѣяній, позорящихъ или противныхъ правиламъ чести: оно не влечетъ за собою никакой отвѣтственности — а между тѣмъ оно можетъ исходить изъ самыхъ низкихъ побужденій и причинять вредъ, иногда невознаградимый. Вовсе немотивированнымъ въ объяснительной запискѣ и лишеннымъ, какъ намъ кажется, правильнаго основанія представляется только различіе, дѣлаемое коммиссіею между частными лицами съ одной стороны, обществами и учрежденіями—съ другой. Общества и учрежденія ограждаются только противъ такихъ разглашеній, которыя могутъ подорвать ихъ промышленный или торговый кредитъ, а частныя лица, кромѣ того — и противъ разглашеній, подрывающихъ довѣріе къ способности ихъ исполнять обязанности ихъ занятія или званія. Между тѣмъ, разглашенія послѣдняго рода опасны и вредны, безъ сомнѣнія, не для однихъ только частныхъ лицъ. Насколько дорогъ промышленный кредитъ для промышленныхъ обществъ, настолько же дорогъ кредитъ нравственный—т.-е. безупречная репутація—для обществъ или учрежденій другого рода: учебныхъ, ученыхъ, благотворительныхъ и т. п. Предоставить имъ возможность судебной защиты противъ лживыхъ разглашеній тѣмъ болѣе необходимо, что только этимъ путемъ, во многихъ случаяхъ, можетъ быть достигнуто возстановленіе истины, обезпечена дальнѣйшая дѣятельность общества или учрежденія. Наша мысль сдѣлается вполнѣ ясной, если мы напомнимъ читателямъ о нападеніяхъ, предметомъ которыхъ были недавно высшіе женскіе (такъ называемые бестужевскіе) курсы въ Пе-

тербургѣ. Въ одной изъ газетъ извѣстнаго лагеря было напечатано, что около трети всѣхъ учащихся на курсахъ „идетъ въ развратъ", а другая треть впадаетъ въ политическія преступленія. Нетрудно понять, какое негодованіе вызвало это лживое сообщеніе между всѣми, такъ или иначе заинтересованными въ судьбѣ курсовъ—между учащими и учащимися, между родителями и родственниками послѣднихъ, между имѣвшими въ виду поступить или опредѣлить кого-либо на курсы. Чѣмъ рѣшительнѣе, самоувѣреннѣе былъ тонъ сообщенія, чѣмъ больше, повидимому, оно опиралось на достовѣрно извѣстные автору, можетъ быть, даже оффиціально констатированные факты, тѣмъ сильнѣе должно было быть впечатлѣніе, тѣмъ продолжительнѣе и интенсивнѣе его дѣйствіе. Что же могло предпринять, въ виду всего этого, управленіе курсами? Возбудить противъ редактора газеты обвиненіе въ диффамаціи или клеветѣ? Послѣднее было немыслимо уже потому, что преслѣдованіе за клевету можетъ быть возбуждено только физическимъ, а не юридическимъ лицомъ; преслѣдованіе за диффамацію не достигло бы цѣли, потому что обвинительный приговоръ могъ быть приписанъ стѣсненію защиты, устраненію цѣлой категоріи доказательствъ, оправдывающихъ подсудимаго. Помимо этого, жаловаться на диффамацію или клевету можетъ только тотъ, котораго прямо касается позорящее разглашеніе—а управленіе курсами (или лица, его составляющія) не обвинялось газетой ни въ какихъ дѣяніяхъ, позорящихъ его доброе имя или противныхъ правиламъ чести. Не могли начать преслѣдованія и отдѣльныя слушательницы курсовъ, такъ какъ каждой изъ нихъ редакторъ газеты былъ бы въ правѣ отвѣтить, что именно ея онъ не имѣлъ въ виду въ своей статьѣ; не могли явиться обвинительницами и всѣ слушательницы вмѣстѣ, потому что между ними во всякомъ случаѣ была бы цѣлая треть, не задѣтая статьею. А между тѣмъ, только путемъ судебнаго преслѣдованія, открывающаго обвиняемому самый широкій просторъ въ представленіи оправдывающихъ его—т.-е. подверждающихъ сказанное имъ — доказательствъ, можно было съ одной стороны раскрыть всю гнусность тенденціозной лжи, съ другой — выставить въ истинномъ свѣтѣ значеніе и дѣятельность несправедливо обвиненнаго учрежденія. Никакая газетная полемика не можетъ замѣнить, въ подобныхъ случаяхъ, судебнаго приговора; послѣднее слово должно быть сказано учрежденіемъ безпристрастнымъ, стоящимъ надъ сторонами и имѣющимъ всѣ средства къ полному выясненію дѣла—должно быть сказано имъ по просьбѣ того или тѣхъ, кто является юридическимъ представителемъ учрежденія. Въ данномъ случаѣ такимъ представителемъ могло быть только управленіе курсовъ. Если оно ограничилось опроверженіемъ, посланнымъ въ редакцію газеты, и удовольство-

валось, затѣмъ, крайне недостаточными ея извиненіями, то объясненіемъ этому можетъ служить не что иное, какъ именно пробѣлъ въ дѣйствующихъ законахъ. Проектъ коммиссіи не устраняетъ этого пробѣла; онъ отказываетъ обществамъ и учрежденіямъ въ томъ способѣ защиты, который предоставляется частнымъ лицамъ. Промышленному и торговому кредиту составители проекта придаютъ какую-то особенную важность, упуская изъ виду, что репутація общества или учрежденія имѣетъ, помимо нравственной, и матеріальную цѣнность. Ложный слухъ о недоброкачественности товаровъ, изготовляемыхъ въ такой-то мастерской, ничѣмъ, съ этой точки зрѣнія, не отличается отъ ложнаго слуха о неуспѣшности занятій или недостаточности педагогическаго надзора въ такомъ-то учебномъ заведеніи. Послѣдствіемъ ложнаго слуха—если онъ остается неопровергнутымъ оффиціально—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ одинаково легко могутъ быть тяжелыя потери или даже вынужденное прекращеніе дѣятельности учрежденія. Статья 81-ая требуетъ дополненія еще въ другомъ отношеніи. Она предусматриваетъ только разглашеніе завѣдомо ложныхъ обстоятельствъ, упуская изъ виду тѣ многочисленные случаи, когда ложный и вредный для кого-либо слухъ распространяется безъ злого намѣренія, но вслѣдствіе ничѣмъ неоправдываемаго легкомыслія. Само собою разумѣется, что отвѣтственность, въ послѣднемъ случаѣ, должна быть гораздо меньше, чѣмъ при распространеніи слуховъ завѣдомо ложныхъ—но оставлять вовсе безнаказаннымъ оглашеніе всякихъ сплетенъ, повтореніе, безъ повѣрки и оговорки, неизвѣстно откуда идущихъ и ничѣмъ неподтвержденныхъ слуховъ, значило бы поощрять безцеремонное отношеніе къ чужой репутаціи, къ которому у насъ безъ того уже многіе слишкомъ склонны. Всего правильнѣе было бы, кажется, примѣнить къ разглашенію подрывающихъ кредитъ или довѣріе обстоятельствъ то общее начало, которое принято коммиссіею по отношенію къ опозоренію—т.-е. признавать такое разглашеніе наказуемымъ, если обвиняемый не подтвердитъ достовѣрность разглашеннаго обстоятельства и не докажетъ, что имѣлъ разумное основаніе считать его достовѣрнымъ и подлежащимъ огласкѣ.

Не останавливаясь на послѣдней, восьмой, главѣ проекта — объ оглашеніи тайнъ,—такъ какъ она не содержитъ въ себѣ ничего новаго и замѣчательнаго, заключимъ нашъ разборъ однимъ общимъ замѣчаніемъ, относящимся болѣе или менѣе ко всѣмъ обнародованнымъ до сихъ поръ отдѣламъ особенной части уложенія. Намъ кажется, что стремленіе къ сжатости и краткости, вполнѣ законное само по себѣ, доводится иногда редакціонною коммиссіею до крайности, неудобной съ практической точки зрѣнія. Нѣкоторыя важныя

положенія, установляемыя въ объяснительной запискѣ, вовсе не находятъ для себя мѣста въ самомъ текстѣ проектируемаго уложенія. Отсюда возможность противорѣчивыхъ толкованій, возможность недоразумѣній, которыя придется разъяснять и разрѣшать судебной практикѣ, между тѣмъ какъ они могли бы быть заранѣе устранены болѣе опредѣленною редакціею закона. Такъ, напримѣръ, объяснительная записка провозглашаетъ ненаказуемость заочной обиды—а въ текстѣ проекта объ этомъ не говорится ни слова. Въ объяснительной запискѣ сказано, что подъ именемъ членовъ семьи, оскорбленіе которыхъ, въ присутствіи одного изъ нихъ, равносильно оскорбленію послѣдняго, слѣдуетъ понимать отца, мать, мужа, жену, дѣтей, сестеръ и братьевъ въ ст. 72-ой говорится просто о членахъ семьи, безъ точнаго опредѣленія этого понятія, вслѣдствіе чего оно можетъ быть расширяемо или съуживаемо по усмотрѣнію суда (необходимо помнить, что при толкованіи закона его мотивы составляютъ только пособіе для судей, отнюдь не имѣя для нихъ обязательной силы). Принятое редакціонною коммиссіею начало ненаказуемости участника прелюбодѣянія въ проектѣ (ст. 69) не выражено положительно и прямо, вслѣдствіе чего открывается возможность доказывать наказуемость дѣянія на основаніи общихъ правилъ о сообщничествѣ въ преступленіи.

Мы уже нѣсколько разъ имѣли случай говорить о полезной дѣятельности петербургскаго городского по воинской повинности присутствія, о выдающейся роли, которая принадлежитъ въ его средѣ представителямъ городского общественнаго управленія. Недавно распубликованный отчетъ присутствія отличается особымъ интересомъ; онъ обнимаетъ собою не только результаты послѣдняго призыва, но и весь десятилѣтній періодъ времени, истекшій послѣ введенія въ дѣйствіе новаго устава о воинской повинности. Призывъ 1884 года доказалъ еще разъ всю цѣлесообразность мѣры, принятой по ходатайству присутствія и городской думы—соединенія всей столицы въ одинъ призывной участокъ. Несмотря на неблагопріятныя условія, въ которыя поставлено населеніе Петербурга, несмотря на множество больныхъ и слабыхъ, по необходимости освобождаемыхъ отъ дѣйствительной службы, несмотря на значительное число лицъ, не являющихся къ вынутію жребія, — принимать на службу пользующихся льготой по семейному положенію, — какъ это бывало при прежнемъ дѣленіи столицы на восемь призывныхъ участковъ—опять не оказалось нужнымъ. Въ будущемъ, однако, возможность призыва льготныхъ нельзя считать окончательно устраненной—до такой степени неудовлетворительно физическое состояніе большинства моло-

дыхъ людей, подлежащихъ воинской повинности въ Петербургѣ. Послѣ изданія новаго постановленія о пріемѣ новобранцевъ—въ силу котораго требуется для пріема большій противъ прежняго, сравнительно съ ростомъ, объемъ груди — процентъ годныхъ къ военной службѣ, при первомъ призывѣ доходившій до 70%, въ среднемъ выводѣ за десять лѣтъ составляющій около 40%, упалъ до 20%! По справедливому замѣчанію присутствія, десятилѣтній опытъ доказалъ съ полною ясностью, что процессъ физическаго развитія, въ средѣ петербургскаго населенія, на двадцать первомъ году отъ рожденія, сплошь и рядомъ еще не оконченъ; этимъ объясняется, между прочимъ, и значительное число молодыхъ людей, бракуемыхъ за недостиженіемъ узаконеннаго роста (2 арш. 2½ верш.). По наблюденіямъ присутствія, требуемое закономъ отношеніе между окружностью грудной клѣтки и ростомъ служитъ вѣрнымъ и удобнымъ признакомъ здороваго тѣлосложенія только для людей средняго роста (отъ 4 до 6 вершковъ); при болѣе высокомъ ростѣ сравнительно-узкая грудь не можетъ быть разсматриваема какъ безусловное препятствіе къ принятію на службу. Если указанія присутствія—примѣнимыя не къ одному Петербургу—будутъ приняты во вниманіе административною и законодательною властью, то за льготами по семейному положенію можетъ быть сохранена и на будущее время дѣйствительная сила. Еще болѣе желательнымъ, конечно, было бы достиженіе той же цѣли путемъ улучшенія условій, при которыхъ растетъ масса столичнаго населенія—но для этого нужно много лѣтъ и много усилій со стороны правительства, городского управленія, общества и частныхъ лицъ.

Болѣе утѣшительны цифры, касающіяся развитія въ столичномъ населеніи грамотности и образованія. При первомъ призывѣ льготныхъ по образованію (всѣхъ четырехъ разрядовъ) было, между принятыми на службу, менѣе 17%; въ первое пятилѣтіе (1874 — 78) общая ихъ цифра составляла уже 22%, во второмъ пятилѣтіи (1879—83)—30%, въ 1884 г. — почти 43½%. Между нельготными совершенно безграмотныхъ было въ первое пятилѣтіе 25%, во второе—менѣе 16½%, въ 1884 г.—14⅓%. Быстрое увеличеніе числа льготныхъ и уменьшеніе числа неграмотныхъ слѣдуетъ приписать, безъ сомнѣнія, дѣятельности городского общественнаго управленія, благодаря которой такъ сильно (болѣе чѣмъ въ десять разъ) возрасло число городскихъ начальныхъ училищъ. Увеличеніе числа льготныхъ падаетъ въ особенности на льготы третьяго и четвертаго разрядовъ, т.-е. именно на тѣ, которыя обусловливаются начальнымъ обученіемъ. Въ 1874 г. льготныхъ третьяго разряда было 4½, четвертаго—8½%; въ 1884 г. первыхъ было уже 15, послѣднихъ—22¾%.

Отмѣтимъ еще двѣ интересныя цифры. Петербургъ часто называютъ городомъ не-русскимъ; между тѣмъ изъ числа новобранцевъ, поставленныхъ столицею въ продолженіе десяти лѣтъ, русскихъ и православныхъ оказывается 92%! Несмотря на то, что многія лица прежнихъ привилегированныхъ сословій поступаютъ на службу вольноопредѣляющимися, сословія эти выставляютъ изъ своей среды, въ Петербургѣ, почти половину (48%) ежегоднаго контингента, дѣйствительно призываемаго къ жребію. Эта послѣдняя цифра даетъ понятіе о томъ, какъ тяжело отозвалось бы на населеніи проектируемое нѣкоторыми дворянскими ходатайствами (см. выше) возстановленіе для дворянства прежней свободы отъ обязательной военной службы. Само собою разумѣется, что въ сельскихъ призывныхъ участкахъ отношеніе привилегированныхъ сословій къ непривилегированнымъ совершенно другое; довольно, однако, и нѣсколькихъ участковъ въ родѣ петербургскаго, чтобы доказать, что возвращеніе къ отмѣненной привилегіи было бы не только вопіющею несправедливостью, но и чувствительнымъ бременемъ для наиболѣе, и безъ того, обремененныхъ слоевъ народа.

ПИСЬМА ИЗЪ МОСКВЫ

10-го марта 1885.

За отсутствіемъ интересовъ общественной жизни, приходится возводить на степень „интереса дня“ хотя бы судебные процессы, которые даютъ, впрочемъ, не мало матеріаловъ для ретроспективныхъ взглядовъ и оцѣнокъ.

„Дѣйствія прокурорскаго надзора всегда будутъ законны“!—сказалъ недавно въ здѣшнемъ окружномъ судѣ одинъ изъ товарищей прокурора въ отвѣтъ на какое-то замѣчаніе, сдѣланное ему защитникомъ. Но неужели и одинъ изъ товарищей прокурора тверского окружного суда, избравшій свою служебную дѣятельность для сведенія личныхъ счетовъ съ мѣстнымъ мировымъ судьею, почиталъ себя тоже дѣйствующимъ на законномъ основаніи. Дѣло этого послѣдняго, разбиравшееся недавно въ судебной палатѣ съ участіемъ присяжныхъ, надѣлало въ Москвѣ не мало шума и, дѣйствительно, заслуживаетъ особаго вниманія. Въ уѣздномъ городкѣ товарищъ прокурора принялъ дѣятельное участіе въ мѣстной избирательной борьбѣ, сталъ чуть не главнымъ двигателемъ избирательной агитаціи, и, замѣтивъ въ рядахъ своихъ противниковъ одного изъ мировыхъ судей, преслѣдовалъ его и оскорбленіями, и застращиваніями, не стѣсняясь пользоваться для такой цѣли своими къ нему служебными отношеніями. Съ особою настойчивостью, не соотвѣтствующею существу дѣла, онъ домогался возбужденія дисциплинарнаго судопроизводства надъ мировымъ судьей; когда же мировой съѣздъ приступилъ къ сужденію объ этомъ предметѣ, то предвосхищая распоряженіе предсѣдателя, товарищъ прокурора оскорбительнымъ для противника тономъ предложилъ ему удалиться изъ залы засѣданія и наконецъ все свое заключеніе обратилъ лишь въ новый способъ оскорбленія противника. Въ результатѣ—нанесеніе оскорбленнымъ оскорбителю обиды дѣйствіемъ и разоблаченіе всего бывшаго путемъ судебнаго разбирательства. Обвинитель не скрывалъ неприглядности поступковъ пострадавшаго товарища прокурора; присяжные признали наличность столкновенія, но только какъ между частными лицами, и судъ приговорилъ подсудимаго къ аресту на гауптвахтѣ на двѣ недѣли.—Иное преступленіе составляло предметъ другого выдающагося процесса послѣднихъ дней. На скамьѣ подсудимыхъ сидѣла молодая, красивая женщина изъ разряда тѣхъ полупогибшихъ и несчастныхъ существъ, которыхъ такъ щедро плодитъ полуневѣжественная среда городскихъ

мастерскихъ, надѣляя ихъ на всю жизнь изломанною, нелѣпо направленною натурою. Отдавшись вполнѣ своему обольстителю, по профессіи наборщику, будущая подсудимая думаетъ лишь о томъ, чтобы достать денегъ для своего возлюбленнаго, отъ котораго слышитъ постоянные попреки въ ничего недѣланьи. Не находя работы, она скитается сначала по городу въ роли побирушки и полученныя пособія выдаетъ дома за деньги, добытыя работой. Не довольствуясь такимъ заработкомъ, который все же оказался черезъ-чуръ скуднымъ, и понуждаемая тѣми же попреками, она рѣшается на проституцію, и съ перваго же раза попадаетъ въ руки стараго развратника, который, въ видахъ окончательнаго закрѣпленія за собою добычи, нѣкоторое время кормитъ ее одними обѣщаніями и наконецъ рѣшается выдать ей пять рублей, отобравъ у нея въ свое обезпеченіе ея паспортъ. Обида, горе, отчаяніе въ возможности заработать что-либо путнымъ образомъ разражаются убійствомъ сластолюбиваго старика,—убійствомъ, въ которомъ присяжные констатируютъ заранѣе обдуманное намѣреніе и корыстную цѣль, и за которое судъ приговариваетъ виновницу къ двѣнадцатилѣтней каторгѣ. Дѣло это разбиралось здѣсь уже вторично, вслѣдствіе того, что первое производство было кассировано сенатомъ: въ первый же разъ присяжные признали подсудимую виновною лишь въ нанесеніи ударовъ, причинившихъ смерть, но безъ намѣренія лишить жертву жизни и не съ цѣлью ограбленія, а потому и приговоръ суда ограничился полуторагодовымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Въ ближайшемъ будущемъ предстоятъ еще нѣкоторые уголовные процессы достойные вниманія, и если они состоятся, то мы узнаемъ не мало интереснаго изъ жизни разнообразнѣйшихъ слоевъ нашего общества. Между прочимъ, въ судъ поступитъ скоро законченное слѣдствіе о нѣкоемъ аферистѣ, который началъ свою дѣятельность съ путешествій по Волгѣ во главѣ хора пѣвицъ, а окончилъ ее тѣмъ, что сдѣлался полезнымъ, если не нужнымъ человѣкомъ, въ дѣлѣ проведенія уставовъ разныхъ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій. Афера, приведшая его на скамью подсудимыхъ, велась ловко и тонко, возымѣла сначала громадный успѣхъ, хотя въ сущности опиралась на почву еще болѣе эфемерную, чѣмъ аферы Рыкова и другихъ ему подобныхъ. Явившись въ Москву съ подложнымъ уставомъ одесской биржевой артели, герой нашъ напечаталъ въ газетахъ смѣлый вызовъ желающихъ взять паи въ новомъ предпріятіи, и обѣщалъ будущимъ пайщикамъ, на точномъ основаніи „устава“, самыя привлекательныя выгоды, принималъ отъ нихъ взносы не иначе какъ чрезъ посредство государственнаго банка, набралъ кучу такихъ взносовъ, высылалъ исправно ежемѣсячный дивидендъ по

всѣмъ паямъ и былъ изобличенъ лишь тогда, когда внезапно оповѣстилъ пайщиковъ о состоявшейся будто бы, на основаніи того же устава, ликвидаціи дѣлъ затѣяннаго предпріятія.

Въ городской Думѣ тоже запахло судомъ. Думское меньшинство подало свою довольно несообразную программу, а одинъ изъ разумнѣйшихъ представителей большинства не нашелъ ничего лучшаго предложить, какъ разослать эту программу по напечатаніи гласнымъ, чтобы „каждый дома въ покоѣ прочелъ, обсудилъ ее и затѣмъ далъ ей употребленіе какое слѣдуетъ". Тогда членъ меньшинства, обиженнаго подобной неприличной выходкой, сочинилъ еще болѣе неприличный пасквиль на думское большинство, и извѣстная большая газета воспроизвела его на своихъ столбцахъ; большинство отъ лица всей думы порѣшило возбудить судебное преслѣдованіе противъ газеты, въ свою очередь напечатавъ „возраженіе" въ собственномъ органѣ, т.-е. въ „Вѣдомостяхъ московской городской полиціи", а г. оберъ-полиціймейстеръ, узнавъ о такомъ употребленіи „Вѣдомостей", посадилъ подъ арестъ ихъ редактора. Трудно разобраться во всей этой путаницѣ отношеній, да, по-правдѣ сказать, и не стоитъ. Въ сферахъ городского самоуправленія теперь празднество по случаю избранія городскимъ головою г. Тарасова, бывшаго въ сороковыхъ годахъ правителемъ канцеляріи московскаго оберъ-полиціймейстера, а во время севастопольской кампаніи завѣдывавшаго снабженіемъ войскъ сукнами, въ послѣднее же время состоявшаго почетнымъ мировымъ судьею.

Не праздничное настроеніе подмѣчается и въ темной массѣ. Досужій фельетонистъ оповѣстилъ о видѣніи нѣкоего монаха, которому было сказано, что въ наступившемъ году хлѣба родится много, а ѣсть его будетъ некому; вслѣдъ затѣмъ пропечатали въ газетахъ о грозномъ гласѣ, слышанномъ будто бы въ Іерусалимѣ, и о молитвѣ, найденной якобы во гробѣ Господнемъ; далѣе сообщили извѣстіе о трехъ ожидаемыхъ кометахъ, и вотъ темный людъ толкуетъ о предстоящихъ бѣдахъ, облекая ихъ то въ форму кровопролитной войны, то въ форму мора или голода. А тутъ еще, подобно тому какъ это было въ Римѣ предъ нашествіемъ Ганнибала, послѣдовали другія чудесныя знаменія: въ смоленской губерніи открылся вулканъ, у одного изъ московскихъ помѣщиковъ открылась курица, поющая пѣтухомъ, — календарь же Гатцука, опираясь на Брюса, уже давно предсказываетъ близкое воцареніе въ нѣкоторой землѣ государя, „подобнаго Юлію Кесарю и Александру Македонскому".

Все это, если хотите, отзывается провинціей, но вѣдь чѣмъ Москва не провинція? И во многихъ другихъ отношеніяхъ наша „столица" отличается подобнымъ же характеромъ. Его придаетъ Москвѣ прежде

всего отсутствіе центральныхъ государственныхъ учрежденій и сколько-нибудь большихъ частей арміи. Извѣстные интересы притягиваютъ къ себѣ мѣстное общество несравненно болѣе, чѣмъ это могло бы быть въ настоящей столицѣ. Къ тому же и наше общество — употребите-ли вы это слово въ тѣсномъ смыслѣ интеллигенціи, или въ болѣе широкомъ смыслѣ „культурнаго" слоя населенія, малочисленнѣе общества петербургскаго, а потому живетъ оно тѣснѣе, сплоченнѣе, и въ каждомъ изъ его угловъ интересы другого угла принимаются относительно живо и сочувственно. Это мы говоримъ не въ одинъ укоръ, но и въ прямую похвалу. Ту же сплоченность вы легко замѣтите и въ наиболѣе свѣтлыхъ сторонахъ общественной жизни. Возьмите, напр., интересы университетскаго міра. Московскій университетъ и все, что группируется вокругъ него—главнѣйшій изъ мѣстныхъ источниковъ умственнаго возбужденія нашего общества; университетское дѣло всегда—дѣло всемосковское,—университетская извѣстность—извѣстность всемосковская, университетскій скандалъ—скандалъ всемосковскій, университетскій праздникъ—праздникъ всей Москвы. Кромѣ студентовъ у насъ почти нѣтъ образованной молодежи, включая въ то число и „свѣтскую" молодежь; кромѣ профессуры, у насъ почти нѣтъ положеній, особенно выгодныхъ и почетныхъ; кромѣ знаменитаго Татьянина дня, у насъ нѣтъ праздника, способнаго объединить все образованное общество. „Этотъ Татьянинъ день представляется для меня совершенною новостью и неожиданностью", такъ признавался мнѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ администраторъ, только-что прибывшій отъ васъ управлять нашей „столицей". „Какой же это—университетскій праздникъ, когда не университетъ, а вся Москва приходитъ въ какое-то волненіе"! „Волненіе" начинается оффиціальнымъ торжествомъ въ актовой залѣ университета и находитъ свое завершеніе въ заздравныхъ тостахъ и возліяніяхъ въ ресторанахъ и трактирахъ. Можно замѣтить, что годъ отъ году теряетъ свое прежнее значеніе первая, оффиціальная часть празднествъ, и все больше и больше интересъ ихъ сосредоточивается на второй, неоффиціальной. Въ связи съ тѣмъ годъ отъ году сказывается тенденція смягчить ея грубый, трактирный характеръ и внести въ нее наиболѣе осмысленности. Въ малыхъ кружкахъ празднованіе проходило лучше чѣмъ на оффиціальномъ актѣ, и серьезность минуты, такъ или иначе ощущаемая всѣми, придала ему, дѣйствительно, осмысленный характеръ.

На дняхъ открылась здѣсь дѣятельность новаго ученаго общества, которое въ настоящее время составляетъ предметъ общаго интереса и съ которымъ связываются большія надежды. Учрежденное при университетѣ „Психологическое" общество вѣрнѣе было бы назвать философскимъ — такъ широка его программа, такъ далеко простираются

намѣренія его учредителей и руководителей. При специальномъ характерѣ и исправленіи другихъ ученыхъ обществъ новое общество легко можетъ сдѣлаться центромъ научныхъ работъ наиболѣе общаго свойства. Оно, несомнѣнно, можетъ войти также въ живое общеніе съ большою публикою, чему первый опытъ былъ уже сдѣланъ. Такъ, въ одно изъ воскресеній Психологическое общество засѣдало публично вкупѣ съ обществомъ любителей русской словесности, чествуя память великаго астронома и философа Джіордано Бруно. Такое чествованіе должно было послужить откликомъ на подобное же торжество, происходившее нѣсколькими днями раньше во многихъ мѣстахъ на Западѣ и вызванное тѣмъ фактомъ, что въ Римѣ задумали соорудить памятникъ великому мыслителю. Такимъ образомъ и общество любителей словесности, такъ долго и не совсѣмъ по своей винѣ обрѣтавшееся чуть не въ полномъ покоѣ, вновь начинаетъ свою дѣятельность. Засѣданіе въ память Бруно было уже не первымъ публичнымъ засѣданіемъ его въ текущемъ академическомъ году.

Провинціализмъ Москвы отражается также въ томъ особенномъ участіи, которое большинство общества принимаетъ въ здѣшнихъ театральныхъ дѣлахъ. Опытъ настоящей зимы окончательно удостовѣрилъ, что казеннымъ театрамъ долгое время придется служить единственнымъ надежнымъ оплотомъ серьезныхъ видовъ драматическаго искусства. Много нарождалось за послѣдніе годы частныхъ театральныхъ предпріятій, но всѣ они, если не считать тѣхъ, которые направлялись на эксплуатацію болѣе низменныхъ вкусовъ публики, кончали плачевно вслѣдствіе денежнаго банкротства. Частная антреприза не въ состояніи окупать самое себя—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ областяхъ, въ которыхъ ей пришлось бы конкурировать съ казенною сценою. При такихъ условіяхъ, обезпечивающихъ этой послѣдней несомнѣнное и исключительное господство, нельзя не пожелать, чтобы отношеніе высшихъ руководителей театральнаго дѣла къ московскимъ театрамъ было самымъ серьезнымъ. Начать съ того, что было бы желательно въ мѣстной театральной администраціи встрѣтить лицъ, болѣе компетентныхъ, чѣмъ мы встрѣчали доселѣ. Съ 1883 года, съ введеніемъ новой системы приглашенія артистовъ по контрактамъ, съ возвышеніемъ окладовъ и съ возникновеніемъ новыхъ вліяній въ театральномъ дѣлѣ, составъ исполнителей измѣнился значительно къ лучшему, особенно на оперной сценѣ, а между тѣмъ, на административныхъ постахъ, замѣщаемыхъ не по контрактамъ, а по назначенію, и подиесь фигурируютъ личности, ничего общаго съ театромъ не имѣющія. Пусть имена останутся въ неприкосновенности; но то, что не разъ уже писалось о вторженіи въ театрѣ многочисленныхъ „подпоручиковъ“, представляетъ сущую правду. Эти гос-

пода, какъ бы чувствуя свою некомпетентность, сначала держали себя съ нѣкоторою осторожностью, потомъ же попривыкли къ своему новому положенію и готовы заявлять себя настоящими хозяевами. При подобныхъ мѣстныхъ дѣятеляхъ высшее театральное начальство въ Петербургѣ, конечно, поступаетъ разумно, держась строго системы постояннаго центральнаго контроля; однако, съ другой стороны, что же хорошаго для правильнаго теченія дѣла въ такомъ порядкѣ, при которомъ мѣстная власть не можетъ ступить шагу безъ разрѣшенія высшей? Не говоря уже о приглашеніи артистовъ и другихъ исполнителей, о постановкѣ новыхъ пьесъ и оперъ и т. п. крупныхъ мѣропріятіяхъ, здѣшнее театральное управленіе не имѣетъ собственной власти на утвержденіе недѣльнаго репертуара, на кратковременный отпускъ артиста (даже въ свободное отъ спектакля время!), на приплату нѣсколькихъ рублей какимъ-нибудь статистамъ или рабочимъ. Высшему начальству тоже слѣдуетъ поставить многое въ упрекъ. Оно постоянно запаздываетъ съ своими отвѣтами по существеннѣйшимъ вопросамъ, тормазитъ тѣмъ и путаетъ веденіе дѣла на мѣстѣ, а по временамъ вноситъ въ него замѣшательство неудачными проявленіями собственной инициативы. Напримѣръ, въ нынѣшнемъ году, въ самый разгаръ сезона, оперная труппа, вслѣдствіе настоятельныхъ приказаній изъ Петербурга, была занята въ теченіе многихъ недѣль разучиваніемъ новой оперы; время было потеряно для постановки другихъ возможныхъ и необходимыхъ новинокъ, въ концѣ же концевъ оказалось, что разучиваемая опера не можетъ идти, такъ какъ послѣдніе акты ея еще не написаны композиторомъ! Въ театральномъ дѣлѣ, гдѣ существуетъ такое обширное поле для проявленія страстей и самолюбія, гдѣ такъ много почвы для всяческой интриги, особенно желательно существованіе компетентной власти, дѣйствующей во всемъ съ увѣренностью и послѣдовательностью, съ быстротою и настойчивостью. Что можно сдѣлать изъ театра, обладая хотя долею этихъ качествъ, о томъ свидѣтельствуетъ маленькій нѣмецкій театрикъ, въ продолженіе всей зимы собиравшій въ свои стѣны лучшую часть московской образованной публики. Москвичей восхищали здѣсь своею игрою сначала Поссартъ, потомъ Барнай. За обоими осталась репутація большихъ артистовъ, вокругъ обоихъ сгруппировались партіи поклонниковъ, обоимъ устраивались оваціи, и въ заключеніе обоихъ чествовали торжественными пиршествами. Поссартъ со сцены увлекъ всѣхъ своимъ музыкальнымъ голосомъ, поразилъ игрою, обдуманною до малѣйшихъ деталей, импонировалъ тонко проведенною декламаціей, внѣ сцены восхитилъ публику, принявъ живое участіе въ юбилеѣ ветерана русской сцены И. В. Самарина, и, конечно, остался лишь вѣренъ своей декламаціонной школѣ, когда, не справившись, какъ слѣдуетъ,

съ русскими нравами, на прощальномъ обѣдѣ назвалъ „современнымъ царемъ мысли, подобнымъ Вольтеру"... рецензента, который съ замѣчательною неутомимостью пропагандировалъ его самого какъ „царя" современной трагедіи. Барнай, напротивъ, привлекъ къ себѣ всѣхъ необыкновенною простотою и естественностью, которыя одинаково характеризовали его и какъ актера, и какъ человѣка; увлекалъ публику тѣмъ, что, играя, самъ увлекался безотчетно, и, какъ всякій творецъ по вдохновенію, былъ временами то выше, то ниже своего, болѣе равномѣрнаго компатріота и соперника. При скудости общественной жизни, при необходимости пробавляться въ этой сферѣ новостями, на половину тяжелыми, на половину скандальными, было что-то особенно пріятное въ этомъ умственномъ возбужденіи, вызванномъ появленіемъ двухъ замѣчательныхъ артистовъ, въ этой борьбѣ партій, обусловленной ихъ естественнымъ соперничествомъ. На время какъ бы воскресли добрыя старыя времена, когда чуть ли не однимъ театромъ общество ограждалось отъ окончательнаго паденія и застоя.

Wz.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е апрѣля, 1885.

Международные газетные споры.—Отношенія между Англіею и Россіею.—Патріотическія увлеченія.—Проектъ „имперской британской федераціи“. — Пререканіе между лордомъ Гренвилемъ и княземъ Бисмаркомъ. — Рѣчи въ германскомъ парламентѣ.—Перемѣна въ Вашингтонѣ.

„Много шуму изъ пустого“, замѣчается въ международной политикѣ Европы за послѣднее время. Кабинеты спорятъ между собою безъ видимой цѣли; газеты смѣло грозятъ войною, передвигаютъ арміи съ легкостью пѣшекъ, намѣчаютъ пункты нападенія и защиты, обнаруживаютъ вообще храбрость удивительную и патріотизмъ непоколебимый,—тѣмъ болѣе, что все это имъ ничего не стоитъ и никакихъ усилій отъ нихъ не требуетъ. Патріоты толкаютъ насъ въ Афганистанъ, въ Индію, противъ „ненавистной“ Англіи; они предвкушаютъ будущія побѣды, распредѣляютъ азіатскія владѣнія, придумываютъ новыя границы и горячо взываютъ къ „подъему національнаго духа“ въ области далекихъ невѣдомыхъ степей. Лондонская печать старательно слѣдитъ за этимъ нашимъ „подъемомъ“, вступаетъ въ подробныя словопренія и даетъ посильный отпоръ враждебнымъ „притязаніямъ“. Нѣмецкіе журналы высчитываютъ уже шансы военнаго разгрома той или другой изъ спорящихъ сторонъ; одни указываютъ на сравнительную слабость Англіи, на подрывъ ея могущества въ разныхъ частяхъ свѣта, на сомнительное положеніе дѣлъ въ Египтѣ и въ Индіи; другіе изображаютъ мрачными чертами военныя и политическія обстоятельства Россіи, предвидятъ ея неудачи и безпокоятся объ ея будущемъ. Судя по воинственному тону наиболѣе распространенныхъ русскихъ газетъ, иностранцы считаютъ себя въ правѣ заключить, что дѣло идетъ о серьезномъ политическомъ кризисѣ, который легко можетъ разрѣшиться кровавою борьбою. Русскіе форпосты заняли нѣсколько пунктовъ къ югу отъ Мерва; отсюда дѣлается выводъ, что Россія сознательно приближается къ Герату, чтобы завладѣть этимъ „ключемъ въ Индію“ и вытѣснить англичанъ изъ ихъ богатѣйшихъ владѣній. Мысль поддерживается патріотическою печатью, находитъ сочувственный отголосокъ въ кружкахъ непризнанныхъ полководцевъ и принимается въ Европѣ за нѣчто весьма серьезное. Толки о средней Азіи и объ Индіи возникаютъ у насъ какъ-то вдругъ, неожиданно, по какому-нибудь случайному поводу,

въ связи съ запросами и рѣчами въ англійскомъ парламентѣ. Очень немногіе знали у насъ о движеніяхъ войскъ въ земляхъ туркменъ; никто не придавалъ значенія тѣмъ мѣстностямъ, изъ-за которыхъ теперь ведется дипломатическая кампанія,—а между тѣмъ, эти никому неизвѣстные пункты внезапно пріобрѣтаютъ первостепенное значеніе въ глазахъ газетныхъ политиковъ и служатъ для нихъ предметомъ сильнѣйшихъ заботъ, не останавливающихся даже передъ перспективою кровопролитія. Эти необъяснимыя увлеченія вызываются обыкновенно протестами и угрозами англичанъ по поводу нашихъ дѣйствій или движеній, о которыхъ мы узнаемъ впервые изъ Лондона. Въ Англіи извѣстные факты возбуждаютъ общее безпокойство и даютъ матеріалъ для „національнаго подъема"; поэтому,—заключаютъ у насъ,—и мы должны волноваться изъ-за Пуль-иль-Катуна и Пендэ, не отставая по горячности отъ противниковъ. Самостоятельная политическая оцѣнка подобныхъ столкновеній встрѣчается рѣдко въ нашей предпріимчивой журналистикѣ; гораздо проще и легче нападать на коварство враговъ и требовать рѣшительныхъ подвиговъ во что бы то ни стало. Затихнетъ въ Англіи волненіе, и наши патріоты забываютъ о своихъ минутныхъ порывахъ, казавшихся еще недавно столь серьезными и всеобщими. Вопросъ объ афганской границѣ сходитъ со сцены и при ближайшемъ разборѣ оказывается совершенно ничтожнымъ, не представляющимъ для насъ никакого реальнаго жизненнаго интереса. Вниманіе газетъ обращается на другія дѣла, болѣе существенныя или болѣе модныя, а иностранцы предполагаютъ въ этой перемѣнѣ признаки хитрой внутренней работы, направленной къ постепенному молчаливому выполненію таинственнаго честолюбиваго плана, ибо при отсутствіи такого плана не имѣли бы смысла періодическіе возгласы о важности для насъ незанятыхъ еще пустынныхъ мѣстъ средней Азіи. Англичане приписываютъ намъ намѣреніе подойти исподволь къ границамъ Индіи и подготовить паденіе въ ней англійскаго владычества; только этимъ объясняютъ они то преувеличенное значеніе, которое придается у насъ мелкимъ спорамъ о Пендэ и Пуль-и-Катунѣ. Въ лондонскихъ газетахъ за послѣднее время приходилось нерѣдко встрѣчать длинныя депеши изъ Петербурга, съ описаніемъ тревожнаго настроенія всѣхъ слоевъ общества и цѣлой вообще страны, въ виду афганской неурядицы. Въ чемъ и гдѣ могло выражаться это несуществующее настроеніе, какъ не въ отзывахъ безцензурной печати? Отзывы печати были приняты за надежное основаніе для выводовъ о намѣреніяхъ и планахъ Россіи, а эти выводы подкрѣплялись самоувѣреннымъ, рѣзкимъ тономъ газетныхъ сужденій, высказываемыхъ часто непосредственно отъ имени народа.

Разумѣется само собою, что лондонскіе органы первые давали сигналъ къ полемикѣ по среднеазіатскимъ дѣламъ; безъ нихъ наши газеты, быть можетъ, не знали бы, какъ отнестись къ вопросу о Пендэ и во всякомъ случаѣ не могли бы увлечься этимъ предметомъ до самозабвенія. Могутъ сказать, что необходимо было дать отпоръ англійскимъ газетамъ, разсужденія которыхъ имѣли на себѣ оттѣнокъ оскорбительный и враждебный по отношенію къ Россіи. Но опасенія, внушаемыя въ Англіи каждымъ шагомъ нашихъ войскъ въ средней Азіи, вполнѣ понятны, въ виду шаткихъ, искусственныхъ основъ англійскаго господства надъ многомилліоннымъ туземнымъ населеніемъ, не утратившимъ еще надежды на независимость и свободу; одно сознаніе близкаго сосѣдства такой державы, какъ Россія, можетъ направить умы въ сторону освобожденія, въ разсчетѣ на взаимное соперничество обоихъ европейскихъ государствъ и на возможную тайную помощь извнѣ. Нельзя поэтому удивляться необычайной чувствительности Англіи въ среднеазіатскихъ вопросахъ; для нихъ заключаются тамъ основы величія и богатства, тамъ дѣло идетъ о неприкосновенности индійской имперіи, и малѣйшая вспышка можетъ окончательно разстроить положеніе дѣлъ въ странѣ. Для англичанъ весьма неудобно и даже опасно присутствіе сосѣдей, которыхъ туземцы будутъ считать слишкомъ могущественными или непобѣдимыми. Англичане боятся не дѣйствительнаго похода русскихъ войскъ въ Индію, а только приближенія ихъ къ ея предѣламъ; они не удовлетворяются поэтому отрицательными утвержденіями противниковъ и поднимаютъ много шуму изъ-за каждаго мелкаго пункта, вновь занимаемаго нами на пространствѣ пограничной территоріи. Но вопросы, въ высшей степени важные для Англіи, являются въ сущности весьма незначительными для насъ, и страстное отношеніе къ какому-нибудь Сераксу и Пенде, вполнѣ естественное въ одномъ случаѣ, не имѣло бы смысла—въ другомъ. Намъ кажется, что русская журналистика могла бы съ полнымъ правомъ относиться хладнокровно, безъ всякаго раздраженія, къ афганскимъ и индійскимъ заботамъ Англіи. Подражать высокому тону лондонскихъ газетъ, грозить имъ нашествіемъ въ Индію или толковать о вооруженномъ столкновеніи—мы не имѣемъ никакого разумнаго повода; это значило бы только поддерживать въ англичанахъ совершенно превратныя представленія о нашихъ дѣйствительныхъ цѣляхъ и интересахъ въ сферѣ внѣшней политики. Несомнѣнно, что въ средней Азіи мы вынуждены иногда двигаться впередъ противъ воли, вслѣдъ за кочевыми племенами, нарушающими опредѣленность и безопасность пограничной черты нашихъ владѣній; мало того,—самой этой черты не существуетъ до тѣхъ поръ, пока мы не придвинулись до точной

естественной или политической границы—до какой-нибудь цѣпи горъ, или до сосѣдства съ государствомъ, имѣющимъ ясныя очертанія. Послѣдовательное движеніе пограничныхъ отрядовъ можетъ вызываться причинами чисто-случайными, безъ всякой связи съ какими-либо сознательными политическими планами; оно можетъ оправдываться необходимостью, въ силу мѣстныхъ условій, и давать ему болѣе широкую общую подкладку было бы не только ошибочно, но и вредно для интересовъ европейскаго мира. Россія не имѣетъ основанія желать разлада или разрыва съ Англіею изъ-за средне-азіатскихъ дѣлъ; но она, очевидно, не можетъ уклоняться отъ неизбѣжныхъ логическихъ послѣдствій своего положенія,—отъ разсчетовъ съ кочевыми народностями, не имѣющими положительныхъ границъ, и отъ передвиженій въ предѣлахъ территоріи, никому фактически не подвластной. Объяснять истинный характеръ и настоящіе мотивы нашихъ дѣйствій, отвергать воинственныя фантазіи англійской печати и не вдаваться въ серьезныя разсужденія о походѣ въ Индію,—таковъ долженъ быть образъ дѣйствій русскихъ газетъ въ данномъ случаѣ; всякія увлеченія въ противоположную сторону оказываются по меньшей мѣрѣ неумѣстными. Въ настоящее время русско-британскій споръ обострился, благодаря долгимъ проволочкамъ и задержкамъ въ дѣятельности коммиссіи, назначенной для опредѣленія сѣверныхъ границъ Афганистана. Англійскій коммиссаръ, генералъ Лемсденъ, хотѣлъ соединить политическія цѣли съ межевыми и явился съ значительнымъ отрядомъ войскъ, что признано было неудобнымъ для русскаго уполномоченнаго, участвовавшаго въ дѣлѣ безъ этой внушительной военной обстановки; съ тѣхъ поръ согласіе обѣихъ державъ разстроилось, и англійскій коммиссаръ остался одинъ съ своимъ отрядомъ, въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій русскаго правительства. Задача коммиссіи осталась не исполненною, и представитель Россіи не былъ посланъ на мѣсто, въ виду выяснившагося политическаго назначенія отряда сэра Лемсдена въ Афганистанѣ. Сэръ Лемсденъ долженъ былъ подготовить свиданіе афганскаго эмира съ индійскимъ вице-королемъ, лордомъ Дюфферином, для скрѣпленія вассальныхъ отношеній эмира къ Остъ-Индіи; тѣмъ временемъ русскіе форпосты передвинулись къ югу, слѣдуя за туркменами, признавшими надъ собою формально власть Россіи, и въ числѣ занятыхъ ими пунктовъ оказались такіе, которые по предположенію англичанъ входятъ уже въ составъ афганской территоріи. Вопросъ тутъ скорѣе географическій и этнографическій, чѣмъ общеполитическій; послѣднее значеніе его зависитъ уже отъ побочныхъ обстоятельствъ, придающихъ особенную важность малѣйшей перемѣнѣ въ распредѣленіи пограничныхъ форпо-

стовъ въ этихъ краяхъ. Что англичане тотчасъ усмотрѣли въ этомъ фактѣ существованіе тонко задуманнаго политическаго предпріятія и приписали намъ желаніе воспользоваться для своихъ цѣлей несчастнымъ ходомъ дѣлъ въ Суданѣ, въ томъ нѣтъ ничего удивительнаго; взаимное недовѣріе и заподозриваніе составляетъ издавна характеристическую черту международной дипломатіи. Но русской печати не слѣдовало ставить вопросъ на эту же почву и давать какъ бы косвенное подтвержденіе заграничнымъ гипотезамъ; тогда полемика приняла бы болѣе спокойный и правдивый оттѣнокъ, не было бы рѣчи о мнимомъ стремленіи нашемъ къ войнѣ, и появилось бы гораздо меньше воинственныхъ статей и слуховъ въ европейской журналистикѣ. Газеты лишились бы интереснаго матеріала, наполнявшаго ихъ столбцы въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, но общественное мнѣніе не вводилось бы напрасно въ заблужденіе относительно шансовъ мира и войны, относительно настроенія русскаго общества и дѣйствительныхъ желаній правительства.

Нужно сказать, что въ Англіи даже самые солидные журналы, какъ, напримѣръ, „Fortnightly Review", высказались въ весьма воинственномъ духѣ по поводу извѣстій о движеніи русскихъ къ Герату; между прочимъ, названный журналъ высчитываетъ количество войскъ, которое можетъ быть выставлено обѣими сторонами, и находитъ положеніе Англіи вполнѣ обезпеченнымъ отъ всякихъ случайностей. По мнѣнію „Fortnightly Review", Англія лучше подготовлена къ борьбѣ, чѣмъ Россія,—ибо она располагаетъ на мѣстѣ обширными военными силами Остъ-Индіи, тогда какъ русскимъ потребовалось бы много времени и усилій для сосредоточенія надлежащихъ войскъ по направленію къ Герату. Такая же самоувѣренность высказывается въ большей части англійскихъ газетъ; она выражается въ публичныхъ рѣчахъ политическихъ дѣятелей, безъ различія партій, и только немногіе компетентные голоса разрушаютъ это видимое самообольщеніе фактическими указаніями, которыя, впрочемъ, и безъ того извѣстны всякому. Этотъ предвзятый оптимизмъ долженъ казаться довольно страннымъ послѣ тяжелыхъ разочарованій, испытанныхъ англичанами въ Египтѣ и въ другихъ мѣстахъ. Какимъ образомъ военныя средства Англіи, оказавшіяся недостаточными для достиженія полной побѣды въ небольшихъ сравнительно войнахъ, могутъ вдругъ вызывать такое чувство увѣренности насчетъ исхода борьбы съ первоклассною военною державою, располагающею милліономъ солдатъ? Очевидно, эта воинственность и самоувѣренность—дѣло политики, а не убѣжденія. Англійская печать, будучи безусловно свободною и ничѣмъ не связанною, сама налагаетъ на себя извѣстныя политическія условія, слѣдуетъ извѣст-

нымъ пріемамъ дипломатіи и старается дѣйствовать въ интересахъ государства, хотя бы въ ущербъ правдивости. Вѣроятно, ни одинъ изъ публицистовъ, разсуждающихъ о шансахъ побѣды въ случаѣ столкновенія съ Россіею, не желаетъ войны и не вѣритъ въ побѣду; всѣ они въ душѣ считаютъ разрывъ съ какою-либо великою державою почти невозможнымъ и всѣ они ищутъ способовъ мирнаго улаженія замѣшательствъ, грозящихъ Англіи. Имъ кажется только, что въ подобныхъ случаяхъ хорошо дѣйствуетъ на противниковъ твердое чувство увѣренности въ себѣ и въ своихъ силахъ; они и выражаютъ эти чувства, какъ бы по общему молчаливому соглашенію, для поддержанія бодрости въ странѣ и для внушенія надлежащаго довѣрія къ могуществу и авторитету Англіи. Они руководствуются при этомъ тѣмъ соображеніемъ, что единодушная готовность націи энергически отстаивать свои требованія должна побудить противниковъ къ уступчивости. Этотъ пріемъ можетъ не имѣть желаемаго результата, особенно при частомъ повтореніи; но онъ свидѣтельствуетъ объ укоренившемся сознаніи политическихъ задачъ и обязанностей печати въ области внѣшнихъ отношеній государства. Печать, играющая такую роль въ дѣлахъ международныхъ, есть прежде всего руководящая сила въ дѣлахъ внутреннихъ; она служитъ вѣрнымъ отраженіемъ мнѣній, чувствъ и интересовъ всего общества, проявляемыхъ свободно самыми различными способами и въ разнообразныхъ формахъ. Какъ органъ народныхъ мнѣній, печать сознаетъ въ себѣ политическую силу, которую можно утилизировать и въ вопросахъ внѣшней политикѣ; а гдѣ печать лишена политическаго значенія внутри страны, тамъ она дѣйствуетъ крайне ненормально и въ дѣлахъ внѣшнихъ.

Если прислушаться къ толкамъ нашихъ газетъ объ афганскомъ спорѣ, то нельзя не придти къ заключенію, что занятіе извѣстныхъ пунктовъ вдоль рѣкъ Бургаба и Герируда должно волновать все наше общественное мнѣніе, что мы готовы даже вступить въ войну съ Англіею по этому поводу, и что для насъ средне-азіатскія заботы стоятъ на первомъ планѣ въ ряду нашихъ политическихъ „призваній". Въ дѣйствительности, наша ежедневная печать, за немногими исключеніями, только рабски копируетъ образъ дѣйствій заграничныхъ и особенно англійскихъ органовъ, повторяя ихъ пріемы и въ такихъ случаяхъ, когда они вовсе не соотвѣтствуютъ потребностямъ государства. Оттого настроеніе нашей печати по внѣшнимъ вопросамъ не только не выражаетъ мнѣній общественныхъ и народныхъ, но обыкновенно противорѣчитъ также нашей оффиціальной политикѣ, проникнутой вообще миролюбіемъ и сдержанностью. Печать какъ бы вымещаетъ на внѣшнихъ дѣлахъ свое безсиліе и ничтожество въ

политикѣ внутренней; она громко разговариваетъ съ великими европейскими державами отъ имени русскаго народа, и ея мнѣнія приводятся въ заграничныхъ газетахъ и цитируются даже въ парламентахъ. Это ведетъ къ нѣкоторому самообольщенію, и повышенный тонъ относительно международной дипломатіи становится почти обязательнымъ, порождая за границею ошибочное представленіе о нашей наклонности къ воинственнымъ предпріятіямъ, хотя и бездѣльнымъ. Какъ, напримѣръ, объяснить, съ точки зрѣнія здраваго смысла, газетные толки о необходимости занятія Герата русскими войсками? Такъ какъ Гератъ самъ по себѣ не имѣетъ для насъ никакой цѣнности, а только увеличилъ бы наши расходы въ Средней Азіи въ громадныхъ размѣрахъ, то остается лишь предположить, что при этомъ имѣется въ виду постепенное осуществленіе болѣе далекой и крупной цѣли—изгнанія англичанъ изъ Остъ-Индіи. Но возможно ли эту цѣль признать разумною и согласною съ интересами Россіи? Не говоримъ уже о тѣхъ массахъ человѣческихъ жертвъ, которыхъ стоила бы попытка привести этотъ планъ въ исполненіе; — самый планъ этотъ могъ бы возникнуть только въ видѣ экстреннаго оружія противъ Англіи, въ случаѣ какого-либо столкновенія съ нею въ Европѣ, напримѣръ, изъ-за Балканскаго полуострова, изъ-за Дарданеллъ и Босфора. Существенная перемѣна въ англійской политикѣ на Востокѣ въ желательномъ для насъ направленіи дѣлаетъ уже излишнимъ хлопотливое усердіе въ дѣлахъ Средней Азіи, ибо эти дѣла имѣютъ для насъ значеніе только косвенное, въ смыслѣ спеціальнаго средства оказывать давленіе на Англію въ Европѣ. Что же выходитъ у насъ? Нынѣшнее англійское министерство отчасти разорвало традиціонныя политическія связи съ Турціею; оно держится болѣе примирительной и либеральной политики относительно балканскихъ славянъ, не скрываетъ своего сочувствія къ задачамъ русской дипломатіи въ этомъ отношеніи и обнаруживаетъ вообще готовность дѣйствовать сообща съ Россіею въ дѣлахъ востока. Казалось бы, что въ виду такихъ тенденцій кабинета Гладстона не предстояло уже надобности грозить ему захватомъ Герата и походомъ на Индію, такъ какъ эти крайнія средства борьбы или полемическіе пріемы необходимо было бы приберечь для дѣйствительныхъ враговъ, въ родѣ лорда Биконсфильда. Между тѣмъ, на дѣлѣ мы во всемъ уступали Биконсфильду, когда нужно было серьезно стоять на своемъ, а теперь, когда имѣемъ предъ собою сочувствующее намъ правительство въ Англіи, мы вдругъ являемся энергическими ея противниками, смѣло показываемъ ей перспективу войны и стараемся содѣйствовать паденію Гладстона, забывая о враждебности его вѣроятныхъ преемниковъ.

Очевидно, въ дѣйствіяхъ и мнѣніяхъ нашей воинствующей печати

не видно никакой системы, никакихъ сознательныхъ цѣлей и принциповъ. Поведеніе этой печати представляется крайне безтактнымъ и несвоевременнымъ еще по другой причинѣ: Англія изолирована теперь въ Европѣ, и пріобрѣсть ея близкую дружбу или даже положительный союзъ было бы легче, чѣмъ когда бы то ни было, а пренебрегать такою возможностью не слѣдовало бы, съ точки зрѣнія общепринятыхъ правилъ практической дипломатіи. У насъ оказались бы гораздо болѣе важные интересы, чѣмъ туркменскіе, и содѣйствіе Англіи могло бы принести болѣе полезные плоды, чѣмъ ея вражда. Наши патріоты и въ этомъ случаѣ подражаютъ не кстати князю Бисмарку и его органамъ; разница только та, что имперскій канцлеръ Германіи знаетъ чего хочетъ и всегда достигаетъ своихъ цѣлей съ полнымъ успѣхомъ, а у насъ патріотическій пылъ тратится по пустякамъ, и „національный подъемъ" пускается въ оборотъ безъ малѣйшей въ томъ надобности, съ явнымъ убыткомъ для политическаго баланса страны. Полемика князя Бисмарка съ Англіею дала блестящій практическій результатъ и привела даже къ мысли о тѣсномъ взаимномъ сближеніи; а наши нападки на англичанъ никакого благопріятнаго эффекта не произвели и внесли лишь ненужное раздраженіе въ вопросъ довольно щекотливый, требовавшій весьма осторожнаго обращенія. Ничего не выигравъ сами, мы и Англіи не нанесли вреда; а постоянные разговоры о возможной войнѣ пріучаютъ народы къ мысли безчеловѣчной и ничѣмъ не оправдываемой. Чѣмъ чаще и упорнѣе выдвигается кровавый призракъ вооруженнаго столкновенія, тѣмъ скорѣе можетъ онъ превратиться въ дѣйствительность; а желать подобной развязки не можетъ и не долженъ ни одинъ здравомыслящій человѣкъ въ Европѣ. Чтобы сохранить за собою свободу дѣйствій въ Средней Азіи, не было вообще разумнаго повода выставлять соображенія и намѣренія, способныя поселить прочный разладъ между обоими государствами; и намъ кажется несомнѣннымъ, что посылка въ Лондонъ инженера Лессара, въ качествѣ русскаго уполномоченнаго по афганскому вопросу, имѣла бы болѣе благопріятныя послѣдствія, еслибы наши патріоты-публицисты обладали надлежащимъ политическимъ чутьемъ и перестали бы громить Англію сочиненными ad hoc проектами, похожими на разоблаченія. Связывая осторожныя и миролюбивыя объясненія нашего министерства иностранныхъ дѣлъ съ угрозами и намеками печати, заграничные дѣятели проникаются недовѣріемъ къ нашей оффиціальной политикѣ, и это весьма распространенное недовѣріе есть одинъ изъ главнѣйшихъ постоянныхъ источниковъ хроническаго упадка нашего государственнаго кредита, политическаго и финансоваго. Когда министерство даетъ обѣщанія или объясненія, а печать отрицаетъ обязательность

ихъ, оставаясь даже подчиненною цензурѣ, — то иностранецъ не можетъ здѣсь предполагать господство простого случая и считаетъ себя въ правѣ заключить о серьезномъ разладѣ между общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ, или же заподозрить искренность послѣдняго, при невѣроятности разлада. Вообще нѣтъ ничего печальнѣе такого положенія печати, когда единственная область, гдѣ она чувствуетъ себя свободною, касается самыхъ далекихъ для нея вопросовъ, и когда безразборчивость средствъ въ пріобрѣтеніи популярности съ наибольшею легкостью входитъ въ обычай въ сферѣ великихъ интересовъ мира и войны.

Послѣдовательныя неудачи министерства Гладстона въ иностранныхъ предпріятіяхъ выдвинули въ Англіи вопросъ о возможномъ сближеніи метрополіи съ многочисленными и богатыми ея колоніями. Журналы и газеты переполнены статьями объ „имперской федераціи"—о введеніи извѣстнаго единства въ интересы соперничествующихъ между собою странъ, подвластныхъ номинально англійскому правительству, но имѣющихъ свое самостоятельное устройство, свое управленіе, своихъ мѣстныхъ министровъ и свои парламенты. Для распространенія и поддержанія этой идеи единства образовалась прежде всего, по англійскому обыкновенію, спеціальная лига, по почину нѣкоторыхъ политическихъ дѣятелей, — бывшаго министра Форстера, лорда Грея и другихъ. Лига имѣетъ уже свои отдѣленія въ разныхъ городахъ Англіи, собираетъ митинги, все болѣе увеличиваетъ своихъ приверженцевъ въ колоніяхъ и весьма успѣшно пользуется общимъ „національнымъ подъемомъ", вызваннымъ трагическою гибелью генерала Гордона въ Хартумѣ. Наиболѣе желательная форма единенія—оказаніе военной помощи метрополіи въ случаѣ внѣшнихъ замѣшательствъ—предложена была добровольно правительствами Канады, новаго южнаго Уэллься, Викторіи и южной Австраліи; войска одной изъ этихъ колоній уже участвуютъ въ бояхъ подъ Суакимомъ, въ рядахъ британскаго экспедиціоннаго корпуса. Эта рѣшимость колоній доставлять солдатъ для метрополіи въ интересахъ „защиты имперіи" въ разныхъ частяхъ свѣта была съ восторгомъ принята общественнымъ мнѣніемъ Англіи. Королева Викторія, всѣ министры и главнокомандующій, герцогъ Кембриджъ, поочередно выразили колоніямъ свою признательность; а вопросъ объ „имперской федераціи" вступилъ въ новый фазисъ, значительно приближающій его къ желанному разрѣшенію. Маркизъ Лорнъ, зять королевы Викторіи, бывшій генералъ-губернаторъ Канады, помѣстилъ въ журналѣ „Nineteenth Century" статью, въ которой предлагаетъ образовать

общій „колоніальный совѣтъ“ или „совѣщательное собраніе“ изъ уполномоченныхъ отъ колоній для обсужденія всѣхъ мѣръ, имѣющихъ связь съ интересами колоніальныхъ владѣній Англіи. Этотъ „совѣтъ“ составлялъ бы нѣчто въ родѣ особаго колоніальнаго парламента, который служилъ бы объединяющимъ представительнымъ учрежденіемъ для всѣхъ разрозненныхъ нынѣ самостоятельныхъ колоній. Проектъ маркиза Лорна развивается съ нѣкоторыми измѣненіями графомъ Греемъ и Форстеромъ; онъ находитъ вообще много сторонниковъ, и вѣроятно въ скоромъ времени сдѣлана будетъ попытка къ практическому осуществленію его въ той или другой формѣ. Есть, конечно, и скептики, находящіе идею единства весьма неудобною и даже опасною при крайней разбросанности колоній и при громадныхъ разстояніяхъ, отдѣляющихъ ихъ отъ метрополіи; дѣло въ томъ, что теперь каждая самостоятельная колонія имѣетъ свой особый флагъ и пользуется правами нейтралитета, когда Англія ведетъ съ кѣмъ либо войну. Съ провозглашеніемъ же принципа федераціи всякое военное столкновеніе Англіи съ другими державами тотчасъ поставитъ всѣ колоніи въ положеніе воюющихъ и отдастъ ихъ на произволъ непріятельскихъ эскадръ; районъ военныхъ дѣйствій значительно расширился бы въ ущербъ метрополіи, на которой лежала бы обязанность заботиться объ охранѣ колоній; колоніальные корабли дѣлались бы добычею крейсеровъ и лишены были бы возможности оказывать серьезныя услуги англичанамъ, въ видѣ нейтральныхъ судовъ,—словомъ, оборотная сторона медали давала бы себя сильно чувствовать и едва ли уравновѣшивалась бы выгодами отъ содѣйствія нѣсколькихъ лишнихъ полковъ. Но эти замѣчанія относятся только къ случаямъ весьма рѣдкимъ и быть можетъ даже вовсе не угрожающимъ Англіи; трудно себѣ представить такое положеніе дѣлъ, при которомъ англійское правительство рѣшилось бы вступить въ открытую войну съ однимъ изъ могущественныхъ морскихъ государствъ—съ Франціею, Германіею или Россіею; притомъ размѣры англійскихъ морскихъ силъ заставляли бы враговъ сосредоточивать свои флоты для обороны собственныхъ береговъ, а не разсылать суда по далекимъ морямъ, подвергая ихъ опасности встрѣчи съ британскими броненосцами. Какъ бы то ни было, мысль о федераціи пускаетъ корни, благодаря печальному ходу дѣлъ въ Египтѣ и въ другихъ краяхъ; національная гордость просыпается въ англичанахъ, давно уже оторванныхъ отъ метрополіи и привыкшихъ къ самостоятельному существованію въ колоніяхъ. Если общій военный союзъ всѣхъ британскихъ владѣній дѣйствительно состоится, то это будетъ большой успѣхъ для Англіи; — онъ усилитъ политическое и военное значеніе англійской націи, предупредитъ отпаденіе колоній

и образуетъ колоссальную сѣть объединенной „имперіи“, раскинувшуюся по разнымъ странамъ и морямъ земного шара.

Министерство Гладстона едва ли доживетъ до выполненія этого проекта федераціи; оно не только терпитъ пораженія военныя и политическія, но замѣтно лишается точки опоры въ средѣ своей собственной партіи, по отношенію къ внѣшней политикѣ. Главнымъ виновникомъ всѣхъ этихъ неудачъ долженъ считаться лордъ Гренвилль, человѣкъ слабохарактерный и впечатлительный, неровный въ дѣйствіяхъ и рѣчахъ, то слишкомъ рѣзкій, то черезъ-чуръ деликатный, то упрямый, то податливый,—настоящій типъ стараго либеральнаго аристократа, умѣющаго примѣшивать юморъ къ подагрѣ и къ сплину. Онъ недавно еще подтвердилъ публично свою неспособность управлять дѣлами съ должнымъ спокойствіемъ и послѣдовательностью; онъ безъ всякой надобности сначала задѣлъ князя Бисмарка, а потомъ взялъ назадъ свои слова и выразилъ о нихъ сожалѣніе, съ разными извинительными и отчасти унизительными оговорками. Онъ завелъ безцѣльную раздражающую полемику съ германскимъ канцлеромъ по вопросу о колоніяхъ, создавая на каждомъ шагу ненужныя затрудненія и пререканія; а когда не удалось остановить колоніальную предпріимчивость Германіи, онъ сталъ заявлять свое неудовольствіе весьма страннымъ образомъ: онъ обнародовалъ содержаніе интимныхъ разговоровъ князя Бисмарка съ британскимъ посланникомъ въ Берлинѣ, сэромъ Малетомъ, ссылался въ парламентѣ на какіе-то коварные совѣты канцлера по дѣламъ Египта и напечаталъ въ „Синей книгѣ“ такіе документы, которые адресованы были къ императору Вильгельму и имъ еще не были получены. По догадкѣ лорда Гренвилля, высказанной имъ въ палатѣ лордовъ, князь Бисмаркъ потому раздраженъ противъ Англіи, что она не послушалась его совѣта „взять Египетъ“. Канцлеръ, въ отвѣтъ на это разоблаченіе, произнесъ въ нѣмецкомъ парламентѣ весьма рѣзкую обвинительную рѣчь противъ Гренвилля; онъ уличилъ его въ извращеніи фактовъ и пустился въ весьма любопытныя подробности о своихъ дипломатическихъ сношеніяхъ съ Англіею. По словамъ Бисмарка, онъ не давалъ никакихъ совѣтовъ и всегда уклонялся отъ вмѣшательства въ чужія дѣла; напротивъ, его настойчиво и неоднократно просили дать совѣтъ какъ поступить въ Египтѣ, и онъ согласился наконецъ высказать свое личное мнѣніе, что Англіи слѣдовало бы дѣйствовать въ этой странѣ подъ знаменемъ номинальнаго турецкаго протектората, чтобы не ослаблять своего авторитета въ мусульманскомъ мірѣ. Бисмаркъ не подозрѣвалъ, что его интимный, частный разговоръ съ сэромъ Малетомъ попадетъ въ сборникъ оффиціальныхъ дипломатическихъ документовъ, въ видѣ донесенія англійскаго посланника лорду Грен-

виллю. Понятно, что печатаніе подобныхъ сообщеній, безъ согласія заинтересованнаго лица, составляетъ нарушеніе правилъ не только международной дипломатіи, но и обыкновенной вѣжливости. Очень возможно, что обнародованіе словъ Бисмарка объ Египтѣ имѣло цѣлью возбудить неудовольствіе во Франціи, съ которою Германія находится теперь въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Въ своемъ отвѣтѣ лорду Гренвиллю, князь Бисмаркъ иронически отозвался о невозможности довѣрчивыхъ сношеній съ правительствомъ, не отличающимъ частныхъ разговоровъ отъ оффиціальныхъ; англійскій министръ, по его словамъ, плохо помнитъ происходившее и говоритъ не то, что было; онъ также имѣетъ неудобную привычку вести всѣ переговоры письменно, причемъ роль посланника сводится къ простой передачѣ писемъ и депешъ, что могло бы быть выполнено гораздо проще при помощи почты; на всѣ письменныя ноты нужно отвѣчать, и такихъ писемъ, обыкновенно весьма пространныхъ, было получено до 130 въ теченіе двухъ-трехъ мѣсяцевъ. Такимъ образомъ германскій канцлеръ отдѣлалъ лорда Гренвилля безъ всякихъ церемоній въ своемъ обычномъ откровенно-насмѣшливомъ тонѣ. Можно было подумать, что оскорбленный англійскій министръ воздастъ ему тою же монетою или промолчитъ съ достоинствомъ; но къ общему удивленію онъ поступилъ совершенно иначе; онъ извинился передъ Бисмаркомъ въ самыхъ предупредительныхъ выраженіяхъ и высказалъ желаніе поддерживать вполнѣ дружескія связи съ германскою націею, родственною англичанамъ по культурѣ и происхожденію. Въ томъ же смыслѣ сердечной дружбы къ нѣмцамъ говорилъ Гладстонъ въ палатѣ общинъ, и газеты стали говорить о какомъ-то крутомъ поворотѣ въ отношеніяхъ между обѣими державами, по поводу пребыванія въ Лондонѣ старшаго сына канцлера, графа Герберта Бисмарка, посланнаго отцомъ для устраненія возникшихъ недоразумѣній. Такого рода непостижимые скачки въ чувствахъ и намѣреніяхъ англійскаго правительства не свидѣтельствуютъ, конечно, о дипломатическомъ искусствѣ графа Гренвилля; а личное положеніе послѣдняго окончательно пошатнулось въ министерствѣ, послѣ страннаго столкновенія съ княземъ Бисмаркомъ.

Рѣчи Бисмарка въ послѣднее время давали очень много любопытнаго матеріала нѣмецкой и вообще европейской публикѣ. Никогда еще кажется онъ не былъ такъ плодовитъ и интересенъ, какъ именно въ настоящую парламентскую сессію. Бывали засѣданія, въ которыхъ онъ говорилъ три, четыре и даже пять разъ. Особенною живостью отличались его постоянные ораторскіе турниры съ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ вождей оппозиціи, Евгеніемъ Рихтеромъ. Часто онъ пользовался какимъ нибудь случайнымъ замѣчаніемъ того

или другого депутата, чтобы произнести цѣлую рѣчь, полную любопытнѣйшихъ подробностей о прошлыхъ и современныхъ событіяхъ. Указаніе Рихтера на династическое родство съ Англіею дало канцлеру поводъ объяснить самымъ категорическимъ образомъ, что никогда въ Германіи династія не поставитъ своего вліянія на какую либо другую почву, какъ только на почву общихъ національныхъ интересовъ. Иногда имперскій канцлеръ говорилъ о предметахъ, не имѣвшихъ прямого отношенія къ обсуждаемымъ вопросамъ,—о борьбѣ партій до франко-прусской войны, о польскихъ политическихъ идеалахъ, причемъ ссылался на свое формальное право говорить въ парламентѣ когда угодно и о чемъ угодно, по усмотрѣнію. Добродушіе, съ какимъ онъ споритъ съ своими многорѣчивыми противниками, дѣлаетъ величайшую честь его личному характеру и его крайней политической добросовѣстности: люди, гораздо менѣе его могущественные и менѣе выдающіеся по талантамъ, не вынесли бы и сотой доли тѣхъ публичныхъ рѣзкостей, которыя приходится ему выслушивать и опровергать по настоящее время, несмотря на всю пріобрѣтенную имъ славу и на всѣ исключительныя заслуги, оказанныя имъ нѣмецкому народу въ теченіе двадцатилѣтней государственной дѣятельности. Князь Бисмаркъ всегда проводитъ точную границу между дѣлами личными и общественными: какъ канцлеръ и политическій дѣятель, онъ считаетъ себя подлежащимъ публичному контролю и публичной критикѣ. Нерѣдко кажется даже, что онъ удѣляетъ слишкомъ много времени на оправданіе отъ взводимыхъ на него обвиненій и на опроверженіе взглядовъ оппозиціи; его собственныя мнѣнія значительно выиграли бы въ ясности, еслибъ они проводились болѣе спокойно, не въ видѣ случайной полемики съ отдѣльными ораторами парламента.

Вступленіе во власть новаго президента соединенныхъ штатовъ Гровера Кливлэнда состоялось 4 марта въ Вашингтонѣ, съ необычайною торжественностью. Все населеніе штатовъ сознавало въ этотъ день великое значеніе совершившейся перемѣны — перехода правительства въ руки безукоризненнаго общественнаго дѣятеля, рѣшившагося преобразовать политическую систему въ духѣ народныхъ интересовъ. Изъ человѣка партіи, предводителя демократовъ, Кливлэндъ дѣлается правителемъ и реформаторомъ. Послѣ присяги на вѣрность конституціи, онъ произнесъ длинную рѣчь, въ которой объяснилъ главные пункты своей программы; многія мѣста этой рѣчи дышутъ глубокимъ чувствомъ и чисто-республиканскою простотою.

Поселившись съ своею сестрою въ знаменитомъ Бѣломъ домѣ, новый президентъ продолжаетъ свой прежній скромный образъ жизни. Его предмѣстникъ, Артюръ, послѣдній разъ являлся на оффиціальныхъ торжествахъ въ самый день передачи должности Кливлэнду, которому онъ долженъ былъ сопутствовать во всѣхъ церемоніяхъ этого дня. Артюръ выѣхалъ изъ дворца уже въ качествѣ простого адвоката, члена адвокатской фирмы Рансомъ и Невальсъ. Въ то же самое время конгрессъ принялъ рѣшеніе въ пользу одного изъ болѣе раннихъ президентовъ, генерала Гранта, потерявшаго часть своего состоянія въ невыгодныхъ аферахъ. Генералу назначенъ полный пенсіонъ, который позволитъ ему доживать мирно свой вѣкъ и работать надъ предпринятою имъ исторіею междоусобной войны, доставившей ему славу героя.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е апрѣля 1885.

— А. М. Уманецъ. Колонизація свободныхъ земель Россіи. Спб. 1884.

Книжка г. Уманца имѣетъ практическую цѣль: способствовать правильному ходу русской колонизаціи. Нужно сознаться, что по общему положенію страны вопросъ этотъ крайне важный и вполнѣ современный, и такимъ онъ сдѣлался не только въ послѣдніе годы: вся исторія нашего народа въ значительной степени есть исторія колонизаціи незанятыхъ пространствъ, окружающихъ коренныя русскія земли. Съ теченіемъ времени потребность въ переселеніи не сокращается, а можетъ быть, даже растетъ: припомнимъ, что половина русскаго крестьянства (крѣпостная) въ послѣднее время передъ реформой перестала вовсе размножаться, и что поэтому уплотнѣніе населенія въ настоящее время совершается гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде. По разсчету г. Никольскаго, напримѣръ, только въ центральныхъ великорусскихъ черноземныхъ губерніяхъ находится до милліона рабочихъ рукъ, излишнихъ для земледѣлія, а такъ какъ обрабатывающая промышленность развита здѣсь весьма мало, то и оказывается, что всей этой массѣ лицъ дѣлать на мѣстѣ нечего. Отчасти она находитъ себѣ занятіе въ южныхъ и восточныхъ степяхъ, но только на время уборки хлѣбовъ, когда потребность въ рабочихъ возрастаетъ всюду; въ остальное же время имъ совершенно не къ чему приложить рукъ. Оставаясь дома, эта часть населенія служитъ бременемъ для остальной, излишнимъ конкуррентомъ на полѣ труда; она гонитъ арендную плату ненормально быстро вверхъ и столь же сильно гнететъ заработную плату внизъ. Естественно пожелать, чтобы эта масса лишнихъ рукъ была поселена тамъ, гдѣ она найдетъ себѣ производительное занятіе; и она сама рвется туда, но на этомъ пути самостоятельнаго переселенія встрѣчаетъ массу

препятствій, зависящихъ, между прочимъ, отъ безучастнаго отношенія къ дѣлу другихъ общественныхъ элементовъ. И признаться, мы не видимъ конца такому равнодушію общества къ судьбѣ переселеній, а зная, какимъ образомъ послѣднія отражаются на арендной и заработной платѣ—намъ становится совершенно понятнымъ это равнодушіе. Въ виду сказаннаго, мы думаемъ, что—какъ этотъ вопросъ поставленъ внѣ народной сферы—практическое его разрѣшеніе еще далеко впереди, а потому и г. Уманецъ могъ бы не спѣшить съ изданіемъ своего труда, а имѣющимся у него временемъ воспользоваться для лучшаго обоснованія своихъ выводовъ. При настоящей же ихъ мотивировкѣ въ читателѣ возбуждается цѣлый рядъ недоумѣній, тѣмъ болѣе основательныхъ, что, издавая свою книжку, авторъ хотѣлъ не просто подѣлиться съ читателемъ мыслями, частью вѣрными, во многомъ ошибочными, а имѣлъ цѣль болѣе честолюбивую: научить интеллигенцію, какъ вести дѣло переселеній. По мнѣнію автора, всякій разъ, какъ въ ходъ народныхъ переселеній вмѣшивались высшіе классы, „для нихъ дѣлалось несравненно меньше того, на что дозволяли разсчитывать затраченныя средства“, и попытки „содѣйствовать переселенію до сихъ поръ были менѣе удачны, чѣмъ тѣ случаи, когда люди сами переселялись“. Поддерживая это положеніе вопреки доказательствамъ, представляемымъ исторіей колонизаціи соединенныхъ штатовъ Америки, г. Уманецъ дальше заявляетъ, что „незавидная роль интеллигенціи въ переселенческомъ дѣлѣ и сравнительно высшая дѣятельность рабочаго класса“ объясняется тѣмъ, что „большинству интеллигенціи недостаетъ научнаго пониманія переселенческаго вопроса. Вся бѣда въ томъ, что предпринимая колонизацію страны, мы часто хотимъ повелѣвать природой, не слушая, а иногда даже не имѣя понятія о ея законахъ“. Съ цѣлью пополнить этотъ пробѣлъ въ нашихъ знаніяхъ и издалъ г. Уманецъ свою книжку; послѣдняя, по заявленію автора, представляетъ „попытку систематическаго изложенія законовъ эмиграціи въ примѣненіи ихъ къ условіямъ русской жизни“. Что это за законы—увидимъ ниже; каково будетъ примѣненіе ихъ къ русской жизни, можно заключить изъ того, что, приступая къ выполненію своей задачи, авторъ считалъ излишнимъ предпослать ему хотя бы самое краткое изложеніе тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ этотъ вопросъ современнымъ въ Россіи. Подобный пропускъ былъ бы понятенъ въ трудѣ автора, соглашающагося съ той постановкой вопроса о переселеніи, какая дана и русской экономической жизнью, и литературной разработкой предмета, и взглядами на него правительства, т.-е. еслибы своевременность переселеній онъ основывалъ на излишней густотѣ населенія и малоземеліи крестьянъ центральной Россіи, стѣсняющихъ мѣстную

сельско-хозяйственную дѣятельность. Но чѣмъ дальше мы подвигаемся въ дѣлѣ ознакомленія съ книжкой г. Уманца, тѣмъ больше убѣждаемся, что онъ чуждъ такимъ воззрѣніямъ, что въ основѣ его взглядовъ на колонизацію лежатъ политическія и фискальныя, а не хозяйственно-экономическія соображенія. А если такъ, то позволительно задать вопросъ: почему авторъ взялся за практическую задачу, не обосновавъ ее предварительно принципіально; отчего онъ не пытается опровергнуть господствующіе на предметъ взгляды, взявъ за исходную точку хотя бы извѣстный большой трудъ покойнаго кн. Васильчикова? И какого раціональнаго плана колонизаціи можно ждать отъ автора, игнорирующаго тѣ потребности русской жизни, которыя всѣми нами считаются наиболѣе существенными? Повидимому, г. Уманецъ не допускаетъ и мысли о томъ, чтобы цѣли колонизаціи могли вліять на выборъ тѣхъ или другихъ средствъ, и потому свои взгляды на задачи ея онъ излагаетъ лишь при случаѣ или мимоходомъ. И дѣйствительно, если не считать за что-либо руководящую мысль, высказанную имъ на стр. 9 своей брошюры, именно, что колонизація вытекаетъ изъ существованія свободныхъ государственныхъ земель, то въ первый разъ авторъ заявляетъ о своихъ воззрѣніяхъ на цѣли русской колонизаціи послѣ того, какъ онъ уже разрѣшилъ весьма важный вопросъ о правительственномъ пособіи переселенцамъ; но и тутъ онъ упомянулъ объ этой цѣли лишь по случаю, заговоривъ о необходимости соблюдать извѣстную очередь въ заселеніи свободныхъ земель. Прямѣе того же вопроса авторъ касается въ послѣдней главѣ своей брошюры, и вотъ каковы его воззрѣнія на предметъ.

Наша колонизація тѣмъ отличается отъ европейской, что тогда, какъ послѣдняя преслѣдуетъ выгоды народовъ, участвующихъ въ переселеніи и потому находится въ зависимости отъ ихъ доброй воли и разсчета, — первая есть результатъ необходимости; мы должны колонизировать сопредѣльныя пустыни не ради выгодъ, а потому, что безъ этой колонизаціи мы не отвѣчаемъ за спокойствіе областей, давно заселенныхъ и столѣтія назадъ вошедшихъ въ государственные предѣлы... Колонизація для насъ—народная повинность, фатально вытекающая изъ нашего географическаго положенія и государственнаго достоинства, изъ того, что стремленіе на востокъ составляетъ нашу историческую миссію; изъ того, наконецъ, что „судьбой намъ суждено осѣнить пустыню идеей государственности и внести въ нее кодексъ христіанской нравственности“.—Пусть будетъ такъ, если это угодно автору! Но вѣдь кромѣ политическихъ, колонизація можетъ имѣть и другія цѣли. Не только внѣшнія, а и внутреннія причины могутъ требовать переселенія. Если серьезно

удовольствоваться мыслью автора, то намъ естественно ждать отъ него указаній, какія средства слѣдуетъ принять, чтобы возбудить переселенческое движеніе и сдѣлать азіатскія пустыни привлекательными для колониста. Однако, мы у него этого не находимъ, ибо какъ ни далеко ушелъ авторъ отъ дѣйствительной жизни, онъ всетаки не можетъ не видѣть того сильнаго стремленія къ переселенію, какое обнаруживаетъ нашъ народъ. Даже больше — не будь этого стремленія, авторъ не написалъ бы и своей книги. Затѣмъ, я думаю, онъ не станетъ отрицать и того, что, стремясь на востокъ, русскій мужикъ руководствуется чѣмъ-нибудь болѣе ему близкимъ, нежели задачи исторіи и достоинство его государства. А если такъ, то отсюда прямо вытекаетъ обязанность изслѣдовать внутреннія причины переселеній или согласиться съ тѣмъ освѣщеніемъ вопроса, какое сдѣлано другими изслѣдователями. Такъ бы и поступилъ человѣкъ, признающій, что нельзя построить цѣлесообразнаго плана дѣйствій, не изучивъ предварительно почву и орудій, которыми придется оперировать. Но г. Уманецъ, повидимому, держится на этотъ счетъ другого мнѣнія, и потому, вмѣсто систематическаго изложенія своихъ взглядовъ на внутреннія причины переселенія, онъ даетъ намъ обломки, разбросанные тамъ и здѣсь. Въ главѣ IX, напр., онъ доказываетъ нераціональность „филантропическаго", какъ онъ называетъ, взгляда на оброчныя государственныя земли, какъ на имѣющія назначеніемъ обезпеченіе неимущихъ классовъ или будущихъ поколѣній, и противупоставляетъ ему коммерческую точку зрѣнія, по которой эти земли должны быть проданы по возможности дороже. слѣдовательно съ торговъ и небольшими участками. Въ главѣ IX, занимаясь вопросомъ о помощи переселеніямъ со стороны земства, г. Уманецъ доходитъ почти до отрицанія существованія серьезныхъ внутреннихъ причинъ переселеній. Онъ удивляется заботамъ нѣкоторыхъ земствъ о выселеніи безземельныхъ крестьянъ; по его мнѣнію, земство отъ такого переселенія не выиграетъ, а проиграетъ. „Населеніе,—говоритъ онъ,—еще нигдѣ не достигло у насъ такой густоты, когда при нормальномъ положеніи рынка останутся свободныя руки; промышленность нигдѣ не достигла своего maximum'а, при которомъ часть рабочихъ остается „за штатомъ"; природныхъ силъ у насъ вездѣ непочатый уголъ; мѣстная производительность вездѣ можетъ быть удвоена и утроена; рабочій пролетаріатъ нигдѣ не занимаетъ выдающагося положенія". Указываютъ на мѣстности съ 25—30% безъ-и малоземельныхъ крестьянъ, какъ на случаи, когда переселеніе было бы вполнѣ умѣстно. Но что-же доказываетъ это малоземелье?—вопрошаетъ авторъ,—„Мало ли людей, недурно устраивающихъ свою судьбу помимо земледѣлія и землевладѣнія?

При надлежащихъ общественныхъ условіяхъ, не только 6107 безземельныхъ миргородскаго уѣзда (25% всего населенія), но гораздо большее число можетъ съ выгодой дома, на мѣстѣ, приложить свой трудъ. На богатой почвѣ миргородскаго уѣзда не имѣть чѣмъ занять 6—10 тыс. лишнихъ рукъ, когда дюны Помераніи занимаютъ ихъ сотни тысячъ!"

Интересно, что разрубая съ такою рѣшительностью запутанные узлы общественно-экономическихъ затрудненій, г. Уманецъ даже не пытается опровергнуть мнѣніе, что при дѣйствительномъ положеніи рынка рабочіе остаются „за штатомъ", что при существующихъ общественныхъ условіяхъ безземельнымъ не къ чему приложить трудъ. Но вмѣсто того, чтобы признать этотъ фактъ за такой, съ которымъ нужно считаться при проектированіи плана колонизаціи, г. Уманецъ даетъ земству совѣтъ, вмѣсто покровительства переселеніямъ, „заняться улучшеніями и изысканіями такого рѣшенія общественныхъ вопросовъ, которое ослабляло бы мѣстное стремленіе къ переселеніямъ".

Изъ выше изложеннаго читатель можетъ видѣть, насколько „законы" г. Уманца будутъ приложимы къ дѣйствительной Россіи, къ существующимъ условіямъ народной жизни, а не къ „нормальному", „надлежащимъ образомъ" перестроенному обществу. Иначе говоря, избирая ту или другую систему колонизаціи, какъ „законъ", примѣнимый къ Россіи, авторъ совершенно освобождаетъ себя отъ обязанности сообразоваться съ дѣйствительной жизнью, какъ съ ненормальной и потому недостойной такой чести. Этимъ онъ устранилъ всякія преграды свободѣ своего выбора той или другой мѣры, практиковавшейся гдѣ-либо на земномъ шарѣ, и можетъ смѣло „узаконять" тѣ изъ нихъ, которыя на самомъ дѣлѣ соотвѣтствуютъ лишь его задушевнымъ, не всегда даже самимъ имъ ясно формулируемымъ общественнымъ стремленіямъ. Но отвергнутая истина мститъ за себя, и потому даже при указанной свободѣ выбора авторъ то и дѣло впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою. Обратимся теперь къ самимъ законамъ г. Уманца.

Одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ колонизаціи, это вопросъ о государственномъ содѣйствіи. Г. Уманецъ различаетъ здѣсь прямое пособіе переселенцамъ (денежное или земельное) и косвенное, состоящее въ улучшеніи всей обстановки колонизаціи. Авторъ—ярый противникъ прямого пособія, и возраженія свои основываетъ на томъ, что возможность получить нѣсколько десятковъ или сотенъ рублей побудитъ къ переселенію „чернорабочихъ фантазеровъ, кабацкихъ завсегдатаевъ и прогорѣвшихъ дѣльцовъ", а „этотъ мутный потокъ можетъ на болѣе или менѣе продолжительное время совершенно затереть солидный элементъ эмиграціи"... Можетъ — это вѣрно, но

затираеть ли и при какихъ именно обстоятельствахъ,— это другой вопросъ, котораго авторъ не касается. Онъ указываетъ, напримѣръ, переселенія въ Россію иностранцевъ по манифесту 1763 года, когда „подъ видомъ колонистовъ къ намъ пріѣхали офицеры безъ мѣста. ех-студенты, бѣжавшіе отъ правосудія преступники и разорившіеся купцы“. Но вопросъ въ томъ, столько ли ихъ наѣхало, чтобы „совершенно затереть солидный элементъ эмиграціи“, и затѣмъ,—развѣ обязательно назначать пособіе въ такой формѣ и размѣрахъ, чтобы оно прельстило цѣлую массу офицеровъ, купцовъ и другихъ неспособныхъ къ труду лицъ рискнуть разстаться съ родиной и привычной обстановкой жизни и отправиться за тысячи верстъ на неизвѣстное будущее? Съ другой стороны, авторъ оставилъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, настолько ли наши крестьяне состоятельны, чтобы вынести переселеніе безъ посторонней помощи, понимая подъ переселеніемъ удаленіе изъ центральныхъ губерній такого числа хозяевъ, которое бы замѣтно разрѣдило здѣсь населеніе, или—придерживаясь взглядовъ на колонизацію г. Уманца—какого было бы достаточно для заселенія нашихъ постоянно возрастающихъ азіатскихъ владѣній. И если русскій народъ найдетъ у себя достаточно матерьяльныхъ средствъ для переселенія въ указанныхъ размѣрахъ. то какимъ образомъ отразится на метрополіи этотъ отливъ народныхъ сбереженій и оставленіе сельскаго хозяйства исключительно на рукахъ самой бѣдной и инертной части населенія (однимъ изъ доводовъ противъ прямого пособія г. Уманецъ выставляетъ опасеніе, что дѣлая переселеніе болѣе легкимъ, оно привлечетъ въ колонію лицъ. лишенныхъ твердой воли, больныхъ, пьяницъ и т. п.: по его же мнѣнію переселяться долженъ „колонистъ по призванію“ — сильный, энергичный человѣкъ, а болѣзнь и посредственность пусть цѣликомъ остаются въ метрополіи и производятъ здѣсь свои естественныя послѣдствія: вырожденіе или, по крайней мѣрѣ, пониженіе типа оставшихся).

Но если отрицательное отношеніе автора къ денежному пособію переселенцамъ имѣетъ за себя нѣкоторыя логическія основанія, то напрасно станемъ мы искать таковыхъ въ его требованіи, чтобы и землю переселенцы получали не иначе, какъ за деньги (покупкой). Нa чемъ основанъ этотъ „законъ“ колонизаціи — мы рѣшительно не понимаемъ, и не видимъ солидной его мотивировки въ книжкѣ г. Уманца. Отказать курскому крестьянину въ 15—20 десятинахъ земли гдѣ-нибудь въ Сибири,—земли, которую онъ не можетъ продать и которую некому сдать въ аренду,—земли, на которой лежатъ налоги и оброки, отказать изъ опасенія, что на этотъ кусокъ сядетъ пьяница, шалопай и вообще человѣкъ, жаждущій легкой наживы, — значитъ.

не понимать ни причинъ, вызывающихъ переселенія, ни затрудненій, связанныхъ съ послѣдними, ни, наконецъ, исторіи русскаго народа. Выдающейся чертой этой исторіи была именно колонизація, причемъ, никогда почти русскій крестьянинъ не получалъ землю иначе, какъ даромъ. Самый взглядъ его на земельную собственность радикально расходится съ понятіями народовъ, доставившихъ г. Уманцу матеріалъ для вывода „законовъ" колонизаціи. Но вѣдь кромѣ указанія на законы г. Уманецъ обѣщалъ еще приспособить ихъ къ русской жизни, а для этого нужно было считаться съ воззрѣніями, привычками и исторіей русскаго народа. Но и опытъ чужихъ странъ вовсе не даетъ г. Уманцу права выставлять свое мнѣніе о вредѣ безплатнаго (въ смыслѣ продажи) надѣленія крестьянъ землею, какъ законъ, подтверждаемый исторіей колонизаціи. Мы знаемъ, что государство цѣликомъ выросшее на колонизаціи, — С. Американскіе штаты — послѣ длинной исторіи попытокъ надѣленія колонистовъ землею на тѣхъ или другихъ основаніяхъ, издало наконецъ законъ (Homestead Law, въ 1862 г.), по которому каждый, принимающій американское подданство, имѣетъ право безплатно получить въ собственность участокъ земли, не превышающій 160 акровъ (60 десятинъ). Значитъ, безплатное надѣленіе землей даже нѣмцевъ и англичанъ, которые никогда не представляли себѣ землю иначе, какъ равноцѣнную извѣстной суммѣ денегъ и которые поэтому дѣйствительно могли прельститься возможностью получить ее даромъ—даже такое надѣленіе наиболѣе практической націей и честнѣйшимъ государственнымъ дѣятелемъ (законъ изданъ въ президентство Линкольна) было признано крайне полезнымъ для истинныхъ интересовъ колонизуемой страны.

Впрочемъ, мы должны замѣтить, что отношеніе автора къ этому важнѣйшему вопросу колонизаціи отличается какой-то уклончивостью. Сказавъ, что даровая раздача земли хотя и меньшее зло, чѣмъ денежное пособіе переселенцамъ, но все-таки зло, г. Уманецъ продолжаетъ: „впрочемъ, главный порокъ системы даровыхъ участковъ заключается въ примѣненіи ея не къ рабочему классу, а къ служилому и коммерческому сословію", и затѣмъ на двухъ страницахъ доказываетъ нераціональность даровой раздачи земли въ частную собственность крупными участками. Спрашивается теперь, существуютъ ли въ ученомъ оригиналѣ автора подобныя же основанія для отрицанія дарового надѣленія земли крестьянъ и не въ отчуждаемую собственность, а въ безсрочное пользованіе; и если существуютъ, то почему онъ ихъ таитъ про себя, считая нужнымъ полемизировать съ мнѣніемъ, съ логической стороны обставленнымъ гораздо менѣе солидно. А если такихъ основаній у автора нѣтъ, то почему не сознаться въ этомъ и не стать открыто на сторону того способа колонизаціи, ко-

торымъ заселились всѣ необъятныя пространства Россіи. Итакъ, пока мы имѣемъ право заключить, что, настаивая на продажѣ земли переселенцамъ, авторъ, однако, не увѣренъ, что безплатное надѣленіе ею мелкаго хозяина поведетъ къ такимъ же вреднымъ послѣдствіямъ, какихъ естественно ожидать отъ даровой раздачи земли крупнымъ собственникамъ. Если же тѣмъ не менѣе онъ настаиваетъ на своей мысли—значитъ у него есть и другія основанія въ ея пользу, которыя мы и постараемся разыскать.

И дѣйствительно, тамъ и здѣсь въ книжкѣ г. Уманца встрѣчаются соображенія въ пользу необходимости распродажи казенныхъ земель. Приготовленіе колоніи къ принятію переселенцевъ требуетъ издержекъ. „Отношеніе этихъ издержекъ исключительно на счетъ государственнаго казначейства было бы большой несправедливостью. Ясно, что тотъ, кто пользуется удобствами свободныхъ земель, долженъ, если не вполнѣ, то въ значительной степени возвратить государству затраты, сдѣланныя для доставленія этихъ удобствъ,—отсюда необходимость платы за землю, получаемую отъ государства". На это можно сдѣлать два возраженія: во 1-хъ, издержки государства могутъ быть взысканы съ переселенцевъ и при даровомъ надѣлѣ; покрайней мѣрѣ, такъ поступаютъ въ сѣв. амер. штатахъ на основаніи уже разъ упомянутаго Homestead Law; во 2-хъ, плата за землю можетъ быть взыскиваема съ переселенца не только путемъ ея продажи. Надѣлъ можетъ быть отданъ ему за оброчный платежъ—способъ, практикуемый въ Россіи испоконъ вѣку. И г. Уманецъ не проходитъ молчаніемъ этого способа, а отвергаетъ его на основаніи слѣдующихъ сооображеній.

„Безъ всякой цѣли,—говоритъ онъ,—не слѣдуетъ вводить въ жизнь какое-бы то ни было ограниченіе и потому—прежде замѣны общераспространенной (?) формы землевладѣнія на правѣ личной и общинной собственности, исключительною (?) формой, представляемой въ настоящее время казенными землями, состоящими въ надѣлѣ государственныхъ крестьянъ,—позволительно спросить, ради какихъ причинъ желательно ввести это ограниченіе?" Оставимъ въ сторонѣ наивность вопроса и укажемъ на странную его постановку. До сихъ поръ мы думали, что неполная, условная собственность крестьянъ на землю есть характеристичная черта нашего экономическаго быта, что народъ нашъ всегда пользовался землей за оброкъ или другой аналогичный платежъ, а что принципъ полной личной или общинной собственности внесенъ въ крестьянсвую жизнь лишь со времени эмансипаціи. Да и внесено это начало пока лишь внѣшнимъ образомъ, міросозерцаніе же народной массы почти имъ не тронуто. Это доказывается существованіемъ передѣловъ повсюду въ нечерноземной

полосѣ и все болѣе развивающимся стремленіемъ къ коренному передѣлу среди помѣщичьихъ крестьянъ черноземной области. Будь завтра ревизія—и это стремленіе воплотится въ жизнь, и мы не замѣтимъ никакой разницы между полной собственностью на землю помѣщичьихъ и условной государственныхъ крестьянъ. По традиціонному сознанію народа, право на землю имѣетъ всякій способный работать, и сдача государственной земли изъ платежа оброка есть именно тотъ способъ, при помощи котораго можетъ быть всегда осуществлено это неотъемлемое (по понятіямъ русскаго человѣка) право каждаго. Продавать же государственныя земли въ вѣчное владѣніе, разъ навсегда закрѣпить ихъ за лицами, независимо отъ того, насколько они въ ней нуждаются—это и есть чуждое нашей жизни и сознанія „ограниченіе" права всѣхъ на землю въ пользу нѣкоторыхъ; поэтому именно относительно его и позволительно задать вопросъ, поставленный и г. Уманцемъ, противникомъ распродажи государственныхъ земель: „ради какихъ причинъ желательно ввести это ограниченіе?" А вотъ ради какихъ.

„Перспектива вѣчнаго добавочнаго поземельнаго налога устранитъ отъ эмиграціи въ колонію многосостоятельныхъ людей". На это мы отвѣтимъ, во 1-хъ, что состоятельные крестьяне не испугаются легкаго оброка, ибо они переселяются изъ мѣстностей, гдѣ на нихъ лежали тяжелые выкупные платежи, громадная аренда и, можетъ быть, оброкъ же, но гораздо болѣе высокій (если это государственные крестьяне). Если-же авторъ заботится о состоятельныхъ не-крестьянахъ, которые дѣйствительно могутъ устрашиться „добавочнаго поземельнаго налога", то, во 1-хъ, они не долюбливаютъ и недобавочнаго налога, но отсюда не слѣдуетъ, чтобы отдаваемыя имъ земли слѣдовало вовсе „обѣлить"; во 2-хъ, какой смыслъ стараться во что бы то ни стало привлечь въ колонію состоятельныхъ людей?

Въ смыслѣ г. Уманца, зажиточному элементу дается въ колоніи спеціальная роль: создать запросъ на трудъ и поднять заработную плату для того, чтобы несостоятельный переселенецъ путемъ сбереженій заработка скорѣе достигнулъ „завѣтной цѣли — пріобрѣтенія земли". Итакъ, противъ оброчнаго надѣленія земли въ пользу ея продажи говоритъ то обстоятельство, что это будетъ сопровождаться высокой заработной платой, которая поможетъ бѣдному крестьянину въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ изъ батраковъ превратиться въ самостоятельнаго хозяина. Но вѣдь это гораздо проще, скорѣе и прямѣе будетъ достигнуто именно той системой отвода надѣловъ, которая отрицается авторомъ, и которой онъ противупоставляетъ другую, имѣющую, по его словамъ, ту же цѣль, но только ведущую къ ней окольнымъ путемъ. Чѣмъ продавать землю богатому, имѣя въ

виду, что около него поживится бѣдный, и, скопивъ нужную сумму купить участокъ земли—не лучше-ли дать возможность пріобрѣсть землю сейчасъ, т.-е. предложить ее ему изъ платежа оброка? Та же цѣль—надѣленіе несостоятельнаго,—будетъ здѣсь достигнута скорѣе и легче; капиталистическія отношенія не станутъ создаваться искусственно и при помощи государства, а возникнутъ—когда явятся подходящія условія. Кромѣ того, высокая заработная плата создаетъ ту именно опасность, во имя которой г. Уманецъ вооружается противъ прямого пособія переселенцамъ: даровой неотчуждаемый участокъ не прельститъ тунеядца, пьяницу и т. п. переселиться; онъ и въ метрополіи бросилъ землю или близокъ къ этому и бросилъ ради наемнаго заработка, несмотря на то, что онъ здѣсь очень невысокъ. Судите теперь, съ какою радостью кинется онъ въ колонію, гдѣ ему обѣщаютъ именно то, чего онъ такъ жаждетъ дома: высокое вознагражденіе за трудъ, позволяющее здѣсь работать и здѣсь гулять. Не слѣдуетъ-ли опасаться, что именно въ этомъ случаѣ, т.-е. при существованіи затрудненій устроиться въ колоніи бѣдному земледѣльцу, тогда какъ пролетарію открываются распростертыя объятія, и создаются благопріятныя условія для „мутнаго потока, который можетъ на болѣе или менѣе продолжительное время совершенно затереть солидный элементъ эмиграціи“—чего такъ опасается авторъ.

Мы такимъ образомъ подошли къ другому важному вопросу колонизаціи: какую собственность—крупную или мелкую, личную или общинную—насаждать въ колоніяхъ. Такъ какъ „подробный анализъ вопроса о наилучшей формѣ землевладѣнія занялъ бы цѣлые томы и возбудилъ бы безконечные споры“, то, чѣмъ развязывать узелъ запутаннаго вопроса, авторъ предпочелъ разрубить его; онъ высказывается категорически за сочетаніе всѣхъ видовъ и формъ землевладѣнія: крупной и мелкой, личной и общинной, а вопросъ: въ какой пропорціи должно быть сдѣлано это сочетаніе?—рѣшаетъ также категорически: „единственно вѣрный отвѣтъ заключается въ такомъ сочетаніи участковъ, которое удовлетворяло бы колеблещемуся запросу на крупную, среднюю и мелкую, личную и общинную собственность. Естественный ходъ переселенія долженъ дать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самый правильный отвѣтъ на поставленный вопросъ“. Посмотримъ однако, такъ ли это? Но прежде всего не можемъ не выразить своего удивленія легкости, съ какою авторъ относится къ важнѣйшимъ вопросамъ жизни. Вопросъ о формѣ землевладѣнія обсуждался у насъ не мало; огромный трудъ кн. Васильчикова весь проникнутъ идеей о необходимости построенія русской колонизаціи на началахъ мелкой собственности, а г. Уманецъ считаетъ вопросъ столь запутаннымъ, что боится къ нему и приступиться, и не сдѣлавъ

ни малѣйшей попытки ослабить аргументацію вышепоименованнаго автора, идеями и доводами котораго въ другихъ случаяхъ онъ пользуется весьма усердно.

Читатель, можетъ быть, скажетъ, что г. Уманецъ доказалъ лишь свою практическую мудрость, предоставивъ рѣшеніе вопроса общественному ходу вещей, потребовавъ такой организаціи дѣла, которая могла бы удовлетворить „колеблещемуся запросу на крупную, среднюю и малую собственность“. Но что значитъ естественный ходъ вещей или запросъ на ту и другую собственность. Распродажа, напр., уфимскихъ земель доказываетъ ли существованіе запроса на крупную собственность? Повидимому—да, ибо впродолженіе немногихъ лѣтъ здѣсь были куплены сотни тысячъ десятинъ, несмотря на то, что дѣло велось негласно, безъ объявленія въ газетахъ, безъ особаго, слѣдовательно, приглашенія покупателя. Очевидно, что охотниковъ пріобрѣсти крупные участки земли—множество, или, слѣдуя терминологіи г. Уманца, запросъ на крупную (и разумѣется, дешевую) собственность громаденъ, такъ громаденъ, что объяви сегодня въ продажу половину Сибири, въ особенности облагоустроивъ нѣсколько ея сообщеніе съ Россіей,—и черезъ какой нибудь десятокъ лѣтъ тамъ все будетъ готово для ирландскихъ порядковъ, и крестьяне переселенцы,—„запросъ“ которыхъ на землю (въ смыслѣ г. Уманца), разумѣется, меньше, потому что люди не обладаютъ такой подвижностью какъ деньги—вмѣсто осуществленія своей надежды, побудившей ихъ разстаться съ родиной сѣсть на свободную землю, превратятся въ арендаторовъ, десятинщиковъ и т. п.

Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, авторъ даетъ намъ, выражаясь его слогомъ—„законъ“, а, говоря проще, правило, какому слѣдовали нѣкоторыя страны, — не пытаясь даже измѣнить его, сообразно условіямъ русской жизни. Въ самомъ дѣлѣ, его безразличное отношеніе къ той или другой формѣ собственности, умѣстное гдѣ-нибудь въ Америкѣ, совершенно не соотвѣтствуетъ требованіямъ русской дѣйствительности. Начать съ того, что цѣли и средства колонизаціонной политики Америки и Россіи совершенно различны. Первая заботилась о возбужденіи въ своихъ пустыняхъ промышленной жизни путемъ заселенія ихъ эмигрантами европейскихъ государствъ; ей нужно было сдѣлать свои пустыни привлекательными для жителей чуждыхъ странъ, и она прибѣгала ко всѣмъ средствамъ, способнымъ привести къ цѣли; и такъ какъ капиталъ показалъ огромную способность быстро возбуждать промышленное развитіе, то она обратилась, между прочимъ, и къ его содѣйствію. Въ Россіи колонизаціонный вопросъ стоитъ иначе. Здѣсь нѣтъ надобности ни въ привлекательныхъ мѣрахъ, ни въ иностранныхъ

эмигрантахъ; сама страна даетъ цѣлую массу лицъ, готовыхъ изъ-за клочка земли идти хоть на край свѣта, какъ бы малоустроенъ онъ ни былъ; и капиталъ нашъ вовсе не отличается такой предпріимчивостью и производительностью, чтобы въ этомъ дѣлѣ на него можно было возлагать какія либо серьезныя надежды. Съ другой стороны, цѣли русской колонизаціи отличны отъ американской; не возбужденіе промышленнаго развитія въ колоніи, а облегченіе угнетеннаго экономическаго состоянія метрополіи—исходная точка вопроса. Участіе въ переселеніи государства требуется не для возбужденія колонизаціоннаго движенія, а для направленія готоваго уже потока переселенцевъ по пути, гдѣ его ожидаетъ наименьшая затрата силъ и средствъ, которыя онъ долженъ сохранить для своего новаго отечества. Центральная Россія страдаетъ излишней густотой населенія, развивающейся гораздо быстрѣе, чѣмъ растетъ промышленность, представляющая запросъ на рабочія руки; вслѣдствіе этого здѣсь въ огромныхъ размѣрахъ происходитъ растрата рабочей силы, непроизводительное ея потребленіе. Здѣсь не хватаетъ средствъ производства для занятія всего рабочаго персонала, а такія средства лежатъ втунѣ на окраинахъ Россіи и только ждутъ оплодотворяющаго прикосновенія человѣческаго труда. То, что мы говоримъ— составляетъ настолько осязательное явленіе нашей экономической жизни, что оно чувствуется и понимается народной массой, и послѣдняя сама снимается съ отцовскихъ мѣстъ и отправляется отыскивать новое поле для приложенія своего труда, не дожидаясь, когда образованное общество пойметъ то, что она давно чувствуетъ, и дастъ ей указанія, которыя могутъ быть получены лишь спеціальнымъ изученіемъ и изслѣдованіемъ. Итакъ, не возбуждать и не создавать новаго, а присматриваться къ жизни и облегчать существующее движеніе—вотъ задача общества въ русскомъ колонизаціонномъ вопросѣ. Этимъ опредѣляется и его аграрная политика. Въ колонію стремится прежде всего крестьянинъ-земледѣлецъ, а хлѣбопашество и въ метрополіи-то ведется по типу мелкаго хозяйства,—тѣмъ болѣе эта форма производства будетъ господствовать въ колоніи—странѣ дешевой земли и дорогого труда. Поэтому—насколько переселеніе явилось у насъ естественнымъ результатомъ скученности населенія и недостатка производительныхъ средствъ—оно дѣлаетъ совершенно излишнимъ водвореніе въ колоніи крупной поземельной собственности. Иначе говоря—запросъ на землю, какъ на средство производства — результатъ перенаселенія въ центральной Россіи, — предъявляется въ колоніи не со стороны крупныхъ, а именно мелкихъ собственниковъ. Но, можетъ быть, метрополія страдаетъ такимъ избыткомъ капиталовъ, какъ и населенія? Можетъ

быть, первый закончилъ здѣсь свою миссію—охватилъ всѣ отрасли производства, и теперь, какъ и рабочій, стремится вонъ изъ страны, на просторъ дѣвственныхъ полей и нетронутыхъ богатствъ колоніи? Оставляю этотъ вопросъ открытымъ относительно промышленнаго капитала, вообще, и укажу читателю лишь на то обстоятельство, что къ земледѣлію капиталъ въ Россіи прилагается очень мало: большая часть владѣльческой земли отдается въ аренду крестьянамъ, да и то, которая эксплуатируется за счетъ владѣльца, въ большинствѣ случаевъ воздѣлывается по типу мелкаго же производства—скотомъ и инвентаремъ крестьянина. Очевидно, что здѣсь чувствуется не избытокъ, а, напротивъ того, громадный недостатокъ капитала. Послѣднему незачѣмъ искать себѣ дѣла за тридевять земель, обильная жатва ожидаетъ его и дома. Иначе говоря, капиталъ не можетъ стремиться въ колонію ради производительнаго занятія; запросъ на колоніальную землю со стороны промышленнаго капитала равенъ нулю. Туда стремится не промышленный капиталъ, а эксплуататорскій; цѣлью его является не производство, а перепродажа или аренда мелкимъ хозяевамъ земель, дешево пріобрѣтенныхъ отъ правительства. Это—совершенно излишній посредникъ между государствомъ и народомъ, отъ котораго въ концѣ-концовъ пострадаетъ и тотъ, и другой.

Но что всего интереснѣе—самъ г. Уманецъ держится приблизительно того же мнѣнія, и онъ не считаетъ основательнымъ надѣяться, что крупный капиталъ оживитъ колонію. „Дѣло въ томъ,—пишетъ авторъ,—что на одного Строганова или Пошедяхина приходятся десятки щедринскихъ героевъ, все хозяйство которыхъ заключается въ спокойномъ выжиданіи того времени, когда можно будетъ „заработать“ на разницѣ въ цѣнѣ земель при началѣ колонизаціи и нѣсколько лѣтъ спустя... Не разъ случалось, что, основавъ свои разсчеты на томъ, что крупные капиталисты перенесутъ свою дѣятельность въ колонію, государство отдавало ея судьбу въ руки какого-нибудь высокопоставленнаго Разуваева или ни на что негоднаго маменькина сынка. Извѣстно, напримѣръ, какъ жестоко ошиблось правительство, когда, раздавъ крупные участки въ черноморскомъ, оренбургскомъ и приморскомъ краѣ, оно разсчитывало на промышленное оживленіе, которое должны были вызвать здѣсь представители крупнаго капитала, цѣликомъ взятаго изъ старой Россіи... Неподвижность крупнаго землевладѣнія иногда происходитъ не отъ сознательнаго злоупотребленія своимъ положеніемъ, а просто потому что возрождающейся колоніи трудно вести большое земледѣльческое хозяйство“.—Несмотря на столь ясно выраженное сознаніе вреда, какой принесетъ колоніи крупный капиталъ (но не тотъ, съ которымъ отправляются зажиточные крестьяне, и на который авторъ

возлагаетъ большія надежды), г. Уманецъ тѣмъ не менѣе настаиваетъ на мѣрахъ, открывающихъ полную возможность укорениться здѣсь „Разуваевымъ“ и „маменькинымъ сынкамъ“.

Мѣры, предлагаемыя г. Уманцемъ, не находятъ себѣ оправданія и въ его взглядѣ на колонизацію, отличномъ отъ обще принятаго: если Россія не страдаетъ отъ густоты населенія и малоземелія крестьянъ, такъ что разрѣшеніе перваго принесетъ ей не пользу, а вредъ; если, съ другой стороны, политическіе интересы страны требуютъ заселенія нашихъ азіатскихъ владѣній христіанскимъ элементомъ, то отсюда ясно, что правительству остается стѣснять переселеніе русскихъ крестьянъ, и основать свою колонизаціонную политику на привлеченіи иностранцевъ. Лишь этимъ способомъ оно обережетъ вновь-завоеванныя области отъ вліянія азіатскаго элемента, исполнитъ свою историческую миссію распространенія на востокѣ идеи государственности и христіанской нравственности и въ то же время предупредитъ вредное для Россіи разрѣженіе ея населенія. Будемъ же ждать отъ г. Уманца настолько послѣдовательности, что онъ согласится съ этимъ выводомъ и дополнитъ свой планъ колонизаціи средне-азіатскихъ владѣній проектомъ мѣръ, способныхъ ослабить движеніе въ Европейской Россіи.—В. В.

— В. В. Чуйко, Современная русская поэзія въ ея представителяхъ. С.-Петербургъ, 1885.

Въ нашей бѣдной критической литературѣ книга г. Чуйко—явленіе весьма пріятное. По справедливому замѣчанію автора, русская поэзія находится и въ упадкѣ, и не въ авантажѣ; она представляетъ мало выдающагося—но и то, что въ ней есть сравнительно-крупнаго или интереснаго, мало цѣнится нашимъ обществомъ, мало даже ему знакомо. А между тѣмъ, изученіе современной русской поэзіи важно уже потому, что только этимъ путемъ можно объяснить себѣ ея болѣе чѣмъ скромную роль, опредѣлить условія, при которыхъ мыслимо ея возрожденіе... Рамки труда, предпринятаго г. Чуйко, въ одномъ отношеніи весьма широки, въ другомъ—слишкомъ узки. Онъ включаетъ въ свой этюдъ такихъ поэтовъ, дѣятельность которыхъ прекратилась уже давно, имѣетъ очень мало общаго съ нашей эпохой (Хомяковъ, Огаревъ, Бенедиктовъ) — и ничего не говоритъ о нѣсколькихъ представителяхъ молодого поколѣнія, несомнѣнно выдѣлившихся изъ массы „стихотворцевъ“ и возвысившихся надъ ея уровнемъ. Мы узнаемъ изъ предисловія, что демаркаціонной чертой, которою руководствовался г. Чуйко, служила своеобразность дарованія, что онъ считалъ себя вправѣ умолчать о поэтахъ, „обладающихъ однимъ лишь подражательнымъ талантомъ или принадле-

жащихъ къ той или другой установившейся школѣ". Послѣдній изъ этихъ признаковъ кажется намъ крайне шаткимъ; въ общемъ, главномъ, всѣ наши (т.-е. дѣйствующіе еще) поэты могутъ быть отнесены либо къ послѣдователямъ Пушкина, либо къ послѣдователямъ Некрасова—но внѣ школы, какъ чего-то замкнутаго, опредѣленнаго, заранѣе обусловливающаго характеръ и направленіе творчества, стоятъ далеко не одни лишь тѣ имена, на которыхъ остановился авторъ разбираемой нами книги. Изъ числа поэтовъ, начавшихъ писать въ послѣднее десятилѣтіе, въ списокъ г. Чуйко попали только четыре — гр. Голенищевъ-Кутузовъ, покойный Садовниковъ, С. А. Андреевскій и С. Г. Фругъ; неужели рядомъ съ ними не могли быть поставлены, по меньшей мѣрѣ, еще двое—С. Я. Надсонъ и Н. Минскій? Если г. Чуйко признаетъ ихъ обоихъ „подражателями", примкнувшими всецѣло „къ той или другой установившейся школѣ", то ему слѣдовало бы доказать свою мысль, едва ли раздѣляемую большинствомъ читателей и критиковъ. Изъ числа поэтовъ, первыя произведенія которыхъ относятся къ пятидесятымъ годамъ, г. Случевскій едва ли имѣетъ большее право на вниманіе публики, чѣмъ г. Яхонтовъ, вовсе неупомянутый въ книгѣ г. Чуйко [1]). Другой упрекъ, который можно сдѣлать автору—это недостатокъ соразмѣрности между значеніемъ писателя—мѣстомъ, отведеннымъ ему въ очеркѣ современной поэзіи. Не странно ли, напримѣръ, отводить одинаковое число страницъ Некрасову и г. Случевскому? Задача г. Чуйко познакомить публику съ современнымъ положеніемъ русской поэзіи—могла бы быть исполнена и безъ разбора дѣятельности Некрасова, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстной,—но ужъ если онъ счелъ нужнымъ ея коснуться, то она требовала бы болѣе тщательной и подробной оцѣнки. Короткій отзывъ, вполнѣ достаточный по отношенію къ второстепенному стихотворцу, ничего не можетъ прибавить къ характеристикѣ такого явленія, какъ поэзія Некрасова. Я. П. Полонскому и А. Н. Майкову г. Чуйко также отвелъ слишкомъ мало мѣста, лишивъ себя, этимъ самымъ, возможности обрисовать всѣ фазисы ихъ творчества, всѣ стороны ихъ таланта. Поворотъ, совершившійся и въ содержаніи, и въ формѣ стихотвореній г. Майкова, у г. Чуйко не столько изображенъ и объясненъ, сколько слегка отмѣченъ; въ связи съ этимъ отзывъ о первыхъ произведеніяхъ поэта вышелъ слишкомъ строгимъ, отзывъ о позднѣйшихъ—слишкомъ снисходительнымъ. По мнѣнію критика, поэма „Два міра" неизмѣримо выше „Трехъ смертей", стихъ г. Майкова достигъ въ

---

[1]) Въ оригинальности—этомъ пробномъ камнѣ г. Чуйко, онъ самъ отказываетъ г. Случевскому.

ней „замѣчательнаго совершенства формы, подвижности, разнообразія и гармоніи". Это пародоксальное мнѣніе требовало бы доказательствъ, которыхъ г. Чуйко почти не приводитъ... Первоначально трудъ г. Чуйко появился въ газетѣ, чѣмъ и объясняется, вѣроятно, краткость каждой отдѣльной его части; теперь, когда всѣ очерки соединены въ одно цѣлое, непропорціональность ихъ бросается въ глаза и нѣсколько вредитъ общему впечатлѣнію.

Съ мнѣніями г. Чуйко о томъ или другомъ изъ изучаемыхъ имъ поэтовъ можно соглашаться или не соглашаться—но нельзя не отдать справедливость добросовѣстности его, стремленію сохранить полное безпристрастіе, мѣткости и тонкости многихъ его замѣчаній. Онъ не подводитъ всѣхъ и каждаго подъ одну и ту же предвзятую мѣрку, постоянно принимаетъ въ разсчетъ разнообразіе темпераментовъ и дарованій, допускаетъ всѣ роды поэзіи, лишь бы только они были поэтичны. Параллели съ западно-европейской литературой, очевидно знакомой автору не въ лицѣ однихъ только главныхъ представителей ея, служатъ въ его рукахъ хорошимъ матеріаломъ для характеристики нашихъ поэтовъ. Укажемъ, для примѣра, на сравненіе Мея съ Леконтъ-де-Лилемъ, г. Фета—съ современными французскими „парнассцами", мистеріи г. Случевскаго („Элоа") съ поэмой Альфреда-де-Виньи. Вполнѣ симпатичны для насъ мысли о будущемъ русской поэзіи, высказанныя авторомъ въ концѣ книги; онѣ представляютъ много точекъ соприкосновенія съ тѣмъ, что часто доказывалось въ нашемъ журналѣ [1]). Г. Чуйко настаиваетъ на необходимости расширить содержаніе поэзіи, внести въ нее новыя тэмы, приблизить ее къ дѣйствительности. „Не забота объ изысканной и манерной формѣ,—восклицаетъ онъ,-- должна быть задачей русскихъ поэтовъ; не мелкій, личный и, въ концѣ-концевъ, эгоистическій субъективизмъ долженъ лежать въ основѣ ихъ художественнаго творчества, не гоньба за „чистымъ ощущеніемъ" должна составлять ихъ заботы, а симпатическая впечатлительность, способная откликаться на жизнь русскаго общества и, если хватитъ силъ,—на міровую жизнь". Г. Чуйко не отвергаетъ даже тенденціозности въ поэзіи; онъ совѣтуетъ „русскимъ парнассцамъ" идти по слѣдамъ Некрасова, какъ „человѣка своего времени, переживавшаго въ самомъ себѣ все то, чѣмъ жило и волновалось русское общество".—К. К.

---

[1]) См. напр. статью о новыхъ сборникахъ русской поэзіи въ № 5 „Вѣстн. Евр." за 1884 г.

ПО ПОВОДУ КНИГИ:

Исторія русскаго самосознанія по историческимъ памятникамъ и научнымъ сочиненіямъ, М. О. Кояловича. 1884 г.

Названіе предлежащей книги до такой степени мудреное и простымъ смертнымъ неудобовразумительное, что надобно пожалѣть, зачѣмъ авторъ на заглавномъ листѣ не помѣстилъ комментарія къ измышленному имъ названію. Появленіе этой книги напоминаетъ шестидесятые годы текущаго столѣтія. Въ этихъ годахъ въ нашей печати проявилась такая мода: находились господа, которые на свою братію литераторовъ печатали нѣчто въ родѣ доносовъ, стараясь, на основаніи словъ, сказанныхъ послѣдними въ печати, обличать ихъ въ чемъ-нибудь неодобрительномъ, а болѣе всего набросить на нихъ тѣнь неблагонадежности въ политическихъ убѣжденіяхъ. Они знали, что это мѣсто самое чувствительное, и произведенная на немъ язва можетъ имѣть опасныя послѣдствія. Пишущій эти строки былъ однимъ изъ такихъ лицъ, которымъ приходилось этому подвергаться. Стоило моему имени появиться въ печатной книгѣ или на страницѣ какого-нибудь періодическаго изданія, какъ изъ разныхъ газетъ и газетокъ поднимались противъ меня вой, брань, руготня, и все это не ради того, чтобъ выразить какую-нибудь научную идею, а такъ себѣ, чтобы собственно только задирать меня какими-то подозрѣніями. Тогда, между прочимъ, поводомъ къ нападкамъ на меня была моя статья: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси", напечатанная въ 1861 г. въ журналѣ „Основа". Случилось въ Петербургѣ такое событіе: въ университетѣ публично защищалъ диссертацію одинъ юристъ, пріобрѣвшій себѣ уже тогда извѣстность въ литературѣ сочиненіями не только чисто-юридическими, но также историческими изслѣдованіями въ области стариннаго русскаго внутренняго быта. Онъ, касаясь вообще федеративнаго устройства государствъ, вспомнилъ обо мнѣ и обвинилъ меня въ томъ, что я понимаю федерацію неправильно. Вступивши съ нимъ въ споръ, я указывалъ, что говорилъ не о сформировавшемся уже федеративномъ строѣ государства, а только о федеративныхъ началахъ, т.-е. о томъ, изъ чего, по законамъ жизни обществъ, должна была вырости федерація. Тутъ я увидалъ, что мой противникъ, какъ юристъ пунктуальный, не признавалъ никакихъ началъ иначе, какъ разсматривая ихъ либо въ сложившихся и уже окрѣпшихъ учрежденіяхъ, либо въ системати-

ческихъ проектахъ. Логически выходило, что этотъ господинъ не хотѣлъ видѣть федеративныхъ началъ нигдѣ, кромѣ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, Швейцаріи, или Голландскихъ Соединенныхъ Штатовъ до преобразованія ихъ въ монархію.

Дѣйствительно, надобно признать, что полная федерація есть явленіе исторически близкаго къ намъ времени. Средневѣковые союзы германскихъ городовъ еще мало представляли въ себѣ прочнаго. Въ древней исторіи мы встрѣчаемся въ разныхъ краяхъ съ федераціями городовъ и съ ними ихъ территорій, напр., въ Финикіи, въ Малой Азіи, въ Греціи, въ Италіи, въ Лаціумѣ, въ Сициліи, въ Этруріи, но всѣ эти федераціи представляютъ собою что-то недодѣланное; связь, соединявшая части между собою, была слаба, и города съ своими областями, составлявшіе между собою федерацію, то и дѣло вели междоусобныя войны. Въ Греціи, напримѣръ, историками давно уже принято видѣть связующія начала въ сознаніи единства эллинскаго племени, въ единствѣ языка, при нѣкоторомъ различіи въ нарѣчіяхъ, въ общности религіозныхъ вѣрованій и легендъ, въ прорицалищахъ, куда за совѣтами обращались всѣ эллины, и въ олимпійскихъ играхъ, куда спѣшили на общій племенной праздникъ всѣ сознававшіе себя происходящими отъ эллиновъ; но всѣ эти учрежденія не могли остановить нескончаемыхъ междоусобій между эллинскими республиками. Не повліяли на нихъ благодѣтельнымъ способомъ олимпійскія игры, несмотря на то, что съ каждымъ періодическимъ открытіемъ ихъ должны были на время прекращаться распри. Еще менѣе сдерживали эллинскія междоусобія амфиктіоны, судьи, которыхъ спеціальною обязанностью было произносить приговоры съ цѣлію установленія порядка и спокойствія въ эллинскомъ мірѣ Однимъ словомъ, изъ всего надобно признать, что у грековъ не было федераціи, а были только федеративныя начала, изъ которыхъ должна была сложиться федерація.

Федеративное начало, хотя бы въ самой малой степени, можно отыскать у всѣхъ народовъ, какъ бы ни первобытною казалась ихъ культура. Естественно, его можно усмотрѣть у славянъ, а между ними у русскихъ, особенно въ удѣльный періодъ нашей исторіи. Вѣроятно, оно бы открылось намъ и въ болѣе раннія времена, но о внутреннемъ бытѣ и складѣ политическихъ русскихъ обществъ тѣхъ раннихъ временъ мы мало знаемъ. Въ удѣльный періодъ ясно видны зачатки федераціи земель, очень приближающіе наше отечество къ древней Греціи. И тамъ, и здѣсь, одно и то же намѣчалось быть союзною связью многихъ земель. То же единство религіи при нѣкоторомъ мѣстномъ разнообразіи: у грековъ почти въ каждомъ городѣ было свое божество, но всѣ эллины равно поклонялись главнымъ

божествамъ цѣлаго племени. У насъ почти въ каждой землѣ была патрональная церковь и съ нею соединялась какая-нибудь мѣстная святыня съ мѣстными легендами, но всѣ русскіе вмѣстѣ принадлежали единой православной церкви. Та же общность языка, церковнаго и книжнаго, при разнообразіи нарѣчій; то же сознаніе единства племени, что и у грековъ. Было у насъ даже нѣчто подобное амфиктіонамъ: это—княжескіе съѣзды, нѣсколько разъ практиковавшіеся, но не успѣвшіе организоваться въ постоянное учрежденіе. Зато у насъ былъ еще одинъ связующій органъ, какого не видимъ въ древней Греціи—это единый княжескій родъ, которому, по всеобщему сознанію націи, подобало управлять всею Русью въ лицѣ разныхъ своихъ членовъ, размѣщенныхъ въ земляхъ, дробившихся, по отношенію къ власти княжескаго рода, на княжества. Правда, это единство княжескаго рода не спасло Руси отъ междоусобій, но въ значительной степени содѣйствовало сознанію единства націи. Однимъ словомъ, нельзя было сказать, что на Руси уже образовалась федерація, чего я никогда и не утверждалъ, но у насъ существовали федеративныя начала, изъ которыхъ, по логикѣ вещей, непремѣнно бы выработалась, современемъ, правильная федерація, еслибъ не послѣдовало внѣшняго переворота, давшаго иной путь теченію нашей политической жизни. Этотъ переворотъ было монгольское нашествіе, подчинившее иноплеменному единому господству разрозненныя части несложившейся федераціи, и обратило наши федеративные задатки въ началѣ въ родъ феодализма, а потомъ въ монархію.

Все это было высказываемо мною не разъ въ оное время, и все это касалось только удѣльно-вѣчевой эпохи, а не послѣдующихъ временъ исторіи Восточной Руси, гдѣ никакихъ федеративныхъ слѣдовъ не было, кромѣ систематическаго сокрушенія таковыхъ началъ; а въ западной Руси слѣды былого федерализма отзывались еще въ связи западно-русскихъ княжествъ, поступившихъ уже подъ верховную власть Гедиминова дома, потомъ—въ уніи великаго княжества Литовскаго съ Польшею, наконецъ, въ XVII вѣкѣ, въ малороссійской гетманщинѣ, когда казаки, освободившись отъ господства пановъ, думали сохранить свою самостоятельность, вступивши въ союзъ съ какою-нибудь изъ сосѣднихъ странъ, то съ Польшею, съ которою такъ недавно рѣзались, то съ Турціею, полагаясь на ея обѣщанія хранить неприкосновенность ихъ вѣры и народности, не смотря на то, что судьба христіанскихъ народовъ, находившихся уже подъ турецкою властію, должна была заставлять ихъ ожидать себѣ иной участи,—то съ Московскимъ государствомъ, съ которымъ сознательно связывались узами единовѣрія и съ которымъ дѣйствительно соединились только на началахъ полнаго подчиненія. Но все, что въ за-

падной и южной Руси походило сколько-нибудь на федеративность, было послѣдушками давно исчезнувшаго періода, когда дѣйствительно федеративныя начала были господствующими и когда можно было ожидать, что они преобразуются въ постоянныя и прочныя учрежденія. Судьба, выразившаяся ходомъ историческихъ обстоятельствъ, указала русскому обществу и его исторіи иной путь и къ иной цѣли, —къ лучшему или къ худшему — судить о томъ не дѣло историка, тѣмъ болѣе, что исторія, объяснительница теченія жизни, какъ и самая жизнь, безконечна, не знаетъ, что̀ произойдетъ впередъ и не можетъ нигдѣ остановиться, чтобъ изречь оправдательный или обвинительный приговоръ надъ всѣмъ прожитымъ.

Во всякомъ случаѣ, когда во время óно шла у меня рѣчь о федеративныхъ началахъ въ древней Руси, за которыя поднялось на меня гоненіе, тогда дѣло касалось исключительно удѣльно-вѣчевого уклада. Споръ этотъ кончился ничѣмъ— самъ собою испарился. Перестали нападать на меня, забыли совсѣмъ. Но вотъ почти черезъ двадцать-три года поднимаетъ противъ моего федеративнаго начала голосъ книга съ мудренымъ названіемъ. Она уже не ограничивается спорами собственно о федеративныхъ началахъ въ древней Руси. Она ратуетъ противъ какой-то приписываемой мнѣ федеративной теоріи, которая, какъ будто, касается цѣлой русской исторіи, теоріи, которая „думала-было установить совсѣмъ иные взгляды на наше старое историческое время и вывести отсюда практическія указанія, противоположныя установившемуся единству Россіи“ (стр. 457). Эти слова уже пахнутъ какъ бы укоромъ въ политической неблагонадежности—выводить откуда бы то ни было „практическія указанія, противоположныя установившемуся единству Россіи“. Вѣдь единство Россіи есть такая священная вещь для каждаго вѣрнаго русскаго сына отечества, что составленіе практическихъ указаній, противоположныхъ установившемуся единству Россіи, есть такое дѣло, которое не можетъ одобряться законами, и чтобы набрасывать на кого бы то ни было тѣнь обвиненія въ этомъ, нужно запастись вѣскими доказательствами справедливости такого обвиненія, а иначе—оно должно быть признано голословною клеветою. Авторъ даже хочетъ докопаться— что̀ у меня было подъ черепомъ, когда явился я съ мыслями о федеративномъ началѣ въ древней Руси. На стр. 457, онъ рѣшаетъ безповоротно, что федеративная теорія выдвинута малороссійскими учеными, а на стр. 466 обо мнѣ вотъ что сообщаетъ: „Поклоненіемъ западно-европейской цивилизаціи Н. И. Костомаровъ придвинулъ теорію федеративнаго устройства Россіи къ теоріи Соловьева, повидимому, совершенно противоположной ей. Эта странность объясняется тѣмъ, что сужденіе Соловьева о низменности русской народной циви-

лизаціи и русской отсталости, косности въ главномъ русскомъ племени—великорусскомъ, совпадали съ предубѣжденіемъ малороссовъ противъ великоруссовъ, противъ Москвы, совпадали и съ ихъ племеннымъ тщеславіемъ, что они лучше, развитѣе великоруссовъ, между прочимъ, и потому, что ближе къ западной Европѣ, знакомѣе съ ея цивилизаціей. Н. И. Костомаровъ лишь усилилъ это направленіе теоріи, и по свойственной ему впечатлительности довелъ ее до такой крайности, что сталъ возвеличивать болѣе видныхъ русскихъ самодержцевъ, отчасти Іоанна III и особенно Петра I и Екатерину II". Здѣсь что ни слово, то фантазія, приписывающая мнѣ такіе взгляды, какихъ я никогда не имѣлъ и, главное, нигдѣ не заявлялъ въ печати. Гдѣ и какъ подмѣтить могъ сочинитель „Исторіи русскаго самосознанія" у меня какое-то „племенное малороссійское тщеславіе", побуждавшее меня возвеличивать малороссіянъ предъ великоруссами и утверждать ихъ превосходство въ цивилизаціи? Причемъ тутъ какое-то племенное тщеславіе, если, по моему глубокому убѣжденію, —я говорилъ, что малороссійскій народъ добродушнѣе и поэтичнѣе великорусскаго, но въ практическомъ развитіи уступаетъ ему значительно.

На стр. 460, въ той же книгѣ съ мудренымъ названіемъ, говорится: „Не довольствуясь яснымъ и почти общепризнаннымъ различіемъ западной Россіи отъ восточной въ стремленіяхъ ея князей, въ сильномъ развитіи въ ней дружиннаго и вѣчевого началъ, Н. И. Костомаровъ задумалъ связать этнографическими узами главнѣйшія племенныя группы всей западной половины Россіи—кіевскихъ полянъ и новгородскихъ словенъ—и доказывалъ, что послѣдніе составляли какъ бы колонію, вышедшую изъ племени полянъ, и что потому новгородцы такъ тѣсно были связаны въ до-татарскія времена съ Кіевомъ, причемъ и Смоленская область, а за ней и Черниговская сами собой входили въ эту до-татарскую федерацію. Но не только филологія, въ которой, надобно замѣтить, Н. И. Костомаровъ оказался мало свѣдущимъ, но и исторія возстала противъ такого объединенія западной половины Россіи". Я высказывалъ свои предположенія о древней колонизаціи края новгородскихъ славянъ изъ южной Руси и доказывалъ тѣмъ, что уцѣлѣвшіе, но уже стирающіеся слѣды новгородскаго народнаго нарѣчія до сихъ поръ еще показываютъ сходство съ нарѣчіемъ въ южной Руси, напр., выговоръ буквы *ѣ* за *і*, отсѣченіе *тъ* въ изъявительномъ наклоненіи, употребленіе тѣхъ же частицъ, что въ южно-русскомъ нарѣчіи: що, абы, нибы, нехай—и множество словъ существительныхъ и глаголовъ, одинаковыхъ съ южно-русскими. Авторъ книги, о которой идетъ рѣчь, уличаетъ меня

въ малознаніи филологіи. Если такъ, то пусть онъ, какъ человѣкъ, болѣе меня свѣдущій, покажетъ причины, откуда такое сходство, а что такое сходство существуетъ—я ссылаюсь на толковый словарь великорусскаго языка Даля и на областной словарь. Если мой противникъ укажетъ намъ причины выставляемаго нами явленія и научнымъ путемъ докажетъ справедливость своихъ открытій, то это будетъ дѣйствительнѣе всякихъ голословныхъ полемикъ съ славянофильскими и обрусительными замашками.

Авторъ книги съ мудренымъ заглавіемъ ставитъ мнѣ въ укоръ какія-то находимыя имъ противорѣчія и утверждаетъ, что я отклоняюсь отъ своего обычнаго направленія и перехожу въ такое, какое, съ точки зрѣнія противниковъ федеративной теоріи, должно считаться благонамѣреннымъ. Если это такъ, то, значитъ, я исправляюсь, возвращаюсь на путь правый съ пути ложнаго! За это, казалось бы, нечего меня порицать, а надобно одобрять! Однако, меня за это не одобряютъ, а ставятъ мнѣ въ новую вину. Въ чемъ же я показалъ противорѣчія своему обычному направленію? Говорятъ: „Н. И. Костомаровъ написалъ большое изслѣдованіе о паденіи Польши; въ этомъ сочиненіи видно большое отступленіе отъ первоначальныхъ взглядовъ автора. Здѣсь прославляется руское правительство за умныя рѣшительныя дѣйствія по отношенію къ полякамъ и явно дается сочувствіе объединительной русской политикѣ, обличать грѣхи которой авторъ считаетъ какъ бы своимъ призваніемъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ“ (стр. 462).

Итакъ, моему противнику не нравится, зачѣмъ онъ встрѣчаетъ у меня одобреніе русской политикѣ! По его понятіямъ, если онъ гдѣ-то встрѣтилъ у меня несочувствіе къ дѣйствіямъ русской политики, то я долженъ показывать то же и при изложеніи всякихъ другихъ событій! Автору новоизданной книги мерещится у меня какое-то колебаніе между русскимъ историкомъ и поборникомъ малороссійскихъ тенденцій (стр. 462). Но колебаніе скорѣе не у меня, а въ головѣ тенденціознаго ученаго, которому не по мысли мои сочиненія. Это происходитъ оттого, что онъ вообразилъ себѣ, что я долженъ имѣть какія-то завѣтныя тенденціи (462), благонамѣренныя или дурныя, но безъ тенденцій, по его воззрѣніямъ, обойтить невозможно, и вотъ онъ ищетъ въ моихъ сочиненіяхъ тенденцій, не находитъ ихъ, а выдумываетъ самъ, и потомъ подводитъ подъ нихъ мои слова и выраженія. Признаюсь, мнѣ всякія тенденціи въ историческихъ сочиненіяхъ были отвратительны, и мой идеалъ историка былъ и есть тотъ самый, который ставилъ когда-то нашъ безсмертный исторіографъ Миллеръ, когда говорилъ: „Историкъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя... все, что говоритъ историкъ,

должно быть истинно, и никогда не долженъ онъ давать поводъ къ возбужденію къ себѣ подозрѣнія въ лести" (стр. 121). Автору мудреной книги не нравится такой взглядъ, а я всегда уважалъ его, какъ высокій идеалъ историка, и если самъ въ своихъ историческихъ трудахъ, быть можетъ, не былъ всегда ему вѣренъ, то это по общему недостатку духовной природы человѣка—стремиться къ высокимъ идеаламъ и никогда до нихъ не досягать. Само собою разумѣется, что идеалъ, поставленный Миллеромъ для историка, примѣнителенъ только къ человѣку, какъ къ историку, а никакъ не къ другимъ условіямъ его житейской дѣятельности, все равно какъ священникъ, одѣтый въ богослужебное облаченіе и совершающій литургію,—не тотъ человѣкъ, что внѣ исправленія этой обязанности: не окончивши извѣстныхъ молитвъ, онъ не смѣетъ покидать храма, хотя бы его собственный домъ былъ въ опасности отъ огня. Такъ точно историкъ въ своихъ историческихъ сочиненіяхъ не долженъ смѣть произнести того, что, по совѣсти, считаетъ несогласнымъ съ истиною, хотя бы такъ нужнымъ казалось въ угоду государю, которому онъ присягалъ въ вѣрности, или въ честь страны, признаваемой отечествомъ. Авторъ „Исторіи русскаго самосознанія", приведя слова Миллера, умышленно даетъ имъ иной смыслъ, и вслѣдъ затѣмъ произноситъ такое ядовитое восклицаніе: „Кто же, кромѣ нѣмца, могъ быть такимъ историкомъ и преемникомъ Миллера, т.-е. безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя?!" (121). Но Миллеръ сказалъ: историкъ долженъ казаться, а не сказалъ: долженъ быть; казаться же и быть—двѣ вещи разныя! Недобросовѣстно со стороны автора „Исторіи русскаго самосознанія" такое извращеніе чужихъ словъ.

Впрочемъ, противникъ мой признаетъ за мной вину не въ томъ, чтобъ я, ради исторической истины, не хотѣлъ произносить похвалы властямъ, а за то, что встрѣчаетъ похвалы такія у меня. Вотъ, по истинѣ, странное и дикое отношеніе къ наукѣ! У противника моего есть еще выходки забавнѣе и курьезнѣе этихъ. Въ моемъ сочиненіи: „Очеркъ торговли московскаго государства въ XVI и XVII столѣтіяхъ", я изобразилъ „мрачными красками", какъ выражается авторъ книги съ мудренымъ заглавіемъ, скудость и забитость русской торговли, а въ моей „Исторіи въ жизнеописаніяхъ" описываю необыкновенное развитіе хозяйства и даже изобрѣтательность въ Соловецкомъ монастырѣ во время игуменства Филиппа Колычева, впослѣдствіи знаменитаго митрополита. Мнѣ кажется, здѣсь авторъ книги о русскомъ самосознаніи хочетъ такъ-себѣ только придраться ко мнѣ и пишетъ то, чего самъ не думаетъ. По крайней мѣрѣ, не хотѣлось бы въ немъ признать такого тупицу, который не въ состояніи понять, что нѣтъ ничего общаго между состояніемъ русскаго купечества, торговавшаго

въ Москвѣ, Ярославлѣ, Вологдѣ и Архангельскѣ, и хозяйственными способностями игумена Филиппа, старавшагося привести Соловецкій островъ въ цвѣтущее положеніе. Придирки автора книги о русскомъ самосознаніи переходятъ даже правила приличія. Съ какой стати, напримѣръ, авторъ ставитъ мнѣ въ упрекъ, что я писалъ беллетристическія сочиненія? Какое кому до этого дѣло? Вѣдь мой противникъ взялся судить меня, какъ историческаго писателя! Не все ли это равно, какъ еслибы тотъ же мой противникъ, говоря о моихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, вздумалъ обвинять автора ихъ за то, что онъ играетъ въ карты или ѣздитъ на охоту? Чѣмъ бы историкъ ни развлекался въ часы своихъ досуговъ, если такія развлеченія не мѣшаютъ его научнымъ занятіямъ,—никто не въ правѣ ставить ему въ упрекъ такихъ развлеченій, тѣмъ болѣе, что нельзя безусловно признавать предосудительными такого рода развлеченія, какъ писаніе беллетристическихъ сочиненій, хотя бы и романовъ, какъ невѣрно ихъ называетъ мой судья. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр.. „Черниговка“ или „Жидотрепаніе“, помѣщенное въ „Кіевской Старинѣ“, не могутъ быть никакъ причислены къ романамъ; они не заключаютъ въ себѣ ни одного вымышленнаго положенія: это пересказы въ беллетристической формѣ (которая сама собою напрашивается подъ перо) событій историческо-бытовой жизни, сообразно источникамъ, откуда почерпнуты о нихъ свѣденія. Если мои беллетристическія сочиненія неудачны, то не будутъ расходиться въ публикѣ, и я самъ покину ими заниматься. Авторъ книги съ мудренымъ названіемъ не хочетъ знать никакихъ предѣловъ своему праву суда надъ моими историческими сочиненіями и вторгается въ область, не подлежащую его обсужденію.

Книга съ мудренымъ названіемъ — книга славянофильствующая и дышетъ непріязнью къ нѣмцамъ и вообще ко всему иностранному. Нѣтъ пощады давно истлѣвшимъ въ землѣ ученымъ академикамъ Байеру, Миллеру, Шлецеру и другимъ, нѣтъ пощады и Миниху—не избавляетъ его отъ презрительнаго отзыва ни память о Ставучанской побѣдѣ, ни память о двадцатилѣтнихъ страданіяхъ безъ вины въ Пелымскомъ заточеніи. Минихъ ничего болѣе не сдѣлалъ,—говорятъ намъ,—кромѣ превращенія русскаго войска „въ пушечное мясо для пустыхъ военныхъ предпріятій“ (стр. 371). Славянофильство никакъ не хочетъ примириться съ мыслію, что Россія чѣмъ-нибудь хорошимъ обязана западному просвѣщенію. Даже такое событіе, какъ освобожденіе крестьянъ крѣпостныхъ есть „возвращеніе къ началамъ древней русской исторической жизни, и есть неоспоримое отрицаніе культурныхъ западно-европейскихъ началъ, усвоенныхъ нами, а что касается закрѣпощенія крестьянъ, то оно находится въ несравненно-

большей связи съ этими западно-европейскими началами, чѣмъ съ русскими потребностями“ (стр. 327).

Еслибъ вопросъ шелъ только о надѣленіи крестьянъ освобожденныхъ землею, то здѣсь была бы доля правды, потому что; сколько мы помнимъ то время, мысль о непремѣнномъ надѣленіи крестьянъ усадебными и полевыми земельными участками возбуждалась изученіемъ русской старины и въ такомъ изученіи находила себѣ одобреніе и поддержку примѣрами. Но мы поставимъ вопросъ такъ: когда всѣ крестьяне съ ихъ семьями и землями находились въ давнемъ рабствѣ, откуда возникла мысль даровать имъ свободу? Прежде чѣмъ додумались, что крестьянъ освободившихся надобно надѣлить землею, нужно было додуматься, что нужно крестьянину, какъ человѣку, лично дать свободу отъ произвола другого человѣка. Откуда же возникла такая мысль? Неужели изъ воспоминаній о русской старинѣ, изъ примѣра ея быта? Или, быть можетъ, изъ наставленій православной церкви? Но представители церкви долго твердили на одну и ту же тэму: рабы, повинуйтеся господамъ! Нѣтъ, эта мысль зашла къ намъ съ запада, преимущественно изъ Франціи. Вспомнимъ, какъ императрица Екатерина II, въ началѣ своего царствованія, благопріятствовала мысли объ освобожденіи крѣпостныхъ, потому что сама находилась подъ вліяніемъ современной ей французской философіи и вела дружескія сношенія съ энциклопедистами; но къ концу своего царствованія круто повернула въ иную сторону свое прежнее направленіе, увидавши, что во Франціи произошли смуты, и сторонники такихъ смутъ проповѣдуютъ ту же мысль объ освобожденіи рабовъ. Съ той поры заявлять мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи значило возбуждать противъ себя обвиненіе въ духовной близости къ якобинству. Вспомнимъ несчастную польскую конституцію 3-го мая. Какъ только составился и обнародовался этотъ государственный актъ, такъ тотчасъ Россія и Пруссія протестовали во имя охраны священныхъ основъ общественнаго порядка и находили, что польская конституція сродни тогдашнему революціонному движенію во Франціи. Напрасно поляки, съ своей стороны, возражали и доказывали, что между ихъ конституціею и французскими событіями нѣтъ ничего общаго: дѣйствительно, французскій конвентъ отрѣшилъ отъ власти Господа Бога, а польскій сеймъ праздновалъ свои преобразовательныя учрежденія молитвословіями въ костелахъ. Но поляковъ не слушали — и силою оружія уничтожили всѣ плоды дѣятельности, предпринятой въ видахъ возрожденія ихъ отечества.

Что идея освобожденія крѣпостныхъ пришла къ намъ съ запада, а именно изъ Франціи, это подтверждается и тѣмъ, что до послѣднихъ временъ крѣпостного права въ глазахъ нашихъ стариковъ-

дворянъ желать свободы крестьянамъ отъ помѣщичьей власти, значило быть зараженнымъ франкмасонствомъ, вольтеріанствомъ и якобинствомъ. Еще недалеко то время, когда такъ вездѣ говорили, и, вѣроятно, теперь еще не мало найдется такихъ, которые, читая наши строки, вспомнятъ свои дѣтскіе годы, вспомнятъ своихъ дѣдушекъ и бабушекъ, которые такъ въ свое время разсуждали и толковали. Теперь уже каждому гимназисту извѣстно, откуда пришла къ намъ въ Русь мысль объ освобожденіи крѣпостныхъ отъ власти дворянства: выводить эту мысль изъ какихъ-то древнерусскихъ началъ, какъ дѣлаютъ славянофилы, все равно, что приписывать открытіе желѣзнодорожныхъ путей вліянію воспоминаній о вѣкѣ Алексѣя Михайловича!

Если сія славянофильствующая книга съ мудренымъ заглавіемъ съ такою непріязнью относится къ нѣмцамъ, то тѣмъ паче съ большею нелюбовью относится къ полякамъ. Одно—то, что поляки еще недавніе враги наши, другое—и это, кажется, чуть ли не главное, что мозолитъ глаза славянофиламъ, обыкновенно православствующимъ, это то, что поляки—католики. „Зачѣмъ они остаются католиками, зачѣмъ не уразумѣютъ истиннаго свѣта Христовой вѣры, который сохранился среди всеобщаго омраченія только въ восточной православной церкви, зачѣмъ слушаются своихъ ксендзовъ и лежатъ ницъ распростертыми въ своихъ костелахъ?! Зачѣмъ не уразумѣютъ, что всѣ славяне, по слѣдамъ ихъ первоучителей св. Кирилла и Меѳодія, должны принадлежать единой церкви и совершать у себя богослуженіе на общемъ для всѣхъ славянъ созданномъ святыми мужами славяно-церковномъ языкѣ! Этого желаемъ мы, русскіе, этого должны желать и всѣ славяне, въ особенности же поляки, связанные съ нами тѣснѣйшими узами исторіи и государственнаго единства въ большей части ихъ племени съ Россіею“...

Нѣкто г. Киркоръ, живущій за границею, прежде извѣстный въ русской литературѣ какъ издатель газеты „Новое Время“, нынѣ участвуетъ въ изданіи, предпринятомъ покойнымъ М. О. Вольфомъ—„Живописная Россія“, и пишетъ историко-этнографическія статьи, касающіяся Бѣлоруссіи, его родного края. Г. Киркоръ, какъ полякъ или ополяченный бѣлорусецъ, съ сочувствіемъ относится къ „благотворному“ усвоенію латино-польскихъ началъ въ Бѣлоруссіи. „Онъ, —говорится о немъ въ „Исторіи русскаго самосознанія“,—заботливо выставляетъ все хорошее польское и закрываетъ все дурное, а по отношенію къ Россіи держится противоположнаго правила,—закрываетъ совершенно историческую тягу западной Россіи къ восточной и съ неутомимою заботливостью раскрываетъ русскія жестокости и особенно возстанія противъ Россіи“ (стр. 451—452). Мы также не сочувствуемъ такому направленію г. Киркора, какъ и авторъ упоми-

нутой книги. Но мы никакъ не можемъ согласиться съ обвиненіями противъ П. П. Семенова за его слѣдующія слова (452—453): „Продолжительное и отчасти славное историческое прошлое Литовской области во время ея соединенія съ Польшей дало этой области такіе культурно-историческіе элементы и черты, которыя не могли исчезнуть и сгладиться въ одно столѣтіе и не могутъ быть уничтожены искусственно. Польское или ополяченное дворянство и даже мелкое шляхетство съ своимъ роднымъ языкомъ, находящимъ точку опоры въ богатой и дорогой каждому поляку литературѣ, съ своею религіею и историческими преданіями, съ высокою для своего времени и достаточно самостоятельною культурою, не можетъ быть ни денаціонализировано, ни уничтожено въ краѣ, ни вытѣснено изъ него, и на долго еще останется однимъ изъ важнѣйшихъ культурно-историческихъ элементовъ области“ („Живописная Россія“, т. III, стр. 232). Подобное намъ приходилось десятки разъ слышать въ разныхъ видахъ отъ русскихъ по происхожденію и православныхъ по вѣрѣ уроженцевъ Бѣлоруссіи; между прочимъ, намъ сообщали, что семьи православныхъ духовныхъ въ томъ краѣ въ большинствѣ не умѣютъ говорить по-русски, употребляя въ домашнемъ обиходѣ польскій языкъ, что иныя жены, дочери и сестры священниковъ не слыхали даже именъ знаменитыхъ русскихъ писателей, а между тѣмъ знаютъ наизусть мѣста изъ польскихъ поэтовъ. Такъ глубоко внѣдрилась въ общество польская культура.

Приведя вышеуказанныя слова П. П. Семенова, авторъ говоритъ далѣе, что П. П. Семеновъ въ концѣ того же III тома „Живописной Россіи“ вышелъ на свободу русской науки и русскаго пониманія современнаго состоянія западной Россіи. Что же такое сказалъ П. П. Семеновъ противоположнаго тому, что высказалъ прежде? Ровно ничего. Судя по приводимымъ строкамъ, Семеновъ указываетъ на болѣе счастливое положеніе Бѣлоруссіи, когда чрезъ нее лежалъ водный путь изъ варягъ въ греки, и когда главными культурными центрами въ Россіи были на югѣ Кіевъ и на сѣверѣ Новгородъ. „Хуже стало положеніе Бѣлой Руси съ тѣхъ поръ, какъ Литва соединилась съ Польшей и центръ тяготѣнія соединеннаго государства перешелъ въ Варшаву. Вмѣсто того, чтобы служить соединительнымъ звеномъ между восточною и западною столицами славянъ, какъ въ прежнія времена, она связывала сѣверный и южный культурные русскіе центры —Кіевъ и Новгородъ,—Бѣлоруссія сдѣлалась только театромъ борьбы и яблокомъ раздора между Россіей и Польшей, такъ какъ и самыя отношенія между ними были совершенно иныя, чѣмъ между Кіевомъ и Новгородомъ. Если Кіевъ и Новгородъ и вступали иногда въ столкновенія, то эти столкновенія и войны имѣли домашній, междо-

усобный характеръ и никогда не принимали, какъ отношенія между Россіею и Польшею, характера борьбы разновѣрныхъ и сдѣлавшихся уже настолько разноплеменными народовъ, что весь строй ихъ духовной культуры, по слишкомъ рѣзкому различію, не допускалъ между ними добровольнаго слiянiя. Весьма естественно, что Бѣлоруссія очутилась не между двухъ свѣтлыхъ точекъ, какъ это было во время существованія Кіева и Новгорода, но между двухъ огней, которые то съ одного конца, то съ другого жгли многострадальную Бѣлоруссію". Далѣе, П. П. Семеновъ, вспомнивши о событіяхъ послѣ присоединенія Малороссіи къ московскому государству, о раздѣлахъ Польши, говоритъ, что „нескоро могло подняться возвратившееся въ свое исконное отечество, загнанное и поставленное самою природою въ весьма трудныя отношенія бѣлорусское племя. Между нимъ и единовѣрною ему соплеменною государственною властью стояло въ большей, западной половинѣ области польское или ополяченное высшее сословіе, вооруженное своимъ могущественнымъ крѣпостнымъ правомъ, и иноплеменное, пришлое среднее сословіе, состоящее по преимуществу изъ евреевъ съ чуждыми сельскому населенію экономическими интересами, съ чуждымъ его народному говору жаргономъ" (стр. 454—455).

Хотя здѣсь П. П. Семеновъ взглянулъ нѣсколько на другую сторону того же предмета, между первыми его словами и послѣдними вовсе нѣтъ противорѣчія, и если первое приведенное нами мѣсто не было противно г. Киркору, то не видимъ, чтобъ—какъ выражается авторъ — „изъ послѣдняго мѣста, напечатаннаго въ концѣ III тома „Живописной Россіи", вышла дисгармонія, безъ сомнѣнія, совершенно неожиданная для г. Киркора и крайне ему непріятная". Здѣсь, кажется, играетъ роль та же фантазія автора „Исторіи русскаго самосознанія", фантазія, которая представила ему противорѣчіе между моими отзывами о русской торговлѣ въ моемъ очеркѣ и характеристикою соловецкаго игумена Филиппа въ моей „Русской исторіи въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей". А все это, повторяемъ, происходитъ отъ того, что, на основаніи выхваченныхъ выраженій, онъ приписываетъ писателямъ тенденціи, какія, по его соображеніямъ, должны бы имѣть эти писатели, но какихъ у послѣднихъ не было. Авторъ, вѣроятно, судя по себѣ, не хочетъ допускать, что могутъ существовать писатели безъ всякой тенденціи, по крайней мѣрѣ стараться быть такими.

Н. Костомаровъ.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е апрѣля, 1885.

Возстановленіе упраздненныхъ приходовъ, и вопросъ о церковно-приходскихъ школахъ.—Достовѣрность приговоровъ, постановляемыхъ присяжными. — Присяжные и защита по таганрогскому таможенному дѣлу.—Изъ міра печати.—Начало городскихъ выборовъ въ гласные.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ заботливость объ улучшеніи матеріальнаго быта православнаго духовенства привела къ такъ-называемому сокращенію приходовъ, т.-е. къ уменьшенію числа причтовъ, къ прекращенію богослуженія въ иныхъ церквахъ и соединенію другихъ въ вѣденіи одного и того же приходскаго священника. Ближайшая цѣль этой мѣры осталась недостигнутою, а неудобства, сопряженныя съ нею, оказались весьма существенными. Опредѣленіе синода, недавно утвержденное, открываетъ возможность возвращенія къ прежнему порядку; епархіальнымъ архіереямъ предоставляется возстановлять упраздненные причты, „по просьбамъ прихожанъ и при наличности достаточныхъ по мѣстнымъ условіямъ средствъ содержанія причтовъ“. Эта оговорка свидѣтельствуетъ о томъ, что руководящимъ началомъ при возстановленіи приходовъ будетъ служить дѣйствительная потребность, сознанная населеніемъ, а не стремленіе изгладить во что бы то ни стало всѣ слѣды неудавшейся реформы. Нѣсколько иначе разрѣшенъ, тѣмъ же синодскимъ опредѣленіемъ, вопросъ объ увеличеніи числа діаконовъ, уменьшеннаго одновременно съ сокращеніемъ приходовъ. Діаконовъ постановлено назначать не въ тѣ только приходы, которые будутъ о томъ просить и соберутъ нужныя для того средства, а во всѣ приходы, имѣющіе болѣе 700 душъ мужескаго пола. Объясняется это, быть можетъ, тѣмъ, что на діаконовъ предположено возлагать обязанности законоучителя и учителя въ начальныхъ школахъ—особенно, по всей вѣроятности, въ школахъ церковно-приходскихъ. На самомъ дѣлѣ открытіе церковно-приходской школы зависитъ весьма часто вовсе не отъ населенности прихода, а отъ существованія или несуществованія въ немъ начальныхъ школъ другого рода, равно какъ и отъ мѣстонахожденія приходской церкви. Если приходская церковь стоитъ вдали отъ селеній, или въ селеніи, уже обладающемъ начальною школою, то назначеніе діакона ничуть не подвинетъ впередъ школьнаго дѣла, облегчивъ только, до извѣстной степени, трудъ священника по преподаванію Закона Божія. Нельзя отрицать, однако, что увеличеніе числа діа-

коновъ будетъ способствовать, во многихъ мѣстахъ, открытію церковно-приходскихъ школъ—и нельзя не порадоваться этому обстоятельству, лишь бы только развитіе одного типа начальной школы не совершалось въ ущербъ всѣмъ остальнымъ. Есть поводъ опасаться, чтобы возрастаніе числа лицъ, могущихъ взять на себя преподаваніе въ церковно-приходской школѣ, не обратилось въ аргументъ противъ сохраненія за свѣтской, земской школой и той ограниченной свободы, которою она пользовалась и пользуется до настоящаго времени. Невзгода угрожаетъ ей съ разныхъ сторонъ: со стороны тѣхъ реформаторовъ на выворотъ, которые хотятъ водворить въ земствѣ принципъ сословности и превратить его въ орудіе дворянства, къ „опредѣленнымъ интересамъ“ котораго, конечно, не принадлежитъ попеченіе о народномъ образованіи; со стороны тѣхъ фанатиковъ благонамѣренности, для которыхъ эпитеты: „земскій“ и „неблагонадежный“—различные способы выраженія одной и той же мысли; со стороны тѣхъ ревнителей старины, которые готовы замѣнить въ начальной школѣ русскій языкъ,—языкомъ церковно-славянскимъ. Не даромъ же передовая статья „Московскихъ Вѣдомостей“, привѣтствующая возстановленіе упраздненныхъ приходовъ, оканчивается указаніемъ на необходимость освободить церковно-приходскую школу „отъ рутиннаго консерватизма консисторій, отъ недостатка денежныхъ средствъ, отъ происковъ народныхъ развратителей (!?)“. Раздѣляя вполнѣ мнѣніе газеты о первомъ изъ этихъ „тормазовъ“, мы желали бы знать, какъ собственно она понимаетъ два послѣдніе? Какимъ путемъ предполагается восполнить „недостатокъ денежныхъ средствъ“ на учрежденіе церковно-приходскихъ школъ? Если при этомъ имѣется въ виду такой порядокъ, въ основаніи котораго лежало бы распредѣленіе усиленныхъ правительственныхъ субсидій между всѣми начальными школами, удовлетворяющими своему назначенію, то друзьямъ народнаго образованія оставалось бы только привѣтствовать присоединеніе московской газеты къ одному изъ самыхъ давнишнихъ ихъ желаній. Если, наоборотъ, право на правительственную поддержку разсматривается какъ привилегія одной только категоріи начальныхъ школъ, то отъ осуществленія такого взгляда можно ожидать развѣ увеличенія числа школъ—на бумагѣ, но отнюдь не улучшенія достигаемыхъ ими результатовъ. Церковно-приходскія школы, оплачиваемыя изъ бюджетныхъ средствъ, будутъ открываемы и тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ никакой надобности, и тамъ, гдѣ члены причта не чувствуютъ никакого призванія къ преподавательской дѣятельности. „Діаконское служеніе“, сказано въ синодскомъ опредѣленіи, „является естественнымъ подготовленіемъ къ священству“; уже поэтому одному многіе діаконы будутъ смотрѣть на учительскія обязанности какъ на нѣчто времен-

ное, переходное, и исполнять ихъ не изъ любви къ дѣлу, а по необходимости, въ ожиданіи лучшаго... Что касается до освобожденія церковно-приходской школы отъ „происковъ народныхъ развратителей“, то подъ этими словами—за невозможностью, для элементовъ политически неблагонадежныхъ, проникнуть въ церковно-приходскую школу—трудно разумѣть что-либо иное, кромѣ огражденія излюбленнаго школьнаго типа отъ соперничества всѣхъ остальныхъ, искусственнымъ превознесеніемъ перваго или стѣсненіемъ послѣднихъ. И то, и другое, несовмѣстно съ правильнымъ и широкимъ развитіемъ народнаго образованія. Залогъ успѣха, при громадности задачи, заключается въ привлеченіи къ ней самыхъ разнородныхъ силъ, въ открытіи всѣхъ путей, ведущихъ къ цѣли. Насколько полезна и благотворна церковно-приходская школа, какъ одна изъ многихъ равноправныхъ формъ начальнаго обученія, настолько она была бы недостаточна и безсильна, какъ единственная или через-чуръ привилегированная его форма.

Походъ на свѣтскую, земскую школу ведется, между прочимъ, подъ знаменемъ Псалтири и Часослова. Съ застрѣльщиками этого войска мы встрѣчались на страницахъ „Руси“; теперь оно нашло новаго ратника въ лицѣ г. Горбова, уже знакомаго читателямъ нашей хроники [1]). Статья этого автора, озаглавленная: „Церковно-славянскій языкъ въ народной школѣ и гимназіи“ („Москов. Вѣд.“ № 51), имѣетъ, во всякомъ случаѣ, достоинство откровенности. Ничего не прибавляя къ извѣстнымъ доводамъ о господствующей роли богослужебныхъ книгъ и славянскаго языка въ начальномъ обученіи, она интересна для насъ двумя своими сторонами: разсужденіями о значеніи Евангелія для низшей и средней школы и о введеніи Псалтири и Часослова въ сферу гимназическаго преподаванія. „Нѣтъ спору,—говоритъ г. Горбовъ,—что всякій христіанинъ долженъ не только знать Евангеліе, но и видѣть въ немъ высшее руководство для всей своей жизни. Но нельзя не обратить вниманія на то, что лишь протестантство ввело Евангеліе въ домашній, такъ сказать, обиходъ, дало его въ безотчетное распоряженіе каждаго человѣка, съ тѣмъ, чтобы, подобно нашему расколу, самому распасться на тысячи сектъ. Нечего дивиться этому результату: въ Евангеліи даются основы, на нихъ можно возводить различныя построенія. Поэтому Евангеліе, болѣе чѣмъ какую-либо иную изъ священныхъ книгъ, слѣдуетъ читать съ величайшею осторожностью(?)... Въ послѣднее двадцатипятилѣтіе у насъ принялись (!) распространять Новый

[1]) См. „Общественную Хронику“ въ № 6 „Вѣстника Европы“ за 1884 г.

Завѣтъ; при этомъ не безъ наивности воспользовались услугами Библейскаго общества (которое отлично знало, что дѣлаетъ); вслѣдствіе этого въ народѣ и въ обществѣ можно весьма часто встрѣтить Новый Завѣтъ въ его протестантскомъ видѣ, т.-е. съ библейскою, не служебною псалтирью, и безъ указателя чтеній. Вѣроятно, надѣялись этимъ способомъ поднять въ народѣ религіозность. Нѣтъ нужды говорить, что результаты были едва ли не противоположные. Это особенно видно на народной школѣ. Земская школа даетъ меньше религіознаго воспитанія (если вообще даетъ), чѣмъ старинная. А между тѣмъ, она именно замѣнила Псалтирь и Часословъ Евангеліемъ. иными словами, ослабила (?) связь своихъ учениковъ съ церковью. лишила ихъ ея непосредственнаго руководства. Эта замѣна была недавно статистически доказана (для московской губерніи) г. Орловымъ. Ему удалось, во время своихъ изслѣдованій, подслушать также и мнѣніе о ней стариковъ. Грѣхъ держать Евангеліе дома, говорятъ они; оно должно быть въ церкви, на престолѣ [1]). Такой взглядъ слишкомъ рѣзокъ; его слѣдуетъ смягчить. Церковь не запрещаетъ читать Евангеліе дома; она рекомендуетъ это, но требуетъ только. чтобы настроеніе читателя соотвѣтствовало читаемому, и чтобы никто не позволялъ себѣ произвольныхъ толкованій. Поэтому мы рѣшимся даже сказать, что и въ народную школу, при непремѣнномъ условіи изученія Часослова и Псалтири, Евангеліе можетъ быть смѣло допущено, конечно, лишь съ необходимѣйшими толкованіями. Не то въ среднеучебныхъ заведеніяхъ. Гораздо безопаснѣе изъять (!) тамъ Евангеліе изъ класснаго употребленія. Это послѣднее мнѣніе авторъ мотивируетъ тѣмъ, что жизнь и ученіе Христа узнаются на урокахъ Закона Божія, а соблазна, хотя бы только небрежнаго отношенія къ священной книгѣ, у учениковъ не будетъ".

Мы привели in extenso подлинныя слова г. Горбова, потому что они кажутся намъ какъ нельзя болѣе характеристичными. Можно ли сомнѣваться, прочитавъ ихъ, что у насъ существуетъ свой доморощенный клерикализмъ, нарождается новое поколѣніе свѣтскихъ клерикаловъ? Развѣ не клерикальная черта—недовѣріе къ распространенію —чего?—Евангелія, какъ къ чему-то уменьшающему религіозность? Развѣ не клерикальная черта—смѣшеніе или отождествленіе религіозности съ церковностью, религіознаго воспитанія съ знаніемъ уставовъ и обрядовъ? Нашимъ клерикаламъ нельзя идти такъ далеко, какъ

[1]) Нисколько не сомнѣваясь въ достовѣрности свѣденій, приводимыхъ г. Орловымъ, мы должны замѣтить, на основаніи личнаго опыта, что въ другихъ мѣстахъ отношеніе крестьянъ къ данному вопросу совершенно иное; именно, наиболѣе благочестивые изъ нихъ сочувствуютъ чтенію Евангелія въ школѣ и сами читаютъ его дома.

идутъ ихъ западные собратья; они не находятъ въ ученіи православной церкви тѣхъ твердыхъ точекъ опоры, на которыхъ держится католическій ультрамонтанизмъ. Невозможность наложить безусловный запретъ на дозволенное церковью мѣшаетъ имъ произнести свое veto противъ чтенія Евангелія мірянами — но нетрудно замѣтить, съ какимъ трудомъ они сдерживаютъ свое усердіе, какими оговорками стараются обезсилить допущенное по необходимости начало. Изъять Евангеліе изъ рукъ народа нельзя, въ виду всего сдѣланнаго для его распространенія высшею церковною властью — такъ нельзя ли по крайней мѣрѣ уменьшить его общедоступность, возбудивъ гоненіе противъ тѣхъ экземпляровъ новаго завѣта, которые отличаются своимъ „протестантскимъ видомъ"? Устранить Евангеліе изъ народной школы неудобно, потому что оно успѣло уже пустить въ ней слишкомъ глубокіе корни — такъ нельзя ли по крайней мѣрѣ устранить его изъ среднихъ учебныхъ заведеній? Такова политика людей, жаждущихъ водворить свои тенденціи и въ начальной, и въ средней школѣ. Противорѣчіе между посылками ихъ и заключеніемъ очевидно; сравнительная умѣренность послѣдняго должна уступить мѣсто, въ случаѣ успѣха, требованіямъ гораздо болѣе обширнымъ. Если „введеніе Евангелія въ домашній обиходъ"—отличительная черта протестантизма, если неизбѣжнымъ его послѣдствіемъ служитъ распространеніе сектантства, то логическимъ выводомъ отсюда (съ точки зрѣнія, на которой стоитъ г. Горбовъ) являются отнюдь не полумѣры, а нѣчто болѣе рѣшительное. Настроеніе читателя неуловимо и ничѣмъ заранѣе неопредѣлимо; гарантіи противъ неправильныхъ или произвольныхъ толкованій оно, безъ сомнѣнія, не составляетъ. Разъ что опасность послѣднихъ столь велика, столь неотразима, надежной охраной слѣдуетъ признать предупрежденіе ихъ въ самомъ корнѣ, т.-е. изъятіе Евангелія, по крайней мѣрѣ, на русскомъ языкѣ, изъ рукъ народа. Въ нашей исторіи для этого есть прецедентъ; припомнимъ судьбу Библейскаго Общества въ двадцатыхъ годахъ, послѣ замѣны князя Голицына Шишковымъ. Нѣкоторое сходство между этой эпохой и настоящимъ моментомъ существуетъ и теперь—но оно можетъ стать несравненно болѣе полнымъ, и къ этому, очевидно, направлены усилія и пожеланія группы, въ рядахъ которой дѣйствуетъ г. Горбовъ.

Мѣсто Евангелія, устраняемаго изъ среднихъ учебныхъ заведеній, должны занять, по проекту г. Горбова, псалтырь и часословъ. „Одними уроками священной исторіи и катихизиса—говоритъ авторъ проекта,—ограничиться нельзя; они доведутъ учениковъ до знанія фактовъ и догматовъ, но не откроютъ имъ смысла и теченія религіозной жизни. Чтобы поправить дѣло, надо всячески расширить обу-

ченіе церковно-славянскому языку; доселѣ онъ преподавался въ гимназіяхъ лишь какъ языкъ славянскій, надо преподавать его и какъ языкъ церковный, въ связи съ изученіемъ богослужебныхъ книгъ". Часословъ и Псалтырь должны быть изучаемы „въ полномъ ихъ составѣ", потому что только этимъ путемъ можно „узнать ихъ съ необходимою основательностью", а также „свыкнуться со всѣми ихъ техническими и условными подробностями". „Не будемъ же бояться,— восклицаетъ г. Горбовъ,—посадимъ гимназистовъ прямо за Часословъ и Псалтырь, въ кожаныхъ переплетахъ, съ краснымъ обрѣзомъ и мѣдными застежками! А тамъ, съ Божьей помощью, они познакомятся и со Служебникомъ и съ Минеями, и съ Тріодями". Когда у гимназистовъ для всего этого найдется время—г. Горбовъ не объясняетъ; ужъ не полагаетъ ли онъ превратить гимназіи въ монастырскія или славяно-греко-латинскія школы? Это было бы и послѣдовательнѣе, и проще. Часословомъ и Псалтырью можно было бы замѣнить новые языки; служебникомъ и Тріодями—математику: Минеями—исторію и географію. Соотвѣтствующихъ результатовъ отъ подобнаго превращенія можно было бы ожидать, впрочемъ, въ такомъ лишь случаѣ, еслибы окончившіе курсъ по программѣ г. Горбова поступали въ монастыри или, по крайней мѣрѣ, въ общество, во всемъ организованное по русскому образцу XVII-го вѣка, тщательно огражденное отъ сношеній съ западной Европой... Преобразователямъ нашей средней школы не мѣшало бы вспомнить хоть о томъ обстоятельствѣ, что духовныя семинаріи, ученикамъ которыхъ богослужебныя книги всегда были достаточно знакомы, поставили въ лагерь отрицателей контингентъ, едвали менѣе многочисленный, чѣмъ гимназіи.

Религіозное настроеніе не у всѣхъ и не всегда можетъ быть поддерживаемо одними и тѣми же средствами. Могущественно дѣйствующее на одного можетъ быть лишено всякой силы по отношенію къ другому; точка опоры, если она не избрана добровольно, можетъ обратиться въ камень преткновенія, источникъ твердости—въ источникъ колебаній. Закрыть передъ потребностью въ религіозномъ утѣшеніи всѣ пути, кромѣ одного, не значитъ еще направить ее именно на этотъ путь; не находя удовлетворенія въ излюбленной ею формѣ, она можетъ совершенно заглохнуть, уступить мѣсто невѣрію или индифферентизму. Отсюда опасность и безцѣльность борьбы, орудіемъ которой, въ области вѣрованія и чувства, служитъ формализмъ или обязательная обрядность, стѣсненіе или принужденіе. Чѣмъ громче раздаются въ нашей печати мнѣнія въ родѣ тѣхъ, о которыхъ мы только-что говорили, тѣмъ пріятнѣе встрѣтиться со слухомъ — по видимому, достовѣрнымъ—о снятіи запрещенія съ такъ называемыхъ

пашковскихъ религіозныхъ брошюръ и о дозволеніи г. Пашкову и графу Корфу возвратиться въ Россію. По прежнему далекіе отъ всякаго сочувствія къ нашимъ великосвѣтскимъ ересямъ, мы продолжаемъ думать, что противовѣсъ для нихъ можно найти только въ убѣжденіи, а не въ силѣ. Нельзя не пожелать, чтобы та доля свободы, которая предоставлена пашковцамъ, была распространена, наконецъ, и на ученье графа Л. Н. Толстого, новая статья котораго: „Такъ что жъ намъ теперь дѣлать“? опять не могла появиться на свѣтъ. Средства охраны, которыми располагаетъ православная церковь, значительно увеличены возстановленіемъ упраздненныхъ приходовъ; логическимъ послѣдствіемъ этой мѣры должно быть уменьшеніе внѣшняго гнета, тяготѣющаго надъ всѣми внѣ-церковными религіозными теченіями. Борьба противъ послѣднихъ должна сдѣлаться исключительно достояніемъ духовенства, достаточно вооруженнаго для нея и не нуждающагося въ поддержкѣ уголовнаго суда или полицейской власти. Само собою разумѣется, что союзниками духовенства въ этой борьбѣ могутъ быть и добровольцы изъ среды міранъ лишь бы только они не апеллировали къ „властной рукѣ“, не требовали косвенно или прямо административныхъ мѣропріятій противъ иначе мыслящихъ и вѣрующихъ. Въ томъ же самомъ номерѣ газеты, въ которомъ мы прочли извѣстіе о предстоящемъ возвращеніи г. Пашкова, перепечатано изъ „Кіевской Старины“ сообщеніе, имѣющее характеръ уголовнаго обвиненія противъ „пашковцевъ“. Усматривая въ распространеніи Евангелія на русскомъ языкѣ одну изъ причинъ совращенія въ штунду и въ баптизмъ, авторъ сообщенія утверждаетъ, что дѣятельными агентами пропаганды были, между, прочимъ книгоноши изъ числа пашковцевъ, поселившіеся на югѣ Россіи для безплатной раздачи „Новаго Завѣта“. На чемъ основана увѣренность автора, какимъ образомъ онъ могъ приподнять завѣсу, подъ которой всегда скрывается у насъ проповѣдь новаго религіознаго ученія—это остается неизвѣстнымъ; предположеніе, вовсе можетъ быть не соотвѣтствующее истинѣ, возводится на степень факта, которымъ не преминутъ воспользоваться наши нео-клерикалы. Для лицъ, раздѣляющихъ мнѣнія г. Горбова, явится новый поводъ возставать противъ распространенія въ народѣ Евангелія на русскомъ языкѣ. Прежде чѣмъ подливать воду на мельницу, безъ того уже снабженную ею слишкомъ обильно, органамъ печати слѣдовало бы по меньшей мѣрѣ удостовѣряться въ несомнѣнной точности данныхъ, изъ которыхъ дѣлается общій выводъ.

Конецъ прошедшаго и начало нынѣшняго года должны были навести нѣкоторое уныніе на систематическихъ враговъ суда присяжныхъ. Такихъ приговоровъ, которые можно было бы обратить въ орудіе борьбы противъ ненавистнаго учрежденія, не было постановляемо вовсе—за то не было недостатка въ вердиктахъ, прямо говорящихъ въ пользу существующаго порядка. Дѣла о хищеніяхъ въ скопинскомъ и сапожковскомъ городскихъ банкахъ, дѣло Свиридова (при вторичномъ разсмотрѣніи его въ кіевскомъ окружномъ судѣ), недавно рѣшенное въ Москвѣ дѣло о поджогѣ застрахованныхъ барокъ, доказывали, одно за другимъ, способность присяжныхъ разобраться въ массѣ самыхъ запутанныхъ данныхъ и вывести изъ нихъ справедливое рѣшеніе, не погрѣшающее ни излишнею снисходительностью, ни излишнею строгостью. Къ длинному ряду этихъ доказательствъ присоединилось теперь еще одно, чуть ли не самое яркое—приговоръ по таганрогскому таможенному дѣлу. Была, правда, сдѣлана въ одной газетѣ попытка извлечь изъ него поголовное обвиненіе русскихъ присяжныхъ въ непослѣдовательности, въ „сантиментальности“ (!), „обыкновенно (?!) заглушающей логику и уваженіе къ общественнымъ интересамъ“; но эта попытка встрѣтила отпоръ, и отпоръ побѣдоносный, на страницахъ той же самой газеты. По свидѣтельству „юриста“, присутствовавшаго, съ начала до конца, при разборѣ таганрогскаго дѣла въ харьковской судебной палатѣ, присяжные, въ продолженіе двадцати-трехъ дней остававшіеся отрѣзанными отъ міра, употребившіе цѣлыхъ три дня на разрѣшеніе предложенныхъ имъ 1315 (!) вопросовъ, „выдержали этотъ искусъ съ поразительнымъ терпѣніемъ и спокойствіемъ, посвящая дѣлу неослабѣвающее вниманіе, не упуская изъ виду ни одной, хотя бы самой мельчайшей подробности, все отмѣчая въ розданныхъ имъ судомъ для замѣтокъ книжкахъ, не обнаруживая никакой нервности даже тогда, когда казалось, что процессъ затягивается до безконечности, что онъ превращается въ какое-то скучное засѣданіе техническаго общества“. Обвинивъ всѣхъ главныхъ подсудимыхъ, какъ изъ числа чиновниковъ, такъ и изъ числа купцовъ, присяжные оправдали остальныхъ не потому, чтобы истощили весь наличный запасъ энергіи, а вслѣдствіе вѣскихъ причинъ, оцѣнка которыхъ требовала бы подробнаго изложенія обстоятельствъ дѣла. Неудивительно, что въ виду такихъ фактовъ умолкаютъ обычныя выходки противъ суда присяжныхъ—но имъ на смѣну выдвигаются тотчасъ же новые способы борьбы. Въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появляются двѣ статьи „бывшаго присяжнаго“, въ которыхъ вопросъ о достовѣрности приговоровъ, постановляемыхъ присяжными, разсматривается съ математической точки зрѣнія, въ связи съ теоріей вѣроятностей.

Основная мысль автора заключается въ томъ, что вѣроятность справедливаго рѣшенія прямо пропорціональна числу голосовъ, которымъ рѣшеніе постановлено, т.-е. наиболѣе велика при единогласіи присяжныхъ, наиболѣе велика при наименьшемъ возможномъ большинствѣ голосовъ (7 противъ 5). Не станемъ говорить о томъ, въ какой мѣрѣ отвлеченные математическіе законы примѣнимы къ такимъ сложнымъ явленіямъ, какъ судебное рѣшеніе; остановимся только на практическомъ выводѣ, вытекающемъ изъ аргументаціи „бывшаго присяжнаго". Противъ суда присяжныхъ, какъ учрежденія, она ровно ничего не доказываетъ, и помѣщеніе ея въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" можетъ быть объяснено только недоразумѣніемъ со стороны редакціи, только желаніемъ ея поколебать лишній разъ, чѣмъ бы то ни было и во что бы то ни стало, довѣріе къ приговорамъ, постановляемымъ присяжными. Чѣмъ бы ни замѣнить присяжныхъ—коронными ли судьями, шеффенами ли, сословными ли представителями—шансы ошибокъ, исчисляемые на основаніи теоріи вѣроятностей, останутся тѣ же, пока рѣшенія будутъ постановляемы по большинству голосовъ. Единственное логичное заключеніе, къ которому приводитъ экскурсія изъ области суда въ область математики—это перемѣна въ самомъ способѣ рѣшенія, замѣна простого большинства голосовъ большинствомъ болѣе внушительнымъ (двухъ третей, трехъ четвертей, пяти шестыхъ и т. д.) или просто единогласіемъ, по образцу англійскихъ порядковъ. Каковы были бы, однако, практическіе результаты такой замѣны? Можно ли допустить, что она уменьшила бы число оправдательныхъ приговоровъ—тѣхъ приговоровъ, изъ-за которыхъ поднимаются почти всѣ газетныя бури противъ присяжныхъ? Безъ сомнѣнія—нѣтъ. Большинствомъ голосовъ, хотя бы минимальнымъ, постановляются вѣдь, сплошь и рядомъ, не только оправдательные, но и обвинительные приговоры. Требованіе единогласія, за рѣдкими исключеніями, было бы равносильно побѣдѣ большинства надъ меньшинствомъ—т.-е. сохраненіемъ status quo, подъ другой, обманчивой формой. Присяжный, несогласный съ мнѣніемъ своихъ товарищей, почти всегда оканчивалъ бы вынужденной уступкой, номинальнымъ присоединеніемъ къ большинству. Вопросъ, такимъ образомъ, сводится къ тому, за что чаще стоитъ большинство; если за оправданіе, то оправданія будутъ преобладать и при обязательно-единогласныхъ вердиктахъ—и наоборотъ. Если въ Англіи процентъ оправдательныхъ приговоровъ меньше, чѣмъ въ Россіи, то это слѣдуетъ приписать не способу рѣшенія дѣлъ, а многимъ другимъ условіямъ—давности существованія въ Англіи суда присяжныхъ, національному характеру и темпераменту англичанъ, авторитету англійскихъ судей и т. п. Скажемъ болѣе: есть основаніе думать, что у насъ требованіе едино-

гласія благопріятствовало бы скорѣе оправданію, чѣмъ обвиненію подсудимыхъ. Представимъ себѣ, что въ одномъ случаѣ одиннадцать присяжныхъ противъ одного высказались, при первомъ голосованіи, за оправданіе, въ другомъ—за осужденіе подсудимаго. Въ какомъ изъ этихъ случаевъ больше шансовъ, что одинъ перетянетъ на свою сторону всѣхъ остальныхъ или доведетъ своимъ упорствомъ до передачи дѣла на разсмотрѣніе другого состава присяжныхъ? Намъ кажется, что въ послѣднемъ, и вотъ почему. Чтобы обвинить подсудимаго, нужно убѣдиться въ его виновности—чтобы оправдать его, достаточно допустить возможность его невинности. Что легче—убѣдить одиннадцать человѣкъ или возбудить въ нихъ колебаніе, сомнѣніе? Что легче—добиться отъ людей, не увѣренныхъ въ виновности подсудимаго, подписанія обвинительнаго приговора, или склонить людей, плохо вѣрящихъ въ невинность подсудимаго, къ оправданію его за недостаточностью доказательствъ? Отъ кого можно ожидать большей настойчивости, большей выдержки — отъ того ли, кто хочетъ спасти подсудимаго, или отъ того, кто хочетъ подвести его подъ уголовную кару? На всѣ эти вопросы, особенно въ виду извѣстныхъ свойствъ русской натуры — мягкости, жалостливости, отзывчивости—едва ли могутъ быть даны два различные отвѣта. Допустимъ, однако, что непреклонность одного присяжнаго помѣшала произнесенію оправдательнаго вердикта и повлекла за собою новое разсмотрѣніе дѣла; много ли при этомъ возникаетъ шансовъ для осужденія подсудимаго? Очень мало, потому что самый фактъ вторичнаго разбора возбуждаетъ въ присяжныхъ состраданіе къ обвиняемому, дважды подвергающемуся одной и той же нравственной пыткѣ, и не располагаетъ ихъ въ пользу обвиненія. Итакъ, каковы бы ни были, сами по себѣ, достоинства и недостатки системы, требующей отъ присяжныхъ единогласнаго рѣшенія, привести къ большей строгости приговоровъ эта система ни въ какомъ случаѣ не можетъ, и вопросъ о перенесеніи или неперенесеніи ея на нашу почву долженъ обсуждаться не съ обычной точки зрѣнія московской газеты.

Возвращаемся къ таганрогскому дѣлу, чтобы указать въ немъ еще одну черту, весьма характеристичную для суда присяжныхъ. Обвинены присяжными именно тѣ подсудимые, защита которыхъ отличалась особою талантливостью, особымъ блескомъ. На публику, даже на представителей обвиненія нѣкоторыя защитительныя рѣчи произвели, повидимому, большое, глубокое впечатлѣніе—но онѣ не подѣйствовали на присяжныхъ, основавшихъ свой приговоръ на спокойной, самостоятельной оцѣнкѣ обстоятельствъ дѣла. Не слѣдуетъ

ли заключить отсюда, что адвокатское краснорѣчіе, даже самой высшей пробы, вовсе не представляетъ тѣхъ опасныхъ сторонъ, на которыя любятъ напирать враги новаго суда и самостоятельной адвокатуры? Не ясно ли, что для достиженія цѣлей правосудія нѣтъ никакой надобности стѣснять свободу защиты, усиливать дисциплинарную власть предсѣдателя или суда и побуждать ихъ къ неукоснительно-строгому пользованію этою властью? Задача защиты совершенно отлична отъ задачи суда — но это еще не значитъ, чтобы между тою и другою существовало внутреннее противорѣчіе. Защитникъ, прежде всего—истолкователь дѣйствій обвиняемаго. Онъ можетъ и долженъ выставлять на видъ тѣсную связь между единичнымъ поступкомъ и ходячими взглядами, между личною и общественною нравственностью — но отъ судей или присяжныхъ зависитъ опредѣлить, такъ ли велика эта связь, чтобы она могла оправдать подсудимаго или уменьшить его виновность. Напрасно было бы негодовать на защиту за констатированіе той легкости, съ которою обходятся у насъ на каждомъ шагу таможенныя правила—напрасно уже потому, что этому аргументу обвинитель или гражданскій истецъ, безъ сомнѣнія, противопоставили другой, не менѣе вѣскій, и выборъ между обоими былъ открытъ для присяжныхъ. Присяжные, очевидно, сказали самимъ себѣ, что хотя между пассажиромъ, не уплачивающимъ нѣсколькихъ рублей за два-три платья, купленныя имъ для жены, и купцемъ, систематически освобождающимъ себя, путемъ сдѣлокъ съ таможенными чиновниками, отъ многихъ десятковъ тысячъ таможеннаго сбора, и существуетъ нѣкоторое сходство, но оно значительно перевѣшивается различіемъ—такъ значительно, что обычная безнаказанность перваго отнюдь не можетъ служить доводомъ противъ наказуемости второго.

Преступленіе весьма часто является не чѣмъ инымъ, какъ крайнимъ выраженіемъ сильно развитого въ обществѣ инстинкта, крайнимъ результатомъ господствующей или широко распространенной привычки. Оно не перестаетъ, вслѣдствіе этого, быть преступленіемъ—но оно становится, вмѣстѣ съ тѣмъ, напоминаніемъ о чемъ-то неладномъ, о чемъ-то гниломъ, неустранимомъ посредствомъ однихъ только преслѣдованій и наказаній. Обязанность подчеркнуть это напоминаніе упадаетъ преимущественно на долю защиты—и этимъ обусловливается, между прочимъ, ея значеніе въ уголовномъ процессѣ. Раскрыта ли защитой та или другая слабая сторона общественной жизни какъ обстоятельство, оправдывающее преступника, или какъ причина, объясняющая преступленіе—указаніе ея, если оно мѣтко и справедливо, во всякомъ случаѣ сохраняетъ свою цѣну, сохраняетъ ее независимо отъ вліянія, оказаннаго имъ на исходъ даннаго дѣла. Разсматривая

съ этой точки зрѣнія защиту Вальяно и К-°, нельзя не признать, вмѣстѣ съ нею, что стремленіе уклониться отъ уплаты таможенныхъ пошлинъ—это зерно, изъ котораго выросло объемистое и широко развѣтвленное дерево таганрогскихъ хищеній—составляетъ у насъ не столько исключеніе, сколько общее правило. Обманъ, объектомъ котораго служитъ таможня, сплошь и рядомъ—если размѣры его не велики—считается скорѣе невинной шуткой, чѣмъ безнравственнымъ, безчестнымъ поступкомъ. Откуда такое странное извращеніе понятій? Мы едва ли ошибемся, если станемъ искать его главный источникъ въ томъ складѣ мыслей и чувствъ, который образовался въ высшихъ привилегированныхъ классахъ нашего общества вслѣдствіе ихъ привилегированности, вслѣдствіе вѣковой ихъ свободы отъ всякихъ видимыхъ [1]) матеріальныхъ обязательствъ по отношенію къ государству. Ничего, при обыкновенныхъ условіяхъ, не платя въ казну и видя въ этомъ одинъ изъ признаковъ своего превосходства надъ массой податныхъ сословій, привилегированные классы не могли не относиться съ неудовольствіемъ, похожимъ на негодованіе, ко всякому требованію, „низводившему" ихъ въ разрядъ плательщиковъ налога. Эта исторически выработанная черта отразилась еще недавно въ неблагосклонномъ пріемѣ, сдѣланномъ, съ разныхъ сторонъ, закону 1882 г. о пошлинѣ съ наслѣдствъ, и продолжаетъ отражаться въ попыткахъ обойти дѣйствіе этого закона. Она исчезнетъ только тогда, когда въ законодательствѣ и въ жизни не останется больше мѣста для самого понятія о сословныхъ податныхъ привилегіяхъ, когда постыднымъ и унизительнымъ будетъ считаться не участіе въ общемъ податномъ бремени, а уклоненіе отъ него, неоправдываемое нуждою. Пора убѣдиться въ томъ, что всякій недочетъ въ налогахъ, платимыхъ болѣе достаточными классами, упадаетъ на массу плательщиковъ, исправныхъ по-неволѣ, что обманъ казны, наполняемой трудовыми копѣйками народа, ничѣмъ не отличается отъ обмана, направленнаго противъ частныхъ лицъ. Мы очень хорошо знаемъ, что распространеніе этого убѣжденія находится въ связи съ политическимъ воспитаніемъ народа, съ укрѣпленіемъ общаго понятія о правѣ и о соотвѣтствующихъ ему обязанностяхъ; но если политической честности не одинаково благопріятствуетъ всякій государственный и общественный строй, то это еще не значитъ, чтобы попеченіе о ней могло быть отложено до наступленія другихъ, болѣе счастливыхъ условій. Чѣмъ

---

[1]) Говоримъ: видимыхъ, потому, что уплата косвенныхъ налоговъ, сливающихся съ цѣною товара, не бросается въ глаза, да и избѣжать ея большею частью нѣтъ возможности.

дольше держались податныя привилегіи, тѣмъ тяжелѣе долгъ, накопившійся на привилегированныхъ классахъ, тѣмъ непростительнѣе стремленіе ускользнуть отъ его уплаты, разъ что она сдѣлалась до извѣстной степени возможной. У насъ реакція противъ старыхъ взглядовъ и привычекъ, узаконяющихъ или извиняющихъ безцеремонное отношеніе къ казнѣ, тѣмъ болѣе необходима, что въ близкомъ будущемъ предстоитъ—нужно надѣяться—введеніе подоходнаго налога, въ взиманіи котораго существенно важную роль играетъ именно добросовѣстность плательщиковъ.

„Мы не считаемъ существующихъ законовъ о печати особенно стѣснительными для писателя". Въ устахъ администратора новѣйшей школы, въ устахъ дилеттанта, незнакомаго по собственному опыту съ бременемъ журнальной или газетной работы, въ устахъ больного звукобоязнію, выше всего ставящаго молчаніе или робкій, едва слышный шопотъ, это изреченіе насъ бы не удивило; но повѣрятъ-ли читатели, что оно произнесено писателемъ, журналистомъ по профессіи, болѣе двадцати лѣтъ стоящимъ въ круговоротѣ періодической прессы? Правда, продиктованы ему эти слова прекраснымъ чувствомъ—чувствомъ благодарности; онъ только-что получилъ разрѣшеніе издавать свой журналъ безъ предварительной цензуры. Подъ вліяніемъ радостнаго волненія не слѣдовало бы, однако, забывать о другихъ и думать только о самомъ себѣ. Еслибы приведенная нами фраза была редактирована такимъ образомъ: „мы не считаемъ существующихъ законовъ о печати особенно стѣснительными для насъ лично", то противъ нея нельзя было бы сказать ни слова; она соотвѣтствовала бы, быть можетъ, дѣйствительному положенію дѣла, или выражала бы собою субъективное настроеніе автора, не подлежащее критики. Г. Аверкіеву, быть можетъ, одинаково легко издавать свой „Дневникъ писателя" и подъ цензурой, и безъ цензуры; но никакихъ общихъ выводовъ изъ этого единичнаго факта, очевидно, выводить нельзя, и легкое для одного не становится еще, тѣмъ самымъ, „не особенно стѣснительнымъ" для всѣхъ писателей. Скажемъ болѣе: пока законы о печати—съ ихъ дополненіями, разъясненіями и практическими примѣненіями—узаконяютъ, въ сущности, одно только „усмотрѣніе", никто не можетъ сказать заранѣе, что никогда не почувствуетъ отъ нихъ никакихъ „особенныхъ стѣсненій". Бывшему сотруднику „Времени" это должно было бы быть понятно больше чѣмъ кому бы то ни было другому. Приступая къ изданію „Времени", братья Достоевскіе и журнальные ихъ друзья

имѣли полное право, полное основаніе надѣяться, что не встрѣтять на своемъ пути никакихъ „особыхъ" препятствій. Не прошло и двухъ съ половиною лѣтъ, какъ эта надежда уступила мѣсто разочарованію; извѣстно недоразумѣніе, вызванное статьею г. Страхова (г. Страхова!): „Роковой вопросъ", извѣстны и печальныя послѣдствія этого недоразумѣнія для журнала, только-что начинавшаго пріобрѣтать прочное мѣсто въ литературѣ. Нужно ли напоминать о невзгодѣ, постигшей въ 1866 г. газету г. Каткова, объ опалѣ, такъ долго тяготѣвшей, послѣ запрещенія „Москвы" и „Москвича", надъ органами славянофильства?.. Далеко не равны, конечно, шансы писателей испытать на себѣ удары Дамоклова меча—но отъ возможности его паденія не огражденъ никто. Сознаніе общей опасности вызываетъ обыкновенно нѣкоторую солидарность, выражающуюся, по меньшей мѣрѣ, въ желаніи другихъ, лучшихъ условій. Русская печать составляетъ, къ несчастью, исключеніе изъ общаго правила: нѣкоторые органы ея избираютъ своимъ девизомъ старую экономическую формулу: „chacun pour soi, chacun chez soi"—или, въ вольномъ русскомъ переводѣ: „мнѣ хорошо—а до другихъ мнѣ нѣтъ дѣла". Съ этой точки зрѣнія „Правительственный Вѣстникъ" несомнѣнно правъ, выставляя на видъ, въ замѣткѣ о „Дневникѣ—писателя", „оригинальность и независимость убѣжденій" г. Аверкіева. „Въ главныхъ руководящихъ статьяхъ „Дневника", говоритъ названная нами газета,—чувствуется самостоятельный голосъ, не подкупленный вліяніемъ какихъ нибудь литературныхъ партій и авторитетовъ". Дѣйствительно, мнѣніе о „не особенной стѣснительности существующихъ законовъ о печати" ни изъ какой „литературной партіи" не можетъ исходить и безъ преувеличенія можетъ быть названо оригинальнымъ.

„Правительственный Вѣстникъ" хвалитъ г. Аверкіева; газета князя Мещерскаго хвалитъ г. Пазухина, знакомаго нашимъ читателямъ по предъидущему внутреннему обозрѣнію. Похвалы, идущей изъ этого источника, только и недоставало для полноты извѣстности г. Пазухина. „Пазухинъ",—говоритъ авторъ „Дневника" въ „Гражданинѣ",—еще молодой человѣкъ. Молодость даетъ его рѣчи свѣжесть и бодрость; но всѣ мы замѣтили, что въ немъ нѣтъ увлеченій ни предвзятыми мыслями (!), ни поверхностными впечатлѣніями: вѣроятно, оттого онъ такъ ясенъ и убѣжденно убѣдителенъ... Насъ слушало его нѣсколько человѣкъ, и всякій изъ насъ испыталъ то же самое впечатлѣніе. Каждый изъ насъ понялъ, что человѣкъ, излагавшій свой взглядъ на мѣстные политическіе вопросы, не принадлежалъ ни къ какой партіи, а передавалъ сущность того, что свѣтлымъ и безпристрастнымъ умомъ имъ было выработано въ жизнен-

ной практикѣ, одно—какъ аксіомы, другое—какъ вѣроятныя и правдоподобныя положенія". Въ какой степени свѣтла и безпристрастна мысль г. Пазухина—объ этомъ можетъ судить каждый читатель его статьи; но мы не безъ удовольствія узнали, что онъ не примыкаетъ ни къ какой партіи, и что слѣдовательно проектъ дворянскаго земства и „высшаго земскаго сословія" принадлежитъ лично ему, ему одному. Остается только пожелать, чтобы этотъ проектъ и на будущее время продолжалъ быть собственностью одного лишь своего автора.

Въ Москвѣ давно окончились городскіе выборы, въ Петербургѣ только-что начались.

Можно ли представить себѣ болѣе сильный аргументъ въ пользу неотложнаго пересмотра Городового Положенія 1870 г., чѣмъ результатъ выборовъ въ петербургскую городскую думу по первому разряду избирателей? Нормальны ли, терпимы ли такіе избирательные порядки, при которыхъ небольшая горсть людей, обладающая, однако, правомъ избирать цѣлую треть гласныхъ, пользуется этимъ правомъ, и притомъ, на „законномъ" основаніи, для проведенія въ думу элементовъ, на этотъ разъ прямо враждебныхъ интересамъ массы городского населенія? Далеко еще не покончивъ своихъ счетовъ съ обществомъ водопроводовъ, дума рискуетъ обратиться въ филіальное учрежденіе этого общества, въ его контору; на помощь представителямъ и защитникамъ послѣдняго, и прежде уже слишкомъ многочисленнымъ въ рядахъ городского управленія, являются теперь новыя силы, ознаменовавшія себя покамѣстъ только одною, осужденною дважды судомъ, борьбою ихъ съ городомъ. Большее изъ двухъ золъ всегда заставляетъ пожалѣть о меньшемъ; отсутствіе крѣпко сплоченныхъ, правильно организованныхъ партій отзывалось иногда неблагопріятно на городскихъ выборахъ, а потомъ и на дѣятельности городской думы—но оно было въ тысячу разъ лучше, чѣмъ существованіе такой партіи, какая „побѣдила" на выборахъ 11—16 марта и, судя по газетнымъ свѣденіямъ, собирается „побѣдить" на выборахъ второго, а можетъ быть и третьяго разрядовъ, т.-е. выбрать себя до выборовъ, а на выборы явиться только для формальности, съ тѣмъ, чтобы можно было послѣ того утверждать, что вотъ-молъ городское общество само склоняется въ пользу грязной воды, а потому и выбираетъ своими представителями усердныхъ поставщиковъ ея и защитниковъ. Остается развѣ надѣяться, что со вторымъ и съ третьимъ разрядомъ справиться будетъ не такъ легко, какъ съ первымъ, гдѣ число избирателей не превышало 200, а потому овладѣть, тѣми или

другими способами, довѣренностью въ первомъ разрядѣ не представляло особаго затрудненія; но самая полнота перваго торжества, быть можетъ, разбудитъ городское общество и тѣмъ предупредитъ повтореніе печальной ошибки, а довѣрителей заставитъ вспомнить извѣстное изреченіе: „Traue, schaue wem"—вѣрь, но смотри, кому вѣришь!!

Наше внутреннее обозрѣніе, въ виду наступающихъ праздниковъ. было уже сдано въ печать, когда мы прочли правительственное сообщеніе о внесеніи министромъ финансовъ въ государственный совѣтъ проекта положенія, устанавливающаго процентный сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ. Нельзя не привѣтствовать эту финансовую мѣру, какъ новый шагъ къ введенію общаго подоходнаго налога и пожелать утвержденія проекта еще до окончанія законодательной сессіи 1884—1885 гг.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА.

МАРТЪ — АПРѢЛЬ, 1885.

Книга третья.—Мартъ.

Книга четвертая.—Апрѣль.

БИБЛIОГРАФИЧЕСКIЙ ЛИСТОКЪ.

Политическая экономія, какъ ученіе о процессѣ развитія экономическихъ явленій. И. Иванюковъ, проф. Петровской академіи. Спб. 1885. Стр. 548. Цѣна 3 р. 50 к. съ пересылкой.

Въ одномъ изъ своихъ прежнихъ трудовъ, а именно: „Основныя положенія теоріи экономической политики съ Ад. Смита до настоящаго времени“, авторъ подробно разсмотрѣлъ важнѣйшія движенія въ экономической литературѣ и оцѣнку основъ современнаго хозяйственнаго строя со стороны различныхъ экономическихъ школъ, а потому въ новомъ своемъ трудѣ онъ ограничивается, въ этомъ отношеніи, однимъ указаніемъ въ общихъ чертахъ на исторію политико-экономической литературы. Существенную часть новаго труда составляетъ изслѣдованіе фактическихъ условій развитія важнѣйшихъ экономическихъ явленій современнаго общества въ Европѣ, сумма которыхъ составляетъ то, что называется производительностью страны, обусловливаемою со стороны природы и труда. Въ двухъ послѣднихъ книгахъ авторъ останавливается на разсмотрѣніи условій обмѣна и распредѣленія производства. Одна изъ главныхъ заслугъ настоящаго труда проф. Иванюкова состоитъ, безъ сомнѣнія, въ томъ, что онъ даетъ въ немъ широкое мѣсто даннымъ, заимствованнымъ изъ экономическихъ явленій русскаго общества и жизни.

Дневникъ пребыванія Царя-Освободителя въ дунайской арміи, въ 1877 г. Состав. Л. М. Чичаговъ. Печатано съ Высочайшаго разрѣшенія. Спб. 1885. Стр. 293. Ц. 2 р.

Все относящееся къ памятной эпохѣ послѣдней войны имѣетъ чрезвычайную важность, которая усиливается въ настоящемъ случаѣ именно потому, что центромъ воспоминаній служитъ лицо покойнаго Государя Императора. Авторъ настоящаго „Дневника“ не ограничился, впрочемъ, тѣмъ, что ему было извѣстно, какъ одному изъ участниковъ кампаніи, но воспользовался также и неизданными записками одного изъ лицъ, стоявшихъ весьма близко къ главной императорской Квартирѣ, а равно и печатными разсказами того времени, разсѣянными въ различныхъ изданіяхъ. Будущій біографъ покойнаго Императора, безъ сомнѣнія, найдетъ для себя не мало матеріаловъ въ трудѣ г. Чичагова, который является едва ли не первымъ опытомъ собранія многого, что до сихъ поръ хранилось въ устномъ преданіи, если не считать подобнаго же „дневника“, составленнаго гр. В. Соллогубомъ, состоявшимъ, именно для этой цѣли, при главной императорской Квартирѣ; но, по замѣчанію автора, эта книга сдѣлалась библіографическою рѣдкостью, такъ какъ она сохранилась въ рукахъ лишь немногихъ лицъ, получившихъ ее отъ самого составителя.

Всеобщая исторія литературы, составленная по источникамъ и новѣйшимъ изслѣдованіямъ, п. р. проф. А. Кирпичникова. Вып. XVII. Спб. 1885.

Пріостановившееся-было изданіе, за смертью перваго его редактора В. Θ. Корша, продолжается теперь энергически, и за недавно появившимся выпускомъ вышелъ въ свѣтъ новый, которымъ заключается второй томъ, посвященный исторіи средневѣковой литературы. Англійская литература конца среднихъ вѣковъ, средневѣковая драма и французская исторіографія въ средніе вѣка, вмѣстѣ съ заключительною главою, посвященною общей картинѣ западной Европы наканунѣ „возрожденія“,—составляютъ конецъ второго тома. Въ этомъ же выпускѣ помѣщено начало очерка новой литературы славянскихъ народовъ.

Земля и люди. Всеобщая географія, Эл. Реклю. VII. Восточная Азія. Китайская имперія, Корея и Японія. Съ 91 рисунк. и картою. Спб. 1885. Стр. 696. Ц. 8 р.

Переводъ этого монументальнаго труда, выходящаго въ Парижѣ выпусками, составляетъ весьма важный вкладъ въ нашу географическую литературу. Первые пять томовъ содержатъ европейскія государства, включая и Россію. Съ шестого тома начинается Азія, и именно въ составъ его входятъ азіатскія владѣнія Россіи и среднеазіатскія ханства; новый томъ обнимаетъ собою территорію ближайшихъ нашихъ сосѣдей на дальнемъ Востокѣ. Внѣшняя сторона изданія и приложенныя иллюстраціи можно назвать безукоризненными и остается только желать, чтобы подобное полезное и дорого стоющее изданіе нашло себѣ поддержку въ нашей публикѣ.

Исторія искусствъ, съ древнѣйшихъ временъ, П. П. Гнѣдича. Съ 430 гравюрами. Спб. 1885. Стр. 496. Ц. 6 р.

Авторъ, не претендуя дать учебникъ или ученое изслѣдованіе, рекомендуетъ свое изданіе, какъ книгу для чтенія или пособіе при изученіи исторіи, какого, по его мнѣнію, на русскомъ языкѣ до сихъ поръ не существовало. Впрочемъ, каждое изъ нашихъ періодическихъ иллюстрированныхъ изданій можетъ въ томъ же смыслѣ служить и какъ матеріалъ для чтенія, и какъ пособіе. Въ изданіи г. Гнѣдича, конечно, введена нѣкоторая система, и сюжеты распредѣлены по странамъ и хронологіи, но въ этой системѣ замѣтна какая-то случайность въ выборѣ образцовъ, или зависимость автора отъ своихъ источниковъ и матеріаловъ. Въ исторіи, напримѣръ, костюмовъ двухъ послѣднихъ вѣковъ, очень даже странно встрѣтить вмѣстѣ съ дѣйствительными костюмами утрированныя ихъ изображенія: послѣднее даетъ понятіе о каррикатурахъ того времени, а не о самомъ костюмѣ; но, вѣроятно, автору попалъ въ руки какой-нибудь сборникъ съ каррикатурами: онъ сдѣлалъ позаимствованіе и оттуда.

Путевыя впечатлѣнія въ Португаліи, Франціи, Австріи и Италіи, К. Скальковскаго. Спб. 1886. Стр. 295.

Въ настоящей книжкѣ соединены очерки являвшіеся отрывочно въ періодической печати, но въ болѣе обработанномъ видѣ и съ примѣчаніями. Почти при полномъ отсутствіи, въ нашей литературѣ путешествій, какихъ-нибудь замѣтокъ о современной Португаліи, сообщаемыя свѣдѣнія о жизни и нравахъ нынѣшняго ея общества, при всей видимой случайности источниковъ этихъ свѣдѣній, представляютъ интересъ новизны. Очеркъ послѣдней вѣнской выставки является весьма кстати, въ виду предстоящей всемірной выставки въ Парижѣ. Авторъ относится, впрочемъ, весьма скептически къ выставкамъ и считаетъ расходы на нихъ потерянными деньгами; но повтореніе выставокъ, несмотря на всѣ затраты, доказываетъ, что взглядъ автора не раздѣляется тѣми, кто дѣлаетъ подобныя затраты.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ
на 1885 г.

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Безъ доставки . . .	15 р. 50 к.	8 р.	4 р.
Съ доставкою . . .	16 „ — „	9 „	5 „

	Годъ:	Полгода:	Четверть:
Съ пересылкою . .	17 „ — „	10 „	6 „
За-границей	19 „ — „	11 „	7 „

Нумеръ журнала отдѣльно, съ доставкою и пересылкою, въ Россіи — 2 р. 50 к., за-границей — 3 руб.

☛ Книжные магазины пользуются при подпискѣ обычною уступкою. ☚

ПОДПИСКА принимается — въ Петербургѣ: 1) въ Главной Конторѣ журнала „Вѣстникъ Европы" въ С.-Петербургѣ, на Вас. Остр., 2-я лин., 7, и 2) въ ея Отдѣленіи, при книжномъ магазинѣ Э. Мелье, на Невскомъ проспектѣ; — въ Москвѣ: 1) при книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнецкомъ Мосту; 2) Н. П. Карбасникова, на Моховой, д. Коха, и 3) въ Конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи. — Иногородные обращаются по почтѣ въ редакцію журнала: Спб., Галерная, 20, а лично — въ Главную Контору. Тамъ же принимаются частныя извѣщенія и ОБЪЯВЛЕНІЯ для напечатанія въ журналѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Редакція отвѣчаетъ вполнѣ за точную и своевременную доставку городскимъ подписчикамъ Главной Конторы и ея Отдѣленій, и тѣмъ изъ иногородныхъ и иностранныхъ, которые выслали подписную сумму *по почтѣ* въ Редакцію „Вѣстника Европы", въ Спб., Галерная, 20, съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ.

О перемѣнѣ адреса просятъ извѣщать своевременно и съ указаніемъ прежняго мѣстожительства; при перемѣнѣ адреса изъ городскихъ въ иногородные доплачивается 1 р. 50 к.; изъ иногородныхъ въ городскіе — 40 коп.; и изъ городскихъ или иногородныхъ въ иностранные — недостающее до вышеуказанныхъ цѣнъ по государствамъ.

Жалобы высылаются исключительно въ Редакцію, если подписка была сдѣлана въ вышеуказанныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующаго нумера журнала.

Билеты на полученіе журнала высылаются особо тѣмъ изъ иногородныхъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. СТАСЮЛЕВИЧЪ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ":
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.